Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

На правах рукописи

ЧУВАРДИН ГЕРМАН СЕРГЕЕВИЧ

Офицерский корпус российской императорской гвардии в системе военной и военно-политической элиты Российской империи 1881-1914 г. г.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант: доктор
исторических наук В.В. Зверев

Москва – 2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение **3**

Глава 1.«Военная» и «военно-политическая» элиты как объект научного анализа **37-151**

1.1.Идентификация «военной» и «военно-политической» элит: методологические подходы, постановка вопроса 37

1.2.Проблема рассмотрения «военной» и «военно-политической» элит в отечественной историографии 83

1.3.Источниковая база исследования 125

Глава 2.Военно-политический «Олимп» царской России и «элитосодержащие» институты императорской армии (1881-1914 г. г.) **152-252**

2.1. Великокняжеская среда и ее место в системе военно-политической элиты 154

2.2.Офицерский корпус Генерального штаба: социальный облик военного-«интеллектуала» 197

2.3.Военный Совет и Александровский комитет о раненых: «военная геронтократия» 230

Глава 3.Российская императорская гвардия как основная «элитогенерирующая» структура **253-426**

3.1.Императорская гвардия как институциональная среда 254

3.2.«Казачья гвардия» - основное «неконвенциональное» образование российской армии 298

3.3.Гвардейская артиллерия - новая элитогенерирующая среда 340

3.4.Гвардейские стрелки как особое «Царево войско» 404

Глава 4.Высший командный состав российской императорской гвардии в 1881-1914 г. г. **427-590**

4.1.Во главе императорской гвардии: место в. к. Владимира Александровича в военной истории России 2-й половины XIX – начала XX в. в. 428

4.2.Высший командный состав Гвардейского корпуса 482

4.3.Быт и повседневность военной и военно-политической элиты (на примере гвардейского генералитета) 541

Заключение **591-602**

Список литературы **603**

Список сокращений и условных обозначений **654**

Приложения (помещены в отдельный том)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Политические процессы последнего десятилетия убедительно демонстрируют, что, несмотря на появление в XX в. оружия массового уничтожения как инструмента сдерживания и тотального устрашения противника, война по-прежнему остаётся одним из важнейших и действенных инструментов внешней и внутренней политики отдельных государств. При этом мировое сообщество по-прежнему имеет весьма скудные возможности воздействия на войны локального характера.

Минувшие десятилетия выявили очевидное несовершенство международного права в области регулирования как международных, так и локальных, региональных и внутритерриториальных конфликтов. При этом качество войн (которые в целом характеризуются весьма размытым составом участников и сложно идентифицируемыми целями) во многом определяется не только отдельными группами политической элиты, но и военно-политическим руководством. Во главе ряда стран по-прежнему находятся представители силовых структур с соответствующим типом мышления и поведенческих реакций. Ситуация в мире серьезно осложняется в связи с резкой активизацией деятельности в последней трети XX в. частных военных компаний подобных Blackwater (Academy), Grey Stone и ряда др.[1]

Применительно к России следует отметить, что войны всегда были неотъемлемой составляющей нашей истории и оказывали серьезное влияние на становление культурного пространства и психологии народов. Современный эксперт в области общей теории войны генерал-майор А.И. Владимиров подчеркивает: «Поскольку Россия воевала всегда, то всей ее историей в нации вызван исторически обусловленный необходимостью постоянной го-

[1] См.: Коновалов И.П. Солдаты удачи и воины корпораций. История современного наемничества. Пушкино, 2015.

товности к войне мобилизационный образ жизни нации, ее менталитет и культура».[1]

Недавние события на западных границах нашей страны, Северном Кавказе, а применительно к международной политике, на Ближнем Востоке, убедительно продемонстрировали важнейшую роль искусства управления войсками, а также понимание целесообразности и объёма применения военной силы. Это актуализировало вопрос о необходимости переосмысления роли «военной элиты» (содержания, структуры, характера данного явления), ее места не только в военном сегменте социальной жизни, но и всего общества в целом. Именно качество отдельных групп «военной элиты» в сочетании с умелым политическим руководством, управлением противником и манипуляцией общественным мнением определяет успешность отдельных конфликтов.

Таким образом, изучение социальной истории «военной элиты» (в контексте «другой социальной истории») в нашей стране приобретает особое содержание и позволяет не только дать объективную оценку исторического прошлого, но и определить основные векторы военного строительства в настоящем.

На протяжении истории нашего государства им управляли различные группы «силовиков», которые можно обозначить в ареале терминологии американской «радикальной социологии» «военной» и «военно-политической элитой» («военной знатью» по Ч.-Р. Миллсу). Не является исключением из правил и советский (начиная с И.В. Сталина и до Ю.В. Андропова, советские политические лидеры имели высокие воинские звания[2], боевые награды и опыт участия в боевых действиях), и современный отрезок времени (ряд ис-

[1] Владимиров А.И. Основы общей теории войны. Теория национальной стратегии. Основы теории, практики и искусства управления государством. Часть 2. М., 2013. С.660.

[2] И.В. Сталин имел звание Генералиссимуса СССР, Н.С. Хрущёв – генерал-лейтенанта, Л.И. Брежнев – Маршала СССР, Ю.В. Андропов – генерала Армии СССР.

следователей утверждает, что на современном отрезке времени в России сложился новый тип руководства страной, именуемы «милитократией»[1]).

Именно «элитистский подход» позволяет более полно высветить существо отдельных социальных систем и микроструктур, осуществить полноценную стратификацию общества, определить посредством анализа социального пространства его основные приоритеты, позволяет создать полноценную картину исторического прошлого, в первую очередь, как системы войны (маятника «войны и мира»). Именно анализ социально-психологического портрета отдельных групп элиты высвечивает направление общественного движения, способствует рассмотрению исторического процесса как системы конкретных субъективных оценок и переживаний. В этом плане войны должны пониматься как *одна из основных движущих сил* исторического процесса. Поэтому их изучение приобретает особое значение.

Отметим, что война и система институтов, созданных для ее ведения, не тождественны. Сама по себе армия («военная сила») представляет собой сложное и во многом неоднозначное явление. С одной стороны, присутствуют группы профессионалов, выбравших войну своим ремеслом, с другой - «мирные» люди, находящиеся в стадии «незавершенной первичной социализации», которым на время доверили оружие и которые, «отслужив» («исполнив некий долг»), опять возвращаются к мирной жизни.

Образчик подобной армии мы наблюдаем в Российской империи пореформенного периода и вплоть до начала Первой мировой войны. В известной степени образец подобной армии мы наблюдаем и сейчас. Таким образом, очевидны элементы *рецепции* и, как следствие, актуализация возможности выявления аналогий и анализа степени устойчивости стереотипов.

Служба в рядах вооружённых сил не делает представителей ни той, ни другой групп «профессиональными убийцами». Таковыми их делает война. Таким образом, мы должны говорить о феномене армии «мирного» и «воен-

---

[1] См.: Крыштановская Ольга. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. Осень, 2002. № 4. С. 158-180; Крыштановская Ольга. От милитократии к меритократии? // Русский журнал. Май, 2008. С. 59-69.

ного» времени («армии мира» и «армии войны»), причем на современном этапе очевиден интерес профессиональных историков к «армии войны», что, с нашей точки зрения, не совсем правомерно. На кардинальное отличие этих социокультурных явлений применительно к началу Первой мировой войны указывал еще генерал Ф.Ф. Палицын. Он подчеркивал, что в условиях первых месяцев войны подавляющая часть русских военных начальников продолжала мыслить категориями мирного времени: в отличии от германского командования, создавшего «армию войны», в их сознании отсутствовала «мысль войны».[1] При этом в случае анализа армий «мирного времени» необходимо учитывать фактор симуляции направленности военной доктрины: «оборонительный характер» - «наступательный характер» (в случае с Российской империей эпох Александра III – Николая II мы имеем армию «мирного времени», проводящую «оборонительную» доктрину: что не могло не повлиять на поражение в кампании 1904-1905 гг.). И, как следствие, - общие механизмы финансирования отдельных военных проектов и армии в целом.

По понятным причинам агенты этих значительных по объему социальных институтов и «групп членства» («армии мира» и «армии войны»), обеспечивающих их полноценное функционирование, отличаются разными мировоззренческими установками, форматами поведения, системой ценностей. Таким образом, очевидны структуры, полностью ориентированные на ведение войны, и структуры ее «консумирующие» (создающие иллюзию «воинственности», наполненную особым языком и традициями и *«раскручивающие»* потенциального противника на мирное сосуществование).

В идеале солдат должен не умереть за Родину, а выполнить боевую задачу, выжить и продолжать «жить за Родину» (это тот самый «людской материал», который обеспечивает будущее любого государства), - только тогда он готов к войне. Следует учитывать, что в условиях стабильности система тяготеет к замкнутости и консервации сложившихся социально детерминированных конструкций, при этом постепенно начинают доминировать группы

[1] Палицын Ф.Ф. Записки. Северо-Западный фронт и Кавказ (1914-1916). Т.1. М., 2014. С. 88.

лиц с предписанным социальным статусом (возникает эффект «закрытых элит»).[1] Ряд социологов настаивает на том, что эгалитарное общество не достижимо в принципе («железный закон олигархии»). Эту идею можно экземплифицировать словами Михельса: «Большинство человечества никогда, видимо, не будет способно к самоуправлению. Даже в том случае, если когда-либо недовольным массам удастся лишить господствующий класс его власти, то [...] в среде самих масс с необходимостью появится новое организованное меньшинство, которое возьмет на себя функции господствующего класса».[2]

В свою очередь, в условиях кризиса, чаще всего знаменующегося конфликтами различного уровня, включая открытое военное противостояние, возникает острая потребность в профессионалах (при этом следует различать группы профессионалов-теоретиков и профессионалов-практиков). Сложившуюся систему начинают «размывать» новые люди с приобретаемым статусом. Таким образом, в центре исследовательского интереса (в интересующий нас исторический период) оказываются структуры «консумации войны», а по сути, переплетающиеся с высшей политической властью структуры «армии мирного времени».

Актуальность предложенной темы вытекает из очевидной идентичности современного этапа процессам, происходившим в России в рассматриваемый период. Богатая источниковая база позволяет экстраполировать структуры элиты, сложившейся в 80-е гг. XIX – нач. XX в., как на советскую социальную модель, так и на структуру современного российского социума. На этом фоне нас, очевидно, ожидают серьезные потрясения в очередной раз подпитываемые противостоянием идей «западничества» (либерализма) и славянофильства-панславизма (русская, национал-патриотическая идея). При этом особое внимание стоит уделить не столько самой власти в варианте её «топа», сколько тем группам, которые помогают этой власти власть удер-

---

[1] Р. Михельс подчеркивал: «Можно предположить, что группа, однажды овладевшая коллективными средствами власти, будет стремиться эту власть удержать» (Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии. // http://vikent.ru/enc/1970/).

[2] Там же.

жать. И решающую роль в данном случае продолжают играть военная элита и военные (и полувоенные) формирования, ею управляемые.

Целью нашего исследования является комплексное изучение «военной» и «военно-политической элиты» Российской империи, как социокультурного феномена, и определение места офицерского корпуса российской императорской гвардии (в первую очередь в формате «гвардейского генералитета», а в отдельных случаях – «старших полковников») в ней в период правления императоров Александра III – Николая II.

Поставленная цель определяет ***круг задач нашего исследования,*** *для решения которых мы предполагаем*:

1)определить общие тенденций изучения военной и военно-политической элиты в отечественной и зарубежной историографии;

2)выявить основные группы членства военной и военно-политической элиты в период правления императоров Александра III – Николая II: проанализировать их актуальное состояние и принципы стратификации;

3)изучить институциональную составляющую военно-политической и военной элиты империи: элитообразующие структуры и основные институты, сложившиеся в процессе эволюции указанных групп элиты;

4)провести комплексный анализ механизмов элитообразования применительно к эпохам Александра II - Александра III; проследить особенности процесса мутации путей элитообразования к началу Первой мировой войны;

5)определить особое место российской императорской гвардии в системе военной элиты и основных элитообразующих институтов;

6)осуществить развернутый просопографический анализ «гвардейского генералитета», определить его воздействие на пути развития военной машины российской империи;

7)проанализировать влияние деградации императорской гвардии как уникальной элитообразующей структуры на кризис политического режима и последующую его социальную трансформацию;

8.выстроить сценарии повседневности военной элиты как культурного феномена; проанализировать основные психоментальных проекций и идеологические установки военной элиты указанного отрезка времени: выявление путей эволюции, фаз и механизмов «перехода» и «надлома».

Подробный анализ ***историографии*** (в рамках заявленных проблемных полей) осуществляется в параграфе 1.2. 1-ой главы.

В формате введения необходимо отметить, что исследование военно-политической и военной Российской империи элиты следует осуществлять посредством историографического анализа процесса изучения как *всего офицерского корпуса* Российской империи, так и его отдельных групп.

Весь массив работ историографического плана был разделен на *четыре группы:* 1)работы рубежа 80-90-х гг. XIX в. – 1917 г.; 2) работы 1917 – начала 60-х гг. XX в. (с 30-х гг. - «сталинская историография»); 3) – исследования середины-конца 60-х – 1-й половины 80-х гг.; 4) исследования конца 80-х гг. XX в. – начала 2-го десятилетия XXI в.).

Для *первого этапа*, представленного исследованиями П.А. Режепо, Е.И. Мартынова, Н.Н. Головина, Г.И. Бобрикова, Н.Д. Бутовского, Д. Парского, А.Ф. Риттиха, Д.А. Милютина, А.П. Скугаревкого, А.Н. Куропаткина и др., характерны описательность и высокая степень субъективизма. Содержание подавляющей части аналитических работ определяется господствующей идеологией, «заговором молчания» в отношении ошибок и просчетов представителей высшей военной власти. В то же время предпринимаются первые отдельные попытки «стратификации» офицерского корпуса, приостановленные потрясениями 1914-1917 гг. Термин «элита» в указанный отрезок времени в исследованиях не используется.

На *втором* отрезке времени (работы А.М. Зайончковского, *Н.А. Левицкого,* А.Л. Сидорова, И.Ф. Гиндина, В.И. Бовыкина, В.В. Бритова, Н.Т. Силина, А. Шакулы, С.И. Гусева, Н.И. Шатагина, И.М. Волкова, Ю.П. Петрова, Н. Антропова и др.) степень политизации исторической науки, детерминированной догматическими установками *«Краткого курса истории ВКП(б)»,* до-

стигает наивысшего градуса, что приводит к невозможности создания объективной модели построения исторического прошлого нашей страны. Офицерский корпус императорской армии рассматривается как социально однородное явление, выступающий мощным сдерживающим фактором на пути «общественно-исторического прогресса».

Исследования *третьей группы,* представленные трудами *П.А. Зайончковского*, А.Г. Кавтарадзе, Л.Е. Шепелева, А.И. Сорокина, Г.П. Мещерякова, К.Ф. Шацилло, Ю.Б. Соловьева, *Л.Г. Бескровного*, *В.А. Золотарева и др.,* отличаются большей степенью свободы в трактовках отдельных проблемных полей и относительным разнообразием методологических решений (в границах марксистской парадигмы), в том числе и определёнными заимствованиями (в рамках критического переосмысления) из отдельных зарубежных исследований. В частности, прослеживается тренд, имеющий все признаки «новой социальной истории».

Серьезный шаг в области развития военной истории, как самостоятельного сегмента исторической науки, был сделан Л.Г. Бескровным и П.А. Зайончковским. При этом Зайончковский предпринял беспрецедентную для советской исторической науки попытку глубокой стратификации отечественной военной машины 2-й половины XIX – нач. XX г. г. и изучения внутреннего социального пространства каждой отдельной страты. Термин «военная элита» и связанная с ним институциональная составляющая сознательно обходились стороной в силу неприемлемости «элитизма» как исследовательского подхода для марксистской научной парадигмы.

При рассмотрении *четвертой группы* исследований[1] нами была выявлена тенденция на последовательный переход от макроисторического анализа социальных и институциональных явлений, связанного с единственно возможным марксистско-ленинским основанием исследовательской парадигмы, к комплексному анализу всего многообразия визуализации исторического

[1] Анализ значительного по объему и жанровому многообразию работ этого периода дается в соответствующем разделе 1-ой главы.

прошлого. Данный переход обозначился к концу 1990-х гг., когда произошел окончательный слом «старой» исследовательской парадигмы. Он оказался связан с введением в научный обиход новых групп источников, активной разработкой наследия русского зарубежья (в первую очередь, «военной эмиграции»), а также модернизацией методологического основания исторической науки за счет преодоления разрыва между российским и мировым научными сообществами.

В «постсоветской» исторической науке постепенно оформляется устойчивая тенденция, связанная с изучением социального и институционального пространства российской армии и ее офицерского корпуса. Обозначилось множество концептуальных подходов к отдельным аспектам изучения российского офицерства, его места в русском социуме, его «войны и мира». Особой темой стали реконструкция и создание моделей мировоззрения и ментальных переживаний представителей данной социальной группы. Обозначается набор проблем, связанных с рассмотрением отдельных социальных категорий внутри армии как военной элиты.

При этом в подавляющей части исследований военная элита не рассматривалась как система. Отдельные категории и корпорации изучались фрагментарно, как дискретные образования. Тема изучения военно-политической элиты и ее стратификации как объекта «социальной истории» практически не поднималась.

Таким образом, анализ *степени разработанности темы* позволяет утверждать, что подавляющая часть современных исследований оставляет обозначенный в данном исследовании круг проблем слабоизученным.

Сложившаяся ситуация во многом обусловлена сложностью ее комплексного решения. Вплоть до сегодняшнего дня рассмотрение высших слоев российской военной машины, как «военной-политической» и «военной» элиты, вызывает острые споры историков. Как следствие - изучение отдельных сегментов отечественной военной элиты дореволюционного периода: военных чиновников, отдельных групп генералитета (в том числе «высше-

го»), корпорации офицеров ГШ - носит незавершенный характер. По отдельным направлениям, в частности, связанным с изучением офицерского корпуса императорской гвардии и его существенным влиянием на процессы, происходящие в российской военной машине во 2-й половине XIX – нач. XX вв., исследования практически не ведутся.

Данное исследование опирается на *значительный массив источников*, подробный анализ которых дается в параграфе 1.3. 1-ой главы.

В работе были использованы неопубликованные документы из фондов архивов:

- Российский государственный военно-исторический архив (Ф.400, Ф.970, Ф.2000, Ф.2577, Ф.2581, Ф.2583, Ф.2584, Ф.2587, Ф.2588, Ф.3543, Ф.3544, Ф.3549, Ф.3551, Ф.3552, Ф.3591, Ф.3610, Ф.3611, Ф.3612, Ф.3671, Ф.3672);
- Государственный архив Российской Федерации (Ф.601, Ф.642, Ф.644, Ф.646, Ф.648, Ф.649, Ф.650, Ф.652, Ф.660, Ф.668, Ф.677, Ф.682, Ф.5853);
- Российского государственного исторического архива (Ф.472, Ф.515, Ф.525, Ф.528, Ф.677, Ф.878, Ф.906, Ф.922, Ф.1012, Ф.1021, Ф.1088, Ф.1288, Ф.1339, Ф.1652, Ф.1686);
- Государственный архив Орловской области (Ф.305, Ф.525, Ф.580, Ф.593).

В диссертации были использованы массивы источников формализованного, частично формализованного и неформализованного (нарративного) характера.

Иерархическая структура использованных в процессе написания работы *источников* представлена:

- государственными законодательными актами (указанная категория документов носит формализованный характер; в данном случае речь идет об извлечениях из «Полного Собрания Законов Российской Империи», «Основных Государственных Законов» 1906 г., «Свода военных постановлений 1869 г.»; «Положение о Главном управлении Генерального Штаба», «Положение о военных училищах и кадетских корпусах», отдельных воинских уставов и ряда др. законодательных сводов);

- делопроизводственными материалами (приказы и распоряжения по отдельным ведомствам, воинским соединениям, отдельным частям и подразделениям; документы, связанные с учетом личного состава, аттестационные и послужные списки отдельных офицеров и ряд др.; важнейшее место в данной категории источников представляют документы канцелярии в. к. Владимира Александровича, проливающие свет на специфику функционирования войск Гвардии и СПб. военного округа);

- особым видом источников – справочными изданиями (частично формализованные источники; например, извлечения из «Всеподданнейших Отчетов Военного Министерства», *«Справочных книжек…» и «Памятно-справочных книжек…»* для офицеров и ряд др. документов);

- статистическими материалами (данная группа также носит частично формализованный характер: *«Военно-статистические ежегодники армии»,* массивная статистическая работа «Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения европейской России» полковника А.Ф. Риттиха, «Краткие расписания сухопутных войск» и «Общее расписание войск Отдельного Гвардейского Корпуса и причисленных к нему частей» и др.);

- периодической печатью (преимущественно специальные издания, относящиеся к военному ведомству или освещающие особенности его функционирования);

- источниками личного происхождения (источники неформализованного или нарративного характера: воспоминания, дневниковые записи (источники автокоммуникативного характера) и мемуары (источники межличностной коммуникации с неопределенным адресатом) различных категорий лиц, связанных с военным ведомством, военной и военно-политической элитой, а также личную переписку (документы межличностной коммуникации с фиксированным адресатом)).

- кроме этого использовались *источники переходного типа* (по классификации Л.Н. Пушкарева), совмещающие в себе *актовый и справочный*, а также *справочный и статистический материалы* (наибольшую ценность представ-

ляют *«Списки (по старшинству в чинах) генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чинов» отдельных гвардейских частей» (указанная группа документов позволяет составить коллективный портрет как отдельных гв. частей, так и всей гвардии в целом; значительный интерес в этом плане также представляют* «Списки Генерального Штаба»).

Анализ задействованных для написания работы документов позволяет утверждать, что для решения заявленной совокупности задач, имеется достаточный объем *разноплановых* источников.

Хронологические рамки исследования предполагают выделение периода с начала правления императора Александра III, а более конкретно - с начала смены военного руководства страной: отставки военного министра графа Д.А. Милютина и назначение нового министра генерала от инфантерии (с 1883 г.) Петра Семеновича Ванновского (назначен управляющим военным министерством 22.05.1881 г., утвержден в должности военного министра 1.01.1882 г.), начавшего осуществлять умеренный курс «военных реформ» нового периода правления. При этом «милютинская военная реформа» должна пониматься как импульс для дальнейшего движения в сторону трансформации российской военный машины. Эпоха П.С. Ванновского, в свою очередь, стала основным периодом этой трансформации, с одной стороны, деформировавшей процессы, запущенные Д.А. Милютиным, с другой – придавшей им характер необратимой динамики. Именно при П.С. Ванновском формируется образ армии нового типа, армии «мирного времени», так как на отрезке правления императора Александра III, 1881-1894 г., Россия не принимала участие ни в одном крупном военном конфликте. Следует отметить, что вектор реформ, заданный Милютиным-Ванновским, подвергся определенной коррекции в деятельности военных министров эпохи Николая II: Куропаткина, Сахарова, Редигера и Сухомлинова (речь идет о министрах довоенного периода), но в то же время, если пристально реконструировать эволюцию понимания термина «военная элита», то можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что именно в указанных хронологических рам-

ках мы можем говорить собственно об «элите» (индикатором появления которой, по меньшей мере, является оформление ощутимого слоя меритократии), потому что до этого речь шла преимущественно о «военной аристократии». И именно «военная аристократия», как комплексное явление, являлась основным индикатором феодализма в России.

Верхним хронологическим порогом нашего исследование становится начало Первой мировой войны, при этом мы отслеживаем события боевых действий первых месяцев войны для выявления способности «армии мирного» времени и сформировавшейся в ее формате военно-политической элиты реагировать на вызовы истории. Таким образом, верхний порог можно обозначить, как осень 1914 г. Важное место в заявленном хронологическом формате занимает трансформация, а скорее *«мутация»* структур управления русской армией. С нашей точки зрения, данный термин («мутация») наиболее четко объясняет процессы, происходившие в военно-политическом руководстве страны, которое упорно не желало двигаться в «ногу со временем», а стремилось сохранить максимум привилегий, характерных для предыдущих эпох. Таким образом, указанный отрезок времени при всем его мирном характере превращается в поле битвы «военной аристократии» с стремительно нарождающейся «военной меритократией».

Указанные хронологические рамки обусловлены еще и с тем, что после франко-прусской войны и образования Германской империи (1871 г.) военная доктрина российской армии начинает пусть и поэтапно, но все-таки поступательно трансформироваться. С началом правления «неистового Вильгельма» (с 1888 г.) все более очевидным становится то, что Германия превращается в основного потенциального противника России (в формате сближения геополитических интересов австрийских Габсбургов и германских Гогенцоллернов). Что в свою очередь получает отражение и в очевидных антигерманских настроениях, характерных как для императора Александра III и его окружения, так и в мировоззренческих проекциях передовой части русской интеллигенции. В то же время отечественный генералитет в основной

своей массе к смене военно-политической доктрины относился вяло (подавляющей части генералов было безразлично, с кем воевать, они были как император), хотя в его среде были яркие германофобы, подобные генералу М.Д. Скобелеву, но к рассматриваемому нами отрезку времени генерал уже умер (25.06.1882 г.). И в этом плане крайне интересно проследить «пробуждение от спячки» сначала отдельных представителей военно-политической элиты, а затем и подавляющей ее части.

Объектом исследования является военно-политическая и военная элиты Российской империи (речь идет об армии «мирного времени»), при этом в качестве самостоятельного сегмента выделяется офицерский корпус и, в первую очередь, генералитет российской императорской гвардии («гвардейский генералитет»).

Предметом исследования выступает социокультурная среда, порождаемая представителями данной группы. Внимание акцентируется на процессах и механизмах элитообразования, внутрикорпоративных процессах и процедурах взаимодействия между различными группами элит, механизмах мутации элит, мировоззренческой и психоментальной организации. При этом осуществляется обращение (апелляция) к опыту и исследовательским техникам (технологиям), накопленным и разработанным в формате исследовательских практик социальной и «другой социальной» истории. В этом плане следует особо остановиться на общей методологии проведенной исследовательской работы.

Методологическое основание работы. В основание методологии работы положена совокупность методических приемов и принципов, характерных для актуального состояния отечественной исторической науки. При этом основу методологического поля составляют базовые общенаучные принципы, типичные для подавляющей части социогуманитарных дисциплин, а именно: принципы объективности, историзма, исторического детерминизма и системности, исключающие влияние личных пристрастий и субъективных переживаний при построении общей системы выводов исследования. При

этом важное значение приобретает выявление закономерностей, аналитический характер исследования и, как следствие, отказ от описательности.

Для полноты раскрытия всех проблемных полей, образующих целостное исследовательское пространство и позволяющих осуществить полноценный комплексный анализ заявленной совокупности проблем, в диссертации использована система специально-исторических методик, представленных, в первую очередь, проблемно-хронологическим, историко-генетическим и историко-типологическим методами.

В то же время исследование очевидно выходит за границы «старой» социальной истории и развивается в сторону социокультурной парадигмы, характерной для значительной части современных исторических, а также смежных по объекту и методологическим приемам научных разработок. Это порождает необходимость использования отдельных приемов, характерных для «постистории» как ответа на ее постмодернистическую трансформацию. В частности, в области количественного и качественного анализа ними были использованы методы просопографии (научного тренда, обозначившегося в начале 90-х гг. XX в.), направленные на создание баз данных отдельных групп «военно-политической» и «военной» элит с целью последующего построения их «коллективного портрета».

Анализ значительного массива источников личного происхождения потребовал привлечения приемов современной семиотики, контент- и дискурс-анализа, «обоснованной теории». В исследовании также эксплуатировались методические приемы, характерные для жанров «другой социальной истории»[1], «новой биографии»[2], «микроистории» (и отдельного формата «культуры повседневности»), отдельных течений «исторической» и «военной психологии» (приемы, характерные для «реконструкции» и построения «моделей

[1] См., например: Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографические практики. М., 2011. С. 78-118.
[2] Там же. С.287-324; Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 262-267; Нечаева Е.С. Биографический метод как способ изучения повседневности. // Общество: социология, психология, педагогика. 2012. №2. С. 71-78.

ментальности», опирающиеся на научные разработки третьей и четвертой волн школы «Новых анналов»).

Диссертационное исследование ориентировано на междисциплинарный подход. Как следствие в методический аппарат были инкорпорированы отдельные приемы характерные для жанра «социологии политики», «социологии войны», «современной социометрии». В указанном формате активно использовался выборочный метод, метод комплексного анализа генеральной совокупности, компаративный подход.

В исследовании также применялись отдельные извлечения из различных течений элитологии (связанных с анализом военных элит) как самодостаточного тренда в системе современной социологии и политологии. В частности использовались методологические приемы, характерные для «радикальной социологии» Ч.-Р. Миллса, одной из основных и по своему уникальных теорий, полноценно разрабатывающих в отличие от ранних элитологических проектов (теорий В. Паретто, Г. Моска, Р.Михельса и ряда др., на которые ссылается подавляющая часть современных исследователей военной элиты) самостоятельную теорию «военной элиты» в формате общей стратификации американского общества.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественной науке осуществлена относительно полная стратификация военно-политической элиты Российской империи (с определением индекса социальной позиции и системы иерархии) в период правления императора Александра III – Николая II. В работе даётся авторская интерпретация таких явлений, как военная и военно-политическая элиты, выявляется их социокультурное пограничье, детально прослеживаются процессы их социальной мутации. Исследование опирается на оригинальные (авторские), значительные по информационному объему базы данных, составленных в рамках просопографического метода.

Впервые выявлен комплекс оригинальных неопубликованных источников по заявленной исследовательской теме. Предпринята их систематизация и проведена экспертиза их пертинентности.

Кроме этого, в научный оборот был возвращен массив дореволюционных исследований (преимущественно принадлежавших военным историкам и аналитикам), затрагивающих отдельные аспекты исследования. Автор работы стремиться доказать, что ряд проблем, которые обозначались в современной исторической науке как «малоисследованные» или «ранее не затрагиваемые», активно рассматривались и изучались отдельными группами дореволюционных ученых.

Впервые предпринимается демаркация заявленных социальных совокупностей на военную и военно-политическую элиту. Впервые эти явления рассматриваются в ареале анализа феномена армии «мирного времени». Изучены ранее практически не затрагивающиеся вопросы элитообразования, выделены главные элитообразующие структуры. В рамках оригинальной авторской методики были проанализированы процессы социализации представителей основных групп членства указанных статистических совокупностей. Выявлена система стереотипов и основных поведенческих кодов.

Кроме этого, впервые был проведен оригинальный развернутый анализ корпоративных и матримониальных связей между отдельными представителями рассматриваемых социальных групп. Изучены особенности повседневности в форматах типичного и атипичного (а зачастую, и девиантного) поведения. Также впервые анализируется пространство переживаний и особенности мировоззренческих установок.

Наконец, особое место в работе занимает анализ офицерского корпуса императорской гвардии как целостного явления (в формате Гвардейского корпуса), до этого не проводимый в отечественных исторических исследованиях. При этом гвардия рассматривается как динамично развивающееся явление, во многом детерминированное общим характером эволюции государственной власти и тесно связанное с высшими стратами политического бо-

монда империи. Впервые особое внимание уделяется неконвенциональным гвардейским образованиям, формируемым либо под воздействием эволюции военной машины, либо как своеобразной формы защиты от вероятных опасностей отдельным властным группам.

Научно-практическая значимость исследования состоит в том, что накопленный объем информации, а также результаты исследования могут быть использованы в разработке и чтении курсов по отечественной и зарубежной истории XIX – нач. XX в. в. в рамках ее отдельных составляющих и жанров: военной и социальной истории, истории повседневности, исторической антропологии, а также специализированных курсов, затрагивающих механизмы реконструкции социального пространства власти и отдельных групп элит, формирующих это явление.

Методологические подходы и общая методика исследования, разработанная и освоенная в диссертации, могут быть использованы в дальнейшем при изучении проблематики, соприкасающейся с тематическими полями данной диссертации.

На защиту выносятся следующие ключевые положения исследования:

1.В ходе проведенного анализа из *элитологии* как целостного научного явления был выделен сегмент аналитических исследований, связанный с изучением феномена военной элиты, при этом нами были выявлены границы и компоненты данного явления, определены основные подходы к ее изучению.

В соответствии с разработанной нами классификацией мы определили *макро-* и *микроуровни* военной элиты. Было выявлено, что на макроуровне военная элита Российской империи смыкается с политической элитой и фактически составляет с ней одно целое, что является данью предыдущих эпох, когда комплектование офицерского корпуса носило очевидный аристократический характер. Таким образом, важнейшим компонентом военной элиты даже в начале XX в. оставалась военно-политическая элита или э*лита по происхождению* (которую мы можем интерпретировать как военную аристо-

кратию, включающую в себя: великокняжескую корпорацию (политическая власть), представителей отдельных аристократических кланов, а также детей отдельных групп генералов, получивших образование в Пажеском корпусе[1] (*далее по тексту* – ПК). Как следствие нами было предпринято исследование топа военно-политической элиты в лице Верховных вождей (особое внимание уделялось императорам Александру III и Николаю II, цесаревичам в. к. Михаилу Александровичу и Алексею Николаевичу) и великих князей (юридически-правовой аспект, система традиций и «властных инсценировок»). Мы пришли к выводу: несмотря на серьезные изменения, произошедшие в военной машине Российской империи, данная группа сохранила свою микрокультурную аутентичность.

В диссертационном исследовании показано, что основным институциональным аккумулятором карьерного продвижения представителей являлись отдельные полки императорской гвардии. При этом нужно говорить по меньшей мере о двух форматах сопричастности: шефстве над гвардейскими полками и непосредственной службе (а скорее «времяпребывании») в них.

Второй уровень военной элиты, собственно «военная элита», был представлен *тремя подгруппами*:

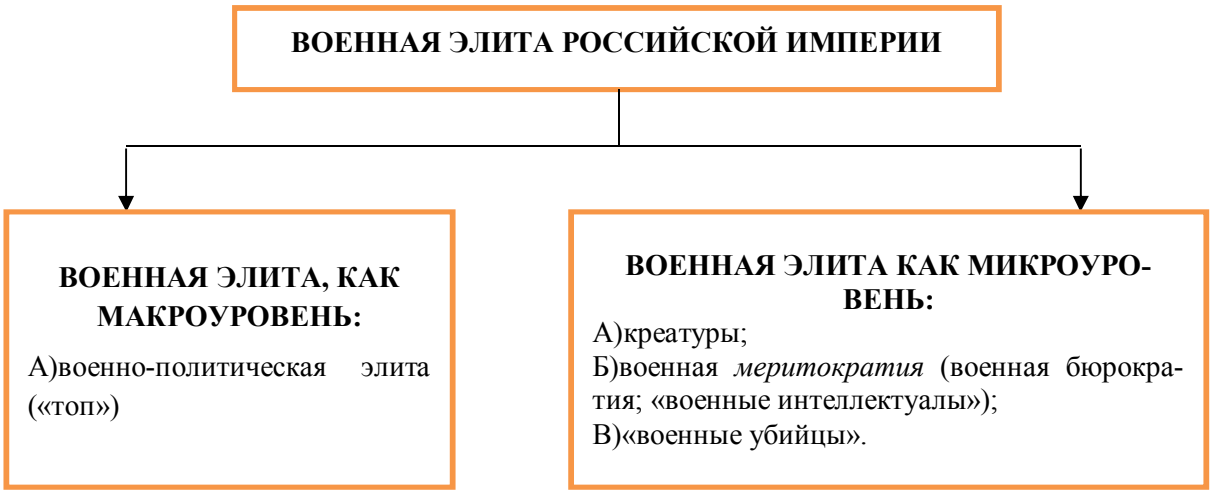
а)во-первых, это многочисленные *креатуры*, добившиеся своего положения благодаря связям с топом военно-политической и политической элиты;

б)во-вторых, это интенсивно нарождающаяся с 80-х г. г. XIX в. *меритократическая элита*, в среде которой нами был выявлен слой военных чиновников (военная бюрократия) и слой «военных интеллектуалов» (офицеры Генерального штаба (*далее по тексту* – ГШ));

в)наконец, еще одну группу составил слой *«военных убийц»*, группа, получившая признание, благодаря непосредственному участию в боевых действиях (в данном случае мы можем говорить в том числе и об армейских офицерах, выслужившихся в генералы, благодаря военным заслугам) (см. схему 1).

[1] Дети генералитета, предопределенные для того, чтобы стать генералами.

Схема № 1



2.В диссертационном исследовании была выделена и подвергнута всестороннему анализу группа «псевдоэлиты»[1], занимавшая весомое (а скорее «особое») место в российской военной машине (и имеющая значительный объем преференций в виде различных выплат), но реальной власти и возможности влияния на принимающиеся решения не имевшая.

3.Был сделан вывод о том, что радикальной трансформации не произошло и в «военной элите». Как следствие в России так и не удалось создать корпорацию «военной меритократии» в чистом виде (что являлось следствием отказа от «либерального проекта»), что не могло не сказаться на качестве ведения войны. Правомерность данного утверждения очевидно продемонстрировала русско-японская и Первая мировая войны.

Более того, столкновение двух взаимоисключающих друг друга механизмов рекрутирования отдельных групп элит не могло не породить конфликта между их представителями, ставшего на долгие годы серьезным тормозом на пути создания полноценной высокоэффективной армии. Как следствие нами были обозначены и проиндексированы особенности противостояния отдельных групп собственно военной элиты и воздействие этого противостояния на политическую историю империи рассматриваемого периода.

[1] Данная группа была представлена военной геронтократией (членами АКР, генералами, входившими в ГС, а до начала XX в. – в ВС), офицерами Свиты Е.И.В. и частью генштабистов.

Можно сделать заключение, что в основной своей массе группы военной элиты заполнялись представителями различных групп генералитета. При этом следует учитывать, что сам по себе генералитет не представлял из себя *гомогенной среды* и не являлся целостной корпорацией (при этом были выявлены особые подкасты: «гвардейских генералов», «боевых генералов», «генералов-царедворцев»). В свою очередь, в отдельных группах военной элиты встречались не только генералы, но и полковники (и даже офицеры в меньших воинских званиях), а также так называемые «штатские генералы».

4.Был сделан вывод, что в результате проведенного под руководством военного министра графа Д.А. Милютина комплекса военных реформ в Российской империи образовалась армия нового типа, офицерский корпус которой предполагалось комплектовать в соответствии с новыми меритократическими принципами. Это привело к очевидному противоречию, порождаемому желанием военно-политической элиты империи, представленной в основном массиве членами мужской линии правящей династии и окружающими её выходцами из отдельных аристократических групп, сохранить весь комплекс принадлежащих им привилегий (в данном случае стоит подчеркнуть, что численность дворянства, из среды которого в основной своей массе рекрутировались офицеры, заполнявшие отдельные страты военной элиты империи, не превышала 2% от численности всех остальных сословий; в данном случае, если брать усредненные показатели по группе титулованных представителей среди отдельных групп генералитета, а по понятным причинам слой аристократии составляло не только титулованное дворянство, то на 1902 г. в группу генералов с титулом входил всего 71 чел. или 0,8% от всего генералитета[1]).

В свою очередь, период нахождения во главе военного ведомства генерала П.С. Ванновского условно можно назвать «компромиссным», так как генерал, несмотря на «ограниченные», во многом «косметические реформы», сделал все возможное, чтобы сохранить в первую очередь круг привилегий,

[1] Режепо П. Офицерский вопрос в начале XX века. // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. / Российский военный сборник. Выпуск 17. М., 2000. С. 106.

характерных для военной элиты (эпоха контрреформ получила свое отражение и в торможении «военной реформы» - примечательно, что уже в первый год после своего назначения генерал столкнулся с серьезным сокращением бюджета военного министерства). Примечательно, что, характеризуя эпоху Ванновского, дореволюционные эксперты отмечали, что в течение 17 лет он решился «лишь на некоторые частичные преобразования».

В то же время можно утверждать, что при Ванновском происходит трансформация отечественной военный машины в новый тип армии, который мы можем обозначить, как «армия мирного времени» (что в целом было связано с политической линией Александра III), что, в свою очередь, не могло не сказаться на особенностях как боевой подготовки, так и психологии ее военного руководства (в этом плане генерал А. Скугаревский подчеркивал, что начальники этого периода «[…] хорошо знали службу, но службу мирную, показную, имевшую мало общего с настоящим боевым делом. В военном отношении такая категория начальников была мало образована»[1]).

Дальнейшая трансформация армии указанного типа прослеживается только с 10-х г. г. XX в. При этом процесс этой трансформации шел крайне медленно. В то же время армия в «новом формате» к 90-м г. г. XIX в. раскололась на армию для «элиты», комплектуемую по аристократическим принципам, и армию для «простых смертных» («серой скотинки»), которая и начинает заполняться по меритократической схеме.

5.Кроме этого, нами было определено, что важное место в понимании феномена военной элиты также играет процесс элитообразования. Что, в свою очередь, обусловлено тем, что в отечественной исторической науке военная элита воспринималась как данность (стратификация элиты и процесс ее мутации практически не исследовались).

6.В исследовании доказывается, что решающее место в процессе элитообразования по-прежнему играла императорская гвардия, как следствие именно

[1] Скугаревский А. Очерки и заметки. // О долге и чести воинской в российской армии: собрание документов, материалов и статей. / Составитель Ю.А. Галушко, А.А. Колесников; под ред. В.Н. Лобова. 2-е изд. М., 1991.

офицеры гвардейского корпуса составляли «уникальную» элитообразующую структуру указанного периода времени. Был сделан вывод, что, несмотря на серьезные изменения произошедшие в военной машине Российской империи рассматриваемого отрезка времени, основные структуры элитообразования (гвардия и ПК) остаются неизменными (сохраняют свою аутентичность). Безусловно, набирают некоторый вес Николаевская академия ГШ (*далее по тексту* - НАГШ) и Михайловская артиллерийская академия (*далее по тексту* - МАА), но этот процесс идет крайне медленно и периодически подвергается торможению.

Только после русско-японской войны, когда прослеживается процесс окончательного размывания офицерского корпуса (значительная часть довоенной элиты, включая наиболее маститых генералов, была дискредитирована), гвардия перестает играть исключительную роль, но и офицеры ГШ (главные конкуренты гвардии в системе военной элиты) не выбиваются в исключительные фавориты. Как следствие наступает межвременье (ГШ получает дополнительный вес благодаря покровительству в. к. Николая Николаевича). Тем более что в России по-прежнему сохраняется группа аристократии, максимально приближенная к престолу, для которой обычные правила игры были не писаны: в России сохраняется система «салонов», появляется и стремительно развивается система «зарытых клубов» (в первую очередь Яхт-Клуб; некоторое подобие «закрытых клубов» напоминают офицерские собрания гвардейских полков, в которых «сильные мира сего» были завсегдатаями), через которые отпрыски знатных родов перетекали в наиболее элитные структуры империи. При этом указанные процессы вызывали раздражение как «разночинной группы» (в офицерском корпусе отчетливо прослеживается группа недворян, проникающих в него через юнкерские училища), так и плутократии.

По понятным причинам, частично потеряв лидирующие позиции в области безраздельного владения ресурсами/«богатством» (появление нуворишей на волне рыночной модернизации) и заигрывая с либеральными силами,

аристократия (самодержавие) пыталась сохранить главный ресурс господства - *власть*, которая после революции 1905-1907 гг. (на самом деле начиная с эпохи Николая I) рассматривалась исключительно как военный фактор.

7.С другой стороны, нами было отмечено, что в процессе элитообразования появилось промежуточное звено, ГШ, который к указанному отрезку времени приобрел значительный вес и авторитет. При этом рассуждение на тему высокого интеллектуального уровня офицеров ГШ рубежа XIX – нач. XX в. в. кажутся весьма сомнительными. Нами было установлено, что подавляющая часть источников указанного отрезка времени демонстрирует, что знания, получаемые офицерами ГШ имели поверхностный, бессистемный, а зачастую и устаревший характер. При этом следует отметить, что подавляющая часть офицеров ГШ даже не имела опыта работы «в поле».

Подобного рода перерождение мы наблюдаем в Российской императорской гвардии[1], которая после окончания войны 1877-1878 г. г. не принимала участия в боевых действиях. В результате и офицеры ГШ, и высший генералитет Российской императорской гвардии, который также был вынужден получать образование в НАГШ, не имели полноценного боевого опыта и отличались только тем, что «чистые генштабисты» не имели опыта «работы в поле вообще», а гвардейские генералы хоть и командовали гвардейскими частями и соединениями, но это командование зачастую носило характер «симуляции».

Исследование показало, что генералы уровня командира дивизии выполняли свои обязанности крайне поверхностно, зачастую перелагая «рутину» повседневной службы на своих начальников штабов или заместителей. Генералы уровня командиров бригад вообще не понимали, в чем состоят их обязанности.

Примечательно, что и командиры полков в основной своей массе игнорировали «строй». В свою очередь, учения на картах, спорадические маневры

[1] Это выходцы из указанных структур (ГШ и гвардии), замещавшие в эпоху Александра III командные должности. С началом войны, именно они должны были повести за собой солдат в бой.

и Красносельские лагеря (с их визитной карточкой – «Дудергофской тактикой») давали весьма сомнительное и поверхностное представление о перспективах новой войны. В целом генералы начала XX в. желали «досидеть свой срок» (а по возможности умереть «на посту»: нами были выявлены случаи и представлена статистика, что представители высшего генералитета умирали на заседаниях Военного Совета (далее по тексту - ВС) и Александровского комитета раненных (или – в должности членов ВС и Александровского комитета раненных (*далее по тексту* – АКР)), предоставив право реформировать «армию будущего» молодым. При этом идущие им на смену «молодые» к тому времени уже были в серьезном возрасте и реформировать уже ничего не хотели.

Перерождение «коренного» гвардейского генералитета косвенно подтверждается появлением в гвардии (в основном после русско-японской войны) генералов «со стороны», что было связано с «реформами» Совета Государственной обороны (*далее по тексту* – СГО), имеющих опыт ведения современной войны (наиболее показательный пример - генерал Линевич). Представители данной группы серьезно контрастировали с генералами-«коренными» гвардейцами. Отдельные гвардейские офицеры после поражения в Манчжурии очнулись от «спячки» и стали что-то менять. В данном случае показателен пример П.П. Скоропадского, серьезно «подтянувшего» перед войной л.-гв. Конный полк. Примечательно, что в целом правильно понимавший недостатки российской военный машины в. к. Николай Николаевич младший, также не смог перенастроить русскую армию из-за отсутствия опыта работы в «поле». Нами было показано, что все попытки «перезагрузки» российской военной машины, предпринятые СГО, закончились полным фиаско, причиной которого была не только несогласованность действий его членов, но и их очевидная некомпетентность.

8.Важной составляющей данного исследования стал анализ гвардии как отдельного институционного пространства. В качестве самостоятельного сегмента исследования рассматривался ее офицерский корпус: была проведена

стратификация и определена иерархия ее частей и подразделений, проанализированы особенности социального состава ее офицерского корпуса.

Анализ офицерского корпуса императорской гвардии как главного института элитообразования позволяет говорить, что изменения произошедшие благодаря милютинским преобразованиям, практически не затронули данный сегмент российской армии. Гвардия в формате своих наиболее престижных частей, - в первую очередь речь идет о гвардейской кавалерии (по понятным причинам к эпохе правления Александра III деление гвардии на старую и молодую утратило свою актуальность), по-прежнему оставалась «аристократическим оазисом», служба в котором открывала путь представителям *«высших эшелонов власти» в «высшие эшелоны власти»*, что позволяет утверждать, что военная элита империи по-прежнему имела закрытый характер. Как следствие, карьерных рост определялся происхождением (отчасти заслугами предков) и степенью близости к престолу.

В то же время после русско-японской войны в гвардию была переведена незначительная группа «боевых офицеров» из армейских частей, что в целом существенного влияния на микрокультурное пространство не оказало.

Проведенный анализ генералитета причисленного к ГШ в предвоенный период, позволяет утверждать, что почти 60% представителей указанной группы вышло из гвардии (попасть в гвардейский полк, в силу особого механизма «селекции» потенциальных кандидатов, чтобы потом выйти в ГШ, было достаточно сложно). Очевидно то, что гвардейскому офицеру было значительно легче поступить в НАГШ и окончить ее по 1-му разряду (как следствие, быть причисленному к ГШ). Следует обратить внимание на еще одну особенность. Ряд генералов числился одновременно и в списках ГШ и в гвардии, но в данном случае каждый конкретный прецедент нуждается в особом рассмотрении.

9.Особое внимание было сосредоточено на фигурах командующих войсками Гвардии и Гвардейского корпуса. Было отмечено особое влияние великого князя Владимира Александровича на поддержание гвардейских традиций и

устойчивого характера гвардейской институциональной морфологии. Со смертью великого князя закончился «петровский» период русской истории и началось сползание империи в пропасть грядущей катастрофы. Его преемник, в. к. Николай Николаевич младший, получивший «за глаза» прозвище «лукавый» был сторонником различного рода экспериментов, спровоцировавших хаос и серьезно затормозивших модернизацию военной машины. Последний предвоенный военный министр также не отличался выдающимися качествами.

10.В процессе исследования был выявлен традиционный компонент Гвардейского корпуса (*далее по тексту* – ГК), а также неконвенциональные образования в ее составе. Правомерен вывод о резком возрастании значимости неконвенциональных образований (казачьих частей: л.-гв. Казачьего, л.-гв. Атаманского и л.-гв. Сводного казачьего полков, конной и полевой артиллерии), что было обусловлено изменением характера войны. Был сделан вывод о том, что удельный вес высших командных должностей, замещаемых офицерами этих образований, резко возрос, что косвенно указывало (применительно к артиллерии) на рост значимости военных знаний.

Кроме этого, анализу подверглись стрелковые части гвардии. Как следствие, удалось определить особое место офицеров-«гв. стрелков» в обслуживании и формировании групп военной элиты, максимально приближенной к престолу.

11.Было выявлено, что военная элита имела хоть и интернациональный, но очевидно русифицированный характер (определенной процент иноземцев, а также «своих» немцев: из «остзейских баронов» и шведской аристократии с территории Великого княжества Финляндского, к указанному отрезку времени прошел через процедуру ресоциализации посредством «прививки православия»). Процент протестантов среди генералитета был не столь высок, а процент мусульман был ничтожен.

12.В отдельном разделе нашего исследования доказано, что в основной своей массе представители военной элиты вели специфический и в целом праздный

образ жизни, который составляли: охота, различные коммерческие игры, ресторанная жизнь, посещение элитных клубов, путешествия (заграничные курорты), женщины и т.п. Для представителей военно-политической элиты в основной их массе (безусловно, были отдельные исключения из правил) было характерно полное отсутствие желания профессионального роста. Более того, мы можем говорить о нарастающей апатии к профессии военного (которую в силу сложившихся традиций представители дома Романовых выбирать были обязаны) среди представителей топа военно-политической элиты. Это было связано с определенной «социальной усталостью» и перерождением мировосприятия в сторону обычных земных радостей, порождаемых массовой культурой, ставшими продуктом «буржуазного века». Так великие князья стремились быть такими же простыми людьми, как и их окружение (это обуславливало «надлом» и постоянные «сбои» в поведенческих сценариях).

Авторы практически всех эпистолярных источников сходятся в том, что высший командный состав российской армии оказался не готов ни к русско-японской, ни к Первой мировой войне. Выявлен своеобразный парадокс. Значительная часть высшего генералитета вплоть до конца 1914 г. не желала верить в то, что в стране идет война, и продолжала жить в формате сознания «мирного времени», в том числе сохраняя выработанные за годы мирной жизни поведенческие сценарии, что вызывало раздражение армейского офицерства, а со временем переросло в ненависть и легло в основание революционных брожений. Примечательно, что даже в условиях ведения боевых действий, нами были выявлены процессы противостояния между различными группами внутри военной элиты, зачастую усугублявшие и без того тяжелую ситуацию как в стране, так и на фронтах Первой мировой войны.

Апробация работы проводилась путем чтения отдельных курсов (и спецкурсов) в формате затрагиваемых в работе научных областей, а также выступлений на международных и всероссийских конференциях. В границах отдельных проблемных полей диссертационного исследования были разработаны и озвучены тексты докладов и отдельных сообщений на 18-ти меж-

дународных и всероссийских конференциях, коллоквиумах и круглых столах, а также конференциях с международным участием. Среди которых были выделены:

1.Международная научная конференция в Библиотеке-фонде «Русское зарубежье» «Памяти конногвардейцев», посвященная Парижскому изданию «Истории Лейб-Гвардии Конного полка». 22-23 октября 2007 г.;

2.Международный коллоквиум «Русский экспедиционный корпус во Франции (1916-1920 гг.). Орел, 7-8 ноября 2007 г.;

3.Россия в мировом сообществе цивилизаций: история и современность. IV Международная практическая конференция. Пенза, 2009 г.;

4.Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. V Международная конференция, Белгород, 23-24 января 2009 г.;

5.Международная конференция «Гуманитарные науки в России XXI в.: тенденции и перспективы». Архангельск, 2009 г.;

6.Полтавская битва в контексте международных отношений в Европе в XVIII веке: историческая ретроспектива. Международная научная конференция. 22-23 мая 2009 г. Орел, 2009 г.;

7. «Булгаковские чтения». IV Международная научная конференция. Орел, 2010 г.;

8.Трансформация политической культуры: состояние и перспективы. Всероссийская научная конференция. Орел, 2010 г.;

9.Прошлое и настоящее России: рождение национальной стратегии. Всероссийская конференция «Россия между февралем и октябрем 1917: опыт, уроки, современность». Орел, 2010 г.;

10.Всероссийская конференция «Актуальные проблемы методологии отечественной истории, посвященной памяти Валерии Михайловны Селунской». Москва, 2011 г.;

11.IV Всероссийские Романовские чтения. Династия Романовых в судьбах Российских земель. Кострома, 24–25 марта 2011 года.

12. Булгаковские чтения. VI Всероссийская научная конференция с международным участием. Орел, 2012 г.;

13.«Сотрудничество институтов власти и негосударственного сектора как условие укрепления демократии». Всероссийская научная конференция с международным участием. Орел, 2012 г.;

14.«Проблемы, противоречия и перспективы развития современного государства и общества». Всероссийская научная конференции с международным участием. Орел, 2013 г.;

15. «На крутых поворотах истории: Всероссийская конференция «Актуальные проблемы методологии отечественной истории». Москва, 2013 г.;

16. Булгаковские чтения. VII Всероссийская научная конференция с международным участием. Орел, 2013.

17.Российская история в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы. Международная научно-практическая конференция. Оренбург, 13-14 мая 2014 года.

18.Региональная история Центральной России: проблемы изучения и преподавания. Всероссийская научно-практическая конференция. Коломна, 22-23 октября 2015 года.

Отдельные и основные концептуальные положения диссертации изложены в 3-х авторских и одной коллективной монографиях:

1.Чувардин Г.С. Старая гвардия [Текст] : социокультурная структура и мировоззрение офицерского корпуса «старой гвардии». // Г.С. Чувардин ; ред. О. И. Воронина ; Чувардин Г.С. - Орел : Вешние воды, 2002. - 304 с.: ил.

2.Чувардин Г.С. Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции: Монография. – Орел: издательство А. Воробьева, 2005. – 260 с.: ил.

3.Чувардин Г.С. Российская императорская гвардия в системе военной элиты Российской империи в эпоху правления императора Николая II: Монография. – Москва: издательство Московского экономико-лингвистического института, 2008. – 220 с.: ил.

4.Чувардин Г.С. Глава 4. Эстетика и культура русской армии «Императорского периода».//Культурология и эстетика: проблема, подходы, дискуссии. Монография: коллектив авторов: Маслова И.С., Сальников Е.В., Леонова И.А., Чувардин Г.С., Гончарова И.В. – Орел: ОрЮИ, 2009. С.68-110.

А также в 27-и публикациях в изданиях Перечня ВАК:

1.Чувардин Г.С. «Дух Каушена» (Офицерский корпус «тяжелой кавалерии» российской императорской гвардии в Каушенском сражении).//Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. – Выпуск 7 (63), 2008. С.356-362.

2.Чувардин Г.С. Образы военно-политической элиты Российской империи: кавалергард В.Н. Воейков.//Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. - №1. – 2009. С.181-187.

3.Чувардин Г.С. «Русский немец»: жизненная драма генерала А.А. фон-Лампе.//Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. - №3. – Орел, 2009. С.50-59.

4.Чувардин Г.С. Военные события 1914 г. в воспоминаниях и оценках офицеров «тяжелой кавалерии» российской императорской гвардии.//Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: история, политология, экономика, информатика. - №9 (64). – Выпуск 11. – 2009. С.155-163.

5.Чувардин Г.С. Барон Петр Николаевич Врангель как представитель российской военной элиты начала XX в.//Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: история России. - №1. – 2010. С.118-132.

6.Чувардин Г.С. «Немецко-шведское» дворянство в офицерском корпусе российской императорской гвардии в начале XX века.//Диалог со временем. Альманах центра интеллектуальной истории ИВИ РАН. – Выпуск 30. – Москва, 2010. С.337-352.

7.Чувардин Г.С. Роль и место «великокняжеской среды» в системе российской военно-политической элиты пореформенного периода.//Вестник Орлов-

ского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. – № 2 (10), март-апрель, 2010. С.71-80.

8.Чувардин Г.С. Гвардия Петра I в событиях Северной войны 1700-1721 гг.//Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. – № 1 (9), январь-февраль, 2010. С.102-110.

9.Чувардин Г.С. Военно-политическая элита и проблема социокультурной стратификации государственно-политического пространства Российской Империи пореформенного периода.//Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. - №3 (37). Часть 2. – Орел, 2010. С.57-63.

10.Чувардин Г.С. Пажеский Его Императорского Величества корпус как важнейший инструмент формирования военно-политической элиты Российской империи XIX – нач. XX вв.// Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. – № 3 (11), май-июнь, 2010. С.67-72.

11.Чувардин Г.С. Властная элита Российской империи в пространстве европейского геополитического коллапса в преддверии Крымской войны.//Вестник Орловского государственного университета. - № 5(13). – Орёл, 2010. С.37-43.

12.Чувардин Г.С. Военно-политическая элита и «общественная машина» Российской империи пореформенного периода.//Власть (общественный научно-политический журнал Института социологии РАН). - № 2. – Москва, 2011. С.136-142.

13.Чувардин Г.С. Великие князья как представители высшего властного уровня военно-политической элиты Российской империи пореформенного периода.//Власть (общественный научно-политический журнал Института социологии РАН). - № 3. – Москва, 2011. С.163-167.

14.Чувардин Г.С. «Гвардейский генералитет» и военно-политическая элита императорской России конца XIX – нач. XX в.//Вектор науки. Тольяттинский государственный университет. – 4(14). - Тольятти, 2011. С.114-118.

15. Чувардин Г.С. Военно-политическая элита в системе государственной власти Российской империи пореформенного периода: социокультурная среда, традиции, проблема модернизации.//Известия Государственного Смоленского университета. Ежеквартальный журнал. - № 1(13). – Смоленск, 2011. С.202-212.

16. Чувардин Г.С. Великий князь Михаил Александрович как представитель военно-политической элиты Российской империи в жизни г. Орла и Орловской губернии.//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение (ТГТУ). Вопросы теории и практики. - № 2. – Тамбов, 2011. С.121-130.

17. Чувардин Г.С. Офицерский корпус «казачьей гвардии» в системе военной элиты Российской Империи в последней трети XIX – начала XX вв.//Вестник Брянского государственного университета №2 (2012). История. Литературоведение. Языкознание. – Брянск: РИО БГУ, 2012. 311 с. С.213-217.

18. Чувардин Г.С. Генералитет «казачьей гвардии» как сегмент военно-политической элиты Российской империи 1881-914 гг.: социокультурный аспект.//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение (ТГТУ). Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. - № 5 (19). Часть 1. – Тамбов, 2012. С.202-204.

19. Чувардин Г.С. Командный состав гвардейской артиллерии в эпоху правления Николая II как сегмент военной элиты Российской империи. // Вестник Орловского государственного университета. Новые гуманитарные исследования. - №2 (31). – Орел, 2013. С.64-69.

20. Чувардин Г.С. Гвардейская артиллерия в системе военной элиты Российской императорской армии в эпоху Николая II. // Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. - № 4 (54). – Орел, 2013. С.95-102.

21. Чувардин Г.С. Великий князь Михаил Александрович как офицер Гвардейской конноартиллерийской бригады: микроисторическая реконструкция

сценариев повседневности.//Вестник Орловского государственного университета. - № 3(38). – Орёл, 2014. С.80-84.

22.Чувардин Г.С. Александровский комитет о раненых как геронтократический компонент военной элиты Российской империи начала XX века. // Ученые записки Орловского государственного университета. - №1(57) – Орел, 2014. С.41-45.

23.Чувардин Г.С. Командиры гвардейских кавалерийских дивизий как элемент топа военно-политической элиты императорской России Александра III – Николая II. // Ученые записки Орловского государственного университета. - №2 (58) – Орел, 2014. С.18-23.

24.Чувардин Г.С. Социокультурное пространство офицерского корпуса Гвардейской стрелковой бригады в эпоху правления императора Николая II. // Ученые записки Орловского государственного университета. - № 1(64). – Орел, 2015. С.45-49.

25.Чувардин Г.С. Психоментальные проекции и особенности мировоззрения военно-политической элиты Российской империи конца XIX – нач. XX в. // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. – № 2 (февраль). - Москва, 2016. С.56-62.

26.Чувардин Г.С. «Остзейские рыцари» как военное сословие и элитообразующая среда: проблема социоидентичности и мировоззрения (1881-1914 гг.). // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. – № 3 (март). - Москва, 2016. С.64-68.

27.Чувардин Г.С. Великий князь Николай Николаевич-младший и эпоха упущенных возможностей (биографический подход). // Ученые записки Орловского государственного университета. - № 1(74). – Орел, 2017. С.69-73.

Структура исследования: диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и отдельного тома приложений.

ГЛАВА 1

«ВОЕННАЯ» И «ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ» ЭЛИТЫ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА

В данной главе проводится анализ историографии, связанной с проблемой изучения военной элиты Российской империи в рамках ее основных составляющих: офицерского корпуса русской армии как целостного образования (а также «офицерского вопроса»); отдельных групп генералитета (в рамках эволюции данной социальной категории); офицеров российской императорской гвардии.

Во втором параграфе главы анализируются основные теоретические межпредметные подходы, связанные с идентификацией понятий «военно-политическая» и «военная» элиты. Выявляется эволюция понятийного пространства, определяются основные индексы и их содержательные составляющие рассматриваемого институционального и социокультурного явления.

1.1.Проблема идентификации «военной» и «военно-политической» элиты: методологические подходы, постановка вопроса

Анализ *степени разработанности* рассматриваемой нами темы предполагает определение ее границ. В конечном итоге мы можем обозначить по меньшей мере *три* основные составляющие разрабатываемой нами проблематики:

а) проблему стратификации военной элиты Российской империи с выявлением и определением контуров ее отдельного сегмента: военно-политической элиты как трансмиссии между политической и военной элитами;

б) задачу изучения механизмов элитообразования и институтов рекрутирования элиты;

в) вопросы изучения российской императорской гвардии как главного института элитообразования до начала Первой мировой войны.

В рамках обозначенных проблемных полей нами также должна быть выделена тема изучения отдельных групп офицерского корпуса империи.

В свою очередь, было бы целесообразно определиться в множественности значений, закладываемых в термины «военная» и «военно-политическая» элита. Это обусловлено *размытостью* их понятийного содержания, что очевидно прослеживается как в отечественной исторической науке, так и современной российской системе социогуманитарного знания вообще (социология и ее отдельные подкасты, политология, культурология, экономическая теория и ряд др. научных систем).

В конечном счете мы имеем не два, а *по меньшей мере четыре* крайне сложных для однозначной трактовки смысловых содержания:

1) элита (как один из вариантов - властная элита);

2) политическая элита (в качестве варианта – «политический класс», «правящий класс»);

3) военная элита;

4) военно-политическая элита.

В то же время можно утверждать, что за последнее десятилетие с термином «элита» произошли такие же *смысловые мутации*, какие в свое время претерпел термин «ментальность» (вплоть до частичного его вымывания из научного «жаргона»). На сегодняшний день его употребление стало своеобразным mauvais ton.

Что касается анализируемой нами проблемы, то следует отметить, что подавляющая часть современных исследователей даёт свою, зачастую весьма субъективную интерпретацию военной элиты, выделяя в ее составе либо выдающихся полководцев[1], либо военных интеллектуалов – офицеров Генштаба[2], либо определенные сегменты или рода войск – гвардию, артиллерию (на

[1] См.: Португальский Р.М., Алексеев П.Д. и Рунов В.А. Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994.
[2] См.: Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо…» Запад и военная элита России (1900-1914 гг.). - М., 2001.

современном отрезке времени ВДВ, морскую пехоту, ракетные войска), либо группы высших военных чиновников, либо генералитет[1], либо *даже* отдельные воинские части.

Таким образом, единого научного подхода к интерпретации военной элиты, как целостного социального явления не существует. Думается, что её сущность в первую очередь определяется набором *традиций*, сформированных в процессе оформления вооружённых сил того или иного государства (при этом смысловое содержание указанного термина должно определятся социо-динамической составляющей развития военной машины каждого конкретного государства как основной институциональной проекции политической власти). При этом следует учитывать, что в традиционном «феодальном» (необходимо понимать, что тот и другой термин носят условный характер) обществе *военная и политическая элита представляли единое целое*, а по сути являли собой одно и то же. В частности, представители «первой волны» школы «Новых анналов» настаивали на том, что применительно к феодальному обществу элита встраивается в один ассоциативный ряд с аристократией («благородными»), появление которой французские исследователи относили к XII в.[2]

Известный французский историк *Марк Блок* (1886-1944 гг.), один из основателей школы «Новых Анналов», указывал на тождество понятий «благородный» и «свободный» (к категории «свободных» он относит тех, у кого предки не были рабами). Он настаивал на том, что благородство вначале отождествлялось со статусом представителей военного сословия – «вассалами-воинами».

В своей работе «Феодальное общество» исследователь пишет следующее: «В отличие от основной части зависимых: домашних слуг или крестьян,

---

[1] См., например, исследования С.Т. Минакова.

[2] М. Блок дает следующее определение аристократии: «Для того чтобы быть аристократом, необходимы два условия: во-первых, нужно обладать собственным юридическим статусом, который подтверждает и реализует то превосходство, на которое аристократ претендует, а во-вторых, этот статус должен существовать на протяжении долгого времени, передаваясь по праву рождения, - иной раз он может переходить и к другим семьям, но в строго ограниченном кругу и по строго определенным правилам» (Блок Марк. Феодальное общество. М., 2003. С. 277).

верность вассалов-воинов не передавалась по наследству, и их служба была совместима с самым придирчивым пониманием свободы; среди всех «людей сеньора» они были его «вольные люди», и их феоды, как мы знаем, были помещены выше всех и заслужили название «вольных феодов». И поскольку в пестром окружении сеньора роль вооруженной свиты и советчиков господина была почетной, вассалы воспринимались как аристократы, поэтому их и отличали от остальной толпы, именуя высоким титулом «благородных»». Со временем «вассалы-воины» стали неотъемлемой составляющей властного класса. При этом они приобретают определенный вес и в имущественном отношении. В то же время единственно возможным поприщем для них, обусловливающим постоянство пребывания в данной социальной группе, остается исключительность военной службы. Эта исключительность обусловливается еще и тем, что со временем технологии войны (даже для средневекового общества) усложняются, а оружие становится все более дорогим, что исключает из войны слой «бедных».[1]

Кроме этого, формируется и особый эффект «аристократического» образа жизни и психологии воина (психологии человека, для которого убийство людей является обыденной составляющей профессии). Важнейшей составляющей этой психологии М. Блок называет «аристократическую гордость», «мужество и отвагу», «доблесть», опирающиеся на жизненное кредо: «Лучше погибнуть, чем быть побежденным».

Со временем происходит трансформация «благородных по факту» в «благородных по праву» и инструментом этого перехода становится рыцарство (этот процесс М. Блок относит к XIII-XIV вв.). Именно потомки рыцарей со временем превращаются в благородное сословие «по праву рождения» и наполняют аристократию как форму власти вплоть до ее «вырождения» в условиях наступления «буржуазного века». Интересно обратить внимание на коллективный психологический портрет средневекового рыцаря, созданный французским историком, так как в нем без труда угадываются черты «выро-

[1] Там же. С. 281, 285.

дившегося» аристократа второй половины XIX – нач. XX в., что вполне можно было бы считать анахронизмом, если допустить идею общественно-исторического прогресса.

М. Блок подчеркивал, что «рыцарь воспринимал войну как дело чести и отправлялся на нее, порой исполняя юридически оформленное обязательство, но чаще ради удовольствия». Война была своеобразным промыслом для «благородных» (речь шла о «добыче» - трофеях). В символике отдельных частей, например, на горжетах гвардейских полков, мы часто встречаем изображение вражеских «трофеев».

Итак, по М. Блоку, война для рыцаря-аристократа это:

а) дело чести;

б) борьба со скукой;

в) промысел (нажива);

Само собой разумеется, подобные нравы предполагали полное пренебрежение к человеческой жизни и человеческим страданиям.

М. Блок также отмечал, что «мирные» развлечения «благородных» по большей части носили отпечаток «воинственности». Основным развлечением длительное время оставалась *охота* (французский историк подчеркивает, что рыцари «страстно любили охотиться»[1]). Кроме этого в жизни рыцаря важное место занимали *турниры* (которые следует воспринимать, как некий прообраз дуэли). При этом как в XIX в. существовал запрет на дуэли, так в XII в. возникают отдельные запреты на турниры. Также следует отметить, что особое место в жизни аристократа занимала женитьба, которая чаще всего являлась деловым предприятием.

Примечательно то, что указанные черты «аристократизма» как «рыцарсвенности» мы встречаем в том числе и в России, и даже в начале XX в.

В данном случае возникает соблазн определить не только политическую, но и военную элиту как аристократию (как некое тождество) – власть «благородных по крови». И в качестве основного жизненного кредо этих лю-

[1] Там же. С. 289, 296, 297.

дей привести обозначенную А.А. Игнатьевым систему ориентиров: «Титулы продавали себя деньгам, а деньги поклонялись титулам. Нигде нельзя было легче поддаться искушению смотреть на жизнь как на сплошной беззаботный праздник. Работа для представителей этого общества была уделом специально обреченных на это людей, но сами они о ней не желали иметь понятия».[1] В качестве подтверждения своих слов А.А. Игнатьев приводит примеры из жизни целой группы «паразитов» от военного ведомства. При этом следует учитывать, что сам граф, несмотря на кропотливый труд продолжавшийся «50 лет в строю» этого «разврата» был не чужд, но при этом все списывает на молодость и отсутствие правильного «пролетарского» сознания.

Следует отметить, что трактовка элиты как аристократии присуща и отечественному правоведу и историку, почетному члену Петербургской академии наук *Б.Н. Чичерину* (1828-1904 гг.). В частности он определял аристократию как правление «лучших людей», или «способнейшей» части общества.[2] Главными маркерами аристократичности российский ученый считает «богатство», накопленное предыдущими поколениями и дающее преимущество на первом этапе социализации, что в конечном итоге получает выражение в «особом» воспитании и образовании. Из других маркеров выделяются «выдающееся положение рода, богатство или заслуги». При этом речь идет о «военных заслугах».

В то же время аристократия должна пониматься как «наследственное явление», составляющее общественное меньшинство. Б.Н. Чичерин подчеркивает, что «высшее развитие всегда составляет достояние меньшинства».[3] При этом национальные аристократии имеют свои особенности и принимают характер той социальной системы, в которой они произрастают. Исследователь выделяет:

---

[1] Игнатьев А.А., граф. Роковые дни. 50 лет в строю. М., 2013. С. 198.
[2] См.: Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Т. I. М., 1894.
[3] Там же.

а) племенную или родовую аристократию, при этом уже на данном уровне она произрастает из «военного сословия» (в качестве примера приводятся *спартанцы* или *патриции*);

б) затем наступает период сословной аристократии, которая по преимуществу является «военной аристократией»;

в) далее идет религиозная аристократия;

г) и, наконец, четвертой формой становится политическая аристократия («она проистекает из занятия высших государственных должностей»).

Кроме этого, автор исследования выделяет «высший» и «низший», «старый» и «новый» типы аристократии. Указав на главные преимущества аристократии и неизбежность прохождения любого общества через данную стадию политического и социального развития, Б.Н. Чичерин подчеркивает: «Чисто аристократическое правление составляет весьма редкое явление в истории. Обыкновенно оно смешивается с другими формами. Масса легче подчиняется единому монарху, возвышенному над всеми, нежели привилегированному сословию, которое, постоянно соприкасаясь с остальными классами, возбуждает в них зависть, а часто и справедливое неудовольствие. […]Возникшие из средневекового порядка аристократические правления рушились, оказавшись бессильными перед развитием нового времени. В новых государствах аристократический элемент не везде сохранил свое место, но там, где он удержался, он является в сочетании с другими».[1]

Таким образом, можно утверждать, что в исследовании Б.Н. Чичерина понятия «аристократия», «элита» и «военная элита» отождествляются. В то же время основные признаки «аристократии» как четкой системы фиксации определенной социальной позиции исследователем не дается.

Аналогичную трактовку «аристократии» эпохи феодализма как «военного и правящего класса» или «слоя» (в данном случае мы опять сталкиваемся с «размытостью» терминологии) дают создатели и популяризаторы нетократического подхода *А. Бард* и *Я. Зодерквист*. По мнению указанных авто-

[1] Там же.

ров, власть аристократии проистекала из контроля над землей и ее дарами.[1] При этом «аристократическое право» распоряжаться землей легитимировалось как «естественное и вечное» и подкреплялось силой религиозного убеждения, выступавшего мощнейшим инструментом манипуляции и управления сознанием низших социальных слоев («религия растворяла и подавляла любые формы общественного сопротивления», а церковь «выступала мягким буфером между классами»[2]). Монарх наделял аристократию монополией на применение силы.

Таким образом, указанные авторы фактически отождествляют *аристократию с государством, рассматривая ее как самодостаточный социальный институт*. В то же время аристократия интерпретируется как механизм управления обществом. Авторы рассматриваемой теории отмечают: «В обмен на монополию применения силы, которая была достаточной гарантией контроля над средствами производства, аристократы присягали на верность короне и служили офицерами в армии, когда их монарх конфликтовал с другими монархами и начинал войну».[3] Таким образом, описывается некая модель спорадического перехода к меритократии (как некого подобия охлократии) в случае возникновения конфликта монарха с наиболее влиятельными группами аристократии. Но данный переход рассматривается не как трансформация общества, а как «хитрая» политическая уловка, как своеобразная форма популизма.[4] Авторы подчеркивают, что «ранний капитализм» сохранял в себе определенные черты предыдущей модели, а «новый» правящий класс также стремился к закрытости. В целом, указанные авторы придерживаются теоретического симбиоза идей марксизма и «железного закона олигархии» Р. Михельса.

В контексте рассуждений о феномене аристократии как форме политической и военно-политической власти нельзя не упомянуть небольшую ста-

---

[1] Физиократический подход в трактовке власти.
[2] Бард Александр, Зодерквист Ян. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004. С. 66.
[3] Там же. С. 67.
[4] Там же. С. 69-70.

тью отечественного мыслителя евразийца *Н.С. Трубецкого (1890-1938 гг.)* «Идеократия и армия». В качестве отправной точки своих рассуждений о феномене элиты, ученый выделяет три модели властных отношений: аристократия, демократия и идеократия. При этом для аристократии является характерным то, что командный состав армии состоит из членов правящего слоя данного государства. Николай Сергеевич пишет: «При аристократическом типе отбора насыщение командного состава армии представителями правящего слоя происходит совершенно легко и естественно. Ведь при этом типе отбора основным признаком отбора является знатность происхождения, т.е. в конечном счете - происхождение от воинов и военачальников, прославившихся своей доблестью или верностью своему вождю и содействовавших завоеванию данной страны или расширению ее могущества. Таким образом, в здоровой, еще не начавшей вырождаться аристократии воинская доблесть и вкус к военному делу являются и врожденными чертами нормального, среднего аристократа, и элементами семейной традиции аристократических родов».[1] Со временем, пока еще сохраняется «здоровая аристократия», в ряды офицерства начинают вливаться и представители неаристократического сословия, что обусловливает постепенное его расслоение и образование «аристократической гвардии», по-прежнему задающей особый тон в управлении армией и отчасти государством. При этом офицеры-«неаристократы» стремятся подражать «аристократам-гвардейцам». В армии аристократического типа даже выдвинувшийся, чаще всего благодаря своей доблести, в высший командный состав «военачальник» приобщается к аристократическому слою через получение титула и заимствование «аристократического» поведенческого кода. В таком обществе военные пользуются особым почетом и уважением и могут оказывать существенное влияние на политику.[2] Таким образом, дух аристократической культуры это «дух воинственный». В свою очередь, при демократии происходит деградация армии (в первую очередь, за счет

[1] Трубецкой Н.С. Идеократия и армия. // Проблемы военной психологии: Хрестоматия. Минск, 2003. С. 39.
[2] Там же. С. 39-40.

вливания в ее ряды «людей недостойных») и, как следствие, падение ее престижа и статуса «военного» (офицера) в обществе. Н.С. Трубецкой воспринимает демократию еще и как плутократию (он пишет: «[…] демократический строй всегда является одновременно и плутократическим»). Как следствие армия начинает решать задачи «узкоэгоистического характера», связанные с обогащением отдельных социальных слоев. Таким образом, армия превращается в инструмент обогащения. Военная профессия становится «презренной», так как военный превращается в наемника, работающего за деньги и отстаивающего интересы не общества, а плутократических групп. Кроме всего прочего, «плуто-демократия» («плутократическо-демократический строй») постоянно тяготеет к войне за «прибыль» и все новые и новые рынки сбыта.

Наконец, при идеократии армия и общество максимально политизируются, общество становится идеологически однородным, что облегчает насыщение армии личным составом. Возникает эффект массовых национальных армий, скрепленных общей идеологией, и в данном случае все зависит от механизмов социализации и манипуляции общественным сознанием. В отношении командного и высшего командного состава идеократического общества Н.С. Трубецкой пишет следующее: «То обстоятельство, что при идеократическом строе командный состав армии состоит либо из членов государственно-идеологической организации, либо из людей, сочувствующих государственному мировоззрению, устанавливает тесную связь между командным составом армии и правящим слоем государства и уничтожает пропасть между военными и штатскими. Военная профессия перестает быть презренной, и военные вновь приобретают в обществе почетное положение».[1] Резюмируя свои рассуждения, Н.С. Трубецкой приходит к выводу, что возврат к аристократической модели уже не возможен, так как произошла серьезная деградация народной массы и «лучшая ее часть» полностью дезавуировалась.

[1] Там же. С. 43, 45.

В данном случае важным является то, что Трубецкой не просто отождествляет офицерский корпус в аристократической модели с «аристократией», но и указывает на появление *гвардии как индикатора постепенного перехода к новой демократической модели общества*. Таким образом, можно интерпретировать *«аристократическую гвардию» как военную элиту переходного периода*.

Наконец, еще двумя сторонниками «военной элиты» как «аристократии» следует считать испанского культуролога и политика *Х. Ортега-и-Гасета* (1883-1955 гг.) и итальянского традиционалиста барона *Джулио (Юлиус) Чезаре Андреа Эволу* (1898-1974 гг.).

Власть по *Х. Ортега-и-Гасету,* это «умение желать и повелевать». В качестве главных признаков власти он выделяет искусство «убеждать» («моральное внушение») и «принуждать» кого-либо. При этом подлинное господство подразумевает сочетание того и другого.

Отталкиваясь от идей Г. Спенсера, Х. Ортега-и-Гасет выделяет две формы отражения нации в истории: «воинский дух» и «предпринимательский дух». Именно «воинский дух» сочетает в себе оба начала. В «военную дружину» входят те, кто привержен двум высшим ценностям: духу и верности. Они движимы желанием жить в опасности. Х. Ортега-и-Гасет подчеркивает: «Сила оружия – сила не грубая, не материальная, а именно духовная». Именно воинское начало является мощным инструментом сплочения нации, индикатором ее жизнеспособности и психологического здоровья. Ученый настаивает на том, что: «[…] мера армейской мощи и совершенства – есть мера, которая точно определяет моральную и жизненную крепость нации. Народ, не испытывающий никакого стыда из-за разложения, дурной организации вооруженных сил, не способен удержаться на плаву или выжить».[1]

Как это ни парадоксально, Х. Ортега-и-Гасет превозносит кастовую организацию общества как своеобразную форму культивации определенного

[1] Ортега-и-Гасет Х. Бесхребетная Испания. // Восстание масс. М., 2001. С. 283-285.

духа. При этом каста военных занимает особое место в социуме, так как именно от ее состояния жизнь этого социума и зависит. Философ подчеркивает, армия должна участвовать в войне, в противном случае она вырождается. В Испании описываемого периода военные обособились от общества, «обозлились» на него, противопоставили себя ему, осознав исключительность своих потенциальных и невостребованных обществом возможностей. Примечательно, что рассуждая о параметре исключительности отдельных социальных и, в частности военной групп, Х. Ортега-и-Гасет не выделяет офицерский корпус или генералитет. Он обозначает всю военную среду как элиту. Именно в контексте этой установки он и рассматривает соотношение армии и аристократии, которые в его понимании пересекаются, но не являют собой тождество, что связано с наступлением «эпохи масс». Указанная эпоха влечет за собой «выхолащивание воинского духа», деградацию армии, вырождение аристократии. В свою очередь, вырождение последней ведет к «угасанию» общества. Х. Ортега-и-Гасет подчеркивает: «Эпоха упадка характеризуется тем, что аристократия, то есть правящее меньшинство, утрачивает свои высокие качества, некогда способствовавшие его возвышению. И на такую бездеятельную распущенную аристократию справедливо ополчается масса. Но, неизбежно путая все на свете, массовый человек уже не терпит над собой никакой аристократии, в корне отвергая всякое благородное рвение. Отныне считается, что можно обойтись без элиты, и люди создают разнообразные политические и исторические теории, где конечной задачей становится построение общества без аристократического меньшинства. Поскольку последнее положительно невозможно, нация вырождается не по дням, а по часам».[1] Испанский философ отмечает, что элита массы это не элита, это часть «черни». Х. Ортега-и-Гасет - ярый противник *меритократического принципа*[2] построения власти. Он подчеркивает, что власть массы,

[1] Там же. С.329-330.

[2] В данном случае речь идет о так называемой «старой» теории меритократии, проистекающей из концепции «равенства стартовых возможностей», характерных для модели открытого общества. Работа «социальных лифтов» в данной модели обусловлена в первую очередь образованием. Ф. Уэбстер по этому поводу пишет: «[…]успех достигается не за счет унаследованных преимуществ, а за счет способностей и усилий, прило-

это власть посредственности, стремящаяся задавить любое проявление исключительности, причем это желание носит скорее бессознательный характер. Философ пишет: «[…] как только у нас появляется выдающийся человек, масса не знает, какой от него прок и зачастую стремиться как можно быстрее от него избавиться».[1]

Таким образом, элита у Х. Ортега-и-Гасета трактуется как кастовая организация, сохраняющая некое таинство духа (метафизику духа) «своей группы». Именно это сочетание, «закрытость» и «дух», порождает эффект аристократичности. Военное начало в этом плане важная составляющая, потому что быть воином - это не носить военную форму, а иметь «дух воина». Военная аристократия - это определенная форма нравственного воплощенного в искусстве «убеждать и повелевать».

Примечательно, что в отечественной классификации элитологических учений Х. Ортега-и-Гасет относится к так называемому «аристократическому» варианту элитизма. По его мнению, в историческом прошлом элита оформила «маленькую ойкумену» «изысканной культуры», которая являлась местом ее обитания и ее единственным достоянием. Со временем в это пространство «вторглась» масса, вытеснив элиту из «традиционных сфер ее деятельности».[2] В этом плане можно добавить, что военное поприще как удел аристократии и оформившейся в его пространстве офицерский корпус, как одно из мест ее пребывания, не были обойдены «массами» стороной.

Ю. Эвола считает главными индикаторами политической власти иерархические, героические и идеалистические ценности.[3] Политическая власть, выраженная в государстве, рассматривается им как «мужское начало». Социальное равенство при этом понимается как полная бессмыслица. При этом возможность равенства Эволой допускается только в отношении закрытых

женных во время обучения». Примечательно то, что, опираясь на теорию Кастельса, Ф. Уэбстер также доказывает несостоятельность меритократического подхода, правда, применительно к постиндустриальному обществу. (Уэбстер, Фрэнк. Теории информационного общества. М., 2004. С. 153).

[1] Там же. - С.360.

[2] Ашин Г.К., Понеделков А.В., Старостин А.М., Кислицын С.А. Основы политической элитологии. Издание 2-е испр. и доп. М., 2013. С. 88.

[3] Эвола Юлиус. Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. М., 2007. С. 21.

структур, подобных воинскому «братству» или властным образованиям. Эвола пишет: «В Спарте звание […] «равного», относилось исключительно к правящей elite; причем в случае недостойного поведения этого звания могли лишить».[1] Вслед за Р. Михельсом, Эвола настаивает, что в любом обществе, включая различные модификации демократии, власть находится в руках «достойного» или «недостойного», но все-таки меньшинства. Таким образом, мыслитель фактически является адептом «железного закона олигархии» Р. Михельса. В то же время Ю. Эвола различает «аристократию» (как «власть лучших»[2]), «бонапартизм» (как «военную тиранию») и «тиранию демоса». По его мнению, в своем развитии элита проходит четыре этапа: элита как явление «духовного характера», получившая власть на основе «божественного права»; затем она становится военной знатью, что, по сути, и смыкается с пониманием ее как аристократии; затем ее сменяет «олигархия на плутократической и капиталистической основе», правящая в рамках демократии; наконец, элитой становятся коллективистские «предводители революции четвертого сословия». Таким образом, Ю. Эвола выделяет вариант «военной аристократии» с соответствующим ей «воинским стилем». При этом «воинские добродетели» довлеют над буржуазными и, как следствие, конфликт неизбежен. «Бонапартизм» порождает крайне негативный дух «милитаризма», который сближается с «воинским стилем», но не являет с ним тождество, а скорее выступает его антиподом. Философ подчеркивает, что «воинский стиль» правления лежал в основании средневековых европейских государств: «[…] именно иерархические структуры воинского типа стали костяком основных государств, особенно на Западе».[3] Германский дух и «воинский» вызрел из *«суровых аристократических воинских традиций»*. Аристократическое прочтение войны, являясь особой духовной традицией, также понимается как одна из форм «свободы». «Война за кошелек» воспринимается как мутация

[1] Там же. - С.39.
[2] При этом подчеркивает, что определить характер этих «лучших» в границах их социальных индексов, достаточно сложно
[3] Там же. С. 78, 120-122.

«воинского духа» в «милитаризм» и как вырождение нации. Таким образом, «аристократия» у Ю. Эволы все-таки соотносится с дворянским сословием, но трактуется как «особая духовность» («духовный стиль») данного сословия, опирающаяся на понимание войны не только как философского явления, но и как своеобразной генетической программы.

С идеями вышеуказанных авторов смыкается пусть и более примитивная, но не менее содержательная и оригинальная теория «праздного класса» крупного американского социолога-институционалиста *Т. Веблена* (1857-1929 гг.). Следует отметить, что Веблен исходит из тех же установок, что и М. Блок. «Праздный класс» («аристократия» в трактовке Блока) - это класс «хищнический», взявший свое путем насилия над другими социальными образованиями.

Возникший на заре становления человеческого общества «хищнический класс» остается самым устойчивым социальным образованием, превращаясь в «наследственный праздный класс». Веблен наделяет его представителей особым типом мышления и настаивает на том, что отдельные его группы (военные и морские офицеры) «специально обучаются».[1] Поклонение войне как развлечению и ремеслу, следование воинскому кодексу чести, практика дуэли, агрессивное поведение, наконец, вырождение войны в спорт (в основе которого, по Т. Веблену, лежит «бой врагов», основанный на переходе от «ловкости к хитрости и мошенничеству»[2] - стратегическое мышление воина) является своеобразным бессознательным, архетипическим, неизжитым «атавистическим признаком архаического образа мышления».[3] Это неотъемлемая часть психологии «хищнического» компонента «праздного класса». Власть правящего праздного класса возможна благодаря силе, обману (как его вариации коварству), злобности и, наконец, «завистничеству успеха», то есть «хищническим проявлениям», поэтому во всех случаях во

[1] Веблен Т. Теория праздного класса. М., 2010. С. 246.
[2] Там же. С. 251, 261. Веблен трактует спорт, как «социально разобщающее» действие в направлении «атавистического возврата к наклонностям, которые никакой пользы для производства не представляют».
[3] Там же. С. 247.

главе общества оказываются люди с «военным мышлением», воинственная социальная природа со временем облагораживается и «приобретает маску» политической власти. Таким образом, даже политическая власть, потенциально хранит в своем сознании образ войны и строит свое поведение, сообразуясь с её психологией. Веблен не акцентирует свое внимание на феномене военной элиты. Для него гораздо важнее не социальная, а психологическая фиксация данного исторического феномена.

Таким образом, Веблен трактует военную элиту преимущественно «биологизаторски», с позиций социал-дарвинизма. В отличие от Эволы, тяготеющего к определению военного сословия с позиций метафизики с опорой на перипетии социогенеза, Веблен интерпретирует данное явление с позиций генетики.

Многие суждения Веблена выглядят малообоснованными, что было отмечено рядом последующих элитологов. Так, Ч.-Р. Миллс указывал, что сосредоточившись исключительно на психологических корнях «хищничества», Веблен просмотрел многие социальные факты. Миллс писал: «Он проглядел социальное значение многих из описанных им фактов. Борьба за престиж не сводится всего лишь к борьбе за бессмысленные с социальной точки зрения побрякушки, служащие удовлетворению личного самолюбия: она выполняет прежде всего функцию сплочения элиты».[1] То, что Веблен понимал как конкурентную борьбу внутри элит, Миллс трактует как один из механизмов ее консолидации.

Если анализировать собственно элитологию, то следует отметить, что термин «военная элита» прослеживается уже в ранних трудах ее «отцов-основателей». Одним из первых исследователей, обративших на него пристальное внимание, безусловно, является *Г. Моска* (1858-1941 гг.).

[1] Миллс Ч.-Р. Властвующая элита. / Электронная версия книги. Сквозная нумерация: №12250. Текст приводится по изданию: Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.

В качестве основных компонентов социальной стратификации Г. Моска выделяет «*правящий класс»* и класс управляемых. К признакам правящего класса он относит:

1)малочисленность;

2)монополию на «исполнение всех политических функций»;

3)монополизацию власти;

4)имеет преимущества, которые дает власть.

Одной из основных причин «успешности» правящего класса элитолог считает его высокую способность к самоорганизации, которая противопоставляется разобщенности массы.

По мнению Г. Моски, правящий класс возникает из военного сословия, которое постепенно трансформируется в «воинственный правящий класс», который эксплуатирует и защищает класс, занимающийся «мирным трудом». Так возникают два «класса»: один занимается военным делом, другой - сельским хозяйством. Примечательно, что свои рассуждения мыслитель экземплифицирует историческими примерами, в том числе и из русской истории. В отношении Руси/России он пишет следующее: «Такой же процесс мы наблюдаем в России. Здесь воины, входящие в дружину, или охрану, древнерусских князей (ведущих свою родословную от Рюрика), также имели свою долю от доходов мира (сельских крестьянских общин) как средство существования. Постепенно эта доля увеличивалась. Пока земля была в избытке и работников не хватало, крестьяне часто сами заботились о своей выгоде и переезжали с места на место. Поэтому в конце XVI в. царь Борис Годунов разрешил знати прикрепить крестьян к своим землям, закрепив тем самым крепостное право».[1]

Со временем еще одной чертой правящего класса становится «богатство». Г. Моска подчеркивает: «Доминирующей чертой правящего класса стало в большей степени богатство, нежели Воинская доблесть: правящие

[1] Моска Г. Правящий класс. Церкви, партии, секты (Пер. с англ. и примеч. Т.Н. Самсоновой). // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 189.

скорее богаты, чем храбры». Именно в этой фазе начинается медленный переход от «милитократической» к «меритократической» модели устройства социума. В то же время основные «добродетели» остаются неизменными. Это – «богатство» и «воинская доблесть». Причем к последней чаще всего апеллируют в переходные эпохи. Указанные «добродетели» «подлинная» («наследственная») аристократия противопоставляет интеллектуальным и технократическим способностям меритократии. Г. Моска пишет: «Именно поэтому наследственные аристократии никогда не защищают свое правление на основе только интеллектуального превосходства, но чаще ссылаются на свое превосходство характера и богатства».[1]

Элитолог подчеркивает, что именно эти добродетели позволяют успешно конкурировать с меритократами, которым приходится тратить значительную часть времени на проникновение в правящий слой. Аристократы продвигаются благодаря связям и «вложениям». Поэтому они имеют значительно больше шансов оставаться во власти бесконечно длительный отрезок времени. Г. Моска пишет: «Во всех странах мира все прочие факторы, оказывающие социальное влияние, - личная известность, хорошее образование, специальная подготовка, высокий сан в церковной иерархии, *public administration* и армия - всегда доступнее богатым, чем бедным. У богатых по сравнению с бедными путь странствий всегда короче, не говоря уже о том, что богатые избавлены от наиболее тернистой и тяжелой части пути».[2]

При этом аристократия сохраняет свои добродетели, а меритократы по мере движения наверх вырабатывают у себя негативный набор качеств: умение раболепствовать, приспосабливаться, лгать, создавать различные «видимости». Таким образом, Г. Моска пусть и не прямо, но все-таки подчеркивает некую степень аморальности меритократического правления. Примечательно, что в России рассматриваемого периода, мы также находим значительное число примеров подобного суждения. Практически все военные министры,

[1] Там же. С. 190.
[2] Там же. С. 191.

начиная с эпохи Александра II, отличались вышеуказанными негативными проявлениями «меритократического» свойства. В этой группе особенно выделялся Д.А. Милютин, который еще вдобавок ко всему окружал себя «посредственностями», опасаясь конкуренции на «меритократическом» карьерном поле.[1]

Таким образом, Г. Моска активно использует в своих работах термины «правящий класс», «военный правящий класс», «аристократия», «военная доблесть», «военные добродетели». В конечном итоге исследователь выделяет три этапа в развитии тотальной истории «правящего класса»:

а) военный (главные достоинства проистекают из военных доблестей);

б) аристократический (где к воинским доблестям добавляется богатство);

в) меритократический (где главными добродетелями выступают знания и навыки).

Именно Г. Моска оказал решающее влияние на становление теории меритократии.

Что касается идей других отцов-основателей «классической элитологии», *В. Парето* (1848-1923 гг.) и *Р. Михельса* (1876-1936 гг.), то тема анализа военной элиты как самостоятельной области исследования указанными авторами не затрагивалась.

Наиболее значимый вклад в анализ феномена собственно «военно-политической элиты» (применительно к США) внес американский социолог *Ч.-Р. Миллс* (1916-1962 гг.). Следует учитывать, что Миллс воспринимал элиту как институциональное явление. Он подчеркивал: «[…] мы имеем право определять властвующую элиту под углом зрения орудий власти, то есть как группу, занимающую командные посты».[2] В данном случае речь идет о *«специальных» (высших)* постах в *«специально»* созданных институтах власти, причем для США таковыми становятся «особо разросшиеся» и «объединив-

[1] См.: Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. М., 1991.
[2] Миллс Р. Указ. соч. С. 19111.

шиеся» между собой политические, экономические и военные.[1] Миллс особо подчеркивает, что «современная элита» - это искусственно поддерживаемое образование, существующее благодаря своей сплоченности и организованности, интересы которого чаще всего не совпадают с интересами разобщенных низов.[2] Примечательно, что Миллсу не чужд и термин «аристократия». Чаще всего он употребляет его в отношении «старинных» богатых семей рабовладельческого юга. В данном случае главными индикаторами «аристократичности» становятся: происхождение и определяемый им социальный статус (как индекс социальной идентичности), степень исторически сложившейся инкорпорированности клана во власть и, безусловно, «богатство». В конечном итоге Миллс относит к «старой аристократии» 400 семейств «центральных городов» и, как следствие, решающим фактором становится принадлежность к этим семействам. В то же время он указывает, что к моменту написания исследования власть этих семейств уже не кажется такой ощутимой.[3]

В плане анализа собственно феномена «военной элиты» колоссальный интерес представляют разделы «Военная знать» и «Возвышение военщины», где Миллс осуществляет стратификацию американской военно-политической элиты.

Исследователь впервые попытался дать определение военной элите как *этакратической группы*. *Он связывал понятия «правящей» и «военной» элиты и рассматривал их как единое целое*. Миллс отмечал особую значимость военной элиты на современном этапе (в первую очередь, рост ее значимости в США). Он пишет следующее «[…] так как последние войны и антракты между ними, весьма напоминавшие военное время, привели к усилению могущества военщины, то военные лидеры тоже приобщились к новой, всеамериканской системе престижа. Крупное влияние, которое они теперь приобрели, обусловлено (так же, как и нынешний вес деятелей полицейских органов

[1] Там же. С.19112.
[2] Там же. С.19125.
[3] Там же. С.19171.

государства) тем простым фактом, что насилие – это последняя опора власти и последнее средство для тех, кто борется против нее».[1]

Именно благодаря Миллсу в военной социологии оформилось понятие «военно-политическая элита». Идеи указанного исследователя стали платформой для оформления самодостаточного направления в элитологии – «радикального элитизма».

Таким образом, по мнению Миллса, власть «чаще всего» находится в руках очень узкой группы людей, состоящей из верхушки представителей мира политики, экономики *и армии*, олицетворяющих соответственно политическое, экономическое и *военное могущество страны*. Деятельность этой группы, как правило, анонимна или полуанонимна. Это связано также и с тем, что вхождение в эту «кастовую группу» чрезвычайно затруднено. Как уже отмечалось, это высшее общество формируется по принципу *происхождения* и только затем по принципу получения образования в привилегированных или закрытых учебных заведениях, *связано с определенным образом жизни*. Говоря об элите как особой группе, осуществляющей власть, Миллс полагал, что было бы большим преувеличением рассматривать ее неким единым и стабильным образованием даже в аристократических государствах.

«Возвышение военщины» Миллс связывает с войнами, в которые США оказались втянуты в XX в. Именно они вывели США на новый мировой уровень и подвели к идее «мирового господства». Таким образом круг «интересов» и «приоритетов» элиты резко расширился (Миллс подчеркивает, что привлечение военных во «власть»: «[…] всего лишь наиболее очевидный признак расширения круга вопросов, привлекающих внимание властвующей элиты»[2]). Война как удел профессионалов, потребовала привлечения этих профессионалов во власть не только в качестве экспертов, но и в качестве членов этой «власти». Современный американский генералитет - это высокопрофессиональная каста (члены которой идентичны друг другу даже в пси-

[1] Там же. С. 19246-19247.
[2] Там же. С. 19482-19483.

хологическом плане: «[…] похожи один на другого как внутренне, так и внешне»[1]; это является следствием американской системы подготовки офицерских кадров – кто не принимает правил игры, тот оказывается за бортом «системы»), члены которой «возвысились» благодаря успешному образованию (и воспитанию), отчасти происхождению (Миллс не отрицает прослойку потомственных военных), приобретенным на службе связям и боевому опыту. В этом плане военная среда находится ближе всего к *меритократии*. В то же время на современном Миллсу отрезке времени начинается трансформация сознания американского генерала, вовлеченного в политические игры, который все более начинает походить на политических игроков или заправил бизнеса.[2]

Миллс выражает определенное несогласие с идеями Г. Моска о «врожденных» талантах «быть» военной элитой и, как следствие, о высокой вероятности ее возникновения в любой социальной системе. По мнению Милла, любая армия - это своего рода возврат к «аристократической» иерархии – офицерские кадры рекрутируются из «правящих кругов гражданского населения»[3] (термин «аристократичность» обращен к представителям офицерского корпуса. Ученый подчеркивает: «Всякий раз, когда предпринимались попытки уничтожить эту особенность армии, дело неизменно кончалось неудачей»[4]). В то же время Миллс настаивает, что сам по себе офицерский корпус аполитичен, а политика как «грязное дело» несовместима с его кодексом чести.[5] Механизм «обуздания» «военщины» построен на поощрении стремления к чинам и славе.

Необходимо подчеркнуть, что после Миллса элитологические исследования, затрагивающие в том числе и изучение военной элиты, развивались преимущественно в русле идей обозначенных указанным автором. Данный тезис можно экземплифицировать рассуждениями о значимости Миллса бол-

[1] Там же. С. 19506.
[2] Там же. С. 19515.
[3] Там же. С. 19450.
[4] Там же.
[5] Там же. С.19453.

гарским/французским лингвистом-теоретиком и психоаналитиком *Дж. Крэстевой.* Она писала: «После Р. Миллса теория развивалась в направлении уточнения понятия элиты на основе разграничения между потенциальной и реализующейся властью, очерчивая значения принятия решений. Эти шаги исключительно эвристичны, поскольку подчеркивают динамическую сторону процесса принятия решений, активности, которая скрывается нередко за внешне пассивными результатами неприятия решений».[1] Развивая идеи Миллса, Д. Крэстева разграничивает понятия «правящий класс»[2], обозначающее элиту в широком смысле, и «правящая элита», определяющее, социальную категорию наделенную реальной властью «здесь и сейчас».[3]

Следует отметить, что на современном этапе развития отечественной науки (в том числе и различных подкастов исторического знания) тема изучения «военной элиты» как отечественной, так и зарубежной (а также процесса элитообразования), по-прежнему остается одной из наиболее приоритетных областей исследования. Причем, указанная тема сохраняет высокую актуальность и применительно к социодинамике российского общества в постсоветской и современной России (при этом особой областью рассмотрения становится процесс трансформации и мутации отдельных групп элит, включая военную). Важный вклад в элитологические исследования в современной России, безусловно, внесла *О.В. Крыштановская*.[4] В ряде своих исследований она активно развивала идею трансформации российской властной элиты в сторону *милитократии*.[5]

Анализируя особенности военной/военно-политической элиты (рекрутированной в политическую власть и, как следствие, претерпевшей мутацию

---

[1] Крэстева Д. Власть и элита в обществе без гражданского общества. // Психология и психоанализ власти. / Составитель Райгородский Д.Я. Т.1. Самара, 1999. С. 103-104.

[2] В том числе как «латентную» и «потенциальную» элиты.

[3] Крэстева Д. Указ. соч. С. 107.

[4] Программной работой указанного исследователя можно считать монографию «Анатомия российской элиты» (М., 2005). Из других исследований, оказавших влияние на развитие отечественной элитологии, можно выделить: Крыштановская О.В., Хуторянский Ю.В. Элита и возраст: путь наверх. // Социс - социологические исследования (Москва). - 23.04.2002; Крыштановская О.В. Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия. // Мир России. 2002. № 4. С. 3-60; Крыштановская О.В. Современные концепции политической элиты и российская практика. // Мир России. 2004. № 4. С. 3-39.

[5] Крыштановская Ольга. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. Осень, 2002. № 4. С. 158-180; Крыштановская Ольга. От милитократии к меритократии? // Русский журнал. Май, 2008. С. 59-69.

в военно-политическую элиту) «путинского призыва», собственно и ставшей в конечном итоге милитократией, О.В. Крыштановская отмечает, что ее возвышение было результатом «мобилизационной политики» как крайней меры в очевидных условиях системного кризиса и «кадрового голода», спровоцировавшего появление во власти людей «большого скачка», в основной своей массе слабо подходивших для управления государством. Еще одной проблемой стала «провинциализация элиты», что также не добавляло политической элите ни опыта, ни профессионализма.

К концу 90-х гг. XX в. военные оказались единственной группой, представители которой сохранили:

а) «незапятнанность репутации» в советские времена – в высших эшелонах представительство военных было весьма незначительным;

б) в период «смутного времени» военные сохранили хоть какое-то подобие организации («[…] сохранили организацию, построенную на дисциплине и единоначалии»);

в) военные в меньшей степени были вовлечены в коррупционные процессы и связанные с ними скандалы («[…] сохранили репутацию честных, ответственных, политически неангажированных профессионалов»[1]).

В соответствии с приводимой статистикой в эпоху М.С. Горбачева совокупный процент по всей властной когорте составлял 3,7%. В «Ельцинской когорте» (образца 1999 г.) он составил 17,4%. В «Путинской» (образца 2002 г.) – 25%. При этом, если при Горбачеве в высшем руководстве страны было всего 4,8% военных, то при Путине в 2002 г. – 58,3%.[2] Столь высокий процент военной бюрократии в высших эшелонах власти в дореволюционный период прослеживался только во времена Николая I. Аналогия с эпохой Николая I также прослеживается и в замещении военными должностей различных гражданских ведомств. О.В. Крыштановская пишет: «Стремительно росло число военных в структурах власти, не связанных с обороной и безопас-

[1] Крыштановская Ольга. Режим Путина: либеральная милитократия?.. - С.160.
[2] Там же. С. 162.

ностью страны. Начиная с 2000-го люди в погонах занимают вторые и третьи позиции в должностной иерархии всех федеральных ведомств, превращаясь, пожалуй, в самую заметную группу кадрового резерва».[1] Так выстраивается своеобразная иерархизация ведомств, где сотрудники различных спецслужб занимают приоритетные позиции по отношению к Министерству обороны и МЧС. Таким образом, уже на 1-ом сроке президентства В.В. Путина происходит процесс, который О.В. Крыштановская называет «милитаризация власти».[2]

В то же время тезис о том, что В.В. Путин «является реализованным Ю.В. Андроповым», кажется не до конца убедительным. На самом деле складывается ощущение, что в указанный отрезок времени произошло «сползание» во что-то более дремучее, относящееся ко временам России середины XIX в., на что указывают более поздние процессы развития отечественной истории и эволюции политической власти. А именно возвращение ко временам плац-парадной традиции и III-го Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии.

Примечательно, что на фоне исследований, затрагивающих особую роль спецслужб и военных в «спасении» современной России появляется ряд работ, пытающихся идентифицировать военно-политическую элиту с представителями отдельных структур, а зачастую со всем личным составом ЧК-ВЧК/КГБ/ФСБ и СВР.

В этом плане крайне примечательны работы отечественных исследователей *А. Солдатова, И. Борогана*[3] и американского исследователя *Дж. Федора*[4]. В обеих работах отстаивается идея, что «чекисты» современной России - это «новое дворянство» (термин Солдатова, вынесенный в название книги) или *«аристократия»* (термин Дж. Федора, использованный в 5 разделе его работы: с.164-168). С нашей точки зрения, данные оценки выглядят малоубе-

[1] Там же. С. 167.
[2] Там же. С. 173.
[3] Солдатов А, Бороган И. Новое дворянство. Очерки истории ФСБ. / Авторизованный перевод с английского О. Литвиновой. М., 2011.
[4] Федор Дж. Традиции чекистов от Ленина до Путина. Культ государственной безопасности. СПб., 2012.

дительными и должны восприниматься в качестве рабочей теории стратификации современного российского общество. Данная «малоубедительность» обусловлена очевидной размытостью индексов определения «элитарности» и отсутствием четкой фиксации данной условной группы членства[1] в социальной иерархии.

Как следствие, следует отметить, что в отечественной исторической науке вплоть до сегодняшнего дня ведется дискуссия в отношении базовых индексов идентификации российской «военной элиты» (на разных этапах ее существования, включая современный период[2]). Современные исследователи отмечают крайнюю важность изучения этого вопроса применительно к процессам построения армии нового типа, призванной стать одним из важнейших механизмов выживания России в современном глобализирующемся мире с его крайне неоднозначными вызовами.

В этом плане очевидную значимость приобретает национальный исторический опыт, связанный с изучением традиций и механизмов функционирования отдельных элементов как дореволюционной национальной военной доктрины, так и отдельных сегментов военной машины Российской империи. В качестве примера следует отметить применение опыта военной политики XIX в. на Кавказе и в Средней Азии. В стране созданы воинские части и подразделения, активно заимствующие дореволюционный опыт и традиции частей российской императорской гвардии (например, Краснознамённый ордена Октябрьской революции Президентский полк ФСО РФ, по непонятным причинам получивший совсем недавно название Преображенского).

Из наиболее существенных исследований, связанных с анализом указанного социального и культурного феномена, мы можем выделить диссертационное исследование *С.В. Маслова*[3], в котором он выделяет следующие индексы принадлежности к военной элите:

---

[1] Было бы целесообразнее говорить о социальной категории.
[2] См.: исследования Е.С. Сенявской, А.С. Сенявского, Д.В. Саблина, О.С. Поршнева, В.Л. Кожевина и др.
[3] Маслов С.В. Военная элита: политологический анализ формирования: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.10. / Маслов Сергей Владимирович. М., 1995.

а) должностной статус;

б) профессиональная компетентность;

в) специфика воинского контингента;

г) авторитетность;

д) личностное самовыражение.

Следует подчеркнуть, что указанные индексы выводятся на основе анализа такого сложного профессионально-психологического явления, как «военная деятельность». Исследователь определяет данный параметр следующим образом: «[…] военная деятельность – это специфическая разновидность социально-профессиональной деятельности, а круг людей, занимающихся военным делом – вполне автономная социально-профессиональная общность (слой, сословие) с присущими ей параметрами – ценностями, интересами, потребностями, признаками и качествами. Поэтому природа *военной элитарности глубоко социальна* по своим корням и подчиняется эволюции качественного состояния любого вида социальной деятельности. Основные тенденции качественного улучшения и повышения эффективности социальных видов трудовой деятельности характерны и для военно-профессиональной деятельности, а тот слой людей, который ею занимается, подлежит такой же оценке с позиций элитарности, как и любой социально-профессиональный слой».[1]

Таким образом, понимание современной военной элиты автор исследования связывает исключительно с профессиональными особенностями службы в вооруженных силах. Указанный параметр во многом детерминирован теми задачами, которые решают отдельные сегменты военной машины и, как следствие, необходимым для них людским материалом.

Примечательно то, что идеи Маслова, связанные с изучением актуального состояния военной элиты в России, получают дальнейшее развитие в диссертации П.В. Тарусина. Указанный ученый - один из немногих исследователей, выделяющих и концептуализирующих термин *военно-политическая*

[1] Маслов С.В. Современная военная элита России. // Сборник научных статей. М., 1994. № 6. С. 116.

элита, правда, в заявленных хронологических рамках. При этом автор диссертации берет на себя смелость утверждать, что именно он ввел «в научный лексикон понятия «военно-политическая элита». С данным утверждением нельзя согласится, так как данный термин встречается и в более ранних исследованиях, включая в их число и наши работы.[1] В идеале авторство данного термина следует приписать уже упоминавшемуся нами итальянскому ученому Ю. Эволе.

В то же время обоснование указанного термина, осуществленное Тарусиным применительно к современному этапу развития российской армии, выглядит убедительным. Он позиционирует военно-политическую элиту как «[…]совокупность лиц, занимающих ключевые позиции в структуре управления министерством обороны, является ведущим субъектом военно-стратегического целеполагания (принятии решений в оборонной сфере)».[2] Таким образом, современная военно-политическая элита понимается как *незначительный сегмент высшего генералитета*.

Автор исследования подчеркивает, что вмешательство военной элиты в политические процессы носит «исключительно инструментальный» характер и проходит под контролем конкретных политических сил («старшего партнера»), «использующих силовой ресурс как инструмент реализации собственных интересов».[3] В то же время автор допускает возможность инкорпорирования генералитета в высшую политическую элиту и в конечно итоге сращения с ней, результатом чего становится образование «элитного сплава». В процессе конструирования своего терминологического аппарата автор отрицает целесообразность использования термина «милитократия». В конечном итоге исследователь приходит к выводу, что в России «…была реализована субъективная модель военно-гражданских взаимодействий, означающая до-

[1] См.: Чувардин Г.С. Образы военно-политической элиты Российской империи: кавалергард В.Н. Воейков. / Вестник Орловского государственного университета. Серия: «Новые гуманитарные исследования». 2009. № 1 (5). С. 181-186; Оленников Д. Бенкендорф. М., 2009. С. 197.

[2] Тарусин П.В. Военно-политическая элита в вопросах формирования оборонной политики: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.02 / Тарусин Павел Владимирович. – М., 2010. С. 12.

[3] Там же. С. 18.

стижение политической лояльности высшего генералитета в обмен на автономию в сфере военно-стратегического планирования и бесконтрольное распоряжение властью и выделяемыми ресурсами. Опасения политического руководства относительно чрезмерного усиления влияния ВПЭ, нежелание раздражать высший генералитет способствовали упрочению «субъективной» системы военно-гражданских отношений с опорой на использование спецслужб».[1]

В 2000 г. увидела свет работа историка *С.Т. Минакова* «Советская военная элита 20-х годов»[2], на страницах которой он попытался определить механизмы формирования и последующей эволюции советской военной элиты, начиная с периода окончания Гражданской войны и до начала 30-х гг.

Уже во введении исследователь отмечает, что у советского политического руководства существовало два видения путей формирования военной элиты: «модель» Л.Д. Троцкого и «модель» М.Н. Тухачевского. Модель Троцкого развивалась под воздействием традиционной, типичной еще для царской, предвоенной России парадигмы развития вооруженных сил. Из основных индексов, характерных для элиты указанного типа, историк выделяет «военно-образовательный ценз, стаж службы, чин в старой армии, служебная репутация».[3] Основной особенностью элиты, по Троцкому, являлась ее аполитичность. Элита в варианте Тухачевского в соответствии с его пониманием военно-политической доктрины нового государства должна была «структурироваться иначе, чем в старой русской армии».[4] Армия нового типа должна состоять из представителей различных слоев революционной массы, включая и «старую военную элиту». Главной особенностью становилось нестандартное мышление и высокая степень политической ангажированности («политизированности») ее высшего руководства. Таким образом, исследователь подходит вплотную к определению элиты по Тухачевскому как военно-

[1] Там же. С. 19.
[2] Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000.
[3] Там же. С. 8.
[4] Там же. С. 9.

политической, но данный термин не употребляет. Тем не менее в 1-ом параграфе 1-ой главы приводятся различные комбинации топа военной элиты, сформировавшиеся в общественном мнении и официальной пропаганде РСФСР/СССР. Из «ключевых» фигур 1921-1924 гг. выделяются С. Каменев, П. Лебедев, А. Егоров, М. Фрунзе, М. Тухачевский, А. Зайончковский, С. Буденный, А. Брусилов, Л. Троцкий, П. Сытин, И. Уборевич, А. Корк, Б. Шапошников, А. Балтийский, Г. Хвощинский[1]. Позднее к этой группе постоянно добавлялись отдельные «новые» персонажи (Гамарник, Халепский, Ворошилов, Орлов, Алкснис, Эйдеман и ряд др.) – топ обновлялся, ряды элиты разрастались.

Примечательно, что С.Т. Минаков подчеркивает, что к 1922 г. только трое, Троцкий, Тухачевский и Буденный, «из всех героев и предводителей Красной Армии были осенены «харизмой» ее вождей».[2] Именно «харизма», степень ангажированности, мощное поле политически детерминированных мифологем (в качестве основной обыгрывается «наполеоновская легенда»), героизация, а иногда и демонизация, становятся основанием для устойчивой популярности отдельных фигур высшего военного руководства как среди «массы», так и среди коллег и подчиненных. Еще одним индикатором становилась мощная мемориальная составляющая: живые должны были быть достойны памяти погибших героев революции и Гражданской войны.

К очевидным заслугам исследователя следует отнести «глубокую» стратификацию советской военной элиты в ее социальной динамике, реконструкцию основных мотивов поведения, проявлений рефлексии и реконструкция ментальности. В целом работа С.Т. Минакова перевела исследование феномена военной элиты в русло «новой социальной истории» и почти на целое десятилетие определила тренд данной проблематики. Следует отметить, что тему исследования советской военной элиты 30-х гг. в обозначенном методологическом русле продолжил историк *А.А. Печенкин*[3]. По мнению

[1] Там же. С. 51.
[2] Там же.
[3] Печенкин А.А. Военная элита СССР в 1935-1939 гг.: Репрессии и обновление. М., 2003.

автора главным фактором принадлежности к советской военной элите довоенного периода являлась совокупность *профессиональных составляющих* и, в первую очередь, *воинское звание и занимаемая должность*. Построенная автором система доказательств позволяет говорить о том, что в ходе военных преобразований, проходящих на фоне репрессий, к началу Великой Отечественной войны в СССР сложилась меритократическая военная элита охлократическая по своему содержанию и полностью «безликая» («запуганная») по своему мировоззрению.

Крайне негативную оценку советского генералитета начального периода Великой Отечественной войны («серой генеральской массой»[1]) дает в своей во многом спорной работе *Ю.И. Мухин*[2]. Он определяет высшее военное руководство страны предвоенного и военного периода как «военное сословие». Он указывает на рабоче-крестьянский («охлократический») характер происхождения представителей военного сословия, на низкий профессионализм, отсутствие инициативности и самостоятельности при принятии решений, «страх» перед вышестоящим начальством.

Еще один вариант меритократический трактовки военной элиты (правда начала XX в.) дает в своих работах исследователь *Е.Ю. Сергеев.*[3] В то же время он не ограничивается исключительно «фактором профессионализма», а выделяет следующие отдельные параметры:

а) социальное происхождение и семейное воспитание;

б) образовательный уровень;

в) особенности служебной карьеры;

г) система моральных ценностей и представлений.

В ряде своих исследований Е.Ю. Сергеев доказывает, что в пореформенной России существенную роль начинают играть офицеры Генерального штаба, которые, в конечном итоге, противопоставляют себя группам военной элиты, формирующимся в рамках традиционной модели: социальное проис-

[1] Мухин Ю.И. Если бы не генералы! Проблема военного сословия. М., 2007.
[2] Там же. С. 398.
[3] См.: Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо…» Запад и военная элита России (1900-1914 гг.). М., 2001.

хождение – престижное военно-учебное заведение – гвардейские полки. Исследователь отстаивает идею демократизации армии и выдвижения на важные командные посты «разночинцев» и «крестьян», отличающихся «выдающимися способностями». Данные рассуждения возвращают нас к исследованиям советского периода, в которых доказывалось «необратимое разложение» военной и политической верхушки царской России. В то же время исследования Сергеева следует считать важным этапом в построении целостной, многоуровневой модели военной элиты.

Определенный интерес представляет ряд статей И. Бородкина[1], где он анализирует процесс трансформации отечественной военной элиты на современном этапе. Автор интерпретирует военную элиту как: «[…] определенный слой военных управленцев, обладающих высокими профессиональными и интеллектуальными качествами, а также возможностью и способностью оказывать влияние на действия политической власти в области обеспечения национальной безопасности».[2] Как мы видим, автором указанных исследований используется очевидное *меритократическое* прочтение военной элиты. При этом основными признаками называется интеллектуальная составляющая и степень инкорпорированности во власть.

Указанный автор предлагает свое понимание элитарности, а соответственно и свой механизм индексации военной элиты, где в качестве базовых индексов предлагаются:

а) стиль военной деятельности (полное единоначалие или элементы демократии);

б) масштабы деятельности (оперативный, стратегический уровень);

в) объем властных полномочий (место в структурах военного руководства);

г) время формирования (мирный период, угрожаемый период, период военного времени);

---

[1] Бородкин И. Военная элита российского общества: теория и методология исследования // Вестник военного университета. 2007. №1 (9). С. 34-42.

[2] Там же.

д) содержание деятельности (командование войсками, руководство военными организациями);

е) отношение к власти в целом и местным органам власти;

ж) результаты деятельности;

з) механизмы формирования командных и руководящих качеств.

Исходя из предложенных индексов, автор выделяет три типа военных элит: тоталитарную, либеральную и переходную.[1] При этом профессиональные качества и компетенции указанных элит автор анализирует применительно *к современному периоду*.

Интерпретацию современной российской элиты с выделением ее основных индексов дает также *С. Азбаров*[2]. Указанный автор отмечает связь новой военной элиты со стремительно зарождающейся новой политической элитой и, в то же время, почти сразу же обозначившийся разрыв со старой военной элитой. Азбаров подчеркивает очевидную специфику отечественной военной элиты: «Военная элита имеет ряд существенных отличий от прочих властвующих групп. Это связано со способами рекрутирования в нее, строгой армейской иерархией подчинения вышестоящему начальству, со сложной структурой армии как организации, с ресурсной базой, которой необходимо управлять в любых условиях, с необходимостью выполнять мероприятия по обеспечению безопасности государства внутри страны и за ее пределами».

Данное определение настолько размыто, что не дает не только понимания, но и «примитивного» образа военной элиты. Особенно странно звучит фраза о подчинении «военной элиты» вышестоящему начальству. Столь же неопределенными являются и функции военной элиты, выделяемые автором. Стратификации военной элиты образца 2004 г. по С. Азбарову выглядит следующим образом:

а) «коммерсанты» - группы бизнесменов, связанные с ВПК;

---

[1] Там же.

[2] Азбаров С. Военная элита. // Ресурс: Полит.ру: 27 мая 2004 г. / http: // polit.ru / article / 2004 / 05 / 27 / military_elite /

б) главкомы видов Вооруженных сил РФ: самый «главный» - главком ВМФ, затем главком ВВС и «наименее влиятельный» - главком Сухопутных войск (таким образом, выделяется иерархия «элитарности» родов войск);

б) «генштабовцы» и «люди министра обороны», которые «постоянно» находятся в жестком противостоянии;

в) «чеченское братство» генералов («братство боевых генералов»);

г) наконец, последнюю группу составляет «старая гвардия»: высший генералитет советского и отчасти «ельцинского» периода.[1]

Как мы видим, данная модель во многом условна и лишена законченной обоснованности. Не совсем понятно, как соотносятся группы, обладающие «военной властью» и «экономической властью»: насколько тесен между ними контакт и насколько они инкорпорированы друг в друга. Так называемая «старая гвардия» по своему характеру находится ближе всего к «псевдоэлите», так как не обладает «реальной властью» и лишена какого-либо влияния на происходящие в военной машине процессы. Таким образом, предлагаемая статья, по всей вероятности, отвечает на отдельные частные вопросы, но лишена основательной оценки военной элиты как целостного явления.

Еще одним диссертационным исследованием, косвенно затрагивающим проблему военной элиты, является работа *А.А. Черниловского*.[2] Указанная работа заслуживает отдельного внимания, так как в ее название вынесен термин «военная элита России». Автор данного исследования определяет военную элиту как «группу военнослужащих, принадлежащих к высшему командному составу вооруженных сил, занимающих высшие командно-штабные должности и входящие в состав правящей элиты данного государства».[3]

Автор исследования отождествляет понятия «высший генералитет» и военная элита, подчеркивая, что последняя «уже», чем «просто генералитет».

---

[1] Там же.

[2] Черниловский А.А. Первая мировая война в сознании военной элиты России: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02. / Черниловский Артем Александрович. - Брянск, 2005.

[3] Там же. С. 49.

Кроме этого, автор упоминает о некой «теневой элите», контуры которой настолько размыты, что не позволяет очертить границы исследования.

Странным выглядит тезис автора исследования о том, что к элите нельзя в полной мере отнести ни офицеров генерального штаба, ни гвардейский генералитет (генералов-гвардейцев). Исследователь отказывается дать ответ на вопрос, кого он относит к гвардейцам и кто такие офицеры ГШ. Далее мы постараемся показать (и отнюдь не голословно), что в высших эшелонах военной элиты подавляющая часть офицеров принадлежала одновременно и к императорской гвардии и к ГШ (речь идет о полных генералах и генерал-лейтенантах).

Следует отметить, что при построении системы доказательств Черниловский ссылается на статистику 1907 г., что составляет лишь незначительную часть показателей. К тому же исследователь отказывается индексировать степень инкорпорированности того или иного генерала в гвардию. Достаточно отметить, что к началу Первой мировой войны (и в последующем) подавляющая часть командующих фронтами являлась «гвардейцами»: начинала служить в гвардии, командовала гвардейскими полками или соединениями, или числилась в гвардейских полках. В свою очередь, если следовать логике автора, вершину военной элиты в 1905 г. составляли 6 человек, а к 1914 г. – 5 человек. Еще более странным выглядит утверждение Черниловского о том, что Николай II «был кадровым военным по своему образованию» и являлся «главой всей военной элиты»[1].

В ходе нашего исследования мы попытаемся не только откорректировать данный тезис, но и отчасти опровергнуть его. Весьма спорным выглядит суждение Черниловского о «неком» «неуклонном падении значения гвардии»[2]. Автор отказывается доказать свою точку зрения, ссылаясь в очередной раз на систему стереотипов в оценке отдельных групп офицеров, оформившихся еще в советское время. Анализируя основные статистические показа-

[1] Там же. С. 53.
[2] Там же. С. 54.

тели так и не выявленной в полном объеме военной элиты и отдельных групп ее членства, исследователь «скатывается» до перечисления хорошо известных еще в советское время данных о российском генералитете. По сути, он дает статистику генералов, озвученную еще в начале века П. Режепо[1]. Кроме этого, он периодически ссылается на показатели, выведенные П.А. Зайончковским. Затем он рассуждает о «самом высшем слое», видимо, уже обозначенного «высшего слоя» военной элиты, называя в качестве его представителей двух военных министров. Удивительно то, что во 2-м параграфе, он ни разу не обмолвился ни о членах Военного Совета, ни о командующих военными округами, ни об инспекторах отдельных родов войск. По сути, исследователь записал в военную элиту некий «абстрактный генералитет», который «значительно меньше» реального генералитета, императора и военных министров.

Таким образом, очевидно, что А.А. Черниловский идеализирует объект рассмотрения (особенно в части, затрагивающей анализ «духовных ценностей», которая не выдерживает никакой критики). Он абсолютно правомерно определяет военную элиту как компонент властной элиты, но на этом и останавливается, отказываясь дать ответ на более важный, с нашей точки зрения, вопрос, что такое политическая власть в России. Анализируя основные труды по элитологии, мы указали на две основные трактовки элиты (и военной элиты в том числе): аристократическую и меритакратическую, при этом отметили возможность различных их симбиозов (в том числе и с национальным оттенком). Российский вариант элиты сам по себе отрицал возможность ее восприятия как однозначного явления.

Очевидно и то, что в отечественной элите прослеживается громадное количество латентных групп, вплоть до «групп влияния» (например, великих княгинь, роль которых еще до конца не изучена), которые оказывали не только влияние на принятие политических решений, но и были инкорпорированы во власть институционально.

---

[1] Режепо П. Статистика генералов. СПб., 1903.

Попытка идентификации военной элиты была также предпринята в диссертационном исследовании *И.Н. Гребенкина* «Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914 – 1918 гг.».[1] В своей работе исследователь вполне правомерно выделяет два «элитных образования» в российской армии начала XX в., *российскую императорскую гвардию* и *офицеров ГШ* (собственно этой работой стратификация на элиту и неэлиту исчерпывается), подчеркивая, что их наличие нарушало «единство офицерского корпуса», вступившего в некую полосу демократического перерождения.

Автор также не отрицает возможности стратификации российского офицерства *по родам войск*, выделяя артиллерию, кавалерию и инженерные войска в отдельные группы, отличающиеся более высоким уровнем подготовки. Исследователь подчеркивает: «Ощущение розни между армией и гвардией, представителями разных родов войск, дворянскими «верхами» и демократичными «низами», отношения соперничества среди выходцев из гвардии и Генерального штаба в кругах генералитета являлись типичными внутри офицерского корпуса».[2]

Тем не менее в данных рассуждениях скрыта некоторая вероятность ошибки. Следует учитывать, что выводы И.Н. Гребенкина относятся преимущественно к предвоенным событиям (Первая мировая война) и, как следствие, относятся к армии, находящейся в очередной раз на перепутье не совсем продуманной и последовательной преобразовательной деятельности высшего военно-политического руководства страны. Эти преобразования с большим трудом можно назвать реформами. Можно предположить, что проводимые «преобразования» только углубили пропасть между армиями «старой» и «новой» России. При этом «новая» Россия, а, следовательно, и армия

[1] Гребенкин И.Н. Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914 – 1918 гг.: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02. / Гребёнкин Игорь Николаевич. – Владимир, 2011.
[2] Там же. С. 30.

«новой» России только зарождалась (справедливее сказать - «перерождалась»).

Выделение в особую группу элиты гвардейского офицерства (корпуса офицеров императорской гвардии) также, с нашей точки зрения, не правомерно. Гвардия не являлась однородным явлением. Ее полки были наделены различными характеристиками и, как следствие, были ориентированы на выполнение различных задач (сложно выявить аналогии (по функциональному признаку) между л.-гв. Саперным батальном, Ротой Дворцовых гренадер, л.-гв. Атаманским полком или гв. Конной артиллерией). В своих работах мы неоднократно показывали, что даже на уровне 1-ой и 2-ой гв. пехотных дивизий существовала колоссальная разница и в социальном составе, и механизмах комплектования. Отдельные полки гвардии действительно являлись «аристократическими клубами» и особо опекались царской фамилией, но это не могло распространяться и не распространялось на всю гвардию (в первую очередь, речь идет о ее офицерском корпусе). Таким образом, даже в гвардии мы можем выделить «рабочие части», комплектуемые далеко не представителями аристократии и сближающиеся по своему офицерскому составу с отдельными армейскими частями, отличившимися в отдаленном прошлом и также подшефными императорской фамилии (таких частей можно насчитать более нескольких десятков).

Что касается более высокого профессионализма по отдельным родам войск, то данное суждение порождено сложившейся еще в советское время системой стереотипов и абсолютно неправомерно в отношении армии предвоенного периода. В данном случае следует подчеркнуть, что все зависело от конкретного военного округа (в западных округах подготовка воинских частей была значительно выше вне зависимости от рода войск), соединения, части или даже командира части или подразделения. Тем более, что одной из особенностей карьерного роста офицеров указанного периода стало постоянное повышение квалификации в «различных» «офицерских школах». Что касается «демократической» армии и «дворянской» гвардии, то данное сужде-

ние очевидно не экземплифицировано (как, например, быть с Гренадерским корпусом, дислоцирующимся в Московском ВО и возглавляемым в описываемый период «гв. генералами» М.Ф. Ореусом (командир л.-гв. Уланского Его В. полка), «семеновцем» Э.В. Экком, командиром 1-ой ГПД И.И. Мрозовским)). Наконец, как быть с утверждением о «более высоком уровне профессиональной подготовки кавалерии» по сравнению с пехотой?[1] В данном случае скорее правомерно говорить о степени престижности службы. Столь же противоречиво выглядят и рассуждения об *«особой роли»* офицеров ГШ. В частности не прослеживается их генетическая связь с императорской гвардией. Кроме этого, если говорить именно об элите, игнорируются военные царедворцы, военная геронтократия, не ясно место высшей аристократии и самих Романовых.

Таким образом, *модель стратификации* военной элиты, предложенная Гребенкиным, выглядит следующим образом:

а) офицеры гвардии;

б) офицеры ГШ;

в) отдельные группы генералитета;

г) отдельные рода войск.

Очевидно, что указанная модель стратификации носит «смешанный характер» и также не может считаться полной. Тем не менее, данная работа оказала значительное влияние на процесс изучение военной элиты Российской империи предвоенного периода и на отрезке Первой мировой войны. Существенный вклад указанного исследователя в изучение военной элиты Российской империи завершающего периода правления Николая II очевиден.

Наименее убедительными из всех перечисленных исследований выглядит работа *В.Н. Португальского* и *В.А. Рунова*[2] (носящая скорее справочный характер), которые рассматривают военную элиту как исторически сложившийся за весь период существования российской военной машины *«клуб»*

[1] Там же.
[2] Португальский В.Н., Рунов В.А. Военная элита Российской империи. М., 2009.

выдающихся «полководцев» России (причем в основной своей массе успешных, со звучными, громкими именами). Данный подход, возможно, оправдан как некая мощная мемориальная составляющая, направленная на формирование чувства гордости за собственную страну и ее героическое прошлое, но никакого отношения к оценке феномена военной элиты как конкретно-исторического явления не имеет.

С указанной работой сближается справочное издание *В.А. Залесского* «Военная элита Германии. 1870-1945. Энциклопедический справочник»[1], в котором рассматривается «высший» прусско-германский генералитет, начиная с периода объединения Германии и заканчивая периодом III Рейха. Еще раз подчеркнем, авторы данной работы относят к элите исключительно высший командный состав Германии, без деления его на отдельные группы (информация в работе дается по алфавиту). Подобная точка зрения прослеживается в работе *О.Ю. Куртаева* «Германские элиты в эпоху становления нацизма»[2]. Исследователь выделяет несколько групп, определяющих общий характер германской военной элиты периода III Рейха: главнокомандующих видами вооруженных сил (с их ближайшим окружением), главный штаб вооруженных сил, высший генералитет и представителей военной промышленности. Автор также подчеркивает, что по мере ослабления «титанов» вермахта, военное руководство все более переходило в руки СС, которые также обзавелись своей «военной силой». Высшие чины СС и Waffen-СС, ставшие своеобразной «гвардией» А. Гитлера, должны были оттеснить генералов вермахта на второй план. Партократический принцип должен был возобладать и в армии.

Еще один вариант понимания элиты дает целая группа американских военных историков и, в первую очередь, историков спецслужб (можно выделить работы Криса Макнаба, Джорджа Салливана, Джона Уайзмэна, Стива Крофорда и др.). В данном случае речь идет о наиболее продвинутых группах

[1] Залесский В.А. Военная элита Германии. 1870-1945. Энциклопедический справочник. М., 2011.
[2] Кутарев О.Ю. Германские элиты в эпоху становления нацизма. СПб., 2013.

«элитных» (элитарных) убийц: войсках US Special Operations Forces (SOF). На сегодняшний день данная группа «профессиональных киллеров» от военного ведомства составляет 66000 чел. (частей и подразделений принадлежащих SOCOM) от общей численности ВС США в 1,5 млн. военнослужащих, находящихся на действительной службе.[1] Единственным критерием элитарности в данном случае является *умение быстро и эффективно уничтожать живую силу противника* как в условиях всевозможных конфликтов, преимущественно локальных, так и при проведении тайных операций, которые зачастую так и остаются скрытыми от широкой общественности. Как и подавляющая часть регулярных воинских формирований, представители данного сегмента военной машины отдельных стран мира имеют свою историю и традиции. Следует отметить, что подобные образования имеются и в нашей стране. К. Эмерсон характеризует эту группу следующим образом: «Это *элита*, отлично подготовленные бойцы, чей долг – рисковать жизнью в нечеловеческих условиях. Эти люди раз за разом проникают в самые опасные и горячие точки планеты, и поэтому им приходится быть и шпионами, и солдатами».[2]

Таким образом, в нашем исследовании *элита* трактуется, в первую очередь, как степень *глубины погружения* конкретной «группы членства» *во власть* («объем власти, как механизма принуждения»): при этом в случае императорской России мы должны говорить об устойчивом симбиозе военной и политической элиты, сначала в форме аристократии, а затем меритократии с милитократическим оттенком («военной бюрократии» или «военной меритократии») (см. О. Крыштановскую). В этом плане собственно «политическая элита» может истолковываться в ее понятийной фиксации Д. Крэстевой как «[…] та часть политического класса, которая реально использует власть в данном обществе в данный момент».[3]

---

[1] McNab Chris. America's Elite. US Special Forces from the American Revolution to the present day. NY: Osprey Publishing, 2013. P.8.
[2] Эмерсон К. Выживание по методике спецслужб. 100 ключевых навыков. / Пер. с англ. М., 2016. С. 13-14.
[3] Крэстева Д. Указ. соч. С. 107.

Что касается интеллектуальной элиты, то она может интерпретироваться как «элита» не по объему порождаемых ею когнитивных полей, а благодаря возможности с помощью проецируемых мыслеобразов манипулировать определёнными социальными группами, включая саму политическую власть. В данном случае эту мысль достаточно чётко выразила Д. Крэстева. Она писала: «Все элиты имеют символическую власть настолько, насколько олицетворяют ценность, дело, идею. Они воспринимаются как «живые символы статус-кво», «истеблишмента», строя, новых идей. Однако имеется одна группа, для которой производство моделей мышления и поведения является не артефактом, а основным измерением ее власти. Эта группа – интеллектуальная элита (писатели, ученые, журналисты, даже звезды искусства, спорта), и она не случайно иногда определяется как символическая»[1].

Экономической элиты в России указанного отрезка времени фактически не было. Государство делало все возможное, чтобы сдерживать её развитие и, как следствие, манипулировать отдельными ее представителями, - именно в этих процессах следует искать основные причины фронды (а возможно, и 1-ой мировой войны: стремление меритократии к власти).

Таким образом, элита - это *только* (и только) отношение к власти. При этом нужно учитывать, что в России власть всегда являлась высшей (если не единственной) ценностью.

При рассуждении о милитократии как одной из формализаций элиты мы можем выделить всего две ее основные формы: этатократию и аристократию. В указанных моделях «силовики», как правило, срастаются с политической элитой и оказываются инкорпорированы в неё.

Построить «усредненную модель» представительства военно-политической элиты достаточно сложно. В данном случае необходимо отталкиваться от общего представления о физиономии власти в Российской империи, а также от функций, возлагаемых на ее носителей. Исходя из этого можно построить условную профессиограмму и, как следствие, определить,

[1] Там же. С. 111.

насколько тот или иной представитель соответствовал ей, насколько осознано выполнял свои задачи, а в конечном итоге, осознавал (рефлексировал) свою принадлежность к власти как элите.

Понятие государственных интересов, как правило, являлось и является фикцией. На самом деле мы вынуждены говорить о двух группах мотивов носителей власти: об удовлетворении интересов носителей более высоких властных полномочий в иерархии и о стремлении воспользоваться своим положением. Таким образом, любой носитель власти своим поведением и его сознательной проекцией выражает:

1)групповой эгоизм (при этом высшие мотивы поведения группы он, как правило, не осознает);

2)индивидуальный эгоизм.

Исходя из общей концепции стратификации элит Ч.-Р. Миллса, можно говорить об очевидной неоднородности военной элиты в России: с одной стороны, можно выделить военно-политическую элиту как осколок милитократии предыдущей эпохи, с другой - собственно военную элиту, также не являвшую собой однородного пространства.

Пример России, как вначале аристократии, а затем этатократии, более чем показателен на всех этапах её развития. При этом важной составляющей этатократического перерождения является оформление того, что Миллс называет «военной бюрократией», процесс формирования которой падает в России на эпоху правления императоров Николая I - Александра II. Важное место в процессе формирования «военной бюрократии» играет становление Генерального Штаба как продукта очевидно прусского влияния. В Пруссии «мозг армии» в окончательном виде оформился к эпохе франко-прусской войны. В России этот процесс был не столь очевидным, так как мощной заменой ГШ являлась гвардия. В объединенной Германии ГК являлся симбиозом нескольких гвардий: в период объединения Германии отдельные княжества и герцогства имели самостоятельные гвардии, и самой именитой из них была прусская гвардия. В конце концов они потеряли самодостаточность и

стали единым целым, будучи в конечном итоге отодвинутыми на вторые позиции.

В России гвардия была изначально школой офицерства и являлась в какой-то мере уникальным образованием. НАГШ необходимо было время, чтобы набрать вес. Она также требовала определенной «отдачи» (знаний и элементарных способностей-задатков), потому что в ней надо было учиться. Дети аристократов, получая домашнее образование (позднее чаще всего обучаясь в ПК), особым желанием «упорно учиться» не горели. Таким образом, гвардию необходимо было сохранить как *важнейший канал социализации* и карьерного роста отпрысков властной элиты (аристократической компоненты). В НАГШ также учился значительный процент гвардейцев, но это была та часть дворянства (вплоть до отдельных аристократических родов), которая не смогла адаптироваться к «духу индустриальной» эпохи и использовала НАГШ как единственно возможный шанс соответствовать «духу аристократического прошлого».

Представители любых форм власти всегда тяготеют к тотальному контролю над ресурсами. Одним из основных ресурсов для эксплуатации является человек. Армия это пространство иерархизации контроля над ресурсами. Это наиболее авторитарная форма тотального контроля над человеческой жизнью, - своеобразная форма обезличивания человека и одновременно высшая форма социализации и аккультурации, когда формируется полностью зависимая и абсолютно «недумающая» (лишенная когнитивности очевидного), слепо подчиняющаяся приказам (в том числе и абсолютно безнравственным) послушная масса (в данном случае все оправдывается агрессивно и репрессивно защищаемыми уставными нормами). Главное, это убежденность манипуляторов, которые зачастую даже не осознают что манипулируют, в праве на манипулирование. Власть - это контроль, в первую очередь, над человеческими ресурсами, искусство подчинить коллективную волю воле незначительной группы, а затем через эту группу осуществлять контроль

над прочими видами ресурсов. Элита в этом плане предстает как некий центр политического и военного контроля над видами ресурсов.

В то же время власть не целокупна и динамична (при очевидном стремлении ее представителей к закрытости). В Российской империи уже в 80-е гг. XIX в. мы сталкиваемся со множественностью элит, которые вступают в ожесточенную конкурентную борьбу друг с другом.

Вступающая на путь размывания социальных перегородок Российская империя (император Александр II и его политическое окружение) провоцирует возникновение абсолютно новой группы лиц, происходящей из социальных низов, отдельные представители которой к концу XIX в. последовательно рекрутируются в среду политической и военно-политической элиты (для России правомерно говорить именно о военно-политической элите). В результате начинается процесс латентной дифференциации элит, так как аристократия в любом случае не желала принимать как равных *parvenu* из низших социальных слоев. С другой стороны, накапливается довольно существенный процент «стариков», которые начинают формировать слой геронтократии (военные чиновники и офицеры эпох Николая I – Александра II: таких было немало и они являются вполне ощутимым препятствием для молодых администраторов).

Таким образом, к началу века мы имеем:

1) геронтократию, которая в том числе опирается на «Старый Двор» и старших великих князей-соратников;

2) аристократию, опирающуюся на различные группы «высших сановников» из аристократии и молодых великих князей;

3) *parvenu* из плебса, которым по ряду причин удалось сделать карьеру;

4) наконец, медленно нарождающуюся меритократию, процесс становления которой искусственно сдерживается.

В этом плане своеобразным яблоком раздора становится императорская гвардия. К началу века в ней могли служить не просто богатые, а только «очень» богатые. И не просто «очень» богатые, а еще и из представителей

знатных родов, да еще желательно, чтобы из родов «коренных» гвардейцев, да еще, - «коренных» именно из этих полков, что было обусловлено силой традиции. Как следствие постепенно образовывалось две группы недовольных: это «коренные» (но теперь «бывшие коренные»), у которых не было денег и они вынуждены были покидать гвардейские полки, уходя в НАГШ. Они желали служить в гвардии (своих «родных частях»), но не могли. В результате формировался комплекс неполноценности, который компенсировался за счет преувеличения значимости и престижности академии. На самом деле НАГШ, как и большинство военно-учебных заведений империи, давала обрывочные, зачастую бессистемные знания.

Вторая группа - это «простые смертные», попавшие в НАГШ, но после ее окончания не имевшие возможности карьерного роста, так как им мешало их происхождение, геронтократы и остатки аристократии.

Именно среди дворянского сословия, из которого рекрутировалась основная масса представителей среднего и мелкого чиновничества, включая офицеров и военное чиновничество, складывается группа, остро ненавидящая аристократию. Еще раз оговоримся, не народная масса (особенно крестьяне), а именно «обедневшее дворянство» (а вкупе с ним средняя и мелкая буржуазия и интеллигенция) на волне либерализации хотело уничтожения аристократии, хотело радикального обновления России: перехода к парламентаризму и конституционализму. В армии образ аристократического правления был, безусловно, связан с гвардией. Показательно то, что значительная часть «разорившегося дворянства» отдавала своих в целом талантливых мальчиков в военные училища, которые они успешно кончали и «выходили» в гвардию, но служить в ней по причине дороговизны они не могли и, как следствие, переводились в армию или поступали в НАГШ (или опускались и с треском вылетали не только из гвардии, но и из армии). Но психологическая травма оставалась на всю жизнь. Оставалась ненависть к великим князьям, блистательным генералам-аристократам, наконец, самому царю. Показательно, что даже в целом успешные офицеры, например, семеновец Ю.В.

Макаров, ненавидели гв. и военно-политический бомонд: издевались, шутили, иронизировали, но в целом, ненавидели. Именно из этой ужасающей ситуации и выросла идея уничтожить царя, царскую семью, аристократию и, наконец, гвардию (как форпост и пережиток «старого» и косного).

Были и те, кто ненавидел ненавистью маленького мальчика-простолюдина, который из-за ограды смотрит, как развращенные богатые дети выбрасывают недоеденный пирожок или мороженное.

Так испытывал отвращение к обозначенным выше условным «группам членства» военный министр генерал А.Ф. Редигер, который в своих воспоминаниях буквально помешан на деньгах. Чувствуется, как он всей душой ненавидит «старую Россию», всех этих князей и «стариков» и просто жаждет мести.

Наконец, ненавидели промышленники и купечество – у них были деньги, но купить на них «гвардию» они не могли. Именно здесь и зародилось желание уничтожить «старою Россию», а более конкретно - гвардию, ибо «старая Россия» и являлась гвардией, во главе с гвардейцем-царем.

1.2.Проблема рассмотрения «военной» и «военно-политической» элиты в отечественной историографии

Анализ изучения военной элиты как крайне сложного в плане ее стратификации явления следует рассматривать в первую очередь через историографию как *всего офицерского корпуса* Российской империи, так и его отдельных групп: в данном случае речь должна идти *о генералитете* («гвардейском генералитете»), *офицерском корпусе ГШ* и, безусловно, российской *императорской гвардии* как главной элитообразующей структуры империи[1].

Несмотря на значительное число разноплановых в жанровом и тематическом отношении работ *комплексных исследований* военно-политической и военной элиты и *ее важнейших сегментов* на отрезке правления императоров

[1] При этом также целесообразно рассмотрение работ относящихся к «русскому зарубежью».

Александра III – Николая II, фактически нет. И если проблема анализа офицерского корпуса и российского генералитета находится в стадии активной разработки, то изучение *социальной истории российской императорской гвардии* находится на периферии исследовательского интереса отечественных историков.

Весь массив работ историографического плана можно разделить на *четыре значительные группы* (*1-я группа:* работы рубежа 80-90-х г. г. XIX в. – 1917 г.; *2-я группа:* работы 1917 – начала 60-х гг. XX в. (с 30-х г. г. - «сталинская историография»); *3-я группа* – исследования середины-конца 60-х – 1-й половины 80-х г. г.; *4-я группа:* исследования конца 80-х г. г. XX в. – вплоть до начала 2-го десятилетия XXI в.), границы которых определяются временными особенностями их написания. В данной работе предлагается *системно-хронологический подход* к построению историографической модели.

Первую группу составляют работы дореволюционного периода. Уже к началу XX в. появляется ряд исследований, демонстрирующих глубокое осмысление процессов, происходящих в Российской армии и структурах военного управления, в первую очередь, военной активности России и ее влияния на реформирование всей военной машины. В основном это работы отдельных военных теоретиков и ученых, являющихся офицерами ГШ, либо состоящих в штате НАГШ: П.А. Режепо[1], Е.И. Мартынова, Н.Н. Головина, Г.И. Бобрикова[2], Н.Д. Бутовского[3], Д. Парского[4], А.Ф. Риттиха[5] и ряда др. исследователей.

В них предпринимаются первые попытки выявить место русской армии и ее офицерского корпуса в истории Отечества, а также проанализировать ситуацию, сложившуюся в армии на рубеже веков. При этом роль и место

---

[1] Режепо П.А. Статистика генералов. СПб., 1903; Режепо П.А. Статистика полковников. СПб., 1905; Режепо П.А. Офицерский вопрос. СПб., 1909.

[2] Бобриков Г. Основные проблемы государственной обороны. // Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. М., 2002. С. 344-364.

[3] Бутовский Н.Д. Очерки современного офицерского быта. СПб., 1899; Бутовский Н.Д. Повести из современной офицерской жизни. СПб., 1914.

[4] Парский Д. Что нужно нашей армии. // Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. М., 2002. С. 206-223.

[5] Риттих А.Ф. Русский военный быт в действительности и мечтах. СПб., 1897.

офицеров ГШ и гвардии в Российской армии не исследовались. Вместе с тем П.А. Режепо, достаточно подробно анализируя общее состояние генералитета в основных его статистических показателях, делает вывод об аристократическом характере службы в гвардейских частях, а следовательно, об изначально существующем неравенстве и в стартовых возможностях, и в последующем продвижении по службе между гвардейским и армейским офицерством. Особый характер службы в гвардейских полках, по мнению автора, был обусловлен комплектованием гвардейских полков из представителей титулованной знати.[1]

С точкой зрения П.А. Режепо перекликается и оценка определенных групп российской военной элиты ГШ г.-майором Е.И. Мартыновым. При этом генерал идет еще дальше в критике сложившейся в современной ему России порочной модели формирования «высшего командного состава». В частности, в одной из своих статей, относящихся к 1906 г. и затрагивающих состояние русской армии накануне русско-японской войны[2], он проводит четкую разделительную линию между гвардейцами и офицерами ГШ, с одной стороны, и «простыми» армейцами, находящимися в условиях несения «тяжелой» службы и «стесненном материальном положении», с другой. Он подчеркивает, что с начала XX в. положение офицера армейца только *ухудшилось*, так как наряду с сохранившимися привилегиями остатков аристократии решающую роль во всех областях жизни, и армия в этом плане не исключение, стали играть деньги. Е.И. Мартынов подчеркивал, что уважением в армии, как социальном институте, продолжают пользоваться только офицеры «[…]нескольких гвардейских полков, так как большинство их принадлежит к богатому дворянству, и офицеры генерального штаба, потому что в них видят будущих военных и гражданских сановников».[3] В результате значительная часть талантливых, но небогатых офицеров нашла *«себе выход на*

[1]Режепо П.А. Статистика полковников. СПб., 1905. С. 17-18.
[2] Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны. // Политика и стратегия. М., 2003. С. 53-120.
[3] Там же. С. 72.

сторону», и сухопутная часть русской армии встретила войну с «весьма слабым» офицерским составом.

Таким образом, генерал фактически выявляет новый тип рекрутирования элиты (сложившийся наряду с уже существующим) – плутократический. Наибольшую ценность в рассуждениях Мартынова представляет оценка путей элитообразования, обозначившихся в русской армии еще в конце правления Александра III: «Первый путь есть служба в одном из дорогих гвардейских полков […] Другой путь доступен лишь генеральному штабу […] Третий путь придворный […] Итак, фешенебельный ресторан, петербургская канцелярия и дворцовая приемная, вот где изготовляется большинство русских военачальников».[1] Наиболее порочным Е.И. Мартынов считает третий путь, так как высшие должности получают не службисты, которые, несмотря на очевидно недостаточную прививку профессионализма в гвардии и ГШ, все-таки прослеживаются, а «прекрасные анекдотисты», «веселые собутыльники», «домашние порученцы» и прочие «приятные во всех отношениях» люди.[2] Примечательно то, что генерал говорит об указанных трех группах как о потенциальной элите: фешенебельные полки гвардии, отдельные ведомства ГШ, «свиты» знатных особ. Следует отметить, что критические оценки, высказываемые П.А. Режепо и Е.И. Мартыновым были не единичны, но на официальном уровне не приветствовались, поэтому значительная часть работ сохраняла нейтральный тон в анализе общего состояния вооруженных сил последней четверти XIX – нач. XX в.

Весьма *сдержанны* в критических оценках своих действий и действий своих коллег представители самой военной элиты, пытавшиеся разобраться в причинах поражения в русско-японской войне. В частности, свое понимание произошедшего оставили генералы Д.А. Милютин[3], А.П. Скугаревкий[4] и

[1] Там же. С. 67-68.
[2] Там же. С. 68.
[3] Милютин Д.А. Старческие размышления о современном положении военного дела в России. // Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. М., 2002. С. 95-115.
[4]Скугаревский А.П. «Очерки и заметки». Вып.3. СПб., без года изд. // О долге и чести воинской в российской армии: Собрание материалов, документов и статей. / Сост. Ю.А. Галушко, А.А. Колесников. Под ред. В.Н. Лобова. 2-е изд. М., 1991.

А.Н. Куропаткин[1]. Следует подчеркнуть, что и Д.А. Милютин, и А.Н. Куропаткин «в душе» продолжали оставаться «царедворцами» до конца своих дней и считали нецелесообразным выступать с острой критикой действий высшего военного руководства. Тем не менее Милютин указывает на абсолютную бездарность практически всего командного состава («старших генералов») русской армии в Манчжурии.[2] В качестве панацеи для «спасения сложившейся ситуации» Милютин называет необходимость создания полководца нового типа, способного выработать «рациональный образ ведения войны».[3]

Генерал А.П. Скугаревский указывает практически на те же пути элитообразования в империи, как и Е.Н. Мартынов, и выступает с жесткой критикой ГШ и сложившейся в его «стенах» порочной системы чинопроизводства. Он подчеркивает, что императорская гвардия также серьезно «отстала от жизни», а ее генералы погрязли в «парадной, показной» стороне службы, пренебрегая боевой подготовкой.[4]

Е.Н. Мартынов и А.П. Скугаревский, а вкупе с ними незначительная часть аналитиков периода русско-японской и вплоть до Первой мировой войны, предваряя отдельные «прозрения» целой плеяды историков 1990-х гг., обозначили необходимость «стратификации» офицерского корпуса русской армии, продемонстрировали очевидную неоднородность по целому ряду показателей (при этом социальное происхождение рассматривалось как важный, но отнюдь не решающий фактор), как представителей российского генералитета, так и отдельных групп членства в различных институтах российской военной машины. В целом уже этими аналитиками был сделан вывод о трех группах военной элиты: военных чиновниках-«царедворцах», офицерах ГШ и офицерах «дорогих полков» императорской гвардии. Примечательно,

[1] Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904-1905: Итоги войны. СПб., 2002; Куропаткин А.Н. Русская армия. СПб., 2003.
[2] Милютин Д.А. Указ. соч. С. 99.
[3] Там же. С. 99.
[4] Скугаревский А.П. Указ. соч.

что ни один из указанных мыслителей не относит генералитет к особой элитарной группе, осознавая его *очевидную неоднородность*.

А.Н. Куропаткина можно записать в сторонники «ограниченной меритократии». Он связывает причину деградации офицерского корпуса с разрушением высокого профессионального и культурного уровня российского офицерства. Это обусловлено проникновением в его ряды «разночинного элемента», оканчивающего юнкерские училища, в стенах которых давали «образование ниже среднего»[1]. Куропаткин сетует на то, что в современном ему офицерском корпусе осталось мало дворян, что нанесло удар по корпоративному духу, традициям и дисциплине[2]. Генерал допускает возможность проникновения в офицерский корпус «хорошо воспитанных» молодых людей недворянского происхождения: «Можно усилить требования, но закрывать доступ к военной службе юноше, образованному, хорошо воспитанному, чувствующему призвание к военной службе, физически хорошо развитому только потому, что он не из дворян для армии и России не выгодно».[3] Он остаётся на позициях «указа о кухаркиных детях», но для армии. Как следствие, допускать проникновение в офицерскую среду лиц, лишенных вышеперечисленных «не желательно», и такое проникновение «необходимо» пресекать.[4]

Чрезвычайно аккуратны в оценках общего состояния вооруженных сил, а также отдельных групп офицерского корпуса, включая высший командный состав, и генштабисты, например, генерал Н.Н. Янушкевич[5] и полковник В.П. Никольский.[6] Их оценки общего состояния вооруженных сил можно назвать примером «сдержанной лояльности». Примечательно, что В.П. Никольский осмеливается на робкую критику, но не идет дальше негативной

[1] Куропаткин А.Н. Русская армия. СПб., 2003. С. 180.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Янушкевич Н.Н. Состояние вооруженных сил России со времени введения общеобязательной воинской повинности. Важнейшие реформы в военном деле в царствование императора Александра III. // История русской армии. Иллюстрированное издание. Современная версия. М., 2009. С. 705.
[6] Никольский В.П. Военное дело в России при вступлении на престол императора Николая II и перед войной 1904-1905 гг. // История русской армии. Иллюстрированное издание. Современная версия. М., 2009. С. 721.

оценки ситуации в области «отсутствия единства обучения», некоторых конфликтов между сторонниками той или иной школы военного искусства, а также использования войск не по назначению.[1]

Значительный массив работ по военной истории начала XX в. был представлен группой работ справочного характера, затрагивающих и такие аспекты, как история императорской гвардии. В данном случае было бы целесообразно отнести их к источниковой базе исследования, но в то же время в них дается, пусть и крайне лаконичный, набор исторических справок и отступлений, проливающих свет на историю возникновения, эволюцию, актуальное состояние, особенности полковых традиций и службы различных групп чинов и чиновников отдельных гвардейских полков. Наибольший интерес представляют «справочники» барона В. Штейнгеля[2] и В.К. Шенка[3], затрагивающие историю полков российской императорский гвардии в формате всего Гвардейского корпуса. Примечательно, что справочную литературу продолжали выпускать и в эмиграции. Например, издание В.В. Орехова и Е. Тарусского «Армия и флот», увидевшее свет в 1929 г.[4]

Определенный интерес представляют истории отдельных гвардейских полков, составленные их офицерами. Они носят очевидный разноплановый характер, отличаются высокой степенью субъективизма, носят ярко выраженный эпистолярный характер, отражают исключительно «официальную точку зрения». Некоторые современные историки используют данные работы как источники по реконструкции быта и повседневности российской императорской армии в силу содержания в них значительного справочного материала.

Отдельные полковые истории отличаются глубиной и крайней скрупулёзностью в подаче исторического факта. Как правило, они снабжены обширным фактическим материалом, содержащим в себе приказы по полкам,

---

[1] Там же. С. 724.
[2] Штейнгель В. Императорская российская Гвардия 1700-1878, (хронологические таблицы). СПб., 1878.
[3] Императорская гвардия. Справочная книжка. // Под редакцией В.К. Шенка. СПб., 1910.
[4] Орехов В.В. и Тарусский Е. Армия и флот. Военный справочник. Париж, 1929.

списки шефов, командиров и офицеров, описание эволюции формы частей, а также особой полковой атрибутики. В ряде полковых историй можно встретить мартирологи рядового и офицерского состава, связанные с участием полков в отдельных кампаниях и сражениях. С другой стороны, можно выделить крайне скудные по подаче фактического материала и весьма незначительные по объему истории полков, чаще всего написанные в виде памяток для офицерского или рядового состава.

Из наиболее значимых исследований можно выделить: «История Гвардейской артиллерии»[1]; «Лейб-гв. Конный полк. Краткий очерк истории»[2]; «Из прошлого. Исторические материалы лб.-гв. Семеновского полка»; «Краткая история лб.-гв. Семеновского полка»[3]; «История лейб-гвардии Семеновского полка»[4]; «История лб.-гв. Преображенского полка 1700-1914 гг.» и др[5].

Колоссальную ценность представляет серия работ *отдельных авторов*, офицеров подразделений военного ведомства, посвященная 100-летию военного министерства (под редакцией г.-лейтенанта Д.А. Скалона[6]), начавшая

---

[1]Потоцкий П., капитан л.-гв. 1-ой артиллерийской бригады. История Гвардейской артиллерии. СПб., 1896.

[2] Лейб-гв. Конный полк. Краткий очерк истории. СПб, 1904.

[3] Из прошлого. Исторические материалы лб.-гв. Семеновского полка. СПб., 1911; Краткая история лб.-гв. Семеновского полка. СПб., 1910.

[4]Дирин П.Н. История лейб-гвардии Семеновского полка. Т. 1-2. СПб., 1883.

[5]Боборовский П.О. История лб.-гв. Преображенского полка 1700-1914 гг. СПб., 1904; Вишняков Е.П., Мартынов А.Г. История лб.-гв. Преображенского полка (1683-1872). СПб., 1872; Бобровский П.О. Потешные и начало лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1899; Стрелки Императорской Фамилии. Исторический очерк. СПб., 1881; Петин С. Собственный Его Императорского Величества Конвой. Исторический очерк. СПб., 1899; Краткая история лб. гв. гусарского е. в. полка. СПб., 1910; Бенкендорф, ротмистр. Краткая история Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка. СПб., 1880; Очерк истории Лейб-гвардии Уланского Ея Императорского Величества императрицы Александры Федоровны полка. Составлен корнетом К. Александровским. Приложение. СПб., 1896; История Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка. Составлена офицерами полка. СПб., 1876 г.; Зноско-Боровский Н.А. История лб.-гв. Измайловского полка. СПб.,1882; История лейб-гвардии Егерского полка за 100 лет 1796-1896. СПб., 1896; Воронов П.Н., Бутовский В.Д. История лейб-гвардии Павловского полка. СПб., 1875; Гоувальт О.Х. История лейб-гвардии Павловского полка. СПб., 1852; Сорокин Б., капитан. Наше прошлое. Боевая жизнь и мирная служба Л.-Гв. Литовского полка. Краткий очерк. Варшава, 1900.

[6] Михневич Н.П. Главный штаб. Исторический очерк. Вооруженные силы России до царствования императора Александра I. СПб., 1902; Струков Д.П. Главное Артиллерийское Управление. Ч. I. Кн. I. СПб., 1902; Езерский С.И., Козырев М.А. Главный Военно-санитарный комитет. Исторический очерк. СПб., 1902; Данилов Н.А. Исторический очерк деятельности Канцелярии Военного министерства и Военного Совета. Ч. I. СПб., 1907; Императорская Главная квартира. История Государевой Свиты. СПб., 1902; Никольский А.И., Чернощеков Н.А. Воинская повинность казачьих войск. Исторический очерк. СПб., 1907; Затворницкий Н.М. Память о членах Военного Совета. Портреты и биографические очерки. СПб., 1907; Затворницкий Н.М. Военные министры и главноуправляющие военной частью в России с 1701 по 1910 год. Т.III. Отдел VI. СПб., 1911; Никифоров А.В. Чинопроизводство по военному ведомству. Исторический очерк. Кн.I. Отдел IIIа. СПб., 1912 и ряд др. изданий.

издаваться в 1902 г. Они посвящены отдельным ведомствам и структурам российской императорской армии, содержат обширный биографический, статистический и справочный материал, но при этом работы носят описательный характер. Как и отдельные полковые истории, эти работы могут использоваться и в качестве справочного материала, и в качестве оригинального исторического источника.

Вывод. Для исследований особенностей русской армии и «офицерского вопроса» рубежа XIX – нач. XX в. характерно восприятие офицерского корпуса как сложного и неоднородного явления.

1)Предпринимаются попытки «поверхностной» стратификации офицерского корпуса, что было обусловлено «нарастающей тревогой» в офицерской среде из-за стремительной трансформации. В работах после русско-японской войны 1904-1905 гг. прослеживается желание не только выявить и осмыслить просчеты в развитии военного дела, но и определить вероятные пути их преодоления.

2)Особенностью рассматриваемой эпохи является значительный массив справочной литературы.

3)Содержание подавляющей части аналитических работ определяется господствующей идеологией и, при очевидной критике отдельных проблем, проникнуто монархическим верноподданическим духом. Как следствие, поток критики обращен либо в сторону отдельных личностей, либо «низкого качества» человеческого материала, заполнение которым армии было связано с либеральными реформами 60-70-х гг. XIX в.

Таким образом, исследование указанного периода отличает высокая степень субъективизма, желание придерживаться официальной версии решения проблем военного ведомства, «заговором молчания» в отношении ошибок и просчетов представителей высшей военной власти. Еще одной особенностью является авторство работ в области военной истории и военного искусства в целом – в основной своей массе это кадровые офицеры. В целом

тренд рассматриваемой эпохи определяется общим состоянием военной науки указанного периода.

Вторую группу работ, связанных с изучением офицерского корпуса в очерченных хронологических рамках, составляют исторические исследования советских историков 1917 – начала 60-х г. г. XX в. (с 30-х г. г. - «сталинская историография», в которой *общее содержание понимания исторического процесса связано с установками «Краткого курса истории ВКП(б)».*[1])). Данный период отличался крайней односторонностью суждений в оценках исторического прошлого и был детерминирован характерными для отдельных этапов эволюции советской политической системы идеологическими установками.

В то же время следует подчеркнуть, что к середине - концу 1920-х г. г. еще сохранялась группа аналитиков[2], преимущественно из среды офицеров царской армии (чаще всего «принадлежавших» к ГШ), перешедших на сторону советской власти и имевших относительно *адекватное* представление о российской военной машине предвоенного периода. Среди представителей указанной группы особое место занимает генерала А.М. Зайончковский (1862–1926 г. г.), командовавший в дореволюционный период л.-гв. Егерским п. и 1-ой бригадой 1-й гв. пехотной дивизии и являвшейся доверенным лицо в. к. Михаила Николаевича.

Рассуждения аналитика примечательны тем, что он сам принадлежал к военной элите, но был вынужден «адаптироваться» к новым идеологическим установкам советской идеократии. Основной акцент А.М. Зайончковский смещает на анализ структуры русской армии, механизмов ее материально-технического обеспечения, особенностей стратегии и тактики в отдельных кампаниях XIX - нач. XX вв. Автор поднимает и ряд вопросов, связанных с

---

[1] По этому поводу исследователи Л.П. Репина, В.В. Зверева и М.Ю. Парамонова пишут следующее: «С начала 1930-х и до начала 1940-х исследователи констатируют полное подчинение науки требованиям партийно-идеологической системы, ликвидацию любой научной альтернативы марксизму и пресечение научных поисков в самом марксизме» (см.: Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 223)

[2] Представителей денной группы достаточно сложно назвать серьезными учеными, а выводы их работ не выходят за пределы профессионального горизонта.

изучением офицерского корпуса. Так, в работе «Подготовка России к империалистической войне», опубликованной в 1926 г. (примечательно то, что вступительная статья к указанной работе написана М.Н. Тухачевским)[1], отталкиваясь от мобилизационной стратегии и подробного анализа ТВД и планов подготовки к вероятной войне в центральной Европе, он указывает, что качество офицерского состава русской армии, особенно военных теоретиков ГШ, оставляло желать лучшего. В данном случае примечательны оценка общего уровня военной мысли (на примере доклада генерала Алексеева 1908 г.), а также характеристика высших чинов ГШ (его начальников), состоящих при В.А. Сухомлинове[2].

Оценивая общее состояние армии после русско-японской войны как неудовлетворительное (при этом подчеркивая, что наиболее неподготовленной ее частью являлся высший командный состав[3]), Зайончковский указывает на особую значимость СПб. ВО и его руководства для ее реорганизации, причем решающую роль в этом процессе играл Красносельский лагерный сбор. Интересно отметить, что Зайончковский косвенным образом подчеркивает особую роль гвардии в развитии военной машины и военного искусства и фактически констатирует, что именно гвардейские штаб-офицеры «получали большую часть армейских полков».[4]

Уже с 1930-х г. г. советские историки будут последовательно критиковать и руководство СПб. ВО и летние занятия округа в Красносельском лагере, настаивая на их «поверхностном» и «показном» («плац-парадном») характере.

К 1930-м г. г. окончательно оформляется устойчивое представление о крайней «реакционности» русского офицерства периода правления Николая I–Николая II. При этом генералитет и гвардия рассматриваются как основа «реакции» и главная опора «прогнившего царизма».

---

[1] Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. По архивным документам. Со вступительной статьей М.Н. Тухачевского. Штаб Р.К.К.А. Управление по исследованию и использованию опыта войны, 1926.
[2] Зайончковский А.М. Указ. изд. - С.83.
[3] Там же. - С.96.
[4] Там же. - С.95.

В целом марксистская модель объяснения исторического процесса, тяготея к общей концепции эгалитаризма как «конца истории», выступала с отрицанием теории элит в принципе (хотя марксизм и перекликается с элитстской критикой демократического плюрализма). Сама по себе «элита» лишена конкретного содержания, многослойна (и даже, в случае с меритократией, социально неоднородна), аккумулирует власть «из разных источников». В марксизме господствует «монистический взгляд на историю» и однозначное, экономически детерминированное, восприятие «правящего, эксплуататорского класса» как целокупного, однородного явления.[1]

Примером применения классового подхода к анализу российской военной машины кануна русско-японской войны можно считать исследование *Н.А. Левицкого* «Русско-японская война 1904-1905 гг.», увидевшее свет в 1938 г. Автор оценивает состояние офицерского корпуса как «состояние крайнего упадка».[2] Русский офицер отличался следующими чертами: он был не склонен к новаторству, его «дисциплинированность» опиралась на чувство страха, он был лишен самостоятельности и инициативы, он был воспитан на «отживших свое время суворовских образцах».[3] А командный состав армии состоял из «прогнившей аристократии»[4] и не был способен вести солдатские массы к победе.

Великая Отечественная война позволила переосмыслить роль и место армии в истории России и стимулировала желание к ее изучению. В целом работы исследователей этого периода (А.Л. Сидорова, И.Ф. Гиндина, В.И. Бовыкина и ряда др.) развивают тематические сюжеты предыдущего отрезка времени.

В качестве примера некой разделительной линии между историографией «сталинского периода» отечественной истории и новыми историческими трендами, навеянными процессом частичной «десталинизации», можно счи-

---

[1] Хейвуд Эндрю. Политология. 2-е издание. М., 2013.
[2] Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904-1905 гг. // Русско-японская война. М.-СПб., 2003.
[3] Там же. С. 31.
[4] Там же.

тать отдельные работы конца 50 – нач. 60-х г. г. XX в. В них можно встретить и сдержанное восхищение личностью «вождя», и резкую крайность, и одностороннюю однозначность оценок политических процессов и социальных агентов дореволюционной России. В качестве характерного примера можно привести монографию В.В. Бритова.[1] В ней практически все довоенное офицерство, состоявшее «почти сплошь из крупной буржуазии и дворян», записывается в категорию «неблагонадежного» и «политически неграмотного». Только незначительная часть представителей этой группы, которая именуется «лучшая часть»[2], «порвала со своим прошлым добровольно».[3] Подавляющая же часть «бывших», а особенно генералов, являлась «специалистами, не по делу, а по контрреволюции».[4] В данном случае мы имеем дело с крайне политизированным исследованием, опирающемся на весьма выборочный подбор и интерпретацию исторических источников. Примечательно, что в таком духе выдержана значительная часть работ периода хрущевской «оттепели». В данном случае показательны исследования Н.Т. Силина, А. Шакулы[5], С.И. Гусева[6], Н.И. Шатагина[7], И.М. Волкова[8], Ю.П. Петрова, Н. Антропова и др.

Вывод. Таким образом, историография обозначенного нами проблемного поля в 30-нач. 60-х гг. имеет ряд специфических особенностей:

1) степень политизации исторической науки достигает наивысшего градуса, что в свою очередь ведет к абсолютной невозможности создания объективной модели построения исторического прошлого нашей страны;

2)отдельные социальные группы (т. н. «реакционное офицерство» эпох AIII и HII) интерпретируются как социально-однородное и, в целом, негативное явление, а применительно к «революционным процессам» - как пережи-

---

[1] Бритов В.В. Рождение Красной армии. М., 1961.
[2] Приводятся фамилии Д.М. Карбышева, С.С. Каменева, Л.Е. Егорова, П.П. Лебедева, А.П. Николаева, Б.М. Шапошникова, М.Д. Бонч-Бруевича.
[3] Бритов В.В. Указ. изд. С. 194.
[4] Там же. С. 200.
[5] Шакула А. В чем сила Советской Армии. М., 1958.
[6] Гусев С.И. Гражданская война и Красная Армия. М., 1958.
[7] Шатагин Н.И. Организация и строительство Советской Армии в 1918-1920 гг. М., 1954.
[8] Волков И.М. Строительство Красной Армии в 1918 г. М., 1956.

ток прошлого, выступающий мощным сдерживающим фактором на пути общественно-исторического прогресса;

3)историки просто отказываются от изучения наиболее опасных исследовательских объектов, подобных генералитету и гвардии, которые воспринимаются в соответствии с «раз и навсегда» сформулированным клише («верные псы самодержавия»). Репрессии в Красной армии в конце 30-х г. г. сделали эту тему закрытой, а любые попытки ее расконсервации смертельно опасными.

Третья группа работ относится к отрезку конца 60-х – 1-й половины 80 гг. К концу 1960-х г. г. были предприняты первые попытки глубокого переосмысления военного прошлого России. В центре исторического анализа оказывается армия и ее основные сегменты, в том числе офицерский корпус и генералитет. Как следствие прослеживается процесс выявления мотивационной сферы, определения поведенческих кодов и мировоззрения русского офицерства, при этом анализ отдельных групп военной элиты все еще остается закрытой темой.

Значительный вклад в возрождение интереса к переосмыслению роли и места офицерства, включая гвардейскую корпорацию и генералитет, в отечественной истории второй половины XIX – начала XX в. (наиболее сложной для объективной оценки в советской военной истории эпохе) внес П.А. Зайончковский (1904-1983 г. г.).[1] По мере углубления предметного поля своих исследований его ранние суждения претерпели серьезную эволюцию. Работы историка отличались серьезным отношением к историческому факту и стремлением максимально объективно отразить и интерпретировать сложную совокупность исторических процессов.

В своих ранних исследованиях Петр Андреевич[2] подчеркивает, что

[1] Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX вв. (1881-1903 годы). М., 1973; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978.

[2] Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX вв. (1881-1903 годы). М., 1973. В указанной работе впервые предпринимается попытка дать всесторонний анализ российской военной элиты (справедливости ради следует отметить, что данный термин автор в своем исследовании не использует), рассматривая национально-религиозный, сословный, материальный и образовательный аспекты изучаемой проблемы. В монографии Зайончковского приведены документально аргументированные статистические

русское офицерство теряло свою однородность уже на стадии комплектования, что отражалось и на отдельных родах войск.[1] Офицеры, окончившие юнкерские училища, получали менее качественное образование и, фактически, доучивались в строю в качестве подпрапорщиков (в пехоте), эстандарт-юнкеров (в кавалерии) и подхорунжиев (в казачьих частях). Наибольший процент выпускников военных училищ был в гвардии, артиллерии и инженерных войсках. Сложившаяся к нач. XX в. система характеризовалась крайне низким образовательным уровнем генералитета.

Исследователь отмечает, что в офицеры шли две группы людей: одни по призванию, другие - в силу сложившихся семейных традиций. Указывая на то, что к началу века увеличился процент офицеров, окончивших НАГШ, исследователь оценивал эту группу не как «военных аналитиков», а скорее как «военных бюрократов».

Наименее удовлетворительной частью российской армии, по мнению Зайончковского, был «высший генералитет, начиная от командиров бригад», у подавляющей части которого отсутствовал командный ценз. Анализируя социальный состав российского офицерства, Зайончковский подчеркивает, что наибольший процент потомственных дворян прослеживается в гвардейской кавалерии (96,3%), в гвардейской пехоте он составлял 90,5%, в гвардейской артиллерии - 88,7%, а в армейской пехоте - 39,6%. Автор отмечает, что более 80% генералов не имело никакой земельной собственности. По мнению историка, к нач. XX в. офицерский корпус был почти наполовину разночинный, «безземельный», с «незавидным материальным положением»[2]. Что касается «офицерской идеологии», то этот раздел работы кажется наименее удачным, так как возвращает нас к идеологическим клише о борьбе «реакционного» и «революционного» накануне крушения «прогнившего» самодержавия. В то же время исследователю свойственна некоторая идеализация от-

---

данные за 1881 - 1903 гг. по выше указанным вопросам. Он впервые ввёл в научный оборот послужные списки офицеров и генералов.

[1] Там же. С. 175.

[2] Там же. С. 173, 177, 178, 182, 203, 211, 225.

дельных качеств русских офицеров. Из общей массы офицеров П.А. Зайончковский выделяет «гвардейцев», которые не утратили привилегий предыдущего периода и сохранили «особое место» в российской военной машине. Важнейшим выводом работы является оценка офицерского корпуса как социально неоднородного многослойного явления. При этом автор подчеркивает, что «однородности» не было даже в Гвардейском корпусе.

Таким образом, оставаясь на позициях «старой социальной истории», П.А. Зайончковский совершает своеобразную эпистемологическую революцию и переводит исследование офицерства XIX – нач. XX в. на совершенно новый уровень, что наиболее отчетливо прослеживается в ряде его «поздних» статей.[1] Сосредотачиваясь на анализе общего состояния отечественных вооруженных сил в период до и после русско-японской войны, автор связывает поражение с «неудовлетворительным состоянием высшего состава русской армии» и отсутствием у его представителей «должного опыта».[2]

В то же время достается от историка и «рядовой офицерской массе». Зайончковский подчеркивает, что «интеллектуальный уровень» подавляющей части комсостава русской армии был невысок, а в политическом отношении она отличалась «полной безграмотностью».[3] Наконец, исследователь отмечает, что после русско-японской войны в среде генералитета значительно возрастает процент «немцев», что, по его мнению, было обусловлено «симпатиями императорского дома к лицам этой национальности».[4]

Восприятие гвардии у Петра Андреевича скорее *нейтральное*. Он указывает, что проводимые реформы на фоне сохраняющейся модели управления государством и комплектующих ее лиц, в целом, не давали ожидаемого эффекта: «[…] массовая смена высшего командного состава не гарантирова-

---

[1] Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус на рубеже двух столетий (1881–1903 гг.). // Военно-исторический журнал. 1972. № 3; Зайончковский П.А. Сословный состав офицерского корпуса на рубеже XIX–XX веков. // История СССР. 1973. № 1; Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П.А. Зайончковский (1904-1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 24-69; Зайончковский П.А. Высшее военное управление. Император и царствующий дом. // П.А. Зайончковский (1904-1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 70-98.

[2] Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны. // П.А. Зайончковский (1904-1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 24.

[3] Там же. С. 26.

[4] Там же. С. 31.

ла, что на их место приходили генералы, соответствовавшие своему назначению. Командующие войсками округов и командиры корпусов назначались «с высочайшего соизволения», т.е. фактически императором. Вследствие этого, несмотря на полную смену командиров корпусов, в составе их снова оказались лица, недостойные этой должности».[1] Таким образом, обосновывается идея о необходимости смены всей «порочной системы». Данная статья демонстрирует желание исследователя осуществить не только полноценный комплексный анализ офицерского корпуса, но и провести его обязательную «глубокую стратификацию». П.А. Зайончковский выделяет два важнейших военных института империи начала века, фактически определяя их представителей как основной сегмент «военной элиты».

В статье «Высшее военное управление. Император и царствующий дом» анализируется топ политической и военно-политической власти империи. В центре исследовательского интереса оказываются фигуры императора, в. к. Николая Николаевича, Сергея Михайловича и Петра Николаевича (причём анализу профессиональных и личностных особенностей двух последних внимание практически не уделяется), деятельность которых оценивается по преимуществу как негативная. Весьма спорным выглядит тезис учёного о том, что «[...] другие члены императорской фамилии существенной роли в делах армии не играли».[2]

В своих исследованиях Петр Андреевич возвращается к теме, связанной с необходимостью «строгой» и «глубокой стратификации» офицерского корпуса и групп элиты в нем, обозначенной в начале века военными аналитиками генералами А.П. Скугаревским и Е.И. Мартыновым. Таким образом, восстанавливается прерванная связь между военной аналитикой царской России начала XX в. и осмыслением военной истории рассматриваемого отрезка времени в середине 1970-х – 1980-х г. г.

---

[1] Там же. С.40.

[2] Зайончковский П.А. Высшее военное управление. Император и царствующий дом. // П.А. Зайончковский (1904-1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 91.

Необходимо подчеркнуть, что целая группа историков 90-х гг. игнорировала массив исследований не только дореволюционного периода, но и П.А. Зайончковского, при этом заимствуя его концептуальные подходы, методы и результаты исследования.

Частные аспекты изучения офицерского корпуса Российской империи, в том числе и в формате социоисторического анализа его отдельных групп, предпринимались в работах таких историков, как А.Г. Кавтарадзе, Л.Е. Шепелев, А.И. Сорокин[1], Г.П. Мещеряков, К.Ф. Шацилло, Ю.Б. Соловьев, И. Васин[2].

Работы этих историков содержат фрагментарный материал, затрагивающий лишь отдельные индексы высшего командного состава Российской империи. Так, в исследованиях А.Г. Кавтарадзе рассматривается условная социальная совокупность офицеров и генералов, причисленных к ГШ (примерно из 40 тыс. офицеров российской императорской армии таковых было не более 1-ой тыс.). В своей фундаментальной работе «Военные специалисты на службе Республики Советов 1917 - 1920 гг.»[3] он проследил динамику и процесс рекрутирования кадровых штаб-офицеров и генералов в большевистские вооружённые силы и отразил в статистических таблицах персоналии генштабистов, служивших в РККА и примкнувших к Белому движению.

В этом плане также можно обратить внимание на ряд монографий военных историков Л.Г. Бескровного и В.А. Золотарева. Работы В.А. Золотарева либо выходят за границы заявленных нами хронологических рамок (в частности, в ряде исследований автора анализируются особенности боевого пути А.В. Суворова, а также общего состояния вооруженных сил в XVIII в.) либо затрагивают аспекты, лишь косвенно связанные с предметным полем исследования (например, общий ход русско-турецкой войны 1877-1878 г. г.,

[1] Сорокин А.И. Русско-японская война 1904-1905 годы. М., 1955.
[2] Васин И. Армия и революция. М., 1973.
[3] Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917 - 1920 гг. М., 1988.

при очевидно поверхностном анализе состояния русской армии указанного периода[1]).

В целом, в работах указанных авторов темы изучения социальной истории военной элиты и ее влияния на развитие русского социума либо игнорируются, либо сознательно обходятся стороной.

Для характеристики «официального тренда» 1970-х г. г. показательна работа Л.Г. Бескровного «Русская армия и флот в XIX веке»[2], являющаяся классическим примером советской *«старой социальной истории»*. По сути, это статистический анализ, выполненный на уровне «Всеподданнейших отчетов Военного министерства», издаваемых в 60-80-е гг. XIX в. Автору исследования удается уйти от излишней политизации своей работы, сосредоточившись на значительном по объему статистическом материале, обработка которого привела к однозначному выводу о «нежелании низов жить по старому и неспособности верхов по-старому управлять». Бескровный подчеркивает, что, несмотря на реформы 60-70-х г. г., армия конца XIX в. перестала отвечать требованиям времени и отстала от общих процессов развития военного искусства на Западе. Как следствие, «[…] уже близилось то время, когда армия и флот перестанут быть надежной опорой царизма».[3]

В монографии «Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала» Л.Г. Бескровный обращается к проблеме изучения русской армии начала XX в. Небольшой раздел исследования посвящен анализу отдельных групп офицерства. Примечательно, что именно в этом исследовании генштабисты (офицеры ГШ) низводятся до уровня «военных профанов». По мнению автора, они «имели слабое представление о тактике современного боя», «не могли осмыслить рождавшиеся формы оперативного искусства».[4] Историк уделяет внимание особенностям военного руководства и отдельным структурам военного управления, но анализирует их исключи-

[1] Золотарев В.А., Межевич М.Н. История нелегкой победы. М., 1979.
[2] Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал. М., 1973.
[3] Там же. С. 608.
[4] Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. / Ответственный редактор академик А.Л. Нарочницкий. М., 1986. С. 38.

тельно как институты военной машины, не затрагивая анализа личных качеств и профессионального уровня возглавляющих их лиц. По характеру подачи материала указанная работа приближается к исследованиям справочного характера.

Л.Г. Бескровный, являясь *марксистом,* отрицает *элитистский подход* в принципе, и рассматривает офицерский корпус, включая генералитет (даже статистические данные имеют сводный характер: «генералы и офицеры»), как единое «реакционное» в основной своей массе образование. Впрочем, он не отрицает наличия в офицерском корпусе единичных случаев «прогрессивно» (и революционно) мыслящих офицеров и генералов как исключение.

Вывод. Таким образом, работы *2-й половины 1960-х – 1-й 1980 г. г.* отличаются большей степенью свободы в трактовках отдельных проблемных полей и относительным разнообразием методологических решений (в границах марксистской парадигмы), в том числе и определёнными заимствованиями (в рамках критического переосмысления) из отдельных зарубежных исследований. В частности, прослеживается тренд, имеющий все признаки «новой социальной истории» как условной модели, направленной на интерпретацию исторического прошлого «…в терминах социологии, описывающих внутреннее состояние общества, его отдельных групп и отношений между ними».[1]

Серьезный шаг в этом направлении (в области военной истории) был сделан Л.Г. Бескровным и П.А. Зайончковским. При этом Зайончковский предпринял беспрецедентную для советской исторической науки попытку глубокой стратификации отечественной военной машины 2-й половины XIX– нач. XX гг. и изучения внутреннего социального пространства каждой отдельной страты.

В указанной временной лакуне выходит значительное число исследований литературы русского зарубежья, в которой предпринимается попытка не только понять истоки произошедшей катастрофы, но и проанализировать

[1] Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 231.

возможные пути ее предотвращения. Ряд работ посвящён истории русской армии, путям ее реформирования и офицерскому корпусу.

Особое место среди этих исследований занимает фундаментальный 4-х томный труд «История Русской армии» публициста и военного аналитика А.А. Керсновского[1], написанный им в Белграде между 1933 и 1938 г. г. В разделе работы, посвященном эпохам Александра III и Николая II, автор отмечает особое место гвардии в царской армии. Он указывает на тот факт, что в отличие от остального офицерского корпуса, гвардия к началу XX в. сохранила особый «кастовый корпоративный дух, обусловленный многовековой историей, наложивший серьезный традиционный отпечаток на службу офицеров в гвардейских полках, а также более выгодными (привилегированными) условиями комплектования и службы».[2] Автор приуменьшает роль императорской гвардии в вооруженных силах России начала века, но тем не менее отмечает высокий профессионализм гвардейского офицерства. Он доказывает, что именно гвардейские методы шлифовки военного мастерства, а также специфические механизмы подготовки офицерских кадров могли стать отличной базой для проведения полноценной военной реформы, способной резко повысить боеспособность российской армии.[3]

Определенную, пусть и не столь глубокую, оценку рассматриваемых нами условных групп членства русской армии начала XX в. дает другой военный аналитик в эмиграции - В. Драгомиров.[4] Она диаметрально противоположна оценкам «военных либералов», писавших аналитические работы после русско-японской войны. В частности, в качестве одной из причин крушения империи и гибели «старой» армии В. Драгомиров видит размывание офицерского корпуса «разночинным» элементом. Нарушение социальной однородности российского офицерства положило начало деградации русской армии. Дольше всего в этом плане «держалась» императорская гвардия, опи-

[1] Керсновский А.А. История Русской армии. В 4 т. М., 1994.
[2] Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 3. М., 1994. С. 153.
[3] См.: там же. С.155.
[4] Драгомиров В. Подготовка русской армии к Великой войне. // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Кн. 5. Белград, 1924.

равшаяся на сложившиеся еще со времен Петра I полковые традиции и особые механизмы пополнения офицерского корпуса. Примечательно, что именно эти особенности гвардии подвергались критике со стороны Режепо и ряда других теоретиков начала века. Драгомиров выступает с острой критикой «военных администраторов», в которых без труда угадываются офицеры ГШ.[1] Аналитик подчеркивает, что бессистемные реформы, проводимые после русско-японской войны, привели к тому, что «старая армия» не претерпела необходимую модернизацию, а деформировалась в весьма уродливое явление, характеризующееся переплетением «отжившего», но трудно уничтожимого «старого», и далеко не лучшего «нового».[2]

С острой критикой высшего командного состава «посткуропаткинской» выступает В. Флуг[3]. При «явных изначальных психологических недостатках», свойственных русскому народу[4], эти негативные качества наиболее ярко проявились у высших командиров: «В мирное время пассивность при значительной доле участия лени неблагоприятно влияла на любознательность и стремление к самоусовершенствованию... Тому же свойству лени можно приписать, что наши начальствующие лица часто имели тенденцию свое внимание посвящать преимущественно мелочам службы, упуская главное».[5] По мнению аналитика, после Крымской войны (а более всего в эпоху Александра III) военная служба превратилась в рутину и «мертвечину», при этом бюрократическое начало резко возросло. «Меритократическая среда» постепенно заполнялась лицами наиболее послушными воле начальства.[6] «Активные воинские качества» встречались по преимуществу у молодых офицеров, но целенаправленно подавлялись «осторожным» вышестоящим

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Флуг В. Высший командный состав. // Вестник Общества Русских Ветеранов Великой войны в Сан-Франциско. 1937. № 128-136; 1938. № 140-142.
[4] К которым он относил: пассивность и умственную апатию, русское «пресловутое «ничаво»», неспособность к продолжительному напряжению воли, физическую и умственную лень, беспечность и небрежность, отсутствие солидарности и взаимное недоверие, нервность (которая на войне выражалась в частых паниках), слабое развитие чувства долга, способность быстро падать духом, боязнь риска и ответственности как результат недостатка мужества, болтливость, сильно развитая способность к критике.
[5] Флуг В. Указ. соч.
[6] Там же.

начальством.[1] Существовавшая система сформировала тип офицера, «[…] боящегося ответственности, пассивного, лишенного инициативы, самостоятельности и самоуверенности начальниками, часто с пониженным сознанием своих офицерского и личного достоинств и вообще близкими к тому состоянию, которое называется «забитостью»».[2] Такой офицер слепо выполнял приказы, но выиграть сражение мог только при наличии «правильного руководства», а представители этого руководства к указанному отрезку времени обладали такими же качествами, так как сами вышли из этой же системы – время блистательных инициативных офицеров ушло в небытие, и во многом по вине Николая I, который сделал все возможное, чтобы вытравить «дух свободы» из стиля военного руководства.

Для подавляющей части эмигрантов, в том числе аналитиков и военных историков «от гвардии» (П. Краснова, А. фон-Лампе, Г. Гоштовта, Б. Геруа и ряда др.), проблема «размывания» офицерского корпуса, лишение его «аристократического» начала, разрыв с «петровской традицией» являлись едва ли не основной причиной неудач в войне и крушения империи, а в какой-то мере и предательством со стороны самой военно-политической элиты, которая стремилась изменить армию, *но сама меняться не желала*. Основным желанием для нее стало стремление сохранить, а по возможности, приумножить свои привилегии, сделать возможность проникновения в свой круг еще более закрытым.

Желание критиковать и каяться было характерно для живых свидетелей катастрофы, мечтающих свести счеты с советской властью. Оно постепенно сошло на нет после Второй мировой войны.

Четвертую группу составляют исследования 2-ой половины 1980-х г. г. – первого десятилетия XXI в. Необходимо отметить, что даже в середине 80-х г. г. продолжал господствовать стереотип восприятия российского офицерства, как мировоззренчески «реакционного», социально однородного явле-

[1] Там же.
[2] Там же.

ния. В то же время отдельные историки предпринимают попытку стратификации офицерского корпуса на «более» и «менее» реакционные группы и даже выделяются отдельные «прогрессивно мыслящие» его представители.

У историков появляется интерес к российской императорской гв. Так, в статье Л.В. Беловинского переосмысливается место данной структуры в российской военной машине. Исследователь многократно подчеркивает то, что даже к началу XX в. гв. продолжала оставаться «ударным отрядом» вооруженных сил.[1] По мнению историка, «уровень боевой подготовки и вооружения гв. частей был в целом выше, чем в армии».[2] В статье также затрагивается тема изучения особенностей мировоззрения офицера-гвардейца, в рамках присущих данной группе членства традиционных установок и стереотипов.[3] Весьма близка в содержательном плане к работе Л.В. Беловинского статья «Офицерский корпус русской армии перед I Мировой войной».[4]

В период «перестроечных процессов» исследовательское сообщество получает доступ к ранее закрытым архивным фондам, что позволяет преодолеть идеологические запреты и клише. В короткий срок сформировался исследовательский тренд изучения русского офицерского корпуса XIX – нач. XX в. (своеобразным драйвером становится «белогвардейская тематика»). Появляются работы, затрагивающие не только армию в целом, но и ее отдельные социальные категории: корпус офицеров ГШ, военное чиновничество, генералитет, императорскую гвардию. Российские исследователи используют методы ведущих зарубежных научных школ. Определенную популярность получают военная и историческая антропология, социокультурная история, историческая психология и ряд других исследовательских систем.

Параллельно обозначается интерес к различным родам войск, а также профессиональным корпорациям. Важной вехой становится перенос внимания и исследовательских акцентов на анализ мировоззренческих установок,

---

[1] Беловинский Л.В. Русская гвардия в XVIII - XIX в. в. // Вопросы истории. 1983. № 9. С. 94.
[2] Там же. С. 103.
[3] Там же.
[4] Офицерский корпус русской армии перед I Мировой войной. // Вопросы истории. 1981. № 4.

аттитюдов, системы групповых и личностных ментальных переживаний и проекций.

Из «ранних исследований» указанного отрезка времени особый интерес оригинальностью выводов представляет работа В.Д. Поликарпова[1]. В частности, он возлагает ответственность за провоцирование и последующее «нагнетание» революционного процесса на офицеров ГШ. Поликарпов высвечивает конфликт между императорской гвардией и корпусом офицеров ГШ, который оттеснял монархически ориентированное гвардейское офицерство, являющееся опорой престола и оплотом социальной стабильности, на вторые позиции. Он показал борьбу «за влияние» между гвардией и генштабистами, и, в данных рамках, попытался определить место гвардии в историческом пространстве России начала века. Оценив значение гвардии в судьбе России как ключевое, В. Поликарпов считает офицеров ГШ олицетворением «... той военной шайки, которая в VII.1917 года, уже во время кризиса, прибрала к рукам государственную власть».[2]

Примечательно, что в своем исследовании В.Д. Поликарпов употребляет термин «элита», при этом четкого прочтения этого понятия историк не дает. Полемизируя с зарубежным исследователем М. Майзелем[3], Поликарпов идентифицирует военную элиту как «самую верхнюю часть армии», принадлежащую к слою потомственного дворянства и крепко держащуюся за свои привилегии. Другие индексы элитарности оказываются размыты. При этом к самой проблеме изучения военной элиты исследователь относится более чем критично, придерживаясь «марксистского скепсиса» в отношении «элитологии».

Важной вехой в изучении офицерского корпуса Российской империи стала работа историка С.В. Волкова «Русский офицерский корпус», увидевшая свет в 1993 г.[4] Автор обосновывает необходимость переосмысления роли

---

[1] Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. М., 1989.
[2] Там же. С. 88.
[3] Mayzel M. Generals and Revolutionaries: The Russian General Staff During the Revolution: A study in the transformation of military elite. Osnabriick, 1979.
[4] Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.

и места русского офицера в дореволюционной истории, подчеркивая, что офицер имел особый статус в русском обществе. Он был не только «защитником русской земли», но и формировал особое культурное поле «дворянской России», при этом составлял наиболее привилегированную часть этого сословия.[1] Даже к началу XX в., несмотря на очевидное перерождение дворянства, значительная часть офицеров продолжала служить исключительно «из чести». По мнению С.В. Волкова, представители офицерского корпуса не только служили в военной машине, но и фактически *принимали участие в управлении государством*. Отдельный раздел работы посвящен интерпретации офицерства еще и как культурной элиты империи.

Следует отметить, что Волков реанимирует значительный пласт военно-юридических источников, проливающих свет на особенности службы русского офицера: «Свод военных постановлений» 1869 г., «Обзор деятельности военного министерства», «Военно-статистические сборники» и ряд др. «забытых» в советской истории документов. В работе осуществляется подробный анализ «пути русского офицера»: особенностей образования, чинопроизводства и карьерного роста (прохождения службы), микроисторических аспектов офицерской повседневности.

Вместе с тем С.В. Волков уделяет недостаточное внимание теме инкорпорированности русского офицерства во власть. Он только декларирует выполнение отдельными группами офицерства еще и этой миссии. Вместе с тем в работе *нет стратификации* офицерского корпуса, вследствие чего он воспринимается как однородная, гомогенная среда, анализируемая в общем контексте истории армии. Автор ставит отдельные офицерские корпорации, обладающие особым статусом и привилегиями, на один уровень с «рядовым» армейским офицерским большинством. «Деградацию» статуса офицера («ухудшения качества офицерского состава»; «снижение престижа офицерской профессии»[2]) на рубеже XIX–XX в. в. он относит на счет всего офицер-

[1] Там же. С. 30.
[2] Там же. С. 35.

ства. Крайне интересным, но в то же время весьма скупым в информационном плане является раздел, посвящённый военным чиновникам. При этом автор исследования ограничивает эту группу преимущественно представителями военно-медицинской службы.[1]

Логическим продолжением данной работы стала вышедшая в 2001 г. монография «Трагедия русского офицерства», в которой затрагивается судьба отдельных групп офицеров ГШ, гвардейских частей и подразделений в революционный и послереволюционный периоды. Несмотря на очевидную новизну излагаемого материала, автор по-прежнему остается в «прокрустовом ложе» своего прочтения предлагаемой проблематики. И в этом плане и гвардейцы, и генштабисты, и военные чиновники, и различные группы генералитета теряются в общем потоке трагических судеб русского офицерства рассматриваемого исторического периода.

В 2002 г. С.В. Волков опубликовал справочное издание «Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога». При всей уникальности излагаемого в данном исследовании материала (справочник содержит обрывочные сведения по судьбам большинства гвардейцев), исследователь совершенно не апеллирует ко вполне доступному источнику - «спискам по старшинству» и «алфавитам» офицерского состава отдельных гвардейских частей, находящихся в РГВИА.

Таким образом, интерес к изучению феномена военной элиты обозначается только в постсоветский период. При этом следует учитывать, что попытки стратификации офицерского корпуса с выявлением индексов престижа по занимаемой должности, роду войск и, наконец, воинскому званию прослеживаются и в более ранний советский период. В данном случае бесспорен авторитет выдающегося советского историка П.А. Зайончковского, перу которого принадлежат не только фундаментальные исследования российской властной бюрократии, но и отдельные эссе, затрагивающие судьбы отдельных групп и институтов российской императорской армии.

---

[1] Там же. С. 251-261.

Что касается постсоветского периода, то первоначально в качестве некоего абстрактного понимания элиты рассматривался весь офицерский корпус (при этом основной акцент первоначально делался на «белогвардейской тематике», пронизанной своеобразным духом романтики). С появлением работы С.В. Волкова, в которой предпринимается изучение русского офицерства как целостного явления, открывается новая страница в изучении не только русской, но и советской армии. В то же время историк отказывался видеть многослойный характер русского офицерства и рассматривал его как целостное «элитное образование».

Следующим шагом в изучении военной элиты стало выделение в качестве самостоятельного объекта исследования топа военного слоя - высшего генералитета. Данные исследования первоначально прослеживаются применительно к советской армии. Программной работой становится докторская диссертация С.Т. Минакова «Советская военная элита 20-х годов: Состав, социокультурные особенности, политическая роль»[1], защищенная в 2000 г. и получившая отражение в монографии с аналогичным названием[2]. В рамках заявленного исследовательского тренда С.Т. Минаковым было написано несколько работ, высвечивающих отдельные аспекты комплекса проблем, на страницах которых обыгрываются сюжеты, связанные с повседневностью «военной элиты» СССР, ее вовлеченности в процессы развития РККА, а также в политическую борьбу 20-30-х г. г.[3] В целом, советская военная элита по-прежнему интерпретируется как форма «меритократии».

Своеобразным продолжением затронутой С.Т. Минаковым темы можно считать увидевшую свет в 2003 г. монографию А.А. Печенкина «Военная элита СССР в 1935-1939 гг.: Репрессии и обновление».[4]

---

[1] Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль): диссертация на соискание ученого звания доктора исторических наук: 07.00.02. / Минаков Сергей Тимофеевич. – Орел, 2000.

[2] Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000.

[3] Минаков С.Т. Военная элита 20-30-х годов XX века. М., 2004. Он же. Сталин и его маршал. М., 2004. Он же. Сталин и заговор генералов. М., 2005.

[4] Печенкина А.А. Военная элита СССР в 1935-1939 гг.: Репрессии и обновление. М., 2003.

Параллельно с исследованиями генералитета, постепенно обозначается тренд, связанный с изучением дискретного элемента военной элиты - российской императорской гвардии. Кроме этого, возникает интерес к механизмам элитообразования, непосредственно связанный с всесторонним анализом системы военного образования в Российской империи XIX – нач. XX в. в.

В этом случае определенный интерес представляет монография А.И. Каменева «История подготовки офицерских кадров в России»[1], а также работы историков Ю. Галушко, А. Колесникова[2], Н.М. Машкина, [3] докторская диссертация А.А. Михайлова.[4]

Что касается изучения российской императорской гвардии как сегмента военной элиты империи, то следует отметить, что в 1994 г. в Военно-Историческом журнале был опубликован ряд статей И.В. Образцова под общим названием «Российские офицеры». Всесторонне исследуя российский офицерский корпус, автор затрагивал и отдельные специфические вопросы, связанные со службой гвардейского офицерства. Он указывал на потомственный характер службы в гвардейских полках (на примерах усредненных показателей).

Не проводя четкой разграничительной линии между гвардейским и армейским офицерством, автор сделал вывод о всесословном характере русского офицерского корпуса перед войной, при этом он отмечал, что в офицерском корпусе гвардейской кавалерии были представители плутократии. Данная посылка носит умозрительный характер. В целом, работа И.В. Образцова в какой-то мере являлась отправным моментом в изучении обозначенного исследовательского феномена, а ее недостатки были обусловлены актуальным ее написанию состоянием исторического знания и стереотипами, сформированными в предыдущую эпоху.

---

[1] Каменев А.И. История подготовки офицерских кадров в России. М., 1990.
[2] Галушко Ю., Колесников А. Школа Российского Офицерства. М., 1993.
[3] Машкин Н.М. Высшая военная школа Российской Империи XIX - начала XX века. М., 1997.
[4] Михайлов А.А. Военно-учебное ведомство России во второй половине XIX - начале XX в. и его роль в подготовке офицерских кадров: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02. / Михайлов Андрей Александрович. – СПб., 2000.

Особенности службы офицера в «старой армии», в том числе и императорской гвардии, исследовали такие авторы, как В.А. Рунов, А.С. Сенин, Г.М. Стрельников, М.И. Дьяченко, А. Кривицкий, Б.Л. Валеев, Л. Бублик, А.И. Таланов, В.И. Семченко, В.А. Рыбин и др. В поле их интереса оказались проблемы специфики офицерской службы в императорской гвардии, причем во многих случаях они рассматривали «гвардейскую тематику» крайне поверхностно. Более того, работы некоторых из вышеупомянутых исследователей являлись компиляциями более ранних, дореволюционных исследований. Яркий пример в этом отношении представлял ряд статей А.И. Таланова[1], опубликованных на страницах «Военно-Исторического журнала», а также небольшая брошюра того же автора «Кавалергарды (по страницам полковой истории)», являющаяся своеобразным компендиумом 4-хтомного издания С. Панчулидзева и отдельных полковых историй л.-гв. Кавалергардского полка.

Кроме этого, по истории русской армии выходит ряд работ, затрагивающих *атрибутивную сторону службы* в ее отдельных, в том числе и гвардейских, полках. К данной категории можно отнести монографии О.Г. Леонова и И.Э. Ульянова[2].

В целом, указанные исследования лишены глубокого аналитического содержания. Авторы сосредоточились на описании специфики службы и повседневности в отдельных полках линейной пехоты. Исследователи анализируют эволюцию уставов и, как следствие, тактику ведения боевых действий, особенности снабжения пехотных полков, эволюции формы, отдельных полковых регалий и вооружения, полковые традиции. Данные исследования по своему характеру приближаются к жанру микроистории.

Особое место в историографии рассматриваемого вопроса занимает приуроченная к 300-летнему юбилею императорской гвардии работа Б.И.

---

[1] См.: Таланов А.И. Конная гвардия. // Военно-Исторический журнал (ВИЖ). 1991. № 12. С. 64-69; Кавалергарды. // 1991. ВИЖ. № 1. С. 64-67; Гвардейские казаки. // 1992. ВИЖ. № 3. С. 77-80; Гусарская баллада. // ВИЖ. 1991. № 2. С. 62-65 и др.

[2] Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота: 1796-1801. М., 1995; Ульянов И. Регулярная пехота 1801-1855. М., 1996; Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1855 - 1918. М., 1998.

Антонова «Императорская гвардия в Санкт-Петербурге»[1]. В ней изучается роль, которую играла императорская гвардия в повседневной жизни Санкт-Петербурга, а также атрибутивная сторона гвардейской повседневности. Автор уделяет значительное внимание отдельным персоналиям императорской гвардии, в первую очередь генералитету, но при этом останавливается преимущественно на исторических фигурах эпохи Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов.

В рамках празднования юбилея российской императорской гвардии появляется отдельный номер журнала «Родина» (№ 11, 2000 г.), посвященный исключительно гвардейской тематике. Журнал представляет собой подбор документов и статей, посвященных исторической ретроспективе отдельных гвардейских полков (л.-гв. Преображенского, л.-гв. Семеновского, л.-гв. Павловского), бытовой и атрибутивной составляющей службы в данных воинских частях (А. Валькович, Г. Вилинбахов, С. Летин, А. Марыняк). В общем, выпуск является существенной вехой на пути переосмысления роли и места гвардии в российской военной истории.

В рассматриваемый период важное место в изучении гвардейской тематики занимает диссертация Д.А. Тутина «Казачьи полки императорской гвардии и их роль в первой русской революции».[2] В ней анализируются особенности возникновения и эволюции гв. казачьих полков, механизмы их структурирования и комплектования. Рассматривается социальный облик гв. казака, особенности его поведения. Предпринимается попытка определения места казачьей гвардии в системе Гв. корпуса. Автор выявляет степень участия гв. казачьих частей в первой русской «смуте» как в пресечении отдельных эксцессов социальной анархии, так и революции в целом. Работу можно оценить как определенное приращение информационного поля, связанного с изучением императорской гвардии как целостного явления, богатого факто-

[1] Антонов Б.И. Императорская гвардия в Санкт-Петербурге. СПб., 2001.
[2] Тутин Д.А. Казачьи полки императорской гвардии и их роль в первой русской революции: диссертация на соискание уч. степени кандидата исторических наук: 07.00.02. / Тутин Дмитрий Альбертович. – СПб., 2002.

логической составляющей и лишённого глубокого аналитического содержания.

Определенного внимания заслуживает исследование орловского историка профессора Е.И. Чапкевича. В своей монографии «Русская гвардия в Первой мировой войне»[1], ставшей его последним исследованием, Евгений Иосифович затронул аспект трансформации императорской гвардии в условиях Первой Мировой войны. Автору не удалось осуществить полномасштабное исследование процесса деградации императорской гвардии. Тем не менее вышедшее уже после смерти историка исследование является первым и в какой-то мере уникальным рассмотрением роли и места гвардии в событиях Первой Мировой войны и февральской революции 1917 г.

Из исследований, затрагивающих судьбу российской императорской гвардии, написанных во 2-ой половины 1-го десятилетия 2000-х г. г., следует выделить работы О.Г. Гончаренко и Р.Ф. Невезецкого. Книга О.Г. Гончаренко[2] является компиляцией из отдельных исследований как дореволюционного, так и современного отрезка развития российской военной истории. В частности, он приводит отдельные текстовые блоки и из наших ранних работ.[3] Таким образом, научная ценность данной «монографии» крайне низка. Исследование Невезецкого[4] является своеобразным развитием дореволюционных работ справочного характера барона В. Штенгеля и В.К. Шенка[5]. Опираясь на значительный массив полковых историй, памяток, воспоминаний офицеров гвардейских полков, а также на справочные материалы современных энтузиастов военной истории, Невезецкий создает полноценный портрет российской императорской гвардии с момента основания первых гв. полков. Несмотря на то, что работа носит ярко выраженный описательный характер,

[1] Чапкевич Е.И. Русская гвардия в Первой мировой войне. Орел, 2003.
[2] Гончаренко О.Г. Три века императорской гвардии. М., 2006.
[3] Чувардин Г.С. Старая гвардия: социокультурная структура и мировоззрение офицерского корпуса «старой гвардии». Орел, 2002.
[4] Незвецкий Р.Ф. Лейб-гвардия императорской России (1700-1918). М., 2009.
[5] Императорская Российская Гвардия. 1700-1878. Хронологические таблицы. / Составил генерал-лейтенант, барон Вячеслав Штейнгель. СПб., 1878; Императорская гвардия. Справочная книжка Императорской квартиры. // Под редакцией В.К. Шенка. Издание 2-е. по 1-ое Мая 1910 г. СПб., 1910.

она является существенным вкладом в изучение истории императорской гвардии.

Рассуждая о современной перлюстрации гвардейской истории, нельзя не упомянуть еще две работы справочного характера. Это, во-первых, коллективный справочник «Российская гвардия 1700-1918 гг.»[1], а также исследование справочного характера Ж. Горохова.[2] «Первый» справочник полностью «возрождает к жизни» незаслуженно забытые труды Шенка и Штейнгеля, а по сути является буквальной калькой с них и, как следствие, серьезному анализу не подлежит. Работа Ж. Горохова соединяет в себе справочный материал по Шенку и значительную подборку фотографического материала, затрагивающего особенности службы и повседневной жизни чинов отдельных гвардейских частей. Она является интереснейшим источником, возрождающим визуальное переживание гвардии и гвардейской повседневности.

Наиболее глубоким исследованием, приближающимся в жанровом отношении к формату «новой социальной истории», является монография Е.М. Болтуновой «Гвардия Петра Великого как военная корпорация»[3]. В указанной работе рассматривается история зарождения двух полков «петровской бригады», особенности механизмов комплектования и службы, система привилегий, их социокультурное и психоментальное пространство. Данное исследование представляет для нас незначительный интерес, так как обращено исключительно к эпохе первого русского императора. На данном отрезке времени гвардия находилась в фазе активного становления как «особый» сегмент русского войска. Наши исследования данного явления позволяют утверждать, что уже к середине XVIII в. происходит ее радикальная трансформация, а к началу XIX в. «петровский дух» окончательно «выветривается». Тем не менее именно эпоха Петра I придаёт гвардии характер важнейшего компонента «военной элиты», вводит рядового гвардейского офицера в

[1] Российская гвардия 1700-1918 гг. Спрвочник. / Составители: Бочаров А.А., Бурмистрова Т.Ю., Валькович А.М., Васильев А.А., Ильина Н.В., Капитонов А.П., Карпеев И.В., Сает Л.Я., Трамбицкий Ю.А., Шабанов В.М. М., 2005.
[2] Горохов Ж. Русская императорская гвардия. М., 2002.
[3] Болтунова Е.М. Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М., 2011.

круг военно-политической элиты, превращает гвардию в важнейший инструмент элитообразования. В этом плане указанная монография имеет очевидную ценность для понимания последующих процессов эволюции императорской гвардии.

Кроме вышеуказанных работ, следует отметить осовремененную попытку переиздания отдельных полковых историй гвардейских полков, предпринятую А.Ю. Бондаренко. С 1997 по 2011 гг. указанный автор выпустил истории л.-гв. Кавалергардского, л.-гв. Конного, л.-гв. Гусарского Его В., л.-гв. Кирасирского Его В., л.-гв. Преображенского, л.-гв. Семеновского, л.-гв. Измайловского и л.-гв. Егерского полков.[1] Следует отметить конъюнктурный характер данных работ, которые повторяют дореволюционные полковые истории, но отличаются меньшей содержательностью (для примера общий объем 4-х томной истории л.-гв. Финляндского полка составляет 1900 стр.).

Важное место в анализе отдельных категорий военной элиты (командующих военными округами) занимает увидевшее свет в 2012 г. исследование А.Ю. Безугольного, Н.Ф. Ковалевского, В.Е. Ковалева.[2] В ней анализируется эволюция военно-окружной системы с момента ее возникновения и вплоть до ее упразднения, при этом в контексте общего анализа рассматриваются персоналии командующих округами. Анализ личности отдельных командующих округами носит поверхностный характер, а выводы, отличающиеся высокой степенью категоричности, зачастую опираются на отдельные извлечения из одного-двух источников. Авторам не удалось показать командующих округами представителями военно-политической элиты империи. Вместе с тем сделан серьезный задел для последующих исследований в указанном предметном поле, тем более что в работе затрагивается проблема,

---

[1] Кавалергарды: история, биографии, мемуары. / Автор-сост. А.Ю. Бондаренко. М., 1997; Преображенцы: история, биографии, мемуары. / Автор-сост. А.Ю. Бондаренко. М., 2000; Лейб-гусары: история, биографии, мемуары. / Автор-сост. А.Ю. Бондаренко. М., 2003; Конногвардейцы: история, биографии, мемуары. / Автор-сост. А.Ю. Бондаренко. М., 2006; Измайловцы: история, биографии, мемуары. / Автор-сост. А.Ю. Бондаренко. М., 2007; Лейб-егеря: история, биографии, мемуары. / Автор-сост. А.Ю. Бондаренко. М., 2011; Лейб-кирасиры: история, биографии, мемуары. / Автор-сост. А.Ю. Бондаренко. М., 2011.

[2] Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е. История военно-окружной системы в России. 1862-1918. М., 2012.

связанная с влиянием военно-окружной системы на общую эволюцию («перерождение») военно-политического руководства страны.

Из исследований последнего времени особого внимания заслуживает работа Гущина А.В.,[1] в которой автор наряду с элементами социальной истории проводит анализ психологической атмосферы, царящей, в первую очередь, в офицерском корпусе России периода русско-японской войны. Автор анализирует сложный комплекс конфликтов, обозначившихся в среде российского офицерства и, безусловно, генералитета к началу боевых действий и со всей остротой проявившихся уже в ходе самой войны. Исследование важно для понимания особенностей социальной трансформации русской армии под воздействием необратимых перемен конца XIX - начала XX в. Несмотря на определённую категоричность, порождающую эффект односторонней трактовки, и крайне спорный характер отдельных суждений, особенно в отношении офицеров ГШ и гвардии, работа указанного автора является серьёзным вкладом в процесс изучения как социальной структуры военной машины российской империи рассматриваемого периода времени, так и изучения психологических особенностей отдельных групп офицеров.

Примечательно, что в указанный отрезок времени резко возрастает интерес к изучению военных конфликтов начала XX в. и, в первую очередь, русско-японской войны. Впрочем, указанные работы носят общий и описательный характер. Как правило, в них рассматривается общий ход военных действий, реже анализируется общее состояние военных сил России, но преимущественно во время войны и на ТВД. Среди исследований подобного рода можно выделить монографию уже упоминавшегося нами историка В.А. Золотарева[2].

Еще одной работой, в которой анализируется общее состояние отдельных сегментов офицерского корпуса, а также затрагивается место гвардии в российской военной машине периода русско-японской войны, является мо-

[1] Гущин А.В. Русская армия в войне 1904-1905 гг.: историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий. СПб., 2014.
[2] Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904-1905 гг.: Борьба на море. М., 1990.

нография А.Б. Широкорада «Русско-японские войны 1904-1945 гг.». Работа носит выраженный поверхностный характер, в жанровом плане является образцом научной публицистики (что наглядно демонстрирует весьма своеобразный язык повествования, отсутствие убедительной источниковой базы, а также весьма своеобразная интерпретация источников). В оценках последних Романовых, высшего генералитета и гвардии автор тяготеет к идеологическим клише 70-80-х гг. XX в. Широкорад подчеркивает, что гвардеец был «идеален» для охраны монарха, но вот доверить гвардейскому офицеру полк «можно лишь с большими оговорками».[1] Данные суждения, полностью лишенные доказательной базы и не выдерживают критики.

«Юбилейный заказ» на историю Первой мировой войны, связанный с 100-летием ее начала, породил ряд исследований очевидно конъюнктурного порядка. К таковым можно отнести работу А.А. Порошина «Проигравшие победители. Русские генералы»[2]. В работе рассматривается судьба 21 генерала, «командующими армиями фронта» на европейском ТВД. Автор исследования пытается проанализировать жизненный путь указанных офицеров с самого начала их военной карьеры, провести компаративный анализ, составить некое подобие «коллективного портрета» представителей данной условной социальной совокупности. В то же время работа крайне скудна архивными материалами (автор использует материалы из 7 фондов РГВИА и 1-го фонда Государственного архива Краснодарского края), которые привлекаются, а скорее подгоняются под определенные концептуальные решения. Как следствие, работа выглядит компилятивно. Автор исследования настаивает на том, что указанная группа офицеров являлась подлинной элитой российской армии и представляла собой «офицера нового типа», офицера с «элитным военным образованием», полученным в самых элитных военно-учебных заведениях Российской империи – Пажеском корпусе и НАГШ. В своей идеализации «элитного» характера ГШ, а также «элитного характера обучения»

[1] Широкорад А.Б. Русско-японские войны 1904-1945 гг. / Под общей редакцией А.Е. Тараса. Минск, 2003. С.58-59.
[2] Порошин А.А. Проигравшие победители. Русские генералы. М., 2014.

в НАГШ автор неоригинален и сближается с более глубокой и научно обоснованной концепцией Е.Ю. Сергеева.[1] Еще одним существенным недостатком работы, с нашей точки зрения, является необоснованный характер использования термина «элита». Из контекста рассуждений А.А. Порошина получается, что элита в России ограничивалась генералитетом, обучавшимся в ГШ, а топ элиты составлял 21 офицер, занимавший в годы войны посты «командующего армиями фронта». Не совсем ясно, куда делись все остальные группы элиты, особенно представители властного Олимпа. Тем не менее работа является неплохим продолжением для аналитической истории российского ГШ.

Следует отметить, что отдельные аспекты рассматриваемой нами проблематики также затрагивались в исследованиях *жанра «исторической биографии»*. В центре научного интереса историков данного направления оказался ряд затрагиваемых в нашем исследовании персонажей, в частности: генерал-фельдмаршалы граф Д.А. Милютин[2] и князь А.И. Барятинский[3], барон В.Б. Фредерикс[4], граф И.И. Воронцов-Дашков[5], Нахичеванский Гуссейн-Хан[6], барон К.-Г. Э. Маннергейм[7], граф Н.П. Игнатьев[8], представители семейств светлейших князей Витгенштейнов[9], Нарышкиных[10] и ряда др. офицеров.

Сюда же можно отнести коллективный труд военных историков Р.М. Португальского, П.Д. Алексеева, В.А. Рунова[11], затрагивающий судьбу отдельных представителей высшего командного состава русской армии в пе-

---

[1] Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо…» Запад и военная элита России (1900-1914 гг.). М., 2001.
[2] Осипова М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. // Предисловие В.А. Золотарева. М., 2005.
[3] Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007.
[4] Земляниченко Н.А. «OldGentleman» Фредерикс и император Николай II. Симферополь, 2007.
[5] Исмаил-Заде И.Т. И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005; Алексеев В.Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М., 2002.
[6] Иванов Р.Н. Генерал-адъютант Его Величества. М., 2006.
[7] Мери Вейо. Маннергейм – маршал Финляндии. М., 1997.
[8] Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатьев. М., 2009.
[9] Краско А.В. Забытый герой войны 1812 года генерал-фельдмаршал П.Х. Витгенштейн. М., 2012.
[10] Нарышкин А.К. В родстве с Петром Великим. Нарышкины в истории России. М., 2005.
[11] Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. / Под общ. редакцией В.П. Маяцкого. М., 1994.

риод Первой мировой войны[1]. По способу подачи материала и содержательной составляющей работа приближается к исследования справочного характера.

Массив работ указанного формата весьма значителен и, как следствие, нами были выделены исследования, в той или иной степени соприкасающиеся с предметным полем нашей диссертации.

Из наиболее актуальных исследований последнего времени можно отметить работу А.Ю. Петухова, представляющую собой оригинальную трактовку личности и жизненного пути офицера л.-гв. Преображенского полка А.П. Кутепова[2], а также исследование С.В. Зверева, посвященное судьбе гвардейского казака генерала П.Н. Краснова.[3]

В группе данных исследований особое место занимает работа *О.Р. Айрапетва,* посвященная генералу Н.Н. Обручеву[4], которого исследователь уподобляет германскому и русскому генерал-фельдмаршалу графу Хельмуту фон-Мольтке старшему. В данной работе на основе анализа биографии генерала Н.Н. Обручева рассматриваются особенности развития русской военной машины второй половины XIX в. В работе также затрагиваются особенности высшего командного состава указанного отрезка времени и специфика взаимоотношений, в первую очередь профессиональных, между его представителями. Автор работы не был ориентирован на детальный анализ особенностей «военной элиты» империи 2-ой половины XX в. Как следствие, его выводы и оценки обращены к личности генерала Обручева, фигура которого заслонила контекстное поле социальной истории военного ведомства и его отдельных сегментов.

Колоссальный интерес представляет еще одно исследование Айрапетова «Генералы, либералы и предприниматели», вышедшее в 2003 г.[5] На стра-

---

[1] В. к. Николай Николаевич-младший, М.В. Алексеев, А.А. Брусилов, Л.Г. Корнилов, Н.Н. Юденич, А.Н. Куропаткин, П.К. Ренненкампф.
[2] Петухов А.Ю. Генерал Кутепов. Гибель Старой гвардии. В 2 т. М., 2014.
[3] Зверев С.В. Генерал Краснов. Как стать генералом. Ростов-на-Дону, 2013.
[4] Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830-1904). СПб., 1998.
[5] Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели. М., 2003.

ницах указанной работы он затрагивает не только хозяйственные процессы, связанные с реформированием русской армии в период после русско-японской войны, но и анализирует систему сложных, изначально конфликтных отношений между отдельными группами топа военной и военно-политической элиты империи. При всей значимости обозначенных в указанной работе проблем она выходит за рамки нашего исследования, но тем не менее высвечивает всю сложную систему противоречий, характерных для «телодвижений» различных групп влияния (включая и властный Олимп) и формируемых ими образований в- и около власти накануне Первой мировой войны.

К *самостоятельному компоненту* «биографического жанра» также можно отнести работы, затрагивающие жизнь отдельных представителей правящего Дома Романовых.[1] К этому же жанру можно отнести диссертационные исследования Ю.Н. Кряжева[2] и В.А. Астанкова.[3]

Определенный интерес представляет работа Б.А. Нахапетова, затрагивающая проблемы физического здоровья лиц правящей династии в XVIII – нач. XX в.[4]

Кроме этого, можно выделить ряд биографий лишь частично отражающих военную деятельность великих князей. В этом плане определенный интерес представляют исследования И.И. Хмельницкой (затрагивающее судьбу командира войск Гвардии и СПб. ВО в. к. Владимира Александровича)[5] и И.Э. Рыженко (затрагивающее судьбу императора Александра III)[6].

---

[1] Думин С.В. Романовы. Семейная хроника. М., 1998; Гришин Д.Б. Трагическая судьба великого князя. М., 2006; Гришин Д.Б. Великий князь Константин. Перед вечной красотой. М., 2008; Хрусталев В.М. Великий князь Михаил Александрович. М., 2008; Анненкова Э.А., Голиков Ю.П. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский. СПб., 2012 и ряд др.

[2] Кряжев Ю.Н. Военно-организаторская деятельность Николая II как главы государства: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02. / Кряжев Юрий Николаевич. – Курган, 2000.

[3] Астанков В.А. Государственная деятельность цесаревича Александра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865-1881 гг.: диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук: 07.00.02. / Астанков Василий Александрович. – М., 2014.

[4] Нахапетов Б.А. Врачебные тайны дома Романовых. М., 2007.

[5] Хмельницкая И.И. Во благо родного Отечества… Великий князь Владимир Александрович – президент Императорской академии художеств. СПб., 2010.

[6] Рыженко И.Э. Александр III в Гатчине. СПб., 2011.

В конечном итоге, можно говорить об исследованиях трех типов: всеобъемлющих биографиях, затрагивающих не только судьбу конкретно взятого исторического персонажа, но и раскрывающих содержание (контекст) эпохи; биографии, затрагивающие отдельные, зачастую частные аспекты жизни фигуранта; и поверхностные *описательные исследования*. К последним, например, можно отнести работу А. Чаадаевой «Великий князь Сергей Михайлович» (М.: ОАО «Домодедовская типография», 2012).

В заключении историографического обзора следует отметить, что в XXI в. появляется ряд работ выраженного постмодернистического характера изложения исторического материала. Они находятся на стыке различных систем знания, но в целом содержат так называемый «культурологический контекст» и претендуют на звание «понимающей истории». Их авторы, как правило, декларируют свою приверженность анализу социокультурных процессов и образований, повседневности, ментальных и психоментальных проявлений, микроисторической тематики. Среди исследований подобного рода можно выделить работы, обращенные к анализу «культурного» и «духовного» пространств российской власти и, как следствие, отдельных групп элиты, эту власть обслуживающих. Например, работы Р.С. Уортмана[1], И. Зимина, Дж. Р. Сола и ряда других авторов. В целом суждения указанных авторов носят спорный характер, но позволяют выявить отдельные, пусть и частные элементы проблемного поля, зачастую ускользающие от рядового историка.

Таким образом, историографический анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1)В дореволюционный период тема изучения офицерского корпуса обозначается только в середине XIX в. Исследования 2-й половины XIX в. носят стихийный, бессистемный характер, отличаются высокой степенью

[1] Уортман Ричард С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. / Перевод с англ. И.А. Пильщикова. М., 2004; Зимин И.В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Вторая четверть XIX – начало XX в. Взрослый мир императорских резиденций. М., 2010; Зимин И.В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Вторая четверть XIX – начало XX в. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М., 2010; Сол Джон Ролстон. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М., 2007.

описательности, опираются на субъективное содержание оценок и констатаций. В историографии *первого периода* (особенно после русско-японской войны) прослеживается постановка вопроса о неоднородности офицерского корпуса и выделения в его структуре отдельных страт, связанных с властью и обладающих значительными привилегиями. При этом указывается, что и сама «власть», в рамках ее отдельных социальных категорий, была связана с армией. Также подчеркивается особый характер отдельных родов войск (кавалерии и артиллерии) как групп престижа. Выделяется императорская гвардия как отдельный социальный институт. Характерно нейтральное и даже «прохладное» отношение к ГШ, офицеры которого начинают восприниматься как «мозг армии» только к началу Первой мировой войны, но в ее ходе снова дискредитируют себя.

На отрезке *второго периода*, особенно с конца 1920-х г. г., офицерский корпус воспринимается как классово однородное, «чуждое» советскому строю явление. К нач. 1930-х гг. вопрос о его изучении считается закрытым и, как следствие, исследования в данной области прекращаются. Термин *элита* ни на первом, ни на втором этапе исследований не употребляется. В первом случае элитология (как объект социологии) еще не сформировалась на научном уровне. Во втором - исследования элит шли вразрез с общим содержанием советской модели научного знания, так как марксизм отрицал элитизм, как метод и как явление, в принципе.

На *третьем этапе*, в рамках советской версии социальной истории, прослеживается рост интереса и даже появляются отдельные исследования, идущие вразрез с общим содержанием уже сложившейся советской историографии отдельных областей военной истории. Но в целом исследования развиваются в русле официальной версии истории, отличающейся однозначностью оценок и интерпретаций, обусловленных диктатом идеологии.

В «постсоветской» исторической науке оформляется устойчивая тенденция, связанная с изучением офицерского корпуса Российской империи на различных этапах его становления. За последние десятилетия обозначилось

многообразие концептуальных подходов к отдельным аспектам изучения российского офицерства, его места в русском социуме, его «войны и мира» (как в рамках узконаправленной проблематики, так и во всеохватывающем формате изучения быта и повседневности). Особой темой исследования стали реконструкция и создание моделей мировоззрения и ментальных переживаний представителей данной социальной группы. Очевидно, что решение указанных проблем породило переход к необходимости возникновения различных в жанровом отношении исследований междисциплинарного характера. Обозначается набор проблем, связанных с рассмотрением отдельных социальных категорий внутри армии как военной элиты.

В подавляющей части исследований военная элита не рассматривалась как система. Отдельные категории и корпорации изучались фрагментарно, как дискретные образования. Они идентифицировались как элита, при этом являясь всего лишь сегментами элиты (например: гвардия, корпус офицеров ГШ, отдельные категории генералитета) или даже «квази»-элитарными образованиями. Тема изучения военно-политической элиты и ее стратификации как объекта социальной истории не поднималась.

Таким образом, большая часть исследований по-прежнему оставляет проблему открытой, что обусловлено сложностью ее комплексного решения. Вплоть до сегодняшнего дня тема изучения высших слоев российской армии, как «военной-политической» и «военной» элит вызывает острые споры историков, носит незаконченный характер. Изучения отдельных сегментов отечественной военной элиты дореволюционного периода (в многообразии ее трактовок): военных чиновников, отдельных групп генералитета (в том числе «высшего»), корпорации офицеров ГШ остается открытой. По отдельным направлениям, например, связанным с изучением офицерского корпуса императорской гвардии и его существенным влиянием на процессы, происходящие в российской военной машине рубежа веков, исследования практически не ведутся. Очевидно, что социальная история военной элиты Российской империи должна носить целостный, комплексный характер.

1.3.Источниковая база исследования

Источниковую базу исследования[1] в силу ее значительного объема и разнопланового содержания мы можем разделить на несколько самостоятельных групп (с учетом дифференциации источников на *опубликованные* и *неопубликованные* (архивные)).

В формате линейной классификации, предложенной Л.Н. Пушкаревым[2], нами были использованы письменные исторические источники двух основных групп: документальные (актовые, статистические, канцелярские) и повествовательные (личные и научные).

По характеру построения информационного поля о*публикованные источники* были дифференцированы: на формализованные (обладающие четко выраженной структурой информации[3]); частично формализованные источники[4]; неформализованные, или нарративные источники[5].

Основную группу *формализованных источников* составил массив «*юридических актов» (по классификации М.Ф. Румянцевой «законодательные акты»*[6]*)*. Это в первую очередь извлечения из «*Полного Собрания Законов Российской Империи»* (ПСЗРИ) в части, касающейся военного ведомства, и затрагивающие процедуры государственно-правового регулирования его деятельности, а также извлечения из *«Основных Государственных Законов»* 1906 г., в части, касающейся определения статуса и формата властных полномочий правящего Дома Романовых.

---

[1] В основу исследования положен массив письменных источников.

[2] Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 267-268; Теория и методология истории: учебник и практикум для академического бакалавриата. / Под ред. А.И. Филюшкина. М., 2016. С. 64-65.

[3] В линейной модели классификации, предложенной Л.Н. Пушкаревым, к ним в первую очередь следует отнести *письменные документальные источники актового характера*: акты политические, социально-экономические, юридические.

[4] В нашем исследовании к данной группе относятся *документальные источники статистического характера*: экономическая, демографическая, политическая и культурная статистика, ее сопровождение и документы, близкие по форме и содержанию к статистическим.

[5] В данном случае речь идет о повествовательных источниках личного происхождения: письмах, дневниках, мемуарах.

[6] Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники Российской истории. / Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. М., 2004. С. 379-384.

Отдельные положения *«Свода военных постановлений 1869 г.»*[1] в части, касающейся особенностей работы отдельных структур военного ведомства («военного управления»), механизма замещения должностей, а также должностных обязанностей отдельных групп офицеров. Указанный документ включал в себя шесть частей (кроме этого в 1874, 1879, 1887 к нему вышли дополнения, так как военное законодательство не стояло на месте):

- часть I «Военные управления»;
- часть II «Войска регулярные»;
- часть V «Военное хозяйство».

К указанной группе документов также можно отнести отдельное *«Положение о Главном управлении Генерального Штаба»*[2], в котором затрагиваются юридически-правовые и структурно-организационные аспекты функционирования ГУГШ, как структуры, сначала подчиненной СГО, а затем, с 1909 г., являвшейся структурной частью Военного министерства (именно этот аспект функционирования ГУГШ освещается в «Положении…»).

Определенную ценность представляют различные по протяженности и формату службы *уставы*, а также документы (указы и положения), проливающие свет на изменения, вносимые в них.[3]

Еще одну группу актовых документов составляют «Правила приема в военные училища» и всевозможные *программы преподавания* в военных училищах и кадетских корпусах, и, как документы обобщающего характера, *«Положения» о военных училищах и кадетских корпусах,* издание которых

---

[1] Свод военных постановлений 1869 года (СВП 1869 г.). Часть первая. Военное управление. Издание второе (по 1 января 1893 г.). СПб., 1893.

[2] Положение о Главном управлении Генерального Штаба. СПб., 1913.

[3] Устав воинский о должности генерал-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских дел и поведениях, что каждому чинить должно, 1716 года. // Столетие Военного Министерства 1802-1902. Главный Штаб. Исторический очерк. Часть I. Книга II. Отдел III. Уставы и наставления. Главный редактор генерал-лейтенант Д.А. Скалон. СПб., 1903; Устав дисциплинарный. Исправлено и дополнено по 20-е Июля 1915 г. Петроград, 1915; Строевой устав легкой артиллерии. Орудийное учение. Высочайше утвержден 19 декабря 1911 года. Просмотрено по 15 сентября 1915 г. - Издал В.А. Березовский, Петроград, 1915 г.; Гребенщиков Я. Изменение в уставах и сокращение срока действительной службы в войсках. СПб., 1880; Устав о Воинской Повинности. // Военное законодательство Российской империи (Кодекс русского военного права). / Российский военный сборник. Выпуск 10. М., 1996.

связано с законотворчеством ГУ ВУЗ («подзаконные акты»).[1] Указанные источники помогают выявить основной набор поведенческих стереотипов и ценностных установок внушаемых потенциальным офицерам на этапе социализации, связанном с пребыванием в военно-учебных заведениях. Это позволяет построить некую обобщенную модель мировоззрения русского офицера в пределах анализируемой временной лакуны.

В работе были использованы приказы и извлечения из приказов по различным структурам военного ведомства, положения об образовании и функционировании отдельных структур армии и ежегодные формальные донесения различных категорий военных чиновников (в первую очередь касающиеся *общего состояния российской императорской гвардии*), отдельные *делопроизводственные документы,* связанные с законотворческой деятельностью.[2] Данный массив документов мы можем отнести как к формализованным, так и к частично формализованным. В последнем случае речь идет о документах канцелярского характера (реестрах, книгах, деловой переписке и др.).

К специфической группе документов, обладающей признаками *источников переходного типа* (находящихся на стыке документов *актового и статистического характера*), были отнесены *«Справочные книжки…» и «Памятно-справочные книжки…»* для офицеров[3], в которых приводятся из-

---

[1] Правила приема в военные училища и программы учебных предметов, составленные сообразно с требованиями при вступительных экзаменах в эти заведения на 1872 год. СПб., 1871; Положение о кадетских корпусах, высочайше утвержденное 14-го февраля 1886 года. СПб., 1886; Общая программа и инструкция для преподавания учебных предметов в кадетских корпусах. Петроград, 1915 и др.

[2] О нравственном состоянии войск Российской империи и в особенности Гвардейского корпуса. Письмо и записка графа Ф.П. Толстого императору Николаю I. // Река времён. Книга истории и культуры. – Книга первая: государь, государство, государственная служба. М., 1995. С. 36-49; Положение о образцовом дивизионе, сформированном при Л.-Гв. Донской батарее, из команд от Конно-Артиллерийских бригад: Сибирского Линейного, Оренбургского, Кавказского Линейного, Черноморского и батарее Астраханского – казачьих войск. СПб., 1853.

[3] Справочная книжка для офицеров. // Составили генерального штаба полковники Малинко В. и Голосов В. Издание 3-е, исправленное и дополненное. Часть I. М., 1902; Справочная книжка для офицеров и чиновников служащих в управлениях и заведениях артиллерийского ведомства. Издание 2-е, переработанное. Составил Подполковник Висковский, старший адъютант окружного артиллерийского управления московского военного округа. М., 1897. С чертежами и приложениями; Справочная книжка для офицеров, отправляющихся в отпуск. / Составил поручик Швачкин. Гайсин, типография У. Шварцмана, 1898; Артиллерия. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. Составил В.В. Квадри. Исправлена и дополнена под редакцией В.К. Шенка. По 20-е Марта 1909 года. СПб., 1909; Памятно-справочная книга для командиров отдельных частей войск. Составлена на основании существующих постановлений, правил, положений и руководства генерал-лейтенантом Карцовым. СПб., 1880; Справочная книжка всех должностей военного и граж-

влечения не только из *военного законодательства*, но и массивный *справочный материал*, затрагивающий особенности комплектования, материального обеспечения отдельных соединений, частей и подразделений, размер (и его колебания) содержания офицеров, их должностные обязанности. Следует обратить внимание на то, что М.Ф. Румянцева считает справочные издания «самостоятельным видом источников», но применительно к XVIII-XIX вв. связывает их с «делопроизводственной документацией»[1].

К данной группе также следует отнести справочное пособие для офицеров НАГШ «Русский Генеральный Штаб. Состав и служба его. Пособие для офицеров старшего класса Николаевской Академии Генерального Штаба».[2] К подобного рода документам, использованным в исследовании, мы также отнесли выборку приказов и военных постановлений, а также справочный и статистический материал, содержащийся в отдельных изданиях, посвященных 100-летнему юбилею Военного министерства (они издавались на протяжении 1902-1914 гг.)[3].

К еще одной группе источников *переходного типа* (в данном случае совмещающих в себе элементы «справочных изданий» и статистики) были отнесены документы, затрагивающие списочный состав отдельных структур военного ведомства. Данный тип источников носит частично формализованный характер: приводимый в нем информационный материал варьируется в зависимости от рассмотрения различных социальных категорий, а также времени создания отдельных документов.

данского ведомства, которые могут быть занимаемы военными чинами штаб и обер-офицерского звания, с указанием окладов содержания, этим должностям присвоенных. Составлена по сведениям к 1 июня 1890 года. СПб., 1890.

[1] Источниковедение: Теория. История. Метод… - С.399.

[2] Русский Генеральный Штаб. Состав и служба его. Пособие для офицеров старшего класса Николаевской Академии Генерального Штаба. СПб., 1894.

[3] Михневич Н.П. Главный штаб. Исторический очерк. Вооруженные силы России до царствования императора Александра I. СПб., 1902; Струков Д.П. Главное Артиллерийское Управление. Ч. I. Кн. I. СПб., 1902; Езерский С.И., Козырев М.А. Главный Военно-санитарный комитет. Исторический очерк. СПб., 1902; Данилов Н.А. Исторический очерк деятельности Канцелярии Военного министерства и Военного Совета. Ч. I. СПб., 1907; Императорская Главная квартира. История Государевой Свиты. СПб., 1902; Никольский А.И., Чернощеков Н.А. Воинская повинность казачьих войск. Исторический очерк. СПб., 1907; Затворницкий Н.М. Память о членах Военного Совета. Портреты и биографические очерки. СПб., 1907; Затворницкий Н.М. Военные министры и главноуправляющие военной частью в России с 1701 по 1910 год. Т.III. Отдел VI. СПб., 1911; Никифоров А.В. Чинопроизводство по военному ведомству. Исторический очерк. Кн.I. Отдел IIIа. СПб., 1912 и ряд др. изданий.

В первую очередь нами были проанализированы значительные по объему (в отдельных случаях до 1000 стр.) «Списки генералам...» (за 1855, 1864, 1875, 1877, 1880, 1883, 1889, 1896, 1901, 1903, 1905, 1906, 1908, 1910, 1914, 1916 гг.) и «Списки полковникам по старшинству» (за 1901, 1902, 1903, 1912 гг.), а также «Списки Генерального Штаба» (за 1907 и 1914 гг.). В указанных документах дается стандартная информация о дате рождения, вероисповедании, семейном положении, образовании, особенностях карьерного роста, участиях в боевых действиях, наградах, содержании офицеров (до 1908 г.) и занимаемой должности на момент составления списка. Данная информация представляет значительную ценность при комплексном статистическом анализе отдельных групп членства внутри корпораций генералов и полковников. В случае со «Списками Генерального Штаба» данные не ограничиваются полковниками и генералами, но в нашем случае анализировались только представители указанной группы.

Для решения отдельных исследовательских задач в тематических разделах нашего диссертационного исследования были привлечении именные списки Свиты Его Императорского Величества[1], а также «Списки высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления» (за 1880, 1885, 1891, 1897, 1898, 1900, 1901, 1902, 1903, 1906, 1907 и 1908 гг.) в части, касающейся военного министерства. Если списки лиц Свиты имеют характер сходный со «Списками» генералам и полковникам по старшинству, «Списки высшим чинам…» представляют структуру высших органов государственного управления империей с указанием лиц их званий и титулов, а также занимаемых ими должностей. Тем не менее эта информация крайне важна как для анализа частоты и особенностей ротации кадрового состава высшего аппарата власти, так и для выявления закономерностей в занятии тех или иных должностей конкретными лицами (в том числе для определения основных креатур, продвигаемых в аппарат управления и, как следствие, групп влия-

[1] Список генерал-адъютантам, генерал-майорам Свиты Его Величества и флигель-адъютантам по старшинству. Составлен по 1-е Января 1905 г. СПб., 1905; Милорадович Список лиц С. Их Имп. Величеств с царствования Петра Великого по 1886 г. / Составлен генералом Милорадовичем. Киев, 1886.

ния, стоящих за ними), что в конечном итоге позволяет определить их степень близости к престолу и влияние на принятие властных решений.

Наконец, были использованы извлечения из «Алфавитного списка служилым Генералам и Штаб-Офицерам Войска Донского» (за 1868 г.), части затрагивающей *службы* «казачьих генералов» на высших командных должностях, а также особенности пребывания отдельных старших офицеров в гвардейских полках столичного (С.-Петербургского) гарнизона, частоту из взаимодействия с военной элитой, степень инкорпорированности в нее.

К этой же группе документов можно отнести подборки списочных составов и биографических сведений офицеров отдельных гв. частей и подразделений[1], в том числе включенные в качестве приложений или самостоятельных изданий в виде так называемых «дополнений» в истории гв. полков. Следует учитывать, что в приложениях к историям гв. полков приводятся не только списочные составы, но и значительный объем формализованной (в первую очередь, подборки приказов по полкам (так, в 4-м томе л.-гв. Финляндского п. приводится *558 приказов*, отчетов и списочных донесений как различных структур военного ведомства в части касающейся службы полка, так и отданных по полку[2]), штатное и списочное расписание, данное в приказе) и частично формализованной (отчеты о материальном обеспечении частей, информация о ротации личного состава, сведения о награждении высшими военными орденами империи, мартирологи и др.) информации. Примечательно то, что среди полковых документов встречаются источники весьма *экстравагантного характера*, например, «Книги жалоб и предложений офицерского собрания лейб-гвардии Уланского полка»[3], проливающие свет не только на повседневную жизнь и особенности быта гвардейского

[1] Полный список Шефов, Полковых командиров и офицеров Лейб-Гвардии Конного полка с 1731 по 1886 год. СПб., 1886; Сборник биографий кавалергардов. 1826-1908. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка. / Составлен под ред. С. Панчулидзева. СПб., 1908.

[2] История л.-гв. Финляндского полка 1806-1906 г. г. / Составил лейб-гвардии Финляндского полка капитан С. Гулевич. Часть четвертая 1881-1906 г. г. СПб., 1907.

[3] Книги жалоб и предложений офицерского собрания лейб-гвардии Уланского полка. / документ опубликовал И.П. Белавкин. // Клио. 1999. №2 (8). С. 256-261.

офицерского микромира, но и высвечивающие некоторые специфические мировоззренческие особенности отдельных его представителей.

Массивы документов, подобные приложениям к полковым историям, давались и к «историям» отдельных структур военного ведомства, например, истории НАГШ[1] или историям отдельных военно-учебных заведений, например, ПК (примечательно, что в случае с ПК был издан отдельный сборник «Материалов» для его истории, включающий в том числе и значительный массив документов юридически-правовой базы, связанных с функционированием данного военно-учебного заведения) или ПВУ. Кроме этого, Главное Управление Военно-учебных заведений (*далее по тексту* - ГУ ВУЗ) издавало самостоятельные списки «Чинов ведомства военно-учебных заведений»[2].

Определенную ценность представляют списочные составы отдельных заведений, в том числе и гражданских, имеющих прямое отношение к функционированию военно-политической элиты, особенностям ее профессиональной деятельности и внеслужебному времяпрепровождению. Наиболее значимым образованием для топа высшего СПб общества являлся СПб речной Яхт-Клуб, членами которого являлись не только представители «высшего генералитета», но значительная часть великокняжеского сегмента Дома Романовых.[3]

Кроме всевозможных *списков* лиц военного ведомства, значительную ценность представляет *собственно статистическая информация («документальные статистические источники», или «статистика»)*. Данный са-

---

[1] Исторический очерк Николаевской академии Генерального Штаба. / Составил Генерального Штаба генерал-майор Н.П. Глинорецкий. СПб., 1882.

[2] Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества корпуса. 1711-1875. Киев, 1876; Исторический очерк Павловского военного училища Павловского кадетского корпуса и Императорского Военно-сиротского дома. 1798-1898. / Сост. Генерального Штаба генерал-майором А.Н. Петровым. СПб., 1898; Общий состав чинов ведомства военно-учебных заведений. По 1 Сентября 1885 года. СПб., 1885; Общий состав чинов ведомства военно-учебных заведений. По 1-е июня 1899 года. СПб., 1899; Общий состав чинов ведомства военно-учебных заведений. По 1-е июня 1902 года. СПб., 1902; Общий состав чинов ведомства военно-учебных заведений. По 1-е января 1904 года. СПб., 1904.

[3] Санкт-Петербургский речной Яхт-Клуб. Памятная книжка 1897 г. (Исправлено по 1 Июня). СПб., 1897; Санкт-Петербургский речной Яхт-Клуб. Список членов и судов 1900 г. (Исправлено по 1 Августа). XLI-й год с основания. СПб., 1900.

мостоятельный тип источников также имеет частично формализованный характер.

Особое место в рассматриваемой группе документов занимают «Всеподданнейшие Отчеты Военного Министерства», ежегодно представляемые на имя императора.[1] В структурном плане отчеты состоят из аналитической справки по всем сегментам военного ведомства. Они также включают в себя аудит, анализ законотворческой деятельности (включая деятельность Военного Совета) и «движения дел», анализ ротации кадров, рассмотрение общего состояния иррегулярных войск. «Отчеты» снабжены исчерпывающим статистическим материалом, освещающим основные индексы по каждому из разделов (от анализа актуального состояния службы, материального обеспечения, включая сметы расходов, до рассмотрения кадрового состава, включая ротацию кадров). В целом данная группа источников дает объемное представление об армии как едином хозяйственном механизме.

Для исследования была привлечена группа статистических материалов представленная *«Военно-статистическими ежегодниками армии»*[2]. Они содержат статистику по штатному и списочному составу армии по военным округам, дается представление об особенностях военного призыва и комплектации армии новобранцами, рассматривается убыль офицеров, нижних чинов и военных чиновников, приводится статистика о санитарном состоянии армии, анализируется криминогенная обстановка, особенности материально-технического обеспечения. К этой же группе документов можно отнести составленную полковником ГШ А.Ф. Риттихом массивную статистическую работу «Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения европейской России».[3]

---

[1] Всеподданнейший Отчет Военного Министерства за 1861 г. Представлено Государю Императору 1-го Января 1863 г. СПб., 1863. Приложения; Всеподданнейший Отчет Военного Министерства за 1890 г. СПб., 1892; Всеподданнейший Отчет Военного Министерства за 1901 г. СПб., 1903.

[2] Военно-статистический ежегодник армии за 1910 год. СПб., 1911.

[3] Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения европейской России. Составил Генерального Штаба полковник А.Ф. Риттих, действительный член Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1875.

Кроме этого, были использованы документы, проливающие свет на особенности численности, структуры и дислокации войск в отдельных военных округах, в том числе и СПб. ВО. Отдельную информацию представляет «Краткое расписание сухопутных войск»[1] и «Общее расписание войск Отдельного Гвардейского Корпуса и причисленных к нему частей»[2].

Основное место в группе источников *нарративного (неформализованного) характера* занимают *повествовательные источники личного происхождения: воспоминания* и *дневниковые записи*.

По характеру возникновения (представительство в военном сообществе; «штатские» современники описываемых событий) указанный массив источников был разделен на *две основные подгруппы источников*: *подгруппа 1* - это воспоминание отдельных представителей военного сообщества от штаб- и обер-офицеров до военных царедворцев и военных министров. К данной подгруппе источников следует отнести воспоминания следующих групп представителей военной элиты: великих князей, военных министров, отдельных групп царедворцев («военных царедворцев»), представителей различных групп генералитета, отдельных офицеров. Данный вид источников носит *автокоммуникативный характер* и направлен на установление связей *в коэкзистенциальном целом*.[3] Данная характеристика относится и к источникам 2-ой подгруппы.

Из «наследия» великих князей определенную ценность представляют извлечения из дневников Александра III и Николая II, а также воспоминания великих князей Кирилла Владимировича, Александра Михайловича, князя императорской крови *Гавриила Константиновича*, воспоминания и дневник Константина Константиновича (К.Р.), дневники Сергея Александровича и Михаила Александровича[4].

---

[1] Краткое расписание сухопутных войск. Исправлено по 1-ое июля 1903 г. СПб., 1903.
[2] Общее расписание войск Отдельного Гвардейского Корпуса и причисленных к нему частей с обозначением их расположения на зиму 1857-1858 гг. СПб., 1858.
[3] Пушкарев Л.Н. Указ. соч. С. 466.
[4] Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. / Предисл. и коммент. А. Виноградова. М., 1991; Гавриил Константинович, князь императорской крови. В мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. СПб., 1993; Великий князь Константин Константинович Романов (К.Р.). Воспоминания о Государе Импера-

Особую ценность представляют мемуары военных министров: Д.А. Милютина, А.Ф. Редигера, В.А. Сухомлинова, А.А. Поливанова. Дневниковые записи и заметки А.Н. Куропаткина[1].

Из воспоминаний «военных царедворцев» можно выделить мемуары генералов В.Н. Воейкова, А.А. Мосолова, А.И. Спиридовича, В.Ф. Джунковского[2].

Наконец, нами были использованы извлечения из массива воспоминаний различных групп генералитета, представленные записями генералов Ю.Н. Данилова, А.А. Игнатьева, А.С. Лукомского, Б.В. Геруа, А.А. Брусилова, Н.А. Епанчина, барона К.-Г. Маннергейма, М.В. Грулева, А.А. Киреева, Ф.Ф. Палицына, Э.В. Экка, Ф.К. Гершельмана, Д.И. Гурко, В.И. Гурко, М. Свечина, П.П. Скоропадского[3] и др.

торе Николае II. // Император Николай II. Тайны Российского императорского двора. / Авт.-сост. В.М. Хрусталев. М., 2013; Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.): 1911-1915. / Отв. ред., автор вступ. ст. В.М. Хрусталев. М., 2013; Дневник Великого Князя Сергея Александровича. 1877. // Великий Князя Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн.2: 1877-1880. М., 2007; Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича: 1915-1918. / Ответственный редактор и составитель В.М. Хрусталев. М., 2012.

[1] Редигер Александр Федорович. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. М., 1999; Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. / Редакция, предисловие, комментарии А.М. Лукашевича. - Минск, 2005; Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907-1916 гг. / Под ред. А.М. Зайончковского. С предисловием Михаила Павловича. Т. 1. М., 1924; Дневник генерала А.Н. Куропаткина. / А.Н. Куропаткин; вступ. ст. О.Р. Айрапетова. Государственная публичная историческая библиотека России. М., 2010.

[2] Воейков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995; Мосолов А.А., генерал. При Дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра Двора. СПб., 1992; Спиридович А.И. Великая война и февральская революция: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004; Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 т. М., 1997.

[3] Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. 2-е издание. Жуковский; М., 2006; Игнатьев А.А., граф. 50 лет в строю. Воспоминания. М., 2002; Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986; Игнатьев А.А., граф. Роковые дни. 50 лет в строю. М., 2013; Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012; Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Период Европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками. Т. 1. Книгоиздательство Отто Кирхнер и Ко., Berlin W35, Genthinerstr. 19. 1922 г.; Геруа Б.В., генерального штаба генерал-майор. Воспоминания о моей жизни. Т. I. Париж, 1970; Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2013; Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996; Маннергейм Карл Густав. Мемуары. М., 1999; Грулев М.В. Записки генерала-еврея. М., 2007; Киреев А.А. генерал от кавалерии. Дневник. 190-1910. М., 2010; Палицын Ф.Ф. Записки. Северо-Западный фронт и Кавказ (1914-1916). Т.1. М., 2014; Экк В.Э. От русско-турецкой до мировой войны. Воспоминания о службе. 1868-1918. М., 2014; Гершельман Д.К. Воспоминания прожитого. // Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX – начала XX веков. М., 2002; Гурко Д.И. Воспоминания генерала. // Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX – начала XX веков. М., 2002; Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914-1917. М., 2007; Свечин М. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964; Скоропадский Павел. Мое детство на Украине. // Павло Скоропадський. Спогади. Кінец 1917 – Грудень 1918. / Головний редактор Ярослав Пиленьский. Кіив-Філадельфія, 1995.

Колоссальный интерес для понимания психологии военной элиты предвоенного и фактически всего периода Первой мировой войны представляют записки «штатского генерала» тайного советника В.П. Кравкова.[1]

Из источников рассматриваемой группы, относящихся к «прочим офицерам», отдельные из которых стали генералами уже в годы Первой мировой и Гражданской войн можно выделить воспоминания и дневники Ю.В. Макарова, Г. Гоштовта, П.Н. Врангеля, А.И. Деникина, Е.И. Мартынова, Е.А. Никольского, морского офицера Н.В. Саблина, князя В.С. Трубецкого, Г.А. Доленги-Ковалевского и князь Н.М. Девлет-Кильдеева, Д.И. Лешкова, В. Литтауэра, Г.М. Семенова[2], А. Космоделя и ряда др.

Кроме этого, были использованы извлечения из воспоминаний нижних чинов. В данном случае интересны мемуары лейб-казака вдовствующей императрицы Марии Федоровны Т.К. *Ящика*, начавшего службу при Дворе в 1914 г., а затем оказавшегося вместе с вдовствующей императрицей в Дании. Ящик дает свое, «казацкое», понимание процессов, происходящих в стране, а также рисует портреты отдельных представителей военно-политической элиты начала XX в.[3]

Еще один массив, *подгруппа 2*, составляют воспоминания различных «штатских» царедворцев, имеющих косвенное отношение к военному ведомству, а также лиц, «отирающихся» около Двора: крупных сановников, лиц придворной службы, министров, «сомнительных» личностей, втершихся в доверие к великим князьям или императорской чете (в данном случае речь идет о Г.Е. Распутине, оставившем после себя крайне сложный для однозначного анализа дневник; сюда же можно отнести воспоминания секретаря

---

[1] Кравков В.П., тайный советник. Война без ретуши. Записки корпусного врача. М., 2014.

[2] Макаров Ю.В. Моя служба в старой гвардии. 1905-1917. Буэнос-Айрес: Доррего, 1951; Гоштовт Г. Дневник кавалерийского офицера. Париж, 1931; Врангель П.Н., барон. Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. Т.1. М., 1992; Деникин А.И. Путь русского офицера. // Путь русского офицера. М., 2002; Деникин А.И. Старая армия. М., 2005; Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М., 2003; Никольский Е.А. Записки о прошлом. М., 2007; Саблин Н.В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». СПб., 2008; Девлет-Кильдеев Н.М., князь. Доленга-Ковалевский Г.А. Кирасиры Его Величества 1902-1914 гг. Последние мирные годы. СПб., 1914; Лешков Д.И. Партер и карцер. Воспоминания офицера и театрала. М., 2004; Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911-1920. М., 2006; Семенов Г.М. Воспоминания, мысли и выводы. М., 2002.

[3] Ящик Т.К. Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. СПб., 2004.

Распутина А. Симоновича[1] (в работе также были использованы извлечения из дневника самого Г.Е. Распутина[2])). В частности, нами были использованы мемуары С.Ю. Витте, графа С.Д. Шереметьева, князя В.П. Мещерского, А.А. Половцева, С.Д. Сазонова, придворного врача Н.А. Вельяминова, П. Жильяра, С.Н. Палеолога, орловского губернатора А.Н. Трубникова.[3]

Особое место в указанной группе источников занимают «женские воспоминания», имеющие весьма специфический и «пикантный» гендерный оттенок (необходимо учитывать, что система переживаний женщины 2-ой половины XIX в. серьезно отличалась от женских переживаний сегодняшнего дня[4]). В частности, можно выделить мемуарную литературу, относящуюся к воспоминаниям фрейлин двора, жен отдельных офицеров (генералов), женщин в той или иной степени, связанных с рассматриваемыми нами группами военной элиты: это великосветские дамы и фрейлины (А.Ф. Тютчева, графиня М.Э. Клейнмихель, баронесса В. Мейендорф, баронесса С. Буксгевден, М.С. Барятинская, Нариса Чакрабон, дочь принца Чакрабона, окончившего ПК и служившего в гвардии), жены генералов (А.В. Богданович, В.Н. Ренненкампф, Л. Ден[5]), а также дамы «полусвета», как уже отмечалось, имеющие лишь отношения к отдельным влиятельным персонам, например, М.Ф.

---

[1] Симанович А. Распутин и евреи: Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. А.: Туркменистан, 1990.

[2] Дневник Распутина. М., 2008.

[3] Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т.1 (2-е издание). Ленинград, 1924; Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849-1911 гг. М., 1991; Мемуары графа С.Д. Шереметьева. Т. 1. М., 2004; Мещерский В.П., князь. Мои воспоминания (1850-1865 гг.). Часть 1. СПб.: Типография князя В.П. Мещерского, 1897; Половцев А.А. Дневник Государственного секретаря: в 2 т. (Т.1. – 1883-1886; Т.2. – 1887-1892). М., 2005; Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск, 2002; Вельяминов Н.А. Мои воспоминания об императоре Александре III, его болезни и кончине. // Русский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX век). Выпуск V. М., 1994; Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сентябрь 1905 – Екатиринбург, май 1918 г.). Вена, 1921; Палеолог С.Н. Около власти. Очерки пережитого. М., 2004; Трубников А.Н. Воспоминания. Орел, 2004.

[4] См. например: Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789-1918. М., 2011.

[5] Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Тула, 1990; Клейнмихель М.Э., графиня. Дворцовые интриги и политические авантюры: записки Марии Клейнмихель. М., 2014; Мейендорф В. баронесса. Мемуары фрейлины императрицы. Царская семья, Сталин, Берия, Черчилль и другие в семейных дневниках трех поколений. М., 2012; Буксгевден С., баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы России. Воспоминания фрейлины в трех книгах. М., 2012; Барятинская М.С. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1870-1918. М., 2006; Чакрабон Нариса, Хантер Эйлин. Катя и принц Сиама. М., 2004; Богданович А.В. Три самодержца. Дневники генеральши Богданович. М., 2008; Фон Ренненкампф В.Н. Воспоминания. М., 2013; Ден Л. Подлинная царица. // Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя Великая Княгиня. СПб., М., 2003.

Кшесинская[1]. К данной группе документов также можно отнести воспоминания морганатической супруги в. к. Павла Александровича княгини О.В. Палей.[2]

Кроме этого, мы использовали отдельные извлечения из воспоминаний современников описываемых событий, имеющих косвенное отношение к рассматриваемым нами социальным группам. В частности, нами были использованы мемуары активно вращавшегося в «гвардейской» офицерской среде и контактировавшего с в. к. Владимиром Александровичем художника А. Бенуа[3], чиновника МИДа Д.И. Абрикосова[4], непосредственно связанного с отдельными представителями великокняжеской среды, химика В.Н. Ипатьева[5], окончившего МАА и связанного по долгу службы с ГАУ, тайного советника Е.М. Феоктистова[6], цензора, редактора журналов «Русская речь» и «Журнала министерства народного просвещения», вхожего к «сильным мира сего», включая самого императора и ряда др.

Также определенный интерес представляет массив мемуаров иностранных подданных, либо состоящих на русской службе, либо выполняющих разовые миссии своих государств на территории Российской империи. Можно выделить воспоминания британского посла в России Дж. Бъюкенена, британского военного атташе А. Нокса, германских генералов Г. фон Базедова и Х. фон Мольтке-младшего[7], посещавших Россиию в составе военных делегаций.

В массиве *эпистолярных источников («частная переписка»),* представляющих собой документы *межличностной коммуникации* и характеризующихся *фиксированным адресатом,* нами была использована переписка гене-

[1] Кшесинская М. Воспоминания. Смоленск, 1998.
[2] Палей О. Воспоминания о России: с приложением писем, дневника и стихов ее сына Владимира. / Пер. с франц. Е. Кассировой. М., 2016.
[3] Бенуа А. Мои воспоминания. В пяти книгах. Издание второе, дополненное. В 2 т. М., 1993.
[4] Из воспоминаний Дмитрия Ивановича Абрикосова. // Судьба русского дипломата. М., 2008.
[5] Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Воспоминания. Т. 1: 1867-1917. Нью-Йорк, 1945.
[6] Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. М., 1991.
[7] Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914-1917. М., 2014; Гейно фон Базедов Путевые впечатления о военной России. // Военный сборник. Т.Х. СПб., 1911; Мольтке Х. фон Русские письма. СПб., 2008.

рала Ф.Ф. Юсупова со своей женой[1], а также письма вдовствующей императрицы Марии Федоровны своему сыну Николаю II.

При написании работы привлекалась информация, извлеченная из особого вида источников - отдельных изданий *периодической печати (газет и журналов)*[2]. В частности, были проанализированы и представлены в качестве элемента экземплификации материала из журнала «Разведчик» за 1904-1905 гг. в части касающейся участия отдельных офицеров в боевых действиях в Маньчжурии, а также экспертной оценки боеготовности отдельных частей и армии в целом и ее соответствия требованиям, предъявляемым современной войной. Указанный журнал также является подходящим источником для анализа развития юридически-правовой базы (приказов по военному и военно-морскому ведомствам), обеспечивающей функционирование военного ведомства и изучения кадровых перемещений в частях и подразделениях сухопутных войск и ВМФ.

Кроме этого в исследовании были привлечены материалы из издававшихся в эмиграции артиллерийских журналов «Артиллерийский вестник. Орган связи всех русских артиллеристов за рубежом» (издаваемый в Белграде) и «Артиллерийский журнал. Орган правления общества всех русских офицеров артиллеристов во Франции», в части затрагивающей судьбы великих князей Михаила Николаевича и его сына Сергея Михайловича. А также воспоминаний отдельных офицеров об обучении в Михайловском артиллерийском училище (*далее по тексту* - МАУ) и МАА и довоенном периоде службы.[3]

---

[1] Из семейной переписки Юсуповых. // Река времени (Книга истории и культуры). Гражданское общество и частная жизнь. Книга вторая. М., 1995.

[2] Применительно к периодической печати М.Ф. Румянцева выделяет три основных разновидности источников данного вида: газеты, журналы, повременные издания научных обществ (Источниковедение: Теория. История. Метод… - С. 451).

[3] Артиллерийский вестник. Орган связи всех русских артиллеристов за рубежом. № 9 (№42). 1 ноября 1933 г.; Артиллерийский вестник. Орган связи всех русских артиллеристов за рубежом. № 23 (№56): Юбилейный. Белград. Январь 1940 г.; Артиллерийский журнал. Орган правления общества всех русских офицеров артиллеристов во Франции. № 1. Париж: Январь, 1928 г.; Артиллерийский журнал. Орган правления общества всех русских офицеров артиллеристов во Франции. №1. Париж: Январь, 1929 г.; Артиллерийский журнал. Орган правления общества всех русских офицеров артиллеристов во Франции. № 1-2. Париж, 1930 г.

Представляют интерес извлечения из так называемых «Маленьких писем» А.С. Суворина и «Писем к ближним» М.О. Меншикова, опубликованных в газете «Новое время» в период русско-японской войны[1].

Кроме этого, в качестве источников был использован ряд работ научно-теоретического плана (*«повествовательные источники научного характера»*). В данном случае речь идет о статье немецкого военного теоретика А. фон Шлиффена «Современная война», опубликованной в 1909 г.[2] и проливающей свет на интерпретацию войн начала XX в. германским ГШ, а также о глубоком теоретическом исследовании вопроса формирования офицера «нового типа» подполковника ГШ М. Галкина «Новый путь современного офицера»[3], на страницах которого затрагивается не только проблема повышения уровня военного профессионализма, но и формирование «новой этики» как особого механизма отношения с подчиненными и вышестоящими начальниками, а также ведения современного боя.

Еще одним важным теоретическим изысканием, относящимся к повествовательным источникам *«научного характера»,* можно считать работу выдающегося русского юриста П.Е. Казанского «Власть Всероссийского Императора»[4]. Указанное исследование является одной из важнейших работ для понимания юридически-правового характера интерпретации императорской власти в Российской империи второй половины XIX – нач. XX в. При этом особое внимание в нем уделяется юридическому определению императора как Державного Вождя российской армии и флота. Позиция П.Е. Казанского важна еще и тем, что он опровергает позиционирование императора как верховного главнокомандующего, понимая командование как понятие «исключительно военного права»[5], и наделяет императора особыми военно-политическим полномочиями. П.Е. Казанский разводит понятия военно-

[1] Суворин А.С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904-1908). М., 2005; Меньшиков М.О. Национальная империя. М., 2004.
[2] Фон Шлиффен Альфред. Современная война. // Германская военная мысль. М., 2012.
[3] Галкин М. Генерального Штаба подполковник. Новый путь современного офицера. СПб., 1907.
[4] Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Издание 3-е, значительно дополненное. М., 2007.
[5] Там же. С. 128.

политического и военного руководства страной и армией и дает каждому из них убедительную, оригинальную трактовку.

Еще одну самостоятельную группу источников составили *торжественные речи* императора Николая II. Данный набор документов, имеющий черты повествовательных источников «художественного характера» (в то же время в них прослеживаются отдельные элементы документальных источников «актового характера»), примечателен оригинальной официальной риторикой, создающей *глубокоэмоциональный дискурс*, наполненной высокой патетикой государственного официоза (в данном случае даже интересно название издательства, в котором вышла указанная подборка документов: *«Друг народа»*). Отчасти он передает как общий дух, так и частный набор переживаний Николаем II отдельных мемориальных событий в жизни империи, а также демонстрирует официальную трактовку политических и социальных событий эпохи. Думается, что данный набор документов нуждается в глубоком дискурс-анализе, так как представляет некий срез с коллективного сознания политической элиты рассматриваемого отрезка времени.[1]

Основной массив *неопубликованных источников* представлен документами четырех архивов, из которых три являются центральными (Российский Государственный Военно-исторический архив (РГВИА), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский Государственный исторический архив (РГИА)) и один – областным (Государственный архив Орловской области (ГАОО)).

Задействованный на разных уровнях и этапах исследования массив неопубликованных источников, как и в случае с опубликованными, был разделен на три основные группы: формализованные источники; частично формализованные источники; неформализованные (нарративные) источники.

Следует отметить, что специфические особенности нашего исследования вызвали необходимость использовать определенную совокупность ис-

[1] Полное собрание речей Императора Николая II. 1894-1906. Составлено по официальным данным «Правительственного Вестника». СПб., 1906.

точников *нового типа*, которые носят переходный характер и совмещают в себе элементы справочного материала и статистики. В ней особое место занимают *«Списки (по старшинству в чинах) генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чинов» отдельных гвардейских частей, а также послужные и аттестационные списки отдельных гвардейских офицеров (генералов).* Данный тип документов мы можем отнести к источникам частично формализованного характера, идентифицируемым как «делопроизводственные материалы справочного характера».[1]

Информационная структура «Списков (по старшинству в чинах) генералов, штаб- и обер-офицеров…» включает в себя сведения: о времени и месте рождения; конфессиональной принадлежности; специфике брачных отношений (в отдельных списках указывается имя жены, а также дается информация о детях); особенностях образования (в первую очередь военного); специфике карьерного роста; участии в боевых действиях; наградах и прочих поощрениях; занимаемой на момент составления списка должности. В списках периода правления Александра III в отдельных случаях дается краткая аттестация каждого офицера полка, с пометкой о пригодности его к занимаемой должности. Общая плотность листов указанных документов колеблется в зависимости от рода войск. В инфантерии численность офицерского корпуса полка была больше, как следствие документы могли иметь плотность до 40 листов. Плотность источников по гвардейским стрелковым батальонам, до их трансформации в полки, колебалась в пределах 15-20 листов. В кавалерии численность офицерского корпуса была меньше (объем не превышал 25-30 листов). Наконец, в артиллерии средний объем рассматриваемых источников составлял 35-40 листов.

Указанная группа документов имеет предельно форматизированный характер заполнения, при этом в зависимости от рода войск и характера службы в отдельных разделах формы заполнения (разработанной и юридиче-

[1] Источниковедение: Теория. История. Метод… - С.399.

ски закрепленной военным ведомством) прослеживаются незначительные нюансы.

В случае со *«Списками по старшинству…»* нами были использованы документы следующих фондов РГВИА:

- Ф.2583. Оп.2 – л.-гв. Преображенский полк, дела 705 (за 1908 г.), 865 (за 1914 г.; в данном случае особый интерес представляет Д.705: в нем приводится список офицеров л.-гв. Преображенского полка с адресами проживания и номерами телефонов);
- Ф.2577. Оп.2. – л.-гв. Измайловский полк, дела 353 (за 1907 г.), 356 (за 1910 г.), 371 (за 1913 г.);
- Ф.2581. Оп.2. - л.-гв. Павловский полк, дела 707 (за 1889 г.), 712 (за 1895 г.), 717 (за 1899 г.), 723 (за 1905 г.), 727 (за 1909 г.);
- Ф.2587. Оп.2. - л.-гв. 1-й стрелковый батальон, дела 146 (за 1868 г.), 150 (за 1875 г.), 154 (за 1899 г.), 169 (за 1910 г.), Д.172.

Особое место среди документов данной подгруппы занимает дело 161 «Список по старшинству в чинах Генералам, Штаб- и Обер-Офицерам и классным чиновникам л.-г. 1-го Стрелкового Его Величества батальона, начато 1.01.1905 г.». В оформлении данного документа (на момент работы исследователя в архиве) содержалась очевидная ошибка: в документе приводится список не л.-гв. 1-го стрелкового батальона, а л.-гв. 3-го Стрелкового полка, переименованного из л.-гв. Резервного пехотного полка в Стрелковый в 1902 г.

- Ф.2588. Оп.2. - л.-гв. 2-й стрелковый батальон, дело 241 (за 1907 г.);
- Ф.3543. Оп.1. – л.-гв. Конный полк, дела 3122 (за 1880 г.), 3133 (за 1895 г.), 3239 (за 1902 г.), 3543 (за 1911 г.), 3152 (за 1913 г.);
- Ф.3544. Оп.I. - л.-гв. Конно-Гренадерский полк, дела 10 (за 1897 г.), 69 (за 1903 г.), 112 (за 1908 г.);
- Ф.3549. Оп.1. - л.-гв. Уланский Ее Величества полк, дела 166 (за 1897 г.), 180 (за 1903 г.), 197 (за 1908 г.), 214 (за 1912 г.), 220 (за 1914 г.);

- Ф.3551. Оп.1. - л.-гв. Гродненский гусарский полк, дело 53, л.86-100 (за 1910 г.). Данный источник приводится в массиве документов штабного делопроизводства полка;
- Ф.3552. Оп.1. - л.-гв. Драгунский полк, дела 12 (за 1898 г.) и 55 (за 1905 г.);
- Ф.3591. Оп.1. - л.-гв. Гусарский Его В. полк, дела 44 (за 1900 г.), 68 (за 1902 г.) и 113 (за 1913 г.);
- Ф.3611. Оп.1. - л.-гв. Атаманский полк, дела 796 (за 1891 г.) и 832 (за 1900 г.);
- Ф.3610. Оп.2. – л.-гв. Казачий Его Величества полк, дела 300 (за 1908 г.) и 309 (за 1914 г.);
- Ф.3612. Оп.1. - л.-гв. Сводно-Казачий полк, дела 8 (за 1907 г.) и 37 (за 1914 г.);
- Ф.3671. Оп.1. - л.-гв. 2-я артиллерийская бригада, дела 11 (за 1910 г.) и 19 (за 1913 г.);
- Ф.3672. Оп.1. - л.-гв. 3-я артиллерийская бригада, дело 5 (за 1900 г.).

Таким образом, в рамках интересуемой проблематики были проанализированы «Списки офицеров по старшинству…» 16 гвардейских полков общей сложностью 43 отдельных документа и объемом более тысячи листов, заполненных в соответствии с вышеуказанными формальными признаками.

Что касается *Послужных и аттестационных списков* отдельных офицеров/генералов, то нами были привлечены следующие документы: «Полный послужной список князя А.И. Барятинского» (РГВИА Ф.400. Главный штаб. Оп.12. Д.6313. Л.1-31), «Полный послужной список А.А. Цурикова» (РГВИА. Ф.400. Главный штаб. Оп.12. Д.27391. Л.1-64), «Послужной список командира 6-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта барона Маннергейма» (барон перед 1-ой мировой войной командовал л.-гв. Уланским Его В. полком и отдельной гвардейской кавалерийской бригадой; РГВИА. Ф.409. Д.78522), а также «Послужной список полковника Генерального штаба А.А. Рябинина» (РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.121023. Л.218-226об. Послужной список № 69-079).

Были использованы извлечения из «Аттестационных списков» отдельных гвардейских офицеров: в частности, генерал-майора П.П. Скоропадского, командира л.-гв. Конного полка с 1911 по 1914 г. (РГВИА. Ф.3543. Оп.2. Д.2054), а также полковника л.-гв. Московского полка Нила Яцынина и капитана Сергея Хвастунова (РГИА. Ф.922 Оп.1. Е.хр.58. Фонд Глазов. Л.6-10 (в данном случае мы имеем дело с черновиками)).

Материалы из фонда 409 РГВИА (описи 1 и 2 «Послужные списки») явились главным источником для создания систематизированных персонально-биографических сведений об отдельных группах гвардейского генералитета. В данном массиве источников содержатся сведения о происхождении, национальности, образовании, службе в императорской армии, семейном положении, благосостоянии генералитета, что в конечном итоге позволило выйти на уровень этнокультурного и мировоззренческого анализа корпорации высшего российского генералитета, комплектующего отдельные группы военной и военно-политической элиты.

Самостоятельную группу неопубликованных источников составили частично формализованные источники. В данном случае речь идет о массиве *делопроизводственных материалов* отдельных гвардейских полков и более крупных соединений, вплоть до Гвардейского корпуса. Как правило, это незначительные по объему документы (от 1 до 5 листов), включающие в себя *внутренние документы*: приказы по полку, переписку, изменение в штатном расписании в отношении отдельных групп военнослужащих и новобранцев, а также хозяйственную документацию.

В диссертационном исследовании были проанализированы извлечения из штабного делопроизводства л.-гв. Гродненского гусарского полка (РГВИА. Ф.3551. Оп.1. Д.53. Лейб-гв. Гродненский гусарский полк. Штаб полка), а именно документы: «О распределении в войсках новобранцев призыва 1910 г. с приложением расписания распределения новобранцев» (л.63), «Выписка из расписания о числе назначенных новобранцев» (л.84), а также приказ, составленный на основе Циркуляра военного министра №1064 от

25.VI.1910 г. (л.63). К этой же группе документов нами были отнесены «Приказы командира полка генерал-майора Грекова по Лейб-Гвардии Атаманскому полку и расписание занятий в эскадронах Лейб-Гвардии Атаманского полка» за 1888 г. (ГАРФ. Ф.646 Оп.1. Д.79). Данная группа документов дает представление о порядке повседневного служебного расписания полка и об отдельных особенностях проведения полковых занятий в изучаемые годы.

В указанную группу документов также можно включить Штрафные журналы гг. офицерам л.-гв. Конного и Конно-Гренадерского полков (в первом случае за 1905-1914 гг., во втором - за 1853 г. (ГАРФ. Ф.646. Оп.1. Д.80.)). Информационная структура названных документов включает в себя перечень офицеров с указанием звания, причину «порицания», характер санкции, в отдельных случаях характер снятия санкции. Кроме этого, в данной группе источников нами были использованы отдельные приказы, инструкции, распоряжения из личного фонда в. к. Владимира Александровича в части, касающейся деятельности канцелярии Гвардейского корпуса (ГАРФ. Ф.652. Оп.1).

Значимая для «коллективного портрета» военной элиты империи подборка документов, освещающих особенности её микрокультурной среды, сосредоточена в фонде 400 - (Главный штаб). В данном случае приводятся материалы к составлению печатных списков генералов с 1905 по 1914 гг., секретные распоряжения, «не подлежащие объявлению в приказах по военному ведомству». Особой ценностью обладает опись 13 (секретная часть) фонда 400, в которой сгруппированы документы, содержащие данные об учёте офицерских вакансий, изменении фамилий у генералов, учёте лиц царской фамилии и лиц иностранных государств, числящихся шефами частей, а также сведения о числе состоящих на службе генералов и офицеров по национальности, вероисповеданию и сословию. Весь указанный массив документов может быть определен, как частично формализованный. Подавляющая часть источников данной группы носит переходный характер: находится на стыке делопроизводственных материалов и статистического учета и анализа.

В части, касающейся рассмотрения специфики службы ГШ, нами были использованы документы из фонда 2000 РГВИА «Главное управление Генерального штаба (ГУГШ)» (опись 1, дела 1256 и 1257), затрагивающие отдельные аспекты и оценку деятельности офицеров ГШ в период русско-японской войны (по отдельным военным округам: нами анализировалась информация по Московскому, Кавказскому, Виленскому и Варшавскому).

Кроме вышеперечисленных источников, колоссальный интерес представляют делопроизводственные материалы канцелярии Гвардейского корпуса периода командования великого князя Владимира Александрович, а также записи личного характера, относящиеся к его служебной деятельности, хранящиеся в ГАРФ (Ф.652, опись 1, дела 57, 70, 75, 113).

К данной группе источников также можно отнести отдельные документы из личных фондов великих князей, хранящиеся в том же архиве.

Анализ выявленной совокупности документов, оставленной великокняжеской средой, можно обобщить в отдельную группу источников личного происхождения. В данном случае можно выделить следующие их группы:

а) дневниковые записи (носят автокоммуникативный характер);

б) «великокняжеские» воспоминания (мемуары; могут быть идентифицированы, как документы межличностной коммуникации с неопределенным адресатом);

в) личную переписку делового характера;

г) личную переписку интимного характера.

В случае с документами, относящимися к пунктам в) и г), можно отметить, что «деловое» и «интимное» в них чаще всего переплетается в единое целое (данные источники могут быть идентифицированы как документы межличностной коммуникации с фиксированным адресатом).

В диссертационном исследовании были также использованы и проанализированы документы из фондов ГАРФ: ф.644 (в. к. Павел Александрович, сын Александра II, командир Гвардейского корпуса), опись 1, д. д. 384 (Дневник в. к. Дмитрия Павловича), 391; ф.646. (в. к. Романов Николай Ни-

колаевич (Старший), сын императора Николая I…), опись 1, д. д. 11, 39, 79, 80, 101, 102, 103, 110; ф.648 (в. к. Сергей Александрович, сын Александра II, московский генерал-губернатор…), опись 1, д.34 (Дневник великого князя Сергея Александровича за 1898 г.); ф.649 (Романов Михаил Николаевич, член Комитета министров, наместник на Кавказе…), опись 1, д. д. 1, 612, 630, 649, 660, 675; ф.650 (Романов Андрей Владимирович, сын в. к. Владимира Александровича…), опись 1, д. д. 14, 15; Ф.660 (Романов Константин Константинович, сын в. к. Константина Николаевича…), опись 2, д. д. 6, 7; ф.668 (Романов Михаил Александрович, сын императора Александра III), опись 1, д. д. 26, 32, 33, 120, 125, 126; ф.682 (Романов Алексей Николаевич, цесаревич, сын императора Николая II), опись 1, д. д. 20, 189.

Наибольший интерес в данном массиве документов представляли «Полные послужные списки великих князей», а также их *дневники (или дневниковые записи),* отнесенные нами к источникам *мемуарного характера*. Следует подчеркнуть, что первый тип документов, безусловно, должен быть отнесен к *делопроизводственным материалам*, но для удобства изложения мы характеризуем его в указанной части источниковедческого анализа.

В первом случае нами были использованы извлечения из «Послужных списков…» великих князей Николая Николаевича (старшего) (Ф.646. Оп.1. Д.11), Михаила Николаевича (Ф.649. Оп.1 Д.1) и Константина Константиновича (Ф.660. Оп.2. Д.7). Во втором - отдельные дневниковые записи и воспоминания великих князей Дмитрия Павловича (Ф.644. Оп.1. Д.384), Сергея Александровича (Ф.648. Оп.1. Д.34), Андрея Владимировича (Ф.650. Оп.1. Д.15), Константина Константиновича (Ф.660. Оп.2. Д.7), наследника цесаревича Алексея Николаевича (Ф.682. Оп.1. Д.20). При этом следует отметить, что дневниковые записи и воспоминания не являются однотипными источниками и требуют различных форм анализа.

Отдельные документы указанной группы источников были нами извлечены из фондов РГИА. Наибольшую ценность в данном случае представляет «Послужной список Его Императорского Высочества Великого Князя Вла-

димира Александровича. Составлен по 4 Февраля 1909 года» (РГИА. Ф.528. Оп.1. Д.4. Л.1-76). Кроме этого, нами были использованы извлечения из «Полного послужного списка наследника цесаревича Александра Александровича. Начат 14.08.1864 г., закончен 22.04.1882 г.» (РГИА. Ф.1339. Оп.1. Д.1. Л.340-373об.). Данная группа источников включает личную переписку великих князей. Чаще всего это письма, обращенные к императору и императрице, внутрисемейная переписка, а также письма к чиновникам или прочим лицам, входящим в сферу влияния великих князей. В этом плане отдельное место занимает деловая переписка.

В группе неопубликованных документов в разделе *воспоминаний* (документы «личного характера») нами были использованы извлечения из воспоминаний графа Павла Сергеевича Шереметьева о командующем войсками Гвардии и СПб. ВО в. к. Владимире Александровиче («Великий князь Владимир Александрович»), хранящихся в РГИА (Ф.1088. Оп.2. Д.364. Л.11-16). Данный источник, несет на себе очевидный налет глубоко субъективных (даже интимных) переживаний графа, испытывающего глубочайшую признательность и уважение к великому князю. Рассматриваемый документ представляет собой подборку отдельных случаев из биографии графа, связанных с Владимиром Александровичем.

Наконец, в части работы, затрагивающей судьбу в. к. Николая Николаевича младшего, нами были использованы отдельные извлечения (не значительные по объему) из крайне массивного по количеству единиц хранения (более 30 тыс. листов) личного архива *генерала А.А. фон-Лампе, чаще всего именуемого его «дневником»* (ГАРФ. Ф.5853), который велся им во время пребывания в эмиграции, начиная с 1919 г. и вплоть до смерти в 1945 г. Первоначально данная коллекция документов хранилась в Русском заграничном историческом архиве в Праге. В 1945 г. указанный массив источников был передан Академии наук СССР. На сегодняшний день часть этого наследия хранится в фондах ГАРФ. В работе были использованы извлечения из дел №№15, 30, 34, 54, проливающие свет на участие великого князя в деятельно-

сти РОВС и его контактах с различными группами русских офицеров в эмиграции.

Кроме вышеперечисленного массива источников, был использован набор неопубликованных документов, обозначенных как *эпистолярные.* К этой группе можно отнести письма великого князя Николая Николаевича старшего своему отцу, императору Николаю I и матери, великой княгине Александре Федоровне, хранящиеся в фондах ГАРФ (Ф.646. Оп.1. Романов Николай Николаевич старший…). В нашем случае были использованы письма отрезка 1838-1855 гг. (дела 101, 102, 103, 110). Особый интерес представляют письма из Кишинева и Севастополя периода Восточной войны, в которой великий князь принимал участие. Указанный массив документов отличает высокая эмоциональная составляющая, проливающая свет на отдельные психологические особенности данного политического деятеля.

В диссертационном исследовании использовались отдельные извлечения из писем графа И.И. Воронцова-Дашкова императору Александру III (28.07.1866-12.02.1894 г.), хранящихся в фонде 677 ГАРФ (опись 1, дело 741). Значительный интерес представляет частная переписка офицера л.-гв. Кавалергардского полка С.С. Панчулидзева с женой (речь идет только о письмах офицера жене) за 1892-1908 годы, хранящаяся в фондах РГИА (Ф.1652. Оп.1. Д.79). Она затрагивает не только интимную составляющую жизни супружеской пары Пачулидзевых, но и особенности бытовой повседневности, отдельные аспекты службы, оценки личного окружения, сослуживцев и лиц, с которыми офицер встречался по долгу службы (в том числе великого князя Владимира Александровича, полковника П.П. Скоропадского и ряда др.).

Еще одну группу документов составляют источники, связанные с особенностями повседневности «великокняжеской среды». Главным мотивом целесообразности привлечения указанной группы документов являлась необходимость изучения особенностей процесса социализации отдельных представителей топа военно-политической элиты. В первую очередь, речь идет о императорах Александре III и Николае II (затрагиваются отдельные аспекты

социализации Александра II), наследниках престола, а также отдельных великих князьях. При анализе специфики указанного процесса нами были использованы: ученические тетради, заметки об обучении, табели успеваемости и ряд др. специфических частично формализованных источников. В частности, нами были использованы следующие документы: «Программа и расписания учебных занятий в. кн. Владимира Александровича. Начато 1863-1865» (ГАРФ. Ф.652. Оп.1. Д.57); «Расписание учебных занятий в. кн. Михаила Александровича. С июня 1894 по 31 мая 1897 гг. Л.1» (ГАРФ. Ф.668. Оп.1. Д.120. Л.1); «Дневник с записями отметок Алексея Николаевича. 1911-1914 учебный год» (ГАРФ. Ф.682. Оп.1. Д.20); «Аттестационные тетради Великого Князя Александра Александровича. Начато в 1855 г., окончено в 1859 г.» (РГИА. Ф.677. Оп.1. Ед.хр.182. Л.1-31); «Обозрение поведения и прилежности в учении Наследника Цесаревича Александра Николаевича, Виельгорскаго и Паткуль в последнее полугодие 1828 г.» (РГИА. Ф.1686. Оп.1. Д(№).50 (Тк. IV. П.2. К.50. № 1548)).

В части, касающейся биографии в. к. Михаила Александровича была использована коллекция документов из фондов Государственного архива Орловской области (ГАОО). Использование данной группы источников было обусловлено тем, что великий князь являлся почетным гражданином г. Орла, управлял Брасовской «экономией» и некоторое время командовал 17-м Гусарским Черниговским полком, дислоцирующимся в г. Орле. В части касающейся истории 17-го Гусарского полка, нами были использованы извлечения из: «Краткого описания материалов для первых страниц Истории 17-го Гусарского Черниговского Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Федоровны полка» (Ф.305. Оп.1. Е.хр.6), подборки телеграмм 17-го Гусарского Черниговского Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Федоровны полка (Ф.305.1902-1913. Оп.1. Е.хр.7), доклады и донесения в Орловскую Городскую думу и в Орловскую городскую управу «О прибытии в г. Орел Августейшего Командира 17-го Гусарского Черниговского Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Федо-

ровны полка, Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича» (Ф.593. Оп.1. Е.х.1110) и 19-тистраничное дело «О чествовании командира 17-го Гусарского полка в. к. Михаила Александровича в связи с днем его рождения» (Ф.593. Оп.1. Е.хр.1111). Отдельные телеграммы затрагивают специфику «шефства» в. к. Елизаветы Федоровны, сестры императрицы, над данным полком. Указанные источники, проливающие свет на историю пребывания великого князя в г. Орле в качестве командира полка, могут быть отнесены к делопроизводственной документации частично формализованного характера.

Кроме этого, нами были рассмотрены отдельные документы, затрагивающие особенности проживания в. к. Михаила Александровича в г. Орле (Ф.525. Оп.1. Е.хр.282; Ф.580. Стол 2. Оп.1. Ед. хр. 3001; Д.3613). В части диссертации, связанной с изучением повседневности военной элиты империи нами была использована «Опись имения» С.А. Цурикова, также хранящаяся в ГАОО (Ф.580. Оп.1. Ед. хр. 3714). До сих пор данный массив документов не подвергался системному анализу. Ряд архивных источников был впервые введен в научный оборот.

Таким образом, есть основания утверждать, что для решения заявленной в предлагаемом исследовании совокупности задач (позволяющих интерпретировать проблему оригинальным образом) имеется достаточный объем источников как уже введенных в научный оборот и находящихся либо в стадии активного освоения, либо требующих серьезной научной обработки, так и ранее не использованных и привлеченных для изучения обозначенной проблематики впервые.

ГЛАВА 2

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ «ОЛИМП» ЦАРСКОЙ РОССИИ И «ЭЛИТОСОДЕРЖАЩИЕ» ИНСТИТУТЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ (1881-1914 гг.)

В данной главе дается комплексный анализ высшего слоя военно-политической элиты Российской империи, великокняжеской среды, а также ее важнейших элитосодержащих институтов: ГШ (в структуре военного министерства), представители которого могут быть выделены в самостоятельную условную группу членства «высшие офицеры ГШ»; ВС и АКР, члены которых составляли группу «военной геронтократии».

В системе социальной стратификации, связанной с политическим и военным аппаратом представители великокняжеской среды, как «особой» властной корпорации, занимали особое место. Данную социальную категорию составляли военные чиновники, не только относящиеся к категории лиц, определяющих общее состояние вооруженных сил, магистральные пути развития армии, но и стоящие во главе государства. В данном случае речь идет об императоре, как *«Державном Вожде российской армии и флота»* (отдельному анализу также подвергается место в военной машине «цесаревичей» Михаила Александровича и Алексея Николаевича), и значительной группе великих князей. В последнем случае необходимо понимать, что ее представители были инкорпорированы в военно-политическую элиту вынуждено в силу того, что практически не имели возможности выбирать какое-либо иное поприще, кроме военного, и в основной своей массе являлись генералами.

Наличие указанной группы несло на себе отпечаток архаической «местнической модели», так как каждый из значимых великих князей имел свою особую «епархию»: Владимир Александрович – гвардию, Михаил Николаевич – артиллерию, Константин Константинович – военно-учебное ве-

домство, Алексей Александрович – флот. Как правило, сыновья конкретных в. к. приписывались к их «вотчине» и «служили» в ведомстве своих отцов.

Следует подчеркнуть то, что великокняжеская среда была во многом условной группой членства и не составляла самостоятельного военного института. Как следствие, нами были выделены важнейшие элитосодержащие структуры Российской империи. При этом мы сознательно вывели из сферы нашего внимания военное министерство как целостное явление, так как оно состояло из нескольких самодостаточных институциональных подсистем, содержание деятельности и социальный состав которых не мог быть напрямую связан с категорией «элитарности» (см.: приложение 1). Мы также исключили из поля нашего анализа военных министров (генералов П.С. Ванновского, А.Н. Куропаткина, В.В. Сахарова, А.Ф. Редигера и В.А. Сухомлинова (см.: приложение 2)), так как их фигуры достаточно полно исследованы в отечественной и зарубежной исторической науке. В то же время их место, а также различные аспекты деятельности, сообразуясь с целесообразностью исследования, затрагиваются нами в отдельных разделах нашей работы.

При анализе системы элитосодержащих институтов нами были выделены две основные подсистемы: первая (ГШ и его офицерский корпус) являлась своеобразным «мозгом» армии и в идеале должна была генерировать новейшие идеи в области искусства ведения войны, а также концентрировать вокруг себя «интеллектуальную элиту» в области военного дела. В силу определенных, выявляемых в соответствующем параграфе главы причин ситуация сложилась иным образом. ГШ превратился в мощную бюрократическую структуру, не способную преодолеть косность российской военной машины. Как следствие, значительная часть офицеров ГШ оказалась парализована «духом конформизма» и даже безразличия, а наиболее здоровая часть постепенно трансформировалась в «контрэлиту».

Представители второй (обозначенной нами как «военная геронтократия») являлись «носителями» некой «условной традиции» («старого духа») военной власти. В данном случае речь идет о высших генералах-членах ВС,

как правило, в силу почтенного возраста, уже не способных принимать адекватные решения, но тем не менее пока еще реальной властью обладающих, и высших генералах-членах АКР, представляющих собой типичный пример псевдоэлиты и решающих вопросы «богоугодных» дел в военном ведомстве. Если первая структура играла определенную роль в вопросе управления военной машиной, то вторая являла пример «почетной богадельни» для престарелых генералов.

Целесообразность анализа данных структур продиктована еще и попыткой определить степень взаимодействия военно-политической и военной элиты империи, а также вероятные пути возникновения конфликтного напряжения между ними, что в конечном итоге выводит нас на определения вероятности военной фронды в России рубежа веков.

2.1.Великокняжеская среда и ее место в системе военно-политической элиты

На рубеже XIX–XX вв. «Императорский Дом» Романовых обозначался как «особый класс, преимущества которого обусловливаются или тем, что его члены, при известных условиях, могут быть призваны к наследованию престола, или же тем, что они связаны браком с лицами, имеющими или могущими иметь право на престол».[1]

Начиная с Петра I и вплоть до 1917 г., военный фактор в развитии русского государства был решающим. Поэтому высший эшелон власти был укомплектован по преимуществу представителями российского генералитета, особый сегмент которого составляли сами Романовы, – великие князья и, начиная с эпохи Александра III, – «князья императорской крови».

[1] Энциклопедия Брокгауза и Ефрона с иллюстрациями и дополнительными материалами. Электронный вариант. – М.: ООО «ИДДК ГРУПП», 2003. Диск «Тексты». Статья «Российский Императорский Дом». (см.: Чувардин Г.С. Великие князья как представители высшего властного уровня военно-политической элиты Российской империи пореформенного периода. // Власть. 2011. № 3. С. 163).

В соответствии со Сводом законов Российской Империи, в части затрагивающей статус князей императорской крови, титул «Высочества» принадлежал правнукам Императора, а в роде каждого правнука «присвоялся» только старшему сыну и его старшим потомкам «мужеского пола и поколения».[1] Титул «Светлости» присваивался «от младших детей правнука всем последующим родам».[2] Данные нововведения в «Новом Учреждении об Императорской Фамилии» от 2.07.1886 г. являлись следствием значительного увеличения числа представителей правящего дома Романовых[3].

Указанная «несправедливость» затронула в первую очередь семью в. к. Константина Константиновича, к отцу которого, Константину Николаевичу, Александр III испытывал открытую неприязнь. Сын в. к. Константина Константиновича, Иоанн («Иоанчик»), родившийся в 1886 г., был впервые поименован титулом «князя императорской крови».[4]

«Нововведение» стало основной причиной сложных и негативных переживаний в. к. Константина Константиновича. Данная проблема обсуждалась на уровне всей фамилии, что видно из «Дневника…» в. к. (запись от 25.01.1911 г.): «Собрались у меня в столовой Петюша, Георгий, Сандро и Кирилл[5][…] Относительно неравных браков княжон Имп. крови вышло разногласие: они предлагают, чтобы при таком браке княжна именовалась княгиней Имп. крови, т.е. сохраняла свой сан и преимущества, кроме денежного обеспечения. Я же настаивал, чтобы наши дочери принимали фамилию мужа и лишались всех преимуществ. А сыновья наши, вступая в неравный, но разрешенный Государем брак, должны были отказаться от прав престолонасле-

[1] Свод Законов Российской Империи. Том первый. Часть I. Свод Основных Государственных законов. Санкт-Петербург, 1906. Продолжение Свода Законов Российской Империи. Часть I. Санкт-Петербург, 1912. Ст. 147.
[2] Там же. Ст. 148.
[3] Чувардин Г.С. Великие князья как представители высшего властного уровня военно-политической элиты Российской империи пореформенного периода. // Власть. 2011. № 3. С. 164.
[4] Там же. С.164.
[5] Великие князья: Петр Николаевич (сын Николая Николаевича старшего), Георгий Михайлович (сын Михаила Николаевича), Александр Михайлович (сын Михаила Николаевича), Кирилл Владимирович (сын Владимира Александровича).

дия».[1] Точка зрения в. к. Константина Константиновича возобладала на совещании у министра Императорского Двора графа В.Б. Фредерикса 3.02.1911 г. На закрытом Совещании 21.02.1911 г., проходившем под председательством в. к. Николая Николаевича-младшего (доклады о его деятельности осуществлялись «лично», «с глазу на глаз», императору), было принято решение делить браки на три «категории»: 1)равные (с сохранением всех преференций); 2)когда женятся на лицах знатного или «родовитого» происхождения (на усмотрение императора); 3)когда женятся на лицах незнатных («[…] вступающий в подобный брак отрекался и от престола, и от прав и преимуществ членов Имп. Фамилии»).[2]

В последующем указанные нововведения коснулись и дочери в. к. Константина Константиновича Татьяны Константиновны, вступившей 24.08.1911 г. в брак с офицером л.-гв. Кавалергардского п. князем К.А. Багратионом-Мухранским (1889-1915 гг.).[3]

Таким образом, начался процесс медленного сращения династии с отдельными представителями аристократии и даже «худородным», нетитулованным дворянством. Начиная с эпохи «либеральных реформ» на смену аристократическому принципу заполнения основных властных институтов начинают приходить новые принципы комплектации и функционирования различных сегментов властной элиты. Общий анализ властных структур пореформенного периода позволяет говорить о *постепенном* оформлении так называемого этакратического принципа комплектования власти, что в конечном итоге должно было предохранить ее высшие эшелоны от последствий реформ. Именно этакратический принцип минимизирует социальную мобильность в высших эшелонах власти, что достигается, как правило, сращением основных элит – политической, экономической и военной. При этом

[1] Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.): 1911-1915. / Отв. ред., автор вступ. ст. В.М. Хрусталев. М., 2013. С. 48.
[2] Там же. С. 51, 58-60.
[3] Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.): 1911-1915… - С.131.

новые, как правило «низовые», властные институты в рамках их комплектования и функционирования приобретают меритократический характер.

На фоне аристократии, отчаянно пытающейся сохранить свои былые позиции, в России рубежа XIX-XX вв. постепенно оформляется множественность элит, среди которых военная, по-прежнему сращенная с политической, занимает особое место.

Императорский Дом Романовых может считаться уникальной институцией, *обладающей рангом государственного учреждения*, формирующей «Олимп» высшей государственно-политической и военной элиты империи.[1] Попытаемся определить особенности российского правящего дома с позиций государственно-правового и социокультурного факторов. При этом нужно учитывать, что даже в начале XX в. поведение власти во многом определялось общим набором «сценариев» и традиционно закрепленных «властных инсценировок», оформившихся в XVIII (а в отдельных случаях еще раньше) - XIX вв.[2]

Следует отметить, что по факту рождения представители Дома Романовых по мужской линии становились «военными людьми» и, как правило, *причислялись к гвардии*. Так, военный историк А.А. Керсновский отмечал: «Великие князья были с рождения предназначены к одному лишь роду деятельности – военному».[3] В день Святого Крещения новорожденного в. к. («Высоконоворожденного») собирались представители высшего генералитета и офицеры Свиты Е.В., вплоть до флигель-адъютантов, офицеры гв., армии и флота - причем по числу они заполняли отдельные залы дворцов. Таким образом, кроме «мамок» и «нянек», рядом с любым «Высоконоворжденным» находилась гвардия, а в. к., как правило, *уже числился в одной из ее частей*. Так, например, на крещении в. к. Кирилла Владимировича, помимо

[1] Свод Законов Российской Империи. Том первый. Часть I. Свод Основных Государственных законов. - Санкт-Петербург, 1906. Продолжение Свода Законов Российской Империи. Часть I. Санкт-Петербург. 1912, Ст. 126.
[2] См.: Уортман Ричард С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. М., 2004.
[3] Керсновский А.А. История русской армии. Т.3 (1881-1915 гг.). М., 1994. С. 30.

высших военных чинов, присутствовал взвод от л.-гв. Кавказского Казачьего эскадрона С. Е. И. В. Конвоя[1].

Примечательно, что в случае святого крещения великих княгинь процедура была абсолютно идентична. Так, на крещении «Высоконоворожденной» Ее Императорского Высочества в. к. Ольги Николаевны Преображенскому и Кавалергардскому караулам было приказано «прибыть в Царское Село по железной дороге, на счет казны, по непосредственному о том распоряжению полковых командиров» [2].

Новорожденные великие князья практически сразу же становились шефами отдельных полков (опять же, как правило, гвардейских) и «жаловались» высшей наградой империи - орденом Св. апостола Андрея Первозванного (являвшейся «по совместительству» символом императорской гвардии).[3]

Безусловно, милютинская военная реформа изменила облик русской армии, но в то же время в российской военной машине оставались «незыблемые островки» былой воинской традиции: российская императорская гв. и великие князья, составлявшие верхушку российского генералитета и военно-политической элиты империи.

Подавляющая часть великих князей (за период 1855-1914 гг. - 31 чел.[4]) имела генеральский чин, при этом отдельные представители указанной корпорации дослужились до высшего воинского звания Российской империи: г.-фельдмаршала и г.-адмирала (см.: приложение 3).

Следует подчеркнуть, что звание г.-фельдмаршала «негласно» имел Александр II. При этом два его брата (Михаил и Николай) являлись г.-фельдмаршалами, а еще один, Константин Николаевич, – г.-адмиралом (что фактически было эквивалентно г.-фельдмаршалу). Звание адмирала было

---

[1] РГИА. Ф. 472. Оп. 23 (266/1283). Д. 82. Л. 1 (Высочайше утвержденный церемониал о Святом крещении Его Имп. Высочества, Государя в. к. Кирилла Владимировича. 1876).
[2] ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 103. Особое приказание по войскам Гвардии и СПб. ВО от 10.11.1895 г. Л. 77 (Романов В.А. Приказы и приказания по войскам гвардии и СПб. ВО 1879-1904 г. г.).
[3] РГИА. Ф.472. Оп. 23 (266/1283). Д. 82. Л. 1.
[4] При этом не учитывается 12 князей императорской крови: 6 сыновей великого князя Константина Константиновича (Иоанн, Гавриил, Константин, Олег, Игорь, Георгий) и 6 сыновей великого князя Александра Михайловича (Андрей, Фёдор, Никита, Дмитрий, Ростислав, Василий).

также присвоено Константину Николаевичу (с 1855 г.) и Алексею Александровичу (с 1888 г.).

Полковничьи звания, как «потолок» карьерного роста, связывались со «сломанными» бурными любовными романами «судьбами» (даже в случае серьезных заболеваний отдельные великие князья получали генеральские звания). Подобные прецеденты носили единичный характер.[1]

Предваряя анализ статистической совокупности великих князей, как высшего слоя военно-политической элиты, попытаемся определить место и роль, которую играл в российской военной машине сам император (также великий князь; в идеале «равный среди равных»).

В Основных Государственных Законах Российской империи указывалось, что «14. Государь Император есть *Державный Вождь российской армии и флота*».[2] Известный российский правовед, декан юридического факультета Императорского Новороссийского ун-та П.Е. Казанский, в 1913 г. отмечал: «Государю императору принадлежит не главное, а верховное, и не командование, а начальствование над вооруженными силами Российского государства, то есть […] военное верховенство. Командование – понятие только военного права, тогда как начальствование включает в себя идею и государственного верховенства».[3] Командование армией могло возлагаться не только на императора, но как в случае с Отечественной войной 1812 г., на Главнокомандующего. В соответствии с милютинской реформой роль Главнокомандующего резко снижалась, и он, по сути, приравнивался к начальнику штаба (*далее по тексту* – НШ). Таким образом, в руководстве армией обозначались две равнозначных фигуры: Главнокомандующий и НШ.

Реформа должна была привести к тому, что Главнокомандующий *ставился в зависимость от министерства* и лишался прямого доступа к импе-

---

[1] В данном случае уместно упоминание «имен» великих князей Николая Константиновича и Михаила Михайловича (См.: Свод Законов Российской Империи. Том первый. Часть I. Свод Основных Государственных законов. Санкт-Петербург, 1906. Продолжение Свода Законов Российской Империи. Часть I. СПб., 1912, Ст. 183).

[2] Свод основных государственных законов (1906г.). Раздел первый (Основные Государственные Законы). Глава первая. О существе Верховной Самодержавной Власти. Ст. 14.

[3] Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М., 2007. С. 128.

ратору. Крайне размытой оказывалась система отношений Главнокомандующего с военно-окружным начальством, которое также напрямую *подчинялось* военному министру.

Предлагая свой вариант военной реформы[1], г.-фельдмаршал князь А.И. Барятинский выступал за введение в России *прусской модели* «триединства»: Военное министерство – ГШ – Военный кабинет короля. При этом ГШ выводился из подчинения военного министра и напрямую подчинялся королю. При определении компетенций и статуса начальника ГШ в качестве аналога могла быть взята система уже существовавшая в Пруссии. Тем более что со времен Николая I искусственно поддерживалась близость между российской и, сначала прусской, а затем германской армиями.[2] Примечательно, что на фоне снижении контактов с Германской военной машиной к началу XX в. в России (и российской армии) сохранился «прусский милитаристический идеал», сформулированный прусским военным министром графом А. фон Роном. По его мнению, армия являлась «профессиональной школой аристократии»[3] во «главе с королем». При этом при любых обстоятельствах монарх должен был оставаться Верховным главнокомандующим. Армия была *опорой монархии* и *основой государства*, а прусский офицер служил своему монарху как представитель особой касты «избранных». При этом офицерский корпус был государством в государстве («небольшой аристократической республикой»[4]). Предательство своего класса являлось серьезным преступлением.[5]

Вопреки пожеланиям князя Барятинского, «болезненно» стремящийся к единоначалию, а, по сути, единовластию, Д.А. Милютин ликвидировал в декабре 1865 г. Главный штаб Его В., а ГУ ГШ было объединено с инспек-

---

[1] Указанный вариант по сути являлся аналогом преобразований, осуществленных в Германии г.-фельдмаршалом германской и русской армий, начальником Общегерманского Большого штаба Г. фон Мольтке-старшего.
[2] Гёрлиц В. Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657-1945. М., 2005. С. 57.
[3] Там же. С. 83.
[4] Там же. С. 60.
[5] Там же. С. 84.

торским департаментом в составе министерства. Новое образование теперь замыкалось на военного министра и получило название *Главного штаба*.

Таким образом, кроме фигуры главнокомандующего, спор между князем Барятинским и военным министром Милютиным обозначил еще несколько ключевых фигур высшей военной администрации: военного министра (обладающего благодаря реформе практически неконтролируемой единоличной властью в формате своего ведомства (военный министр был подотчетен лично императору)), начальника ГШ и начальников военных округов (*далее по тексту* – ВО).

Благодаря военной реформе роль военного министра резко возросла. Усиление его позиций было обусловлено нарастающим «безразличием» к военным вопросам со стороны Александра II. Это «безразличие» в полной мере передалось наследнику престола в. к. Александру Александровичу. В данном случае целесообразно обратить внимание на психологические особенности сначала «цесаревича», а затем императора Александра III, определяющие его не только как *«Державного Вождя…»,* но и как человека (в конечном итоге оказавшие влияние на развитие государства и особый дух эпохи «контрреформ»).

К «внешней» парадной стороне военной службы, являвшейся неотъемлемой частью сценариев власти, цесаревич Александр Александрович относился с еще большим раздражением, чем отец, и воспринимал ее как *«комедию»*.[1] А летнюю боевую учебу войск Санкт-Петербургского ВО (*далее по тексту* - СПб. ВО) в Красносельском лагере воспринимал как «противное», «вызывающее отвращение» времяпрепровождение.[2]

Военный министр Д.А. Милютин отмечал «отсутствие» у наследника престола какой-либо «военной жилки». Учителя в. к., в частности Я.П. Грот, позиционировали его как человека с весьма «средними способностями». Александр Александрович демонстрировал «слабое рвение» не только к во-

[1] ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 300. С. 139 (Дневник цесаревича великого князя Александра Александровича).
[2] ГАРФ. Ф. 677. Оп.1. Д. 304. С. 257-258.

енным, но и к наукам вообще (оговоримся еще раз: при анализе необходимо учитывать психологические особенности цесаревича). Жена Я.П. Грота, Наталья Петровна, писала о 8-летнем наследнике: «Впрочем и у него наружность нисколько не неприметная; по характеру он также весел, добродушен и кроток. Кроме того он обладает тем светлым и ясным здравым смыслом чисто русского человека, который составляет его коренную особенность и при всей неразвитости его ума вызывает в нем замечательную сообразительность, которую он сам шуточно прозвал смекалкой. Но при всем том Александр Александрович вовсе *не привык быть внимательным при чтении, мысли его всегда в разброде, и он даже понять то, что ему объясняют, не в состоянии*».[1] Впрочем, сложно было ждать от 8-летнего мальчика каких-либо выдающихся достижений на поприще «наук».

Примечательно, что и мать в. к. Александра Александровича в. к. Мария Александровна относилась к способностям своего сына довольно скептически. Так в 1855 г., она указывала Я.П. Гроту на то, что он «мало развит».[2]

Я.П. Грот прилагал значительные усилия для формирования человеческих качеств и для раскрытия интеллектуального потенциала будущего императора. Между Александром и его учителем установились близкие, доверительные отношения. Как пишет Наталья Петровна, Александр Александрович встречал своего наставника чаще всего в прямом смысле «с распростертыми объятиями»: любил обхватить его шею и повиснуть на ней. В общении Александра всегда отличала ласка и добродушный характер.[3] А однажды подарил Якову Карловичу икону «в большом ящике» из Троице-Сергиевой Лавры.

Будущий «суровый» император был не чужд самых простых и искренних человеческих качеств, например сопереживания и сострадания. Ему крайне тяжело далась болезнь и смерть его брата Николая. По всей вероятно-

[1] РГИА. Ф. 878. Оп. 1 (Фонд С.С. Татищева). Д. 23. Л. 2-3 (Записки Натальи Петровны Грот об уроках ее мужа Я.П. Грота наследнику Николаю Александровичу и великому князю Александру Александровичу в 1853-1859 г. г.).
[2] Там же. Л. 6.
[3] Там же. Л. 7.

сти, именно со смертью своего старшего брата Александр «расстался с детством» и вступил на новое для себя поприще управления страной, к которому очевидно не был готов.[1]

В то же время, по замечаниям Натальи Петровны, и в 10 лет Александр «отставал в развитии» (речь, безусловно, идет не об умственном развитии – великий князь не любил «сухие материи и грамматические правила»), хотя был любознательным и способным в отдельных науках. Кроме этого, он буквально «упивался» чтением.[2]

Примечательно, что уже в 10 лет наследник отличался не только склонностью к шалостям, но и очевидными эксцессами в проявлении отдельных эмоций. Данный тезис можно экземплифицировать следующими воспоминаниями Натальи Петровны: «По окончании урока Александр А[лександрович] в пылу восторга, что хорошо отвечал бросился на диван и протянувшись на нем поднял ноги к верху и начал кричать разными голосами. Императрица была этим очень недовольна […]».[3] В данном случае столь экстравагантное действо происходило в присутствии матери (великие князья, как правило, сдавали экзамены в присутствии родителей). Цесаревич также мог периодически прятаться от своих наставников под стол. Со временем он начал «поколачивать» своих братьев, грубить учителям и сквернословить. А «шутки» приобрели более «злой характер».

Одним словом, будущий император был подвижным, веселым молодым человеком, отличающимся *слабым рвениям* ко всем, в том числе и военным, наукам и крайне «средними» способностями. Впрочем, это не помешало ему стать «Державным вождем…» и полным генералом сразу двух родов войск.

Примечательно, что в откровенно диссидентской, «саркастически ядовитой» работе начала XX в., публицист С.Д. Урусов подчеркивает те же негативные качества у сына Александра III в. к. Николая Александровича

---

[1] Мещерский В.П., князь. Мои воспоминания (1850-1865 гг.). Ч.1. СПб., 1897. С. 444, 449.
[2] РГИА. Ф.878. Оп.1 (Фонд С.С. Татищева). Д.23. Л.7.
[3] Там же. Л. 14.

(отсутствие «симпатий к наукам» как военным, так и политическим и, как следствие, «недостаточное образование»)[1].

«Нервение» и «вялое желание» к наукам у потенциальных наследников престола можно объяснить еще и тем, что, начиная с эпохи Александра II, российские императоры все больше осознавали себя «Державными вождями…», то есть представителями высшего сегмента топа именно *военно-политической*, а не военной элиты, а право разбираться в хитросплетениях военных экзерциций и военной бухгалтерии предоставлялось профессионалам узкого профиля (война и порождаемый ею культурный микромир все более приобретали черты социального пространства, существо которого определялось поступательно усложняющейся научной теорией, а следовательно, становилась уделом «ученых» профессионалов).

В отношении Александра II (как «цесаревича») сохранилась следующая оценка его «учебных» способностей и личных качеств, данная его наставником К.К. Медером. «Главные недостатки Великого Князя суть следующие: Слабость воли, от чего происходит неспособность управлять собою. Лень ума, который боится работы, отчего и самая должность, которую Великий Князь уважает, редко бывает исполнена как следует. Недостаток честолюбия, или лучше сказать слишком робкое честолюбие. Великий Князь больше боится неудачи, нежели стремится быть в деле своем первым. Какое-то физическое беспокойство, заставляющее Великого Князя быть в беспрестанном движении: оно вредит его вниманию и отвлекает его от работы. Наконец, иногда, слишком поспешное мнение о своем знании, самонадеянности от чего расположение неохотно принимать совет или наставление. Великий Князь позволяет себе иногда слушать то, что говорят ему его наставники с какою-то рассеянностью»[2] (полный текст документа, демонстрирующий в целом неплохую успеваемость наследника по отношению к обучающимся с ним сверстникам Вильегорским и Паткулем, а также его психологические харак-

[1] Урусов С.Д. Император Николай II. Жизнь и деяния Венценосного Царя. Лондон, 1910. С. 9-10.
[2] РГИА. Ф.1686. Оп.1. Д(№).50 (Тк. IV. П.2. К.50. № 1548). Обозрение поведения и прилежности в учении Наследника Цесаревича Александра Николаевича, Виельгорскаго и Паткуль в последнее полугодие 1828 г.

теристики представлен в приложении 4 (см.: приложение 4)). Как мы видим, в свои 10 лет Александр Николаевич, по мнению наставника, «не демонстрировал» качеств, «надлежащих» будущему императору и военному вождю. При этом особо подчеркивается «лень ума», не позволяющая реализовать скрытый потенциал. При этом отмечалось, что поведение в. к. («умение владеть собой»[1]) было идеальным, что, безусловно, отличало его от своих детей и, в первую очередь, от Александра Александровича.

Кроме «слабого рвения» к военному делу Александра II и Александра III, показательна «вялость военной карьеры» Николая II, который осознавал себя «Державным Вождем» еще в большей степени, чем его предшественники. Для него мундир был не символом принадлежности к военной касте, а всего лишь *еще одним символом неограниченной власти*, которой он обладал. Особенности военной карьеры 4-х последних императоров, представлены в приложении 5 (см.: приложение 5).

Следует подчеркнуть то, что «боевой опыт» императоров и великих князей был во многом условен: чаще всего они либо наблюдали за баталиями «под надзором» лиц своего штаба, Свиты или более опытных офицеров, в расположении частей или соединений которых находилась знатная особа. В отдельных случаях «сильные мира сего» даже оказывались «под обстрелом». При этом представители генералитета буквально «бомбардировали» соответствующие органы власти реляциями о представлении знатной особы к наградам, причем с «мечами и бантом» или даже «Георгию».

В качестве примера можно привести начало военной карьеры в. к. Николая Николаевича-старшего. По настоянию отца он присутствовал в качестве наблюдателя в Крыму в период кампании 1853-1856 гг. и даже «находился» в осажденном Севастополе «под обстрелом». Уже в 23 года (24.10.1854 г.) он был пожалован орденом Св. Георгия IV ст. «за присутствие» на сражении под Инкерманом.[2] К 1854 г. в. к. имел звание г.-майора (с

[1] Там же.
[2] ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 11. Л. 6 (Полный послужной список Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича старшего).

1852 г.) и 37 монарших «особых благоволений и признательностей». По всей вероятности, каждый его шаг на плацу вызывал восторг отца.

Николай писал «милым бесценным Мама и Папа» с ТВД в октябре 1854 г.: «На счет Севастополя были известия от 1 числа и все было благополучно […] Каждый день делают наши вылазки и довольно успешные, и раз даже 8 матросов лежащие в секрете прогнали 60 английских сапер; дух в гарнизоне слава Богу хорош. Доброго Корнилова все полюбили за его деятельность и попечение, говорят целый день без устали на коне и выезжает один делать рекогносцировки».[1] Даже после смерти В.А. Корнилова в. к. продолжает «слепо верить» то ли в силу русского оружия, то ли в удачу, а возможно - чудо.

Позднее в. к. действительно продемонстрировал неплохие профессиональные качества, отмеченные орденами Св. Георгия II[2] и I ст.[3]) и званием г.-фельдмаршала («В ознаменование военных заслуг, оказанных Престолу и Отечеству в войне с Турциею»[4]) во время компании 1877-1878 гг.

Рассматривая боевой опыт Александра III, следует отметить, ему довелось принять участие в русско-турецкой войне 1877-1878 г. в качестве командующего Рущукским отрядом[5]. Данное соединение включало в себя 12-й и 13-й армейские корпуса (*далее по тексту* – АК), дивизион л.-гв. Атаманского п., 11/2 саперных батальона и 3 отдельных военно-телеграфных парка, общим числом 491/2 батальона, 2 эскадрона, 19 сотен и 224 орудия.[6] При сформировании Рущукского отряда временно командующим 12-м корпусом был назначен брат наследника г.-л. в. к. Владимир Александрович.[7] Он занял указанную должность вместо будущего военного министра П.С. Ванновского, который стал НШ Рущукского отряда. Именно на этой должности Ван-

[1] ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 110. Л. 2. (Письма из Кишинёва и Севастополя великого князя Николая Николаевича (Старшего) Николаю I и Александре Федоровне).
[2] ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 11. Л. 46.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 47.
[5] РГИА. Ф.1339. Оп. 1. Д. 1. Л. 340-373об. (Полный послужной список наследника цесаревича Александра Александровича. Начат 14.08.1864 г., закончен 22.04.1882 г.).
[6] Русская военная сила. Издание 2-е А.Е. Пирогова. М., 1897. С. 627.
[7] РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 4. Л. 56 (Послужной список Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича. Составлен по 4 Февраля 1909 года).

новский снискал особое расположение наследника престола, в конечном итоге определившее его последующую карьеру.[1]

На момент назначения командующим Рущукским отрядом наследник престола имел звания г. от инфантерии и г. от кавалерии. Указанные звания были ему присвоены 30.08.1874 г., *в возрасте 29 лет.* Для сравнения можно привести следующие данные: князь А.И. Барятинский получил звание г.-м. в возрасте 33 лет; М.Д. Скобелев получил аналогичное звание в возрасте 32 лет; И.В. Ромейко-Гурко – в возрасте 39 лет; М.И. Драгомиров – в возрасте 38 лет. А это были настоящие боевые генералы, не раз находившиеся на передовой и рисковавшие своей жизнью.

Примечательно, что наследник первоначально даже не знал, в каком качестве отправляется на ТВД. В соответствии со «Списком» наследник принимал участие всего в трех «делах»: 12.10.1877 г. - в усиленной рекогносцировке неприятельского расположения войсками Рущукского отряда; 30.11.1877 г. - в сражении у Трестеника и Мечки (с участием Папаринской осадной бригады) и отражении атаки армии Сулеймана-Паши; с 10 по 13 января 1878 г. - в общем наступлении войск Северного отряда под личным своим начальством и преследовании турецкой армии от Кара-Лаш к крепости Шумле.[2]

Можно допустить, что наследник не только не принимал участия «в усиленной рекогносцировке» 12.10.1877 г., но и узнал о ее результатах только на следующий день. «В отряде все благополучно и в течение суток все было спокойно», - доносил он отцу 12 октября. Только на следующий день, 13 октября, он начал получать разрозненные донесения о результатах рекогносцировок.[3]

---

[1] Столетие Военного министерства. 1802-1902. Т. III. Отд. IV. Военные министры и Главноуправляющие военной частью в России с 1701 по 1910 год. Главный редактор генерал от кавалерии Д.А. Скалон. Составитель полковник Н.М. Затворницкий. СПб., 1911. С. 268.

[2] Там же.

[3] Донесения Начальника Рущукского отряда Наследника Цесаревича Государю Императору с 29 июня по 2 декабря 1877 г. // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-78 г. г. на Балканском полуострове. Выпуск 16. Издание Военно-Исторической Комиссии Главного Штаба. СПб., 1900. С. 69.

15.09.1877 г. наследник был пожалован орденом Св. Владимира I ст. «с мечами», а 30 ноября – орденом Св. Георгия II ст. Кроме этого, 26.02.1878 г. ему было пожаловано «золотое оружие», украшенное бриллиантами.[1]

Командование Рущукским отрядом было воспринято крайне благосклонно и высоко оценено как Высшим Светом, так и общественным мнением. А.А. Половцев отмечал: «Время, проведённое великим князем в Рущукской армии, ещё более умножило его хорошую репутацию».[2]

В период командования Рущукским отрядом Александр Александрович выработал у себя крайне неприязненное отношение к в. к. Николаю Николаевичу-старшему, которого считал виновником своего 6-месячного «бездействия». Несмотря на постоянные «мелкие стычки», в которых участвовал Рущукский отряд, по сути наследник принял участие всего в одном крупном деле: в сражении у Трестеника и Мечки. При этом на фоне остальных сражений это была убедительная, но не самая блестящая победа, о чем свидетельствует «Журнал военных действий Рущукского отряда…»[3].

Обиду в. к. Александра Александровича не могла смягчить и последующая патетика придворных военных историков, подобных г.-м. К.И. Дружинину, писавшему о том, что «Своей *невидной*, но чрезвычайно важной службой Рущукский отряд не только облегчил, но и дал возможность всей русской армии одержать победу на других более важных пунктах театра войны».[4]

Именно эта «*невидность службы*» и вызывала обиду наследника престола. Кроме этого, в. к. затаил обиду, связанную с тем, что его не поставили командовать прибывшей на ТВД гвардией, которую он считал «по праву своей».

Указывая на причины назначения командующим гвардии И.В. Гурко, тайный советник Е.М. Феоктистов писал, что это было вызвано острой необ-

---

[1] Соколовский М.К. Военная служба Александра Третьего (28 февраля 1845 г. – 2 марта 1881 г.). // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 96.
[2] ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 13. С. 142-143.
[3] Журнал военных действий Рущукского, впоследствии Восточного, отряда в войну 1877-1878 годов. // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-78 г. г. на Балканском полуострове. Выпуск 16. Издание Военно-Исторической Комиссии Главного Штаба. СПб., 1900. С. 277.
[4] Дружинин К.И., генерал-майор. Русско-турецкая война 1877-1878 года. // История русской армии. Иллюстрированное издание. Современная версия. – М., 2009. С. 668.

ходимостью в компетентном, хорошо знающим военное дело командире. Он подчеркивал, что в условиях очевидного кризиса, связанного в первую очередь с неудачами под Плевной, «*…нельзя было шутить*, вручая командование великим князьям».[1] Этой фразой Е.М. Феоктистов давал оценку полководческим дарованиям наследника престола. Таким образом, обида, граничащая с враждой, на в. к. Николая Николаевича-старшего была в равной степени разделена с обидой не генерала И.В. Гурко. Е.М. Феоктистов подчеркивает особую черту будущего императора Александра III – *мстительную злопамятность:* уже после войны наследник позволял себе «нездоровые» выходки в отношении генерала и возненавидел его сильнее, чем турок во время войны.[2] Крайнюю «жесткость» в поведении императора, от которой страдали даже «женская половина» императорского Дома, подчеркивали и придворные дамы.[3]

Еще один свидетель эпохи, военный врач Н.А. Вельяминов, писал, что император был человеком «не далекого ума» («не обладал выдающимися умственными способностями») и «мало доверял людям».[4] Это сочетание и порождало отдельные эксцессы его поведения. Имея очень узкий круг доверенных лиц, он, по замечаниям Е.М. Феоктистова, смотрел на все «глазами своего интимного кружка».[5] В то же время при всей своей «жесткости» наследник иногда демонстрировал поразительную робость, граничащую с откровенной мизантропией. Так, генерал Э.В. Экк вспоминал, что после назначения в. к. командующим 1-ой гв. пехотной дивизией (*далее по тексту* – ГПД), он так и не нашел в себе смелости «представиться перед офицерами» и поблагодарить их за службу.[6] Складывается впечатление, что Александр III

---

[1] Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. М., 1991. С. 353.
[2] Там же. С. 353.
[3] Ден Лили. Подлинная царица. // Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя Великая Княгиня. СПб. М., 2003. С. 51.
[4] Вельяминов Н.А. Мои воспоминания об императоре Александре III, его болезни и кончине. // Русский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX век). Выпуск V. М., 1994. С. 311.
[5] Феоктистов Е.М. Указ. изд. С. 353.
[6] Экк Э.В. От русско-турецкой до мировой войны. Воспоминания о службе 1868-1918. М., 2014. С. 36 (Экк вспоминал: «Долго не шел наследник. Наконец решился, стал подходить быстрыми шагами и вошел в круг, покраснел до того, что весь затылок побагровел. Постояв несколько мгновений, цесаревич обратился к генерал-адъютанту Дрентельну: - Не могу, Александр Романович, скажите вы им, - и быстро удалился»).

имел глубокую психологическую травму, оказывающую серьезное воздействие на его поведение.

После кампании 1877-1878 гг. наследник участия в боевых действиях не принимал. Став императором, он оказался связан с русской армией уже как «Державный вождь…» и политик.

По мнению Вельяминова, Александр III плохо разбирался в нюансах военного дела, в «душе был не военным» и «игры в солдатики» не любил. А к выдающемуся его достижению как «Державного вождя…» следует отнести то, что он за период своего правления не пожертвовал жизнью ни одного русского солдата на поле боя.[1]

На наш взгляд, из трех последних императоров именно Александр III более всего соответствовал званию «Державного вождя…». В то же время он был лидером «армии мира», и, в этом плане, к нему вполне применим предложенный Э. Канетти образ «властителя как выживающего».[2] Александр III тяготел к консервативному прочтению политической перспективы Российской империи и, хотя к войне готовился, но ее тяготился, слишком тяжела была драма поражения в Восточной войне и слишком тяжело далась русско-турецкая война 1877-1878 г. Предательство австрийских Габсбургов породили недоверие ко всему немецкому, до этого выступавшего «военным эталоном». Кроме этого, где-то в глубине самой России шел процесс революционного брожения. Все это не могло не породить параноидальные нотки в сложном комплексе психологических переживаний Александра Александровича. Э. Канетти подчеркивал, что такому типу вождя «подобает нагонять страх», так как это его «прерогатива» и за это перед ним «благоговеют».[3]

В свою очередь, его сын, император Николай II как «Державный вождь…» опыта участия в боевых действиях не имел вообще. Как и все великие князья он получил образование в «доме августейших родителей». Воен-

[1] Там же. С. 266, 312.
[2] Канетти Э. Масса и власть. / Пер. с нем. и предисловие Л. Ионина. М., 1997. С. 250.
[3] Там же. С. 251.

ные предметы ему преподавали лучшие авторитеты своего времени: М.И. Драгомиров, Г.А. Леер, П.Л. Лобко.

В соответствии с «Послужным списком»[1] императора мы можем выделить основные вехи его военной карьеры от назначения 6.12.1875 г. прапорщиком (в 7 лет) до 6.08.1892 г.– полковником. 6.05.1889 г. был произведен во флигель-адъютанты. За это время командовал ротой л.-гв. Преображенского п., проходил службу в 1-ой батарее Гв. Конноартиллерийской бригады и командовал 1-м батальоном л.-гв. Преображенского п.

Примечательно, что публицист С.Д. Урусов, современник Николая II, «ядовито» подчеркивал следующее: «Он записал в военную службу и дослужил до чина полковника, в каком и теперь считается. Служба его разумеется заключалась в том, что он носил мундир и по всем правилам военного искусства был записан в число гвардейских офицеров».[2] Такое восприятие наследника престола со стороны оппозиции было не лишено некоторой степени объективности.

Анализируя воинский путь и жизненное кредо наследника, полковник Шайдицкий указывал, что его заветным желанием являлось «командование полком».[3] Период пребывания Николая Александровича в л.-гв. Преображенском п. подробно описывал в. к. Константин Константинович, являвшийся с 23.04.1891 по 4.03.1900 г. командиром указанной части. Он отмечал, что желание «стажироваться» в л.-гв. Преображенском п. являлось личной «настоятельной инициативой» наследника.[4]

Константин Константинович неоднократно подчеркивал «особое усердие» и «рвение» наследника к службе, стремление исполнять обязанности наравне с остальными батальонными командирами.[5] Если анализировать

[1] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2202. Послужной список. Л. 1-77.
[2] Урусов С.Д. Указ. соч. С. 9-10.
[3] Шайдицкий, полковник. Государь Император солдат и Верховный Вождь. // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. М., 2008. С. 139.
[4] Великий князь Константин Константинович Романов (К.Р.). Воспоминания о службе Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича, ныне благополучно царствующего Государя Императора, л.-гв. полку. // Император Николай II. Откровения в подлинных воспоминаниях Свиты Его Величества. М., 2013. С. 78.
[5] Там же.

дискурсивное поле воспоминаний великого князя, то не сложно выявить в его содержании нотки *подобострастия* и очевидной *гиперболизации* отдельных черт характера Николая II. При этом определить общий характер служебной деятельности будущего императора не представляется возможным – все определения носят максимально обобщенный характер.

Николай Александрович позиционируется как: «усердный», «искренне любящий военное дело», «безукоризненно учтивый», «приветливый и обходительный с младшими», «непринужденно державший себя с равными в чине», «очаровывающий всех своей простотой и скромностью». Примечательно, что С.Ю. Витте выделял в Николае II (периода начала царствования) «дух доброжелательности» и «чрезвычайную воспитанность».[1]

Еще дальше в «идеализации» Николая II идут представители «женской половины» придворного мира. Так, Л. Ден отмечала, что русский царь был «поистине Божий человек». Для него были характерны: «рыцарственность», «недюжинный ум», «великолепная зрительная память», «остроумие».[2]

Вышеперечисленные качества наследника «фиксировались» его внешним видом. Он носил сюртук темно-зеленого сукна с двумя аксельбантами и двумя вензелями («флигель-адъютанта Александра III и шефским Александра II») на погонах; был всегда в высоких сапогах «шагреневой кожи с пристегнутыми» шпорами; всегда носил орден Св. Владимира IV степени в петлице.[3]

Примечательна еще одна не столь существенная, но тем не менее пикантная составляющая внешнего облика Николая Александровича. Во время «дудергофских экзерциций» подпоручик герцог Лейхтенбергский заметил у наследника татуировку: «На руке у него несколько ниже локтя заметили изображение дракона, художественно нататуированного в Японии».[4] С

[1] Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т.1 (2-е издание). Ленинград, 1924. С. 10-11.
[2] Ден Лили. Указ. соч. С. 30, 59.
[3] Великий князь Константин Константинович Романов (К.Р.). // Указ. соч. С. 83.
[4] Там же. С.103.

«определенного момента» наследник стал носить на правой руке кольцо с сапфиром - «подарок невесты».[1]

Константин Константинович отмечал, что наследник выполнял *весь объем обязанностей* в рамках занимаемой им должности. В. к. писал: «Его Высочество почти ежедневно бывал на утренних занятиях в ротах батальона».[2] Шайдицкий отмечал, что это проистекало «из глубокого сознания исповедываемого Им долга».[3]

По всей вероятности, наследника больше всего притягивали полковые и бригадные обеды, посиделки в офицерском собрании с вином, шампанским и мадерой, игра на бильярде, полковые праздники. Косвенно это можно подтвердить ностальгией наследника по аналогичному времяпрепровождению в л.-гв. Гусарском Его В. п.[4] В этом плане примечательны особенности эволюции полковых меню л.-гв. Преображенского п., обусловленное вкусами наследника[5]. Несмотря на слухи о злоупотреблении алкогольными напитками, Д. Ходнев подчеркивал, что Николай II «пил всегда очень мало».[6]

Сохранившиеся воспоминания, а также кино-фотодокументы позволяют говорить о наследнике престола как о человеке инфантильном. На эту черту указывает исследователь И.В. Зимин: «…молодой император был действительно инфантилен, и 26-летнего Николая II министр Императорского двора граф И.И. Воронцов-Дашков воспринимал только как 14-летнего мальчика».[7] Отмечая странности в поведении Николая II, Ден резюмировала: «Он любил разыгрывать знакомых, от него доставалось и мне».[8] В этом плане весьма показательна оценка данная императору Г.Е. Распутиным. Хитрый

---

[1] Там же. С.122.
[2] Там же. С.85.
[3] Шайдицкий, полковник. Указ. соч. С. 138.
[4] Там же. С. 97.
[5] РГИА. Ф. 906. Оп.1. Д. 41. Обед л.-гв. Преображенского полка 19 мая 1883 г. // Художественные меню и программы увеселений во время коронации Александра III, во время Георгиевских праздников, при праздновании юбилея Ломоносова и др. Л. 8. РГИА Ф. 906. Оп. 1. Д. 41. Меню от 26 ноября 1888 г. Л.18. РГИА Ф.906. Оп.1. Д.41. 6-ое Августа 1894-го г. Роспись блюд у стола Воевод, Полковников, Голов, и прочих чинов начальных людей в стане Преображенского полка. Л. 19.
[6] Ходнев Д. Император Николай II – державный вождь российской армии (по воспоминаниям рядового офицера). // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. М., 2008. С. 122.
[7] Зимин И.В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Вторая четверть XIX – начало XX в. Взрослый мир императорских резиденций. М., 2010. С. 146-147.
[8] Ден Лили. Указ. соч. С. 56.

«мужицкий» ум Григория Ефимовича позволил ему сразу выделить слабые стороны и недостатки императора: «Сними с него корону, пусти в кучу – в десятке не отличишь. Ни худости, ни добра – всего в меру. А мера куцая – для Царя маловата. Он от нее царской гордости набирает, а толку мало… Петухом кружится. И тот мучается. Только у него все иное… Все полегче… одначе, чувствует… - не по Сеньке шапка».[1] Одним словом, страной правил «неказистый» царь. Думается, что в данном случае для мужика самое главное, что он был «не страшный». В этом плане показательна ремарка уже упоминавшегося «командира» цесаревича Николая Александровича в. к. Константина Константиновича о периоде его правления в качестве императора Николая II: «…страх перед царской властью все слабее и каждый делает, что хочет».[2]

Удивительно, но и «мужик», и в. к. ставят в основание сохранение прочности устоев государственности «страх», что в целом переплетает с христианской идей «страха божьего» как основания «благочестия» и «смиренномудрия», а по сути, и самой веры.

Одним словом, наследник весьма «недурно» провел время в составе своего «любимого полка» («год службы в полку пролетел весело и незаметно»). Следует отметить, что гв. Преображенский, Конный, Кавалергардский, Гусарский Е.В. полки к началу XX в. превратились в своеобразные «закрытые клубы» для представителей властной элиты. Граф А.А. Игнатьев отмечал, что в эти «клубы» «записывали» наиболее достойных представителей разных уровней военной и военно-политической элиты[3]. Отчасти это объясняло тот пиетет, который испытывал и наследник престола, и великие князья перед полковой семьей гв. полков, в которых им доводилось «служить».

Следует отметить, что «вера в гвардию» у Николая II была колоссальной. В этом плане показательно извлечение из письма императора своей матери в. к. Марии Федоровны в период революции 1905-1907 гг. (запись от

[1] Дневник Распутина. М., 2008. С. 67
[2] Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.): 1911-1915… - С. 129.
[3] Игнатьев А.А., граф. Пятьдесят лет в строю. Воспоминания. М., 2002. С. 64.

17.11.1905 г.): «В последнее время ведется особенно усиленная пропаганда в войсках, и противодействовать этому можно, только тогда когда все находится под неусыпным наблюдением и, когда есть внимание к солдатам, как это существует в гвардии».[1]

Неудивительно, что наследника престола постоянно тянуло в любимый «аристократический клуб» - к «родным» преображенцам и гусарам. В воспоминаниях отмечается, что он «особенно радостно и спокойно» чувствовал себя среди представителей военной среды, не ждущих от него ничего, кроме «счастья видеть и говорить со своим Царем» и в «незаинтересованной преданности» которых он был уверен.[2] В то же время необходимо сделать поправку на характер этой «военной среды»: Николая II все-таки тянуло не в провинциальный полк, «ужасы» службы в котором, например, описывает М.В. Грулев[3], а к родной, «блестящей» столичной гвардии.

Примечательно, что начальник Канцелярии Императорского Двора неоднократно подчеркивал, что император не стремится к удовлетворению тщеславия, обусловленного своим положением, а им «движет» чувство долга.[4] Как следствие, он четко нарисовал себе свое место в армии.

Когда к Николаю II было направлено обращение «армии и флота» о предоставлении ему звания г.-майора и контр-адмирала, он (по версии Шайдицкого) ответил: «Я храню чин, данный Мне покойным Императором – Моим отцом».[5] В этом плане утверждения отдельных историков о том, что Николай II был настолько бездарен, что не смог получить звание г.-майора, являются некорректными, демонстрируя незнание особенностей чинопроизводства в России и, в первую очередь, специфики продвижения по службе самого Самодержавного Монарха.

---

[1] Хереш Элизабет. Николай II. Серия «След в истории». Ростов-на-Дону, 1998. С. 129.
[2] Шайдицкий, полковник. Указ. соч. С. 142.
[3] Генерал начал службу вольноопределяющимся в 95-м пехотном запасном батальоне Красноярского полка, дислоцирующегося во Пскове. Примечательно, что в своих воспоминаниях г. не отозвался положительно ни об одном из своих первых полковых командиров. Он также нарисовал «жуткие» картины из жизни офицеров, которые «то спьяну» женились, то сходили с ума «от белой горячки» и т.д. (см.: Грулев М.В. Записки генерала-еврея. М., 2007. С. 124-125).
[4] Мосолов А.А., генерал. При Дворе последнего Императора. СПб., 1992. С. 85.
[5] Шайдицкий, полковник. Указ. соч. - С. 139.

Если даже допустить «посредственность Императора», то в Российской империи было предостаточно офицеров «более посредственных», чем Николай II, тем не менее носящих звания г.-майора и даже г.-лейтенанта. Подтверждение «версии» Шайдицкого мы находим в воспоминаниях княгини М. Барятинской: «…император также носил аксельбанты, как адъютант своего умершего отца, и вот по этой причине его величество не хотел становиться генералом, потому что он более всего заботился о том, чтобы не утратить знак отличия своего любимого отца»[1].

При этом «долг» Николай II понимал весьма своеобразно, а проблемы армии определял веяниями, сформированными под влиянием противоречивых идей, и решениями представителей военной и военно-политической элиты (великих князей Владимира Александровича, Михаила Николаевича, Николая Николаевича-младшего). С.Ю. Витте подчеркивал, что влияние великокняжеской среды на решения Николая II было колоссальным.[2]

Сергей Юльевич также вспоминал, что генерал Ванновский не раз предостерегал Николая II от возрождения «удельной системы» - «царствования» великих князей в «своих вотчинах», т.е. ведомствах, которые они возглавляли[3]. По мнению графа, наибольшим влиянием в первые годы правления обладали в. к. Александр Михайлович, супруг сестры Николая II, и в. к. Владимир Александрович, как старший брат его отца, а также его мать в. к. Мария Федоровна. Со временем серьезное влияние на императора стала оказывать его супруга императрица Александра Федоровна.

Анализируя особенности характера Николая II как «Державного вождя…», необходимо отметить, что в психологическом плане наследник престола, а затем и император отличался:

1)очевидной склонностью к оппортунизму (форма поведенческого оппортунизма) и высокой степенью «внушаемости» (Николай II был подвержен эффекту «психологического заражения» и являлся суггестивной личностью);

---

[1] Барятинская М. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1870-1918. М., 2006. С. 66.
[2] Витте С.Ю., граф. Указ. соч. С. 9.
[3] Там же. С. 10.

2)конформизмом, но на фоне обидчивости;

3)ему, по всей вероятности, катастрофически не хватало неформального общения, а отсюда проистекало желание почувствовать себя в непринужденной обстановке. В этом плане пребывание в гв. полках являлось своеобразной формой групповой («архетипической») психотерапии. Николай, по сути, шел в гв. не учиться военному делу, а решать накопившиеся психологические проблемы.

В отношении «дворцовой педагогики» Александра III Н.А. Вельяминов писал: «Александр III оказался плохим педагогом […] Он страдал тем недостатком, которым часто страдают сильные люди, владеющие массами и не умеющие воспитывать своих собственных детей, запугивая их с одной стороны своей силой и напускной строгостью и, с другой стороны, балуя их своей природной добротой […] Грозный и суровый Николай Павлович воспитал гуманного, мягкого Александра Второго, а принципиальный и сильный Александр Третий дал России *бесхарактерного и безвольного* Николая II»[1].

Примечательно, что чертами инфантильности Н.А. Вельяминов наделяет не только Николая II, но и его окружение, в том числе и военных министров Куропаткина и Сухомлинова.[2] Таким образом, мы можем добавить к характеристике Николая II еще две черты: бесхарактерность и безвольность, черты явно не подобающие для «Державного вождя…».

«Внушаемость» и «бесхарактерность» императора со временем стали видны невооруженным взглядом. Уже во время Первой мировой войны военный врач В.П. Кравков отмечал, что в Ставке царит «вакханалия» и произвол царедворцев, а императору преподносятся уже готовые решения («Государь играет лишь роль орудия у хитрых и ловких царедворцев»[3]).

«Дворцовая микросреда», жестко детерминированная традицией и протоколом, порождала среди царских детей и членов императорской фамилии *жесткое раздражение* на свое окружение, что проявлялось даже не в юно-

[1] Вельяминов Н.А. Указ. соч. С. 312.
[2] Там же.
[3] Кравков В.П., тайный советник. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М., 2014. С. 201.

шеском, а уже в детском возрасте. В качестве примера можно привести дневниковые записи в. к. Дмитрия Павловича, который постоянно сетует на обязанности, которые его заставляют выполнять, на «скуку», на постоянное ограничение в «развлечениях» и желании «познавать мир» (в данном случае речь идет об общении с гв. офицерами и даже простыми людьми из прислуги). Завтраки и обеды в присутствии императора и императрицы вызывают у мальчика «сонное состояние» и скуку.[1]

Так, в записи от 16.01.1906 г. он отмечает: «Вчера Мария ездила в Павловск и там оставалась обедать, а я обедал втроем с Государем и императрицей, где я обманулся в надежде, думая что будет там очень весело, а оказалось наоборот, *было очень скучно*».[2] Подобные записи в дневнике в. к. носят не единичный характер.

Таким образом, складывался удивительный парадокс: великим князьям было позволено все и одновременно не позволено ничего. Отсюда проистекало желание «вырваться на волю» и творить *всевозможные глупости*.

Следует отметить, что по достижении совершеннолетия, при «надлежащем» поведении, великие князья могли рассчитывать на весьма внушительные суммы, отпускаемые на их содержание. Особенности эволюции размера начисления и размер указанных сумм представлен в приложении 6 (см.: приложение 6). Это позволяло вести «светскую» жизнь в формате, характерном для отечественной самодержавной традиции и международного междинастического протокола. «Наказанием» за свободолюбивые выходки могло стать как урезание, так и вообще лишение финансирования.

В «Статистическом очерке расходов из удельных сумм на Императорскую фамилию» указывалось, что в столетний период от «Родоначальников – Императора Павла I и Императрицы Марии Федоровны» «обозначилось» пять поколений великих князей и княгинь[3]. К началу XX в. в них было выяв-

[1] ГАРФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 384. Дневник в. к. Дмитрия Павловича с 1.01 по 17.01. Царское Село.
[2] Там же. Запись от 19 января 1906 г.
[3] Статистический очерк расходов из удельных сумм на Императорскую фамилию 1797-1897 гг. СПб., 1897. С. 6-9.

лено 317 лиц (речь идет о законнорожденных потомках Павла I). При этом непосредственными потомками императора Павла I являлись 246 чел., из которых 72 по мужской и 174 по женской линиям. Авторы «Статистического очерка…» указывали, что из 246 потомков в брак вступило 97 лиц, причем 27 браков было заключено «с потомками же Императора Павла I».[1]

К 1897 г. в составе императорской фамилии числилось 42 прямых потомка Павла I и 8 супруг сыновей и внуков императоров. Императоры Александр I и Николай I принадлежали к 1-му поколению, Александр II – ко второму, Александр III – к третьему и Николай II – к четвертому.

Наконец, по нисходящей степени родства в императорский дом к началу XX века входило: 8 сыновей императоров, 5 дочерей, 14 внуков, 5 внучек, 7 князей императорской крови, 3 княжны императорской крови (всего 42 чел.), кроме этого, – 6 супруг сыновей императоров и 2 супруги внуков императора. Таким образом, Царствующий Дом составлял в 1897 г. 50 человек.[2]

На содержание Царствующего Дома за 100 лет было потрачено 236308791 руб.[3]. Несмотря на желание Александра III урезать расходы, они в силу постепенного «приращения» Фамилии продолжали поступательно расти.[4]

Анализ высшего слоя военно-политической элиты империи был бы неполным, если бы мы не упомянули о двух «потенциальных правителях», *«последних»* наследниках престола, – цесаревиче Алексее и в. к. Михаиле Александровиче. Статус Михаила Александровича был крайне неопределенным в силу длительного отсутствия, а с появлением - тяжелой болезни сына Николая II.

Эта тема приобретает особую актуальность в контексте событий, связанных с отречением императора Николая II в пользу своего младшего брата, длительный отрезок времени носившего титул «Наследника престола». Ве-

[1] Там же. С. 9.
[2] Там же. С. 12.
[3] Там же. С. 20.
[4] Там же. С. 25-26.

роятность долгого правления, а возможно, и жизни в. к. Алексея Николаевича была крайне сомнительна. Подавляющая часть источников, связанных с детством Алексея, указывают на непрекращающиеся проблемы со здоровьем.[1] По воспоминаниям В.Н. Воейкова, заболевание было диагностировано, когда наследнику было три года: «[…] это была ужасная гемофилия – наследственная болезнь мужского поколения ее рода в течение трех столетий».[2] Следует отметить, что Алексей мог выполнять функции «Державного вождя…», но во многом весьма условно – в качестве символа или своеобразной «иконы».

«Дневник с записями отметок Алексея Николаевича» за 1911-1914 г. демонстрирует, что серьезные проблемы наблюдались («ситуация усугубляется») с 1913 г.[3] Наследник периодически жаловался на головные боли, повышение температуры (иногда до 38°[4]), у него постоянно болела рука, что мешало ему заниматься письмом («Из-за болезни никаких занятий в декабре не было…»).[5] В 1914 г. прослеживается обострение болезни летом (в июле), во время пребывания Алексея Николаевича в Петергофе.[6] Примечательно, что проблемы с построением процесса обучения подчеркивал и его личный учитель П.А. Жильяр.[7]

Кроме болей в руке, люди, окружавшие цесаревича, отмечали постоянные боли в ноге ниже паховой складки, затруднявшие движение. Исследователь Б.А. Нахапетов отмечал, что болезнь цесаревича «провоцировала кровоизлияния в суставах» и фактически *делала его «инвалидом».*[8]

Несмотря на очевидную тяжесть, заболевание в целом не сказывалось на умственных способностях наследника – он учился достаточно хорошо (в

---

[1] ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2332. Л. 20-22; Ф. 601. Оп. 1. Д. 247. Л. 186.
[2] Воейков В.Н. С царем и без царя. Гельсингфорс, 1933. С. 182-183.
[3] ГАРФ. Ф. 682. Романов Алексей Николаевич. Оп. 1. Д. 20. Дневник с записями отметок Алексея Николаевича. 1911-1914 учебный год.
[4] Пьер Жильяр указывает, что был свидетелем того, что у наследника температура поднималась до 39,6° (см. Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сентябрь 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.) // С предисловием С.Д. Сазонова, бывшего министра иностранных дел. Вена, 1921. С. 32).
[5] ГАРФ. Ф. 682. Романов Алексей Николаевич. Оп. 1. Д. 20. Л. 13.
[6] Там же. Л. 16.
[7] Жильяр П. Указ. соч. С. 28.
[8] Нахопетов Б.А. Врачебные тайны дома Романовых. М., 2007. С. 149.

«Дневнике… с записями отметок» мы встречаем преимущественно высокие баллы[1]). Фрейлина императрицы Александры Федоровны баронесса С.К. Буксгевден по поводу способностей наследника писала следующее: «Из-за своих частых болезней он несколько отставал в уроках, хотя был очень умным, с хорошей памятью, и, когда был здоров, упорно работал, чтобы наверстать упущенное».[2] В то же время в отношении цесаревича практиковался особый стиль воспитания: он практически никогда не подвергался наказаниям.[3]

Из других талантов наследника Престола современники отмечали, что он «обладал превосходным музыкальным слухом и великолепно играл на балалайке».[4] Для поведения цесаревича были характерны «живость и веселость», щедрость, любовь к сестрам и матери, и «невероятно сильная» любовь к отцу. Кроме этого, мальчик «обожал животных» (рядом с ним постоянно находились спаниель Джой и котенок Зубровка)[5].

Наследник был не чужд «военному делу», которое, правда, применительно к 1915-1916 гг. ограничивалось игрой в солдатики.[6] Э. Хереш писала: «Алексей с малолетства был связан с армией и проникался ее духом. Зимой он предпочитал ходить в казацкой форме и папахе[7], летом – матроске и бескозырке».[8] Николай II упорно готовил цесаревича на роль «Державного вождя…». Мальчик даже был награжден в октябре 1915 г. серебряной медалью 4-й степени на георгиевской ленте за то, что посетил раненых в сфере вражеского огня в районе станции Клеван[9]. Также ему было присвоено звание ефрейтора.

---

[1] См.: ГАРФ. Ф. 682. Романов Алексей Николаевич. Оп. 1. Д. 20. Дневник с записями отметок Алексея Николаевича. 1911-1914 учебный год.
[2] Буксгевден С. баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы России. Воспоминания фрейлины в трех книгах. М., 2012. С. 164-165.
[3] Хереш Элизабет. Указ. соч. С. 153.
[4] Ден Лили. Указ. соч. С.53.
[5] Там же. С. 55.
[6] См.: ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Д. 189. Дневник Наследника Цесаревича великого князя Алексея Николаевича за 1916 г.
[7] Как шеф л.-гв. Атаманского Е.И. Высочества Наследника Цесаревича п.
[8] Хереш Элизабет. Указ. соч. С. 156.
[9] О награждении ходатайствовал главнокомандующий Юго-Западного фронта генерал И. Иванов

К 1917 г. Алексей являлся шефом 23-х полков и подразделений и числился в 56-ти, из которых 29 являлись гвардейскими (включая л.-гв. Преображенский, л.-гв. Семеновский, л.-гв. Кавалергардский, л.-гв. Конный).

Некоторым утешением для наследника могло быть посещение военных и великосветских церемоний, где он появлялся в форме отдельных гв. полков или военно-учебных заведений.[1] Очевидно, что наследственная болезнь цесаревича являлась серьезным препятствием для его последующей *полноценной* жизнедеятельности.

Если рассматривать историческую альтернативу, то с высокой степенью вероятности можно констатировать, что именно брат императора, в. к. Михаил Александрович, имел все шансы со временем занять престол, как следствие, стать «Державным вождем…» российской императорской армии[2]. В этом плане показательны рассуждения Ф.Ф. Юсупова, который писал: «Великий князь Михаил был единственным братом государя и после царевича Алексея наследовал трон».[3]

В. к. Михаил Александрович имел все шансы на «особое место» в русской истории XX в. Если бы не «роковая» любовная страсть, данный исторический деятель мог бы сыграть столь же существенную роль в жизни страны, как Константин Николаевич и Николай Николаевич-старший при Александре II или Владимир Александрович и Алексей Александрович при Александре III.

Можно утверждать, что специфические черты характера Михаила сформировались под воздействием его особых отношений с отцом. Александр III не просто любил своего сына, но и сознательно баловал его, позволяя вещи, недопустимые для старших сыновей.[4] Многие современники подчеркивали неординарность натуры Михаила и, в первую очередь, его особенные человеческие качества – мягкость и покладистость характера, умение

---

[1] Кузнецов В.В. Русская Голгофа. СПб., 2003. С.8; Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.)… - С. 127.

[2] Третий сын Александра III, великий князь Георгий Александрович, умер 28.06.1899 г. в возрасте 28 лет. В. к. также страдал тяжелым хроническим заболеванием – туберкулезом.

[3] Юсупов Феликс, князь. Мемуары. До изгнания. 1887-1919. В изгнании. В двух книгах. М., 1998. С. 141.

[4] Витте С.Ю. Избранные воспоминания 1849-1911 гг. М., 1991. С. 282.

легко сходиться с людьми и нравиться им, отсутствие снобизма, такт и ряд других качеств.[1]

В то же время в связи с бурным романом Михаила Александровича и Н. Вульферт в обществе высказывались серьезные сомнения в его способности к продуманным и взвешенным решениям. Известный русский консерватор генерал А.А. Киреев в 1905 г. выражал серьезные сомнения в том, что к 27 годам в. к. «поумнел».[2]

Определенный интерес представляет процесс первичной социализации великого князя. Д.Б. Гришин указывал, что консервативный характер образовательного процесса как важнейшего элемента социализации применительно к российской аристократии был настолько высок, что любое желание внести изменение в его ход сталкивалось с невозможностью «преодоления придворных взглядов того времени».[3] На стадии освоения основного блока дисциплин доминирующей оставалась т. н. *«прусская модель»* образования. В качестве ключевых предметов выступали Закон Божий и русская словесность. Предполагалось ознакомление с элементами русского фольклора: сказками, пословицами, нравоучительными историями. В данном случае показательны «Ученические тетради» в. к. Константина Константиновича за 1870-1874 гг.[4]

Что касается в. к. Михаила, то на ранних стадиях обучения перечень учебных предметов мало чем отличался от преподаваемого другим представителям правящего дома. В «Расписании учебных занятий великого князя за 1894-1897 гг.» фигурируют: математика, физика, топография, география, экономика, русская словесность, Закон Божий, история, французский, английский, немецкий языки, а также эстетическое воспитание (музыка, обязательные занятия на флейте, рисование). Кроме этого, обязательны были фехтование, верховая езда и «фронтовые учения».[5]

---

[1] Из воспоминаний Дмитрия Ивановича Абрикосова. // Судьба русского дипломата. М., 2008. С.288.
[2] Киреев А. А. Дневник. 1905-1910. М., 2010. С. 90, 194.
[3] Гришин Д. Б. Великий князь Константин. Пред вечной красотой. М., 2008. С. 52.
[4] ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1. Л. 1-211.
[5] ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 120 (м/ф) - 1: Л. 1-31; 2: Л. 1-27.

Со временем в. к. Михаил получил специальное военное образование и «стажировался» в отдельных гв. частях и подразделениях. Особое место в военном образовании в. к. занимало пребывание в 5-й батарее гв. конно-артиллерийской бригады (с 28.04.1900 г.), на базе которой он изучал курс МАУ вместе со своим кузеном в. к. Андреем Владимировичем. Следует подчеркнуть что служебные обязанности в. к.-«артиллериста» были аналогичны службе др. офицеров. Так, пребывание в батарее для Михаила Александровича (несмотря на то, что к указанному моменту он уже являлся шефом батареи) началось со стандартной для всех офицеров гв. процедуры представления исполняющему обязанности командира батареи полковнику И.К. Багговуту[1], а 28 апреля в. к. в соответствии с существующей системой требований был представлен остальным чинам батареи. Следует отметить, что, кроме непосредственного несения службы и обучения, Михаил Александрович выполнял функции флигель-адъютанта Е.И.В.[2]

Примечательна досуговая составляющая службы в. к. в батарее. Она сводилась к различного рода *играм* (городки, шашки, игра в «тешку»), многочисленным «тожественным обедам» (с песенниками) и *чаепитиям*.[3] Кроме этого, наследник устраивал продолжительные *конные прогулки* в сопровождении офицеров (как правило, С.В. Гладкого и Э.Э. Геринга)[4]. В. к. также *музицировал* вместе с офицерами полка.[5]

Следует отметить, что Михаил Александрович был также произведен в корнеты л.-гв. Кирасирского Ее Величества п. (в 1898 г.), а с 1902 по 1904 г. «стажировался» в л.-гв. Преображенском п.

Примечательна так называемая «провинциальная жизнь» в. к. в качестве «орловского помещика» и почетного гражданина г. Орла. Она «началась» после смерти его брата Георгия Александровича в июне 1899 г., в

---

[1] Геринги являлись представителями рода древнесаксонсого происхождения. Родоначальник русской ветви Федор Иванович (Christian Freidrich Ferdinand Heering) (ок.1723-1769) выехал в Россию из Саксонии около 1740 г. и дослужился до звания майора артиллерии (1758 г.)

[2] Михаил был «пожалован» флигель-адъютантом в Свиту Е.И.В. 6.05.1899 г.

[3] ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 14. Л. 6; Д. 15. Л. 24(об)-26; Д. 15. Л. 12, Л. 16, Л. 16(об.).

[4] ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 14. Л. 7.

[5] Там же. Л. 13.

управлении которого находилось имение Брасово, располагавшееся на территории Орловской губ.[1]

К моменту смерти Георгия Михаилу уже исполнилось 20 лет[2], и его старший брат, император Николай II, объявил в. к. (на указанный момент у императора еще не было детей мужского пола – его 4 дочери появились на свет в интервале с 1895 по 1901 гг.) наследником Престола.

«По наследству» в. к. перешла и значительная доля имущества брата Георгия (как «цесаревича»), в том числе и так называемая «брасовская экономия», а также имение «Дерюгино» (20000 дес. земли[3]) в Дмитровском уезде Орловской губ. В отношении совокупного дохода от всех имений в. к. его личный адъютант А.А. Мордвинов писал следующее: «Благодаря умелому и настойчивому руководству управляющего делами А.А. Измаильского […] ежегодный доход с имений дошел в последние годы до крупной цифры 1 миллион рублей, что дало возможность великому князю составить свободный капитал около 8 миллионов рублей. Таким образом, Михаил Александрович являлся самым богатым из всех великих князей...».[4] Для сравнения можно отметить, что годовой доход в. к. Владимира Александровича, наиболее влиятельной фигуры рассматриваемого периода, от земельной собственности составлял 1,5 млн. руб.[5]

Первое посещение самого г. Орла в. к. состоялось в августе 1903 г., когда Михаил Александрович принимал участие в организованной орловским земством сельскохозяйственной и культурно-промышленной выставке и инспектировал павильон «Брасовской экономии», на территории которой про-

---

[1] Брасовское имение было приобретено в собственность великого князя в 1882 г. у камергера Высочайшего двора действительного статского советника В.В. Апраксина за 4 млн. 200 тыс. руб. Общая площадь земель, находившихся в «экономическом пользовании» к середине 1890-х гг., составляла 99769 дес. 504 кв. сажен. Земли имения находились на территориях Севского и Трубчевского уездов. Поголовье рабочего скота имения в 1894 г. составляло 2587 гол., урожайность зерна – 285680 т., сена – 22673 т. Общая доходность имения составляла 302138 руб. в год, при постоянном среднем росте доходности в 1890-х гг. 6,5% в год (См. Краткий очерк Брасовского имения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Георгия Александровича. Орел, 1895. С. 3).

[2] Великий князь родился 22.11. (4.12. по новому стилю). 1878 г.

[3] Трубников А.Н. Воспоминания. Орел, 2004. С. 110.

[4] Мордвинов А.А. Из пережитого. Из воспоминаний флигель-адъютанта Николая II. Т. 1. М., 2014. С. 131.

[5] Касвинов М.К. Двадцать три ступеньки вниз. М., 1979. С. 7.

водились различные «экономические эксперименты».[1] Визит в. к. воспринимался как особое «благорасположение» к городу и был отмечен «особыми торжествами».[2]

Еще больший интерес представляет «почетная ссылка» Михаила Александровича в г. Орёл в качестве командующего 17-м гусарским Черниговским п. Причиной «ссылки» стало любовное увлечение «неискушенного» в амурных делах в. к., который в силу экзальтированности своей натуры легко поддавался любовным влечениям. В отношении «слабой воли» князя (особенно в «амурных делах») А.А. Мордвинов писал следующее: «Многим Михаил Александрович казался безвольным, легко попадающим под чужое влияние».[3]

Первой его избранницей была фрейлина в. к. Ольги Александровны А.В. Коссиковская («Дина»). В отношении данного «увлечения» генерал А.А. Киреев писал: «Великий князь Михаил Александрович настаивает на том, чтобы жениться на Коссиковской, хотя она уже некрасива и старше его. Это опасно, потому что ведь наследник ещё очень мал, доживет ли он до царства или нет?»[4]. Были приложены серьезные усилия, включая «призыв» к патриотическим чувствам «Дины», для разрушения указанной связи. Тем не менее, несмотря на ее прекращение, она стоила в. к. серьезных проблем со здоровьем.[5]

Второй трагический любовный роман, приведший в. к. в «орловскую почетную ссылку», разыгрался в 1908 г. в период его командования эскадроном л.-гв. Кирасирского Ее В. п. В. к. «отбил» жену у одного из своих сослуживцев, что кроме всего прочего являлось нарушением неписанных гв. традиций и для «простого» офицера грозило позорным изгнанием из гв.

Узнав о «недостойном поведении» брата, Николай II решил помочь ему избежать необдуманного поступка путем назначения на должность команди-

---

[1] ГАОО. Ф. 497. Оп. 1. Дела: 17, 20, 53, 59, 92.
[2] Попов Н.С. Пребывание Его Императорского высочества Государя Наследника и Великого Князя Михаила Александровича в Орле 26 августа 1903 г. Орел, 1903. С. 7.
[3] Мордвинов А.А. Великий князь Михаил Александрович. // Возрождение. (Париж). 9 декабря 1938 г. С. 8.
[4] Киреев А.А. Дневник. 1905-1910. / сост. К.А. Соловьев. М., 2010. С. 234.
[5] Мордвинов А.А. Из пережитого… - С. 166-167.

ра 17-го Черниговского гусарского Её И. Высочества В. К. Елизаветы Федоровны п. («Высочайший указ» от 16 мая 1909 г.[1]; в. к. вступил в командование полком 7 июня 1909 г.[2]). Пытаясь оправдать очевидно «негвардейское поведение» в. к., А.А. Мордвинов[3] выдвигает версию о том, что император «*просто*» решил «приблизить» брата к народу, а Престол к «провинциальной России».[4]

17-й Черниговский гусарский п., дислоцирующийся в Орле с 1896 г., имел значительную историю, начало которой возводилось к эпохе правления царя Алексея Михайловича (старшинство полка с 1668 г.).[5] В 1833 г. п. был расформирован и восстановлен только 16.09.1896 г. в составе 6-ти эскадронов под названием 51-й драгунский Черниговский.[6]

В рассматриваемый отрезок времени п. входил во 2-ю Отдельную кавалерийскую бригаду, сформированную в 1896 г. в составе 13-го АК и включающую в себя 17-ый Черниговский и 18-ый Нежинский гусарские полки (места дислокации гг. Орел и Елец). Штаб бригады дислоцировался в г. Орле. Непосредственными командирами в. к. являлись: командир корпуса г.-л. А.Е. Эверт и начальник Отдельной бригады г.-м. П.А. Стахович. Оба офицера начинали службу в гв.: А.Е. Эверт после окончания Александровского военного училища (*далее по тексту* – АВУ) – в л.-гв. Волынском, а П.А. Стахович после окончания ПК – в л.-гв. Кавалергардском полках.

Начиная с 1898 г., 17-ым Черниговским полком командовали полковники А.А. Цуриков (1898-1901 гг.), В.С. Зенкевич (1902-1904 гг.), А.М. фон Кауфман (1905-1907 гг.) и Н. В. Урусов (1909 г.).[7]

Примечательно, что из указанной группы командиров только Цурикова являлись «орловскими помещиками».[8] Брат А.А. Цурикова Сергей, пол-

---

[1] Памятка 17-го гусарского Черниговского Е. И. Выс. В. К. Михаила Александровича полка (1668-1911 гг.). Составлена М. К. Соколовским. СПб., 1911. С. 30.
[2] ГАОО. Ф. 580. Стол 2. Ед. хр. 3001. Л. 5.
[3] По окончании НКУ он служил в л.-гв. Кирасирском Ее В. полку.
[4] Мордвинов А.А. Из пережитого… - С. 298-299.
[5] Памятка 17-го гусарского ... - С. 79.
[6] ГАОО. Ф. 305. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 2.
[7] Памятные книжки и адрес-календари Орловской губернии на 1898-1914 гг. Орел, 1898-1914.
[8] См.: РГВИА. Ф. 400. Главный штаб. Оп. 12. Ед. хр. 27391. Л. 49-64.

ковник армейской кавалерии, владел заповедным имением в селе Юрьево, доход которого составлял до 15 тыс. руб. в год.[1]

Командование полком практически не утруждало в. к., так как он постоянно находился в разъездах. Формально местом проживания в. к. в г. Орле стал дом Лясковского на Борисоглебской улице. А.А. Мордвинов отмечал, что в саду рядом с домом жил ручной медведь, с которым в. к. иногда «мерился силой».[2]

В период продолжительных «командировок» Михаила Александровича общее командование полком осуществлял полковник Н.С. Блохин. Позднее, «по протекции» в. к., он получил «черниговцев» в своё полноправное командование (с 1911 по 1914 гг.). Следует отметить, что в. к. всегда относился с крайним уважением к своему личному и профессиональному окружению. Это видно на примере его адъютантов А.А. Мордвинова и Н.А. Врангеля, которым, несмотря на установленную над Михаилом опеку, в связи с женитьбой на Наталье Сергеевне, он выхлопотал по 150 тыс. руб.[3]

В конечном итоге, за успешное командование полком Михаил получает «крайне благоприятную» аттестацию генерала П.А. Стаховича[4], а в декабре 1909 г. Орловская Городская Дума выступила с инициативой о присвоении Михаилу Александровичу звания Почетного гражданина г. Орла. Параллельно инициативы подобного рода выдвинули граждане г. Ельца и г. Севска.[5] 20.12.1909 г. Николай II «Всемилостлевейше соизволил» присвоить своему брату указанное звание.[6]

Михаил Александрович окончательно покинул Орёл в 1911 г. Он выехал с Натальей Сергеевной за границу. К этому моменту у них родился ребенок, получивший имя в память среднего брата Михаила Георгий. Михаил клятвенно заверял брата, что «жениться на ней (Наталье Сергеевне) […]

[1] ГАОО. Ф. 580. Оп. 1. Ед. хр. 3714.
[2] Мордвинов А.А. Из пережитого… - С. 336.
[3] ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 125. Л. 1.
[4] Там же. Д. 126. Л. 2
[5] РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 2. Л. 307; Д. 1а. Л. 128-129.
[6] Там же. Д. 2. Л. 311.

намерений не имеет»[1], но своё обещание не сдержал. Михаил Александрович вернулся в Россию только в 1914 г. и принял участие в 1-ой мировой войне. Его супруга получила титул «графини Брасовой»[2]. Михаил Александрович разделил трагическую судьбу своего старшего брата (был казнен большевиками).

Таким образом, родные братья Николая I, Александра II и Александра III должны идентифицироваться как *высший уровень* военно-политической элиты Российской империи. При этом следует учитывать, что подавляющее число великих князей составляло ядро еще одной крайне сложной для однозначной оценки институции – Свиты Е. И. В. («как совокупности военных чинов облеченных особым доверием императора и несущих службу непосредственно при его особе»[3]), своеобразного «клуба военно-политической элиты».

Следует отметить, что все сыновья и внуки Николая I, за исключением великих князей Николая Константиновича и Михаила Михайловича, имели звание г.-адъютанта (введено Петром I в 1713 г.). При этом общее число лиц получивших указанное звание в эпоху правления Александра III по отношению к эпохе Александра II постепенно сократилось с 178 до 10 чел. Таким образом, существенный сегмент г.-адъютантов эпохи предпоследнего российского императора составляли великие князья. Остальные князья *в обязательном порядке* имели свитские звания, соответствующие их возрасту.[4]

Практически все великие князья имели тесную «генетическую связь» с императорской гв., которая являлась не только важнейшим сегментом военной машины империи, но и особым институтом государственной власти, главной кадровой обоймы пополнения отдельных аристократических, а затем и этакратических групп. Отдельные великие князья командовали гв. полками: Константин Константинович и Сергей Александрович – л.-гв. Преобра-

---

[1] Там же. Д. 33. Л. 1.
[2] Умерла в 1952 г. в Париже в крайней бедности.
[3] Прищепа С.В. Императорская Свита. // Сержант. № 25 (2003. № 1). С. 3.
[4] Чувардин Г.С. Великие князья как представители высшего властного уровня военно-политической элиты Российской империи пореформенного периода. // Власть. 2011. № 3. С. 165.

женским, Михаил Александрович – л.-гв. Кавалергардским, Павел Александрович – л.-гв. Конным, Борис Владимирович – л.-гв. Атаманским, Дмитрий Константинович – л.-гв. Конногренадерским. *Важнейшие властные фигуры* пореформенного периода великие князья Николай Николаевич-старший, Владимир Александрович и Николай Николаевич-младший также являлись командующими войсками Гв. и СПб. ВО.

Следует отметить, что СПб. ВО, сформированный Положением от 6.08.1864 г.[1] изначально получил особый статус.[2] В соответствии с «Расписанием войск на территории округа 1901-1902 гг.»[3] основной массив воинских частей, соединений и отдельных подразделений был представлен ГК. Кроме этого, в округе дислоцировался Гв. Флотский экипаж, относящийся к Балтийскому флоту, во главе которого находился г.-адъютант, адмирал в. к. Алексей Александрович.[4] В состав Экипажа в 1904 г. входили: эскадренный броненосец «Император Александр III», крейсер II ранга «Рында» и 6 императорских яхт. В Гв. Флотском экипаже числились следующие великие князья: наследник-цесаревич Михаил Александрович, Константин Константинович, Дмитрий Константинович, Александр Михайлович, Кирилл Владимирович.

На отдельных отрезках времени Экипажем командовали великие князья: г.-адъютант, контр-адмирал Алексей Александрович - с 22.07.1873 по 13.07.1881 г., Свиты Е.И.В. контр-адмирал Кирилл Владимирович – с 16.03.1915 по 7.03.1917 г.

Следует также отметить, что «старшее поколение» великих князей (дети и внуки Николая I) были прочно инкорпорированы в высший аппарат государственного управления, как правило, в качестве членов ГС или министров отдельных министерств и комитетов (великие князья Константин Николае-

---

[1] Свод военных постановлений 1869 года. Часть первая. Военные управления. Кн. I-II. Издание второе. СПб., 1893. Ст. 1. С. 183.
[2] Там же. Приложение к Ст. 1. С. 268.
[3] Расписание войск Петербургского Военного Округа и список чинов состоящих в войсках и управлениях Петербургского Военного Округа. На 1-е июля 1902 года. СПб., 1902.
[4] Расписание Адмиралов, Генералов, Штаб и обер-офицеров, Гражданских и Медицинских чинов строевого состава. Исправлено по 2-е января 1904 года. СПб., 1904. С. 4.

вич, Николай Николаевич-старший, Михаил Николаевич, Владимир Александрович, Алексей Александрович, Сергей Александрович[1]). При этом они занимали один из постов в российской армии (иногда почетный) и в обязательном порядке «числились по императорской гв.». Степень их воздействия на принятие политических решений, а также деятельность в одной из сфер политической жизни, связанная как с процессами преобразований и модернизации, так и с большой политикой, во времена Александра II – Николая II была крайне высока.

В советской историографии был сформирован миф о «бездарности» и даже «умственной неполноценности» фактически всех великих князей (и как лиц, стоявших во главе императорской армии, и как государственных чиновников высшего ранга). На эти очевидно политизированные работы продолжают ссылаться современные авторы.[2]

Следует оговориться и отметить тот факт, что отдельные Романовы в исследуемые годы действительно страдали умственными отклонениями. Показателен пример в. к. Николая Николаевича-старшего, прогрессирующее слабоумие которого проявилось уже в значительном возрасте – 59 лет: болезнь четко обозначилась в 1890 г. Об этом писал Д.А. Милютин[3]. Лечащий врач профессор Ковалевский диагностировал высокую вероятность «размягчения мозга, с последующим идиотизмом» или даже «смерть».[4] В. к. скончался в Алупке 13.04.1891 г. и был похоронен в СПб. в Петропавловском соборе. Примечателен тот факт, что оценки служебной деятельности князя, в силу его принадлежности к правящему Дому, носят противоречивый характер. Если анализировать «Полный послужной список Его Имп. Высочества Великого Князя Николая Николаевича Старшего»[5], то можно сделать вывод

[1] Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного Совета Российской Империи. 1801-1906. Библиографический справочник. СПб., 2007.
[2] Данный аспект проблемы затрагивается в статье Чувардина Г.С. «Великие князья как представители высшего властного уровня военно-политической элиты Российской империи пореформенного периода» (Власть. 2011. № 3. С. 166).
[3] Милютин Д.А. Дневник. 1882-1890. М., 2010. С. 423.
[4] Там же. С. 421-422, 425.
[5] ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 11.

о том, что он был высочайшим профессионалом и идеальным командиром вверенных ему частей и подразделений.

Достаточно сложно определить качество умственных способностей представителей великокняжеской среды. Процесс первичной социализации великих князей по мере разрастания Фамилии и, что не менее важно, проникновения в нее представителей правящих домов Европы (императриц и великих княгинь, приносивших с собой свое видение «придворной педагогики»), носил бессистемный (в какой-то мере хаотичный) характер. Это касалось как воспитания, так и начального образования отдельных ветвей Фамилии. Данные рассуждения могут быть также распространены и на представителей крупнейших аристократических фамилий Российской империи. Так, при анализе послужных списков выявляется, что у значительной части детей военной аристократии в графе «начальное образование» значилось «воспитывался в доме отца» или «получил домашнее образование».

В качестве критерия оценки также нельзя использовать и суждения представителей ближайшего окружения анализируемой референтной группы. В этом плане показателен пример оценки профессиональных качеств в. к. Сергея Михайловича М. Кшесинской: «В то время он был главным инспектором артиллерии, в которой разбирался *как никто другой*. Он посвятил артиллерии всю свою жизнь и, не щадя сил, заботился о ее модернизации».[1] Данное суждение носит очевидный субъективный характер и не отражает реального положения дел. Подобный «женский» эмоциональный субъективизм мы постоянно встречаем на страницах мемуаров фрейлины в. к. Марии Александровны А.Ф. Тютчевой.[2]

Качество начального образования большой части великих князей (в силу традиции это было «домашнее образование») вызывает ряд вопросов и характеризуется, в первую очередь, своей бессистемностью и «военным оттен-

[1] Кшесинская М. Воспоминания. / Пер. с франц. Л. Папилиной. Смоленск, 1998. С. 245.
[2] Тютчева А.Ф. При Дворе двух императоров. Воспоминания. Дневники. Тула, 1990. С. 226.

ком»[1]. А.А. Керсновский отмечал, что при отсутствии военного призвания у большинства великих князей военная служба «обращалась в синекуру, очень часто шедшую во вред делу». При этом отдельные великие князья «*принесли много пользы».*[2]

Следует отметить, что подавляющую часть учебных предметов великим князьям (в период постижения азов военной науки) читали выдающиеся теоретики своего времени. Так, стратегию и военную историю цесаревичу Александру Александровичу с 1886 по 1890 гг. читал профессор (с 1889 г. начальник) НАГШ г.-л. Г.А. Леер. Параллельно он преподавал в МАА и НИА. Он также преподавал тактику в. к. Дмитрию Константиновичу, Николаю Михайловичу, Михаилу Михайловичу, Георгию Михайловичу, их высочествам принцу Н.П. Ольденбургскому и герцогам Г.Г. и М.Г. Макленбургским.[3]

Значительный вклад в систематизированное обучение великих князей артиллерийскому делу внес г. от артиллерии Н.А. Демьяненков, возглавлявший МАУ и МАА (с 1881 по 1898 гг.). Среди его учеников был Александр III, его братья, Владимир, Сергей и Павел Александровичи. В дальнейшем Демьяненков обучал артиллерии императора Николая II и его брата Михаила Александровича (с 1885 по 1900 гг.).[4]

Далее молодые люди, как правило, попадали в один из гв. полков, где «дообразовывались» и «довоспитывались». Такой подход являлся рудиментом еще петровской эпохи, когда гв. выступала не только важнейшим сегментом российской военной машины, но и школой подготовки офицерских кадров.[5] Примечательно то, что великокняжеское служение Отечеству характеризовалось еще более ранним рудиментом – «служением по отечеству». В ряде случаев князья замещали должности своих отцов.

---

[1] См.: Чувардин Г.С. Великие князья как представители высшего властного уровня военно-политической элиты Российской империи пореформенного периода. // Власть. 2011. № 3. С. 166.
[2] Керсновский А.А. История русской армии. Т.3 (1881-1915 гг.). М., 1994. С. 30.
[3] Столетие военного министерства 1802-1902. Память о членах Военного Совета. Портреты и биографические очерки. Т.III. Отд.IV.//Главный редактор г.-л. Д.А. Скалон, составитель подполковник Н.М. Затворницкий. СПб., 1907. С. 614.
[4] Там же. С. 668.
[5] См.: Чувардин Г.С. Великие князья как представители… - С. 166.

Наконец, необходимо выделить группу великих князей, имеющих высшее специальное военное или гражданское образование, и даже ученые степени. Так, Кирилл Владимирович окончил Николаевскую морскую академию; Николай Николаевич-младший и Николай Михайлович – НАГШ. Последний являлся доктором философии Берлинского университета (1910-1914 г.); Александр Владимирович – Александровскую Военно-юридическую академию.

И все же, несмотря на очевидные усилия выдающихся военных умов империи, подавляющая часть великих князей не могла тягаться с военными профессионалами. Генерал Н.А. Епанчин вспоминал, что во время больших маневров Московского ВО и Киевского ВО в. к. Сергей Михайлович сделал все возможное, чтобы «потеснить» генерала Драгомирова от командования «Московской армией». В конечном итоге в. к. был разгромлен «Киевской армией» под командованием генерала А.Н. Куропаткина, военные способности которого были не самыми выдающимися. Фиаско своего родственника император оценил следующим образом: «И охота дяде Сергею тягаться со специалистами дела».[1] Анализируя способности Сергея Александровича, Епанчин отмечал: «Военного дела он совершенно не знал и не понимал… даже батальоном не мог командовать как следует».[2]

Во время Первой мировой войны присутствие великих князей на фронте, особенно после начала отступления, вызывало в войсках скорее раздражение, чем воодушевление, тем более что их появление («по инерции») сопровождалось «подобострастной суетой» и показухой, так как они могли «что-то» донести императору. В.П. Кравков писал в дневнике про один из таких визитов (запись от 13.03.1916 г.): «Много шуму из-за яичницы»: суетятся в ожидании приезда великого князя Георгия Михайловича; вот уж кому на свете живется весело даже и в настоящую пору – это великим князьям, нашим нахлебникам». И далее (запись от 7.04.1916 г.): «Сегодня все дела

[1] Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996. С. 235.
[2] Там же.

брошены ради встречи и всяческого угождения приехавшему [великому] князю Георгию Михайловичу. […] «серая скотинка» должна была из резерва промахать до 50 верст, ч[то]б[ы] собраться к известному часу на Соборной площади».[1]

Следует отметить, что среди корпорации великих князей существовали лица с определенными «странностями в поведении», перерастающими то ли в сложные формы девиантности (скорее всего формируемые очевидной безнаказанностью), то ли, как уже отмечалось, в «легкие формы сумасшествия». На современном отрезке времени поставить точный диагноз психическому состоянию рассматриваемой категории лиц не представляется возможным.

Наиболее известным в этом плане являлся уже упоминавшийся нами выше в. к. Николай Константинович. Если бы не последующая деформация личности, то Николай Константинович вполне бы мог быть отнесен к группе Романовых-интеллектуалов. В 1868 г. он по собственной инициативе поступил в НАГШ и стал первым из Романовых прошедшим ее курс. В. к. окончил Общее отделение Академии в 1871 г. с серебряной медалью. Основные направления исследовательской деятельности в. к. можно проследить по изданным под его именем научным трудам: 1)О выборе кратчайшего направления Среднеазиатской железной дороги. – Оренбург, 1878; 2)Исследования направления среднеазиатской железной дороги между Уралом и Сырдарьей. – Самара, 1878; 3)Аму и Узбой, с портретом Петра Великого и приложением литографированных карт рек Средней Азии. – Самара, 1879. Великий князь также принимал участие в ученой экспедиции на Амударью в 1879 г.[2]

В 21 год Николай Константинович уже командовал эскадроном л.-гв. Конного п. В этот же промежуток времени у него начался бурный роман с американской танцовщицей Фанни Лир, имевшей от первого брака малолетнюю дочку. Император счел необходимым пресечь скандал и в 1873 г. «удалил» в. к. на «покорение» Хивинского ханства. Николай Константинович

[1] Кравков В.П. Указ. соч. С. 216-217.
[2] Исторический очерк Николаевской Академии Генерального Штаба. / Сост. ГШ генерал-майор Н.П. Глиноредкий. СПб., 1882. С. 70 (Список научных трудов).

продемонстрировал себя офицером с большим потенциалом и был награжден орденом Св. Владимира III ст. Но после возвращения роман вспыхнул с новой силой, что в конце концов закончилось большим семейным скандалом - хищением бриллиантов у матери в. к. Александры Иосифовны.[1]

Официально Николай Константинович был признан «безумным». В. к. освидетельствовали три врача: Балинский, Карель, Здекауэр и диагностировали «что-то странное» в его поступках.[2] Имя Николая Константиновича запрещалось упоминать в бумагах, касающихся Императорского Дома. Принадлежавшее ему наследство было передано братьям. Генерал Д.А. Милютин отмечал: «Ему объявлено было, что он лишен чинов и орденов и будет в заточении без срока. И это принял он совершенно равнодушно. Государь в семейном совете решил признать Николая Константиновича психически больным».[3] В. к. был выслан из СПб. и 10 лет «скитался по России», пока окончательно не осел в Ташкенте («Ташкентская ссылка» началась с 1881 г.).

Характеризуя особенности душевного склада в. к., генерал М.В. Грулев, встречавшийся с ним в Ташкенте уже в 90-х гг. XIX в., отмечал противоположные качества «душевные и умственные». С одной стороны, он мог обворожить собеседника «утонченной любезностью» и «блеском ума», с другой - было видно, «что у него в мозгах бывают какие-то вспышки и завирухи».[4]

Таким образом, личная служба отдельных императоров и их родственников, великих князей и князей «императорской крови», в войсках и важнейших институтах империи, как в качестве наблюдателей и арбитров, так и властных фигур, наделенных особыми полномочиями, считалась «обязательной». Великие князья Правящего Императорского Дома как представители важнейшего сегмента *военно-политической элиты* играли существенную роль в исторической судьбе России XIX - нач. XX вв. Они оказывали значительное влияние на военную политику, развитие и совершенствование рос-

[1] Милютин Д.А. Дневник. 1873-1875. М., 2008. С. 118-119.
[2] Там же. С. 119.
[3] Там же. С. 119.
[4] Грулев М.В. Указ. соч. С. 210.

сийских вооруженных сил, а также на важнейшие политические процессы, происходящие в стране.[1] Все представители указанной корпорации, за исключением «молодого поколения», имели высшие генеральские звания.

Интеллектуальные способности и личные качества, мотивация и желание к саморазвитию великих князей оставляли желать лучшего. Отметим, что в их среде выделялись неординарные личности, которые обеспечивали определенную степень социальной устойчивости («стабильности») в возглавляемых ими ведомствах, а также оказывали сдерживающее влияние на принятие непродуманных решений императорами Александром III и Николаем II. Часть великих князей, относящихся к так называемой «младшей группе» и получивших современное образование и воспитание, к началу века еще не успела достигнуть достаточной степени профессионализма и приобрести ощутимый «политический вес».

В то же время на примере судьбы Михаила Александровича наглядно прослеживается процесс общего перерождения властной элиты Российской Империи. Постепенно уходящий в историческое небытие аристократический принцип её формирования, сопровождаемый серьезной мировоззренческой ломкой, был сопряжен с сознательным политическим эскапизмом несменяемых представителей власти «по праву рождения», их желанием получать от жизни простые, «земные» блага и нежеланием брать на себя избыточную ответственность за судьбы страны. *К началу XX в. Правящий Имперский Дом был «серьезно утомлен» 200-летним «политическим аскетизмом».*

2.2.Офицерский корпус Генерального штаба: социальный облик военного-«интеллектуала»

Свою историю Корпус офицеров ГШ российской имперской армии ведет с эпохи «великих реформ». 31.12.1865 г. произошло воссоздание упраздненного в 1832 г. Главного штаба, к компетенции которого были отнесены

[1] Подробнее см.: Чувардин Г.С. Великие князья как представители… - С. 166.

следующие управления: вооруженными силами, делами по личному составу, вопросами комплектования войск и военных учреждений.

Представление об особенностях эволюции структуры Главного/Генерального штабов дает таблица № 1 (см. таб. 1).

Таблица № 1

Особенности эволюции структуры Главного/Генерального штабов

Наименование структуры	Время создания
1.Свита Е.И.В. по квартирмейстерской части	1796 г.
2.Создание Главного штаба Его Императорского Величества	1815 г.
3.Свита Е.И.В. по квартирмейстерской части переименована в Генеральный штаб (ГШ).	27.06.1827 г.
4.Руководство Генеральным штабом вверено г.-квартирмейстеру Главного штаба Е.И.В.	1828 г.
5.Упразднение Главного штаба (наименование указанной структуры распространяется на «особую» категорию военно-административных чинов): управление полностью сосредоточено в руках военного министра	1832 г.
6.Генеральный штаб переименован в «Департамент ГШ» и введен в структуру Военного министерства	1.05.1832 г.
7.Преобразование «Департамента ГШ» (с Военно-Топографическим Депо) в «Главное управление ГШ» (в составе Военного министерства).	27.09.1863 г.[1]
8.Слияние Гвардейского ГШ с ГШ	1864 г.
9.Объединение «Инспекторского департамента Военного министерства» с «Главным управлением ГШ» и воссоздание Главного штаба[2], при этом НШ Главного штаба являлся НШ Генерального штаба; звание г.-квартирмейстера упразднено	31.12.1865 г. – 8.05.1918 г.
10.Восстановление должности г.-квартирмейстера в Главном штабе и штабах пограничных ВО.	1900-1902 гг.0
11.Выделение ГШ в качестве «Главного управления ГШ» (ГУГШ) в самостоятельную структуру, возглавляемую полностью автономным от военного министра начальником ГУГШ (в результате реформ СГО)	1905 г.
12.ГУГШ возвращено в состав Военного министерства.	1908 г.

[1] Четвертое продолжение Свода военных постановлений. По 1-е января 1864 г. СПб., 1864. С. 2, 4.

[2] Компетенции Главного штаба и круг решаемых им вопросов оговаривался в Своде военных постановлений (см. Свод военных постановлений. Ч.I «Военное управление». Издание 2 (по 1 января 1893 г.)) статьи 139-146. При Главном Штабе также состояли: 1)НАГШ и 2)Корпуса: а)офицеров Генерального Штаба, б)Военных Топографов, в)Фельдъегерей (см. Ст. 149. // Свод военных постановлений. Ч. I «Военное управление». Издание 2 (по 1 января 1893 г.). СПб., 1893. С. 32).

Нач. ГШ снова подчинен военному министру	

Общего положения о штатном составе ГШ не существовало. Все законоположения находились в «Приказах по военному ведомству» и в «Своде военных постановлений» (1859 и 1869 гг.).

Деятельность ГШ может быть разделена на 3 основных направления:
1)служба при войсках (полевая и в штабах): ГШ выступал как вспомогательный орган при начальниках и командирах по всем отраслям управления войсками и преимущественно по строевой части;
2)военно-учёная служба – занятия военно-учёными работами, необходимыми для подготовки к войне;
3)военно-административная служба – ведение дел в Военном министерстве, которые по своему характеру требовали особой подготовки или высшего образования.

Обязанности офицеров ГШ состояли: «1) в составлении дислокаций, маршрутов и диспозиций для боя и для движения; 2) в производстве военных обозрений, съёмок, рекогносцировок; 3) в вождении колонн на театре войны вообще и на поле сражения, в особенности; 4) в избрании, совместно с военными инженерами, позиций и пунктов для крепостей и укреплений; 5) в выполнении военно-статистических, военно-исторических и военно-административных работ».[1] Уровень подготовки офицеров ГШ и круг выполняемых ими работ делали возможным занятие первыми «[…]самых разнородных и разнохарактерных должностей».[2]

Должностные обязанности были очерчены в положениях, которыми определялся состав и назначение штаба или управления, в составе которых положено было иметь офицеров ГШ. Как следствие в списках ГШ числились:
1)начальники военно-окружных штабов;
2)офицеры ГШ, назначенные на должности военных агентов за границей, профессоров военных академий и начальников военных и юнкерских учи-

[1] Свод Военных Постановлений, изд. 1891 г. Кн. V. Ст. 123.
[2] Газенкампф М. Устройство и служба Русского Генерального Штаба. СПб., 1888. С. 1.

лищ; в звании флигель-адъютантов при Е.И.В., в Главных управлениях Военного министерства и в военных и юнкерских училищах и др.[1]

В рамках нашего исследования обзор службы ГШ в структуре центрального военного управления необходим для понимания места офицерского корпуса ГШ как самостоятельной корпорации в общей структуре российской военной машины и определения степени инкорпорированности отдельных групп генштабистов в систему «военной элиты» империи.

В военном министерстве должности ГШ были положены: в Главном Штабе; в Главном управлении казачьих войск; в Управлении г.-инспектора кавалерии; в НАГШ и в Офицерских стрелковой и артиллерийской школах. Начальник ГШ являлся ближайшим помощником военного министра и возглавлял Главное управление ГШ. В его подчинении находились НАГШ, чины, служащие по передвижению войск, офицеры Корпуса военных топографов, Военно-топографическое училище.[2]

Второй по значимости была должность г.-квартирмейстера ГШ (восстановлена в 1900 г.). Он составлял «сведения о специальной подготовке и службе офицеров ГШ»; руководил научными занятиями офицеров ГШ и прикомандированных к отделу; а в отдельных случаях и крепостными поездками офицеров ГШ. В подчинении г.-квартирмейстера находились военные агенты.[3]

Начальник военных сообщений руководил деятельностью начальников военных сообщений округов; инспектировал управления заведующих передвижением войск и комендантов железнодорожных и водных участков и др.[4]

Кроме *«штатных по закону»* (в соответствии со Штатным расписанием[5]), офицерами ГШ могли быть занимаемы все штатные должности во всех

---

[1] Свод Военных Постановлений, изд. 1891 г. Кн. V. Ст. 124.
[2] Положение о Главном управлении Генерального Штаба. СПб., 1913. Ст. 29, 36-37.
[3] Там же. Ст. 53, 55.
[4] Положение о Главном управлении Генерального Штаба… - Ст. 61, 64.
[5] Всего на 1894 г. 537 штатных единиц (в Главных управлениях 28 штатных единиц) (см. Русский Генеральный Штаб. Состав и служба его. // Пособие для офицеров старшего класса Николаевской Академии Генерального Штаба. / Составитель Ф. Макшеев. СПб., 1894. С. 28-29).

главных управлениях Военного министерства,[1] должности профессоров военных академий, все штатные должности в военных и юнкерских училищах (в том числе и начальников училищ), должности начальников окружных штабов, должности военных агентов за границей.

В числе штатных должностей не значились многие, которые могли бы замещаться *только* офицерами ГШ. Это должности: начальника Главного Штаба и его помощников, начальника военно-топографического отдела, начальников окружных штабов, начальников некоторых отделений Главного Штаба, управляющего делами Военно-учёного комитета, военных агентов, профессоров и адъюнкт-профессоров НАГШ, начальников геодезических работ. Эти должности практически всегда замещались офицерами ГШ.

Должность начальника Главного Штаба, как правило, замещалась офицером Генерального Штаба. Весь корпус офицеров ГШ находился в его заведовании[2].

Военно-учёный комитет направлял специально-учёную деятельность ГШ и топографов, содействовал развитию военного образования в армии. При Комитете состояли Канцелярия, Военно-учёный архив[3] и Библиотека. Военно-ученый комитет был упразднён в 1903 г. в связи с реорганизацией Главного Штаба.

Азиатская часть во главе с заведующим в чине г.-майора или полковника управляла делами Кавказского и Азиатских (Омского, Иркутского, Приамурского и Туркестанского) ВО в военном и, отчасти, гражданском отношении.[4]

Отдел по передвижению войск ведал передвижением войск железными, грунтовыми дорогами и водными путями, перевозкой военных грузов же-

---

[1] Свод военных постановлений 1859 г. Ч. II. Кн. 1. Ст. 1031 по 5-му продолжению и прим. 2-е к ст. 1030 по 6-му продолжению; ст. 124, Кн. V Свода военных постановлений в изд. 1891 г.

[2] Свод Военных Постановлений, изд. 1893 г. Кн. I. Ст. 409-410, 657.

[3] В Военно-учёном архиве хранились: 1) дела, записки, документы, карты и все материалы, относящиеся к военной истории, географии, администрации и статистике; 2) донесения и журналы о военных действиях.

[4] Устройство и служба русского Генерального Штаба. / Составил М. Газенкампф. СПб., 1888. С. 9.

лезными дрогами и водой, передвижением войск в мирное время и подготовкой воинских перевозок военного времени.[1]

Хотя по штату это было необязательно, но должность начальника Главного Штаба, должности 1-го и 2-го отделений, канцелярии Мобилизационного Комитета и большая часть должностей начальников отделений замещались офицерами ГШ.

Кроме того, занятия по части ГШ были сосредоточены во 2-м, 7-м и отчасти 1-м отделениях Главного Штаба.[2]

Военно-топографический отдел ГШ заведовал всеми астрономическими, геодезическими, топографическими и картографическими работами[3]. Отдел состоял из Геодезического отделения, Картографического заведения, канцелярии, военно-топографического склада и магазина для продажи карт. Для замещения должностей в указанной структуре требовались офицеры ГШ с *геодезической подготовкой*. На высшие должности в Корпусе назначались генералы и штаб-офицеры ГШ, окончившие курс геодезического отделения НАГШ.[4]

В Главном управлении Казачьих войск офицеры ГШ (3 штатных единицы) полагались в Мобилизационном отделении (образовано в 1887 г.[5]) – начальник отделения (штаб-офицер или г.-майор) и два столоначальника (старший адъютант этого отделения должен был быть из штаб-офицеров ГШ, а его помощник (обер-офицер) мог быть из офицеров ГШ). В Управлении г.-инспектора кавалерии было положено 4 офицера ГШ: г.-майор или г.-лейтенант; НШ; помощник НШ; старший адъютант.

В НАГШ обязательному замещению офицерами ГШ подлежали должности Начальника Академии (г.-майор или г.-лейтенант), «Правителя дел» (штаб-офицер) и 6 штаб-офицеров, заведовавших обучающимися в Академии офицерами. Должность «Правителя дел по учебной части» в ОКШ замеща-

[1] Там же. С. 10-12.
[2] Подробнее см. там же. С. 7-8.
[3] Там же. С. 15.
[4] Там же. С. 15-16.
[5] Приказ по Военному ведомству 1887 г. № 239. Штаб области Войска Донского соответствовал штабу округа.

лась офицером ГШ, в ОСШ аналогичная должность могла замещаться офицером ГШ.[1] Кроме этого, «руководитель по тактике» ОАШ избирался начальником школы из офицеров ГШ и подчинялся непосредственно помощнику начальника школы.[2]

В Канцелярии Военного министерства штатом офицеров ГШ не полагалось, но характер работ в этом учреждении требовал, чтобы там было не менее двух офицеров ГШ для отчётных работ по министерству. *Войсковое управление ГШ* выполняло функции связи между центральным органом Генерального Штаба, ГУГШ, с нижестоящими органами управления войсками. Штатное расписание должностей ГШ военно-окружных управлений обусловливалось категорией округа *(пограничный или внутренний)*. В четырех пограничных военных округах (Варшавском, Виленском, Киевском и Кавказском) организация штабов мирного времени была устроена таким образом, чтобы, в случае войны, сформировать из них *полевые штабы армий*.[3]

Окружной штаб находился в непосредственном ведении НШ.[4] В ведении Начальника окружного штаба находились все офицеры ГШ, состоявшие на штатных должностях в штабах и управлениях округа, причисленные к ГШ и прикомандированные к штабу округа.

Окружной штаб приграничного округа состоял из трёх управлений: Управления окружного г.-квартирмейстера, Управления окружного дежурного генерала и Управления окружного начальника военных сообщений. Деятельность Управления начальника военных сообщений только отчасти была связана с ГШ. Исключительно работами Генштаба занималось Управление генерал-квартирмейстера. Деятельность ГШ, таким образом, была сосредоточена в первом и, отчасти, в третьем управлениях. В Управлении окружного г.-квартирмейстера было сосредоточено делопроизводство по мобилизации

[1] Свод Военных Постановлений, изд. 3-е. Кн. XV. Ст. 1762; Приказ по военному ведомству 1914 г. № 1; ст. 1763, 1845, 1764, 1846.
[2] Положение об Офицерской артиллерийской школе… - Ст. 33-35.
[3] Приказы по военному ведомству 1892 г. № 219 и 1899 г. № 38.
[4] Свод Военных Постановлений, изд. 1893 г. Кн. II. Ст. 80, 83, 85, 87.

войск, сбору военно-статистических данных по округу, производству в округе съёмочных работ; службе ГШ и занятиям офицеров ГШ округа.[1]

Управление окружного начальника военных сообщений ведало разработкой всех данных для составления окончательного плана устройства военных сообщений армии.[2] Оно состояло из двух отделений: военно-дорожного и этапного, которыми заведовали старшие адъютанты.[3]

Организация штаба *Туркестанского ВО* была подобна приграничным округам, но в нем отсутствовало Управление окружного начальника военных сообщений.

В окружных штабах остальных военных округов офицеры ГШ были положены для занятия приводимых ниже должностей (в отличие от приграничных, штабы остальных военных округов состояли из отделений, канцелярии, судной части и архива).[4]

Помощник НШ округа (штатная должность ГШ: г. или полковник) руководил деятельностью офицеров Генштаба округа. Он непосредственно подчинялся и вёл работу по частям ГШ, военно-учебной и госпитальной, руководил специальными занятиями, специальными работами и службой при войсках офицеров ГШ округа.[5]

Кроме этого, офицеры ГШ полагались в строевом (старший адъютант и его помощник) и мобилизационном (старший адъютант) отделениях. В строевом отделении штаба сосредоточивалась переписка по размещению и передвижению войск округа, их службе и обучению, составлению годового отчёта о состоянии округа. Мобилизационное отделение ведало сбором и разработкой данных по мобилизации войск и учреждений округа, учётом запасных нижних чинов округа и лошадей.[6]

В Кавказском, Туркестанском, Омском и Приамурском округах для производства геодезических, топографических и картографических работ со-

[1] Свод Военных Постановлений, изд. 3-е, 1907 г. Кн. II. Ст. 113.
[2] Там же. П. 43. Приложение к ст. 81.
[3] Там же. П. 45-47. Приложение к ст. 81.
[4] Там же. Ст. 81.
[5] Там же. Ст. 97-98.
[6] Там же. Ст. 81.

стояли окружные военно-топографические отделы окружных штабов, в Иркутском – топографическая часть. В остальных округах для производства аналогичных работ полагались чины Корпуса военных топографов.[1]

Каждый корпусной штаб почти целиком состоял из офицеров ГШ, это были, как правило, 3-4 должности: НШ (г. или полковник); старший адъютант, обер- и штаб-офицеры для поручений. НШ корпуса подчинялся его командиру и являлся ближайшим исполнителем его распоряжений.[2]

Штаб дивизии состоял из 2-х частей: строевой и хозяйственной, которыми руководили старшие адъютанты.[3] В штабах гренадёрских, пехотных, стрелковых, кавалерийских и казачьих дивизий имелось 3 должности Генштаба: НШ (подполковник или подполковник) и старших адъютантов по строевой и хозяйственной части.[4]

Штабы и управления отдельных стрелковых, пехотных, кавалерийских, резервных, запасных, казачьих и пластунских бригад имели должности штаб-офицеров ГШ, их права и обязанности были как у начальников штабов дивизий.[5]

В крепостных управлениях должности ГШ положены были в крепостном штабе. Там сосредоточивалось делопроизводство по общему управлению крепости по приведению её в готовность к обороне, по строевым и практическим занятиям войск крепости.[6] Крепостной штаб состоял из комендантского, строевого и санитарного отделений и находился в непосредственном ведении НШ.[7] Начальник крепостного штаба назначался из офицеров ГШ.

---

[1] Там же. Ст. 82.
[2] Свод Военных Постановлений, изд. 1893 г. Кн. V. Ст. 172-175.
[3] Там же. Ст. 224.
[4] По установившейся практике на должности адъютанта по хозяйственной части офицеры ГШ не назначались. Таким образом, в дивизионном штабе состояло всего два офицера – начальник штаба и старший адъютант по строевой части. – Макшеев Ф. А. Генеральный Штаб. Сравнительный очерк современного его устройства в армиях: Русской, Германской, Французской и Австрийской. СПб., 1899. С. 15.
[5] Приказы по военному ведомству 1897 г. № 304 и 1898 г. № 156.
[6] Свод Военных Постановлений, изд. 1893 г. Кн. III. Ст. 380.
[7] Там же. Ст. 383.

Наконец, в войсковых штабах *казачьих войск* (Терского, Кубанского, Оренбургского, Уральского и Забайкальского) начальники войсковых штабов также являлись офицерами ГШ (г.-майор или полковник[1]).

Следует отметить, что между штатным и списочным составом корпуса офицеров ГШ наблюдалось устойчивое расхождение. Так, в 1894 г. общая численность офицеров ГШ в мирное время составляла 537 генералов, штаб и обер-офицеров. Исходя из потребностей службы требовалось еще 52 чел. Таким образом, общая численность должна была составлять 592 чел. В 1899 г. по штату численность офицеров ГШ составляла с причисленными 641 чел. Требовалось еще 53 чел., что давало в общей сложности 694 чел. На 1 января 1904 г. на должностях ГШ в центральном и войсковом управлениях состояло лишь 588 чел. из 1241, то есть, всего 45%. По состоянию на 18 июля 1914 г. было положено 835 должностей, которые замещались офицерами ГШ.

На Войсковое управление ГШ приходилось 662 должности. Остальные 173 приходились на органы центрального военного управления. Обязательному замещению подлежали 733 (730) должности(-ей), из них 602 приходилось на Войсковое управление ГШ. По штату в центральном военном управлении обязательному замещению офицерами Генштаба подлежали 115 должностей, однако по списку числилось 112 чел. Могли замещаться офицерами ГШ по штату 60 должностей, по списку на них состоял всего 41 чел. В Войсковом управлении из положенных по штату 642 должностей были замещены всего 570.

Приведенные данные свидетельствуют, что в войсковых штабах различных уровней наблюдался постоянный недостаток офицеров ГШ. Дело в том, что ежегодно к ГШ причислялось всего около 50 выпускников НАГШ. В последующем именно они замещали соответствующие должности по ГШ в военных округах, куда они распределялись. В рассматриваемый нами период шел процесс формирования новых структур в составе армии, в том числе и новых воинских соединений и частей, для которых требовался дополнитель-

[1] В Забайкальском казачьем войске начальник войскового штаба был в чине полковника.

ный личный состав (в том числе и по линии ГШ). Это вело к увеличению количества должностей для замещения их офицерами ГШ. Как следствие, НАГШ попросту «не успевала» за увеличением штатов.

В то же время можно допустить, что подобная ситуация была спровоцирована особенностями внутриполитической жизни империи, а также спецификой службы офицеров ГШ в различных военных округах. Русско-японская война потребовала создания новых воинских формирований и переброски их на Дальний Восток. Первая русская революция спровоцировала необходимость привлечения офицеров для выполнения гражданско-административной службы с целью «наведения порядка». В связи с этим, на долю офицеров ГШ выпала огромная организационная и канцелярская работа помимо выполнения ими основных своих обязанностей. В ряде донесений подчеркивалось, что «деятельность офицеров Генерального Штаба не могла быть ни достаточно полной».[1]

В Московском ВО в связи с войной от исполнения своих прямых обязанностей были «отвлечены шесть офицеров ГШ»[2], в основном начальники штабов дивизий. Вследствие командирования значительного числа офицеров ГШ на ТВД образовался «существенный некомплект» в округах европейской части России.

В Кавказском ВО, в противоположность Московскому, в войсковых штабах и управлениях состояли только НШ *и отсутствовали старшие адъютанты*. В окружном штабе насчитывалось всего 27 офицеров (44% штатного числа). В связи с этим для штабной работы привлекались причисленные к ГШ офицеры, назначенные в округ для отбытия лагерного сбора и командования ротами.[3]

В Варшавском ВО в 1905-1906 гг. 11 офицеров ГШ из числа начальников штабов дивизий исполняли обязанности начальников управлений временных г.-губернаторов и тем самым «[…] отвлекались от несения обязанно-

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1256. Л. 2 об.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 8-8 об.

стей по службе Генерального Штаба».[1] В то же время в Виленском ВО в большей части штабов находились только штаб-офицеры, а «[…] возвратившиеся с войны обер-офицеры отбывали строевой ценз в войсках».[2]

В контексте анализа заявленного проблемного поля значительный интерес представляет статистическая составляющая социальной истории российского ГШ[3], необходимая для определения принадлежности отдельных групп офицеров ГШ к «военно-политической» и «военной» элитам империи.

В 1914 г. в ГШ числилось 422 генерала и 454 полковника. Основной интерес в данном случае составляет совокупность генералов, «причисленных к ГШ». Анализ распределения количества офицеров по отдельным генеральским званиям позволил получить следующие статистические данные: полных генералов 82 чел. (57 генералов от инфантерии, 25 генералов от кавалерии), г.-лейтенантов 115 чел. и г.-майоров 225 чел.

К началу 1914 г. в Списках ГШ значилось два великих князя: Николай Николаевич-младший (главнокомандующий войсками Гв. и СПб. ВО) и Николай Михайлович (к указанному моменту никаких постов за исключением шефства на л.-гв. 3 артиллерийской бр., 82-м пехотным Дагестанским п. и 4-ой ротой л.-гв. 4-го стрелкового Императорской Фамилии п. не занимал).

Общее представление о титулованной аристократии, причисленной к ГШ дает таблица № 2 (см. таб. 2).

Таблица № 2

Титулованная аристократия, причисленная к ГШ

Ф.И.О.	Воинское и свитское звание	Титул	Занимаемая должность
1.И.И. Воронцов-Дашков	Г. от кавалерии, г.-адъютант	граф	Его И.В-ва наместник на Кавказе; член ГС
2.А.В. Каульбарс	Г. от кавалерии	барон	Член ВС

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1257. Л. 10об.
[2] Там же. Л. 78 об.
[3] Анализ общих показателей рассматриваемой группы офицеров проводился в рамках заявленных исследовательских индексов.

3.Л.А. Фредерикс	Г. от инфантерии	барон	Почетный опекун Опекунского Совета учр. Импер. Марии по СПб присутствию
4.Е.А.Рауш-фон-Траубенберг	Г. от кавалерии	барон	Командующий войсками Иркутского ВО и войсковой наказной атаман Забайкальского казачьего войска
5.А.Ф. фон-ден-Бринкен	Г.-лейтенант	барон	Командир 22-го АК
6.Г.А. Туманов	Г.-лейтенант	князь	Нач. 13-й КД
7.К.С. Бегильдеев	Г.-лейтенант	князь	Нач. 9-й КД
8.П.Н. Енгалычев	Г.-лейтенант	князь	Нач. НАГШ
9.А.А. фон-Таубе	Г.-майор	барон	Начальник военных сообщений Иркутского ВО
10.С.Э. фон-Бер	Г.-майор	барон	Командир 1-ой бригады 32-й ПД
11.Г.И. Ностиц	Г.-майор	граф	Начальник штаба ГК
12.В.Н. Майдель	Г.-майор	барон	Ком. 2-ой бригады 3-й КД
13.А.П. фон-Будберг	Г.-майор	барон	Г.-квартирмейстер штаба Приамурского ВО
14.Н.А. фон-Дистерло	Г.-майор	барон	Правитель дел канцелярии Г.-инспектора кавалерии

Источник: Список Генерального Штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 года. (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 Июля 1914 г.). Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой, 1914.

Таким образом, из 422 генералов рассматриваемой статистической совокупности мы выявили только двух великих князей и 14 представителей титулованной аристократии: трех князей, двух графов и девять баронов, преимущественно «остзейской принадлежности»[1]. Если исключить великих князей, то данная группа составит всего 3%, что являлось ничтожной цифрой по сравнению с генералитетом ГК. Впрочем, данное сравнение не совсем корректно, так как значительная часть офицеров, причисленных к ГШ, в ГК и служила.

[1] «Остзейский вопрос» в русской армии затрагивается в более ранних наших исследованиях. См.: «Немецко-шведское» дворянство в офицерском корпусе российской императорской гвардии в начале XX века. // Диалог со временем. Альманах центра интеллектуальной истории ИВИ РАН. 2010. Выпуск 30. С. 337-352; Чувардин Г.С. «Остзейские рыцари» как военное сословие и элитообразующая среда: проблема социоидентичности и мировоззрения (1881-1914 гг.). // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. № 3. 2016. С. 64-68.

В этой группе мы встречаем г.-майора графа Г.И. Ностица, занимавшего с 1.03.1912 г. пост НШ ГК.[1] Являясь офицером ГШ, граф практически все время в той или иной степени служил в ГК или войсках Гв. Примечательно, что на протяжении всей своей военной карьеры граф ни разу не принимал участи в боевых действиях.[2]

Таким образом, нами были проанализированы личностные особенности офицеров, занимающих должность НШ ГК во время правления императоров Александра III – Николая II. Данная информация приводится нами в приложении 7 (см.: приложение 7).

Карьеры офицеров незначительно разнятся в зависимости от степени их «знатности» (статусного фактора), но объединяет их одно – крайняя скудность боевого опыта. Катастрофическая нехватка практических знаний, растерянность в экстремальной ситуации скоротечного боя, неумение проявлять психологическую устойчивость и самообладание стали визитной карточкой поведения штабных офицеров высшего ранга в условиях Первой мировой войны. К этому следует добавить стойкую неспособность к принятию оригинальных неординарных теоретических решений на поле боя.

Косвенно на данные недостатки указывают отдельные архивные документы РГВИА, идущие под грифом «О службе ГШ в округах»[3]. Примечателен тот факт, что практически во всех округах (включая пограничные и СПб. ВО) мы сталкиваемся с однотипной ситуацией: офицеры ГШ завалены канцелярской работой, являющейся для них «первостепенной» («сидят в штабах за канцелярской перепиской»[4]; «много канцелярской работы –мало практики»[5]) и оторваны «от войска»[6].

---

[1] Сборник биографий кавалергардов. 1826-1908. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка. // Сост. под ред. С. Панчулидзева. СПб., 1908. С. 346.
[2] Список генералам по старшинству (*далее по тексту:* СГС). 1914. СПб., 1914. С. 595.
[3] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1257.
[4] Там же. Л. 123.
[5] Там же. Л. 60.
[6] Там же. Указывалось следующее: «Единственной и серьезной мерой, могущей дать офицерам ГШ возможность совершенствоваться в своей специальности, стать ближе к войскам и знаниями своими принести последним пользу – надо признать освобождение офицеров ГШ от канцелярской работы – которой офицеры в

Составители отчета по СПб. ВО подчеркивают, что ни один из офицеров ГШ в округе на отрезке 1902-1906 гг. не отбыл строевого ценза, при этом отсутствовало «точное установление», как эти цензы надо отбывать: «В 1902 г. вышел закон о двухлетнем командовании эскадроном и ротой. Но ни один офицер выпуска 1902 г. ценза до конца не довел. Выпуск 1903 г. постигла та же участь».[1] При этом подчеркивается, что инициатива отдельных офицеров ГШ получить «строевой опыт» целенаправленно пресекается.[2]

Таким образом, офицеры ГШ позиционировались как полностью оторванные от реалий строевой службы «кабинетные бюрократы», «все более чем прежде»[3] тратящие свои знания и таланты на бессмысленную «канцелярскую переписку». Не удивительно, что в армии к генштабистам прочно приклеился ярлык «табуреточной кавалерии».

Генерала А.П. Скугаревский считал, что во время Первой мировой войны по линии ГШ не выдвинулось «ни одного военного таланта».[4] Еще более острой выглядит критика «своих генералов» военного медика тайного советника В.П. Кравкова (которых он с язвительной иронией называл «нашими воеводами»). Он пишет: «При всем моем неуважительном отношении еще до войны к искусству наших стратегов, приходится теперь еще более разочаровываться в них – «как ни садитесь, а в музыканты не годитесь».[5] По мнению В.П. Кравкова, деградация происходит даже с иностранными генералами, вставшими под русские знамена[6].

При анализе *конфессиональной принадлежности* списочного состава генералитета ГШ, в статистической совокупности обозначенной как *«полные*

настоящее время завалены, причем большая часть переписки по строевой и инспекторской части могла бы быть с успехом выполнена и офицерами не ГШ».

[1] Там же. Л. 61.

[2] Там же. Л. 61 об. (речь идет о СПб. ВО). Указывалось следующее: «Весною настоящего года Штабом Округа было возбуждено ходатайство о прикомандировании капитана Свечина на лагерные сборы к одному из кавалерийских полков округа. Этот офицер основал свое ходатайство на том, что ему пришлось командовать эскадроном лишь с ноября 1903 по февраль 1904, когда он был послан на ТВД. Желание прокомандовать эскадроном в лагерные сборы и во время маневров было, казалось бы, вполне целесообразным. Однако в исполнении этого ходатайства ГУ ГШ отказало».

[3] Там же. Л. 123.

[4] Скугаревский А. Очерки и заметки. // О долге и чести воинской в российской армии: собрание документов, материалов и статей. / Сост. Ю.А. Галушко, А.А. Колесников; под ред. В.Н. Лобова. М., 1991.

[5] Кравков В.П. Указ. соч. С. 124.

[6] Там же. С. 247.

генералы», нами было выявлено 68 православных (83% - подавляющее большинство), 13 протестантов (данная группа в основной своей массе представлена остзейскими немцами) и 1 католик (остзейский немец член АКР г. от инфантерии Р.С. фон-Раабен;[1]).

Среди *г.-лейтенантов* было 97 православных (то есть 84%), 17 протестантов и 1 католик (начальник Топографической съемки С.-Петербургской губернии и Финляндии Э.А. Коверский).

Анализ совокупности *г.-майоров* (всего 225 офицеров) позволил выявить 208 православных (то есть 92%), 15 протестантов и 2 «магометан» (генералы М.А. Сулькевич и К.Я. Бюцитко). Общее число православных по 3 указанным группам составило 88% (протестантов – 11%). Таким образом, в группе причисленных к ГШ генералов превалировали представители православного вероисповедания. Что касается наличия католиков и «магометан», то их наличие являлось скорее досадным недоразумением.

Если анализировать *семейное положение* рассматриваемой группы членства, то следует отметить, что из 82-х полных генералов 71 состоял в браке. Три офицера были вдовцами, у двух брак был расторгнут. Количество детей в семьях полных генералов, числящихся в списках ГШ, демонстрирует таблица № 3 (см. таб. 3).

Таблица № 3

Количество детей в семьях полных генералов, числящихся в ГШ

Количество детей в семьях (чел.)	7	6	5	4	3	2	1
Количество семей	2	2	5	10	15	17	11

Источник: Список Генерального Штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 года. (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 Июля 1914 г.). Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой, 1914.

[1] Русский Генеральный Штаб. Состав и служба его. Пособие для офицеров старшего класса Николаевской Академии Генерального Штаба. / Сост. Ф. Макшеев, экстраординарный профессор Николаевской Академии Генерального Штаба. СПб., 1894. С. 13.

Таким образом, средний показатель численности детей в семьях полных генералов приблизительно равнялся 3. При этом число многодетных семей составляло 55%.

В группе г.-лейтенантов нами было выявлено 103 женатых офицера, то есть 89%. Причем процент этот на самом деле должен быть выше, так как 5 генералов являлись вдовцами и имели детей. В указанной статистической совокупности было выявлено 5 холостых и 2 разведенных генерала. Общее представление о рассматриваемых индексах дает таблица № 4 (см. таб. 4).

Таблица № 4

Количество детей в семьях г.-лейтенантов, числящихся в ГШ

Количество детей в семьях (чел.)	7	6	5	4	3	2	1
Количество семей	2	3	6	8	15	25	27

Источник: Список Генерального Штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 года. (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 Июля 1914 г.). Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой, 1914.

Анализ таблицы позволяет сделать вывод о том, что среднее количество детей в семьях женатых г.-лейтенантов рассматриваемой группы (всего 86 семей) составляло 2,5 ребенка.

Что касается *боевого опыта* рассматриваемой группы офицеров, то среди полных генералов 36 чел. принимали участие в 1 боевом конфликте, 24 – в 2, 9 – в 3 и по одному в 4-х, 6-ти и 7-ми конфликтах.

В группе г.-лейтенантов нами было выявлено 55 офицеров, принимавших участие в 1 конфликте и 20 – в 2, в совокупности 65%. Таким образом, *45% офицеров, причисленных к ГШ в воинском звание г.-лейтенанта,* к началу Первой мировой войны не имели опыта участия в боевых действиях.

Наконец, в группе г.-майоров мы выявили 71 офицера, участвовавшего в 1 конфликте и 21 – 2, что составляет 41%. Речь идет преимущественно о походе в Китай 1900-1901 гг. и о русско-японской войне 1904-1905 гг., хотя в начале списка встречаются отдельные участники русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Участие в данной кампании характерно для группы г.-

лейтенантов. В этой группе также встречаются участники событий в Средней Азии и на Кавказе.

С началом русско-японской войны на ТВД устремились 24 слушателя НАГШ, что составило 8% от всех офицеров, обучавшихся в указанные период в академии (300 чел.). Источники позволяют выявить 21 (ошибочно указывается 22) офицера ГШ (из них 5 генералов и 9 полковников), «скончавшегося» и «умершего от ран» в ходе войны с Японией – опыт этих офицеров уже никому пригодится не мог. Общий список указанных офицеров представлен нами в приложении 8 (см.: приложение 8).

Таким образом, 59% г.-майоров, причисленных к ГШ, также не имели к началу Первой мировой войны опыта участия в боевых действиях. Указанные цифры являются пусть и косвенной, но тем не менее очевидной причиной поражения русского оружия на первом отрезке войны 1914-1918 гг.

Нами также было выявлено, что в группе полных генералов 9 чел. получили ранения разной степени тяжести. Абсолютным рекордсменом в данной группе являлся генерал А.Н. Куропаткин. Он принимал участие в 7 кампаниях. После ранения и контузии был также причислен ко 2-му классу раненых.[1]

В группе г.-лейтенантов 7 офицеров имели ранение, 2 – контузию и 2 - ранение и контузию. В группе г.-майоров 11 офицеров имели ранение, 4 – контузию, 3 – контузию и ранение. 1 офицер, В.К.-К. фон-Нордгейм, в 1883 г. получил увечье при «салютационной стрельбе (ранен в бедро)»[2]. При этом в боевых действиях он ни до, ни после участия не принимал.

Определенный интерес также представляет анализ количества георгиевских кавалеров в рассматриваемой статистической совокупности по ее отдельным группам. Общее представление о данном индексе дает таблица № 6 (см. таб. 5)

Таблица № 5

[1] Список Генерального Штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 года. (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 Июля 1914 г.). Петроград, 1914. С. 5.
[2] Там же. С. 161.

Генералы, числящиеся в списке ГШ, кавалеры ордена св. Георгия IV и III ст.

	Ордена	
	Св. Георгия IV ст.	Св. Георгия III ст.
Полные генералы	13	3
Генерал-лейтенанты	2	-
Генерал-майоры	1	-
Всего:	16	3

Источник: Список Генерального Штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 года. (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 Июля 1914 г.). Петроград, 1914.

Анализ таблицы показывает, что орден св. Георгия III ст. имели всего 3 полных генерала: Х.Х. Роop за кампанию 1877-1878 гг., А.Н. Куропаткин за кампанию 1881 г. (Ахалтекинская экспедиция), П.К. фон-Ренненкампф за участие в событиях 1900-1901 гг. (события в Китае). При этом следует отметить, что процент георгиевских кавалеров был несоизмеримо высок по сравнению с двумя другими группами: для полных генералов – 16%; для г.-лейтенантов – 2%; для г.-майоров – 0,4%. В данном случае сказывался «период покоя» эпохи Александра III.

Для г.-лейтенантов анализируемой категории из весомых боевых наград было характерно награждение орденом Св. Владимира IV или III ст. «с мечами» (или «мечами и бантом»), причем даже данную награду имел весьма ограниченный круг офицеров.

По параметру среднего специального *военного образования* нами была проанализирована категория г.-лейтенантов как *наиболее показательная* для демонстрации перехода от «старой» дореформенной модели к новой, окончательно оформившейся к началу XX в. и получившей значительный импульс к дальнейшей эволюции после русско-японской войны. Полученный нами статистический материал представлен в таблице № 6 (см. таб. 6).

Таблица № 6[1]

[1] Список сокращений: ПК – Пажеский корпус, ПВУ – Павловское военное училище, АВУ – Александровское военное училище, КВУ – Константиновское военное училище, МАУ – Михайловское артиллерийское училище, НИУ – Николаевское инженерное училище, НКУ – Николаевское кавалерийское училище.

Особенности образования г.-лейтенантов, числящихся в списках ГШ

Средние военно-учебные заведения	ПК	ПВУ	АВУ	КВУ	МАУ	НИУ	НКУ	Императорские ун-ты (Дерптский, СПб.У)
Кол-во чел.	10	27	20	15	23	11	5	2

Источник: Список Генерального Штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 года. (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 Июля 1914 г.). Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой, 1914.

Таблица демонстрирует, что соотношение выпускников, ориентирующихся на инфантерию и артиллерию, было приблизительно одинаково, что на самом деле было не совсем так. Следует учитывать, что 2-е Константиновское пехотное военное училище получило статус артиллерийского и было подчинено ГАУ только в 1894 г. Таким образом, процент выпускников пехотных училищ в среде г.-лейтенантов являлся превалирующим (62 чел., или 54%). Процент обучавшихся в «технических» военно-учебных заведений (с учетом «пехотного» характера 2-го Константиновского военного училища), в свою очередь, составлял 29% (34 чел.). Наконец, самый низкий процент составляли представители кавалерии (всего 4% - 5 чел.).

Весьма показательным является то, что в указанной группе был сравнительно незначительный процент выпускников ПК (около 9% - 10 чел.), которые предпочитали делать карьеру на базе российской императорской гв., даже применительно к началу XX в.

Примечательно еще и то, что в анализируемой статистической совокупности 12 генералов (10%) при окончании НАГШ получили 2 разряд, что не помешало им впоследствии быть причисленными к ГШ и занимать важные «штабные должности».

Появление «второразрядных» выпускников НАГШ было связано с очередной реформой военного образования 1892 г. Число офицеров, обучающихся в академии на младшем курсе, увеличивалось до 150. На старший курс

переводились все, кто выдерживал переходные испытания, но со старшего курса на дополнительный переводилось только 40 чел., при этом к ГШ причислялись все, кто успешно сдавал экзамены. Все, кто выдерживал испытания, но не входил в число 40 (по бальной системе), получали академический значок и считались закончившими НАГШ по 2-му разряду.

Этой мерой предполагалось поднять образовательный уровень офицерства и способствовать распространению военных знаний. По мнению Лукомского, реформа породила две негативные тенденции: нездоровую атмосферу конкуренции среди старшекурсников и отрицательное отношение к «избранным», попавшим в ГШ. Он подчеркивал: «Эта категория обиженных еще более должна была углубить враждебное чувство строя к Генеральному штабу».[1]

В рассматриваемой нами социальной категории целесообразно также выделить группу *«военных ученых»* и преподавателей НАГШ. Процент этой группы был весьма незначительным.

Так, в группе г.-лейтенантов нами были выявлены 8 «военных ученых» и преподавателей НАГШ: Н.А. Орлов (ординарный профессор с 1894 по 1901 г.); А.А. Зейфарт («заслуженный преподаватель» съемки и черчения с 1909 г.); М.В. Алексеев (заслуженный профессор (с 1904 г.); почетный член ее конференции (с 1908 г.); Б.М. Колюбакин (заслуженный ординарный профессор с 1907 г.); Г.Г. Христиани (заслуженный ординарный профессор с 1913 г.); А.А. Гулевич (заслуженный ординарный профессор и почетный член ее конференции с 1913 г.); Н.А. Данилов (заслуженный ординарный профессор и почетный член ее конференции с 1912 г.); Н.Н. Янушкевич (почетный член НАГШ с 1914 г.). Кроме этого, необходимо отметить 2 начальников НАГШ г.-лейтенантов Д.Г. Щербачева (с 1907 по 1912 г.) и В.Н. Енгалычева (в 1911 г.).[2]

---

[1] Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 68.

[2] Анализ осуществлен на основе Списка Генерального Штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 года. (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 Июля 1914 г.). Петроград, 1914.

В указанной статистической совокупности прослеживается группа офицеров, возглавлявших на отдельных отрезках своей профессиональной деятельности различные военно-учебные заведения (все в звании г.-лейтенанта): Лайминг П.А. – начальник Московского военного училища (1896-1901 гг.) и АВУ (1901-1903 гг.); Колюбакин А.М. – начальник Тифлисского пехотного юнкерского уч-ща (1894-99 гг.); Саранчев А.М. – директор Сумского кадетского корпуса (1905 г.); Войшин-Мурдас-Жилинский Л.П. – директор Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса (1906 г.); Крылов К.А. – начальник Киевского военного училища (1906 г.); Томкеев И.П. – директор Тифлисского в. к. Михаила Николаевича кадетского корпуса (1905 г.).[1]

Применительно к совокупности г.-майоров нами было выделены два ординарных профессора НАГШ: А.Г. Елчанинов (с 13.04.1909 г.) и Д.Д. Сергиевский (с 14.01.1911 г.), а также офицер, занимавший с 26.10.1912 г. должность начальника НКУ, М.К. Марченко.[2]

Примечательна характеристика, данная Лукомским, профессуре НАГШ, периода его обучения в ней (1894-1895 г. г.). Его наблюдения были сведены нами в таблицу, представленную в приложении 9 (см.: приложение 9).

В силу того, что мнение Лукомского опиралось на коллективные наблюдения за особенностями профессионального поведения профессуры НАГШ, предложенные им характеристики носят *в целом* объективный характер. Таким образом, даже самый поверхностный дискурс-анализ позволяет утверждать, что общая атмосфера преподавания в НАГШ была «удовлетворительной» (из 16 упомянутых преподавателей 12 были отмечены как «хорошие» и «талантливые», и даже «маститые» преподаватели и лекторы, «хорошо» или «великолепно» знающие свой курс). При этом очень сложно

[1] Там же.
[2] Там же.

определить *качество* даваемого материала и, как следствие, общий характер и практическую пригодность, получаемых офицерами знаний.

А.А. Игнатьев полагал, что в НАГШ теория превалировала над практикой: «Мы были невеждами в социальных вопросах. В военном отношении наше сознание было отравлено позиционными, пассивно-оборонительными тенденциями. Мы не вполне были ориентированы в современных технических средствах войны».[1] Разница между предложенной теорией и применением знаний на практике обозначалась впоследствии. По крайней мере, Лукомский неоднократно подчеркивал, что «этой самой практики» ему впоследствии катастрофически не хватало и приходилось получать опыт уже в конкретной ситуации.

Значительный интерес в данном разделе нашего исследования представляет система связей офицеров, числящихся в списках ГШ, с российской императорской гв. В современном российском научном сообществе сложилось устойчивое убеждение, что между корпорацией офицеров ГШ и императорской гв. существовала непроходимая пропасть и они являли собой два абсолютно непересекающихся и *даже враждебных* друг другу микромира.

В качестве отправного пункта анализа можно взять параметр службы в императорской гвардии *(параметр 1)*. Вторым индексом следует считать командование отдельными гвардейскими полками *(параметр 2)* или самостоятельными подразделениями (гв. стрелковыми батальонами).

Рассмотрение указанных параметров применительно к выявленной статистической совокупности представлено в приложении 10 (см.: приложение 10).

Анализ вышеозначенного материала позволяет утверждать, что значительное число офицеров, причисленных к ГШ, для получения ценза командовало подразделениями гв. частей (батальоном в пехотном полку). Это являлось необходимым условием для назначения на должность командира полка[2].

---

[1] Там же. С. 108.

[2] Русский Генеральный Штаб. Состав и служба его. Пособие для офицеров старшего класса Николаевской Академии Генерального Штаба. СПб., 1894. С. 57.

Даже в преддверии Первой мировой войны предпочтение при замещении должности командира полка отдавалось гвардейцам (правда, к «гв. достоинству» теперь в обязательном порядке добавлялись военные академии и офицерские школы). В то же время офицеры ГШ имели перед гвардейцами некоторое преимущество как по продолжительности службы в чине полковника, так и по возрасту.

Следует обратить внимание на то, что офицеры ГШ занимали должность командира полка более короткий срок, как правило, 1-2 года[1], и шли дальше «на повышение»: либо «по строевой линии», либо по «линии ГШ». Анализ заполнения вакансий, получивший отражение в статистических отчетах ГУ ГШ, позволяет определить четкую норму замещения командных должностей применительно к офицерам ГШ. Так, в «Докладной записке» по ГУ ГШ от 13.11.1909 г. подчёркивалось: «Установленная очередь назначений указывает на то, что как в кавалерии, так и в пехоте ¼ часть всех командных должностей должна быть предоставлена офицерам ГШ»[2]. В то же время подчеркивалось, что «в более привилегированном положении относительно армейских кандидатов находятся не офицеры ГШ, а гвардейские [*офицеры*], получившие полки несравненно скорее и в более молодом возрасте, чем офицеры ГШ».[3]

Следует отметить, что средний возраст кандидатов, получивших назначение на командные должности в 1906-1909 гг. «от ГШ»[4] составлял:

1)по пехоте: 1906 – 41 г. 10 мес.; 1907 – 41 г. 6 мес.; 1908 – 41 г. 5 мес.; 1909 – 41 г. 9 мес.;

2)по кавалерии: 1906 – 44 г. 1 мес.; 1907 – 41 г. 11 мес.; 1908 – 43 г. 11 мес.; 1909 – 47 г. 6 мес. (по кавалерии показатели были хуже, чем в гвардии).[5]

Примечательно, что соотношение кандидатов на должность командира полка («норма очередей») по гвардии, ГШ и армии составляло: в 1902 г. -

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4698. Л. 2.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 2.
[4] Речь идет о должности командира полка.
[5] Там же. Л. 4.

1:3:3; в 1904 г. - 1:3:3; в 1906 г. - 1:2:3; в 1907 - 1:2:4.[1] Как мы видим, показатели от гвардии были устойчиво стабильны, от армии постепенно росли, а от ГШ, наоборот, упали.

В случае с г.-лейтенантами, причисленными к ГШ по Списку 1914 г. (на 1-е июня), на базе гв. частей «стажировку прошло» 34 офицера (то есть 30%), причем 5 из них до этого в гвардии не служили. В случае с полными генералами число «цензовых» при гв. частях составляло 17 человек (то есть 21%).

Возглавлявший непродолжительное время штаб ГК (с 1889 по 1895 г.) генерал А.П. Скугаревский крайне негативно отзывался как о «практической подготовленности» к ведению боевых действий офицеров ГШ, так и к самой практике «цензового» командования частями, которое весьма существенная группа генштабистов воспринимала как своего рода «неприятную повинность», которую следует отбыть как некое необходимое зло.[2]

По поводу излишней теоретизации лекционных курсов в НАГШ Скугаревкий иронично замечал, что НАГШ готовит своих слушателей «скорее в полководцы, чем для службы в Генеральном штабе». Примечательно, что в отличие от Берлинской Военной академии в НАГШ полностью отсутствовал курс «Службы Генерального штаба», на отсутствие которого генерал указывал еще в 1885 г.[3]

Лукомский констатировал, что в академии практически не отслеживались новые веяния в развитии военного дела.[4] Это при том, что основной процент поступающих в НАГШ, по замечаниям П.Н. Краснова, составляли артиллеристы и саперы. Меньше всего в нее старались поступить кавалеристы (данная ситуация обозначена на середину 90-х гг. XIX в.).[5]

По статистике обучающихся в НАГШ в 1910 г. полковника Э.Э. Шляхтина (закончил НАГШ в 1913 г.), в академии превалировали пехотные офи-

[1] Там же. Л. 28об.
[2] Скугаревский А. Очерки и заметки. // О долге и чести воинской в российской армии: собрание документов, материалов и статей. / Сост. Ю.А. Галушко, А.А. Колесников; под ред. В.Н. Лобова. 2-е изд. М., 1991.
[3] Там же.
[4] Лукомский А.С. Указ. соч. С. 69.
[5] Краснов П.Н. Воспоминания о русской императорской армии. М., 2006. С. 186.

церы, что во многом было обусловлено сохраняющимся крайне низким престижем службы в армейской линейной пехоте и «тяжелой жизнью» пехотного офицера[1].

В то же время сознание обучающихся в академии загружалось информацией из области военной статистики, астрономии, геологии, русского языка (причем на последних предметах слушатели, несмотря на строгий контроль за посещаемостью, зачастую не присутствовали). Знания как правило давались бессистемно, с опорой на примеры войн древности, в лучшем случае – наполеоновских войн.[2] Таким образом, на выходе получался «дилетант широкого профиля», обладавший обширными (но зачастую *поверхностными*), несистематизированными знаниями в различных областях, да еще и с отсутствием практических навыков.

Примечательна оценка действий ГШ генералом Ф.Ф. Палицыным (с 1905 по 1908 г. возглавлял ГУГШ): «Совместных дружных действий не понимают или не хотят понять. Каждый для себя, а общая цель утопает в частностях. А решившись, исполняют технически и тактически кое-как, не вдумчиво. Это болезнь нашего Генерального штаба».[3] И еще одна показательная ремарка: «Не любят высшего генерального штаба, не верят ему, раздражаются против него».[4]

Серьезные сомнения в профессиональных качествах офицеров ГШ высказывал и глава британской миссии в России г.-майор А. Нокс: «Наиболее грамотные офицеры поступали в академию Генерального штаба в слишком молодом возрасте, не успев вникнуть во все тонкости службы в полку и не имея опыта командования большим количеством солдат».[5] Затем, после успешного трехгодичного обучения, они обеспечивали себе «безостановочный» карьерный рост, теряя стимул проявлять инициативу по службе. Через шесть лет после окончания академии офицер ГШ получал звание подполков-

---

[1] Шляхтин Э.Э. Императорская Николаевская военная академия. // http://lepassemilitaire.ru/imperatorskaya-nikolaevskaya-voennaya-akademiya-shlyaxtin/.
[2] Лукомский А.С. Указ. соч. С. 69-70.
[3] Палицын Ф.Ф. Указ. соч. С. 103.
[4] Там же. - С.88.
[5] Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914-1917. М., 2014. С. 21.

ника и потихоньку перебирался со второстепенных должностей в штаб своего округа или армии.

Косвенным подтверждениям низкого профессионализма генералов-генштабистов могут служить «боевые аттестации» за 1914-1918 гг. В аттестации (от 14.11.1914 г.) бывшего «гв. сапера» (1891-1893 гг.) НШ 22-го АК г.-майора Ф.Е. Огородникова отмечалось, что в мирное время он оказался «прекрасным НШК», но «в самое горячее время – во время боев» был не в состоянии справиться с работой[1]. Эта замечание было не единичным: командование армии признавало, что штабной генералитет («мозг армии») оставлял желать лучшего.

Тем не менее отдельным офицерам ГШ удавалось продемонстрировать неплохие профессиональные качества в годы Первой мировой войны. Именно эта группа может быть отнесена к элите русской армии. Примечательно то, что в качестве критерия элитарности А. Нокс выбирает параметр военного профессионализма, что, в конечном счете, разнилось с реальными индексами элитарности.

Параметр «военного профессионализма», возможно, и был применим к британской армии, хотя известный скептик Дж. Р. Сол выдвигает весьма оригинальную теорию, согласно которой курс на «вымывание» из офицерского корпуса национальных армий последней трети XIX – нач. XX в. «военных гениев» являлся общеевропейским трендом. Как следствие, процесс военного академического образования не способствовал появлению гениев. Данный проект можно было обозначить как «военный профессионализм при недопущении гениальности» (да и вообще неординарности в мышлении). По мнению Сола, «наполеоновские авантюры» показали, «что соединение профессионализма и гениальности создает опасных людей». Представители власти «выхолостили саму суть профессионализма: подготовку солдат, способных

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4639. Боевые аттестации за 1914 г. Л. 5об.

побеждать, - и сузили эту суть до таланта бюрократа-организатора».[1] В России этот тренд обкатывался на базе НАГШ вплоть до Первой мировой войны.

Общая тенденция сводилась к тому, что чем меньше думает офицер, тем легче ему даются решения (всю совокупность решений можно свести к математически выверенным схемам ведения боя, изложенным в учебниках), потому что решение в любом случае будет неправильным. Это обусловлено тем, что война на рассматриваемый отрезок времени была лишена логики – она иррациональна по своему внутреннему содержанию. В этом и состояла суть спора между пониманием характера войны и предназначением офицера между Драгомировым и Леером. Последний, как теоретик, считал стратегию наукой и, как следствие, полагал, что и воевать можно «по науке». Драгомиров, как *практик*, считал стратегию искусством, развивающимся на фоне высокой степени непредсказуемости.[2] В конечном итоге, «лееровская» точка зрения утвердилась как некий main-stream.

Примечательно, что авторитет Г.А. Леера в НАГШ к началу XX в. был непререкаемым уже хотя бы в силу того, что он возглавлял НАГШ 9 лет (13.08.1889 - 17.08.1898 г.). Эту должность генерал занял в возрасте 60 лет. Из боевого опыта у Леера остались смутные воспоминания о Крымской войне[3]. Он позиционировался как кабинетный теоретик, в чем, безусловно, проигрывал М.И. Драгомирову, который принимал участие в 4-х кампаниях, причем во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. он *уже* имел звание г.-лейтенанта. Михаил Иванович возглавлял НАГШ с 1.04.1878 г. и вплоть до назначения на эту должность генерала Леера.

В сознании современников Драгомиров остался лихим, деятельностным генералом авантюристичного склада, со «скобелевскими замашками». Леер запомнился «добрым», вежливым «старичком». Генерал Б.В. Геруа

[1] Сол Джон Ролстон. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума не Западе. М., 2007. С. 276-277.
[2] Лукомский А.С. Указ. соч. С. 71.
[3] СГС. СПб., 1903. С. 67.

вспоминал про его «острый и свежий» ум, «превосходную речь» даже в преклонном возрасте.[1]

Итак, к началу XX в. утвердилась «лееровская» точка зрения и на войну, и на воспитание и обучение личного состава.

Следует отметить, что во многом знаковые для русского военного искусства фигуры Драгомирова и Леера на посту начальника НАГШ сменили не менее талантливые офицеры: Н.Н. Сухотин, В.Г. Глазов и Н.П. Михневич.

Наиболее яркой фигурой в этом списке был «грозный и неуравновешенный» генерал Н.Н. Сухотин. Николай Николаевич не являлся «гвардейцем». К ГШ был причислен в 1873 г. Принимал участие в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Из боевых наград имел св. Владимира IV и III ст. с мечами, св. Станислава II, св. Анну II степеней с мечами и золотое оружие. Генерал стоял во главе НАГШ с 17.08.1898 по 14.04.1901 г.

Б. Геруа отмечал, что в период его управления «был обновлен и омоложен учебный состав, введены кое-какие перемены программ и курсов».[2] При Н.Н. Сухотине также «[…] состоялось переименование Николаевской Академии «Генерального штаба» в «Императорскую Николаевскую Военную», что расширяло ее цель: не только готовить офицеров Генерального штаба, но и распространять высшее военное образование во всей толще армии».[3] «Коренной гвардеец» В.Г. Глазов был абсолютно бесцветной фигурой: он ничего «не вводил» и ничего «не выводил». В конечном итоге указанная должность стала для него невмоготу.[4]

Н.П. Михневич был также гв. офицером и 5 лет занимал должность НШ 1-ой ГКД. Его вполне можно назвать учеником и продолжателем дела Леера, но при этом он не отличался «лееровской глубиной».

Итак, в соответствии с «новой», «лееровской» доктриной, штабной офицер должен действовать не так, как этого требуют обстоятельства, а так,

---

[1] Геруа Б.В., генерального штаба генерал-майор. Воспоминания о моей жизни. Т. I. Париж, 1970. С. 126.
[2] Там же. С. 129.
[3] Там же. С. 130.
[4] Там же.

как его учили в академиях и, по возможности, на максимальном удалении от поля боя. В конечном итоге штабной работник нового типа (по определению Дж. Р. Сола, «новый человек») не должен подстраиваться к обстоятельствам. По мнению Сола, «они пытались изменить обстоятельства, чтобы те соответствовали стратегии, а не наоборот».[1] И в этом плане британская армия была ничуть не лучше русской или французской. Подавляющей части генералов от различных академий и штабов «не доставало необходимого для генерала таланта: умения побеждать», так как карьерных высот они достигли исключительно благодаря «своему чувству конструкции».[2] Дж. Р. Сол настаивает, что подавляющая часть генералов являлась посредственностями, избежавшими катастрофы только потому, что буквально завалили противника трупами, при этом «[…] они были совершенно уверены, что так и следует поступать».[3]

Любовь к подчиненным с ограниченным кругозором и весьма посредственными способностями, но с высокой степенью преданности, являлась визитной карточкой высшей российской бюрократией и, в первую очередь, военной. Субординация и слепое повиновение были неотъемлемой частью отношений «начальник-подчиненный» в русской армии еще со времен Петра I и с годами только усугублялись. Даже выдающиеся военные администраторы, подобные военному министру Д.А. Милютину, отличались данной слабостью.

Начальник Главного управления по делам печати МВД Е.М. Феоктистов вспоминал о Милютине как о «молчаливом деспоте».[4] Модель милютинского бюрократического деспотизма несколько смягчилась в эпоху П.С. Ванновского, но ее принципиальные составляющие, связанные с заполнением приближенных к элите должностей «посредственностями», сохранились. Примечательно, что при А.Н. Куропаткине «милютинские практики» были усугублены.

---

[1] Сол Дж. Р. Указ. соч. С. 283.
[2] Там же. С. 289.
[3] Там же. С. 289.
[4] Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 310.

НАГШ, как и большинство ВУЗов империи, давала знания, отставав-шие от времени и, самое главное, бессистемные. Среди ординарных профессоров академии встречались почтенные старцы, ни разу не видевшие поле боя. Именно в этом следует искать одну из причин колоссальных потерь в войне, так как передвижение и боестолкновение войск на штабных картах не имело ничего общего с десятками тысяч убитых на фронтах 1-ой мировой войны. По этому поводу В.П. Кравков писал: «Сами мы себя разбиваем, расточительно расходуя «человеческий материал», не жалея его».[1]

В то же время следует отметить, что определенная часть российского генералитета после совершенных ошибок стремилась переложить вину на обстоятельства, на своих подчиненных или на коллег. Одним из наиболее распространенных приемов являлось «сказаться больным». Кравков отмечал, что после очередного разгрома следовал всплеск недугов среди русских генералов, у одних «повышался сахар и ацетон» в крови, у других «болело сердце», у третьих обнаруживалось «нервное расстройство». «Сиверс по телефону просил Рузского освободить его от командования армией; Рузский чувствует себя больным и очень желает тоже освободиться от командования армиями фронта. В критическую минуту наши вояки, потерявши головы, все не прочь утечь с поля брани. У каждого из них имеются резервные болезни, которые в мирное время не мешают им нести службу и доить казну […] Все наши вожди – фокусники, мазурики и штукмейстеры без капли истинного патриотизма. Отвратительные *твари*!»[2]

Продолжая анализ обозначенной нами статистической совокупности, в качестве еще одного из параметров нами было рассмотрено *командование более крупными гв. соединениями (бригада, дивизия) (параметр 3)*, а также пребывание на должностях НШ гв. бригад и дивизий (параметр 4). Общая статистика указанного параметра представлена в таблице № 7 (см. таб. 7).

Таблица № 7

[1] Кравков В.П. Указ. соч. С. 267.
[2] Там же. С. 125.

Особенности карьерного роста генералов, причисленных к ГШ

Командовали гв. бригадой			Командовали гв. дивизией			Занимали штабные должности в гв.	
полн. ген.	г.-л.	г.-м.	полн. ген.	г.-л.	г.-м.	полн. ген.	г.-л.
1	7	1	5	2	-	6[1]	5[2]
1%	6%	0,4%	6%	2%	-	7%	4%
9 офицеров			7 офицеров			11 офицеров	

Как мы видим, процент офицеров, значащихся по указанному параметру, весьма незначителен. После русско-японской войны меритократические механизмы комплектования армии становятся все более явными. Сегмент реформ, связанных с офицерским корпусом, в конечном итоге должен был привести к росту профессионального и образовательного уровня офицеров, популяризации офицерской службы. С этой целью повышался образовательный ценз при поступлении, увеличивался объем знаний («расширенная программа»), получаемых будущими офицерами, увеличивалось число вакансий для приема офицеров в специальные офицерские школы, возросло жалование офицерам и т.д.[3]

Из НАГШ этого отрезка времени выходили офицеры, делающие карьеру вне ареала аристократических институтов комплектования офицерского корпуса. Примером среднестатистического карьерного роста генштабиста-«негвардейца» может быть А.А. Рябинин (представление об особенностях карьеры дает его «Послужной список…»[4]), который при «новой» модели чинопроизводства и в случае «мира» (при благоприятном стечении обстоятельств) мог вполне дослужиться и до командования гв. бригадой и дивизией.

Таким образом, к началу Первой мировой войны значительная часть генералитета, проходящего по спискам ГШ, была связана с гв. Основная часть полных генералов числилась в гв. полках. Отметим, что зачисление в

[1] Трое – НШ отдельных гв. дивизий; двое – НШ ГК.
[2] Трое - НШ отдельных гв. дивизий; один – НШ войск Гв. и СПб. ВО; один - окружной г.-квартирмистр штаба войск Гв. и СПб. ВО.
[3] Янковский Е. Несколько слов в защиту России и русской императорской армии. // Гроза 1914. Великая война в воспоминаниях очевидцев. / Авт.-сост. О.Г. Гончаренко. – М., 2014. С. 64.
[4] РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.121023. Л.218-226об. Послужной список № 69-079.

списки гв. являлось такой же наградой. Перевод осуществлялся, как правило, «за отличие в мирное время» и «за боевое отличие», как и зачисление в Свиту Е.И.В. или награждение внеочередным воинским званием.

Комплекс источников позволяет составить социальный портрет генштабиста. Это - вчерашний, «несостоявшийся» гвардеец, чаще всего из «коренных», поскольку его предки служили в гв. Он чаще всего покидал гв. ввиду скудости средств. Получив весьма сомнительное «академическое образование», он стремился вернуться в структуры гв. либо штабным работником, либо командиром полка. При этом нужно осознавать, что НАГШ стала еще одним промежуточным звеном карьерного роста, при этом основным «трамплином» по-прежнему оставалась служба в гв.

После русско-японской войны начинается очередной виток реформ, в том числе по пересмотру места гв. в империи, но трансформация эта во многом была связана с деятельностью СГО. Однако она отличалась бессистемностью и непоследовательностью и не могла носить характер устойчивого тренда.

Думается, что военный министр г. В.А. Сухомлинов, в конечном итоге, остановился бы на компромиссным варианте, устроившем и гвардейцев, и генштабистов. К началу Первой мировой войны и тот, и другой институт российской военной машины по-прежнему оставались основными структурами рекрутирования военной и военно-политической элиты. В этой системе Сухомлинов сохранил особое место гв., что видно на примере возрождения боевых традиций: название частей, особенности форм; массив полковых историй, связанных с юбилейной датой победы в отечественной войне 1812 г., отмечаемой сто лет спустя.

Российская гв., являясь опорой престола, даже на фоне роста «популярности академии» не могла сразу уступить свое место элитообразующей и элитосодержащей структуре. Трансформацию гв. следует понимать как временное отступление от традиции и результат «субъективных переживаний» Николая II и воздействия конъюнктурных веяний в армии. В конечном итоге,

российская армия имела устоявшиеся консервативные структуры, которые являлись сдерживающим фактором на пути обновления армии.

Э.Э. Шляхтин отмечал, что накануне войны в академии утвердилась «младотурецкая группа» профессоров, впитавших в себя передовые идеи так называемой «военной школы» ординарного профессора НАГШ полковника Н.Н. Головина, что резко повысило как качество образования, так и престиж НАГШ. После «стажировки» в «Французской высшей военной школе», где он познакомился с управляющим школой подполковником Ф. Фошем и преподавателями А.Ф. Петеном и Э.М. Дебени, полковник попытался найти компромисс между отечественной военной школой и лучшими аналогами зарубежного военного образования, предлагая «в корне» изменить подход к образовательному процессу и его содержанию в России. Именно благодаря Н.Н. Головину в конечном итоге сбылась мечта А.П. Скугаревского: с 1911 г. в академии стал читаться «Курс службы Генерального штаба». Примечательно, что начинания Головина активно поддерживал другой «гвардеец» начальник НАГШ генерал Д.Г. Щербачев.[1]

Шляхтин подчеркивает: «Если бы она («военная школа» Н.Н. Головина) была введена лет на 30 раньше […], победа была бы на нашей стороне».[2]

2.3.Военный Совет и Александровский комитет раненых: «военная геронтократия»

Важнейшим индикатором успешной военной карьеры российского генерала XIX – нач. XX вв., кроме причисления к С. Е. И. В., являлось назначение его членом ВС. Данная структура Военного министерства была образована 1.09.1832 г. для заведования хозяйственной частью военного ведомства

[1] Вершинина И.А. Жизнь и творчество Н.Н. Головина. // Головин Н.Н. Наука о войне: избранные сочинения. М., 2008. С. 4-6.
[2] Шляхтин Э.Э. Императорская Николаевская военная академия. // http://lepassemilitaire.ru/imperatorskaya-nikolaevskaya-voennaya-akademiya-shlyaxtin/.

по «рассмотрению вопросов военного законодательства и хозяйственных вопросов».

В период правления Александра II, несмотря на радикальную ломку системы военного администрирования, ВС сохранил объем своих компетенций практически в неизменном виде (статья 60)[1] Кроме хозяйственных полномочий, на членов ВС возлагали инспектирование войск и военных заведений (статья 69). Решения по отдельным областям своей компетенции ВС представлял непосредственно на «Высочайшее Благоусмотрение» (то есть непосредственно императору), комитету министров и Правительствующему Сенату.

ВС состоял из председателя («председательствующего»), должность которого *во всех случаях* замещалась военным министром, а также членов совета, назначаемых и увольняемых «по непосредственному Высочайшему усмотрению, Высочайшим приказом и указом Правительствующему Сенату» (то есть лично императором).

В Своде военных постановление указывалось, что основные вопросы, выносимые на рассмотрение ВС, обсуждались в Общем Собрании ВС. Делами ВС управлял начальник канцелярии Военного министерства.[2]

В рассматриваемый период времени данную должность занимали: г.-майор А. Ф. Лихачев 1-й (до 1861 г.)[3]; Свиты Е. И. В. г.-майор К.П. фон-Кауфман[4] (1861 - 1865 гг.); г.-лейтенант Д.С. Мордвинов (1865-1881 гг.); г.-майор П.Л. Лобко (1881-1889 гг.); г.-лейтенант А.Ф. Редигер (1898-1905 гг.); г.-лейтенант А.Ф. Забелин (1905-1910 гг.); г.-лейтенант Н.А. Данилов (1911 - 1914 гг.).

С 30.03.1867 г. штатное количество членов ВС составляло 18 чел. Впрочем, данное количество *никогда не соблюдалось*, что демонстрирует таблица № 8 (см. таб. 8).

---

[1] Свод военных постановлений 1869. Издание второе (по 1 января 1893 г.). Часть первая. Военные управления. СПб., 1893. С. 12.
[2] Там же. С. 68.
[3] Список высшим чинам Государственного, Губернского и Епархиального управления. СПб., 1859. С. 55; - СПб., 1861. С. 64.
[4] Там же. С. 62.

Таблица № 8

Общая динамика членов Военного совета 1855-1908 гг.

Годы	Численность членов ВС, включая военного министра	Общее число г.-адъютантов
1855	12	5
1859	21	8
1864	27	9
1869	28	11
1872	28	12
1877	22	13
1880	28	19
1885	26	14
1891	22	8
1897	21	4
1899	28	4
1900	30	3
1901	34	4
1903	35	3
1908	29	2

Источники: Списки высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. СПб., 1855; 1859; 1864; 1869; 1872; 1877; 1880; 1885; 1891; 1897; 1899; 1900; 1901; 1903; 1908.

Следует отметить, что в определенные отрезки времени в рамках ВС действовали отдельные комитеты, члены которых формально были инкорпорированы в его структуру. Д.А. Милютин писал о 5 «главных комитетах»:[1]

1)военно-кодификационный комитет, осуществлявший работы по составлению и изданию свода военных постановлений;

2)главный комитет по устройству и образованию войск;

3)главный военно-госпитальный комитет (главный военно-санитарный комитет)[2];

4)главный военно-тюремный комитет;

5)главный военно-учебный комитет[3].

[1] Милютин Д.А. Дневник 1873-1875… - С.321.
[2] Часть первая. Военные управления.//Свод военных постановлений 1869. Издание второе (по 1 января 1893 г.). СПб., 1893. Ст. 104, 117. С.22.
[3] Милютин Д.А. Дневник 1873-1875… - С.322.

Необходимо отметить, что с 2.01.1869 г. ВС имел *Общее Собрание* и частные присутствия. Общее Собрание составляли члены ВС под председательством министра, частные присутствия состояли из председательствующего и 5 членов ВС. С 20.12.1907, в связи с началом новых преобразований в армии, срок назначения членами ВС был ограничен *4 годами*. Кроме этого, из состава Совета были уволены все члены, которые не посещали его заседаний из-за почтенного возраста и состояния здоровья.[1] Примечателен тот факт, что значительная группа генералов формации Николая I – Александра II умирала, будучи членами ВС. Эта тенденция сохранилась и в периоды правления Александра III - Николая II. Так, при Александре II на «трудовом посту» скончалось 34 из 59 генералов (58%), в эпоху Александра III - 30 из 34 генералов (88%), при Николае II – 48 из 110 генералов (44%).

Как следствие возникает вопрос о продолжительности жизни членов ВС в рассматриваемый исторический период. При Александре II данный параметр составлял – 73 (72,8) года; при Александре III – 71 (71,1) и при Николае II – 72 (72,3) года соответственно. 6 человек (10%) в период правления Александра II состояли в Совете до 80 и более лет. Эпоха Александра III «подарила» совету 5 человек (15%) еще более «древних» законодателей-интеллектуалов г. от инфантерии, в том числе графа В.Ф. Адлерберга (прожил 93 года, просидел в совете 52 года), барона А.Ф. Гана (умер в 86, был членом на протяжении 17 лет) и др. Столько же почтенных старцев - 5 (4,5%) заседали в эпоху Николая II. Общая статистика по указанному параметру представлена в приложении 11 (см.: приложение 11).

Таким образом, совет должен был восприниматься не как государственный орган, в котором заседали выдающиеся интеллектуалы, а как собрание весьма консервативных «мудрецов». В этом плане определение ВС как структуры, сдерживающей модернизацию российской армии, можно считать вполне правомерной.

---

[1] Данные процессы были связаны с попыткой реформировать военное министерство, в первую очередь в кадровом отношении, осуществленной военным министром А.Ф. Редигером.

Документы позволяют проанализировать денежное довольствие членов ВС в 1885 – 1898 гг. Жалование члена ВС в чине полного генерала не отличалось от жалования полного генерала и составляло в среднем 1695 руб. Выплата столовых денег варьировалась в диапазоне от 2000 до 3500 руб. Наконец, выплата добавочных денег носила избирательный характер. Общая статистическая картина представлена в приложении 12 (см.: приложение 12).

Анализ таблицы, приведенной в приложении, позволяет утверждать, что в 1898 г. жалование полного генерала не претерпело существенных изменений: 10 генералов из 21 получали 1695 руб. Размер столовых денег также варьировался в указанном диапазоне. Добавочные деньги получали 10 генералов: 1 чел. (г.-адъютант, г. от инфантерии В.С. Семека) – 4805 руб.; 7 чел. - по 2400 руб., 1 чел. – 1289 руб.; 1 чел. – 1000 руб. Кроме этого, нами был выявлен г. от инфантерии М.П. Данилов, получавший «особо добавочные» деньги (1500 руб.) в дополнение к 2400 руб. добавочных как помощник командующего войсками МВО. [1]

Еще одну важную статью доходов членов ВС занимала годовая аренда. Она, как правило, давалась на 12 лет, а затем в отдельных случаях продлялась на срок до 6 лет. Размер аренды колебался в диапазоне 1500 - 3000руб. Кроме этого, отдельные генералы имели личные земли (г. от инфантерии, г.-адъютант граф А.В. Адлерберг имел в вечном и потомственном владении 6177 дес. 266 сажен земли) и майорат в Царстве Польском (генералы В.С. Семека – ежегодный доход в 3000 руб. и барон Н.И. Меллер-Закомельский – ежегодный доход в 3000 руб.). Кроме этого, некоторые генералы имели пенсии за боевые заслуги, например, георгиевский кавалер генерал А.Д. Подымов (по ордену Св. Георгия IV ст. - 480 руб. и за ранение - 571 руб.[2]), и за «научную деятельность»[3]: генералы О.П. Резвой, Г.Е. Паукер, Г.А. Леер, М.А. Домантович.

---

[1] СГС. Исправлено по 1-е сентября 1896 г. СПб., 1896. С. 68.
[2] Там же. С. 39, 77, 86, 112.
[3] Степень и преподавание, а также расходы, связанные с исследовательской и издательской деятельностью.

Наконец, ряд генералов получал жалование за службу, выполняемую помимо их деятельности в ВС: московский г.-губернатор князь В.А. Долгоруков (60000 руб.), туркестанский г.-губернатора и командующий войсками Туркестанского ВО г.-л. М.Г. Черняев (общее довольствие 23534 руб., из указанной суммы 18000 по должности г.-губернатора[1]) и др.

Проанализируем финансовое положение *председателей* ВС, военных министров на примере Д.А. Милютина (1861-1881 гг.) и П.С. Ванновского (1881-1898 гг.).

Так, граф Д.А. Милютин получал жалование 12000 руб. и 5 тыс. рублей аренды (на 12 лет.). У генерала также имелась в Царстве Польском земля («на правах майората в вечное и потомственное владение», «приносящая доход 4500 р. в год»[2]). Совокупный официальный доход генерала составлял *21500* руб. в год. П.С. Ванновскому выплачивалось 18000 руб. в год. При этом генерал получал значительную сумму денег от аренды, размер которой увеличился в 1865 - 1890 гг. с 1500 до 8000 руб. Таким образом, совокупный официальный доход генерала составлял *26000* руб. в год.

А.Н. Куропаткин, сменивший П.С. Ванновского, также получал содержание в размере 18000 руб. (и 4000 р. с аренды). Совокупный доход: *22000* руб.

Г. от инфантерии А.Ф. Редигер, занимавший пост военного министра с 1905 по 1909 г., получал содержание в размере 19500 руб. (18000 руб. жалование и 1500 руб. за учебную службу) и 2000 руб. аренды. Совокупный доход: *21500 руб.*[3].

Вышеозначенные рассуждения в отношении размера жалованья генералов-членов ВС мы проиллюстрировали сводной таблицей, представленной в приложении 13 (см.: приложение 13).

Возвращаясь к анализу штатного расписания ВС, следует отметить, что новая структура и штат данного государственного органа были узаконены

[1] СГС. Исправлено по 1-е февраля 1883 г. - СПб., 1883. С. 25.
[2] СГС. – СПб., 1889. С. 99-100.
[3] СГС. СПб., 1906. С. 28, 98, 122, 266.

приказами №31 и №733 (от 20.12.1907 г.) по военному ведомству. Тем не менее с 22.09.1909 г. срок работы в Совете был снова увеличен до *6 лет*, а количество штатных членов составило *24 человека*.

За период пребывания у власти Николая II через ВС прошло 110 российских генералов и адмиралов. Для сравнения, в эпоху Александра III (около 13 лет) – всего 34 чел.

Данную социальную совокупность можно условно разделить на 3 группы генералов:

1)начавших службу в ВС при Александре III;

2)периода «до» русско-японской войны 1904-1905гг.;

3)периода «после» русско-японской войны 1904-1905 гг.

Указанные представители военной элиты были военнослужащими разных мировоззренческих формаций. Первая группа несла на себе отпечаток *«мирной эпохи» Александра III и отличалась высоким мировоззренческим консерватизмом*. Несмотря на «героическое прошлое» (некоторые еще застали Венгерский поход 1849 и Крымскую войну 1853-1856 гг.), большинство указанных генералов имело крайне общее представление о вероятном характере военных конфликтов, которые могли ожидать Россию на рубеже XIX-XX вв. По замечанию графа А.А. Игнатьева, к началу XX в. ВС превратился в «складочное место для престарелых и негодных для действительной службы генералов».[1]

Вторая группа сравнительно недалеко ушла от первой, что очевидно сказалось на общем ходе и последствиях русско-японской войны. Примечательно, что в отдельных случаях назначение в ВС обусловливалось «закулисной борьбой», в которой отдельные бескомпромиссные фигуранты, или офицеры обойденные в результате интриг, получали в качестве «утешительного карьерного приза» назначение в ВС. Причем данная тенденция прослеживается вплоть до начала XX в. А.Н. Куропаткин писал в дневнике

[1] Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1948. С. 438.

19.08.1903 г.: «Докладывал государю о несогласии между Субботичем и Алексеевым. Первый подал в отставку. Надо взять его в Военный совет».[1]

Третья группа находилась под воздействием поражения на Дальнем Востоке и, как следствие, реструктуризации военного управления, сопровождающейся процессом его децентрализацией (в данном случае для понимания общих путей развития армии и военный мысли, а также выявления «главных мыслителей-аналитиков» указанного отрезка времени необходим анализ еще одной военной структуры: СГО). Следствием попыток кардинальной ломки «старой системы» военного управления стали «Малая» (утверждена 10.07.1913 г.) и «Большая» (утверждена 22.06.1914 г.) военные программы, осознание необходимости принятия которых, в том числе и членами ВС, пришло слишком поздно.[2]

Если рассматривать общую статистику членов ВС на отрезке правления Александра II - Николая II, то можно сделать вывод о том, что основной их массив был представлен г. от инфантерии – 61%. Количество офицеров в прочих воинских званиях распределялось приблизительно одинаково. При Александре II процент г. от артиллерии значительно выше «прочих» групп генералов (качество образования офицера-артиллериста было существенно выше, чем у пехотных офицеров и офицеров-кавалерии, кавалерия считалась «наименее образованным» родом войск; кроме этого, сам военный министр, Милютин, начинал свою карьеру в артиллерии) – 19%.

В эпоху Николая II возрос процент инженер-генералов. Процент гражданских чиновников и адмиралов[3] в ВС на указанном отрезке времени равнялся нулю.

Общие показатели смотри в таблице № 9 (см. таб. 9).

Таблица № 9

[1] Куропаткин А.Н. Дневник генерала Куропаткина А.Н. М., 2010. С. 153.
[2] Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. М., 2002. С. 514.
[3] Рассматриваемое нами учреждение было изначально ориентировано на решение дел по военно-сухопутному ведомству. Кроме военного, в России существовало морское министерство, при этом неким аналогом Военного совета в данной структуре являлся Адмиралтейств-совет (был образован 24.08.1827 г. и просуществовал до 29.11.1917 г.).

Общая статистика генералов-членов Военного Совета

Император	Воинское или гражданское звание							Всего	Умерло в должности члена ВС
	Г. от инф.	Г. от кав.	Г. от арт.	Г.-л.	Инженер-г.	Адмиралы	Действ. тайный советник/тайных советников		
Александр II	32	5	11	6	2	-	3	59	34(58%)
	54,2 %	9%	19%		3%				
Александр III	21	2	3	6	1	1	-	34	30(88%)
	62 %	6%	9%		3%				
Николай II	67	14	10	13	6	-	-	110	48(44%)
	61 %	13 %	9%		5%				

Источники: Списки высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. СПб.: 1856, 1857, 1858, 1859, 1861, 1864, 1869, 1872, 1877, 1880, 1885, 1891, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1906, 1907, 1908.

Статистический анализ позволил сделать вывод о том, что подавляющая часть членов ВС в той или иной степени была связано с российской императорской гв. На историческом отрезке правления Александра III - Николая II к указанной группе (условно обозначенной генералы-«гвардейцы») можно отнести:

1)офицеров, начинавших службу в гв. полках, но затем перешедших в армейские части; участвующих в боевых действиях и получивших благодаря этому «повышение»; окончивших НАГШ и причисленных к ГШ;

2)офицеров, сделавших карьеру в различных гв. полках и соединениях, вплоть до высшего военного руководства ГК;

3)адъютантов и офицеров для особых поручений при штабах великих князей и других представителей высшей военной элиты.

Анализ статистики периода 1881-1914 гг. показал, что в эпоху Александра III из 34 членов ВС 21 генерал начинал службу в различных гв. полках (62%), при этом 5 человек (как представители особой корпорации) было выпущено в гв. из ПК, 1 из Александровского лицея. 1 адмирал после окончания Морского корпуса начал службу в Гв. Экипаже. 7 генералов (в звании г.-майора) прошло через командование гв. полками (корректнее говорить о 6, так как в период командования г.-майора А.С. Аллера, С.-Петербургский гренадерский п. еще не являлся гвардейским[1]): Своев В.Н. (л.-гв. Гренадерский п., 30.08.1862-15.08.1863 гг.); Свиты Е.И.В. г.-майор Фон Розенбах Н.О. (л.-гв. Павловский п., 17.09.1870-19.03.1877 гг.); Ганецкий И.С. (л.-гв. Финляндский п., 9.06.1856-7.07.1863 гг.); Катенин А.А. (л.-гв. Преображенский п., 11.04.1848-26.08.1852 гг.); барон Меллер-Закомельский Н.И. (л.-гв. Литовский п., 23.11.1855-18.06.1863 гг.); Рааль В.Ф. (л.-гв. Волынский п., 26.08.1863-20.08.1865 гг.); полковник Аллер А.С. (С.-Петербургский гренадерский короля Фридриха-Вильгельма III п., 23.11.1865-9.06.1873 гг.)[2]

Необходимо отметить, что 1 генерал (г.-лейтенант, г.-адъютант (с 1860 г.) Бистром Р.Г. командовал л.-гв. 2 ГПД.[3] Кроме этого, 5 генералов-членов ВС командовали ВО и также начинали свой путь на вершину государственной власти в императорской гв. В данном случае речь идет о генералах: Глинке-Маврине Б.Г. (Казанский ВО, 1872-1895 гг.); Козлянинове Н.Ф. (Киевский ВО, 1872-1892 гг.); Минквице А.Ф. (Варшавский ВО, 1873-1874 гг. и Харьковский ВО, 1877-1882 г.); Розенбахе Н.О. (с 21.02.1884 г. - Туркестанский г.-губернатор и командующий войсками Туркестанского ВО); Никитине А.П. (Виленский ВО, 1886-1891 гг.). Обратим внимание на тот факт, что генерал Крыжановский Н.А. являлся Оренбургским г.-губернатором.[4]

2 министра Двора и Уделов, также являющихся членами ВС, графы А.В. и В.Ф. Адлерберги начинали свою военную карьеру в гв. Оба генерала

[1] Причислен к гв. (и получил права «старой гвардии») с 6.12.1894 г.
[2] См. Память о членах Военного совета. Портреты и биографические очерки. // Столетие Военного министерства 1802-1902 гг. СПб., 1907.
[3] СГС. СПб., 1877. С. 133. Примечателен тот факт, что генерал имел орден Св. Георгий IV ст. за 25 лет (1854 г.) и 4022 дес. 502 сажен земли в вечном потомственном владении.
[4] СГС. СПб., 1877. С. 135.

получили образование в ПК, из которого Александр Владимирович был выпущен в л.-гв. Преображенский п., а Владимир Федорович – в л.-гв. Литовский п.

Что касается эпохи Николая II, то из 110 генералов-членов ВС 58 (53%) могут быть в той или иной степени отнесены к императорской гвардии по следующим параметрам:

1)офицер был переведен в гв. полк или отдельное подразделение после окончания военного училища и прослужил там несколько лет (58 чел.);

2)офицер был переведен в гв. «за заслуги» и командовал гв. полком или более крупными боевыми единицами (бригада, дивизия). Статистика представлена в приложении 14 (см.: приложение 14). В нашем случае это наиболее показательная группа;

3)после окончания НАГШ офицер служил в войсках гв. или ГК на различных штабных должностях.

4)значительная часть генералов-выпускников НАГШ проходила цензовое командование отдельными подразделениями в гв. частях (в 70-е гг. XIX в. данная процедура стала обязательной), чтобы интеллектуалы от военной элиты не теряли связь с реальностью.[1]

Общая совокупность имеющейся в нашем распоряжении статистических данных приводится в приложении 15 (см.: приложение 15).

Из таблицы следует, что по сравнению с эпохой Александра III процент офицеров-членов ВС, сделавших карьеру благодаря службе в императорской гв., *по-прежнему остается достаточно высоким*. В данном случае показательны 2 группы:

1)офицеры, начавшие служить в гв. полках и подразделениях и дослужившихся до звания полковника. При наличии боевых заслуг (представители ВС эпохи Николая II принимали участие в событиях 1848-49 гг., Восточной войне, в событиях 1863-64 гг., в войнах на Кавказе и в Средней Азии, в кам-

[1] Домнин И.В. Национальный замысел коренной военной реформы. // Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. М., 2002. С. 503.

пании 1877-78 гг. и, наконец, русско-японской войне) карьерный рост был значительно быстрее.

Проведенный анализ статистического материала позволяет утверждать, что 92% рассматриваемых нами генералов имели реальный боевой опыт и были награждены различными «боевыми» наградами («с мечами и бантом») или орденом Св. Георгия IV ст. (генералы от инфантерии Н.О. фон Розенбах (1878 г., кроме этого, был награжден «золотым оружием»)[1] и барон Л.Л. Зедделер (с 26.08.1878 г. «получал по ордену» содержание в 480 руб.[2]); г. от кавалерии И.Ф. Тутомлин (был пожалован орденом и «золотым оружием»[3] «за ночной бой под Самовидом с 3 на 4 июля 1877 г.»[4] 8.10.1877 г.).

Были офицеры, принимавшие участи в войнах, которые велись за пределами России, например на Балканах, а также во франко-прусской войне (генерал от инфантерии барон Л.Л. Зеддлер[5]).

2)2 группа офицеров характеризуется тем, что ее представители, прослужив некоторое время в гв. полках, поступали в НАГШ. Значительная часть из них окончила академию по первому разряду и была причислена к ГШ. При этом они продолжали службу при штабе войск Гв. или при штабе ГК. Спустя некоторое время они отбывали ценз в одном из гв. полков, командуя подразделением этого полка, и получали полк (чаще всего армейский). В противном случае они двигались по штабной линии от дивизий до ВО или казачьих войск. Отдельные представители указанной группы в конечном итоге становились командующими войсками ВО (в нашем случае четыре г. от инфантерии и один – «от кавалерии»), наказными атаманами или военными губернаторами (3 г. от кавалерии и 2 - от инфантерии).

Анализ имеющегося в нашем распоряжении фактического материала позволяет сделать вывод о том, что к нач. XX в. «удельный вес» гв. группы

---

[1] СГС. Составлен по 1-е Сентября 1896 г. СПб., 1896. С. 90

[2] Там же. С. 100.

[3] Там же. С. 172.

[4] Очерк истории Лейб-гвардии Уланского Ея Императорского Величества императрицы Александры Федоровны полка. Составлен корнетом К. Александровским. Приложение. СПб., 1896. С. 2.

[5] Был награжден в 1870 г. прусским Орденом Короны 2 степени и в 1871 г. прусским/германским орденом Красного Орла (Roter Adlerorden) 2 степени (в 1872 г. к указанному ордену были «пожалованы» бриллианты).

стал значительно меньше по сравнению с предыдущими историческими эпохами.

Параллельно со снижением «удельного веса» генералов-«гвардейцев» увеличиваются показатели генералов-выпускников НАГШ. Если в эпоху Александра III число генералов-«академиков» составляло 8 человек из 34, то есть 23%, то в эпоху Николая II академию окончили 66 генералов-членов ВС из 110, то есть 60%. При этом из 8 генералов, начинавших карьеру в гв., через НАГШ прошло всего 2 человека (г.-лейтенант М.Г. Черняев: начинал службу в л.-гв. Павловском п.; г. от инфантерии А.П. Никитин начинал службу в л.-гв. Московском п.).

В эпоху Николая II через НАГШ из выпущенных в гв. офицеров прошло 36 человек и еще два выпускника академии были причислены к гв. в последующем. Указанные показатели составляли: от общего числа генералов-«гвардейцев» (58 чел.) 64%; от общего числа генералов-выпускников НАГШ (66 чел.) 55%.

Примечательно то, что генералов-«гвардейцев» выпускников НАГШ оказалось больше генералов-«негвардейцев». Можно с определенной степенью уверенности утверждать, что к началу Первой мировой войны соотношение генералов-«гвардейцев» и генералов-«негвардейцев» в ВС было в пользу 1-ой группы. В то же время достаточно сложно ответить на вопрос, насколько эта статистика оказывала решающее влияние на принятие важных решений по военному ведомству (это было обусловлено наличием различных модальностей «гвардейской» саморефлексии).

Деятельность ВС рассматривалась как положительная и в какой-то мере необходимая. Этот орган был скорее неким «синклитом» от военной среды, члены которого обладали авторитетом в силу своих почтенных лет и возраста, а отнюдь не понимания тех путей, по которым должна развиваться современная армия. К эпохе Николая II в ВС сложился значительный сверхкомплект этих, как их называл военный министр А.Ф. Редигер, почтенных

«старцев, имевших за собой долгую государственную службу».[1] Они фактически устранились от рассмотрения дел по существу и во всем полагались на предложения Канцелярии Военного министерства.

Необходимо обратить внимание на то, что работа по ограничению пребывания офицеров в определенных должностях отдельных родов войска велась целенаправленно. В качестве примера можно привести «Временные правила о предельном возрастном цензе для генералов, штаб- и обер-офицеров, медицинских, ветеринарных и фармацевтических чинов отдельного корпуса пограничной стражи на 1908, 1909 и 1910 годы» от 24.10.1908 г.[2] Так, в соответствии с правилами возраст помощника командира Корпуса не должен был превышать 67 лет, начальников округов – 65, начальника Штаба Корпуса – 60, заведующих частями Управления Корпуса в чине г.-лейтенанта – 63, командиров бригад – 60 и т.д.[3]

Уволить «простого» генерала было значительно легче. Например, А.Ф. Редигер не брезговал «пугать» «обанкротившихся» в профессиональном плане генералов служебным несоответствием и даже судом, предлагая им в качестве альтернативы «почетную» отставку.

Подобная практика прослеживается в масштабах всей армии. Проблема была в том, что распространить ее на высший генералитет не представлялось возможным. Почтенные «старцы», имеющие и боевой опыт (отмеченный «Георгием» или «Владимиром с мечами»), и опыт военного администрирования, и свитские звания буквально бились за место в ВС, АКР, а, зачастую, и за место в ГС и Сенате, а при выходе на пенсию «выпрашивали» себе звания полных генералов.

Военный министр А.Ф. Редигер нацелился если не на существенное омоложение ВС, то, по крайней мере, на выведение из его состава наиболее «дряхлых» и недееспособных генералов (максимально предполагалось сократить совет на 30 генералов и довести его до положенных по штату 18 чле-

[1] Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. Т. I. М., 1999. С. 485.
[2] ПСЗРИ, 1908 г., № 31082. С. 769.
[3] Там же.

нов). И это ему в какой-то мере удалось.[1] Но в процессе этой деятельности он нажил себе громадное количество врагов, в том числе и в лице вдовствующей императрицы (великой княгини Марии Федоровны), к которой почтенные «старцы» «бегали» за протекцией.[2]

Все сказанное в отношении ВС может считаться справедливым и для еще одного органа, максимально приближающегося по своему содержанию и месту в системе военного аппарата последней трети XIX в. к характеру «синекуры». В данном случае речь идет об АКР.

Данный орган был основан Александром I в день годовщины боя под Кульмом 18.08.1814 г. В Высочайшем приказе[3] Армиям отмечалось: «Обязанностью Комитета сего будет, принимать просьбы, пещись о составлении возможного вспомоществования неимущим изувеченным».[4]

12.12.1877 г. «Комитет…» был переименован в «Александровский Комитет о Раненых».[5] В Своде военных постановлений 1869 г. в редакции 1893 г. определялся круг компетенций «Комитета…», среди которых было покровительствовать раненым, «определять в учебные заведения детей офицеров», осуществлял контроль над военными богадельнями, благотворительными учреждениями и т.д.[6].

В состав АКР входили Председатель (известны случаи назначения Вице-председатель: так, в 1897-1901 гг. эту должность занимал г.-адъютант, адмирал граф Л.Л. Гейден[7]) и члены, назначаемые по «Особому назначению» (п. 561). Число членов было не ограничено. Кроме этого, в АКР состояли главные начальники военных округов (командующие войсками в военных

---

[1] При этом уволенным «старикам» была назначена пенсия в 6000 руб. и единовременное пособие в 1500 руб.; также они получили право ношения формы.
[2] Редигер А.Ф. Указ. изд. С. 496.
[3] По «Приказу…» Комитет состоял из: г.-адъютанта г. от кавалерии Ф.П. Уварова, г.-лейтенантов графов П.А. Строганова и П.В. Голенищева-Кутузова и г.-майоров А.А. Закревкого и Н.М. Сипягина. Доклады из Комитета подавались через генерала от артиллерии графа А.А. Аракчеева.
[4] Высочайший приказ Армиям № 25.642. // ПСЗРИ, с 1649 года. Т.XXXII. 1812-1815. СПб., 1830. С. 876.
[5] «О присвоении Комитету о Раненных титула Александровского и об устройстве судьбы раненных в Царствование Императора Александра I воинов и их семейств». // ПСЗРИ. Собрание второе. Т.LII. Отделение второе 1877 год. От 57529-58047. СПб., 1879. С. 302.
[6] Раздел третий. Александровский комитет о раненных. // СВП, 1869. СПб., 1893. П.557-579. С. 122-123.
[7] Список высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. Исправлен по 15 Мая 1899 года. СПб., 1899. С. 118.

округах) и генерал-губернаторы (п. 561). Особо отмечалось, что в своих действиях «Комитет…» подчинялся «непосредственно Верховной власти» (п. 560). Генерал А.Ф. Редигер отмечал: «Члены Военного Совета и Комитета о раненных считались непосредственно подчиненными непосредственно государю и до того времени никогда не увольнялись…»[1]

С деятельностью АКР был связан ряд финансовых скандалов, сопряженных с хищением средств на астрономическую для 2-ой половины XIX в. сумму (более 1 млн. руб. серебром[2]).

Вторая проблема была связана с постепенной трансформацией АКР в подобие «синекуры». В силу того, что число членов рассматриваемой структуры было не ограничено, наблюдался постепенный рост данной группы офицеров. При этом в АКР оказался значительный массив очевидных пенсионеров: по замечаниям А.Ф. Редигера, «старцев, имевших за собой долгую государственную службу». Данное замечание может быть проиллюстрировано статистическим материалом, представленным в таблице № 10 (см. таб. 10)[3].

Таблица № 10

Общая статистика членов АКР за 1814-1908 гг.

	1814	1885	1891	1899	1903	1906	1908
Г.-фельдмаршалы	-	2	1	1	1	1	1
Г.-адмиралы	-	1	1	-	-	-	-
Г. от инфантерии	-	11	11	5	11	5	5
Г. от кавалерии	1	3	3	2	4	1	4
Г. от артиллерии	-	3	-	2	7	-	4
Адмиралы	-	2	2	2	1	1	-
Инженер-генералы	-	-	-	1	3	1	1
Г.-лейтенанты	2	5	1	3	6	11	1
Вице-адмиралы	-	1	1	2	2	-	-
Г.-майоры	2						
ВСЕГО:	5	28	20	18	35	20	16
Г.-адъютанты	1	11	6	4	2	1	1

[1] Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 487.
[2] Сумма растрат и хищений составила 1108546 руб. 1¾ коп.
[3] Источники: Списки высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. СПб., 1885, 1891, 1899, 1903, 1906, 1908 (соответствующий раздел).

В «Комитет…» также входили: 1)командующие войсками в военных округах и 2)генерал-губернаторы

Следует отметить, что начиная с 12.02.1892 г. АКР возглавлял г.-фельдцейхмейстер в. к. Михаил Николаевич, к началу XX в. человек уже далеко не молодой. Он собрал вокруг себя в АКР достойных генералов, с которыми в основной своей массе либо служил на Кавказе, либо был лично знаком по службе в артиллерии и инженерных войсках.

При нем в АКР резко возрос процент «артиллеристов» и «инженеров». Если в 1899 г. в составе постоянной группы членства их было 4 чел. (22%), то в 1903 г. эта группа увеличилась до 14 чел. (40%)[1]. Таким образом, число представителей рассматриваемой группы выросло в 2 раза всего за 4 года. Для примера, в 1885 г. в составе постоянной группы АКР было всего 3 генерала от артиллерии (и г.-фельдцейхмейстер) и ни одного инженер-генерала (из 28 чел.).[2]

К моменту начала реорганизации АКР, 1906 г., в. к. Михаилу Николаевичу было 74 года. Примечательна ремарка начальника германского Генерального штаба Х. фон Мольтке-младшего, который после беседы с в. к. в 1897 г. «чувствовал себя так, словно *читаю старинный дневник, годов этак шестидесятых*, когда Пруссия и Россия еще шли по миру рука об руку, как два веселых студента, выпившие на брудершафт и задирающие всех, кто попадется на пути».[3] Фон Мольтке показалось, что в. к. застрял в 1860-х. Данная оценка выводит нас на следующий уровень анализа: проблему возрастного состава и как следствие работоспособности АКР.

Если анализировать возрастной состав членов АКР, наиболее интересная картина прослеживается в 1903 г., когда численность членов достигает рекордной цифры в 35 чел. Важное значение приобретает мотивация пребывания того или иного генерала в АКР. Очевидно, что генерал А.Ф. Редигер не

[1] Список высшим чинам Государственного, Губернского и Епархиального управлений. Исправлено по 15 Марта 1903 г. СПб., 1903. С. 115-119.
[2] Список высшим чинам Государственно, Губернского и Епархиального управлений. СПб., 1885. С. 95-97.
[3] Мольтке Х. фон. Русские письма. СПб., 2008. С. 78-79.

совсем прав, заявляя, что к 1905-1906 гг. в АКР находился значительный процент «случайных людей». При анализе основной группы членства (35 постоянных членов, исключая командующих войсками в военных округах и г.-губернаторов) мы получили следующую статистическую картину[1]:

1)к моменту реформы в АКР находились преимущественно заслуженные боевые офицеры, имевшие опыт 2-х и более войн. Общее представление о лицах указанной социальной категории дает таблица в приложение 16 (см.: приложение 16).

В1903 г. в АКР состояло 12 георгиевских кавалеров. Примечательно, что дающий экспертную оценку предстоящему сокращению численности АКР генерал Рихтер предлагал оставить в его составе только георгиевских кавалеров.[2]

2) в то же время возраст членов АКР можно оценить как «критический». Возрастные особенности офицеров АКР представлены в таблице 11 (см. таб. 11).

Таблица № 11

Возрастной люфт членов АКР

Возрастной люфт	От 80 до 89 лет	От 70 до 79 лет (с 75 лет «старческий возраст»)	От 60 до 69
Количество человек, соответствующих люфту	5	15 (трое старше 75 лет)	15
Процентное соотношение	14%	43%	43%

Таким образом, средний возраст членов АКР в 1903 г. (исходя из анализа таблицы представленной в приложении 16) составлял 71,2 года. По ряду оценок экспертов в области возрастной психологии, средняя продолжительность жизни европейца середины XIX в. составляла 44 года. В начале XX в. она приближается к 60 годам.[3] Таким образом, современные оценки «старо-

[1] Анализ статистических данных опирается на СГС. СПб., 1903.
[2] Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 492.
[3] Шаповаленко И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). М., 2005. С. 308.

сти» далеко неоднозначны и серьезно диссонируют с оценками рубежа XIX-XX вв.

В соответствии с классификацией Европейского регионального бюро ВОЗ, старость наступает с 75-летнего возраста.[1] Отечественные геронтопсихологи выносят следующий вердикт старости: «Болезненный характер физического увядания определяет форму психического старения и в целом психическую жизнь…».[2] Наблюдается эффект «старческого эгоизма», желания «жить» и «выживать» любой ценой, определения собственной значимости по *заслугам предыдущей жизни*, т.е. жизни до старости (в противном случае при отсутствии сверхдуховных ориентиров жизнь человека предстает, либо как вегетативная, либо как абсолютно бессмысленная). Данная тема крайне важна, так как *человек в военном мундире*, в отличие от «штатского», измеряется исключительно количественными показателями: количеством звезд на погонах, достигнутым званием, почетными регалиями и орденами. «Старики» усиленно апеллируют к тому, что общество должно, более того, обязано уважать их заслуги.

Именно на этот аспект проблемы указывает А.Ф. Редигер. При увольнении на пенсию отдельных членов Военного Совета и АПР он столкнулся с различного рода «старческими реакциями»: отдельные генералы требовали, чтобы их уволили только по суду; другие апеллировали к своим заслугам, которые делали общество им обязанным до гробовой плиты; третьи выпрашивали мундир и повышенную пенсию; четвертые просто жаловались, при этом доходили до императора и вдовствующей императрицы. Только после того, как «стариков» откровенно припугнули («военный министр показал свою силу»), они ослабили натиск.[3]

Таким образом, неудовлетворительная оценка А.Ф. Редигера работоспособности членов АКР представляется объективной. В целом, если бы не

[1] Там же. С. 313-314.
[2] Там же. С. 325.
[3] Редигер А.Ф. Указ. соч. С.495.

активная работа «Канцелярии» АКР, скорее всего был бы неработоспособным органом.

3)Еще одной серьезной проблемой («обременительной для бюджета») становилось содержание членов АКР. Желая защитить «стариков», *а скорее под давлением «свыше»*, А.Ф. Редигер, как уже отмечалось, назначил им пенсию в размере получаемого в АКР жалования (6000 руб.).

После начала преобразований, осуществляемых СГО, численность АКР значительно сокращается, появляется больше работоспособных генерал-лейтенантов. После назначения военным министром генерала В.А. Сухомлинова число штатных членов комитета было определено в 10 чел.

С началом правления Александра III Канцелярию возглавлял тайный советник М. А. Пещуров при помощнике действительном статском советнике И.П. Тихомирове. С 19.04.1892 г. Канцелярию возглавлял действительный статский советник (с 1894 г. - тайный советник), выпускник С.-Петербургского Императорского университета И.Ф. Оношкович-Яцына. В указанной должности он оставался вплоть до своей смерти, произошедшей в 1913 г.

Таким образом, в случае с генералитетом АКР мы имеем дело с неким подобием «геронтократии», представлявшей собой особый род псевдоэлиты, практически не влияющий на военную политику. Возраст «почтенных старцев» не позволял им принимать участие даже в вопросах, касающихся компетенций АКР.

В то же время в составе «Комитета…» мы встречаем достаточное число выдающихся представителей российского генералитета. Поэтому в условиях модернизации военного ведомства вставал вопрос о том, как относится к обладателям регалий и авторитета, чей опыт и знания были малопригодны как для развития военного искусства, так и для военного администрирования. Можно утверждать, что к началу XX в. данная структура являлась очевидным пережитком «аристократического прошлого».

С определенными оговорками следует идентифицировать данную структуру как привилегированную «государственную богадельню» для наиболее заслуженных, но уже лишившихся былого влияния генералов, «осуществляющую контроль» над прочими «военными богадельнями».

Суммируя вышеизложенные соображения, постараемся сформулировать общий вывод.

Высший слой военно-политической элиты Российской империи включал в себя выходцев из великокняжеской среды и «именитых» аристократических родов, а также отдельных представителей «рядового генералитета», снискавших себе славу либо на полях сражений, либо сделавших карьеру на военно-административной или придворной службе.

Можно утверждать, что военная служба для великих князей, начиная с наследника престола, являлась обязательной и в какой-то мере безальтернативной. Таким образом, Романовы являлись сугубо военной династией (в основной своей массе составлявшей особый сегмент российского генералитета), во многом определившей «особый путь» развитие российского государства (в политической, социальной, экономической, культурной сферах) как «военной машины». Даже к началу XX в. степень милитаризации общества была крайне высока, что предопределяло неоднозначную роль военного человека в нем. Подобного рода соображения вполне справедливы и в отношении отдельных представителей аристократических родов, приближенных к Престолу. Несмотря на то, что к началу XX в. аристократический принцип рекрутирования элиты начал претерпевать изменения, роль «военной аристократии», как называл ее Ч. Миллс, «военной знати», была по-прежнему крайне высока. При этом качество «военной знати» оставляло желать лучшего. Это было обусловлено не только ее психическими и интеллектуальными особенностями, но и отсутствием социальной и профессиональной конкуренции в силу «закрытого характера» высших социальных слоев.

В то же время следует отметить, что уже к эпохе Александра III начинает оформляется новый тип военного: «военный интеллектуал». Данный

процесс был обусловлен ростом техногенной и наукоемкой составляющей современной войны, а также резким увеличением численности армии, для которой требовалось гораздо больше офицеров «нового типа». Подготовка «военных интеллектуалов» возлагалась на НАГШ и со временем приобрела обязательный характер как элемент карьерного роста (что снизило и без того изначально невысокое качество преподавания в академии). ГШ становился структурой, координирующей деятельность вышеуказанной социальной категории.

Связующим звеном между «военной аристократией» и офицером «нового типа» оставалась императорская гв. Она являлась очевидным рудиментом прошлого, но противопоставить ей в силу особого места не только в военной машине, но и в управлении государством, а также рекрутировании элит, было нечего. После окончания кампании 1904-1905 гг. прослеживается очередной виток реформ, в том числе по пересмотру места гв. в империи. Однако преобразования осуществлялись бессистемно и не носили характер устойчивого тренда.

При анализе военно-политической элиты нельзя обойти стороной деятельность ВС и АКР. Необходимо обратить внимание на то, что если ВС играл ощутимую роль в процессе разработки и внедрения в жизнь отдельных проектов, связанных с различными областями «военного дела», то АКР представлял собой некое подобие «богадельни» для престарелых генералов. Деятельность ВС, вплоть до эпохи Николая II, была крайне затруднена, а зачастую сознательно торпедировалась «членством» в нем в прямом смысле слова «дряхлых» генералов, не способных на продуктивную интеллектуальную деятельность. В случае с АКР мы можем утверждать, что возраст «почтенных старцев» не позволял им принимать участие даже в вопросах, касающихся компетенций АКР. В данном случае мы имеем дело с неким подобием «геронтократии», представлявшей собой особый род псевдоэлиты, практически не влияющей на военную политику страны.

Таким образом, можно утверждать, что военно-политическая элита имела очевидный многослойный, но в то же время «закрытый характер» и несла на себе отпечаток социогенеза прошлых эпох. Процесс ее модернизации, а скорее перерождения шел крайне медленно и, как следствие, оказывал негативное влияние и тормозил процесс эволюции российской армии.

Анализу основной проблемы диссертационного исследования, генералитета российской императорской гвардии, как важнейшего сегмента «военной элиты» посвящена *3-я глава работы*.

ГЛАВА 3

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ ГВАРДИЯ - ОСНОВНАЯ «ЭЛИТООБРАЗУЮЩАЯ» СТРУКТУРА

В данном разделе предпринимается анализ Гвардейского корпуса как самодостаточного сегмента российской военной машины: анализу подвергается структура, механизмы функционирования отдельных институтов и образований, особенности офицерства (социальное и мировоззренческое пространство). При этом основной целью анализа является определение гвардии как «элитообразующей»/«элитогенерирующей» среды, формирующей особый стиль поведения и базовые структуры сознания в рамках присущей для нее механизмов социализации и, в целом, характерных для представителей военно-политической и военной элиты империи в формате специфических групп членства. В ходе анализа выявляется неоднородный, иерархизированный характер отдельных структур ГК. Как следствие, проводится исследование общего и особенного.

В ходе анализа выявляется компонент неконвенциональных образований (гв. казачества, гв. стрелков, с определенными оговорками - гв. артиллерии), определяющих специфику российской гвардии и являющихся своеобразным ответом на социальные вызовы, связанные с уникальным характером политической и культурно-исторической конъюнктуры развития России.

Количественный и качественный анализ изменения социального состава офицерского корпуса рассматриваемых образований посредством замера выбранных переменных величин для выявления социального образа, анализ социокультурного пространства позволяет встроить полученную информацию в рассмотрение функционально и социально определяемых систем элиты. При этом подчеркивается уникальный характер российской гвардии по отношению к аналогичным институтам европейских стран. В то же время предпринимается попытка определения гвардии как отдельного (в какой-то

мере самостоятельного) института военно-политической власти империи и ее особого места в структуре этой власти.

3.1.Императорская гвардия как институциональная среда

К концу XIX – нач. XX в. российская императорская гв. была отнюдь не уникальным явлением. Гв. как отдельный сегмент военной машины продолжала «доживать» свой век во всех крупнейших монархиях Европы: Британской, Германской и Австро-Венгерской империи. Состояние данного сегмента армий представлено в приложении 17 (см.: приложение 17).

Очевиден тот факт, что в указанных армиях гв. отслужила свой век и скорее воспринималась как некое «церемониальное войско», являющееся атрибутом исторически сложившейся военной традиции. В Германской империи, по мнению историка В. Гёрлица, она воспринималась как «анахронизм»[1] еще в 70-е гг. XIX г. и, как следствие, нуждалась в модернизации, которая должна была уравнять ее с частями регулярной армии. К нач. XX в. гв. полки германской армии отличались от армейских частей только названием и элементами парадной военной формы.

Следует также учитывать, что в германском офицерском корпусе процент представителей недворянских сословий был значительно выше, чем в Российской империи (в Германском ГШ образца 1821 г. из 18 офицеров, 5 были незнатного происхождения[2]; военная наука породила тип «профессионала», при этом происхождение перестало играть решающую роль). Значительный процент был также представлен «обедневшим, безземельным дворянством»[3], что порождало жесткую конкуренцию межу аристократическим компонентом офицерского корпуса и всеми остальными. Это во многом объясняло постепенный рост авторитета Германского ГШ и падение авторитета гвардии. Офицерский корпус по-прежнему оставался похожим на «малень-

[1] Гёрлиц В. Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657-1945. М., 2005. С. 55.
[2] Там же. С. 64.
[3] Там же. С. 61.

кую аристократическую республику», но к концу XIX в., как писал В. Гёрлиц, пришло время «[…] узких специалистов, людей ограниченных, более податливых к восприятию националистических идей, чем старое поколение офицеров, которым были ближе великие идеи их времени».[1]

Таким образом, к нач. XX в. наиболее многочисленной и во многом определяющей общее состояние вооруженных сил оставалась только российская гвардия. На отрезке правления императоров Александра III - Николая II основная часть гв. частей была сосредоточена на территории СПб. ВО и подчинялась командующему указанным ВО, который, кроме этого занимал пост командующего войсками Гвардии.

Решение о создании СПб. ВО было принято на основе приказа военного министерства № 228 от 10.08.1864 г. С момента образования на территории округа были размещены следующие воинские соединения: ГК, 22-я и 24-я пехотные дивизии, отдельные подразделения, Кронштадтская и Петропавловская крепости. Общая численность войск корпуса составляла 48 эскадронов, 72 батальона и 112 пушек.

Следует отметить, что при ГК еще в 1862 г. действовала «Комиссия для улучшения по воинской части», позднее преобразованная в «Специальный комитет по устройству и образованию войск» со временем вошедший в состав военного министерства. Данная структура принимала самое активное участие в разработке реформ и решала вопросы, связанные с полковым хозяйством, довольствием, снаряжением, обмундированием войск. При этом гв. являлась своеобразным полигоном апробации основных нововведений. Председателем вышеозначенных структур являлся в. к. Николай Николаевич-старший.[2]

Командующий войсками округа обладал правами командира корпуса, - статус приравниваемый к должности командующего армией. Он также фак-

[1] Там же. С. 72.
[2] Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина 1860-1862. М., 1999. С. 464.

тически выполнял обязанности военного г.-губернатора и начальника внутренней стражи.

Функция общего руководства возлагалась на Военно-окружное управление, включавшее в себя: военно-окружной совет; окружной штаб; 5 окружных управлений: артиллерийское, инженерное, интендантское, военно-медицинское, управление начальника местных войск (также являлся инспектором военных госпиталей).

Штаб СПб. ВО во главе с г.-лейтенантом графом А.И. Бреверн де ла Гарди[1] («[…] (23 Июня 1862 г.) назначен начальником штаба Гвардейского корпуса, а по упразднении этого штаба назначен, 10 Августа 1864 г., начальником штаба войск Гвардии и Петербургского округа»[2]) был пересоздан из штаба Отдельного ГК. Командующим войсками Гв. и СПб. ВО первоначально был назначен в. к. Николай Николаевич-старший (совмещал сразу три должности: г.-инспектора инженерной части, г.-инспектора кавалерии и командующего войсками Гв. и СПб. ВО).

Необходимо отметить, что на конец XIX - нач. XX вв. российская пехота была представлена 52 дивизиями, 14 стрелковыми бригадами, 8 отдельными финскими батальонами и 31 линейным батальоном. Из 52 дивизий 3 были гв., 4 - гренадерскими и 45 - армейскими. Во всех дивизиях, кроме одной, было по 4 полка (в одной 5 полков). Полк делился на 4 батальона, батальон - на 4 роты.[3]К началу XX в. в России насчитывалось 209 полков. Из них 12 принадлежало к гв., 181 были армейскими полками и 16 гренадерскими.

В кавалерии насчитывалось 23 дивизии, из них 2 гв., 15 армейских, 1 сводная, 1 кавказская и 4 казачьих. Помимо этого были сформированы 2 отдельные бригады. На 1910 г. в кавалерии существовало 67 полков, из них 10

[1] Бреверн-де-Лагарди. «Остзеец». Происходил из Эстляндской губернии, из прусского рода, ведущего родословие с XVII в. (род внесен в матрикул в 1694 г.). После окончания в 1831 г. МАУ начал службу в гв. конной артиллерии. С 1851 по 2.04.1861 г. командовал л.-гв. Кавалергардским п. С 1855 по 1861 г. командовал 1-й бр. гв. кирасирской дивизии. С 1861 по 1862 г. – начальник 1-ой ГКД. С 1864 по 1865 гг. – НШ войск Гвардии и СПб. ВО, а с 1879 по 1888 г. – командующий Московского ВО. С 30.08.1879 г. - член ГС. Умер в звании г. от кавалерии в Гапсале 20.03.1890 г. в возрасте 76 лет. (*Источник:* Сборник биографий кавалергардов. 1826-1908… - С. 192-193).

[2] Сборник биографий кавалергардов. 1826-1908… - С. 192.

[3] В батальоне было 16 офицеров, 80 унтер-офицеров и 808 рядовых (см. Бескровный Л.Г. Русская армия в начале XX в. М., 1976. С. 19).

гв., 21 драгунский, 17 уланских, 18 гусарских, 1 казачий, 29 дополнительных драгунских. В кавалерии того периода было 22 дивизии и 2 отдельные бригады. Таким образом, кавалерия насчитывала 93 полка регулярной конницы и 19 полков иррегулярной - 112 полков, или 658 эскадронов[1]. Кавалерийская дивизия обычно включала в себя 2 бригады, каждая по 2 полка (1 ГКД состояла из 3 бригад по 2 полка). В каждом полку было по 6 эскадронов (в гв. - по 4 эскадрона плюс учебная команда)[2].

По оценкам Германского ГШ, начиная с 1911 г., шел постоянный рост численности русской армии (ежегодный набор 455000 чел., общая численность 50 тыс. офицеров и 1225000 нижних чинов (без пограничной стражи)). Летом 1913 г. численность армии увеличилась еще на 75 тыс. человек, что позволило сформировать три новые дивизии.

Подготовка русской армии оценивалась германскими экспертами *крайне низко*. Отмечалось, что «русские начали изучать иностранную военную литературу и уставы, в особенности немецкие, развивая в себе здоровые военные взгляды», но при этом «новейшие русские уставы в общем соответствовали нашим и противодействовали вкоренившимся в армию недостаткам, но выучка русской пехоты нами рассматривалась как массовая дрессировка»[3]. Эти оценки германских экспертов распространялись и на русскую гв., с боевой подготовкой которой германское командование было достаточно хорошо знакомо.

Общие замечания и по армейскому, и по гв. офицерству выглядели следующим образом: «Офицеры обладают личной отвагой, но у них нет чувства долга и ответственности. Необходим постоянный контроль старших начальников всюду и во всем, чтобы не допустить всяческого рода служебных непорядков. Преимуществами русских офицеров являются хладнокровие и крепкие нервы, не сдающие даже в самых затруднительных положениях.

---

[1] Там же. С. 20.

[2] По штату мирного времени в пехотном полку было 1,9 тыс. человек, в военное время - 4 тыс. человек. В кавалерии в военное время - около 1 тыс. человек и 900 солдатских лошадей.

[3] Куль Г. Германский генеральный штаб. М., 1922. С. 67-68.

Но русский офицер очень любит личные удобства, вял физически и умственно, несамостоятелен и беспомощен при внезапных событиях»[1].

Императорская гв. занимала в военной машине Российской империи особое место. К началу Первой мировой войны войска гв. были сведены в отдельный корпус, формирование которого продолжалось, начиная с воцарения последнего русского императора. После милютинской реформы в стране сохранилось четыре корпуса: ГК, Гренадерский, Оренбургский и Сибирский.

Формально в состав корпуса входили отдельные гв. части, квартирующие в Польше. Командующим войсками округов подчинялись все дислоцированные на территории округов части и подразделения, за исключением артиллерии. Следует отметить, что в результате предпринятой ведомственной реорганизации штаб СПб. ВО был сформирован на основе штаба Отдельного ГК. Историю ГК следует вести с 1812 г., когда войска гв. на основе «Положения об управлении большой армией», принятом в январе 1812 г., были включены в состав 5-го корпуса. Корпус возглавил цесаревич в. к. Константин Павлович (первые пять корпусов были созданы еще в 1810 г.). ГК принял участие во всех крупных сражениях 1812-1814 гг.

Соответственно, первым лицом штаба (должности НШ корпуса в тот промежуток времени предусмотрено не было) корпуса был обер-квартирмейстер корпуса полковник Ф.Я. Эйхен-II. Штат штаба ГК был утвержден только в 1814 г. Первым «штатным» НШ ГК стал г.-м. Н.М. Сипягин. Только в декабре 1829 г. корпус стал именоваться Отдельным ГК. 3.02.1844 г. Отдельный ГК был объединен с Гренадерским корпусом. Во главе нового образования был поставлен в. к. Михаил Павлович, а с 1849 г. корпус возглавил наследник престола Александр Николаевич. Разделение корпусов произошло в августе 1856 г. Тогда же был установлен штат управления Отдельного ГК.

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 505. Л. 244 (Русская армия 1913. Из секретной докладной записки Германского Большого ГШ).

При проведении военно-окружной реформы штаб Отдельного ГК стал основанием для штаба СПб. ВО. Впоследствии указывалось, что штаб Отдельного ГК «[…] в полном составе превратился в штаб войск гвардии и Петербургского военного округа. В штабе бывшего Отдельного гвардейского корпуса все, кроме названия, осталось без изменения…»[1]. 10.08.1864 г. званием (и должностью) командующего СПб. ВО и войсками Гв. был пожалован в. к. Николай Николаевич-старший.[2] Деятельность в. к. на посту командующего новым образованием рассматривалась как «успешная» уже на начальном периоде.[3]

Общее представление об эволюции структуры императорской гв. в рамках ее отдельных частей и подразделений на отрезке 1807 (с 1807 г. в гв. было введено деление на дивизии) - 1878 гг. дает таблица в приложении 18 (см.: приложение 18).

Анализ указанной таблицы позволяет говорить о том, что в 1878 г. л.-гв. Саперный батальон, Гв. Экипаж, л.-гв. Резервный пехотный п., Собственный Е. В. Конвой, л.-гв. Жандармский эскадрон в состав пехотных и кавалерийских гв. дивизий не входили. Стрелковые батальоны составляли особую Гв. стрелковую бригаду. Гв. артиллерия составляла 3 пеших и 1 конно-артиллерийскую бригады.[4]

Следует отметить, что в своем окончательном виде ГК был образован 20.08.1874 г. (заявленная архитектура корпуса сохранялась до начала Первая мировой войны: именно в этом варианте мы и рассматриваем данное социокультурное явление). Как следствие реорганизации, Управление ГК было сформировано «Именным приказом императора по военному ведомству» 30.08.1874.[5] В состав Управления было также введено Управление Начальни-

---

[1] Емелин А.Ю. Рождение округа. М., 2004. С. 27.
[2] ГАРФ Ф. 646. Оп. 1. Д. 11. Л. 16 (Полный послужной список Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича старшего).
[3] Там же. Л.17-18.
[4] Императорская Российская Гвардия 1700-1878. Хронологические таблицы. // Составитель г.-л. барон Вячеслав Штейнгель. СПб., 1878. С. III.
[5] ПСЗРИ. Т.49 (1874 г.). Часть 2. Закон 53848. С. 194.

ка Артиллерии Корпуса. Полный текст закона дается в приложении 18 (см.: приложение 18).

Командующим реорганизованного ГК был назначен г.-адъютант, г. от инфантерии и г. от кавалерии, цесаревич, в. к. Александр Александрович[1] (находился во главе корпуса с 30.08.1874 по 17.08.1880 г.). В 1880 г. корпус возглавил его брат, г.-адъютант, г.-лейтенант (с 30 ноября – г. от инфантерии) в. к. Владимир Александрович. Вплоть до начала правления императора Николая II ГК подвергался в основном косметическим изменениям.

Примечательно, что к коронационным торжествам, связанным с восшествием на престол в. к. Николая Александровича был сформирован Сводный ГК во главе с в. к. Владимиром Александровичем. Подобная практика уже имела место во времена Николая I. В марте 1826 г. был создан Московский отряд ГК, обеспечивающий коронационные торжества в. к. Николая Павловича. Отряд состоял из 2-х гв. пехотных бригад, Особого кавалерийского отряда, 3-х батарейных рот и отряда жандармов. Во главе отряда был поставлен брат Николая Павловича в. к. Михаил Павлович.

Представление о штатном расписании войск Сводного ГК дает «Ведомость штабам, управлениям и частям войск Сводного ГК в 1896 г. в период коронования» (см. таблицу 12).

Таблица № 12

Ведомость штабам, управлениям и частям войск Сводного ГК в 1896 г. в период коронования

	Генералы	Штабс-офицеры	Обер-офицеры	Чиновники	Нижние чины	Лошадей	Повозок и экипажей
Е. И. Высочество, главный начальник над всеми войсками, собранными в	2	2	2	-	17	12	3

[1] РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 1 (О послужном списке Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича и о документах, к оному относящихся).

Москве и окрестностях, и его адъютанты							
Штаб Е. И. Высочества	2	9	2	2	28	20	3
Сводный Гвардейский корпус							
Командир Сводного ГК и его адъютанты	1	-	2	-	5	8	2
Штаб Сводного ГК	1	1	2	2	17	9	2
Пехота: сводная гв. дивизия, штаб дивизии	3	1	2	-	22	18	4

Источник: ГАРФ. Ф.652. Оп.1. Д.101. Л.64.

После окончания торжеств Сводный ГК был расформирован.

К началу Первой мировой войны в состав ГК входили: рота дворцовых гренадеров, 13 пехотных, 4 стрелковых, 11 кавалерийских и 3 казачьих полка, Собственный его величества конвой и ряд других подразделений.

На общем армейском фоне гв. выделялась по ряду существенных параметров. Генерал А.И. Деникин отмечал: «Несколько в стороне от общих условий офицерской жизни стояли офицеры гвардии. С давних пор существовала рознь между армейским и гвардейским офицерством, вызванная целым рядом привилегий последних по службе - привилегий, тормозивших сильно и без того нелегкое служебное движение армейского офицерства».[1] А.И. Деникин откровенно противопоставлял императорскую гв. и остальную армию, указывая при этом на явно *«элитный»* характер гв. частей и на то особое место, которое гв. занимала в империи.[2]

Подтверждение вышеприведенным рассуждениям мы находим в высказываниях самих офицеров-гвардейцев. Например, князь С. Белосельский-Белозерский неоднократно отмечал «элитный характер», выделяющий от-

[1] Деникин А.И. Очерки русской смуты. // Вопросы Истории. 1990. № 3. С. 126.
[2] Там же. С. 126-127.

дельные части «старой гвардии»[1] из всех остальных полков армии. Аналогично высказывается и князь В. Трубецкой - тоже применительно к отдельным полкам гв.[2] Между тем, своими рассуждениями представители русской аристократии выводят нас на рассмотрение более существенной темы.

Необходимо отметить, что мнения А.И. Деникина - царского генерала, правда, «продемократической» ориентации, - и П.А. Зайончковского - советского историка - в целом совпадают. Причем поражает их явно категоричный и однозначный характер.

Ошибка, быть может, кроется в том, что гв. в оценках этих исследователей «выглядит» как однородное военное формирование. Между тем, уже изначально гв. была неоднородна. В процессе формирования значительного числа полков и подразделений она выделила из своей среды элитную составляющую. Ее представляли части, ведущие свои традиции со временен Петра I и его приемников вплоть до Екатерины II, (речь в первую очередь может идти о «Петровской бригаде», гв. «тяжелой» кирасирской дивизии, л.-гв. Гусарском Е.В. и л.-гв. Уланском Её И.В. полках, л.-гв. Конноартиллерийской бригаде). Кроме этого, из ее состава выделилась так называемая «суконная гвардия» («варшавская гвардия»), природа которой хоть весьма незначительно отличалась от простой армейской[3].

Общее представление о ГК к моменту прихода к власти императора Александра III (параметр общего состояния ГК в рамках отдельных полков и подразделений, а также штатное расписание и списочный состав) дает «Ведомость о численности войск гвардии 1881 г.»[4], представленная в приложениях 19 и 20 (см.: приложения 19, 20).

Анализ приведенных материалов позволяет утверждать, что в 1881 г. число обер-офицеров ГК составило 1212 чел. (налицо был очевидный сверхкомплект офицеров: 293 чел. по всем родам войск; самый высокий в пехоте),

---

[1] Белосельский-Белозерский С.С., князь. История лб.-гв. Конного полка. Т. 3. Париж, 1964. С. 77.
[2] Трубецкой В., князь. Записки кирасира. М., 1993. С. 14-15.
[3] Впрочем, армия то же была крайне неоднородной, так как существовали полки с богатым историческим опытом, формировавшим свою особую полковую традицию.
[4] ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 113. Л. 2-3.

число строевых нижних чинов - 27748 чел. и число нестроевых – 3233 чел. При этом общая численность ГК равнялась 32193 чел.

Исходя из данных расчетов, можно позиционировать гв. как внушительную и реально ощутимую военную силу, даже на фоне всей остальной российской армии.

К 1910-1911 гг. численность ГК составляла: 44 генерала, 145 штаб-офицеров, 1174 обер-офицера (всего: 1363 офицера); 215 классных чинов. Это в совокупности с нижними чинами равнялось 37596 чел. (при общей численности СПб. ВО 132004 чел.[1]; офицерский корпус в округе составлял 5140 чел.).[2] Исходя из указанной статистики процент офицеров гв. в СПб. ВО составлял 27%. Но в отношении численности лошадей гв. уверенно занимала первое место: 10896 при общей численности 18132.

Если анализировать соотношение генералов, то группа «гв. генералитета» составляла 30%. В гв. также прослеживался ощутимый сверхкомплект в кавалерии и артиллерии (27 и 20 офицеров), незначительный сверхкомплект в инженерных частях (1 офицер) и некомплект в пехоте (33 офицера).[3]

К началу XX в. архитектура ГК включала в себя следующие *компоненты*. Управление ГК осуществлялось посредством штаба корпуса, включавшего в себя по штатному расписанию: командира ГК (должность, замещаемая офицером в звании г.-лейтенанта); НШ ГК (г.-м.); начальника артиллерии ГК (г.-лейтенант или г.-майор) и корпусного интенданта (г.-майор, полковник). Местом дислокации штаба ГК являлся С.-Петербург.

В инфантерии императорская гв. была представлена следующими соединениями: *1-ой ГПД*, состоявшей из 2-х бригад и включавшей в себя л.-гв. Преображенский и л.-гв. Семеновский Его Величества полки[4] и л.-гв. Измайловский и л.-гв. Егерский Е. В. полки (2-я бригада); *2-ой ГПД,* состоящей из л.-гв. Московского Наследника Цесаревича, л.-гв. Гренадерского Е. В. (1-я

[1] В состав СПб. ВО входили: ГК, 1-й, 18-й, 22-й армейские корпуса; крепостные, местные, запасные войска; учебные части; управления, заведения и учреждения; отдельные подразделения, не входящие в состав корпусов.
[2] Военно-статистический ежегодник армии за 1910 год. СПб., 1911. С. 4-5.
[3] Там же. С. 42-43.
[4] «Петровская бригада».

бригада), л.-гв. Павловского Е. В. и л.-гв. Финляндского Наследника Цесаревича (2-я бригада) полков.[1]

Следует отметить, что полки 2-й ГПД отличались от частей более престижной 1-ой, в том числе и в плане открывающихся перед их офицерами карьерных возможностей, не столь существенно. Для сравнения можно взять первые полки 2-й бригады 1-ой и 2-ой ГПД (л.-гв. Измайловский и л.-гв. Павловский).

Части «Петровской бригады», в первую очередь л.-гв. Преображенский п., заведомо отличались более «высоким качеством» офицеров, традиционно принадлежавшим к исторически сложившимся полковым семьям, культивирующим династический принцип своего комплектования (принцип «полковых династий»).[2]

Если сравнивать параметр наличия титулованных офицеров, то в л.-гв. Измайловском п., начиная с 1900 и по 1914 гг., было выявлено два *князя* (князья П.П. Ухтомский (в 1910 г. подпоручик) и Н.П. Мещерский (в 1907 г. подпоручик)) и один *в. к.* Константин Константинович Романов (в 1913 г. подпоручик).[3]

В л.-гв. Павловском п. на отрезке 1890-1909 гг. было выявлено 3 барона (капитан Б.Б. Кене; поручик В.А. Гейсман; подпоручик П.А. Клодт-фон-Югенсбург) и *2 князя* (штабс-капитан А.Г. Вачнадзе и Н.П. Вадбольский).[4]

Анализ конфессиональной принадлежности офицеров л.-гв. Измайловского п. позволил определить, что в 1907 г. в полку был 71 православный офицер (90% православных) и 8 лютеран, в 1910 г. – 65 православных (то есть 89%) и 8 лютеран и в 1913 г. – 68 православных (то есть 88%), 8 лютеран и 1 офицер-католик.[5]

---

[1] Подробнее см.: Чувардин Г.С. Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции. Орел, 2005.

[2] В качестве основных параметров для сравнения нами были взяты: представительство в полках *титулованной знати* и наличия у офицеров «военного» и «высшего военного» *образований)*.

[3] Без учета генералов. См.: РГВИА. Ф. 2577. Оп. 2. Д. 353 (1907 г.), Д. 356 (1910 г.), Д. 371 (1913 г.): Списки (по старшинству в чинах) Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чиновникам Л.-гв. Измайловского п.

[4] РГВИА. Ф. 2581. Оп. 2. Д. 707 (1889), Д. 712 (1895); Оп. 2. Ед. хр. 717 (1899); Оп. 2. Д.727 (1909): Списки (по старшинству в чинах) Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чиновникам Л.-гв. Павловского п.

[5] РГВИА. Ф. 2577. Оп. 2. Д. 353; Д. 356; Д. 371.

При анализе конфессиональной принадлежности офицеров л.-гв. Павловского п. в 1899 г. было выявлено: 74 православных (то есть 91%), 3 католика и 4 офицера лютеранского вероисповедания.[1] В 1905 г. насчитывалось 77 православных (то есть 94%), 3 католика и 2 протестанта.[2] Как видим, процент православных офицеров в л.-гв. Павловском п. был незначительно выше.

Если рассматривать параметр военного образования, то с 1901 по 1912гг. в л.-гв. Измайловский п. было выпущено: из ПК 7 офицеров, из ПВУ – 37, из АВУ – 18, из МАУ – 4, из НКУ – 2. Общее количество офицеров равнялось 74 чел. Таким образом, самый высокий процент составляли выпускники Павловского и Александровского военных училищ (50% и 24% соответственно).[3] В л.-гв. Измайловском п. (на 1910 г.) было также выявлено 4 офицера, обучающихся или закончивших НАГШ (штабс-капитан А.А. Бармин (окончил по 1 разряду), поручики А.В. Есимонтовский, М.Н. Архипов, В.К. Соколов). Кроме этого, в полку был 1 выпускник Военно-Юридической академии.[4]

Что касается л.-гв. Павловского п., то в 1899 г. в его рядах нами было выявлено 38 выпускников ПВУ (то есть 49% от 77 офицеров полка, без учета генералов), 20 – КВУ (то есть 26%), 11 – АВУ (то есть 14%) и 1 - НКУ. Данная общая тенденция сохраняет устойчивый характер вплоть до 1914 г.

Кроме этого, в полку было 6 выпускников различных юнкерских училищ (8%), что указывало на более низкую образовательную планку по сравнению с л.-гв. Измайловским п.[5]

Что касается выпускников или обучающихся в НАГШ применительно к л.-гв. Павловскому п., то в 1899-1900 гг. нами было выявлено 13 человек, окончивших или обучающихся в НАГШ. Несколько человек в полку окончи-

---

[1] РГВИА. Ф. 2581. Оп. 2. Д. 717.
[2] РГВИА. Ф. 2581. Оп. 2. Д. 723. Л.126об.
[3] РГВИА. Ф. 2577. Оп. 2. Д. 353 (1907 г.), Д. 356 (1910 г.), Д. 371 (1913 г.): Списки (по старшинству в чинах) Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чиновникам Л.-гв. Измайловского п
[4] РГВИА. Ф. 2577. Оп. 2. Д. 356.
[5] РГВИА. Ф. 2581. Оп. 2. Ед. хр. 717. Список (по старшинству в чинах) Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чиновникам Л.-гв. Павловского п. по 3-е Декабря 1899 г.

ли академию по 2 разряду (полковник И.И. Вальберг, поручики С.И. Крамской и Л.Е. Дандре[1]). В 1889 г. было 2 офицера, окончивших Военно-Юридическую академию.[2]

Таким образом, различия между л.-гв. Измайловским и л.-гв. Павловским полками по основным формальным составляющим были не столь существенными.

3-я ГПД (дислоцировалась в г. Варшава) включала в себя: л.-гв. Волынский и л.-гв. Литовский Е. И. Выс. в. к. Николая Николаевича полки в составе 1-ой бригады, и л.-гв. Кексгольмский гренадерский Императора Австрийского Короля Венгерского Франца-Иосифа I и л.-гв. С.-Петербургский Императора Фридриха-Вильгельма III Германского полки в составе 2-ой. Примечателен тот факт, что шефом последнего полка с 1888 г. являлся Германский император и король прусский Вильгельм II.[3]

Данные 4-е полка формировали так называемую «варшавскую гвардию», служба в которой считалась «менее» престижной по сравнению со «столичными» гв. полками, имеющими «старшинство» и в максимальной степени приближенными к Престолу. Служба в «столичной гвардии» давала офицерам возможность «стремительного» карьерного роста, но при этом имелись и отдельные недостатки. В частности, служба в столичных частях была «дорогой», а дисциплинарные проступки прощались реже и наказывались строже. К тому же полковая жизнь наиболее престижных частей была полностью детерминирована традициями «полковой семьи», свято чтимыми и оберегаемыми.

Пребывание в «варшавской гвардии» давало большую степень свободы. В.А. Сухомлинов отмечал, что особенности службы в л.-гв. Уланском Е. В. п. не располагали к профессиональному росту молодых офицеров, более того, унтер-офицеры сразу дали понять, что молодые офицеры для них являются своеобразным «балластом» (и в какой-то мере подрывают их автори-

[1] Там же. Л. 381; Л. 397.
[2] РГВИА. Ф. 2581. Оп. 2. Д. 707. Л. 13.
[3] Подробнее см.: Чувардин Г.С. Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции. Орел, 2005.

тет).[1] Он и его сослуживцы сразу же погрузились в легкую, «элегантную» и «дешевую» жизнь «очаровательной» Варшавы.[2]

Если рассматривать общие показатели по «варшавской гв.» в области комплектования новобранцами, то они в целом были идентичны всей императорской гв. и не несли особой региональной специфики, за исключением разве что более высокого процента новобранцев из южных губерний (Киевской (12% - самый высокий показатель), Волынской (10%) и Херсонской (8%)).[3] Указанная статистическая составляющая приводится в таблице (см. приложение 48).

Следующим компонентом ГК, относящимся к «инфантерии», являлась *Гв. стрелковая бригада* (до 1910 г. мы имеем дело с гв. батальонами, с 1910 г. они были развернуты в полноценные полки). Анализу данного, «особого» образования в императорской гв. будет посвящен отдельный раздел нашей работы (параграф 3.4 гл. 3).

Что касается гв. кавалерии, то в эпоху правления Александра III она была представлена следующими соединениями и частями:

1-я ГКД (до 1857 г. Гв. *кирасирская* дивизия) включала в себя: л.-гв. Кавалергардский Её И. В. Марии Федоровны и л.-гв. Конный (Конногвардейский) Е. В. полки 1-ой бр.; л.-гв. Кирасирский Е. И. Величества (права «старой гв.» - 1831 г.) и л.-гв. Кирасирский Её И. В. (права «старой гв.» - 1884 г.) полки 2-ой бр.; л.-гв. Казачий Е. И. В. и л.-гв. Атаманский Наследника Цесаревича полки 3-й бр. (в 1903 г.; казачьи части подвергаются самостоятельному анализу в отдельном разделе диссертации: параграф 3.2, гл. 3).

Эти 6 полков составляли так называемую «тяжелую» 1-ю кавалерийскую или «кирасирскую» дивизию[4].

В соответствии со штатным расписанием в кирасирском п. полагалось иметь 31 офицера.[5] Все кирасирские части имели 4-хэскадронный состав, при

---

[1] Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2005. С. 50.
[2] Там же. С. 50-51.
[3] РГВИА. Ф. 3551. Оп. 1. Д. 53. Л. 84
[4] Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1. Новосибирск, 1959. С. 78.
[5] РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3239. Л. 324; РГВИА. Ф. 3545. Оп. 1. Д. 395. Л. 27.

этом фактически все полки доукомплектовывались 1-2 «учебными» эскадронами (учебными командами). Так, в л.-гв. Конном п., кроме положенных по расписанию 4 «боевых эскадронов», существовало 2 учебных эскадрона.[1]

Ротмистр Сумского гусарского п. В. Литтауэр отмечал: «В русской кавалерии было 4 категории полков: конногвардейские, линейные, казачьи и иррегулярные. […] полк = 6 эскадронов (имеется ввиду «легкая кавалерия» - *прим. наше: Ч.Г.*). […] бригада = 2 полка. Дивизия = 2 бригады. С артиллерией порядка 5000 человек. В дивизии 2 батареи, в каждой 6 орудий».[2] Далее по тексту в пункте 5 (Структура кавалерийского полка) он указывал: «ПОЛК. 6 эскадронов и вспомогательные подразделения. Общая численность свыше 1000 человек. ЭСКАДРОН. 150 человек, включая трубача. На официальном языке численность эскадрона – 150 сабель, не считая 5 офицерских. Кроме того, 5 вестовых и 2 повара. ВЗВОД. 36 солдат и командир взвода. ПУЛЕМЕТНАЯ РОТА. В начале войны пулеметная рота (8 пулеметов) обслуживала 4 полка […]. ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ СВЯЗИ [...]. МУЗЫКАНТЫ. В полку 16 трубачей. ТРАНСПОРТ. 2 обоза [...]. ПИСАРИ. 6 человек».[3]

Кроме вышеозначенных кавалерийских частей, в состав гв. кавалерии входили еще 4 кавалерийских полка *2-й ГКД*[4], объединенных в 2-е бригады. Данное соединение представляло собой так называемую «легкую кавалерию». Оно включало в себя: л.-гв. Конно-Гренадерский (06.12.1831 г. переименованный из л.-гв. Драгунского п., с местом дислокации Старый Петергоф) и л.-гв. Уланский Ее В. Государыни Императрицы Александры Федоровны (Новый Петергоф) полки 1-ой бр. и л.-гв. Драгунский (до 1833 л.-гв. Конно-Егерский, с местом дислокации Старый Петергоф) и л.-гв. Гусарский Е. И. В. (место дислокации Царское Село) полки 2-ой бр.

В «легкой кавалерии» *«особо почетное»* место занимали л.-гв. Гусарский Е. В. и л.-гв. Уланский Её В. полки, при этом наиболее престижной счи-

---

[1] История лб.-гв. Конного полка. - Париж, 1961. С. 43.
[2] Литтауэт В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911-1920. М., 2006. С. 280-281.
[3] Там же. С. 283.
[4] 2-я ГКД была образована 16.08.1857 г. путем слияния 1-й и 2-й Легких ГКД, бывшей гв. кавалерийской дивизии войск Резервного Корпуса, (сформированы в мае 1832 г.).

талась служба в л.-гв. Гусарском, который за сравнительно короткий срок превратился в один из самых «ангажированных» и «дорогих» полков империи. Два человека, определявшие лицо русской армии начала века, считали этот полк «своим» - «Державный Шеф полка»[1] Николай II и в. к. Николай Николаевич-младший, командовавший полком с 1884 по 1890 гг. Кроме этого, в полку постоянно проходили военную службу представители династии герцогов Ольденбургских[2].

Л.-гв. Уланский Её И.В. п. также не был обделен вниманием царской семьи. С 27.07.1831 г. шефом п. являлся г.-фельдмаршал в. к. Николай Николаевич-старший («по факту рождения»).[3] На примере его служебной карьеры можно проследить отдельные этапы эволюции ГК (см.: приложение 21).

В 1880 г. у Николая Николаевича-старшего был выявлен рак десны (как писала генеральша А.В. Богданович: «[…] рак на щеке»[4]) поразивший метастазами головной мозг. Великий князь умер в 1891 г.

По понятным причинам в течение последних 9 лет он практически не обращал внимания на подшефные ему части, включая л.-гв. Уланский п. 3 года полк оставался без шефа, что для гв. частей было экстраординарным явлением.

Ситуация изменилась кардинальным образом, когда шефство над полком взяла молодая императрица великая княгиня Александра Федоровна. Это было своеобразной формой конкуренции с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, являвшейся шефом л.-гв. Кавалергардского п.

В 1897 г. л.-гв. Уланский Ее В. п. возглавил 33-летний полковник (с 11.04.1900 г. – г.-майор) принц Луи Наполеон Жозеф Жером Бонапарт[1] (как

---

[1] Расхождение во взглядах на статус этого полка в конечном итоге привело к скрытому конфликту между Императором и в. к. Конфликт особенно усилился после волнений в 4 эскадроне, произошедших осенью 1905 г., вызванных революционной агитацией.

[2] К началу века мы встречаем в составе полка (числится в эскадроне Его Величества) г.-адъютанта, принца К.П. Ольденбургского (1850-1906 гг.) (см.: РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 44. Л. 6).

[3] ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 11. Л. 1-2.

[4] Богданович А.В. Три самодержца. Дневник генеральши Богданович. М., 2008. С. 87. По всей вероятности, именно это заболевание оказало влияние на странное поведение князя, выражающееся в спутанном сознании, оговорках, персеверации речи, прозопагнозии, спорадической амнезии, перверсивном сексуальном влечении к женщинам.

указывалось в «Списке по старшинству Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чиновникам» л.-гв. Уланского Ея В. п.: «принц[…] из Французского Царствовавшего Императорского дома»[2]). Анализируя психологические особенности принца, княгиня М.С. Барятинская отмечала, что генерал Луи Наполеон позиционировал себя не как иностранного подданного на русской службе, а как русского офицера, готового исполнить свой профессиональный долг, как «любой другой русский офицер». [3]

В знак особого благорасположения принцу в 1903 г. был пожалован знак Св. Андрея Первозванного[4], это означало, что он допущен в высший эшелон военно-политической элиты Российской империи. Но принц не прижился в полку, где на него смотрели как на «чужака». Затем карьерный крах постиг его на Кавказе: после подавления волнений в Кутаиси в 1905 г. он получил отрицательную репутацию. К тому же в своих карьерных притязаниях принц «перешел дорогу» наместнику Кавказа графу И.И. Воронцову-Дашкову, который «оказался ему не по зубам».

Примечательно, что Луи Наполеона сменила еще более неоднозначная для отечественной истории фигура - А.А. Орлов. Александр Афиногенович окончил в 1885 г. НКУ по 1 разряду и «вышел» в л.-гв. Гусарский Его В. п.[5], в котором прослужил вплоть до получения звания полковник 6.12.1897 г. Полковник был вдов, имел двух детей.[6]

После «получения» в октябре 1902 г. л.-гв. Уланского Ее В. п. 15.05.1903 г. А.А. Орлов был пожалован свитским званием флигель-адъютант (видимо, не без вмешательства императрицы), а 17.04.1905 г. ему было присвоено звание С. Е. И. В. г.-майора.[7] Ряд исследователей приписывает Орлову тайную связь с императрицей Александрой Федоровной, при

---

[1] Сын Жозефа Наполеона «Плон-Плона», получившего прозвище «Красный принц», и Клотильды Савойской. Родился 16.06.1864 г. Римско-католического вероисповедания. Командир л.-гв. Уланского Ея В. п. с 6.03.1897 по 2.07.1902 гг.
[2] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 166. Л. 3.
[3] Барятинская М.С. Указ. соч. С. 85.
[4] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 197. Л. 7.
[5] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1 Мая 1901 г. СПб., 1901. С. 553.
[6] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 44.
[7] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 197. Л. 9.

этом границы этой связи доводятся до того, что его называют вероятным отцом цесаревича Алексея, что является малоубедительным. Также есть упоминания о попытках императрицы женить его на А. Вырубовой.

4.09.1907 г. генерал А.А. Орлов был назначен командиром 2-й бр. 2 ГКД, но уже на следующий год «скоропостижно» скончался. О его неожиданной скоропостижной смерти упоминает капитан 2-го ранга, служивший на императорской яхте «Штандарт», Н.В. Саблин[1]. Примечательно, что Орлов, являясь своеобразным «фаворитом», был частым гостем на императорской яхте и, как правило, привозил с собой трубачей л.-гв. Уланского Ее И.В. п., которые развлекали своей игрой детей.[2]

Следует отметить, что если в 1897 г. мы встречаем в списках полка всего одного представителя правящего Дома, Е.И. Высочество князя Е.М. Романовского, герцога Лейхтенбергского[3], то к 1908 г. в списках полка числились наследник престола в. к. Алексей Николаевич (с 30.07.1904 г.) и г.-л. в. к. Петр Николаевич.[4] К началу Первой мировой войны в списках также появляется имя в. к. Георгия Михайловича.[5]

При сравнении таких важных для выявления престижности полка показателей, как наличие представителей властной аристократии и обучение в ПК применительно к л.-гв. Уланскому Ее И. и л.-гв. Гусарскому Его В. полкам, то совсем незначительное преимущество остается за Царскосельскими гв. гусарами. Рассматриваемые статистические данные представлены в таблицах №№ 13, 14 (см. таб. 13, 14).

Таблица № 13

Военное образование офицеров л.-гв. Уланского Ее И. В. п. по данным 1897 г.[6]

[1] Саблин Н.В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». СПб., 2008. С. 73.
[2] Там же. С. 100.
[3] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 166. Л. 2.
[4] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 197. Л. 3.
[5] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 220. Л. 3.
[6] Список сокращений: к. к. – кадетский корпус.

	Всего	НКУ	ПК	Домашнее	Юнкерские уч-ща	ЭОЧ	Фин-лянд-ский к.к.
Полковник	8	3	2	3	-	-	-
Ротмистр	9	1	4	-	1 (Ставрополь-ское казачье)	3	-
Шт.-р.	10	4	3	-	1 (Елисаветград-ское)	1	1
Поручик	8	4	4	-	-	-	-
Корнет	21	13	5	-	-	3	
Всего	56	25	18	3	2	7	1

Источник: РГВИА. Ф.3549. Оп.1. Д.166.

Таблица № 14

Число офицеров-представителей титулованного дворянства в л.-гв. Уланском Ее И. В. п. в 1897 г.

	Всего офи-церов	Титуло-ванные офице-ры	Вел. кня-зей	Прин цев	Гер-цогов	Кня-зей	Гра фов	Баро-нов
Генерал		1			1			
Полковник	8	4	2	1	-	-	-	1
Ротмистр	9	3	-	-	-	-	-	3
Шт.-ротмистр	10	1	-	-	-	1	-	-
Поручик	8	2	-	-	-	1	1	-
Корнет	21	3	-	-	-	1	2	-
Всего	56	13 (23%)	2	1	-	3	3	4

Источник: РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 166.

В л.-гв. Гусарском Е. В. п. «образца» 1900 г. 19 офицеров из 58 (не учитываются 10 генералов, числящихся в полку) окончили ПК, что составляет 33% (32,7%) (несущественная разница в 1% в пользу гусар).[1] Примечательно, что из десяти генералов, числящихся в полку трое (г.-лейтенанты К.Н. Мазей,

[1] РГВИА. Ф.3591. Оп.1. Д.44. Список Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чиновникам л.-гв. Гусарского Е.В. полка за 1900 г.

барон Ф.Е. Мейендорф, князь С.И. Васильчиков), также являлись выпускниками ПК.[1]

Общую динамику получения военного образования офицерами л.-гв. Уланского Ее В. п. в формате ротации его личного состава (в данном случае нами учитывается параметр пополнения полка молодыми офицерами) иллюстрируют таблицы №№ 15, 16 (см. таб. 15, 16).

Таблица № 15

Общая динамика получения военного образования офицерами л.-гв. Уланского Ее В. п. (с 1893 по 1904 гг.)

	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904
ПК	2	-	1	2	2	4	-	1	?	5	1	1
НКУ	4	5	2	2	1	1	2	2	?	1	1	1
Елисаветградское КУ	-	1	-	-	-	-	-	-	?			-
ЭОЧ	-	-	2	-	-	-	-	-	?			-
ВСЕГО	6	6	5	4	3	5	2	3	?	6	2	2

Источник: РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 166, 180.

Таблица № 16

Общая динамика получения военного образования офицерами л.-гв. Уланского Ее В. полка (с 1905 по 1913 гг.)

	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
ПК	3	5	3	-	3	1	4	1	2
НКУ	-	1	1	1	1	-	1	1	1
Елисаветградское КУ	-	-	-	-	-	1	-	-	-
ЭОЧ	1	-	1	1	-	-	1	-	2
образование на службе	-	1	-	-	-	-	-	-	-
ВСЕГО	3	7	5	2	4	2	6	1	5

Источник: РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 180, 197, 214, 220.

[1] Там же.

Что касается группы офицеров, имеющих дворянский титул, то в 1900г. в л.-гв. Гусарском Е. В. п. находилось 6 князей (1 полковник, командир полка князь А.П. Гагарин, 1 ротмистр, 2 штабс-ротмистра и 2 поручика), 7 графов (1 штабс-ротмистр, 2 поручика, 4 корнета) и 1 барон (поручик).[1] Общее число офицеров, имеющих титул, составляло 14 чел., или 24%. В л.-гв. Уланском Ее В. п. эта цифра равнялась 23% - опять незначительный перевес в пользу гв. гусар.

Примечательно еще и то, что л.-гв. Уланский Ее В. п. отличался в кавалерии *самым большим* количеством полковых служб.[2]

Определенный диссонанс в рассуждениях о «престижности» службы в л.-гв. Уланском Ее В. п. вносят жалобы офицеров полка на качество подаваемой в офицерском собрании пищи. Отдельные извлечения из «Книги жалоб и предложений офицерского собрания лб.-гв. Уланского полка» в этом плане весьма показательны (см.: приложение 22). В начале царствования Александра III обеды в л.-гв. Уланском п. были скромнее, но и качество еды было значительно лучше. Как пример можно привести «Меню завтрака (31.10.1881 г.) и обеда (31.07.1881 г.).[3] Таким образом, время сказалось не только на падении нравов русского общества – «качестве умов», но и на «качестве пищи».

Что касается штатного расписания полков 2-ой ГКД, то, как уже отмечалось, оно отличалось от штата кирасирской дивизии. В 1900 г. в л.-гв. Гусарском Е.В. п. числилось 38 «штатных офицеров»[4]. В 1902-1903 гг. штатное расписание изменилось. Теперь в полку было меньше на одного штабс-ротмистра, то есть - 37 офицеров.[5]

---

[1] Там же.
[2] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 166, 180, 197. В 1897-1908 гг. в полку находились: школа солдатских детей; полковая учебная команда; полковая фехтовальная команда; полковая телеграфная станция; нестроевая команда; приемный покой и мастерская; оружейная часть; полковая хлебопекарня; машинное отделение и электрическое освещение; электростанция; полковой лазарет; мастерская.
[3] См.: ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 100. Л. 1-2 (Меню обеда во II-м эскадроне Лейб-Гвардии Уланского полку 31 июля 1881 г. и завтрака).
[4] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 44.
[5] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 68, 107, 113.

Необходимо отметить, что, кроме вышеозначенных частей, гв. кавалерию представляли также «менее престижные» полки. К ним следует отнести части *Отдельной гв. кавалерийской бригады*, входившей в состав сводной кавалерийской дивизии (1903 г.), дислоцирующейся в г. Варшаве,[1] в состав которой входили л.-гв. Гродненский Гусарский (с 1910 г. - л.-гв. Гродненский Гусарский Императрицы Германской и Королевы Прусской Августы-Виктории п.) и л.-гв. Уланский Е. В. полки.

Качество людского материала Отдельной гв. кавалерийской бригады мы можем проследить на примере л.-гв. Гродненского Гусарского п.

Если брать такой параметр, как наличие титулованной знати, то в 1910 г. в полку (общая численность офицеров без генералов 40 чел.) числилось: 1 принц (Хайме Бурбонский)[2], 5 князей (полковник П.Д. Аргутинский-Долгоруков, капитан Г.Д. Аргутинский-Долгоруков, корнеты М.П. Аргутинский-Долгоруков, Т.Д. Тундутов, М.А. Багратион-Мухранский) и 1 барон (поручик В.В. Штейнгель).[3] Всего 7 офицеров, или 17,5%. Как уже отмечалось в л.-гв. Гусарском Его В. и л.-гв. Уланском Ее В. полках эта цифра составляла 24% и 23% соответственно. Штатное расписание (с указанием конфессиональной принадлежности) л.-гв. Гродненского Гусарского п. представлено в таблице № 17 (см. таб. 17)

Таблица № 17

Штат л.-гв. Гродненского Гусарского полка к 1.11.1910 г. (штат объявлен по военному ведомству 1888 - № 197; 1899 - № 76; 1901 - № 229.)

	Генерал	Пол-	Рот-	Ш.-ротм.,	Итого	Классные

[1] Состав Сводной кав. дивизии на 1903 г. (начальник дивизии г.-лейтенант Хрулев; НШ дивизии полковник Орлов): Отдельная гв. кавалерийская бригада; 3-я отдельная кавалерийская бригада (место дислокации г. Влоцлавск, Варшавская губ.); 53-й Драгунский Новоархангельский п. (место дислокации г. Влоцлавск, Варшавская губ.); 54-й Драгунский Новомиргородский п. (место дислокации г. Влоцлавск, Варшавская губ.) (см. Краткое расписание сухопутных войск. Исправлено по 1-е Июля 1903 г. СПб., 1903. С. 7, 104).

[2] РГВИА. Ф. 3551. Оп. 1. Д. 53. Л. 90: принц Бурбонский Хайме Карлович. Род. 15.06.1870, католик, из Царственного Дома Бурбонов испанской линии. Окончил Австрийскую Винер-Нейштадскую военную академию «отлично». Высочайшим приказом 3.02.1895 зачислен корнетом в 24 Драгунский Лубенский полк. Корнет гвардии с 6.12.1897. Поручик – 4.09.1900. Штабс-ротмистр – 27.03.1904 (с. с. 3.02.1904). Кампания 1900-01. Р/я 1904-1905. Холост. Мл. оф. 1 эск. (вакансий не занимает). 1901 – Владимир IV ст. с м. и б.; Анна IV ст. «за храбрость»; 1905 – Анна III ст. с м. и б. Находится в бессрочном отпуске за границей, в который уволен Высочайшим приказом от 17.06.1906.

[3] РГВИА. Ф. 3551. Оп. 1. Д. 53.

		ковник	мистр	поручики, корнеты		чиновники
По штату	1	3	6	27	37	6
По списку к 1.11.1910 г.	7	3	6	31	47	8
Сверхкомплект	6	-	-	-	6	2
православные	6	1	5	26	38	6
Католики	-	-	-	1	1	1
Армяно-григориан-ское	-	1	1	2	4	-
Лютеране	1	1	-	2	4	-

Источник: РГВИА. Ф.3551. Оп.1. Д.53. Л.100об.

К началу Первой мировой войны число титулованных дворян в частях 2-ой ГКД незначительно уменьшилось. Так в л.-гв. Уланском, Ее В. п. в феврале 1914 г. она составляла: 5 князей (полковник В.М. Андронников, ротмистр И.А. Кропоткин, штабс-ротмистр А.К. Эристов, поручик П.П. Трубецкой, корнет В.В. Кудашев) и 4 барона (штабс-ротмистр В.А. Каульбарс, поручики Э.В. Клейст, Г.Г. Тизенгаузен, корнет В.Е. Каульбарс).[1] Всего 9 офицеров (при общей численности без генералов 47 офицеров[2]), или 19%. Как мы видим, она все равно оставалась выше, чем в л.-гв. Гродненском Гусарском.

Если анализировать офицерский корпус л.-гв. Гродненского Гусарского п. в конфессиональном плане, то обращает на себя внимание значительный процент православных офицеров – 81%, или 38 чел. вместе с генералами (7 чел., включая командира полка). В полку был всего один католик - все тот же принц Х.К. Бурбонский и два лютеранина. Указанная ситуация в некоторой степени осложняла пребывание офицеров в сравнительно нейтральной, но в то же время эмоционально холодной, на гране враждебности, католической среде. Вспоминая о своем пребывании в Варшаве в период службы в л.-гв.

[1] РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 220.
[2] Там же.

Уланском Е. В. п., генерал В.А. Сухомлинов отмечал: «Официально мы находились в России, а в действительности – на чужбине».[1]

Сухомлинов подчеркивал, что в период его службы в полку было большое количество остзейских баронов и офицеров с «немецкими фамилиями»[2], но и это не способствовало сближению даже с местным «Светом». На холодное отношение поляков к «варшавской гвардии» и даже сочувствующим им («полякам») офицерам «не русского» происхождения указывал барон К.-Г. Маннергейм.[3]

Если рассматривать такой параметр как образование, то следует отметить, что основной процент офицерского состава полка 1910г. составляли выпускники НКУ (87,5%, или 35 чел. из 40), при этом процент «пажей» был минимальным (5%, или 2 чел.: корнеты князь Д.Д. Тундутов и А.Е. Панчулидзев).[4] Определенную экзотику полку придавал принц Х.К. Бурбонский, окончивший Австрийскую Винер-Нейштадскую военную академию. В полку не было выявлено ни одного выпускника НАГШ (в рассматриваемый отрезок времени 2 офицера обучались в данном военно-учебном заведении: штабс-ротмистр Б.-А. А. Добржияловский, поручик А.Н. Гатовский).

Что касается семейного положения офицеров полка, то оно мало отличалось от данного индекса других гв. кавалерийских частей: общий процент холостых офицеров превышал 60% (25 чел.). Количество женатых офицеров, имевших детей, составляло 7 чел. или 18%. В полку было два вдовца с детьми: помощник командира полка по хозяйственной части полковник Ю.К. Устимович (имел дочь 12 лет) и ротмистр Е.С. Федоров (имел дочь 9 лет и сына 6 лет)).[5] Общая статистика указанного параметра приводится в таблице № 18 (см. таб. 18).

Таблица № 18

---

[1] Сухомлинов В.А. Указ. соч. С. 51.
[2] Там же. С. 49.
[3] Маннергейм К.-Г., барон. Мемуары. М., 1999. С. 46. Барон был лютеранином, а по убеждению «умеренным» финским националистом. С января 1911 по декабрь 1913 г. он командовал л.-гв. Уланским Его В. п., а с 24.14.1913 г. – Отдельной гв. кавалерийской бр. (см.: СГС. СПб., 1914. С. 678).
[4] РГВИА. Ф. 3551. Оп. 1. Д. 53. С. 90.
[5] РГВИА. Ф. 3551. Оп. 1. Д. 53. Л. 88, 89.

Особенности семейного положения офицеров л.-гв. Гродненского Гусарского полка в 1910 г.

	Всего	Холост	Вдов	Женат (15/37,5%)	
				дети	-
Полковник	3	1	1+дети	1	-
Ротмистр	6	4	1+дети	-	1
Шт.-р.	6	2	-	1	3
Поручик	11	6	-	4	1
Корнет	14	12	-	1	1
Всего	40	25 (62,5%)	2	7	6

Источник: РГВИА. Ф. 3551. Оп. 1. Д. 53.

Офицеры, служившие в «варшавской гвардии», неоднократно подчеркивали дешевизну службы в Варшаве[1], за которую приходилось платить отсутствием столичного «гвардейского лоска».

В гв. рассматриваемого отрезка времени прослеживался ряд так называемых «сводных частей» частей, имевших особенный характер комплектования и, как следствие, свои специфические особенности службы в них.

В инфантерии к данным образованиям можно отнести *л.-гв. Собственный Е. И. В. Сводный пехотный п., м*естом дислокации которого являлось Царское Село. Полк был сформирован как Сводно-гвардейская рота «для несения службы при Особе Императора» из команд полков 1-й и 2-й ГПД 23.03.1881 г. и подчинен министру императорского Двора. В 1883 г. рота развернута в батальон 4-хротного состава. Шефом батальона назначен лично император Александр III. В 1907 г. батальон переформирован в 2-хбатальонный полк, комплектующийся командами от всех пехотных частей гв., Гв. Экипажа и л.-гв. Саперного батальона, и получил окончательное название. К началу войны полком командовал С. Е.И.В. г.-майор В.А. Комаров.

В кавалерии сводные части были представлены *л.-гв. Сводно-Казачьим Е. В. п.,* который к началу XX в. становится самостоятельной гв. частью, особо опекаемой Императором.

[1] Сухомлинов В.А. Указ. соч. С. 50.

Кроме вышеуказанных полков, в состав императорской гв. входили *Собственный Е. В. конвой, Рота Дворцовых гренадер*, *1-й Собственный Е. В. Железнодорожный п., Гв. Запасной кавалерийский п., л.-гв. Жандармский полевой эскадрон, Гв. Экипаж.*

Остановимся подробнее на данных частях и подразделениях.

Местом дислокации Собственного Е. В. конвоя являлось Царское Село. Соединение находилось в прямом подчинении ГШ. Как штатное подразделение императорский конвой (для несения конвойной службы при Высочайшем дворе) был создан в 1828 г. Это был л.-гв. Кавказско-Горский полуэскадрон, сформированный из князей и узденей Кабарды, членов знатных фамилий чеченцев, кумыков, лезгин, ногайцев и прочих кавказских народов. Командиром полуэскадрона был назначен ротмистр Султан-Азамат-Гирей. Данное подразделение находилось в прямом подчинении г.-адъютанта А.Х. Бенкендорфа (командующего императорской главной квартирой). По штату в полуэскадроне числилось 5 офицеров, 9 юнкеров и 40 оруженосцев[1].

Конвой подвергался реорганизации в 1860-х (его состав был увеличен до 2 эскадронов[2]), 1881 (см.: приложение 23) и 1891 гг.

После последнего преобразования эскадроны стали именоваться сотнями, вводились казачьи воинские звания. Упразднялась команда л.-гв. крымских татар. В таком виде конвой встретил Первую мировую войну. Командование Собственным Е. В. конвоем в указанный момент осуществлял Свиты Е.И.В. г.-майор граф А.Н. Граббе (с 2.01.1914 г.).

Весьма оригинальную версию присутствия в составе Конвоя «горских» и татарских подразделений дает А. Симанович. Он пишет: «Николай не имел доверия также к своему личному конвою. Он всегда боялся заговора в пользу старого двора. Поэтому он привлек в конвой татар и грузин. Его лично всегда

---

[1] См.: Петин С. Собственный Его Императорского Величества конвой. 1811-1911 гг. Исторический очерк. СПб., 1911.

[2] *1-й эскадрон (*взводы: 1-й - команда «грузин», 2-й - команда «горцев», 3-й - команда «лезгин», 4-й - команда «мусульман»), *л.-гв. Кавказский казачий эскадрон.*

охраняли кавказские князья. Он любил их и был спокойнее с тех пор, как они находились при дворе».[1]

Справедливости ради следует подчеркнуть, что с момента смерти Александра II из офицеров кавказского и «среднеазиатского» происхождения в офицерский корпус Конвоя вошли: в 1884 г. крымский татарин корнет Масюта-Бей-Балатуков, в 1885 г. князь грузинского происхождения поручик Н.Г. Туманов, в 1895 г. татарин сотник С.А. Урусбиев, в 1896 г. из грузинских князей хорунжий светлейший князь Г.М. Имеретинский. Всего с 1881 по 1899 гг. в Конвой был выпущен 31 офицер.[2] Таким образом, процент офицеров грузинского и татарского происхождения в Конвое к началу XX в. был минимален (13%).

Что касается *Роты Дворцовых гренадер,* то местом дислокации данного образования являлись СПб. и Москва. В отношении специфики формирования данного гв. подразделения В.К. Шенк писал: «1827 г. Октября 2. Из нижних чинов Гвардии, оказавших в Отечественную войну мужество против неприятеля и во продолжение своей службы отличившихся усердием, честностью и примитивным поведением, учреждена и сформирована Рота Дворцовых Гренадер. При сформировании роты все офицеры и нижние чины были назначены в оную лично Государем Императором. Рота находилась в ведении Министра Императорского Двора и состав ее был – 4 офицера, 11 унтер-офицеров и 102 гренадера».[3] В «Положении о Роты Дворцовых гренадер 1882 г.» (полный текст документа смотри в приложении 24) также указывалось: 1)при Высочайшем Дворе учреждена, для отличия и награды заслуженных воинов, Рота Дворцовых Гренадер[4];

2)рота эта принадлежит к общему составу «войск Гвардейской пехоты»;

---

[1] Симанович А. Распутин и евреи: Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. Туркменистан, 1990. С. 42.

[2] Петин С. Указ. соч. С. 432-436.

[3] Императорская Гвардия. Издание 2-е. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. / Исправлено и дополнено под редакцией В.К. Шенка. По 1-ое Мая 1910 года. СПб., 1910. С. 118.

[4] РГИА Ф. 472 Оп. 66. Ед. хр. 19. Л. 27. В Положении 1882 г. указывалось: «Право поступления в роту только имеют те нижние чины Гвардии, Армии и Флота, которые в походах против неприятеля оказали мужество и, следовательно, имеют знаки отличия военного ордена или медали, и во все продолжения своей службы отличались усердием, честностью и примерным поведением». При этом: «Производство офицеров Роты в следующие чины зависит от благоусмотрения Его Императорского Величества».

3)рота эта «состоит во всех отношениях под начальством Министра Императорского Двора».[1]

С началом правления императора Александра III было утверждено новое штатное расписание роты (см.: приложение 25), а 13.03.1882 г. рота, находясь в подчинении Министра Императорского Двора, перешла по строевой части в ведение Командира ГК.[2]

В 1882 г. в обязанности Роты входило: содержание постов у памятников императоров: Александра I и Николая I и у часовни, сооруженной на месте события 1-го Марта 1881 г.; дежурство по наряду в Императорских Дворцах: Зимнем и Кремлевском, «на особо указанных местах, для надзора и присмотра»; наряд почетных караулов при выходах, торжествах, праздниках, «во Дворцах и вне оных, в присутствии Их императорских Величеств и занятие, при таких случаях, постов на местах особо для сего, по высочайшему повелению министра императорского Двора указанных».[3] В 1907 г. возраст для нижних чинов роты был установлен не менее 45-ти лет.

В период правления императоров Александра III – Николая II ротой последовательно командовали: с 2.05.1882 по 5.01.1901 г. г.-майор А.Н. Пастухов[4]; с 31.01.1901 по 6.12.1910 г. г.-майор Н.Ф. Бауэр[5]; с 6.12.1910 по 17.09.1914 г. полковник С.А. Гринев[6]. Пик карьеры указанных офицеров был связан с командованием Ротой Дворцовых гренадер.

В рассматриваемый нами отрезок времени в списках роты числились бывшие министры Императорского Двора г.-адъютант г. от кавалерии граф

---

[1] РГИА Ф. 472 Оп. 66. Ед. хр. 19. Л. 27 (Соображения по пересмотру Положения Роты дворцовых гренадер; проект штатов и положения; списки чинов роты).
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Выпускник Павловского кадетского корпуса. Православный, женат (имел одну дочь). Кампании: 1862-1863 и 1877-1878 гг. В 1877 г. был ранен. В качестве командира роты получал: жалования - 1017 руб., из Кабинета Его В. – 1729 руб. 87 коп., столовых – 864 руб. 92 коп. (всего 3611 руб. 79 коп.) (СГС. СПб., 1899. С. 809).
[5] Был полковником л.-гв. Преображенского п. В 1889 г. являлся командиром роты специальных классов ПК (с 19.11.1884 г.). Кампания 1863-1864 гг. Лютеранин, женат (2 детей) (Список полковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е Марта 1912 г. СПб., 1912. С. 714).
[6] Православный, не женат. Получил образование в частной гимназии и СПб. пехотном юнк. уч-ще (выпущен во 2 саперный батальон). Кампания 1880 г. (тяжело контужен). Награжден орденом св. Георгия IV ст. (Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е Мая 1889. СПб., 1889. С. 1104).

И.И. Воронцов-Дашков (с 6.12.1895 г.), а до 10.03.1884 г. - г.-адъютант г. от инфантерии граф В.Ф. Адлерберг.

1-й Собственный Е. В. Железнодорожный п. дислоцировался в СПб. Полк был сформирован 6.05.1878 г. в связи с событиями русско-турецкой войны в качестве отдельного батальона в составе 1-й Саперной бригады. В 1909 г. был развернут в полк 2-батальонного состава. Права «молодой» и «старой гвардии» получил уже в ходе Первой мировой войны.

Гв. Запасной кавалерийский п. дислоцировался в Новгородской губернии. Данная часть была создана 1.01.1902 г. из кадров 1-го, 2-го и 3-го Гв. кавалерийского запаса.

Л.-гв. Жандармский полевой эскадрон дислоцировался в СПб. Был учрежден в декабре 1815 г. под названием л.-гв. Жандрамский полуэскадрон. Длительное время существовал в виде «Гвардейской Жандармской команды». Окончательное название получил 12.08.1887 г. К началу Первой мировой войны эскадроном командовал г.-майор С.П. Саханский.

Наконец, *Гв. Экипаж* размещался в СПб. Экипаж был учрежден в феврале 1810 г. из придворных «Гребецкой и Яхтинской команд». Принимал участие во всех крупных войнах XIX в., в том числе и в Восточной войне.

Особое место в структуре императорской гв. начала XX в. занимала гв. артиллерия (данный сегмент императорской гв. анализируется в параграфе 3.3, гл. 3) и, так называемые, «технические части».

К «техническим частям» императорской гв. относился *л.-гв. Саперный батальон*, дислоцирующийся в СПб. Батальон был учрежден Высочайшим Указом от 27.12.1812 г. Александра I. Созданием батальона должен был руководить управляющий инженерным департаментом г.-лейтенант Опперман, который перепоручил данное повеление императора г.-майору Шванебаху.

Первоначально в составе батальона числилось 120 нижних чинов. Костяк офицерского корпуса полка составили офицеры из 1-го и 2-го Пионерных полков и Инженерного корпуса. В первом своем составе батальон вклю-

чал в себя 4-е роты (все шефские[1]). К 1814 г. штат батальона составляли 2 штаб-офицера (полковник и подполковник), 17 обер-офицеров, 80 унтер-офицеров, 920 рядовых (всего 1000 строевых нижних чинов).[2]

Батальон принимал участие в кампаниях 1828-1829, 1831 и 1877-1878 гг. 20.10.1894 г. шефом батальона стал император. К началу Первой мировой войны батальоном командовал Свиты Его И.В. г.-майор Б.А. Подымов.

Наиболее «престижными частями» в ГК, в пехоте, являлись полки 1-ой ГПД, в первую очередь «Петровской бригады», в кавалерии - л.-гв. Кавалергардский, л.-гв. Конный (с определенными оговорками оставшиеся два кирасирских полка), л.-гв. Гусарский Его Величества и л.-гв. Уланский Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полки, в артиллерии – л.-гв. Конноартиллерийская бригада.

К гв. элите периода правления Николая II также следует отнести казачьи части. Пользовались «особым благоволением» и стрелковые батальоны, *развернутые в 1910 г. в полки*.

Именно эти полки представляют наибольший интерес для определения особой духовной атмосферы, которая сложилась не только в гв. среде того периода, но и вокруг царствующей четы Романовых в начале XX в.[3] Общее состояние гв. в рамках всех ее частей и подразделений отражало процесс кризиса как военного ведомства в частности, так и аристократического идеала России в целом. Вплоть до начала Первой мировой войны гв. оставалась *главной элитообразующей структурой империи*.

Историю войск Гвардии и ГК в рассматриваемый нами отрезок времени *можно условно* разделить на два периода:

1)«эпоху» в. к. Владимира Александровича – 2.03.1881-26.10.1905 г.;

2)«эпоху» в. к. Николая Николаевича-младшего – 26.10.1905-30.08.1914 г.

---

[1] Две минерных (г.-лейтенанта Оппермана и подполковника Афанасьева) и две саперных (полковника Сазонова и подполковника Фирсова).

[2] См.: Волкенштейн А. История Лейб-Гвардии Саперного батальона 1812-1852. С планами и рисунками. СПб., 1852; История Лейб-Гвардии Саперного батальона 1812-1876. С кратким обзором участия Лейб-Гвардии Саперного батальона в русско-турецкой войне 1877-1878. СПб., 1879.

[3] Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1. Новосибирск, 1959. С. 155.

Следует отметить, что именно с в. к. Владимиром Александровичем следует связать окончательное восстановление «авторитета» гв., серьезно пошатнувшегося в результате событий 1825 г. Интересно, что в отношении гв. образца 1826 г. граф Ф.П. Толстой писал, что она утратила все положительные качества предыдущих эпох и, в первую очередь, «славной эпохи» Екатерины II. «Гвардейский солдат» потерял «правильность и быстроту движений, развязность в теле, верность глаза, скорость и меткость стрельбы», а жестокие наказания и бессмысленные изнурительные учения в форме бесконечных строевых занятий и муштры привели к «ропоту», равнодушию к жизни и своим обязанностям, «унижению в собственных глазах», потере «уважения к собственному званию».[1] Русский солдат-гвардеец заперт в казарме и лишен элементарных радостей жизни. Все вышеперечисленные недостатки «находятся в Гвардейском корпусе в высшей степени».[2]

Гв. эпохи Екатерины II была успешна хотя бы в силу того, что она была «[…] душою предана Монархине, ибо чины оную составляющие, от солдата до генерала, пользуются всеми удовольствиями жизни, от престола проистекающими, не знали ни изнурения, ни угнетения».[3]

Свои рассуждения граф подытоживает следующим выводом: «Ныне же гвардия увеличенная до безмерности, представляет стройную, прекрасную для глаз машину, но не имеющую внутреннего достоинства, того нравственного состояния, которое служит залогом общественного спокойствия».[4]

Примечательно, что на протяжении не только 2-ой половины 20-30-х, но и фактически всех 40-х гг. XIX в., за гв. осуществлялся пристальный надзор со стороны III отделения Собственной Е.И.В. канцелярии. При этом к началу 30-х гг. отмечался ряд «проблем», отмеченных в записке графа Толстого. Так, в «Обозрении расположения умов и различных частей государственного управления в 1832 году», составленном графом П.К. Эссеном от-

[1] О нравственном состоянии войск Российской империи и в особенности Гвардейского корпуса. Письмо и записка графа Ф.П. Толстого императору Николаю I (С. 36-49). // Река времён. Книга истории и культуры. Книга первая: государь, государство, государственная служба. М., 1995. С. 41.
[2] Там же. С. 44.
[3] Там же. С. 44.
[4] Там же. С. 44.

мечалось, что в гвардии в минувшую осень «довольно сильно роптали на изнурение учениями».[1] В то же время акценты кардинально меняются уже к концу 30-х гг. и в 1837 г. граф Эриванский, светлейший князь Варшавский И.Ф. Паскевич доносил: «Войска гвардейского корпуса продолжают отличать себя особенной приверженностью своею к Государю. Видя часто Государя, будучи каждодневно в столь близких к Нему отношениях, они все, не только генералы и офицеры, но и нижние чины, любят его, можно сказать, от души».[2]

Наконец, к середине 40-х гг. интерес к возможным «эксцессам» в ГК постепенно начинает угасать. За 20 лет пребывания на престоле Николая I (к указанному моменту) гв. окончательно приобретает вид «послушного» войска, лояльного императору и правящей элите во всех отношениях. Еще в 1842 г. в «Нравственно-политическом отчете» императору указывалось: «Говорить о гвардии было бы излишне: в ней существует порядок примерный, и в прошедшем году не слышно было ни малейшего ропота».[3]

Общее представление о состоянии гв. в период правления Александра II дает «Рапорт и отчет командира 1-й гвардейской дивизии Дрентельна[4] Главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа в. к. Владимиру Александровичу о состоянии дивизии за 1869 год»[5] от 29 мая 1870 г. (ст. ст.) (полный текст рапорта см.: в приложении 26). В частности в документе отмечается:

1)крайняя изношенность казарменного фонда при «катастрофической» недофинансированности отдельных частей[6];

---

[1] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 1. Л. 170.
[2] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 3. Л. 104.
[3] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 7. Л. 222.
[4] Александр Романович Дрентельн (1820-1888 гг.). Г.-адъютант, г. от инфантерии. Командовал 1-й ГПД с 1862 по 26.04.1872 г. Являлся наставником «военного дела» (по военным вопросам) у в. к. Александра Александровича и Владимира Александровича. После кампании 1877-1878 гг. назначен шефом Отдельного корпуса жандармов (1878-1880 гг.). Член ГС. В январе 1881 г. назначен Киевским, Подольским и Волынским г.-губернатором и командующим войсками Киевского ВО. Генерал умер 15.08.1888 г. во время парада, посвященного 900-летию крещения Руси от обширного инсульта («…во время парада упал мертвым с лошади»).
[5] ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 69.
[6] Там же. Л. 2.

2)все полки и батальоны 1-й гв. дивизии в *строевом плане* находились в хорошем состоянии, что демонстрировали строевые учения и смотры;

3)в то же время гимнастические занятия проводились бессистемно и не несли «пользы» для здоровья военнослужащих;

4)в свою очередь стрелковое дело изменилось в лучшую сторону – прогресс прослеживается не только в гв. стрелковых частях (стрелковые батальоны были перевооружены ружьями нового образца по системе Бердана[1]), но и в остальных пехотных полках дивизии. В то же время фехтование «оставляло желать лучшего»[2];

5)обучение грамотности нижних чинов велось «плохо»: наибольшие успехи демонстрировали рядовые л.-гв. Преображенского и л.-гв. Измайловского полков. Нравственный уровень рядового состава в целом был «неудовлетворителен»: к основным проступкам относились пьянство, кражи (чаще всего казенных вещей), отлучки и побеги[3] (большую часть рядовых, чаще всего в пьяном виде, забирала полиция в «различных вертепах разврата»[4]; количество больных сифилисом составляло до 40% от всех поступающих в госпитали.[5]).

Кроме этого, отмечался рост различных заболеваний по сравнению с предыдущими годами (А.Н. Дрентельн констатирует: «Нельзя не признать, что убыль от болезней в последнее время стала очень велика, несмотря на то, что Гвардия поглощает теперь лучшие силы народонаселения, призванные на укомплектование русской армии»[6]. Основным заболеванием являлись различные формы простуды, что было очевидным для климатических условий С.-Петербурга и его окрестностей);

6)офицерский же корпус, по мнению генерала Дрентельна, отличался *профессионализмом* и находился «на высоте» («[…] корпус офицеров во всех частях дивизии весьма хорош; большинство получило хорошее общее и специ-

[1] Там же. Л. 10.
[2] Там же. Л. 2.
[3] Бежавших в течение года было 18 чел., из них поймали 16, а 2 вернулись добровольно
[4] ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 69. Л. 5.
[5] Там же. Л. 9.
[6] Там же. Л. 8-9.

альное военное образование; между старшими офицерами много таких, которые совершенно готовы быть отдельными самостоятельными начальниками»[1]);

7)во всех полках имелись полковые библиотеки, при этом офицеры в основной своей массе читали «современные издания» и бульварные романы, пренебрегая специальной военной литературой.

Показателем образцового состояния офицерского корпуса указанного периода могут служить «Аттестационные списки на офицеров 1 гвардейской дивизии и Л.-гв. Преображенского полка. 1870-1871 гг.» (от 21-го Мая 1870 г.; составлены генералом А.Н. Дрентельном; полный текст документа дается в приложении 27). Примечательна выборка качеств отмечаемых в аттестуемой группе офицеров, позволяющих сформировать коллективный портрет «типичного» гв. офицера 70-х гг. XIX в. Указанная информация представлена в таблице № 19 (см. таб. 19):

Таблица № 19

Выборка основных качеств, присущих офицерам 1 ГПД в соответствии с «Аттестационными списками… 1870-1871 гг.»

	Способности офицера	
	положительные	Отрицательные
Профессиональные качества	1)образованный 2)способный 3)дельный 4)распорядительный 5)усердный 6)исправен 7)исполнительный 8)старательный 9)очень заботлив о подчиненных 10)любит военное дело 11)ловкий 12)расторопный 13)любит стрелковое дело	1)не бойких способностей 2)излишне самоуверен 3)не имеет ничего военного 4)ограниченных способностей
Моральные качества	1)правдивый (безукоризненно честный, честных правил)	1)лишен такта 2)весьма кроткого нрава

[1] Там же. Л. 3.

	2)тактичный 3)строгий 4)высокой нравственности	3)лишен чувства собственного 4)достоинства 5)не правдив
Физические качества	-	1)слаб здоровьем 2)без всякой энергии 3)очень суетлив

Источник: ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 70. Л. 1-4.

Данная аттестация затрагивает 24-х полковников, рекомендуемых на должность командира полка, то есть потенциальных генералов и в последующем представителей различных групп военной и военно-политической элиты империи. В качестве основных положительных характеристик генерал А.Н. Дрентельн выделяет следующие качества: в области профессиональной - образовательный уровень и наличие способностей, усердность и исполнительность, добросовестное исполнение обязанностей; в области моральных качеств - в первую очередь правдивость (честность), тактичность, высокие нравственные качества. Подчеркивается умение расположить к себе людей и снискать их уважение. Отмечается умение держать дистанцию и быть в меру строгим с подчиненными.[1] Своеобразным идеалом характеристики в данном случае является оценка способностей полковника л.-гв. Стрелкового Е. В. батальона барона Артсгофена: «Примерный во всех отношениях Штаб-Офицер. Отличных способностей и строевых правил».[2]

В качестве сравнения можно привести пример аттестации для рекомендации на должность командира полка, даваемых офицерам своей части (л.-гв. Московского п.) г.-майором В.Г. Глазовым рубежа XIX-XX вв. Следует подчеркнуть, что к обязательным индексам аттестации указанного отрезка времени относились возраст и здоровье. В частности в отношении полковника Н. Яцынина Глазов писал: «Здоровье хорошее. К перенесению трудов и походной жизни вполне способен».[3] Кроме этого, отмечались умственные способности, особенности характера, нравственные и волевые качества: «Ум-

[1] ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 70. Л. 1-4.
[2] Там же. Л. 4.
[3] РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Ед. хр. 58. Фонд Глазов. Л. 6.

ственные способности - хорошие. Воля твердая, нравственные правила отличные. Отличительные особенности - Не всегда ровный характер».[1] В отдельном разделе (в данном случае *пункт 2*) давался общий портрет кандидата. В отношении уже упоминавшегося Яцынинина подчеркивалось: «[…] 2. а) На службе постоянно и одинаково усерден, весьма энергичен; к законности и порядку вполне привержен; достаточно настойчив в неуклонном исполнении обязанностей своих и подчиненных, среди коих свой авторитет начальника установить всегда сумеет; обладает достаточным служебным тактом; быт офицера и солдата знает хорошо; с подчиненными обращается правильно: требователен, внимателен к их нуждам, заботлив, относится к ним справедливо и беспристрастно».[2] Если офицеры не создавали проблем полку и себе и в целом неплохо справлялись со своими обязанностями, они получали фактически *однотипные характеристики*, незначительно разнящиеся в отдельных эпитетах (общий набор которых вполне соответствовал вышеприведенному в таблице № 19). В этом плане следует подчеркнуть, что не только корпоративная солидарность, но и отработанный десятилетиями бюрократический формализм являлся визитной карточкой российской военной машины. Гв. в этом плане не являлась исключением. Изучение характеристик старших офицеров, как правило, подводит нас к выводу о их «выдающихся» профессиональных, деловых и человеческих качествах, что не всегда соответствовало действительности.

В этом плане качество офицерского состава даже самых «престижных частей» гв. анализируемого периода оставляло желать лучшего. Примером подобного рода могут служить кавалергарды образца 1861 г. С. Панчулидзев отмечал: «Кн[язь] В[ладимир] И[ванович] (речь идет о князе В.И. Барятинском – *прим. наше: Ч.Г.*) получил тяжелое наследие: распущенный и опустившийся состав офицеров. Относительно офицерского состава достаточно сказать, что при приеме полка на лицо оказалось 16 офицеров, “dont un seul

[1] Там же.
[2] РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Ед. хр. 58. Фонд Глазов. Л. 9.

parlait français"[1]; в порядочном обществе кавалергардские офицеры отсутствовали, предпочитая ему кутежи, далеко не всегда приличные, и картежную игру, далеко не всегда корректную. Дошло до того, что старые кавалергарды стали отдавать своих сыновей и родственников в чужие полки… В хозяйственном отношении полк был «вполне разоренным»…»[2]

В качестве еще одного подтверждения вышеозначенного суждения о «несовершенстве» «белой кости» можно привести «Алфавитный журнал штаб- и обер-офицеров и чиновников л.-гв. Конного полка, получивших взыскания с 1905 по 1912 гг.». В журнале фигурирует 33 офицера, в отношении которых было вынесено: 18 выговоров, 1 строгий выговор (ротмистр П.Н. Золотницкий, 1907 г.) и 2 раза «поставлено на вид». За указанный отрезок времени офицеры полка подвергались аресту 16 раз.[3]

Проиллюстрируем вышеизложенные доводы компаративным анализом совокупности взысканий в отношении офицеров Конной гвардии образца 1905-1912 гг. с и л.-гв. Конно-Гренадерского п. образца 1853 г. (за период с марта по сентябрь). При этом обратим отдельное внимание на качественный характер отдельных девиантных поступков офицеров полка и санкций, примененных к ним (общее представление о рассматриваемых параметрах дает «Штрафной журнал гг. офицерам Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка за 1853 г.»[4] (см.: приложение 28)). В соответствии с указанным документом взысканиям подвергались: 4 прапорщика, 5 поручиков, 1 штабс-капитан, 2 капитана, 1 «штатный» полковник и 1 прикомандированный полковник, всего 14 офицеров. Из них было арестовано (с содержанием на Петергофской Главной или на Красносельской гауптвахтах): на две недели – 1 (самое строгое наказание); на 1 неделю – 1; на 5 дней - 1; на три дня – 2; на 2 дня – 2; с

[1] Перевод с французского: «…из которых только один единственный говорил по-французски».
[2] Сборник биографий кавалергардов. 1826-1908… - С. 18.
[3] РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3245. При этом: аресту на 7 суток - 6 раз (1907 г.: корнет А.А. Ильин-I; 1908 г.: шт.-ротмистр Н.В. Турчанинов, шт.-ротмистр барон Л.К. Корф, корнет барон П.Г. Гревениц; 1912 г.: корнет князь Д. Шаликов, корнет В.Л. Князев); аресту на 3 суток – 3 раза; на 2 суток – 3 раза. 3 офицера подвергались санкциям по 2 раза (В.В. Бискупский: в 1908 г. был арестован и получил выговор, а в 1909 г. – получил выговор; В.В. фон-Валь: в 1910 г. объявлен выговор, а в 1912 г. – «поставлено на вид»; князь Е.Е. Гедройц: в 1909 г. – выговор, в 1910 - выговор).
[4] ГАРФ Ф. 646. Оп. 1. Д. 80. Л.1-4об. (Штрафной журнал гг. офицерам Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка за 1853 г. 6 окт. 1853 г.).

пометкой «до выступления полка на маневры» - 2. Два офицера получили наряды вне очереди, 3 и 2 соответственно. Наконец, одному был объявлен строгий выговор.

Подавляющая часть офицеров была наказана за недобросовестное исполнение своих служебных обязанностей («незнание службы»).[1]

Примечательно, что наказанию в виде ареста на одни сутки подвергся даже прикомандированный к полку флигель-адъютант л.-гв Конно-Пионерного Дивизиона полковник князь П.Р. Багратион[2], («За сделанные на бывшем того числа ученье в высочайшем Присутствии ошибки во фронте, а именно: когда была произведена перемена фронта правым флангом вперед, то он неправильно ввел командуемый им 2 Дивизион к новой линии фронта»[3] (выдержка дана в соответствии с грамматическими особенностями современного русского языка). Взыскание на князя наложил лично цесаревич в. к. Александр Николаевич.[4]

Самому тяжелому взысканию (аресту на 2 недели) повергся прапорщик М.Г. Лерх-II. В отношении него указывалось: «За то, что быв назначен в караул не прибыл на репетицию развода, которую делал полковник Барон Фон Врангель 3-й 10 числа Сентября, а приехал только к разводу и сам объявил, что вступать не умеет».[5] При этом его прямой начальник полковник барон Н.Е. фон Врангель-III дисциплинарных взысканий к своему подчиненному не применил, за что получил строгий выговор.[6] Таким образом, во времена Николая I «кругозор» гв. офицеров в области всевозможных «нарушений» и проступков был крайне ограничен и касался исключительно «строя». Конногвардейцы начала XX в. были более «разносторонними»: они позволяли себе

---

[1] Там же.
[2] Окончил Школу Гв. подпрапорщиков и в 1835 г. был выпущен в л.-гв. Уланский п. Продолжил службу в л.-гв. Конно-Пионерном п. С 1842 г. адъютант герцога М. Лейхтенбергского. В 1850 г. – полковник. В 1852 г. - флигель-адъютант. В том же году прикомандирован для получения опыта в «фрунтовой службе» к л.-гв. Конно-Гренадерскому п. С 1856 по 1858 г. командир Собственного Е.И.В. Конвоя. В 1858 г. – г.-майор. Князь умер в звании г.-лейтенанта (с 1863 г.) на посту г.-губернатора Остзейского края в 1876 г. (*Источник:* СГС. СПб., 1875. С. 314)
[3] Там же. Л. 2.
[4] Там же.
[5] Там же. Л. 4об.
[6] Там же. Л. 4.

«шалости», в отдельных случаях даже бросающие тень на звание офицера императорской гв., и являли особый тип «декадентствующего офицера».

Еще одной проблемой, характерной не только для гв., но и для всей российской армии, являлись неуставные отношения. При этом указанная проблема сохраняет свою очевидную актуальность вплоть до нач. XX в. Особенно четко она вырисовывается в пехотных полках 2-й ГПД. Ее особенности высвечивает «Письмо неустановленного лица (без подписи) Глазову В.Г. о притеснениях ротного командира кап. Л.-гв. Московского полка Бобровского» (письмо датировано 2 марта 1894 г. ст. ст.; полный текст документа приводится в приложении 29). При этом следует отметить, что л.-гв. Московский п. являлся 1-м полком 1-ой бр. 2-ой ГПД, т.е. он занимал во 2-й дивизии такое же место, как л.-гв. Преображенский в 1-ой.

Автор письма (унтер-офицер Иван Васильев) отмечает[1]: «Ротный командир капитан Бобровский начал особенно в последнее время чрезвычайно жестоко обращаться с нами, называть каждого из нас арестантами, адиотами и другими не цензурными словами которых слов и названий себя каждый из нас никогда до службы не слыхал и не заслуживал, так что положительно не вмочь стало нам с ним нести службу… Во время проверки солдат строевому занятию, а в особенности молодых, позволяет себе бить по рукам, толкать и рвать за уши, всегда грозит каждому из нас и дает обещания отдать под суд и перевести в разряд штрафованных, а унтер-офицеров и ефрейторов разжаловать и буду говорит служить с арестантами… Не далеко как 4-го марта он выстроил роту и начал угрожать что всем перегну и переломаю ребра, и что он никого за свою жестокость не боится, ни командира полка, ни бригадного, ни начальника дивизии, одного только боится Государя; ну как после этого нам остается с ним служить».[2] Письмо было подписано и. д. фельдфебеля старшим унтер-офицером Иваном Васильевым и 79 нижними чинами (интересна приписка: «с 44 по 79 неграмотные»).[3]

---

[1] В цитируемом отрывке сохраняется стиль и орфография источника.
[2] РГИА. Ф. 922 Оп.1. Ед. хр. 58. Фонд Глазов. Л. 4.
[3] Там же.

Данная жалоба была не единична. Всего в деле находится четыре жалобы идентичного содержания. Примечательно, что в одной затрагивается одна из причин бегства солдат из частей. Унтер-офицер указывает, что в силу постоянных придирок, унижения личного достоинства и рукоприкладства солдаты просят перевести их в другие части, так как в полку им нормально служить не дадут, а он сам и несколько сослуживцев «…2-го марта совсем хотели уйти из роты куда глаза глядят, но только не захотели позорить свою часть»[1]. К сожалению, представляется невозможным определить последствия данной жалобы. Хорошо известно что в императорской гв. «мусор из избы» старались не выносить, разве что жалоба попадала к дивизионному начальству.

Таким образом, к началу XX в. гв. представляла сложное явление: с одной стороны, это было действительно образцовое войско, с другой – в ней скрывались пороки, в массе своей присущие всей остальной армии, но при этом еще и *старательно скрываемые*. И в то же время очевидным было, что гв. полки по-прежнему оставались мощнейшим социальным лифтом для последующей успешной карьеры. При «ровной», лишенной эксцессов службе гв. офицер достигал звания полковника, а при незначительном везении и г.-майора. При этом подавляющая часть офицеров в конечном итоге получала полк.

Определенное и довольно существенное влияние на физиономию императорской гв., серьезную эволюцию ее боевого духа и дальнейшую идентификации своего места в российской императорской армии оказала русско-турецкая война 1877-1878 гг., во время которой она вышла на поле боя в последний раз[2]: вплоть до Первой мировой войны гв. участия в боевых действиях не принимала. Следует подчеркнуть, что отдельные офицеры гв. ча-

[1] Там же. Л. 7.
[2] Участие императорской гв. в событиях Русско-турецкой войны 1877-1878 г. г. анализируется нами в монографии «Российская императорская гвардия в системе военной элиты Российской империи в эпоху правления Николая II: Монография» (Чувардин Г.С.; М., 2008. С. 30-39).

стей принимали участия (в «частном» порядке) в локальных конфликтах, а к началу века в событиях в Китае и русско-японской войне.

В последнее время в отечественной литературе обозначился тренд, отбрасывающий исследования российской императорской гв. к «пещерным временам» советского отрезка рефлексии данного явления. Так, в работе А.В. Гущина «Русская армия в войне 1904-1905 гг.: историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий» в очередной раз рисуется портрет недоучки гв. «офицера-мерзавца», обязательно выходца из «золотой молодежи», который едет на ТВД зарабатывать «деньгу» и «легкие награды». При этом автор исследования ссылается на разрозненные воспоминания рядовых армейцев, объем которых не превышает одного десятка. Данный подход, с нашей точки зрения, лишен объективного содержания и не позволяет выявить всей глубины мотивов поведения гв. офицера и в первую очередь его высокого понимания категории «офицерская честь» и «полковая традиция».

Подавляющая часть гв. офицеров была заражена отнюдь не вирусом «квасного патриотизма», а патриотизма подлинного (здесь была и романтика, и определенное воздействие «боевых заслуг» и славных традиций предков, - в отдельных случаях еще времен Петра I и Екатерины Великой) и ехала в первую очередь служить Отечеству и именно поэтому умирала на поле боя, зачастую необдуманно. Следует обратить внимание на то, что на «сопки Манчжурии» отправился значительный процент «гв. молодежи» (по 1-й ГКД цифра поручиков и корнетов составила 67%), которой, безусловно, не было чуждо «здоровое честолюбие». Но известную пословицу «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом», еще никто не отменял. Если говорить *о цинизме и нравственной трансформации (а возможно, и деградации)*, то они появлялись значительно позднее, когда наивные корнеты и подпоручики-романтики, пообтесавшись в кулуарах власти (и военной, и политической), превращались в 60-70-летних генералов-консерваторов.

Утверждение А.В. Гущина о том, что общей статистики по участию гв. офицеров в русско-японской войне нет, также не совсем точны. В свое время нами приводилась указанная статистика в отношении так называемой «старой гвардии».[1]

Что касается участия офицеров л.-гв. Конного п. в событиях рассматриваемой войны, то их было не 8, а 21 чел. (кавалергардов – 13, лейб-гусар Его В. – 9[2], лейб-кирасир Его Величества – 5[3], Ее Величества – 4[4]). Даже в «Списке по старшинству…» за 1907 г. л.-гв. Конного п. несложно обнаружить 10 офицеров-участников русско-японской войны. Таковыми являлись: полковник Нахичеванский Хан-Гуссейн (за участие в кампании был награжден орденом св. Георгия IV ст.); штабс-ротмистры П.Н. Золотницкий, В.В. Бискупский (был ранен – контужен); Б.Г. Гартман (вышел на ТВД из НАГШ); принц Мюрат Наполеон Ахиллович (был дважды ранен); поручики В.В. фон-Валь (был ранен – контужен), граф А.П. Беннигсен, барон П.Ф. Мейендорф, барон П.Н. Врангель (был ранен); корнет граф П.А. Бенкендорф.[5]

Кроме этого, к указанному списку следует добавить полковников флигель-адъютантов графа Шувалова и князя Г.И. Трубецкого[6], штабс-ротмистров Ф.Б. Булгарина и А.Я. Соловьева, поручиков А.А. Козлова, А.П. Альбрехта, Н.Н. Рыдзаевского, корнетов Л.А. Зиновьева (убит в составе 2-го Читинского казачьего полка 10.05.1904 г.), А.А. Колюбакина (убит в рядах 2-го Дагестанского конного полка 30.12.1904 г.), графа Капниста, графа Мантейфеля.[7]

---

[1] См.: Чувардин Г.С. Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции: Монография. Орел, 2005. С. 77-81; Чувардин Г.С. Российская императорская гвардия в системе военной элиты Российской империи в эпоху правления Николая II: Монография. М., 2008. С. 39-43.

[2] Поручики: граф А.С. Велепольский, М.М. Раевский; штабс-ротмистры: Д.В. Маркозов, М.Н. Скалон; корнеты: Б.А. Смецкой, А.А. Гревс, А.П. Гревс, С.Х. Рооп, граф В.М. Толстой.

[3] Поручики: Волынский, барон Икскюль, Сахновский; корнеты: Деконский, князь Абамелик.

[4] Поручики: Н.Н. Турбин, Г.В. фон-Брюммер; корнеты: барон Д.П. Черкасов (контужен), В.А. Шангин.

[5] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.3145. Список (по старшинству в чинах) Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чинам л. гв. Конного полка. По 1.V.1907 г.

[6] Накануне войны командовал эскадроном Е.И.В., флигель-адъютант с 1902 г., окончил ПК (Список полковникам по старшинству. СПб., 1905. С. 840).

[7] См.: Белосельский-Белозерский С., князь. История лб.-гв. Конного полка. Т.3. Париж, 1961. Приложение.

Сохранилась краткая информация о «показном» геройстве поручика В.В. фон-Валя. В частности указывалось: «Сотник 2-го читинского полка Забайкальского казачьего войска Вас. Викт. Фон-Валь, раненный в грудь 28 апреля в стычке у д. Тхумынза, во время отступления заставой, прикрывая с горсткой казаков отступление своей сотни, упал с лошади от удара и немедленно был взят в плен преследовавшими их японцами. В.В. окончил Пажеский корпус, до войны 3 года служил в конной гвардии. Ему 23 года».[1] И такие описания «показного» героизма гв. офицеров не единичны. Оговоримся еще раз: в 23 года сложно быть карьеристом и законченным мерзавцем-циником, да еще при этом и лезть под пули.

Общая численность гв. офицеров-участников русско-японской войны от 1-й ГКД и 1-й ГПД представлена в таблице № 20 (см. таб. 20)

Таблица № 20

Общая статистика офицеров-участников русско-японской войны 1 ГКД и 1 ГПД

	1-я ГКД	1-я ГПД
Генералы	3	2
Полковники	4	-
Ротмистры/капитаны	2	2
Штабс-ротмистры/штабс-капитаны	5	4
Поручики	10	2
Корнеты/подпоручики	19	9
Всего:	43	19

Источники: РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3145.; Ф. 3545. Оп. 1. Д. 395; Ф. 3547. Оп. 1. Д. 128; Ф. 2577. Оп. 2. Д. 353; Ф. 2576. Оп. 1. Д. 198; Ф. 2583. Оп. 2. Д. 865; Ф. 2584. Оп. 1. Дела 2756, 2595; кн. Девлет-Кильдеев Н.М., Доленга-Ковалевский Г.А. Кирасиры Его Величества 1902-1914 гг. Последние мирные годы. СПб., 1914.

Что касается стрельбы в спину офицерам, в том числе и гвардейским, то стреляли всем. Стреляли и в «Верховного вождя» - царя (при этом не из стрелкового оружия, а из пушки), возможно, случайно. В конце концов в

[1] Иллюстрированная летопись русско-японской войны (по официальным данным, сведеньям печати и показаниям очевидцев). Издание редакции «Нового журнала иностранной литературы» (Ф.И. Булгакова). СПб., 1904. С. 86.

стране была революция, а агитация в армии достигла высокого градуса и проникла далеко за Урал.

Таким образом, к концу XIX в. императорская гв. предстает значительным по размерам, социально неоднородным образованием, занимающим в российской армии особое место. Ее офицерский корпус являлся ярко выраженной элитообразующей структурой, «кадровой обоймой» военной и военно-политической элиты империи. Он и сам по себе представлял одну из важнейших страт военной элиты.

Однако гв. не являлась однородной структурой: ее следует стратифицировать как по родам войск, так и по отдельным соединениям и даже полкам. В последнем случае можно выделить некий «высший уровень» наиболее престижных частей, максимально приближенных к власти и в какой-то мере инкорпорированных в нее. Они имели за плечами солидную историю («старшинство») и объединяли в своих рядах «остатки» российской аристократии (в основной своей массе представителей титулованных и именитых дворянских родов). Отметим, что все мужчины дома Романовых служили или числились в отдельных гв. полках и соединениях. На рубеже веков российская гвардия, в отличие от германской и британской, сохранила основные черты, типичные для первой половины XIX века, поскольку так и не подверглась «плутократической эрозии», характерной для других европейских стран.

Несмотря на то, что гвардия не принимала участия в военных конфликтах, начиная с эпохи Александра III, она воплотила в себе лучшие достижения военного искусства своего времени. Дело в том, что в ее рядах было значительное число экспертов, имеющих боевой опыт и знания, диктуемые временем. Проведенный анализ позволяет утверждать, что императорская гвардия не являлась «идеальной средой», свободной от различного рода эксцессов, характерных для армии в целом.

Гв. представляла собой консервативную среду, поведение представителей которой опиралось на сложную систему полковых традиций, склады-

вающихся на протяжении длительного времени. Для данной среды был характерен высокий корпоративный дух и атмосфера так называемого «полкового братства», приближавшегося по своему содержанию в начале XX века к некоему роду «круговой поруки». По мере прохождения всех ступеней профессионального роста гвардейцы делали все возможное, чтобы поддержать «своих», «наполняя» ими отдельные группы военной и политической элит.

Наличие императорской гвардии являлось мощным основанием для консервации существующего политического режима и своеобразной гарантией от его радикальной трансформации. Это особенно наглядно проявилось в ходе событий 1905-1907 гг. Таким образом, императорская гв. являет собой своеобразный симбиоз старого и нового, «лучших черт» и «типичных пороков», характерных не только для военной элиты, но и для всей русской армии 2-й половины XIX – нач. XX вв.

3.2.Казачья гвардия – основное «неконвенциональное образование» российской армии

Тема изучения офицерского корпуса казачьих частей и подразделений практически не рассматривалась в отечественной исторической науке. Показателен тот факт, что при весьма солидной историографии, связанной с изучение истории казачества как военного сословия, «казачья гвардия» по-прежнему находится на периферии исследовательского интереса отечественных историков (исключение в данном случае составляет диссертация Д.А. Тутина[1]).

Эпоха Великих реформ Александра II кардинальным образом трансформировала механизмы казачьей повседневности. Реформа иррегулярных войск подразумевала ее всестороннее обсуждение в среде местных властных элит, в первую очередь, атаманов и главных начальников казачьих войск.

[1] Тутин Д.А. Казачьи полки императорской гвардии и их роль в первой русской революции: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Тутин Дмитрий Альбертович. – СПб., 2002.

Суть реформы выразил в своих воспоминаниях генерал Д.А. Милютин: «Главная цель министерства при составлении этой программы заключалась в том, чтобы отбываемая казачьим населением военная повинность не лишила их средств к поддержанию и развитию экономического его благосостояния, для чего предполагалось, кроме установления нормальной соразмерности наряда на службу с численной силой населения, открыть доступ в казачьи области посторонним лицам, облегчить переход их в казачье сословие, равно как и выход из него; допустить в известной мере личную поземельную собственность, разграничить военное управление от гражданского и судебную часть от административной».[1] Таким образом, реформа подразумевала идентификацию казачества и как военного и как хозяйствующего субъекта, при этом сохраняя его статус «особого военного сословия».

При подготовке реформы особое мнение было высказано главами Донского и Уральского казачьих войск атаманами г.-адъютантом, г. от кавалерии М.Г. Хомутовым[2] (который, как указывается в «Описи войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам» «…открыл собою ряд атаманов неказачьего происхождения, как того потребовали высшие политические соображения»[3]) и Свиты Е. И. В. г.-майором А.Д. Столыпиным (при полном согласии военно-политической элиты прочих казачьих войск). Их предложения были рассмотрены в ВС и в той или иной степени учтены на последующих этапах осуществления военной реформы.

Таким образом, в пореформенный период статус казачества как военного сословия определялся Уставом «О воинской повинности Донского каза-

---

[1] Милютин Д.А. Воспоминания 1860-1862. М., 1999. С. 481.

[2] Хомутов М.Г. (Михаил Григорьевич, 1795 - 1864) – г.-адъютант, г. от кавалерии. Окончил ПК. Участвовал в сражениях 1812 - 1813 гг. и в турецкой кампании 1828 - 1829 гг. В 1839 г. назначен НШ Войска Донского, а через 10 лет - наказным атаманом (первым из лиц не донского происхождения). В 1863 г. назначен членом ГС. А. Петровский пишет о нем следующее: «Воин, был не то, чтобы очень важный, так как в крымскую кампанию, начальствуя войсками, охранявшими Азовское и Черное побережья, без выстрела сдал англичанам крепость Анапу. Зато администратор и хозяин был отменный» (см.: Петровский А. Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам в разное время в города Черкасске, а затем Новочеркасске для управления областью Войска Донскова от высшего начальства поставленным (1738-1916 гг.). СПб., 1917. С.15).

[3] Там же. С. 14.

чьего войска» 1875 г.[1] Анализируя специфику службы казачества, г.-лейтенант Н.Н. Головин отмечал: «Наконец, на основании особых казачьих уставов отбывало воинскую повинность казачье население областей: Войска Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского. Но «казачьи Уставы» не только не представляли собой облегчения в отбывании воинской службы, но в некоторых отношениях предъявляли к населению большие требования, нежели «общий Устав». Существование особых казачьих Уставов объяснялось желанием правительства дать казакам закон, хотя и построенный на тождественных с общим Уставом основаниях, но в то же время приспособленный к их быту и историческим традициям».[2] Головин также отмечает, что к началу Первой мировой войны обязательную «воинскую повинность» несла «казачья масса», составлявшая 2,5% от общего населения Российской империи.[3]

В соответствии с новой моделью администрирования статус Тихого Дона приравнивался к г.-губернаторству.[4]

Начиная с эпохи Николая I (с 1827 г.), наследник цесаревич выступал шефом Донского казачьего войска, а затем войскового атамана всех казачьих войск. Вплоть до правления последнего императора эта традиция оставалась неизменной. Цесаревич в. к. Алесей Николаевич являлся войсковым атаманом всех казачьих войск Российской империи и числился в составе 6-й л.-гв. Донской казачьей Его Величества батареи, л.-гв. Казачьего Е. В. п. и являлся шефом (с 30.VII.1904 г.) л.-гв. Атаманского Его Имп. Высоч. Насл. Цесаревича п.[5]

С.Н. Палеолог, чиновник Департамента общих дел МВД Российской империи, отмечает особую значимость казачества (через призму восприятия

---

[1] Воинская повинность казачьих войск. Исторический очерк. // Столетие военного министерства 1802-1902. Составил полковник А.И. Никольский и коллежский советник Н.А. Чернощеков. СПб., 1907. С. 121.
[2] Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М., 2001. С. 17.
[3] Там же. С. 18.
[4] Сизенко А.Г. Полная история казачества России. Ростов-на-Дону, 2009. С. 25-26.
[5] Императорская гвардия. Издание 2. Исправлено и дополнено под редакцией В.К. Шенка. По 1-е мая 1910 года. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. СПб., 1910. С. 8-10.

«казачьей гв.») в жизни и судьбе империи, его личной жизни: «В деревне, в кабинете деда, весь простенок перед письменным столом был занят портретом Александра II в форме л.-гв. Казачьего полка. Трудно передать, какой энтузиазм охватил 15 мая 1883 г., в день коронации Императора Александра III, московскую толпу, когда с пиками появились лейб-казаки и атаманцы, поразившие всех своей совершенно особой выправкой. Мне было тогда 6 лет, но я ясно ощущаю и теперь волнение, испытанное мной... Яркое впечатление сохранилось на всю жизнь: *тут и красота, и сила, и гордость, что это наше, родное, свое: Царь, Наследник, казаки – какое счастье быть русским!*»[1]

Особое место казачества в Российской империи рубежа XIX-XX вв. подтверждает тот факт, что последний русский император принес присягу перед штандартом одного из гв. казачьих полков.[2] Примечательно то, что в период правления Николая II значимость «казачьей гв.» по сравнению с эпохами его деда и отца возрастает.

К концу правления Николая I окончательно сложилась система администрирования Тихого Дона. Во главе войска находился войсковой атаман (должность утверждена в 1827 г.), который возглавлял войсковую канцелярию, затем войсковое правление. Ему же подчинялись НШ Войска Донского и наказной атаман Войска Донского (должность, права и обязанности были утверждены Манифестом от 16.02.1828 г.(старый стиль)). Наказной атаман являлся непосредственным начальником ВД и был наделен правами военного губернатора. Он также управлял гражданской частью.[3]

По мере увеличения числа казачьих войск окончательно закрепилась практика назначения лично императором казачьих наказных атаманов. В основной своей массе это были офицеры-выходцы из императорской гв. (представители аристократии или дети генералов) либо «боевые генералы», либо

[1] Палеолог С.Н. Около власти. Очерки пережитого. М., 2004. С. 82-83.
[2] Шайдицкий, полковник. Государь Император солдат и Верховный Вождь. // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. М., 2008. С. 138.
[3] Сизенко А.Г. Указ. соч.

царедворцы из личного окружения российских императоров. По мнению С.Н. Палеолога «на эти должности избирались наиболее даровитые генералы генерального штаба или особо выдающиеся гвардейцы с хорошим служебным стажем».[1] Общая статистика наказных атаманов Войска Донского в рассматриваемый период дается в приложении 30 (см.: приложение 30).

Не менее значимой была должность НШ Войска Донского. Зачастую именно эти офицеры оказывали решающее влияние на принятие решений, являясь своеобразными «серыми кардиналами», становясь в дальнейшем наказными атаманами. В большинстве они являлись выходцами из различных гв. полков, а также выпускниками НАГШ (см.: приложение 31).

К моменту воцарения Александра II в Российской империи было 8 казачьих войск (Донское, Уральское, Терское, Кубанское, Оренбургское, Астраханское, Сибирское и Забайкальское). Впоследствии было сформировано еще три (Амурское в 1858, Семиреченское в 1867 и Уссурийское в 1889 годах). Уже упоминавшийся нами С.Н. Палеолог отмечал, что «самыми ценными обручами Российской Царской короны были 11 казачьих войск».[2]

В 1853 г. личный состав казачьих войск насчитывал: 21 генерала, 2039 штаб- и обер-офицеров, 79416 рядовых и 71345 строевых лошадей.[3] При этом показатели Донского войска были следующие: 7 генералов, 691 штаб- и обер-офицер, 28228 рядовых и 29972 строевые лошади. Таким образом, офицерский корпус Донского войска по отношению к прочим казачьим войскам составлял 34%.[4]

Несмотря на очевидную значимость казачьих войск для армии, первенство среди них (и в области организации, и в области обеспечения материальными и людскими ресурсами) вплоть до Первой мировой войны, безусловно, сохраняло Донское казачье войско.

---

[1] Палеолог С.Н. Указ. соч. С. 85. С.Н. Палеолог описывает отрезок времени связанный с правление императора Николая II. Служебная карьера Сергея Николаевича падает на отрезок времени с 1900 по 1917 гг.
[2] Палеолог С.Н. Указ. соч. С. 87.
[3] Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX век. Военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 33.
[4] Там же.

Вплоть до начала XX в. оно служило своеобразным эталоном для других казачьих войск, которые активно «перенимали» его опыт. Так, генерал М.В. Грулев отмечал, что его прямой начальник наказной атаман Приамурского казачьего войска барон А.Н. Корф[1] послал его в начале 90-х гг. XIX в. перенимать опыт Донского казачьего войска. Генерал отмечал скрытую конкуренцию между казачьими войсками. Так, «амурцы» постоянно пытались обойти «забайкальцев». [2]

В 1815 г. все казачьи войска были подчинены Главному Штабу Военного министерства, а с 1857 г. казачество подчиняется специальному Управлению Иррегулярных войск при Военном министерстве. В 1867 г. Управление было переименовано в Главное управление Иррегулярных войск. В 1879 г. на его основе образуется Главное управление казачьих войск, просуществовавшее до 1.09.1910 г.[3] В ведении управления находились все дела по военному и гражданскому устройству всех казачьих войск указанного периода, при этом в областях Войска Донского, Терской и Кубанской областях еще и гражданское управление неказачьим населением. В соответствии со штатным расписанием 1897 г. оно включало в себя 10-ть отделений (Инспекторское, Законодательное, Поземельно-межевое, Хозяйственное, Мобилизационное, 6-9 – По гражданской части, Горское), кроме этого, Канцелярию, Казначейскую часть и Архив. На конец 6.09.1910 г. Главное управление казачьих войск было упразднено, а его функции (в полном объеме[4]) были переданы Отделу управления казачьими войсками Штаба Военного министерства (Ка-

---

[1] Корф Андрей Николаевич (10(22).02.1831-07.02.1893). Первый Приамурский г.-губернатор (1884-1893), г.-адъютант, г. от инфантерии, барон. Потомственный дворянин Курляндской губ. После окончания ПК в 1849 г. направлен в л.-гв. Преображенский п. в звании прапорщика. В 1856 г. командирован в Пруссию, Бельгию и Францию. Принял участие в «войне с горцами». Награжден орденом Св. Георгия IV ст. В 1865 г. командир 99-й пех. Ивангородский п. Затем НШ Рижского ВО и ком. л.-гв. Литовского п. С мая 1884 г. Приамурский г.-губернатор и ком. войсками Приамурского ВО.

[2] Грулев М.В. Записки генерала-еврея. М., 2007. С. 178, 183.

[3] Указанную структуру последовательно возглавляли: А.И. Веригин (1858-1861 гг.), Н.И. Карлгоф (1861-1871 гг.), А.П. Богуславский (1871-1882 гг.), В.Г. Золотарев (1882-1891 гг.), В.А. Бунаков (1891-1897 гг.), П.О. Щербатов-Нефедович (1897-1907 гг.), Е.Г. Гарф (1907-1910 гг.), П.О. Агапов (9.01.1910 – 3.03.1910 гг.).

[4] РГВИА. Ф. 400. Оп. 309. Д. 233. Л. 6. К указанным функциям относилось: 1)наблюдение за точным исполнением издаваемых для казаков законоположений; 2)разработка соображений о применении преобразований, предпринимаемых в государстве к казачьим войскам, соответственно условиям их быта; 3)надзор за состоянием финансовых средств казачьих войск; 4)надзор за правильным и успешным межеванием земель в казачьих войсках; 5)устройство судебной и нотариальной частей в казачьих войсках.

зачий отдел Главного Штаба), состоящему из 5-ти отделений и 5-ти частей. Во главе отдела был поставлен г.-майор (с 1906 г.) П.О. Агапов (уроженец Оренбургского казачьего войска, выпускник НАГШ). Отдел просуществовал до 1.12.1918 г.

Как отдельный сегмент российской регулярной армии рубежа XIX-XX вв. казачество было представлено *гв. кавалерийскими частями* (л.-гв. Казачьим Е. В. п., л.-гв. Атаманским Е. И. Высочества Государя наследника цесаревича п. и л.-гв. Уральской казачьей сотней (с 1906 г. л.-гв. Сводным Казачьим полком)), л.-гв. Собственным Е. И. В. Конвоем; *конно-артиллерийским подразделением* л.-гв. 6-й Донской Е. В. батареей л.-гв. Конноартиллерийской бригады.[1] Указанные части и подразделения входили в состав ГК и дислоцировались на территории СПб. ВО.

Представление об особенностях эволюции казачьих частей в период правления Александра II – Николая II дает таблица в приложении 32 (см.: приложение 32).

В 1857-58 гг. части казачьей гв. (л.-гв. Казачий, Лейб-Атаманский полки и л.-гв. Уральский Казачий дивизион) входили в состав 1-й ГКД. Они дислоцировались в СПб. «на льготе». Кроме этого, в м. Пелла дислоцировался гв. Образцовый казачий дивизион, позднее расформированный.[2]

В годы правления императоров Александра II - Николая II в структурном плане 1-я ГКД претерпела весьма несущественные изменения, при этом вышеуказанные казачьи части продолжали оставаться в ее составе (с учетом специфики их исторической эволюции). В начале 70-х гг. XIX в. был поставлен вопрос о возможности формирования еще одного гв. казачьего полка, что во многом было связано с расширением геополитического пространства Российской империи и увеличением численности казачьих войск. Дискутировалось мнение, что лучшие казаки из прочих войск, помимо Войска Донского,

[1] Далее по тексту будут употребляться следующие названия указанных полков: л.-гв. Казачий, л.-гв. Атаманский, л.-гв. Сводный Казачий полки; Конвой; л.-гв. 6-я Донская казачья батарея.
[2] Общее расписание войск Отдельного гвардейского корпуса и причисленных к нему частей с обозначением их расположения на зиму 1857-1858 гг. СПб., 1857. С. 9-11.

должны быть представлены в гв. и получить «передовой» опыт гв. и столичной службы. Тем не менее, полк предполагалось формировать на базе Донского Войска. Но в силу значительных затрат на содержание армии (на что постоянно сетует военный министр указанного периода генерал Д.А. Милютин[1]), от этой идеи отказались. Вероятные финансовые затраты на реструктуризацию гв. сдерживали трансформацию не только казачьих частей и подразделений, но и гв. пехоты.[2] Опасения военного министра оказались небезосновательны. Уже к 1875 г. военное министерство не имело возможности покрыть даже незначительную часть расходов по обязательствам и проектам 1873 г.[3]

Д.А. Милютин также отмечал, что в ходе реформы желание увеличить численность гв. у императора возникало неоднократно. Император также настаивал на ее реорганизации и перевооружении по «европейским», прежде всего прусским образцам[4], в чем сказывались веяния франко-прусской войны. Навязывание «прусского стиля» русской армии Д.А. Милютин связывает с деятельностью г.-лейтенанта Е. Высочества герцога Г.Г. Мекленбург-Стрелицкого, осуществлявшего с 1869 г. перевооружение русской армии новой системой ружей. В целом нововведения коснулись гв. пехоты и лишь частично - кавалерии, при этом практически не затронули гв. казачьи части.

Таким образом, к 1902 г. л.-гв. Казачий, л.-гв. Атаманский и л.-гв. Уральская Е. В. сотня были включены в состав 3-й гв. кавалерийской бр. 1-й ГКД. Указанные части и подразделения в полном составе дислоцировались в СПб.[5] и Красном Селе.[6] Пребывание в Красном Селе было крайне необходимо для сохранения подвижности конского состава и регулярных занятий особым способом верховой езды казаков, именуемым «джигитовка». «Богатыр-

[1] Милютин Д.А. Дневник. 1873-1875. М., 2008. С. 98.
[2] Там же. С. 100-101.
[3] Там же. С. 153.
[4] Там же. С. 110-114.
[5] Казачий полк разместился в казармах, выстроенных И.Д. Черником и А.П. Гемилианом в 1846-1858 гг. на Атаманской улице вдоль набережной Обводного канала. От названия полка также происходило название Казачьего моста. Казаки ходили молиться в церковь св. муч. Иерофея, епископа Афинского.
[6] Расписание войск Петербургского Военного округа и список чинов, состоящих в войсках и управлениях Петербургского Военного округа. СПб., 1902. С. 11-12.

ские» лошади 1-й бригады 1-й ГКД (л.-гв. Кавалергардского и л.-гв. Конного полков) под стать кавалергардам и конногвардейцам двух первых эскадронов, отличались слабой выносливостью и малой подвижностью еще и в силу того, что занятия личного состава проводились в лучшем случае в Манеже.

Л.-гв. 6-я Донская казачья батарея л.-гв. Конноартиллерийской бр. дислоцировалась в Павловске. В Павловске с 1906 г. также дислоцировались отдельные подразделения л.-гв. Сводного Казачьего п. (казармы для Оренбургской сотни полка были построены в Гатчино). Офицерское собрание находилось в СПб., а с 1910 г. – в Павловске.

В соответствии со штатным расписанием кавалерийские части казачьей гвардии состояли из 4-х сотен (от 3-х до 5-ти офицеров в каждой).[1] Кроме этого, разрешено иметь сверх штата 5 прикомандированных офицеров. Из гражданских чиновников и священнослужителей в полках казачьей гв. числилось: младший врач (лекарь), ветеринарный врач (коллежский советник), чиновник для обучения трубачей (коллежский секретарь), оружейный мастер (губернский секретарь), делопроизводитель (коллежский регистратор), военный священник (священник).[2]

Кроме четырех эскадронов, гв. казачьи полки включали в себя отдельные служебные подразделения и «службы». Так, в л.-гв. Казачьем и л.-гв. Атаманском полках рубежа XIX-XX вв. можно выделить: Суд общества офицеров (председателем которого являлся старший полковник, помощник командира полка по строевой части), Полковой суд, Офицерское собрание (жизнь которого регламентировалась распорядительным комитетом офицерского собрания), Офицерская столовая, Полковая учебная команда и Оружейная мастерская.[3] В силу того, что лошади были, как правило «свои» (зачастую присланные из родных станиц), полки казачьей гв. не нуждались в

[1] Офицерский состав включал в себя: генерал – 1; полковников – 2; есаулов – 4; подъесаулов, сотников, хорунжих – 21; классных и медицинских чиновников – 6.
[2] РГВИА. Ф. 3612. Оп. 1. Д. 8.
[3] РГВИА. Ф. 3611. Оп. 1. Д. 832.

берейторах. Статья 415 Устава о воинской повинности предусматривала, что «казаки служат на своих собственных лошадях…».[1]

Анализ службы гв. казаков показывает, что их повседневное расписание практически не отличалось от расписания прочих частей «легкой» гв. кавалерии. Примером подобного расписания может служить извлечение из канцелярских документов л.-гв. Атаманского п., представленное в приложении 33 (см.: приложение 33). При статистическом анализе частей казачьей гв. целесообразно выделить три основные референтные группы:

1)группу рядовых и унтер-офицеров: по штату мирного времени 611 чел. в кавалерии и 190 чел. в л.-гв. 6-й Донской батарее (в силу того, что в предлагаемой статье рассматриваются специфические особенности офицерского корпуса казачьей гвардии, указанная группа нами не анализируется). Рядовой состав комплектовался исключительно казаками-донцами («из казачьего сословия Войска Донского»). В приказах «О распределении в войсках новобранцев…» также указывалось следующее: «При этом в отношении роста и веса означенных новобранцев должно быть соблюдено следующее: рост допускается не менее 2 аршин 6 вершков, вес же людей должен быть не более: для полков 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизии – 4 пуд. 30 фунтов, для прочих полков - 4 пуд. 20 фунтов»[2];

2)вторую группу составляли офицеры казачьей гв. (штаб и обер-офицеров до воинского звания есаул);

3)кроме этого, необходимо выделить «казачий генералитет» как особую группу, принадлежащую в основной своей массе к казачьему сословью, но в отдельных случаях выходящую за его социальные границы.

В качестве предмета нашего исследования выступают представители 2-й и 3-й референтных групп.

В качестве основных индексов нашего исследования мы выделили следующие «казачьи» параметры:

---

[1] Горяинов С.М. Уставы о воинской повинности. Комиссионер военноучебных заведений. СПб., 1913.
[2] РГВИА. Ф. 3551. Оп. 1. Д. 53. Л. 81. О распределении в войсках новобранцев призыва 1910 г. с приложением расписания распределением новобранцев.

1)социальное происхождение (базовый уровень социальной идентичности);

2)образование (начальное; военное (среднее специальное); высшее (академическое НАГШ или МАА);

3)параметр конфессиональность/национальность (обозначение обоих параметров можно свести к понятию «культурная идентичность»);

4)семейное положение (речь идет о семье как нуклеарном образовании, то есть учитывается параметр наличия жены и детей);

5)имущественное положение: (жалование, землевладение).

В ходе анализа также учитывался ряд косвенных факторов: специфика матримониальных связей («казачье дворянство», как и дворянство вообще, не было социально однородно, таким образом, фактор рождения в той или иной именитой семье играл немаловажную роль); участие в боевых действиях; степень близости ко Двору и Престолу; отдельные психоментальные особенности ряда фигурантов исследования и ряд др.

Отправной точкой для нас стал *параметр происхождения.* Основной массив офицеров гв. казачьих частей (л.-гв. Атаманского и л.-гв. Казачьего полков, а также 6-ой Донской батареи л.-гв. Конной артиллерии) в 1855-1914 гг. был представлен казаками, уроженцами различных станиц области Войска Донского. Механизм комплектования и социальный состав офицерского корпуса гв. казачьих частей отличался высокой степенью устойчивости. Это были по преимуществу выходцы из «казачьего дворянства», в основной своей массе русские или малороссы (безусловно, из этого правила были исключения, на которых мы остановимся позднее).

Указанная социальная прослойка окончательно оформилась в эпоху правления императора Павла I. В 1798 г. император ввел воинские звания для казаков (по образцу званий регулярной армии). Офицеры, дослужившие до чина полковника либо получившие ордена Св. Георгия, Св. Владимира, либо другие ордена I класса, переходили в разряд потомственного дворянства (см.: приложение 34). Кроме этого, казачьи офицеры, получившие за службу жа-

лованные земли (в качестве награды), переходили в разряд поместных дворян. Некоторые из них, как правило, крупные землевладельцы, имевшие генеральский чин, награды и безусловные заслуги пред Престолом, жаловались титулом графа (Ф.И. Денисов, М.И. Платов).

Следует отметить, что значительный процент офицеров казачьей гв. происходил из семей бывших или находящихся на действительной службе казачьих офицеров. В данном случае показателен л.-гв. Сводный Казачий п. как наиболее молодой (в л.-гв. Казачьем п. к началу XX века оформились устойчивые воинские династии: Иловайские, Грековы, Орловы, Леоновы, Родионовы, Кутейниковы, Яновы).[1] Так, в 1914 г. в указанном полку 4 сотника из 6 являлись сыновьями казачьих офицеров (при этом 1 – г.-майора, 1 – войскового старшины, 1 – офицера гв.). Из 6 хорунжих 5 являлись сыновьями казачьих офицеров (при этом 1 – сын полковника, 2 – сыновья войскового старшины).[2]

В отношении *образования* можно утверждать, что общая тенденция его получения офицерами казачьей гв. выглядела следующим образом: кадетский корпус – военное училище – полк (в последующем офицер мог продолжать получать образование по линии НАГШ или МАА, обучение в прочих военных академиях для казаков было нетипично). Что в целом было характерно для подавляющего большинства офицеров Российской императорской армии пореформенного периода.

Для иллюстрации вышеизложенного утверждения приведем следующую статистику: так, в л.-гв. Казачьем п., на отрезке 1907-1914 гг., кадетские корпуса окончили от 69% до 72% человек. При этом наиболее востребованным учебным заведением являлся Донской кадетский корпус (с 1899 г. Донской императора Александра III). В 1907 г. его окончил 21 из 48 чел. (без учета генералов), то есть 44%.[3]

---

[1] История Лейб-гвардия Казачьего полка. Составлена офицерами полка. СПб., 1876. С. 545-634.
[2] РГВИА. Ф. 3612. Оп. 1. Д. 37.
[3] РГВИА. Ф. 3610. Оп. 2. Дела 300, 309.

Указанное учебное заведение было основано в Новочеркасске указом императора от 15.02.1883 г. по инициативе войскового наказного атамана, г.-лейтенанта князя Н.И. Святополк-Мирского. К концу 80-х гг. XIX в. штат корпуса составил 420 кадет-интернов (3 сотни) при 19 офицерах-воспитателях.[1] Следует отметить, что корпус практически во всем нес на себе отпечаток «казачьей специфики» службы, включая один из главных внешних атрибутов и символов «казачьего мира» - форму.[2] В то же время в корпусе сохранялись и так называемые общекадетские традиции, например, ведение тетрадей (книг) с «Звериадами». Но и здесь присутствовала казачья специфика – название писалось в два слова «Звери – ада».[3] Кроме этого, важной составляющей для кадета/юнкера-казака являлось умение обращаться с конем[4]. При этом атмосфера в училище отличалась «казачьим дружелюбием» («братством»), отрицающим саму возможность неуставных и «нетоварищеских отношений» - так называемого «цука».[5]

Вторым по востребованности являлся Александровский кадетский корпус (Императора Александра II кадетский корпус), основанный в 1873 г. в С.-Петербурге. В 1907-1908 гг. в составе л.-гв. Казачьего п. числились 4 выпускника указанного военно-учебного заведения (то есть 8%). Процент выпускников ПК указанного отрезка времени был также достаточно высок – 6 чел., или 12%.[6]

Другим показательным примером может служить л.-гв. Сводный Казачий п. Примечателен тот факт, что с момента создания полка и до Первой мировой войны число выпускников различных кадетских корпусов колебалось в этой части от 76% до 72%.[7] В силу специфики комплектования полка, что отмечалось выше, наибольшее количество его представителей оканчивало Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (в 1914 г. – 10 чел., или

[1] Воробьева А.Ю., Пархаев О. Кадетские корпуса в России 1732-1917. М., 2003. С. 59.
[2] Хмельницкий Е.А., Шереметьев А.Е. Кто они, кадеты? Образы и судьбы. // По материалам военно-исторической коллекции семьи Шереметьевых. Киев, 2009. С. 12-15.
[3] Там же. С. 49.
[4] Семенов Г.М. Воспоминания, мысли и выводы. М., 2002. С. 15.
[5] Там же.
[6] РГВИА. Ф. 3610. Оп. 2. Д. 300.
[7] РГВИА. Ф. 3612. Оп. 1. Дела 8, 37.

32% от общего состава полка (без генералов)). Корпус был основан в 1825 г. в формате военного училища для подготовки офицеров и гражданских чиновников среднего звена из так называемых «азиатцев». Но в 60-х гг. XIX в. их прием в корпус, имевший в тот момент статус военной гимназии, был прекращен. Статус кадетского корпуса был окончательно закреплен только в 1882 г. К началу XX в. корпус подразделялся на три роты, насчитывавших 275 кадет при 14 офицерах-воспитателях.[1] В полку также был достаточно высок процент выпускников различных гражданских учебных заведений: училищ и гимназий (19 %).[2] Примечателен тот факт, что в указанной части выпускников ПК не было вообще.

При анализе среднего специального военного образования видна следующая устойчивая тенденция. На перепутье военной реформы эпохи Александра II подавляющее большинство офицеров гв. казачьих частей заканчивало Новочеркасское казачье юнкерское училище (с 1901 г. Новочеркасское казачье училище), которое с 1880 г. готовило офицеров исключительно для Войска Донского. До 1905 г. штат училища составлял 120 чел. (с 1905 г. – 180 чел.), со сроком обучения 2 года. В училище могли поступать дворяне и вольноопределяющиеся. С 1873 г. окончившие училище по первому разряду могли быть произведены в корнеты л.-гв. Атаманского п. без предварительного прикомандирования.[3]

Начиная с эпохи правления Александра III, особой «популярностью» начинает пользоваться НКУ, через которое шла основная масса офицеров-кавалеристов Российской империи. Казачья гв. в этом плане не являлась исключением. Подавляющее большинство офицеров гв. казачьих частей оканчивали военно-учебные заведения по 1-му разряду, хотя в отличие от офицеров гв. кавалерии 1 и 2 бригад 1-й ГКД это требование, как правило, распространялось только на л.-гв. Казачий п. как наиболее престижную часть каза-

[1] Воробьева А.Ю., Пархаев О. Кадетские корпуса в России 1732-1917. М., 2003. С. 56-57.
[2] РГВИА. Ф. 3612. Оп. 1. Д. 37.
[3] Кострюков И. Т. Новочеркасское казачье юнкерское училище: Краткая историческая записка. 1869-1910 гг. Новочеркасск, 1910.

чьей гвардии. Применительно к офицерам Конвоя (в силу наличия группы инородцев и иноверцев) решающим фактором являлись заслуги перед Престолом и особая преданность императору. Примечателен тот факт, что все офицеры казачьей гв. периода Александра III – Николая II, начиная со звания хорунжего, имели аттестацию «хороший» и «отличный».[1] Анализ статистических данных позволяет сделать следующие выводы.

В л.-гв. Атаманскому п. образца 1900 г.[2] выпускники НКУ составляли половину офицерского состава – 17 чел. (из 38, без учета генералов), или 46%. Выпускники НКЮУ составили около 22% (8 чел.), причем эта цифра распространяется на полковников и есаулов (сотники и хорунжие-выпускники указанного военно-учебного заведения в составе полка не значатся). В полку также прослеживается незначительное число выпускников пехотных военных училищ, Павловского и Константиновского (в последнем случае корректнее было бы сказать артиллерийского), – по 3 чел. от каждого. Примечателен тот факт, что дети казачьего генералитета (весьма немногочисленного), как правило, идущие через ПК, составляли всего 8% (также 3 чел.).

Что касается общей статистики л.-гв Казачьего п., то число выпускников НКЮУ (НКУ) в его составе было минимальным – 2 чел. (оба полковники – помощники командира полка), что составило всего 4%. Общее количество выпускников НКУ равнялось 30 чел. (из 47 чел.)[3] Прочие военно-учебные заведения были представлены МАУ (4 чел.), Александровским и Елисаветградским военными училищами (по 1 чел.).

Таким образом, на рубеже XIX-XX в. основной массив офицеров вышеуказанных гв. казачьих частей комплектовался выпускниками НКУ, общий процент которых по л.-гв. Казачьему п. составил 64%. По сравнению с другими частями казачьей гв. в указанном полку был достаточно высок как процент генеральских детей, так и выпускников ПК. К началу XX в. их ста-

[1] РГВИА. Ф. 3612. Оп. 1. Д. 8. Л. 2-14.
[2] РГВИА. Ф. 3611. Оп. 1. Д. 832.
[3] РГВИА. Ф. 3610. Оп. 2. Д. 300.

тистический показатель колебался от 13 до 20%. Это было обусловлено более ранним возникновением данного полка по сравнению с прочими частями казачьей гв.

Л.-гв. Казачий п. вел свое происхождение от Донской и Чугуевской придворных казачьих команд, сформированных указом Екатерины II от 20.04.1775 г. При этом в сохранившихся делах полка сведения о придворных командах начинаются только с 1776 г. (со времени официального издания штатов команды).[1] Права гв. данному образованию как л.-гв. Гусарско-Казачьему п. были даны 14.11.1796 г.[2] Первыми начальниками Придворной казачьей командой (1775-1798 гг.) являлись полковники В.П. Орлов (ставший впоследствии Войсковым атаманом Войска Донского), Кумшацкий, Дячкин, Мешков и войсковой старшина Греков. Первым командиром полка, образованного 24.01.1798 г., был г.-лейтенант граф Ф.П. Денисов.[3]

Л.-гв. Атаманский п. был причислен к гв. только в 1829 г., права «молодой» гв. получил 8.09.1859 г., а права «старой» – 17.04.1878 г.[4] Л.-гв. Черноморская сотня, положившая начало Собственному Е.И.В. конвою, формируется 18.05.1811 г. На протяжении своего существования Конвой подвергался различным трансформациям в области комплектования как отдельными подразделениями, так и личным составом. Говорить о данной части как о постоянно функционирующей структуре довольно сложно. Это касается и формирования традиций данного полка. Наконец, л.-гв. 6-я Донская казачья батарея была сформирована только в 1830 г., а права «старой гвардии» получила 17.04.1878 г.

Возвращаясь к анализу механизмов комплектования л.-гв. Казачьего п., следует отметить, что на рубеже XIX-XX вв. также возрос процент выпускников МАУ. Он составил 8%. Что касается л.-гв. Сводного Казачьего п., об-

[1] История Лейб-гвардия Казачьего полка. Составлена офицерами полка. СПб., 1876. С. 2-3.
[2] Императорская российская Гвардия 1700-1878. Хронологические таблицы. Составил Г.-л. Барон Вячеслав Штейнгель. СПб., 1878. С. 96-97.
[3] История Лейб-гвардия Казачьего полка... – СПб., 1876. С. 539-541.
[4] Императорская российская Гвардия 1700-1878… – СПб., 1878. С. 250-251.

разованного, как уже отмечалось, в 1906 г., то механизм его комплектования некоторым образом отличался от вышеозначенных гв. казачьих частей.

Инициативным документом, по которому было начато образование л.-гв. Сводного Казачьего п., явилось положение ВС, утвержденное 27.05.1906 г. Следствием этого положения стал Приказ № 423 по Военному Ведомству от 14.07.1906 г., в соответствии с которым формировался л.-гв. Сводный Казачий п. Его состав предполагал: «По одной сотне от Уральского и Оренбургского казачьих войск, по полусотне от Сибирского и забайкальского и по взводу от Астраханского, Семиреченского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. На первоначальное сформирование части, штаба и первой сотне полка назначить потребное число офицеров и нижних чинов из л.-г. Уральской казачьей сотни».[1] По штатному расписанию л.-гв. Сводный Казачий п. включал в себя 28 офицеров, 5 по военному времени (6 по мирному времени) классных чиновников и 660 по военному времени (739 по мирному) нижних чинов.[2] Окончательно л.-гв. Сводный Казачий п. был сформирован 28.10.1906 г.[3]

Следует отметить, что весьма существенное влияние на формирование л.-гв. Сводного Казачьего полка оказала русско-японская война. После данной кампании подавляющее большинство гв. полков было доукомплектовано ее наиболее доблестными участниками. Не являлась в этом плане исключением и казачья гв. В силу того, что л.-гв. Сводный Казачий п. комплектовался прямо после окончания войны, в рядах указанной части оказалось 16 из 31 (то есть 52% - более половины) офицеров её участников, переведенных в полк за «особые заслуги». Из них 10 офицеров были награждены орденом Св. Р.-А. кн. Владимира IV ст.[4] (см.: приложение 35). Командир 3-го эскадрона указанной части А.И. Белов отмечал, что полк комплектовался не только офицерами-участниками войны, но в его составе была значительная группа

[1] Приказы по военному ведомству и циркуляры Главного штаба за 1906 г. СПб., 1906. С. 707.
[2] Там же. С. 709-712.
[3] Циркуляр Главного штаба № 412 за 17.11.1906 г. С. 536.
[4] РГВИА. Ф. 3612. Оп. 1. Д. 8. Л. 5-14.

унтер-офицеров и рядовых, отличившихся во время боевых действий на Дальнем Востоке.[1]

Рассматриваемые статистические данные, применительно к другим гв. казачьим частям, выглядели значительно скромнее. Так, в л.-гв. Казачьем п. мы выявили всего 4-х офицеров-участников войны 1904-1905 гг.: сотников Е.Н. Попова, П.Н. Шатилова, Б.Р. Хрещатицкого и кавалера ордена Св. Георгия IV ст. сотника К.К. Васильковского.[2]

Собственный Е.И.В. Конвой пополнился всего тремя офицерами.[3]

Анализ среднего специального военного образования офицерского корпуса л.-гв. Сводного Казачьего п. позволил нам сделать следующие выводы. На момент образования указанной воинской части в нем четко прослеживаются две группы офицеров (по параметру образования): выпускники НКУ и получившие образование в различных юнкерских училищах (преимущественно казачьих, дислоцирующихся на территории казачьих войск). Процентное соотношение представителей данных групп было одинаковым – 35,4% (11 чел.). Кроме этого, в полку была незначительная группа офицеров-выпускников Александровского (3 чел.), Павловского (2 чел.), Московского (1 чел.) и Константиновского (1 чел.) ВУ. Процент выпускников ПК был также мал: 6,4% (2 чел.).[4]

К началу Первой мировой войны статистические данные анализируемого индекса претерпевают изменение в сторону существенного увеличения представителей НКУ. Указанный показатель составлял 61,3%. Число представителей юнкерских училищ по сравнению с выпускниками прочих военно-учебных заведений осталось высоким, 19,3%, или 6 чел. Примечателен тот факт, что в составе полка образца 1913-1914 гг. представителей ПК не было вообще.[5] Что касается Конвоя, то в 1904 г. в его составе было 11 выпускников НКУ (48%), 4 выпускника ПК, 6 – Ставропольского казачьего юн-

[1] Белов А.И. Л.-гв. Сводно-казачий полк и Сибирская полусотня в нем. Харбин, 1933. С. 175.
[2] РГВИА. Ф. 3610. Оп. 2. Д. 300.
[3] Сотники Б. Макухо, Г. Татонов (из Терского казачьего войска) и И. Ветер (Кубанского казачьего войска) (см. Галушкин Н.В. Собственный Его Императорского Величества Конвой. М., 2004. С. 140).
[4] РГВИА. Ф. 3612. Оп. 1. Д. 8. Л. 1-14.Общая численность офицерского корпуса полка 31 чел. без генералов.
[5] РГВИА. Ф. 3612. Оп. 1. Д. 37. Л. 1-20.

керского училища и по одному выпускнику из Павловского и Александровского военных училищ. Следует подчеркнуть, что значительный процент выпускников одного военно-учебного заведения создавал особую «дружескую» атмосферу в полку.[1]

Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках рассматриваемых параметров гв. казачьи полки комплектовались по принципам, характерным для второстепенных частей гв. кавалерии (с учетом казачьей специфики).

Следует подчеркнуть то, что подавляющая часть представителей офицерского корпуса гв. казачества исповедовала православие. Статистическая информация по указанному параметру приводится в таблице, представленной в приложении 36 (см.: приложение 36).

Анализ таблицы позволяет говорить о том, что в л.-гв. Сводном Казачьем п. с 1906 по 1914 гг. все 100% представителей офицерского корпуса исповедовали православие. Такая же тенденция прослеживалась в л.-гв. Атаманском п. Л.-гв. Казачий п. в этом плане являл некоторое разнообразие, связанное с определенного рода традициями, оформившимися при формировании указанного полка на более ранних этапах его существования. В данном случае речь идет о значительном числе «инородцев-мусульман», числящихся в составе полка, но при этом находящихся в различных частях и подразделениях Кавказской армии. Данная тенденция четко прослеживается с середины 40-х гг. XIX в.

Так, к началу XX в. через список полка прошло порядка 50-ти восточных (в том числе и кавказских) принцев (Шарух-Мирза), князей (Агия-Швили, Ширин-Бей, Тахтамышев-князь-Гирей-Султан, Джорджадзе, Эристов, Церетели, Орбелиани), беков (Амир-Чебан-бек-Уцмиев-Каракайтагский, Ахмет-паша-Джамонов, Селим-бек-Юсую-Бек-Оглы), ханов (Гашин-Хан-Оглы-Джеванширов, Магомет-хан-Бей, Ахмет-хан-Бей, Гасан-хан-Мирза, Мехтулинский Ибрагим-хан).[2] Справедливости ради необходимо

[1] Галушкин Н.В. Указ. соч. С. 140.
[2] История Лейб-гвардия Казачьего полка. Составлена офицерами полка. СПб., 1876. С. 545-634.

отметить, что в 1839 г. наряду с л.-гв. Кавказским полуэскадроном и Командой Лезгин в составе Конвоя была создана «Команда Мусульман». 18.11.1856 г. указанные подразделения были объединены в л.-гв. Кавказский эскадрон, в котором 4-й Мусульманский взвод комплектовался из ханов и беков Закавказья. Эскадрон был расформирован 2.12.1881 г., а офицеры получили повышение в один чин и пожизненную пенсию в 1200 руб.[1]

В эпохи правления Александра III и Николая II в л.-гв. Казачьем п. числилось несколько мусульман и протестантов. Статистическая совокупность представителей указанной группы по сравнению с предыдущими эпохами была незначительной. В тоже время фигуранты указанной группы представляют значительный интерес. В данном случае речь идет о персидском принце Шахе-Раух-Мирзе и выходце из курдов Эриванской губернии беке Али-Агифаре-ага-Шамша-Динове.

Принц Шах-Раух-Мирза (15.09.1843-10.10.1915) был сыном принца («Его Светлости») Бахман-мирзы из персидского Дома Каджаров и (по семейному преданию) египетской принцессы. У Бахман-мирзы был 31 сын, 18 из которых служили в русской армии. Принц Шах-Раух-Мирза как представитель азербайджанской властной элиты (наиболее значимыми фамилиями, которой были принцы Персидские (Каджары) и ханы Нахичеванские) получил образование и воспитание «в доме родителей». В службу «при армейской кавалерии с назначением состоять при Кавказской армии» вступил 18.06.1866 г. и был переведен корнетом в л.-гв. Казачий п. 5.04.1872 г. Принц принимал участие в кампании 1877-1878 гг., и в 1877 г. был награжден орденом Св. Р.-А. кн. Владимира IV ст. «с мечом и бантом». В 1914 г. по спискам л.-гв. Казачьего п. числился «в постоянной командировке в войсках Кавказского военного округа» и в полку вакансии не занимал. [2] Шах-Раух-Мирза имел в Персии родовое имение Шедистер (Шабестер). От брака с «девицей» Машади Абделах имел трех сыновей и дочь. При аттестации к присвоению

[1] Русский инвалид. 11 декабря 1881 г. № 271.
[2] РГВИА. Ф. 3610. Оп. 2. Д. 300. Л. 4.

звания полковника (1886 г.) характеризовался как «по служебным и нравственным качествам удовлетворяющим требованию службы».[1]

Наиболее «удачливым», фактически единственным, азербайджанцем, вошедшим в состав высшего слоя военно-политической элиты Российской империи, стал выпускник ПК, офицер л.-гв. Конного п. (в течение 20 лет[2]), затем его командир (1906-1911 гг.), кавалер ордена Св. Георгия IV ст., генерал-адъютант, г.-лейтенант Гусейн-Хан Келбали-Хан-Оглы Нахичеванский. Еще одного мусульманина, князя (Кабардинская область) Бек-Мурзу Нарузова, мы встречаем в составе л.-гв. Атаманского п. в 1901 г. Князь числился «на Кавказе» и в полку вакансий не занимал.[3]

Таким образом, вышеперечисленные офицеры-мусульмане являлись «виртуальными» фигурами, в полковой службе участия не принимали, а в списках полка значились как влиятельная титулованная аристократия «инородческой знати» Российской империи. В подтверждение вышесказанного можно отметить, что в «Общем списке офицерским чинам Русской Императорской Армии за 1909 г.» указанные офицеры вообще не фигурируют.[4] Что касается офицеров лютеранского вероисповедания, то в 1913 г. таковых в л.-гв. Казачьем п. числился всего один человек (в прочих полках казачьей гв. фигуранты с рассматриваемым статистическим параметром не значились). В данном случае речь идет о выходце из Лифляндской губернии хорунжие В.В. фон-Сиверсе (выпускнике ПК), являющимся субалтерн-офицером и числящимся во 2-й сотне.[5] Примечателен тот факт, что офицеры-остзейцы в казачьей гв. были большой редкостью. Так, в л.-гв. Казачьем п. за весь период его существования вплоть до 1914 г. числилось всего три чел. Эти рассуждения правомерны и для командиров гв. казачьих частей. Например, из потомков

[1] РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 21976. Л. 26-28.
[2] РГВИА. Ф. 3543. Оп. 2. Д. 1070.
[3] РГВИА. Ф. 3611. Оп. 1. Д. 832. Л. 8.
[4] Общий список офицерским чинам Русской Императорской Армии. Составлен по 1-е января 1909 г. СПб., 1909. С. 148-149.
[5] РГВИА. Ф. 3610. Оп. 2. Д. 309. Л. 22

остзейских баронов полками казачьей гв. командовал всего один человек: барон П.Р. фон Неттельгорст.[1]

Что касается *семейного положения*, то все гв. полки, дислоцирующиеся на территории СПб. ВО, отличились сходной динамикой вступления представителей их офицерского корпуса в брак. Казачьи части в этом плане не являлись исключением. Офицерского жалования хорунжих, сотников и подъесаулов катастрофически не хватало даже на все необходимые траты, связанные со службой в своих полках. Процент офицеров, имеющих достаточное количество земли в личном пользовании для ведения хозяйства или для сдачи в аренду, также был весьма незначителен. Ситуация осложнялась и спецификой службы в отдельных казачьих частях. Если в л.-гв. Казачьем, л.-гв. Атаманском полках и л.-гв. 6-й Донской казачьей батарее распорядок дня в целом соответствовал формату службы в других частях гв. кавалерии (с учетом «казачьей специфики»), то деловая активность офицеров Конвоя была настолько высока, что времени на личную жизнь практически не оставалось.

Ситуация с «личной жизнью» в л.-гв. Сводном Казачьем п., укомплектованном офицерами-«героями» китайского похода (освободительная экспедиция генерала Альфреда Гейзли) в составе отряда г.-лейтенанта Линевича и русско-японской войны, осложнялась тем, что 6 из 16 участников войны имели ранения различной степени тяжести (были причислены ко 2-му или 3-му «классу раненых»).[2] Еще один офицер полка, полковник П.И. Кременцов, получил «ранение пулей в верх бедра левой ноги» во время Ахал-Текинской экспедиции. Справедливости ради следует отметить, что он был не только женат, но у него было пять детей: три сына и две дочери.[3] В отношении трех

[1] Дозволено пользоваться баронским титулом с 4.06.1894 с «Высочайшего решения» ГС. После окончания 1-го Московского кад. корпуса и НКУ барон был выпущен в л.-гв. Драгунский п. 5 лет командовал 2-м драгунским С.-Петербургским ген.-ф. кн. Меншикова п. Не имея никакого отношения к казачеству, барон стал командиром л.-гв. Атаманского п. «по высочайшей протекции» (с 1902 по 1905 гг.). На протяжении 1905-1907 гг. генерал командовал 1-й бр. 2-й ГКД, 3-й бр. 1-ой ГКД, то есть «казачьей» бригадой (19.06.1905-10.02.1907) и 2-й бр. 2-й ГКД. Карьеру закончил г. от кавалерии в должности начальник 14-й КД (см.: СГС. Часть I, II и III. Составлен по 1-е января 1908 года. СПб., 1908. С. 363).

[2] РГВИА. Ф. 3612. Оп. 1. Д. 8.

[3] Там же. Л. 3.

офицеров, пополнивших ряды Конвоя, Н.В. Галушкин отмечал следующее: «Все они на фронте были ранены и имели боевые награды».[1]

При анализе параметра *возраста вступления в брак* целесообразно обратить внимание на средний возраст продвижения казачьего офицера по службе (получения очередного воинского звания). Изучение рассматриваемой статистики применительно к л.-гв. Казачьему п. (1908-1914 гг.) позволяет сделать следующие выводы: при выходе из училища в звании корнета/хорунжего средний возраст новоиспеченного офицера составлял 22 года (на самом деле указанная цифра колеблется в диапазоне от 20 до 26 лет). Звание сотника соответствовало 24 годам, подъесаула – 29 годам, есаула – 34 годам, войскового старшины – 35 годам, полковника – 42 годам и, наконец, г.-майора – 49 годам.[2] Указанные данные правомерны и в отношении офицеров л.-гв. Атаманского п.

Процент женатых офицеров в воинском звании сотника из трех полков казачьей гв. был самым высоким в л.-гв. Сводном Казачьем п.: в 1907 г. 20 женатых из 31 чел. (65%), при этом 23% офицеров имели детей. Соответственно в 1914 г. указанные цифры составляли: 48% женатых (16 чел. из 33) из них 38% с детьми. Думается, что столь значительные цифры были обусловлены тем, что полк комплектовался уже зрелыми офицерами, имевшими существенные преференции и безусловный вес в лице дам и как участники боевых действий и как орденоносцы, да и возраст обязывал (если брать хорунжих-участников русско-японской войны, то он соответствовал 26 годам).[3] В л.-гв. Казачьем п. анализируемые параметры составляли: в 1908 г. 22 чел. из 47 (46,8%) из них 23% с детьми. В 1914 г. эта цифра снизилась до 35% (15 чел.), 16,2% с детьми.[4]

Наиболее низкие цифры по параметру семейное положение (дети) мы встречаем в л.-гв. Атаманском п. Примечателен тот факт, что атаманцы пе-

[1] Галушкин Н.В. Указ. соч. С. 140.
[2] РГВИА. Ф. 3610. Оп. 2. Дела 300, 309.
[3] РГВИА. Ф. 3612. Оп. 1. Д. 8, 37.
[4] РГВИА. Ф. 3610. Оп. 2. Дела 300, 309.

риода 1891 – 1906 гг. отличались самым низким процентом женатых офицеров, а на отрезке 1891-1896 гг. – среди хорунжих и сотников не было женатых вообще. К началу Первой мировой войны указанные индексы так и не смогли подняться выше 30%.[1]

При анализе семейного положения гв. казаков надо было обратить внимание на социальное происхождение офицерских жен и количество детей в офицерских семьях. В данном случае выводы не являются неожиданными. Преимущественно жены офицеров л.-гв. Казачьего и л.-гв. Атаманского полков являлись уроженками Области Войска Донского. Они были идентифицированы нами как «казачки». В л.-гв. Атаманском п. 1900 г. из 11 женатых офицеров 9 было женато на «казачках», двое, есаул князь Бек-Мурза Нарузов и подъесаул Петр Николаевич Краснов эту статистику нарушали. Один был женат на мусульманке, уроженке Кабардинской области, другой - на дочери действительного статского советника уроженке С.-Петербурга Л.Ф. Грюнайзен (1870-1849 гг.), немке евангелическо-лютеранского вероисповедания.[2] Что касается количества детей в семьях атаманцев, то наибольший показатель, 7 чел. (5 сыновей и 2 дочери), был в семье помощника командира полка по хозяйственной части полковника И.Ф. Карасева.[3] У есаула И.И. Каменного было 5 детей, в остальных семьях - по 1-2 чел.

В л.-гв. Сводном Казачьем п., в силу специфики его комплектования, супруги офицеров были, как правило, из тех войсковых областей, к которым офицеры принадлежали. Наибольшее количество детей было в семьях полковников – 5-6 чел. В остальных офицерских семьях количество детей колебалось от 3 до 1.[4]

Если рассматривать такой параметр, как достаток казачьих офицеров (*имущественное положение*), то проведенный нами анализ позволяет говорить преимущественно о двух источниках дохода: это жалование (включая

[1] РГВИА. Ф. 3611. Оп. 1. Дела 796, 832.
[2] РГВИА. Ф. 3611. Оп. 1. Д. 832. Л. 11.
[3] Там же. Л. 6.
[4] РГВИА. Ф. 3612. Оп. 1. Дела 8, 37.

отдельные доплаты), получаемое в полку, и земля, находящаяся в собственности офицера, которая чаще всего сдавалась в аренду.[1] При этом процент офицеров-землевладельцев в полках казачьей гв. был не так высок.

Жалование офицера казачьей гв. было таким же, как и у офицера гвардейского кавалерийского полка, при этом траты, особенно у офицеров л.-гв. Казачьего п., были не меньше. Самой затратной статьей для кавалериста была, конечно же, лошадь/конь. Так, командир 3-й сотни л.-гв. Сводного казачьего п. А. Белов отмечал следующее: «Трудным вопросом являлось для офицеров приобретение хорошего строевого кровного коня, стоимость которого в то время определялась от 600 до 1000 рублей».[2]

Анализ статистических данных л.-гв. Атаманского п. позволяет сделать вывод о том, что в 1891 г. офицеры получали: г.-майор – 1017 руб., полковник – 687 руб., есаул – 531 руб., подъесаул – 441 руб., сотник – 366 руб., хорунжий – 339 руб.[3] Практически все офицеры указанного полка получали дополнительные выплаты: столовые и добавочные деньги. Размер добавочных, выплачиваемых подъесаулам – хорунжим, составлял 183 рубля. Размер столовых разнился в зависимости от воинского звания и составлял: у г.-майора (в нашем случае командир полка) – 3024 руб., у полковников – 849 руб., у есаулов – 666 руб., у подъесаулов – 276 руб.[4]

Осознавая сложность материального положения младшего офицера в начале карьеры, ВС несколько раз рассматривал вопрос о так называемых «подъемных деньгах» и «пособиях» для младших офицеров. Подобную заботу демонстрируют отдельные приказы по военному ведомству. Например, в 1901 г. было принято решение «об увеличении пособия» для подхорунжих.[5] Что касается жалования рядового казака гв. полка, то военнослужащий Собственного Е.И.В. конвоя Т. Ящик вспоминал: «Когда я приехал в столицу и стал гвардейским казаком, мое жалованье повысилось до 12 рублей в месяц

[1] Шляхтин. 6-я Лб. Гв. Донская Казачья Его Величества батарея, Лб. Гв. Конной Артиллерии. // Военная быль. 1970. № 102. С. 4.
[2] Белов А.И. Л.-гв. Сводно-казачий полк и Сибирская полусотня в нем. Харбин, 1933. С. 185.
[3] РГВИА. Ф. 3611. Оп. 1. Д. 796. 1891 г. Л. 30-223.
[4] Там же.
[5] Приказ по военному ведомству № 10 от 13.01.1901 г.

плюс еда и квартира, т.е. около 25 крон. Когда я стал казачьим урядником, мое жалованье составляло 40 рублей... Это говорит само за себя: на эту сумму содержать семью было невозможно».[1]

Указанные рассуждения подводят нас к теме *казачьего землевладения*. В пореформенный период сохранялась модель владения землей, сложившаяся еще в 30-е гг. XIX в. Можно выделить 3 механизма землевладения:

1)юрт – станичная земля, принадлежащая станице (включала в себя не только земли, но и водные ресурсы). Каждый приписанный к станице казак получал в ней пай;

2)войсковая земля, находящаяся в резерве;

3)земля, находящаяся в частной собственности дворян, включая и офицеров. В 1882 г. размер данной земли составлял 20%, или 2458852 дес. от общего казачьего землевладения («юртовые земли» составляли 64,5%, то есть 86375000 дес.). В Области Войска Донского из юрта казаку должно было выделяться по 30 дес. земли, причем офицеру (гв. в первую очередь) даже при наличии земли, находящейся в частной собственности, также полагалось 30 дес. из юрта. При достижении 17 лет каждый станичный казак получал свой надел на ограниченный срок. Эта земля, как правило, сдавалась в аренду неказакам, так как казак отбывал воинскую повинность. В 1910 г. общее количество «юртовых земель», сдаваемых в аренду, в Области Войска Донского составляло 44%, правда, в связи с ростом численности населения на Дону размер пая уменьшился в среднем до 14,2 дес.[2] В силу того, что значительная часть офицеров, в том числе и служивших в гвардии, земель в частной собственности не имела, она получала земли (размер пая при этом мог увеличиваться) в зависимости от чина и звания, а также социального статуса (гвардия - армия; штаб - обер-офицер – генерал).

Как уже отмечалось, определенная группа офицеров казачьей гв. имела землю в частной собственности. Это, как правило, была земля, принадлежа-

[1] Ящик Т.К. Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. СПб., 2004. С. 42-43.
[2] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т.14. СПб., 1910. С. 253.

щая отцу казака (юридически передача земли по наследству была разрешена с 1870 г.), либо земля его супруги. В качестве характерного примера подобного рода землевладения приведем статистические данные, полученные в ходе анализа офицерского состава л.-гв. Атаманского п. образца 1891 г.[1] Рассматриваемые данные представлены в таблице № 21 (см. таб. 21).

Таблица № 21

Земельные владения, находящиеся в частной собственности офицеров л.-гв. Атаманского полка в 1891 г.

Воинское звание	Всего	Ф.И.О.	Размер земель, находящихся в частной собственности
ген.-майоры	1	Греков Митрофан Ильич (30-31 об.)	Имеет в области Войска Донского потомственные доли 1050 дес. земли; за женой - 2-х этажный дом.
полковники	3	Чеботарев Василий Степанович	Имеет 800 дес. за умершими родителями.
есаулы	7	-	-
подъесаулы	4	Шаховской Владимир Михайлович	Имеет 2800 десятин земли за отцом
сотники	6	Леонов Василий Александрович	Имеет 574, 561, 1839 десятин (158 об.)
		Греков Петр Иванович	Имеет 118 дес., 400 дес. (162 об.)
		Ефремов Петр Федорович	Имеет 8000 дес. земли (174 об.)
		Сазонов Дмитрий Петрович	Имеет 1200 дес. земли (178 об.)
хорунжий	20	Карпов II Алексей Акимович	Имеет за родителями 1600 дес. и 2000 дес.

Анализ таблицы позволяет сделать вывод о том, что из 33 офицеров полка (минус командир полка) только 7 человек (21,2%) являлись крупными землевладельцами-собственниками, способными рассчитывать на дополнительные доходы, получаемые от земли. Остальные офицеры полка могли рас-

[1] РГВИА. Ф. 3611. Оп. 1. Д. 796.

считывать на доход, получаемый от эксплуатации своего пая из «юртовых земель». Справедливости ради следует отметить, что земельная собственность офицеров казачьей гв. была не столь существенной по сравнению с земельной собственностью отдельных офицеров наиболее привилегированных полков гв. В конечном итоге необходимо говорить не о конкретных полках, а о представителях, приближенных к престолу аристократических родов, земельная собственность которых оформлялась на протяжении длительного исторического отрезка и переходила из поколения в поколение (князьях Барятинских, Долгоруких, Гагариных, графах Воронцовых, Юсуповых, Шереметьевых и ряде др. фамилий). Так, княгиня М.С. Барятинская, рассуждая о собственности фамилии Барятинских (имении Марьино, Курской губернии), отмечала: «Это было огромное имение, охватывающее около 60000 десятин, или 600 квадратных километров. Это было, по сути, небольшое королевство».[1] Следует отметить, что среди преображенцев, кавалергардов и даже конногвардейцев были офицеры, бедные «как церковная мышь».

Кроме этого, в гв. казачьих частях прослеживались отдельные финансовые злоупотребления, приводившие к судебным разбирательствам.[2] Коррупция в рядах офицерского корпуса российской императорской армии пореформенного периода была обычным явлением. Зачастую она приобретала самые уродливые формы: хищение казны и имущества, должностной подлог, очевидное злоупотребление должностным положением. Указание на проявление коррупционной властной вакханалии мы постоянно встречаем в различных воспоминаниях офицеров. М.В. Грулев в своих записках описывает злоупотребления, «чинимые» на Кавказе в. к. Михаилом Николаевичем, связанные с самозахватом земель, в том числе и принадлежащих местной знати. Причем в данный процесс невольно оказался вовлечен и сам император, который «не мог отказать победителю Турции в этой безделице».[3]

---

[1] Барятинская М.С. Указ. соч. С. 203.
[2] Богданович А.В. Указ. соч. С. 182.
[3] Грулев М.В. Указ. соч. С. 141-142.

Анализ особенности казачьего мировоззрения приводит к выводу о том, что по своей природе подавляющая часть казачества была *генетически ориентирована на монархизм*.

Следует отметить, что в области военной подготовки казаки разительно контрастировали с прочими воинскими частями и подразделениями (в первую очередь, с кавалерийскими). Военная подготовка казака начиналась с раннего детства. В данном случае особо необходимо подчеркнуть, что для казака основным навыком считалось обращение с конем. Именно это отличало его от прочих, даже самых «ловких» кавалеристов. Конь являлся неотъемлемой частью казачьей жизни. Поэтому знакомство с верховой ездой начиналось в раннем детстве. Так, Т.К. Ящик, «лейб-казак» императрицы Марии Федоровны, вспоминал, что впервые сел на лошадь в возрасте 3-4 лет и что лошадь была «лучшим товарищем» казака в сложной ситуации.[1] Со временем к искусству верховой езды добавлялось владение холодным и огнестрельным оружием и, в первую очередь, в седле. Таким образом, при поступлении в училище или после поступления в «свой» полк (сборы начинались с 21 года) молодые казаки уже имели отличную кавалерийскую выучку.

Тем не менее гв. казаки в своей основной массе также не отличилась достаточной выучкой, в чем сказывались последствия либеральных реформ 60-70-х гг. XIX в., в первую очередь, земельной и военной (обучение кавалеристов «на драгунский манер»). Хорошо известен тот факт, что Александр III вообще порывался превратить казаков в «обычных» землевладельцев. Воинский устав 1874 г. не ставит казаков в особые условия, хотя справедливости ради следует отметить, что за ним последовали «специальные казачьи» уставы, оставляющие казакам особый статус.

В отношении выучки гв. казаков посещавший СПб. в ноябре 1894 г. будущий начальник германского ГШ Х. фон Мольтке писал следующее: «Мы видели тренировку казачьих офицеров… Узда - простой трензель, вследствие чего все лошади вскидывают голову и на рыси вступают под себя. При от-

[1] Ящик Т.К. Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. СПб., 2004. С. 19-20, 33.

данном поводе шаг широкий, в галоп не скачут – только шаг, рысь и карьер. Прыжок через низкий карьер здесь тоже был крайне неудовлетворителен. Часто, чтобы лошадь, закидывающая перед препятствием, взяла его, наезднику приходилось бить ее кожаной казачьей нагайкой, какую каждый носит на темляке. – Потом на дорожку вынесли стойку, в которую были воткнуты лозы толщиной в палец. Офицеры по одному из правосторонней стойки брали с места в карьер, и их задача состояла в том, чтобы на полном скаку срубить саблей одну из лоз… Командир школы верховой езды, лишь несколько недель как вернувшийся из Ганновера, где прошел курс нашей школы, рассказал нам, что в прошлом году у него восемнадцати лошадям отрубили ухо».[1]

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о том, что в среде казачьей гв. л.-гв. Казачий п. по основным показателям более всего приближался к другим полкам гв. кавалерии, сохраняя при этом лишь отдельные элементы «казачьей специфики».

Отдельной темой нашего исследования является анализ «казачьего генералитета», его связи с казачьей гв. и определение его места в системе военной элиты Российской империи.

В «казачьей гвардии» генералы («казачий генералитет») занимали следующие командные должности:

1)атаманов казачьих войск (в данном случае мы можем выделить наказных атаманов и окружных атаманов) – как правило, звание полного генерала, г.-лейтенанта, в отдельных редких случаях г.-майора. С образованием л.-гв. Сводно-казачьего полка в его состав была включена группа *наказных атаманов* отдельных казачьих войск.

В момент образования полка в нем числились войсковые наказные атаманы, генералы: М.А. Газенкампф (Астраханского войска – 1895-1903 гг.), И.Н. Соколовский (Астраханского Войска – 1907-1917 гг.), Н.А. Сухомлинов (Оренбургского войска), А.И. Кияшко (Забайкальского войска), П.А. Лечиц-

[1] Мольтке Х. фон Русские письма. СПб., 2008. С. 24-25.

кий. К началу Первой мировой войны в состав полка были включены («вакансий в полку не занимали»):

- г. от кавалерии Е.О. Шмит – командующий войсками Омского ВО и войсковой наказной атаман Сибирского казачьего войска (с 1908 г.);

- г. от кавалерии А.В. Самсонов – туркестанский г.-губернатор, командующий войсками Туркестанского ВО и войсковой наказной атаман Семиреченского казачьего войска (с 1909 г.);

- г. от кавалерии В.И. Покатило - войсковой наказной атаман Донского казачьего войска (с 1912 г.);

- Свиты Е. И. В. г. от инфантерии П.А. Лечицкий – командующий войсками Приамурского ВО и войсковой наказной атаман Амурского и Уссурийского казачьего войска (с 1910 г.);

- г.-лейтенант И.Н. Соколовский - войсковой наказной атаман Астраханского казачьего войска (с 1906 г.);

- г.-лейтенант Н.А. Сухомлинов - войсковой наказной атаман Оренбургского казачьего войска (с 1911 г.);

- г.-лейтенант М.А. Фольбаум - войсковой наказной атаман Семиреченского казачьего войска (с 1908 г.).

- кроме этого, в полку числился г.-майор Л.И. Жигалин – командир 3-й бр. 1-й ГКД (с 1911).[1]

2)помощников войсковых наказных атаманов и генералов на отдельных штабных должностях (в военных администрациях атаманов) – как правило, звание *г.-майора*.[2] Так, в 1896 г. по Войску Донскому числились следующие офицеры, занимающие указанные должности:

- г.-лейтенант А.М. Греков – помощник войскового наказного атамана Войска Донского по гражданской части;

- г.-лейтенант Р.С. фон-Раабен – НШ Войска Донского;

---

[1] РГВИА. Ф. 3612. Оп. 1. Д. 37. Л. 3-5.

[2] Указанные генералы также, как правило, числились в списках гв. казачьих частей.

- г.-лейтенант А.В. Пономарев – окружной атаман Усть-Медведицкого округа;

- г.-майор А.Г. Мандрыкин – окружной начальник Ростовского округа;

- г.-майор И.Е. Греков – окружной атаман Черкасского округа;

- г.-майор В.К. Рытиков – областной воинский начальник Войска Донского[1];

3)командиров 3 гв. кавалерийской бр. 1-ой ГКД – как правило, звание *г.-лейтенанта.* Начиная с эпохи Александра III, данным воинским соединением командовали:

- А.Г. Жеребков (командир л.-гв. Казачьего полка), г.-лейтенант с 1891 г. Командир 3-й бр. 1-ой ГКД с 1886 по 1891 г.;

- Р.А. Хрещатицкий (командир 3-й бр. 1-ой ГКД с 1891 по 1893 гг.), г.-лейтенант с 1893 г., г. от кавалерии с 1904 г. Уроженец Войска Донского, Новониколаевской станицы. Родился в 1841 г. Окончил ПК. Произведен в 1861 г. сотником в Донской казачий п. Переведен в 1863 г. в л.-гв. Казачий п. В 1873 г. командир 27 Донского казачьего п. (накануне войны 1877-78 гг. полк был переименован в 12 Донской казачий п.). Участвовал, командуя полком, в кампании 1877-78 гг. в составе Рущукского отряда. С 14.11.1904 г. командующий войсками Приамурского ВО и войсковой наказной атаман Приамурских казачьих войск[2];

- М.И. Греков (командир л.-гв. Атаманского п. с 1886 по 1893 гг.), к моменту вступления в должность (1893 г.) г.-майор. Командир 3-й бригады 1-ой ГКД с 5.04.1893 по 9.12.1893 г., затем - 1-ой Донской кавалерийской дивизии (с 1893 по 1898 гг.);

- В.Н. Турчанинов. Окончил Таганрогскую гимназию и Московский Императорский университет. Командовал л.-гв. Сводно-Донским п. в 1877-1887 г., 1-й бр. 1-й Донской казачьей дивизии с 1890 по 1894 г., 3-й бр. 1-ой ГКД с 22.01.1894 по 20.02.1899 г.[3];

---

[1] Список Генералам, Штаб и Обер-офицерам по старшинству. Издание Войскового Штаба В. Д. Новочеркасск, 1897. С. 10-18.

[2] Разведчик. 28.12.1904 г. № 740. С. 1-2.

[3] СГС. СПб., 1906. С. 502.

- А.В. Новосильцев (ком. л.-гв. Казачьего п. – 1895-1899 гг.), г.-лейтенант с 1904 г.; командир 3-й бр. 1-й ГКД с 04.03.1899 по 18.02.1904 г.;

- К.А. Ширма (командир л.-гв. Атаманского п.), г.-лейтенант с 1906 г.; командир 3-й бр. 1-й ГКД с 18.02.1904 по 24.05.1905 г.;

- барон П.Р. фон Неттельгорст (командир л.-гв. Атаманского п. (13.04.1902-04.04.1905), г.-лейтенант с 1907 г.; командир: 1-й бр. 2-й ГКД (04.04.-19.06.1905), 3-й бр. 1-й ГКД (19.06.1905-10.02.1907) и 2-й бр. 2-й ГКД (10.02.-03.09.1907);

- Свиты Е.И.В. г.-майор (с 1905 г.) А.В. Родионов (командир л-гв. Казачьего п. (30.06.1904-10.02.1907). Командир 3-й бр. 1-й ГКД с 10.02.1907 по 14.09.1911 г.;

- Г.Л. Пономарев (командующий л-гв. Казачьим п. (22.04.1907-31.12.1913), г.-майор, командир 3-й бр. 1-й ГКД с 31.12.1913 по 1915 г.;

- И.Д. Орлов 1-й (командир л-гв. Казачьего п. с 31.12.1913 г.). Командир 3-й бр. 1-й ГКД с 24.01.1915 г.;

- граф М.Н. Граббе (командир л-гв. Сводно-казачьего п. с 22.09.1911 г.). С 14.01.1915 г. командир 3-й бр. 1-й ГКД.

4)командиров казачьих гв. полков как регулярных формирований – как правило, звание *г.-майора*;

5)наконец, командиров батарей гв. конной артиллерии – в основной массе данную должность занимали *полковники*, но их статус в военной иерархии был значителен, и они вполне могут быть отнесены к представителям военной элиты;

6)по войску также числились командиры иррегулярных казачьих формирований (бригад, дивизий), а также армейских кавалерийских формирований, числящиеся в списках гв. полков (или «по гв. кавалерии»).

В нашем случае особый интерес для анализа представляют *командиры гв. казачьих полков и батарей* как важный элитообразующий компонент.

Анализ командного состава частей казачьей гв. (в данном случае из общей схемы выпадает Конвой) позволяет выявить следующие тенденции.

Л.-гв. Казачий п. на отрезке правления Александра II – Александра III комплектовался по схеме, характерной для прочих полков гв. кавалерии. Пост командира полка занимал офицер, как правило, в чине полковника (после чего ему присваивался чин г.-майора), из «более престижных» гв. частей: речь идет о полках 1-й бр. 1 ГКД или 1-й бр. 2 ГКД. При Николае II указанная тенденция оказалась нарушена, тем не менее даже на указанном отрезке времени полком командовали конногвардеец г.-майор А.В. Новосильцев (с 1895 по 1899 гг.)[1], улан Его Величества г.-майор К.В. Дембский (с 1899 по 1902 гг.)[2] и кавалергард г.-майор Э.И. Бернов (1902 по 1904 гг.).[3] Остальные командиры полка (Свиты Е.И.В. г.-майор А.В. Родионов (1904-1907 гг.), г.-майор Г.Л. Пономарев (1907-1913 гг.) и Свиты Е.И.В. г.-майор И.Д. Орлов I (1913-1915 гг.)) являлись офицерами, причисленными к дворянскому сословию Войска Донского, начавшими свою службу либо в рядах л.-гв. Казачьего п., либо в батареях казачьей артиллерии (С.Н. Варламов, Г.Л. Пономарев).

Из семи командиров полка периода правления Николая II только трое окончили ПК, один – НКУ, один – МАУ и один – класс Донских казачьих юнкеров. А.В. Новосильцев получил домашнее образование и сдал экзамен на офицерский чин при НКУ.[4] Два представителя указанной группы пытались обучаться в НАГШ. Э.И. Бернов вынужден был академию оставить, так и не доучившись, а Г.Л. Понамарев окончил ее по 2-му разряду. 5 офицеров (С.Н. Варламов, К.В. Дембский, Э.И. Бернов, А.В. Родионов, Г.Л. Пономарев) принимали участие в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., один (И.Д. Орлов-1) – в русско-японской 1904-1905 гг.

Что касается семейного положения, то два офицера были женаты, один к моменту занятия должности командира полка - вдов (А.В. Новосильцев). Остальные холосты. Только у двух офицеров были дети (у А.В. Новосильцева – 3 сына и одна дочь[5]; у Г.Л. Пономарева – 1 дочь[1]).

---

[1] РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3121. Л. 99.
[2] РГВИА. Ф. 3610. Оп. 2. Д. 300. Л. 3.
[3] Сборник биографии кавалергардов. 1828-1908… - С. 299-300.
[4] РГВИА. Ф. 3610. Оп. 2. Д. 300. Л. 3.
[5] Там же. Л. 2.

Еще одним параметром исследования выступает время пребывание представителей рассматриваемой нами группы офицеров на посту командира полка. Возраст занятия офицерами должности командира л.-гв. Казачьего п. колебался от 43 до 52 лет. Средний составлял 48 лет. Пребывание на должности командира полка колебалось от 6 до 2 лет (у 3-х – 2 года, у 1-го – 4, у 2-их – 3 и у 1, Г.Л. Пономарева, – 6 лет).

Средняя скорость карьерного роста (от получения 1-го офицерского звания и до звания г.-майора) для представителей анализируемой группы составляла 28 лет. В целом она колебалась в диапазоне 28 лет - 32 года. Только в единичном случае, Свиты Е.И.В. г.-майора И.Д. Орлова-1, карьера оказалась стремительной: 22 года.[2] Четкой закономерности занятия должности в соответствии с возрастным параметром и срока пребывания в должности не прослеживается. Указанные процессы во многом определяются сложившейся конъюнктурой и субъективным фактором, как, например, в случае с Д.И. Орловым.

Профессиональный уровень указанной группы офицеров определить достаточно сложно: все имели стандартный набор наград, в том числе и боевых, соответствующих возрасту, воинскому званию и социальному статусу. Исключение в данном случае составляет Г.Л. Пономарев, получивший во время войны 1877-78 гг. орден Св. Георгия IV ст. Два офицера были причислены к Свите Е.И.В. с оставлением в должности командира полка (А.В. Родионов и И.Д. Орлов-I). Последующую карьеру (место указанной группы офицеров в системе военной элиты империи) рассматриваемой социальной категории в предвоенный период демонстрирует таблица в приложении 37 (см.: приложение 37).

---

[1] Там же. Л. 4.

[2] РГВИА. Ф. 3610. Оп. 2. Д. 309. Л. 4. Думается, что на столь быстрое продвижение по службе оказал влияние ряд факторов. Указанный офицер был сыном г.-лейтенанта Д.И. Орлова. Как генеральский сын он получил образование в ПК, из которого сразу же поступил «на вакансию» в л.-гв. Казачий п. Он принимал участие в русско-японской войне и, наконец, в течение 2-х лет (1905-1907 гг.) являлся личным адъютантом ком. СПб. ВО и войсками гв. в. к. Николая Николаевича-младшего (на указанной должности получил звание полковника «за отличие»).

Анализ таблицы позволяет говорить о том, что в данном случае мы видим типичную для подавляющего большинства командиров гв. частей (применительно к периоду правления Александра III - Николая II) карьерную модель: полк – бригада – дивизия – пенсия (или должность «почетного председателя», или «попечителя» чего-либо). У гв. казаков из дворянского сословия Войска Донского, в отличие от офицеров из аристократических родов, эта ситуация приобрела характер «типической» в силу их происхождения.

В отношении командного состава других полков казачьей гв. следует отметить следующее. В л.-гв. Атаманском п. (на отрезке правления императоров Александра III – Николая II) пост командира занимали преимущественно офицеры л.-гв. Казачьего п. (из 9 человек 5 офицеров начинали свою карьеру в указанной части). Кроме этого, еще один начинал свою службу в л.-гв. 6-й Донской батарее. «Пришлых» командиров полка было 3, причем один из них был сыном в. к. Владимира Александровича - в. к. Борис Владимирович (командир полка с 20.03.1914 г.). Указанный офицер начинал свою карьеру в наиболее престижной части 2 ГКД л.-гв. Гусарском Его В. п. (корнет гв. с 12.08.1896 г.). Два других офицера (К.А. Ширма и барон П.Р. фон Неттельгорст) являлись «выходцами» из л.-гв. Драгунского п.

Что касается военного образование, то 6 командиров окончили НКУ (двое в бытность его Николаевским кавалерийским училищем гв. юнкеров – 1859-1864 гг.), один – Главное инженерное училище, один - Таганрогскую мужскую гимназию, один - Павловский кадетский корпус.

6 офицеров принимали участие в кампании 1877-1878 гг., при этом один из них, А.П. Короченцов, был пожалован особой наградой, «бриллиантовым перстнем с вензелем императора».[1] Еще 3 офицера, включая в. к. Бориса Владимировича, принимали участие в русско-японской войне. Следует отметить, что в самом начале Первой мировой войны, в ноябре 1914 г., в. к. будет награжден орденом Св. Георгия IV ст. (Высочайший Приказ от 4.11.1914 г.), а в 1916 г. - эмблемой атаманской власти перначом. Орден Св.

[1] СГС. СПб., 1889. С. 603.

Георгия IV ст. (правда, пожалованный в 1878 г.) имел еще один участник русско-японской войны, бывший командир полка М.И. Греков. Указанный офицер являлся живой легендой полка, так как принимал участие в событиях 1863, 1877-78 и 1904-05 гг.[1]

Примечателен тот факт, что другой «японец», С. Е. И. В. г.-м. С.В. Евреинов, командовавший в начале Первой мировой войны 3-й Донской казачьей дивизией, был отстранен от командования «за невыполнение боевой задачи» и покончил с собой 8.09.1914 г., застрелившись в гостинице «Виктория» в г. Люблине.

Средний возраст офицеров при занятии должности командира полка составлял 44 года. Он колеблется в диапазоне от 37 лет (А.Д. Мартынов, в. к. Борис Владимирович) до 52 лет (барон П.Р. фон Неттельгорст). Скорость продвижения по карьерной лестнице от первого офицерского звания (корнет/хорунжий) до г.-майора составляла 26 лет (при этом скорость продвижения по службе колеблется от 18 лет (у в. к. Бориса Владимировича) до 33 (у барона П.Р. фон Неттельгорста)).

В отношении семейного положения указанных офицеров мы имеем следующую статистику. 6 офицеров были женаты, 1 – вдов, 2 – не женаты. За исключение одного у всех женатых офицеров были дети: у одного (В.А. Родионов, указанный офицер был вдов) – 5 (2 сына, 3 дочери), у 1 (М.И. Греков) – 3, у 1 – 2 и у остальных по 1 ребенку.

Что касается л.-гв. Сводного Казачьего п., то после его образования пост командира указанной части (до начала Первой мировой войны) занимали всего 2 офицера: с 1906 по1911 гг. г.-майор Л.И. Жигалин, а с 1912 по 1915 гг. Свиты Е.И.В. г.-майор граф М.Н. Граббе.

Прежде чем переходить к анализу указанных офицеров, сделаем небольшую ремарку в отношении службы представителей титулованной аристократии в рядах казачьей гв. В отличие от частей 1 и 2 бригады 1-ой и 2-й

[1] СГС. Часть I, II и III. Составлен по 1-е января 1908 г. СПб., 1908 г. С. 215.

ГКД, в первую очередь, л.-гв. Гусарского Его В. и л.-гв. Уланского Ея И.В. полков, процент титулованных особ в казачьей гв. был крайне низок.

В л.-гв. Казачьем п. (образца 1904-1914 гг.) числились: один персидский принц, Шах-Рух-Мирза, находящийся в войсках Кавказского ВО, и граф А.Н. Граббе, брат командира л.-гв. Сводного Казачьего п. Михаила Николаевича.

В л.-гв. Атаманском п. в 1900 г. числилось всего два представителя титулованной аристократии. Речь идет о есаулах графе Л.Н. Игнатьеве (с 10.12.1896 г. он находился «в постоянной командировке» в качестве адъютанта командующего войсками МВО г.-лейтената, г.-адъютанта в. к. Сергея Александровича[1]) и князе Беке-Мурзе Нарузове (числился в войсках Кавказского ВО и «вакансии в полку не занимал»[2]). К началу правления Николая II в полку числился еще один аристократ, сотник князь И.Н. Святополк-Мирский (переведен в полк 12.09.1892 г.[3]), второй сын войскового наказного атамана Войска Донского (1881-1898 гг.) г. от кавалерии, г.-адъютанта князя Н.И. Святополк-Мирского.

В л.-гв. Сводном Казачьем п. в момент его образования не было ни одной титулованной особы. К началу Первой Мировой войны статистика не изменилась.

Наконец, в Собственном Е.И.В. конвое в 1910 г. числилось 3 титулованных особы: командир 2-ой сотни есаул барон М. Унгерн-Штернберг (по происхождению остзеец), подъесаул князь А. Амилахвари и представитель персидской династии Каджаров подъесаул принц А.П. Риза-Кули-Мирза.[4] Принц являлся сыном Риза-Кули-мирзы и Александры Туган-Мирзы-Барановской. Александр Петрович был крещен в православную веру в домовой церкви в. к. Николая Николаевича-старшего. Принц окончил Рижское реальное русское училище и Виленское пехотное юнкерское училище. Службу

[1] Пятый сын Александра II. Командующий Московским ВО с 26.05.1896 по 4.02.1905 гг. Член Государственного Совета с 1894 г. Убит эсером-террористом И. Каляевым.
[2] РГВИА. Ф. 3611. Оп. 1. Д. 832. Л. 8.
[3] РГВИА. Ф. 3611. Оп. 1. Д. 796. Л. 240.
[4] Галушкин Н.В. Указ. соч. С. 145-146.

в качестве подпоручика начал в 178-м пехотном Изборском п. в августе 1895 г. В 1898 г. был зачислен кандидатом для перевода в Конвой. Окончательно переведен в Конвой (2-ю Кубанскую казачью сотню) 26.04.1903 (старшинство в чине сотника с 6.04.1903 г.).[1] В 1914 г. принц по-прежнему числился в Конвое, имея звания есаула.

При анализе командного состава л.-гв. Сводного Казачьего п. мы также пришли к выводу, что отправной точкой военной карьеры вышеозначенных офицеров (Жигалина и Граббе) являлась служба в казачьей гв. кавалерии. Л.И. Жигалин являлся казаком Оренбургского казачьего войска и после окончания Оренбургского юнкерского училища в 1878 г. был выпущен в комплект Уральских казачьих полков. Указанный офицер был переведен в гв. в чине поручика 9.06.1881 г. и служил в л.-гв. Уральской казачьей сотне. В 1900 г. Леонид Иванович становится командиром л.-гв. Уральской казачьей сотни и получает звание полковника. В указанной должности он остается вплоть до начала формирования л.-гв. Сводного Казачьего п., после чего становится первым его командиром (с 28.07.1906 по 1911 гг.).[2]

Граф М.Н. Граббе принадлежал к старому дворянскому роду, известному в Финляндии с XV в. Право носить графский титул («с нисходящим потомством») с 28.10.1866 г. получает наказной атаман Войска Донского г. от кавалерии, г.-адъютант П.Х. Граббе.[3]

Михаил Николаевич являлся внуком Павла Христофоровича. Его отец, Николай Павлович (1832-1896 гг.), как сын полного генерала окончил ПК и был выпущен в л.-гв. Кавалергардский п. Николай Павлович принимал участие в Кавказской войне, затем «за особые заслуги» был произведен в Свиты Е.И.В. г.-майоры и командовал л.-гв. Конным п. (с 1864 по 1869 гг.). Свою карьеру Николай Павлович закончил в звании г.-лейтенанта. Примечателен тот факт, что его старший сын, Александр (выпускник ПК, офицер л.-гв. Ка-

[1] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1980. Л. 55-60 об.
[2] РГВИА. Ф. 3612. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.
[3] Любимов С.В. Титулованные роды Российской империи: опыт подробного перечисления всех титулованных российских дворянских фамилий, с указанием происхождения каждой фамилии, а также времени получения титула и утверждения в нем. М., 2004. С. 103.

зачьего п., Свиты Е.И.В. г.-майор, женат на М.Н. Безак), командовал Собственным Е.И.В. конвоем. Матерью Михаила Николаевича была А.Ф. Орлова-Денисова.

Михаил Николаевич закончил в 1890 г. ПК и был выпущен хорунжим в л.-гв. Казачий п. (10.08.1890 г.). Значительный импульс карьере рассматриваемого офицера (при всех прочих импульсах) дало его пребывание на должностях ординарца при НШ войск Гв. (1899-1902 гг.), а затем адъютанта главнокомандующего войсками Гв. и СПб. ВО в. к. Владимира Александровича (с 22.02.1902). Причем граф Граббе оставался адъютантом в. к. вплоть до его смерти (в соответствии с приказом до 4.02.1909 г.).

Скорость карьерного роста Л.И. Жигалина составила 28 лет (пост командующего полка занял в 47 лет), у графа М.Н. Граббе, как и у подавляющей части аристократии, она оказалась стремительной – 21 год (пост командира полка занял в 43 года).

Что касается участия в боевых действиях, то Жигалин являлся участником кампании 1877-78 гг. Граф участия в боевых действиях не принимал. Оба офицера были женаты: Жигалин имел 2-х сыновей (к 1.01.1914 г. – 23 и 22 лет) и 2-х дочерей (25 и 19 лет); граф Граббе (женат на С.И. Всеволжской) – 3-х дочерей (21, 20 и 19 лет).[1]

Что касается Собственного Е.И.В. Конвоя, то имеющаяся в нашем распоряжении информация позволяет сделать следующие выводы. Все командиры Конвоя периодов правления Александра III - Николая II (всего 5 офицеров) начинали свою военную карьеру в частях гв. (2 - в л.-гв. Конном п., и по одному в - л.-гв. Гусарском Его В., л.-гв. Гродненском гусарском и л.-гв. Казачьем полках). 4 офицера являлись представителями аристократии (3 титулованной: барон А.Е. Мейендорф, князь Г.И. Трубецкой, граф А.Н. Граббе-Никитин (указанный фигурант упоминался выше), 3 генеральскими детьми (один полного г., двое – г.-лейтенантов).

[1] РГВИА. Ф. 3612 Оп. 1. Д. 37. Л. 5, 8.

Представители данной группы офицеров, по понятным причинам, окончили ПК. Исключение составлял М.А. Ивашкин-Потапов (в момент вступления в командование Конвоем (1878 г.) флигель-адъютант, полковник), окончивший НКУ. В указанной группе офицеров только 1 человек, А.Н. Граббе, может быть отнесен к «дворянскому сословию» Войска Донского.

Что касается боевого опыта, то 3 офицера полка являлись участниками кампании 1877-1878 г., один, князь Г.И. Трубецкой, - русско-японской войны (в качестве офицера для особых поручений при Главнокомандующем).

Граф А.Н. Граббе-Никитин являлся весьма успешным царедворцем. С 1889 по 1891 гг. он состоял в качестве адъютанта при в. к. Александре и Сергее Михайловичах, а с 25.06.1897 по 3.01.1910 г. князь являлся адъютантом в. к. Михаила Николаевича. Причем продолжал числиться в адъютантах почти целый год после смерти в. к. (5.01.1909 г.).

Средняя скорость карьерного роста анализируемых нами офицеров составляла 24 года. Наиболее успешным в этом плане оказался князь Г.И. Трубецкой. Ему удалось получить полк через 18 лет после окончания ПК в возрасте 40 лет.

Все командиры Конвоя были женаты. В данном случае весьма интересна статистика командиров-аристократов. В.А. Шереметьев был женат на графине Е.С. Строгановой, дочери г.-адъютанта, тайного советника, вице-президента Конюшенной конторы Григория Александровича. В браке супруги имели 3 детей: Сергея, Дмитрия и Софию. Барон А.Е. Мейендорф был женат на дочери председателя ГС и Комитета министров, г. от кавалерии, г.-адъютанта князя И.В. Васильчикова. Князь Трубецкой был женат на баронессе О.Е. Мейендорф, сестре А.Е. Мейендорфа. Супруги имели двух дочерей, Ольгу и Марию.

Наконец, граф А.Н. Граббе-Никитин был женат на дочери г.-лейтенанта Н.А. Безака[1], начальника Главного управления почт и телеграфов

[1] Александр Николаевич Безак (1837-1897 гг.). Сын г.-адъютанта Александра Павловича, командующего Киевским ВО, г.-губернатора Юго-Западного края. Выпускник ПК (1854 г.), службу начинал в л.-гв. Преображенском п., участник Русско-турецкой войны 1877-78 гг.

(ГУПТ) Марии Николаевне. От брака имелось 3 сына: Георгий, Николай и Павел.

При анализе последующей карьеры командиров гв. казачьих частей прослеживается типичная для эпох Александра III - Николая II картина, демонстрирующая специфику карьерного роста. Для подавляющего большинства командиров гв. казачьих полков карьера выглядела следующим образом: полк – бригада – дивизия (чаще всего казачьи: 1-4 Донские, 2-я сводная казачья, Забайкальская казачья) – почетная пенсия (или должность «почетного председателя, попечителя или опекуна»[1]). Отдельные наиболее именитые и «старые» казачьи ген. становились командирами отдельных корпусов (например, ген. от кавалерии А.В. Новосильцев – 4-й АК; из бывших командиров казачьих полков эпох Александра III - Николая II до командования корпусом дослужился только он один).

У гв. казаков из «дворянского сословия» Войска Донского, в отличие от офицеров из аристократических родов, данная специфика карьерного роста приобрела характер «типической», в первую очередь, в силу их происхождения. Ни один из ген. казачьей гв. не был отмечен на поприще военной науки. Наиболее показательным примером является «крайне неудачное» обучение в НАГШ выпускника ПК, кавалергарда Э.И. Бернова, сумевшего дослужиться до командира л.-гв. Казачьего п. исключительно благодаря «честной службе» в строю и боевым заслугам.[2] Следует отметить, что к отдельным «теоретикам», например, офицеру л.-гв. Атаманского п. П.Н. Краснову, популярность пришла только после Гражданской войны в эмиграции, хотя он занимался «военной публицистикой» в довоенный период и публиковался в десятке изданий, а его статьи «почитывал» сам император. [3]

«Контакты» (речь идет об обучении) гв. казачьих офицеров с НАГШ, как правило, заканчивались плачевно (это, между прочим, касается и П.Н.

---

[1] Например, должность почетного опекуна Московского присутствия Опекунского совета учреждений Императрицы Марии с 1912 г. занимал некогда командир л.-гв. Казачьего п. г. от кавалерии К.В. Дембский. А такую же должность, но только в Москве – г.-лейтенант А.В. Родионов.
[2] Сборник биографий кавалергардов. 1828-1908… - С. 299-300.
[3] Краснов П.Н. Воспоминания о Русской Императорской армии. М., 2006. С. 7.

Краснова, который проучился в НАГШ всего 1 год[1]): либо отчислением, либо завершением курса по 2-му разряду, что не позволяло причислить офицера к ГШ. Тем не менее процент казачьих офицеров-гвардейцев, стремящихся поступить в Академию, был ничуть не меньше, чем в других полках гв. кавалерии.

Таким образом, гв. казачий генералитет должен рассматриваться как типичный элемент военной элиты империи. Казачьи генералы не были инкорпорированы в политическую власть империи, а их судьба и карьерный рост определялись общим характером продвижения по службе среднестатистического гв. генерала рубежа XIX-XX вв. Это было обусловлено тем, что «казачье дворянство» оформилось сравнительно поздно, к концу XVIII в. В своем «достоинстве» казаки так и не смогли сравняться с именитой аристократией, которая к указанному моменту была прочно инкорпорирована во власть. Для казаков оставался только один путь для карьерного роста – через опыт, полученный в боевых сражениях. Казачество являло собой классический пример «военной меритократии».

3.3.Гвардейская артиллерия - новая элитогенерирующая среда

Уже к середине XIX в. резко возрастает значение артиллерии как самостоятельного рода войск. Можно говорить о том, что артиллерия начинает доминировать на поле боя[2].

Общий взгляд на задачи, решаемые артиллерией на поле боя, применительно к концу 1-го 10-летия XX в. выразил известный германский военный теоретик А. фон Шлифен. Он полагал что она должна: поддерживать огнем наступающую пехоту; подавлять вражескую артиллерию; разрушать за-

[1] Там же. С. 6.

[2] Применительно к 1912 г. в качестве основных факторов, делающих артиллерию «современным» родом войск С. Михеев выделял: скорострельность, дальнобойность, настильность траектории, бездымность пороха (см. Михеев С. Историй русской армии. Выпуск IV. М., 1912. С. 11)

щищенные сооружения и уничтожать вражеские части и соединения на позициях.[1]

Следует отметить, что во время русско-японской войны на долю потерь, нанесенных личному составу воюющих сторон, приходилось *15% убитых* артиллерийским огнем (на протяжении всей войны). Как отмечал исследователь А.А. Строков, к началу Первой мировой войны, а затем в ее ходе «артиллерия сохранила и упрочила свое значение как *главное* огневое ударное средство». Он писал: «Удельный вес ее в составе вооруженных сил за годы войны возрос более чем в полтора раза. Если к началу войны в армиях Англии, Германии, Италии, России, США и Франции насчитывалось 24,9 тыс. орудий, то к концу ее – свыше 84,8 тыс. Потери на поле боя наносились преимущественно огнем артиллерии. Они составляли 75%, а от ружейно-пулеметного огня – всего 15-20%».[2]

Параллельно с ростом дальнобойности и убойной силы увеличивалась и скорострельность артиллерии, она превратилась в крайне «затратный» (в том числе и в финансовом плане) род войск, за что получила прозвище *«мотовка»*. Историк О.Р. Айрапетов отмечал: «Русская полевая 3-дюймовая пушка образца 1902 года делала на полигоне до 20 выстрелов в минуту, а в боевой обстановке до 12-13. В войсках ее называли «мотовкой». 4,8-дюймовая гаубица образца 1904 года делала 1-2 выстрела в минуту. Расход снарядов во время русско-японской войны доходил до 522 за несколько часов боя».[3]

В среднем же расход снарядов на одно орудие составил: во время Ляоянских боев – 190 выстрелов, боев на Шахэ - 25, под Сандепу - 88, под Мукденом – 387. Как следствие, за всю войну было потрачено 918000 боеприпа-

[1] Фон Шлиффен А. Современная война. // Германская военная мысль. / сост. К.А. Залесский. М., 2012. С. 545.
[2] Строков А.А. История военного искусства. Т.5. СПб., 1994. С. 10.
[3] Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907-1917). М., 2003. С. 20.

сов. После войны требования к артиллерийскому запасу довели до 1000 зарядов на одно орудие.[1]

Таким образом, к рассматриваемому отрезку времени артиллерия окончательно освобождается от клейма рода войска, находящегося в нач. XIX в. на положении «замарашки».[2]

Между тем уже наполеоновские войны продемонстрировали растущую потребность европейских армий в данном роде войск. Поэтому, на протяжении XIX в. значение артиллерии на поле боя постоянно возрастало.

Для ведения артиллерийской стрельбы в условиях боевых действий последней трети XIX – нач. XX вв. были необходимы серьезные научные знания. Именно этот фактор во многом определял обособленность артиллерии от других родов войск российской армии. В условиях все возрастающего значения артиллерии на поле боя артиллеристы (вкупе с военными инженерами/саперами) начинают составлять так называемую *«ученую» элиту* армии. Это во многом определяло способы подготовки и комплектования данного рода войск.

В то же время следует учитывать что на начало XX в. по-прежнему не было ясного понимания способов применения новых видов оружия. Опыт русско-японской-войны подтверждает правомерность высказывания довольно спорного исследователя А.Б. Широкорада о том, что русские адмиралы и генералы «просто не знали, что делать с новейшей техникой, поступавшей в их распоряжение».[3] Данное утверждение правомерно и для применения новейших артсистем (для которых пришлось разрабатывать не только новые приемы ведения войны, но и фактически доукомплектовывать новыми приспособлениями и боеприпасами на поле боя: так, производство новых 76-мм фугасных мелинитовых гранат было организовано уже в ходе русско-японской войны, в конце 1904 г.) и автоматического оружия, и для новейших единиц военно-морского флота.

---

[1] Там же.
[2] Дженкинс М. Аракчеев. Реформатор-реакционер. М., 2004. С. 24.
[3] Широкорад А.Б. Русско-японские войны 1904-1945. Минск, 2003. С. 77.

Еще одной особенностью артиллерии являлось превращение её г.-фельдцейхмейстером (с 25.01.1856 г.[1]), г.-фельдмаршалом в. к. Михаилом Николаевичем в свою особую «закрытую» и во многом «обособленную» от остальной армии «вотчину» с особыми традициями, от которых веяло консерватизмом эпохи Николая I. Указанная «обособленность» очень четко проявилась во время русско-японской войны, выявившей рассогласованность действий артиллерии и полевых войск (в первую очередь речь идет о пехоте).

Данный тезис может быть проиллюстрирован рассуждениями офицера Кронштадской крепостной артиллерии Д.И. Лешкова. Анализируя профессиональные качества преподавательского состава КАУ (КВУ), в котором он обучался с 1902 по 1904 гг., он отмечал следующее: «[…] здесь мне впервые пришлось столкнуться *с новым типом военного*. […] *В артиллерии как специальном роде оружия вообще от офицеров требуется значительно больше как общеобразовательной, так и специальной подготовки.* И естественно, что в таком заведении, как артиллерийское училище, весь персонал офицеров и профессоров является академиками и ультраматематиками. Прежде я никак не думал, что артиллерия – наука, вмещающая тысячи страниц и массы формул и вычислений».[2]

Примечателен тот факт, что в кавалерии сознательно игнорировали «сложную математическую науку», начиная еще с кавалерийских училищ. Так, юнкера НКУ манкировали или, говоря училищным сленгом, «мотали» «сугубые науки» (химию и механику). Изучение данных дисциплин признавалось «вредным», а успешно сдающие их юнкера подвергались остракизму и получали прозвище «мыловаров». Нередки были случаи, когда отдельных юнкеров отчисляли из училища из-за отставания по «сугубым наукам».

Примечательно и то, что в соответствии с традицией училища юнкера должны были презрительно относиться к артиллеристам и комплексу наук, связанных с данным родом войск. Проходя мимо учебной полковой пушки,

[1] ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
[2] Лешков Д.И. Партер и карцер. Воспоминания офицера и театрала. М., 2004. С. 89.

находящейся на одной из площадок для практических занятий, ученики младшего курса должны были чихать. По этому поводу А.В. Макаров писал: «Это несчастное орудие, торчащее в темном углу школы, служило вообще в училище не столько предметом обучения артиллерии, к каковой науке юнкера проявляли ледяное равнодушие, сколько объектом незаслуженного издевательства…».[1]

Таким образом, даже к началу XX в. выпускники НКУ оказывались наименее всего подготовленными к современной войне, а офицеры зачастую придерживались поведенческого стереотипа, выработанного в стенах «кавалерийских» учебных заведений, особенно престижных, в стенах которых традиция довлела над «разумом». На «обособленность» артиллерии «как особого рода войска» указывал и военный министр А.Ф. Редигер. Он отмечал, что указанную обособленность удалось преодолеть только с назначением в. к. Сергея Михайловича генерал-инспектором артиллерии.[2]

Следует отметить, что на протяжении всей второй половины XIX в. шел процесс постепенного увеличения численности российской артиллерии (в целом не являлось какой-то особенной тенденцией, а было типично для всех родов войск). В 1855 г. численность личного состава полевых артиллерийских частей составляла 92 тыс. чел. (при общей численности армии в 1128500 чел.), при Александре II, в 1881 г. она составила 108 тыс. чел. (при общей численности армии в 1462000 чел.), при Александре III, в 1894 г. – 197 тыс. чел. (при общей численности 2352000 чел.), наконец, при Николае II, в 1900 г. – 242 тыс. (при общей численности 2561000 чел.).[3] Таким образом, при Николае I артиллерия едва превышала 8% от всей русской армии. При Николае II указанная цифра составила 9%, что кажется не столь внушительным. На самом деле на фоне общего роста армии численность артиллерии увеличилась почти в 3 раза.

---

[1] Смирнов Р.В. «Дикий обычай» славной гвардейской школы. Цук и другие традиции Николаевского кавалерийского училища. М., 2010. С. 16.
[2] Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 537.
[3] Морской А. Военная мощь России. Предсказания генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина и их критика графом С.Ю. Витте. Петроград, 1915. С. 46.

Эволюция российской артиллерии, начиная с эпохи великих реформ и вплоть до периода правления Николая II, выглядела следующим образом. К 1871 г. артиллерия русской императорской армии включала в себя 47 пеших бр., по 4 батареи по 8 орудий каждая (234 батареи при 1872 орудиях). 8 конноартиллерийских бр. из 18 батарей (108 орудий). 8 парковых бр. с 30 артиллерийскими парками.[1]

При Александре III артиллерия (данные на начало 1889 г.), включая гв. артиллерию, была представлена следующими боевыми единицами:

- 304 пешие батареи (включая 3 гвардейские (1, 2 и 3-я Гв. и Гренадерская); Образцовая пешая батарея, приписанная к ГК 11.09.1863 г., переименована в Учебную пешую артиллерийскую батарею[2]);
- 2 мортирных артиллерийских полка (всего 8 мортирных батарей, сформированных по приказу военного ведомства №225 за 1889 год);
- 3 пеше-горные батареи при Киевской крепостной артиллерии;
- 5 вылазочных крепостных пеших батарей;
- *гв. конная артиллерийская бр. (6 батарей, в т.ч. 1 казачья)*;
- 23 полевые конные батареи;
- 2 конно-горные батареи;
- 5 резервных пеших артиллерийских бр. (30 пеших батарей, в т. ч. 5 батарей в которых состояло по одному конному взводу);
- 2 запасные пешие батареи (где одна батарея с конным взводом).[3]

К началу правления императора Николая II русская артиллерия состояла из *полевой*, включавшей в себя 52 бр. (3 гв., 4 гренадерские, 45 армейских), *конной*, в составе 28 батарей (5 гв. и 23 армейских), *резервной*, в составе 7 бр., *парковой*, *крепостной*, «развертываемой в 16 батарей» и *запасной*. Кроме

[1] Дружинин К.И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. // История русской армии. М., 2004. С. 370.
[2] Затем 24.08.1877 г. из нее формируется 2-я Гв. батарея 1-й Запасной артиллерийской бригады. 31.12.1878 г. она была переименована в 5-ю батарею1-й Резервной артиллерийской бригады. Затем 11.11.1890 г. – в 5-ю батарею 2-й Резервной артиллерийской бригады и, наконец, 30.01.1891 г. - в 5-ю Гв. батарею 1-й Резервной артиллерийской бригады (см.: Императорская гвардия. Справочная книжка Императорской квартиры. СПб., 1910).
[3] Широкорад А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск, 2000. С. 188.

этого, к артиллерии причислялись («назначались») 11 внештатных артиллерийских команд для прислуги и работ при артиллерийских складах.[1]

По штату мирного времени артиллерийская бр. придавалась пешей или конной дивизии и, чаще всего, носила идентичный номер. При этом она находилась не в подчинении командира дивизии, а подчинялась начальнику артиллерии конкретного ВО.

Численность личного состава российской артиллерии на отрезке 1902-1903 гг. составляла 154925 чел.

Каждая батарея полевой и горной артиллерии состояла из 8 орудий и делилась на 4 взвода и 2 полубатареи. Все батареи конной артиллерии состояли из 6, а конно-горной - из 8 орудий.[2]

В соответствии со «Строевым уставом легкой артиллерии» от 19.12.1911 г. орудие и ящик «как нераздельную боевую единицу» обслуживали фейерверкер («начальник орудия») и 8 младших чинов («номеров»): № 1 – наводчик; № 2 – замковый; № 3 – заряжающий; № 4 - правильный; №№ 5, 6 – установщики; №№ 7, 8 – ящичные.[3] Нахождение чинов у орудия смотри на схеме, представленной в приложении 38 (см.: приложение 38).

Примечателен тот факт, что в период пребывания в л.-гв. Конной артиллерии в. к. Михаила Александровича в 1900 г.[4], офицеры бригады проводили учение с новой скорострельной пушкой («3-дюймовкой»), отрабатывая положение и действия соответствующих «номеров» при орудиях (например, 11 мая, четверг). В архивных материалах сохранились следующие варианты нахождения «номеров» при орудии (с участием великого князя): «После занятий гг. офицеры стали за №№ к скорострельной пушке № 1 пр. зап[аса] Плаутин, № 3 пор. Э. Геринг[5], № 4 под. Б. Геринг[1], № 6 Я (наводчик) [в. к.

---

[1] Малинко В., Голосов В. Справочная книжка для офицеров. Ч. I. М., 1902. С. 7-8.
[2] Там же. С.7.
[3] Строевой устав легкой артиллерии. Орудийное учение. Высочайше утвержден 19 декабря 1911 года. - Издал В.А. Березовский, комиссионер Военно-Учебных заведений, Петроград, Колокольная, 14. 1915 г. С. 5-6.
[4] В. к. и Наследник Цесаревич Михаил Александрович начал отбывать службу в л.-гв. Конно-артиллерийской бригаде с 25.04.1900 г. по старому стилю (ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 15. Л. 9об.).
[5] Геринг Эдуард Эдуардович (Eduard Peter) (6.08.1872-1943). Лютеранин. Окончил ПК. Командир 3-й бат. Гв. Конно-Артиллерийской с 1.10.1904 по 14.07.1906 г. Г.-майор (с 1911 г.), управляющий г. Павловска с 14.07.1906 г. Отец: Э.П. Геринг (29.04.1838-18.01.1897; в 1877 г. - полковник, командир 2-й бат. л.-гв. 1-й

Андрей Владимирович – *прим. наше: Ч.Г.*], № 8 Гос[ударь] Насл[едник] (замковый), № 9 пор. Гладкий[2] (у снарядов). Орудийный фейерверк. полк. Багговут» (в. к. Андрей Владимирович также приводит схему расположения офицеров)[3]. Примечательно, что в. к. Александр Владимирович отмечал следующее: «Заряжали на скорость (8 в минуту) с наводкой. И то у всех руки болели».[4]

Сохранилась еще одна запись номеров, во время обучения офицеров (по всей вероятности, стрельбы проходили 12 мая): № 1 - поручик З. Плаутин, № 3 - поручик Гладкий, № 4 - подпоручик Б. Геринг, № 6 - в. к. Андр[ей] Вл[адимирович], № 8 - Гос[ударь] Насл[едник], № 9 - пор. Геринг. Орудийный фейерверкер полковник Багговут.[5]

Кроме собственно фейерверкера и «номеров», при орудии также находились ящичный вожатый и 6 ездовых (в каждой запряжке по 3 ездовых: коренной, среднего и переднего уносов). В орудие и ящик впрягалось по 3 пары лошадей.[6] Следует отметить, что переход к данной структуре начал осуществляться еще во времена Александра II, и в авангарде процесса реструктуризации оказалась императорская гв. Так, автор «Истории гвардейской артиллерии» П. Потоцкий отмечал: «В Его же царствование [Александра II – *прим. наше: Ч.Г.*] гвардейская пешие бригады доведены до 6-ти батарейного состава, по 8 орудий в батарее, Гвард. Кон. Арт. бригада, до шести батарейного состава по 6 орудий в батарее».[7]

арт. бр., в 1889 – г.-майор, командир Кавказской гренадерской имени Его Высочества арт. бр. Участник турецкой войны 1877-1878 гг.). (Источник: СГС. Петроград, 1914. С. 724).

[1] Геринг Борис Эдуардович (8.09.1877-17.09.1946). Брат Э.Э. Геринга. Лютеранин. Жена: К.Н. Бер. Дети: Борис, Георгий, Мария, Павел.

[2] Гладкий Степан Васильевич (род. 07.01.1870). Православный. Образование получил в Петровском Полтавском кадетском корпусе. Окончил МАУ. Подпоручик с 10.08.1889. Подпоручик гв. с 05.08.1891. Поручик с 05.08.1895. Окончил НАГШ (2 класса) по 1-му разряду. Штабс-капитан с 06.05.1900. Окончил ОАШ - «отлично». Капитан с 06.05.1904. Командир 5-й бат. Гв. Конно-артиллерийской бр. с 06.05.1904. Полковник с 06.12.1905. Командир 2-го дивизиона Гв. Конно-артиллерийской бр. с 25.08. по16.11.1908. Заведующий конским составом артиллерии с 16.11.1908 по 14.08.1912. Г.-м. с 06.12.1911. Ген. для поручений при начальнике управления по ремонтированию армии с 14.08.1912. (Источник: СГС. Петроград, 1914. С. 723).

[3] ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 15. Л. 12об.

[4] Там же.

[5] ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 15. Л. 16.

[6] Там же. С. 28.

[7] Потоцкий П., капитан л.-гв. 1-ой арт. бр. История Гвардейской артиллерии. СПб., 1896. С. 352.

В то же время широкомасштабных реформ российской артиллерии в период руководства военным министерством П.С. Ванновским не осуществлялось. В данном случае скорее целесообразно говорить о НТР в области вооружения, связанной с переходом на нарезное, казнозарядное оружие, использование новых типов взрывчатых веществ, ведущих к увеличению калибра орудий. Современники отмечали следующие новшества: «В артиллерии введен новый тип облегченных артиллерийских повозок обоза: состоялось перевооружение горных батарей, введены новые крепостные легкие пушки и мортиры большого калибра, стреляющие бомбами «Торпедо» с громадной разрушительной силой».[1] Кроме этого, осуществлялись постоянные эксперименты с введением в артиллерийских полках новых артсистем, закончившиеся принятием на вооружение знаменитой русской «3-дюймовки».

Русско-японская война внесла серьезные коррективы в русское военное искусство, в определенной мере затронувшие и российскую артиллерию. Общее представление о российской артиллерии к началу Первой мировой войны дает таблица № 22 (см. таб. 22).

Таблица № 22

Состав русской артиллерии к началу Первой мировой войны[2]

Вид артиллерии	1914 г.	
	Число батарей	Численность орудий
Полевая легкая:		
Легкая	685	5480
Гаубичная (мортирная)	85	512
Горная	45	346
Конная и конно-горная	84	452
Всего:	899	6790
Полевая тяжелая:		
Пушечная	19	76

[1] Столетие Военного Министерства. 1802-1902. Военные министры и Главноуправляющие военной частью в России с 1701 по 1910 год. // Составитель полковник Затворницкий Н.М. Т. III. Отд. VI. СПб., 1911. С. 520-521.

[2] А.М. Зайончковский отмечал, что после мобилизации в русской армии насчитывалось 7088 орудий различных систем. Физиономию российской артиллерии могла радикально изменить большая военная программа 1913 г., но она по понятным причинам не была реализована. (см.: Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002. С. 15-16).

Гаубичная	41	164
Всего:	60	240

Важнейшим параметром, определявшим качество артиллерии, являлись состоящие на ее вооружении артиллерийские системы и используемые для решения совокупности боевых задач боеприпасы. В 1900 г. в русской армии насчитывалось 5516 орудий.

Следует отметить, что накануне кампании 1877-1878 гг., оказавшей существенное влияние на восстановление «военного престижа» империи, подорванного в результате поражения в Крымской войне, полевая артиллерия имела на вооружении всего два типа артсистем – «*батарейныя»* – калибром 4,2 дм., и «*легкия»* – кал. 3,42 дм., с клиновыми затворами.[1]

После окончания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. поднимался вопрос о возможности создания артсистем *больших калибров*. Отчасти это было связано с распространением в 80-е гг. XX в. в артиллерийских боеприпасах ведущих европейских держав пироксилина как взрывчатого вещества. С.И. Лашков отмечал: «Появление бездымного пороха сделало возможным осуществление идей - увеличение скорострельности и дальнобойности полевой артиллерии. У нас сначала была принята легкая пушка обр. 1895 г., калибра 3,42 дм., с упругим сошником, так называемая «ускоренной стрельбы», но в то же время уже начали разрабатывать орудие уменьшенного калибра – скорострельное».[2]

После сближения с Францией в 1891 г. Россия постепенно переходит к идеям французской «артиллерийской доктрины» («теории трех единств»): одного калибра – одной пушки – одного снаряда. В результате в отечественной артиллерии появилась легендарная 76-мм пушка («3-дюймовка») с так называемой «русской шрапнелью»[3]. Данное орудие являлось разработкой Путиловского завода (проект инженеров Н.А. Забудского и А.П. Энгельгард-

[1] Артиллерийский вестник. Орган связи всех русских артиллеристов за рубежом. №23 (№56): Юбилейный. Белград: Издание центрального правления. Январь 1940 г. С. 16-17.
[2] Там же. С. 17.
[3] Была начинена 260 пулями. В качестве взрывателя применялась 22-сек. дистанционная трубка двойного действия, что соответствовало дальности стрельбы в 5100 м.

та), победившей на конкурсе, объявленном ГАУ в 1896 г. Испытания пушки в воинских частях начались в 1899 г. Она была принята на вооружение Высочайшим повелением от 9.02.1900 г.[1] Орудие изготовлялось на 4-х заводах. С марта 1903 г. на вооружение стали поступать «3-хдюймовки» обр. 1902 г. с «новым лафетом». К 1903 г. было произведено 2400 пушек.

Оригинальную оценку «особым качествам» «3-дюймовки» дает офицер л.-гв. 6-й Донской артиллерийской батареи Э.Э. Шляхтин. Вспоминая свой выпуск из МАУ, он писал: «Здесь были построены 120 юнкеров […], детально изучивших новую скорострельную пушку, с которою *долгое время*, но при наличии снарядов[2], *доблестно состязались в 1-ую великую войну с многочисленной и более сильной немецкой артиллерией*».[3]

Тяжелая артиллерия стала внедряться в русскую армию только после русско-японской войны с 1909 г. Указанную тенденцию подчеркивают как отечественные, так и зарубежные исследователи. Так, американский исследователь Б.У. Меннинг полагает, что ограниченный интерес («limited attention») к тяжелой артиллерии обозначился уже после 1905 г., при этом он отмечает достаточно высокий по отношению к другим армиям уровень подготовки российских артиллеристов[4]. В то же время внедрение тяжелой артиллерии осуществлялось не планомерно, как симметричный ответ на перевооружение потенциального противника, а - «по наитию». Офицер ГУ ГШ Е.А. Никольский утверждал, что до 1907 г. в Главном штабе, а потом и ГУ ГШ «совершенно не интересовались», что происходило в области военного дела за границей. Программа по получению, накоплению и обработке информации о состоянии вооруженных сил противника и новейших достижениях в области военного искусства полностью отсутствовала, а информация, кото-

[1] Валевачев Степан Прокофьевич (род. 13.12.1842 г.). Православный. Женат: 5 детей. Образование: МАУ, МАА (по 2 разряду). В службу вступил 27.09.1857 г. Звание прапорщика – 16.06.1880 г. Г.-майор с 30.08.1893 г. Г.-лейтенант с 1901 г. Участник кампаний 1862-1863 и 1877-1878 гг. Начальник ОАШ (с 12.08.1892 по 13.05.1899 гг.), МАУ (с 13.05.1899 г.) и МАА (с 4.01.1900 г.) (Источник: СГС. СПб., 1903. С. 486).

[2] Речь идет о «снарядном голоде» 1915 г.

[3] Шляхтин Э.Э. полковник. Михайловское артиллерийское училище. // http://lepassemilitaire.ru / mixajlovskoe-artillerijskoe-uchilishhe-okonch-polkovnik-shlyaxtin/

[4] См.: Menning Bruce W. Bayonets before Bullets: the Imperial Russian Army, 1861-1914. Indiana University Press. Bloomington & Indianapolis, 1992. P.273.

рую получали военные агенты, «черпалась» из официальных источников и иностранной военной печати.[1] Е.А. Никольский подчеркивал: «О введении в германской армии полевой артиллерии крупного калибра в нашем штабе совершенно не было известно. […] Не было известно и о колоссальных запасах снарядов, недостаток которых в наших войсках дал немцам решительную победу в 19[?] году. […] Это и многое другое было совершенно скрыто от нашего Генерального штаба».[2]

Вышеприведенные суждения могут быть проиллюстрированы дневниковыми записями генерала А.А. Поливанова. Характеризуя общее состояние артиллерии, он писал (запись от 9.01.1908 г. по старому стилю): «Главный интендант и Кузьмин-Караваев получили указание обдумать комбинации на случай осложнения на Кавказе. У нас горной артиллерии нет, гаубиц мало. Осадный парк в архаическом состоянии».[3] Еще более категорично оценивал сложившуюся в указанный период времени ситуацию генерал Ю.Н. Данилов. Он отмечал (применительно к 1906-1907 гг.): «Отсутствие пулеметов, тяжелой артиллерии и разного рода предметов новейшего технического снабжения вызывало заботы по их заведению и формированию соответствующих частей».[4]

Следует отметить, что по «Большой военной программе», претворение в жизнь которой началось с 1913 г., предполагалось увеличить численный состав артиллерии 129600 чел. При этом артиллерия получала новую организацию, а общее количество орудий должно было быть доведено до 8538.[5] После мобилизации в действующей русской армии согласно А.М. Зайончковскому, насчитывалось 7088 орудий (по другим оценкам к началу войны на вооружении было 7903 орудия[6]). К 1.09.1917 г. в действующую армию по-

[1] Никольские Е.А. Записки о прошлом. М., 2007. С. 146.
[2] Там же.
[3] Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907-1916 гг. / Под редакцией А.М. Зайончковского. С предисловием Михаила Павловича. Т.1. М., 1924. С. 38.
[4] Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 109.
[5] Подробнее см.: Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002. С. 15-16.
[6] Илькевич Н., ген.-лейтенант. О расходе орудий и снарядов в русской армии во время Великой войны 1914-1917 гг. // Артиллерийский вестник. Орган связи всех русских артиллеристов за рубежом. №10. Белград: Издание центрального правления. Октябрь 1929 г. С. 7.

ступило еще 16947 орудий, при этом общие потери составили 12573 орудия. К началу же боевых действий в боевых комплектах имелось 6433000 снарядов, то есть 960 снарядов на пушку, вместо определенных военной программой 1000.[1] Таким образом, в годы правления Николая II на вооружение российской армии продолжали поступать артиллерийские системы. Их обозначение и ТТХ представлены в приложении 39 (см.: приложение 39).

Новейшие артиллерийские системы чаще всего проходили полевые испытание в гв. артиллерии (в л.-гв. 1-ой артиллерийской Е.И.В. и Гв. Конно-артиллерийской бригадах). В частности, в период пребывания в. к. Михаила Александровича в гв. конной артиллерии[2] в бригаде полным ходом шла «обкатка» новой скорострельной 3-дюймовой пушки.

В «Переписке, связанной с пребыванием Государя Наследника великого князя Михаила Александровича в 5-ой батарее гв. конной артиллерийской бригады» [далее по тексту «Переписка…» - *прим. наше: Ч.Г.*], отмечалось, что на протяжении всего 1900 г. шло непрерывное обучение как нижних чинов, так и старших офицеров обращению с новой пушкой. При этом в качестве «номеров» учились стрельбе и сами офицеры (часто «за взводных командиров стояли фейерверкерами»[3]). Новое орудие вызвало симпатию «простотою обращения и легкостью установки трубок».[4] Отмечалось «огромное поражение» новых орудий.[5] В процессе перехода на новые артсистемы офицеры неоднократно посещали Путиловский завод, где знакомились с устройством и доводкой орудий.[6] Процесс подробного ознакомления с материально-технической частью осуществлялся и на базе самой бригады.

В частности, в «Переписке…» отмечалось, что заводские слесари знакомили офицеров с устройством затвора, показывали технологию разборки компрессора одного из орудий.[7] После чего офицеры сами разбирали затвор.

---

[1] Там же. С. 7-8.
[2] В данный период в указанной части также служил в. к. Андрей Владимирович.
[3] ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 15. Л. 20.
[4] Там же. Л. 11об.
[5] Там же. Л. 32об.
[6] Там же. Л. 24об.
[7] Там же. Л. 30.

В процессе обучения принимал участие сам великий князь: «К 2-м часам дня были опять занятия в парке. Гос. Насл. ком. 1-м взводом, после чего поручик Гладкий разбирал затвор 3 дм. скорострельной пушки и Е.В. [его величество] знакомился с устройством пушки».[1] Наибольшую трудность для гвардейских офицеров представляла сама стрельба. При проведении так называемых «опытных стрельб» в мишени отмечалось снижение точности («поражение было не важное»[2]). Автор «Переписки…» отмечал: «Над каждым выстрелом много думали, соображали, а толку мало».[3]

В ходе неоднократно проведенных л.-гв. Конно-артиллерийской бригадой стрельб было выявлено, что новая пушка «при беглом огне от 4-х орудий давала *до 30 выстрелов в минуту*, а в среднем 24».[4] Примечателен тот факт, что июльские испытательные стрельбы велись при достаточно большом расходе боеприпасов. Согласно «Переписке…» (запись от 8 июля): «В 5 ¾ батарея выступила на дивизионную стрельбу. В 7 1-я Вел. и 5-я б. Госуд. Наследн. выехали на позиции левее Царского Валика. Первые два выстрела были даны пятой батарею. Затем выехала 4-я батарея – огонь был очень живой. Батарея выпустила 101 снаряд в 10 минут с двумя переносами огня».[5]

В ходе стрельб отрабатывались следующие задачи и приемы ведения стрельбы: первоначально проводились многочисленные учения с учебными зарядами; после чего перешли к стрельбе по невидимой цели по угломеру; кроме этого, велась «опытная стрельба» и упражнения по переносу огня по прицелу и вехам. Также отрабатывались задачи ведения огня по 4-х и 6-тиорудийным батареям и наступающей коннице на средней и дальней дистанции. Неоднократно проводились стрельбы по «деревянным целям». Кроме этого постоянно отрабатывалась «слаженность» действий бригады при осуществлении маневров и развертывания для ведения стрельбы. Примечательно, что автор «Переписки…» описывает учения по стрельбе из личного

[1] Там же. Л. 7. Запись от 1 мая (понедельник) по старому стилю.
[2] Там же. Л. 14 (об.)
[3] Там же. Л. 19 (об.)
[4] Там же. Л. 32 (об.)
[5] Там же. Л. 30.

стрелкового оружия («револьверную стрельбу», а также «призовую стрельбу из револьверов»[1]), конные учения без орудий и скачки на приз, типичные для гвардейских кавалерийских частей.

Отметим *крайне высокую интенсивность занятий* в Гв. Конно-артиллерийской бригаде в описываемый отрезок времени (апрель-июль 1900 г.). Примечательны замечания гв. офицеров прочих родов войск в отношении прохождения службы в своих полках. Так, военный министр А.Ф. Редигер, вспоминая свою службу в л.-гв. Семеновском п., отмечал, что его сослуживцы «делали мало»: «Офицеры делали мало: от девяти до двенадцати шли строевые занятия в ротах, на которых все офицеры должны были присутствовать; они состояли исключительно в маршировке и ружейных приемах, чем занимались унтер-офицеры, а офицеры ходили по коридору, наблюдали и поправляли. Я находил эти занятия совершенно идиотскими, чувствовал себя совсем непригодным в этом деле и только удивлялся, как это другие замечают, что при таком-то приеме такой-то палец был не на своем месте и т. п.».[2]

Высокое качество подготовки российских артиллеристов, их способность в рекордные сроки осваивать новые артсистемы и в полном объеме использовать заложенный в них потенциал сохранилось и в условиях Первой мировой войны, когда шло ускоренное внедрение в войска артсистем сверхбольших калибров. Так, в феврале 1916 г. в Великобританию была направлена группа военнослужащих (12 офицеров и 42 солдата), включая представителей МАУ и КАУ, для освоения 45-линейной гаубицы, которую англичане собирались отправлять в Россию. Очевидец событий вспоминал: «*Быстрота*, с которой русские артиллеристы освоились с новой для них материальной частью, быстрота пристрелки и переносов огня, произвели на англичан *вели-*

[1] ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 14. Л. 124. // Приказ (копия) по 5 батарее Гв. Конно-Артиллерийской бригады в Красном Селе 18-го июля 1900 г. № 200.
[2] Редигер А.Ф. Указ. соч. Т.1. С. 54.

колепное впечатление, но наши артиллеристы не были довольны стрельбой».[1]

Возвращаясь к анализу процесса апробирования (освоения) новой 3-хдюймовой пушки, следует отметить, что процесс постоянно отслеживал ген.-фельдцейхмейстер, неоднократно посещавший бригаду и лично командовавший учениями как в составе всей бригады, так и отдельных ее подразделений.[2] Кроме этого, проводились так называемые «состязательные стрельбы» между батареями (в присутствии г.-фельдцейхмейстера). Для подготовки номеров и наводчиков, участвующих в состязательных стрельбах, проводились отдельные (дополнительные) занятия. Причем занятия проводили в том числе и проходящие службу в бригаде в указанный отрезок времени великие князья. Так, в приказе от 20.04.1900 г. (по старому стилю) №172 предписывалось: «От 9 часов занятия с назначенными на состязательную стрельбу наводчиками под руководством фл[игель] ад[ъютанта] подпоручика Его И[мператорского] Выс-ва В[еликого] К[нязя] Андрея Владимировича».[3] Стрельбы из нового орудия также наблюдались представителями иностранных государств. В указанный момент японскими и французскими офицерами.[4]

Вместе с тем освоение новых артсистем в частях российской армии *в целом* шло медленными темпами. При этом преобладали приемы, характерные для предыдущего отрезка времени развития военного искусство, от которых «веяло» пережитками русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Советские эксперты 30-х гг. XX в., изучавшие опыт войны на Дальнем Востоке, оценивали готовность русской артиллерии к кампании 1904-1905 гг. следующим

---

[1] Н. Г.-В. Практические стрельбы Русской артиллерии на полигоне близ Поноона (в дни первой мировой войны). // Военная быль: http://lepassemilitaire.ru/prakticheskie-strelby-russkoe-artillerii-na-poligone-bliz-ponoona-n-g-v/

[2] ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 15. Л. 36об.; ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 14. Листы 126, 127. // Приказы (копия) по 5 батарее Гв. Конно-Артиллерийской бригады в Красном Селе от 12-го июля 1900 г. № 194 и от 16 июля 1900 г. № 198.

[3] ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 14. Л. 118. // Приказ (копия) по 5 батарее Гв. Конно-Артиллерийской бригады в Красном Селе 20.IV.1900 г. № 172.

[4] ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 15. Листы 30, 36.

образом[1]: «К сказанному следует добавить факт совершенно неудовлетворительного обучения артиллеристов. Артиллерия перевооружилась только перед войной, но артиллеристы оказались необученными к стрельбе с закрытых позиций. Артиллерия не была обучена совместным действиям с пехотой и во время войны не сумела оказать последней нужную поддержку».[2] Таким образом, даже от обучения гв. артиллерии веяло «плац-парадной» традицией, включавшей в себя «показательные» умения палить из пушки, зачастую не точно по цели, а в «белый свет».

Отметим особое (традиционно сложившееся) отношение расчета к орудию, высвечивающее специфику ментальности, и как следствие, поведения русского артиллериста в боевой обстановке. Потеря пушки на поля боя расценивалась как потеря полкового знамени и могла привести к трагическим для подразделения последствиям, вплоть до расформирования батареи. Офицер л.-гв. 6-й Донской артиллерийской батареи Э.Э. Шляхтин отмечал: «[…] потеря орудий, как потеря знамени, считалась преступлением и это часто влекло за собой заблаговременный и преждевременный отход артиллерии с позиции, оставлявший подчас свою пехоту в критическую минуту без помощи и поддержки».[3]

В условиях мирного времени артиллерийские бригады подчинялись исключительно командованию ВО и непосредственному артиллерийскому начальству.

Во главе российской артиллерии формально находился лично император. Следует отметить, что в периоды правления императоров Александра II – Николая II как сами российские императоры, так и отдельные представители императорской фамилии имели шефство над гв. артиллерийскими бригадами, дивизионами, батареями и отдельными подразделениями. Так, шефами л.-гв. 1-й артиллерийской бригады являлись Александр III (1881-1894 гг.) и

[1] В данном случае следует делать поправку на предвзятое, субъективное отношение к старой армии, прослеживающееся на всем отрезке существования советской военной истории.
[2] Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904-1905 годов. (Текст печатается по изданию 1938 г.). // Русско-японская война. М.-СПб., 2003. С. 37.
[3] Шляхтин Э.Э., полковник. Михайловское Артиллерийское Училище. //http:// lepassemilitaire.ru / mixajlovskoe-artillerijskoe-uchilishhe-polkovnik-shlyaxtin/

Николай II (1894-1917 гг.), 2-й - в. к. Михаил Николаевич (28.01.1848-5.12.1909) и в. к. Михаил Александрович (28.01.1898-4.03.1917), 3-й - в. к. Николай Михайлович (14.04.1859-4.03.1917).

Каждая батарея Гв. Конно-артиллерийской бригады имела своего шефа. Так, император Николай II являлся шефом л.-гв. 6-й Донской казачьей имени Е. В. батареи (с 2.11.1894 г.), наследник престола цесаревич Алексей Николаевич – 4-ой имени Е. Высочества батареи (с 25.01.1906 г.), брат императора в. к. Михаил Александрович – 5-ой имени Е. Высочества батареи (с 23.11.1878), наконец, в. к. Георгий Михайлович – 3-ей имени Е. Высочества батарее (с 25.11.1870).[1] Особенности «шефства» в Гв. Конно-артиллерийской бригаде представлены в приложении 40 (см.: приложение 40).

Уже упоминавшийся нами П. Потоцкий отмечал, что данная тенденция обозначилась в период правления императора Александра II, так как именно «в царствование Его много лиц Императорской фамилии назначены Шефами гвардейских батарей и зачислены в списки таковых».[2] Еще одной особенностью являлось различие надписей на киверах (как отличие за боевые заслуги (у 1, 2 и 3-й гв. артиллерийских бригад за компанию 1877-1878 гг.)) у батарей одной бригады. Данную особенность демонстрирует приложение 41 (см.: приложение 41).

Александр III направил своих сыновей, Николая и Михаила, для прохождения службы, кроме пешего и кавалерийского гв. полков, еще и в бригады гв. артиллерии. В отношении императора Николая II П. Потоцкий отмечал следующее: «Начиная со взводного и до батарейного командира, Его Высочество прошел всю службу в *1-ой батарее Гв. Кон. арт. бригаде*, особенно остановив свое внимание на практический курс стрельбы. Таким образом Император Николай II есть Первый после Петра Великого – Император Артиллерист».[3] В. к. Константин Константинович отмечал, что цесаревич: «в

[1] Императорская гвардия. Справочная книжка Императорской квартиры. СПб., 1910. С. 5-44.
[2] Потоцкий П. Указ. соч. С. 352.
[3] Там же. С. 359.

лагерную пору 1892 г. командовал батарею Его Величества л.-гв. Конно-артиллерийской бригады».[1]

Михаил Александрович проходил службу в 5-й своего имени батарее Гв. Конно-артиллерийской бригады (по той же схеме, что и его брат; приказ №131 полковника Г.А. Глазенапа[2] по 1-му дивизиону).[3]

Общее руководство артиллерией осуществлял *г.-фельдцейхмейстер*. Формально указанная должность появилась в русской армии в 1699 г. Первым ген.-фельдцейхмейстером царь Петр I назначил судью Пушкарского приказа имеретинского царевича Александра Арчиловича. Первая попытка упразднить указанную должность была предпринята Павлом I в 1796 г.[4] Но уже 28.01.1798 г. он же пожаловал почетным званием г.-фельдцейхмейстера своего 4-го сына в. к. Михаила Павловича в день его рождения. 22.07.1819 г. он приступил к исполнению своих обязанностей, и должность была восстановлена окончательно.[5] После его смерти рассматриваемую должность занял в. к. Михаил Николаевич: «26.XI.1852 принес присягу Великого Князя, генерал-майор Свиты Е.И.В., назначен генерал-фельдцейхмейстером (в обязанности вступил в 1856 г.) и командиром Гв. конной артиллерии».[6]

В соответствии со Сводом военных постановлений 1869 г. к компетенции ген.-фельдцейхмейстера относилось: «ст. 416. 1) направлять строевое и ученое образование всех частей Артиллерийского ведомства к усовершенствованию современным потребностям; наблюдать за исполнением порядка службы в подведомственных ему частях по специальному роду оружия; […] 3) заботиться о соответствующем выборе лиц для занятия должностей; 4) производить всем подведомственным ему войскам, заведениям и учреждениям смотры лично, или через подчиненных ему лиц; 5) в случае расстройства

[1] ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 6. Л. 2 (Воспоминания о службе Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича, а ныне благополучно царствующего Государя Императора, л.-гв. в полку (2 января 1893 г. – 20 октября 1894 г.)).
[2] Возглавлял 1-й дивизион с 30.12.1899 г. по 20.06.1904 г.
[3] ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 14. Л. 4-4об.
[4] Вместо указанной должности была введена должность инспектора артиллерии. Ее занял генерал П.И. Мелиссино.
[5] РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Д. 472.
[6] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2205. Л. 6-8.

какой-либо части, принимать все необходимые меры, в пределах предоставленной ему власти».[1]

Следует также отметить, что с 26.08.1856 г. в. к. Михаил Николаевич являлся почетным Президентом МАА.[2] Таким образом, он оказывал влияние как на общетеоретические изыскания, так и на современные прикладные разработки в области развитии артиллерии в Российской империи. До 28.12.1862 г. при г.-фельдцейхмейстере для управления его ведомством существовал Штаб г.-фельдцейхмейстера (был учрежден Николаем I в 1828 г.). Данная структура была упразднена с образованием ГАУ. При очевидной занятости г.-фельдцейхмейстера как представительской фигуры (хотя современники отмечают достаточно высокий уровень компетентности великого князя в вверенных ему вопросах) общее руководство ведомством осуществлялось Товарищем г.-фельдцейхмейстера. С 1891 по 1908 гг. эту должность занимали: с 1881 по 1893 гг. – г. от артиллерии г.-адъютант Л.П. Софиано Леонид Петрович; с 6.12.1893 по 19.06.1899 гг. – г. от артиллерии А.А. Барсов; с 23.06.1900[3] по 6.12.1904 гг. – г.-лейтенант М.Г. Альтфатер; с 25.02.1905 до 13.02.1909 гг. - г.-майор Д.Д. Кузьмин-Караваев.

За исключением генерала А.А. Барсова все вышеперечисленные офицеры служили в *гв. артиллерии*: Л.П. Софиано - в л.-гв. Образцовой конной батарее; М.Г. Альтфатер – в 3-й гв. и гренадерской артиллерийской бригаде (его отец был командиром л.-гв. 1-ой артиллерийской бригады); Д.Д. Кузьмин-Караваев (отец также являлся генералом) - служил и командовал л.-гв. Конно-артиллерийской бригадой.

В 1905 г. должность г.-фельдцейхмейстера была второй раз трансформирована в должность *г.-инспектора артиллерии*. При этом за г.-инспектором сохранилось право личного доклада царю. Должность г.-инспектора артиллерии занял сын в. к. Михаила Николаевича в. к. Сергей

---

[1] Свод военных постановлений 1869 года. Часть первая. Военное управление. Издание второе (по 1 января 1893 г.). СПб., 1893. С. 94.
[2] ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
[3] С 4.03.1892 г. занимал должность помощника начальника ГАУ, а с 3.07.1899 г. занял пост исправляющего дела товарища г.-фельдцейхмейстера. Утверждён в должности 23.06.1900 г.

Михайлович. А.Ф. Редигер достаточно высоко оценивал личные качества в. к. Он отмечал следующее: «Великий Князь Сергей Михайлович – вероятно, самый выдающийся артиллерист в нашей армии. Он отлично, до тонкостей, знает службу полевой артиллерии, сам отлично руководит огнем артиллерии; будучи батарейным командиром, сам стрелял очень много и достиг виртуозности в этом отношении. Он не академик, и потому технические вопросы ему менее известны, также, как и служба крепостной и осадной артиллерии, но он чрезвычайно интересуется всем, что касается артиллерии… Сергей Михайлович отлично владел всеми отраслями артиллерии, даже теми, которых специально не изучал… Он был фактическим начальником Главного артиллерийского управления, так что знал все, что там делалось и, приезжая на доклад с Кузьминым-Караваевым, знал все дело не хуже его».[1] Среди г.-инспекторов прочих войск, особенно великих князей, Сергей Михайлович выделялся как незаурядный профессионал. А.Ф. Редигер добавляет: «Наша артиллерия едва ли когда-нибудь имела лучшего начальника».[2]

Общие компетенции г.-инспекторов отдельных родов, включая и г.-инспектора артиллерии, войск были прописаны в «Положении о Генерал-Инспекторах» от 30.11.1910 г. Г.-инспекторы избирались по непосредственному усмотрению императора и входили в состав военного министерства. Они являлись непременными членами Высшей Аттестационной Комиссии. В соответствии со ст. 8[3] «Положения…» г.-инспекторы следили за развитием своей специальности и за усовершенствованием всех отраслей боевой подготовки войск и за ее однообразием. Они контролировали боевую подготовку (осуществляли проверку боевой подготовки, осуществляли осмотры войск, учреждений и заведений) и кадровый состав (строевой, административный и учебно-воспитательный) вверенных им войск. Г.-инспекторы кавалерии и артиллерии также наблюдали за качеством конского состава всей кавалерии.[4] В

[1] Там же. С. 537-538.
[2] Там же. С. 538.
[3] ПСЗРИ. Собрание третье. Том XXX. 1910. Отделение I. От №32883-34628 и Дополнения. СПб., 1913. С. 1242.
[4] Там же.

соответствии с п. в) ст. 12[1] ему вменялась проверка боевой готовности крепостей в артиллерийском отношении. Г.-инспекторы могли присутствовать, не находясь в строю, на Высочайших смотрах и на всех занятиях соответствующих родов войск, учреждений и заведений. Кроме этого, они имели право присутствовать с правом голоса в заседаниях Комитета ГШ, а также в заседаниях Комитетов: Артиллерийского, Инженерного и Педагогического, по принадлежности. Наконец, в соответствии со ст. 22 они «в общем порядке управления и по отношению к непосредственно подчиненным им чинам Генерал-Инспекторы пользуются правами Главного Начальника Округа».[2]

Таким образом, в 1906 г. Артиллерийское управление военного министерства выглядело следующим образом:

- *г.-фельдцейхмейстер*: г.-фельдмаршал, г.-адъютант в. к. Михаил Николаевич;

- *г.-инспектор артиллерии*: в. к. Сергей Михайлович;

- *товарищ г.-фельдцейхмейстера*: г.-майор Д.Д. Кузьмин-Караваев (испр. должн.);

- *помощники начальника управления*: г.-лейтенант Д.И. Галахов, г.-лейтенант П.П. Харинский, г.-майор П.П. Нечволодов, г.-майор В.Н. фон-Завацкий;

- *управляющий делами* Артиллерийского комитета: г.-майор П.П. Нечволодов;

- МАА: *Почетный Президент*, Его Императорское Величество Государь Император; *Почетный вице-президент*, в. к. Михаил Николаевич; *начальник*, г.-лейтенант В.Т. Чернявский.[3]

В 1910 г. артиллерия была переподчинена военному министру, который осуществлял общее руководство данным родом войск через ГАУ. Следует отметить, что ГАУ было образовано путем слияния Артиллерийского

---

[1] Там же. С. 1243.
[2] Там же.
[3] Список Высшим Чинам Государственного, Губернского и Епархиального управлений. Исправлено по 10 Марта 1906 г. СПб., 1906. С. 104-105.

департамента военного министерства, Штаба г.-фельдцейхмейстера и бывшего артиллерийского отделения Военно-ученого комитета 28.12.1868 г. В соответствии со Сводом военных постановлений в ГАУ сосредотачивались: «инспекторская, техническая, учебная и хозяйственная часть всего Артиллерийского ведомства».[1] На обязанности ГАУ ложилось «снабжение войск и крепостей оружием, артиллерии огнестрельными припасами и вообще полное обеспечение потребности государства предметами вооружения».[2] Оно следило «за всеми новыми усовершенствованиями по артиллерийской части и представляло о введении их, по предварительном испытании».[3]

ГАУ находилось под непосредственным начальством г.-фельдцейхмейстера и состояло из 7-ми отделений, частей мобилизационной и судной, канцелярии и архива.[4] Следует также отметить, что при ГАУ состояли МАА, МАУ, а также Пиротехническая, Техническая и Оружейная школы.[5] К началу 1-ой мировой войны при ГАУ числилось 290 офицеров и чиновников. 15.12.1908 г. была учреждена должность начальника ГАУ, а должность г.-фельдцейхмейстера окончательно стала *высшим почетным званием* в артиллерии. Во главе ГАУ (в должности начальника ГАУ) находились: с момента его образования (28.12.1868 г.) и вплоть до 15.12.1908 г. Е. И. Высочество в. к. г.-фельдцейхмейстер, с 16.04.1878 г. г.-фельдмаршал Михаил Николаевич; с 13.02.1909 г.[6] до 24.05.1915 г. – г.-лейтенант (старшинство с 02.04.1906 г.) Д.Д. Кузьмин-Караваев (05.12.1856-19.01.1950).

Дмитрий Дмитриевич был генетически связан с гв. и практически всю свою молодость провел в л.-гв. Конной артиллерии (с 1875 по 1904 гг.). К началу вступления в должность начальника ГАУ генерал продолжал числиться в списках гв. Конно-артиллерийской бригады.[7] К моменту прихода к власти императора Николая II артиллерия российской императорской гв.

[1] Свод военных постановлений… - Ст. 211. С.46.
[2] Там же. Ст. 212. С. 46.
[3] Там же. Ст. 215. С. 46.
[4] Там же. Ст. 216. С. 46.
[5] Там же. Ст. 218. С. 48.
[6] СГС. СПб., 1910. С. 194.
[7] Там же. С.194.

включала в себя три гв. артиллерийских бригады полевой артиллерии, л.-гв. Конно-артиллерийскую бригаду, л.-гв. Стрелковый артиллерийский дивизион, л.-гв. 1-й Мортирный артиллерийский дивизион, Гв. запасную пешую батарею и Гв. артиллерийские парки (в составе 3-х л.-гв. Парковых артиллерийских дивизионов). Гв. артиллерия в рамках отдельных частей и подразделений «придавалась» гв. пехоте. В 1910-1914 гг.: л.-гв. 1-я артиллерийская Е.И.В. бригада – 1-й ГПД; 2-я – 2-й ГПД; 3-я – 3-й «Варшавской». Гв. стрелковый артиллерийский дивизион был «придан» л.-гв. стрелковым полкам. Наконец, л.-гв. Конно-артиллерийская бригада – гв. кавалерии.[1]

В организационном плане каждая бригада делилась на дивизионы, которые в свою очередь на – батареи (в идеале каждая бригада предполагала 2 дивизиона по 3 батареи[2]). Данный тип организации был данью эпохе военного министра ген. от инфантерии г.-адъютанта П.С. Ванновского.[3] «Высочайшее повеление» о сформировании в гв. артиллерии дивизионов было отдано 23.10.1894 г. (по старому стилю) и объявлено в приказе №41 по Военному ведомству 1.03.1895 г.[4]

Напомним, что к началу 60-х гг. XIX в. ранее существовавшая система организации пешей артиллерии, единицей которой являлась дивизия, претерпела изменения (что было обусловлено поэтапно проводившейся военной реформой, включавшей в себя перевооружение армии, и как следствие, новые приемы применения новых типов оружия). Теперь использовался бригадный принцип организации (по новому штату по одной бригаде на пехотную дивизию). Каждая бригада состояла из 4-х батарей, вооружение которых составляли 12-фунтовые гладкоствольные и 4-фунтовые гладкоствольные и нарезные пушки. Гв. конноартиллерийская бригада также состояла из 4-х ба-

---

[1] Шляхтин С.С., полковник. Михайловское артиллерийское училище. // http: // lepassemilitaire.ru / mixajlovskoe-artillerijskoe-uchilishhe-okonch-polkovnik-shlyaxtin /

[2] Исключение составляла л.-гв. 3-я артиллерийская бригада, имевшая первоначально в своем составе три дивизиона: к 2-хдивизионному составу она была приведена только в 1910 г.

[3] Столетие Военного Министерства. 1802-1902. Военные министры и Главноуправляющие военной частью в России с 1701 по 1910 год. Т. III. Отд. VI. СПб., 1911. С. 519.

[4] Полный список Шефу, бригадным командирам и офицерам л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. СПб., 1898. С. 6.

тарей. Кроме этого, для решения определенного набора специфических задач продолжали использоваться отдельные артиллерийские батареи.

В «Справочной книжке для офицеров и чиновников, служащих в управлениях и заведениях артиллерийского ведомства» 1897 г. отмечалось: «До введения дивизионной организации, полевая артиллерийская бригада преимущественно состояла из двух батарейных и четырех легких батарей, т.е. из 6 батарей 8-миорудийного состава каждая, или всего из 48 орудий. Со введением дивизионной организации, некоторые бригады состоят из девяти батарей (число батарейных батарей осталось то же), а некоторые из восьми батарей… Некоторые конные батареи также сведены в дивизионы, по 2 батареи (конно-артил. дивизион) или по 3 батареи (дивизион гвард. конно-артил. бригады)… Артиллерийская бригада[1] придается одной пехотной дивизии».[2]

В конце 90-х гг. XIX в. артиллерийские части, входившие в состав корпусов, были изъяты из ведения начальников артиллерии округа с переподчинением их во всех отношениях корпусным командирам.[3] Таким образом, были пересмотрены компетенции и система подчинения начальников артиллерии корпусов. Процесс эволюции частей и подразделений гв. артиллерии, а также старшинство отдельных батарей с момента образования гв. артиллерии на отрезке правления императоров Александра II – Николая II проиллюстрирован в таблицах, представленных в приложениях 42, 43, 44 (см.: приложения 42, 43, 44).

Следует отметить, что основной особенностью Гв. Конно-артиллерийской бригады являлась высокая мобильность на поле боя. Это было обусловлено тем, что она в первую очередь должна была поддерживать «огнем и маневром» части гв. кавалерии. В отношении роли и места конной артиллерии на поле боя в XIX - начале XX вв. К.В. Киселевский отмечал следующее: «Дело подготовки успеха конницы лежит исключительно на конной

[1] На 1897 г. в российской армии насчитывалась 51 артиллерийская бригада.
[2] Справочная книжка для офицеров и чиновников, служащих в управлениях и заведениях артиллерийского ведомства. Издание 2-е, переработанное. Составил Подполковник Висковский, старший адъютант окружного артиллерийского управления московского военного округа. М., 1897. С. 129.
[3] Там же. С. 518.

артиллерии. Стратегическая роль кавалерии требует от нее прежде всего способности вести бой в отделе, *на флангах и в тылу* у противника. При столкновении конниц громадное значение имело наличие конной артиллерии».[1]

Данные рассуждения были правомерны вплоть до кровопролитных боев Первой мировой войны, когда возник своеобразный парадокс: значение кавалерии стало стремительно падать, а роль артиллерии (правда «тяжелой») – возрастать. Тем не менее в начале войны, во время Каушенского боя (сражение под Каушеном-Краупишкеном 6.08.1914 г.), 2-я и 5-я батарея гв. конной артиллерии продемонстрировали неплохую выучку и маневренность. Обе батареи смогли быстро развернуться, при этом 5-я батарея после неудачной стрельбы смогла уйти невредимой из-под огня противника. В конечном итоге 2-й батарее удалось «накрыть» и заставить замолчать две германских батареи.[2] Таким образом, предвоенная «боевая учеба», отрабатываемые тактические приемы дали в целом неплохие результаты. В указанном сражении батареи бригады обеспечивали атаку кавалергардов и Конной Гвардии.

Навыки стрельбы как из новой скорострельной пушки, так и из «старых артсистем» начинали вырабатываться еще в артиллерийских училищах. Как правило, использовались те же механизмы подготовки, что и в регулярных артиллерийских частях. Основная нагрузка «практического обучения» падала на период пребывания в Дудергофском лагере. Серьезным стимулом для профессионального роста была «призовая» стрельба.[3] Зимой юнкера уделяли значительное внимание изучению матчасти артсистем, находящихся на вооружении. В период пребывания Э.Э. Шляхтина в МАУ изучением новой 3-хдюймовой артсистемы с юнкерами занимался ее «большой знаток», штабс-капитан барон И.Н. Майдель[4], издавший атлас нового орудия в разобранном

---

[1] Кисилевский К.В. О конной артиллерии в Российской армии. // http: // lepassemilitaire.ru / o-konnoj-artillerii-v-rossijskoj-armii-k-v-kiselevskij /

[2] См. Гоштофт Г. Каушен. Париж, 1931. С. 130.

[3] Полковник Шляхтин Э.Э. Михайловское артиллерийское училище.//http://lepassemilitaire.ru/mixajlovskoe-artillerijskoe-uchilishhe-polkovnik-shlyaxtin/

[4] Родился 28.12.1874 г. Православного вероисповедания. Окончил Владимирский кадетский корпус, МАУ и МАА (по 1-му разряду). Подпоручик гв. с 8.08.1894 г. (л.-гв. 1-я арт. Е.И.В. бригада). Исполнял должность младшего офицера в МАУ с 7.06.1902 по 29.05.1906 г. Шт.-капитан с 23.05.1901 г. (Источник: Список полковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлено по 1-е Марта 1912 г. СПб., 1912. С. 1327).

виде. Данное издание было распространено («было приобретено юнкерами») среди всех обучающихся в МАУ.[1]

Следует отметить, что гв. Конная артиллерия отличалась от пешей и по престижности службы в ней (и, как следствие, списочному составу), и по отдельным механизмам подготовки. Кроме собственно артиллерийских навыков, выражающихся в умении вести прицельную стрельбу различными способами (на что были направлены учебные и боевые стрельбы) и знании материально-технической части орудий (занятия в Парках), акцент делался на *кавалерийскую подготовку* личного состава бригады. Так, в период пребывания в бригаде в. к. Михаила Александровича осуществлялись следующие занятия («конные учения») и «конные развлечения» (в данном случае речь может идти о конных состязаниях («скачках на приз»), имеющих характер спорта):

1)В записи от 23 мая упоминается «конное учение на военном поле», которое проводилось с 2 до 4-х, при этом «Государь Наследник командовал 1-м взводом».[2] Конное учение также было 24 мая (среда).

2)30 мая: «В 6 ¼ от Гауптвахты Л. Гв. Конного полка начался пробег в 25 верст для офицеров бригады. Норма 1 ч. 45 м. Конец был у Царского Валика. Все пришли в норму. В 8 ¼ была скачка 1 верста… На скачке первыми пришли 1-й шт. к. Я.Ф. Гилленшмидт, 2-й Гос. Насл. 3-й подп. Перебиносов». В качестве призов были: за 1-е место – запонки (от в.к. Михаила Александровича); за 2-е – приз от общества секундомеров; за 3-е – чарка.[3] Подписка для участия в скачке составляла 3 рубля.[4]

Общее представление о характере состязаний дает приказ по 5-ой батарее от 18-го июля 1900 г. №200: «Около 20-го сего июня предполагаются следующие состязания:

1.Гладкая скачка дистанция 2 версты. Вес 5 пудов. Форма одежды и седловка обыкновенная.

---

[1] Шляхтин Э.Э., полковник. Указ. изд.
[2] ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 15. Л. 20.
[3] Там же. Л.21об.-22.
[4] ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 14. Л. 6.

2.Стипль-чез дистанция 2 версты. Вся седловка и форма одежды китель или мундир на основании положения об окружных скачках.

3.Батарейная скачка, дистанция 2 версты. Седловка произвольная. Вес для жеребцов и меринов 4-х лет 4 пуд. 25 фунт., 5 л. и стариц 4 пуд. 31 фунт., кобылы 5 фун. менее».[1]

3)8 июля: «После 3-х должен был состояться пробег в 32 версты, рассчитывая ход на 4 часа что составляло 8 верст в 1 ч. Сборный пункт был 1-ая верста по Стрельнинскому шоссе. От этого места нужно было идти по Гатчинской дороге до 17-ой версты, перекресток 3-х дорог. Всех подписавшихся было 22 чел. Пускали через три минуты, порядок номеров по жребию… Ближе всего к норме был пор. Мосолов, разница 0, вторым шт. к. Писарев больше нормы на 13 сек. Мосолов получил за первый приз хлыстик, а шт.к. Писарев карандаш». В. к. Андрей Владимирович пришел 10-м, в. к. Михаил Александрович – 19-м.[2]

4)9 июля: «От 8 ½ было конное учение. Государь наследник командовал первым взводом».[3] О конном учении также упоминается в записях от 13 июля и от 21 июля (среда).[4]

Косвенную информацию о специфике «конных занятий» также можно получить из приказов по 5-ой батарее Гв. Конно-артиллерийской бригады. Например, в приказе от 23.12.1899 г. № 357 («Распределение занятий между гг. офицерами батареи») капитану Багговуту [Ивану Карловичу – *прим. наше: Ч.Г.*] вменялось осуществлять: «1)занятия с г.г. офицерами, 2)езда г.г. офицеров, 3)фейерверэская [так в оригинале – *прим. наше: Ч.Г.*] смена, 4)обучение ездовых езде в орудии, 5)ездовые смены». Командиру II взвода поручику Герингу [Эдуарду Эдуардовичу – *прим. наше: Ч.Г.*] вменялось осуществление занятий «по рубке» и «седловке».[5] Общим праздником гв. артиллерии являлось 6 августа, но 27.11.1910 г. Высочайшим повелением им-

[1] ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 14. Л. 131.
[2] Там же. Л. 28.
[3] Там же. Л. 30.
[4] Там же. Л. 33об., 35 об.
[5] ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 14. Л.3об.

ператора были введены отдельные дни праздников: для л.-гв. 1-й артиллерийской бригады – 9 ноября («чествуя в этот день» св. Николая Чудотворца); для л.-гв. 2-й – 3 февраля (день св. Архистратига Михаила); для л.-гв. 3-й – 6 декабря (день св. Николая Чудотворца); для гв. конно-артиллерийской бригады – 27 апреля (чествуя в этот день Равноапостольного Царя Константина); для гв. стрелкового артиллерийского дивизиона – 25 сентября (день св. Сергея Радонежского).[1]

Следует отметить, что русская *гв. артиллерия* была в какой-то мере уникальным явлением, так как к началу XX в. гв. части указанного рода войск сохранились только в германской армии. Полевая артиллерия германской гв. (объединенной, как и русская, в «Garde Korps») состояла из 2-х артиллерийских бригад, включавших в себя 4-е артиллерийских полка (с № 1-го по 4-й) общим составом 26 батарей по 6 орудий каждая. Пешая артиллерия Германской Империи состояла из 1 полка (16 батарей из крепостных и осадных орудий). К концу XIX в. германская артиллерия была вооружена орудиями трех типов: 88-мм образца 1873 г., 90-мм образца 1873-1888 гг., 90-мм образца 1873-1891 гг.[2] В британской и австро-венгерской гв. артиллерийских частей не было.

Формально русская гв. артиллерия была инкорпорирована в ГК, располагавшийся в основной массе своих частей и подразделений на территории СПб. ВО. В соответствии с «Кратким расписанием сухопутных войск 1902-1903 гг.», батареи л.-гв. 1-ой и 2-ой артиллерийских бригад, а также л.-гв. Конно-артиллерийской бригады дислоцировались в Санкт-Петербурге. Батареи л.-гв. 3-й артиллерийской бригады располагались в г. Варшаве, а Гв. запасная пешая батарея – в г. Павловске.[3]

В «Справочной книжке для офицеров и чиновников, служащих в управлениях и заведениях артиллерийского ведомства» место артиллерии и

---

[1] Высочайшее Повеление, объявленное Военным Министром, «О перенесении годовых праздников гвардейской артиллерии». // ПСЗРИ. Собрание третье. Том XXX. 1910. Отделение I. От №32883-34628 и Дополнения. СПб., 1913. С. 1241.

[2] Функен Л., Функен Ф. Европа, XIX век: 1850-1900: Франция – Великобритания – Германия – Австрия – Россия. Энциклопедия вооружения и военного костюма. М., 2002. С. 130.

[3] Краткое расписание сухопутных войск. Исправлено по 1-ое июля 1903 г. СПб., 1903. С. 8-9.

механизмов ее организации в окружной системе управления определяется следующим образом: «Со введением в 65 г. окружной системы, высшими артиллерийскими управлениями в округах были *Окружные артиллерийские Управления* во главе с *Начальниками Артиллерий в Округах* и их *Помощниками.* В 82 г., в видах более полного осуществления цели, положенной в основу корпусной организации, введенной в 74 г., все полевые артиллерийские части, входящие в состав корпусов, были выведены из ведения Начальников Артиллерии в Округах и подчинены непосредственно Начальникам Артиллерии в корпусах… Деятельность *Начальников Артиллерии в корпусах*, с состоящими при них *Управлениями артиллерии корпуса*, заключается в наблюдении: 1)по численному и личному составу подчиненных частей; 2)по материальному благоустройству войск; 3)по образованию; 4)по расквартированию и передвижению; 5)по приему и сдаче частей.

После Начальников Артиллерии в округах или корпусах, строевым артиллерийским начальством являются *командиры артиллерийских бригад, командиры крепостных артиллерий, командиры полков, дивизионов, батарей, парков, крепостных батальонов и рот*».[1]

Таким образом, в структуре управления СПб. ВО существовала должность *Начальник артиллерии*. В рассматриваемый нами отрезок времени указанную должность занимали генералы: с 1893 по 1895 гг. - г.-лейтенант Л.Е. Адамович (окончил МАУ, служил в л.-гв. 2-й арт. бригаде), с 1895-1904 гг. - г.-лейтенант А.В. Оноприенко (с 1888 по 1895 гг. командовал л.-гв. 2-й арт. бригадой[2]; к 1.09.1896 г. числился в 4-ой батарее л.-гв. 1-ой артиллерийской бригады[3]), с 1906-1908 гг. - г.-майор И.И. Мрозовский (окончил МАУ, служил в л.-гв. 3-й арт. бригаде[4]), с 1908 - г.-лейтенант М.М. Краевский (окончил МАУ и МАА, в гв. не служил).

---

[1] Справочная книжка для офицеров и чиновников, служащих в управлениях и заведениях артиллерийского ведомства. Издание 2-е, переработанное. М., 1897. С. 147-148.
[2] Полный список Шефу, бригадным командирам и офицерам л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. СПб., 1898. С. 5.
[3] Потоцкий П.П. История Гвардейской артиллерии. СПб., 1896. С. 392.
[4] С 26.08.1908 по 21.05.1912 гг. начальник 1 ГПД.

В свою очередь в управлении ГК также существовала должность *Начальника артиллерии ГК*. В период правления Николая II (вплоть до начала Первой мировой войны) указанную должность занимали:

1)г.-лейтенант С.С. Канищев – 8.03.1893-19.01.1901 гг.;[1]

2)г.-лейтенант А.В. Уткевич - 6.12.1901-7.08.1903 гг.;

3)г.-лейтенант К.П. Фан дер Флит - 19.04.1906-24.04.1908 гг.;

4)г.-лейтенант П.П. Потоцкий - 3.07.1908-27.12.1914 гг.

Все вышеуказанные офицеры начинали свою карьеру или проходили службу в различных частях и подразделениях гв. артиллерии. С.С. Канищев (с 1870 по 1878 (числился в 3-й Е.И.В. в. к. Георгия Михайловича батарее Гв. Конно-Артиллерийской бригады; с 1892 по 1893 был Начальником артиллерии МВО[2]; с 10.01.1901 – член АКР)) и К.П. Фан дер Флит (с 1863 по 1866 (числился в 5-й Е.И.В. в. к. Михаила Александровича батарее Гв. Конно-Артиллерийской бригады)) - в л.-гв. Конно-артиллерийской бригаде. А.В. Уткевич (числился в списках л.-гв. 2-й артиллерийской бригады) с 13.11.1895 по 9.12.1901 г. являлся командиром л.-гв. 2-ой артиллерийской бригады.[3] П.П. Потоцкий – в л.-гв. 1-ой и 2-ой артиллерийских бригадах (с 14.11.1902 по 3.03.1904 командовал 2 дивизионом л.-гв. 2-ой артиллерийской бригады; числился в списках л.-гв. 1-ой артиллерийской бригады).[4]

Штатное расписание гв. полевой артиллерии выглядело следующим образом. В соответствии со сводом штатов, изданным в 1893 г., Книгой II Приказов по Военному Ведомству 1895 г. №41, 1905 г. №343, 1907 г. №104 и Книгой II Свода штатов 1893 г., а также приказов по Военному Ведомству 1908 №577 в л.-гв. 2 артиллерийской бригаде в 1910 г. значилось: 1 генерал (командир бригады), 8 полковников, 8 капитанов, 29 штабс-капитанов, пору-

[1] СГС. Составлен по 1-е Января 1903 г. СПб., 1903. С. 143.

[2] СГС. Составлен по 1-е Сентября 1896 года. СПб., 1896. С. 282. В должности Начальника артиллерии ГК получал: жалованья 1356 руб., столовых 2400 руб., добавочных 1500 руб., особо добавочных 1500 руб. Всего – 6756 руб.

[3] СГС. Часть I, II и III. Составлен по 1-е Июля 1910 года. СПб., 1910. С. 133.

[4] Офицер с 1877 г. Выпускник Полтавско-Петровской военной гимназии, МАУ (выпущен в 3 гв. и гренадерскую артиллерийскую бригаду) и МАА (1 разряд). Участник кампаний 1877-1878 и 1904-1905 гг. В 1906 г. награжден «золотым оружием». К 1.09.1896 г. капитан 1-ой Е. И. Выс. в. к. Михаила Павловича батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады (Потоцкий П.П. Указ. изд. С.391; СГС. Часть I, II и III. Составлен по 1-е Июля 1910 года. СПб., 1910. С. 336).

чиков и подпоручиков (всего 46 офицеров) и 6 классных и медицинских чинов.[1] В 1913 г. штат указанной части претерпел изменение. К 1 января в ней значилось: 1 генерал (командир бригады), 9 полковников, 6 капитанов, 26 штабс-капитанов, поручиков и подпоручиков (всего 42 офицера) и 7 классных чинов.[2]

Штат л.-гв. 3-й артиллерийской бригады в 1900 г. выглядел следующим образом: 1 генерал (командир бригады), 12 полковников, 11 капитанов, 11 штабс-капитанов, 31 поручик и подпоручик (всего 66 офицеров) и 4 классных и медицинских чина.[3]

В изучаемое время отметим расхождение между штатным расписанием и реальным списочным составом в отдельных гв. соединениях, частях и подразделениях. При этом прослеживается устойчивая тенденция, связанная со сверхкомплектом обер-офицеров (в первую очередь полковников) и недокомплектом нижних строевых чинов.

Генерал В.А. Сухомлинов отмечал, что после окончания русско-японской войны ситуация со сверхкомплектом старших офицеров стала приобретать угрожающий характер. В столичном гарнизоне указанная тенденция была наиболее очевидна. Особенно выделялся возглавляемый им в указанный момент ГШ[4] и, отчасти, наиболее престижные гв. полки (в артиллерии л.-гв. Конно-артиллерийская бригада).

Данные рассуждения можно проиллюстрировать статистическими данными представленными в таблицах №№ 23, 24 (см. таб. 23, 24[5]).

Таблица № 23

Особенности штатного расписания офицерского корпуса гв. артиллерии

название частей	обер-офицеры			
	по штату	по списку	недостает	сверхкомплект

[1] РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1. Д. 11. Л. 36об.
[2] РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1. Д. 19. Л. 37об.
[3] РГВИА. Ф. 3672. Оп. 1. Д. 5. Л. 32об.
[4] Сухомлинов В.А. Указ. соч. С. 196.
[5] ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 113. Л. 2-3 (Ведомость о численности войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа 1881 г.).

л.-гв. 1-я артиллерийская бр.	35	46	-	11
л.-гв. 2-я артиллерийская бр.	35	40	-	5
л.-гв. Конно-артиллерийская бр.	23	41	-	18 (т.е. 78%)
л.-гв. 6-я Донская казачья Его В. батарея	4	9	-	5
Итого:	97	136	-	39

Таблица № 24

Особенности штатного расписания нижних чинов гв. артиллерии

название частей	строевых нижних чинов			
	по штату	по списку	недостает	сверхкомплект
л.-гв. 1-я артиллерийская бр.	1140	1017	123	-
л.-гв. 2-я артиллерийская бр.	1086	1052	34	-
л.-гв. Конно-артиллерийская бр.	770	755	15	-
л.-гв. 6-я Донская казачья Его В. батарея	136	137	-	1
Итого:	3132	2961	172	1

Анализ таблиц позволяет сделать следующие выводы. В 1881 г. в гв. артиллерии (1 и 2 л.-гв. артиллерийских бригадах; л.-гв. Конно-артиллерийской бригаде и л.-гв. 6-й Донской казачьей батарее) при общем списочном составе в 97 обер-офицеров числилось 136 чел. Как следствие, *сверхкомплект* составлял 39 чел.[1]

Статистика нижних строевых чинов представляла собой прямо противоположную картину.

В указанный отрезок времени списочный состав обозначенной референтной группы составлял 2961 чел., в то время как по штату было положено иметь 3132 чел. Существенный недокомплект прослеживался в л.-гв. 1-ой ар-

[1] Там же.

тиллерийской бригаде: 123 чел. Всего в указанный отрезок времени в гв. артиллерии служило 3445 чел. (136 обер-офицеров, 2961 нижних чинов и 348 нестроевых). Это составляло 11% от численности всего ГК (общая численность которого составляла 32193 чел.). Приблизительно такая же статистика прослеживается и по обер-офицерам (11,2%).[1]

В соответствии со штатным расписанием должность командира бригады гв. полевой артиллерии (включая л.-гв. Стрелковый артиллерийский дивизион) занимал офицер в чине г.-майора. Сходная ситуация прослеживается в л.-гв. Конно-артиллерийской бригаде.[2]

Проведенный статистический анализ показывает, что в период правления Николая II (вплоть до начала Первой мировой войны) во главе отдельных гв. частей и самостоятельных подразделений (в качестве их командиров) находилось 37 генералов-артиллеристов. Их список представлен в таблице, помещенной в приложение 45 (см.: приложение 45).

При анализе данной статической совокупности (которую мы можем интерпретировать как генеральную совокупность), как основного объекта нашего анализа, нами были выделены исследовательские индексы, аналогичные анализируемому выше офицерскому корпусу гв. казачьих частей и подразделений, но с учетом «артиллерийской специфики». В результате обработки имеющегося в наличии социологического материала мы пришли к следующим выводам.

1)При анализе динамики *социального происхождения* нами было выявлено, что *все командиры*, анализируемых нами гв. бригад и самостоятельных подразделений, принадлежали к социальному слою потомственного дворянства. Причем значительная часть офицеров происходила из военной среды (отцы имели звание от полковника и до полного генерала). Наиболее показательной в этом плане была л.-гв. Конно-артиллерийская бригада, в которой 5 из 7 командиров бригады являлись *сыновьями генералов* (один, в. к. Сергей

[1] Там же.
[2] ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 15. Л. 21об. (Пребывание великого князя Михаила Александровича в л.-гв. Конно-артиллерийской бригаде 1899-1900 г. г.).

Михайлович, - г.-фельдмаршала, а двое, М.Ф. Ореус и князь В.Н. Масальский, - полных генералов (г. от инфантерии и г. от кавалерии соответственно)). Еще один генерал, Я.Ф. фон-Гилленшмидт, являлся сыном основателя Тульского патронного завода, действительного тайного советника (в 1892 г.) Ф.Г. фон-Гилленшмидта. Все указанные генералы, за исключением в. к. Сергея Михайловича, окончили ПК. По генералу П.К. Ланге у нас нет информации.

Присутствие титулованного дворянства в рассматриваемой нами генеральной совокупности было весьма незначительным. Так, в *л.-гв. 1-ой артиллерийской бригаде* нами был выявлен всего один представитель титулованной знати, герцог М.Г. Мекленбург-Стрелицкий, младший сын герцога Г.А. Мекленбург-Стрелицкого и великой княгини Е.М. Романовой.

В *л.-гв. 3-й бригаде* был выявлен г.-м. граф С.М. Баранцев, сын г. от артиллерии г.-адъютанта А.А. Баранцова, начальника ГАУ и товарища г.-фельдцейхмейстера.[1] Кроме этого, на отрезке 1910-1913 гг. бригадой командовал г.-майор граф В.В. Доливо-Добровольский-Евдокимов, сын г.-майора В.Я. Доливо-Добровольского, которому в 1862 г. указом Сената были переданы графский титул и фамилия г.-адъютанта г.-лейтенанта Н.И. Евдокимова, участника и героя Кавказской войны, возведенного в графское Российской империи достоинство «с нисходящим его потомством» именным Высочайшим указом от 17.04.1859 г.

Полковнику В.Я. Доливо-Добровольскому (отцу Виктора Викторевича), НШ войска Дагестанской области, 16.06.1862 г. было дозволено принять фамилию и титул родственника его жены и именоваться графом Доливо-Добровольским-Евдокимовым.[2] Виктор Викторович также обучался в ПК.[3]

---

[1] РГИА. Ф. 1162. Оп. 46. Д. 1037. Граф А.А. Баранцов родился 23.05.1810 г. Окончил МАУ. Начал службу в л.-гв. 1-й арт. бригаде. Участник Кавказской и Крымской войны. С 1856 г. НШ г.-фельдцейхмейстера. В 1862 г. занял пост начальника ГАУ и товарища г.-фельдцейхмейстера. Член ГС, на этом посту скончался в 1882 г. (род Баранцовых происходит из Ржевских дворян и получает известность с 1614 г. Александр Алексеевич был возведен «с нисходящим потомством» «за особые заслуги» в Графское достоинство 19.02.1881 г. (см.: Любимов С.В. Титулованные роды Российской империи. М., 2004. С. 95)).

[2] Любимов С.В. Указ. соч. С. 106.

[3] РГВИА. Ф. 3672. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.

Наконец, в *л.-гв. Конно-артиллерийской бригаде* был выявлен г.-майор князь В.Н. Масальский, представитель древнего рода, ведущего свое происхождение с XV в. Отец Владимира Николаевича, князь Николай Федорович (1812-1880 гг.), командовал с 13.10.1849 по 7.11.1855 гг. л.-гв. 2-й артиллерийской бригадой. Он являлся участником Крымской (отражал атаки неприятеля на Свеаборг и Кронштадт) и русско-турецкой 1877-1878 гг. войн (в качестве начальника артиллерии действующей армии). За «особую распорядительность и боевые отличия» князь был пожалован орденом Св. Георгия III ст. С 1879 г. генерал являлся членом ВС.[1] Благодаря заслугам отца, Владимир Николаевич был помещен в ПК и успешно закончил его в 1880 г. С 16.06. по 7.09.1904 гг. бригадой командовал уже упоминавшийся нами в. к. Сергей Михайлович. В прочих частях титулованного дворянства выявлено не было.

2)Если рассматривать такой параметр, *как образование*, то для большинства офицеров гв. артиллерии, включая командиров артиллерийских частей, он был однотипен. Будущий командир, как правило, оканчивал кадетский корпус, после чего получал «артиллерийское образование» в МАУ или КАУ (КВУ). Полковник Н.М. Затворницкий отмечал, что артиллерия получила «свои учебные заведения» в годы пребывания во главе военного министерства ген. В.С. Ванновского.[2]

В отдельных, сравнительно редких, случаях офицеры оканчивали пехотные училища, а в л.-гв. Конно-артиллерийской бригаде – НКУ. Нами также была выявлена значительная группа выпускников ПК (в основной своей массе это были генеральские дети или внуки).

Если рассматривать последующее образование анализируемой нами генеральной совокупности, то незначительный процент офицеров поступал и, как правило, успешно оканчивал МАУ. Кроме этого, часть офицеров получила последующее образование в Офицерской артиллерийской школе, создан-

[1] Столетие Военного Министерства 1802-1902. Память о членах Военного Совета. Портреты и биографические очерки. СПб., 1907. С. 483-485.
[2] Столетие Военного Министерства. 1802-1902. Военные министры и Главноуправляющие военной частью в России с 1701 по 1910 год. Т. III. Отд. VI. СПб., 1911. С. 519.

ной «повелением» от 14.03.1882 г. (по ст. стилю) в Царском Селе на базе двух батарей. Обучение в школе в форме ознакомления с основными тенденциями развития современной артиллерии около 7 месяцев. Ежегодный набор в школу составлял 35 (к началу XX в. – 60) офицеров в чине капитана или есаула. После русско-японской войны в школе стали стажироваться командиры артиллерийских дивизионов и бригад. С 1906 г. Школа имела свой полигон, располагающийся под Лугой.

Школу возглавляли офицеры в звании генерал-майора: А.Н. Данилов (6.05.1882-12.08.1892), С.П. Валевачев (12.08.1892-13.05.1899), А.Н. Синицын (09.09.1899-31.12.1913) и В.М. Гаитенов (31.12.1913-5.10.1914) (см.: приложении 46). Анализ таблицы позволяет говорить о том, что *двое из четырех* рассматриваемых генералов достаточно длительный промежуток времени служили в *императорской гв.* (гв. артиллерии): А.Н. Данилов – 17, а А.Н. Синицын – 16 лет. Причем оба генерала после назначения начальниками ОАШ по-прежнему числятся в гв.[1] Современники отмечали *«гвардейский» стиль* школы в период нахождения во главе ее г.-майора А.Н. Синицина. Генерал занимал указанную должность наиболее длительный период – почти 14 лет.

При ОАШ также существовала «своя» конная батарея. Она вела старшинство с 10.02.1830 г.: первоначально была сформирована Образцовая Конно-Артиллерийская батарея, а 11.09.1863 г. она изменила название на Учебную Конную батарею. Наконец, 14.03.1881 г. батарея стала именоваться Конной батареей ОКШ.[2] В 1911 г. офицерский состав батареи выглядел следующим образом:

- командир батареи: подполковник С.Ф. Зубовский (числился в списках 6 конной батареи);
- офицеры батареи: капитан А.Д. Черниловский-Сокол (числился в 23 конной батарее); штабс-капитаны С.Ф. Батурский (в 4 конной батарее) и П.К. Петер-

[1] СГС. СПб., 1889 г. С. 640; СГС. СПб., 1906. С. 614.
[2] Памятка русской Конной Артиллерии. 1911. Царское Село, 1911. С. 51.

сон (в Запасном Конной дивизионе); поручик А.В. Журавский (в 8 конной батарее).[1]

Возвращаясь к анализу параметра «образование», следует сделать следующие выводы. В эпоху правления Николая II из 7-ми человек *л.-гв. Конно-артиллерийской бригады* 5 офицеров окончили ПК (то есть 71%). Двое – МАУ. В последнем случае один офицер, г.-майор П.К. Ланге, начинал свой путь офицера в Полтавском кадетском корпусе, который окончил в 1863 г. Второй офицер, сын в. к. Михаила Николаевича в. к. Сергей Михайлович, получил домашнее образование, а затем прослушал курс МАУ.

Из 6 командиров *л.-гв. 1 артиллерийской бригады*: два человека окончили МАУ, причем 1, генерал Н.П. Демидов, после Александровского кадетского корпуса и ПВУ; 1, генерал, Т.М. Беляев, – 1-й кадетский корпус, после чего сразу же вступил в службу; 1, Н.Н. Ляпунов, – 1-ю СПб. военную гимназию и ПВУ. Наконец, *только 1* генерал, А.Д. Головачев, получил образование в ПК. Наиболее авторитетная и весомая фигура, герцог М.Г. Мекленбург-Стрелицкий, командовавший бригадой с 3.03.1904 по 3.07.1908 гг., получил образование в Страсбургском университете: ему было присвоено звание доктора философии. Генералы А.Т. Баумгартен[2], Т.М. Беляев[3] и Н.П. Демидов[4] закончили МАУ по 1-му разряду.

В *л.-гв. 2-й артиллерийской бригаде* из 9 командиров указанной части 3 человека окончили кадетские корпуса (1-й кадетский и Воронежский), двое – военные гимназии (А.Н. Нищенков – С.-Петербургскую в 1871 г.[5], а В.А. Лях-ович (В.А. Лехович[6]) – Орловскую Бахтина). Кроме этого, 4 генерала являлись выпускниками ПК. При этом г.-майор И.К. Багговут был сыном (третьим) г. от инфантерии К.Ф. Багговута, исполняющего должность управляющего Гатчинским дворцовым правлением и коменданта города Гатчины (с

[1] Там же.
[2] СГС. Составлен по 1-е Сентября 1896 г. СПб., 1896. С. 563.
[3] СГС. Составлен по 1-е Января 1903 г. СПб., 1903. С. 352.
[4] СГС. Ч.I, II, III. Составлен по 1-е Июля 1910 г. СПб., 1910. С. 856.
[5] РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.
[6] Там же.

1862 по 1882 гг.).[1] После окончания кадетских корпусов и военных гимназий 4-е офицера обучались в МАУ, при этом двое, А.В. Уткевич и А.И. Коленкин, начинали обучение в АВУ.

Что касается «углубленного» (речь идет об ОАШ) и «академического» образования, то только один офицер, А.Н. Нищенков, окончил МАА (в 1882 г., по 1-му разряду)[2]. ОАШ окончило 4-е человека (генералы С.В. Ивашенцов, В.А. Ляхович, А.Я. фон-Гилленшмидт, А.М. Сиверс). Это было обусловлено «обязательностью» данной процедуры в отношении дивизионных и бригадных командиров на отрезке 1906, 1908-1909 гг.

В *л.-гв. 3-й артиллерийской бригаде* два офицера из 8-ми окончили МАУ, причем один поступил в него из кадетского корпуса, а другой - из 4-ой Московской гимназии. ПК окончило 2 генерала, что составляет всего 25%. Обратим внимание на то, что в силу меньшей престижности службы в 3-й гв. артиллерийской бригаде количество выпускников ПК в этой части резко сокращается. Что было обусловлено сравнительно поздней трансформаций отдельных подразделений 3-й Гв. и Гренадерской бригады (речь идет о гренадерских батареях) в гв., с переименованием данной части в лейб-гвардейскую (6.12.1894 г.). На тему категории «старшинство по времени пожалования прав старой гвардии» применительно к гв. артиллерии мы можем рассуждать только в отношении отдельных батарей (см.: приложение 44).

Один офицер рассматриваемой части, г.-майор А.В. Бурман, после окончания 1 кадетского корпуса прослушал курс НКУ. Еще один, М.Д. Шрейдер, после окончания 2 Московской военной гимназии учился в АВУ. Наконец, г.-м. И.Ф. Мингин окончил КВУ (1875 г.) и был выпущен прапорщиком (со старшинством 04.08.1875) во 2-ю гренадерскую артиллерийскую бригаду.[3]

Весьма примечательной фигурой данной воинской части являлся генерал Г.Г. Михайлов. Указанный офицер окончил вполне светское учебное за-

[1] РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.
[2] РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.
[3] РГВИА. Ф. 3672. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

ведение, 5-ю С.-Петербургскую гимназию. В 21 год получил свой первый офицерский чин прапорщика. На протяжении 12 лет и 1 месяца Гавриил Гавриилович командовал 3 батареей л.-гв. 2-ой артиллерийской бригады и военное образование «получил на службе». Михайлов принимал участие в кампании 1877-1878 гг., за что был удостоен в 1878 г. ордена Св. Анны 2 ст. с «мечами», а в 1879 г. – Св. Владимира IV ст. с «мечами и бантом».[1]

3)участие в боевых действиях. При анализе *боевого опыта* мы использовали *два индекса*: непосредственное участие офицеров в боевых действиях и «качество» наград (речь идет о «боевых наградах»), полученных офицерами за это участие.

Рассматриваемую нами группу можно условно разделить на *две подгруппы*. К перовой следует отнести тех офицеров, которым возраст позволил принять участие в русско-турецкой войне 1877 г. Представили этой группы также могли принимать участие в последующих конфликтах. Это, как правило, «поход в Китай» 1900-1901 гг. и русско-японская война 1904-1905 гг.

Ко второй - в кампании 1877-1878 гг. участие не принимавших.

В результате проведенного анализа мы получили следующую статистику.

В л.-гв. 1-ой артиллерийской бригаде только один офицер (из 6-ти), генерал Н.Н. Ляпунов, имел опыт участия в боевых действиях, русско-турецкой войне 1877-78 гг. Он был «отмечен» орденами св. Владимира IV ст. «с мечами» (1877 г.) и св. Анны II ст. также «с мечами» (1878 г.).[2] В л.-гв. 2-ой артиллерийской бригаде только 3 из 9 офицеров имели боевой опыт и принимали участие в различных войнах. А.И. Коленкин – в кампании 1877-1878 гг. (был награжден в 1878 г. орденом св. Владимира IV ст. «с мечами и бантом»). А.Н. Нищенков – в кампании 1877-1877 гг. и в «походе в Китай» 1900-1901 гг., за участие в котором был пожалован в 1912 г. «золотым оружием». Наконец, генерал А.В. Уткевич являлся участником русско-турецкой

[1] СГС. Составлен по 1-е сентября 1896 год. СПб., 1896. С. 566.
[2] СГС. Составлен по 1-е Января 1903 г. СПб., 1903. С. 870.

войны 1877-1878 гг. и Среднеазиатских походов 1880-1881 гг. 27.03.1881 г. он был пожалован орденом св. Георгия IV ст. В том же году был награжден орденом св. Владимира IV ст. и «золотым оружием».[1]

В л.-гв. 3-й артиллерийской бригаде из 8 человек 5 офицеров имело опыт различных войн. Генералы Г.Г. Михайлов, В.С. Усов, граф М.А. Баранцов и В.И. Гиппиус – русско-турецкой 1877-78 гг., И.Ф. Мингин – русско-турецкой 1877-78 гг. и русско-японской 1904-1905 гг.[2] При этом В.С. Усов, В.И. Гиппиус и И.Ф. Мингин имели ранения. За участие в боевых действиях 4 генерала (Г.Г. Михайлов, В.С. Усов, В.И. Гиппиус и М.А. Баранцев) получили орден св. кн. Владимира IV ст. «с мечами и бантом» (все за кампанию 1877-1878 гг.). Что касается генерала И.Ф. Мингина, то за участие в русско-японской войне ему было пожаловано «золотое оружие».[3] Примечателен тот факт, что генерал граф М.А. Баранцев выполнял ещё и «миротворческую функцию»: в 1899 г. он принял участие в 1-й международной Конференции по разоружению в Гааге.

В л.-гв. Стрелковом артиллерийском дивизионе 3 генерала из 6 принимали участие в войнах: трое – в русско-турецкой 1877-1878 гг. и один, А.Н. Нищенков, участвовал в «походе в Китай» в 1900-1901 гг. Наконец, в л.-гв. Конно-артиллерийской бригаде только 3 офицера (М.Ф. Ореус, П.К. Ланге, Д.Д. Кузьмин-Караваев) из 7 имели опыт участия в боевых действиях: все трое в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.

Генерал М.Ф. Ореус был пожалован орденом св. Георгия IV ст.[4] и «золотым оружием» (в 1877 г.). Он же, а также генерал П.К. Ланге, были награждены орденом св. кн. Владимира IV ст. «с мечами и бантом». Генерал Д.Д. Кузьмин-Караваев имел стандартный для поручика набор «военных наград»: ордена св. Станислава III ст. и св. Анны III ст. «с мечами и бантом» (в данном случае показательна «степень» указанных орденов).

---

[1] РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.
[2] РГВИА. Ф. 3672. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.
[3] За кампанию 1877-1878 гг. в 1878 г. генерал был пожалован орденами св. Анны 4 ст. с надписью «за храбрость» и св. Станислава 3 ст. «с мечами и бантом» (см.: СГС. Ч.I, II и III. Составлен по 1-е Июля 1910 года. СПб., 1910. С. 281).
[4] «За отличие, оказанное в делах против Турок: 17, 28 и 19 Июля 1877 г., при Иени-Загре и Джуранли».

4)Скорость продвижения по службе и жалование командира гв. артиллерийской бригады. Если рассматривать такой параметр, как скорость продвижения по службе (от первого офицерского звания, подпоручик, до генеральского звания (должности командир бригады соответствовало звание г.-м.)), то для л.-гв. 1-й артиллерийской бригады этот срок составлял 30,5 лет. При этом возраст командира бригады колебался в диапазоне от 41 года (герцог М.Г. Мекленбург-Стрелицкий) до 53 лет (Н.Н. Ляпунов).

Для л.-гв. 2 бригады указанный параметр был несколько меньше и составлял 27,3 года. Наиболее стремительной была карьера у генерала А.Я. фон-Гилленшмидта, 22 года, дольше всего к заветной цели шел генерал В.А. Ляхович - 36 лет. Возрастной диапазон командиров указанной бригады колебался от 41 (А.Я. фон-Гилленшмидт) до 50 лет (А.В. Уткевич, А.И. Коленкин).

В л.-гв. 3-й бригаде средняя скорость карьерного роста составляла почти 29 лет. Наиболее стремительный взлет по служебной лестнице мы наблюдаем у генерала графа В.В. Доливо-Добровольский-Евдокимов (26 лет). Возрастной диапазон при этом колебался в пределах от 46 лет (граф М.А. Баранцов) до 52 лет (генерал В.И. Гиппиус).

В л.-гв. Стрелковом артиллерийском дивизионе средняя скорость карьерного роста командиров указанной части составляла 26 лет, при этом возрастной диапазон составлял от 43 до 47 лет.

Что касается л.-гв. Конно-артиллерийской бригады, то в ней скорость продвижения по службе была значительно выше и составляла в рассматриваемый нами период 23,5 года. Наиболее молодым командиром бригады был в. к. Сергей Михайлович (правда, весьма непродолжительный срок: с 16.06. по 7.09.1904 г.). Он получил звание г.-майора (с назначением в Свиту Е.И.В.) в возрасте 35 лет спустя 15 лет после присвоения первого офицерского чина. Из других офицеров данной воинской части, сделавших карьеру генерала за 21 год, можно отметить Н.А. Орановского. Возрастной диапазон командиров бригады составлял от 35 до 47 лет (генерал П.К. Ланге). Содержания коман-

диров арт. частей императорской гв., как и у подавляющей части офицеров, слагалось из *жалования* и добавочных выплат, которые, по замечаниям г.-лейтенанта П.П. Карцова, составляли (в 1880 г.): «б)столовые деньги; в)добавочное содержание; г)порционные и суточные деньги и д)прогоны».[1] Жалование, столовые и добавочные деньги выплачивались помесячно для генералов, штаб и обер-офицеров.[2] В 1880 г. размер добавочных денег, выплачиваемых командиру пешей и конно-артиллерийской бригад, составлял 1200 руб.[3] В период нахождения во главе министерства Ванновского был отмечен пусть не столь ощутимый, но все же рост денежного содержания офицеров.[4]

Следует отметить, что к началу XX вв. основное жалование командира гв. артиллерийской бригады увеличилось почти на 1/3 (с 1017 руб.[5]) и составляло 1500 руб.[6] Что касается «добавочных выплат», то столовые деньги в указанный период выплачивались в размере 2700 руб. (до этого они составляли 1824 руб.). Размер добавочных и квартирных денег был разным. Так, командиры л.-гв. 3-й артиллерийской бригады Г.Г. Михайлов и В.С. Усов получали 1200 руб. Командир л.-гв. 1-ой бригады Н.Н. Ляпунов получал 1000 руб. В целом совокупное содержание у генералов-командиров гв. полевых артиллерийских бригад варьировалось в диапазоне от 4041 руб. (генералы Г.Г. Михайлов, В.С. Усов: оба являлись командирами л.-гв. 3-й бригады к началу XX в.; их жалование, как уже отмечалось, составляло 1017 руб.) до 5234 руб. (у генерала С.В. Ивашенцова командира л.-гв. 2-й бригады в 1904-1907 гг.; его содержание включало в себя жалование (1500 руб.), «столовые» и «квартирные» деньги). Не являлся исключением из правила герцог М.Г.

---

[1] Памятно справочная книга для командиров отдельных частей войск. Составлена на основании существующих постановлений, правил, положений и руководств генерал-лейтенантом П.П. Карцовым. СПб., 1880. С. 52.

[2] Там же. С. 69.

[3] Там же. С. 53. Примечателен тот момент, что при получении орденов из жалования делались вычеты. Они составляли за ордена: св. Владимира III ст. – 45 руб., IV ст. – 40 руб.; св. Анны II ст. – 35 руб., III ст. – 20 руб., II ст. – 10 руб.; св. Станислава I ст. – 120 руб., II ст. – 30 руб., III ст. – 15 руб.

[4] Столетие Военного Министерства. 1802-1902. Военные министры и Главноуправляющие военной частью в России с 1701 по 1910 год. Т. III. Отд. VI. СПб., 1911. С. 520.

[5] 1896 г.

[6] Справочная книжка для офицеров. Составили генерального штаба полковники Малинко В. и Голосов В. Изд. 3-е, испр. и доп. Ч I. М., 1902. С. 90-91. Усиленное жалование г.-майора составляло 2004 руб.

Мекленбург-Стрелицкий: его жалование составляло 1500 руб., «столовые деньги» - 2700 руб., «квартирные» - 1666 руб. Совокупное содержание составляло 5866 руб. Выплаты командирам л.-гв. Конно-артиллерийской бригады носили аналогичный характер.[1]

5)Семейное положение. Практически все офицеры рассматриваемых нами частей находились в браке и имели детей. При этом для большей части офицеров начала правления Николая II типичны многодетные семьи (от 7 до 3 детей). Показательным примером являются семьи командиров л.-гв. 1 артиллерийской и л.-гв. Конно-артиллерийской бригад генералов Т.М. Беляева[2] и Д.Д. Кузьмина-Караваева[3], у которых насчитывалось по 7 детей. Также можно выделить семью командира л.-гв. 2 бригады А.Н. Нищенкова, в которой на 1904 г. насчитывалось 5 детей. Офицеры, занявшие пост командиров частей гв. артиллерии после русско-японской войны, имели от 1 до 3 детей, что было обусловлено возрастом. Примечателен тот факт, что такие титулованные особы, как в. к. Сергей Михайлович и герцог М.Г. Мекленбург-Стрелицкий в период нахождения на посту командиров рассматриваемых нами частей женаты не были.

6)Конфессиональный признак. В силу того, что национальность российских офицеров играла не столь существенную роль, данная тема уже поднималась как в наших исследованиях, так и в исследованиях других авторов, в качестве основного индекса нами был выделен конфессиональный компонент. Проведенный нами анализ позволил сделать следующие выводы.

В л.-гв. 1-ой артиллерийской бригаде из 6 офицеров-командиров бригады один, герцог М.Г. Мекленбург-Стрелицкий исповедовал лютеранскую версию протестантизма. Остальные офицеры были православными.[4]

В л.-гв. 2-ой бригаде все ее командиры периода правления Николая II были православного вероисповедания. В л.-гв. 3-й бригаде из 8 офицеров 7

[1] СГС. СПб., 1896. С. 774; СГС. СПб., 1903. С. 957.
[2] СГС. СПб., 1896. С. 627.
[3] СГС. СПб., 1906. С. 490.
[4] СГС. СПб., 1908. С. 551.

исповедовали православие, один, генерал О.Ф. Мингин (уроженец Ковельской губернии), являлся по своим религиозным убеждениям протестантом реформаторского вероисповедания. Примечателен тот факт, что его жена и дети (на 1900 г. одна дочь), принадлежали к лютеранской церкви.[1] В л.-гв. Стрелковом артиллерийском дивизионе пять офицеров исповедовало православие, по одному (генерал А.Р. Леусселиус) информация отсутствует. В л.-гв. Конно-артиллерийской бригаде из 7 генералов 6 исповедовали православие и только один, М.Ф. Ореус, был евангелическо-лютеранского вероисповедания.

Таким образом, из 37 генералов только 3 являлись представителями различных вариантов протестантизма. Остальные - исповедовали православие. Если при этом проанализировать конфессиональность всего офицерского состава гвардейской артиллерии, то можно говорить о преимущественно православных мировоззренческих установках данной генеральной совокупности группы, ориентированных на соответствующую систему ценностей.

7)Последующий карьерный рост. Если рассматривать параметр карьерного роста гв. генералов-артиллеристов периода правления Николая II и, в первую очередь, степень их инкорпорированности в структуру военной и военно-политической элиты, то имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют сделать следующие выводы.

Основная масса генералов к началу Первой мировой войны дослужилась до воинского звания г.-л.: 3 генерала из 6 в л.-гв. 1-й бригаде, 7 из 9 – 2-ой, 3 из 8 – 3-й, 4 из 7-ми в л.-гв. Конной артиллерии и 2 из 6 в л.-гв. Стрелковом артиллерийском дивизионе. То есть 16 (43%) офицеров из 37. При этом следует учитывать, что группа офицеров, находящаяся во главе указанных частей и подразделений к моменту вступления на престол Николая II в 1914 г. успешно достигла звания полного генерала.

В данном случае речь идет об 1-м г. от инфантерии (л.-гв. 2-ой артиллерийской бригады генерале А.В. Уткевиче) и 7-и генералах от артиллерии

[1] РГВИА. Ф. 3672. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

(по двум офицерам, генералам Н.Н. Ляпунове и А.Р. Леусселиусе, информация отсутствует). Группа «предвоенных» г.-майоров продолжила свой карьерный рост в период 1-ой мировой войны. Также нужно учитывать, что еще один генерал, А.Т. Баумгартен[1], командир л.-гв. 1-й артиллерийской бригады с 1890 по 1895 г., скоропостижно скончался (25.01.1891 г. по ст. стилю), вступив в должность начальника артиллерии Кавказского ВО.[2] В целом карьера подавляющей части артиллерийских генералов-командиров гв. частей выглядит не столь впечатляющей даже по сравнению с генералами казачьей гв.

Из 35 офицеров (за исключением в. к. Сергея Михайловича и герцога Мекленбург-Стрелицкого) наибольшего успеха в продвижении по службе добился генерал от артиллерии Д.Д. Кузьмин-Караваев. Правда, успех этот имел явно «артиллерийский», узкопрофессиональный оттенок: Дмитрий Дмитриевич (?) дослужился до должности товарища генерал-фельдцейхмейстера (с 02.04.1906 по 13.02.1909). А после его смерти возглавил ГАУ (с 13.02.1909). В 1912 г. Д.Д. Кузьмину-Каравеву было присвоено воинское звание генерал от артиллерии «за отличие» «как Высшее Благоволение» (ст. 06.12.1912). Карьера генерала оборвалась во время Первой мировой войны по причине выдвинутых против него обвинений.[3] Война также оборвала карьеры еще двух генералов-артиллеристов, рассматриваемой нами группы. В данном случае речь идет о г.-лейтенанте И.Ф. Мингине, попавшем в немецкий плен в августе 1914 г. во время Восточно-Прусской операции, после полного уничтожения находящейся под его командованием 2-ой пехотной дивизии в Грюнфлисском лесу[4]. Вторым фигурантом является г.-лейтенант М.Д. Шрейдер, находившийся на должности инспектора артиллерии XX АК и взятый в плен немцами 8.02.1915 г. в районе фольварка

[1] Выдающийся военный теоретик, принимавший участие наряду с генералами В. Шкларевичем (офицером артиллерийского комитета) и А. Даниловым (первым начальником Офицерской артиллерийской школы) в постановке искусства стрельбы в русской артиллерии.
[2] СГС. Составлен по 1-е Сентября 1896 года. СПб., 1896. С. 563.
[3] Версию Дмитрия Дмитриевича можно прочитать в «Показаниях бывшего начальника ГАУ Д.Д. Кузьмина-Караваева Верховной следственной комиссии 27 марта 1917 г.» // РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 55.
[4] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 548. Л. 8об.-9. Список русских генералов, находящихся в плену в Германии и Австрии по данным к 1 сентября 1916 г.

Млынек во время боев в Августовских лесах. Генерал Шрейдер умер в лагере Оснабрюк 10.05.1916 от «разрыва сердца».[1] Карьерный рост остальных генералов-артиллеристов демонстрирует таблица, представленная в приложении 47 (см.: приложение 47).

После оформления дивизионной модели организации артиллерийских бригад была введена должность *командира дивизиона*. Указанную должность занимали старшие офицеры в воинском звании полковника. Основные статистические индексы данной социальной категории лиц были обобщены нами в таблицах, представленных в приложениях 48, 49, 50, 51 (см.: приложения 48, 49, 50, 51). Анализ данной информации позволяет утверждать, что подавляющая часть командиров дивизионов гв. бригад начинала службу в тех же бригадах. В последующем они, как правило, командовали батареями своих бригад и только после этого занимали должность командиров дивизионов. Определенная группа представителей указанной группы в конечном итоге становилась командирами самих бригад (наиболее существенный процент рассматриваемых офицеров прослеживается в л.-гв. Конной артиллерии: 5 офицеров, или 42%).

Следующим звеном являлись командиры отдельных батарей в составе гв. артиллерийских бригад. Как правило, данную должность занимали офицеры, проходившие службу в указанных бригадах. В эпоху правления Александра III обозначается устойчивая тенденция, связанная с созданием определенных традиций преемственности службы, что можно проиллюстрировать материалом, представленным в приложении 52 (см.: приложение 52).

Еще одним интересным аспектом анализа может служить наличие в списках группы генералов, числящихся по гв. артиллерии. В какой-то мере мы можем идентифицировать их как представителей «высшей артиллерийской элиты», в данном случае целесообразно обратить внимание на три индекса: *причастность к гв., генеральское звание и занимаемая должность*.

[1] Там же. Л. 10об.-11.

Общее представление в отношении «артиллерийской элиты», вышедшей из Гв. Конной артиллерии (и «числящейся» по ней), можно проиллюстрировать с помощью следующих статистических данных: к 1-му января 1894 г. из 5 полных генералов (г. от артиллерии), числящихся по конной артиллерии, два генерала (40%), г.-адъютанты А.С. Костанда и Л.П. Софиано[1], «числились в списках» Гв. Конно-артиллерийской бригады. При этом А.П. Костанда занимал должность командующего войсками МВО, а Л.П. Софиано – товарища Е.И.В. г.-фельдцейхмейстера. Оставшиеся «армейские генералы» состояли: О.П. Резвой (начинал службу в л.-гв. 1-ой артиллерийской бригаде в 1831 г.) в ВС (управляющий кодификационным отделом), А.Д. Столыпин (бывший генерал-губернатором Восточной Румелии и Адрианопольского санджака; отец П.А. Столыпина. Никогда не имел отношения к гв.) в АКР, а также заведовал Дворцовой частью в Москве (с 1892 г.)), наконец, П.А. Башилов состоял для поручений при Е.И.В. г.-фельдцейхмейстере.[2] Из 14 г.-лейтенантов по гв. конной артиллерии числилось только 4 офицера (29%): А.Д. Шепелев, Н.А. Безак, С.С. Канищев и А.П. Короченцов.[3] Из 19 г.-майоров в гв. конной артиллерии числилось всего 3 человека (16%): М.Ф. Ореус, А.Я. Таль и П.К. Ланге.[4]

Что касается представителей правящего дома, то в гв. артиллерийских частях числились следующие великие князья (статистика 1896 г.; воинские звания указываются применительно к 1896 г.):

1)российский император, полковник Николай II (Александрович) - 1-я батарея л.-гв. 1-ой артиллерийской бригады, 1-я батарея л.-гв. 2-ой артиллерий-

[1] Родился 12.10.1820 г. Помещик Рязанской губернии. Обучался в Павловском кадетском корпусе, из которого в 1841 г. выпущен в конно-артиллерийскую №13 батарею. В 1856 г. переведен в гв. и назначен в постоянный кадровый состав образцовой конной батареи (числился с 18.12.1861 по 21.05.1865 гг.). Начальник артиллерии: В.-Сибирского (1865-1873 гг.) и Кавказского (11.02.1873-16.06.1881 гг.) ВО (в период наместничества в. к. Михаила Николаевича, что отчасти определило его последующую карьеру). Почетный член МАА и почетный казак станиц 1 войскового отдела Астраханского казачьего войска. Участник компаний 1854-1855 и 1877-1878 гг. Г.-адъютанта Е.И.В. с 1878 г. Кавалер ордена Св. Андрея Первозванного с 1896 г. Женат. В рассматриваемой должности с 16.06.1881. (Источник: СГС. Составлен по 1-е Сентября 1896 года. СПб., 1896. С. 39).

[2] Столетие Российской Конной артиллерии (1792-1894 гг.). Составил и подал Павел Потоцкий. СПб., 1894. С. 49-50.

[3] Там же. С. 50-51.

[4] Там же. С. 51-52.

ской бригады (также являлся шефом 1-ой, 4-ой и 6-ой Донской казачьей батарей Гв. Конно-артиллерийской бригады);

2)г.-фельдцейхмейстер, г.-фельдмаршал, г.-адъютант в. к. Михаил Николаевич (числился в первых батареях всех гв. бригад пешей артиллерии, являлся шефом 2-й батареи Гв. Конно-артиллерийской бригады). Как уже отмечалось, император и г.-фельдцейхмейстер по сути командовали всей российской артиллерией;

3)с 6.05.1899 г. наследник престола (цесаревич), подпоручик, флигель-адъютант в. к. Михаил Александрович (начал службу только в апреле 1900 г.) - 1-я батарея л.-гв. 1-ой артиллерийской бригады (также являлся шефом 5-ой батареи Гв. Конно-артиллерийской бригады);

4) г.-лейтенант, г.-адъютант в. к. Сергей Александрович (московский генерал-губернатор, командующий войсками МВО, член Государственного совета) - 1-я батарея л.-гв. 1-ой артиллерийской бригады;

5)капитан 2-го ранга в. к. Александр Михайлович («Сандро») (старший офицер броненосца «Сысой Великий», 23.06.1896 г. отчислен в Свиту Е.И.В.) - 1-я батарея л.-гв. 1-ой артиллерийской бригады;

6)штабс-капитан, флигель-адъютант в. к. Сергей Михайлович (в рассматриваемый период младший офицер 2-й батареи Гв. Конно-артиллерийской бригады) - 1-я батарея л.-гв. 2-ой артиллерийской бригады;

7)г.-майор в. к. Константин Константинович (в указанный период командир л.-гв. Преображенского полка) - 1-я батарея л.-гв. 3-й артиллерийской бригады;

8)кроме этого, необходимо отметить шефство полковника флигель-адъютанта в. к. Георгия Михайловича (в указанный период командир эскадрона л.-гв. Уланского полка) над 3-й батареей Гв. Конно-артиллерийской бригады.[1]

[1] Статистические данные анализируемых членов императорской фамилии даются по библиографическому справочнику «Российская императорская фамилия (1797-1917)». СПб., 2011.

С гв. артиллерией как пешей, так и конной оказалась связана фактически вся фамилия г.-фельдцейхмейстера в. к. Михаила Николаевича, что подтверждает тезис о «подобии» данного сегмента российской военной машины «вотчине» последнего «действующего» г.-фельдмаршала. Примечательно, что после его смерти (5.12.1909 г.) ее в качестве г.-инспектора артиллерии «унаследует» пятый сын г.-фельдцейхмейстера в. к. Сергей Михайлович.

Офицерский корпус гв. артиллерии был в целом однородным и комплектовался в соответствии с традициями, заложенными еще в 1-ой половине XIX в.

Проведенный нами *просопографический анализ* позволяет реконструировать социальный портрет рассматриваемого социального массива:

1)как уже отмечалось выше, гв. артиллерия, как и казачья гв., являлась специфическим миром, стоящим особняком от прочих частей императорской гв., исключая «особые образования», подобные гв. саперам или инженерам. Указанная «особость» позволяет воспринимать образ гв. офицера-артиллериста как «типичный»;

2)практически все офицеры гв. артиллерии являлась потомственными дворянами (в выявленных нами выборочных совокупностях по 1-й, 3-й и л.-гв. Конно-артиллерийской гв. артиллерийским бригадам - 100%) и происходили из семей офицеров императорской армии (в Гв. Конно-артиллерийской бригаде «образца» 1896 г. и 1910 г. около половины офицеров (48% и 46%) являлось *генеральскими детьми*). Это обусловливалось более высокой по степени интенсивности социализацией (в первую очередь, качеством образования) представителей данной социальной группы.

Исключение составляла л.-гв. 2-я артиллерийская Е. И. В. бригада, в которой нами был выявлены: один офицер, происходивший из «потомственный почетный гражданин» лютеранского вероисповедания (на 1.01.1910 г. по старому стилю поручик; к 1913 г. в списках бригады не значился) З.А. Яко-

влевич[1], и один офицер «из мещан» (также лютеранского вероисповедания), поручик Г.-В.Э. Шнейдеман.[2]

Наличие титулованной аристократии в частях гв. артиллерии было незначительным (самый высокий процент прослеживался в Гв. Конно-артиллерийской бригаде; в свою очередь в л.-гв. 2 артиллерийской Е.И.В. бригаде к началу войны ни одного титулованного аристократа в строю не было):

а)в *Гв. Конно-артиллерийской бригаде* в 1896 г. в строю находилось: 1 в. к. (флигель-адъютант, штабс-капитан Его Императорское Высочество в. к. Сергей Михайлович); 3 князя (капитан князь В.Н. Масальский; поручик князь Д.А. Ширинский-Шихматов; подпоручик князь А.Н. Эристов); 3 графа (полковники: граф П.П. Шувалов[3]; граф М.А. Баранцев; граф Ф.А. Лидерс-Веймарн).[4] Всего 7 офицеров;

В 1911 г. – 1 великий князь (полковник, флигель-адъютант Е.И. Высочество в. к. Андрей Владимирович); 1 князь (полковник князь А.Н. Эристов); 2 графа (капитан граф К.П. Кутайсов и поручик С.А. граф Ребиндер); 2 барона (капитан барон В.И. Велио и подпоручик барон А.П. Бильдерлинг).[5] Всего 5 офицеров;

б)в *л.-гв. 1-ой артиллерийской Е.И.В. бригаде* в 1896 г. числились: 1 герцог (Его велико-герцогское высочество полковник герцог Мекленбург-Стрелицкий); 3 барона (поручик барон Н.А. фон-Дистерло; подпоручики: барон фон-Майдель Борис Николаевич, барон А.В. Арпсгофен). Всего 4 офицера;

---

[1] РГВИА.Ф. 3671. Оп. 1. Д. 11. Л. 26.

[2] Родился 16.02.1881 г.; уроженец СПб. губернии. Окончил Главное немецкое реальное училище и КАУ (по 1-му разряду); в 1910 г. – младший офицер 4 батареи; в 1912 г. (6.12.1912 (старшинство с 9.08.1912) г.) – штабс-капитан, с 1.08.1910 г. (Приказ по 2-й Гвардейской пехотной дивизии № 53 от 31.07.1910 г.) находился при штабе 2-й гвардейской пехотной дивизии в качестве старшего адъютанта по артиллерийской части. Источники: РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1. Д. 11. Л. 25; РГВИА. Ф. 3671. Оп.1. Д. 15. Л. 19.

[3] Адъютант Е. И. Выс. в. к. Сергея Александровича и Заведующий Его Двором (Потоцкий П. Указ. соч. С. 399).

[4] Потоцкий П. Указ. соч. С. 396-399.

[5] Памятка русской Конной Артиллерии. 1911. Составлена С.Ф. Зубовским. Царское Село, 1911. С. 9-18.

в)в л.-гв. 2-й артиллерийской Е.И.В. бригаде в 1896 г. в строю находилось *всего 2 барона*: штабс-капитан барон Ф.Ф. Менд и подпоручик барон Д.О. Тизенгаузен.[1]

В 1910-1913 гг. в бригаде в строю не значилось *ни одной* титулованной особы[2];

г)в л.-гв. 3-й артиллерийской Е.И.В. бригаде в 1900 г. в строю находились: 1 граф (капитан граф В.В. Доливо-Добровольский Евдокимов); 3 барона (штабс-капитаны: барон Р.-Л.А. фон-Унгерн-Штернберг; барон В.Х. фон-Майдель; подпоручик барон С.Ф. фон-Таубе).[3] Всего 4 человека;

3)анализ выборочной совокупности и данной социальной группы *в этно-конфессиональном плане* показал, что 80% офицеров являлись православными. Самый высокий процент протестантов, второй по численному присутствию конфессии в подавляющей части гв. полков и подразделений, прослеживается в л.-гв. 2-й артиллерийской бригаде (9 офицеров или 15,2% в 1910 г.), что вкупе с группой офицеров-католиков (1 чел.) составляло 17%.

К 1913 г. приведенная статистика в целом сохраняется (лютеран – 7 (13%), католиков – 1 чел. (2%))[4].

Данное суждение можно проиллюстрировать статистическими данными, представленными в таблице № 25 (см. таб. 25);

Таблица № 25

Конфессиональная принадлежность офицеров л.-гв. 2-й арт. бригады в 1910 г.[5]

	Офицерских чинов	
	всего	процентное выражение
православных	48	81%
католиков	1	2%
армян	1	2%

[1] Потоцкий П. Указ. соч. С. 393.
[2] РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1. Дела 11, 19.
[3] РГВИА. Ф. 3672. Оп. 1. Д. 5.
[4] РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1. Д. 19. Л. 37об.
[5] РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1. Д. 11. Л. 36об. (в данном случае статистические данные приводятся на основе извлечений из штатного расписания; генералы, реально состоящие на службе и числящиеся по списку, в статистические данные не включены).

лютеран	9	15%

В таблице № 26 для сравнения приводится статистика конфессиональной принадлежности офицеров л.-гв. 3-й артиллерийской Е.И.В. бригады (см. таб. 26).

Таблица № 26

Конфессиональная принадлежность офицеров л.-гв. 3-й арт. бригады в 1900 г.[1]

	Офицерских чинов	
	всего	Процентное выражение
православных	70	86%
католиков	4	5%
лютеран	6	7,4%
магометан	1	1,2%

Генеалогический и этимологический анализ фамилий позволяет утверждать, что общая совокупность аутентичных русских («великороссов») в анализируемых выборках (1896-1913 гг.) приближалась к 76%.

Число лиц, исповедующих ислам, было незначительно. Так, в л.-гв. 3-й артиллерийской Е.И.В. бригаде числилось 2 офицера «магометанского вероисповедания»: полковник Алиев Эрис-Хан-Султан-Гирей[2] (с 20.02.1900 г. командовал 2-м дивизионом 20 артиллерийской бригады[3]) и подпоручик Сыртлановъ Равиль Шах-Айдарович (в 1900 г. делопроизводитель 7-ой батареи, уроженец Уфимской губернии).[4]

[1] РГВИА. Ф. 3672. Оп. 1. Д. 5. Л. 32об. (см. комментарии к вышестоящей сноске).
[2] РГВИА. Ф. 3672. Оп. 1. Д. 5. Л. 5. Родился 20.04.1855 г.: уроженец Терской области. Окончил 2-е КАУ и МАУ, а также МАА (по 1 разряду). Принимал участие в кампании 1877-1877 гг., был ранен и «причислен к 3-му классу раненых» (ранен 2 раза). Был женат. К 1900 г. имел двух сыновей магометанского вероисповедания. Был награжден: в 1877 г. орденом Св. Анны III ст. с «мечами и бантом»; в 1878 г. – Св. Станислава III ст. с «мечами и бантом»; в 1896 г. – Св. Владимира IV ст.
[3] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е Сентября 1903 г. С.-Петербург, 1903. С. 216.
[4] РГВИА. Ф. 3672. Оп. 1. Д. 5. Л. 27. Родился 29.10.1877 г. Уроженец Уфимской губернии. Окончил 2 Оренбургский кадетский корпус и МАУ (по 1 разряду). Холост. С 11.11.1899 г. делопроизводитель 7 батареи.

В л.-гв. 2-й артиллерийской батарее в 1910 г. также значился представитель еще одной церкви христианского толка: *армяно-григорианской,* капитан Б.И. Алданов[1];

4)подавляющая часть офицеров гв. артиллерии получала начальное образование в *кадетских корпусах*, из которых поступала в МАУ, реже КАУ. Особенности образования рассматриваемой группы офицеров представлены в таблицах помещенных в приложения 53, 54 (см.: приложения 53, 54), а также таблице № 27 (см. таб. 27).

Таблица № 27

Уровень военного образования в л.-гв. 3-я артиллерийская бригаде в 1900 г.

	всего	МАУ	КАУ	ПК	КВУ	НКВУ	ПВУ	АВУ	Финл. к .к.	ОАШ
РГВИА. Ф.3672 Оп.1.Д.5.										
полковник	14	5	2	2	2	1	1	2	-	7
капитаны	15	9	1	3	-	1	2	-	1	1
шт.-капитаны	13	10	-	1	1	-	-	-	1	
поручики	17	16	-	1	-	-	-	-	-	
подпоручики	23	12	11	-	-	-	-	-	-	-
всего	82	52	14	7	3	2	3	2	2	8

Таблица № 27 (см. таб. 27) нуждается в отдельном комментарии. В данном случае следует обратить внимание на графы «капитаны» и «полковники». При анализе статистических данных было выявлено, что наряду с МАУ капитан А.Е. Горбачевич обучался во 2-м КАУ, а А.А. Фогель – в ПВУ.[2] Полковник В.Д. Беляцкий, кроме МАУ закончил АВУ, а Алиев Эрис-Хан-Султан-Гирей – КАУ.[3] Общее количество выпускников МАУ в рассмат-

[1] РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1. Д. 11. Л. 15. Родился 20.07.1875 г. Уроженец Санкт-Петербурга. Окончил Николаевский кадетский корпус и МАУ (по 1 разряду). Холост. Числился в 3 батарее. С 16.11.1901 г. исполнял обязанности бригадного квартирмейстера. Был награжден: в 1903 г. – орденом Св. Станислава III ст.; в 1908 г. – Св. Анны III ст.

[2] РГВИА. Ф. 3672. Оп. 1. Д. 5. Листы 9-11.

[3] Там же. Листы 4-5.

риваемой бригаде составляло 63%, что вкупе с КАУ (17%) составляло 80% офицеров (с «артиллерийским образованием»), при этом процент, получивших «неартиллерийское» образование, был крайне низок.

В отношении обучавшихся в МАУ и КАУ Э.Э. Шляхтин писал следующее: «Состав юнкеров в подавляющем большинстве был *из кадет всех российских корпусов* и только небольшой процент были «мальчики с улицы», как мы говорили, то есть гимназисты, реалисты и несколько студентов, которые принимались по строгому экзамену».[1] Подобная тенденция прослеживается во всех частях гв. артиллерии. В качестве примера можно использовать статистические данные на «строевых офицерских чинов» по л.-гв. 2-й артиллерийской Е.И.В. батарее на 1.01.1910 г. Данная информация представлена нами в таблице № 28 (см. таб. 28).[2]

Таблица № 28

Начальное военное образование строевых офицерских чинов
л.-гв. 3-й артиллерийской бригады

	всего	кадетские корпуса	ПК	реальные училища	гимназии	Горный институт императрицы Екатерины II
генералы	1	-	1	-	-	-
полковники	9	6	2	1[3]	-	-
капитаны	14	11	3	-	-	-
шт. капитаны	16	11	3	-	2[4]	-
поручики	13	7	2	2[5]	1[6]	1(?)[7]
подпоручики	8	5	3	-	-	-
всего	60	40	13	3	3	1

[1] Шляхтин Э.Э., полковник. Михайловское Артиллерийское Училище. // http: // lepassemilitaire.ru / mixajlovskoe-artillerijskoe-uchilishhe-polkovnik-shlyaxtin /

[2] РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1. Д. 11. Л. 1-36об.

[3] П.Д. Гладков (окончил Вологодское Александровское реальное училище; командир 3 батареи).

[4] С.В. Сапожников, (окончил императорскую Казанскую 1-ю гимназию; старший офицер 2 батареи) и Г.-Э.-Н. В. фон Дитман (лютеранского вероисповедания; окончил гимназию при лютеранской церкви св.Анны в СПб.; с 11.05.1908 г. офицер-воспитатель кадетского корпуса императора Александра II, «вакансию в батарее не занимает»).

[5] В.К. Бокилон (окончил СПб. 2-е реальное училище) и Г.-В.Э. Шнейдеман (окончил Главное немецкое реальное училище), младшие офицеры 2 и 4 батарей.

[6] В.А. Куршаков (окончил Кронштадскую гимназию; младший офицер 3 батареи).

[7] Уже упоминавшийся нами «потомственный почетный гражданин» поручик Артур Яковлевич Заддэ.

в проц.	100%	67%	22%	5%	5%	1%

Приведенные в таблице данные показывают, что процент выпускников *кадетских корпусов* был значителен и приближался к отметке в 70%. Количество выпускников реальных училищ и гимназий, даже в совокупности, составляло 10%. Исключение из выявленной по военным училищам закономерности составляла Гв. Конно-артиллерийская бригада, где был значителен процент выпускников ПК (при этом он превышал количество офицеров, закончивших МАУ и КАУ вместе взятых). Так, в 1896 г. в бригаде насчитывалось 28 офицеров из 57 штатных и 2-а прикомандированных, то есть 47%[1] . Общая статистика приводится нами в таблице № 29 (см. таб. 29).

Таблица № 29

Уровень военного образования в Гв. Конно-артиллерийской бригаде в 1896 г.[2]

	всего	ПК	МАУ	КВУ	НКВУ	АВУ	Ник. инж.	ЭОЧ	Имп. Варш. ун-тет
полковник	9	2	3	1	-	-	-	2	1
капитан/есаул	5	3	1	-	-	1	-	-	-
шт.-капитан/подъесаул	7	2	2	-	1	1	-	-	-
поручик/сотник	13	8	2	-	1	-	1	1	-
подпоручик/хорунжий	22	12	10	-	-	-	-	-	-
всего	56	27	18	1	2	2	1	3	1
в процентах	100 %	48 %	32 %	2 %	3%	3 %	2%	5 %	2%

Что касается других бригад, то количество выпускников ПК в них не превышало 20%. Выявленные статистические данные демонстрируют значи-

[1] Потоцкий П. Указ. соч. С. 397-399.
[2] Источник: Таблица составлена на основе Потоцкий П. Указ. соч. С.397-399.

тельную группу генеральских детей, что косвенно указывает на рост популярности гв. конной артиллерии в среде военной элиты.

Таким образом, путь в гв. офицеры-артиллеристы являлся типичным и выглядел следующим образом: кадетский корпус, затем - МАУ или КАУ (в отдельных случаях обучение в ПК).

Курс МАУ был крайне интенсивным, что является косвенным подтверждением «особого характера» артиллерийского образования. Так, офицер л.-гв. 6-й Донской артиллерийской батареи начала XX в. Э.Э. Шляхтин (в последующем, с 1913 г., полковник ГШ; в указанном статусе начал службу в Киевском ВО) отмечал: «Курс артиллерийского училища был обширный и серьезный. Перечислю вкратце, насколько помню: ежедневная математика во всех ее видах, дифференциальное и интегральное исчисление, механика, физика с высшей математикой, химия органическая, неорганическая и взрывчатые вещества, огромный курс артиллерии, начиная с допотопных времен, и потом, как бесплатное приложение, уйма второстепенных предметов: русский и один из иностранных языков, тактика, фортификация, «проэкционное черчение», топография, закон Божий (история церкви). Кроме того, много занятий практических в академических лабораториях по химии и физике. Строевые занятия: пеший строй, верховая езда и езда в орудиях, учение при орудиях, изучение материальной части скорострельных орудий 3-дюймовых, образца 1900 и 1902 г., а также уходящего в отставку поршневого орудия, уставы, правила стрельбы… Ходить в отпуск нам было просто некогда».[1]

В МАУ был очень жесткий отсев юнкеров «слабых по математике» в силу того, что именно математика составляла краеугольный камень артиллерийской науки. Отсеивание в другие училища (пехотные и кавалерийские) из МАУ приходилось на начало декабря. По этой причине «забракованных» юнкеров называли «декабристами».[2] Курс Э.Э. Шляхтина состоял приблизительно из 150 юнкеров, разбитых на 5 отделений по 30 человек. Курс был

[1] Шляхтин Э.Э., полковник. Михайловское Артиллерийское Училище. // http: // lepassemilitaire.ru / mixajlovskoe-artillerijskoe-uchilishhe-polkovnik-shlyaxtin /

[2] Там же.

разбит на 2-е батареи: 1-я в составе 2-х и 2-я в составе 3-х отделений. Другой «артиллерист», Д. Лешков, обучавшийся во 2-м КАУ в 1902-1903 гг., также отмечал высокую интенсивность занятий по математике (6 часов в неделю[1]) особенно на 1-м курсе. Освоение учебного курса сводилось к ежедневным 4-хчасовым лекциям и системе репетиций (1 репетиция в неделю или 3 в две недели). Кроме этого, были постоянные строевые занятия, которые включали в себя верховую езду, матчасть орудий, приемы при орудиях, пристрелку и гимнастику.[2]

Распределение вакансий в гв. для МАУ и 2-го КАУ находились в полной компетенции сначала г.-фельдцейхмейстера, а затем его сына г.-инспектора артиллерии в. к. Сергея Михайловича. Производство юнкеров не отличалось особой торжественностью и носило характер закрытой узковедомственной процедуры. Распределение вакансий, как правило, было связано со *степенью «именитости»* юнкера (титул; воинское звание отца (или гражданское: в л.-гв. 2-й артиллерийской Е.И.В. бригаде к началу XX в. прослеживался значительный процент детей гражданских чиновников); в отдельных случаях славное прошлое предков; принадлежность предков к гв. артиллерии) и, как следствие, согласием офицеров гв. артиллерийских частей видеть его в своей «бригадной семье». Далее шел *выпускной балл*. И, наконец, *желание (личные амбиции)* новоиспеченного офицера.

В силу сложности процедуры «выхода» в гв. части о юнкерах, получивших такое право, было известно заранее. Так, А. Космодель писал: «Для нас, старшего класса, приближалось важнейшее в юнкерской жизни событие - разборка вакансий. Мы заранее получили подробные списки с баллами по отдельным предметам и с окончательным средним баллом, определяющим

[1] На артиллерию, тактику и механику отводилось по 4 часа; на химию – 2; на иностранные языки – 1. Примечательно то, что, в отличие от пехотных училищ, на богословие отводился всего 1 час.
[2] Лешков Д.И. Партер и карцер. Воспоминания офицера и театрала. М., 2004. С.87.

старшинство каждого юнкера и его порядковый номер на разборке. Уже было известно, кто принят в гвардию и кто претендует на конные батареи».[1]

Общим правилом было то, что новоиспеченные офицеры никогда не выходили в гв. артиллерию сразу после училища. Они производились в армейскую артиллерию с прикомандированием к гв. батареям «на предмет испытания для перевода впоследствии» сроком на год.[2] Так, в 1900 г. в л.-гв. 3-й артиллерийской бригаде числилось 9 прикомандированных «на предмет испытания» подпоручиков.[3] В л.-гв. 2-й артиллерийской Е.И.В. бригаде в 1910 г. числилось 6 (23, 45-й, Гренадерской, Забайкальского казачьего артиллерийского дивизиона и полевой пешей артиллерии), а в 1913 г. – 8 (2, 24, 30, 37, 49-й артиллерийских бригад и полевой легкой артиллерии) подпоручиков.[4] Особенностью л.-гв. Конно-гвардейской бригады являлось еще и то, что при выходе в ее состав офицер должен был иметь две собственные «верховые» лошади.

Определенная, в целом весьма незначительная, группа гв. артиллеристов старалась получить высшее военное образование. В данном случае обычным явлением было обучение в МАА, реже - в НАГШ. Кроме этого, часть офицеров получила последующее образование в ОАШ (статистика об офицерах л.-гв. 2-й[5] и 3-й[6] артиллерийских бригад, окончивших ОАШ, была приведена в приложении 54 (см.: приложение 54)[7]).

Выявленную тенденцию можно проследить на основе сводной таблицы, представленной в приложении 55 (см.: приложение 55). Анализ таблицы позволяет утверждать, что при очевидном перевесе обучавшихся в НАГШ офицеров л.-гв. 2-й артиллерийской бригады над офицерами, окончившими МАА, прослеживается «катастрофическое невезение» представителей первой

[1] Космодель А. Воспоминания о последнем трехгодичном выпуске Константиновцев-Артиллеристов. // http: // lepassemilitaire.ru / vospominaniya-o-poslednem-trexgodichnom-vypuske-konstantinovcev-artilleristov-aleksandr-kosmodel /

[2] Шляхтин Э.Э. Михайловское артиллерийское училище. // http: // lepassemilitaire.ru/mixajlovskoe-artillerijskoe-uchilishhe-okonch-polkovnik-shlyaxtin /

[3] РГВИА. Ф. 3672. Оп. 1. Д. 5

[4] РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1. Д. 11; Д. 19.

[5] 8 чел., или 13 % в 1910 и 7 чел., или 11% в 1913 гг.

[6] 8 чел., или 10 % в 1900 г.

[7] На указанном отрезке времени окончание ОАШ стало обязательной процедурой.

группы. По статистике 1910 г. 5 из 11 офицеров, обучавшихся в НАГШ, закончили ее по 2 разряду и, как следствие, к ГШ причислены не были. Более того, на 1913 г. 4 из них было «на лицо» в составе батареи. Примечателен тот факт, что 4 из указанной группы были генеральскими детьми и прошли обучение в ПК.[1] В л.-гв. 1-ой артиллерийской Е.И.В. батарее образца 1896 г. из 6 офицеров двое также окончили НАГШ по 2 разряду.[2] В свою очередь в л.-гв. 3-й артиллерийской Е.И.В. батарее подобных «сбоев» не было. Правда, курс академии с «дополнительным курсом» (по 1 разряду) закончил только один офицер - штабс-капитан В.П. Никольский.[3]

Следует отметить, что к эпохе Николая II обучение в НАГШ и успешное ее окончание давало значительные преференции в последующей военной карьере. В этом плане офицеры гв. артиллерии, закончившие МАА или «завалившие» обучение (окончившие по 2 разряду) в НАГШ (и как следствие возвратившиеся в свои части), имели меньшие возможности быть инкорпорированными в высшие слои военной и военно-административной элиты Российской империи и делали последующую карьеру преимущественно на «артиллерийском поприще». Отношение офицеров-артиллеристов к поступлению и обучению в МАА[4] было во многом противоречиво вплоть до очевидно *негативных* оценок данного ВУЗа. Так, уже упоминавшийся нами Шляхтин, мучительно выбирая между МАА и НАГШ, пришел к выводу, что артиллерийская академия (после тяжелых трудов для ее преодоления) может дать ему либо «службу на пороховых или других заводах», либо «преподавание математики, химии, физики»[5] Как следствие, офицер поступил в НАГШ, где «и предметы были веселые» (а в МАА в основном математические науки), и «поле деятельности более широкое»[6];

---

[1] РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1. Д. 19.
[2] Потоцкий П. Указ. соч. С. 390-393.
[3] РГВИА. Ф. 3672 Оп. 1. Д. 5. Л. 15.
[4] Поступать можно было уже после 2 лет «службы в строю», гвардейцы при этом имели преимущество и при поступлении. В НАГШ можно было поступать только после 3 лет службы «в строю».
[5] Шляхтин Э.Э. 6-я Лб. Гв. Донская Казачья Его Величества батарея Лб. Гв. Конной Артиллерии (Продолжение, №103). // http: // lepassemilitaire.ru / 6-ya-lb-gv-donskaya-kazachya-ego-velichestva-batareya-lb-gv-konnoj-artillerii-prodolzhenie-103-e-e-shlyaxtin /
[6] Там же.

4)*семейное положение* гв. артиллеристов было типичным для всех офицеров столичных полков российской императорской гв. и во многом обусловлено карьерным ростом и, как следствие, жалованием офицера, а также дополнительными источниками дохода (в первую очередь землевладением). Таким образом, число браков возрастало, как правило, на карьерном отрезке «капитан-полковник». Данная тенденция была типична для всех частей гв. артиллерии без исключения. Примечательно и то, что «ранний брак» считался не просто признаком дурного тона, но и вступал в противоречие с традициями отдельных частей. В отдельных случаях «пылко влюбленные» юноши даже вынуждены были переводится в армейские части.

Типичную для гв. артиллерии статистику демонстрирует таблицы №№ 30, 31 (см. таб. 30, 31).

Таблица № 30

Семейное положение офицеров л.-гв. 2-й арт. бригады в 1900 г. [1]

	женат	наличие детей	холост
полковники	5	3	4
капитаны	7	5	7
шт.-капитаны	6	1	10
поручики	3	1	10
подпоручики	-	-	8
ВСЕГО	21	10	39

Таблица № 31

Семейное положение офицеров л.-гв. 3-й арт. бригады в 1900 г. [2]

	женат	наличие детей	холост
полковники	9	10 (один вдов)	5
капитаны	8	3	7
шт.-капитаны	3	-	19
поручики	1	-	7
подпоручики	2	-	21
ВСЕГО	23	13	59

[1] РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1. Д. 11.
[2] РГВИА. Ф. 3672. Оп. 1. Д. 5.

5)в психо-ментальном плане в основной своей массе гв. артиллеристы указанного отрезка времени были монархистами с достаточно высокой степенью индифферентности к политическим процессам конца XIX - 1-го десятилетия XX вв. Важную структуру сознания составляли убеждения, опирающиеся на принципы христианской православной аксиологии (группа офицеров, исповедующих православие, была превалирующей).

Проходивший обучение в 1889-1892 гг. в МАУ полковник югославской армии Р.Ф. Бойович (по прибытии в Россию был прикомандирован к 5 батарее Гв. Конно-артиллерийской бригады) обратил внимание на ряд особенностей и даже «странностей» в поведении русских офицеров-артиллеристов. Он писал: «Русские офицеры много богомольнее, чем мы. Во время службы они, вдруг, все одновременно опускались на колени; у нас, сербов, это не было в обычае и в первый момент я не знал – что делать, но быстро нашелся и стал на колени, чтобы не бросаться в глаза, но в один из моментов некоторые офицеры стали делать земные поклоны и я опять был в недоумении, но быстро решил этого не делать, так как и некоторые русские офицеры земных поклонов не делали».[1] С другой стороны, он отмечал определенный формализм и «прохладное» отношение к выполнению своих обязанностей, характерные для русских священнослужителей, *служивших* при Академии.[2]

Представители рассматриваемой группы были «технарями» (Э.Э. Шляхтин называл свих сослуживцев «скромными математиками-артиллеристами» в «скромной артиллерийской форме»[3]) и практиками, что серьезно снижало высокие экзистенциальные горизонты, систему сложных переживаний и рефлексий, типичных для офицеров более утонченных «аристократических частей» гв., например, кавалергардов или гвардейских гусар Его Величества. Визитной карточкой гв. артиллерии были «дистанция» и «уважение» к старшим по званию, что отчасти было обусловлено тем, что

[1] Бойович Р.Ф. В Академии. (1889-1892). // Михайловцы. Сборник воспоминаний о Михайловском Артиллерийском училище и Академии и их питомцах. Выпуск 2. Белград-Югославия, 1937. С. 142.
[2] Там же.
[3] Шляхтин Э.Э. полковник. Михайловское артиллерийское училище. // http: // lepassemilitaire.ru / mixajlovskoe-artillerijskoe-uchilishhe-okonch-polkovnik-shlyaxtin /

«случайные люди» в артиллерию не попадали. Уже упоминавшийся Э.Э. Шляхтин отмечал: «В батарее, как и вообще в Лейб-гвардии конной артиллерии существовало строгое чинопочитание».[1]

В контексте вышесказанного целесообразно провести сравнительный анализ подготовки и качества российской артиллерии и артиллерии нашего основного союзника - французов (в нашем случае российской гв. артиллерии; как уже отмечалось, во французской армии гв. артиллерии не было). В журнале «Артиллерийский вестник» за 1.10.1934 г. (№ 13) приводится оценка французских артиллеристов лагеря Мальи в 1913 г. В частности отмечается, что «офицерский состав однороден по образованию: воспитанники политехнической школы. Возраст майоров, командиров групп, не старше 50 лет, капитанов, - командиров батарей не старше 40 лет. Почти все сухие, подвижные, крепкие... Взаимные отношения простые, но чинопочитание выражено ярко и не только на службе, где младшие офицеры тянуться перед капитанами и вместе с ними перед штаб-офицерами, но и вне службы».[2] Дистанция между старшими и младшими офицерами в отличие от российской артиллерии была особенно заметна в столовой офицерского собрания, где образовывалось 3 группы офицеров: штаб-офицеры, капитаны и младшие офицеры, сидящие за отдельными столами. Указанные группы сохранялись, соблюдая дистанцию между собой, за кофе, пивом, картами.[3]

Особое впечатление на русских офицеров произвело поведение нижних чинов. Отмечалось следующее: «В присутствии офицеров держаться довольно свободно: режет глаза и куренье, особенно при исполнении служебных обязанностей. На одной из стрельб я видел телефониста, который между затяжками, не вынимая трубки изо рта, передавал команды командира батареи. Однако, эта, на наш взгляд, распущенность, по-видимому, в порядке вещей; она никого не волнует».[4] Вместе с тем наблюдатели дают высокую оценку

---

[1] Там же.
[2] О французской артиллерии в 1913 г. // Артиллерийский вестник. Орган связи всех русских артиллеристов за рубежом. №13 (№46). Белград: Издание центрального правления. 1 октября 1934 г. С. 20.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 21.

профессионализму французских артиллеристов («работают хорошо», «выгодное впечатление производят фейерверкеры»).

За исключением отдельных параметров, связанных с климатическими и этнокультурными особенностями, между российской гв. и французской полевой артиллериями прослеживался ряд идентичных черт (в первую очередь в области боевой учебы и профессионального роста).

Таким образом, наряду с казачьей, гв. артиллерия выступала как обособленная часть императорской гв. Несмотря на очевидную опеку гв. артиллерии со стороны императорской фамилии, прослеживающуюся на всем протяжении XIX в., степень инкорпорированности гв. артиллерийского генералитета в военно-политическую элиту была крайне низкой. Думается, что данное явление можно объяснить:

- с одной стороны, узкоспецифическим характером подготовки гв. артиллеристов, формирующей особый стиль мышления. Несложно заметить, что крайне низкий процент офицеров гв. артиллерийских частей заканчивал НАГШ, в силу того что указанный род войск имел свое высшее военное заведение: МАА. Как следствие, весьма незначительный процент гв.-артиллеристов оказался причислен к ГШ, что к началу XX в. (особенно после русско-японской войны, что во многом связано с деятельностью ГКО) постепенно становилось *решающим фактором* для успешной военной карьеры;

- с другой стороны, гв. артиллеристы были обособленны в относительно закрытую «вотчину» г.-фельдцейхмейстера. В конечном итоге характер подчинения и переподчинения гв. артиллерии отдельным ведомствам и персонам имел очевидно запутанный характер. Эта ситуация усугублялась тем, что на рубеже веков эту должность занимал единственный «действующий» г.-фельдмаршал, имевший весьма специфическое и ревностное представление о верности и приближавший наиболее «симпатичных» генералов к себе, чем отчасти мешал им сделать успешную карьеру;

- наконец, длительным периодом пребывания артиллерии в качестве рода войск, имеющего репутацию «замарашки». При всей очевидной пре-

стижности службы в л.-гв. Конно-артиллерийской бригаде ее нельзя было сравнить с сулящий стремительный карьерный взлет службой в очевидно «аристократических» гв. полках. В этом плане гв. артиллерия «уступала» даже полкам 2-й ГПД.

- следует также отметить, что статистический анализ позволяет отстаивать аргумент о том, что наиболее престижным артиллерийским формированием являлась Гв. Конно-Артиллерийская бригада.

3.4.Гвардейские стрелки как особое «Царево войско»

В соответствии со «Справочной книжкой для офицеров» 1902 г. стрелковые части российской императорской линейной пехоты включали в себя 24 стрелковые бригады (гвардейские, 5 армейских, 2 Финляндские, 2 Кавказские, 8 Туркестанских, 6 Восточно-Сибирских). Армейские, Финляндские и Восточно-Сибирские состояли из 4 полков по 2 батальона. Остальные включали по 4 отдельных батальона (всего 148 батальонов, каждый по 4 роты).[1] К 1913 г., по оценкам британского военного ведомства, стрелковые части Российской империи включали в себя уже 110 регулярных стрелковых полков и подразделений: 4 гвардейских; 20 стрелковых 1-ой - 5-ой стрелковых бригад; 12 финляндских стрелковых 1-ой – 3-ей Финляндских стрелковых бригад; 8 Кавказских стрелковых 1-ой и 2-ой Кавказских стрелковых бригад, 22 Туркестанских стрелковых[2] и 44 сибирских стрелковых полка.[3]

Гвардейская Стрелковая бригада была сформирована в 1870-1874 гг. из уже действующих стрелковых батальонов гв. пехотных дивизий, образованных на отрезке 1856-1857 гг. Как следствие батальоны получили порядковые номера с 1 по 4-й. Г.-лейтенант барон В. Штейнгель по этому поводу отмечал следующее: «В Царствование Императора Николая Павловича при Гвардей-

[1] Малинко В. и Голосов В. Указ. соч. С. 2.
[2] С 1-ой по 4-ю по 4 полка, с 5-ой по 6-ю по 3 полка в каждой.
[3] Handbook of the Russian Army (Correction published in Russian Army Orders up to the end of 1913, are included in this Edition). Six edition. General Staff. War Office, 1914. P. 44.

ском Корпусе состоял только один Л.-Гв. Финский Стрелковый батальон […] В 1856 году последовало общее переформирование Стрелковых батальонов и учреждены: для Гвардии 4 […] В 1870 г. все Стрелковые батальоны были сведены в особые Стрелковые (4-х батальонные) бригады: Гвардейскую, 5 Армейских, Кавказскую и Туркестанскую, причем 2 батальона сформированы вновь».[1] В соответствии со штатным расписанием в л.-гв. Стрелковом Е.И.В., л.-гв. стрелковом Царскосельском и л.-гв. Стрелковом Императорской Фамилии батальонах числилось по 25 офицеров (при 5 классных чиновниках) и по 755 строевых нижних чинов (в военное время 1055). По штатному расписанию 1864-1869 гг. число офицеров в 1-ом батальоне составляло 26, во 2 и 3-ем по 22 (при общем для всех батальонов числе классных чиновников 3 человека). А нижних чинов в 1 батальоне – 863, во 2 – 679, в 3 – 527.[2]

Во главе вновь образованного воинского соединения был поставлен третий сын императора Александра II, в. к. Владимир Александрович[3] (10.01.1873 г. в. к. был зачислен в л.-гв. 1-й Стрелковый Е. В. батальон «с оставлением в прежних должностях и звании»[4]).

Общее представление об особенностях эволюции гв. стрелковых батальонов с момента их возникновения дает приложение 58 (см.: приложение 58).

К началу июня 1910 г. Гв. Стрелковая бригада включала в себя: л.-гв. 1-й Стрелковый Е. В., л.-гв. 2-й Стрелковый Царскосельский, л.-гв. 3-й Стрелковый Е. В. и л.-гв. 4-й Стрелковый Императорской Фамилии полки.

Представление о структуре и штатном расписании стрелковой бригады на начало 1913 г. дает таблица № 32 (см. таб. 32).

Таблица № 32

Общая структура и штатное расписание стрелковой бригады в 1913 г.

	Офи	Клас-	Рядовых			Ло	Ору-	Пово
	це-	сных	стро-	не-	всего	ша-	дий	во-

[1] Императорская Российская Гвардия. 1700-1878. Хронологические таблицы. СПб., 1878. С. 242.
[2] Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1855-1918. М., 1998. С. 218-219, 224-225.
[3] РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 4. Л.55 (Послужной список Е.И.В. Государя в. к. Владимира Александровича).
[4] Там же. Л. 56.

	ров	чинов нов-ников	евых	стро-евых		дей	и пу-пуле леме ме-тов	зок
Штаб	3	1	-	12	12	4	-	2
4 стрелковых полка по 2 ба-тальона	140	20	7668	384	8052	548	32	236
1 стрелковый артиллерий-ский дивизион	21	2	724	88	812	701	24	83
1 стрелковый артиллерий-ский парк	4	1	257	24	281	333	-	85
Учебная ко-манда	1	7	-	337	337	295	-	116
Всего	169	31	8649	845	9494	188 1	-	522

Источники: Handbook of the Russian Army (Correction published in Russian Army Orders up to the end of 1913, are included in this Edition). Six edition. General Staff. War Office, 1914. P.265.

Совокупная огневая мощь бригады составляла: 7080 винтовок, 24 орудия, 32 пулемета.[1]

Общее представление о штатном расписании 1-го и 2-го л.-гв. Стрелковых батальонов к февралю 1899 г. дают таблицы №42[2], 43[3] (см. таб. 33, 34)

Таблица № 33

Штатное расписание л.-гв. 1-го Стрелкового Е.В. батальона (по 28.02.1899 г.)

	кл. чин., свящ.	генералов	полковников	п/п-к	капитанов	шт.-к.	поручиков	подпор.	итого
По штату	15	-	2	-	2	3	12		19
По списку	5	8	2	-	4	3	9	5	31

[1] Handbook of the Russian Army (Correction published in Russian Army Orders up to the end of 1913, are included in this Edition). Six edition. General Staff. War Office, 1914. P. 265.
[2] РГВИА. Ф. 2587. Оп. II. Ед. хр. 154. Л. 16.
[3] РГВИА. Ф. 2588. Оп. 2. Д. 238. Л. 15.

Православ-ных	3	7	2	-	3	3	8	4	27
Католиков	2	-	-	-	-	-	-	-	-
Лютеран, протестантов	-	1	-	-	1	-	1	2	5
Прикоманди-рованных	-	-	-	-	-	-	-	1	-
Не занимаю-щих вакансий	-	7	1	-	2	-	2	-	12

Источник: РГВИА. Ф. 2587. Оп. II. Ед. хр. 154. Л. 16.

Таблица № 34

Штатное расписание л.-гв. 2-го Стрелкового батальона (по 28.02.1899 г.)

	генералов	полковников	п/п-к	капитанов	шт.-к.	поручиков	подпор.	итого	кл. чин., свящ.
По штату (Пр. по ВВ 1885 г., №243)	-	2	-	2	3	12		19	6
По списку (по 1 февраля)	4	1	1	3	6	11	2	28	6
Сверхкомплекта	1	-	-	-	-	-	-	1	-
Недостает	-	-	-	-	-	-	1	1	-
Православных	3	-	-	3	6	10	3	25	5
Католиков	-	-	1	-	-	-	-	1	-
Лютеран	1	1	-	-	-	-	-	2	-
Армян	-	-	-	-	-	1	-	1	-

Источник: РГВИА. Ф. 2588. Оп. 2. Д. 238. Л. 15.

Анализ таблиц позволяет сделать вывод о том, что к началу 1899 г. в гв. Стрелковых батальонах имелся значительный сверхкомплект офицеров, как впрочем в подавляющей части гв. пехотных полков. В случае с л.-гв. 1-м и 2-м Стрелковыми батальонами реальное количество офицеров превышало штат в полтора раза. При этом «сверхкомплект» наблюдался по всем группам офицеров рассматриваемых боевых единиц. К началу Первой мировой войны гв. стрелковый полк включал в себя: два батальона по 4 роты; пулеметную

команду, укомплектованную 8 пулеметами; команды пеших и конных разведчиков; команду самокатчиков и команду связи.[1]

Следует отметить, что в Гв. Стрелковой бригаде была «особая часть», л.-гв. 4-й Стрелковый Императорской Фамилии батальон/полк, находящаяся в исключительных условиях. «Особый характер» этой части состоял в том, что он финансировался из «удельных средств», отпускаемых на императорскую фамилию. Указанная часть была образована Высочайшим повелением 25.10.1854 г. на время войны из удельных крестьян «преимущественно Новгородской, Архангельской и Вологодской губерний». Повелевалось именовать ее Стрелковым полком Императорской Фамилии и «содержать его за счет сумм удельного ведомства, в составе 3-х батальонов». При этом особо подчеркивалось, что «Полковые и батальонные Командиры, младшие Штаб-Офицеры и ротные командиры назначались из строевых войск самые благонадежные и твердо знающие свое дело».[2] В свою очередь 1.10.1856 г. он был переформирован в л.-гв. Стрелковый Императорской Фамилии батальон на правах «молодой гвардии» и включен в состав 2-й гв. дивизии как «особый Стрелковый батальон». Наконец, 31.08.1870 г. данная часть была отчислена в особую Гв. Стрелковую бригаду. Свое окончательное название, л.-гв. 4-й Стрелковый Императорской Фамилии батальон он получил 20.08.1871 г. Права «старой гвардии» батальон получил только 30.08.1884 г. Примечательно, что в батальоне числились фактически все великие князья, а также князья и герцоги Лейхтенбергские и принцы Ольденбургские. Шефами батальона были Николай I, Александр II, Александр III и Николай II. Шефами 2 и 3-й рот с 1905 г. также являлись великие князья Константин Константинович и Николай Николаевич-младший соответственно.[3]

В соответствии с «Учреждением…» от 2.07.1886 г. расходы на содержание указанной части относились к «расходам на общие для Императорской

[1] Бенуа Г. Сорок лет в разлуке. // Простор. Изд. ЦК КП Казахстана, 1967. № 9. С.75.
[2] 2-е Полное Собрание Законов Российской Империи. Т.XXX. № 29813.
[3] Императорская Гвардия. Издание 2-е исправленное и дополненное. Под редакцией В.К. Шенка. СПб., 1910. С. 104-105.

Фамилии надобности». Данные расходы проходили по статье: «На Императорскую Петергофскую гранильную фабрику, на содержание Л.-гв. Стрелкового Императорской Фамилии батальона, на содержание Императорской охоты и на прочие разные предметы, не указанные в Высочайших повелениях» и в XIX в. составили 6175632 руб.[1] Причем, средние показатели затрат собственно на батальон/полк составляли 2,33% об общих затрат.[2] Денежные суммы на содержание указанной части стали выделяться с 1858 г. и до 1867 г., постепенно увеличивались с 57051 руб. до 64164 руб. С 1867 г. на содержание батальона ежегодно выделялось 60000 руб.[3]

Основные индексы офицерского корпуса л.-гв. 1 и 2-го стрелковых батальонов показывают то, что к 1899 г. в указанных полках все офицеры являлись дворянами.

В конфессиональном плане в л.-гв. 1-ом Стрелковом Е. В. батальоне (в данном случае из статистических данных исключена группа генералов) 20 чел. из 23 исповедовали христианство (то есть 87%), а 3, то есть 13%, являлись протестантами (в данном случае все лютеране).[4] В л.-гв. 2-м Стрелковом батальоне 21 офицер из 24 являлся православным (то есть 88%), 1 католиком (полковник К.И. Солини, уроженец С.-Петербурга), 1 протестантом (полковник О.А. Геннигс: лютеранин, остзеец, уроженец Лифляндской губ.) и 1 принадлежал к армяно-григорианской церкви (поручик Г.В. Ахвердов, уроженец Тифлисской губ.).[5] Таким образом, к началу XX в. *православная группа* в указанных гв. подразделениях являлась превалирующей.

Анализ полученного офицерами образования позволяет утверждать, что подавляющий процент гв. стрелков образца 1899 г. из 1-го и 2-го батальонов оканчивал ПК и 3 основных пехотных офицерских училища: Павловское, Константиновское и Александровское. В л.-гв. 1-м Стрелковом Е. В. ба-

[1] Статистический очерк расходов из удельных сумм на Императорскую Фамилию в столетний период. 1797-1898. Типография Главного Управления уделов, 1898 (1 цветная вкладки с генеалогической таблицей). С.15.
[2] Там же. С. 16.
[3] Там же. С. 47-49.
[4] РГВИА. Ф. 2587. Оп. II. Ед. хр. 154: капитан В.Э. Паландер, поручик О.В. Гольмберг, уроженцы Великого княжества Финляндского и подпоручик Г.Г. Грундт, уроженец Выборгской губ.
[5] РГВИА. Ф. 2588. Оп. 2. Д. 238.

тальоне: ПК – 6 офицеров[1] из 23 (то есть 26%), ПВУ – 5 (22%), КВУ и АВУ по 4 офицера (по 17%). Вместе указанная группа составляла 78%. Кроме этого, 2 офицера окончили Финляндский кадетский корпус и один Николаевское училище правоведения.[2]

Примечательно, что в 1910 г. число офицеров-выпускников ПВУ в л.-гв. 1-м Стрелковом Е. В. п. увеличилось до 13 чел. (46%) при общей численности 28 чел. (без учета 5 генералов, числящихся в полку, но «не занимающих вакансий»). Вторую по численности группу составили выпускники АВУ: 6 офицеров (21%). Число «пажей» составило 4 чел. (14%). Всего данная группа составила 82%.[3] Интересной особенностью офицеров л.-гв. 1-го стрелкового Его Величества батальона/полка является то, что в его рядах ни в 1899, ни в 1910 гг. ни один офицер не обучался в НАГШ.

В л.-гв. 2-м Стрелковом батальоне: 1 офицер, полковник В.Ф. Ганскау, из 24 окончил ПК: (4%), 8 – Павловское (33%), 5 – Александровское (21%), 9 – Константиновское (37%) военные и 1 – Михайловское артиллерийское (4%) училища.[4] В указанном воинском подразделении 2 офицер, штабс-капитаны А.П. Буковский и А.М. Григоров, окончили НАГШ по 1 разряду.[5]

Такие показатели, как брачные отношения и наличие детей дают типичную картину для подавляющей части пехотных полков императорской гвардии.

В л.-гв. 1-м Стрелковом Его Величества батальоне в 1899 г. из 23 офицеров 10 чел. были женаты (43%). Наибольший процент холостых прослеживался на отрезке «подпоручик – штабс-капитан»: 11 чел., то есть 48%. В категории женатых офицеров детей имели 7 чел.[6] Трое из указанной группы офицеров имели по 3 ребенка. В 1910 г. число женатых сократилось до 8 чел. из 28 офицеров (то есть 28%), при этом детей имело только 2 офицера в чине

[1] Поручики: С.С. Тишин, П.А. Рейтерн-II, Н.Э. Зволянский; подпоручики: Д.Ф. Ганскау, Г.Г. Грундт, Г.Г. Рогуля.
[2] РГВИА. Ф. 2587. Оп. II. Ед. хр. 154.
[3] РГВИА. Ф. 2587. Оп. II. Д. 169.
[4] РГВИА. Ф. 2588. Оп. 2. Д. 238.
[5] Там же. Л. 5, 7.
[6] РГВИА. Ф. 2587. Оп. II. Ед. хр. 154.

капитана.[1] В л.-гв. 2-м Стрелковом батальоне в 1899 г. было выявлено 12 женатых офицеров из 24, то есть ровно половина. Детей имели 11 чел.[2] Больше всего детей имели капитан А.М. Малиновский – 5 (3 сына, 2 дочери) и штабс-капитан А.Н. Федоров – 4 сына.

Следует отметить, что гв. стрелки отличались особым отношением к использованию личного состава. В «гв. стрелках», как правило, служили «образцовые офицеры», имеющие безупречную аттестацию, причем традиция эта велась еще со времен Александра III, при котором стрелки пользовались особым расположением и покровительством как элемент аутентичного «русского духа», который император пытался привнести в армию. К началу XX в. данные аттестации прилагались к Спискам офицеров по старшинству (это можно проследить на примере л.-гв. 1-го и 2-го Стрелковых батальонов). В целом данные аттестации носили однотипный характер, демонстрируя офицеров полка как *гомогенную,* безупречную во всех отношениях, высокопрофессиональную группу. Чаще всего в аттестациях употреблялась следующая формула: 1)«отличный» или «хороший», в отношении нравственных качеств (1-я графа); 2)в служебном отношении («способность и подготовка для командования ротою или соответственной частью»): «способный, старательный и исполнительный», или шла собственно оценка командных и хозяйственных качеств: «ротой командует хорошо», «заведует хозяйством отлично»; в случае младших офицеров давалась рекомендация: «к командованию ротой вполне подготовлен» или «к командованию ротой способен», при этом в отдельных случаях указывалось, что «способен, но еще не вполне подготовлен» (подпоручики л.-гв. 2-го Стрелкового батальона А.Ф. Катыбаев и Л.И. Савченко-Маценко[3]). Если офицер исполнял особые обязанности и поручения, ему давалась аттестация, например, как «отличному адъютанту» (поручик л.-гв. 2-го Стрелкового батальона Д.К. Седергольм)[4] (2-я графа);

[1] РГВИА. Ф. 2587. Оп. II. Д. 169.
[2] РГВИА. Ф. 2588. Оп. 2. Д. 238
[3] Там же. Л. 11.
[4] Там же. Л. 8.

3)общее заключение о качествах (давалась «по 4 степеням: выдающийся, хороший, удовлетворительный, неудовлетворительный»): в подавляющей части аттестаций указывалось «хороший»[1] (3-я графа). В отдельных гв. стрелковых батальонах, в первую очередь в л.-гв. 2-ом Стрелковом Е. В., существовала значительная группа офицеров, выполнявших отдельные «особые» поручения, что делало их карьеру в целом нетипичной. Так, полковник К.И. Солини являлся полицмейстером Кремлевских дворцов и дворцовых зданий в г. Москве, а с 18.02.1904 г. – помощник начальника Варшавского дворцового управления. Капитан В.Ф. Ганскау являлся старшим адъютантом при управлении Гв. стрелковой бригады. Штабс-капитан И.А. Добровольский с 18.02.1904 г. выполнял обязанности смотрителя Императорского Зимнего Дворца. Поручик Г.В. Ахвердов с 1906 г. заведовал хозяйством Императорской охоты. Кроме этого, два офицера (штабс-капитаны А.Н. Федоров и В.А. Борейша) находились в постоянной командировке в ПВУ, один офицер, поручик Н.А. Рыдзаевкий, - в постоянной командировке при Штабе войск Гв. и СПб. ВО и еще один, поручик С.В. Остроменецкий, - в постоянной командировке при Главном Штабе.[2]

В л.-гв. 1-ом Стрелковом Е. В. п. образца 1899 г. полковник С.М. Чечурин являлся с 1896 г. старшим адъютантом Штаба войск Гв. и СПб. ВО, а поручик П.А. Рейтерн-II - адъютантом у помощника шефов жандармов. Капитан М.Д. Ходнев находился в постоянной командировке при АВУ.[3] В 1910 г. капитан указанной части С.Н. Ильин являлся управляющим Двором Ее И. Выс. в. к. Ольги Александровны и Его Выс. Принца П.А. Ольденбургского. Штабс-капитан И.Г. Рогуля с 1904 г. выполнял обязанности старшего адъютанта Управляющего Гв. Стрелковой бригады.[4]

Что касается боевого опыта офицеров гв. стрелковых частей, то следует отметить, что в л.-гв. 1-ом Стрелковом Е. В. батальоне состава 1899 г. 3 офи-

---

[1] Там же.
[2] РГВИА. Ф. 2588. Оп. 2. Д. 238. Л. 4, 6, 7, 8.
[3] РГВИА. Ф. 2587. Оп. II. Ед. хр.154. Л. 6, 7, 11.
[4] РГВИА. Ф. 2587. Оп. II. Д. 169. Л. 7, 8.

цера (исключая группу генералов) имели опыт кампании 1877-1878 гг.: полковник Ф.Н. Генюк, капитаны М.Д. Ходнев и М.Н. Дмитриевский.[1] В л.-гв. 2-м Стрелковом батальоне также 4 офицера (полковники О.А. Геннигс (был контужен гранатой в голову и причислен ко «2-му классу раненых»[2]), К.И. Солини и капитаны В.Г. Семенов, А.М. Малиновский) имели опыт той же кампании.[3]

Если анализировать генеральную совокупность начальников л.-гв. стрелковой бригады, как элемента военной элиты империи рассматриваемого периода, то она составляла 7 офицеров в звании г.-лейтенанта (А.В. Эллис – 1877-1888; князь Н.Н. Оболенский – 1888-1889; О.-Ф.К. Гриппенберг – 1889-1897; А.А. Евреинов – 1898-1901; Л.В. Леш – 1908-1910; А.А. Ресин – 1910-1913; П.А. Дельсаль – 1913-1915[4]). По аналогии с проведенным в отношении генералитета гв. кавалерии и 3-х гв. пехотных дивизий статистическим анализом (на уровне командиров дивизий) можно отметить, что в указанной группе был всего один представитель титулованной аристократии (князь Н.Н. Оболенский[5]).

В то же время командиры л.-гв. Стрелковой бригады (и только с 1910 г. дивизии) находились «на особом положении». Его содержание достаточно четко определил генерал Н.А. Епанчин. Он отмечал: «Командиры батальонов Гвардейской стрелковой бригады имели право полковых командиров и пользовались значительной самостоятельностью, так что начальник бригады имел меньше ответственных обязанностей, чем командир полка, у которого тоже было четыре батальона, но который управлял ими всецело. Одним словом, эта должность не давала начальнику бригады никакой практики в смысле подготовки к высшему назначению».[6]

---

[1] РГВИА. Ф. 2587. Оп. II. Ед. хр. 154. Л. 6, 7.
[2] РГВИА. Ф. 2588. Оп. 2. Д. 238. Л. 3.
[3] РГВИА. Ф. 2588. Оп. 2. Д. 238. Л. 4, 5.
[4] Приведенные рядом с фамилиями даты обозначают период командования л.-гв. Стрелковой бригадой.
[5] На фигуре командующего ГК г.-адъютанте князе Н.Н. Оболенского мы подробнее останавливались в разделе, затрагивающем 1 ГПД.
[6] Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 248.

Это касалось и значительной части офицеров полка, которые только числились в его составе, а на самом деле выполняли спектр обязанностей, не связанных со службой в его рядах. В качестве примера можно привести извлечения из списочного состава л.-гв. 2-го Стрелкового батальона за февраль 1899 г.[1] Указанная информация обобщена нами в таблице, представленной в приложении 57 (см.: приложение 57).

Анализ таблицы позволяет сделать следующие выводы. В изучаемые годы в составе стрелкового батальона насчитывалось 25 офицеров (1 полковник, 1 подполковник, 3 капитана, 6 штабс-капитанов, 11 поручик, 3 подпоручик[2]). Таким образом, фактически 40% офицеров не принимали участие в жизни полка и выполняли обязанности, не имеющие отношения к выполнению своих прямых обязанностей.[3] Отдельные офицеры указанного батальона и во время 1-ой мировой войны демонстрировали удивительную профессиональную беспомощность, трагическую для свих подчиненных. Так, начальник 6-й Сибирской стрелковой дивизии (31.12.1913 г.) г.-лейтенант О.А. фон-Геннигс (между прочим, участник русско-турецкой и русско-японской войны) во время боя с германцами под Березинами 10.11.1914, испытав сильнейший нервный срыв, бросил свою дивизию и бежал в тыл. В конечном итоге «бывший гвардейский» стрелок «образца 1899 г.» (начал службу в батальоне прапорщиком в 1875 е.; командовал ротой 5 лет. 1 мес.) был найден в Скерневицком госпитале с диагнозом «нервное расстройство».[4] Извлечение из воспоминаний ген. Н.А. Епанчина отчасти характеризует степень и уровень профессионализма рассматриваемой группы офицеров. При этом следует учитывать, что на отрезке правления императоров Александра III-Николая II стрелки приобретают ореол дополнительной «особенности». Властные идеологические игры в панславизм придают данному «цареву» войску (наряду с гв. казаками) дополнительный ореол значимости, наполняемый особой

[1] РГВИА Ф. 2588. Оп. 2. Д. 238
[2] РГВИА Ф. 2588. Оп. 2. Д. 238.
[3] Там же.
[4] Там же. Л.4. Также смотри: СГС. СПб, 1914. С. 394.

спецификой a la Russe. Вместе с тем особая приближенность стрелков к престолу, как и в случае с кавалергардами и преображенцами, серьезно сказывалась на профессионализме, хотя стрелковая подготовка у гв. стрелков была действительно исключительная.

При рассмотрении *«этнонационального фактора»* нами было выявлено, что из 7 командиров бригады 6 офицеров имели православное вероисповедание; один, г.-лейтенант О.-Ф.К. Гриппенберг, исповедовал лютеранство.[1] Генеалогический анализ позволяет утверждать, что только два офицера имели выраженные «иноземные» корни: А.В. Эллис (православный по вероисповеданию), ведший свое происхождение от английских дворян, принявших в XVIII в. русское подданство, и О.-Ф.К. Гриппенберг, происходивший из дворян Великого княжества Финляндского. В отношении указанного офицера С.Н. Палеолог писал следующее: «Еще со времен Петра Великого шведы и финляндцы стали занимать в России видные места, в особенности в армии и флоте. Из финляндцев назову: командующего войсками Виленского военного округа ген. Гриппенберга…».[2] Справедливости ради следует отметить, что род баронов Гриппенбергов имел все-таки шведские корни (13.04.1866 род был внесен в число баронских родов в матрикул рыцарского дома Великого княжества Финляндского под № 48[3]). Остальные офицеры позиционировались как русские дворяне: А.А. Евреинов – Московской губ.; Л.В. Леш – Смоленской губ.; А.А. Ресин – Тверской губ.; П.А. Дельсаль – Московской губ.[4]

В отношении индикатора *«образование командиров стрелковой бригады»* можно отметить следующее. Как и в случае подавляющей части воинских частей и соединений империи, образование их офицеров и командиров было детерминировано конкретной исторической эпохой. Гв. части, несмотря на устойчивый, обусловленный сложившейся исторической традицией ха-

[1] СГС. Составлен по 1 Января 1903 г. СПб., 1903. С. 125.
[2] Палеолог С.Н. Около власти. Очерки пережитого. М., 2004. С. 42.
[3] Там же.
[4] РГВИА. Ф. 2588. Оп. 2. Д. 241. Л. 5.

рактер их комплектования, в этом плане не являлись исключением. Командиры «домилютинской эпохи», А.В. Эллис и Н.Н. Оболенский, закончили Павловский кадетский корпус и Школу гв. подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров соответственно, после чего в звании прапорщиков были выпущены в л.-гв. Семеновский (12.08.1846) и л.-гв. Преображенский (13.08.1853) полки. Что касается О.-Ф.К. Гриппенберга, то он получил «общее образование» в «частном учебном заведении», а свой первый офицерский чин прапорщика - на службе («за боевые отличия» (2.11.1855 г.)).[1] Офицер «переходной эпохи», А.А. Евреинов, закончил МАУ. Свой первый офицерский чин подпоручика получил 13.06.1862 г. Был переведен в гв., по всей видимости, в л.-гв. Измайловский полк, 19.04.1864 г. поручиком.

Оставшиеся три командира получали образование уже по «послемилютинской схеме»: А.А. Ресин - во 2-ой Московской военной гимназии (окончил в 1874 г.), а затем в ПВУ (выпущен по армейской пехоте с прикомандированием к л.-гв. Финляндскому п.); Л.В. Леш закончил «частное учебное заведение», затем НКУ и МАУ. Оба офицера окончили НАГШ, при этом А.А. Ресин по 2-му разряду.[2] П.А. Дельсаль являлся сыном г.-майора А.П. Дельсаля, члена Инженерного комитета Главного инженерного управления. С 1875 по 1881 г. генерал занимал пост заведующего Зимним Дворцом. По понятным причинам его сын был помещен в ПК, который закончил по 1 разряду в 1881 г. (выпущен 8.08.1881 г. прапорщиком[3]). Новый император сохранил «Высочайшую милость» к новоиспеченному офицеру, вследствие чего он был выпущен из камер-пажей в л.-гв. Преображенский п.[4], а 30.08.1884 пожалован званием подпоручика со старшинством 8.08.1881 г.[5] Петр Алексеевич так и не получил академического образования (был произведен в г.-майоры 6.12.1906 г.).

---

[1] СГС. СПб., 1891. С. 383.
[2] СГС. СПб., 1906. С. 1082.
[3] РГВИА. Ф. 2588. Оп. 2. Д. 241. Л. 5.
[4] История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683-1883 г. Т.IV-й. Приложения и список генералам, штаб- и обер-офицерам, служившим и числящимся Лейб-Гвардии в Преображенском полку. СПб., 1883. С. 80.
[5] РГВИА. Ф. 2588. Оп. 2. Д. 241. Л. 5.

Анализ такого индикатора, как *брачные отношения* позволяет говорить о том, что за исключением одного «холостого» генерала, А.А. Ресина[1], все остальные офицеры рассматриваемой группы к указанному периоду были женаты. Что касается наличия детей, то мы получили следующую статистику: Н.Н. Оболенский имел 4-х детей[2], О.-Ф.К. Гриппенберг – 3-х[3], А.А. Евреинов – 1-го сына[4], Л.В. Леш – 3-х сыновей[5], П.А. Дельсаль – 1-го сына (на 25.10.1907 г. – 16 лет[6]). По одному офицеру, А.В. Эллису, информации не оказалось.

Анализ материального положения командиров стрелковой бригады/дивизии получил отражение в таблице № 35 (см. таб. 35).

Таблица № 35

Размер жалования отдельных офицеров-начальников гв. стрелковой бригады/дивизий

фамилия, инициалы	командование бригада-	жалование	столовые	добавочные	особо добавочные	всего	аренда
Эллис А.В.	1877-1888	1356 р.	2100 р.	900 р.	1000 р.; 1280 р. 70 к.	6636 р. 70 к.	-
Оболенский Н.Н.	20.01.1888-11.09.1889	1356 р.	2100 р.	900 р.	-	4356 р.	1500 р. на 6 лет.[7]
Гриппенберг О.-Ф.К.	1889-1897	1356 р.	2100 р.	900 р.	1200 р.	5556 р.	2500 р.[8]
Евреинов А.А.	1898-1901	1356 р.	2100 р.	900 р.	1500 р.	5856 р.	

[1] СГС. СПб., 1906. С. 1082
[2] СГС. СПб., 1896. С. 203.
[3] Там же. С. 383.
[4] Там же. С. 468
[5] Там же. С. 1234.
[6] РГВИА. Ф. 2588. Оп. 2. Д. 241. Л. 5.
[7] Данные на 1895 г.
[8] СГС. СПб., 1906. С. 67 (1500 р. на 6 лет 1895, продлено на 4 г. 1901, прибавочная аренда по 1000 р. в год – 1903).

Особенности карьеры (отрезок от получения первого офицерского чина прапорщика/поручика до звания г.-майора) анализируемой группы офицеров представлены в таблице, помещенной нами в приложение 58 (см.: приложение 58).

Представленные в таблице статистические данные позволяют сделать вывод о том, что из 7 анализируемых офицеров 6 начинали службу в гв., причем 5 - с воинского звания прапорщика. 6 офицеров получили звания генерал-майора либо при вступлении в командование, либо уже командуя гв. полком или гв. стрелковым батальоном (4 офицера). 3 офицера, князь Н.Н. Оболенский, О.-Ф.К. Гриппенберг и П.А. Дельсаль, имели свитские звания (последовательно: флигель-адъютант – С.Е.И.В. г.-майор). В случае с О.-Ф.К. Гриппенбергом решающую роль сыграли боевые заслуги генерала. Средняя скорость карьерного роста по рассматриваемой группе офицеров составила 24,5 лет. В данном случае корректно говорить и о получении звания г.-майора, и о получении в командование гв. полка/гв. стрелкового батальона.

Определенным исключением из правила являются офицеры Л.В. Леш и А.А. Ресин. В случае с Ресиным мы можем говорить о неудачном эксперименте данного офицера с НАГШ, которую он окончил по 2-му разряду. Данный офицер длительное время занимал различные адъютантские должности. Таким образом, свой первый полк (20-й стрелковый) он получил только 8.07.1901 г. и командовал им 3 года. Гв., л.-гв. Кексгольмский п., А.А. Ресину удалось получить только 24.02.1905 г., а звание г.-майора - 6.07.1904 г., то есть спустя 28 лет после получения 1-го офицерского чина.[1] Что касается Л.В. Леша, то в данном случае мы имеем дело с офицером, получившим серьезный карьерный импульс благодаря участию в событиях русско-японской войны. Леонтий Вильгельмович вел свое происхождение от баварского рода

[1] СГС. СПб., 1906. С. 1234.

Лешей. Его отец имел чин тайного советника, а мать являлась дочерью генерала от артиллерии Ф.К. Дитерихса, возглавлявшего с 1878 по 1893 гг. ПК.[1]

Л.В. Леш окончил Тифлисскую классическую гимназию[2], а затем последовательно обучался в НКУ и на стрелковом отделении МАУ (закончил по 1 разряду)[3]. Был выпущен 7.08.1882 г. в 39-ю артиллерийскую батарею, а затем переведен в пехоту. Также, как и А.А. Ресин, Л.В. Леш окончил НАГШ по 2 разряду.[4] Генерал участвовал в ряде «дел» начала XX в. Благодаря успешной карьере боевого офицера, Леш дослужился до командования гв. соединениями. В 1908 г. генерал был отмечен особой монаршей милостью и назначен на должность начальника гв. стрелковой бригады (19.06.1908 г.), а 3.05.1910 г. стал начальником 2 ГПД. В отличие от Ресина карьера Леша была более стремительна – 23 года.

Следующим *важным индикатором* нашего анализа является наличие боевого опыта у рассматриваемой группы гв. генералов. Как уже отмечалось выше, главными показателями в данном случае являются: участие в боевых действиях и наличие боевых наград. Командиры гв. стрелковой бригады, за исключением генерала П.А. Дельсаля, имели боевой опыт, при этом пять офицеров принимали участие в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Именно за эту кампанию было получено наибольшее количество «боевых наград». В частности: генерал А.В. Эллис был награжден золотой саблей с надписью «за храбрость» и орденом св. Анны I ст. с мечами (1878 г.)[5]; генерал Н.Н. Оболенский - «золотым оружием» (1878 г.) и орденами св. Владимира III ст. с «мечами» (1878 г.) и св. Георгия IV ст. (1879 г.)[6]; генерал А.А. Евреинов - «золотым оружием» (1878 г.) и орденом св. Владимира IV ст. с «мечами и

[1] Чувардин Г.С. Пажеский корпус как элитообразующая структура Российской империи в период правления императоров Александра III – Николая II. // Научный диалог. Екатеринбург, 2012. Выпуск № 4. С. 48.
[2] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е Сентября 1903 г. СПб., 1903. С. 998.
[3] По непонятным причинам исследователь В.А. Рунов («Полководцы первой мировой войны. Русская армия в лицах». М., 2014) считает, что Л.В. Леш окончил Киевское военное училище и получил назначение в 1880 г. в 207-й пехотный Новобаязетский п.
[4] СГС. СПб., 1914. С. 303.
[5] СГС. СПб., 1889. С. 192.
[6] Там же. С. 394.

бантом» (1878 г.)[1]; генерал А.А. Ресин – орденами св. Станислава III ст. «с мечам и бантом» и св. Анны III ст. «с мечами и бантом» (1878 г.)[2].

Наиболее прославленным с точки зрения участия в боевых действиях генералом, безусловно, являлся О.-Ф.К. Гриппенберг. Он принял участие в пяти кампаниях (1854-1855, 1863-1864, среднеазиатских походах 1866-1868 гг., русско-турецкой войне 1877-1878 гг.; во время русско-японской войны генерал командовал 2-й Маньчжурской армией (с 11.09.1904 по 12.03.1905 гг.)). Примечательно, что во время его назначения командующим 2-й Маньчжурской армией в войсках резко вырос моральный дух (ситуация аналогичная с назначением адмирала С.О. Макарова).[3] Гриппенберг был отмечен значительным числом боевых наград: орденами св. Анной III ст. «с мечами и бантом» (1867), св. Георгия IV ст. (1867), св. Станислава II ст. «с мечами» (1868), св. Георгием III ст., св. Владимира III ст. «с мечами», св. Станислава I ст. «с мечами» (все в 1878 г.), а также - «золотым оружием» (1869).[4]

Вторым генералом, получившим реальный боевой опыт «современных войн» в кампаниях 1900-1901 и 1904-1905 гг. (в качестве командира 1-го Восточно-Сибирского стрелкового Его И.В. полка), был Л.В. Леш. Во время русско-японской войны генерал был участником сражений при Шахе, Сандепу и кровопролитного боя под Ляояном. В отношении Леша А.А. Керсновский писал следующее: «Блестящую репутацию создали себе командиры полков – 18-го стрелкового – полковник Юденич, 1-го Сибирского – полковник Леш и 24-го Сибирского – полковник Лечицкий».[5] Примечательно, что на высокий профессионализм Л.В. Леша указывал военный министр А.Н. Куропаткин.[6] Леш был награжден «боевыми орденами»: св. Станислава II ст. «с мечами» (1901), св. Анны II ст. «с мечами», св. Георгия IV ст. (1904), св.

---

[1] СГС. СПб., 1903. С. 340.
[2] СГС. СПб., 1914. С. 303.
[3] Рерберг Ф.П. Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений. Записки участника Русско-Японской Войны 1904-1905 г. г. и Члена Военно-Исторической Комиссии по описанию Русско-Японской Войны. 1906-1909 г. г. Printed in Spain Deposito Legal: M. 9.246-1967. С. 55-56.
[4] СГС. СПб., 1903. С. 125; СГС. СПб., 1914. С. 17.
[5] Керсновский А.А. История русской армии. Т.3 (1881-1915 гг.). – М., 1994. С. 103.
[6] Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904-1905: Итоги войны. СПб., 2002. С.479.

Владимира IV ст. «с мечами и бантом», св. Владимира III степени «с мечами» (1905).[1]

Впрочем, следует отметить, что по сравнению с русско-турецкой войной 1877-1878 гг. русско-японская серьезно обесценила значение «боевых орденов». Теперь они уже не являлись столь очевидным индикатором военного таланта или по меньшей мере храбрости. На японской войне «поднялась» значительная группа карьеристов из различных групп влияния как чисто военного, так и военно-политического характера. На стремительное обесценивание «боевых» орденов, в частности, указывал генерал А.Н. Куропаткин. Он писал: «На этих смотрах Линевич надавал слишком много наград: чинов, Владимира 4-й степени, золотого оружия. *Этим награды обесцениваются*. Выбор производится наспех».[2] Примечательно, что во время русско-японской войны целая группа офицеров, преимущественно штабных, буквально выпрашивала себе награды.

Следует отметить, что Л.В. Леш также был награжден Бухарским орденом Восходящей Звезды II ст.[3] (в 1895 г.; примечательно, что генералы Н.Н. Оболенский[4] и А.А. Евреинов были награждены командорским крестом Французского ордена Почетного легиона – парадоксально, но у О.-Ф.К. Гриппенберга не было иностранных наград). Наряду с Оболенским и Гриппенбергом, Леш был третьим георгиевским кавалером, командовавшим гв. стрелковой бригадой (дивизией).

Следует отметить, что из указанных офицеров двое получили серьезные ранения: Гриппенберг был ранен во время похода 1868 г.[5], а Леш – контужен во время сражения под Ляояном[6]. Особый интерес представляет фигура генерала П.А. Дельсаля. Данный генерал сделал стремительную карьеру,

---

[1] СГС. СПб., 1914. С. 277.
[2] Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М., 2010. С. 353.
[3] Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е Января 1905 г. СПб., 1905. С. 867.
[4] Генерал Н.Н. Оболенский был награжден рядом иностранных орденов, среди которых следует особо отметить ордена: Прусской Короны I ст. – 1884 г. и Прусского Красного Орла II ст. со Звездою – 1884 г. Иностранные ордена также имели генерал А.В. Эллис (Австрийский Франца-Иосифа большой крест – 1874, Шведский орден Меча - командорский знак II ст. – 1875, Румынская медаль военной доблести – 1875) и А.А. Евреинов (в том числе и Прусской Короны I ст. – 1898).
[5] СГС. СПб., 1903. С. 125
[6] СГС. СПб., 1914. С. 277

благодаря активному участию в качестве старшего полковника л.-гв. Преображенского п. в подавлении антиправительственных выступлений во время событий 1905-1907 гг. В частности, именно П.А. Дельсалю приписывается расстрел рабочих в районе Невского проспекта и Певческого моста 9.01.1905 г.

Для подавления волнений в столице оперативно был создан «особый гвардейский отряд» (в помощь полиции) в составе отдельных подразделений (сводных рот) л.-гв. Преображенского, л.-гв. Павловского полков и батальона л.-гв. Артиллерийской бригады (от л.-гв. Преображенского п., по донесению г.-майора В.С. Гадона, «было наряжено восемь сводных рот»; 3-мя ротами преображенцев, которым было приказано прибыть к 11.00 на площадь Зимнего дворца, командовал П.А. Дельсаль[1]), под общим командованием командира л.-гв. Павловского п. (1903-1906 гг.) г.-майора (с 10.05.1903 г.) Д.Г. Щербачева. В 14.00 полковник Дельсаль приказал 3-й сводной роте под прикрытие полуэскадрона л.-гв. Конного п. оттеснить демонстрантов к Невскому проспекту. После соприкосновения с толпой, осознав свою беспомощность в силу многочисленности демонстрантов, подразделение Н.Н. Мансурова отступило на 120-130 шагов назад. Именно в этот момент в соответствии с донесением генерала В.С. Гадона: «Полковник Дельсаль получил от генерал-майора Щербачева приказ его сиятельства командира корпуса[2] открыть огонь».[3] Стрельбу по рабочим вела учебная рота л.-гв. Преображенского п. капитана Н.Н. Мансурова («два залпа боевыми патронами»).[4] Таким образом, непосредственный приказ «стрелять по толпе» отдали Д.Г. Щербачев и П.А. Дельсаль, как старшие офицеры. Число убитых гв. человек до сих пор оста-

---

[1] 1-я сводная рота: рота Е.И.В. и 2-я рота, под командованием капитана князя А.Н. Оболенского; 2-я сводная: 3 и 4-я - под командованием капитана М.И. Старицкого; 3-я сводная: полковая учебная команда – под командованием капитана Н.Н. Мансурова.

[2] Князь Сергей Илларионович Васильчиков. Командовал ГК с 2.11.1902 по 21.06.1906. Следует отметить то, что генерал князь Васильчиков уже имел опыт подавления массовых выступлений. Так, в 1890 г. находящийся под его командованием 44-й Нижегородский Драгунский полк принимал участие в подавлении волнений местного населения, спровоцированных врачебно-полицейскими мерами против чумы у скота (см. Лейб-гусары: История, биография, мемуары. / Автор-составитель А.Ю. Бондаренко. М., 2003. С. 232-233).

[3] Басин К.Б. Мятежный батальон. // Преображенцы: История, биографии, мемуары. / Автор-составитель А.Ю. Бондаренко. М., 2000. С. 411.

[4] Там же. С. 410-411.

ется невыясненным – цифра колеблется в пределах 150-200 убитыми и несколько сот ранеными.[1]

По версии В.М. Хрусталева к стрельбе по демонстрантам был также причастен сын бывшего командира л.-гв. Преображенского п. (1876-1878), начальника 1-й ГПД и командира ГК (1891-1898) князя Н.Н. Оболенского, А.Н. Оболенский-2 (в 1905 г. командир 1-го батальона л.-гв. Преображенского п.).[2] Как и генералы С.С. Озеров и В.С. Гадон, капитан князь А.Н.Оболенский-2 «пострадал» (его карьера была серьезно испорчена, и он вынужден был перейти в МВД) от «преображенского инцидента».

Уже 5.10.1905 г. П.А. Дельсаль «получил полк» - л.-гв. 2-й Стрелковый батальон, которым командовал вплоть до его переформирования в л.-гв. 2-й Стрелковый Царскосельский п. (26.08.1910), а затем до 19.01.1913 г. командовал этим полком. В 1906 г. полковник П.А. Дельсаль был пожалован званием флигель-адъютанта (17.04.1906[3]), а затем – г.-майора (6.12.1906). Он был также награжден орденом св. Владимира III ст.[4] (примечательно то, что капитан Н.Н. Мансуров почти сразу же, 16.01.1905 г., был награжден орденом св. Анны III ст.).

Таким образом, указанный офицер, пройдя путь от прапорщика до полковника л.-гв. Преображенского п., получил опыт «спецопераций» по подавлению беспорядков внутри страны. Определить степень военной ценности боевых действий регулярной армии против безоружных или слабовооруженных людей достаточно сложно, хотя в 1917 г. он мог сыграть решающую роль в удержании власти правящей политической элиты страны.

Наконец, в качестве еще одного индикатора был проанализирован параметр *«особенности последующего карьерного роста»*. Полученные данные мы обобщили в таблице, представленной в приложении 59 (см.: приложение 59).

---

[1] См.: Чувардин Г.С. Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции. Орел, 2005. С. 82-83.
[2] Император Николай II. Тайны Российского императорского двора. / Авт.-сост. В.М. Хрусталев. М., 2013. С. 143-144.
[3] РГВИА. Ф. 2588. Оп. 2. Д. 241. Л. 5.
[4] Там же.

Анализ таблицы позволяет сделать следующие выводы. Из 7 командиров Гв. Стрелковой бригады, несмотря на особое покровительственное отношение императоров Александра III и Николая II к данному сегменту императорской гв., только 1 офицер, *О.-Ф.К. Гриппенберг* достиг высшего положения как в системе военной, так и военно-политической элиты: командование войсками Виленского ВО, должность г.-инспектора пехоты и, наконец, постоянное членство в ГС. Н.А. Епанчин отмечал своеобразный парадокс. Он считал, что продолжительное командование О.-Ф.К. Гриппенбергом Гв. Стрелковой бригадой сослужило плохую службу как ему лично, так и всей русской армии. Служба в армии «мирного времени» и в императорской гв. не дали ему развиться в выдающегося «боевого генерала», способного «достичь уровня Скобелева».[1]

Второе место в этом своеобразном рейтинге занял генерал А.В. Эллис, 17 лет являвшийся членом ВС. До должности военного администратора также дослужился генерал Л.В. Леш, около года являвшийся начальником Закаспийской области (с 15.01.1913 г.)[2]. Остальные офицеры могут быть причислены исключительно к военной элите империи. В данном случае наиболее успешно сложилась карьера князя Н.Н. Оболенского. Он дослужился до должности командира ГК, но, не пробыв на ней и года, скоропостижно скончался. В свою очередь А.А. Евреинов командовал АК, а карьера А.А. Ресина (накануне войны командовал 2-й ГПД) и П.А. Дельсаля (в апреле 1913 г. занял должность начальника Гв. Стрелковой бригады) были прерваны войной и развивались уже в условиях военного времени.

В контексте рассматриваемой проблематики определенный интерес представляет должность НШ Гв. Стрелковой бригады после переформирования батальонов в полноценные стрелковые полки. В сущности мы можем говорить всего об одном фигуранте нашего исследования - полковнике Э.А.

---

[1] Там же.
[2] СГС. СПб., 1914. С. 277. Одновременно с занимаемой должностью командовал 2-м Туркестанским АК.

Верцинском, который возглавил штаб 13.08.1910 г. в возрасте 37 лет и оставался в указанной должности до 30.08.1914 г.

Эдуард Александрович родился 5.01.1873 г., был крещен в лютеранской церкви. Он окончил 1-й кадетский корпус и в 1890 г. ПВУ. Вступил в службу 1.09.1890 г. прапорщиком в л.-гв. Кексгольмский п. 5.08.1891 г. получил звание подпоручика. Он также окончил НАГШ (по 1 р.; причислен к ГШ). Некоторое время Верцинский занимался преподавательской деятельностью: «состоял для преподавания военных наук» в Чугуевском пехотном юнкерском училище. С 4.08.1904 по 4.06.1905 г. занимал пост столоначальника Главного Штаба. Он принял участие в русско-японской войне в качестве штаб-офицера для особых поручений при штабе 1-го Сибирского, а затем, с 11.10.1907 г., при штабе 18-го армейских корпусов. В 1908 г. получил звание полковника.[1] Таким образом, карьера данного офицера являлась типичной для подавляющей части командиров гв. полков периода после русско-японской войны.

Постепенно для замещения вакансии командира полка решающим фактором становилось получение академического образования[2] и «беспорочная служба» на занимаемых должностях (хотя и служба в гв. сохраняла некоторую актуальность для «ускорения» карьерного роста). При этом в эпоху в. к. Николая Николаевича-младшего офицер-негвардеец, имевший указанные признаки, мог расчитывать стать во главе гв. полка (например, в 3-й ГПД или отдельной гв. кавалерийской бригаде) или гв. соединения.

Примечательно то, что у Верцинского были все необходимые признаки: окончание относительно престижного военно-учебного заведения – ПВУ; служба в гв.; окончание НАГШ по 1-му разряду.

Вышеизложенные соображения позволяют утверждать, что определение места гв. стрелковых частей в российской императорской армии

[1] Список полковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е Марта 1912 г. СПб., 1912. С. 768.
[2] Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Жуковский; М., 2006. С. 111.

не может носить однонозначного характера. Как самостоятельный сегмент военной машины империи они были порождены эпохой Александра II, но свою особую идентичность получили лишь при Александре III. Именно в этот период они получили свой специфический внешний вид и приобрели фунуции, отличные от выполняемых основной массой гв. полков, – в первую очередь, «охранительную». Значительная часть «стрелков» делала карьеру, выполняя «особые поручения» и «службы» (в том числе и в структурах полиции, что являлось неприемлемым для значительной части гвардейцев). Дальнейшая карьера офицеров гв. стрелковых батальонов была более быстрой и успешной и, как правило, шла по линии ГК и отдельных структур СПб. ВО. Командиры гв. стрелков находились «на особом положении» и представляли собой пусть и типичных, но хорошо «проверенных» на верность офицеров, предки которых выдвинулись на военной службе и пользовались покровительством императора или отдельных великих князей.

Таким образом, анализ «особых» частей и соединений императорской гв. позволяет утверждать, что в эпоху императора Александра III гвардия постепенно приобретает новый облик. По своему содержанию он приближался не только к современным требованиям, но и «духу эпохи» в целом.

Кроме «военной», гв. продолжает выполнять идеологическую функцию, являясь неотъемлемой частью властных инсценировок и важной атрибутивной составляющей сценариев власти рассматриваемой эпохи. В этом плане очевидно особое место и содержание службы гв. стрелков и казаков. Стремительное изменение статуса и «социального веса» гв. артиллерии было продиктовано тем, что данный род войска начинает играть все большее значение на поле боя. Соответственно изменяется и статус генералитета указанных частей: растет профессионализм, серьезно контрастирующий со старыми схемами мышления, увеличиваются требования к степени лояльности престолу ввиду нарастания революционных настроений в обществе.

ГЛАВА 4

ВЫСШИЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ В 1881-1914 гг.

В данной главе рассматривается социокультурная пространство высшего командного состава ГК как представителей и посредников между различными институтами политической и военной власти.

Анализ осуществляется по трем магистральным направлениям. В первом параграфе предпринимается попытка реконструкции психологических особенностей (личностных и профессионально-личностных) командующего войсками Гв. и СПб. ВО в. к. Владимира Александровича. Данная исследовательская задача продиктована необходимостью выявления содержания «духовной атмосферы», царящей в императорской гвардии в эпоху великого князя (весь период правление Александра III и значительная часть царствования Николая II, до 1905 г.). При этом можно с достаточной степенью уверенности констатировать, что именно в. к. являлся ее основным генератором. В силу специфических особенностей иерархии российской военной машины данная «атмосфера» транслировалась через «ближний круг» в. к., его «замов», различные группы подчиненных. Стиль руководства князя, который был определен нами как «soft skills»[1], как и стиль его жизни, определял характер поступка высшего командного состава гв., вынуждено калькирующего, а по сути, «отзеркаливающего» (что определялось особенностями отечественного стиля руководства) поведение высшего гв. начальства, и передавался подчиненным (в формате всей гвардии).

Во втором параграфе анализируется социальный состав и социальная динамика высшего командного состава ГК: командующих ГК, командиров

[1] Указанный термин получил широкую популярность благодаря американскому ученому доктору П.Г. Уитмору (Whitmore) в рамках доктрины "Systems Engineering of Training", сформулированной в 1968 г. Он определяет степень предрасположенности руководящего работника к коммуникации и способности к диалогу со своими сотрудниками. В соответствии с доктриной управление в стиле «soft skills» предполагает обладание следующими навыками: коммуникация, вежливость, гибкость, честность, коммуникабельность, позитивный настрой, ответственность и ряд др. качеств.

гвардейских дивизий и бригад. При этом в предметное поле анализа также вводится категория г.-инспекторов различных родов войска, напрямую замыкающихся на отдельные структуры императорской гвардии. Это необходимо для понимания характера изменений механизмов и социальных перемен, связанных с эволюцией военной элиты. В конечном итоге именно этот сегмент позволяет составить некий коллективный портрет военно-политической и военной элит, как социального явления (на уровне «базовых индексов») в целом.

Наконец, в третьем параграфе, в рамках микроисторического анализа, предпринимается попытка реконструкции повседневной жизни представителей высшего комсостава ГК как «типичных» носителей поведенческих особенностей военной элиты империи (как на уровне «формализованных сценариев», так и различных форм девиантности).

4.1.Во главе императорской гвардии: место в. к. Владимира Александровича в военной истории России 2-й половины XIX – начала XX вв.

Приведенные нами выше соображения позволяют идентифицировать группу великих князей как высший уровень («топ») военно-политической элиты «по необходимости», то есть «по праву рождения». Именно для реализации «социальной потенции» великих князей и *властной аристократии* был создан «особый оазис» – СПб. ВО, на территории которого дислоцировалась в основной массе своих частей российская императорская гвардия, сведенная в ГК (офицеров которого можно с определенными оговорками рассматривать как «закрытый канал социализации» представителей властной элиты империи).

В Высочайшем приказе отмечалось: «Для местного управления сухопутными военными силами и военными учреждениями, образуются, на основании Положений, Высочайше утвержденных 6-го сего Августа, Военно-Окружные Управления в следующих десяти военных округах:

1)Петербургском, 2)Финляндском, 3)Рижском, 4)Виленском, 5)Варшавском, 6)Киевском, 7)Одесском, 8)Харьковском, 9)Московском и 10)Казанском.

С открытием действия сих новых Военно-Окружных Управлений упраздняются:

1)штабы корпусов: Отдельного Гвардейского, 1, 2 и 3-го Резервных, равно как и Управления Начальников артиллерии сих Корпусов […]»[1]

Жалование командующего СПб. ВО назначалось «по чину» (как правило, указанная должность замещалась полными генералами), размер столовых денег составлял 3500 руб. в год.[2] Помощник командующего назначался только по Высочайшему повелению, получал жалование по чину полного генерала или генерал-лейтенанта; размер столовых денег составлял 3000 руб. в год.[3] Наконец, НШ округа в звании г.-лейтенанта или г.-майора, получал жалование по чину и столовых 2000 руб.[4]

Так, в. к. Владимир Александрович по званию Главнокомандующего СПб. ВО и войсками Гв. в 1899 г. получал 14 тыс. руб. в год.[5] Помощник Главнокомандующего г. от инфантерии А.А. Ребиндер получал: жалования 1695 руб., столовых 3000 руб., добавочных 2400 руб.; всего – 7095 руб.[6] Наконец, НШ СПб. ВО г.-л. Н.И. Бобриков в 1891 г. получал: жалования 1356 руб., столовых 2400 руб., добавочных 2500 руб., особо добавочных 1500 руб.; всего – 7756 руб. Он также имел аренду сроком на 4 года в размере 2000 руб.[7]

На протяжении всего пореформенного периода и вплоть до начала Первой мировой войны во главе СПб. ВО, ГК и отдельных гв. образований стояли представители как правящего Дома, так и отдельных аристократических кланов в обязательном порядке инкорпорированных во власть. Общая

---

[1] ПСЗРИ. Собрание второе. Т.XXXIX. Отделение первое. 1864. От 40457-41318. № 41162. СПб., 1867. С. 699.
[2] Там же. С. 226.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 227.
[5] РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 4. (1872-1909: Послужной список Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича. Составлен по 4-е Февраля 1909 г.). Л. 51.
[6] СГС. СПб., 1899. С. 36.
[7] СГС. СПб., 1891. С. 208.

информация о лицах, занимающий указанные должности, дается в таблице, представленной в приложении 60 (см.: приложение 60). Анализ таблицы позволяет сделать вывод, что в рассматриваемый период времени (с момента образования СПб. ВО и вплоть до начала Первой мировой войны) во главе войск СПб. ВО и Гв. находились исключительно представители правящего Дома Романовых (всего 4 чел.). В свою очередь ГК командовали 12 офицеров, 5 из которых принадлежали к правящему Дому (включая принца А.П. Ольденбургского). Из оставшихся 7 офицеров 4 (князья Н.Н. Оболенский и С.И. Васильчиков (оба Рюриковичи), граф П.А. Шувалов и В.М. Безобразов) принадлежали к влиятельным аристократическим кланам. Примечательно, что некоторое время обе должности занимал наследник-цесаревич в. к. Александр Александрович (при этом следует подчеркнуть, что в сознании военной элиты имя Александра III прочно ассоциировалось с гв. средой).

Если проводить аналогии с главным оппонентом Российской империи рубежа XIX – нач. XX в. Германской империей, то можно сделать следующие выводы: германскую гв. в формате ГК, начиная с образования Германской империи, возглавляли принц Ф.А.Э. Вюртембергский (с 3.06.1858 по июнь 1878 г.); А. фон Папе (с октября 1881 по 19.09.1888 г.); О. фон Меершейд-Хюллессем (с 1888 по 1893 г.); М. фон Бок унд Полах (с 1897 по 1902 г.); Г. фон Кессель (с 1902 по 1909 г.); наконец, на Первую мировую войну германскую гв. вывел барон К. фон Платтенберг (с 1.03.1913 по 1917 г.). Общее представление о военной карьере указанной группы офицеров дает таблица, помещенная в приложение 61 (см.: приложение 61).

Анализ приведенного в таблице материала позволяет утверждать, что все указанные германские генералы принадлежали к аристократическим родам (один генерал являлся принцем), при этом 3 начинали свою военную карьеру прусского/германского офицера в гв. частях, а 4 (до вступления в должность командира германской гв.) имели опыт командования гв. частями и соединениями. Всего один офицер из указанной группы был причислен к

Германскому ГШ, 4 имели опыт участия в боевых действиях, при этом 1 офицер был дважды ранен.

Если для российского гв. генералитета наиболее типичным было участие в среднеазиатских походах и русско-турецкой войне 1877-1878 гг., то для германских генералов – участие в австро-прусской (Семинедельной) 1866 г. и франко-прусской 1870-1871 гг. войнах. С 60-х гг. XIX в. прослеживается «ренессанс» русско-прусских, а затем, после образования Германской империи, и русско-германских отношений. Примечательно, что как и министр иностранных дел С.Д. Сазонов, военный атташе России в Париже граф А.А. Игнатьев характеризует отношения с Пруссией/Германией периода правления Александра II как «традиционно-дружеские»[1]. С одной стороны, это выражалось во взаимном пожаловании шефством и воинскими званиями, вплоть до звания генерал-фельдмаршала, представителей высших слоев военной элиты империй. С другой - в активном взаимообогащении военным опытом. Это получало выражение в военно-теоретическом обмене опытом, участии в военных играх и маневрах. Полигоном для «отработки» новых приемов и технологий войны, безусловно, была прусская и российская гв.

Прусские, а затем и германские императоры не скупились на самые высокие военные награды. В частности, ряд великих князей и высших военных чинов Российской империи были пожалованы орденом Pour le Mérite («Синим Максом»), высшей наградой Пруссии. Исследователь Kevin Brazier отмечает, что указанным орденом были награждены: император Александр II (сразу двумя орденами: с дубовыми листьями в 1871 г. и большим крестом и звездой в 1878 г.); два его брата, Михаил Николаевич и Николай Николаевич-старший, также получили по два ордена (1871, 1877 гг.); наследник-цесаревич в. к. Александр Александрович и его брат в. к. Владимир Александрович (1877 г.). Кроме этого орденом, были награждены еще 11 генералов.[2]

---

[1] Игнатьев А.А., граф. Роковые дни. 50 лет в строю. М., 2013. С. 115.

[2] См.: Kevin Brazier. The Complete Blue Max. A Chronological Record of the Holders of the Pour le Mérite, Prussia's Highest Military Order, from 1740 to 1918. - Printed and bound in England by CPI Group (UK) Ltd, Croydon, 2013.

Отечественный исследователь Л.В. Ланник настаивает на том, что в основании «успешности» германской армии лежал фактор стремительного размывания аристократического начала в ее офицерском корпусе, обозначившийся практически сразу после объединения Германии. Ссылаясь на историка К. Деметра, указанный исследователь настаивает на том, что «[…] попытка дворянства оставить за собой абсолютное численное превосходство в офицерских вакансиях, хотя бы в гвардейских частях (как это было в армиях любых европейских монархий), накануне 1914 г. была преодолена».[1] Таким образом, германская элита приобрела «всесословный, буржуазный» характер и оказалась готова для дальнейшего «размывания неблагородными». Следует подчеркнуть, что в российской армии наблюдались идентичные тенденции.

Определенный процент офицеров-«разночинцев», появившихся в «послемилютинский период», в эпоху Александра III (с его «осторожным консерватизмом» и серьезными опасениями в отношении «либеральной» деформации сознания «разночинцев» всех мастей) практически не имел никаких возможностей подняться на «военный Олимп», где по-прежнему правила бал аристократия и отдельные «баловни судьбы». В германской армии, особенно в германской гвардии, высшие командные должности по-прежнему занимали выходцы из «старой аристократии», причем традиционный «прусский дух» по-прежнему, хотя и негласно, ценился очень высоко.

В то же время Л.В. Ланник вынуждено признает, что «демократизация» германской военной элиты совсем не являлась залогом ее высокого профессионализма. Исследователь подчеркивает: «Порой самые бесцветные личности получали престижнейшие должности».[2] Эта тенденция прослеживалась и в российской армии рассматриваемого периода.

Авангард «бездарностей» в германской армии возглавили представители королевских и герцогских домов Германии.[3] Данное явление также было

[1] Ланник Л.В. Состав германской военной элиты в 1914-1918 гг. // Власть. 2008. № 10. С. 121.
[2] Там же. С. 123.
[3] Там же. С. 122-123.

полностью идентично ситуации, прослеживающийся в указанный период в российской армии, с единственной оговоркой: в России «посредственности» окружали себя «посредственностями» (при этом в нашем Отечестве сформировался особый тип посредственности – «проходимец»). По этому поводу в своем знаменитом докладе 27.05.1908 г. А. Гучков отмечал: «Люди с сильным характером, люди самостоятельные, к сожалению, во многих случаях в России не только не выдвигались, а преследовались […] и, наоборот, люди без характера, без убеждений, но покладистые, всегда готовые во всем соглашаться с мнением своих начальников, выдвигались вперед».[1]

Следует отметить, что в отличие от германских командующих войсками Гв., карьера российских Командующих (Главнокомандующих) СПб. ВО и войсками Гв. во многом определялась их особым, «царственным» (великокняжеским) положением (влияние «аристократической тенденции» в отечественной армии по-прежнему было решающим). Общее представление о карьерном росте указанных офицеров дает приложение 62 (см.: приложение 62).

Анализ таблицы позволяет утверждать, что в период правления императоров Александра III – Николая II СПб. ВО и войсками Гв. командовали всего 2 офицера (оба – представители правящей династии Романовых): в. к. Владимир Александрович и в. к. Николай Николаевич-младший. Среди представителей выявленной группы командиров войск Гв. и ГК особое место занимает в. к. Владимир Александрович. Указанному историческому персонажу в отечественной исторической науке практически не уделялось отдельного внимания. В советский период в его адрес было направлено значительное число критических замечаний. В последнее время появилось несколько исследований, определяющих в. к., в первую очередь, как покровителя искус-

[1] Гучков А. К вопросу о государственной обороне. Доклад по смете военного министерства на заседании Государственной думы 27 мая 1908 г. // Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. Российский военный сборник. Выпуск 19. М., 2002. С. 371.

ств, активно поддерживающего как «классические», так и «модернистские» («декадентские») тенденции в русской культуре рубежа XIX-XX в.[1]

В то же время мы полагаем, что анализ жизненного пути и личностных особенностей данного политического и военного деятеля крайне необходим для понимания особенностей развития как отечественной военной машины, так и всего исторического процесса. С определенной долей уверенности можно утверждать, что «старая» русская армия (ее дух, ее традиции) продолжала существовать вплоть до момента смерти двух выдающихся исторических персонажей, в. к. г.-фельдмаршала Михаила Николаевича и г.-адъютанта, г. от инфантерии в. к. Владимира Александровича, людей «не совсем военных», созданных возглавлять «армию мирного времени». Возглавивший Войска Гв. после отставки в. к. Владимира в. к. Николай Николаевич-младший принадлежал к офицерам новой формации и «ломал» армию в соответствии с новомодными трендами своего времени.

По поводу смерти в. к. Владимира граф С.Д. Шереметьев записал 4.02.1908 г. следующее: «Общий голос был тот, что с ним уходит целый мир, что он был совсем особый человек, головой выше всех своих родственников, но очутившись не удел; по душе не столько военный, сколько государственного склада ума, замечательно образованный; резкий и часто совершенно невозможный в разговоре, но вместе обаятельный, знавший многое из того, чего никто не знает, сочувствовавший тому, мимо чего другие проходят с самодовольным невежеством, словом человек другого мира, другой эпохи».[2] В контексте сказанного думается, что было бы целесообразно определить степень соотношения субъективного и объективного в оценке графом Шереметьевым личности великого князя. Данная тема приобретает дополнительный

[1] Являясь президентом Академии художеств, в. к. действительно уделял значительную часть времени культурно-просветительской деятельности. По этому поводу в. к. Александр Михайлович («Сандро») отмечал, что командование Гвардией серьезно мешало князю заниматься культурой: «Он занимал, *сообразно своему происхождению* (данное утверждение может служить еще одним аргументом вышесказанного – *прим. моё*) и возрасту, ответственный пост командира Гвардейского Корпуса, хотя исполнению этих обязанностей и являлось для него *большой помехой* в его любви к искусству (см.: Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 114).

[2] РГИА. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 364. Л. 11-11об. (Воспоминания Графа Павла Сергеевича Шереметьева «Великий князь Владимир Александрович» (черновик)).

оттенок значимости еще и в силу того, что позволяет взглянуть на историю императорской власти совершенно с иного ракурса, обозначив «эпоху великого князя Владимира Александровича» как особый предкризисный этап в отечественной истории и увязав его смерть с одной из причин стремительной трансформации империи, приведшей к ее гибели.

В. к. Владимир Александрович родился 10.04.1847 г. и являлся третьим сыном императора Александра II. Его второй сын (первый прожил всего два года), великий князь Кирилл Владимирович, писал о происхождении своего отца: «Мой отец, Великий князь Владимир, был третьим сыном Александра II. Мать была единственной дочерью от брака Фридриха-Франца II, великого герцога Мекленбург-Шверинского, и принцессы Марии Реусс. Линия великих герцогов Мекленбург-Шверинских – славянского происхождения и восходит ко времени, когда отдельные районы Северной Германии были славяноязычными, о чем свидетельствует сохранившиеся географические названия. Недаром мама иногда говорила отцу, что в ней больше славянского, чем в нем!»[1]

По факту рождения великий князь был назначен Шефом л.-гв. Драгунского п. и оставался его Шефом до момента смерти. В «Списке по старшинству…» л.-гв. Драгунского п. за апрель 1898 г. значилось: «Генерал, Его Имп[ераторское] Высоч[ество] В.К. Владимир Александрович (10.IV.1847 г.), пр[авославный], 1 эск[адрон] (вак[ансий] не заним[ает], Шеф полка – 10.IV.1847»).[2] Великий князь был так же зачислен в ряды л.-гв. Преображенского п. и л.-гв. Саперного батальона (10.04.1847 г.), а 30.03.1848 г. назначен Шефом Его Величества Короля Сардинского п. (впоследствии 17-го пехотного Архангелогородского Имени Его Высочества).[3] По воспоминаниям графа С.Д. Шереметьева, в детстве великий князь Владимир «носил всегда драгунскую куртку».[4]

---

[1] Кирилл Владимирович, Император. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996.
[2] РГВИА. Ф. 3552. Оп. 1. Д. 12. Л. 2 (Список по старшинству Генералам, Штабс- и Обер-офицерам и классным чинам л.-гв. Драгунского полка. По апрель 1898 г.).
[3] РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 4. Л. 53 (послужной список).
[4] Шереметьев С.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 400.

Великий князь получил домашнее образование (в послужном списке указывалось, что князь «воспитывался под надзором родителей»[1]). Владимир обучался у тех же учителей, что и его старшие братья Николай и Александр. По этому поводу биограф Александра II и Александра III С.С. Татищев писал: «Весной 1854 года Великий Князь Владимир Александрович, после того как ему минуло семь лет, подобно старшим братьям перешел из детской в общее с ними помещение и стал брать уроки, хотя отдельно от них, но у тех же учителей».[2] В данном случае речь идет о следующих педагогах: словесность – Я.К. Грот, математика – учитель Пажеского корпуса С.П. Сухонин, английский язык – преподаватель СПб. Императорского университета Шау, французский язык – Куриар, чистописание – Павел Лагузен, рисование – академик Тихобразов, музыка – Пуаро, закон божий – Бажанов, ружейные приемы и маршировку – Хренов, фехтование – г.-майор Сивербрик и ряд др. учителей.[3] Первоначально предполагалось, что для великих князей Александра и Владимира подберут учителей «средней руки», но этому категорически воспротивился преподающий немецкий язык, историю и географию цесаревичу (с 1852 г.) и в. к. Александру Александровичу Я.К. Грот, обладавший значительным педагогическим авторитетом. Так или иначе, но принципиальные различия во взглядах на систему преподавания и построения учебного процесса великих князей между Гротом и назначенным в 1856 г. их воспитателем В.П. Титовым в конечном итоге привели к отставке первого и замене его В.И. Классовским (отечественный язык и словесность), Р.И. Минцловым (Мюнцловым; немецкий язык) и Вендом (естественные науки; преподавал Владимиру Александровичу немецкий язык, географию и естественные науки).[4]

Для великих князей Николая и Александра расписание сводилось к следующему: «[…] дети должны были вставать в 6 часов утра. Шесть часов в

[1] РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 4. Л. 51.
[2] Татищев С.С. Детство и юность великого князя Александра Александровича. // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 84.
[3] Там же. С. 77.
[4] Там же. С. 120.

день полагалось на четыре урока: четыре с половиной часа до, полтора после обеда и по три часа на приготовление к ним: один час утром и два вечером».[1]

В 1856-1857 гг. три великих князя (Николай, Александр и Владимир) изучали: закон божий, русский, французский, английский, немецкий языки, математику, рисование и верховую езду (по 2 часа в неделю); историю, географию, фехтование и «фронтовые» учения (по 1 часу в неделю); также 6 часов гимнастики. Таким образом, общий объем преподавания, включая репетиции, составлял 45 учебных часов в неделю. Примечательно, что наставник великих князей Владимир Павлович Титов разделил курс обучения на три этапа: до 16 лет – гимназическое образование; до 19 лет – университетский курс; до 21 года – практический курс.[2]

Так как в. к. Владимир позиционировался современниками как один *из наиболее образованных и эрудированных великих князей* (в качестве примера подобных суждений можно привести извлечение из воспоминаний С.Ю. Витте: «[…] среди великих князей Владимир Александрович был человеком замечательного образования, замечательной культуры»[3]), получивших «западное» воспитание и впоследствии демонстрирующих «западную точку зрения» на события в стране[4], было бы не безынтересно обратить внимание на его программу на завершающем этапе обучения (с 1863 по 1865 г., т.е. с 16 до 18 (19) лет). Указанная информация представлена нами в приложениях 63, 64, 65 (см.: приложения 63, 64, 65[5]).

Анализ приведенного в приложениях материала позволяет утверждать, что значительное время при обучении уделялось словесности и, как самостоятельному сегменту, иностранным языкам (английскому, французскому, немецкому). Кроме этого, преподавалась математика, физика, география, закон божий (не более двух раз в неделю, в отличие от средних военно-

[1] Там же. С. 77-78.
[2] Там же. С. 108.
[3] Витте С.Ю. Указ. соч. С. 305.
[4] ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 43. Л. 19-19об. (Дневник в. к. Константина Константиновича).
[5] ГАРФ. Ф. 652 (в. к. Владимир Александрович). Оп. 1. Д. 57. Программа и расписания учебных занятий в. кн. Владимира Александровича. Начато 1863-1865. Л. 1-4. (Примечание: сохранен оригинальный стиль источника; все четыре листа с монограммами великого князя).

учебных заведений, где он был одним из основных предметов) и история (примечательна программа по всеобщей истории за 1863-1864 гг., охватывающая отрезок времени с эпохи Людовика (в оригинале «Лудовика») XIV и до событий 1848 г. (см.: приложение 66)). Именно эту модель В.П. Титов позиционировал, как «университетскую» (что по ряду параметров скорее соответствовало более углубленной общеобразовательной).

Следует отметить, что уже на рассматриваемом этапе обучения обозначился значительный интерес великого князя к истории, со временем переросший в серьезное пристрастие. Среди представителей академических кругов Владимир Александрович считался авторитетным экспертом по истории XVIII в. Так, граф С.Д. Шереметьев отмечал: «Среди жгучих и всяческих забот и испытаний одну находил он отраду в области давно им любимой, *в области исторической*. Необычайная память его помогла ему разобраться в сношениях минувшего, и он особенно стал изучать *XVIII век*. Тут он был полный хозяин, поражая обилием сведений и умением в них разобраться. Со свойственной ему чуткостью он интересовался даже мелочами, придавая и им известное значение. Он жил в этих мирах минувшего и находил в них отраду и успокоение».[1]

Примечательно то, что данная ремарка высвечивает еще одну черту великого князя – серьезный когнитивный разрыв с реальностью. Со временем современники (люди из ближнего круга) стали замечать, что несмотря на колоссальную общительность (Двор великого князя был самым посещаемым; А.А. Половцев отмечал, что в. к. Владимир «более других своих родственников привык к общежитию»[2]), Владимир Александрович все чаще стремился удалиться не только от происходящего в стране («кошмара» ломки устоев на фоне модернизации и радикальной трансформации мировосприятия, порождающего апокалипсические фантазмы декаденствующего сознания), но и от

[1] Шереметьев С.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 409.
[2] Половцев А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 327.

выполнения своих прямых обязанностей, «погружаясь» в мир прошлого (история, искусство, коллекционирование; «постоянно думая о чем-то своем»).[1]

Эстетическое начало в великих князьях были призваны развивать *рисование и музыка*. В. к. Александр Михайлович отмечал, что Владимир Александрович, обладая «несомненным художественным талантом», сохранил тягу к рисованию и в последующий период жизни.[2] Наконец, из военных дисциплин преподавалась только *тактика*. А телесные качества были призваны развивать гимнастика и фехтование, практикуемые через день, и верховая езда.

Определить приоритетность и степень значимости той или иной дисциплины достаточно сложно: можно лишь констатировать, что физика, математика и иностранные языки в отличие от других дисциплин преподавались фактически каждый день.

Следует отметить, что из трех великих князей периода их обучения наиболее «неуправляемым» оказался будущий император в. к. Александр Александрович. Он постоянно задирал («досаждал», «дурно вел себя с братьями», был «докучлив» с ними, «приставал к братьям и тем самым возбуждал ссоры и несогласие» и т.д.[3]) своих братьев, а иногда и дрался с ними. Так, в «Аттестационной тетради Великого Князя Александра Александровича» за 1855 г. отмечалось: « […] постоянно непослушен, досаждает братьям, в высшей степени неопрятен, а что всего хуже – на всякое делаемое Ему замечание оправдывается совершенно неуместно» (запись от 3 июня).[4] 7 сентября было записано: «Дурно вел себя с братьями. Владимира Александровича больно ушиб, конечно, без умысла, но при этом оказал совершенное равнодушие…»[5] и так далее по тексту. Даже в тетради за 1858 г. отмечалось: «Но Он имеет дурные манеры, грубоват в Своем обращении, пристает к братьям и не покидает несносной привычки оправдываться.

---

[1] Там же.
[2] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 114.
[3] РГИА. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 182 (Романов Александр Александрович. Император Александр III). По всему тексту документа.
[4] Там же. Л. 3.
[5] Там же. Л. 4.

Александру Александровичу пора исправиться. Он не должен забывать, что старший и младший Его братья *имеют более Его баллов из поведения*…».[1] Таким образом, уже в детстве Владимир Александрович вынужден был признать авторитет своего брата, которого тот добивался грубым, прямолинейным поведением, подкрепляемым силой. Тем не менее оба брата, *безусловно,* любили друг друга и сохранили «особое отношение» на всю жизнь. Об отношении великих князей граф С.Д. Шереметьев вспоминал следующее: «В своих чувствах к брату Владимир Александрович был истинно трогателен. Он признавал его нравственное превосходство и любовался им. Когда и[мператор] Александр III впервые заболел роковою болезнию, Владимир Александрович *сильно испугался* и, предвидя беду, громко и порывисто выражал свою тревогу. Это была не просто дружба, а *нечто высшее*, глубокое и похожее на культ».[2]

Справедливости ради следует отметить, что сам в. к. Владимир также позволял себе «шутки и выходки, иногда заходившие за пределы допустимого».[3] Современники отмечали колкость, граничащую с грубостью, шуток и острот великого князя в отношении отдельных военных и политических деятелей.

Так генерал Н.А. Епанчин вспоминал язвительные оценки данные великим князем Куропаткину в период русско-японской войны. Епанчин писал: «Так, великий князь Владимир Александрович, всегда далекий от интриг и весьма доброжелательный, назвал генерала А.Н. Куропаткина «Пердришкин», от perdrix - куропатка».[4] Владимир Александрович тяжело пережил смерть старшего брата Александра, а смерть великого князя Сергея Александровича, по мнению графа С.Д. Шереметьева, окончательно подкосила его. По этому поводу граф записал в своем дневнике (запись от 10.02.1905 г.): «Влад[имир] Алек[сандрович] Еле ходит».[5] Примечательно, что эту особую

[1] Там же. Л. 22.
[2] Шереметьев С.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 407.
[3] Там же. С. 401.
[4] Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 322.
[5] Шереметьев С.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 411.

грубую силу и несколько неуклюжую притягательность Владимир Александрович разглядел в скульптуре брата, выполненной Павлом («Паоло») Петровичем Трубецким. С.Ю. Витте вспоминал, что великий князь по этому поводу как-то заметил: ««В ней есть что-то привлекательное и напоминающее брата, которое его в известной мере чарует».[1]

В 1864 г. император Александр II отдал распоряжение определить механизм содержания и общий штат Двора великих князей Александра и Владимира при достижении ими совершеннолетия (то есть 20 лет). С этой целью была создана комиссия во главе с г.-адъютантом графом Б.А. Перовским[2] (с декабря 1860 г. «[…] назначен состоять при Великих Князьях Александре и Владимире Александровичах и заведовать Собственной конторою Августейших детей»; «10 Апр. 1867 г. назначен попечителем при Вел. Кн. Владимире Алксандровиче»[3]), в которую вошли председатель Департамента Уделов, гофмейстера графа Стенбок, г.-адъютант барон Корф, шталмейстер Бибиков, состоящие в должности гофмейстеров действительные статские советники Чичерин и Нарышкин и действительный статский советник Фон-дер-Рипп.[4]

Следует отметить, что сын графа Перовского, Алексей Борисович (имевший в великокняжеской среде прозвище «Фибс» и являясь человеком, обладавшим значительным умом («булгаковским умом») и оригинальностью поведения), который был старше великого князя Владимира на 5 лет, в период молодости был постоянным «спутником и товарищем» великого князя Владимира, а со временем превратился в его «беззаветно преданного друга».

---

[1] Витте С.Ю. Указ. соч. С. 654.

[2] Перовский Борис Алексеевич (1815-1881). Г. от кавалерии, г.-адъютант. Внебрачный сын графа А.К. Разумовского и М.М. Соболевской. Начинал службу в л.-гв. Кавалергардской п. Участник Кавказской войны: участвовал в штурме Ахульго и взятии Шамиля. 29.04.1840 назначен адъютантом к графу С.Ф. Апраксину. 10.05.1849 назначен адъютантом г.-фельдцейхмейстера Михаила Павловича. 20.11.1856 согласно желанию графа Льва Перовского, «передано ему с нисходящим потомством графское достоинство». В 1858 г. - Свиты Е.И.В. г.-майор и НШ Корпуса путей сообщения. В 1860-1862 г. состоял при великих князьях Александре и Владимире Александровичах. С 1874 г. член ГС. Был женат на фрейлине С.К. Булгаковой, от которой имел сына Алексея и трех дочерей: Марию, Ольгу и Веру. Умер 25.11.1881 «по причине нервного расстройства, вызванного убийством Александра II». Похоронен в Ницце. (Сборник биографий кавалергардов. 1826-1908… - Л. 9-10).

[3] Там же. Л. 10.

[4] РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 79. 1864 г. Л.2 (Дело по Высочайшему повелению о придворных штатах Государей Великих Князей Александра и Владимира Александровича. Начато 6 Апреля 1864 г. Кончено 8 Мая 1864 г.).

Великий князь очень тяжело пережил смерть графа и впоследствии не смог найти ему достойную замену. Граф С.Д. Шереметьев отмечал, что смерть Б.А. Перовского в 1887 г. серьезно сказалась на преждевременной старости великого князя.[1] В тоже время подчеркивалось, что граф Б.А. Перовский был еще и постоянным «сотрапезником» и фактически собутыльником великого князя.

Из других доверенных лиц великого князя современники выделяли его адъютанта графа П.П. Шувалова.[2] С 2.07.1869 по 16.04.1872 г. граф П.П. Шувалов состоял доверенным лицом великого князя, затем, с 16.04.1872 по 24.11.1881 г., - его адъютантом.[3] По воспоминаниям Н.А. Епанчина, в жизни Шувалова был один странный эпизод. Этот, по замечаниям генерала, «воспитанный, образованный и приятный в сношениях человек» был неожиданно уволен со службы «без прошения и без мундира», при этом, спустя некоторое время, ему было неожиданно пожаловано звание флигель-адъютанта. Он стал, как писал Н.А. Епанчин, первым и последним в истории «адъютантом во фраке» (при этом следует учитывать, что назначения в Свиту Е.И.В. в эпоху императора Александра III были большой редкостью).[4] Граф С.Д. Шереметьев писал о Шувалове: «Шувалов был не без способностей, но жизнь его была бурная и непоследовательная, а великий князь дорожил им и снисходительно относился к его странностям».[5] Следует отметить, что наряду с графом И.И. Воронцовым-Дашковым граф П.П. Шувалов был одним из основных создателей, участников, а по отдельным данным, «начальником» «Священной дружины» («Священной Лиги»). В Свете Павла Петровича, именуемого «за глаза» «Боби» Шуваловым, считали «начальником» или «председателем» «Священной дружины». Графиня М.Э. Клейнмихель оста-

[1] Шереметьев С.Д. Указ. соч. С. 6.
[2] Ровесник великого князя. Родился 14.02.1847 г. Окончил СПб. императорский университет, - получил степень доктора права в Гейдельбергском университете. Начал службу в л.-гв. Гусарском Е.В. п. Участвовал в Хивинском походе и Русско-турецкой войне 1877-1878 г. С 1882 г. флигель-адъютант. Командовал л.-гв. 4-м стрелковым Императорской Фамилии батальоном (с 10.02.1893 по 24.11.1894 г.) и л.-гв. Егерским п. (с 24.11.1894 по 20.11.1895 г.); в 1899 г. вышел в отставку в звании г.-майора.
[3] СГС. СПб., 1896. С. 777.
[4] Епанчин Н.А. Указ. соч. С.193.
[5] Шереметьев С.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 406.

вила вспоминания, как группа лихих офицеров-гвардейцев во главе с великими князьями Владимиром и Алексеем Александровичами устроили ей тайную встречу на «конспиративной квартире» (в доме графа П.П. Шувалова). Графиня была принята в тайный союз и принесла присягу в присутствии великих князей и членов общества: начальника ГШ генерала Щербачева, графа «Боби» Шувалова и ротмистра кавалергардского полка С. Панчулидзева.[1]

Впоследствии граф П.П. Шувалов позиционировался как «близкий друг» великого князя. Считалось, что причиной его смерти стал роман (одно из следствий «бурной и непоследовательной жизни») с женой барона К.-Г. Маннергейма. И если считалось, что великий князь умер преждевременно, то Шувалов смог дожить только до 55 лет. В то же время М.С. Барятинская подчеркивала, что Шувалов был женат на «очаровательной» женщине княгине Е. Барятинской. Она писала: «Командиром этого батальона в тот период был дядя моего мужа, граф Шувалов по прозвищу Бобби, важная персона старого времени, и подчиненные его очень любили. Он был женат на княгине Елизавете Барятинской – среди друзей ее звали Бетси Шувалова. О ней далеко шла слава чудесной хозяйки и очаровательной женщины, а также много говорили о восхитительных балах и развлечениях, которые она устраивала в своем прекрасном дворце в Санкт-Петербурге».[2]

Из других адъютантов, уже не пользующихся столь безграничным доверием, как П.П. Шувалов, можно выделить офицера л.-гв. Драгунского п. А.А. Ридигера-Беляева (брата последнего военного министра царской России М.А. Беляева), ставшего адъютантом великого князя с 25.04.1897 г. («В постоянной командировке адъютантом у Е. И. Выс. в. к. Владимира Александровича с 25.04.1897 г.»[3]). Примечательно, что после смерти Владимира Александровича Александр Алексеевич продолжил службу «семье» и стал адъютантом великого князя Андрея Владимировича. С 1905 по 1908 г. адъ-

[1] Дворцовые интриги и политические авантюры: записки Марии Клейнмихель. М., 2014. С. 145.
[2] Барятинская М.С. Указ. соч. С. 24.
[3] РГВИА. Ф.3552. Оп.1. Д.55. 1905 г. (Список по старшинству Ген., Штабс- и Обер-офицерам л.-гв. Драгунского полка).

ютантом в. к. состоял сын начальника Императорской охоты полковник (с 1908 г. г.-майор; с 1909 г. – Свиты Е.И.В. г.-майор) граф Н.П. Ферзен. С апреля 1908 г. граф фактически не исполнял адъютантские обязанности, а являлся доверенным лицом великого князя и «состоял при нем». А. Бенуа вспоминал графа в молодости: «Оба (граф Ферзен и барон Карл Деллингсгаузен – *прим. наше: Ч.Г.*) были притом типичными «остзейцами», оба сильно белокуры, оба говорили по-русски правильно, но с легким немецким акцентом, оба были отлично воспитаны и изыскано вежливы. […] граф Ферзен строго сохранял всегда дистанцию, что и соответствовало его характерно германской, абсолютно прямой осанке, его высокому росту и «аполлоническому» сложению».[1] Весьма показательно, что последние дни великий князь провел в обществе г.-майора-«остзейца».

Возвращаясь к работе комиссии графа Перовского, следует отметить что в ее решении подчеркивалась необходимость установить: «[…] на будущее время личное ежегодное[2] содержание Членов Императорской Фамилии, как несовершеннолетним, так и по достижении совершеннолетия назначать в тех самых нормах, какие для того установлены учреждением об Императорской Фамилии, - а в третьем пункте: чтобы независимо от того, по достижению Великими Князьями совершеннолетия, т.е. 20 лет, каждому из них представить на устройство помещения[3] по собственному усмотрению Его Высочества, единовременно, шестьсот тысяч рублей, за сим самым и разрешается вопрос о расходах, как единовременных, так и ежегодных, которые потребуются для Великих Князей при их совершеннолетии из удельных сумм».[4]

Примечательно, что в отношении решения вопроса о резиденциях для летнего пребывании великих князей («загородные Дворцы из принадлежащих Его Величеству, с тем, чтобы Их Высочества жили в них своим собственным хозяйством») Александр II отдал личное указание определить в ка-

[1] Бенуа Александр. Мои воспоминания. В пяти книгах. Издание второе, дополненное. Т.1. М., 1993. С. 110.
[2] Подчеркнуто в оригинале.
[3] В данном случае речь могла идти о постройке домов-резиденций великих князей.
[4] РГИА Ф. 515 Оп. 1. Д. 79. 1864 г. Л.3 (Дело по Высочайшему повелению о придворных штатах Государей Великих Князей Александра и Владимира Александровича. Начато 6 Апреля 1864 г. Кончено 8 Мая 1864 г.).

честве таковых для Александра Александровича Царскую Славянку, а для Владимира Александровича - Ропшу.[1] В конечном итоге, кроме выделяемой единовременно суммы в 600 тыс. руб., также был предложен проект штата Двора великих князей, утвержденный императором в неизменном виде. Указанная информация представлена в приложении 68 (см.: приложение 68).

10.04.1854 г. (в возрасте 7 лет) в. к. был пожалован первый офицерский чин прапорщика. Звание поручика в. к. получил 8.01.1858 г. Еще до получение в командование своего первого воинского подразделения, роты л.-гв. Преображенского п. (8.07.1866 г.), великий князь был зачислен в ряды л.-гв. Стрелкового п. (Императорской фамилии батальона; в 1855 г.), шефом 3-го драгунского Новороссийского полка (1856 г.), шефом Поселенного № 6 Тавастгусского Финского стрелкового батальона (1863), л.-гв. Кавалергардского п. (1865). Кроме этого, великому князю был пожалован вензель на погоны и эполеты Е.И.В. Николая I (19.02.1855), а 20.06.1855 г. – звание флигель-адъютанта.[2] Примечательно, что присягу о вступлении на военную службу великий князь принял в звании полковника (с 10.04.1867 г.) под знаменем л.-гв. Драгунского п. 17.04.1867 г.

Таким образом, к моменту получения воинского звания генерал-майора, которое было ему присвоено 30.08.1868 г., являлся шефом 3-х и числился в составе 5-ти полков и 2-х батальонов (л.-гв. Саперного и л.-гв. Стрелкового Императорской Фамилии).

К моменту *выхода в отставку* (26.10.1905 г.) великий князь числился в л.-гв. Кавалергардском, л.-гв. Преображенском полках, л.-гв. 1-м Стрелковом Его В. и л.-гв. 4-м стрелковом Императорской Фамилии полках, а также л.-гв. Саперном батальоне. Кроме этого, в. к. числился в списках ПК. Владимир Александрович также являлся шефом л.-гв. Драгунского, 7-го драгунского Новороссийского кавалерийских полков и 17-го Архангелогородского, 47-го Украинского, 83-го Самурского полков и 1-го Западно-Сибирского линейно-

[1] Там же. Л. 6об.
[2] РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 4. (1872-1909: Послужной список Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича. Составлен по 4-е Февраля 1909 г.).

го батальона. К указанному времени великий князь также шефствовал над Прусским № 12, Тюрингенским гусарским и австрийским № 14 гусарским полками.[1] «Скорость» карьерного роста от звания прапорщика и до звания генерал-майора великого князя составила 14 лет.

К моменту получения указанного воинского звания в. к. был 21 год. А 1 июня 1869 г., то есть в возрасте 22 лет, он по Высочайшему повелению был назначен командиром л.-гв. Преображенского п., которым прокомандовал немногим более месяца. Несмотря на столь непродолжительное командование полком, великий князь на протяжении всей жизни продолжал курировать его и остро переживал его взлеты и падения. Например, он был крайне рад назначению временно командующим полком генерала Н.А. Епанчина, так как считал, что генералы в. к. Константин Константинович и С.С. Озеров довели полк до плачевного состояния. Примечательно, что великая княгиня Мария Павловна позиционировала себя как «мать-командирша» преображенцев.[2] 16.08.1874 г. Владимир Александрович получил звание г.-лейтенанта и назначен начальником Гв. Стрелковой бригады, а 30 августа – начальником 1-й гв. стрелковой дивизии («с оставлением в прежних званиях»).[3] Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в. к. был назначен временно-командующим 12-го корпуса в составе Рущукского отряда, которым командовал его старший брат, цесаревич в. к. Александр Александрович а после окончания войны, 17.08.1880 г. получил под свое начало ГК (в качестве Командующего).[4] В том же году (30 ноября) Владимир Александрович был произведен в г. от инфантерии, а 2.03.1881 г. в. к. был назначен Командующим войсками Гв. и СПб. ВО, - на этом посту он также сменил своего старшего брата. Данная рокировка была обусловлена трагической гибелью отца обоих великих князей. С этого момента для в. к. Владимира начинался новый период в его жизни. Фактически он становился в Российской империи

[1] СГС. СПб., 1905. С. 8.
[2] Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 267-268.
[3] РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 4. Л. 55.
[4] Там же. Л. 56.

человеком № 2 (будущий император Николай II родился 6 мая 1868 г., к моменту гибели деда ему было всего 12 лет). В правящей династии были и более старшие по возрасту и авторитету князья, в первую очередь братья Александра II: Константин (род. в 1827 г.), Николай (род. в 1831 г.) и Михаил (род. в 1832 г.), но полным и безграничным доверием у нового императора пользовался только его брат в. к. Владимир Александрович.

С момента нового назначения на в. к. (и императорскую гв. в его лице, как единственную «прочную» опору престолу) «пролился дождь» монаршей милости (своеобразной «братской ласки»). Только за 1881-1882 гг. Владимир Александрович получает пять Высочайших признательностей и 2 рескрипта (9.08.1881 и 7.08.1882 гг.).[1] Данное изъявление «монаршего расположения» (формулировки могли быть разные: «искренняя признательность», «совершенная признательность», «глубокая душевная признательность», «высочайшая благодарность», «искренняя благодарность», «монаршее благоволение») приравнивалось к особой награде и в обязательном порядке заносилось в послужной список офицера. Отдельные генералы имели за всю свою служебную карьеру в генеральских чинах и званиях всего по одной «признательности» или «благодарности» и гордились ею не менее, чем высшими орденами империи (примечательно, что пожалование царским портретом для ношения на мундире или перстня с бриллиантами, как особых наград, зачастую также расценивалось выше, чем награждение орденом).

Так, военный министр, г.-адъютант г. от инфантерии П.С. Ванновский, за всю свою службу имел: 4 монарших благодарности (1854, 1858, 1861, 1879 гг.), 2 высочайших благодарности (1871, 1888 гг.), 6 искренних признательностей (1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1888), *всего 12*, и *2 высочайших рескрипта* (1883, 1886 гг.). В свою очередь знаковая для эпохи фигура, Киевский, Подольский и Волынский г.-губернатор и командующий войсками Киевского ВО г.-адъютант г. от инфантерии М.И. Драгомиров имел: 2 монаршие благодарности (1873, 1878), 1 искреннюю благодарность (1877) и 3 вы-

[1] Там же.

сочайшие благодарности (1890, 1899, 1902), *всего 6*. Кроме этого, ему было пожаловано 2 табакерки с портретами императоров Александра III и Николая II соответственно.

Примечательно, что командир ГК, г.-адъютант г.-лейтенант князь С.И. Васильчиков, монаршей милостью обласкан *не был вообще*.[1]

Общее представление о «монаршей милости» в отношении любимого брата дает приложение 69 (см.: приложение 69).

Кроме вышеперечисленного, в. к. был награжден 19 орденами и 2 медалями иностранных государств, включая Прусские ордена Черного Орла с цепью (1857, 1872), Красного Орла и «синий Макс» (Pour le merite - 1857), а также Французский орден Почетного легиона I степени (1867).[2]

Следует отметить, что, помимо непосредственных воинских обязанностей, в. к. являлся Сенатором, членом ГС, членом комитета министров, президентом Императорской академии художеств (с 14.02.1872), почетным членом: МАА (8.11.1889), НАГШ (16.09.1899), Николаевской инженерной академии (31.07.1899) и СПб. Академии Наук. Как «Главнокомандующий войсками Гвардии»[3] Владимир Александрович был также зачислен в качестве почетного члена в ряды ПК (корпус находился на территории СПб. ВО, и это являлось еще одной причиной зачисления великого князя в его ряды). Кроме этого, он являлся попечителем, почетным покровителем, почетным президентом, почетным председателем, почетным членом приблизительно двух десятков временных или постоянно действующих обществ, музеев, выставок, клубов (включая иностранные клубы: Королевский атлетический, Мальборо-клуб, немецкий Стрельбы голубей).

К достижениям *на военном поприще* и боевым заслугам в. к. в первую очередь необходимо отнести его участие в качестве временно-командующего 12-м корпусом в составе Рущукского отряда во время русско-турецкой войны, за командование которым Владимир Александрович был награжден ор-

[1] СГС. СПб., 1903. С. 369.
[2] РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 4. Л. 51-64.
[3] Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 302.

деном Св. Владимира II степени «с мечами» (16.09.1877). Участия великого князя в «делах» представлено в приложении 70 (см.: приложение 70).

Анализ приводимого в приложении материала позволяет утверждать, что в. к. принимал участие в 9-ти «делах». Его боевые заслуги были отмечены следующими наградами: за отражение нападения Сулейман-Паши 14.11.1877 г. около Батинского моста в. к. был награжден орденом Св. Георгия III степени, а за отличие в сражении под Мечкой 30.11.1877 г. ему была пожалована золотая сабля, украшенная бриллиантами. Следует отметить, что, кроме участия в событиях кампании 1877-1878 гг. в. к. опыта ведения боевых действий не имел. В. к. также не имел академического военного образования. Как следствие, его представления о службе и путях развития армии имели умозрительный, бессистемный и поверхностный характер. В отношении «качества командования» и военных заслуг великого князя во время кампании 1877-1878 гг. генерал Н.А. Епанчин, также ее участник, вспоминал следующее: «Скажу несколько слов о службе Великих князей в походе 1877-1878 гг. Великий князь Владимир Александрович прекрасно командовал XII армейским корпусом. […] члены Царского Дома в общем вели себя на войне, как честному воину надлежит…».[1]

Примечательно, что с момента окончания русско-турецкой войны и до 1904 г. в. к. всего два раза принимал участие в «больших маневрах»: 20.08.1890 г. в Киевском ВО и Варшавском ВО, и 27.08.1892 г. под Ивангородом.[2] Владимиру Александровичу неоднократно приходилось выезжать с инспекцией войск, а иногда и своих подшефных частей. Но качество этих инспекций остается под большим вопросом. Офицер л.-гв. Семеновского п. Ю.В. Макаров вспоминал: «Как и полагалось начальству доброго старого времени, он никогда никого не ругал и не разносил, а только хвалил и благодарил. Неизвестный до того для высокого начальства обычай разносить и браниться, ввел Николай Николаевич, его заместитель».[3] Многие современ-

[1] Епанчин Н.А. Указ. соч. С.100.
[2] РГИА. Ф.528. Оп.1. Д.4. Л. 71-72.
[3] Макаров Ю.В. Моя служба в старой гвардии. 1905-1917. Буэнос-Айрес, 1951. С. 123.

ники подчеркивали, что в. к. был человек не военный. К тому же он проводил много времени за границей, как следствие выпуская из поля зрение вверенные ему войска и перепоручая свои непосредственные обязанности заместителям и штабным офицерам. Именно на эту группу людей ложилась основная нагрузка по поддержанию боеспособности частей СПб. ВО. В этом плане наиболее удивительную характеристику великому князю и его отношению к военному делу дает граф С.Д. Шереметьев: «С точки зрения николаевского фрунтовика, держащегося мнения, что война портит солдата, конечно, Владимир Александрович не удовлетворял требованиям».[1] *«Война портит солдата»* - кредо во многом определяющее содержание ментальных переживаний великого князя, который несмотря на все свои чины и награды удивительным образом сохранил психологию «милого штатского».

В. к. был действительно выдающимся командиром «армии мирного времени», армии, безусловно, способной побеждать, но которой было категорически противопоказано воевать. В этом причина колоссальной крови и невероятной жертвенности русского воинства. В русской армии солдата учили не побеждать, выживая любой ценой и при этом нанося максимальный урон врагу (именно в этом заключается залог эффективности и высокого профессионализма), а умирать, зачастую глупо и бессмысленно, «за Царя, за Родину, за Отечество». Но именно «бессмысленная смерть» как мощнейшая мифообразующая сила является важнейшим инструментом пропаганды в авторитарных обществах.

Тем не менее в. к. сравнительно адекватно отреагировал на события русско-японской войны, категорически настояв на запрете использовать части и подразделения императорской гвардии (которая, благодаря его пусть и не военным качествам, а во многом хозяйственной опеке, сохраняла высокую боеспособность) в боевых действиях, чем, по мнению военного министра генерала А.Ф. Редигера, спас не только армию, но и престол в 1905-1907 гг. Генерал отмечал: ««В порядке оставалась только гвардия и кавалерия. Со-

[1] Шереметьев С.Д.. Указ. соч. Т. 1. С. 404.

хранение Гвардии в порядке – всецело заслуга великого князя Владимира Александровича, который допускал перевод офицеров из Гвардии на Восток лишь при условии, что они уже в Гвардию не возвращались. Гвардия в 1905-1906 гг. спасла положение, без нее переворот 1917 года мог произойти уже тогда».[1] В качестве ремарки следует отметить, что великий князь был членом и одним из организаторов «Священной дружины» и хорошо помнил смерть своего отца (степень психологической травмы, нанесенной покушением и убийством 1.03.1881 г., в. к. определить достаточно сложно). Поэтому его реакция на волнения 9.01.1905 г. не могла быть адекватной по определению. Граф С.Д. Шереметьев отмечал: «Так называемое «Освободительное движение» и многие явления с ним связанные, причиняли Владимиру Александровичу великое и тяжкое горе. Он видел разрушение многого, чему сочувствовал и служил и чему унаследовал от времен юных».[2]

В свою очередь, колоссальный интерес представляют психологические особенности человека, фактически единолично регулирующего процесс «производства» основной части военной и военно-политической элиты империи. Подавляющее большинство лично и близко знавших Владимира Александровича современников рисуют в своих воспоминаниях приблизительно *одинаковые* портреты великого князя, характеризуя с одной стороны антропометрические, физические и физиологические особенности, с другой – особенности его психики.

Если рассматривать антропометрические характеристики, то современники Владимира Александровича оценивают его как человека ростом ниже среднего (несколько «ниже ростом, чем старшие Романовы»[3]) и хорошо сложенного. Офицеры Ю.А. Макаров и А.А. Мосолов характеризуют Владимира Александровича как «красивого» человека. В отношении внешности великого князя граф С.Д. Шереметьев отмечал: «Черты лица были необыкновенно правильны, и в молодости его можно было почитать красивым. Особенно хо-

[1] Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 477.
[2] Шереметьев С.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 409.
[3] Макаров Ю.В. Указ. соч. С. 124.

рош был профиль, но скоро он стал стареть, а потеря зубов придавала ему совсем старческий вид, весьма преждевременный».[1] Уже в зрелом возрасте великий князь постоянно носил короткие бакенбарды, как во времена Александра II.[2]

В. к. являлся обладателем весьма звучного и приятного баритона, при этом сильно картавил (эту черту он унаследовал от Александра II). По поводу «звучности» голоса в. к. сохранились весьма разнообразные оценки. Одни современники считали, что князь имел всего лишь высокий голос (генерал А.А. Мосолов называл голос великого князя раскатистым), другие - что в. к. Владимир обладал резким, громким[3], отталкивающим голосом, при этом складывалось впечатление, что он постоянно кричит. Государственный секретарь А.А. Половцев называл в. к. человеком «[…] без всякой причины возвышающим голос так, что можно подумать, что он рассердился, когда ничего такого нет…»[4] Именно голос в. к. дистанцировал от князя тех, кто был мало знаком с ним, так как создавал эффект «резкого обхождения» с людьми.[5]

Данную точку зрения можно проиллюстрировать воспоминаниями генерала Н.А. Епанчина. Он писал: «Это был доброжелательный, прямой, справедливый человек, без какой-либо резкости в общении с подчиненными; некоторые считали его грубоватым, но я, хорошо зная Великого князя Владимира, решительно возражаю против этого. Говорили, что он иногда резок в обращении, но это объяснялось тем, что он был застенчив, и желая себя подбодрить и не конфузиться, повышал тон своего баритона […] Как это не странно, но это несомненно – Великому князю Владимиру Александровичу необходимо было сделать усилие, чтобы войти в гостиную с многочисленным обществом, и, подбадривая себя, он говорил излишне громко […]».[6]

В то же время «резкость обхождения» все-таки существовала. По замечаниям А.А. Мосолова, в. к. не терпел возражений («не позволял себе пере-

[1] Шереметьев С.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 406.
[2] Макаров Ю.А. Указ. соч. С. 124.
[3] Александр Михайлович, великий князь.
[4] Половцев А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 327.
[5] Там же. С. 423.
[6] Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 208.

чить»), и если уступал кому-то в споре, то только наедине с этим человеком. Он никогда не признавал своих ошибок публично.[1] По всей вероятности, со временем это сформировало в его поведении *комплекс «непогрешимости»*.

О грубости и крайней резкости в обращении, свойственной в. к., также упоминает генерал А.А. Киреев. Он писал: «Какая масса грубости делается в «высших сферах» и ведь совершенно даром. В особенности груб Вел[икий] кн[язь] Владимир Алекс[андрович]».[2] Примечательно, что позиционирующий себя в качестве «хорошего приятеля» великого князя С.Ю. Витте, также подчеркивал его некоторую неуравновешенность. Сергей Юльевич писал о великом князе: «[…] прекрасный, благороднейший человек, весьма образованный и культурный *хотя и не всегда уравновешенный*».[3] Примечательно, что в своих воспоминаниях граф не скупился на лестные замечания в отношении великого князя, называя его «культурным», «умным», «прекрасным», «благородным», «достойным», «человеком замечательного образования», «человеком замечательной культуры» и другими хвалебными эпитетами. Из других характерных особенностей внешнего облика в. к. современники отмечали, что он постоянно носил мягкие сапоги со спущенными голенищами.

Офицер л.-гв. Семеновского п. Ю.А. Макаров запомнил в. к. как человека, державшегося с подчиненными с большой простотой, несмотря на сохранявшуюся при любых обстоятельствах дистанцию, обусловленную его положением. В войсках гарнизона князя любили и почитали во многом как «доброго барина» («Был он веселый и «добрый барин», зла никому не делал»[4]). По воспоминания графа С.Д. Шереметьева, «доброта» в. к. проявилась еще в детстве, когда он общался на равных с приходившими во Дворец детьми по статусу значительно ниже его. Такое же отношение он сохранил и в юношеском возрасте. Граф Шереметьев писал: «[…]мы любили (также – *в оригинале добавлено синим карандашом*) Великих Князей Михаила Николае-

[1] Мосолов А.А. Указ. соч. С. 125.
[2] Киреев А.А. генерал от кавалерии. Дневник. 190-1910. / Составитель К.А. Соловьев. М., 2010. С. 192.
[3] Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 578.
[4] Макаров Ю.А. Указ. соч. С. 126.

вича, Владимира Александровича и Алексея Александровича, как добрых и приветливых (приветливых – *в оригинале зачеркнуто*), (а – *в оригинале добавлено синим карандашом*) всех же прочих, не обращавших на нас детей никакого внимания, не любили считали совершенно чужими, а некоторых прямо ненавидели».[1] В то же время в. к. требовал строго соблюдения уставов и существующих военных требований, и являлся хранителем военных традиций службы в императорской гвардии, но при этом требования свои он облекал в «мягкую форму».[2] Следуя «гв. традициям» времен своего отца, он попытался резко пресечь желание нарушить сложившийся уклад комплектования офицерского корпуса гв. полков и пренебрежения нормами корпоративной этики со стороны отдельных великих князей (например, Николая Николаевича-старшего, пытавшегося пристроить в Конную гвардию своих внебрачных детей, или Павла Александровича, а затем и Михаила Александровича) и представителей влиятельных аристократических кланов.

Епанчин отмечал «повреждение» нравов в великокняжеской среде, произошедшее после смерти императора Александра III, что, в свою очередь, было связано с ненадлежащим воспитанием великих князей. К началу XX в. верность «старым» традициям «благовоспитанности» сохранили только семьи великих князей Владимира Александровича, Константина Константиновича и Дмитрия Константиновича. При этом главы семей выступали своеобразным эталоном такой «благовоспитанности».[3] Епанчин писал: «Действительно, как это ни странно и даже неправдоподобно, но большинство Великих князей, особенно молодых, не отличались благовоспитанностью, за исключением Владимира Александровича, Павла Александровича, Константина и Дмитрия Константиновича, Петра Николаевича, Георгия Михайловича».[4] Примечательно то, что великий князь Михаил Александрович отмечал,

[1] РГИА. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 364. Л. 12 (Граф Павел Сергеевич Шереметьев «Великий князь Владимир Александрович» (черновик)).
[2] Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 208.
[3] Там же. С. 293.
[4] Там же. С. 235.

что Владимир Александрович откровенно презирал «молодых» великих князей.[1]

«Веселый нрав» в. к., а также ребяческая склонность к разного рода «шалостям» (Ю.В. Макаров упоминает о «шалостях» князя уже в конце его жизни и называет его «старый шалун»[2]), в том числе и уже в зрелом возрасте, также неоднократно подчеркивается в воспоминаниях о нем. В молодости, по воспоминаниям графа С.Д. Шереметьева, князь был душой компании, постоянно шутил, был способен увлечь окружавшую его аудиторию, придавая любой компании своим присутствием «особое оживление», а его громкий хохот «раздавался повсюду».[3] При этом данная оценка в. к. как-то не вяжется с воспоминаниями генерала Н.А. Епанчина о его робости перед большой аудиторией.

Владимир Александрович никогда не любил верховую езду. Граф С.Д. Шереметьев отмечал, что в. к. «тяжело» садился на лошадь, а его братья постоянно подтрунивали над отсутствием у него «кавалерийской жилки».[4] Офицер л.-гв. Семеновского полка Ю.В. Макаров, знавший в. к. уже в зрелом возрасте, вспоминал, что он практически никогда не ездил верхом, а только в коляске, а в лагерях - на тройке и «на широких козлах рядом с кучером». Находясь в лагерях, Красном Селе, Гатчине, великий князь принимал смотры просто привстав в коляске.[5] В свою очередь, в. к. Мария Павловна в отличие от мужа не только любила верховую езду, но и приучила к ней своих сыновей. Кирилл Владимирович отмечал: «Мать была прекрасной наездницей. Помню, как она скакала галопом с кавалеристами, а мы изо всех сил старались не отставать на наших маленьких пони».[6]

Примечательно, что практически все современники сходятся в том, что в. к. был необычайно «добрым» человеком. В данном случае подтверждение этому тезису можно встретить у в. к. Александра Михайловича, который

---

[1] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 114.
[2] Макаров Ю.В. Указ. соч. С. 125.
[3] Шереметьев С.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 401.
[4] Там же.
[5] Макаров Ю.В. Указ. соч. С. 123.
[6] Кирилл Владимирович, Император. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996. С. 12.

считал его «очень добрым» человеком[1], или у графа С.Ю. Витте, который неоднократно называл его «благороднейшим и прекраснейшим человеком».[2] Граф С.Д. Шереметьев отмечал особую деликатность и предупредительность в. к., в отдельных случаях «переходившую границы».[3]

В. к. фактически никому не был способен отказать во всевозможных просьбах и прошениях, ему нравилось осознавать и реализовывать «свою власть» – в конечном итоге у князя сложилось почти полубожественное восприятие окружающей его действительности, опирающейся на уверенность, что он может почти что все. Примечательно то, что схожая черта прослеживалась и у его брата Сергея Александровича. Великий герцог Гессенский и Прирейнский Эрнст Людвиг, брат супруги в. к. Сергея, отмечал: «Он часто бывал самоуверенным. В такие моменты он напрягался, взгляд его становился жёстким… Поэтому у людей складывалось неверное впечатление. В то время как его считали холодным гордецом, он помогал очень многим людям, но делал это в строгой тайне».[4]

«Доброту» Владимира Александровича активно эксплуатировали как влиятельные царедворцы (в том числе и в случае принятия судьбоносных для России решений), так и рядовые офицеры отдельных гвардейских полков. Так, граф С.Ю. Витте[5] в своих мемуарах упоминает, что он неоднократно прибегал к помощи великого князя; впрочем были между ними и разногласия: так, великий князь, под воздействием наветов, мешал графу «продавливать» «винную (питейную) монополию».[6] Еще одним примером могут служить переговоры П.А. Столыпина с в. к. и его женой по вопросу об отчуждении удельных земель. Даже в данном случае Владимир Александрович *в ко-*

[1] Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний… - С.114.
[2] Витте С.Ю. Указ. соч. С. 389.
[3] Шереметьев С.Д. Указ. соч. С. 468.
[4] Шарлотта Зеепват. Цари перед объективом. Семья Романовых в фотографиях. Днепропетровск, 2005. С. 47.
[5] С.Ю. Витте был одним из преподавателей сына в. к. Владимира Андрея Владимировича.
[6] Витте С.Ю. Указ. соч. С. 259.

нечном итоге выразил свое согласие и поддержал Петра Аркадьевича, хотя и с очевидным неудовольствием.[1]

В качестве заботы о «простых смертных» можно привести пример офицера л.-гв. Кавалергардского п. С.А. Панчулидзева (справедливости ради следует отметить, что Сергей Алексеевич был в. к. «не совсем чужим». Сохранились воспоминания, что он был активным членом «Священной дружины»[2]), который в декабре 1902 г. хлопотал перед великим князем о своем назначении в качестве управляющего Архивом ГС. Сергей Алексеевич несколько раз завтракал с великим князем, тот, в свою очередь, отнесся к отставному ротмистру более чем благодушно.

О формате и психологической атмосфере данных переговоров можно судить по письмам С.А. Панчулидзева своей жене Надежде Борисовне (в девичестве Полторацкой). В частности, Сергей Алексеевич писал: «*СПб. 30./12 -902 г.* Вчера Вел[икие] Кн[язья]: Н[иколай] М[ихайлович] и В[еликий] Кн[язь] Вл[адимир] Ал[ександрович] Завтракали вместе у Государя в Ц[арском] Селе. В[еликий] Кн[язь] Вл[адимир] Ал[ександрович] просил Государя назначить Андриевскаго, согласно желанию последнего, членом Совета М-ва Землед., что Государь обещал сделать. После завтрака Н.М., оставшись вдвоем с государем, опять напомнил Ему обо мне, прочел Государю копию с моего письма к Вл[адимиру] Ал[ександровичу] – Государь в милостивых словах отозвался обо мне и обещал при первом докладе сказать Ермолову о назначении Андриевскаго. Меня уверяют, что теперь дело будет наверняка сделано».[3] И еще одно письмо: «*31/XII – 902.* Завтракал у В[еликого] Кн[язя] Вл[адимира] Ал[ександровича] Великий Князь передал мне, что Государь ему обещал меня вскоре назначить. Вчера по желанию Его Величества Вл[адимира] Ал[ександровича] переслал Государево мне письмо. «Теперь» сказал Вл[адимир] Ал[ександрович] «если может быть задержка то

[1] Гурко В.И. (Владимир Иосифович). Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 582.
[2] Дворцовые интриги и политические авантюры: записки Марии Клейнмихель. М., 2014. С. 145.
[3] РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 79. Л. 108 (Письма Панчулидзева С.А. жене Панчулидзевой Надежде Борисовне 1892-1908 гг.).

только от Витте, в назначении оклада Андриескому», но я надеюсь, что он не сделает затруднений. Дай-то Бог. Говорят все, что теперь дело в шляпе».[1]

В данном случае показательна настойчивость великого князя в решаемых им вопросах, особенно в протекции своих креатур: для России рассматриваемого периода это было повсеместное явление. В подавляющем большинстве случаев фактор связей, особенно с такими «небожителями», как в. к. Владимир, являлся решающим. В исследовании 1906 г. «Из печального опыта русско-японской войны» г.-майор Е.И. Мартынов указывал, что в русской армии существует три пути решения отдельных вопросов (в первую очередь кадровых): служба в гвардии, служба в различных структурах ГШ и придворная служба или/и близкое знакомство с «влиятельными особами».[2] Три указанных пути были беспроигрышными, особенно в случае близкого знакомства с «небожителями». Панчулидзев как «беспорочный» офицер л.-гв. Кавалергардского п. (да еще и член «священной дружины»[3]) мог обратиться к своему сослуживцу и, как следствие, на пути решения его проблем могло встать только желание «знатной особы» их решать. Примечательно, что к началу XX в. одним из основных мест решения деловых вопросов, по мнению великосветской дамы графини Марии Клейнмихель, являлся Яхт-Клуб, - закрытое образование, допуск в который имели только его члены. Мария Эдуардовна сравнивала по значимости Яхт-Клуб с Сенатом или Государственным Советом. Она отмечала: «[…] нередко случалось, что там начинали карьеру, создавали себе имена и наоборот – свергали нежелательных лиц с их высоких постов». Далее графиня резюмировала: «В России было два рода близких к Его величеству людей: одни – выдвинутые счастливым случаем, другие – члены Яхт-Клуба, особые существа, для которых все было достигнуто».[4] Примечательно, что Владимир Александрович (наряду с великим князем Николаем Константиновичем) был одним из старейших почетных

[1] Там же. Л. 111.
[2] Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М., 2003. С. 62.
[3] Лебедев И.В. Священная дружина в общественной жизни России в начале 80-х годов XIX века: диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Лебедев Игорь Владимирович. - М., 2002. С. 103.
[4] Дворцовые интриги и политические авантюры: записки Марии Клейнмихель. М., 2014. С. 153.

членов Яхт-Клуба. Свое членство он вел с 1869 г.[1] (к 1897 г. в Яхт-Клуб на правах почетных членов входило 7 великих князей, включая императора; всего клуб насчитывал 344 человека, из них 35 почетных, 299 действительных члена и 10 сотрудников[2]). Впрочем, круг просителей у великого князя, в силу его крайне широких полномочий и значительного числа занимаемых им должностей, был изначально шире, чем у подавляющей части «властной знати». Следует отметить, что переговоры, которые в. к. вел в отношении С.А. Панчулидзева, закончились успешно, и он занял должность, на которую рассчитывал.

В. к. также активно поддержал начинания Сергея Дягилева (и это при том, что он принадлежал к группе лиц, которую А. Бенуа называет «les bêtes noires всего академического ареопага») по «экспорту» русской культуры за границу (в Париж). Александр Бенуа писал: «По счастью ему сразу же удалось заручиться высоким покровительством в. к. Владимира Александровича, а это и помогло ему раздобыть и нужные громадные средства и открыло двери, не исключая тех, ключи от которых находились в руках наших злейших врагов […]».[3] Следует отметить, что князь не только помог на формальном уровне, но и лично, без советчиков изучил и проинспектировал «авантюру» С. Дягилева и остался крайне доволен.[4]

Генерал Н.А. Епанчин также вспоминал, что в. к. был всегда открыт для разного рода разумных начинаний.[5] Например в. к. практически сразу принял сторону генералов О.-К.Ф. Гриппенберга и Н.А. Епанчина, когда те предложил создать экономическое общество для офицеров с целью хотя бы частичного «удешевления» их жизни: великий князь отдал распоряжение об организации комиссии во главе с генералом О.-Ф. К. Гриппенбергом для разработки устава общества и курировал все этапы формирования его матери-

[1] Санкт-Петербургский речной Яхт-Клуб. Памятная книжка 1897 г. (Исправлено по 1 Июня). СПб., 1897. С. 12.
[2] Там же. С. 45.
[3] Бенуа Александр. Мои воспоминания. В пяти книгах. Издание второе, дополненное. Т.2. М., 1993. С. 479.
[4] Там же. С. 480.
[5] Епанчин Н.А. Указ. изд. С. 282.

альной части, «устроительства складов» и помещений.[1] Что касается основных пристрастий в. к., то их было несколько и, в силу их самодостаточного характера, они могут быть разбиты на несколько отдельных групп:

- во-первых, как и подавляющая часть Романовых, в. к. был ярым поклонником и большим знатоком охоты. Любимым местом данного времяпрепровождения были охотничьи угодья в Скерневицах (бывшие владения великого князя Константина Павловича), на территории Польши и Беловежская Пуща.[2] Академик, начальник Медицинской академии, во время Первой мировой войны консультант и хирург при Ставке военный врач Н.А. Вельяминов (в начале 90-х гг. XIX в. старший врач л.-гв. Семеновского п.), находящийся под протекцией императоров Александра III и Николая II, и, как следствие, сам являющийся представителем элиты, по крайней мере лиц ее обслуживающих и пользующихся максимальным объемом благ, порождаемых этим положением, подчеркивал: «… я сразу получил приглашение и на охоты, чему очень обрадовался, ибо охоты в Спале и Скерневицах были одни из лучших и богатейших в мире. Подчеркиваю только что сказанное, ибо оно очень хорошо характеризует Государя Александра III – по отношению к маленькому полковому врачу».[3]

Он хорошо знал ее географию не только на территории Российской империи, но и в отдельных странах Европы, в первую очередь – в Германии. В своих «Русских письмах» Х. фон Мольтке-младший, начальник германского ГШ в 1906-1914 гг., отмечал (запись от 2.10.1895 г.): «Его Императорское Высочество – страстный охотник, ему знакомы все охотничьи угодья Германии, он раньше часто стрелял оленей в Ромintене и в Шарфхайде и не мог подавить легкого сожаления в связи с тем, что эти времена ушли в прошлое. Он велел принести также рога подстреленных им в последнее время оленей,

[1] Там же. С. 250.
[2] РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 4. С. 70-74 (Послужной список Е. И. Высочества Государя Великого Князя Владимира Александровича).
[3] Вельяминов Н.А. Указ. соч. С. 264.

которыми я искренне восхитился, потому что рога в самом деле были внушительные».[1]

Владимир Александрович не был любителем городской, столичной жизни и подолгу жил в Царском Селе. В. к. Кирилл Владимирович вспоминал: «Отец очень любил жить за городом и, насколько это было возможно, задерживался в Царском после Рождества, хотя в это время года они с мамой часто давали обеды в Санкт-Петербурге. В начале января нас увозили во Владимирский дворец в столице, где мы оставались до конца апреля, а затем возвращались в Царское. Так повторялось каждый год».[2]

- во-вторых, практически все современники сходятся на том, что Владимир Александрович являлся знатоком и, по определению, А.А. Половцева, «тонким ценителем»[3] искусства. Генерал А.А. Мосолов отмечал следующее: «Как Президент Академии художеств он был просвещенным покровителем всех отраслей искусства и широко принимал в своем дворце талантливых людей».[4] Примечательно, что в одном из своих писем 1871 г. великий князь написал: «Для меня духовные люди в высшей степени привлекательны. Я всегда чувствую на себе их благотворное влияние».[5] В то же время А.А. Половцев отмечал, что со временем подчиненные великого князя развили в нем некое подобие «дурного вкуса». Как следствие, он стал более консервативен в своих взглядах, тяготел к «академизму» и был весьма сдержан к инновациям.[6] Тем не менее князь расценивал движение «передвижников» как положительное явление, способное оздоровить мир русской живописи. В частности, И.Н. Крамской отмечал, что великий князь как-то признался ему, что выставка «передвижников» «[…] есть учреждение очень хорошее, которому он сочувствует и всегда готов покровительствовать».[7] Кроме этого, в. к. коллекци-

[1] Мольтке Х. фон. Русские письма. / Пер. с нем. М.Ю. Некрасова. СПб., 2008. С. 38.
[2] Кирилл Владимирович, Император. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996. С. 6.
[3] Половцев А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 71.
[4] Мосолов А.А. Указ. соч. С. 125.
[5] ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 9. Л. 68.
[6] Половцев А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 71.
[7] Крамской И.Н. Письма, статьи. В 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 215.

онировал старинные иконы[1] и редкие ювелирные изделия. Так, А.А. Половцев вспоминал, что однажды в. к. показал ему редкой красоты рубин, который он торговал у князя Волконского, доставшийся в подарок от его деда, которому, в свою очередь, камень был подарен австрийским императором.[2]

- как уже отмечалось, Владимир Александрович был «редким» знатоком истории. Его сын в. к. Кирилл Владимирович писал о том, что отец обладал фантастическими знаниями и феноменальной памятью, удивлявшей ученых мужей. В. к. Кирилл отмечал: «Отец больше всего интересовался историей, и вечерами, когда мама вязала, он читал ей книги по истории XVIII и XIX столетий. Особое внимание он уделял изучению журналов двора, содержащих повседневные и даже ежечасные записи фактов из жизни русских императоров и императриц. Насколько я помню, они начинались с Императрицы Елизаветы и уж наверняка с Екатерины Великой. Доступ к этим журналам имели лишь члены императорской семьи, и они не только являлись восхитительным материалом для чтения, но и представляли огромный исторический интерес».[3] Граф Шереметьев отмечал, что Владимир Александрович не просто любил историю, а любил ее «бескорыстно», как чистое не ангажированное знание. Он «упивался чтением особенно мемуаров и знал русскую историю, да и всеобщую как редко кто».[4]

- в. к., как и практически все мужчины Дома Романовых, увлекался балетом (в данном случае речь скорее должна идти об увлечении балеринами). В. к. Александр Михайлович отмечал, что в. к. Владимир проявлял значительный и устойчивый интерес к балету, а также одним из первых принял участие в финансировании заграничных балетных турне С. Дягилева.[5]

Хорошо известно, что Владимир Александрович активно покровительствовал балерине М.Ф. Кшесинской, которой был увлечен один из его сыно-

---

[1] Александр Михайлович, великий князь. Указ. соч. С. 114.
[2] Половцев А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 60-61.
[3] Кирилл Владимирович, Император. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996. С. 4-5.
[4] РГИА Ф. 1088. Оп. 2. Д. 364. С. 13.
[5] Александр Михайлович, великий князь. Указ. соч. С.114.

вей[1] (в. к. Андрей Владимирович, с которым в конечном итоге в 1921 г. в эмиграции она вступила в морганатический брак; у балерины был сын, В.А. Красинский (с 1935 г. Красинский-Романовский), отцом которого, по всей вероятности, был в. к. Сергей Михайлович, но усыновил его Андрей Владимирович. Балерина упоминает о «стычках», возникавших по ее поводу, которые со временем переросли во вражду между указанными великими князьями[2]). Матильда Феликсовна вспоминала, что великий князь неоднократно посещал ее выступления и репетиции еще до знакомства балерины с его сыном. Примечательно, что Владимир Александрович старался встретиться с Кшесинской даже во время ее турне за границей.

В отношении данного неоднозначного внимания она писала (запись сделана во время сезона в Красном Селе в 1892 г.): «Великий князь Владимир Александрович любил бывать на репетициях, которые начинались в три часа дня. Он приходил ко мне в уборную, чтобы просто поболтать. Я ему нравилась, и он шутливо сетовал, что слишком стар. Он подарил мне свою фотографию с надписью: «Будь здорова, душечка». До конца своих дней он оставался мне верным другом».[3] Некое подобие дружбы, выражавшееся в том числе и в постоянных знаках внимания в виде подарков (от незначительных «безделушек» до настоящих произведений искусства, имевших значительную цену (например, вазы из коллекции графа Воронцова, драгоценные яйца Фаберже («на Пасху»), ювелирные изделия с драгоценными камнями[4]), действительно продолжалось до конца жизни великого князя. По поводу смерти великого князя балерина записала: «Его смерть потрясла меня… В его лице я потеряла близкого друга, которого просто боготворила. Сколько раз в трудные моменты жизни он брал меня под свою защиту, оказывал моральную

[1] По поводу этих увлечений граф С.Ю. Витте писал: «Великий князь Андрей Владимирович уже в 1902 г. начал несколько уклоняться от правильной, нормальной жизни, особенно присущей столь высоким лицам, каковы великие князья, поведением и действием которых интересуется все общество», - и далее: «[…] Андрей Владимирович начинает пошаливать и я боюсь, чтобы это не кончилось дурно» (см.: Витте С.Ю., граф. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 389).
[2] Кшесинская М. Воспоминания. / Пер. с франц. Л. Папилиной. Смоленск, 1998. С. 138.
[3] Там же. С. 54.
[4] Там же. С. 138.

поддержку».[1] В данном случае, безусловно, речь может идти не столько о пристрастии к балету, сколько о увлечении самой Кшесинской, но степень и формат этого увлечения определить достаточно сложно. Хорошо известно, что, благодаря «любви к балету» сильных мира сего, Матильда Феликсовна сколотила огромное по тем временам состояние.

- наконец, еще одним пристрастием в. к. являлась кулинария как своеобразная форма искусства. Генерал А.А. Мосолов отмечал, что в. к. был «исключительным знатоком еды» и владельцем редких коллекций меню «с собственными заметками, сделанными непосредственно после трапезы».[2] В свою очередь А.А. Половцев расценивал данное пристрастие в. к. скорее как недостаток, прозрачно намекая, что князь *был предрасположен к обжорству*, иногда устремляя все свои помыслы к вкусной и изысканной трапезе. А.А. Половцев писал: «[…] могущий очень хорошо и верно судить о происходящем вокруг него, но не находящий к тому времени за помышлением о еде, питье и т.п.».[3] А.А. Половцеву отчасти созвучен и генерал А.А. Киреев. В своем дневнике он дает следующую характеристику великому князю (запись от 23.06.1906 г.): «Влад[имир] Александрович (Вел[икий] кн[язь] – человек не без культуры, но весь ушел в гастрономию…».[4]

Из пристрастия в. к. к изысканной кухне органически вытекало еще одно увлечение, трансформировавшееся со временем в своеобразный ритуал, – регулярное, не менее 2-х раз в год, посещение столицы Франции. В. к. Александр Михайлович в своих воспоминаниях отмечал: «С ним нельзя было говорить на другие темы, кроме искусства или тонкостей французской кухни. Его поездки в Париж причиняли массу хлопот и неприятностей кухонным шефам и метр д-отелям «города светоча». Но, после того, как он вдоволь отводил душу за критикой обеденного меню, его щедрые чаевые сыпались всем, кто только протягивал руку».[5] Анализ послужного списка в. к. наглядно

[1] Там же. С. 165.
[2] Мосолов А.А. Указ. соч. С.125.
[3] Половцев А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 327.
[4] Киреев А.А. Дневник. 1905-1910. М., 2010. С.151.
[5] Александр Михайлович, великий князь. Указ. соч. С. 114.

демонстрирует, что постоянные заграничные турне как деловые, так и с целью развлечения являлись серьезным препятствием для исполнения им своих непосредственных обязанностей. Общее представление о заграничных турне великого князя дает таблица, помещенная в приложение 71 (см.: приложение 71).

Анализ таблицы позволяет сделать вывод о том, с 1881 по 1902 г. в. к. выезжал за границу 35 раз. Вояжи в. к. можно условно разделить на два вида: официальные поездки, преследовавшие три цели – либо похороны, либо свадьбы, либо рождение венценосных особ и различных заграничных родственников семьи Романовых; второй вид составляли поездки с целью отдыха, которые иногда совмещались с охотой (выявлено 5 прецедентов подобного рода – данная тенденция не носила устойчивого характера), а в одном случае с поездкой в Крым, в Ливадию (октябрь 1894 г.).[1] В отдельных случаях князь выезжал за границу до 3-х раз в год, а единичные поездки могли продолжаться до двух месяцев. Сложно говорить о подлинном пристрастии великого князя к Франции. Ряд современников полагал, что, пережив эпоху германофобии периода правления Александра III, два великих князя, Михаил Николаевич и Владимир Александрович, продолжали оставаться приверженцами германофильства. Примечательно, что генерал Х. фон Мольтке называл в. к. Владимира «нашим хорошим другом».[2] В. к. посещал отдельные аристократические дворы Германской империи не только с официальными визитами, но и с целью «приятного времяпрепровождения». В частности, он принимал участие в приемах и охотах, устроенных кайзером (например с 31.10. по 4.11.1895 г.[3] или с 5.03. по 13.03.1897 г.[4]). Вышесказанное (в части любви к Германии) также можно подтвердить воспоминаниями в. к. Кирилла Владимировича. Он отмечал: «Каждые два или три года, осенью, когда отец освобождался от лагерей в Красном, мы отправлялись погостить к дяде Фридри-

[1] РГИА. Ф.528. Оп. 1. Д. 4. С. 70-74.
[2] Мольтке Х. фон. Русские письма. СПб., 2008. С. 107.
[3] РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 4. Л. 73.
[4] Там же.

ху, тете Анастасии и их детям в Шверин. Мы были в большой дружбе с нашими родственниками и поэтому обожали эти поездки. Престарелая принцесса Пруссии, Александрина, сестра Вильгельма I и великая герцогиня Мекленбург-Шверинская, которую мы звали бабушкой, жила в небольшом замке в Шверине […] Отец очень любил ездить в Шверин, так как был страстным охотником, а окрестные леса были идеальным угодьем для охоты на оленей».[1]

В. к. был не только любителем заграничных турне. По мнению графа С.Д. Шереметьева, он объездил почти всю Россию. Граф писал: «Где только не был Великий Князь в России! Он любил путешествовать и знал свою страну великолепно. Меня всегда поражало, куда не приедешь, в глухой какой-нибудь угол, думаешь кто мог сюда заехать, смотришь, а Великий Князь Владимир Александрович уже был здесь и память о нем сохранилась».[2] В. к. не был лишен *дурных привычек*, приведших к его преждевременному старению. Многие представители его ближнего круга отмечали, что он был страстным поклонником шампанского. По воспоминаниям графа С.Д. Шереметьева, в молодости Владимир Александрович был склонен к «широкому житью и к пирушкам», как следствие, со временем он стал вести крайне «неосторожную жизнь», подорвавшую его здоровье. Граф писал: «Но он вел неосторожную жизнь и приучил себя к ежедневному употреблению шампанского. Это было его любимое вино, и он не ложился спать до конца почти дней своих без того, чтобы не выпить бокал-другой шампанского, что было ему чрезвычайно вредно».[3]

Наряду с прослеживающимися признаками алкоголизма, в. к., по всей вероятности, «баловался» наркотиками. В частности, граф С.Д. Шереметьев отмечал, что князь мог иметь пристрастие к ним (морфию) или по меньшей мере мог *спорадически* их употреблять. На это, в частности, указывают следующие извлечения из его записок: «[…] что касается до адъютанта его Шу-

[1] Кирилл Владимирович. Указ. соч. С. 20, 24.
[2] РГИА Ф. 1088. Оп. 2. Д. 364. С. 13.
[3] Шереметьев С.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 406.

валова, то он сам (*будучи позднее морфинистом*) нередко *подвинчивал* и Владимира Александровича, который был к нему расположен».[1] Менее объективный в своих оценка в силу их очевидного «классового содержания» «советский граф» А.А. Игнатьев, в бытность своей службы в императорской армии в качестве офицера л.-гв. Кавалергардского п., уязвлял великого князя тем, что тот не мог заснуть, не выпив на сон грядущий бутылку шампанского. При этом он подчеркивал, что таковую Владимир Александрович выпивал ежедневно.[2]

В. к. также «поигрывал» в карты на деньги (Н.А. Вельяминов отмечал, что играл великий князь «отлично»), но при его состоянии «проиграться» было невозможно даже в теории. К тому же Владимир Александрович был, видимо, не очень заядлым игроком. Современники отмечали, что в. к. предпочитал играть в *вист и пикет*[3]. Он также был отмечен за модной в начале XX в. игрой в «тетку», в которую играл в том числе и с Матильдой Кшесинской.[4]

Если рассматривать политические взгляды в. к., то в целом их можно назвать умеренно-либеральными (безусловно, великий князь был монархистом, но в целом склонялся к допущению конституционной монархии), хотя после убийства Александра II великий князь принял участие в организации «Священной дружины» и был поборником решительной реакции. В. к. Кирилл Владимирович настаивал на том, что «отец был человеком строгих консервативных принципов XIX века».[5] Со временем воззрения Владимира Александровича стали мягче. По воспоминаниям депутата Государственной Думы В.И. Гурко в. к. высказывался за возможность привлечения «общественных элементов» к участию в законодательстве.[6] В. к. сочувствовал неославянофилам и, по воспоминаниям генерала А.А. Киреева, несколько раз

[1] Там же.
[2] Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 2002. С. 70.
[3] Вельяминов Н.А. Указ. соч. С.271; Половцев А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 86, 280, 329.
[4] Кшесинская М.Ф. Указ. соч. С. 138.
[5] Кирилл Владимирович. Указ. соч. С. 4.
[6] Гурко В.И. Указ. соч. С. 362.

появлялся на заседании общества, но затем охладел к нему.[1] Современники отмечали, что великий князь неоднократно выступал с резкой критикой дворянства, обличая его как в бесхребетности, так и в неразумном консерватизме. Он также поддержал, хотя и с крайней неохотой, предложение П.А. Столыпина о возможности отчуждения части удельных земель. В. к. выступал сторонником медленной эволюции империи в сторону конституционализма.

С началом правления брата в. к. Владимир пытался убедить нового императора поддерживать и сохранять курс на невмешательство в международную (и в первую очередь европейскую) политику. В. к. демонстрировал себя последовательным «пацифистом», на что могут указывать отдельные извлечения из мемуаров А.А. Половцева. Указанная черта может служить еще одним свидетельством того, что в. к. был командиром армии «мирного времени», желающим держать «порох сухим» вечно.

Ряд современников указывал на «особо доверительные» отношения между братьями. Известная «салонная сплетница» генеральша А.В. Богданович упоминала следующий «слух»: «Вел. кн. Владимир просился в Москву, так как вел. кн. Сергеем там недовольны, на что царь отвечал: «Ты у меня такой, брат, что я должен тебя держать при себе. Так тебе лучше».[2] Примечательно, что близко знавший в. к. А.А. Половцев постоянно подчеркивал, что Владимир Александрович оказывает на брата значительное влияние. При этом в. к. не только озвучивает согласие с решениями монарха, но зачастую вступает с ним в ожесточенный спор по отдельным вопросам. При этом в своем окружении он подчеркивал, что до государя нужно доводить правду. Данное суждение можно аргументировать следующим извлечением из дневника А.А. Половцева, записанным со слов в. к.: «Я считаю своей обязанностью ему говорить о том тем более, что государю очень легко говорить правду, *и я не раз вмешивался в дела, до меня не касавшиеся*, причем говорил гос-

[1] Киреев А.А. Указ. изд. С. 75.
[2] Богданович А.В. Указ. соч. С. 118.

ударю вещи, *прямо противоречащие его взглядам*, а он при этом не выражал никакого неудовольствия и даже не возвышал голос».[1]

Примечательно, что к в. к. Владимиру постоянно обращались отдельные царедворцы и даже его родственники, великие князья, с просьбой оказать воздействие «на монаршую волю». В качестве примера можно привести просьбы в. к. Николая Николаевича-младшего о сожительстве с С.И. Бурениной[2] или в. к. Николая Николаевича-старшего о зачислении его сыновей от балерины Е.Г. Числовой (Николаевой) в л.-гв. Конную гвардию (сыновья от Числовой/Николаевой, Николай и Владимир (в 1897 г. оба поручики), в конечном итоге были определены не в л.-гв. Конный, а в л.-гв. Конно-Гренадерский п.[3]). В обоих случаях просьбы в. к. Владимира, пусть и не в полном объеме, были удовлетворены.

Следует отметить, что в. к. также был подвержен влиянием извне. При этом современники отмечали его очевидную кадровую неразборчивость вследствие доверительного отношения к людям. Так, генерал Н.А. Епанчин выступал с резкой критикой «правой руки» великого князя, начальника штаба СПб. ВО и войск Гв. генерала Н.И. Бобрикова. Н.А. Епанчин отмечал: «Н.И. Бобриков был очень умный человек, но все силы его были направлены только на то, чтобы обставить себя как можно лучше; гибкий и изворотливый до цинизма, эгоист, покровитель посредственностей, Чичиковых и Молчалиных, не терпевший людей самостоятельных, он с циническою откровенностью применял все это в делах служебных».[4] О значительном влиянии Бобрикова на Владимира Александровича писал также в. к. Константин Константинович («Владимир смотрит на все глазами Бобрикова […]».[5] Примечательно, что Константин Константинович «подмечал» у всех 4-х братьев

[1] Половцев А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 145.
[2] Половцев отмечал: «Владимир Александрович не только не отнекивается, но, напротив, утверждает, что он выхлопотал это разрешение у государя и сделал это, потому что Николай Николаевич уже десять лет живет с этой женщиною, никакого расположения к разгульной жизни не имеет, а, напротив, стремится к одному лишь – иметь свой домашний очаг, которого он лишен теперь». (Половцев А.А. Указ. соч. С. 73).
[3] РГВИА. Ф. 3544. Оп. 1. Д. 10 (Список (по старшинству в чинах) Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чиновникам Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка): Н.Н. Николаев-1 - Л. 18; В.Н. Николаев-2 – Л. 19.
[4] Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 168.
[5] ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 43. Л. 96об.

Александра III (Владимира, Алексея, Сергея и Павла), при очевидном «влиянии со стороны», избыток «самоуверенности и апломба».[1]

На «кадровую неразборчивость» в. к. указывал и А.А. Половцев, отмечавший что он мог брать на определенные должности людей «без разбора»[2] и был подвержен «давлениям».[3] Наконец, еще одно подтверждение крайней неразборчивости в людях и подверженности манипуляциям со стороны различного рода карьеристов мы встречаем у графа С.Д. Шереметьева («Он мог, как и все люди, ошибаться, и в выборе людей в особенности»[4]).

С началом нового правления в. к. продолжал оказывать серьезное влияние на императора, но оно постепенно стало ослабевать, что было обусловлено, с одной стороны, высокой степенью конкуренции со стороны более молодых великих князей, и, в первую очередь, в. к. Николая Николаевича-младшего, мировоззрение которого вполне соответствовало «новой эпохе» (примечательно, что граф С.Д. Шереметьев в своих воспоминаниях подчеркивал, что великий князь – человек прошлой эпохи («другого мира, другой эпохи»), с ее «уходящей романтикой»[5]). К тому же в отличие от Владимира Александровича Николай Николаевич-младший позиционировал себя как «службист» и военный профессионал, не брезгуя при этом откровенной саморекламой (особенно на отрезке карьерного взлета). Государственный секретарь А.А. Половцев вспоминал: « […] вел. кн. Николай Николаевич – огромного роста кавалерийский офицер, немножко слишком подчеркивающий в разговоре преданность своему военному делу…».[6]

С другой стороны, в. к. Владимир внушал молодому императору *некое подобие «страха»*: возможно, в облике внешне грозного в. к. Николаю II виделся облик недавно умершего, харизматичного и требовательного отца. Данное суждение можно проиллюстрировать воспоминаниями генерала А.А. Мосолова: «В качестве старшего дяди царя он мог бы занять рядом с Михаи-

[1] Там же.
[2] Половцев А.А. Указ. соч. С. 258.
[3] Там же. С. 339-340.
[4] Шереметьев С.Д., Указ. соч. Т. 1. С. 404.
[5] РГИА. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 364. Л. 11об.
[6] Половцев А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 423.

лом Николаевичем особое доверенное положение, стать хранителем единства семьи и ее традиций. Причину, почему он этой задачи не осуществил, следует, быть может, искать в отношениях между дядей и племянником. Государь Николай II испытывал перед Владимиром Александровичем чувство исключительной *робости, граничащей с боязнью*. Великий князь, вероятно, заметив впечатление, производимое им на императора, *стал держаться в стороне от государственных вопросов*».[1]

Владимир был также требователен к наследнику престола в детстве и даже допускал подобие рукоприкладства: таскал бушующего державного властителя за уши. По этому поводу граф С.Ю. Витте вспоминал: «Вдруг Владимир Александрович хватает за уши наследника Николая и сильно его дерет, говоря: «Я тебе говорю – перестань шалить»; и далее граф резюмирует: «[…] император Николай II очень любил Владимира Александровича, и тот со своей стороны весьма уважал императора Николая II, хотя Владимир Александрович как человек более опытный, более культурный и более умный не мог не чувствовать много погрешностей в управлении государством…».[2]

В первые годы правления Николай II постоянно встречался с «дядей Владимиром» (чаще всего во время «чаепитий»), на что указывает дневник императора. По всей вероятности, в. к., принимавший деятельностное участие в правлении своего брата, пытался давать советы и племяннику. «Разрыв», граничащий с катастрофой (катастрофой в первую очередь для Николая II) между указанными историческими персонажами, видимо, произошёл по меньшей мере по трем причинам: во-первых, прямой ответственности и безусловной вине в. к. как Главнокомандующего СПб. ВО и войсками Гв. в событиях 9 января 1905 г. Именно на него, а также на князя Васильчикова как командующего ГК была обращена критика «верхов» и ненависть «низов». По указанному поводу граф С.Д. Шереметьев писал: «Так называемое

[1] Мосолов А.А. Указ. соч. С. 125.
[2] Витте С.Ю. Указ. соч. С. 122.

«Освободительное движение» и многие явления, с ним связанные, причиняли Владимиру Александровичу великое и тяжелое горе… Печальной памяти день появления мятежных шаек перед Зимним дворцом вынудил его к решительным мерам. Ему этого не прощали, и над ним учинили травлю. Что пострадал этот человек в эти дни, не поддается описанию!».[1] В. к. действительно был подвергнут травле на страницах либеральной и революционной («экстремистской») прессы, а затем с трибуны Государственной Думы, к открытию которой он тем не менее отнесся терпимо.[2]

Еще одной причиной охлаждения отношений являлись неприязненные отношения между новоиспеченной императрицей Александрой Федоровной и великой княгиней Марией Павловной («старшей»), которые, безусловно, транслировались на поведение обоих князей, испытывающих колоссальное давление (влияние) со стороны своих «вторых половинок». Известная светская львица графиня М.Э. Клейнмихель считала, что именно Мария Павловна способствовала постепенному отдалению императрицы от Света, а также многочисленным сплетням в отношении царской четы, серьезно подорвавшим авторитет царя и создавшим образ «подкаблучника» своей жены. Графиня писала: «Когда принцесса Алиса стала супругой Николая II, ее тетушка, великая княгиня, собралась было делать ей наставнические замечания, но царица не забыла ее отношение к себе, когда она была еще принцессой[3], и дала почувствовать своей высокопоставленной родственнице, кто теперь госпожа. Великая княгиня никогда не могла простить ей этого и, воспользовавшись своим влиянием, делала в петербургском обществе все, что могло бы повредить Государыне».[4] В данном случае примечательна ремарка княгини О.В.

[1] Шереметьев С.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 409.
[2] Так, депутат Государственной Думы В.И. Гурко писал: «Из великих князей Владимир Александрович высказался за привлечение общественных элементов к участию в законодательстве, а Сергей Александрович, наоборот, резко возражал против этого предположения» (Гурко В.И. Указ. соч. С. 362).
[3] Мария Павловна встретила ее «снисходительно-покровительственно, как маленькую, ничего не значащую принцессу» (Дворцовые интриги и политические авантюры: записки Марии Клейнмихель. М., 2014. С. 195.)
[4] Дворцовые интриги и политические авантюры: записки Марии Клейнмихель. М., 2014. С. 195.

Палей, морганатической супруги в. к. Павла Александровича, о том, что супруга в. к. Владимира «всегда была» с императрицей «на ножах».[1]

Следует отметить, что к моменту восшествия на престол Николая II великой княгине Александре Федоровне было 22 года. Марии Павловне – 40 лет, при этом она была 13 лет замужем за человеком, который занимал второе по значимости и влиянию место в государстве, и часть этой харизмы в. к., безусловно, делил со своей женой. Примечательно, что Мария Павловна любила «поиграть в императрицу», чем выводила из себя («бесила») императора Александра III. Так, А.А. Половцев вспоминал: «Во время нашего разговора слышится музыка полков кирасирской дивизии, возвращающихся с учения, Мария Павловна немедленно выбегает на балкон. Полковой и эскадронные командиры салютуют ей и подъезжают к балкону, выжидая, чтобы полк прошел. Она очень довольна разыграть роль императрицы, несмотря на то что *это бесит государя*».[2]

Александр III, являвшийся откровенным германофобом, недолюбливал Марию Павловну еще и за то, что она отказывалась перейти в православие. В. к. Александр Михайлович отмечал: «Александр III не любил ее за то, что она не приняла православия, что породило легенду о ее *«немецких симпатиях»*. После смерти мужа, она, в конце концов, все же перешла в православие, хотя злые языки и продолжали упорствовать, обвиняя ее в недостатке русского патриотизма».[3] Кирилл Владимирович отмечал, что императорская гв. в лице как нижних чинов, так и офицеров Марию Павловну боготворила не менее, чем отца. В. к. писал: «Маму очень любили в войсках, и всякий раз, когда кавалерийский полк проходил мимо ее окон, оркестр играл ее любимые вальсы».[4] После воцарения Николая II Мария Павловна уступила «пальму первенства», но так просто сдаваться не собиралась. Следует не забывать, что еще существовал Двор вдовствующей императрицы Марии Федоровны, ко-

[1] Палей О. Воспоминания о России: с приложением писем, дневника и стихов ее сына Владимира. М., 2016. С. 23.
[2] Половцев А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 238.
[3] Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. / Предисловие и комментарии А. Виноградова. М., 1991. С. 115.
[4] Кирилл Владимирович. Указ. соч. С. 12.

торая пользовалась колоссальным авторитетом, но за «пальму первенства» никогда не боролась. Баронесса С. Буксгевден по этому поводу отмечала следующее: «У вдовствующей Императрицы был свой маленький кружок личных друзей, людей ее возраста, в который очень редко допускались посторонние. Она никогда не участвовала в развлечениях, нося постоянный траур по Александру III».[1]

По сравнению с другими великими княгинями Мария Павловна имела мощнейший козырь: она устраивала приемы (как вспоминал в. к. Александр Михайлович, «сложные приемы в Царском Селе»), которые пользовались заслуженной репутацией не только в среде российской знати, но и за рубежом (в том числе и при европейских Дворах).[2] Двор в. к., во многом благодаря великой княгине Марии Павловне, называли самым блистательным в Петербурге. В качестве еще одного подтверждения данного суждения можно привести ремарку генерала А.А. Мосолова: «Не существовало в Петербурге двора популярнее и влиятельнее, чем двор великой княгини Марии Павловны […]».[3] Но наиболее удачную характеристику Двору великой княгини дает баронесса С. Буксгевден: «Прекрасной хозяйкой, несомненным лидером общества была супруга великого князя Владимира Великая Княгиня Мария Павловна […]. Исповедовавшая космополитические взгляды, Великая Княгиня создала блестящий современный состав домашней свиты. Ее очаровательная дочь Великая Княжна Елена была кумиром всей молодежи, и значительное число увеселений ее до брака с принцем Николаем Греческим давалось в ее честь».[4] Блистательный Двор Марии Павловны также раздражал императрицу Александру Федоровну, которая постепенно отдалялась от Света. Примечательно, что после смерти в. к. Владимира Александровича Мария Павловна не удалилась от Света.

---

[1] Буксгевден С., баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы России. Воспоминания фрейлины в трех книгах. / Пер. В.А. Ющенко; отв. ред. и сост. комментариев Т.Б. Манакова, К.А. Протопопов. М., 2012. С. 638.
[2] Там же. С. 114.
[3] Мосолова А.А. Указ. соч. С. 125.
[4] Буксгевден С. Указ. соч. С. 638.

Британский посол в России Дж. Бьюкенен вспоминал: «Среди других членов императорской семьи первое место занимала великая княгиня Мария Павловна, вдова великого князя Владимира. В своих дворцах в Санкт-Петербурге и Царском Селе ее высочество держала свой небольшой двор. Это была, если можно так сказать, миниатюрная копия императорского двора, каким он был, пока не пришел почти в полный упадок из-за уединенной жизни царской семьи. «Grande dame» в лучшем смысле этого слова, но без преувеличенного внимания к строгому соблюдению придворного этикета, великая княгиня с блеском справлялась с ролью хозяйки салона. Прекрасная собеседница, она не только сама была полна живостью и энтузиазмом, но обладала даром заражать ими других. На ее званых вечерах, в какой бы форме они ни проходили, всегда бывало весело, и никто на них не скучал. На ее обедах и приемах можно было встретить молодых членов царской семьи, а также элиту российского общества – «цвет нации» восходящих звезд искусства и государственной жизни. Хотя великая княгиня посвящала много времени светской жизни, у нее были и более серьезные интересы: она была президентом – и весьма активным – Российской академии художеств. Во время войны она полностью посвятила себя работе в Красном Кресте. В то же время она активно интересовалась всеми политическими и военными вопросами и прекрасно в них разбиралась».[1] Таким образом, даже после смерти мужа великая княгиня держала «пальму первенства» по популярности и влиянию в Свете.

Следует отметить, что немного позднее в «соревнование» (статусные придворные «женские разборки»), стоившее в конечном итоге империи большой крови, ввяжется супруга в. к. Николая Николаевича-младшего, «черногорка», великая княгиня Анастасия Николаевна (Анастасия («Стана») Петрович-Негош), дочь предпоследнего российского г.-фельдмаршала. Наконец, еще одну, третью причину, следует искать в очевидно «неприятных» для Николая II любовных злоключениях сына в. к. Владимира Кирилла

[1] Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. М., 2006. С. 76.

Владимировича, закончившихся браком, заключенным в обход императора в Баварии в 1905 г. Избранницей Кирилла Владимировича стала Саксен-Кобург Готская принцесса Виктория-Мелита (получившая прозвище «Даки»). Ситуация осложнялась тем, что первый муж «Даки» был братом императрицы Александры Федоровны. Кроме этого, Кирилл и «Даки» являлись двоюродными братом и сестрой, впрочем в фамилии Романовых-Гольштейн-Готторпских (продукта слияния в лице императора Павла I старшей линии герцогов Гольштейн-Готторпских, ведущей происхождение от Фридриха IV, и младшей – от Кристиана-Августа, епископа Любека) это был не первый случай кровосмешения. В. к. вернулся в Россию и сразу же отправился к отцу в Царское Село. К нему был направлен министр императорского Двора и уделов граф В.Б. Фредерикс, который передал запрет императора о возвращении в. к. в Россию и требование покинуть пределы империи.

В данном случае сложно представить, какие эмоции должен был испытать в. к., длительное время пребывавший в иллюзии, что он - один из немногих неподсудных вершителей судеб Российской империи. Находясь в крайне возбужденным состоянии, Владимир подал в отставку, которую, по всей вероятности, не без участия жены Николай II поспешно принял, заменив, по словам генерала А.А. Киреева, великого князя Владимира *«еще худшим»*[1] Николаем Николаевичем-младшим.[2] В данном случае очевидна еще одна негативная черта характера в. к. Владимира, преследовавшая его всю жизнь, – вспыльчивость и, как следствие, несдержанность в проявлении своих эмоций в любом окружении. На подобные эксцессы в его поведении указывал американский военный атташе Т.Б. Мот.[3] Столь скоропалительные и явно эмоциональные решения в. к. и императора генерал А.А. Киреев прокомментировал следующим образом: «Досадная история Владимира

[1] Киреев А.А. Указ. соч. С. 152.
[2] Данный конфликт в императорской фамилии по военному четко описывает генерал А.Ф. Редигер: «В начале октября великого князя Кирилла Владимировича постигла строгая кара за неразрешенный ему брак; по видимому, в связи с этим его отец оставил должность главнокомандующего в Петербурге и был заменен великим князем Николаем Николаевичем, который заехал ему сообщить о своем назначении» (Редигер А.Ф. Указ. соч. Т.1. С. 470).
[3] Раппапорт Х. Дневники княжон Романовых. Загубленные жизни. М., 2016. С. 123.

Алекс[андровича]. Он подал к отчислению от занимаемого места главнокомандующего. Он обиделся за то, что у Кирилла отнято его великокняжеское достоинство. Но ведь царь его возвратил провинившемуся?! И Вл[адимиру] Алекс[андровичу] следовало бы взять отставку обратно. Фредерикс уговаривал Царя сделать первый шаг к примирению». Великий князь на попятную не пошел, в случае с императором - Cherchez la femme.[1] Таким образом закончилась политическая карьера, а вскоре и жизнь одного из самых могущественных представителей военно-политической и, в какой-то мере, культурной элиты империи. Причина «крушения» во всех отношениях банальна. Достаточно сложно ответить, что повлияло на преждевременную смерть в. к. Владимира: его образ жизни, конфликт с императором или, как настаивает граф С.Д. Шереметьев, трагическая гибель брата в. к. Сергея Александровича. Во время последней встречи, на торжествах по случаю открытия памятника в. к. Сергею Александровичу, граф был поражен разительной переменой, произошедшей с великим князем. Он писал: «Он поразил тогда всех его давно не видевших своим видом, так он похудел […] Тот приезд его был в Москве встречен очень сочувственно, а его одинокое присутствие на торжестве невольно подчеркивало отсутствие других членов его семейства, наводя на размышления».[2]

Следует отметить, что на фоне бесконечных адюльтеров великих князей Романовых, обозначившихся уже в эпоху Александра II (причем данного казуса не смог избежать даже указанный император), Владимир Александрович выглядел добропорядочным семьянином (у великого князя и его супруги великой княгини Марии Павловны было четыре сына: Александр (прожил чуть более полутора лет), Кирилл, Борис, Андрей и дочь Елена). Хотя генеральша А.В. Богданович выражала серьезные сомнения в отношении семейного благополучия великокняжеской четы. В своих дневниковых записях от 13.03.1888 г. она отмечала: «Говорят, что отъезжающих за границу, в Канн,

[1] Киреев А.А. Указ. соч. С. 100.
[2] РГИА Ф. 1088. Оп. 2. Д. 364. Л. 15.

вел. кн. Владимира Александровича и его жену провожали такие-то и полковник Николаев, который был известен тем, что состоял в близких отношениях с Марией Павловной, а до Гатчины провожал вел. кн. Николай Николаевич-младший. Теперь она в него влюблена, и говорят, как кошка. Ему же она противна. Говорят, что вел. кн. Владимир уже не может быть мужем, она же очень страстная женщина».[1] По понятным причинам комментировать данную сплетню весьма сложно, особенно на фоне «нехорошей болезни» великого князя, а также его пристрастия к ежедневному употреблению алкоголя. Разница в возрасте у супругов была не столь значительной, всего 7 лет (Мария Павловна родилась 2.05.1854 г.). В 1888 г. Владимиру Александровичу был 41 год (всего князь прожил 62 года). Как следствие резонен вопрос о «нехорошей болезни» великого князя.

Еще в 1868 г., во время поездки в Сибирь, друг детства в. к. Б.А. Перовский, граф, с тревогой писал императору Александру II: «Но у него есть другая болезнь (Крайне об этом сожалеем!), на которую надо обратить по возвращении нашем на место самое серьезное внимание, - это прежняя его сыпь производящая нестерпимый зуд. Он чешется теперь совершенно точно так же как это было пред его лечением у Фрейля. Фрейлевское лечение не приятно и мучительно, но оно несомненным образом сделало ему огромную пользу, и можно предположить с вероятностию что если бы оно было повторено как это было назначено, и как на то уже был готов и сам Вл[адимир] Ал[ександрович] то появление которое мы видим теперь, может быть и не повторилось бы».[2] Также крайне интересна дневниковая запись уже опоминавшейся генеральши А.В. Богданович от 7.12.1889 г.: «У вел. кн. Владимира Александровича болит щека, это нехорошая болезнь, которую он получил от жены, давно уже болеющей этой болезнью. Рассказал это гр. Толь, мать которого всегда дружески принята в этом дворце».[3] Еще со времен А. Грибо-

[1] Богданович А.В. Указ. соч. С. 57.
[2] РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 116 (1868 г.). Л. 2-3 (Фонд гр. Перовских: Письма гр. Бориса Алексеевича Перовского имп. Александру II о путешествии с В. Кн. Владимиром Александровичем по России и за границей, о состоянии здоровья и лечение В. Кн.).
[3] Богданович А.В. Указ. соч. С. 90.

едова великосветские сплетни были выше не только такта, но и любой дружбы.

Окончательную точку в диагнозе болезни в. к. ставит граф С.Д. Шереметьев. Граф отмечал: «…он не был сильного здоровья и весьма подвержен экземе».[1] Таким образом, можно подытожить, что в. к. болел экземой и страдал от частых высыпаний на коже, в том числе и на лице. А.А. Половцев также отмечал, что у Владимира Александровича часто болела шея и он мучился зубной болью.[2] Кроме экземы, ряд современников отмечает, что в. к. периодически страдал от бессонницы[3], а в конце жизни постоянно болел «выматывающими» простудными заболеваниями.

Примечательно, что судьба сына в. к. Кирилла Владимировича и, как следствие, судьба его самого (в том числе и участившиеся заболевания, о которых упоминают современники, так, германский г.-лейтенант, г.-адъютант Х. фон Мольтке, описывает, какое удручающее впечатление на него произвел великий князь еще в 1903 г., - он застал его во время очередной болезни; генерал отмечал, что Владимир Александрович был надломлен, серьезно постарел, утратил былые силы и красоту[4]), серьезно взволновали С.-Петербургский гарнизон (и, безусловно, великосветское общество) – неожиданно для всех пришло осознание, что «старое время закончилось» и наступает безвременье: абсолютно непредсказуемая, пугающая своей новизной эпоха. Уход с политической арены колоссов старого мира, внушавших одним своим возрастом и проистекающим из него авторитетом уверенность и стабильность, порождал смутное ощущение грядущей катастрофы. И появление на политической арене вечно возбужденного, постоянно нервного, зачастую крайне неуравновешенного, тяготеющего к непродуманным спонтанным решениям и резко контрастирующего с в. к. Владимиром Александровичем в. к. Николая Николаевича-младшего было очевидным признаком грядущего апо-

[1] Шереметьев С.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 406.
[2] Половцев А.А. Указ. соч. Т.2. С. 154.
[3] Игнатьев А.А., граф. Пятьдесят лет в строю. М., 2002. С. 71.
[4] Мольтке Х. фон. Указ. соч. С. 107.

калипсиса. Новый командующий войсками СПб. ВО обрушился на главное детище великого князя Владимира - императорскую гвардию.

Николай Николаевич-младший начал «размывать» командный состав гв. частей и соединений «генштабистами», не служившими в гв. (и являвшими собой очевидный пример «контрэлиты»), что наносило серьезный удар по «гвардейским традициям»[1] и являлось не менее унизительным, чем введение Александром III в гв. полках формы с элементами русского национального колорита, что в свою очередь привело к «бегству» из ее рядов представителей аристократии, не желавших выглядеть «по-мужицки».

Удар по гв. был ударом по устоям «российского самодержавия», по той особой «духовности» с милитарократическим оттенком, которая проистекала из эпохи прародителя империи, Петра I. Наделенный ограниченным «солдафонским» интеллектом военного полупрофессионала, в. к. Николай Николаевич-младший бессознательно, а может быть, и вполне осознанно (в данном случае мы вступаем на «скользкую дорожку» конспирологии), начал ломать и калечить основные устои российской государственности – «царское войско» - императорскую гвардию. Именно смерть в. к. Владимира в 1909 г. является «точкой невозврата» в истории «старой» России. По этому поводу князь императорской крови Гавриила Константиновича написал: «Он [великий князь Владимир Александрович] очень тяжело переживал невзгоды, обрушившиеся на Россию. Он был глубоко русский и очень умный человек и ясно видел, куда ведут события. Слава богу он не дожил до революции 1917 года […] Он говорил со слезами на глазах, как ему больно, что левая печать нападает на столь *любимые им войска гвардии*, которыми он до этого командовал».[2]

Так ушел из жизни последний военный администратор, на котором лежал отпечаток военно-бюрократической эпохи императора Николая I. Роль и место в. к. в русской истории достаточно четко и емко определил граф С.Д.

---

[1] Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. М., 2006. С. 111.

[2] Гавриил Константинович, великий князь. В мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. СПб.-Дюссельдорф, 1993. С. 52.

Шереметьев: «Ушел кто-то кого не заменит никто. Отошла обаятельная личность, обаятельная не смотря на всю свою иной раз резкость… Можно сказать, что с ним теперь окончательно порывается нравственная преемственная живая связь, соединяющая наше общество с прошлой историей России».[1] Частично осознавая свою ошибку, связанную с безвременной кончиной в. к., император Николай II назначил Шефом л.-гв. Драгунского п. его супругу великую княгиню Марию Павловну (с 9.02.1909 (в. к. умер 4.02.1909 г.) по 4.03.1917 гг.). В «Памятке Лейб-Драгуна» штабс-ротмистра И.М. Кучевского отмечалось: «Через пять дней Государю Императору угодно было назначить Шефом полка супругу почившего, Ея Императорское Высочество Великую Княгиню Марию Павловну. Новому шефу лейб-драгун не пришлось знакомиться с полком, так как Великая Княгиня и ранее, со дня приезда в Россию, считала его своим, близким себе и родным».[2] На похоронах в. к. на императоре Николае II был мундир л.-гв. Драгунского п. Ни Александра Федоровна, ни Мария Федоровна на похоронах не присутствовали. Животный женский эгоизм Александры Федоровны и зацикленность Николая II на своей семье и судьбе наследника, привели к развалу царской Фамилии. В. к. Николай Николаевич-младший в этом плане был скорее враг, чем друг. Тем не менее после отставки в. к. Владимира Александровича на политической сцене оказался именно он, офицер «новой формации» (продукт «эпохи модерна»), с очевидной претензией на роль «военного интеллектуала» и «великого реформатора».

С определенной долей уверенности можно утверждать, что со смертью в. к. начинается новый этап в истории российской императорской гв. и в какой-то мере военного дела в России. Он «забрал» с собой крайне противоречивые, наполненные серьезными свершениями и победами, в отдельных случаях спорными, в других, блистательными, эпохи своего отца и старшего брата. Для в. к. был свойственен особый стиль управления, берущий свое

[1] РГИА Ф. 1088. Оп. 2. Д. 364. Л. 16.
[2] Памятка Лейб-Драгуна. 1814-1914. / Составил Штабс-ротмистр И.М. Кучевский. СПб., 1914. С. 62.

начало в суворовских и кутузовских традициях (он старался быть «слугой солдатам» и, в отличие от своего крайне замкнутого брата, был открыт для общения). Для своих подчиненных в. к. остался окруженным всеобщей любовью «добрым барином», а несправедливость в отношении его старшего сына стала еще одной причиной для раздоров в правящей династии и роста негативных проявлений в отношении Николая II.

В свою очередь, пришедший ему на смену в. к. Николай Николаевич-младший отличался излишней прямолинейностью, бескомпромиссностью и даже «жесткостью». Николай Николаевич-младший хотя и слыл профессионалом, но был импульсивен и «тяжел» в общении. Это вело к бесконечным интригам и постоянным конфликтам с подчиненными, которые его откровенно боялись. Складывалось впечатление, что он отчаянно и во многом безуспешно пытался раскачать «традиционно сонное» «русское военно-чиновничье болото». Таким образом, в. к. Владимир олицетворял собой «уходящую эпоху» «старорежимной армии», а в. к. Николай Николаевич-младший ассоциировался со становлением современной армии «нового типа».

4.2.Высший командный состав Гвардейского корпуса

Одним из основных источников пополнения военно-политической элиты Российской империи являлся генералитет. В то же время в отечественной историографии на протяжении длительного времени генералитет рассматривается как *некая единая профессиональная корпорация*. Между тем данный социальный сегмент российской военной машины *был крайне неоднороден*.

К окончанию правления императора Александра III списочный состав полевых войск (в 1.01.1891 г.[1]) в графе «генералы» составлял: 1)пехота – 212 генералов, стрелковые полки и батальоны с Кавказской туземной дружиной – 12, линейные батальоны – 5; 2)кавалерия (с Осетинским конным дивизио-

[1] Всеподданнейший Отчет Военного Министерства за 1901 г. СПб., 1890. / Приложение. С. 110-113.

ном) – 60; 3)артиллерия – 51; 4)инженерные части – 8; 5)резервные войска всех родов – 6; 6)местные войска – 19. Таким образом, всего в полевых войсках насчитывалось 373 генерала при общей численности офицерского корпуса 33545 чел.[1] За отрезок времени с 1888 по 1890 г. «за отличие» было произведено: в 1888 – 99, в 1889 – 57, в 1890 – 63 генерала разных родов войск.

К 1.01.1891 г. в корпусе офицеров ГШ находилось 47 штатных генералов[2]. Сверх того на «должностях, не положенных замещать обязательно офицерами генерального штаба», - 193 генерала. В запасе ГШ числилось 8 генералов.[3] Общая совокупность рассматриваемых групп генералов составляет 613 чел. (т.е. 2% от всего офицерского корпуса). В данном случае следует учитывать, что в указанную статистику не попадают генералы, занимающие придворные и военно-чиновничьи (военно-административные) должности.[4]

В 1901 г. в русской армии насчитывалось около 1 тыс. генералов (в «полевых войсках»; при общей численности офицеров 40047 (в строю 38908))[5]. По понятным причинам численность генералитета не была постоянной. Так, в 1899-1901 гг. «за отличие» были произведено в генералы: в 1899 г. – 74, в 1900 г. – 34, в 1901 г. – 107 офицеров.[6] При этом к группе «строевых» генералов необходимо добавить генералов ГШ: 67 генералов (при общей численности 628 офицеров) (к 1.01.1901 г.)[7]; на «должностях, которые не положено замещать обязательно офицерами генерального штаба»: 266 ген. (1.01.1901), 291 (1.01.1902).[8] В запасе ГШ числился 1 генерал. Исследователь «офицерского вопроса» начала XX в. П. Режепо указывал, что к 1.12.1902 г. на службе состояло 1386 генералов: 129 полных, 387 г.-лейтенантов и 870 г.-майоров.[9] После русско-японской войны из рядов рус-

---

[1] Там же. С. 1.
[2] Там же. С. 24.
[3] Там же. С. 25.
[4] Применительно к американскому обществу первой половины XX в. американский социолог Ч.-Р. Миллс называет группу военных чиновников высшего ранга *«военной знатью»*.
[5] Всеподданнейший Отчет Военного Министерства за 1901 г. СПб., 1903. / Приложение. Отчет по Главному Штабу за 1901 г. С. 1.
[6] Там же. С. 18.
[7] Там же. С. 22.
[8] Там же. С. 23.
[9] Режепо П. Статистика генералов. СПб., 1903. С. 5.

ской армии был уволен 341 генерал («старой формации»), при этом главным критерием чистки рядов был возраст.

К 1911 г., когда начал набирать обороты новый виток реформ (относительно систематизированная «Малая военная программа» была принята только 10.07.1913 г.), связанный не только с поражением армии в русско-японской войне, но и с изменением соотношения сил в Европе (события на Балканах, сближение России с Англией), в русской армии насчитывалось 1300 генералов. К началу Первой мировой войны эта цифра составила 1547 генералов[1], из которых «в строю» (в соответствии со штатным расписанием военных округов) находилось всего 977.

Очевидно то, что даже пусть столь и незначительная по своей численности социальная группа не могла носить выраженный однородный характер. В генеральской среде также существовала как *«горизонтальная»*, так и *«вертикальная»* модели иерархии. В первом случае она могла определяться родом войск или характером службы офицера. Во втором - его происхождением, этнической идентичностью, системой социальных контактов и рядом других факторов, что во многом было обусловлено продолжающимся противостояние меритократической и этатократической тенденцией развития отдельных властных структур империи.

Для подавляющей части рядового армейского обер-офицерства воинское звание штаб-офицера (подполковника и полковника) было пределом карьерных устремлений. Звание г.-майора для представителей данной категории *являлось несбыточной фантазией*. В России пореформенного периода прослеживалась группа офицеров, которым фактически *с момента рождения* было уготовлено стать представителями генеральской корпорации. Подавляющая часть офицеров данной группы служила в императорской гв. Кроме этого, весьма своеобразной формой поощрения (в том числе и за военные заслуги), практиковавшейся при правящих Дворах Европы, являлось пожало-

[1] Зайончковский П.А. Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной. // Вопросы истории. 1980. № 4. С. 22.

вание титулом. В России чаще всего жаловали титул графа. Пожалование титулом с правом передачи по наследству («с нисходящим родством») автоматически допускало его обладателя в высшие слои общества («превращало» его в представителя «аристократии»).

Графский титул в России появился во времена Петра I, при этом в нашем случае целесообразно рассуждать о графах Российской империи и графах «достоинства Царства Польского». Подавляющее число особ, возведенных в графское достоинство в XVIII в., являлось выходцами из военной среды.[1] Крайне щедры на пожалование графского титула были Павел I и Николай I. В период правления императора Александра II из представителей военной среды графским титулом были пожалованы (речь идет исключительно о «генералитете» и о присвоении титула за «заслуги перед престолом и Отечеством»; во всех случаях графский титул пожалован «с нисходящим родством») 12 человек[2]. Данная группа принадлежала к «ближнему кругу» императора и являлась существенным сегментом военно-политической элиты империи.[3] При Александре III практика присвоения графского титула за «военные заслуги» *полностью прекращается*.[4]

Анализ офицерского корпуса Российской империи позволяет выделить отдельную группу генералов, преимущественно *г.-майоров*, которая оказались на *периферии военной элиты*. В России начала XX в. по-прежнему

---

[1] Карнович Е.П. Родовыя прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886. С. 194-195, 199-200.

[2] 1)командир 4-го пехотного корпуса г.-адъютант, г. от кавалерии барон Д.Е. фон дер Остен-Сакен – 10.04.1855 г. за участие в геройской обороне Севастополя; 2)командир Оренбургского корпуса и Самарский г.-губернатор г.-адъютант, г. от кавалерии В.А. Перовский – 17.04.1855 г.; 3)г.-адъютант вице-адмирал Е.В. Путятин – 6.12.1855 г.; 4)г.-адъютант г. от артиллерии С.П. Сумароков – 26.08.1856 г.; 5)наказной атаман Войска Донского, г.-адъютант, г. от кавалерии П.Х. Граббе - 28.10.1866 г.; 6)г.-адъютант адмирал Фридрих-Вениамин Литке - 28.10.1866 г. 7)Варшавский г.-губернатор, командующий войсками Варшавского ВО, г.-адъютант, г. от инфантерии П.Е. Коцебу – 29.06.1874 г.8)председатель комитета министров г.-адъютант, г. от инфантерии П.Н. Игнатьев – 12.12.1877 г. 9)г.-адъютант, г. от кавалерии М.Т. Лорис-Меликов – 17.04.1878 г. 10)военный министр г.-адъютант, г. от инфантерии Д.А. Милютин – 30.08.1878 г. 11)г.-адъютант инженер-генерал Э.И. Тотлебен – 5.10.1879 г. 12)товарищ г.-фельдцейхмейстера, г.-адъютант, г. от артиллерии А.А. Баранцев – 19.02.1881 г.

[3] Любимов С.В. Титулованные роды Российской империи: Опыт подробного перечисления всех титулованных российских дворянских фамилий, с указанием происхождения каждой фамилии, а также времени получения титула и утверждения в нем. / Репринт издания 1910 г. М., 2004. С. 93-196.

[4] Там же.

остаются две группы офицеров (в том числе и генералов), на которых лежит отпечаток их социального происхождения.[1]

В России существовала система свитских званий, которые, по сути, являлись одним из основных маркеров, выделяющих представителей военной и военно-политической элиты на общем фоне. Свитские звания жаловались с «особого благоволения» за «выдающиеся заслуги» перед Престолом и Отечеством. Но даже в данном случае гвардейцы имели преимущество перед генералами, так как чин флигель-адъютанта и г.-майора С.Е.И.В. значительно чаще получали в гв. (в первую очередь титулованные особы-представители отдельных аристократических кланов, служившие в гв. Например, князья: Барятинские[2], Долгорукие, Белосельские-Белозерские, Юсуповы; графы: Шереметьевы, Воронцовы и ряд др. фамилий). А.А. Игнатьев вспоминал: «В противоположность Вильгельму, приближавшему к себе офицеров генерального штаба, Николай II составил свою свиту главным образом из адъютантов гвардейских полков».[3]

Резкое увеличение С.Е.И.В. прослеживается в период правления императора Александра II. А.А. Половцев по этому поводу писал: «В последнее время царствования императора Александра его свита приняла такие размеры, что ни он сам, ни командующий Главной квартирою гр. Адлерберг не знали имен многих флигель-адъютантов».[4] Примечательно, что, значительно сократив С.Е.И.В., Александр III знал всех ее членов поименно.

Общую динамику численности С.Е.И.В. в период правления императоров Александра I – Александра III демонстрирует таблица № 36 (см. таб. 36)

Таблица № 36

---

[1] Новицкий В.Ф. На пути к усовершенствованию государственной обороны. // Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. М., 2002. С. 389-425.

[2] Г.-адъютант, г.-фельдмаршал А.И. Барятинский (1815-1879): ШГПКЮ, юнкер л.-гв. Кавалергардского п., корнет л.-гв. Кирасирского п.; обер-шталмейстер Двора, г.-адъютант, г.-лейтенант В.И. Барятинский: ПК, офицер л.-гв. Кирасирского п. (с 1817 по 1875 гг.); его сын Свиты Е.В. г.-майор А.В. Барятинский: ком. л.-гв. Конного п.; г.-адъютант, г.-лейтенант Анатолий Иванович Барятинский (1821-1881) ПК, командир л.-гв. 2-го стрелкового бат., л.-гв. Преображенского п.; обер-гофмейстер, г.-адъютант, г. от инфантерии, шеф 5-й роты л.-гв. 4-го стрелкового п. князь Владимир Анатольевич Барятинский (1843-1914): дом. образование, л.-гв. Преображенский п.; его сын Свиты Е.И.В. г.-майор Анатолий Владимирович Барятинский (1871-1924).

[3] Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т.1. Новосибирск, 1959. С. 155.

[4] Половцев А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 316.

Общая динамика чинов Свиты Е.И.В. в XIX в.

Число лиц С.Е.И.В.:		Г.-адъютанты	Г.-Майоры С.Е.И.В.	Флигель-адъютанты	При Особе Е.И.В.
В царствование имп. Александра I	в 1801 г.	4	-	23	-
	в 1825 г.	35	-	31	5
В царствование имп. Николая I	в 1826 г.	55	-	42	2
	в 1855 г.	79	38	57	5
В царствование имп. Александра II	в 1856 г.	91	43	79	5
	в 1881 г.	137	121	146	1
В царствование имп. Александра III	в 1882 г.	130	99	151	-
	в 1894 г.	51	7	47	-

Источники: Милорадович Г.А., граф. Список лиц Свиты Их Императорских Величеств с царствования Петра Великого по 1886 г. Киев, 1886 (дополн. 1891 и 1895).

Одним из индикаторов особой приближенности представителей отдельных аристократических кланов к Престолу может быть частота упоминания о тех или иных их представителях в документах личного характера императора и отдельных великих князей. В «Дневниках» Николая II затрагиваются совместные «завтраки» и «обеды» с офицерами С.Е.И.В. Приятное времяпрепровождение за обеденным столом не могло не выработать устойчивого положительного эмоционального переживания в отношении отдельных «дежурных» офицеров и, безусловно, положительно сказывалось и на их последующей карьере, а также рефлексивном отражении этих переживаний в личных записях.

Контент-анализ дневниковых записей за 1904 г. позволил выявить следующую частоту упоминания о «дежурных офицерах»-сотрапезниках. Всего за рассматриваемый период согласно дневникам Николая II упоминается 15 офицеров[1] (см.: приложение 72). Вплоть до окончания 1905 г. наиболее «популярной фигурой» царских «завтраков» и «обедов», безусловно, являлся князь Н.Д. Оболенский («Котя»). «Котя» был завсегдатаем царских

[1] Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 189-244.

трапез, начиная с момента воцарения императора Николая II[1]. Следует отметить, что, несмотря на режим «жесткой экономии», прослеживающийся еще со времен Александра III, «царские трапезы» были времяпрепровождением не из самых дешёвых.[2]

Пример «особой милости по знакомству» в отношении «друзей детства» (пусть и худородных, в данном случае можно ввести термин «худородная элита») демонстрирует семья Оллонгренов. А.П. Оллонгрен, являясь фактически нищей вдовой, по случайному стечению обстоятельств оказалась воспитательницей сыновей императора Александра III, Николая и Георгия. Как следствие, ее сын В.К. Оллонгрен оказался другом великих князей по играм, а со временем совершенно неожиданно для себя стал креатурой сначала Александра III, а затем Николая II.[3] Примечательно, что ГШ полковник В.К. Оллонгрен сделал достаточно удачную карьеру (правда, в гв. в силу его худородства он определен не был). В С.Е.И.В. образца 1904-1905 гг. г. числился 121 офицер (к 1.01.1905), при этом отдельные аристократических кланы имели в Свите по нескольку представителей.[4] Анализ представительства титулованной знати в Свите Е.И.В. в рассматриваемый отрезок времени (1904 г.) демонстрирует таблица № 37 (см. таб. 37)

Таблица № 37

Общее количество титулованной знати в Свите Е.И.В. в 1904-1905 гг.

Титул	Великие князья	Принцы	Герцоги	Светлейшие князья	Князья	Графы	Бароны	Ханы (Эмир)
Количество представителей	16	2[5]	2[6]	1[7]	19	11	4	1[8]

[1] Там же. С.50.
[2] Зимин И.В. Царская работа XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., 2011. С. 409.
[3] Сургучев И.Д. Детство императора Николая II. СПб., 2013. С. 177.
[4] Список генерал-адъютантам, генерал-майорам Свиты Его Величества и флигель-адъютантам по старшинству. Составлен по 1-е Января 1905 г. СПб., 1905. С. V-VII.
[5] Принцы Ольденбургские: Александр и Петр.
[6] Герцоги Лейхтенбергские: Александр Георгиевич и Георгий Максимилианович.
[7] Флигель-адъютант штабс-ротмистр л.-гв. Кавалергардского п. светлейший князь Салтыков Иван Николаевич.
[8] Г.-адъютант (1902), г. от кавалерии (1900) Сеид-Абдул-Ахад-Хан, Его Высочество Эмир Бухарский.

Источник: Список генерал-адъютантам, генерал-майорам Свиты Его Величества и флигель-адъютантам по старшинству. Составлен по 1-е Января 1905 г. СПб., 1905.

Очевидно то, что в С.Е.И.В. числилось 56 представителей различных титулованных родов (46%). При этом следует подчеркнуть, что в российской армии рассматриваемого периода прослеживался значительный процент генералов (в том числе и г.-лейтенантов, не имеющих никакого отношения к С.Е.И.В.) свитскими званиями не «пожалованных». Из этого следует, что к оценке генеральского звания как некого индекса элитарности необходимо относится с определенными оговорками.

Таким образом, в качестве основных индикаторов при оценке генералов рассматриваемого периода можно выделить: степень «близости» к Престолу - маркером такой «степени» может выступать свитское звание, которое существенно ускоряло карьерный рост. Другим маркером выступает принадлежность к «влиятельным» аристократическим кланам. Например, князьям: Барятинским, Меншиковым, Оболенским, Долгоруким, Васильчиковым; графам: Шуваловым (П.А. Шувалов входил в «ближний круг» Александра II), Адлербергам (фаворитам еще Николая I), Шереметьевым, Бенкендорфам, Воронцовым (*«ближний круг»* Александра III составляли: И.И. Воронцов-Дашков, В.С. Оболенский, В.А. и С.Д. Шереметьевы, В.А. Барятинский, О.Б. Рихтер, П.А. Черевин) и др. К данному индексу также можно отнести наличие титула; занимаемая должность (генералов можно разделить на «боевых» и «придворных», при этом данная грань становится более чем очевидна по мере угасания аристократического принципа комплектования властной элиты); принадлежность к гв.[1]; «причисленность» к ГШ.

Следует отметить, что 3-й и 4-й параметры можно свести к рубрике «занимаемая должность». В данном случае необходимо говорить о некой корпорации (претендовавшей на замещение отдельного управленческого сегмента), которая формировала свою систему аттитюдов и свои механизмы

[1] Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны. // П.А. Зайончковский (1904-1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 32-33.

внутрикорпоративного поведения. К началу XX в. мы можем говорить о своеобразном переплетении отдельных групп генералитета. Думается, что на фоне модернизации власти и отдельных властных институтов трансформация элит привела бы, в конечном счете, к симбиозу индексов элитарности и породила бы процесс негэнтропии новой системы индексации. Любая властная элита, претерпев перерождение, стремится избавиться от проникновения в нее каналов социальной мобильности и стать «закрытой» («железный закон олигархии» Михельса). Влияние командира на дух вверенной ему части во все времена оказывалось решающим фактором для выполнения поставленной боевой задачи. Сложно переоценить это влияние и в мирное время. Таким образом, качество комсостава играло решающую роль для жизнеспособности любой военной машины, а в конечном итоге, применительно к XIX – нач. XX в., и государственной системы.

Попытаемся проанализировать специфику командного состава российской императорской гв. в период правления императоров Александра III и Николая II и выявить степень влияния отдельных командиров на механизм поведения конкретных гв. частей. Общий анализ данного компонента российской армии следует начать с «высших слоев» гв. начальства. *Высший эшелон ГК* был представлен лицами, занимающими должности г.-инспектора кавалерии (формально данная должность введена в 1895 г.), г.-инспектора пехоты (с 1906 г.), г.-фельдцейхмейстера, г.-инспектора артиллерии[1] и командующего ГК. Естественно, должности инспекторов родов войск были связаны со всей армией, но в целом «замыкались» преимущественно на императорскую гв.

Высшей в указанной иерархии формально считалась должность *г.-фельдцейхмейстера.* Как уже отмечалось, данную должность занимал двоюродный дед Николая II в. к. Михаил Николаевич (1832-1909 гг.). Естественно,

[1] В 1904 г. учреждена должность инспектора всей артиллерии с предоставлением ему права замещать генерал-фельдцейхмейстера в отсутствие последнего, а с 1905 г. инспектор всей артиллерии был переименован в генерал-инспектора артиллерии.

престарелый г.-фельдмаршал имел все возможные для России регалии, в том числе и орден св. Георгия I ст.

Следует отметить, что звание г.-фельдмаршала являлось высшим в Российской империи. Оно было введено во времена Петра I и соответствовало воинскому чину I класса по Табелю о рангах 1722 г. Статус г.-фельдмаршала в русской армии конца XIX в. фактически не изменился[1]. К моменту прихода к власти Александра III в русской армии было 2 действующих, а, по сути, всего 2 г.-фельдмаршала (в. к. Николай Николаевич-старший и его брат Михаил Николаевич (оба получили указанное звание в 1878 г.)) при этом новый император, стремясь минимизировать число *«почетных должностей»* в армии, значительно сократил Свиту и перестал жаловать звание г.-фельдмаршала.

Но Николай II уже спустя 2 месяца после смерти отца (6.12.1894 г.) присвоил указанное звание И.В. Гурко («пожалование» сопровождалось отставкой «в связи с ухудшением здоровья»: генерал перенес «удар» [2]), а в 1898 г. им был удостоен граф Д.А. Милютин (в возрасте 82-х лет). Очевидно, что российские г.-фельдмаршалы в военном строительстве участия не принимали и доживали свой век в качестве одного из «нерабочих» компонентов «геронтократии».[3] Общее представление о категории российских г.-фельдмаршалов дает таблица представленная в приложении 73 (см.: приложение 73).

Возвращаясь к Михаилу Николаевичу, последнему русскому г.-фельдмаршалу, отметим, что к началу XX в. он также являлся шефом 2-й л.-гв. артиллерийской и 2-й батареи гв. конно-артиллерийской бригад и председательствовал в ГС.

---

[1] Устав воинский о должности генерал-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских дел и поведениях, что каждому чинить должно, 1716 года. // Столетие Военного Министерства 1802-1902. Главный Штаб. Исторический очерк. Часть I. Книга II. Отдел III. Уставы и наставления. Главный редактор генерал-лейтенант Д.А. Скалон. СПб., 1903. С. 11.

[2] Гурко Д.И. Воспоминания генерала. // Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX – начала XX веков. / Сост. В.И. Сахаров, Л.В. Манькова. М., 2002. С. 190.

[3] В период правления Николая II «почетными» г.-фельдмаршалами также стали король Черногории Николай I (15.08.1910 г.) и король Румынии Кароль I (Карл) (17.09.1912 г.). К 1914 г. «своих» г.-фельдмаршалов в русской армии больше не осталось

Управление г.-инспектора кавалерии было создано 15.08.1864 г. «[…] для общего наблюдения за поддержанием кавалерии в хорошем состоянии».[1] Должность *г.-инспектора кавалерии* с 31.03.1864 и по 13.04.1891 г. занимал в. к. Николай Николаевич-старший, в дальнейшем он передал ее «по наследству» своему сыну, в. к. Николаю Николаевичу-младшему. С 15.6.1905 г. по 19.01.1917 г. указанную должность занимал г.-л. (с 6.12.1906 г. г. от кавалерии) *В.М. Остроградский (1843-1932 г.)*.[2]

Должность г.-инспектора пехоты (инфантерии) была восстановлена в 1905 г., а его управление - 21.01.1906 г. (вместо созданного 4.10.1876 г. Управления инспектора стрелковой части в войсках, которое в свою очередь было восстановлено 24.12.1909 г.[3]). Г.-инспектору пехоты также подчинялась ОСШ.[4] Первым указанную должность занимал *О.К. Гриппенберг*. К началу XX в. генерал являлся одной из наиболее авторитетных фигур в русской армии. Личность генерала, особенности его карьерного роста рассматриваются в соответствующем разделе работы. Следует отметить, что Гриппенберг занял «странную» позицию во время русско-японской войны, накануне Мукденского сражения, и был обвинен в прессе в предательстве и поражении русской армии.[5]

Вторым рассматриваемую должность занял г. от инфантерии (с 1904 г.) *Н.П. Зарубаев*. Офицер л.-гв. Семеновского п. Ю.В. Макаров отмечал, что генерал был «невзрачен» и имел *«пехотный вид»* («[…] среднего роста, слегка

---

[1] Г.-инспектор кавалерии контролировал вопросы строевой и боевой подготовки кавалерийских частей; улучшения постановки кавалерийского дела в армии; комплектования действующих полков лошадьми; ремонтирования и службы кадров бригад кавалерийского запаса; формирования запасных эскадронов; деятельность ОКШ.

[2] Генерал получил домашнее образование, затем окончил НКУ и был зачислен в ряды л.-гв. Гродненского гусарского п. С 1880 по 1884 г. командовал 5-м гусарским Александрийским п. С 1884 по 1892 гг. - л.-гв. Гродненского гусарского п., а с 1892 г. занимал пост командира 1 бр. 2 ГКД, а с 1895 г. - 2 ГКД. С 1903 по 1905 г. занимал пост помощника генерал-инспектора кавалерии. Принимал участие в кампании 1877-1878 гг.

[3] Свод военных постановлений 1869 года. Часть I. Военные управления. Издание второе (по 1 Января 1893 года). СПб., 1893. С. 120.

[4] В компетенцию г.-инспектора пехоты входило: наблюдение за правильным применением в частях пехоты уставов, наставлений и инструкций; изыскания необходимых улучшений по строевой службе пехоты и разработки предложений по изменению уставов и наставлений; содействие распространению в частях пехоты соответствующих теоретических и практических знаний; инспектирования стрельб и наблюдения за состоянием оружия и боеприпасов; руководства деятельностью ОСШ и ружейного полигона.

[5] Меньшиков М.О. Отчего мы погибнем. // Национальная Империя. М., 2004. С. 28.

сутулый, плотный, с седыми усами и с большим пурпурным носом дулей»[1]). Он оставался в указанной должности до 1909 г., после чего получил в командование Одесский ВО.

Должность г.-инспектора артиллерии занимал в. к. Сергей Михайлович. В. к. начал свою военную карьеру в л.-гв. конно-артиллерийской бр. и к 1903 г. дослужился до чина командира 2-го дивизиона гв. конно-артиллерийской бр. В 1904 г. Сергей Михайлович становится командиром уже всей гв. конно-артиллерийской бр. В сентябре 1904 г. в. к. был назначен инспектором всей артиллерии, а в 1905 г. - генерал-инспектором артиллерии.[2]

Общее представление об офицерах, *возглавлявших войска Гв. и СПб. ВО,* дает таблица, представленная в приложении 60 (см.: приложение 60). Анализ таблицы позволяет утверждать, что округ и войска Гв. в указанный период возглавляли великие князья, которые на самом деле перелагали большую часть обязанностей на своих заместителей и НШ, сами при этом играя роль независимых наблюдателей. Это была во всех отношениях «замечательная практика». Так, все «ошибки» в. к. Владимира Александровича ловко исправляли («корректировали») его «правые» и «левые» руки, подобные П.П. Шувалову или Н.Н. Бобрикову.

Как уже отмечалось, в. к. («доброго барина») в гв. «любили», а требовательных и *крайне агрессивных* «замов» зачастую ненавидели. Они, безусловно, принадлежали к высшему слою военной элиты, хотя и являлись «серыми кардиналами» (при этом границы их власти определить достаточно сложно). Общее представление о данной группе «замов» дает таблица, помещенная в приложение 74 (см.: приложение 74). Кроме должности командующего войсками Гв., существовала должность командира ГК. Общее представление о руководстве ГК дает таблица, представленная в приложении 60

[1] Макаров Ю.В. Указ. соч. С. 127.

[2] Судьба великого князя, как и большинства Романовых, трагична. Он был казнен большевиками вместе с великой княгиней Елизаветой Федоровной и князьями Иоанном, Константином и Игорем Константиновичами и князем В.П. Палей.

(см.: приложение 60). Анализ таблицы позволяет сделать следующие выводы. К моменту прихода к власти Александра III данную должность занимал его брат в. к. Владимир Александрович. 14.03.1881 г. в. к. сменил г.-адъютант, г.-лейтенант граф *П.А. Шувалов*.[1]

Павел Андреевич являлся во всех отношениях фигурой неординарной и одновременно типичной для «гв. среды»: участник Венгерского похода, подавления польского восстания, Восточной и русско-турецкой 1877-78 гг. войн, кавалер орденов Св. Георгия III и IV степеней, этот генерал последовательно командовал л.-гв. Стрелковым Е.В. батальоном, л.-гв. Семеновским п., 2-й ГПД и, наконец, Гренадерским корпусом.

С 1.04.1885 по 11.09.1889 гг. анализируемую должность занимал бывший командир л.-гв. Преображенского п.[2] г.-адъютант г.-лейтенант принц *А.П. Ольденбургский* (уже упоминавшийся по ходу нашей работы). Затем указанный пост последовательно занимали г. от кавалерии *К.Н. Манзей* (с 1889 по 1897 гг.) и г.-лейтенант князь *Н.Н. Оболенский* (с 1897 по 1898 гг.). Г.-адъютант г.-лейтенант К.Н. Манзей получил образование в ПК, из стен которого был выпущен в л.-гв. Гусарский Его В. п. На протяжении 7 лет (с 1862 по 1896 г.) командовал л.-гв. Конно-Гренадерским п., а затем 4-й и 7-й КД. В 1879 г. он получил 13-й армейский, а 9.00.1889 г. – гренадерский корпусы. Генерал принимал участие в событиях 1849 г., а также в войне 1877-1878 гг. (был пожалован «золотым оружием» и орденом Белого Орла с мечами[3]).

Г.-адъютант г.-лейтенант князь Н.Н. Оболенский воспитывался в Школе гв. подпрапорщиков и кав. юнкеров, из которой был выпущен в л.-гв. Преображенский п. (при этом князь позиционировался как «коренной преображенец»). Н.А. Епанчин характеризовал князя как человека «глубоко благородного и разумно дисциплинированного», но при этом не готового к коман-

[1] Сын обер-камергера, выпускник ПК, «коренной офицер» л.-гв. Конного п.
[2] Происходил из древнего герцогского рода Гольштейн-Ольденбургов. С 1.11.1876 г. командовал 1-й бригадой 1 ГПД, а с 17.9.1880 г. – 1 ГПД. Член ГС, сенатор. С 1914 г. получил право пользоваться титулом Его Императорского Высочества.
[3] СГС. СПб., 1896. С. 33; СГС. СПб., 1899. С. 28.

дованию ГК.[1] Н.Н. Оболенский принимал участие в кампаниях 1854, 1863 и 1877-1878 гг.[2]. Несмотря на очевидные заслуги, князь двигался по служебной лестнице достаточно медленно и получил ГК уже на «закате» карьеры - в 63 года. В 1898 г. ГК взял под свое начало еще один дядя Николая II, г.-адъютант г.-лейтенант в. к. *Павел Александрович*[3], а в 1905 г. его сменил генерал *С.И. Васильчиков*, который оставался в указанной должности около года.[4]

Традиционно Васильчиковы служили в л.-гв. Кавалергардском п. Ряд представителей рода был в его первых составах (князья Дмитрий Васильевич и Николай Иванович[5]). Г.-адъютант г.-лейтенант С.И. Васильчиков являлся сыном легендарного генерала И.В. Васильчикова. В отличие от своих родственников-кавалергардов он начал карьеру после окончания ПК в л.-гв. Гусарском Е. В. п.

К началу XX в. С.И. Васильчиков в чине г.-лейтенанта (с 1899 г.) командовал КД[6]. Ю.В. Макаров называл Васильчикова «одним из типичных представителей гвардейских начальников старой школы…». Далее он писал следующее: «Считая, что служба в гвардии есть не только честь, но и удовольствие, он всегда всех хвалил и зря никого не беспокоил, служа по мудрому правилу великой Екатерины: живи и давай жить другим»[7]. Следует подчеркнуть, что генерал был приверженцем «старой школы» и, как следствие, сторонником «плац-парадной традиции».

На смену С.И. Васильчикову в 1906 г. пришел г.-адъютант г.-лейтенант *В.Н. Данилов* (получивший почти сразу же прозвище «Данилка» за «откровенно мужицкий вид»), остававшийся в указанной должности до 1912 г. Г.-

---

[1] Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 89, 90.
[2] СГС. СПб., 1896. С. 203.
[3] Начинал службу в л.-гв. Гусарском п. С 20.11.1890 г. командовал л.-гв. Конным п. С 11.8.1896 был назначен командиром 1-й ГКД.
[4] С.И. Васильчиков принадлежал к древнему «дворянскому» (боярскому) роду, ведущему свое начало от Индриса (Индрика), выехавшего с двумя сыновьями, Константином и Федором, из Цесарии в 1353 г. В 1831 г. г.-адъютант, г. от инфантерии И.В. Васильчиков был возведен в графское, а в 1839 г. (по Брокгаузу и Ефрону в 6.09.1840 г.) – в княжеское («с нисходящим его потомством») достоинства.
[5] Сборник биографий кавалергардов. 1828-1908 г. г.… - С. 208.
[6] РГВИА. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 44. Л. 3-4.
[7] Макаров Ю.В. Указ. соч. С. 76.

адъютант М.П. Данилов был коренным офицером л.-гв. Егерского п. и выпускником ПК. В отличие от Васильчикова Данилов имел опыт участия в «современной войне» (кампания 1904-1905 гг.), но нововведения в гв. проводить не стал, оставаясь приверженцем «старого» стиля командования.

По воспоминаниям современников, командование обоих генералов на фоне проводимой военной реформы было «бесцветным и бессодержательным». Наконец, в 1912 г. пост командующего ГК занимает г.-лейтенант (с 14.04.1913 г. – г. от кавалерии, с 15.12.1914 г. – г.-адъютант) *В.М. Безобразов*, который и выводит его на войну.[1]

Николай II считал Безобразова «приятным» человеком, «милым и веселым рассказчиком и анекдотистом». А. Нокс вспоминал, что генерал умел произвести впечатление на «простых солдат», за что пользовался их любовью и уважением.[2] Примечательно, что Безобразов весьма своеобразно рефлексировал это «особое отношение». Нокс приводит весьма показательную фразу генерала: «Бедняги, […] они готовы отдать жизнь всего за одну улыбку»[3]. Данное изречение демонстрировало наличие у Безобразове черт сентиментального, но в то же время циничного человека, наделенного даром ловкого манипулятора (что являлось неотъемлемой чертой любого успешного царедворца). В 1914 г. корпус Безобразова сыграл важную роль в разгроме австро-венгерской армии у Тарнавки. А летом 1915 г. вверенные ему части нанесли поражение прусской гв. в Красносоставском сражении. В августе 1916 г. Безобразов по настоянию царя возглавил Особую армию.

Во время событий на р. Стоход произошло то, что впоследствии военные историки в эмиграции будут называть «сознательным» истреблением российской императорской гв. Описывая указанные события, генерал Я. Демьяненко отмечал следующее: «Это было по выражению одного из офицеров лейб-гвардии Павловского полка, «настоящим избиением младенцев», от

[1] Окончил ПК. Был выпущен в 8-й Вознесенский уланский п. С 1877 по 1891 г. офицер л.-гв. Гусарского Е. В. п. Участник войны 1877-1878 гг. С мая 1900 по апрель 1904 г. командовал л.-гв. Кавалергардским п. Г.-майор с 1900 г. С 1904 по 1906 г. командовал 1-ой бр. 1 ГКД. С 1906 по 1909 г. начальник ОКШ. С 1909 по 1912 г. командовал 2-ой ГКД. 29.01.1912 г. возглавил ГК.
[2] Нокс А. Указ. соч. С. 239.
[3] Там же.

полка осталось приблизительно около роты.[1] Здесь впервые этому офицеру пришлось слышать, как рядовые солдаты посылали проклятие высшему начальству […] В общем – умышленно или по неспособности, здесь для русской гвардии наше командование вырыло могилу».[2]

Чтобы осознать масштаб катастрофы следует отметить, что в боях на р. Стоход гв. потеряла только убитыми 30476 солдат и офицеров. При этом потери в командном составе были настолько велики, что пришлось временно переводить в пехоту офицеров из гв. кавалерии.

После указанных событий генерал «попал в немилость»[3]. Генерал А.И. Спиродович отмечал, что «отставка» Безобразова была инициирована придворными кругами, включая императрицу Александру Федоровну.[4] По воспоминаниям Нокса, Николай II отстранил В.М. Безобразова не за устроенную им «бойню», унесшую к вечеру 9 августа (1916 г.) жизни 532 офицеров и 54770 солдат, а за то, что его действия отличались «медлительностью и безынициативностью»[5].

Следующий эшелон военной элиты империи был представлен командирами ГКД и ГПД. К моменту восшествия на престол императора Александра III гв. кавалерия включала в себя 12 полков и л.-гв. Уральский казачий эскадрон, объединенных в две, 1-ю и 2-ю ГКД. Во главе дивизии стоял офицер в воинском звании г.-лейтенант, во главе бригады – г.-майор, во главе полка – г.-майор.[6] При анализе особенностей социального состава офицеров ГК, применительно к командирам 1-ой и 2-ой ГКД, нами была выявлена генеральная совокупность в размере 18 чел. (10 офицеров – 1-я ГКД и 8 - 2-я).

---

[1] Гв. стрелок П.П. Шостаковский по этому поводу писал: «Мы несли ежедневно большие потери и не понимали, какая необходимость в том, чтобы отвоевывать полтора десятка метров в сутки» (Шостаковский П.П. Путь к правде. Минск, 1960. С. 83.)

[2] Демьяненко Я. Река Стоход у Рудка – Червищенский плацдарм. // Гроза 1914. Великая война в воспоминаниях очевидцев. / Авт.-сост. О.Г. Гончаренко. М., 2014. С. 155-156.

[3] При очевидной неудаче оправданием генералу может служить только то, что в ходе операции вверенные ему части взяли в плен 20,5 тысяч пленных и 56 орудий.

[4] Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914-1917): Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 339.

[5] Нокс А. Указ. соч. С. 430.

[6] Малинко В., Голосов В. Указ. соч. С. 28.

Особенности указанных статистических данных представлены в таблице № 38 (см. таб. 38).

Таблица № 38

Офицеры-командиры 1 и 2-й ГКД в период правления Александра III – Николая II

№	1 ГКД		2 ГКД	
	Ф.И.О., титул	Период командования дивизией	Ф.И.О., титул	Период командования дивизией
1	Свиты Е.И.В. г.-м. (с 30.08.1876 г.-л.) граф А.И. Мусин-Пушкин	27.07.1875-21.03.1881	(Барон Дризен Александр Федорович? С.258, СГ,1883) В.Ф. Винберг	22.06.1886-09.12.1890
2	князь И.Ф. Шаховской	1881-1883 ? (СГ,1883. с.302)	г.-м. (с 26.02.1893 г.-л.) в.к. Николай Николаевич Младший	1890-1895
3	Н.П. Эттер	06.05.1884-1886	г.-м. (с 14.03.1896 г.-л.) В.М. Остроградский	1895-1896
4	г.-адъютант князь И.Ф. Шаховской	на 01.01.1886-1892	*временно и.о.* ком. дивизии в. к. Дмитрий Константинович	16-30.08.1896
5	А.П. Струков	07.01.1892-1893	В.М. Остроградский	1896-1901
6	Н.Н. Шипов	1894-1896	Г.А. Скалон (с 1903 генерал-адъютант)	1901-1905
7	в.к. Павел Александрович (с 1897 г.-адъютант)	11.08.1896-25.12.1898	г.-м. (06.12.1906 г.-л.) А.А. Брусилов	1906-1909
8	г.-л. И.С. Зыков	13.01.1899-29.11.1903	В.М. Безобразов	1909-1912
9	князь Н.Н. Одоевский-Маслов	07.01.1904-01.03.1905	Г.О. Раух	1912-1914
10	г.-м. (с 30.07.1907 г.-л.) Н.Ф. фон Крузенштерн	10.02.1907-23.12.1910		
11	Н.Н. Казнаков	23.12.1910-30.03.1916		

Примечание: князь И.В. Шаховской и В.М. Остроградский командовали дивизиями дважды. В общей статистике они упоминаются и анализируются однократно.

В качестве основных параметров анализа были выделены следующие параметры:

1)социальное происхождение (при этом нами также учитывался социальный статус, занимаемый родителями анализируемых офицеров);

2)конфессиональная (и этническая) принадлежность;

3)военное образование (включая высшие военные вузы империи рубежа веков: НАГШ, МАА, НИА). Здесь также можно проанализировать, в какие полки были выпущены офицеры рассматриваемой генеральной совокупности;

4)«скорость карьерного роста» (в данном случае нами рассматривалась «скорость продвижения» от первого офицерского звания (ротмистр/поручик, в отдельных случаях прапорщик) до получения звания г.-майора. Последующий «рост», как правило, не поддается четкой логике, так как содержит существенную конъюнктурную составляющую;

5)участие в боевых действиях как элемент карьеры;

6)семейное положение (матримониальные связи), наличие детей и материальное положение;

7)последующий карьерный рост (указанный параметр позволяет выявить степень инкорпорированности офицера в самодостаточные группы военно-политической элиты).

Остановимся подробнее на каждом из указанных параметров.

1)во главе наиболее престижной части русского войска (начиная от командира гвардейского полка) находились только представители дворянства, как правило, представители властной аристократии (титулованной аристократии) или наиболее заслуженные группы военной элиты (сегмента «боевых», «строевых» генералов). Следует отметить, что гв. кавалерия сама по себе являла наиболее отборный «людской материал». В ней служили представители не только «лучших» властных и военных династий империи, но и «лучшие» представители простого русского народа. При этом антропометрические признаки играли едва ли не решающую роль. Так, в приказе по воен-

ному министерству № 1733 от 18.09.1910 отмечалось: «При этом в отношении роста и веса означенных новобранцев должно быть соблюдено следующее: рост допускается не менее 2 аршин 6 вершков, вес же людей должен быть не более: для полков 1-й Гв. кавалерийской дивизии – 4 пуд. 30 фунтов, для прочих полков 4 пуд. 20 фунтов».[1]

Важным отправным индикатором «элитарности» являлась представительство в рассматриваемой группе офицеров титулованных особ, включая великих князей. В ходе анализа было выявлено в 1881-1914 гг. в качестве командиров 1 ГКД 4 титулованных особы из 10 (великий князь, 2 князя (И.Ф. Шаховской и Н.Н. Одоевский-Маслов), граф (А.И. Мусин-Пушкин))[2], то есть 40%, в качестве командиров 2-й – 2 титулованных особы из 8 (2 великих князя; при этом нужно учитывать, что в. к. Дмитрий Константинович фактически временно исполнял должность командира), то есть 25% (см. таблицу №56).

Представители подавляющей части нетитулованных командиров ГКД являлись потомками отдельных военных династий и происходили из семей гв. офицеров и генералов. Анализ указанной группы позволяет сделать вывод, что 6 из 10 офицеров, то есть 60% (включая в. к. Павла Александровича) являлись сыновьями генералов.

2)конфессиональная принадлежность офицера русской армии в определенной степени была детерминирована его национальностью. Рассматриваемая нами группа не являлась исключением. Общую статистику рассматриваемой нами генеральной совокупности демонстрирует таблица № 39 (см. таб. 39).

Таблица № 39

Конфессиональная принадлежность начальников ГКД

	Общее число офицеров	Конфессия	
		Прав.	Протест.

[1] РГВИА. Ф. 3551. Оп. 1. Д. 53 (О распределении в войсках новобранцев призыва 1910 г. с приложением расписания распределения новобранцев).
[2] Любимов С.В. Титулованные роды Российской империи. М., 2004. С. 39.

			(лют., еванг.-лют.)
1 ГКД	10	8	2
2 ГКД	8	6	2

Из начальников 1 ГКД протестантами являлись Н.Ф. фон Крузенштерн (исповедовал евангелическо-лютеранский вариант христианства; по происхождению являлся остзейским немцем; его род был внесен в дворянский матрикул Эстляндской губернии). Вторым протестантом являлся Н.П. Эттер. Он происходил из Великого княжества Финляндского и имел шведские корни. Остальных офицеров (за исключением в. к. Павла Александровича, которого по идее нужно идентифицировать как немца, исповедующего православие), учитывая частные этнокультурные нюансы, можно считать русскими.

Из начальников 2 ГКД протестантом (лютеранин) являлся Г.А. Скалон. Его род вел происхождение от французского дворянина, жившего в Швейцарии. В. к. Николая Николаевича-младшего также можно считать немцем. Его мать, великая герцогиня Александра Петровна, являлась дочерью великого герцога П.Г. Ольденбургского, принадлежавшего к младшей линии герцогов Гольштейн-Готторпских и дочери герцога Нассау-Вейльбургского Терезы[1]. Следует отметить, что еще двух начальников 2 ГКД можно идентифицировать как немцев. Речь идет о В.Ф. Винберге, главе «богатой семьи» «шведско-германского происхождения»[2] (В.Ф. Винберг был идентифицирован нами как православный)[3] и Г.О. Раухе, остзейце Эстляндского происхождения.

3)в отношении образования офицеров указанной группы действовали те же принципы, как и для всех офицеров российской империи. В силу того, что подавляющая часть представителей рассматриваемой нами генеральной совокупности являлась сыновьями генералов или полковников, их карьера,

[1] См.: Анненкова Э.А., Голиков Ю.П. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский. СПб., 2012. Указ. страницы.
[2] Иванов А.А. Улан Ее Величества полковник Федор Викторович Винберг. // Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 9-11.
[3] СГС. СПб., 1896. С. 86.

как правило, начиналась в основном элитообразующем учебном заведении империи – ПК. Проанализированные нами статистические данные позволяют сделать вывод о том, что 6 из 10 начальников 1 ГКД (т.е. 60%) обучались в ПК[1]. Из 8 начальников 2 ГКД 3 окончили ПК (37%), 3 (В.Ф. Винберг, В.М. Остроградский, Г.А. Скалон) – НКУ/Школу гв. подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (также 37%). Несмотря на меньшую престижность по сравнению с ПК, а также на наличие нездоровой традиции в форме «цука», НКУ пользовалось хорошей репутацией и выпускало неплохих специалистов, прививало специфический корпоративный дух и сплоченность. Князь В.С. Трубецкой отмечал: «Как это не кажется странным, но николаевские юнкера чрезвычайно любили, даже обожали свое училище […]. В училище была особая публика – неунывающая, веселая, лихая, а главное, дружно сплоченная».[2]

Все великие князья, занимавшие пост начальника гв. кавалерийских дивизий, получили образование «в доме Августейших родителей». Высшее военное образование из офицеров рассматриваемой группы получили: в 1 ГКД всего один человек – Н.Ф. фон Крузенштерн окончил НАГШ (он также прошел курс обучения в ОКШ); во 2-ой – 3 офицера (В.Ф. Винберг, в. к. Николай Николаевич-младший и Г.О. Раух) также окончили НАГШ. После окончания военно-учебных заведений офицеры были выпущены: в 1 ГКД в гвардейские полки все 10 чел. (3 в л.-гв. Кавалергардский (А.И. Мусин-Пушкин, Н.Н. Шипов, Н.Н. Казнаков), 3 в л.-гв. Конный (Н.П. Эттер[3], А.П. Струков[4], князь Н.Н. Одоевский-Маслов[1]), 2 в л.-гв. Гусарский Его В., 1 в л.-

[1] СГС. СПб., 1883. С. 32.
[2] Трубецкой В.С. Указ. соч. С. 422-423.
[3] РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3122 (1880 г.). С. 19-20. Эттер Павел Павлович, офицер гв. с 6.06.1857, полковник с 20.04.1869, командир эскадрона Его В. с 4.07.1867, командир 2-го дивизиона с 15.05.1870, утвержден помощником командира полка с 20.05.1871; Св. Анна II ст. (1871 г.), Св. Станислав II ст. с императорской короной. Взыскания: 5.04.1868 - за несвоевременное отправление в госпиталь заболевающих нижних чинов – поставлено на вид; 25.09.1868 – за то, что рядовой его эскадрона на параде сего числа упал с лошади – арестован на одни сутки с содержанием на гауптвахте; 29.10.1871 – за то, что на бывшем сего числа в Высочайшем присутствии параде №2 эскадрона прошел не рысью, а галопом вследствие чего в этом эскадроне не было равнений – сделан строгий выговор (с.20); 1872 марта - объявлен выговор, за то, что допустил некоторых офицеров отлучиться от своих мест при возвращении полка с репетиции (С. 20).
[4] РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3121 (1870 г.). Струков-I Александр Петрович, полковник с 17.04.1870 г. Адъютант Его Императорского Высочества генерала-инспектора кавалерии с 21.08.1864 (С. 25). Есть также:

гв. Кирасирский Его В. и 1 в л.-гв. Измайловский полки); во 2-ой – из 8 чел. только один А.А. Брусилов не был выпущен в гвардию[2].

4)если анализировать такой параметр, как «скорость карьерного роста», то усредненный показатель по начальникам 1 ГКД составил 22,5 года, при этом динамика продвижения по службе после русско-японской войны снижается и приближается к отметке 29-31 год, что, с одной стороны, было обусловлено «вымыванием» из высшего слоя военной элиты представителей аристократических родов и переходом к меритократическим принципам ее комплектования (где решающую роль начинает играть академическое образование), с другой – периодом «военного затишья», характерного для эпохи Александра III и 1-го 10-тилетия правления Николая II. По понятным причинам в условиях войны карьерный рост офицеров шел значительно быстрее. Если рассматривать данную группу показателей применительно ко 2 ГКД, то он составил 24,3 года. Скорость продвижения по службе кавалергарда, конногвардейца и гусара Е. В. была выше и улана, и гродненского гусара.

Еще одним важным параметром следует считать «непосредственное участие рассматриваемой группы офицеров в боевых действиях» (в данном случае нами также рассматривается наличие боевых наград), то статистика по данному параметру выглядит следующим образом: из 10 начальников 1 ГКД 1 генерал имел опыт 3-х кампаний, 2 – двух и 4 – одной. Причем только два офицера имели опыт командования отдельными частями и соединениями в условиях ведения боевых действий.[3] Из 8 начальников 2-ой ГКД шестеро участвовали в различных войнах, при этом двое имели опыт командования отдельными частями и соединениями.

Струков-2, Петр Петрович, ротмистр (С. 27); Струков Алексей Петрович, штабс-ротмистр (С. 40); Струков Константин Петрович, штабс-ротмистр (С. 60).

[1] РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3122 (1880). Одоевский-Маслов Николай Николаевич, князь. 21.01.1849. Православный. Тамбовская губ. ПК (1 р.). Офицер с 17.07.1867 г., в чине с 30.08.1882. Жена: Ольга Ильинична (уроженка СПб. губ., православная). Помощник командира полка по строевой части от 20.02.1886 г., член суда общества офицеров с 26.07.1888 г. и представитель полкового суда с 1.03.1890 г. В эскадроне Е.В. Ордена: Св. Анны II и III ст.; Св. Станислава II ст.; Св. Владимира IV ст. Командирская звезда Португальского ордена Христа, Командирский крест Испанского ордена Изабеллы Католической (С. 3).

[2] Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2013. С. 6.

[3] СГС. СПб., 1889. С. 299.

Общая статистика по указанному параметру исследования приводится в приложениях 75, 76 (см.: приложения 75, 76).

5)при анализе брачных отношений и наличия детей нами было выявлено, что из 10 командиров 1 ГКД только 5 чел. были женаты (причем один, в. к. Павел Александрович, 2 раза), что в целом составляло 50%. Во 2-ой дивизии из 8 чел. 7 офицеров имели жен (то есть 87%), один был холост. Подавляющая часть женатых офицеров имела детей. Наиболее многодетным был командир 2 ГКД г.-лейтенант В.М. Безобразов (7 детей)[1]. Общее представление об анализируемых статистических данных дает таблица, представленная в приложении 77 (см.: приложение 77).

6)что касается материального положения г.-командира гв. дивизии, то оно слагалось из разных источников доходов. В идеале было *два очевидных источника*: наличие земельной собственности и жалование. Кроме того было значительное число дополнительных источников, включая различные формы бизнеса. Так, командир л.-гв. Гусарского Е. В. п., а с 1913 г. дворцовый комендант генерал В.Н. Воейков наладил производство минеральный воды «Куваки» (по названию села Куваки в Пензенской губернии, где находился целебный источник, из которого добывали воду), за что получил прозвище «генерал от куваркерии». Мощность производства составляла 100 тыс. бутылок (30000 т.) в год. Примечательно, что Воейков был «крепким землевладельцем». От матери он унаследовал 14000 десятин земли (имение в Каменке). Генерал лично построил 2 мельницы и кирпичный завод, занимался овцеводством и свекловодством. Во время Первой мировой войны Воейков не только не приостановил свой бизнес, а поставил его на более широкую ногу. По замечанию тайного советника военного врача В.П. Кравкова, он буквально «залил» своей минеральной водой фронт.[2]

Следует отметить, что существовал еще один распространенный «бизнес»: «удачная женитьба». Так, одним из многочисленных «предприятий»

[1] РГВИА. Ф. 3545. Оп. 1. Д. 391. Л. 3.
[2] Кравков В.П. Указ. соч. С. 182.

В.Н. Воейкова был его брак с дочерью министра Двора графа (до 1913 г. – барона) В.Б. Фредерикса (с 1875 по 1883 г. барон командовал л.-гв. Конным п., затем 1 бр. 1 ГКД) Евгенией Владимировной. Обедневший барон К.-Г.Э. Манергейм (командир отдельной «варшавской» гв. кавалерийской бригады) расплатился по долгам благодаря деньгам жены. Определенная часть офицеров наиболее престижных полков кавалерии (Кавалергардского, л.-гв. Конного, л.-гв. Гусарского Его В. и л.-гв. Уланского Ея В.) стремилась «жениться» на представительницах состоятельных аристократических родов. Для дам такой брак также был удачной партией, потому что в указанных полках служил цвет российской аристократии, к тому же они рассматривались как «высококультурная военная среда».[1]

Офицеры-гвардейцы также пытались приторговывать, например, лошадьми (причем отдельные из них, вплоть до великих князей, не гнушались предлагать «некачественный товар»). Известным «лошадником», в том числе и по роду своей службы, был барон К.-Г.Э. Маннергейм (некоторое время он был прикомандирован для поручений при управлении Придворной конюшенной части (с 10.10.1897)[2], которую возглавлял бывший командир 1 бр. 1 ГКД барон А. Гринвальд). Кроме этого, была группа домовладельцев, представители которой сдавали в аренду недвижимость – к указанному отрезку времени в империи уже прочно утвердился дух капитализма. Были и другие формы во многом *примитивного «офицерского бизнеса»*.

Особое внимание следует обратить на «денежное довольствие» командиров гвардейских кавалерийских дивизий. Единообразной системы обеспечения денежного довольствия в отношении командиров гв. дивизий не существовало. В соответствии с существующей на начало XX в. системой денежного довольствия все группы офицеров получали: жалование в виде двух различных видов окладов (основного или усиленного) и столовые деньги («оклад, присвоенный должностям, независимо от чина и только за действи-

[1] Власов Л.В. Густав Маннергейм в Петербурге (переработанное и дополненное издание). СПб., 2003. С. 74, 62.
[2] Сборник биографий кавалергардов. 1826-1908 г. г.… - С. 355.

тельное исправление должности»). В отдельных случаях уплачивались: прогонные, порционные и суточные деньги. Размер жалования генералов, состоящих на действительной службе в 1902 г. составлял: для полного генерала – основное жалование 2100 руб., усиленное – 2940 руб., для г.-лейтенанта – 1800 руб. и 2472 руб., наконец, для г.-майора –1500 руб. и 2004 руб. соответственно. Оклад столовых денег, присвоенных должностям начальника дивизии вне зависимости от рода войск равнялся 4200 руб. В зависимости от каждого конкретного офицера эти цифры пусть и незначительно, но все же разнились.[1] Представление о размере получаемого жалования отдельными офицерами, занимающими должность начальника 1-ой или 2-ой ГКД дает таблица, представленная в приложении 78 (см.: приложение 78). Анализ таблицы позволяет сделать вывод о том, что средний размер жалования начальника ГКД на отрезке 1881-1905 гг. составлял 6491 руб. В целом по сравнению с офицерами ведущих европейских армий указанного периода сумма не столь значительная.

7)такой параметр, как карьерный рост/«последующий карьерный рост» демонстрирует, что наибольшего успеха на завершающем отрезке карьерного роста достигли генералы: Г.А. Скалон, сменивший на посту Варшавского г.-губернатора и командующего войсками Варшавского ВО 15.08.1905 г. К.К. Максимовича (оставался в указанной должности до начала Первой мировой войны); граф А.И. Мусин-Пушкин, занимавший с 23.10.1890 по 19.12.1903 г. пост командующего Одесским ВО; князь Н.Н. Одоевский-Маслов, заведующий с 19.04.1907 г. Придворной частью и являвшийся начальником Московского Дворцового управления.

Информация по князю И.Ф. Шаховскому носит неопределенный характер. В отдельных источниках указывается, что до 1894 г. он возглавлял Киевский ВО. В то же время хорошо известно, что до декабря 1903 г. во главе указанного округа стоял г. от инфантерии М.И. Драгомиров, а с 24 декабря

[1] Малинко В., Голосов В. Указ. соч. С. 54-61.

того же года его возглавил бывший лейб-драгун, петербургский градоначальник г.-лейтенант Н.В. Клейгельс.

Кроме этого, 1 офицер, Н.Н. Шипов, являлся членом Государственного (с 1.01.1911 г.), а еще один, В.Ф. Винберг, Военного (с 1901 по 1909 гг.) Советов. Наконец, В.М. Остроградский занимал пост г.-инспектора кавалерии (с 1905 по 1917 гг.), а А.П. Струков - инспектора ремонтирования кавалерии и бригад кавалерийского запаса. Остальные, более младшие по возрасту офицеры, командовали отдельными корпусами: И.С. Зыков – 16-м армейским, Н.Ф. фон Крузенштерн – 18-м армейским, А.А. Брусилов – 12-м армейским, В.М. Безобразов – Гвардейским.

Судьба великих князей сложилась по-разному. Так, в. к. Павел Александрович (6.05.1897 пожалован г.-адъютантом в Свиту Е. В.; с 25.12.1898 (одновременно с назначением присвоено звание г.-лейтенанта) по 1902 г. командовал ГК[1]) после заключения «незаконного брака» с О.В. Пистолькорс (бывшей женой офицера л.-гв. Конного п.[2]) в октябре 1902 г. был уволен со службы и находился в опале до 1905 г. После «прощения» в. к. не пожелал вернуться в Россию и жил с новой женой во Франции до 1914 г.[3]

Карьера в. к. Дмитрия Константиновича и Николая Николаевича сложилась более чем успешно.

Анализируемые офицеры достигли звание либо г. от инфантерии, либо – г. от кавалерии (Н.Н. Казнаков и Г.О. Раух – в 1917 г. (оба г. от кавалерии)). Также следует отметить, что в 1 ГКД 5 генералов-начальников дивизии были пожалованы свитским званием г.-адъютанта, во второй указанное звание имели также 5 офицеров (см.: приложение 79).

Полученные нами данные позволяют утверждать, что по меньшей мере половина начальников 1 и 2 ГКД входила в структуру высшей политической элиты Российской империи. Безусловно, Российская империя начала XX в.

---

[1] РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3239. Л. 1.
[2] РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3122. Л. 8.
[3] Романова М. Воспоминания великой княжны. Страницы жизни кузины Николая II. 1890-1918. М., 2007. С. 53.

уже не являлась милитарократией времен Николая I, и тем более - не аристократическим государством XVII-XVIII вв., но удельный вес военно-политической элиты в ней был по-прежнему достаточно высок. Но в то же время открытым остается вопрос, насколько позитивным (или деструктивным) являлось влияние данной властной группы в целом и ее отдельных представителей на политические процессы, происходящие в стране, а также совокупность решений, принимаемых в стенах военного ведомства?

Гв. пехота являлась основным компонентом ГК, хотя служить в ней было менее престижно, чем в подавляющей части гв. кавалерийских полков. В соответствии со штатным расписанием во главе ГПД находился офицер в воинском звании г.-лейтенанта, во главе бригад и гв. полков – г.-майора. За исключением изменений названий отдельных гв. полков, а также эволюции штатного расписания, обусловленной требованиями времени, в структурном плане гв. пехота сохраняла однообразную композицию на всем изучаемом отрезке времени. При анализе особенностей социального состава командиров ГПД нами была определена *генеральная совокупность* общей численностью 36 офицеров (12 – 1-я ГПД; 15 – 2-я; 9 – 3-я: указанные данные представлены в таблице, помещенной в приложении 80 (см.: приложение 80).

Анализ вышеозначенных исследовательских (просопогорафических) индексов позволил сделать следующие выводы в отношении рассматриваемой группы офицеров.

1)с точки зрения параметра *«социального происхождения»* следует отметить, что за исключением одного офицера, г.-лейтенанта П.А. Лечицкого, остальные представители анализируемой группы происходили из семей потомственных дворян[1]. Процент титулованных особ среди представителей рассматриваемой группы офицеров (примерно пятая часть; тем не менее в 1 ГПД представители данной группы составляли 1/3) был не столь высок по сравнению с командующими ГКД. Общее представление о титулованных

[1] СГС. СПб., 1910. С. 326.

особах-представителях рассматриваемой группы дает таблица № 40 (см. таб. 40).

Таблица № 40

Титулованные особы-командиры ГПД

	1ГПД	2ГПД	3ГПД
Принц	1	-	-
Князь	1	-	-
Граф	1	1	1
Барон	1	-	1
Общее число титулованных особ-командиров ГПД в рассматриваемый период	4 (33%)	1 (7%)	2 (22%)
Общее число командиров ГПД в рассматриваемый период	12	15	9

Безусловно, наиболее яркими фигурами являлись: командир 1 ГПД г.-адъютант, г.-лейтенант принц А.П. Ольденбургский и командир 2 ГПД г.-адъютант г.-лейтенант граф И.И. Воронцов-Дашков. Принц А.П. Ольденбургский (принадлежал к младшей Гольштейн-Готторпской линии «Владетельного Дома» Ольденбургского) является известной исторической фигурой и в подробном анализе не нуждается.

Граф И.И. Воронцов-Дашков являлся сыном тайного советника и обер-церемониймейстера графа И.И. Воронцова-Дашкова (1790-1854) и А.К. Нарышкиной (1818-1856).[1] Во время службы на Кавказе граф Илларион Иванович довольно близко сошелся с князем А.И. Барятинским и попал под его покровительство. Отчасти благодаря его рекомендациям граф стал адъютантом в. к. наследника-цесаревича Александра Александровича (1861 г.).

Историк С.С. Татищев отмечал «силу, смелость и ловкость» молодого флигель-адъютанта. С 1865 г. граф принимал участие в боевых действиях в Средней Азии, где в 1867 г. был награжден орденом св. Георгия IV ст. 15.10.1867 г., после получения звания г.-м. (в 1866 г.), Иван Илларионович становится командиром л.-гв. Гусарский Е.В. п., а затем последовательно за-

[1] Российская аристократия (Справочные книжки: ПДФ). С. 115.

нимает должности: командира 2-й бригады 2 ГКД[1], НШ ГК (в 1875 г. ему пожаловано звание г.-адъютанта, 30.08.1876 – г.-лейтенанта), командира 2 ГПД. К 1881 г. граф достигает апогея своей службы и становится одной из влиятельнейших фигур военно-политической элиты империи: министром Императорского Двора и Уделов (с 17.08.1881) и канцлером Российских Царских и Императорских орденов.[2]

Воронцов-Дашков обладал определенной харизмой и умел притягивать к себе внимание людей, особенно «сильных мира сего», и «смягчать самые угрюмые натуры».[3] Граф поддерживал товарищеские отношения сначала с наследником престола, а потом с императором Александром III (в отдельных исследованиях можно встретить утверждение, что граф был «личным другом императора»[4]). Великосветская дама, хорошо осведомлённая во всех нюансах придворной жизни, графия М. Кленмихель называла Иллариона Ивановича не иначе как «любимец наследника».[5] Подтверждение «благорасположения» можно найти в личной переписке между графом и в. к. Александром Александровичем. Например, по случаю своего назначения командиром ГК 30.08.1874 г. наследник написал следующее: «Со дня рождения считаюсь я в первой Дивизии, в рядах Ваших я начал служебное поприще и горжусь тем, что навсегда останусь считаться товарищем Вашим […] Сдаю Вас брату[6], не сомневаюсь, что, сойдясь с Вами ближе, также, как и я, будет он Вас любить и уважать».[7]

Что касается других титулованных особ, то определенный интерес представляет выходец из древнего княжеского рода, отрасли князей черниговских, ведущей свое происхождение от Рюрика (по линии князя И.М. Обо-

---

[1] Там же.
[2] См.: Татищев С.С. Детство и юность Великого Князя Александра Александровича. // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 372; СГС. СПб., 1896. С. 46.
[3] Рыженко И.Э. Александр III в Гатчине. СПб., 2011. С. 25.
[4] См.: Алексеев В.Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М., 2002. С. 352.
[5] Дворцовые интриги и политические авантюры: записки Марии Клейнмихель. М., 2014. С. 135.
[6] То есть в. к. Владимиру Александровичу, который с 30.08.1874 «Высочайшим приказом назначен Начальником I-й Гв. пех. дивизии с оставлением в прежних званиях» (см.: РГИА. Ф. 528. Оп. I. Д. 4. Л. 56).
[7] ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 741. Л. 245об.

ленского), князь Н.Н. Оболенский.[1] Генерал Н.А. Епанчин отмечал, что князь имел редкие для своего времени человеческие и, отчасти, профессиональные качества (унаследованные от своих предков). Он был наделен «гражданским мужеством высокой степени […], рыцарством в лучшем смысле, основательным знанием войскового быта, умением обращаться с офицерами и солдатами, знанием хозяйства, заботливым и доброжелательным отношением к подчиненным».[2] В то же время генерал Н.Н. Оболенский имел недостаточное военное образование и был слабо подготовлен, как к командованию дивизией, так и впоследствии ГК. Род графа Д.Е. Комаровского происходил от «немчина» Павла Прокофьевича, «писанного поместьем в 1626 г.»[3]. Г. от инфантерии, г.-адъютант Е.Ф. Комаровский (1769-1843), был сыном помещика средней руки чиновника дворцовой канцелярии Федора Афанасьевича и дедом Дмитрия Егоровича. В детстве был записан в л.-гв. Преображенский п., затем служил в л.-гв. Измайловском. Непродолжительный отрезок времени являлся адъютантом в. к. Константина Павловича. Принимал участие в Италийском и Швейцарском походах, занимал пост помощника СПб. военного губернатора графа М.Ф. Каменского, а также начальника СПб. полиции. Во время войны 1812 г. и заграничных походов занимался интендантской деятельностью. С 1816 по 1828 г. возглавлял Отдельный корпус внутренней стражи. В конце жизни был назначен сенатором. Три офицера принадлежали к фамилиям, имеющим шведско-немецкое происхождение, причем двое из них являлись «остзейцами»: барон А.Н. Меллер-Закомельский, барон А.Е. Зальца и граф А.А. Стенбок-Фермор.

2)по *конфессиональной принадлежности* подавляющая часть командиров ГПД являлась православной. Так, в 1 ГПД из 12 чел. 10 исповедовало православие (т.е. 83%), во 2 ГПД – 12 чел. из 15 (т.е. 80%), наконец, в 3 ГПД – 7 чел. из 9 (78%). Таким образом, средний показатель по рассматриваемой

[1] Дворянские роды Российской империи. Князья. // Руководитель авторского коллектива Гребельский П.Х. Т.1. СПб., 1993. С. 171.
[2] Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 246-257.
[3] Любимов С.В. Титулованные роды Российской империи. М., 2004. С. 161.

группе составил 80%. Из прочих конфессий, к которым принадлежали представители рассматриваемой социальной группы можно выделить протестантизм (в варианте лютеранства: 5 человек (2-е в 1 ГПД: принц А.П. Ольденбургский и О.-Ф.К. Гриппенберг; 1 во 2 ГПД: А.К. Рихтер; 2 в 3 ГПД: К.А. Вейс и О.Л.О. Сирелиус)) и католицизм (2 чел. во 2 ГПД: Ю.В. Любовицкий и Р.Т. фон-Мевес). Представителей магометанства и прочих религиозных систем в анализируемой группе не выявлено.

Установить *этническую принадлежность* рассматриваемой части военной элиты Российской империи крайне затруднительно в силу серьезной генетической размытости отдельных дворянских родов. В качестве примера можно привести происхождение командира 3 ГПД генерала В.Д. Дандевиля. Он родился в Оренбурге в семье французского военнопленного Дезире д'Андевиля. При этом его можно позиционировать как оренбургского казака, а казаки, как известно, национальности не имели (вплоть до того, что продолжали негласно позиционировать себя как особое сословие, не имеющее национальности). Примечательно, что В.Д. Дандевиль начал службу в качестве хорунжего (с 18.02.1844 г.) в конной артиллерии Оренбургского казачьего войска (получил военное образование в Оренбургском-Неплюевском кадетском корпусе; 2 года был старшим адъютантом отдельного Оренбургского корпуса с 14.05.1851 по 4.02.1853 гг.).[1]

В отношении офицеров французского происхождения С.Н. Палеолог писал: «Коренные французы и эмигранты играли у нас немалую роль […] Во флоте служили Пантон-Фантон де Верайон; *в гвардии: Дельсаль*; Жирар де Сукантон командовал синими кирасирами; Шедевр, Дюбрейль Эшапар, Соваж, Геруа; Шерпантье командовал гродненскими гусарами; де Вейль».[2] Крайне сложно определить польские и тем более «малоросские корни» – при этом этимология фамилии не может являться достаточным основанием для определения этничности, а худородные дворяне чаще всего свою генеалогию

[1] СГС. СПб., 1899. С. 51.
[2] Палеолог С.Н. Около власти. Очерки пережитого. М., 2004. С. 45.

не отслеживали. Таким образом, решающим проблему этничности все-таки оставался конфессиональный фактор, цементирующий полиэтническое пространство Российской империи в единое национальное явление. Исключение в данном случае составляли явно выраженные национальные анклавы, тяготеющие к традиционному и духовно-религиозному сепаратизму. В этом плане показательны рассуждения А.И. Деникина, отличающиеся высокой степенью обыденного, в некоторой мере бесхитростного, неангажированного восприятия мира.

А.И. Деникин писал: «Как и везде, в русской армии национальные перегородки в офицерской, да и в солдатской среде стирались совершенно, не отражаясь вовсе на дружном течении полковой жизни». Свои рассуждения А.И. Деникин резюмировал извлечением из «Русского Инвалида», редакция которого в какой-то мере аккумулировала переживание отдельных групп офицеров: «Русский – не тот, кто носит русскую фамилию, а тот, кто любит Россию и считает ее своим отечеством».[1]

В группе офицеров, исповедующих протестантизм и католицизм, 6 ее представителей имели немецкие или шведские корни, а 1 являлся поляком. Особенности представителей данной конфессиональной группы представлены в приложении 81 (см.: приложение 81).

3)В отношении *образовательного уровня* командиров ГПД следует отметить одну важную особенность. Несмотря на то, что значительная часть рассматриваемых офицеров происходила из семей кадровых военных, процент выпускников из ПК был минимальным. Так, в 1 ГПД из 12 офицеров только один (М.П. Данилов) закончил вышеозначенное учебное заведение (т.е. 8%); во 2 ГПД из 15 чел. ПК окончило два офицера (Е.М. Бибиков и В.И. Троцкий), т.е. 13%; наконец, в 3 ГПД из 9 чел. ни одного офицера не обучалось в ПК. При этом 4 офицера получили домашнее образование и, как следствие, «доучивались» на службе: принц А.П. Ольденбургский (следует отметить, что, получив, домашнее образование, принц прослушал курс Импера-

[1] Деникин А.И. Путь русского офицера. // Путь русского офицера. М., 2002. С. 117-118.

торского училища правоведения (1 ГПД)), О.-Ф.К. Гриппенберг (1 ГПД), граф И.И. Воронцов-Дашков (получив фактически домашнее образование, граф начал обучение в Московском Императорском университете, но бросил его и начал службу в качестве вольноопределяющегося в л.-гв. Конном полку; 2 ГПД) и С.В. Рыкачев.

Что касается остальной группы офицеров, то общее представление о качестве их образовательном уровне дает таблица № 41 (см. таб. 41).

Таблица № 41

Особенности образования командиров гв. дивизий

	ПК	ШГПКЮ (НУГЮ; НКУ)[1]	ПВУ	ДП (КВУ; КАУ)[2]	МАУ	НИУ	АВУ	ЮУ	КК	ИАЛ	ИУП	ОДР
1ГПД	1	3	-	1	2	-	-	1	1	1	1	1
2ГПД	2	-	1	2	4	1	1	-	2	-	-	2
3ГПД[3]	-	2	2	3	-	-	-	-	2	-	-	-
Всего	3	5	3	6	6	1	1	1	5	1	1	3

Список сокращение: ДП – Дворянский полк (КВУ – Константиновское ВУ); ЮУ – юнкерское училище; КК – после кадетского корпуса; ИАЛ – Императорский Александровский лицей; ИУП – Императорское училище правоведения; ОДР – обучался в доме родителей.

Выявить общую тенденцию назначения на должность командира ГПД, исходя из параметра полученного среднего специального военного образования, не представляется возможным. В данном случае мы видим незначительный приоритет, как это ни парадоксально, артиллерийских училищ перед общевойсковыми кавалерийскими и пехотными. Причем в 1 и 2 ГПД командиры, получившие «артиллерийское» образование, заняли указанную должность накануне Первой мировой войны (И.И. Мрозовский (отрезок командо-

[1] Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (основана 9.05.1823 г.), 1859 г. – Николаевское училище гвардейских юнкеров (в связи с упразднением звания подпрапорщика), 1864 г. – Николаевское кавалерийское училище.

[2] Дворянский полк (основан как самостоятельное учебное заведение в 1832 г.), 1855 г. – Константиновский кадетский корпус, 1862 г. – Константиновское военное училище, 1894 г. – Константиновское артиллерийское училище.

[3] По одному офицеру, г.-лейтенанту графу Д.Е. Комаровскому, информация отсутствует.

вания - 1908-1912), В.А. Олохов (1912-1914) - в 1 ГПД; Л.В. Леш (следует отметить, что указанный офицер также окончил НКУ; период командования - 1910-1912) и В.Е. Флуг (1912-1913) - во 2-ой). В данном случае, по всей вероятности, как один из факторов назначения сказывался более высокий уровень военно-технического образования (соответствующий требованиям современной войны), получаемый в МАУ (по сравнению с прочими военно-учебными заведениями).

Следует отметить, что подавляющая часть представителей анализируемой группы офицеров после окончания военно-учебных заведений начинала службу в различных частях и подразделениях императорской гв. Указанная информация приводится в приложении 82 (см.: приложение 82).

Анализ приложения позволяет утверждать, что подавляющая часть командиров дивизий (27 чел. или 75%, то есть значительно больше половины) начинала службу в гвардейской пехоте.

Что касается высшего военного образование, то воздействие этого фактора на карьерный рост рассматриваемой группы офицеров начинает прослеживаться только после русско-японской войны, когда на фоне меритакратической мутации военно-политической элиты, окончание одной из военных академий становится решающим фактором для проникновения в ее высшие эшелоны. Таким образом, в 1 ГПД мы выявили двух офицеров (из 12; т.е. 17%), окончивших НАГШ. Кроме этого, два офицера окончили МАА[1].

Во 2 ГПД НАГШ окончило 6 человек (40%). Прочих высших военно-учебных заведений представители данной группы офицеров не оканчивали. Наконец, в 3 ГПД процент командиров-выпускников НАГШ был самым высоким (67%); при этом один офицер окончил академию по 2-му разряду. Важным фактором карьерного роста рассматриваемой группы офицеров являлась не только служба, но и командование гв. частями и соединениями (стрелковый батальон, командир которого приравнивался к командиру пол-

[1] РГВИА. Ф. 2587. Оп. II. Ед. хр. 154. Л. 4 (Список по старшинству в чинах Генералам, Штаб- и Обер-Офицерам и классным чиновникам л.-г. 1-го Стрелкового Его Величества батальона. За февраль месяц 1899 г. (по 28.II.1899 включительно)).

ка/гв. полк – гв. бригада). Общее представление дает таблица, представленная в приложении 83 (см.: приложение 83).

Анализ таблицы позволяет сделать вывод о том, что в 1 ГПД из 12 офицеров 5 чел. (42%) командовали гв. стрелковыми батальонами или полками. Все представители указанной группы офицеров в конечном итоге командовали гв. бригадами, как правило, теми, в которых они командовали полками, при этом один офицер, князь Н.Н. Оболенский, дослужился до должности командующего ГК (1897-1898 гг.).

Во 2 ГПД из 15 офицеров 9 (60%) командовали гв. батальонами/полками и 7 – в последующем гв. бригадами (правда, в случае с графом И.И. Воронцовым – кавалерийскими полком и бригадой). 2 ГПД возглавляло 3 генерала, окончивших НАГШ и имевших опыт как штабной, так и командной работы в армейских частях, и к гв. никакого отношения не имевших. С другой стороны, выявлено 9 генералов, начинавших службу в гв. (из которых 7 впоследствии стали командовать гв. полками и соединениями), которые НАГШ не заканчивали. В то же время следует отметить, что пять последних командиров дивизии (начиная с 1907 г. и вплоть до Первой мировой войны) имели за плечами обучение в НАГШ (И.А. Романенко, Н.П. Михневич, Л.В. Леш, В.Е. Флуг, А.А. Ресин[1]). Эта тенденция указывает на начало медленной трансформации императорской гв., что во многом было обусловлено новым витком военных реформ, связанных с необходимостью кардинальной модернизации армии.

Уместно вспомнить рассуждения П.А. Зайончковского в отношении русского генералитета: «В подавляющей своей части это были гвардейцы (либо выпущенные в гвардию, либо перешедшие туда позднее […] нормальное продвижение по службе для армейских офицеров, не получивших высшего образования (а таких в общей массе было подавляющее большинство), всячески задерживалось существованием гвардии». Далее ученый отмечает,

[1] СГС. СПб., 1914. С. 91 (И.А. Романенко); С. 108 (Н.П. Михневич); С. 277 (Л.В. Леш); С. 246 (В.Е. Флуг); С. 303 (А.А. Ресин).

что перед Первой мировой войной процент полных генералов, не имевших высшего образования, составлял 81,2%, среди г.-лейтенантов - 66,7%, среди г.-майоров – 49%.[1]

Рассуждения же относительно «бесполезности» и даже «вредности» гв. носят во многом субъективный характер. В данном случае возможны по меньшей мере два возражения.

В значительной части воспоминаний отмечается, что НАГШ давала знания, не только лишенные системы, но и зачастую устаревшие. Ее окончание отнюдь не означало, что из академии выходил выдающийся стратег. С началом нового витка модернизации армии обучение в НАГШ стало обязательным и для гв. (обязательной «рутиной» (проформой) для продвижения по карьерной лестнице), ориентированных на «генеральство».

В отношении образования полных генералов, то следует отметить, что их карьера начиналась в период, когда НАГШ не только не несла «света знаний» военной науки, но и не давала никаких преференций. Значительная часть генштабистов занималась рутинной канцелярской деятельностью (и продолжала это делать к концу 1-го десятилетия XX в.). Это показали войны последней трети XIX – нач. XX в., да и Первая мировая война не продемонстрировала выдающихся познаний отечественных военачальников-генштабистов.

Наконец, еще одной проблемой становился «людской материал». В гв. шли не только «отбросы» вырождающегося дворянства: в гв., даже в начале XX в., был высок процент высокообразованных и интеллектуально одаренных людей, во многом превосходящих выходцев из «народа» с их особой «природной смекалкой». В то же время нельзя не согласится с А.Ф. Редигером в отношении проблемы «высокой дороговизны» службы в гв., которая отпугивала способных, но малообеспеченных офицеров и, как следствие, открывала дорогу для состоятельных, но менее одаренных.[2] В данном случае

[1] Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны. // П.А. Зайончковский (1904-1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 33-34.
[2] Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. М., 1999. С. 62.

следует добавить, что деградация гв. происходила на фоне деградации остальной армии и резкого падения престижа офицерского звания.

Что касается 3 ГПД, то в ней из 9 командиров всего 2 (22%) командовали гв. полком и бригадой. Общая совокупность офицеров-командиров полков и бригад применительно к 3 ГПД составляла 14 чел. из 36, то есть 39%. В данной группе генералов только один офицер не служил в гв., но окончил НАГШ (В.Д. Дандевиль). Остальные 5, окончившие НАГШ, начинали службу в гв., при этом один из них, О.-Л.О. Сирелиус (окончил НАГШ в 1885 г. по 1 разряду), командовал л.-гв. Егерским полком (3.06.1903-18.02.1906) и 1-й бригадой 1 ГПД[1].

Ю.В. Макаров вспоминает, что у офицеров гв. частей вплоть до Первой мировой войны сохранилось правило делить на «своих», «коренных гвардейцев» и чужаков, с соответствующим к ним отношением. Критерием деления «для начальства» являлись служба в гв. или, на крайний случай, командование гв. частями (уже на этом уровне офицеры четко идентифицировали своего командира как «своего – чужого»). Примечательно, что негласная гв. традиция требовала назначение даже командира полка из «своей дивизии», в идеале еще и из «своей» бригады. С началом модернизации русской армии, внедрения принципов относительного эгалитаризма, детерминированного профессиональными качествами офицера, эта традиция соблюдалась все меньше. Тем не менее в 1 ГПД «традиционная составляющая» носила наиболее устойчивый характер. Решающее влияние на сохранение этой тенденции оказывало присутствие в ее составе «Петровской бригады».

5)еще одним индикатором, определяющим профессионализм, следует считать *участие* представителей анализируемой группы офицеров *в боевых действиях* и, как следствие, награждение их «боевыми» наградами (содержание данного термина раскрывалось нами выше). Общая статистика по 1 ГПД дается в таблице, представленной в приложении 85 (см.: приложение 85).

[1] Там же. С. 231.

Анализ таблицы позволяет сделать вывод о том, что все офицеры 1 ГПД имели опыт хотя бы одной войны. Безусловно, настоящими «боевыми генералами» являлись: г.-лейтенант О.-Ф.К. Гриппенберг, имевший опыт пяти кампаний, включая русско-японскую войну, на которую он вышел в качестве командующего 2-ой Маньчжурской армией в возрасте 66 лет и звании генерала от инфантерии. Наиболее яркими фигурами среди «молодых» генералов, безусловно, являлись П.А. Лечицкий и И.И. Мрозовский, оба – участники событий в Китае 1900-1901 гг. (подавление «боксерского восстания») и русско-японской войны. Генерал И.И. Мрозовский также имел опыт русско-турецкой войны[1].

Примечательно то, что из 12 офицеров-командиров 1-ой ГПД девять (75%) были награждены орденом св. Георгия IV ст., причем 6 из них за русско-турецкую войну 1877-1878 гг. (см.: приложение 84). В эту группа не входит уже упоминавшийся нами генерал О.-Ф.К. Гриппенберг, удостоенный ордена св. Георгия III ст. за ту же кампанию. Общая статистика по 2 ГПД дается в таблице, представленной в приложении 85 (см.: приложение 85).

Анализ таблицы позволяет утверждать, что столь ярких фигур, как в 1 ГПД, во 2 ГПД не было. 4 офицера имели опыт 3-х войн, причем все они относились к уходящей эпохе Александра II – Александра III. Из наиболее ярких фигур, осведомленных о тонкостях «современной войны» к началу Первой мировой, можно выделить генералов В.Н. Данилова и Л.В. Леша, в первую очередь как георгиевских кавалеров[2].Из указанной статистики, как и в случае с принцем П.А. Ольденбургским, в силу особого его положения выпадает г.-адъютант, г. от кавалерии граф И.И. Воронцов-Дашков.

Наконец, общее представление о рассматриваемых индексах, применительно к 3 ГПД дает таблица, помещенная в приложении 86 (см.: приложение 86). Анализ таблицы позволяет сделать вывод о том, что наиболее яркой фигурой в рассматриваемой группе являлся В.Д. Дандевиль. В данном случае

[1] СГС. СПб., 1908. С. 661.
[2] РГВИА. Ф. 2581. Оп. 2. Д. (ед. хр.) 707. Л. 4. (Список по старшинству в чинах Ген., Шт. и Обер.-оф. и кл. чиновн. Лейб-Гвардии Павловского полка. За Январь 1889 г.).

его «рейтинг» определяет не только участие в боевых действиях, но и награды: ордена св. Георгия IV и III степеней и орден св. Владимира III ст. с мечами. Вторым наиболее значимым фигурантом являлся барон А.Ф. Меллер-Закомельский. Кроме своих подлинных боевых заслуг на 4-х войнах, которые были отмечены орденами св. Георгия IV ст. и св. Владимира IV ст. «с мечами и бантом», барон прославился в русской армии неоднозначной «жестокостью и беспощадностью»[1] при подавлении военных и народных выступлений: в Севастополе (моряков и саперной роты), на Сибирской ж/д (по воспоминаниям, усмирял с помощью порки) и в качестве временного Прибалтийского г.-губернатора.

Кроме указанных фигурантов, дивизией командовали еще два георгиевских кавалера (П.А. Разгильдяев и К.А. Вейс – оба офицера прославились во время кампании 1877-1878 гг.). Дивизией также командовал один участник русско-японской войны на ее завершающем этапе (в качестве начальника военных сообщений при главнокомандующем всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии), Я.Ф. Шкинский. По понятным причинам, занимая столь ответственную должность, генерал никакими «подвигами» не прославился. Еще два офицера, П.Д. Ольховский и О.-Л.О. Сирелиус, боевых наград не имели.

Примечательно то, что накануне Первой мировой войны 3 ГПД, дислоцирующуюся в «пограничном» ВО, возглавил «преображенец» генерал О.-Ф.О. Сирелиус, вообще боевого опыта не имевший. Во время Восточно-Прусской операции 17 августа он, в качестве командующего 3 ГПД, возглавил атаку на Нейденбург. А 28 августа был отстранен от должности «за самовольный отход от Нейденбурга»[2] и отправлен в резерв.

6)общее представление о *семейном положении* рассматриваемой социальной совокупности дает таблица помещенная в приложение 87 (см.: приложение 87). Анализ материала, представленного в таблице, позволяет

[1] Гурко В.И. Указ. соч. С. 520.
[2] Приказ ГК Северо-Западного фронта № 46 от 29.08.1914.

утверждать, что из 36 офицеров 32 чел. находились в браке, что в целом составило 89%. Наибольший процент холостых генералов, 3 чел., прослеживается в 1 ГПД.

В отношении параметра, связанного с наличием детей, следует отметить, что в основной своей массе семьи командиров ГПД являлись многодетными (3 и более детей): 3 детей – 12 офицеров, 4 детей – 5 офицеров, 5 детей – 1 офицер, 6 детей – 1 офицер, 8 детей – 1 офицер (всего 20 офицеров, или 56%). 4 офицера имели по 2 ребенка и 3 – по одному. По двум офицерам мы не смогли найти информацию. Таким образом, общие показатели наличия детей составили 77 %. Столь значительный процент женатых генералов, имеющих многодетные семьи, позволяет поднять вопрос об их материальном положении.

Представление о материальном положении командиров ГПД дает приложение 88 (см.: приложение 88).

Следует отметить, что на рубеже веков жалование офицера-командира дивизии в чине г.-лейтенанта (применительно к эпохе правления Александра III) было увеличено с 1356 руб. до 1800 руб. Изменение выплат затронуло все категории офицеров: общее представление о жаловании офицеров российской императорской армии в 1902 г. дает таблица № 42 (см. таб. 42).

Таблица № 42

Жалование офицеров российской императорской армии в 1902 г.

Чины	Жалованье	
	Основное	Усиленное
Полн. генералы	2100	2940
Ген.-лейтенанты	1800	2472
Ген.-майоры	1500	2004
Полковники	1200	1536
Подполковники	1080	1344
Капитаны	900	1080
Шт.-Капитаны	780	948
Поручики	720	876
Подпоручики	660	804
Прапорщ. милиции и запаса	600	732

Источник.[1]

Оклад столовых денег (выплаты за занимаемую должность) при должности начальника дивизии, начальника штаба, артиллерии и инженеров в округах, коменданта крепости 2-го класса составлял 4200 руб.; при должности начальника отдельных бригад (всех), коменданта крепостей 3-го класса, заведующего артиллерийской части в округах – 3300 руб.[2]

Командиры гв. дивизий, без учета рода войск, в целом получали такое же содержание, что и командиры аналогичных армейских соединений. Например, начальник 26-й пехотной дивизии г.-лейтенант князь А.П. Щербатов в 1896 г. получал: жалования 1356 руб., столовых 2400 руб., добавочных 1500 руб. Абсолютно аналогичная ситуация характерна и для начальника 10 кавалерийской дивизии г.-лейтенанта А.М. Ребиндера и подавляющей части других начальников дивизий.

В этом плане служба в гв. не давала существенных преференций, поскольку действующая система законов определяла одинаковое для всех содержание. По понятным причинам командиры периферийных армейских дивизий еще и выигрывали в материальном плане, так как служба в столице и гв. требовала весьма значительных материальных расходов.

Тема достаточно высокой «дороговизны» службы в гв. на сегодняшний день хорошо изучена. Вместе с тем тема финансовых мытарств отдельных гв. офицеров (значительной части из них), особенно на фоне растущего интереса к микроисторической тематике, удерживает внимание историков. В качестве примера таких «мытарств» можно привести непрекращающийся поиск средств офицером Кавалергардского полка С.А. Панчулидзевым, автора «Сборника биографий кавалергардов». Так, в письме жене от 5.01.1902 г. мы встречаем сразу несколько проблем, типичных для гв. офицеров вне зависимости от рода войск и в какой-то мере воинского звания: долги, выплаты по

[1] Справочная книжка для офицеров. Составили генерального штаба полковники Малинко В. и Голосов В. Издание 3-е, исправленное и дополненное, часть I. Москва, 1902. С. 90-91.
[2] Там же.

закладной, неумение вести хозяйство[1]. *Дискурс-анализ* всего документа (см.: приложение 89) высвечивает полную некомпетентность С.А. Панчулидзева и его супруги в хозяйственных делах. Думается, что данная иллюстрация выглядит вполне убедительно.

Военный министр А.Ф. Редигер, вспоминая свою службу в л.-гв. Семеновском п., отмечал, что «[…]большинство офицеров имело скромные средства, вроде наших и жили перебиваясь».[2] Вспоминая свою службу в качестве адъютанта Гв. ГШ в чине капитана и адъюнкт-профессора (что приносило прибавку в виде академического оклада), при этом имея семью, А.Ф. Редигер отмечал, что вынужден был жить более чем скромной жизнью. Он писал: «У нас, например, не было завтраков и только утром чай, в четыре часа обед и вечером чай с холодными остатками обеда».[3] Примечательно, что *отдельные* офицеры гв., доведенные буквально до отчаяния своим материальным положением, получив звание полковника, не ждали полка, а меняли род деятельности или место службы.

7)рассуждение о командирах ГПД мы хотели бы подытожить анализом еще одного немаловажного индекса: *«последующей» военной карьеры*, основным фактором для успешности которой собственно и служило командование ГПД. Общее представление о карьерном росте анализируемой условной социальной совокупности применительно к 1-3 ГПД дает таблица, представленная в приложениях 90, 91, 92 (см.: приложения 90, 91, 92).

Анализ приведенного в таблицах статистического материала позволяет сделать следующие выводы:

- в 1 ГПД 3 генерала дослужились до должности командующего войсками ВО (Н.Н. Малахов – Московского; О.-Ф.К. Гриппенберг – Виленского; барон А.Е. Зальца – Казанского). 1 – помощника командующего войсками ВО (Н.П. Данилов, позднее член ВС). Карьера 2, кн. Н.Н. Оболенского и Г.Р. Васмун-

[1] РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 79. Л. 15-16 (Письма Панчулидзева С.А. жене Панчулидзевой Надежде Борисовне 1892-1908 гг.).
[2] Редигер А.Ф. Указ. соч. Т.1. С. 63.
[3] Там же. С. 113.

да, неожиданно прервалась (оба «скоропостижно скончались») в период, когда они занимали должности командующего ГК и НШ войск Гв. и СПб. ВО соответственно. Один генерал («по молодости лет») успел перед войной возглавить Гренадерский корпус (И.И. Мрозовский). 1, граф А.А. Стенбок-Фермор, являлись царедворцем.

Особое место среди офицеров указанной группы занимает принц А.П. Ольденбургский. Его особый статус подтверждался членством в ГС и званием сенатора. Кроме этого, в указанной группе 1 офицер занимал пост г.-инспектора пехоты (уже упоминавшийся О.-Ф.К. Гриппенберг, после русско-японской войны). В указанной группе лиц 4 генерала на пути карьерного роста также командовали АК;

- в 2 ГПД 3 офицера закончили свою карьеру, командуя АК, 1 – НШ войск Гв. и СПб. ВО, 1 – начальника Главного Штаба. В указанной группе нами были выявлены: министр Императорского Двора и уделов, канцлер Российских Царских и Императорских орденов и член ГС г.-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков и 2 члена АКР. Один офицер накануне Первой мировой войны занимал пост помощника Туркестанского г.-губернатора и командующего войсками Туркестанского ВО;
- наконец, в 3 ГПД 3 офицера дослужились до должности командира АК. 1 генерал скоропостижно скончался, не успев занять другой должности. 1 являлся членом ГС (барон А.Н. Меллер-Закомельский), 1 – членом ВС (В.Д. Дандевиль). 1 накануне Первой мировой войны был назначен командиром 21-го АК.

Проанализированный нами материал был обобщен в приложении 94 (см.: приложение 93).

Функции бригадных командиров были крайне размыты, поэтому существенного влияние на боевую подготовку и функционирование гв. частей они практически не оказывали. В большинстве гв. полков их даже не знали в лицо. Ю. Макаров писал в отношении своих бригадных командиров (генералов О.-Л.О. Сирелиуса, В.М. Зайончковского, баронов А.Ф. Лангофа и А.Ф.

Бринкена) следующее: «Если у начальника дивизии было сравнительно немного работы, то командиры бригад уже вовсе ничего не делали, вися, так сказать, в воздухе. У них не было даже штабов. Хозяйственная жизнь полков их совершенно не касалась, вмешиваться в строевое обучение их не пускали полковые командиры. Таким образом, единственным их делом было являться на смотры и парады за десять минут до начальника дивизии, и от времени до времени приезжать завтракать в офицерское собрание. И все это в ожидании получения дивизии или отставки»[1].

Общее представление об указанной группе членства, составлявшей в гв. кавалерии 72, а в гв. пехоте – 62 офицера (всего 134 чел.), применительно к гв. кавалерии и пехоте дают приложения 94, 95 (см.: приложения 94, 95).

Анализ отдельных групп данных, приведенных в таблице, позволяет утверждать, что должность командира гв. бригады фактически являлась *«проходной»* и во многом определяла последующий карьерный рост. Именно контакты с высшим гв. начальством, начиная с командира гв. дивизии, давали возможность зарекомендовать себя соответствующим образом и являлись серьезным подспорьем для «карьерного рывка» - проявить себя на служебном поприще в качестве «военного профессионала» командир бригады в императорской гвардии чаще всего не мог. Таким образом, закладывалось основание для перехода в «высшие эшелоны» военной элиты, которые были обозначены нами, как военно-политическая элита. Пример подобного «скачка» являют собой практически все командиры гв. бригад. Для подтверждения вышеизложенных соображений проанализируем конкретные статистические индексы, «обозначенные» нами в предыдущем параграфе (в отношении командиров гв. дивизий), но теперь уже применительно к бригадным командирам.

1.Параметр *социального происхождения.* Следует отметить, что все командиры бригад 1-й и 2-й ГКД, а также отдельной «Варшавской» гв. кавалерийской бригады являлись потомственными дворянами. При этом числен-

[1] Макаров Ю. Указ. соч. С. 146.

ность титулованной знати была незначительна: в 1 ГКД нами были выявлены 1 герцог[1], 2 князя, 1 граф и 3 барона; во 2 ГКД – 2 великих князя[2], 1 герцог[3], 4 князя, 2 графа, 3 барона; в отдельной гв. бригаде – 1 принц[4] и 4 барона. Таким образом, титулованная аристократия в гв. кавалерии составляла 24 офицера, или 33% от общего числа.

Все командиры бригад гв. пехотных дивизий также происходили из семей потомственных дворян. При этом количество представителей титулованной аристократии было значительно меньше, чем в кавалерии: 1 князь и 1 барон в 1 ГПД и 1 барон во 2 ГПД, то есть всего 3 офицера, или 5%.

2.Анализ *конфессиональной принадлежности* выражается в следующих статистических данных: из 72-х командиров бригад ГКД 62 офицера, или 86% исповедовало православие (27 – в 1-ой ГКД, 27 – во 2-ой и 8 – в отдельной); количество протестантов составляло 8 чел., или 11% ; количество католиков – 2 чел., или 3%[5] В гв. пехоте данный параметр получил выражение в следующих цифрах: из 62-х офицеров нами было выявлено 47 исповедующих православие, то есть 76 %; количество протестантов составило 7 чел., или 11 %; количество католиков - 3 офицера, или 5 % (генералы: Д.А. Конаржевский, Ю.В. Любовицкий, И.И. О Квицинский. Все указанные офицеры имели польские корни). Кроме этого, в гв. пехоте прослеживается несколько офицеров, исповедующих армяно-григорианский вариант христианства (всего 2 офицера, или 3 %: Хозрев Мизарбекович Долуханов[6] и Давид Луарсабович Аргутинский-Долгоруков[7]).

Таким образом, подавляющая часть бригадных командиров (81 %) исповедовала православие, при этом процент протестантов (11 %) в общей массе был не столь ощутим. Наличие католической группы в целом объяснялось

---

[1] Герцог Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий (командовал 1 бр. 1 ГКД с 06.11.1906 г. по 12.11.1907 г.)

[2] Великие князья: Дмитрий Константинович (командовал 1 бр. 2 ГКД с 28.12.1903 г. по 4.04.1905 г.); Николай Николаевич-младший (командовал 2 бр. 2 ГКД с 10.11.1890 г. по 11.12.1890 г.).

[3] Князь Романовский герцог Евгений Максимильянович Лейхтербергский (1880-1883 г.).

[4] Принц Альберт Саксен-Альтенбургский (командовал бригадой с 1883 по 1885 г.).

[5] Генералы Н.П. Эттер (происходил из дворян Великого княжества Финляндского) и К.М. фон Вольф (немец или поляк, из католической семьи; к началу 1-ой мировой войны перешел в православие).

[6] Армянин из дворян Елисаветпольской губернии.

[7] Выходец из армянского княжеского рода. Уроженец Тифлисской губернии.

данью гвардейской традиции, связанной с судьбой и местом отдельных фамилий в истории императорской гв.

3.Анализ *параметра военного образования* представлен в таблицах №№ 43, 44 (см. таб. 43, 44).

Таблица № 43

Особенности военного образования командиров бригад ГКД

		ПК	НКВУ (НУГЮ; ШГПиКЮ)	МАУ	НИУ	ПВУ	КВУ	Оренбургск., Донское каз. юнк. уч-ща	К.к.	На службе	ЭОЧ
1-я ГКД	1 бр.	3	2	-	-	-	-	-	-	3	1
	2 бр.	3	5	1	1	-	-	-	-	1	1
	3 бр. («казачья»)	2	2	1	-	-	-	2	1	1	1
31 чел.		8	9	2	1	-	-	2	1	5	3
2-я гв. ГКД	1 бр.	3	7	-	-	-	1	-	-	3	-
	2 бр.	9	3	-	1	1	1	-	-	1	-
отдельная гв. бр. («варшавская»)		6	3	1	-			-	-	2	-
42 чел.		18	13	1	1	1	2			6	

Таблица № 44

Особенности военного образования командиров бригад ГПД

		ПК	ШГПиКЮ (НКВУ)	ПВУ	КВУ	АВУ	МАУ	НИУ	Юнк. у.	К.К.	ЭОЧ	На службе	МУ*
1-я	1 бр.	-	3	2	2	-	-	1	-	1	-	2	-

ГПД	2 бр.	-	-	-	4	-	2	-	-	3	-	-	-
	20 чел.	-	3	2	6	-	2	1	-	4	-	2	-
2-я ГПД	1 бр.	1**	1	1	1	1	1	-	-	4	-	-	1
	2 бр.	5	1	1	-	1	-	1	-	2	-	-	-
	22 чел.	6	2	2	1	2	1	1	-	6	-	-	-
	44 чел.	6	5	4	7	2	3	2	-	10		2	1
3-я ГПД	1 бр.	1	1	1	-	-	-	2	1***	2****	-	1	-
	2 бр.	-	1	3	-	-	1	1	-	2	1	1	1
		1	2	4	-	-	1	3	1	4	1	2	1
ВСЕГО		7	7	8	7	2	4	5	1	14	1	4	2

Примечание:
*Морское училище
**г.-м. К.К. Максимович
***г.-м. К.А. Любарский
****г.-м. В.А. Геллунд окончил Финляндский кадетский корпус.

Анализ статистических данных, собранных в указанных таблицах, позволяет сделать следующие выводы. В гв. кавалерии основной процент бригадных командиров был представлен выпускниками ПК (18 офицеров) и НКУ (13 офицеров). Значительная группа офицеров получила военное образование «на службе», в отдельных гв. кавалерийских полках – всего 6 офицеров или 8 %. Указанная группа составила в совокупности 80 %. Из выпускников пехотных училищ до должности бригадного командира дослужился всего один офицер (г.-майор Н.Ф. фон Крузенштерн; командовал 2 бр. 2 ГКД с 16.02.1906-10.02.1907 г.; окончил ПВУ, из которого был выпущен в л.-гв. Измайловский п.[1]). Наконец, из выпускников артиллерийских (Михайловского и Константиновского) и Николаевского инженерного училищ до указанной должности дослужилось 4 чел.

Из общей массы выделялись казаки-командиры 3-й «казачьей» бр. 1 ГКД. В указанной группе 2 офицера окончили казачьи (Оренбургское - г.-

[1] СГС. СПб., 1908. С. 352.

майор Л.И. Жигалин и Донское – г.-майор Г.Л. Пономарев [1]) юнкерские училища. Таким образом, основной массив бригадных командиров в кавалерии был представлен «пажами» и «николаевцами», что являлось вполне ожидаемо – даже к началу Первой мировой войны кавалерия продолжала оставаться «аристократическим» родом войск, заполняемым «золотой молодежью».

Что касается гв. пехоты, то в данном случае ситуация была значительно сложнее – во главе гв. бригад стояли выпускники практически всех военно-учебных заведений империи, включая даже Морское училище (г.-майор Свиты Е.И.В А.Н. Порецкий[2]). При анализе статистических данных в первую очередь необходимо обратить внимание на то, что количество выпускников ПК по отношению к «прочим» учебным заведения было не столь существенным (7 офицеров). Примечательно то, что число бригадных командиров-выпускников второго «аристократического» училища, готовившего кадры преимущественно для кавалерии, НКУ составляло в гв. пехоте те же 7 чел.

Своеобразную «пальму первенства» в данной условной группе членства держали офицеры, окончившие различные кадетские корпуса (по понятным причинам кадетские корпуса в первую очередь ориентировались на инфантерию), – 14 чел. При этом выпускник юнкерского училища был всего один - К.А. Любарский (он окончил СПб. пехотное юнкерское училище, причем по 2-му разряду[3]). Также был высок процент «артиллеристов» (11 чел.) и «инженеров» (5 чел.).

Наконец, выпускники пехотных училищ, Павловского и Александровского, составили 8 и 2 чел. соответственно. Таким образом, фактор образования, связанный с окончанием «определенного» военно-учебного заведения, при занятии должности командира гв. бригады не являлся очевидным.

Что касается *высших военно-учебных заведений* (в первую очередь НАГШ), то в гв. кавалерии число бригадных командиров-выпускников раз-

[1] Командовали «казачьей» гв. бригадой: г.-майор Л.И. Жигалин с 22.09.1911 по 31.12.1913 г.; г.-майор Г.Л. Пономарев с 31.12.1913 по 1915 г.
[2] Командовал 1 бр. 2 ГПД с 11.02.1908 по 24.09.1913 г.; окончил Морское училище, из которого в 1877 г. был выпущен в 3-й флотский экипаж, а в 1882 г. переведен в л.-гв. Преображенский п. поручиком (см.: СГС. СПб., 1914. С. 879)
[3] СГС. СПб., 1914. С. 790.

личных академий было весьма незначительным – всего 9 офицеров из 73-х (то есть 12,3 %)[1]. Все представители указанной условной группы членства окончили НАГШ, один, г.-майор А.Я. Таль[2], - НАГШ и МАА. Примечательно, что половина офицеров рассматриваемой группы приняли бригады накануне Первой мировой войны, что позволяет утверждать, что для «генеральской» карьеры в гв., а также проникновения в высшие эшелоны военной элиты из среды гв. начальства окончание НАГШ решающего значения не имело (даже после русско-японской войны). Гв. по-прежнему оставалась обособленной частью войска в первую очередь решающей задачу элитообразования.

Что касается гв. пехоты, то и в данной подсистеме императорской гвардии мы наблюдаем ситуацию, аналогичную кавалерийской, но гв. начальство данного рода войска имело более высокий образовательный уровень. Общее представление об указанном параметре дает таблица № 45 (см. таб. 45).

Таблица № 45

Особенности высшего военного образования командиров бригад в гв. пехоте

	В скобках указано общее число бр. командиров	НАГШ	МАА	Военно-юридическая академия
1-я ГПД	1 бр. (11)	3	1	-
	2 бр. (9)	-	1	1
	20 чел.	3		
2-я ГПД	1 бр. (11)	3*	1*	-
	2 бр. (11)	-	-	-
	22 чел.	3		
	42 чел.	6		

[1] В 1 бр. 1 ГКД г.-майор Свиты Е.И.В. Д.М. Княжевич (принял бригаду накануне Первой мировой войны в 1913 г.); во 2-й бр. - г.-майор А.Я. Таль (командовал бр. с 21.05.1892 по 15.12.1894 г.) и г.-майор И.В. Волькенау (командовал с 27.01.1895 по 24.11.1898 г.); в 3 бр. - г.-майор Г.Л. Пономарев (окончил НАГШ по 2-му разряду; также принял бригаду накануне Первой мировой войны 31.12.1913 г.). В 1 бр. 2 ГКД г.-майор Д.А. Лопухин (принял бригаду в начале Первой мировой войны); во 2-й бр. – г.-майор в. к. Николай Николаевич-младший (командовал бр. в 1890 г.), г.-майор Свиты Е.И.В. Я.Б. Преженцов и Н.Ф. фон Крузенштерн. В отдельной «Варшавской» бр. прослеживается всего один офицер – уже упоминавшийся нами применительно ко 2-й бр. 1 ГКД г.-майор А.Я. Таль.

[2] Генерал Александр Яковлевич Таль (1840-1911 гг.) обучался во 2-й СПб. гимназии, МАУ (окончил в 1856 г.), МАА (окончил в 1861 г. и выпущен во 2-ю бат. гв. конно-артиллерийской бр.) и НАГШ, которую окончил в 1868 г. по 2-му разряду.

		(14%)		
3-я ГПД	1 бр. (9)	1	-	-
	2 бр. (11)	6** (54%)	-	-
	20 чел.			
ВСЕГО	62 чел.	12 (19%)		

Источник: СГС. СПб.:1883, 1886, 1891, 1896, 1899, 1905, 1906, 1914.

Анализ таблицы показывает, что общее число бригадных командиров-выпускников НАГШ в пехоте в процентном выражении было больше чем в кавалерии, 19 % (в численном выражении на 4 чел. больше). Численность выпускников МАА превышала численность представителей аналогичной группы в кавалерии в 3 раза (при этом г.-майор Ю.В. Любовицкий командовал 1 бр. 2 ГПД с 1881 по 1888, окончил МАА и НАГШ – оба ВУЗа по 1-му разряду[1]). Наконец, в пехоте была своя *экзотика* – один выпускник Военно-юридической академии, г.-майор Х.М. Долуханов.

Примечательно, что в 3 ГПД было выявлено 2 бригадных командира (г.-майоры Я.А. Гребенщиков и П.П. Доможиров), для которых постижение высот военного искусства далось с трудом, - они окончили НАГШ по 2-му разряду.

Таким образом, группа бригадных командиров в пехоте была «менее аристократичной», но более образованной, что к началу Первой мировой войны можно рассматривать как тренд. На определенную степень «благородства» и «особое положение», связанное с близостью к престолу и возможностью постоянного общения лично с императором, что играло немаловажную роль для успешной карьеры, указывало *наличие свитского звания* – в данном случае С.Е.И.В. г.-майора.

Из общего числа бригадных командиров гв. кавалерии рассматриваемого отрезка времени 30 офицеров (т. е. 51 %) имели звание С.Е.И.В. г.-майора. Подавляющая их часть принадлежала к знатным аристократическим

[1] СГС. СПб., 1896. С. 201.

родам, а 11 офицеров (19 %) являлись представителями титулованной знати. Из общего числа бригадных командиров гв. пехоты рассматриваемого отрезка времени 14 офицеров (т. е. 23 %) имели звание г.-майора Свиты Е.И.В. Подавляющая часть пехотных генералов указанной группы являлась выходцами из воинских династий, представители которых заслужили своё «достоинство» на полях сражений и, в свою очередь, сами являли пример «боевых генералов». В то же время их нельзя отнести к высшему эшелону инкорпорированной во власть аристократии предыдущих периодов правления. Таким образом, мы еще раз получаем подтверждение того, что военную и военно-политическую элиту, включая ближайшее окружение императора, «делала» кавалерия (в первую очередь гвардейская) и именно она являла собой один из важнейших институтов элитообразования.

5.Следующий индекс мы обозначили, как *«участие в боевых действиях, как элемент карьерного роста».* Подавляющая часть командиров бригад императорской гвардии имела опыт ведения боевых действий. При этом речь идет преимущественно об опыте Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. К моменту прихода к власти императора Александра III это опыт, безусловно, обладал достаточной степенью ценности, но к началу XX в. он потерял свою актуальность. При этом следует учитываться, что накануне Первой мировой войны значительная часть офицеров рассматриваемой условной группы членства не имела опыта ведения боевых действий. Анализ статистических данных позволил нам сделать следующие выводы.

В гв. кавалерии 52 % командиров бригад имели так называемый «боевой опыт». В гв. пехоте этот показатель составлял 75 %. Очевидно, что боевые навыки высшего командного состава гв. пехоты были существенно выше, чем у кавалеристов. В этом плане показательна 3 ГПД, где анализируемый параметр равнялся 90 %.

Следует еще раз подчеркнуть, что участие отдельных представителей данной условной группы членства (как и окончание определенного военно-учебного заведения, вплоть до НАГШ и даже получения высшей «боевой»

награды – ордена св. Георгия различных степеней) в боевых действиях не дает четкого представления об их профессиональном уровне. Как отмечалось выше, подавляющая часть офицеров, командующих гв. кавалерийскими и пехотными бригадами, участвовала в войнах, будучи молодыми людьми в штабс-офицерских званиях подпоручика/поручика - корнета/ротмистра. Некоторые из них сохранили в своем сознании серьезную психологическую травму, сопряженную с полученными в сражениях контузиями и ранениями (так, в гв. пехоте нами было выявлено 4 раненых и один контуженный в прошлом генерал).

В императорской гв. генералы, имевшие опыт современных войн и соответствующие требованиям времени, к концу XIX в. являлись редкостью. В то же время отдельные командиры гв. бригад приняли участие в кампании 1904-1905 гг. В данном случае можно отметить генералов командиров 1 бр. 2 ГКД Д.А. Лопухина[1] (во время русско-японской войны был ранен; именно Д.А. Лопухин стал одним из гвардейских командиров, обеспечивших успешный исход Каушенского боя. За указанное сражение генерал был награжден орденом св. Георгия IV ст.[2]), 2 бр. 2 ГКД Ф.Е. Мейендорфа[3], 1 бр. 1 ГПД О.-Ф. К. Гриппенберга[4] и 1 бр. 1 ГПД А.М. Зайончковского[5].

6.Что касается *семейного положения* представителей указанной условной группы членства, то в гв. кавалерии и гв. пехоте оно идентично. Общая статистика основных элементов данного индекса представлена в таблице, приведенной в приложении 96 (см.: приложение 96).

Анализ таблицы дает четкое представление о том, что к моменту командования бригадой подавляющая часть генералов была жената (при этом

---

[1] Происходил из дворян Орловской губ. Окончил юридический факультет Московского университета и НАГШ (1 р.) Во время компании 1904-1905 гг. занимал должность старшего адъютанта управления Кавказской конной бригады. Был награжден «золотым оружием».

[2] В Каушенском бою погиб сын генерала, корнет л.-гв. Конно-Гренадерского п. Георгий Дмитриевич Лопухин. Сам генерал был тяжело ранен 20.11.1914 г. у Белхатова и 23 ноября скончался в госпитале.

[3] В качестве командира 1-го АК г. от кавалерии г.-адъютант Мейендорф принимал участие в русско-японской войне и был пожалован мечами к ордену св. Р/А Александра Невского, «золотым оружием», а в 1908 г., - орденом св. Георгия IV ст.

[4] Командующий 2-й Маньчжурской армией 11.09.1904 – 12.03.1905 гг.

[5] Во время кампании 1904-1905 гг. занимал должности командиров: 85-го Выборгского пехотного полка с 18.05.04 по 9.03.1905 г. и 2 бр. 3-й Сибирской ПД с 9.03. по 07.09.1905 гг.

нами был выявлен незначительный процент вдовцов – средний возраст получения под свое начало бригады в гв. кавалерии составлял в 49 лет, в гв. пехоте - 53 года и имела детей. В гв. кавалерии пальму первенства держали офицеры 2 ГКД – 91% женатых офицеров (при этом количество имевших детей составляло 74%). В пехоте эту позицию занимали бригадные командиры 2 ГПД – также 91% (количество имевших детей – 77 %).

Следует также отметить, что если рассматривать усредненные показатели, то подавляющая часть семей бригадных командиров в гв. кавалерии может быть идентифицирована как среднедетные. Для бригадных командиров в гв. пехоте были характерны многодетные семьи (средний показатель 4 ребенка). Наиболее «малодетной» группой (средний показатель 2 ребенка в семье) являлись командиры 2 бр. 2 ГПД.

7.Последующий карьерный рост.[1] Наконец, еще одним важным параметром, позволяющим в конечном итоге определить место командира гв. бригад в механизме элитообразования, является индекс «последующей военной карьеры».

Нами были выделены следующие составляющие указанного индекса:

1)занятие должности командира гв. дивизии;

2)продвижение в высшие эшелоны командного состава императорской гвардии (НШ ГК, командующий ГК);

3)продвижение в высшие эшелоны командного состава армии (командиры КК или АК)[2]*;*

4)продвижение в эшелоны военно-политической элиты (командующие войсками ВО, должность г.-губернатора или атамана казачьих войск ВС (и, как следствие, командование войсками округа или казачьего войска), АКР, царедворцы).

В отношении 1-го параметра мы получили следующие статистические данные. Из 8 командиров 1 ГКД 4 генерала, т. е. 50 %, командовали гвардей-

[1] Общее представление об анализируемых статистических показателях указанной группы членства дают таблицы, представленные в приложениях 103, 104 (см.: приложения 103, 104).

[2] 2-ую и 3-ю составляющие можно рассматривать как однопорядковые явления.

скими бригадами: А.П. Струков – отдельной «Варшавской» (1881-1883 гг.), И.С. Зыков - 2 бр. 2 ГКД (1895 г.), князь Н.Н. Одоевский-Маслов - 2 бр. 2 ГКД (1901-1903 гг.) и Н.Ф. фон Крузенштерн - 2 бр. 2 ГКД (1906-1907 гг.).

Во 2 ГКД из 8 ее командиров также 4 офицера (50 %) занимали пост командиров гв. бригад: Д.П. Дохтуров - 2 бр. 2 ГКД (1880-1884 гг.), В.М. Остроградский - 1 бр. 2 ГКД (1892 г.), Г.А. Скалон 1 бр. 1 ГКД (1897-1899 гг.), В.М. Безобразов 1 бр. 1 ГКД (1904-1906 гг.).

Следует отметить, что В 1-ой ГКД из сложившейся модели «выпадали» генералы князь И.Д. Шаховской, Н.В. Шипов и Н.Н. Казаков, которые приняли гв. дивизию, минуя командование бригадой. При этом генералы, князь И.Ф. Шаховской и Н.Н. Казнаков, также не командовали гв. полками (Н.Н. Шипов с 1881 по 1884 гг. являлся командиром л.-гв. Кавалергардского п.). Во 2-й ГКД исключение составляли генералы В.Ф. Винберг[1], А.А. Брусилов и Г.О. Раух.

Особое место среди представителей указанной группы офицеров занимали в. к. Павел Александрович и в. к. Николаевич-младший, военная карьера которых строилась по особому «великокняжескому» алгоритму.

Анализ указанной условной статистической совокупности в отношении гв. пехоты привел к следующим показателям. В 1 ГПД из 12-ти ее начальников только 6 офицеров (т. е. 50 %) командовали гв. бригадами. Во 2 ГПД из 13 генералов только 5 офицеров (т. е. 38 %; причем один был гв. кавалеристом) командовали гв. бригадами. Наконец, в 3 ГПД из 10-ти ее командиров только 3 офицера (т.е. 30 %) ранее командовали гв. бригадами.

Общий статистический показатель по данной составляющей рассматриваемого индекса в гв. кавалерии составил 50 %, в гв. пехоте - 39 %, из чего можно сделать вывод, что промежуточная ступень в виде командования гв. бригадой при получении должности командира гв. пехотной или кавалерий-

[1] В.Ф. Винберг после окончания НАГШ по 1-му разряду занимал должность НШ 2 ГПД (с 7.03.1863 по 18.02.1865). Он так и не получил под свое начало гв. кавалерийский полк, поэтому с 16.12.1865 по 16.04.1872 г. командовал 3-м гусарским Елисаветградским п., а после этого – 2 бр. 2 КД. Затем он занимал должность начальника НКВУ (1874-1878), командовал 12-й КД (1878-1886) и, наконец, 22.06.1886 г. получил под свое начало 2 ГКД. Винберг являлся боевым генералом: прошел через 3 кампании; из боевых наград имел орден св. Р/А кн. Владимира IV ст. с мечами и бантом (см.: СГС. СПб., 1896. С. 86).

ской дивизии была предпочтительна, но не безальтернативна. Офицеры, выпадающие из указанной статистики, могли занимать рассматриваемую должность и после командования армейской пехотной или кавалерийской бригадой, штабных должностей или после пребывания в должности начальника одного из военно-учебных заведений. И все же в кавалерии командование гв. бригадой было предпочтительней (в данном случае мы можем утверждать о наиболее «традиционной» и устойчивой модели) на пути дальнейшего карьерного роста.

Статистика по второй и третьей составляющей анализируемого нами индекса представлена в приложениях 94, 95 (см.: приложения 94, 95).

Анализ таблиц вышеприведённого статистического материала позволяет утверждать, что для трети (29,5 %) офицеров рассматриваемой условной социальной совокупности в гв. кавалерии и для половины (50 %) в гв. пехоте «потолком» карьерного роста являлось достижение должности начальника пехотной или кавалерийской дивизии (при этом необходимо учитывать, что в гв. кавалерии один офицер командовал ГПД, что составило еще 1 %[1]).

Продолжали свою карьеру в качестве командующего армейским корпусом в гв. кавалерии 19 % (с учетом двух командующих ГК) и – в гв. пехоте 17 % офицеров (с учетом одного командующего ГК). При достижении последней должности возраст офицера в гв. кавалерии колебался в диапазоне 58-61 года, а в гв. пехоте - 61-65 лет. Общая совокупность офицеров-командиров дивизий и армейских корпусов, вышедших из гв. среды в качестве командира гв. бригады и закончивших в указанных должностях свою карьеру, составила в кавалерии 48,5 %, в пехоте – почти 62 %.

Таким образом, можно утверждать, что для гв. генерала-«пехотинца», пересекшего черту командира гв. бригадой, пик карьеры был связан с военной службой (половина из них выходила в отставку с должности командира дивизии). Карьерные высоты гв. кавалеристов указанной условной совокуп-

[1] Свиты Е.И.В. г.-майор князь Евгений Максимильянович Романовский герцог Лейхтербергский являлся начальником 37-й ПД с 1888 по 1893 гг.

ности отличались большим разнообразием. В данном случае была проанализирована четвертая составляющая рассматриваемого индекса, представители которой с полной уверенностью могут быть отнесены к *военно-политической элите* Российской империи.

Членов указанной группы мы можем условно разделить на *военных администраторов* и *царедворцев* (лица, имевшие придворные звания). Последние, по замечанию исследователя Л.Е. Шепелева, «составляли самую малочисленную, но и самую элитарную часть гражданского чиновничества».[1] Среди военных администраторов в рассматриваемой условной группе членства мы можем выделить генералов: Г.А. Скалона и О.-Ф. К. Гриппенберга[2] в пехоте; А.Г. Жеребкова, К.К. Максимовича, князя Н.Н Одоевского-Маслова и Д.П. Дохтурова в кавалерии.

К представителям указанной группы также можно отнести генералов-«кавалеристов»: князя *Ф.Ф. Юсупова граф Сумарокова-Эльстона*; Петергофского коменданта *С.П. Червоного*, *В.И. Троцкого,И.А. Фуллона*[3]. Таким образом, в указанной совокупности нами было выявлено 10 офицеров, что составило 7 % от общего количества представителей рассматриваемой группы.

Общее представление о группе генералов-царедворцев дает таблица № 46 (см. таб. 46)

Таблица № 46

Офицеры-царедворцы, командовавшие гв. бригадами

Ф.И.О	Командование гв. полком; бригадой	Придворная должность
граф В.Б. Фредерикс	Л.-гв. Конный п.; 1 бр. 1 ГКД	- управляющий министерством Императорского Двора и Уделов; - канцлер Российской империи и Царских орденов; - командующий Императорской Главной квартирой.
князь В.А. Долго-	Л.-гв. Конно-	- гофмаршала Двора Е.И.В.

[1] Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб., 2001. С. 394.
[2] СГС. СПб., 1910. С. 25.
[3] Был снят с занимаемой должности как один из виновников «кровавого воскресенья».

руков	Гренадерским п.; 1 бр. 1 ГКД	
А.О.-М.А. фон-Гринвальд	Л.-гв. Кавалергардвского п.; 1 бр. 2 ГКД	- шталмейстер Двора Е.И.В. и управляющий придворной конюшенной частью
князь Н.Н. Одоевский-Маслов	Л.-гв. Конный п.; 2 бр. 2 ГКД	- зав. придворной частью в Москве и начальник Московского Дворцового Управления
П.П. Баранов	Л.-гв. Уланский Ее В. п.; 1 бр. 2 ГКД	- гофмейстер двора в. к. Михаила Николаевича

Как мы видим, процент г.-царедворцев был не столь высок (4 %). Все представители указанной группы являлись выходцами из гв. кавалерии и прошли путь от службы в гв. полку до командира гв. полка и гв. бригады.

Следует отметить, что судьба кандидата на должности бригад в составе дивизий и дивизий в составе корпусов решалась вышестоящим начальством. В «Своде военных постановлений» отмечалось, что назначение генералов и офицеров на должности: начальников дивизий, а также начальников и командиров бригад совершалось по кандидатским спискам, при этом кандидаты зачислялись в кандидатские списки на открывшиеся вакансии по старшинству и в «настоящих чинах». Но самым важным являлось то, что представление о зачислении в кандидаты делались по команде в так называемой «постепенности», то есть: на должность командиров бригад в дивизии представления составляли начальники дивизий, а на должности начальников дивизий – командиры корпусов (в войсках не соединенных в корпуса – главные начальники ВО).[1]

Таким образом, российский генералитет должен рассматриваться как социально-неоднородная группа. Наряду с великими князьями, получавшими все возможные военные регалии и звания «по праву рождения», была группа аристократии, которая могла рассчитывать на «автоматическое» получение генеральского звания. Особое место в ней принадлежит титулованной аристократии. Титул графа мог даваться, в том числе, и как награда за опреде-

[1] Свод военных постановлений 1869 г. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. / Издание второе (по 1 января 1907 года). СПб., 1907. С. 119.

ленные, преимущественно военные заслуги перед Отечеством. В работе были выделены генералы, ведущие свое происхождение от «боевых генералов» и генералов-представителей аристократических кланов. Еще одним каналом карьерного роста являлась Свита Е.И.В.

Гв. генералитет относился к элите. Гвардейцы были постоянно приближены к Престолу; в гвардию попадали преимущественно «свои»; в результате образовывались так называемые «полковые семьи». Известно, что в гвардию поступали лица из наиболее престижных учебных заведений, в первую очередь ПК, выпускники которых были запрограммированы на последующее получение генеральского звания. По мере того, как НАГШ и офицерские школы становились основными трамплином для карьерного «скачка в генералитет», офицеры императорской гвардии получают преимущество при поступлении в академию. Гвардейцы имели преимущество при получении полков. Несмотря на трансформацию армии, гвардия попрежнему являлась единственной трансмиссией для проникновения в высшие слои военно-политической элиты империи. Число боевых генералов в эпоху Александра III резко уменьшается, как и количество пожалованных титулом и причисленных к С.Е.И.В. Таким образом, основными каналами карьерного роста оказываются НАГШ и гвардия.

Высший эшелон военно-политической элиты «как генералитета» был представлен г.-инспекторами различных родов войск. Следующая страта высшего слоя военно-политической элиты была представлена офицерами, стоящими во главе войск Гв. и СПб. ВО, а также ГК. Нижний уровень военно-политической элиты состоял из командиров ГКД и ГПД. Социальный вес и авторитет представителей данной категории был значительно выше прочих генеральских корпораций. Группа была представлена: в кавалерии преимущественно выходцами из влиятельных аристократических кланов (при этом полученные нами данные позволяют утверждать, что по меньшей мере 50 % начальников 1 и 2 ГКД *в конечном итоге* входили в структуру высшей политической и военно-политической элиты Российской империи); в пехоте

и артиллерии ее представители являли собой симбиоз выходцев из аристократических семейств (приблизительно 1/3) и «боевых генералов», а также отпрысков «боевых генералов», продвинувшихся по службе благодаря заслугам перед «Отечеством». Косвенно рассуждение о симбиозе подтверждает сравнительно низкий процент выпускников ПК и довольно высокий - получивших домашнее образование; в пехоте прослеживается значительный процент выпускников МАУ и КАУ, что еще раз подтверждает наши рассуждения о растущей популярности данного рода войск.

Основная часть командиров ГКД и ГПД начинала свою службу в гвардии (75-80%) и в последующем командовала гв. полками. Процент лиц, окончивших НАГШ, был весьма незначителен и резко возрос после русско-японской войны. В данном случае очевидно, что подавляющая часть г.-лейтенантов начала XX в. делала карьеру по «старой схеме», в которой академия не играла решающей роли. В основной своей массе это была группа успешных военных чиновников и царедворцев, как правило, несмотря на свой высокий статус, стесненных в средствах, обремененных большими семьями и крайне далеких от современных веяний в области военного дела.

Большинство представителей рассматриваемой социальной категории имела опыт хотя бы одной войны, (преимущественно кампании 1877-1878 гг.). В пехоте прослеживается значительный процент георгиевских кавалеров). К началу XX в. опыт более «старшей группы» генералов уже устарел, а навык более «молодых» был связан с командованием мелкими подразделениями в формате роты или батальона. В то же время в пехоте встречались генералы, имевшие опыт современных войн. Вопрос о том, насколько этот опыт мог быть полезен для гвардейской службы в связи со стремлением части военно-политической элиты защитить гв. от «прививки» ей «армейских привычек и начал», остается открытым...

Категория командиров гв. бригад, в отличие от командиров гв. дивизии, находилась в структуре сложных межличностных отношений с начальством. Должность командира гв. бригады можно считать неким пограничьем

между военной и военно-политической элитой, своеобразным мостиком на вершину политического Олимпа империи.

После русско-японской войны появилась группа бригадных командиров из «боевых офицеров», которая пыталась влиять на ситуацию в вверенных им соединениях, но в гв. такое «рвение» не приветствовалось. Как это ни парадоксально, высшее гв. начальство становилось *своеобразной декорацией* к отдельным частям, ритм и «качество» жизни в которых во многом определялся полковыми командирами, отдельные из которых «пересиживали» не одного командира дивизий и бригад. В этом плане П.П. Шостаковский отмечал следующее: «В гвардии возможность новых веяний останавливалась на командирах полков, назначение которых не зависело от военного ведомства».[1]

4.3.Быт и повседневность «военной» и «военно-политической» элит (на примере гв. генералитета)

Степень профессионализма гв. генералитета в том или ином формате был определён нами в предыдущих разделах. В данном параграфе нашей работы мы считаем целесообразным остановиться на анализе повседневности представителей военной элиты и создать коллективный портрет её основных представителей (в том числе и затрагивая аспект так называемого «кастового самосознания»[2]). Мы уже упоминали о том, что, несмотря на серьезную социальную трансформацию российского социума, приведшую к ощутимой коррекции социальной стратификации, вызванной преобразованиями последней трети XIX в., фактор воздействия социального происхождения на

[1] Шостаковский П.П. Указ. соч. С. 44. Развернутый статистический анализ командиров гв. полков и подразделений проводится в монографиях автора: Чувардин Г.С. Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции. Орел, 2005; Чувардин Г.С. Российская императорская гвардия в системе военной элиты Российской империи в эпоху правления императора Николая II. М., 2008.

[2] Термин, введённый для характеристики военной элиты Ч.-Р. Миллсом.

приобретение того или иного социального статуса к нач. XX в. по-прежнему имел существенное значение.[1]

В 1897 г. в Российской империи в соответствии с первой переписью населения насчитывалось 885754 потомственных дворян (за исключением остзейского рыцарства, Польши и Финляндии). Однако 46% из них (407918 чел.) были выявлены в девяти западных Губерниях, где большая часть дворянства имела польские корни и, самое главное, исповедовала католицизм, который расценивался как «вредная» для государственной идеологии модель мировосприятия. К тому же после событий 1863-1864 гг., следствием которых стала потеря Польшей своего особого статуса «Царства Польского» (хотя данное понятие так и не было удалено из свода законов; в период правления Александра III, начиная с 1887 г. в официальных документах чаще всего употреблялось название «губернии Привислинского края») и окончательное растворение в Российской империи, нерусифицированная ее часть затаила скрытую ненависть к Санкт-Петербургу и его официальной политике. Указанную особенность отмечал служивший в Варшавском ВО генерал К.-Г. Маннергейм (открытый противник политики русификации).[2]

Если исключить из расчетов указанную весьма спорную в возможностях социальной адаптации и профессиональной ориентации группу (за исключением разве что традиционно инкорпорированных в отдельные социальные структуры, например, императорскую гвардию или МИД), то общая цифра потомственных дворян оставшейся 41 губернии будет равняться 477836 чел., из которых мужчины составляли 223639. Представители потомственного дворянства, служившие в офицерском корпусе императорской армии, составляли всего 21906 чел. (или 9,8 % от общей дворянской массы; за исключением девяти западных губерний, Остзеи, Польши, Финляндии и Кав-

[1] Особенности мировоззренческих проекций и психоментальных переживаний представителей военно-политической элиты даются нами в статьях: Чувардин Г.С. Психоментальные проекции и особенности мировоззрения военно-политической элиты Российской империи конца XIX – нач. XX в. // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. 2016. № 2 (февраль). С. 56-62; Чувардин Г.С. Военно-политическая элита и «общественная машина» Российской империи пореформенного периода. // Власть. 2011. № 2. С. 136-142.

[2] Маннергейм Карл Густав. Мемуары. М., 1999. С. 46.

каза). Таким образом, выявленная тенденция позволяет судить о том, что потомственное дворянство постепенно «вымывалось» из офицерского корпуса русской армии. В то же время существенно большее число потомственных дворян, 31151 (13,9 %), служило в качестве гражданских чиновников.

Предваряя наши последующие рассуждения, следует также отметить, что на территории СПб. ВО (в отличие от подавляющей части прочих военных округов) представительство потомственного дворянства в офицерской среде носило превалирующий характер. Статистические особенности указанной группы представлены в приложении 98 (см.: приложение 98). Анализ таблицы, приведенной в указанном приложении, позволяет сделать вывод о том, что из 4178 офицеров СПб. ВО 3124, то есть *2/3*, являлись *к началу своей военной карьеры* потомственными дворянами. Самый высокий процент, по понятным причинам, прослеживается в кавалерии – 98%. Самый низкий – в более демократичном по параметру комплектации и самом многочисленном роде войск – пехоте (всего 66%; весьма низкая цифра для столичного военного округа.)

К 1903 г. среди всех генералов, доля выслужившихся в генеральское звание из потомственных дворян (и как следствие несущих на себе все соответствующие данному социальному слою импринты[1] и поведенческие программы процесса социализации), составляла более 91%, а к 1914 г. - почти 87%. Следует отметить, что представителей титулованной аристократии в их числе в это время было сравнительно немного - около 5%. В частности, на 1 декабря 1902 г. таковых имелось 71 чел.: 25 князей, 23 графа и 23 барона.[2] Специалист по офицерскому вопросу начала XX в. П. Режепо писал следующее: «Всего титулованных по службе: полных генералов (князья - 3, графы - 10, бароны - 4, итого - 17/1,3%), г.-лейтенантов (князья - 15, графы - 8, бароны - 8, итого - 31/0,9%), г.-майоров (князья - 7, графы - 5, бароны - 11, итого -

[1] Импринт (буквально от англ. imprint – запечатлевать, оставлять след) — это имеющий большое значение опыт или последовательность жизненных опытов прошлого, сформировавшие у человека убеждение или целую совокупность убеждений (Дилтс Роберт. Изменение убеждений с помощью НЛП. СПб., 2007).

[2] Хмельницкая И.Б. Столичный досуг в начале XX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Хмельницкая Ирина Богдановна. - М., 2004. С. 82.

23/0,3%).

[…] У титулованных достигается чин г.-майора через 17; 24,9 и 27,4 года, а у лиц с высшим военным образованием — через 20,4; 26,8 и 27,9, т.е. разница 3,4; 1,9, и, наконец, 0,5 показывают ясно все большее и большее значение личной службы, образования и падения заслуг предков или титула».[1]

Данное соотношение характерно и для генералов российской императорской армии и к началу Первой мировой войны.

Итак, в рассматриваемый период подавляющая часть генералов являлась выходцами из среды потомственного дворянства, при этом весьма ощутимый сегмент составляли представители титулованной аристократии. Это в свою очередь определяло специфику восприятия мира, мировоззренческие установки, систему быта и повседневности.

При анализе повседневности и быта представителей военной элиты в конце XIX – нач. XX в. необходимо обратить внимание на семейное положение высшего командного состава российской армии. Указанная тема в той или иной степени затрагивалась нами в отдельных разделах нашего исследования; в данном случае мы попытаемся обобщить и резюмировать полученный нами исследовательский материал.

Если анализировать офицерский корпус как целостную корпорацию, то можно сделать вывод о том, что офицерство являлось наиболее «безбрачной» группой среди социально-профессиональных групп своей социальной страты, хотя «женская проблема» будоражила сознание молодых офицеров, начиная с военных и юнкерских училищ. Историк Л.В. Власов отмечал, что в 1888-1889 г. г. медицинские отчеты НКУ показывали «страшные цифры роста венерических заболеваний» в среде обучающихся, что в конечном итоге заставило начальника училища барона А.А. Бильдельринга арендовать «полулегальный» публичный дом исключительно для юнкеров своего училища.[2]

Однако статистика генералитета по понятным причинам серьезно кон-

[1] Режепо П. Офицерский вопрос в начале XX века. СПб., 1903. С. 103.
[2] Власов Л.В. Женщины в судьбе Маннергейма. СПб., 2005. С. 28-30.

трастировала с офицерами, не достигшими этого воинского звания. Общее представление о брачных отношениях в среде генералитета дает таблица № 47 (см. таб. 47).

Таблица № 47

Особенности брачных отношений российского генералитета в конце XIX – нач. XX в.

Чины	Женаты	Вдовы	Разведены	Холосты
	(%)	(%)	(%)	(%)
Генерал-майоры	83,5	5,5	1	12
Генерал-лейтенанты	78,2	8	0,8	13
Полные генералы	80,9	8	3,1	8

Источник: Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М., 2003. С.391.

Несмотря на то что российский генералитет в основной своей массе получал жалование ниже своих коллег в армиях ведущих европейских держав (Германии, Австро-Венгрии, Франции, Великобритании), он по-прежнему оставался одной из самых состоятельных групп российской политической и военно-политической элиты. Поэтому с получением первого генеральского чина материальное благосостояние значительно улучшалось и позволяло такое «дорогое» предприятие, как брак. Что же касается основной массы офицеров-«не генералов», то для женитьбы им надо было быть не моложе 23 лет, а до 28 лет - иметь необходимое обеспечение. Данное имущественное обеспечение предоставлялось:

а)в виде недвижимого имущества, приносящего чистый доход не менее 300 руб. в год;

б)в виде единовременного вклада в банк в размере 5000 руб. деньгами или ценными бумагами; в последнем случае офицеру предоставлялось ежегодно получать из капитала не более 300 руб.[1]

Российское общество начала XX в. также накладывало ряд социальных ограничений и на офицерских невест. Офицер ни в коем случае не мог иметь

[1] Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетия. М., 1973. С. 230.

жену, не отвечающую представлениям о *достоинстве* офицерского звания. Вступление в брак без разрешения офицерского собрания влекло дисциплинарное взыскание или увольнение со службы. Но генералы, так как они по занимаемым должностям были вне «полковой семьи», часто нарушали эти неписаные правила, а иногда и грубо попирали их. Так, за генералом от инфантерии Н.Г. Столетовым[1] как бывшим начальником «российской экспедиции в Афганистан» и как начальником Болгарского ополчения во время кампании 1877 - 78 гг. числились серьёзные боевые заслуги. Затем в его карьере произошла серия неприятных «казусов». Военный министр А.Ф. Редигер по этому поводу писал: «Но затем он сильно опустился будучи корпусным командиром, жил с женой фельдфебеля, которая им командовала и ввела к нему в дом свою родню; с ними же он жил в Царском селе, будучи членом Военного Совета... Когда он командовал корпусом его вестовой попался на улице своему ротному командиру в неисправной одежде, за что получил от него нагоняй, - за это Столетов по приказанию фельдфебельши посадил ротного командира под арест!»[2]

Социальное происхождение жён отдельных представителей высшего российского генералитета демонстрирует приложение 98 (см.: приложение 98). Выборка позволяет с определенной степенью уверенности утверждать то, что подавляющая часть генералов женились на девицах из семей чиновников «крупной и средней руки», а также - на дочерях офицеров и генералов. Это явление было закономерным, так как до 70% офицеров были сыновьями, внуками или правнуками офицеров или даже солдат. Традиции семьи и рода смешивались с традициями полков, в которых служили предки отдельных офицеров.[3] Общее воспитание, осуществляемое по устоявшимся «педагогическим» стереотипам, формирующее высокую степень идентичности мировоззренческих установок, характерных для юношей и девушек из офицерских

[1] 1831-1912 г. р.; кавалер ордена Св. Георгия IV ст.; член Военного Совета с 1899 г.
[2] Редигер А.Ф. Указ. соч. Т.1. С. 491.
[3] Краснов П.Н. Памяти императора русской армии. // Русская летопись. Кн. 5. Париж, 1923. С. 10.

семей, способствовали в дальнейшем тому, что браки между молодыми людьми, анализируемого социального пространства, были распространены.

Исключение в данной группе составляли представители титулованной аристократии, которые женились на женщинах только своего круга. Как уже отмечалось выше, члены данной социальной категории зачастую совмещали «приятное с полезным». Так «бедные» остзейские рыцари подобными браками серьезно улучшали свое материальное положение и в одночасье становились «за своей женой» крупными собственниками. Классический пример в данном случае являет командир Отдельной гвардейской кавалерийской бригады барон К.-Г. Маннергейм, женившийся на А. Араповой, дочери г.-лейтенанта Н.У. Арапова (его жена В.А. Казакова также была дочерью генерала).

Состояние Анастасии оценивалось в 800000 руб., а годовой доход равнялся 14000 руб. В. Мери писал: «У нее было два поместья, или, вернее, имения. Одно, Успенское, находилось недалеко от Москвы, барский дом насчитывал 44 комнаты – настоящий дворец с мраморными лестницами и античной мебелью. Громадный парк, прекрасные конюшни. Но земли было не слишком много, к тому же невозделанной».[1] Кроме Успенского, за Анастасией Николаевной находилось имение Александровское в Воронежской губернии, а также дом в Москве, на улице Большая Никитская. Барон проявил себя неплохим хозяином: в дополнение к имеющимся мощностям, он построил собственный молокоперерабатывающий завод и риги, а также пытался разводить карпа, правда, в последнем случае потерпел неудачу.[2]

Следует также отметить, что в среде российского генералитета разводы и повторные браки (по сравнению с другими социо-профессиональными группами) были явлением распространённым. Высокая степень устойчивости данного поведения прослеживается в первую очередь в случае генералов православного и лютеранского вероисповеданий. Некоторые генералы также

[1] Мери Вейо. Маннергейм – маршал Финляндии. М., 1997. С. 41.
[2] Там же. С. 42.

женились на иностранках. Одну из таких «трагедий» применительно к своему предшественнику военному агенту в Париже, а с 1.03.1912 г. НШ ГК, генералу «из кавалергардов» графу Г.И. Ностицу, описывает А.А. Игнатьев (Игнатьев называет его прозвищем времен службы в кавалергардах: «Гришок»). Он пишет следующее: «Старый холостяк и на вид смиренный монах, наш Гришок теряет голову при встрече с одной эффектной американкой, женой видного берлинского банкира, разводит ее, женится на ней, но, чувствуя трудность ввести ее в высший петербургский свет, ищет назначения за границу. Интригуя через великого князя Николая Николаевича, он добивается поста в Париже. Там, в этом современном международном Вавилоне, его жена может блеснуть бриллиантами, а Ностиц – затмить самого посла роскошными приемами».[1] Далее и произошла трагедия. Адъютант графа, красавиц из александрийских гусар, заводит роман с его молодой супругой, и об этом адюльтере узнает французский Генеральный штаб, в котором сложилось устойчивое подозрение в отношении «лихого гусара» как немецкого шпиона.[2] В конечном итоге, данный скандал едва не стоил графу Ностицу успешной карьеры. Во всяком случае он был отозван из Парижа в марте 1912 г. и продолжил службу в качестве НШ ГК.

Примечательно, что среди гв. генералов прослеживался существенный процент вдовцов. По понятным причинам вдовцам не возбранялось вступать в повторные браки.[3] В российской армии встречались отдельные генералы, например, члены Военного совета рубежа XIX – нач. XX в. или АКР, возраст которых превышал вышеуказанную цифру. В повторный брак также могли вступать разведенные офицеры. Поводом для развода в соответствии с брачно-семейным законодательством могло стать: *прелюбодеяние другого супруга или неспособность его к брачному сожитию; когда один из супругов был*

[1] Игнатьев А.А., граф. Роковые дни. 50 лет в строю. М., 2013. С. 116.
[2] Там же. С. 116-117.
[3] В соответствии с действующим законодательством запрет на повторный брак налагался только после третьей женитьбы, при этом в счет трех браков включались не только признанные недействительными, но и прекращенные разводом. Еще одним препятствием становился возраст более 80 лет.

приговорен к наказанию, лишавшему его всех прав состояния; безвестное отсутствие другого супруга.

Как правило, «седовласые» и почтенные генералы присматривались к представительницам женского пола значительно моложе себя и в ряде случаев довольно успешно женились на них. Так, молодых жен имели враждующие между собой генералы В.А. Сухомлинов (причем генерал был женат трижды) и П.К. фон Ренненкампф.

В отношении генерала Сухомлинова исследователи Р.М. Португальский, П.Д. Алексеев и В.А. Рунов писали следующее: «Вторая жена Сухомлинова, Екатерина Викторовна Бутович, была значительно моложе своего избранника и слыла весьма тщеславной натурой. Ради шестидесятилетнего генерала она, не задумываясь, оставила своего первого мужа – скромного полтавского помещика».[1] Несмотря на высокое положение мужа, «Высший Свет» Екатерину Викторовну игнорировал, что ее сильно задевало и, в конечном итоге, подтолкнуло к созданию «своего кружка». Отдельные капризы и чудачества «молодой жены» требовали значительных расходов, происхождение которых было весьма туманно и имело, в том числе, и криминальный характер.[2] В «трагедии Сухомлинова» (13.06.1915 г. он был уволен с должности военного министра: кроме неподготовленности армии к войне, ему инкриминировались нецелевые траты, при этом в деле фигурировал авантюрист, обвиненный в фальшивомонетничестве - Николай Соловьев, втершийся в доверие к жене генерала) ряд офицеров обвинял именного его «молодую» жену. Военный врач В.П. Кравков вспоминал, что штабной офицер Васильев («бывший семеновец») подчеркивал «очевидную» несправедливость в отношении Сухомлинова. В частности, он заявлял следующее: «Какое преступление совершил Сухомлинов?» […] - «Никакого». «Любви лишь все возрасты покорны», так чем он виноват, если жена его требовала от него много денег, ради чего этому «почтенному» министру всячески приходилось изворачи-

[1] Португальский Р.М., Алексеев П.Д. и Рунов В.А. Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994. С. 12.
[2] Там же. С. 12.

ваться в добывании соответств[ующих] кушей денег, напр[имер] – ездить на один день во Владивосток, чтобы получить лишние прогонные, и проч. и проч. Но ведь нельзя же-де никоим образом обвинять Сухомлинова в измене! Жил-де выше своих средств – вот и все!!»[1]

В.П. Кравков резюмирует услышанное следующим образом: «Ведь глубокая пропасть лежит между нами – «штатскими» и военными, да еще «семеновцами», в понимании вопроса чести и долга… Два правосознания, два чувства долга!»[2]

В отношении В.А. Сухомлинова супруга П.К. фон Ренненкампфа писала: «[…] военный министр был просто неглубоким человеком, легкомысленным и безответственным. Он сибаритствовал, забавлялся своим положением и влюбленностью в свою еще молодую жену. Это и составляло весь интерес его жизни. Он никогда не думал о близости войны, не думал о готовности войск, о снаряжении и прочем, не интересовался нововведениями в других армиях и безразлично относился к германской армии».[3] Следует отметить, что Е.В. Сухомлинова (в девичестве Гошкевич) была моложе мужа на 34 года. Генерал А.Ф. Редигер описывает, как он в бытность свою военным министром, был романтически увлечен молодой «просительницей» и даже позволял себе строить какие-то планы в ее отношении.

Примечательно, что не избежал испытания «прельщением» женской молодостью «сухой» и «малообщительный» генерал И.В. Гурко. Правда, в случае с Иосифом Владимировичем эта разница была не столь значительной – 13 лет, что для Российской империи было почти нормой. Справедливости ради следует отметить, что Гурко женился не генералом, а полковником. Со своей супругой, графиней М.А. Салиас де Турнемир, он познакомился в 1861 г. в Царском Селе во время службы в л.-гв. Гусарском Его В. п. Примечательно, что противником этого брака впоследствии оказался сам император. Это было связано с либеральными воззрениями матери супруги Гурко Е.В.

[1] Кравков В.П. Указ. соч. С. 204-205.
[2] Там же. С. 205.
[3] Фон Ренненкампф В.Н. Воспоминания. М., 2013. С. 60.

Салиас де Турнемир. Тем не менее чувства оказались сильнее монаршей немилости. Тем более, что Иосиф Владимирович смог подчинить супругу своей воле «силой своего характера», при этом относился к ней с крайней степенью уважения.

Тайный Советник Е.М. Феоктистов вспоминал о психологических особенностях этого брака следующее: «Семейная жизнь вполне его удовлетворяла, она была для него таким счастием, выше которого он ничего не желал для себя. С женой он жил душа в душу, обожал ее, малейшая ее прихоть была для него законом. Марья Андреевна с своей стороны платила ему такою же любовью; следует заметить, однако, что характеры их были совершенно различны; она была бы не прочь окунуться в омут светской жизни, играть видную роль, найти пищу своему тщеславию, - словом, отличалась наклонностями, находившимися в резком противоречии с чисто спартанскими свойствами характера ее мужа».[1] Таким образом, если в случае с В.А. Сухомлиновым муж был «за женой», то в случае с И.В. Гурко жена была «за мужем».

Любопытен тот факт, что часть генералов мусульманского вероисповедания, находясь на действительной военной службе в российской армии, в семье и быту *жили согласно нормам шариата*. Один из сыновей имама Шамиля генерал-майор российской службы Магомед Шафи купил в селении Куторкале *рабыню* за 300 руб. у братьев Мирзаевых, с которой он жил как с законной женой и от которой имел детей. Российские власти в 1910 г., после смерти генерала, признали законность этого союза и право детей от этого брака на наследство.[2] Следует подчеркнуть, что на многие моральные нарушения генералов в брачном вопросе смотрели сквозь пальцы, однако если какая-либо оказия получала широкую огласку, то генерал мог поплатиться за это карьерой.

В качестве еще одного примера приведём выдержку из письма военному министру А.Н. Куропаткину от командующего войсками Кавказского во-

[1] Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 348.
[2] РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Ед. хр. 84. Л. 2, 6.

енного округа г. от инфантерии г.-адъютанта князя Г.С. Голицина: «… Появились слухи о намерении Военного губернатора Дагестанской области жениться на вдове убитого полицеймейстера города Темир-Хан-Шуры. В виду прошлого госпожи Апрелевой, известного всему Кавказу (дама вольготного поведения) я не придавал значения этим слухам до получения прилагаемого письма, в котором генерал-лейтенант князь Барятинский сообщает о своей свадьбе, без предварительного на то разрешения в надлежащем порядке […]. В виду всего изложенного я нахожу дальнейшее пребывание генерал-лейтенанта князя Барятинского на службе в пределах Кавказа вообще не удобным».[1] С 1906 г. для генералов и «старших начальников» был введён для заполнения особый формуляр.[2] Образец этого формуляра представлен в приложении 100 (см.: приложение 99).

Из пункта № 2 данного формуляра видно, что российские власти уделяли внимание в том числе и вопросу о национальности супруги старшего воинского начальника. Это не случайно, так как жёны генералов играли весьма заметную роль в обществе. В таких крупных культурных центрах империи, как Санкт-Петербург, Москва, Варшава, Киев они были постоянными посетителями роскошных балов, светских праздничных увеселений, нередко являлись законодательницами мод и, сверх того, имели свободный доступ ко многим высшим чиновникам, иногда вплоть до членов императорской фамилии. В провинции супруги воинских начальников были в курсе всех местных дел и во многих случаях влияли на принятия определённых решений. Иногда это приводило к нелицеприятным казусам. Так, обладая большим опытом, генерал с немецкими корнями Г.Г. Лилиенталь хорошо знал службу Генерального штаба, но допускал нетактичность и находился «под башмаком» у своей жены. Страдая большим самолюбием, подталкиваемый своей женой, Г.Г. Лилиенталь превышал свои полномочия по службе.[3]

[1] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Ед. хр. 869. Л. 1-2.
[2] РГВИА. Ф. 400. Оп. 10. Ед. хр. 717. Л. 6.
[3] Шапошников Б.М. Воспоминания. М., 1982. С. 184.

Что касается количества детей в генеральских семьях, то их среднее число составляло два-три ребёнка на одну семью. В отличие от больших многодетных крестьянских семей семьи российских генералов были не такие многочисленные. Это связано с тем, что многие представители, относящиеся к военной касте, вступали в брак после 33-35 лет, а постоянные переезды, связанные с получением новых назначений, должностей и переменой места жительства не способствовали созданию «больших семейств». Хотя сам быт большинства российских генералов соответствовал всем современным условиям того времени. В этой связи определенный интерес представляет «квартирный вопрос». Так, в 1909 - 1910 гг. во время командования 14-м армейским корпусом, расквартированном в городе Люблине, генерал А.А. Брусилов писал: «Я жил в Люблине, возился со своей службой, объезжал весь корпус, который был размещен по разным городам и местечкам Царства Польского […] У меня была прекрасная квартира в девять или десять комнат, балкон выходил в великолепный городской сад, и вообще все было ладно, кроме одного – отсутствовала хозяйка».[1]

Получив назначение помощником командующего войсками Варшавского ВО, который возглавлял г.-адъютант А.Г. Скалон, А.А. Брусилов переезжает в Варшаву. Там он останавливается в одном из лучших заведений Восточной Европы - гостинице «Бристоль», подыскивая себе подходящую квартиру. В то время весь служебный военный персонал Варшавы жил в казённых прекрасных квартирах, а сам генерал А.Г. Скалон - в замке бывших польских королей.[2] А.А. Брусилову по должности полагалась казённая дача. Генерал писал: «Наша казённая дача была в 30 верстах от города в упразднённой крепости Зегрж, на берегу широкой реки Буго-Нарев. Это был по истине райский уголок. Громадный парк, чудный фруктовый сад, цветник. Дом большой со всеми приспособлениями для удобной и приятной жизни летом и зимой. Искусный садовник ежедневно скрашивал нашу жизнь редкими цве-

[1] Брусилов А.А. Указ. соч. С. 38.
[2] Там же. С. 40.

тами, фруктами и ягодами. Эта была не жизнь, а сплошной праздник. Телефон, соединявший нас с Варшавой, автомобили (заметим, что в 1913 г., на 100000 человек населения в России приходилось 6 автомобилей[1] – *прим. наше: Ч.Г.*), постоянные приезды друзей. Там жили на своей отдельной даче начальник штаба генерал-лейтенант Клюев со своей хорошенькой, всегда нарядной женой, генерал-квартирмейстер Постовский со своей многочисленной семьёй, полковник Калинг с женой и дочерью и ещё несколько военных семей».[2]

Следует отметить, что уже в первом десятилетии XX в. подавляющая часть квартир столичного офицерства была телефонизирована. Так, в соответствии со «Списком г. г. офицерам, чиновникам и духовенству л.-гв. Преображенского полка с указанием адресов и номеров телефонов, имеющихся при квартирах» к 25.09.1908 г. из перечисленных 72-х квартир офицеров 48 были телефонизированы, при этом телефоны имели либо двузначный (например, телефон капитана князя Д.П. Максутова: тел. 7-5 (ул. Сергеевская, д.83)), четырехзначные (например, телефон командира полка г.-м. А.А. Гулевича: тел. 36-39 (ул. Мойка, д.67, кв.69)) или пятизначные (например, телефон старшего полковника графа Н.И. Татищева: тел. 224-09 (Аптекарский переулок, д.4, кв.9)) номера.[3]

Автомобиль в начале XX в. считался предметом роскоши даже для представителей высших властных кругов. Жена офицера л.-гв. 4-го стрелкового Императорской Фамилии батальона флигель-адъютанта князя Анатолия Барятинского, друга по детским играм Николая II, вспоминала: «Он [князь А. Барятинский – *прим. наше: Ч.Г.*] не посоветовался со мной по этому поводу и сам поехал к Диону Бутону[4], чтобы заказать машину. Изготовитель заявил, что не сможет обеспечить ею мужа ранее чем через год. Брат мой убедил мужа купить бывшую в употреблении автомашину». В конечном итоге при-

[1] См.: Ерофеев Н.Д. Уровень жизни населения в России в конце XIX - начале XX вв. // Вестник МУ, сер. 8. История. 2003. № 1. С. 67.
[2] Брусилов А.А. Указ. соч. С. 40.
[3] РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 705. Л. 5.
[4] Наиболее известная на начало XX в. марка французского автомобиля. Фирма «Де Дион-Бутон и Трепарду» была основана в 1882 г. графом А. де Дионом, механиком Ж. Бутоном и инженером Ш.-А. Трепарду.

обретённый князем Барятинским автомобиль вышел из строя в первый же день его эксплуатации.[1] По воспоминаниям В.Н. Воейкова, одним из первых владельцев и популяризаторов автомобилей в России был начальник военно-походной канцелярии Его Величества князь В.Н. Орлов[2]. Он устроил несколько поездок на автомобиле царю в 1905 г.[3] (по другой версии в 1903 г.) и, в конечном итоге, именно князю было поручена организация императорского гаража, на содержание которого с 1907 по 1912 г. из казны было потрачено 400258 руб.

Таким образом, к началу XX в. автомобиль в России являлся элементом роскоши и, как следствие, одним из индикаторов социального статуса (престижа), а также своеобразным предметом развлечения. В этом плане показательным может быть извлечение из писем кавалергарда С.А. Панчулидзева, где он описывает праздник, устроенный детям. В частности, он оправдывается перед своей супругой (запись от 14.11.1902 г. ст. ст.): «То, что рассказала Ольга, не правда. На автомобиле дети ездили 1 раз в Лицейск[ий] праздник, вместо театра. Вино я им дал тоже только в их праздник, и всего по 1 мал[енькой] рюмочке. Пирожными я их не обкармливал, а покупал пирожки взамен сладкого блюда к столу, никаких иных сластей ни раз не покупал и денег не давал». В данном случае примечательно, что офицер ставит в один ряд такие формы времяпрепровождения, как посещение театра и «прогулку» на автомобиле.[4] Использование автомобиля как средства развлечения было характерно и для царской семьи. Так, в Крыму практически все великие князья и представители аристократии имели автомобили, выезжая на них на пикники или просто путешествуя среди экзотических пейзажей.[5] В качестве другого примера «бытовой идентичности» представителя военной элиты Российской империи можно привести описание дома и «хозяйства» коман-

[1] Барятинская М.С. Указ. соч. С. 61-63.
[2] Генерал окончил ПК и был выпущен в 1889 г. в л.-гв. Конный п.; с 1909 г. Свиты Е.И.В. г.-майор; в течение непродолжительного времени входил в ближний круг Николая II.
[3] Воейков В.Н. Указ. соч. С. 90.
[4] РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 79. Л. 96 (Письма Панчулидзева С.А. жене Панчулидзевой Надежде Борисовне 1892-1908 г. г.).
[5] Мордвинов А.А. Указ. соч. С. 198, 212.

дующего Киевским военным округом (с 1904 г.; с 1905 по 1908 г. Киевского, Подольского и Волынского г.-губернатора) генерала В.А. Сухомлинова.

Дом командующего войсками, в котором он поселился в 1904 г., был огромен. Имелась даже подъёмная машина (лифт). В нижнем этаже находилась большая зала, гостиные, столовая, кабинет, гардеробная комната и ванна. Усадьба, окружавшая дом, занимала семь десятин. На территории усадьбы находился большой фруктовый сад, в котором росло «огромное дерево грецкого ореха», дававшее несколько пудов крупных плодов. Имелись две кухни: зимняя и летняя (последняя в отдельном здании), прачечная, конюшня, сараи, парники, оранжерея и вся совокупность хозяйственных построек среди зелени превращали дом командующего в настоящую загородную виллу.

Примечательна ремарка Ж.М. Палеолга по поводу личностных особенностей Владимира Александровича, проливающая свет на особенности брачных отношений отдельных представителей военно-политической элиты. Палеолог писал: «Сомнительный человек, этот генерал Сухомлинов[…] Шестьдесят шесть лет от роду; под башмаком у довольно красивой жены, которая на тридцать два года моложе его; умный, ловкий, хитрый; рабски почтительный перед императором; друг Распутина; окруженный негодяями, которые служат ему посредниками для его интриг и уловок; утративший привычку к работе и сберегающий все свои силы для супружеских утех; имеющий угрюмый вид, все время подстерегающий взгляд под тяжелыми, собранными в складки веками; я знаю мало людей, которые бы с первого взгляда внушали бы большее недоверие».[1] Характерно, что супружеская пара Сухомлиновых проживала с 1908 по 1917 гг. (когда генерал был осужден на «бессрочную каторгу», за «государственную измену» и «взяточничество») в доходном доме Е.А. Брюна, построенном в 1841 г. архитектором Е.Ф. Паскалем на территории современного Адмиралтейского района недалеко от Мариинского театра.

[1] Палеолог Морис Ж. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 79.

Весьма показательным является список вещей, обычно составлявших домашнюю обстановку у полных генералов (см.: приложение 100). При этом следует подчеркнуть, что данный список является далеко не исчерпывающим – так, в доме были еще и «не казенные» вещи «по описи». Для группы высших военных чиновников полагалось определённое число денщиков: для полных генералов – 12; г.-квартирмейстеру в чине г.-лейтенанта – 10; г.-майору – 8.[1]

Разрыв между окладами генералитета и младших офицеров был особенно велик за счёт так называемых «добавочных» денег, получаемых обычно с должности командира полка в сумме 1200 руб. в год, для генералов эта сумма составляла 2400 - 2500 руб.

В одном из самых дорогих для жизни городов, С.-Петербурге, столовые деньги составляли для полного генерала, занимавшего весомую должность начальника Главного штаба его им императорского величества, - 10000 руб. ежегодно, для г.-квартирмейстера этого же штаба - 6000 руб., для г.-майора начальника корпусного штаба - 4000 руб.[2] Общее содержание, получаемое по службе, также напрямую зависело не столько от генерального чина, сколько от занимаемой должности. Так, генерал, заседавший в ГС, как правило, получал 18000 руб., а командир «неотдельной» бригады, расквартированной на окраинах страны, - около 3000 руб. ежегодно (в 6 раз меньше!). Но и 3000 руб. в год по тем временам было приличным содержанием, если учитывать сравнительно низкий уровень жизни в провинции. Начальник дивизии в чине г.-лейтенанта получал жалованье несколько больше, чем директор кадетского корпуса в том же чине.[3] Губернаторы в генеральских чинах имели содержание в 1,5-2 раза больше, чем командиры корпусов (жалованье последних составляло 9500 р.). Следует отметить, что, начиная с должности командира корпуса, генералы из казны получали дополнительные деньги в размере нескольких сотен рублей на так называемое представительство. Корпусной ко-

[1] Россия Генеральный штаб. Отдел генерал-квартирмейстера. СПб., 1911 (раскладка).
[2] Там же.
[3] Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 320.

мандир получал в 15 раз больше по сравнению с подпоручиком[1]. При этом следует учесть, что военнослужащим в генеральских чинах кроме всего прочего полагались при прохождении службы различные мелкие льготы.

При анализе «Расписания суточных денег служащим и пособий на выезд семействами их» нами были выявлены следующие статистические данные, представленные в таблице № 48 (см. таб. 48).

Таблица № 48

Расписание суточных денег военнослужащим и пособий на выезд семействами их

Наименование служащих	Суточные деньги	Размер пособий при совершении переезда на расстоянии (руб.)		
		3000 вёрст	6000 вёрст	Свыше 6000 вёрст
1) Генералы и адмиралы	3 руб.	125	250	375
2) Штаб-офицеры	2 руб. 25 коп.	75	150	225
3) Обер-офицеры	1 руб.25 коп.	50	100	150
4) Нижние чины и все прочие лица, состоящие в морском, гражданском и духовном ведомствах	45 коп.	25	50	75

Источник: ГАРФ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 3.

В начале XX в. суточные деньги выдавались из следующего расчёта: по железным дорогам - 300 вёрст в сутки, по воде - 100 вёрст в сутки, по грунтовым дорогам - 50 вёрст в сутки.[2] Генерал получал суточных денег в 7,5 раз больше, чем нижний чин.

Представители военной элиты, выезжающие на ТВД получали еще большие льготы и выплаты. В качестве примера можно привести информацию в отношении отдельных представителей высшего командного состава периода русско-японской войны. Оба командующих армиями, О.-Ф.К. Грип-

[1] Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 220-225.
[2] ГАРФ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 6.

пенберг (командующий 2-й Маньчжурской армией) и барон А.В. Каульбарс (командующий 3-й Маньчжурской армией), желали ехать на Восток в отдельных поездах столь же пышно, как это сделал бывший военный министр А.Н. Куропаткин (командующий Маньчжурской армией (с 7 февраля по 13 октября 1904 г.) и главнокомандующий (с 13 октября 1904 г. по 3 марта 1905 г.)). Их несколько урезали в отношении выплат: А.Н. Куропаткин сохранял добавочное содержание в 12000 руб., а командующие армиями получили по 8000 руб.[1] Указанные суммы были выданы *сверх основного* содержания. Что касается окладов для генералов, работающих при различных штабах, а также приписанным к этим штабам (последние не имели конкретных должностных обязанностей, но числились сверх штата благодаря своим старым заслугам), то размер денежных выплат колебался от 2000 до 10900 руб.

В качестве примера приведем «Денежную ведомость» за 1908 г., в которой отражено содержание генералов, числящихся при штабе Кавказского ВО.[2] Данные представлены в таблице № 49 (см. таб. 49).

Таблица № 49

«Денежная ведомость содержания генералов, числящихся при штабе Кавказского военного округа» за 1908 г.

Наименование лиц	Содержание
Помощник командующего войсками Кавказского военного округа генерал-лейтенант Генерального штаба Шатилов	9672 р. (из них 1500 руб. на представительство)
Состоящие при главнокомандующем для особых поручений: генерал-майор Рябинкин, генерал-майор Павлов	4824 р. 4824 р.
Состоящие при войсках штатные генералы: генерал от инфантерии Фадеев, генерал-лейтенант Зелёный, генерал-майор Юров, генерал-майор Дрягин	10.896 (из них 1500 р. на представительство) 5352 р. 2424 р. 2424 р.
Сверх штата: генерал-лейтенант Исмаил-хан, полковник персидский принц Акбер-Мирза, полковник персидский принц Шах-Рух-Мирза	2472 р. 1764 р. 1686 р.
Состоящий в окружном совете член от Военного	4820 р.

[1] Редигер А.Ф. Указ. соч. Т.1. С. 400.
[2] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Ед. хр. 316. Л.18-21, 25.

министерства генерал-майор Вржец	
Начальник окружного штаба генерал-майор Генерального штаба Берхман	7404 р. (из них на представительство 1200 р.)
Окружной генерал-квартирмейстер, генерал-майор Генерального штаба Юденич	5004 р.
Окружной дежурный генерал, генерал-майор Бауэр	5424 р.
Начальник военно-исторического отдела округа генерал-майора Потто	4824 р.

Источник: РГВИА. Ф.1300. Оп.4. Ед. хр. 316. Л.18-21, 25

Свитские генералы представляли собой определённую группу и имели особое довольствие. Их содержание варьировалось в зависимости от их личных заслуг, чина, расположения самого императора, влияния при Дворе. При этом семейное положение, вероисповедание, национальность, возраст здесь зачастую роли не играли. Так, его высочество принц А.П. Ольденбургский (женат, один сын) имел содержание 5831 руб., К.Н. Рыдзевский (имел 2 детей) - 14000 руб., О.К. Кремер (4 детей) - 12887 руб., граф Бенкендорф (детей нет) - 12000 руб.[1]

Сравнение денежных окладов генералитета российской и иностранных европейских армий перед первой мировой войной показало, что начальник дивизии в Российской империи (в звании г.-лейтенанта) получал 6756 р., в Австро-Венгрии - 6953 р., в Германии - 8838 р., во Франции - 10615 р.[2]

Таким образом, размеры выплат генералитету этого звена в главнейших странах *были выше*, нежели в российской армии. Подобная ситуация наблюдалась и в отношении полных генералов, командующих корпусом. Что же касается командиров бригад, то здесь российская казна уступала в своих возможностях Германии и Франции, но была немного щедрее Австро-Венгрии. У нас командир «неотдельной» бригады (г.-майор) имел среднее содержание - 4717 р., а в Австро-Венгрии - 4668 р.

Несмотря на достаточную обеспеченность высшего командного состава, были случаи, когда генералы едва сводили «концы с концами», но это

[1] Список Генерал-адъютантам, Генерал-майорам и Контр-адмиралам Свиты Его Величества и флигель-адъютантам по старшинству. СПб., 1903-1916 гг. В 1905 г. в Свите Е.И.В. состояло 62 генерала и адмирала.
[2] За основу взяты усредненные показатели.

прямое следствие личностного неумения рационально распоряжаться полученными доходами. Подобный пример являл собой начальник канцелярии военного министерства генерал П.Л. Лобко. Генерал А.Ф. Редигер описывал его следующим образом: «Очень умный, честный и справедливый, он производил впечатление человека сухого, строго и гордого. На деле оказывалось, что он строг только на словах... Упорный холостяк, вёл довольно оригинальный образ жизни. Вставал в 10 часов, пил чай и занимался до 11.30 - 12, когда открывал дверь своего кабинета для приёма докладов; в 3 - 4 часа это кончалось и он ехал в Сельскохозяйственный клуб обедать. По возвращении оттуда он спал, затем вновь занимался и в 11 - 12 часов вновь ехал в тот же клуб *играть в карты* часов до 3 - 4 почти. По возвращении оттуда он спал, затем вновь занимался и в 11 - 12 часов вновь ехал в тот же клуб *играть в карты* часов до 3 - 4 ночи. *Играл он несчастливо* и, получая громадное по тому времени содержание (с наградными и прочими - тысяч четырнадцать-пятнадцать), всегда был без денег».[1]

Карточная игра, да и азартные игры в целом, в среде высшего командного состава вооружённых сил Российской империи были распространенным явлением. В данном случае следует сделать оговорку, по замечаниям исследователя И.Б. Хмельницкой, увлечение азартными играми, и в первую очередь игрой в карты, приобрело характер эпидемии. Дело доходило до того, что отдельные, в том числе и престижные клубы, провозглашавшие популяризацию различных видов спорта, увлекшись продвижением карточных игр как «псевдоспорта» фактически превращались в игорные дома (в качестве примера приводится печальный опыт Петровского яхт-клуба, который за пристрастие его членов к карточной игре бойкотировали все «приличные» спортивные клубы и общества, а решения по его судьбе принимались на уровне градоначальника).[2]

---

[1] Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 159.
[2] Хмельницкая И.Б. Указ. соч. С. 206-215.

В то же время в офицерской среде карточные игры были еще и своеобразной данью традиции, поэтому это увлечение в данной социальной среде в какой-то мере даже поощрялось (по крайней мере «не возбранялось»). Примечательно, что заядлым игроком, «хорошо играющим» в различные карточные игры, был брат императора Александра III в. к. Владимир Александрович. Сам император, а затем и его сын Николай II карточную игру не любили. Один из лечащих врачей императора Николай Александрович Вельяминов по этому поводу вспоминал следующее: «В.К. Владимир Александрович и граф Воронцов играли отлично, ген. Рихтер очень недурно, я плохо, а Государь очень плохо и рискованно. Проигрывали больше всех Государь, потом я».[1] Карточные игры были распространены в провинции, где отсутствовали театры, рестораны, скачки, балы. Местные генералы своё свободное время проводили в офицерских собраниях, где придавались карточным играм до глубокой ночи. Конечно, подобный досуг не делал чести генеральскому мундиру, и некоторые старшие воинские начальники подвергались жёстким дисциплинарным взысканиям.

Вот как вспоминает подобные эпизоды из гарнизонной жизни капитан ГШ Б.М. Шапошников, служивший после русско-японской войны в Туркестанском ВО: «Что же касается старичков, то в отношении их мы действовали так. Без четверти два давался звонок. В два часа ночи обходя игорные комнаты, дежурный переписывал оставшихся, выбирал старшего по чину и докладывал ему, что собрание закрыто, и он передаёт ему дежурство, а сам уходит. В рапорте коменданту города перечислялись фамилии игроков. Не каждому генералу или полковнику хотелось попасть в этот список, а потому они предпочитали вовремя удалиться домой».[2]

Примечательно то, что вслед за азартными мужьями начинали играть и их жены. Так, генерал Д.И. Гурко в своих воспоминаниях описывал одну из таких петербургских «женских компаний», азартно увлеченную покером и

[1] Вельяминов Н.А. Указ. соч. С. 271.
[2] Шапошников Б.М. Указ. изд. С. 181.

проводящую за этим увлечением все вечера (игра начиналась в 10 часов и заканчивалась в 2-3 часа ночи). «Душой» компании была княгиня Волконская, вдова генерала Косыча, который накануне своей смерти командовал корпусом. Дамы настолько поднаторели в карточной игре, что периодически играющий с ними Гурко взял правило покидать игровой стол после проигрыша в 100-300 руб.[1]

Случалось и обратное. Иногда великосветские генеральши проигрывали целые состояния. Так, княгиня М.С. Барятинская вспоминала, что ее двоюродная тетка княгиня Е.И. Суворова-Рымникская проиграла значительную сумму денег. Барятинская писала: «Помню как княгиня Суворова (ее прозвище было «итальянская Лиза») проиграла в карты огромное состояние, и чуть не разразился скандал».[2] В высшем свете в карты поигрывали не только жены высших военных, но и гражданских чиновников. Любила поиграть в бридж младшая дочь последнего влиятельного князя Абхазии генерал-адъютанта М.Г. Шеваршидзе[3] Варвара («Бабо») Михайловна (в замужестве баронесса Мейендорф). «Бабо» также вспоминает, как она играла в бильярд с великой княгиней Марией Федоровной.[4] Об игре в бильярд с великой княгиней есть также упоминания и у Вельяминова. Он вспоминал: «Императрица, увидев меня, спросила играю ли я на биллиарде и, получив утвердительный ответ, пригласила меня принять участие в партии «a la'guerre»[5], в которой и Она участвовала».[6]

Как следствие игра на биллиарде являлась еще одной распространённой игрой «на интерес». От ее «коммерческого характера» не были застрахованы даже сильные мира сего, например, цесаревич в. к. Николай Александрович. В. к. Константин Константинович, в бытность которого командиром л.-гв. Преображенского п. цесаревич получал практический опыт строевой

[1] Гурко Д.И. Воспоминания генерала. // Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX- начала XX века. М., 2002. С. 319-320.
[2] Барятинская М.С. Указ. соч. С. 7.
[3] Окончил ПК. Начинал службу в л.-гв. Преображенском п.
[4] Мейендорф В.М., баронесса. Мемуары фрейлины императрицы… - М., 2012. С. 51.
[5] В «два шара».
[6] Вельяминов Н.А. Указ. соч. С. 271.

службы, в своих воспоминаниях писал: «В офицерском собрании Цесаревич весьма охотно и искусно играл на бильярде; однажды, проиграв партию полковнику Огареву, Он на другой день прислал ему вместо долга ковер – подарок Эмира Бухарского. В карты Цесаревич не играл».[1]

Досуговая деятельность являет собой существенную часть генеральского быта, а потому представляет значительный интерес для нашего исследования. Если свободное время офицеров было относительно «прозрачным» и порою жёстко регламентированным, особенно это касалось гвардии, то отдельные группы генералов проводили свой досуг, исходя из своих собственных интересов и предпочтений, так как они, во-первых, не были стеснены рамками «полковой семьи», а, во-вторых, как правило, являлись материально обеспеченными и могли оплатить расходы на некоторые свои «слабости» и «влечения» (обусловленные возрастом и социальным положением).

Российским генералам были также не чужды и новомодные увлечения, в частности, игра на Бирже. Одним из таких игроков являлся контр-адмирал М.В. Бубнов.

Выбирая себе главного помощника на должность товарища Морского министра, адмирал И.К. Григорович остановился именно на его кандидатуре. Контр-адмирал участвовал в обороне Порт-Артура, был известен как очень хозяйственный человек. Доклады контр-адмирала М.В. Бубнова в главном управлении кораблестроения, не в пример другим, - были весьма обстоятельны и толковы, что позволяет оценивать его как неплохого профессионала. И.К. Григорович отмечал, что М.В. Бубнов «сильно играет на бирже». Адмирал считал подобное совершенно недопустимым вообще для служащих в Главном управлении кораблестроения по хозяйственной части, а тем более для товарища Морского министра - это уже было преступлением.[2] Тем не менее, морской министр вынужден был остановиться на кандидатуре контр-

[1] Великий князь Константин Константинович Романов (К.Р.). Воспоминания о службе Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича, ныне благополучно царствующего Государя Императора, л.-гв. в полку (2 января 1893 г. – 20 октября 1894 г.). // Император Николай II. Тайна Российского Императорского двора. М., 2013. С. 86-87.
[2] Григорович И.К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1993. С. 59.

адмирала М.В. Бубнова, предварительно проведя с ним воспитательную беседу и взяв с него слово, что он больше не будет играть на бирже. Однако впоследствии М.В. Бубнов неоднократно нарушал данное слово и был вынужден оставить пост товарища морского министра.

Следует отметить, что игра на бирже изначально рассматривалась в России как весьма сомнительное предприятие, связанное не просто с дополнительным заработком, но и фактически незаконным обогащением. Операции на бирже с участием различных групп властных элит прослеживались и в более ранние периоды, например, в эпоху Александра II. Так, в конце 60-х гг. XIX в. в Москве была открыта «дополнительная» Малая биржа (собиралась в доме Хлудова), на которой играли и отдельные генералы.[1] Не было зазорным для представителей топа военной элиты иметь дело и с плутократией, и «военными олигархами». В качестве примера такого исторического персонажа можно привести начальника штаба СПб. ВО генерала Н.И. Бобрикова, являвшегося, кроме всего прочего, «правой рукой» (в профессиональном плане) в. к. Владимира Александровича. Генерал Н.А. Епанчин отмечал, что Бобриков очень любил «деньгу». Епанчин подчеркивал, что Бобриков: «[…] состоял в дружбе с банковскими дельцами, в том числе с И.А. Вышнеградским, с генералом Адамовичем, с генералом Яковом Ивановичем Овандером, начальником артиллерии Гвардейского корпуса, с генералом Н.П. Жеваховым, начальником Петербургской местной бригады. Все это были «банкиры» в военных мундирах, пока еще не было закона о несовместительстве. Эти банкирские силы провели Бобрикова в правление разных обществ с приличными окладами, а Бобриков не забывал помогать им при восхождении в военных должностях».[2] Н.А. Епанчин подчеркивает, что данную практику решительно пресёк Александр III, но до конца она изжита не была, что очевидным образом демонстрирует пример генерала В.Н. Воейкова.

[1] Никифоров Д. Москва в царствование императора Александра II: воспоминания. С иллюстрациями событий того времени и портретами деятелей царствования Александра II. М., 2013. С. 185.
[2] Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 168.

Одним из самых распространённых увлечений в среде российского генералитета была *охота*. Интерес к охоте прослеживался на всех уровнях российской властной элиты и на отрезке правления Александра III, и в период царствования Николая II, но в эпоху последнего императора он подогревался еще и тем, что император Николай II и его младший брат великий князь Михаил Александрович, по свидетельству современников, были заядлыми охотниками и меткими стрелками. Примечательно то, что Николай II «врачевал свои нервы» охотой в период переживаний по поводу обострения осенью 1912 г. болезни цесаревича Алексея. В письме матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне, император писал (запись от 20 октября): «Теперь я пришел в себя окончательно и ездил на охоту довольно часто, что очень подбадривает нервы, а то я боялся превратиться в старую бабу».[1] Испытывал пристрастие к охоте на крупного зверя, лося и медведя, и его брат в. к. Михаил Александрович. Примечательно, что во время пребывания «в ссылке» в г. Орле великий князь завел в саду, напротив своего дома «большого ручного медведя» с которым он изредка «бесстрашно боролся».[2]

Князь Ф.Ф. Юсупов-младший вспоминал, что в. к. Сергей Александрович приезжал «к ним» в самое большое имение Юсуповых Ракитное в Курской губернии почти ежегодно со своей супругой в. к. Елизаветой Федоровной и, как правило, привозил с собой весь свой двор – «людей юных и веселых». Во время выдвижения к месту охоты в. к. Сергей Александрович всегда предлагал Феликсу спеть итальянскую песню «Слез полные глаза», которую, как пишет Юсупов, в. к. «обожал», причем просил спеть ее настолько часто, что Феликс ее возненавидел.[3]

В отношении пристрастия к охоте Александра III, еще в бытности его цесаревичем, баронесса В.М. Мейендорф вспоминала, что, когда во время пребывания в Скерневицах в гостях у фельдмаршала князя А. Барятинского встал вопрос, как отпраздновать именины цесаревича: балом или охотой (ве-

[1] ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2332. Л. 22.
[2] Мордвинов А.А. Указ. соч. С. 114, 125, 336.
[3] Юсупов Феликс, князь. Мемуары в двух книгах. До изгнания. 1887-1919. В изгнании. М., 1998. С. 85-86.

ликая княгиня Мария Федоровна очень сильно рассчитывала на бал), решение было принято в пользу охоты и бала (цесаревич не был «большим любителем танцев»[1]). Причем охота началась в день именин цесаревича, 30.08.1876, и продолжалась до 5.09., а бал был проведен в день именин князя А. Барятинского - 5.09.[2]

«Баловались» охотой и молодые великие князья. Так, во время своих путешествий по стране в. к. Николай Николаевич-старший старался уделить хотя бы часть своего досуга данному времяпрепровождению (справедливости ради следует отметить, что в данном случае, безусловно, сказывалось влияние окружения великого князя, что было обусловлено его незначительным возрастом). Указания на данное увлечение великого князя мы находим в его письмах отцу. В письме от 25.06.1843 г. Николай Николаевич пишет из Ревеля (в указанный отрезок времени ему еще не исполнилось 12 лет): «Сегодня у нас в первый раз шел дождик; мы собираемся ехать на охоту за шесть верст отсюда».[3]

Охоты устраивали и видные сановники, а также офицеры и генералы-кавалеристы. В частности, сохранились воспоминания супруги генерала Павла Карловича фон-Реннекампфа о внеслужебных пристрастиях его мужа. Вера Николаевна писала: «Генерал Ренненкампф любил охоту обыкновенную и парфорсную. Он собрал большую коллекцию охотничьих трофеев – оленьих и лосиных рогов, украшавших нашу огромную столовую. В центре ее находилась рогатая голова лося, изо рта которой свисала электрическая лампочка. Это было очень красиво. Другую лампочку держал в клюве орел, распростерший громадные крылья».[4] Другой пример неистовой по азарту охоты в отношении своего мужа, командира л.-гв. Кавалергардского п. Свиты Е.И.В. г.-майора князя Ф.Ф. Юсупова графа Сумарокова-Эльстона (в предвоенный период дослужился на военном поприще до должности командира 2-й бр. 2

[1] Мейендорф В.М. Указ. соч. С. 49.
[2] Там же.
[3] ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 103. Л. 3 (Письма великого князя Николая Николаевича (старшего) Романова из Ревеля родителям Николаю I и Александре Федоровне).
[4] Фон Ренненкампф В.Н. Указ. соч. С. 40.

ГКД: с 1908 по 1911 г.) приводит в своих письмах младшему сыну его жена Зинаида Николаевна: «Папа убивает по одному медведю в сутки. Вечером читает мне вслух и рано ложится спать, чтобы рано вставать на другой день. Сегодня обложили третьего медведя, громадного старика, говорят больше наших, но он ушел из круга до начала охоты и встретил по дороге мужика, который страшно перепугался, к счастью, медведь тоже испугался и мужик уцелел! Пошли его разыскивать».[1] Охота на медведя являлась одним из хобби семейства князей Барятинских. Супруга А. Барятинского Мария Сергеевна описывает, что князь и его друзья любили зимнюю охоту, когда собаки поднимали сонного зверя и от этого он становился еще более свирепым. Данное развлечение она называла «опасным видом спорта». Примечательно, что князь взял ее в жены после того как загадал убить медведя. Княгиня писала: «Князь Барятинский признался мне, что если он будет достаточно удачлив и убьёт медведя (а у него было девять или десять ружей), то сочтет это хорошим предзнаменованием (Толи был очень суеверен, да и я также)».[2]

Кроме этого, была популярна охота на оленя и лося. Своеобразной Меккой охоты на оленя стало царское имение «Спала». В данном «развлечении» как правило принимал участие не только император, но и отдельные представители высших эшелонов власти и зарубежных правящих домов, а также иностранные послы. В отдельных случаях приглашались не входившие во «власть», но приближенные к императору лица.[3]

«Спала» «приглянулась» Александру III еще в период, когда он был наследником престола, и в какой-то мере удовлетворяла его мечту об уединении. Имение располагалось «среди богатых лесов Ловичевского уезда» и, как следствие, должно было стать одним из центров императорской охоты. Именно в «Спале» у императора выработался интерес к охоте на оленя. Вельяминов описывал царское имение начала 90-х гг. XIX в. следующим обра-

[1] Из семейной переписки Юсуповых. // Река времени (Книга истории и культуры). Гражданское общество и частная жизнь. Книга вторая. М., 1995. С. 108.
[2] Барятинская М. Указ. соч. С. 21.
[3] Вельяминов Н.А. Указ. соч. С. 272.

зом: «Царская усадьба «Спала» расположена на открытой площадке среди старого соснового леса, на берегу реки, если не ошибаюсь, Равки […] Жилой или охотничий дом, двухэтажный, деревянный на каменном фундаменте, очень простой и скромный в стиле помещичьего дома или, вернее, без всякого стиля […] Вокруг усадьбы бесконечные леса с образцово устроенным лесным хозяйством. Среди этих лесов несколько деревень, окруженных крестьянскими полями. Образцовое охотничье хозяйство с подкармливанием дичи».[1]

Охоты, как правило, проводились через год. Кроме оленей, охотились на серн и кабанов. Примечательно, что император Александр III никогда не участвовал в облавах на кабанов, считая подобную разновидность охоты «бойней». Он также был противником охоты на молодых оленей и «маток». По воспоминаниям Н.А. Вельяминова наиболее любимой императором разновидностью охоты на оленя был «purcshen», или «охота с подъезда» (Александр III охотился только со своим братом в. к. Владимиром).[2] Рьяным «охотником», «лошадником» и «спортсменом», готовым при случае сесть даже на необъезженную лошадь, был командир л.-гв. Уланского Ее Величества п. (1907-1911) генерал А.А. Павлов, к началу Первой мировой войны г.-лейтенант и начальник 2-ой Сводно-казачьей дивизии. Генерал П.Н. Краснов вспоминал о своем бывшем сослуживце: «Павлов садился на совершенно невыезженную лошадь и ехал на зимнюю парфорсную охоту, и лошадь под ним шла и прыгала занесенные снегом канавы, делала то, на чем ошибались и выезженные лошади. Точно он умел говорить лошади, внушить ей, то что надо… Павлов был неисправимый холостяк, всегда занят службой, лошадьми, скачками, спортом». Примечательно то, что Павлов также женился на «молодой, красивой даме» значительно моложе себя.[3]

Весьма примечательна жизненная философия указанного генерала (своеобразное *credo* генерала Павлова). Он наставлял П.Н. Краснова перено-

[1] Там же. С. 269.
[2] Там же. С.270.
[3] Краснов П.Н. Указ. соч. С. 205-206.

сить с собой даже в самые отдаленные гарнизоны частичку «петербургского мира и петербургской красоты жизни», демонстрировать офицерам, что он «не гвардеец-фазан» и в данном гарнизоне всерьез и на долго. Что он, командир полка, кровно заинтересован в успехе и процветании вверенной ему части. При этом основная задача - показать своим офицерам, «что он их не чуждается, что он подлинный командир, что он не гастролер, делающий на их шкуре свою карьеру».[1]

Страстными поклонниками охоты и любителями верховой езды являлись финский генерал барон К.-Г. Маннергейм и великоросс генерал А.С. Лукомский. Так, генерал Маннергейм перед Первой мировой войной был членом элитарных охотничьих, спортивных и жокей-клубов.[2] Сам факт того, что весть о мобилизации застала генерала К.-Г. Маннергейма именно в охотничьем клубе 29 июля 1914 г.[3], является показательным. Кроме охоты, представители властной аристократии не брезговали и рыбалкой. Судя по воспоминаниям (речь идет о воспоминаниях самого князя), азартным рыбаком являлся в. к. Сергей Александрович. В своем дневнике 1898 г., в записях за июль (в указанный отрезок времени великий князь занимал пост командующего войсками Московского ВО (с 1896 г.) и имел воинское звание г.-лейтенант (с 14.05.1896 г.)), в. к. неоднократно упоминает о своих «подвигах» в качестве рыболова. Так, в записи от 8.06.1898 указано: «[…] В ½ 10 ч. поехал рыбу ловить сетью с нашими людьми у Усова наловили пропасть рыбы – м[ежду] пр[очим] огромного судака и больших щук, 1 линя…»[4]; в записи от 9.06.1898 читаем: «Чудное утро – в 8 ч. встал – ходил вытаскивать с матросом сеть – большой голавль – кофе на балконе»; в записи от 11.08.1898: «[…] я с матросом тащил сеть»[5]; в записи от 26.07.1898 г. лаконично: «[…] удили». Запись от 27.08.1898 г. поражает своей житейской непосредственностью и очевидной эмоциональной холодностью и неразборчивостью писав-

[1] Там же. С. 207.
[2] Вайну Х. Многоликий Маннергейм. // Новая и Новейшая история. 1997. № 5. С. 145.
[3] Виноградов К.Б., Новикова И.Н. Маршал Финляндии Карл Густав Маннергейм. // Военно-исторический журнал. 2003. № 8. С. 43.
[4] ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 34. Л. 165 (Дневник великого князя Сергея Александровича за 1898 г.).
[5] Там же. Л. 167.

шего: «21° – дивный день – в 9 ч. с женой в церковь на панихиду по Мама – засим на рыбную ловлю. От Усова до Александровского – масса рыбы – пропасть лещей и *шелешпёров* – лещ в 5 ¾ фунта», и вечером того же дня: «[…] удили – купались; - дивная лунная ночь…».[1] Примечательно, что полковник А.А. Мордвинов упоминает о пристрастии к рыбной ловле (ловле форели) императрицы Марии Федоровны.[2] Рыбной ловлей не брезговал и ее супруг, император Александр III.

Пристрастие к охоте порождало еще одно увлечение: коллекционирование холодного оружия. Заядлым коллекционером был генерал фон Ренненкампф, при этом он коллекционировал не только холодное оружие, но и марки, а также редкие старинные вазы. Об оружейной коллекции генерала его жена писала следующее: «Генерал любил оружие, весь его кабинет был им увешан. Муж знал толк в клинках и никогда не упускал случая приобрести старинное, хорошее оружие[…]. Самой любимой коллекцией генерала Ренненкампфа была, конечно, коллекция оружия[…]. Трудно даже сказать, сколько старинного оружия было в коллекции мужа – оно занимало все стены его огромного кабинета. Имелись очень редкие экземпляры сабель, шашек, кинжалов».[3]

Ещё одним распространённым хобби в высших армейских кругах была *военная публицистика*. Очень многие генералы проявляли свои теоретические наработки и наблюдения на страницах военных журналов и газет, а также выпускали отдельные литературные труды по разнообразным вопросам, касающимся вооружённых сил. Подобным литературным увлечением занимались не только отставные военачальники, но и генералы, находящиеся на действительной военной службе, причём последних, было большинство. Более того, в апреле 1907 г. было учреждено Императорское русское военно-историческое общество (ИРВИО), целью которого провозглашалась популяризация изучения военной истории Российского государства. ИРВИО при-

[1] Там же. Л. 212.
[2] Мордвинов А.А. Указ. соч. С. 125.
[3] Фон Ренненкампф В.Н. Указ. соч. С. 32, 41.

влекло в свои ряды многих генералов российской армии, особенно тех, кто имел высшее военное образование. Так, именно в списке на 1-ое января 1912 г., содержащем наиболее подробные сведения о членах общества, зафиксированы 38 полных генералов (из 130 имевшихся в России на 1 июня 1911 г.), 107 г.-лейтенантов (из 325) и 189 г.-майоров (из 914). Всего список насчитывал 334 генерала.[1]

Наряду с достаточно распространёнными предпочтениями в свободное от службы время (карточные игры, скачки, охота, военная публицистика) многие российские генералы времён Николая II увлекались *самыми разнообразными* занятиями. Отдельные увлечения были приземленными до животного примитивизма, например, любовь вкусно и сытно поесть. К указанному отрезку времени в обоих столицах активно развивался ресторанный бизнес (рост которого начался с 80-х гг. XIX в.: к 1905 г. только в С.-Петербурге насчитывалось 66 ресторанов; к 1911 г. их число увеличилось до 107), повлекший за собой появление значительного числа фешенебельных ресторанов, позволяющих не только вкусно и сравнительно дешево для представителей высших социальных кругов поесть, но и определенный спектр возможностей скоротать досуг. Из столичных ресторанов рубежа веков можно выделить: в Москве – «Альпийская Роза» (на Софийке), «Яр» и «Апполо» (оба в Петровском парке), «Прага», «Эрмитаж», «Leon d'or» и ряд др.; в С.-Петербурге – «Кюба» (наиболее популярный ресторан, переименованный накануне войны в «Restaurant de Paris»), «Медведь», «Донон», «Эрнест», «Вилла Родэ», гостиничные рестораны «Астория» и «Европейский».

Стоимость ресторанного питания для представителей правящего класса в целом была приемлемой, хотя, безусловно, непосильной даже для младших гвардейских офицеров. Но представители аристократии и отдельных групп генералитета могли себе позволить, не только спорадическое, но и регулярное посещение ресторанов. Если анализировать цены, то стоимость обеда в

[1] Бориснев С.В. Деятельность Императорского русского военно-исторического общества 1907-1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2007. № 5. С. 44.

10-х гг. XX в. колебалась от 75 коп. до 1 руб., при этом самые дорогие обеды в ресторанах «Кюба», «Медведь», «Донон» и «Эрнест» не превышали 3 руб. Размер цены завтрака в свою очередь составлял от 40 коп. до 1 руб. 25 коп. Однако в фешенебельных ресторанах были крайне дорогие вина, значительно превышавшие как магазинную стоимость (в 4-5 раз), так и стоимость вин в ресторанах за границей. Так, стоимость бутылки шампанского составляла 15-20 руб., бутылки крымского или кавказского вина – 1 руб., а рюмки лимонной водки 50 коп.[1]

Другие увлечения отличались экстравагантностью и демонстрировали неординарные и даже выдающиеся качества отдельных генералов. К величайшему сожалению, последние были в меньшинстве.

Примером представителя первой группы может служить начальник штаба 25-го армейского корпуса (в феврале – августе 1914 г.) г.-майор Л.В. Федяй (г.-майор с 1907 г.; в 1916 г. – г.-лейтенант). В.П. Кравков вспоминал, что уже в условиях ведения боевых действий в начале августа 1914 г. генерал не отказался от «комфорта и удобства» и возил с собой «всю домашнюю обстановку»[2], при этом штаб двигался за корпусом на расстоянии целого перехода[3]. Василий Павлович отмечал, что в одном из разговоров командир 25-го армейского корпуса генерал от инфантерии Д.П. Зуев в отношении Л.В. Федяя признался в следующем: «Я его хорошо узнал… Где надо было показать Москву – он указывал Петербург, любил лишь побольше и вкуснее пожрать, да по просторнее и шикарнее занять для себя помещение…».[4] В данном случае речь идет не только о любви к комфорту и кулинарных пристрастиях генерала, но и о его профессиональной пригодности, что еще раз подтверждает суждение о том, что окончание НАГШ (в том числе и по 1 разряду [5]) не превращало среднестатистического офицера в носителя «академического сакрального» знания и представителя военной интеллектуальной элиты и тем

[1] Хмельницкая И.Б. Указ. соч. С. 51.
[2] Кравков В.П. Указ. соч. С. 25.
[3] Там же. С. 33.
[4] Там же. С. 37.
[5] Генерал Л.В. Федяй окончил 2-е КВУ и НАГШ по 1 разряду (см.: СГС, 1914. СПб., 1914. С. 478).

более так называемой «военной интеллигенции». Такие «Федяи» были в русской армии не единичным явлением. В конечном итоге все зависело от конкретного человека и его желания к профессиональному росту и самосовершенствованию. Примечательно, что к указанному представителю «военно-интеллектуальной элиты» уже в первые месяцы войны прочно пристало прозвище «Пердяй». Следует отметить, что В.П. Кравков выражает крайний скепсис в отношении профессиональных способностей генерала Д.П. Зуева, выпускника ПК, офицера л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, также окончившего НАГШ по 1 разряду.[1]

Примечательно, что после ряда грубейших ошибок и Федяй, и Зуев были отстранены от занимаемых должностей. При этом Федяй «не унывал». В.П. Кравков отмечал, что «отстраненный» генерал «…трижды жрет обеды и столько же - завтраки и ужин; живет с комфортом, в жертву к[ото]рому раньше приносил все вверенное ему дело».[2] Позднее «проштрафившийся» генерал пошел на повышение, что было своеобразным трендом для всех армий Антанты. Как отмечал канадский исследователь Джон Ролстон Сол, «некогда в Англии адмиралов вешали за то, что они проигрывали сражения. Начиная с 1914 года западные государства вместо этого вешают медали на грудь некомпетентных командующих».[3] Аналогичные рассуждения мы встречаем и у уже упоминавшегося В.П. Кравкова. Он отмечал: «Зуев же получил 26-й корпус; наверное, и «Пердяя» устроят на теплое местечко… Война, война, в каком священном ореоле юное воображение себе ее рисует, а она, в сущности, для командного состава сверху донизу есть только ресурс кормления, и всякий из офицерских чинов старается быть ею заинтересованным не более как дойной коровушкой…».[4] Первая мировая война стала своеобразным соревнованием на тему того, какое количество людей («солдатско-

[1] СГ, 1914. СПб., 1914. С. 116.
[2] Кравков В.П. Указ. соч. С. 43.
[3] Сол Дж.Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. / Пер. с англ. А.Н. Сайдашева. М., 2007. С. 292.
[4] Кравков В.П. Указ. соч. С. 61.

го пушечного мяса») угробят «военные интеллектуал»-выпускники военных академий.

С другой стороны, следует отметить, что среди российского генералитета были не только «Федяи», но и немало талантливых и незаурядных людей. Так, г.-инженер Ц.А. Кюи, профессор Военно-инженерной академии, преподавал фортификацию в МАА и в НАГШ, являлся автором ряда трудов по полевой и долговременной фортификации, также хорошо известен как композитор и музыкальный критик, был создателем ряда музыкальных произведений, которые пользовались успехом у публики. Г. от инфантерии Е.П. Вишняков прославился как замечательный фотомастер.[1] Военный министр г. от инфантерии А.Ф. Редигер любил проводить свой отпуск за столярной работой, для этого даже нанял столяра, чтобы основательно обучиться этой профессии. Г.-майор М.А. Иолшин увлекался полётами на воздушном шаре.[2]

Встречались также генералы-изобретатели и рационализаторы. Образцом подобного неординарного офицера можно считать НШ войск Гвардии и СПб. ВО г.-лейтенанта Г.Р. Васмунда. Ему приписывается изобретение двухъярусной печи, так называемой «печи Васмунда» («печь для рациональной выпечки хлеба»), для полковых хлебопекарен позволявшей значительно экономить дрова.[3] Кроме этого, генерал разработал для гв. частей более удобный образец походного ранца. Васмундом также были сформулированы, апробированы и в конечном итоге внедрены новые принципы обучения стрельбе. Н.А. Епанчин отмечал, что Георгий Робертович: «[…] был блестящим исключением среди нашего генералитета».[4]

Следует отметить, что карьерный рост российского офицера чаще всего не обозначал его профессиональный рост. Значительная часть представителей российского генералитета после окончания военных училищ, как прави-

---

[1] Никитин В. Генерал-репортер. // Родина. 1990. № 5. С. 70-71.
[2] РГВИА. Ф. 400. Оп. 13. Ед. хр. 87. (1911 г.). Л. 1-31.
[3] Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 251. Введение данного изобретения в эксплуатацию было осуществлено Приказом по войскам Гвардии за № 27 от 1887 г. (См.: Усовершенствованная русская печь генерала Васмунда. - http://www.hleb.net/russkaja-pech/usovershenstvovannaja/usovershenstvovannaja.html).
[4] Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 250.

ло, имела опыт работы «в поле», но при этом практически не отслеживала новые тенденции в военном деле.

На сегодняшний день в ряде работ военных историков (преимущественно молодых) можно встретить рассуждение на тему о том, что военный профессионализм старших офицеров может определяться обучением в том или ином учебном заведении (причем если для курса отдельных академий это может быть в какой-то мере и правомерно, то для военных и, более того, юнкерских училищ это выглядит малоубедительным). В данном случае следует помнить о том, что мы имеем дело с некой условной корпорацией («генералы»), представители которой к моменту получения генеральского звания уже достаточно долго служили - от 10 и до, в отдельных случаях, 30 лет (при этом не обязательно в строю; часть аристократии прибывала в долгосрочных отпусках или «состояла в распоряжении» представителей правящего Дома) и, как мы отмечали выше, имела только опыт «работы в поле». В то же время военное искусство не стояло на месте, а стремительно развивалось.

Военный опыт, безусловно, был полезен, но в данном случае речь должна идти скорее о том, что условно может быть названо «обстрелянностью». Многие г.-лейтенанты и г.-майоры начала XX в., имевшие опыт кампании 1877-1878 гг., в период ее проведения были штабс-капитанами/штабс-ротмистрами или, в лучшем случае, капитанами и, как следствие, имели «смутное представление» о том, как должен вести себя на поле боя генерал (такие *Man of Valor,* как генерал О.-Ф. К. Гриппенберг, были исключением из правила).

Так, в период русско-турецкой войны звание *штабс-капитана (штабс-ротмистра) или капитана* имели следующие генералы, возглавлявшие русские армии (как воинские соединения) к моменту их использования в боевых действиях (с 1 по 13-й) в годы Первой мировой войны: П.К. Ренненкампф (1-я армия) в 1877 г. - штабс-ротмистр; А.Е. Зальца (4-я армия) в 1877 г. – капитан (при этом адъютант Главнокомандующего Кавказской армии в. к. Михаила Николаевича; П.А. Плеве (5-я армия) в 1877 г. – штабс-ротмистр, офицер

л.-гв. Уланского Его В. п.; К.П. Фан-дер-Флит (6-я армия) в 1877-1878 гг. – капитан; В.Н. Никитин (7-я армия) в 1877-1878 гг. – капитан; А.Н. Селиванов (11-я армия) в 1877 – капитан; П.А. Плеве (12-я армия) в 1877 г. – штабс-капитан л.-гв. Уланского Его В. п.; В.Н. Горбатовский (13-я армия) в 1877 – штабс-капитан.

События 1914-1915 гг. показали, что все российские генералы, включая тех кто имел опыт кампаний 1900-1901 и 1904-1905 гг., оказались не готовы к войне.[1] Кроме фактора образования и боевого опыта (а в отдельных редких случаях самообразования), можно рассуждать о «военной учебе для генералов»: военных учениях, маневрах и играх эпохи Александра III – Николая II. Зачастую эти «игры» приобретали характер откровенного «очковтирательства» (генералы буквально бились за «монаршее благоволение» и всевозможные милости, при этом у одной из сторон «по дружбе» или за определенные услуги могли оказаться диспозиция или планы проведения маневров). В качестве примера можно привести воспоминания генерала Н.А. Епанчина, который описывал подобную махинацию, осуществленную во время больших маневров 1888 г. генералами Я.И. Овандером (начальником артиллерии Гвардейского корпуса с 1880 по 1889 гг.) и его приятелем Н.И. Бобриковым (НШ СПб. ВО и войск Гв.). Против Я.И. Овандера «играли» опытный боевой генерал О.Е. Раух (кавалер ордена св. Георгия III ст.; начальник 22-а пехотной дивизии) при начальнике штаба, будущем военном министре полковнике В.В. Сахарове. В конечном итоге «Бобриков, как начальник штаба округа, получил диспозиции обеих сторон и ориентировал Овандера, спасая его от катастрофы».[2] Несмотря на ухищрения генералов-«махинаторов» О.Е. Рауху все-таки удалось поставить Я.И. Овандера в отчаянное положение. По понятным причинам практическая ценность подобных маневров была сомнительна.

[1] См.: Макаров Ю.В. Указ. соч. С. 127.
[2] Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 170.

Вышесказанное можно подытожить словами американского социолога Ч.-Р. Миллса в отношении американского генералитета. Одним из признаков подлинного «генеральского» профессионализма Ч.-Р. Миллс назвал умение «вселить в других чувство уверенности своим умением вести себя так, будто он», генерал, «понимает, что происходит в путанице боя».[1] Примечательно, что во время Первой мировой войны значительная часть русских генералов от военной элиты так и не успела продемонстрировать указанное «умение».

Возвращаясь к теме «генеральской повседневности», следует отметить, что значительная часть генералов полностью уделяла своё свободное время семье. Таковым был г.-лейтенант М.В. Алексеев - семьянин до крайности. Современники отмечали, что «будучи занятым по горло», его неоднократно встречали по утрам, когда он отводил детей в школу. Алексеев был крайне религиозен, он исправно и, видимо, искренне посещал всенощные обедни и молился в церкви при Главном штабе «истовым крестом».[2] В эпоху бурного развития предпринимательства и коммерции, каковыми характеризуется начало XX в., генералитет российской императорской армии, несмотря на свою состоятельность, целенаправленно игнорировал экономическую сферу деятельности. Это было связано с тем, что значительное число представителей армейского и флотского начальства неприязненно относилось к собратьям, позорившим мундир и сословие (подавляющее число генералов, как мы выяснили, были дворянами) «недворянскими» занятиями. Участие представителей генералитета из «благородного сословия» в коммерческих делах сводилось в основном к посредничеству при добывании выгодных концессий, права на которые переуступались подрядчикам. Генералы, в чьей собственности находились имения, заводы, фабрики, заведовали ими через нанятых управляющих, но сами непосредственно в эти дела не вмешивались. Если учитывать, что высокопоставленные военные чины в силу своего социального положения имели многочисленные связи в кругах влиятельных са-

[1] Миллс Ч.-Р. Властвующая элита. М., 2007. 19510.
[2] Егорьев В.Н. Из больших знакомств. // Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С. 82.

новников, пользовались покровительством в различных ведомствах и правительственных департаментах (не говоря уже о провинции), то это нередко способствовало всяким махинациям, связанным с предпринимательской деятельностью.

Интересны жалобы офицера гвардии в запасе дворянина М.М. Ляшенко на придворного генерала, владельца Усть-Катавского завода князя Э.К. Белосельского-Белозерского, которому он помог не только получить на выгоднейших условиях заказ на изготовление «трубчатых вагонов», но и нашел, пользуясь своими связями, группу бельгийцев, согласившихся вложить в предприятие князя капитал. Предприниматель потратил на устройство дела много сил и средств. За заслуги Ляшенко причиталось 25 тыс. руб., акциями новообразованной кампании на сумму 400 тыс. франков и избрание в члены правления. Но, вопреки договорённости, соглашение было заключено за спиной обманутого посредника, который затем два года пытался заставить князя выполнить свои обещания. Обманутый «посредник» упрекал генерала «[…] в неисполнении данного слова, в нежелании оправдать доверие, которое внушало, прежде всего, его высокое положение и близость его к Источнику чести, правды и справедливости - к Престолу». В свою очередь князю данная операция принесла в общей сложности более 1 млн. рублей.[1]

В 1906 г. в Орловской губернии у участника русско-японской войны г.-майора Гарнака сгорел его маслобойный завод. Местные власти были уверены в поджоге. Однако завод был застрахован, и, чтобы получить от Московского страхового общества пожарное вознаграждение, требовалось представить удостоверение о прекращении следственного производства в подтверждении того, что в поджоге никто не обвиняется. В итоге дело пришлось прекратить по просьбе самого Гарнака.[2]

[1] Курков К.Н. Дворяне-предприниматели в России начала XX века. // Вопросы истории. 2006. № 5. С. 109.
[2] ГАОО. Ф. 635. Оп. 1. Ед. хр. 286. Л. 26.

Крупнейшим помещиком был командир ГК генерал М.В. Безобразов, владелец имения в 6 тыс. десятин и золотых приисков в Сибири.[1] Генералу А.М. Королькову в 1914 г. принадлежали две «заявки» из четырёх на добычу нефти на землях С. Новые Алды Терской области[2] - весьма перспективный источник дохода.

Ряд генералов перед Первой мировой войной владел значительными капиталами и обладал земельной или недвижимой собственностью. К таковым, по свидетельству современников, относился генерал князь Ф.Ф. Юсупов граф Сумароков Эльстон. Как писал о нем «семеновец» Макаров, «[…] командир гвардейского кавалерийского полка, разъезжающий по Петербургу в великолепной коляске, являвшийся одним из десяти самых богатых людей в России».[3] Сын князя Ф.Ф. Юсупова, Феликс, вспоминал, что самым большим имением их семьи являлось село Ракитное в Курской губернии. Князь пишет: «Держали тут кирпичный завод, сахарную фабрику, сукновальню, лесопилку, разводили скот. Посреди стоял дом управляющего с хозяйственными пристройками. Всякое хозяйство – конные заводы, псарни, овчарни, курятники – имели свое управление. Лошади с наших заводов не раз брали первые призы на бегах в Москве и Петербурге».[4]

Феликс также отмечал, что у семьи была собственность и в Крыму («было несколько владений»), где они ежегодно отдыхали. Отец владел двумя имениями в Кореизе («на самом побережье») и Кокозе («в долине меж гор»), кроме этого, имелся дом в Балаклаве, где семья ни разу не жила. Командир л.-гв. Кавалергардского полка прославился еще и тем, что подарил своей супруге в один из дней рожденья самую высокую на полуострове гору Ай-Петри.[5] Председателю военно-окружного суда г.-лейтенанту барону Э.Р. Остен-Сакену принадлежал почти целый полуостров Донданген - северная оконечность Курляндской губ. Это было огромное майоратное имение в 80

[1] Зайончковский П.А. Офицерский корпус русской армии перед первой мировой войной. // Вопросы истории. 1981. № 4. С. 27.
[2] Курков К.Н. Указ. соч. С. 107.
[3] Макаров Ю.В. Указ. соч. С. 157.
[4] Юсупов Феликс. Указ. соч. С. 85.
[5] Там же. С. 88.

тыс. десятин земли, из которых только один лес занимал территорию в 33 тыс. десятин.[1]

Еще одним владельцем «острова» был г.-лейтенант князь К.Э. Белосельский-Белозерский. Кроме нескольких заводов на Урале, князю принадлежало право собственности на Крестовский остров в СПб. Вследствие неэффективного управления собственностью князь попросил Николая II «установить над ним особое, *вне общих правил*, опекунское управление» (с данной просьбой он обратился к императору в 1903 г.). Накануне Первой мировой войны князю удалось продать часть острова за 5 млн. руб.

Примечательно, что в списке 42-х крупнейших землевладельцев империи на 1900 г., имевших в собственности более 100000 дес. земли, мы встречаем 8 фамилий генералов, принадлежавших к высшим слоям русской аристократии и военно-политической элиты империи. При этом 7 генералов служили в российской императорской гвардии (4 офицера начинали службу (или на отдельном отрезке карьеры служили) в л.-гв. Кавалергардском, 1 – в л.-гв. Гусарском Его В. полках). Кроме этого, в этом списке числились два полковника (также кавалергарда), которых мы с полной уверенностью можем отнести к высшим слоям властной элиты Российской империи (В.А. Пашков и граф С.Д. Шереметьев). Общая статистическая совокупность данных офицеров составляла 10 чел., или 24% от генеральной совокупности. Статистические особенности указанной группы представлены нами в приложении 101 (см.: приложение 101).

Таким образом, даже на начало XX в. гв. генералы-«аристократы» оставались богатейшими людьми империи. При этом, справедливости ради, следует отметить, что отдельные персонажи, подобные князю К.Э. Белосельскому-Белозерскому, «тяготились» своим богатством в силу элементарного неумения сориентироваться в механизмах управления им в условиях стремительно развивающихся капиталистических отношений. Крайне тяжело дава-

[1] Ишеев П.П. Осколки прошлого. Воспоминания 1899-1959. Нью-Йорк, 1959. С. 69.

лась хозяйственная жизнь (в первую очередь управление имением) кавалергарду и активному члену «Священной дружины» С.А. Панчулидзеву[1].

Он «влез» в серьезные долги для того, чтобы поправить свое пошатнувшееся материальное положение (в том числе и убыточный характер имения, которое было заложено[2]). Образ действий офицера может быть охарактеризован следующими извлечением из его писем жене: «Я ничего тут не понимаю».[3] В другом месте он пишет: «У меня идет голова кругом от той лавины работ, которую мне надо исполнить до отъезда и, в конце концов, я не знаю, за что приняться и бросаюсь от одного дела к другому».[4]

Примечательно, что одним из спасителей С. Панчулидзева был его сослуживец, более чем успешный помещик и землевладелец П.П. Скоропадский (Панчулидзев отмечает, что должен ему 150 руб.[5]), который был еще вдобавок ко всему женат на дочери одного из крупнейших латифундистов империи генерала П.П. Дурново (на 1900 г. владел 123600 дес. земли), Александре Петровне. Текст одного из писем С. Панчулидзева приводится в приложении 89 (см.: приложение 89).

Другие офицеры и генералы пытались сопротивляться «духу капитализма». Выдающийся хозяйственный талант в сочетании с элементами военной смекалки пришлось продемонстрировать, спасая свою усадьбу, Д.И. Гурко, после того как он получил часть наследства от матери в 1908 г.[6] Генерал вспоминал, что за 10 последних (до 1908 г.) лет имение принесло владельцам убыток в 10000 руб. Гурко полностью восстановил и даже нарастил мощности (кроме этого, купил улей, двух лошадей, увеличил число дойных коров). Как писал офицер, он настолько увлекся, что в нем проснулся «атавизм» обращенный к занятиям предков. При этом Дмитрию Иосифовичу пришлось вести настоящую войну против местных крестьян, которые актив-

[1] Прошел курс обучения в НАГШ, но закончил ее по 2 разряду.
[2] РГИА Ф. 1652. Оп. 1. Д. 79. Л. 15.
[3] Там же. Л. 16.
[4] Там же. Л. 149.
[5] Там же. Л. 15.
[6] Следует отметить, что звание г.-майора он получил в 1915 г.

но бойкотировали сельскохозяйственные работы, пытались поджечь мельницу, сожгли баню.[1]

В то же время в среде военной элиты империи существовал и другой тип генерала, который можно определить как тип дельца и даже дать современное определение: «предприниматель». По понятным причинам такой тип поведения шел в разрез с устоявшимися стереотипами восприятия генерала, да и вообще офицера, существовавшими в «старой России». Были отдельные случаи (данная тенденция носила характер единичных прецедентов), когда генералы, оставив службу (выйдя в отставку), активно включались в предпринимательскую деятельность и претворяли в жизнь весьма оригинальные, более того неординарные, экономические проекты, при этом они не гнушались тем, чтобы учиться вести хозяйство в соответствии с научными методами и читать соответствующую литературу.[2]

Итак, перед 1914 г. основной массив генералов российской армии происходил из сословия потомственных дворян, играл одну из ведущих ролей в рамках управления и опоры империи.

Проведенный нами анализ быта и повседневности представителей военной элиты позволяет составить условный перечень типичных для данной социальной группы внеслужебных пристрастий и хобби:

1)карточная игра (бридж, покер, преферанс и др.). Как правило, карточные игры имели ярко выраженный коммерческий характер;

2)игра на бильярде;

3)игра на Бирже. Как правило, требовала капитала, определенных финансовых навыков и связей в финансовых кругах;

4)охота;

5)рыбная ловля. Менее популярный, но также спорадически встречающийся род времяпрепровождения;

---

[1] Гурко Д.И. Воспоминания генерала. // Указ. соч. С. 329-335.
[2] Там же. С. 329.

6)конный спорт (участие в тотализаторе). Ряд генералов разводил лошадей как для спорта, так и на продажу в том числе и для строевой службы. Кроме коневодства, популярностью пользовалось приобретение и разведение породистых собак, преимущественно для охоты;

7)еще одним видом и спорта, и развлечения являлся популярное с нач. XX в. увлечение автомобилизмом. При этом автомобиль воспринимался еще и как элемент социального статуса (с 1903-1905 гг.; особенно когда появились у царя);

8)кроме этого, в отдельных случаях встречалось банальное увлечение физической культуры в формате обычной гимнастики и атлетики, которую отдельные офицеры продолжали делать уже в солидном возрасте (на рубеже XIX – XX вв. гимнастика начинает широко практиковаться в войсках среди нижних чинов; еще раньше она была введена в кадетских корпусах, юнкерских и военных училищах). По замечаниям исследователя И.Б. Хмельницкой, к 1913 г. в России из 506 спортивных обществ 182 занималось «легкой и тяжелой атлетикой и гимнастикой».[1]

Подавляющая часть людей, увлекавшихся гимнастикой, практиковала сравнительно скудный набор упражнений, без очевидного осознания из воздействия на организм, то есть по сути – бессистемно. Но и этот набор уже позволял поддерживать тело в неплохой физической форме. Безусловно, гимнастику практиковали и в офицерской среде, в том числе и среди генералов[2];

8)к достаточно часто встречающейся разновидности увлечений также можно отнести так называемую «театральную жизнь»: для значительной части офицеров (и генералы в данном случае не являлись исключением) театр,

[1] Хмельницкая И.Б. Указ. соч. С. 223.
[2] См., например: Скоропадский Павел. Мое детство на Украине. // Павло Скоропадський. Спогади. Кінец 1917 – Грудень 1918. / Головний редактор Ярослав Пиленьский. Кіив-Філадельфія, 1995. С. 398.

а затем и опера, были своего рода зависимостью, что в целом было характерно как для столичной жизни, так и для провинции[1];

9)«модные занятия»: музыка и музицирование, живопись, фотография. К данной группе пристрастий также можно отнести публицистическую деятельность (как военно-публицистическую, так и разного рода сочинительство: проза, стихосложение, эпиграммы и др.);

10)коллекционирование. В данном случае мы можем говорить о сравнительно широком круге интересов. Это могли быть коллекции произведений искусства (фарфор, живопись, скульптура, различные виды антиквариата). Наиболее богатые офицеры собирали произведения ювелирного искусства. Весьма распространённым было коллекционирование оружия, преимущественно холодного;

11)клубы и фешенебельные рестораны с их особым микромиром и досуговой средой. Сюда же можно отнести посещение элитных курортов как с целью развлечения, так и по причине проблем со здоровьем. Как правило, если курорты посещались за пределом формата семьи, возможны были различные комбинации времяпрепровождения: дамское общество, карты, рестораны и т.д. Военно-политическую элиту «тянуло» в места отдыха сильных «мира сего», преимущественно великих князей.

Следует отметить, что даже для представителей военно-политической элиты империи эпохи Николая II, когда происходит стремительная девальвация профессии военнослужащего и сопровождающей ее системы аттитюдов, были не чужды понятия «честь» и «доброе имя». По этому поводу в своей весьма нашумевшей книге «Новый путь современного офицера» подполковник ГШ М. Галкин выделяет несколько основных качеств, свойственных «современному» офицеру: твердость воли и неустрашимость; верность слову; жажда славы и истинное честолюбие; обладание честью (подполковник подчеркивает: «Честь – святыня офицера, она – высшее благо, которое он обязан

[1] Примечательно, что в г. Орле для командира 17-го Черниговского гусарского полка в. к. Михаила Александровича в местном театре была специально «организована» «отдельная от других великокняжеская ложа» (см.: Мордвинов А.А. Указ. соч. С. 336).

хранить и держать в чистоте»[1]); справедливость; «любовное отношение ко всем солдатским добродетелям»[2]. Сложно ответить, насколько представители высшей военно-политической элиты, погрязшие в дворцовых интригах и карьеризме, соответствовали идеалу, заявленному М. Галкиным.

12)наконец, отдельные генералы «баловались наукой», изобретательской деятельностью, рационализаторством.

Таким образом, круг пристрастий военной элиты империи был не столько обширен, сколько типичен для своего времени. При этом можно было выделить отдельные фигуры, что в целом все-таки являлось больший редкость, которые буквально погрязли в лени и абсолютном безразличии к выполнению своего профессионального долга. Подобный пример являл собой командир 1-й бр. 1 ГКД С.Е.И.В. г.-майор А.Н. Николаев. Являясь сыном г.-майора Н.И. Николаева, он всю жизнь прослужил в л.-гв. Кавалергардском п. (с 1869 по 1891 г.). А с 1896 по 1900 г. командовал кавалергардами.[3]

Примечательна оценка, данная великосветской дамой графиней М. Клейнмихель Николаеву в молодости: «[…] мне не раз приходилось встречаться с этим маловоспитанным офицером, так как он был любимец столичного общества и смерть его оплакивалась значительно более, чем смерть какого-нибудь великого полководца. Мне кажется, что такой молодой человек не мог бы нигде за границей пользоваться каким бы то ни было успехом. […] Николаев особенно выделялся в таком обществе; смеялись над его скверным французским говором, над его необразованностью. Его некультурность послужила основой его успехам, что нередко случалось в нашей полной противоречий жизни».[4]

Таким образом, перед нами типичный представитель «военной аристократии», значимость и статус которого в качестве «рядового офицера» первого полка гв. была значительно выше статуса «рядового» генерала. Графиня

---

[1] Там же. С. 22.
[2] Там же. С. 23.
[3] Сборник биографий кавалергардов. 1826-1908 г. г. … - С. 35.
[4] Клеинмихель М.Э., графиня. Дворцовые интриги и политические авантюры: записки Марии Клейнмихель. М., 2014. С. 157-158.

М. Клейнмихель отмечает, что после вступления в Яхт-Клуб, Николаев «втерся в доверия» к влиятельным лицам и даже смог обязать их себе. Особо сильное влияние он имел на великую княгиню Марию Павловну, которая в конечном итоге выхлопотала для него свитское звание флигель-адъютанта. После вступления в должность командира полка, а затем 2-ой и 1-ой гв. кавалерийских бригад Николаев практически перестал выполнять свои служебные обязанности.[1] В лице Николаева мы можно выделить еще один тип представителей «военной элиты» российской империи: человека активно и, как он сам говорил, «шикарно» прожигающего свою жизнь в абсолютной праздности. В этом плане сложно себе его представить на поле бое.

Резюмируя вышеизложенные соображения, отметим, что отправной точкой при изучении императорской гв. заявленного отрезка времени следует считать анализ личностных особенностей главы СПб. ВО и войск Гв. в. к. Владимира Александровича. Столь пристальное к нему внимание обусловлено, во-первых, продолжительным пребыванием его в указанной должности, что не могло не породить эффект социальной и психологической стабильности и даже оформления некоего набора традиций, во-вторых, в. к. длительное время оставался «вторым человеком» в империи и, как следствие, его влияние на политическую жизнь страны было колоссальным. Инструментом этого влияния, безусловно, становились военные чиновники ГК – гв. по-прежнему, и во многом благодаря в. к., оставалась едва ли не единственной надежной опорой трону (именно он убедил императора не отправлять ее отдельные полки на ТВД кампании 1904-1905 гг.). При этом следует учитывать механизм взращивания «верности» в гв. офицере. Это процесс был во многом детерминирован характером командования, стиль и «духовное содержание» которого определялись личностью в. к.

Следует подчеркнуть, что для Владимира Александровича был характерен более зрелый, хотя, возможно, и менее эффективный стиль работы с подчиненными, именуемый в социальной психологии soft skills. Именно он

[1] Там же. С. 158-159.

способствовал «успеху» в. к. как «доброго барина», окруженного «всеобщей любовью» подчиненных. В этом плане показательна кадровая политика в. к., который всегда окружал себя людьми исполнительными и в достаточной степени профессиональными, но не всегда нравственно чистоплотными.

В то же время некоторые исследователи склонны полагать, что Владимир Александрович уклонялся от выполнения своих обязанностей, переложив бремя управления округом на плечи своих подчиненных. В. к. действительно вел «богемный образ» жизни. Являясь высокообразованным человеком, не чуждым эстетическим переживаниям и изыскам, будучи вхожим в среду деятелей различных отраслей искусства и принятый в этой среде в качестве «своего», он был вынужден вести внутреннюю психологическую борьбу между личностью холодного и прагматичного военного чиновника, ответственного за национальную безопасность страны, и «человека высокого искусства», движимого внутренними страстями, яркими переживания, эксцессами. Это раздвоение личности в какой-то мере снималось достаточно высоким культурным уровнем офицерства императорской гв., несшего на себе ощутимый отпечаток аристократического воспитания минувших дней, окружавшего в. к. Таким образом, Владимир Александрович олицетворял собой «уходящую эпоху», наполненную «куртуазной мифологией прошлого».

Следует отметить, что Престол окружала крайне неоднородная группа «военной знати». Наряду с великими князьями, имевшими все возможные военные регалии и звания «по праву рождения», была группа аристократии, которая могла рассчитывать на «автоматическое» получение генеральского звания. Особое место в ней принадлежит титулованной аристократии. Подавляющая часть «военной знати» к указанному отрезку времени продолжала связывать свой жизненный путь и карьерные устремления с императорской гв., формируя особый слой «гв. генералитета», который составлял основной компонент военно-политической и военной элиты. Проникновение в гв. было детерминировано «полковыми традициями», процесс оформления которых занял более столетия. С определенной степенью уверенности можно утвер-

ждать, что гв., в формате наиболее престижных полков, сохраняла характер социальной структуры «закрытого типа». По мере того, как НАГШ и ОШ становились основным трамплином для карьерного «скачка в генералитет», гв. офицеры получали преимущество при поступлении в них, а затем при получении полков и более крупных соединений.

Высший эшелон военно-политической элиты был представлен г.-инспекторами различных родов войск, офицерами, стоящими во главе войск Гв. и СПб. ВО, а также ГК. Нижний уровень военно-политической элиты состоял из командиров ГКД и ГПД. Социальный вес и авторитет представителей данной категории был значительно выше прочих генеральских корпораций.

Должность командира гв. бригады можно считать неким пограничьем между военной и военно-политической элитой, своеобразным мостиком на вершину политического Олимпа империи. К началу правления Николая II указанная группа гв. начальников превратилась в *своеобразную декорацию* к отдельным частям, ритм и «качество» жизни в которых во многом определялся полковыми командирами. «Командиры» гв. полков составляли нижний слой военной элиты империи. Указанная должность открывала значительные перспективы для проникновения в высшие слои «политического Олимпа» страны.

Можно утверждать, что основной массив российских и, в первую очередь, «гв.» генералов, происходил из сословия потомственных дворян (в гвардии был значительный процент выходцев из аристократии: русской, остзейской, кавказской, среднеазиатской), играл одну из ведущих ролей в управлении страной и являлся опорой империи.

Проведенный нами анализ быта и повседневности представителей военной элиты позволяет составить *условный перечень* типичных для данной социальной группы внеслужебных пристрастий и хобби: различные виды коммерческих игр; охота и рыбная ловля; спорт; театр («театральная жизнь»); «модные занятия» (музыка и музицирование, живопись, поэзия и

литература, фотография); коллекционирование; посещение клубов и фешенебельных ресторанов; попытки (и зачастую успешные) ведения научной деятельности.

И все же основная масса генералов не выходила за пределы своих профессиональных обязанностей, а в свободное время была склонна к праздному образу жизни в полном объеме, используя преимущества своего статуса и соответствующих ему привилегий. Таким образом, стиль повседневной жизни и круг пристрастий анализируемой социальной категории был не столько обширен, сколько типичен для своего времени и в целом совпадал с пристрастиями влиятельных аристократических родов и отдельных групп политической и культурной элиты империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексное изучение «военной» и «военно-политической» элиты Российской империи как социального феномена, а также определение места офицерского корпуса российской императорской гвардии в период правления Александра III – Николая II позволяет прийти к следующим выводам.

В отечественной исторической науке полная стратификация военно-политической и военной элиты Российской империи до сих пор не была проведена. В данном диссертационном исследовании выделены и изучены институциональные условия функционирования и динамики основных групп военно-политической и военной элиты. Полученные сведения были обобщены в таблице № 50 (см. таб. 50).

Таблица № 50

Основные группы членства военно-политической и военной элиты Российской империи 1881-1914 гг.

Кластеры военной и военно-политической элиты; основные обоймы	**Основные категории военной и военно-политической элиты**	**Представители категорий военно-политической и военной элиты**	**Воинское звание**
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ЭЛИТА (ОСНОВНЫЕ СТРАТЫ)			
1.Военно-политическая элита	Представители правящего дома	Великие князья, герцоги, принцы	Вне зависимости
	Аристократия	Князья, графы, бароны, принцы (связанные с военным ведомством)	Старшие офицеры
	Свита Е.И.В.	Как правило, пополнялась по двум каналам: 1)наиболее приближенные к престолу аристократические фамилии; 2)«боевые офицеры»: кроме свитского звания до эпохи Александра III практиковалось пожалование графским титулом.	Старшие офицеры, генералитет
	Высшая военная бюрократия	Члены ВС, военный министр (сюда же целесообразно отнести и военно-морского министра), командующие ВО, военные генерал-губернаторы, атаманы казачьих войск, высшие чины военного министерства	Полные генералы, г.-л.
2.Военная элита	Высший генералитет, значительная часть старших офицеров императорской гвардии (в данном случае следует обратить внимание на то, что гвардия выступала и как элитосодержащая, и	1)генерал-инспекторы родов войск; 2)командующие корпусами, дивизиями, бригадами, с опр. оговоркой полками (в этой группе необходимо выделить высший командный состав Гвардейского корпуса); 3)нач. ГШ/Главного штаба; высшие офицеры ГШ.	От полных генералов (ген.-фельдмаршалов) до г.-м.

	как элитогенерирующая среда	4)к данной группе также можно отнести отдельных высших офицеров ГУ ВУЗ; 5)«старшие офицеры» императорской гвардии (в данном случае целесообразно говорить о сочетании нескольких признаков)	
3.Контрэлита (военная)	Меритократы-интеллектуалы	Часть генералитета, причисленного к ГШ.	Г.-л., г.-м.
4.Псевдоэлита (военная)	«Военная геронтократия»	Генералы АКР, военные опекуны, г.-фельдмаршалы	Полные генералы, г.-л.
ЭЛИТООБРАЗУЮЩИЕ СТРУКТУРЫ			
5. Элитообразующие структуры	Пажеский корпус, НКУ, МАУ (КАУ)[1]	Дети из аристократических семей, дети из генеральских семей, дети из гвардейских семей, дети георгиевских кавалеров.	-
	Императорская гвардия	Офицеры практически всех полков гв., включая и «варшавскую гвардию»	-
	НАГШ, МАА, НИнж.А	В том числе закончившие обучение по 2 разряду и даже недоучившиеся.	-

Данные сводной таблицы показывают, что основными *элитосодержащими структурами* военного сегмента Российского общества последней трети XIX – нач. XX вв. являлись:

- на уровне *военно-политической элиты:* Правящий Дом и примыкающие к нему влиятельные аристократические кланы, Свита Его Императорского Величества, высшая военная бюрократия и военные администраторы и т.д.;
- на уровне *военной элиты* - часть высшего генералитета: инспекторы родов войск (с их штабами); командный состав крупных воинских соединений от корпуса до бригады, часть высшего офицерства Генерального штаба (включая *НШ ГШ*). Здесь шел процесс формирования *слоя контрэлиты*, часть высшего офицерства ГУ ВУЗ. В данном случае представлен выраженный компонент военной меритократии, так называемой группе офицеров-интеллектуалов. Профессорско-преподавательский состав НАГШ, несомненно, принадлежал к военной элите. Это учреждение, а также ряд престижных военно-учебных заведений, замыкающихся на ГУ ВУЗ, выступали как важ-

[1] Анализ наиболее престижных военно-учебных заведений империи (в первую очередь, ПК) как элитогенерирующих структур, был осуществлен нами в отдельных монографиях и статьях (см.: Чувардин Г.С. Пажеский корпус как элитообразующая структура Российской империи в период правления императоров Александра III – Николая II. // Научный диалог. История. Социология. Культурология. Этнография. Екатеринбург, 2012. №4. С. 39-59; Чувардин Г.С. Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции: Монография. Орел, 2005). Тем не менее ссылка на данные образования необходима для построения более объемной модели российской военной элиты рассматриваемого отрезка времени.

нейшие каналы элитообразования. В диссертационном исследовании был изучен слой «псевдоэлиты». Эта условная группа была представлена так называемой «военной геронтократией», не обладающей реальной властью.

Основными *элитообразующими структурами военной машины* Российской империи являлись императорская гвардия и, в силу сложившейся конъюнктуры, НАГШ.

Как правило, карьерный рост определялся:

а)*происхождением*. Очевидно, что великие князья и князья императорской крови по праву рождения принадлежали к военно-политической и военной элите империи. Правящий Императорский дом выступал одновременно как элитообразующая структура и как *олигархическая среда*. Т.е. аристократический принцип составлял симбиоз с олигархическим.

б) *службой в императорской гвардии*. В данной институциональной среде могли служить не только представители различных групп уже «состоявшейся элиты», но и офицеры, принадлежащие к так называемым «гвардейским династиям» («коренные офицеры полка»). Допускалось проникновение в гвардию отдельных элементов *меритократического* комплектования элиты;

в)*пребыванием в НАГШ*.

Истоки происхождения военной элиты рубежа XIX-XX в. берут начало в эпохе Николая I. Именно с этого времени выстраивается жесткий вектор передачи власти и окончательно оформляется имперская идеология. Император создает вокруг себя принципиально новое политическое окружение, а его преемники продолжают держать этих людей, а также их детей и внуков около Престола. В данном случае следует обратить внимание на *механизм формирования* военной элиты в целом.

Отправной точкой было обучение в престижных военно-учебных заведениях, главным из которых являлся ПК. Подавляющая часть выпускников

корпуса заполняла вакансии в гв. полках[1] и со временем пополняла ряды генералитета.[2]

Важнейшее влияние на «вхождение» в профессию оказывала «близость» к Престолу. Именно ее степень определяла возможность поступления в элитообразующие учебные заведения, «выхода» в императорскую гвардию, получение придворного звания и должности.

Степень «близости» также могла определяться назначением адъютантом к одному из великих князей или лиц, приближенных к престолу, вокруг которых прослеживаются значительные группы креатур, замыкающиеся на императорскую гвардию как своеобразную *«великокняжескую вотчину»*. Проникновению в элиту также способствовало назначение в Свиту Е.И.В., определяемое личными предпочтениями императора.

К началу XX в. на фоне падения престижа военной службы обозначилась мода на светские учебные заведения. Часть *jeunesse dorée* устремилась в университеты, но не все оказались способны учиться в них[3]. Представители указанной группы «несостоявшихся интеллектуалов», как правило, шли *в гвардию (через «экзамен на офицерский чин»)*, где служили их отцы и деды и которая по-прежнему гарантировала успешную карьеру.

Военная реформа Д.А. Милютина предполагала, что существенную роль в армии станет играть «военно-интеллектуальная элита» - офицеры ГШ. Это увязывалось с изменением содержания войны: ее массовым характером и появлением устойчивой наукоемкой и технической составляющих. Закономерно, что после русско-японской войны обучение в НАГШ стало новой ступенью в «успешной» карьерной лестнице.

Определенная часть офицеров ГШ находилась «в стороне» от Престола, что отчасти ставило ее в оппозицию властной элите. В то же время суще-

---

[1] Дараган П.М. Воспоминания. // Пажи – рыцари России. Духовное наследие Пажеского Его Императорского Величества корпуса. М., 2004. С. 26-32.

[2] Можно обозначить следующую линию ***формирования военной элиты*** (элитообразования): генералитет > дети генералов > Пажеский корпус > гвардия (при Николае II желательно/обязательно: НАГШ или МАА (для артиллерии)) > генерал (полк > бригада > дивизия > ?). Данная модель социальной мобильности имела «закрытый характер».

[3] На 1.01.1898 г. общее число студентов в университетах Российской империи составляло 16204 чел. (в СПб. Императорском ун-те – 3568, в Московском – 4418).

ственный контингент выпускников академии был из числа представителей военных династий, связанных с императорской гвардией и придворной службой. При поступлении и дальнейшем обучении в НАГШ «гвардейцы» имели явные преимущества и реже подвергались отсеву. Гвардейцы, прошедшие двухгодичный срок обучения в НАГШ шли в полк с повышением в чине, что вызывало раздражение сослуживцев и вынуждало переводиться в армейские полки, превращало их в *«контрэлиту»*.

Существенной проблемой являлось *качество* «академического образования». Проанализированные документы показывают, что даже в начале второго десятилетия XX в. офицеры ГШ имели весьма смутное представление о «вооруженных силах вероятных наших противников». Первая мировая война убедительно продемонстрировала, что значительная часть генералов-«генштабистов», командующих воинскими соединениями вплоть до фронтов, демонстрировала незнание основ ведения современной войны и действовала «по наитию». Это влекло за собой поражения и колоссальные людские потери.

«Академики» на штабных должностях не обладали реальной властью и в основном служили в качестве *обслуживающего персонала* реальной элиты (командиров отдельных соединений). *Главное при этом то, что качество образования НШ не делало их «военными интеллектуалами».*

Таким образом, очевидна целесообразность переоценки образа офицера ГШ начала XX в., сложившегося в отечественной истории за последние 10-15 лет. Утверждение о том, что мы имеем в лице офицера ГШ разночинца-интеллектуала, стремящегося к самосовершенствованию и постоянно повышающего свои профессиональные качества, лишено убедительной доказательной базы.

Обучение в НАГШ являлось всего лишь еще одним промежуточным звеном карьерного роста. Главным карьерным трамплином по-прежнему оставалась служба в гвардии, *место* которой в процессе элитообразования оставалось *основным*. Как следствие, следующей логической составляющей

нашей работы является анализ гвардии и ее командного состава как «элитообразующей» и «элитосодержащей» структуры.

4. Анализ структуры императорской гвардии и высшего командного состава (гв. генералитета) позволяет идентифицировать ее как своеобразный рудимент аристократического прошлого России. При этом трансформация данной структуры была возможна только в контексте трансформации самой власти. Это было обусловлено тем, что гвардия настолько глубоко интегрировалась в структуру политической власти, что со временем стала ее важнейшим институтом (природа которого определялась сложившейся еще со времен Петра I традицией).

К концу XIX в. императорская гв. предстает как значительное по размерам, социально неоднородное образование, занимающее в российской армии особое место. Офицерский корпус императорской гв. являлся ярко выраженной кадровой обоймой военной и военно-политической элиты и сам представлял одну из ее важнейших страт. *Императорская гвардия вынужденно формировала элиту внутри самой элиты*.

Следует подчеркнуть то что гвардия не являлась однородной структурой: ее можно стратифицировать по родам войск, по отдельным соединениям и даже полкам. В последнем случае можно выделить некий «высший уровень» наиболее престижных частей, максимально приближенных к власти и в какой-то мере инкорпорированных в нее, имеющих значительную историю («старшинство») и группирующих вокруг себя «остатки» аристократии. Российская гвардия рубежа веков сохранила основные черты, характерные для первой половины XIX в. и не подверглась «плутократической эрозии». Тем не менее, есть основания утверждать, что гвардия воплотила в себе лучшие достижения военного искусства своего времени. В ее рядах было значительное число экспертов, имеющих боевой опыт и достаточные военные знания.

Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что императорская гвардия не являлась «идеальной средой», свободной от различного рода эксцессов, характерных для армии в целом. Она представляется консервативной

средой, поведение представителей которой опиралось на сложную систему длительных полковых традиций. Составляющими среды были корпоративный дух и атмосфера так называемого «полкового братства», напоминающую «круговую поруку». По мере прохождения всех ступеней профессионального роста «гвардейцы» делали все возможное, чтобы поддержать «своих», «наполняя» ими отдельные группы военной и политической элит.

Наличие императорской гвардии являлось мощным основанием для консервации существующего политического режима и своеобразной гарантией от его «модернизации» или радикальной трансформации («перерождения»). Очевидным примером являлись события 1905-1907 гг., во время которых гвардия стала одним из самых действенных инструментов защиты Престола. Это делало ее мощным сдерживающим фактором на пути радикального обновления России и, как следствие, требовало либо кардинальной ее реформы, либо полного ее уничтожения.

В структуре императорской гвардии выделяются особые, «неконвенциональные» образования, которые:

- представляли определенную самобытность русской армии и особый путь развития отечественного военного искусства;
- демонстрировали процесс эволюции сценариев власти, трансформация которых в сторону так называемой «русификации» стала очевидна в эпоху императора Александра III;
- определяли новые тенденции в развитии военного дела. Так, гв. артиллерия постепенно становится одним из наиболее современных родов войска, а артиллерийские генералы все чаще привлекаются к решению военно-технических, военно-административных и военно-теоретических вопросов. Процент артиллерийских генералов в структурах военной элиты к концу правления Александра III резко возрастает, и эта тенденция сохраняет устойчивый характер в последующий период.

Генералитет указанных образований нельзя поставить отдельно от остальной группы гв. генералов. Полученные результаты демонстрируют по-

зиции гв. казачьего генералитета как аутсайдера, а осуществление его карьерных трансформаций лишь в пределах гв. казачьих структур и институтов. Таким образом, императорская гвардия предстает как весьма своеобразный симбиоз «старого» и «нового», «лучших черт» и «типичных пороков», определяемых «духом времени».

5.Важную роль в формировании «духовной» и «мировоззренческой атмосферы» императорской гвардии играл в. к. Владимир Александрович, возглавлявший войска Гв. и СПб. ВО с 1881 по 1905 гг. Он был типичным «старорежимным» представителем власти, активно эксплуатирующим мировоззренческие и поведенческие стереотипы эпохи Александра II. Для великого князя был типичен стиль управления, получивший в социальной психологии название «Soft skills». Именно этот «стиль» в конечном итоге превратил гвардию в армию «мирного времени». Гвардия, следуя за «системой переживаний» своих вождей, не была готова к войне в принципе, а ее старшие офицеры *вообще не собирались воевать*.

6. Проведенный просопографический анализ «гвардейского генералитета» (от высшего комсостава ГК до командиров бригад) позволил сделать следующие принципиальные выводы:

- отправной точкой в анализе командного состава ГКД и ГПД можно считать положение о том, что российский генералитет (в указанный период времени его численность колебалась в диапазоне 1 – 1,5 тыс. чел.) должен рассматриваться как социально-неоднородная группа. Для армейского офицера достижение звания полковника было пределом карьерных устремлений;
- рассуждая о генералитете как «элите», в первую очередь, целесообразно говорить о гвардейском генералитете, так как:

а)гвардейцы были «максимально» приближены к Престолу;

б)в гвардию попадали преимущественно «свои»: то есть представители аристократии, и «гвардейские фамилии»;

в)в гвардию поступали лица, «успешно прошедшие обучение» в наиболее престижных военно-учебных заведениях;

г)по мере того, как НАГШ и офицерские школы становились обязательной ступенью для карьерного «скачка в генералитет», именно офицеры императорской гвардии начинают получать преференции при поступлении и зачислении в них;

д)анализ отдельных групп документов ГШ убедительно показал, что именно гвардейцы имели преимущество при получении полков;

е)несмотря на трансформацию армии, гвардия по-прежнему является единственной (в значительной мере уникальной) трансмиссией для проникновения в высшие слои военно-политической элиты империи.

- высший эшелон военно-политической элиты «как генералитета», в гвардии был представлен г.-инспекторами различных родов войск (указанные должности по-прежнему занимались преимущественно великими князьями или наиболее «успешными» полными генералами, в личности которых совмещались элемент «воинской доблести» и талант царедворца), офицерами, стоящими во главе войск Гв. и СПб. ВО, ГК. По понятным причинам первую должность занимали великие князья, при этом решающую роль в управлении округом играли их «замы» и НШ (в основной своей массе опытные царедворцы);

- нижний уровень, совмещающий в себе качества военно-политической и военной элиты, в гвардии был представлен командирами ГКД и ГПД. Социальный вес и, как следствие, авторитет представителей данной категории был значительно выше прочих генеральских корпораций.

Данную группу составляли: в кавалерии преимущественно выходцы из влиятельных аристократических кланов (по меньшей мере 50 % начальников 1 и 2 ГКД со временем входили в структуру высшей политической и военно-политической элиты); в пехоте и артиллерии прослеживается симбиоз представителей аристократических семейств (приблизительно 1/3) и «боевых генералов», а также их отпрысков, «выбившихся» в генералы.

Подавляющая часть командиров и ГКД, и ГПД начинала свою службу в гвардии, а в последующем командовала гв. полками. Процент лиц, окончив-

ших НАГШ, весьма незначителен, но резко возрастает после русско-японской войны. Подавляющая часть г.-лейтенантов начала XX в. делала карьеру по «старой схеме», в которой академия не играла решающей роли. В основной своей массе это была группа успешных военных чиновников и царедворцев, как правило (несмотря на свой высокий статус), стесненных в средствах, имеющих большие семьи и крайне далеких от современных веяний в области военного дела. Подавляющая часть представителей рассматриваемой социальной категории имела опыт хотя бы одной войны (при этом в пехоте прослеживается значительный процент георгиевских кавалеров). В то же время следует учитывать, что к нач. XX в. боевой опыт более «старшей» возрастной группы генералов уже устарел, а «молодой» был связан с командованием мелкими подразделениями в формате роты или батальона;

- командиры гв. бригад также принадлежали к группе военной элиты, но их положение являлось неопределенным и во многом зависело от «произвола» вышестоящего начальства. Должность командира гв. бригады можно считать неким пограничьем между военной и военно-политической элитой, своеобразным мостиком на вершину политического Олимпа империи. В этом плане от «бригадного» гв. генерала требовалось не допустить ошибку, то есть ничего не делать.

Примечательно, что после русско-японской войны появилась группа бригадных командиров из «боевых офицеров», которая пыталась влиять на ситуацию в вверенных им соединениях, но в гв. такое «рвение» не приветствовалось. Как это ни парадоксально, высшее гв. начальство становилось *своеобразной декорацией* к отдельным частям, ритм и «качество» жизни в которых во многом определялся полковыми командирами, отдельные из которых «пересиживали» не одного командира дивизий и бригад.

7.Анализ быта и повседневности, а также мировоззренческих основ военно-политической и военной элиты демонстрирует, что круг ее пристрастий был не столько обширен, сколько типичен для своего времени и, в целом, совпадал с поведенческими проявлениями представителей влиятельных аристо-

кратических родов и групп политической и культурной элиты. В основной своей массе военно-политическая и военная элита вела «мирную жизнь» светских обывателей. При этом можно было выделить отдельные фигуры, буквально погрязшие в лени и абсолютном безразличии к выполнению своего профессионального долга.

Представители высшего генералитета достигли определенной степени «сытости», к которой стремились всю жизнь, и делали все возможное в условиях растущей профессиональной конкуренции, чтобы сохранить свое место (при этом отдельные генералы не брезговали фальсификацией, подлогом, кляузами, казнокрадством).

Следует подчеркнуть, что войны начала XX века принципиально отличались от баталий предыдущих эпох. Они требовали высокой степени профессионализма и ответственности. Именно здесь выяснялось, что в голове у подавляющей части генералов оказалась *«каша»* из прошлого боевого опыта и каких-то обрывочных, зачастую сумбурных сведений, почерпнутых из весьма сомнительных источников. При этом нужно помнить, что значительная часть генералов имела весьма солидный возраст и, в результате, - определенные проблемы с физическим здоровьем и умственными способностями.

8.В конечном итоге мы сталкиваемся с проблемой, характерной для любой власти в условиях «вынужденных» реформ и модернизации, получающей выражение в желании изменить страну и общество при этом ничего не менять для себя (это очевидно прослеживается в фазе цивилизационного перехода). При этом возникает соблазн не только сохранить старое, но и создать инструменты «силового контроля» (как правило, на основе уже имеющегося исторического опыта, институтов и структур) за теми благами, которые порождают «новое» и, как следствие, не только сохранить, но и приумножить свои привилегии. На этом пути власть остро нуждается в «особых» социальных институтах и инструментах, способных защитить ее от стремительно перерождающейся общественной машины и постепенно становится мощным препятствием на пути ее развития.

В Российской империи начала XX века преобладала «старая», аристократическая модель элитообразования (т.е. «старая модель» элиты). При этом именно военное ведомство, напрямую замыкающееся на власть, сдерживало поступательное развитие общества, а мощнейшим консервативным образованием (подобным стрельцам в эпоху Петра I) оставалась императорская гвардия.

Таким образом, к началу Первой мировой войны страна столкнулась с весьма неоднозначной ситуацией, которую можно назвать «идеологической гипертелией» политической элиты, военный сегмент которой по-прежнему оставался превалирующим. Носители высших властных функций в основной своей массе потеряли связь с реальностью и погрузились в пространство симуляции устаревшей системы аттитюдов, уже вступившей в противоречие с серьезно мутировавшим в области мировоззренческого уклада русским обществом. Отличающиеся высоким консервативным содержанием механизмы первичной социализации представителей властной обоймы, а также очевидная фрагментация власти, вызванная ее стремительной бюрократизацией, породили эффект, при котором никто не брал на себя ответственность за развитие общества и государства, что в конечном итоге вылилось в грандиозную цивилизационную катастрофу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники

Российский государственный военно-исторический архив:

1.РГВИА. Ф.400. Главный штаб. Оп.12. Д.6313. // Полный послужной список князя А.И. Барятинского. - Л.1-31.

2.РГВИА. Ф.400. Главный штаб. Оп.12. Ед. хр. 27391. // Полный послужной список А.А. Цурикова. -Л.1-64.

3.РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.121023. Л.218-226об. Послужной список № 69-079 (Послужной список полковника А.А. Рябинина).

4.РГВИА. Великий князь Михаил Николаевич. Ф.970. Оп.3. Д.2205.

5.РГВИА. Ф.970. Оп.3. Д.2200. Послужной список великого князя Владимира Александровича. Л. 97-101.

6.РГВИА. Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба (ГУГШ). Оп. 1. Д. 1256.

7.РГВИА. Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба (ГУГШ). Оп. 1. Д. 1257.

8.РГВИА. Ф.2000. Главное управление Генерального штаба (ГУГШ). Оп.1. Д.4639.

9.РГВИА. Ф.2000. Главное управление Генерального штаба (ГУГШ). Оп.1. Д.4698.

10.РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.548. Список русских генералов, находящихся в плену в Германии и Австрии по данным к 1 сентября 1916 г.

11.РГВИА. Ф.2584. Оп.I. Д.2682. Семеновцы на Пресне. Дневник штабс-капитана Квашнина-Самарина.

Фонды отдельных гвардейских полков (расположены по «старшинству» частей):

Л.-гв. Преображенский полк

12.РГВИА. Ф.2583. Оп.2. Д.705. Л.5. Список г. г. офицерам, чиновникам и духовенству л.-гв. Преображенского полка с указ. адресов и № телеф. имеющ. при кварт. 25.09.1908 г.

13.РГВИА. Ф.2583. Оп.2. Д.865. Список (по старшинству в чинах) генералов, штабс- и обер-офицеров и классных чинов л.-гв. Преображенского полка. 1914 г.

Л.-гв. Измайловский полк

14.РГВИА. Ф.2577. Оп.2. Д.353. Списки (по старшинству в чинах) Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чиновникам Л.-гв. Измайловского полка за 1907 г.;

15.РГВИА. Ф.2577. Оп.2. Д.356. Списки (по старшинству в чинах) Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чиновникам Л.-гв. Измайловского полка за 1910 г.;

16.РГВИА. Ф.2577. Оп.2. Д.371. Списки (по старшинству в чинах) Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чиновникам Л.-гв. Измайловского полка за 1913 г.

Л.-гв. Павловский полк

17.РГВИА. Ф.2581. Оп.2. Д. (ед. хр.) 707. Список по старшинству в чинах Ген., Шт. и Обер.-оф. и кл. чиновн. Лейб-Гвардии Павловского полка. За Январь 1889 г. – Л.1-34.

18.РГВИА. Ф.2581. Оп.2. Д.712. Списки (по старшинству в чинах) Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чиновникам Л.-гв. Павловского полка за 1895 г.

19.РГВИА. Ф.2581. Оп.2. Ед. хр.717. Списки (по старшинству в чинах) Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чиновникам Л.-гв. Павловского полка по 3-е Декабря 1899 г. – Л.379-409.

20.РГВИА. Ф.2581. Оп.2. Д.723. Списки (по старшинству в чинах) Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чиновникам Л.-гв. Павловского полка за 1905 г.

21.РГВИА. Ф.2581. Оп.2. Д.727. Списки (по старшинству в чинах) Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чиновникам Л.-гв. Павловского полка к 23.08.1909 г. – Л.103-122.

Л.-гв. 1-й Стрелковый батальон

22.РГВИА. Ф.2584. Оп.II. Д.146. Послужные списки Генералов и Обер-офицеров Л.-Гв. 1-го Стрелкового батальона за 1868 г.

23.РГВИА. Ф.2587. Оп.2. Д.150. Послужные списки Генералов и Обер-офицеров Л.-Гв. 1-го Стрелкового батальона за 1875 г.

24.РГВИА. Ф.2587. Оп.II. Ед. хр. 154.: Список по старшинству в чинах Генералам, Штаб- и Обер-Офицерам и классным чиновникам л.-г. 1-го Стрелкового Его Величества батальона. За февраль месяц 1899 г. (по 28.II.1899 включительно).

25.РГВИА. Ф.2587. Оп. II. Д.161. Список по старшинству в чинах Генералам, Штаб- и Обер-Офицерам и классным чиновникам л.-г. 1-го Стрелкового Его Величества батальона, начато 1.01.1905 г. За 1905 г. *На самом деле в оформлении документа содержится ошибка: в документе приводится список не л.-гв. 1-го стрелкового батальона, а л.-гв. 3-го стрелкового полка.*

26.РГВИА. Ф.2587. Оп. II. Д.169. Список по старшинству в чинах Генералам, Штаб- и Обер-Офицерам и классным чиновникам л.-г. 1-го Стрелкового Его Величества батальона. За 1910 г.

27.РГВИА. Ф.2587. Оп.2. Д.172. Л.13-16 об. (послужной список шт.-к. А.И. Шелковникова): л.-гв. 1 стр. полк. Послужные списки офицеров полка 1910-1916.

Л.-гв. 2-й Стрелковый батальон

28.РГВИА. Ф.2588. Оп.2. Д.241. Список (по старшинству в чинах) Генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чинов л.-гв. 2-го Стрелкового батальона. По 25 октября 1907 г. – Л.1-14.

Л.-гв. Конный полк

29.РГВИА. Ф.3543. Оп.I. Д.3122. Список офицеров Конного полка по старшинству. За 1880 г. Л.1-26.

30.РГВИА. Ф.3543. Оп.I. Д.3133. Список офицеров Конного полка по старшинству. За 1895 г. Л.1-22.

31.РГВИА. Ф.3543. Оп.I. Д.3152. Список по старшинству в чинах Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чиновникам Лейб-Гвардии Конного полка. За 1913 г.

32.РГВИА. Ф.3543. Оп.II. Д.2054. Командир л.-гв. Конного полка ген.-майор П.П. Скоропадский.

33.РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.3245. Алфавитный журнал штаб- и обер-офицеров и чиновников л.-гв. Конного полка, получивших взыскания (с 1905 по 1912 гг.).

Л.-гв. Конно-Гренадерский полк

34.РГВИА. Ф.3544. Оп.I. Д.10. Список (по старшинству в чинах) Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чиновникам Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка. За апрель 1897 г. – Л.1-28.

35.РГВИА. Ф.3544. Оп.1. Д.69. Список (по старшинству в чинах) Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чиновникам Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка. За апрель 1903 г. – Л.1-24.

36.РГВИА. Ф.3544. Оп.1. Д.112. Список (по старшинству в чинах) генералам, штаб- и обер-офицерам и классным чиновникам Л.-Гв. Конно-Гренадерского полка. 25.X.1908 г. – Л.1-32.

Л.-гв. Драгунский полк

37.РГВИА. Ф.3552. Оп.1. Д.12. Список по старшинству Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чинам л.-гв. Драгунского полка. По апрель 1898 г.

38.РГВИА. Ф.3552. Оп.1. Д.55. Список по старшинству Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чинам л.-гв. Драгунского полка к 1905 г.

Л.-гв. Гусарский Его В. полк

39.РГВИА. Ф.3591. Оп.1. Д.44. Список Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чиновникам л.-гв. Гусарского Е.В. полка за 1900 г.

40.РГВИА. Ф.3591. Оп.1. Д.68. Список Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чиновникам л.-гв. Гусарского Е.В. полка за 1902 г.

41.РГВИА. Ф.3591. Оп.1. Д.113. Список Генералам, Штаб- и Обер-офицерам и классным чиновникам л.-гв. Гусарского Е.В. полка за 1913 г.

Л.-гв. Уланский Ее Величества полк

42.РГВИА. Ф.3549. Оп.1. Д.166. Списки генералам, штаб- и обер-офицерам и классным чиновникам Л.-Гв. Уланского Ея Величества полка за апрель 1897 г. – Л.1-24.

43.РГВИА. Ф.3549. Оп.1. Д.180. Список по старшинству генералам, штаб- и обер-офицерам и классным чиновникам Л.-Гв. Уланского Ея Величества полка за 1903 г. – Л.1-23.

44.РГВИА. Ф.3549. Оп.1. Д.197. Список по старшинству генералам, штаб- и обер-офицерам и классным чиновникам Л.-Гв. Уланского Ея Величества полка за 1908 г. – Л.1-60.

45.РГВИА. Ф.3549. Оп.1. Д.214. Список (по старшинству в чинах) генералам, штаб- и обер-офицерам и классным чиновникам Л.-Гв. Уланского Ея Величества полка к 1.01.1912 г. – Л.1-22.

46.РГВИА. Ф.3549. Оп.1. Д.220. Список по старшинству генералам, штаб- и обер-офицерам и классным чиновникам Л.-Гв. Уланского Ея Величества полка к 15.02.1914 г. – Л.1-52.

Л.-гв. Гродненский Гусарский полк

47.РГВИА. Ф.3551. Оп.1. Д.53. Лейб-гв. Гродненский гусарский полк. Штаб полка:

Л.63 (Циркуляр военного министра №1064 от 25.VI.1910 г.);

Л.81 (О распределении в войсках новобранцев призыва 1910 г. с приложением расписания распределения новобранцев);

Л.84 (Выписка из расписания о числе назначенных новобранцев).

48.РГВИА. Ф.3551. Оп.1. Д.53. Лейб-гв. Гродненский гусарский полк. Штаб полка: Список по старшинству в чинах. К 1.XI.1910 г. – Л.86-100.

Л.-гв. 2-я артиллерийская бригада

49.РГВИА. Ф.3671. Оп.1. Д.11: Список (по старшинству в чинах) Генералов, штаб и обер-офицеров и классных чинов л. гв. 2-я артиллерийской бригады за 1.01.1910 г. – 1-36 с.

50.РГВИА. Л.-гв. 2-я артиллерийская бригада. Ф.3671. Оп.1. Д.19: Список (по старшинству в чинах) Генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чинов л. гв. 2-я артиллерийской бригады за 1913 г. – 1-37 с.

Л.-гв. 3-я артиллерийская бригада

51.РГВИА. Ф.3672. Оп.1. Д.5. Список (по старшинству в чинах) генералам, штаб- и обер-офицеров и классных чинов Л.-гв. 3-й артиллерийской бригады за 1.04.1900 г. – Л.1-32.

Л.-гв. Атаманский полк

52.РГВИА. Ф.3611. Оп.1. Д.796. Послужные списки генералам, штаб- и обер-офицерам л.-гв. Атаманского полка за 1891 год. – Л.30-248.

53.РГВИА. Ф.3611. Оп.1. Д.832. Список (по старшинству в чинах) генералам, штаб- и обер-офицерам и классным чиновникам л.-гв. Атаманского Его Им-

ператорского Высочества Наследника Цесаревича полка (за декабрь 1900 г. к 1.01.1900 г.). – Л.1-20.

Л.-гв. Сводно-Казачий полк

54.РГВИА. Ф.3612. Оп.1. Д.8. Список (по старшинству в чинах) Генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чинов л.-гв. Сводно-Казачьего полка от 23.02.1907 г. – Л.1-14.

55.РГВИА. Ф.3612. Оп.1. Д.37. Список по старшинству в чинах генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чинов л.-гв. Сводно-Казачьего полка. Штаб полка. По 1.01.1914 г. – 1-20 с.

Л.-гв. Казачий полка

56.РГВИА. Ф.3610. Оп.2. Д.300. Список (по старшинству в чинах) генералам, штаб- и обер-офицеров и классных чинов Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка. К 25.02.1908 г. – Л.1-22.

57.РГВИА. Ф.3610. Оп.2. Д.309. Список (по старшинству в чинах) генералам, штаб- и обер-офицеров и классных чинов Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка. Ко 2.02.1914 г. – Л.1-26.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

58.ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.247. Дневники и записные книжки Николая II. 1.01.-25.09.1904 г.

59.ГАРФ. Ф.642. Оп.1. Д.2332. Письма к императрице Марии Федоровне. 14.02.1912-19.02.1916 г. Л.1-76.

Ф.644. Романов Павел Александрович, сын Александра II, командир Гвардейского корпуса.

60.ГАРФ. Ф.644. Оп.1. Д.384. Дневник в. к. Дмитрия Павловича с 1.01 по 17.01. Царское Село.

61.ГАРФ. Ф.644. Оп.1. Д.395. Л.1. Письмо А. Спиридовича великому князю Павлу Александровичу.

Ф.646. Романов Николай Николаевич (Старший), сын Николая I, генерал-фельдмаршал.

62.ГАРФ Ф.646. Оп.1. Д.11. Полный послужной список Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича старшего. – Л.1-61.

63.ГАРФ. Ф.646. Оп.1. Д.39. Завещание о передаче бриллиантовой сабли л.-гв. Уланскому полку.

64.ГАРФ. Ф.646 Оп.1. Д.79. Приказ командира полка генерал-майора Грекова по Лейб-Гвардии Атаманскому полку и расписание занятий в эскадронах Лейб-Гвардии Атаманского полка. Начато 11 июня 1888 г. Окончено 19 июня 1888 г. - Л.1-2.

65.ГАРФ. Ф.646. Оп.1. Д.80. Штрафной журнал гг. офицерам Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка за 1853 г. - Л.1-4об.

66.ГАРФ Ф.646. Оп.1. Д.100. Меню обеда во II-м эскадроне Лейб-Гвардии Уланского полку 31 июля 1881 г. и завтрака. Л.1-2.

67.ГАРФ. Ф.646. Оп.1. Д.101. Письма в. к. Николая Николаевича имп. Николаю I и Александре Федоровне. 16.08.1838 г. – Л.1-9.

68.ГАРФ. Ф.646. Оп.1. Д.102. Письма великого князя Николая Николаевича (старшего) родителям императору Николаю I и Александре Федоровне 17 мая 1840 – 30 августа 1841. – Л.1-7.

69.ГАРФ. Ф.646. Оп.1. Д.103. Письма великого князя Николая Николаевича (старшего) Романова из Ревеля родителям Николаю I и Александре Федоровне. Л.1-3.

70.ГАРФ. Ф.646. Оп.1. Д.110. Письма из Кишинёва и Севастополя великого князя Николая Николаевича (Старшего) Николаю I и Александре Федоровне. Л.1-3.

Ф.648. Романов Сергей Александрович.

71.ГАРФ. Ф.648. Оп.1. Д.34. Дневник великого князя Сергея Александровича за 1898 г. Л.1-212.

Ф.649. Романов Михаил Николаевич (член Комитета министров, наместник на Кавказе…).

72.ГАРФ. Ф.649. Оп.1 Д.1. Полный послужной список Его Императорского Высочества, Государя Великого Князя Михаила Николаевича. Л.1-30.

73.ГАРФ. Ф.649. Оп.1. Д.612. Письмо генерала Тинальда в. к. Михаилу Николаевичу с поздравлением от имени подшефского конно-гренадерского полка с днем рождения (с пометкой в. к. Михаила Николаевича).

74.ГАРФ. Ф.649. Оп.1 Д.630. Письма князя А. Барятинского М.Н. Романову 1876-1891 гг.

75.ГАРФ. Ф.649. Оп.1. Д.649. Письмо кн. В. Долгорукова в в. к. Михаилу Николаевичу. 1864-1866.

76.ГАРФ. Ф.649. Оп.1. Д.660. Письмо Н.А. Корфа к в. к. Михаилу Николаевичу 1863 г.

77.ГАРФ. Ф.649. Оп.1. Д.675. Письмо Муравьева к в. к. Михаилу Николаевичу

Ф.650. Романов Андрей Владимирович, сын в.к. Владимира Александровича…

78.ГАРФ. Ф.650. Оп.1. Д.14. Романов Андрей Владимирович. Приказы по 5-й батарее гв. конно-артиллерийской бригады. Л.1-131.

79.ГАРФ. Ф.650. Оп.1. Д.15. Переписка, связанная с пребывание государя наследника великого князя Михаила Александровича в 5-ой батарее гв. конной артиллерийской бригаде. 1899-1900. Л.1-37 об.

Ф.652. Романов Владимир Александрович.

80.ГАРФ. Ф.652. Оп.1. Д.57. Программа и расписания учебных занятий в. кн. Владимира Александровича. Начато 1863-1865.

81.ГАРФ. Ф.652. Оп.1. Д.69. Рапорт и отчет командира 1-й гвардейской дивизии Дрентельна Главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского

военного округа в. к. Владимиру Александровичу о состоянии дивизии за 1869 год. 29 мая 1870 г. – Л.1-11.

82.ГАРФ. Ф.652. Оп.1. Д.70. Аттестационные списки на офицеров 1 гвардейской дивизии и Л.-гв. Преображенского полка. 1870-1871 гг. От 21-го Мая 1870 г. С пометкой «Копия».

83.ГАРФ Ф.652. Оп.1. Д.75. Владимир Александрович. Строевые рапорты, записки, ведомости по войскам Петербургского гарнизона. 1872-1908 гг.

84.ГАРФ. Ф.652. Оп.1. Д.113. Ведомость о численности войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа 1881 г. Л.2-3.

Ф.660. Романов Константин Константинович, сын в.к. Константина Николаевича…

85.ГАРФ. Ф.660. Оп.2. Д.6. Л.1-18 об. Записки великого князя Константина Константиновича о посещении императором Николаем II Преображенского полка. Л.1-21.

86.ГАРФ. Ф.660. Оп.2. Д.7. Романов Константин Константинович великий князь. Копия послужного списка. По 1903 г.

Ф.668. Романов Михаил Александрович, сын императора Александра III.

87.ГАРФ. Ф.668. Оп.1. Д.26. Копия указа и Манифеста Николая II. О положении опеки на вел. кн. Михаила Александровича и передаче заведования имуществом Главному Управлению уделов. И о снятии с вел. кн. Михаила Александровича звания правителя государства возложенного на него манифестом 1 августа 1904 г. 15-30 декабря 1912. Л.1-4.

88.ГАРФ. Ф.668. Оп.1. Д.32. В.кн. Михаил Александрович. Письмо в.кн. Михаила Александровича княгине Оболенской Александре Александровне. 1 августа 1906 г. Везенберг. Л.1-3.

89.ГАРФ. Ф.668. Романов Михаил Александрович. Оп.1. Д.33. Черновое письмо в.кн. Романова Михаила Александровича Николаю Александровичу [Николаю II]. До июня 1910 г. Л.1.

90.ГАРФ. Ф.668. Оп.1. Д.120. Расписание учебных занятий в. кн. Михаила Александровича. С июня 1894 по 31 мая 1897 гг. Л.1.

91.ГАРФ. Ф.668. Оп.1. Д.125. Письма в. к. Михаила Александровича Врангелю Николаю Александровичу. 21 декабря 1912 г. Л.1-8.

92.ГАРФ. Ф.668. Оп.1. Д.126. Письмо начальника 2-ой отдельной кавалерийской бригады вел. кн. Михаилу Александровичу с сообщением о его аттестации как командира кавалерийского полка. Начато 19 янв. 1911 г. Л.1-3.

93.ГАРФ. Ф.677. Оп.1. Д.741. Письма к Александру III графа Воронцова-Дашкова Иллариона Ивановича. 28.07.1866-12.02.1894 г.

Ф.682. Романов Алексей Николаевич, цесаревич, сын императора Николая II.

94.ГАРФ. Ф.682. Романов Алексей Николаевич. Оп.1. Д.20. Дневник с записями отметок Алексея Николаевича. 1911-1914 учебный год.

95.ГАРФ. Ф.682. Оп.1. Д.189. Дневник Наследника Цесаревича великого князя Алексея Николаевича за 1916 г.

96.**ГАРФ. Ф.5794. Оп.1. Д.2. Дневник генерала М.Н. Скалона** в памятной книжке 1873 г., которая содержит список учреждений и высших чинов военного, морского, гражданского ведомств и придворного штата.

ГАРФ. Ф.5853. Дневник генерала А.А. фон-Лампе

97.ГАРФ Ф.5853. Оп.1. Д.15. (микрофильм 4).

98.ГАРФ Ф.5853. Оп.1. Д.30 (микрофильм 1).

99.ГАРФ Ф.5853. Оп.1. Д.30 (микрофильм 1).

100.ГАРФ Ф.5853. Оп.1. Д.54 (микрофильм 1).

Российский Государственный исторический архив (РГИА)

101.РГИА. Ф.472. Оп.23 (266/1283). Д.82. О распоряжениях по случаю разрешения от бремени Государыни Великой княгини Марии Павловны сыном – Великим Князем Кириллом Владимировичем и Св. Крещения Его Высочества. 18.08.1876 – 10.11.1876. На 60 листах.

102.РГИА Ф.472 Оп.66 е.х.19: Соображения по пересмотру положения Роты дворцовых гренадер; проект штатов и положения; списки чинов роты.

103.РГИА Ф.515 Оп.1. Д.79. 1864 г. Дело по Высочайшему повелению о придворных штатах Государей Великих Князей Александра и Владимира Александровича. Начато 6 Апреля 1864 г. Кончено 8 Мая 1864 г. Л.1-9.

104.РГИА Ф.515 Оп.29.Д.507. Дело по Стрелковому полку Императорской фамилии. Начато 20.01.1856 г.

105.РГИА. Ф.525. Оп.2. Д.194. Дело канцелярии Ее Величества государыни императрицы Александры Федоровны и управления делами августейших детей их императорских величеств. 1909.

106.РГИА. Ф.528. Оп.1. Д.4. Послужной список Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича. Составлен по 4 Февраля 1909 года. Л.1-76.

107.РГИА. Ф.677. Оп.1. Ед.хр.182 (Аттестационные тетради Великого Князя Александра Александровича. Начато в 1855 г., окончено в 1859 г.): Фонд Романов Александр Александрович. Император Александр III. Л.1-31.

108.РГИА. Ф.878. Оп.1 (Фонд С.С. Татищева). Д.23. Записки Натальи Петровны Грот об уроках ее мужа Я.П. Грота наследнику Николаю Александровичу и великому князю Александру Александровичу в 1853-1859 гг. Л.1-35.

109.РГИА Ф.906. Оп.1. Д.41. Художественные меню и программы увеселений во время коронации Александра III, во время Георгиевских праздников, при праздновании юбилея Ломоносова и др. Л.1-23об.

110.РГИА. Ф.922. Оп.1. Е.хр.55: Фонд генерала В.Г. Глазова.

111.РГИА. Ф.922 Оп.1. Е.хр.56: Фонд генерала В.Г. Глазова.

112.РГИА. Ф.922. Оп.1. Е.хр.58. Фонд генерала В.Г. Глазова. Письмо неустановленного лица (без подписи) Глазову В.Г. о притеснениях ротного командира кап. Л.-гв. Московского полка Бобровского. 1894 г.; Аттестации кандидатов, представляемые на Высочайшее Благоусмотрение.

113.РГИА Ф.1012. Оп.1. Д.32. Записки капитана Бутковского о штате лейб. гв. Конного полка, с приложением штатного расписания с 1841 г. по 1848 г.

114.РГИА. Ф.1021. Оп.1. Д.116 (1868 г.). Фонд гр. Перовских: Письма гр. Бориса Алексеевича Перовского императору Александру II о путешествии с В. Кн. Владимиром Александровичем по России и за границей, о состоянии здоровья и лечение В. Кн.

115.РГИА. Ф.1088. Оп.2. Д.364. Графа Павла Сергеевича Шереметьева «Великий князь Владимир Александрович» (черновик)

116.РГИА. Ф.1288. Оп. 5. Д.1а.

117.РГИА. Ф.1288. Оп. 5. Д.2.

118.РГИА. Ф.1288. Оп. 5. Д. 33.

119.РГИА. Ф.1339. Оп.1. Д.1. Полный послужной список наследника цесаревича Александра Александровича. Начат 14.08.1864 г., закончен 22.04.1882 г. Л.340-373об.

120.РГИА Ф.1652. Оп.1. Д.79. Письма Панчулидзева С.А. жене Панчулидзевой Надежде Борисовне 1892-1908 гг.

121.РГИА. Ф.1686. Оп.1. Д(№).50 (Тк. IV. П.2. К.50. № 1548). Обозрение поведения и прилежности в учении Наследника Цесаревича Александра Николаевича, Виельгорскаго и Паткуль в последнее полугодие 1828 г.

Государственный архив Орловской области (ГАОО)

122.ГАОО. Ф.305. Год 1911. Оп.1. Е.хр.6. Краткое описание материалов для первых страниц Истории 17-го Гусарского Черниговского Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Федоровны полка. Л.1-4;

123.ГАОО. Ф.305.1902-1913. Оп.1. Е.хр.7. Телеграммы 17-го Гусарского Черниговского Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Федоровны полка;

124.ГАОО. Ф.525. Оп.1. Е.хр.282. Переписка с Московским магазином икон художника Силина Л. Об изготовлении образа Св. Кукши для поднесения губернским земством в. к. Михаилу Александровичу во время пребывания его в г. Орле.

125.ГАОО. Ф.580. Стол 2. Оп.1. Ед. хр. 3001. О принятии под свое покровительство в. к. Михаилом Александровичем Орловской учетной Архивной Комиссии;

126.ГАОО Ф.580. Стол 2. Д.3613. Переписка с Елецкой городской Думой о встрече депутацией от г. Ельца великого князя Михаила Александровича, приезжающего в г. Орел.

127.ГАОО. Ф.580. Оп.1. Ед. хр. 3714. Опись имения С.А. Цурикова.

128.ГАОО. Ф.593. Оп.1. Е.х.1110. год.1909-1910. Канцелярия Орловского губернатора. Доклады и донесения в Орловскую Городскую думу и в Орловскую городскую управу «О прибытии в г. Орел Августейшего Командира 17-го Гусарского Черниговского Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Федоровны полка, Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича». Л.1-30.

129.ГАОО. Ф.593. Оп.1. Е.хр.1111. Дело о чествование командира 17-го Гусарского полка в. к. Михаила Александровича в связи с днем его рождения. 13.11.1909-22.11.1911 г. Л.1-19.

Опубликованные источники:

130.Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. / Предисловие и комментарии А. Виноградова. – М.: Современник, 1991. – 271 с.

131.Алфавитный список служилым Генералам и Штаб-Офицерам Войска Донского. - 1868 г.

132.Андоленко С. Генерал Ренненкампф. // Возрождение. - №221. – 1970. С.55-68.

133.Артиллерийский вестник. Орган связи всех русских артиллеристов за рубежом. - №23 (№56): Юбилейный. - Белград: Издание центрального правления. Январь 1940 г.

134.Артиллерия. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. Составил В.В. Квадри. Исправлена и дополнена под редакцией В.К. Шенка. По 20-е Марта 1909 года. – СПб.: типография В.Д. Смирнова, 1909. С.5. – 474 с.

135.Барятинская М.С. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1870-1918. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 367 с.

136.Басин К.Б. Мятежный батальон. // Преображенцы: История, биографии, мемуары./Автор-составитель А.Ю. Бондаренко. – М.: Воениздат, 2000. – 432 с.: ил. – («Полки русской армии»).

137.Белосельский-Белозерский С., князь. История лб.-гв. Конного полка. – Т.3. – Париж, 1961.

138.Бенуа Александр. Мои воспоминания. В пяти книгах. Издание второе, дополненное. – Т.1. – М.: «Наука», 1993. – 711 с.

139.Бенуа Александр. Мои воспоминания. В пяти книгах. Издание второе, дополненное. – Т.2. – М.: «Наука», 1993. – 744 с.

140.Белосельский-Белозерский С.С. князь. История лб.-гв. Конного полка. Париж, 1964.

141.Богданович А.В. Три самодержца. Дневники генеральши Богданович. – М.: Вече, 2008. – 480 с.: ил. – (Царский Дом).

142.Брусилов А.А. Мои воспоминания. / А.А. Брусилов. – М.: Вече, 2013. - 288 с.: ил. – (Путь русского офицера).

143.Буксгевден С. баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы России. Воспоминания фрейлины в трех книгах. // Пер. В.А. Ющенко; отв. ред. и сост. комментариев Т.Б. Манакова, К.А. Протопопов. – М.: Лепта Книга, Вече, Грифъ, 2012. – 800 с., ил.

144.Быт русской армии XVIII – начала XX века.//Автор-составитель С.В. Карпущенко. – М.: Воениздат, 1999. – 366 с., ил. – (Редкая книга).

145.Бьюкенен Джордж. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. - Москва: ЗАО Центрполиграф, 2006.

146.Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний.//Предисл. и коммент. А. Виноградова. – М.: Современник, 1991. – 271 с., портр.

147.Великий князь Константин Константинович Романов (К.Р.). Воспоминания о Государе Императоре Николае II. // Император Николай II. Тайны Российского императорского двора. // Авт.-сост. В.М. Хрусталев. – М.: АСТ, 2013. – 511, [1] с. – (Романовы. Падение династии).

148.Вельяминов Н.А. Мои воспоминания об императоре Александре III, его болезни и кончине. // Русский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX век). Выпуск V. – М.: Студия «ТРИТЭ» Российский Архив, 1994. – 671 с.: ил.

149.Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. – Т.1 (2-е издание). – Ленинград: государственное издательство, 1924.

150.Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849-1911 гг. – М.: Мысль, 1991. – 708 [11] с.

151.Воейков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. – М.: Воениздат, 1995. – 431 с.: ил. – («Редкая книга»).

152.Военно-статистический ежегодник армии за 1910 год. – СПб.: военная типография, 1911. – 486 с.

153.Военное законодательство Российской империи (Кодекс русского военного права). / Российский военный сборник. Выпуск 10. – М.: Военный университет, 1996. – 410 с.

154.Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Период Европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками. – Т.1. – Книгоиздательство Отто Кирхнер и Ко., Berlin W35, Genthinerstr. 19. 1922 г. – 301 с.

155.Врангель П.Н., барон. Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. – Т.1. – М.: Терра, 1992. – 374 с.

156.Всеподданнейший Отчет Военного Министерства за 1861 г. Представлено Государю Императору 1-го Января 1863 г. – СПб.: типография Ю.А. Бокрама, 1863. Приложения.

157.Всеподданнейший Отчет Военного Министерства за 1890 г. – СПб.: Военная типография, 1892 (приложения). – 1146 с.

158.Всеподданнейший Отчет Военного Министерства за 1901 г. – СПб.: Военная типография, 1903 (приложения). – 1465 с.

159.Гавриил Константинович, великий князь. В мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. – СПб.: издательство «Logos»; Дюссельдорф: «Голубой всадник», 1993. – 288 с., ил. (Судьбы. Оценки. Воспоминания. XIX-XX вв.).

160.Галкин М. Генерального Штаба подполковник. Новый путь современного офицера. – СПб.: Военная типография (зд. Главного Штаба), 1907. – 143 с.

161.Гейно фон Базедов Путевые впечатления о военной России.//Военный сборник. - Т.X. - СПб., 1911.

162.Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX – начала XX веков. Сост. В.И. Сахаров, Л.В. Манькова. – М.: Русское слова, 2002. 472 с.: ил.

163.Геруа Б.В., генерального штаба генерал-майор. Воспоминания о моей жизни. – Т.I. – Париж: Военно-историческое издательство «Танаис», 1970. – 276 с.

164.Головин Н.Н. Наука о войне: избранные сочинения. // Николай Николаевич Головин; сост. И.А. Вершинина. – М.: Астрель, 2008. – 1008 с.

165.Государственная оборона России. Императивы русской военной классики.//Под общей редакцией В.И. Марченкова; составители: А.Е. Савинкин, И.В. Домнин, Ю.Т. Белов. – М.: Военный университет, Русский путь, 2002. 639 с.

166.Гоштовт Георгий. Дневник кавалерийского офицера. – Париж: Imprimerie “Pascal”, 1931. – 193 с.

167.Гроза 1914. Великая война в воспоминаниях очевидцев. / Авт.-сост. О.Г. Гончаренко. – М.: Вече, 2014. – 384 с.: ил. – (Военные мемуары).

168.Грулев М.В. Записки генерала-еврея. – М.: «Кучково поле» «Гиперборея», 2007. – 272 с.

169.Гурко В.И. (Владимир Иосифович). Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 810 с.

170.Гурко В.И. (Василий Иосифович). Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914-1917. / Пер. с англ. М.Г. Барышникова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 399 с.

171.Гучков А. К вопросу о государственной обороне. Доклад по смете военного министерства на заседании Государственной думы 27 мая 1908 г. // Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. Российский военный сборник. – Выпуск 19. - М.: Русский путь, 2002.

172.Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. 2-е издание. – Жуковский; М.: Кучково поле, 2006. – 480 с.

173.Деникин А.И. Путь русского офицера. // Путь русского офицера. – М.: Вагриус, 2002. – 636 с.: илл.

174.Деникин А.И. Старая армия. - М.: Айрис-пресс, 2005.

175.Девлет-Кильдеев Н.М., князь, Доленга-Ковалевский Г.А. Кирасиры Его Величества 1902-1914 гг. Последние мирные годы. – СПб., 1914.

176.Ден Лили. Подлинная царица. // Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя Великая Княгиня. – СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2003. – 447 с.

177.Джунковский В.Ф. Воспоминания. В двух томах. / Под общей редакцией А. Л. Паниной. – Москва: Издательство имени Сабашниковых, 1997. – 1424 с.

178.Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.): 1911-1915. // Отв. ред., автор вступ. ст. В.М. Хрусталев. – М.: ПРОЗАиК, 2013. – 624 с.: ил.

179.Дневник Великого Князя Сергея Александровича. 1877. // Великого Князя Сергей Александрович Романов: биографические материалы. – Кн.2: 1877-1880. – М.: Новоспасский монастырь, 2007. – 280 с., [24] с цв. ил.

180.Дневник генерала А.Н. Куропаткина. // А.Н. Куропаткин; вступ. ст. О.Р. Айрапетова. Государственная публичная историческая библиотека России. – М., 2010. – 455 с.

181.Дневники императора Николая II. – М.: Орбита, 1991. – 736 с. [ил.].

182.Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича: 1915-1918.//Ответственный редактор и составитель В.М. Хрусталев. – М.: ПРОЗАИК, 2012. – 800 с.; ил.

183.Дневник Распутина. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 416 с.

184.Дружинин К.И., генерал-майор. Русско-турецкая война 1877-1878 года. // История русской армии. Иллюстрированное издание. Современная версия. – М.: Эксмо, 2009. – 768 с.: ил.

185.Епанчин Н.А. На службе трех императоров. - М.: издание журнала «Наше наследие» при участии ГФ «Полиграфресурсы», 1996. 576 с. [40] л. ил.

186.Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сентябрь 1905 – Екатиринбург, май 1918 г.) // С предисловием С.Д. Сазонова, бывшего министра иностранных дел. – Вена: Книгоиздательство «Русь», 1921. – 287 с.

187.Игнатьев А.А., граф. 50 лет в строю. Воспоминания. – М.: издатель И.В. Захаров, 2002. - 541 с.

188.Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. - М.: Воениздат, 1986. - 752 с.

189.Игнатьев А.А., граф. Роковые дни. 50 лет в строю. – М.: Вече, 2013. – 496 с. (Путь русского офицера).

190.Из воспоминаний Дмитрия Ивановича Абрикосова. // Судьба русского дипломата. - М.: «Русский путь», 2008. - 552 с.

191.Из семейной переписки Юсуповых. // Река времени (Книга истории и культуры). Гражданское общество и частная жизнь. Книга вторая. – М.: «Эллис Лак» - «Река времени», 1995. – 224 с.; ил.

192.Иллюстрированная летопись русско-японской войны (по официальным данным, сведеньям печати и показаниям очевидцев). Издание редакции «Нового журнала иностранной литературы» (Ф.И. Булгакова). – СПб.: типография А.С. Суворина, 1904. – 159 с.

193.Илькевич Н. ген.-лейтенант. О расходе орудий и снарядов в русской армии во время Великой войны 1914-1917 гг. // Артиллерийский вестник. Орган связи всех русских артиллеристов за рубежом. - №10. - Белград: Издание центрального правления. Октябрь 1929 г. С.7-11.

194.Имеретинский Н.К., князь Записки старого преображенца. // Преображенцы: История, биографии, мемуары. - М., 2000.

195.Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Воспоминания. – Т.1: 1867-1917. – Нью-Йорк, 1945. – 562 с.

196.Исторический очерк Николаевской Академии Генерального Штаба.//Составил Генерального Штаба генерал-майор Н.П. Глинорецкий. – СПб.: типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. – 385 с. + Особое приложение. – 205 с. + Список научных трудов. – 101 с.

197.Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Издание 3-е, значительно дополненное. – М.: Издательство «ФондИВ», 2007. – 600 с.

198.Киреев А.А. генерал от кавалерии. Дневник. 190-1910. // Составитель К.А. Соловьев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 427 с.

199.Кисилевский К.В. О конной артиллерии в Российской армии.//http://lepassemilitaire.ru/o-konnoj-artillerii-v-rossijskoj-armii-k-vkiselevskij/

200.Книги жалоб и предложений офицерского собрания лейб-гвардии Уланского полка. / документ опубликовал И.П. Белавкин. // Клио. - №2 (8). – 1999. С.256-261.

201.Клейнмихель М.Э., графиня. Дворцовые интриги и политические авантюры: записки Марии Клейнмихель. // Автор-составитель В.М. Осин. – М.: АСТ, 2014. – 445[3] с.: ил.

202.Князья Трубецкие. Россия воспрянет! (Воспоминания). – М.: Воениздат, 1996. – 527 с.; ил.

203.Космодель А. Воспоминания о последнем трехгодичном выпуске Константиновцев-Артиллеристов.//http://lepassemilitaire.ru/vospominaniya-oposlednem-trexgodichnom-vypuske-konstantinovcev-artilleristov-aleksandr-kosmodel/

204.Кравков В.П., тайный советник. Война без ретуши. Записки корпусного врача. – М.: Вече, 2014. – 416 с.: ил. – (Военные мемуары).

205.Краснов П.Н. Воспоминания о русской императорской армии. // Краснов П.Н.; предисл. К.Н. Хохульникова. – М.: Айрис-Пресс, 2006. – 608 с. + вкл. 8 с. – (Белая Россия).

206.Краткое расписание сухопутных войск. Исправлено по 1-ое июля 1903 г. – СПб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1903. – 173 с.

207.Кшесинская М. Воспоминания. // Пер. с французского Л. Папилиной. – Смоленск, 1998. – 416 с., илл. – («Женщина-миф»).

208.Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904-1905: Итоги войны. – СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2002.- 525, [3] с. – (Великие противостояния).

209.Куропаткин А.Н. Русская армия. – СПб.: «Издательство Полигон», 2003. – 590, [2] с.: ил. – (Военно-историческая библиотека).

210.Лешков Д.И. Партер и карцер. Воспоминания офицера и театрала. // Сост., автор предисловия и комментариев Т.Л. Латыпова. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 300[4] с.: ил. – (Библиотека мемуаров: Близкое прошлое; Вып. 8).

211.Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911-1920. // Пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2006. – 286 с.

212.Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. // А.С. Лукомский; составл. предисловие, коммент. С.В. Волкова. – М.: Айрис-пресс, 2012. – 752 с. - (Белая Россия).

213.Любимов С.В. Титулованные роды Российской империи: Опыт подробного перечисления всех титулованных российских дворянских фамилий, с указанием происхождения каждой фамилии, а также времени получения титула и утверждения в нем. // Репринт издания 1910 г. / Гос. публ. ист. б-ка России. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 386 с.: ил.

214.Маннергейм Карл Густав. Мемуары. - М.: издательство «ВАГРИУС», 1999. - 510 с., ил.

215.Макаров Ю.В. Моя служба в старой гвардии. 1905-1917. Буэнос-Айрес: Доррего, 1951.

216.Макшеев Ф.А. Генеральный Штаб. Сравнительный очерк современного его устройства в армиях: Русской, Германской, Французской и Австрийской. – СПб., 1899.

217.Мартынов Е.И. Политика и стратегия. – М.: Издательский дом «Финансовый контроль», 2003. – 448 с. (Антология отечественно военно-политической мысли).

218.Материалы для истории Пажеского корпуса Его Императорского Величества 1711-1875». – Киев: типография М.П. Фрица, 1876. - 260 с.

219.Меньшиков М.О. Национальная Империя. – М.: Имперская традиция, 2004. - 512 с.

220.Мемуары графа С.Д. Шереметьева. Том 1. // Составление, подготовка текста и примечания Л.И. Шохина. – М.: Издательство «Индрик», 2004. – 736 с.

221.Мейендорф В. баронесса. Мемуары фрейлины императрицы. Царская семья, Сталин, Берия, Черчилль и другие в семейных дневниках трех поколений. – М.: Астрель, 2012. – 350, [2] с. – (Проект Игоря Оболенского).

222.Меньшиков М.О. Национальная империя. – М.: Имперская традиция, 2004. – 512.

223.Мещерский В.П., князь. Мои воспоминания (1850-1865 гг.). – Часть 1. – СПб.: Типография князя В.П. Мещерского, 1897. – 453 с.

224.Милорадович Г.А. Список лиц Свиты Их Императорских Величеств с царствования Петра Великого по 1886 г. Составлен Свиты Его Величества Генерал-Майором Графом Г.А. Милорадовичем – Киев: типография С.В. Кульженко, 1886 (дополн. 1891 и 1895). – 208 с.

225.Милютин Д.А. Дневник. 1873-1875. // Под ред. Л.Г. Захаровой. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. – 440 с., ил.

226.Милютин Д.А. Воспоминания. 1868-1873. // Под ред. Л.Г. Захаровой. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 736 с., ил.

227.Милютин Д.А. Воспоминания. 1860-1862. – М.: «Редакция альманаха «Российский архив», 1999. – 559 с., ил.

228.Милютин Д.А. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1876-1878. // Под ред. Л.Г. Захаровой. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2009. – 704 с., ил.

229.Милютин Д.А. Дневник. 1882-1890.//под ред. Л.Г. Захаровой. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2010. – 584 с.: ил.

230.Милютин Д.А. Старческие размышления о современном положении военного дела в России. // Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. – М.: Военный университет. Русский путь. 2002. С.95-115.

231.Михайловцы. Сборник воспоминаний о Михайловском Артиллерийском училище и Академии и их питомцах. Выпуск 2. // Издание правления Общества Михайловцев, под редакцией полковника С.И. Лашкова. – Белград-Югославия, 1937.

232.Мольтке Х. фон Русские письма. // Пер. с нем. М.Ю. Некрасова; предисл. и комм. Е.В. Козловской. – СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 2008. – 144 с.

233.Мосолов А.А., генерал. При Дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра Двора. - СПб.: «Наука» С.-Петербургское отделение; литературно-издательское агентство «Мета», 1992. – 260 с.

234.Н. Г.-В. Практические стрельбы Русской артиллерии на полигоне близ Поноона (в дни первой мировой войны). // Военная быль: http://lepassemilitaire.ru/prakticheskie-strelby-russkoe-artillerii-na-poligone-bliz-ponoona-n-g-v/

235.Незвецкий Р.Ф. Лейб-гвардия императорской России (1700-1918). – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 507 с.

236.Никифоров Д. Москва в царствование императора Александра II: воспоминания. С иллюстрациями событий того времени и портретами деятелей царствования Александра II. – М.: Государственная публичная историческая библиотека; ЗАО «Репроникс», оформление, 2013. – 350 с.: ил.

237.Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. – М.: Вече, 2008. – 352 с.: ил. (Царский Дом).

238.Никольский Е.А. Записки о прошлом. // Сост. и подгот. текста Д.Г. Брауна. - М.: Русский путь, 2007. – 288 с.; ил.

239.Нокс Альфред. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914-1917. // Пер. с англ. А.Л. Андреева. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2014. – 671 с.

240.Общая программа и инструкция для преподавания учебных предметов в кадетских корпусах. – Петроград: издание ГУ ВУЗ, 1915. – 306 с.

241.О долге и чести воинской в российской армии: собрание документов, материалов и статей. // Составитель Ю.А. Галушко, А.А. Колесников; под ред. В.Н. Лобова. – 2-е изд. – М.: Воениздат, 1991. – 368 с.: ил.

242.Общий состав чинов ведомства Военно-учебных заведений. По 1 Сентября 1885 года. – СПб.: типография В. Евдокимова, 1885.

243.Общий состав чинов ведомства Военно-учебных заведений. По 1-е июня 1902 года. – СПб.: типография СПб. общества печатного и писчебумажного дела «Слово», 1902.

244.Общий состав чинов ведомства Военно-учебных заведений. По 1-е января 1904 года. – СПб.: типография СПб. общества печатного и писчебумажного дела «Слово», 1904.

245.Общее расписание войск Отдельного Гвардейского Корпуса и причисленных к нему частей с обозначением их расположения на зиму 1857-1858 гг. – СПб., 1858.

246.О нравственном состоянии войск Российской империи и в особенности Гвардейского корпуса. Письмо и записка графа Ф.П. Толстого императору Николаю I. (с.36-49) // Река времён. Книга истории и культуры. – Книга первая: государь, государство, государственная служба. – М.: ЭЛЛИС ЛАК, Река времён, 1995. – 288 с.

247.О французской артиллерии в 1913 г. // Артиллерийский вестник. Орган связи всех русских артиллеристов за рубежом. - №13 (№46). - Белград: Издание центрального правления. 1 октября 1934 г. С.19-23.

248.Пажеский Его Императорского Величества корпус за сто лет. – Т.II. – СПб.: «Т-во художественной печати», 1902. 512 с.

249.Пажи – рыцари России (Духовное наследие Пажеского Его Императорского Величества корпуса). – М.: «Издательство «Социально-политическая мысль», 2004. 368 с.

250.Палеолог С.Н. Около власти. Очерки пережитого. – М.: Айрис-пресс, 2004. - 352 с. + вклейки 16 с. – (Белая Россия).

251.Палицын Ф.Ф. Записки. Северо-Западный фронт и Кавказ (1914-1916). – Т.1. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2014. – 328 с.: ил.

252.Памятка Лейб-Драгуна. 1814-1914. // Составил Штабс-ротмистра И.М. Кучевский. – СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914. – 48 с.

253.Памятка русской конной артиллерии 1911. Составлена подполковником С.Ф. Зубовским. – Царское село: Царскосельская Центральная типография С.М. Боровкова, Малая улица, 61. 1911. – 112 с.

254.Памятно-справочная книга для командиров отдельных частей войск. Составлена на основании существующих постановлений, правил, положений и руководства генерал-лейтенантом Карцовым. – СПб.: Типография (бывшая) А.М. Котомина, 1880. – 621 с.

255.Парский Д. Что нужно нашей армии. // Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. – М.: Военный университет. Русский путь. 2002. С.206-223.

256.Петин С. Собственный Его Императорского Величества Конвой. Исторический очерк. – СПб.: типография А.С. Суворина, 1899. – 436 с.

257.Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения европейской России. Составил Генерального Штаба полковник А.Ф. Риттих, действительный член Императорского Русского Географического Общества. – СПб.: издание картографического заведения А.А. Ильина, 1875. – 352 с.

258.Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907-1916 гг.//Под редакцией А.М. Зайончковского. С предисловием Михаила Павловича. – Т.1. – М.: Высший Военный редакционный совет, 1924. – 240 с.

259.Полное Собрание Законов Российской Империи, с 1649 г. – Т.XXXII. 1812-1815 г. – Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

260.Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. – Т.XXXIX. Отделение первое. 1864. От 40457-41318. № 41162. – СПб., 1867.

261.Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. – Т.XXXIX. Отделение третье. Приложение. 1864. Штаты и табели к № 41162. – СПб., 1867.

262.Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание второе. Т.LII. Отделение второе 1877 год. От 57529-58047. – СПб., 1879.

263.Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье. Том XXV. 1905. Отделение I. От №25605-27172 и Дополнения. – СПб., 1908.

264.Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье. Том XXVIII. 1908. Отделение I. От № 29944-31329 и Дополнения. - СПб., 1911.

265.Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье. Том XXX. 1910. Отделение I. От №32883-34628 и Дополнения. – СПб., 1913.

266.Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье. Том XXX. 1910. Отделение II. Приложение. – СПб., 1913.

267.Полное собрание речей Императора Николая II. 1894-1906. Составлено по официальным данным «Правительственного Вестника». – СПб.: Книгоиздательство «Друг народа», 1906. – 80 с.

268.Полный послужной список Наследника Цесаревича Александра Александровича 1881 г. // Сборник документов РГИА (Российский Государственный исторический архив). Фонд Великого Князя Александра Александровича. М., 2002.

269.Полный список Шефов, Полковых командиров и офицеров Лейб-Гвардии Конного полка с 1731 по 1886 год. – СПб.: товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1886. – 509 с. Приложения – 18 с.

270.Половцев А.А. Дневник Государственного секретаря: в 2 т. (Т.1. – 1883-1886; Т.2. – 1887-1892). // Предисловие Л.Г. Захаровой. Комментарии. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2005. - 605 с.

271.Положение о Главном управлении Генерального Штаба. – СПб.: Типография Военного Министерства, 1913.

272.Положение о образцовом дивизионе, сформированном при Л.-Гв. Донской батарее, из команд от Конно-Артиллерийских бригад: Сибирского Линейного, Оренбургского, Кавказского Линейного, Черноморского и батарее Астраханского – казачьих войск. – СПб.: в Типографии Департамента Военных поселений, 1853. (составлено Петергоф 29.08.1853 г. (с.с.)). – 45 с.

273.Пребывание Государя Наследника и Великого Князя Михаила Александровича в Собственном Его Высочества имении Брасове. // Орловские губернские ведомости. Суббота, 10 марта 1901 г. № 19.

274.Разведчик. Военный и литературный еженедельный журнал. - №717. – 20 июля 1904 г.

275.Разведчик. Военный и литературный еженедельный журнал. - №721. – 17 августа 1904 г.

276.Разведчик. Военный и литературный еженедельный журнал. - №740 – 28 декабря 1904 г.

277.Редигер Александр Федорович. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В двух томах. — М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. – с.

278.Романов Андрей Владимирович. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914-1917); сост.; предисл.; коммент. В.М. Осин, В.М. Хрусталев. – М: Издательство им. Сабашниковых, 2008. - с.448.

279.Русский Генеральный Штаб. Состав и служба его. Пособие для офицеров старшего класса Николаевской Академии Генерального Штаба. – СПб.: Типография С.Н. Худекова. Владимирский пр., №12., 1894.

280.Саблин Н.В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». – СПб.: PETRONIVS, 2008. 384 с.

281.Сазонов С.Д. Воспоминания. – Минск: Харвест, 2002. – 368 с. – (Воспоминания. Мемуары).

282.Санкт-Петербургский речной Яхт-Клуб. Памятная книжка 1897 г. (Исправлено по 1 Июня). – СПб., 1897. – 45 с.

283.Санкт-Петербургский речной Яхт-Клуб. Список членов и судов 1900 г. (Исправлено по 1 Августа). XLI-й год с основания. – СПб., 1900. – 48 с.

284.Сборник биографий кавалергардов. 1826-1908. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка. // Составлен под редакцией С. Панчулидзева. – СПб.: экспедиция заготовления государственных бумаг, 1908. – 436 с.

285.Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-78 г.г. на Балканском полуострове. Выпуск 16: Донесения Начальника Рущукского отряда Наследника Цесаревича Государю Императору с 29 июня по 2 декабря 1877 г.; Журнал военных действий Рущукского, впоследствии Восточного, отряда в войну 1877-1878 годов. - Издание Военно-Исторической Комиссии Главного Штаба. – СПб.: типография «Бережливость», 1900. – 340 с.

286.Свод военных постановлений 1869 года (СВП 1869 г.). Часть первая. Военное управление. Издание второе (по 1 января 1893 г.) – СПб.: Государственная Типография, 1893.

287.Семенов Г.М. Воспоминания, мысли и выводы. // Атаман Семенов. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 378[6] с. – (Мемуары).

288.Симанович А. Распутин и евреи: Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. – А.: Туркменистан (при участии кооператива «Хабар»), 1990. – 208 с.

290.Скоропадский Павел. Мое детство на Украине. // Павло Скоропадський. Спогади. Кінец 1917 – Грудень 1918. / Головний редактор Ярослав Пилень-ский. – Кіив-Філадельфія, 1995. С.381-401.

291.Скугаревский А.П. «Очерки и заметки». - Вып.3. - СПб., без года изд. // О долге и чести воинской в российской армии: Собрание материалов, документов и статей. / Сост. Ю.А. Галушко, А.А. Колесников. Под ред. В.Н. Лобова. - 2-е изд. М.: Воениздат, 1991. - 368 с: ил.

292.Соколов П.А. Педагогическая психология. Издание 4-е дополненное. – СПб.: издание Я. Башмакова и К, 1910. – 314 с.

293.Спиридович А.И. Великая война и февральская революция: Воспоминания. Мемуары. – Минск: Харвест, 2004. – 720 с. – (Воспоминания).

294.Списки высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. – СПб., 1891.

295.Списки высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. – СПб., 1897.

296.Списки высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. – СПб., 1899.

297.Списки высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. – СПб., 1900.

298.Списки высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. – СПб., 1901.

299.Списки высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. – СПб., 1902.

300.Списки высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. – СПб., 1903.

301.Список Высшим Чинам Государственного, Губернского и Епархиального управлений. Исправлено по 10 Марта 1906 г. – СПб.: Государственная Типография, 1906.

302.Списки высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. – СПб., 1907.

303.Списки высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. Исправлено по 2-е Февраля 1908 г. – СПб.: Государственная типография, 1908. – 308 с.

304.Список генерал-адъютантам, генерал-майорам Свиты Его Величества и флигель-адъютантам по старшинству. Составлен по 1-е Января 1905 г. – СПб.: Военная типография, 1905.

305.Список генералам по старшинству. Исправлено по 15-е июля. – СПб.: Военная типография, 1855 г. - 518 с.

306.Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е мая. – СПб.: Военная типография, 1864 г. – 704 с.

307.Список генералам по старшинству. Исправлено по 15-е февраля. – СПб.: Военная типография, 1875 г. – 914 с.

308.Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е ноября. – СПб.: Военная типография, 1877 г. – 1032 с.

309.Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е августа. – СПб.: Военная типография, 1880 г. – 39 с. (?)

310.Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е февраля. – СПб.: Военная типография, 1883 г. – 955 с.

311.Список генералам по старшинству. – СПб.: Военная типография, 1889 г. – 818 с.

312.Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1896 г. – СПб.: Военная типография, 1896 г. – 1011 с.

313.Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е мая 1901 г. – СПб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1901 г. – 1191 с.

314.Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е января 1903 г. – СПб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1903 г. – 1304 с.

315.Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е января 1905 г. – СПб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1905 г. – 1415 с.

316.Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е июля 1906 г. – СПб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1906 г. – 1326 с.

317.Список генералам по старшинству. Части I, II и III. Составлен по 1-е января 1908 г. – СПб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1903 г.

318.Список генералам по старшинству. Части I, II и III. Составлен по 1-е июля 1910 г. – СПб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1910 г.

319.Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 г. – СПб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1914 г. – 980 с.

320.Список полковникам по старшинству по 1 Мая 1901 г. – СПб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1901г. – 931 с.

321.Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е мая 1902 г. – СПб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1902 г. – 944 с.

322.Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е Сентября 1903 г. – С.-Петербург: Военная типография, 1903. – 1000 с.

323.Список полковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлено по 1-е Марта 1912 г. – СПб.: Военная типография, 1912.

324.Список Генерального Штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 года (с приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 Июля 1914 г.). - Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914.

325.Справочная книжка для офицеров. // Составили генерального штаба полковники Малинко В. и Голосов В. Издание 3-е, исправленное и дополненное.

Часть I. - М.: Типография-Литография «Русского Товарищества Печатного и Издательского дела», 1902. - 262 с.

326.Справочная книжка для офицеров и чиновников служащих в управлениях и заведениях артиллерийского ведомства. Издание 2-е, переработанное. Составил Подполковник Висковский, старший адъютант окружного артиллерийского управления московского военного округа. – М.: Типография Елизаветы Гербек, 1897. – 612 с. С чертежами и приложениями.

327.Справочная книжка всех должностей военного и гражданского ведомства, которые могут быть занимаемы военными чинами штаб и обер-офицерского звания, с указанием окладов содержания, этим должностям присвоенных. Составлена по сведениям к 1 июня 1890 года. – СПб.: типография И.Н. Скороходова, 1890. – 231 с.

328.Статистический очерк расходов из удельных сумм на Императорскую Фамилию в столетний период. 1797-1898. – Типография Главного Управления уделов, 1898. – 75 с. (1 цветная вкладка с генеалогической таблицей).

329.Строевой устав легкой артиллерии. Орудийное учение. Высочайше утвержден 19 декабря 1911 года. Просмотрено по 15 сентября 1915 г. - Издал В.А. Березовский, комиссионер Военно-Учебных заведений, Петроград, Колокольная, 14. 1915 г. – 72 с.

330.Столетие военного министерства 1802-1902. Память о членах Военного совета. Портреты и биографические очерки./Главный редактор генерал-лейтенант Д.А. Скалон. Составил полковник Н.М. Затворницкий. – Т.3., Ч.4. – СПб.: типография поставщиков Двора Его Императорского Величества товарищества М.О. Вольфа, 1907. – 781 с. + 2 приложения (I-III, I-II).

331.Столетие Военного Министерства. 1802-1902. Военные министры и Главноуправляющие военной частью в России с 1701 по 1910 год. //Составитель полковник Затворницкий Н.М. – Т.III. Отд.VI. – СПб., 1911.

332.Столетие Российской Конной артиллерии (1792-1894 гг.). Составил и подал Павел Потоцкий. – СПб.: Типография В.С. Балашова и Ко, 1894. (с 15 листами портретов и рисунков). – 194 с.; приложения. – 62 с.

333.Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары.//Редакция, предисловие, комментарии А.М. Лукашевича. – Мн.: Харвест, 2005. – 624 с.: [16] л. ил. – (Воспоминания).

334.Трубецкой В.С. Записки кирасира: мемуары. - М.: «Россия», 1991. - 222 с. - Трубников А.Н. Воспоминания. / Вступ. статья., сост., коммент., указ. А.С. Минакова. – Орел: Издательство А. Воробьев, 2004. – 168 с. (Россия и мир глазами современников).

335.Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. – Тула: Приокское книжное издательство, 1990. - 400 с.

336.Устав воинский о должности генерал-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских дел и поведениях, что каждому чинить должно, 1716 года. // Столетие Военного Министерства 1802-1902. Главный Штаб. Исторический очерк. Часть I. Книга II. Отдел III. Уставы и наставления. Главный редактор генерал-лейтенант Д.А. Скалон. – СПб.: Типография «Бережливость», 1903. – 358 с.

337.Устройство и служба русского Генерального Штаба. / Составил М. Газенкампф. – СПб.: Типография штаба войск Гвардии и С.-Петербургского военного округа, 1888.

338.Хрусталев В.М., Лыкова Л.А. Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы. Пермь: «Пушка», 1996. - 248 с.

339.Чакрабон Нариса, Хантер Эйлин. Катя и принц Сиама. / Пер. с англ. М. Петровой-Десницкой. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец»», 2004. – 256 с.: ил.

340.Часть первая. Военные управления. // Свод военных постановлений 1869. Издание второе (по 1 января 1893 г.). – СПб.: в Государственной типографии, 1893.

341.Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. / Текст воспоминаний и предисловие печатается по: Ленинград, Прибой, 1929 г. – М.: Новости, 1991. – 464 с.: ил. («Голоса истории»).

342.Флуг В. Высший командный состав. // Вестник Общества Русских Ветеранов Великой войны в Сан-Франциско. – 1937 - № 128-136; 1938. - № 140-142.

343.Фон Ренненкампф В.Н. Воспоминания. – М.: Содружество «Посев», 2013. – 302 с.: ил.

344.Фон Шлиффен Альфред. Современная война. // Германская военная мысль. / сост. К.А. Залесский. – М.: Астрель, 2012. – 604, [4] с.

345.Шляхтин Э.Э., полковник. Михайловское Артиллерийское Училище. //http://lepassemilitaire.ru/mixajlovskoe-artillerijskoe-uchilishhe-polkovnik-shlyaxtin/

346.Шостаковский П.П. Путь к правде. – Минск, 1960.

347.Юсупов Феликс, князь. Мемуары. До изгнания. 1887-1919. В изгнании. В двух книгах. // Пер.с франц. Е. Кассировой. – М.: Захаров и Вагриус, 1998. – 427 с.

348.Экк Э.В. От Русско-турецкой до Мировой войны: Воспоминания о службе. 1868-1918. / Вступ. ст. Н.П. Грюнберга, коммент. А.И. Дерябина. – М.: Кучково поле; Аудит недропользования и консалтинг, 2014. – 576 с. (Живая история).

349.Ящик Т.К. Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2004. – 116 с.

Литература по истории императорской гвардии, использованная при написании диссертации:

350.Абаза В.А. История Л.-гв. Конной артиллерии. – СПб.: Типо-Литография Р. Голике, 1896. – 73 с.

351.Бенкендорф, ротмистр. Краткая история Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка. – СПб.: Типография д-ра М.А. Хана, 1880. – 16 с.

352.Волкенштейн А. История Лейб-Гвардии Саперного батальона 1812-1852. С планами и рисунками. – СПб.: печатано в Военной Типографии, 1852. – 353 с.: ил., схемы.

353.Вестник Конногвардейского объединения. - №5 (Юбилейный). – 1956 г. (напечатано на печатной машинке). – Париж. – 25 с.

354.Гулевич С., капитан. История Лейб-Гвардии Финляндского полка. 1806-1906 г.г. – Часть IV. 1880-1906 г.г. – СПб., 1907. – 336 с.: приложения (отдел 2).

355.Измайловцы: история, биографии, мемуары. / Автор-сост. А.Ю. Бондаренко. – М.: Воениздат, 2007. – 392 с.: ил.;

356.Императорская гвардия. Справочная книжка Императорской квартиры. // Под редакцией В.К. Шенка. Издание 2-е. по 1-ое Мая 1910 г. – СПб.: Типография В.Д. Смирнова, 1910.

357.Императорская Российская Гвардия. 1700-1878. Хронологические таблицы. / Составил Г.-Л. барон Вячеслав Штейнгель. – СПб.: Канцелярия СПб. Градоначальника., 1878. – 313 с.

358.История Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка. Составлена офицерами полка. – СПб.: типография Второго Отделения собственной Его Величества Канцелярии, 1876 г. – 634 с.

359.История Лейб-Гвардии Саперного батальона 1812-1876. С кратким обзором участия Лейб-Гвардии Саперного батальона в русско-турецкой войне 1877-1878. - СПб.: типография Второго Отделения собственной Его Величества Канцелярии, 1879. – общее количество 375 стр.: книга разбита на подразделы и приложения с отдельной нумерацией.

360.История 4-го Л.-Гв. Стрелкового Императорской Фамилии батальона. // Стрелки Императорской Фамилии. Исторический очерк. – СПб.: типография В. Киршбаума, 1881. – 197 с.: приложения.

361.Кавалергарды: история, биографии, мемуары. / Автор-сост. А.Ю. Бондаренко. – М.: Воениздат, 1997. – 570 с.: ил.

362.Конногвардейцы: история, биографии, мемуары. / Автор-сост. А.Ю. Бондаренко. – М.: Воениздат, 2006. – 296 с.: ил.

363.Колокольцев Д.Г. Лейб-гвардии Преображенский полк в воспоминаниях его старого офицера с 1831 по 1846 год.//Русская старина. Т.38. 1883.

364.Лейб-гусары: История, биография, мемуары. // Автор-составитель А.Ю. Бондаренко. – М.: Воениздат, 2003. – 312 с.: ил. – («Полки русской армии»).

365.Лейб-егеря: история, биографии, мемуары. / Автор-сост. А.Ю. Бондаренко. – М.: Воениздат, 2011. – 431 с.: ил.

366.Лейб-кирасиры: история, биографии, мемуары. / Автор-сост. А.Ю. Бондаренко. – М.: Воениздат, 2011. – 304 с.: ил.

367.Общее расписание войск Отдельного Гвардейского Корпуса и причисленных к нему частей с обозначением их расположения на зиму 1857-1858 гг. – СПб., 1858. 11 с.

368.Очерк истории Лейб-гвардии Уланского Ея Императорского Величества императрицы Александры Федоровны полка. Составлен корнетом К. Александровским. Приложение. – СПб.: Типография Эдуарда Гоппе, 1896. 33 с. + Приложение 80 с.; ил.

369.Петин С. Собственный Его Императорского Величества Конвой. Исторический очерк. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1899. – 436 с.

370.Полный список Шефу, бригадным командирам и офицерам л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. – СПб., 1898.

371.Потоцкий П. капитан л.-гв. 1-ой артиллерийской бригады. История Гвардейской артиллерии. – СПб.: «Типография Балашова и Ко. Наб. Фонтанки, д. 95», 1896. 399 с.+ приложение 16 с.: ил.

372.Преображенцы: история, биографии, мемуары. / Автор-сост. А.Ю. Бондаренко. – М.: Воениздат, 2000. – 432 с.: ил.

373.Сорокин Б., капитан. Наше прошлое. Боевая жизнь и мирная служба Л.-Гв. Литовского полка. Краткий очерк. – Варшава: Типография канцелярии Варшавского генерал-губернатора, 1900. – 114 с.: приложения.

374.Стрелки Императорской Фамилии. Исторический очерк. – Типография В. Киршбаума: СПб., 1881. 197 с.

375.Тулубовский Я.А. поручик. Лейб-Гвардии 2-ой Стрелковый батальон в Турецкую компанию 1877-1878 г. г. – Типография Шридера: С. Петрбург, 1880. 162 с.: приложения.

376.Штакельберг К., барон, полковник. Полтора века Конной гвардии 1730-1880. Изложено для нижних чинов полка. – СПб.: Типография В.Ф. Демакова, 1881. – 230 с.: приложения.

Отдельные статьи и монографии:

377.Азбаров С. Военная элита. // Ресурс: Полит.ру: 27 мая 2004 г. / http://polit.ru/article/2004/05/27/military_elite/

378.Анненкова Э.А., Голиков Ю.П. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский. – СПб.: ООО Издательство «Росток», 2012.

379.Антонов Б.И. Императорская гвардия в Санкт-Петербурге. - СПб., 2001.

380.Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели. – М.: Модест Колеров и издательство «Три квадрата», 2003. – 256 с.

381.Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830-1904). – СПб.: Издательство «Алатейя», 1998. – 314 с.

382.Барсуков Е.З. Артиллерий русской армии (1900-1907 гг.). – Т.1. – М.: Военное Издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, 1948. - 393 с.

383.Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е. История военно-окружной системы в России. 1862-1918. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2012. – 468 с. – (Россия забытая и неизвестная. Золотая коллекция).

384.Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX век. Военно-экономический потенциал России. – М.: издательство «Наука», 1973. – 616 с.

385.Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. / Ответственный редактор академик А.Л. Нарочницкий. – М.: «Наука», 1986. – 238 с.

386.Бородкин И. Военная элита российского общества: теория и методология исследования. // Вестник военного университета. - №1(9). - 2007. С.34-42.

387.Бритов В.В. Рождение Красной армии. – М.: Государственное учебно-педагогическое издание Министерства просвещения РСФСР, 1961. – 280 с.: ил.

388.Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов. – М.: НП «Посев», 2008. – 748 с.

389.Власов Л.В. Женщины в судьбе Маннергейма. – СПб.: Фонд «Отечество», 2005. – 224 с.: ил.

390.Войцехович С. Российская полевая артиллерия. Артиллерийские системы на службе в Российской Императорской и Красной армиях. Серия Артиллерийский музей. Выпуск 13. – М.: ООО «БТР-КНИГА», 2008. – 112 с.: ил.

391.Воздушный флот. История и организация военного воздухоплавания.//Под редакцией Н.М. Глаголева. – Петроград: 2-е издание т-ва И.Д. Сытина, 1915. - 109 с.

392.Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. - М., 2002.

393.Волков С.В. Русский офицерский корпус. - М.: Воениздат, 1993. – 368 с.: ил.

394.Галушко Ю., Колесников А. Школа Российского Офицерства. - М., 1993. – М. : Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1993 . – 222 с.: ил. (Справочно-энциклопедическая серия).

395.Гёрлиц Вальтер. Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657-1945.//Пер. с англ. С.В. Лисогорского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 478 с.

396.Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. – М.: Кучково поле, 2001. – 440 с.

397.Горохов Жерар Русская императорская гвардия. – М., 2002.

398.Гришин Д.Б. Великий князь Константин. Пред вечной красотой. М.: «Вече», 2008. - 464 с.

399.Гришин Д.Б. Трагическая судьба великого князя. – М.: «Вече», 2006.

400.Гущин А.В. Русская армия в войне 1904-1905 гг.: историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий. // А.В. Гущин. - СПб. : «Реноме», 2014. - 256 с. [8]с.: ил.

401.Дженкинс Майкл. Аракчеев. Реформатор-реакционер. // Пер. с англ. И.А. Анатольева. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 271 с.

402.Думин С.В. Романовы. Семейная хроника. – М.: Захаров-АСТ, 1998.

403.Духанов М.М. Остзейцы. Политика остзейского дворянства в 50-70-х гг. 19 в. и критика ее апологетической историографии. - Рига, 1978.

404.Зайончковский А.М. Первая мировая война. – СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2002. – 878, [2] с.: цв. ил. – (Военно-историческая библиотека).

405.Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. По архивным документам. Со вступительной статьей М.Н. Тухачевского. – Штаб Р.К.К.А. Управление по исследованию и использованию опыта войны, 1926. – 425 с.: Приложение.

406.Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны. // П.А. Зайончковский (1904-1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. - М., 1998.

407.Зайончковский П.А. Высшее военное управление. Император и царствующий дом. // П.А. Зайончковский (1904-1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. – М., 1998. С.70-98.

408.Зайончковский П.А. Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной. // Вопросы истории. - №4. – 1980.

409.Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетия. – М.: «Мысль», 1973. – 355 с.

410.Залесский В.А. Военная элита Германии. 1870-1945. Энциклопедический справочник. // К.А. Залесский. – М.: Вече, 2011. – 650 с.: ил.

411.Зверев С.В. Генерал Краснов. Как стать генералом. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2013.

412.Зеепват Шарлотта. Цари перед объективом. Семья Романовых в фотографиях. // Пер. с англ. - Днепропетровск: Либрис, БАЛАНС БИЗНЕС БУКС, «Либри», 2005. – 256 с.

413.Зимин И.В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Вторая четверть XIX – начало XX в. Взрослый мир императорских резиденций. – М.: Издательство Центрполиграф, 2010. – 556, [4] с.

414.Зимин И.В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Вторая четверть XIX – начало XX в. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. – М.: Издательство Центрполиграф, 2010. – 571, [5] с.

415.Зимин И.В. Царская работа XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. – М.: Издательство Центрполиграф, 2011. – 638, [2] с.

416.Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904-1905 г.г.: Борьба на море. - М.: Книга, 1990. - 254,[2] с.: ил.

417.Иванов Р.И. Генерал-адъютант Его Величества. Сказание о Гуссейне-Хане Нахичеванском. – М.: Герои Отечества, 2006. – 368 с.: ил.

418.История русской армии. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Полигон», 2004. – 667, [5] с.: ил. – (Военно-историческая библиотека).

419.Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917 - 1920 гг. – М.: Издательство «Наука», 1988.

420.Канторович В.А. Александра Федоровна (опыт характеристики). – Ленинград: «Книжные новинки», 1927 г. – 67 с.

421.Карнович Е.П. Родовыя прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. - СПб.: Издание А.С. Суворина, 1886. [4]. – 248 [2] с.

422.Керсновский А.А. История русской армии. – Т.3 (1881-1915 гг.). – М.: «Голос», 1994.

423.Краткий очерк Брасовского имения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Георгия Александровича. – Орел: Типография газеты «Орловский вестник» Н.А. Сентяниной, 1895. - 23 с.

424.Керсновский А.А. История русской армии в 4-х томах. 1881-1915 гг. – Т.3. – М.: «Голос», 1994. – 352 с., ил.

425.Коновалов И.П. Солдаты удачи и воины корпораций. История современного наемничества. – Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2015. – 216 с.: с ил.

426.Кузнецов В.В. Русская Голгофа. – СПб.: Издательский дом «Нева», М.: Издательства «ОЛМА-ПРЕСС», 2003. – 512 с.: ил.

427.Кутарев О.Ю. Германские элиты в эпоху становления нацизма. - СПб.: Алетейя, 2013. - 272 с.

428.Ланник Л.В. Состав германской военной элиты в 1914-1918 гг. // Власть. - №10. – 2008. С.120-124.

429.Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904-1905 гг. // Русско-японская война. – М.: Издательство Эксмо, Изографус; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 672 с.: ил.

430.Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1698-1801. / История российских войск. Художник О.К. Пархаев; прилож. Б.Ю. Степанов. - М.: ТКО «АСТ», 1995. – 296 с.: ил.

431.Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1855-1918. // История российских войск. – М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. – 288 с., ил.

432.Малявский А.П. Скоропадский гетман всея Украины. Биографический очерк. – Киев: «Державная Друкарня», 1918.

433.Машкин Н.М. Высшая военная школа Российской Империи XIX - начала XX века. - М.: Издательский центр «Академия», 1997. - 347,[1] с.

434.Мери Вейо. Маннергейм – маршал Финляндии // Пер. с шведского А. Афиногеновой. – М.: Новое литературное обозрение, 1997. – 208 с.

435.Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.

436.Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов. – Орел: «Орелиздат», 2000. – 560 с.: ил.

437.Михайлов А.А. Первый бросок на юг. // А.А. Михайлов. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2003. – 429, [3] с.: 16 л. ил. – (Военно-историческая библиотека).

438.Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 428 с. – (Россия забытая и неизвестная).

439.Нахопетов Б.А. Врачебные тайны дома Романовых. – М.: Вече, 2007. – 336 с. : ил. – (Царский Дом).

440.Новицкий В.Ф. На пути к усовершенствованию государственной обороны. // Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. – М.: Военный университет, Русский путь, 2002. С.389-425.

441.Незвецкий Р.Ф. Лейб-гвардия императорской России. - М., 2009.

442.Ненахов Ю.Ю. Железом и кровью (войны Германии в XIX веке). – М.: Харвест, М.: АСТ, 2002. - 656 с. - (Военно-историческая библиотека).

443.Олейников Д.И. Бенкендорф. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 393[7] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей).

444.Осипова М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. // Предисловие В.А. Золотарева. – М.: Amini Fortitudo, 2005. – 320 с.

445.Петухов А.Ю. Генерал Кутепов. Гибель Старой гвардии: в 2-х кн. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. – 381 с.

446.Печенкин А.А. Военная элита СССР в 1935-1939 гг.: Репрессии и обновление. - М : ВЗФЭИ, 2003. - 172 с.

447.Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. – М.: Издательство «Наука», 1989.

448.Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. / Под общ. редакцией В.П. Маяцкого. – М.: Элакос, 1994.

449.Оськин М.В. Крах конного блицкрига. Кавалерия в Первой мировой войне. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 448 с.

450.Памятка 17-го гусарского Черниговского Е. И. Выс. В. К. Михаила Александровича полка (1668-1911 гг.). Составлена М. К. Соколовским. – СПб., 1911. 79 с.

451.Попов Н.С. Пребывание Его Императорского высочества Государя Наследника и Великого Князя Михаила Александровича в Орле 26 августа 1903 г. Орел: Типография губернского правления, 1903. 41 с.

452.Порошин А.А. Проигравшие победители. Русские генералы. – М.: АСТ, 2014. – 443, [5] с. – (Первая мировая: забытая война).

453.Португальский Р.М., Алексеев П.Д. и Рунов В.А. Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. // Под общ. редакцией В.П. Маяцкого. – М.: Элакос, 1994. – 400 с.: ил.

454.Пряжников Н.С. Психология элитарности. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. – 512 с.

455.Раушер Вальтер. Гинденбург: фельдмаршал и рейхспрезидент: Пер. с немецкого. – М.: Ладомир, 2003. – 338 с.

456.Режепо П. Статистика генералов. - СПб., 1903.

457.Русско-японская война. – М.: Издательство Эксмо, Изографус; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 672 с., ил.

458.Сахаров В. Русское масонство в портретах. – М.: ООО «АиФ Принт», 2004. – 512 с.: ил.

459.Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо…» Запад и военная элита России (1900-1914 гг.). - М.: ИВИ РАН, 2001.

460.Смирнов Р.В. «Дикий обычай» славной гвардейской школы. Цук и другие традиции Николаевского кавалерийского училища. – М.: «Любимая книга», 2010. – 128 с.: ил.

461.Сол Джон Ролстон. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. / Пер. с англ. А.Н. Сайдашева. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 895, [1] с.

462.Солдатов А, Бороган И. Новое дворянство. Очерки истории ФСБ. / Авторизованный перевод с английского О. Литвиновой. – М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. – 298 с.

463.Ульянов И. Регулярная пехота 1801-1855. / История российских войск. Худож. О.К. Пархаев. - М.: ООО Издательство АСТ, 1996. – 248 с.: ил.

464.Уортман Ричард С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т.2: от Александра II до Николая II. // Р.С. Уортман. Пер. с англ. И.А. Пильщикова. – М.: ОГИ, 2004. – 794, [4] с.

465.Федор Дж. Традиции чекистов от Ленина до Путина. Культ государственной безопасности. – СПб.: Питер, 2012. – 304 с.

466.Федорченко В.И. Двор российских императоров. - М., 2004.

467.Федорченко В.И. Свита российских императоров. Т.1-2. - М., 2005.

468.Федорченко В.И. Российский императорский дом и европейские монархии. М., 2006.

469.Функен Л., Функен Ф. Европа, XIX век: 1850-1900: Франция – Великобритания – Германия – Австрия – Россия. // Перевод с французского М.Ю. Крысина. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2002. – 155 с.: цв. ил. (Энциклопедия вооружения и военного костюма).

470.Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатьев. Российский дипломат. – М.: Квадрига, 2009. 372 с., илл. – (Биография).

471.Хереш Элизабет. Николай II. Серия «След в истории». – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. – 415 с.

472.Хмельницкий Е.А., Шереметьев А.Е. Кто они, кадеты? Образы и судьбы. // По материалам военно-исторической коллекции семьи Шереметьевых. - Киев: издательство ООО «Passage Promotion», 2009. – 240 с.: ил.

473.Хрусталева В.М. Великий князь Михаил Александрович. – М.: «Вече», 2008. – 544 с.: илл. – (Царский Дом).

474.Чаадаева А. Великий князь Сергей Михайлович. - М.: ОАО «Домодедовская типография», 2012.

475.Чапкевич Е.И. Русская гвардия в Первой мировой войне. Орел, 2003.

475.Шамбаров В.Е. Казачество: путь воинов Христовых. – М.: Алгоритм, 2012. – 668 с.

476.Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. – СПб.: «Искусство – СПб.», 2001. – 479 с., ил.: 20 л. цв. ил.

477.Шиндлинг А., Цинглер В. Кайзеры. Серия «Исторические силуэты». – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. – 640 с.

478.Широкорад А.Б. Русско-японские войны 1904-1945 гг. / Под общей редакцией А.Е. Тараса. – Минск: Харвест, 2003. – 720 с. (Профессионал).

479.Широкорад А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. – Минск: Харвест, 2000. 1156 с.: илл.

480.Юдин Е.Е. Князья Юсуповы. // Юдин Е.Е. – М.: издательство РГГУ, 2012. – 357 с.

Литература справочного характера:

481.Высшие и центральные государственные учреждения России 1801-1917. – Т.4. – СПб.: Наука, 2004. 314 с.

482.Галушко Ю.А., Колесников А.А. Школа российского офицерства. Исторический справочник. - М.: Русский мир, 1993. - 223 с.

483.Горохов Жерар. Русская императорская гвардия. – М.: Рейтар, 2002. – 319 с.: ил.

484.Орехов В.В. и Тарусский Е. Армия и флот. Военный справочник. – Париж: Издательство «Часовой», 1929. – 169 с.

485.Петровский А. Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам в разное время в города Черкасске, а затем Новочеркасске для управления областью Войска Донскова от высшего начальства поставленным (1738-1916 гг.). – СПб., 1917. – 40 с.

486.Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 томах. // А.Г. Преображенский. – Т.1-2. - М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959.

487.Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.

488.Российские адмиралы. Биографический словарь.//Автор-составитель С.В. Чертопруд. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Транзиткнига», 2004. – 746, [6] с.

489.Российская гвардия 1700-1918 гг. Справочник. / Составители: Бочаров А.А., Бурмистрова Т.Ю., Валькович А.М., Васильев А.А., Ильина Н.В., Капитонов А.П., Карпеев И.В., Сает Л.Я., Трамбицкий Ю.А., Шабанов В.М. – М.: Издательство «Новый хронограф», 2005. – 448 с.

490.Соловьев Б.И. Генерал-фельдмаршалы России. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 382 с. – (Серия «След в истории»).

491.Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.//Макс Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – Т.I-IV. - М.: Прогресс, 1986-1987.

492.Федорченко В.И. Свита российской императоров. В 2 кн. Кн. 1. А-Л. – М.: АСТ; Красноярск: Издательские проекты, 2005. – 526, [2] с.: ил., 16 л. ил.

493.Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного Совета Российской Империи. 1801-1906. Библиографический справочник. – СПб.: «Издательство Дмитрия Булавина», 2007.

494.Широкорад А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. – Минск: Харвест, 2000. 1156 с.: илл.

Научно-теоретические исследования:

495.Ашин Г.К. Элитология. История, теория, современность. – М.: МГИМО-Университет МИД России, 2005. – 544 с.

496.Ашин Г.К., Понеделков А.В., Старостин А.М., Кислицын С.А. Основы политической элитологии. Издание 2-е испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРКОМ», 2013. – 504 с.

497.Балаян А.А. Власть и интеллектуальная элита в условиях политической трансформации. Опыт Европы, Юго-Восточной Азии и постсоветского пространства. – СПб.: Алатейя, 2015. – 138 с.

498.Бард Александр, Зодерквист Ян. Netократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. / Перевод с английского Виталия Мишучкова. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.

499.Блок Марк. Феодальное общество. / Пер. с франц. М.Ю. Кожевниковой. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 504 с.

500.Веблен Т. Теория праздного класса. // Пер. с англ., вступительная статья и примечь. Сорокиной С.Г. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 366 с.

501.Владимиров А.И. Основы общей теории войны. Теория национальной стратегии. Основы теории, практики и искусства управления государством. – Часть 2. – М.: Синергия, 2013. – 832 с.

502.Канетти Э. Масса и власть. // Пер. с нем. и предисловие Л. Ионина. – М.: Издательство «Ad Marginem», 1997. – 527 с.

503.Крыштановская О. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – 384 с.

504.Крыштановская Ольга. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. - №4. – Осень, 2002. С.158-180.

505.Крыштановская Ольга. От милитократии к меритократии? // Русский журнал. – Май, 2008. С.59-69.

506.Крыштановкая О.В. Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия. // Мир России. - №4. – 2002. С.3-60.

507.Крыштановкая О.В. Современные концепции политической элиты и российская практика. // Мир России. - №4. – 2004. С.3-39.

508.Крыштановкая О.В., Хуторянский Ю.В. Элита и возраст: путь наверх. – 2002.

509.Крэстева Д. Власть и элита в обществе без гражданского общества. // Психология и психоанализ власти. / Составитель Райгородский Д.Я. – Т.1. – Самара: Издательский Дом «БАХРАР», 1999. – 608 с.

510.Михельс Роберт. Социология политической партии в условиях демократии. // http://vikent.ru/enc/1970/.

511.Ортега-и-Гасет Х. Бесхребетная Испания. // Восстание масс: Сб.: Пер. с исп. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 509, [3] с. С.269-371.

512.Парето Вильфредо. Трансформация демократии. / Пер. с итал. М. Юсима. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 208 с.

513.Сол Джон Ролстон. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума не Западе. // Пер. с английского А.Н. Сайдашева. – М.: АСТ Астрель, 2007. – 895, [1] с.

514.Уэбстер, Фрэнк. Теории информационного общества. / Пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхина. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

515.Хайдеггер М. Время картины мира. - СПб., 2004.

516.Хейвуд Эндрю. Политология. – 2-е издание. / Пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Бельского. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 544 с.

517.Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. - Тома I-III. – М.: Типография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1894 г.

518.Шаповаленко И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). – М.: Гардарика, 2005. – 342 с.

519.Шубарт Вальтер. Европа и душа Востока. / Пер. с нем. М.В. Назарова, З.Г. Антипенко. – М.: Издательство Эксмо, 2003. – 480 с.

520.Эвола Юлиус. Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. / Пер. с исп. В.В. Ванюшкиной. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 445, [3] с.

Диссертации:

521.Астанков В.А. Государственная деятельность цесаревича Александра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865-1881 гг.: диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Астанков Василий Александрович. – М., 2014. – 188 с.

522. Гребёнкин И.Н. Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914 – 1918 гг.: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 / Гребёнкин Игорь Николаевич. – Владимир, 2011. - 537 с.

523.Сак К.В. Великий князь Константин Константинович в общественно-политической жизни Российской империи. Конец 70-х гг. XIX века - 1915 год.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Сак Ксения Васильевна. – М., 2013. – 327 с.

524.Кряжев Ю.Н. Военно-организаторская деятельность Николая II как главы государства: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 / Кряжев Юрий Николаевич. – Курган, 2000. – 449 с.

525.Лебедев И.В. Священная дружина в общественной жизни России в начале 80-х годов XIX века: диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Лебедев Игорь Владимирович. - М., 2002. – 122 с.

526.Михайлов А.А. Военно-учебное ведомство России во второй половине XIX – начале XX в. и его роль в подготовке офицерских кадров: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 / Михайлов Андрей Александрович. - СПб., 2000. – 555 с.

527.Тарусин П.В. Военно-политическая элита в вопросах формирования оборонной политики: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.02 / Тарусин Павел Владимирович. – М., 2010. – 27 с.

528.Тутин Д.А. Казачьи полки императорской гвардии и их роль в первой русской революции: диссертация на соискание ученой степени кандидата ис-

торических наук: 07.00.02 / Тутин Дмитрий Альбертович. – СПб., 2002. – 229 с.

529.Шерстнев С.С. Деятельность государственных органов Российской империи по укреплению морального духа маньчжурской армии в период русско-японской войны (март 1904 – сентябрь 1905 г.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Шерстнев Сергей Сергеевич. – Оренбург, 2010. – 248 с.

530.Хмельницкая И.Б. Столичный досуг в начале XX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Хмельницкая Ирина Богдановна. - М., 2004. – 286 с.

Источники на иностранных языках:

531.Handbook of the Russian Army (Correction published in Russian Army Orders up to the end of 1913, are included in this Edition). Six edition. - General Staff. War Office, 1914. – 326 p.

Литература на иностранных языках:

532.Brazier K. The Complete Blue Max. A Chronological Record of the Holders of the Pour le Mérite, Prussia’s Highest Military Order, from 1740 to 1918. - Printed and bound in England by CPI Group (UK) Ltd, Croydon, 2013.

533.Cowles V. The Last Tsar. – G.P. Putnam’s Sons. New York, 1977. – 230 p.

534.Green F.V. Sketches of Army life in Russia. - LONDON : W.H. ALLEN&CO., 13, Waterloo Place. 1881. – 326 p.

535.Lohr E., Marshall P. The military and society in Russia 1450-1917. – Leiden; Boston; Koln: Brill, 2002. – 550 p.

536.Marwitz F.A.L. von der. Ein markisher Edelmann im Zeitalter der Betreiungskreige. - Bd. II. Tl. 2. - Hrsg. Von F. Meusel. Berlin, 1913. – 812 s.

537. Mayzel M. The Formation of the Russian General Staff, 1880-1917. A Social Study // Cahiers du monde russe et sovietique. 1975. Vol. 16. No. 3-4.

538.Menning Bruce W. Bayonets before Bullets: the Imperial Russian Army, 1861-1914. – Indiana University Press. Bloomington & Indianapolis, 1992. – 334 p.

539.Mills C. Wright The Military Ascendancy // The Power Elite. - Oxford Press, 1956. – 431 p.

540.Stephens F.J., Maddocks G.J. Uniforms and organization of the Imperial German Army 1900-1918. – Almark Publishing Co. LTD. London, 1975. – 80 p.

541.Stone D. Kaiser Army. – Bloomsbury Publishing Plc, 2015. – 349 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

РГВИА – Российский Государственный Военно-исторический архив

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

РГИА – Российский Государственный исторический архив

ГАОО – Государственный архив Орловской области

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

СГС – Списки генералам по старшинству

ГШ – Генеральный штаб

ГУГШ – Главное управление Генерального штаба

ГАУ – Главное артиллерийское управление

ГС – Государственный совет

ВС – Военный совет

СГО – Совет государственный обороны

АКР – Александровский комитет раненых

ГУ ВУЗ – Главное управление военно-учебных заведений

НАГШ – Николаевская академия Генерального штаба

МАА – Михайловская артиллерийская академия

НИА – Николаевская инженерная академия

ПК – Пажеский корпус

НКУ –Николаевское кавалерийское училище

ПВУ – Павловское военное училище

КВ(А)У, КАУ – Константиновское военное (артиллерийское) училище

АВУ – Александровское военное училище

МАУ – Михайловское артиллерийское училище

ОСШ – Офицерская стрелковая школа

ОКШ – Офицерская кавалерийская школа

ОАШ – Офицерская артиллерийская школа

СПб. ВО – Санкт-Петербургский военный округ

ВО – военный округ

ЭОЧ – экзамен на офицерский чин при каком-либо военном училище

АК – армейский корпус

ГК – гвардейский корпус

ГКД – гвардейская кавалерийская дивизия

ГПД – гвардейская пехотная дивизия

ГПБ – гвардейская пехотная бригада

ГКД – гвардейская кавалерийская бригада

Бр. – бригада

П. - полк

Л.-гв. – лейб-гвардия

Гв. – гвардия (гвардейский)

в. к. – великий князь

г. – генерал (в тексте г. от инфантерии, г.-лейтенант, г.-майор, г.-адъютант)

НШ – начальник штаба

Е.И.В./Е.В. – Его Императорское Величество/Его Величество

С.Е.И.В. – Свита Его Императорского Величества

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

На правах рукописи

ЧУВАРДИН ГЕРМАН СЕРГЕЕВИЧ

Офицерский корпус российской императорской гвардии в системе военной и военно-политической элиты Российской империи 1881-1914 г. г.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

ПРИЛОЖЕНИЯ

к диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант: доктор исторических наук В.В. Зверев

Москва – 2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Приложение 1. Состав военного министерства в соответствии с «Положением о военном министерстве» от 1.01.1869 г. 10

Приложение 2. Личностные особенности военных министров Российской империи 1881-1914 г. г. 11

Приложение 3. Члены императорской Фамилии, включая императоров, командующие боевыми единицами императорской гвардии. 13

Приложение 4. Обозрение поведения и прилежности в учении Наследника Цесаревича Александра Николаевича, Виельгорскаго и Паткуль в последнее полугодие 1828 г. 16

Приложение 5. Особенности военной карьеры российских императоров 1825-1914 г. г. 20

Приложение 6. Размер суммы, выделяемой на содержание представителей правящего Дома в соответствии с «Учреждением об Императорской Фамилии» (в таблице указаны только представители мужского пола). 21

Приложение 7. Биографическая справка на офицеров, занимающих должность НШ ГК в период правления императоров Александра III – Николая II. 22

Приложение 8. Список офицеров ГШ, умершим от ран, а также скончавшимся на ТВД в течении войны с Японией 27

Приложение 9. Характеристика, данная А.С. Лукомским профессуре НАГШ в период его обучения в академии. 29

Приложение 10. Параметр инкорпорированности генералитета в структуры российской императорской гвардии. 32

Приложение 11. Список генералов, умерших в должности

члена ВС. 35

Приложение 12. Денежное довольствие генералов-членов Военного совета. 45

Приложение 13. Размер жалованья генералов-членов Военного Совета. 50

Приложение 14. Офицеры, командовавшие гвардейскими частями (подразделениями) и соединениями императорской гвардии, являвшиеся членами Военного совета в эпоху Николая II. 52

Приложение 15. Особенности карьеры генералов-членов Военного Совета. 54

Приложение 16. Список действительных членов Александровского комитета о раненных на 1903 г. 55

Приложение 17. Гв. части и подразделения основных европейских держав в 70-е гг. XIX – нач. XX в. в. 64

Приложение 18. Особенности эволюции частей и подразделений ГК в 1807-1878 г. г. 67

Приложение 19. Ведомость о численности войск гвардии 1881 г.: обер-офицеры. 69

Приложение 20. Ведомость о численности войск гвардии 1881 г.: нижние чины. 71

Приложение 21. Особенности (основные этапы) служебной карьеры в. к. Николая Николаевича-старшего 72

Приложение 22. Извлечения из «Книги жалоб и предложений офицерского собрания лейб-гвардии Уланского полка» 1906-1913 г. г. 73

Приложение 23. Приказ управляющего Военным Министерством генерал-адъютанта В.С. Ванновского о преобразовании Собственного Е.В. конвоя от 2.12.1881 г. («Во исполнение

Высочайшего повеления императора Александра III…»: извлечения) 75

Приложение 24. Ныне действующее Положение Роты Дворцовых Гренадер (от 13 Марта 1882 года) с предлагаемыми изменениями. 75

Приложение 25. Проект штатов Роты Дворцовых гренадер (в соответствии с новым положением о Роте Дворцовых гренадер. 13 Марта 1882 года). 80

Приложение 26. Рапорт и отчет командира 1-й гвардейской дивизии Дрентельна Главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа в. к. Владимиру Александровичу о состоянии дивизии за 1869 год. 81

Приложение 27. Аттестационные списки на офицеров 1 ГПД и Л.-гв. Преображенского полка. 1870-1871 гг. От 21-го Мая 1870 г. С пометкой «Копия» 85

Приложение 28. Штрафной журнал гг. офицерам Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка за 1853 г. 87

Приложение 29. Письмо неустановленного лица (без подписи) Глазову В.Г. о притеснениях ротного командира кап. Л.-гв. Московского полка Бобровского. 1894 г. 90

Приложение 30. Наказные атаманы Войска Донского в период правления Александра II - Николая II. 92

Приложение 31. Начальники штаба Войска Донского. 93

Приложение 32. Особенности «эволюции» гвардейских казачьих частей в период правления императоров Александра II – Николая II. 96

Приложение 33. Расписание занятий в эскадронах Лейб-Гвардии Атаманского Его Имп. Выс. Полка с 13-го по 19-е Июня 1888-го года. 96

Приложение 34. Соотношение между классом чина и старшинством орденов (с 1884 г.). 97

Приложение 35. Офицеры л.-гв. Сводного Казачьего полка, участники русско-японской 1904-1905 гг. войны. 98

Приложение 36. Конфессиональная принадлежность офицеров гв. казачьих частей. 99

Приложение 37. Особенности военной карьеры командиров гв. казачьих полков. 99

Приложение 38. Схема нахождение чинов у орудия. 102

Приложение 39. Тактико-технические характеристики основных орудийных систем состоящих на вооружении российской артиллерии в период правления императора Николая II. 103

Приложение 40. Шефы батарей Гвардейской Конно-артиллерийской бригады. 104

Приложение 41. Надписи на киверах батарей гв. артиллерийских бригад. 104

Приложение 42. Артиллерия при пехоте Отдельного ГК состоящая: 1857-1858 г. г. 105

Приложение 43. Эволюция гвардейской артиллерии в период правления императоров Александра II – Николая II. 105

Приложение 44. Старшинство артиллерийских частей по времени пожалования прав старой гвардии. 106

Приложение 45. Командиры гвардейских артиллерийских частей в период правления Николая II (всего 37 чел.). 107

Приложение 46. Начальники Офицерской артиллерийской школы 1882-1914 г. г. 108

Приложение 47. Карьерный рост генералов-артиллеристов, командиров отдельных частей гв. артиллерии. 110

Приложение 48. Командиры дивизионов л.-гв. 1 артиллерий-

ской бригады. 113

Приложение 49. Командиры дивизионов л.-гв. 2 артиллерийской бригады. 114

Приложение 50. Командиры дивизионов л.-гв. 3 артиллерийской бригады. 115

Приложение 51. Командиры дивизионов л.-гв. Конно-артиллерийской бригады. 116

Приложение 52. Командиры батарей л.-гв. Конно-артиллерийской бригады в 80-е г. г. XIX в. – 1914 г. 116

Приложение 53. Уровень военного образования в л.-гв. 1-я артиллерийская Е.И.В. бригаде. 118

Приложение 54. Уровень военного образования в л.-гв. 2-я артиллерийская Е.И.В. бригаде. 118

Приложение 55. Уровень высшего военного образования в частях гв. артиллерии. 119

Приложение 56. Состав Гв. стрелковой бригады (с указанием особенностей эволюции отдельных стрелковых батальонов) на 1.07.1903 г. 120

Приложение 57. Особые обязанности отдельных офицеров л.-гв. 2-го Стрелкового батальона (февраль 1899 г.). 121

Приложение 58. Особенности карьерной динамики командиров л.-гв. стрелковой бригады/дивизии 122

Приложение 59. Особенности «последующего карьерного роста» офицеров-командиров гв. стрелковой бригады. 123

Приложение 60. Командующие (Главнокомандующие) войсками Гвардии и Петербургского военного округа, командующие Гвардейским корпусом 124

Приложение 61. Особенности военной карьеры командиров ГК германской императорской армии 126

Приложение 62. Командующие (Главнокомандующих) СПб. ВО и войсками Гв. 1864-1914 гг. 127

Приложение 63. Программа и расписания учебных занятий в. кн. Владимира Александровича. Начато 1863-1865. 129

Приложение 64. Продолжение приложения 63. 129

Приложение 65. Расписание Учебных Занятий Великого Князя Владимира Александровича с мая 1865 года. 130

Приложение 66. Продолжение приложения 65. 130

Приложение 67. Программа пройденного Великим Князьям Александру и Владимиру Александровичам из всеобщей истории во второй половине 1863-64 учебного года. 130

Приложение 68. Придворный штат Великого Князя и Великой Княгини. 131

Приложение 69. Награды великого князя Владимира Александровича. 133

Приложение 70. Участие великого князя Владимира Александровича в качестве командира 12-го корпуса в кампании 1877-1878 г. г. 133

Приложение 71. Заграничные турне великого князя Владимира Александровича с 1881 по 1902 г. 134

Приложение 72. Дневниковые записи Николая II за 1904 г. о «дежурных офицерах»-сотрапезниках. 135

Приложение 73. Г.-фельдмаршалы российской императорской армии в период правления Александра III – Николая II. 137

Приложение 74. Помощники Главнокомандующего войсками Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, начальники штаба войск Гвардии и СПБ. ВО. 139

Приложение 75. Параметры «участие в боевых действиях», «награждение боевыми орденами» и «скорость карьерного

роста» командиров 1 ГКД. 143

Приложение 76. Параметры «участие в боевых действиях», «награждение боевыми орденами» и «скорость карьерного роста» командиров 2 ГКД. 144

Приложение 77. Фактор брачных отношений и наличия детей у офицеров 1 и 2-й ГКД. 145

Приложение 78. Размер жалования отдельных офицеров-начальников гвардейских кавалерийских дивизий. 146

Приложение 79. Особенности «последующего карьерного роста» командиров 1-ой и 2-ой гв. кавалерийских дивизий. 147

Приложение 80. Командиры гвардейских пехотных дивизий в 1881-1914 г. г. 149

Приложение 81. Особенности этнического происхождения командиров гвардейских пехотных дивизий, исповедующих протестантизм и католицизм. 150

Приложение 82. Связь командиров гвардейских пехотных дивизий с императорской гвардией на начальном этапе службы (после окончания военно-учебных заведений) 152

Приложение 83. Особенности военной карьеры командиров 1, 2 и 3 гвардейских пехотных дивизий: параметр командования гв. полком/гв. стрелковым батальоном и гв. соединением (бригадой) 153

Приложение 84. Участие командиров 1-й гвардейской пехотной дивизии в боевых действиях (с указанием боевых наград) 154

Приложение 85. Участие командиров 2-й гвардейской пехотной дивизии в боевых действиях (с указанием боевых наград). 156

Приложение 86. Участие командиров 3-й гвардейской пехотной дивизии в б/д и награждение их «боевыми наградами» 158

Приложение 87. Особенности семейного положения офице-

ров-командиров гвардейских пехотных дивизий. 158

Приложение 88. Размер жалования отдельных офицеров-начальников гвардейских пехотных дивизий. 160

Приложение 89. Письма Панчулидзева С.А. жене Панчулидзевой Надежде Борисовне 1892-1908 г. г. 162

Приложение 90. Параметр «последующей военной карьеры» командиров 1-й гвардейской пехотной дивизии. 163

Приложение 91. Последующий карьерный рост командиров 2-й гвардейской пехотной дивизии. 166

Приложение 92. Последующий карьерный рост командиров 3-й гвардейской пехотной дивизии. 168

Приложение 93. Особенности «последующего карьерного роста» генералов-командиров гвардейских пехотных дивизий (сводная таблица). 169

Приложение 94. Командиры бригад 1-ой и 2-ой гвардейских кавалерийских дивизий и Отдельной «Варшавской» кавалерийской бригады. 170

Приложение 95. Командиры бригад 1-ой, 2-ой и 3-й гвардейских пехотных дивизий. 191

Приложение 96. Семейное положение командиров бригад ГКД и ГПД. 208

Приложение 97. Сведения о числе состоящих ныне на службе в войсках Гвардии и Петербургском военном округе генералов, штаб- и обер-офицеров по данным к 1-му июля 1911 г. 209

Приложение 98. Социальное происхождение жён отдельных представителей высшего российского генералитета. 210

Приложение 99. Формуляр для заполнения для генералов и «старших начальников» 212

Приложение 100. Список вещей, входящих в домашнюю об- 212

становку полных генералов.

Приложение 101. Список генералов-крупных землевладельцев конца XIX – нач. XX в. в. 213

Приложение 1. Состав военного министерства в соответствии с «Положением о военном министерстве» от 1.01.1869 г.

1)Императорская Главная квартира[1];

2)Военный Совет;

3)Главный военный суд;

4)Канцелярия военного министерства;

5)Главный штаб;

6)Главное Интендантское Управление;

7)Главное Артиллерийское Управление;

8)Главное Инженерное Управление;

9)Главное Военно-Медицинское Управление;

10)Главное Управление Военно-Учебных Заведений;

11)Главное Управление казачьих войск;

12)Главное Военно-Судное Управление.[2]

В составе министерства также находились следующие управления: генерал-инспектора кавалерии и инспектора стрелковой части в войсках. К министерству также причислялся АКР.

В указанный отрезок времени в состав министерства входил *«ряд главных комитетов»*:

- военно-госпитальный;
- военно-кодификационный;
- военно-тюремный;
- военно-учебный;
- по устройству и образованию войск;
- военно-ученый.

В составе министерства так же числился главный священник армии и флота.3

1 С Военно-походной канцелярией.
2 Свод военных постановлений 1869 года. – Часть первая. Военные управления. Издание второе (по 1 Января 1893 года). СПб., 1893. С.19.
3 Список высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. СПб., 1869. С.54-89

Приложение 2. Личностные особенности военных министров Российской империи 1881-1914 г. г.

Фамилия военного министра (годы пребывания в должности); воинское и свитское звание	**Социальное происхождение**	**Наименование военно-учебного заведения, оконченного фигурантом**	**Участие в боевых действиях; боевые награды**	**Особенности карьерного роста (наиболее значимые этапы военной карьеры)**
1)Ванновский П.С. (1881-1898 гг.); 1878 г. – г.-адъютант; 1883 г. – г. от инфантерии; - женат, 3 детей; - прав.; - стал военным министром в 59 лет.	Происходил из белорусского шляхетского рода; потомственный дворянин Минской губ.	1)1-й Моск. кад. корп.	1)кампании: 1849, 1853-1854, 1877-1878 гг.; 2)боевые награды: св. В. 4 ст. м. б. – 1854 г.; св. Г. 3 ст. – 1877 г.	1)нач. ОСШ - 1857-1851; 2)дир. Павловского кад. корп. – 1863-1868 гг.; 3)нач. ПВУ – 1863-1868 гг.; 4)нач.: 12 ПД – 1868-71, 33 ПД – 1871-1876; 5)ком. 12 АК – 1876-1877 гг.; 6)и. д. НШ Рущукского отряда – 1877-1878; ком. войсками Восточного отр. – 1878-1879 ; 7)ком. 12 АК – 1879-1881 гг.; 8)упр. Воен. мин-ва – 1881-1882; военный министр – 1.01.1882-1.01.1898 гг.
2)Куропаткин А.Н. (1898-1904 гг.); 1901 г. – г. от инфантерии; 1902 г. – г.-адъютант.; - женат, 1 ребенок. - прав.; - стал военным министром в 50 лет.	Родился в семье мелкопоместного дворянина Псковской губ., военного топографа, капитана Н.Е. Куропаткина	1)ПВУ (1 р.); 2)НАГШ (1 р.)	1)кампании: 1867, 1868, 1874 (в Алжире),1877 (контужен и ранен; 1879 – причислен ко 2-му классу раненных)-1878; 1880-1881 гг.; 2)боевые награды: св. С. 3 м. б., св. А. 3 м. б. – 1869 г.; св. Г. 4 ст. – 1876 г.; св. В. 4 ст. м. б., св. С. 2 ст. м., з. о. – 1877 г.; св. Г. 3 ст. – 1881 г.	1)НШ 16 ПД – 1877-1878 гг.; 2)нач. северного авангарда Кульджинского отр. – 1880 г.; нач. Туркестанского отр. В Ахал-Текинском оазисе – 1880-1881 г.; 3)зав. Азиатской частью Главн. Штаба – 1878-1879 гг.; 4)командующий и нач. Туркестанской стр. бриг. – 1879-1883 гг.; 5)нач. и ком. войсками Закаспийской обл. – 1890-1898 гг.; 6)военный министр – 1.07.1898-7.02.1904 гг.
3)Сахаров В.В. (1904-	Потомственный дворя-	1)АВУ (выпущен	1)кампании: 1877-	1)НШ 2 ГКД – 1884-1889 гг.;

1905 гг.); 1897 г. – г.-л.; 1903 г. – г.-адъютант.; - женат, 3 детей; - прав.; - стал военным министром в 56 лет.	нин Московской губ.	п/поручиком в 123 пех. Козловский п., переведен прапорщиком в л.-гв. Гренадерский п.). 2)НАГШ (1 р.).	1878 гг.; 2)боевые награды: св. А. 3 ст. м. б., св. С. 2 ст. м. – 1877 г.; св. А. 2 ст. м., св. В. 4 ст. м. б. – 1878 г.	2)пом. НШ Варшавского ВО – 1890-1892 гг.; 3)окружной ген.-квартирмейстер Варшавского ВО – 1892-1894 гг.; 4)НШ Одесского ВО – 1894-1898 гг.; 5)начальник Главного Штаба – 1898-1894 гг.; 6)военный министр – 11.03.1904 – 1905 гг.
4)Редигер А.Ф. (1905-1909 гг.); 1907 г. – г. от инфантерии. К началу 1-ой мировой войны в Свите Е.И.В. не состоял. - женат; - лютер.; - стал военным министром в 52 года.	Происходил из дворянского герм. рода, проживавшего в Hanau (земля Гессен). Дед поступил на русскую службу в л.-гв. Конный п. при Екатерине II. Отец дослужился до звания г.-л. Потомственный дворянин В. к-ва Финляндского.	1)Финляндский кадетский и ПК (выпущен в л.-гв. Семеновский полк). 2)НАГШ (1 р.; с малой серебряной медалью).	1)кампании: 1877-1878 гг.; 2)боевые награды: св. С. 3 ст. м. б. – 1878 г.	1)ст. адъютант; оф. для особых поручений; шт.-офицер для особых поручений при штабе ГК – 1879-1882 гг.; 2)товарищ Военного министра к-ва Болгарского – 1882-1883 гг.; 3)управляющий Министерством к-ва Болгарского – 1883 г.; 4)делопроизводитель канцелярии военного министерства – 1894-1897 гг.; 5)нач. канцелярии военного министерства – 1898-1905 гг.; 6)военный министр – 15.07.1905-11.03.1909 гг.
5)Сухомлинов В.А. (с 1909); 1906 г. – г. от кавалерии; 1912 г. – г.-адъютант; - женат; - прав.; - стал военным министром в 61 год.	Принадлежал к украинскому роду Сухомлинов. Потомственный дворянин Ковенской губ. Отец служил в гвардии: перешел на гражданскую службу (надворный советник).	1)1-й кадетский корпус; НУГЮ (выпущен в л.-гв. Уланский Его В. полк); 2)НАГШ (1 р.)	1)кампании: 1877-1878 гг.; 2)боевые награды: з. о., св. Г. 4 ст., св. С. 2 ст. м. – 1878 г.; св. В. 4 ст. м. б., св. А. 2 ст. м.	1)старший адъютант штаба 1 ГКД – 1874-1878 гг.; 2)в распоряжении Е.И.В. главнокомандующего действующей армии – 1877-1878 гг.; 3)правитель дел НАГШ – 1878-1884 г.; 4)командир л.-драгунского Павлоградского п. – 1884-1886 гг.; 5)нач. ОКШ – 1886-1897 гг.; 6)нач. 10 КД – 1897-1899 гг.; 7)НШ Киевского ВО – 1899-

				1902 гг.; 8)ком. войсками Киевского ВО; Волынский и Подольский ген.-губернатор – 1904, 1905-1908 гг.; 9)нач. ГШ – 1908-1909 гг.; 10)военный министр – с 11.03.1909 г.

Источники: СГС. СПб., 1896, 1899, 1905, 1908, 1914.

Приложение 3. Члены императорской Фамилии, включая императоров, командующие боевыми единицами императорской гвардии.

№	Император, великий князь	Последнее воинское звание (когда присвоено); свитское звание (когда присвоено)	Примечания
1.	Александр II	Генерал от инфантерии (1844); генерал-адъютант (1843)	С 1844 командовал гвардейской пехотой
2.	Константин Николаевич	Адмирал (1855); генерал-адъютант (1852)	Управляющий Флотом и Морским министерством (1855-1881); наместник Царства Польского (1862-1863)
3.	Николай Николаевич-старший	Генерал-фельдмаршал; генерал-адъютант (25.01.1856)	*Генерал-инспектор по инженерной части и всей кавалерии* (20.08.1852), командующий (командир) Отдельным Гвардейским Корпусом (с 1861) и гвардейским резервным кавалерийским корпусом (с 1860), с 1864 г. – командующий (с 1867 – главнокомандующий) войсками Гвардии и СПбВО, член Государственного Совета.1 Начальник управления генерал-инспектора кавалерии с 31.03.1864 по 13.04.1891 г.2
4.	Михаил Николаевич	Генерал-фельдмаршал (1878), генерал-адъютант (1856), гене-	С 27.03.1852 г. член Государственного Совета без права голоса («не принимал участия в решении дел»3). С июля

1 ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 11.
2 Высшие и центральные государственные учреждения России 1801-1917. Т.4. СПб., 2004. С.120.
3 Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного Совета Российской Империи. 1801-1906. Библиографический справочник. СПб., 2007. С. 505.

		рал-фельдцейхмейстер (1852/1856).	1881 г. – председатель Государственного Совета и член Комитета министров (1883). Участник Крымской войны 1853-1856 гг. 1862-1881 – наместник на Кавказе.
5.	Николай Александрович	Генерал-майор в 19 лет	Умер от туберкулеза
6.	Александр III	Генерал от инфантерии (1874); генерал-адъютант (1868)	Командир Гвардейского корпуса (1874-1880 гг.); командующий СПб военным округом и войсками гвардии - 1880-1881 гг.
7.	Владимир Александрович	Генерал от инфантерии (30.11.1880 г.); генерал-адъютант (10.04.1872).	Командующий СПб военным округом и войсками Гвардии – 2.03.1881-20.09.1905 гг. *Член Государственного совета* с 16.04.1872 г.1 С 1872 г. – президент Императорской Академии художеств.
8.	Алексей Александрович	Адмирал (1888); генерал-адъютант (19.02.1880)	*Член Государственного Совета* (1.01.1881), Главный начальник флота и Морского министерства (1881-1905), член Комитета министров (1892)2.
9.	Сергей Александрович	Генерал-лейтенант	Командир л.-гв. Преображенского п. Командующий Московским ВО
10.	Павел Александрович	Генерал от кавалерии (1913); генерал-адъютант (1897).	Командир л.-гв. Конного п. (1890-1896), командир 1 ГКД (1896-1898), командир ГК (1898-1902). Карьера разрушена браком с О.В. Пистолькорс.
11.	Николай Константинович	Полковник	Окончил НАГШ с серебряной медалью. Офицер л.-г. Конного п. Участник Хивинского похода 1873-1874 гг. *Признан душевнобольным, лишен всех званий. Выслан в Ташкент.*
12.	Константин Константинович	Генерал от инфантерии (1907 г.); генерал-адъютант (1901)	Командир л.-гв. Преображенского п. – 1891-1900 гг. Главный начальник ВУЗ с 1900 г. (с 1910 г. генерал-инспектор ВУЗ).
13.	Дмитрий Константинович	Генерал от инфантерии (1915 г.); генерал-адъютант (1904 г.)	Участник русско-турецкой войны 1877-78 гг., командир л.-г. Конно-гренадерского полка (1892 г.); в. и. д. командира л.-г. 2-й гв. кавалерийской дивизии - 16.08.1896-30.08.1896;

[1] РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 408.
[2] Российские адмиралы. Биографический словарь. Автор-составитель С.В. Чертопруд. М., 2004. С. 17.

			Главноуправляющий государственным коннозаводством (с 25.05.1897 г. по ноябрь 1905 г.), числился в списках л.-гв. Конного п. с 1.06.1860 г.1
14.	Николай Николаевич-младший	Генерал от кавалерии	Командир л.-гв. 2-й гв. кавалерийской дивизии - 1890-1895 гг. *Генерал-инспектор кавалерии* (Начальник управления генерал-инспектора кавалерии 6.05.1895 – 8.06.1905). Командующий СПб. ВО и войсками Гвардии.
15.	Петр Николаевич	Генерал-лейтенант (1908 г.)	*Оставил службу по причине болезни туберкулезом.*
16.	Николай Михайлович	Генерал от инфантерии (1913 г.)	Родился 14.04.1859 в СПб. губ. НАГШ (1 р.). 1877-78. Холост. Командир 16 гренадерского мингрельского Е. И. В. в. к. Дмитрия Константиновича полка. В списках л.-гв. Конно-Гренадерского п. Его отец: шеф полка. 1879 – флигель-адъютант.[2]
17.	Михаил Михайлович	Полковник (1890 г.)	Лишен звания в 1891 г., восстановлен в 1909 г.
18.	Георгий Михайлович	Генерал-лейтенант	-
19.	Александр Михайлович	Адмирал (1915 г.)	-
20.	Сергей Михайлович	Генерал-лейтенант	Родился 25.09.1869, пр., СПб. губ., подпор. с 25.09.1889, полковник с 18.04.1899, ген.-м. с 10.03.1904 г. Командир 2-й Е. И. В. г.-фельдцейхмейстера батареи гв. конно-артиллерийской бригады.[3] *Генерал-инспектор всей артиллерии*.
21.	Алексей Михайлович	-	Умер от чахотки в 19 лет
22.	Николай II	Полковник	-
23.	Михаил Александрович	Генерал-лейтенант (1916 г.)	-

[1] РГВИА Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3239. Л.3.
[2] РГВИА. Ф. 3544. Оп. 1. Д. 10. л.-гв. Конно-Гренадерский полк.
[3] РГВИА. Ф. 3544. Оп. 1. Д. 69. За апрель 1903 г.

24.	Георгий Александрович	Лейтенант (1894 г.)	Умер от легочной болезни (1871-1899 гг.)
25.	Александр Владимирович	-	Умер (1875-1877 гг.)
26.	Кирилл Владимирович (1876-1938)	Свиты Е.И.В. контр-адмирал (с 1915 г.)	Командир Гвардейского флотского экипажа (1915 г.)
27.	Борис Владимирович (1877-1943)	Свиты Е.И.В. генерал-майор (1915)	Командующий л.-гв. Конно-артиллерийской бригадой (май 1915 г.)
28.	Андрей Владимирович (1879-1856)	Свиты Е.И.В. генерал-майор (1915 г.)	Числился в составе л.-гв. Конно-артиллерийской бригады (с мая 1915 г. ее командующий). В марте 1911 г. назначен сенатором.
29.	Роман Петрович (1896-1976)	-	-
30.	Дмитрий Павлович	Штабс-ротмистр	-
31.	Алексей Николаевич	Ефрейтор	Цесаревич

Приложение 4. Обозрение поведения и прилежности в учении Наследника Цесаревича Александра Николаевича, Виельгорскаго и Паткуль в последнее полугодие 1828 г. (соблюдается орфография и пунктуация источника).

	Номера полученные на последнем экзамене										**Число отметок в настольной книге**			**Число недель отличных**			**Число отметок за беспорядок**
	В законе	**В русском языке**	**В физике**	**В математике**	**В географии**	**Во французском языке**	**В немецком языке**	**В английском языке**	**В чистописании**	**Итого**	**За поведение**	**За учение**	**Итого**	**Полные недели**	**За поведение**	**За учение**	
Александр Николаевич	1	2	1	1	1	1	1	2	1	ч	673	627	1300	1	IV	11	-

Виель-горский	1	1	1	1	1	1	2	1	2	ч	702	754	1456	V	-	V	10
Паткуль	-	3	2	2	2	2	3	-	3	-	620	566	1186	-	1	-	9

Сообразив числа, означающие отдельные хорошие часы поведения и учения и номера означающие целыя отличния недели, находим, что первенство, как в учении, так и в поведении за прошедшие полгода принадлежит Виельгорскому. Но отметки, означающия отдельные часы не столь однако важны, как номера означающие целыя отличныя недели. Первыя доказывают, что были удачные опыты исполнять свою должность, последние свидетельствуют что было постоянство в ея исполнении. И справедливость велит сказать что Виельгорский хотя и заслуживает первенства перед другими по числу отметок, но получает право на одно особенное одобрение, права же на уважение и он еще не может иметь, ибо уважение дается за постоянство. Всех недель было 23. Из них только пять отличных полных и пять отличных по поведению. Всего на все 7 ½ полных. Довольно для похвалы, но мало для уважения. Также справедливость велит заметить, что Великий Князь в конце года был вообще постояннее и деятельнее против прежняго, чем и доказал, что он наконец решился владеть собой.

По принятому нами правилу в следствие разсчета оказывается, что право начинать вносить деньги в кассу благотворения еще никому дано быть не может. Его получит только тот, кто в течении полугода будет иметь по крайней мере две трети недель отличных полных.

Александр Николаевич.

Хорошия качества Великаго князя суть следующие:

Постоянное благородство характела, достойное его звания, его родителей и России.

Чистота сердца, в котором нет и подозрения дурного.

Отменно здравый ум, понимающий все, есть ли не быстро, то верно, и сохраняющий особенно все то, в чем заключается верная мысль.

Хорошая память, могущая весьма усовершенствоваться, есть ли будет на то добрая воля.

Драгоценная любовь к справедливости.

Уважение к должности, которое может, есть ли будет соединено с деятельностью, обратится в высокую добродетель.

Великодушное признание чужаго достоинства без малейшей зависти.

Главные недостатки Великаго Князя суть следующие:

Слабость воли, от чего происходит неспособность управлять собою.

Лень ума, который боится работы, отчего и самая должность , которую Великий Князь уважает, редко бывает исполнена как следует.

Недостаток честолюбия, или лучше сказать слишком робкое честолюбие. Великий Князь больше боится неудачи, нежели стремится быть в деле своем первым.

Какое то физическое безпокойство; заставляющее Великого Князя быть в безпрестанном движении: оно вредит его вниманию и отвлекает его от работы.

Наконец иногда слишком поспешное мнение о своем знании, самонадеянности от чего разположение неохотно принимать совет или наставление. Великий Князь позволяет себе иногда слушать то, что говорят ему его наставники с какою то разсеянностью.

Виельгорский.

С хорошими качествами, которыя имеет Великий Князь, Виельгорский соединяет живое любопытство, живую внимательность, любовь к труду, прилежность, легкость в работе, горячее честолюбие заслужить делом одобрение.

Главный недостаток его состоит в том, что, будучи деятелен по любви к труду, он не всегда бывает постоянен, может начинать и не доканчивать начатого. Великий князь трудится по любви к должности, - я желал-бы, чтобы он

имел больше любви к труду. Виельгорский трудится по любви к труду – я желал бы ему более любви к должности и особенно к порядку.

Его честолюбие также имеет свою другую сторону. Он легко приходит в смущение от неудачи.

В нем есть расположение сделаться спорщиком: надобно держаться своего мнения, но хотеть быть всегда правым есть верный способ часто быть неправым и сделаться весьма нелюбезным для других.

Наконец он нестолько искренен, как Великий Князь и Паткуль: надобно быть открытым для тех, кто нас любит и с кем мы живем, от этого все доброе становится мило, а все дурное может быть легче исправлено.

Вообще же можно сказать, о Виельгорском, что он достоин любви и скоро может сделаться достойным уважения, есть ли захочет исправить легкия свои недостатки.

Паткуль.

Паткуль отменно добр, совершенно чист сердцем, имеет редкое прямодушие, искренен, никогда не скроет с намерением правды.

Имеет ум, но вообще не внимателен и ленив, не хочет думать сам от чего кажется тупым.

Имеет очень хорошую память, но помнит больше слова, нежели мысли в связи, чему причиною невнимательность.

Мог бы хорошо работать, но не имеет на т доброй воли и мало показывает старания отличиться.

Принимает с чувством добрый совет, но слишком скоро его забывает.

Пылок, смел, решителен, но пылкость часто бывает вспыльчивостью, а решительность неосторожностью.

Имеет, как и Виельгорский расположение сделаться спорщиком, но еще больше упрям в споре, поддерживая с запальчивостью и даже с грубостью то, чего не понимает.

Одним словом Паткуль по добрым качествам сердца, очень любезен, но слишком мало старается заслужить одобрение и уважение делом.

Источник: РГИА. Ф. 1686. Оп. 1. № 50 (Тк. IV. П.2. К.50. №1548).

Приложение 5. Особенности военной карьеры российских императоров 1825-1914 г. г.

	Последнее воинское звание	**Начинал службу**	**Командовал воинскими соединениями**	**Особые примечания**
Николай I (1796-1855)[1]	7.11.1796 г. зачислен на службу генерал-лейтенантом и полковником в л.-гв. Конный полк	В 1811-1813 гг. ротный адъютант и командир 2-го полувзвода в л.-гв. Дворянской роте	1818-1825 г. – командир 2-ой бригады 1 гв. пех. дивизии; 1825 г. – начальник 2-ой гв. дивизии	Генерал-инспектор по инженерной части с 3.07.1817 г.
Александр II (1818-1881)[2]	В 1878 г. (по всей вероятности) императору было присвоено звание генерал-фельдмаршала.[3]	-	В лагерные сборы 1841 (по болезни начальника дивизии) и 1842 гг. командовал 2-ой гв. пехотной дивизией (с 20.04.1842 г.)[4]; с февраля 1844 г. утвержден командиром всей гв. пехоты; с 1849 г. командующий Гвардейским и Гренадерским корпусами; с 1852 г. Главнокомандующий Гвардейским и Гренадерским корпусами.	Принимал участие в компании 1877-1878 гг. Присутствовал при 3-м штурме Плевны. Награжден военными орденами: Св. Георгия IV ст. (1850) и Св. Георгия I ст. (1869).
Александр III (1845-1894)[5]	В 1874 г. присвоено звание генерала от инфантерии и генерала от кавалерии.	1865 г. – командовал 1-м батальоном л.-гв. Преображенского полка.	В июле-августе 1866 г. на маневрах командовал л.-гв. Преображенским п. 1868 г.: апрель-май – командующий 2 ГПД; июнь-июль – командир бригады в составе л.-гв. Уланского и л.-гв. Гусарского п.п.; 1870 – командующий, 1872 –	Принял участие в компании 1877-1878 гг.: командовал Рущукским отрядом. Награжден военным орденом Св. Георгия II ст. (1877 г. - за

[1] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3946. Л. 19-45. Дело о службе Е.И.В. императора Николая Павловича.
[2] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Ед. хр. 2200. Л. 1-78. Послужной список.
[3] Данный вопрос по-прежнему вызывает дискуссии среди историков.
[4] Формулярный список о службе и достоинстве Его Императорского Высочества Великого Князя Наследника Всероссийского Престола Цесаревича Александра Николаевича. Генерал-Адъютанта. Командира Гвардейской Пехоты. За 1847-й год. Л. 10.
[5] РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 466. Послужной список.

			начальник 1 ГПД. С 1874 г. командир ГК. 1880 г. – командующий Гв. и СПб. ВО	сражение при Мечке) и св. Владимира I ст. с мечами (1877).
Николай II (1868-1918)	6.08.1892 г. присвоено звание полковника.	16.06. – 12.08.1888 г. командовал ротой Е.И.В. л.-гв. Преображенского полка.	В мае-июне 1890 г. командовал эскадроном л.-гв. Гусарского полка. 29.04.-12.08.1892 г. – проходил службу в 1-ой Е.В. батарее Гв. Конно-артиллерийской бригады. В 1893 г. командир 1-го батальона л.-гв. Преображенского полка.	Награжден военным орденом Св. Георгия IV ст. (20.10.1915 г.).

Источники: см. сноски в 1-ом столбце.

Приложение 6. Размер суммы, выделяемой на содержание представителей правящего Дома в соответствии с «Учреждением об Императорской Фамилии» (в таблице указаны только представители мужского пола).

	Размер суммы, выделяемой на содержание представителей правящего Дома в соответствии с «Учреждением об Императорской Фамилии»	
	от 5.04.1797 г.	**от 2.07.1886 г**
А)Из Государственного казначейства		
1.Сыновья и дочери императора	100000 руб. (до совершеннолетия)	33000 руб. (до совершеннолетия)
2.Наследнику престола	300000 руб. (от совершеннолетия)	100000 руб. (от совершеннолетия)
3.Сыновья и дочери Наследника Престола	50000 руб. (до совершеннолетия)	20000 руб. (до совершеннолетия)
4.Внуки Императора	-	-
5.Правнуки Императора	-	-
6.Праправнуки Императора	-	-
7.Князья и княжны крови императорской	-	-
Б).Из удельных сумм		
1.Сыновья и дочери императора	500000 руб. (кроме наследника)	150000 руб. (от совершеннолетия); 200000 руб. (по

		вступлению в брак) и 35000 руб. на содержание дворцов
2.Внуки Императора	50000 руб. (до совершеннолетия); 500000 руб. (от совершеннолетия); 150000 руб. (особам женского пола от совершеннолетия)	15000 руб. (до совершеннолетия); 150000 руб. (от совершеннолетия)
3.Правнуки Императора	30000 руб. (до совершеннолетия); 150000 (от совершеннолетия); 50000 руб. (от совершеннолетия особам женского пола)	10000 руб. (до совершеннолетия); 130000 руб. (от совершеннолетия)
4.Праправнуки Императора	100000 руб. (от совершеннолетия); 20000 руб. (от совершеннолетия особам женского пола)	-
8.Князья и княжны крови императорской	50000 руб. (от совершеннолетия особам мужского пола); 10000 руб. (от совершеннолетия особам женского пола)	-

Источник: Статистический очерк расходов из удельных сумм на Императорскую Фамилию в столетний период 1797-1897 г. г. СПб., 1897. С. 34-35.

Приложение 7. Биографическая справка на офицеров, занимающих должность НШ ГК в период правления императоров Александра III – Николая II.

Общий список генералов-НШ Гвардейского корпуса (с годами пребывания в указанной должности)

1.граф А.П. Игнатьев – 1881-1884 гг.;

2.А.Ф. Бальц – 1884-1889 гг.;

3.А.П. Скугаревский – 1889-1895 гг.;

4.Ф.Ф. Палицын - 19.04.-31.05.1895 гг.;

5.В.Г. Глазов – 1895-1900 гг.;

6.барон Е.А. Рауш-фон-Траубенберг – 1900-1907 гг.;

7.А.А. Мориц – 1907-1912 гг.;

8.граф Г.И. Ностиц – с 1912 г.

Биографическая справка

Еще при жизни императора Александра II 11.01.1881 г. НШ ГК стал граф А.П. Игнатьев, некоторое время служивший в л.-гв. Кавалергардском полку[1]. Он получил образование в ПК из которого в 1859 г. был выпущен корнетом в л.-гв. Гусарский Его В. полк. В 1867 г. Игнатьев был назначен командиром Курляндского уланского полка, а в 1873 г. – л.-гв. Кавалергардского полка. 30.08.1875 г. он был произведен в Свиты Е.И.В. г.-м. С 1878 г. Игнатьев состоял членом Главного комитета по устройству и образованию войск (до 1881 г.). Наконец, 11.01.1881 г. Алексей Павлович становится начальником штаба ГК, с «сохранением навсегда»[2] мундира л.-гв. Кавалергардского полка. 30.08.1885 г. граф Игнатьев был назначен Иркутским генерал-губернатором и командующим войсками Иркутского ВО («с зачислением по Генеральному штабу»[3]). Далее генерал занимал различные административные должности (в том числе и пост Киевского, Волынского и Подольского генерал-губернатора – с 1889 по 1897 г.), являлся членом ГС. Генерал (с 1904 г. генерал-адъютант[4]) был убит эсерами 9.12.1906 г. в г. Твери во время заседания губернского земства.

В 1884 г. графа А.П. Игнатьева на посту начальника ГШ сменил генерал А.Ф. Бальц. (родился 18.11.1841 г.) Образование он получил в 1-ом кадетском корпусе[5] и НАГШ, которую окончил в 1866 г. по 1-му разряду. С 13.06. по 23.10.1883 г., в чине полковника, Бальц командовал л.-гв. Финляндским полком, а с 12.11.1884 г. возглавил штаб ГК. 17.01.1894 г. занял

[1] Сборник биографий кавалергардов. С. 295.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] СГС. СПб., 1905. С. 83.
[5] СГС. СПб., 1899. С. 326.

должность окружного интенданта Варшавского ВО. В отличие от генералов графов Ностица и Игнатьева, Александр Федорович принимал участие в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.[1] Бальц скончался 30.06.1899 г.[2]

В 1889 г. Бальца на посту НШ ГК сменил генерал А.П. Скугаревский (род. 15.01.1847 г.). Он окончил АВУ и НАГШ по 1 разряду. В службу вступил 25.08.1863 г. в 7-ой стрелковый батальон[3] в воинском звании прапорщика. С 1872 по 1874 г. занимал должность старшего адъютанта штаба 1-ой ГКД. С 1874 по 1881 г. состоял в качестве офицера и штаб-офицера для особых поручений при штабе ГК. Как капитан ГШ принимал участие в компании 1877-1878гг. [4] 2.11.1881 г. полковник Скугаревский был назначен на должность НШ 1-ой ГПД, а 17.07.1888 г. получил под свое начало 145-й пехотный Новочеркасский императора Александра III полк. В период командования полком ему было присвоено звание г.-м. Наконец 23.10.1889 г. генерал Скугаревкий был назначен на должность НШ ГК.[5]

В указанной должности генерал находился до марта 1895 г., а 20 марта взял под свое начало 4-ю стрелковую бригаду. Затем командовал различными армейскими соединениями (58-ой пехотной резервной бригадой, 27-ой пехотной дивизией, 6-ым и 8-ым армейскими корпусами). Наконец 30.12.1906 г. генерал занял пост председателя Высочайше учрежденного при ВС комитета по образованию войск. В 1906 г. Аркадию Платоновичу было присвоено звание г. от инфантерии.[6]

В 1895 г. на непродолжительный период (с 19 апреля по 31 мая[7]) штаб ГК возглавил один из наиболее значимых представителей военной элиты Российской империи периода русско-японской (и вплоть до начала Первой мировой) войны, «гвардейский стрелок» г.-м. Ф.Ф. Палицын. С занимаемой должности, фактически не успев принять «дела», Федор Федорович сделал

[1] Информация о военной карьере генерала А.Ф. Бальца дается на основе СГ. СПб., 1899. С. 326.
[2] Там же.
[3] СГС. СПб., 1910. С. 73.
[4] СГС. СПб., 1891. С. 802.
[5] Там же.
[6] СГС. СПб., 1910. С. 73.
[7] СГС. СПб., 1914. С. 52.

еще более серьезный «рывок» по карьерной лестнице и возглавил штаб г.-инспектора кавалерии.

Офицер ГУ ГШ Е.А. Никольский характеризовал Ф.Ф. Палицына как «простого, милого человека», но «не обладавшего достаточным кругозором».[1] Современники отмечали, что генерал Ф.Ф. Палицын был «прирожденным царедворцем», ориентированным на «преданное служение» сильным мира сего. Именно такой тип офицера являлся идеалом для военного министра Д.А. Милютина, и именно такой тип он культивировал в своем окружении. Поведение военного министра, поддерживаемого императором во всех его начинаниях, в конечном итоге стало эталоном для его последователей. «Карьерный скачек» Ф.Ф. Палицына освободил место для нового кандидата. С мая 1895 г. НШ ГК становится г.-м. В.Г. Глазов.

При анализе «Списка по старшинству в чинах генералам, штаб- и обер-офицерам и классным чиновникам Л.-гв. 1-го Стрелкового Его В. батальона» 1899 г.[2], в котором числился генерал, мы получили следующую информация о нем: г.-м. В.Г. Глазов родился 12.09.1848 г. (*умер в 1918 г. в Петрограде*). Генерал окончил Константиновский Межевой Институт и курс в АВУ (по 1 разряду). Г.В. Глазов принимал участие в компании 1877-1878 гг.[3]

Генерал числится в списках л.-гв. 1-го Стрелкового Е.В. батальона на основании Высочайшего приказа от 31.05.1895 г. В 1899 г. мы встречаем его имя в роте Его Величества при этом «вакансий в полку не он занимал». В указанный отрезок времени генерал находился в постоянной командировке НШ ГК на основании Высочайшего приказа от 31.05.1895 г.[4] С 1909 г. - в постоянной командировке членом ВС (на основании Высочайшего приказа от 3.04.1909 г.).[5]

В последующем генерал Г.В. Глазов занимал посты начальника НАГШ (на отрезке с 02.07.1901 по 10.04.1904 г.), управляющего министерством

---

[1] Никольский Е.А. Записки о прошлом. М., 2007. С. 118.
[2] РГВИА. Ф. 2587. Оп. 2. Д. 154.
[3] СГС. СПб., 1914. С.57.
[4] РГВИА. Ф. 2587. Оп. 2. Д. 154. С. 5.
[5] РГВИА. Ф. 2587. Оп. II. Д. 169. С. 3.

народного просвещения (с 10.04. по 01.08.1904 г.) и командира 17-го АК. С 9.06.1907 г. генерал был назначен членом ВС, кроме этого он являлся почетным членом НАГШ.[1]

В 1900 г. НШ ГК стал генерал барон Е.А. Рауш-фон-Траубенберг. Он родился 11.06.1855 г. в Старой Руссе в лютеранской семье, принадлежавшей к остзейскому дворянству (указанный род внесен в матрикул эстляндского дворянства).

В 1873 г. Евгений Александрович окончил ПК из которого вышел в л.-гв. Конный полк.[2] В 1881 г., будучи капитаном ГШ, Евгений Александрович стал старшим адъютантом 2 ГПД, а с 1884 г. офицером для поручений при Штабе войск Гв. и СПб ВО.

Свой первый полк, 39-й драгунский Нарвский, он получает в сентябре 1894 г. в звании полковника. С 7.08.1899 по 18.12.1900 г. барон командовал л.-гв. Кирасирским Ее И.В. полком, к которому в 1891 г. был прикомандирован для ознакомления с общими требованиями управления и ведения хозяйства. Наконец, 18.12.1900 г. г.-м. (с 7.04.1899 г.) барон Е.А. Рауш-фон-Траубенберг занимает пост НШ ГК.[3] На этой должности он оставался до 1904 г. Примечательно, что барон также ***не имел опыта участия в боевых действиях***.[4] К началу Первой мировой войны он занимал должность помощника командующего войсками Варшавского ВО.[5]

В 1907 г. анализируемую нами должность занял А.А. Мориц (род. 22.08.1861 г.). Мориц закончил математический факультет Юрьевского университета и в 1884 г. сдал экзамен на офицерский чин при КВУ. В августе того же года в чине корнета начал службу в 38-м драгунском Владимирском полку. В 1890 г. Александр Арнольдович окончил НАГШ по 1-му разряду. До 1894 г. занимал должность старшего адъютанта 37-й пехотной дивизии.

---

[1] СГС. СПб., 1914. С. 57.
[2] Полный список шефов, полковых командиров и полковых офицеров Лейб-Гвардии Конного полка с 1731 по 1886 год. СПб., 1886. С. 486.
[3] СГС. СПб., 1903. С. 803.
[4] Там же.
[5] СГС. СПб., 1914. С. 117.

Затем – обер-офицера для поручений при штабе СПб. ВО, а с 28 сентября 1898 г. – старшего адъютанта войск Гв. и СПб. ВО. В июле 1902 г. в звании полковника Мориц возглавил штаб 2-ой ГПД, а с 13 сентября того же года – штаб 2-й ГКД. Затем полковник Мориц командовал 26-м драгунским Бугским полком. С 21.04.1905 по 8.01.1907 г. возглавлял Елисаветградское кавалерийское училище. Наконец 8.01.1907 г. он становится НШ ГК. Звание г.-м. Александр Арнольдович получил только 31.05.1907 г. К началу Первой мировой войны г.-л. (с 1912 г.) А.А. Мориц командовал 5-ой кавалерийской дивизией. *Он так же не имел опыта участия в боевых действиях*.[1]

Приложение 8. Список офицеров ГШ, умершим от ран, а также скончавшимся на ТВД в течении войны с Японией *(приводится оригинальный текст источника).*

1)Нач. воен. отд. Штаба командующего флотом в Тихом океане и экстраординарный профессор НАГШ А. Петр. Аган(ф)еев – погиб при взрыве броненосца «Петропавловск» 31.03.1904 г.

2)полковник П. Викт. Андреев состоявший в распоряжении командующего ГМА. Умер от последствий раны, полученной при Сандепу 14.01.1905. Погребен в с. Борксовское Лужеского у. 21.07.1905 г.

3)подполковник А.Ф. Богданов – состоял в распоряжении Н(Наместника)ЕИВ на ДВ, воен. ком. Пейлуузянской пров. – убит в стычке с хунгузами 20.10.1904 г.

4)полковник А.Н. Васильев – ком. 35-м пехотным Подольским полком. Убит в сражении под Мукденом 16-20.02.1905 г.

5)полковник Б.Ф. Запольский состоявший в распоряжении Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими войсками, действовавшими против Японии – убит близ деревни Падъязе, в сражении под Мукденом 23.02.1905 г.

---

[1] СГС. СПб., 1914. С. 361.

6)полковник А.М. Иолшик (?) – исполнял должность нач. штаба 7 Восточно-Сиб. стрелковой див. Умер от ран полученных в сражении с японцами в Порт-Артуре 2.11.1904 г.

ЛИСТ 2.

7).капитан Алексей Н. Куракин – состоял в распоряжении командующего Маньчжурской армией [1] – будучи ранен, утонул в реке Ялу 18.04.1904 г. в бою под Тюренченом.

8).ген.-л. граф Ф.Э. Келлер – состоял в распоряжении командующего Маньчжурской армией, начальник Восточного отряда. Убит в бою на Янзелинском перевале 18.07.1904.

9).ген.-л. Роман Исидорович Кондратенко нач. 7 Восточно-Сиб. стрелковой див. – в Порт-Артуре на 2-ом форту, убит попавшим в каземат 11 снарядом, о2.12.1904.

10).подпоручик В.М. Можейко – шт.-офицер для особых поручений (доп) при штабе 12АК убит на под. у д. Убенепуза 17.02.1905 г.

11).подпоручик В.П. Мухин – и.д. НШ 41 пехотной дивизии – умер от ран, полученных в сражении под Мукденом 26.02.1905 г.

12).капитан граф А.А. Нирод – и.д. шт.-офицера для особых поручений (доп) при нач. полевого штаба Н(Наместника)ЕИВ на ДВ – убит в бою при Гайчжоу 26.06.1904 г.

13).полковник Е.И. Науменко – командир 28-го Восточно-Сибирского пехотного полка, в Порт-Артуре вместе с Кондратенко.

14).ген.-м. Виктор Васильевич Разнатовский начальник штаба 3-го Сибирского АК – умер от ран, полученных в сражении с японцами в Порт-Артуре 02.08.1904 г.

15).штабс-капитан Г.А. Ягодкин, причисленный к ГШ, 16 КАБат (конно-артиллерийской) – убит в бою с японцами на р. Шахе 03.10.1904 г.

ЛИСТ 2об.

---

[1] 1857-1904; Полоцк. Воен. гимн.; НИнж.У; НИнж.А; НАГШ; г.-майор 1901 г. (см.: СГС. 1903. С. 1133).

16).подпоручик А. Евг. Жданов -…, исполняющий должность шт.-офицера для особых поручений (доп) при штабе 1-го Сиб. АК – состоял в приком. к 21-му В.-С. стрелковому полку, участвовал в деле под Мукденом, где и был убит неизвестно какого числа.

17).подпоручик Н.Ефр. Лекуто – и.д. НШ 9-й В.-С. стрелковой дивизии – убит.

18).полковник М.Вадимович Гулевич – НШ 72-й пехотной дивизии – умер на ТВД.

19).полковник Даниил Васильевич Скалон – НШ 71-й пехотной дивизии – умер на ТВД.

20).ген.-м. Леонид Юлианович Сулима-Самуйло[1] – дежурный генерал 2-й Маньчжурской армии – умер на ТВД.

21).полковник Василий А. Эммануэль – командир 27-го пехотного Лифляндского полка – умер на ТВД.

Источник: РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.1272. ГУГШ. 1906 г.

Приложение 9. Характеристика, данная А.С. Лукомским профессуре НАГШ в период его обучения в академии.

Ф.И.О.	**Должность, воинское звание**	**Читаемы курс**	**Характеристика преподавателя, данная А.С. Лукомским**
1.Ломанский (?)	профессор	Русский язык	«почтенный и талантливый профессор»
2.Иностранцев (?)	профессор	Геология	«почтенный и талантливый профессор»
3.Соллогуб (по всей вероятности - Василий Устинович) (род. 1848 г.)	Генерал-майор – 1890 г.; почетный член конференции	Военная статистика	«талантливый и интересный» лектор; «умный и очень воспитанный человек»; «пренеприятный чело-

[1] 1862-1904 (?) г. г.; 2 СПб. воен. гимн.; 1ПВУ; НАГШ; г.-м. – 1904 г.; ж., 3 д. (см.: СГС. 1905. С. 1337).

	НАГШ		век»; любил издеваться над слушателями
4.Баскаков, терский казак, женат на дочери сахарозаводчика	профессор	Военная история	«пользовался общей ненавистью»; «крайне грубый тип»; «человек с громадным самомнением, хорошо знавший свой предмет, но в общем тупой, он был в целом невыносим»; «ему доставляло удовольствие грубо издеваться над отвечающими»
5.Редигер Александр Фёдорович (1853-1918)	Генерал-майор; заслуженный профессор, почетный член конференции НАГШ	Военная администрация	«великолепно читал» курс
6.Макшеев Алексей Иванович (род. 1822 г.)	Генерал-лейтенант; заслуженный профессор, почетный член конференции НАГШ	Военная администрация	«прекрасно знал свой предмет, уступая в талантливости Редигеру»
7.Кублицкий Петр Софронович (1845-1905 гг.)	Генерал-майор; заслуженный профессор, почетный член конференции НАГШ	Курс тактики	«очень ленивый, но выделялся своей талантливостью»; «хороший профессор»
8.Леер Генрих Антонович (1829-1904 гг.)	Генерал от инфантерии; нач. НАГШ с 1889 по 1898	Курс стратегии	«маститый начальник»; «читал он хорошо и крайне ин-

	гг.; член Педагогического комитета ГУ ВУЗ; член ВС		тересно»; «в его лекциях постоянно проглядывало недоброжелательное отношение к М.И. Драгомирову»
9.Михневич Николай Петрович (1849-1927 гг.); начал службу в л.-гв. Семеновском п.	Полковник; ординарный профессор, с 1902 г. заслуженный профессор НАГШ	Курс стратегии	«подготавливался в заместители Лееру», так как тот стал часто болеть; «читал довольно красиво, но в его лекциях чувствовалось какое-то легкомыслие, поверхностность»
10.Зейфе(а)рт[1] Александр Александрович (род. 1835 г.)	Генерал-майор – 1894 г. Преподаватель съемки и черчения при НАГШ.	Курс ситуации	Отличался склонностью к пошлости; демонстрировал слушателям изображение обнаженных женщин; рассказывал анекдоты про М.Д. Скобелева
11.Даниловский Анатолий Алексеевич (1845-1917 гг.)	Генерал-майор (с 1905 г.); преподаватель НАГШ с 1893 по 1917.	Курс ситуации	Прямых оценок нет, но судя по контексту отношение к данному преподавателю скептическое
12.Ламковский	?	?	«хороший профессор»
13.Штубендорф (по всей вероятности - Вильгельм Эдуардович); начинал службу в л.-гв. Московском п.	?	?	«хороший профессор»
14.Масловский Дмитрий Федорович (1848-	С 1891 г. генерал-майор и профессор	Военный историк	«хороший профессор»; Б. Геруа писал о нем следующее: «Другой крупной фигурой яв-

1 СГС. СПб., 1906. С. 518

1894 гг.)	НАГШ.		лялся только Д. Ф. Масловский, создавший новую кафедру русского военного искусства. Это был фанатик, с головой ушедший в нетронутые до него архивы и на ходу лепивший свой курс. Он так заработался, что надорвался и умер рано, не успев привести его в порядок».[1]
15.Мартынов Евгений Иванович (1864-1937 гг.); начал службу в гвардии (СПб. гренадерском и л.-гв. Литовском полках)	полковник	Военный историк, писал диссертацию по русско-турецкой войне 1877-1878 гг.	«талантливый лектор», не попал в лекторы из-за нападок на офицерство периода русско-турецкой войны 1877-1878 гг.
Алексеев	полковник	?	«как лектор был очень слаб»
16.Гейсман Платон Александрович (1853-1919 гг.)	Полковник с 1891 г.; с 1900 г. – генерал-майор; профессор НАГШ – 1892-1901 гг.	?	«своей тупостью и нудностью приводил аудиторию в полное отчаяние»

Источник: Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. / Предисловие, комментарии С.В. Волкова. М., 2012.

Приложение 10. Параметр инкорпорированности генералитета в структуры российской императорской гвардии.

	ПАРАМЕТР 1	ПАРАМЕТР 2

1 Геруа Б. Воспоминания о моей жизни. Т. I. Париж, 1970. С. 126-127.

	(Начинали службу в гвардии (в скобках общее число к 1913 г.))			Командовали гв. полком (в скобках общее число к 1913 г.)		
	Полные генералы (80 чел.[1])	Г.-л. (115 чел.)	Г.-м. (225 чел.)	Полные генералы (80 чел.)	Г.-л. (115 чел.)	Г.-м. (225 чел.)
ГВ. ИНФАНТЕРИЯ						
Л.-гв. Преображенский	**2**	**2**	**1**	**-**	**1**	**-**
Л.-гв. Семеновский	**3**	**5**	**5**	**-**	**-**	**-**
Л.-гв. Измайловский п.	**2**	**3**	**3**	**-**	**-**	**-**
Л.-гв. Егерский п. (с 1856 по 1871 г. л.-гв. Гатчинский п.)	**3**	**2**	**7**	**1**	**2 (Сирелиус – 1903-06; Зайончковкий – 1906-1908)**	**-**
Л.-гв. Павловский п.	**1**	**3**	**5**	**-**	**1**	**-**
Л.-гв. Гренадерский	**4**	**2**	**3**	**1**	**-**	**-**
Л.-гв. Московский	**4**	**3**	**-**	**1**	**-**	**1**
Л.-гв. Финляндский	**2**	**3**	**1**	**-**	**-**	**-**
Л.-гв. Волынский п.	**4**	**1**	**6**	**1**	**1**	**1**
Л.-гв. Литовский п.	**-**	**6**	**4**	**-**	**1**	**1**
Л.-гв. Кексгольмского п.	**-**	**-**	**1**	**-**	**1**	**-**
Л.-гв. С.-Петербургский п.	**1**	**-**	**1**	**-**	**-**	**-**
Л.-гв. 1-го стрелковый бат.	**1**	**-**	**1**	**1**	**1**	**1**
Л.-гв. 2-й стрелковый бат.	**1**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**

1 Великие князья Николай Михайлович и Николай Николаевич-младший отсутствуют.

Л.-гв. 3-й стрелковый бат.	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**1**
Л.-гв. 4-й стрелковый бат.	**-**	**2**	**-**	**-**	**-**	**-**
Всего пехота:	**28**	**32**	**38**	**5**	**8**	**5**
ГВ. КАВАЛЕРИЯ						
Кавалергардский	**1**	**3**	**2**	**-**	**-**	**-**
Л.-гв. Конный п.	**2**	**1**	**1**	**-**	**-**	**-**
-Кирасирский Его И.В.	**2**	**-**	**2**	**-**	**1**	**-**
-Кирасирский Ея И.В.	**-**	**-**	**-**	**1**	**-**	**-**
Л.-гв. Драгунский п.	**-**	**2**	**1**	**-**	**-**	**-**
Л.-гв. Гусарский Его В. п.	**-**	**-**	**2**	**1**	**1**	**-**
Л.-гв. Уланский п. (1809-1894; с 1894 – л.-гв. Уланский Ее В. полк)	**3**	**-**	**3**	**-**	**-**	**-**
Л.-гв. Уланский Его И.В.	**3**	**-**	**-**	**1**	**1**	**-**
Л.-гв. Конно-гренадерский	**1**	**-**	**3**	**-**	**1**	**1**
Л.-гв. Гродненский гусарский п.	**1**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**
Л.-гв. Казачий п.		**-**	**2**	**-**	**-**	**-**
Л.-гв Уральский казачий эскадрон (1846-47)	**1**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**
Всего кавалерия:	**14**	**6**	**16**	**3**	**4**	**1**
ГВ. АРТИЛЛЕРИЯ и ИНЖЕНЕРНЫЕ ЧАСТИ						
Л.-гв. 1-я артиллерийская бр.	**1**	**1**	**2**	**-**	**-**	**-**
Л.-гв. 2-я артиллерийская бр.	**1**	**1**	**3**	**-**	**-**	**-**

3-я гв. и гренад. арт. бригада	**1**	**7**	**10**	**-**	**-**	**-**
Л.-гв. конно-артиллерийская бр. (гибридная часть)	**1**	**5**	**4**	**-**	**-**	**-**
Л.-гв. Саперный бат.	**-**	**-**	**1**	**-**	**-**	**-**
Всего артиллерия:	**4**	**14**	**20**	**-**	**-**	**-**
ВСЕГО:	**46 (58%)**	**52 (45%)**	**74 (33%)**	**8 (10%)**	**12 (10%)**	**6 (3%)**

Источник: Список Генерального Штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 года. (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 Июля 1914 г.). Петроград, 1914.

Приложение 11. Список генералов, умерших в должности члена ВС.

Ф.И.О., титул	Последнее воинское звание	Годы жизни	Членство в ВС	Сколько лет пробыл членом ВС	Продолжительность жизни
Александр II					
1.С.П. Бутурлин	Генерал от инфантерии	1803-1873	1872-1873	1 год	70 лет
2.А.Ф. Бухмейер	Генерал-лейтенант	1802-1860	1859-1860	1 год	58 лет
3.С.И. Волков	Генерал от инфантерии	1803-1879	1865-1879	14 лет	76 лет
4.Н.И. Вольф	Генерал-лейтенант	1811-1881	9 июня 1856 -11 февраля 1881	25 лет	70 лет
5.Барон А.Е. Врангель	Генерал от инфантерии	1804-1880	12 декабря 1862 - 30 декабря 1880	18 лет	76 лет
6.Барон К.К. Врангель	Генерал от инфантерии	1800-1872	12 декабря 1862 - 5 сентября 1872	10 лет	72 года

7.П.А. Данненберг	Генерал от инфантерии	16 ноября 1854 - 6 августа 1872	1792-1872	18 лет	80 лет
8.В.П. Желтухин	Генерал от инфантерии	21 января 1863 - 12 февраля 1878	1798-1878	15 лет	80 лет
9.П.Д. Зотов	Генерал от инфантерии	16 апреля 1878 - 19 ноября 1879	1824-1879	1 год	55 лет
10.Н.И. Карлгоф	Генерал от инфантерии	1 января 1871 - 7 декабря 1877	1806-1877	6 лет	71 год
11.М.М. Брисконт	Действительный тайный советник	4 мая 1856 - 12 февраля 1872	1788-1872	16 лет	84 года Скончался во время заседания Военного Совета
12.А.П. Карцов	Генерал инфантерии	14 апреля 1868 - 29 ноября 1875	1817-1875	7 лет	58 лет
13.Барон В.К. Кнорринг	Генерал от кавалерии	24 октября 1848 - 7 января 1864	1784-1864	16 лет	80 лет
14.Купреянов, Павел Яковлевич	генерал от инфантерии	29 июля 1849 - 23 марта 1874	1789-1874	25 лет	85 лет
15.Ланской, Павел Петрович	генерал от кавалерии	1 января 1856 - 25 января 1873	1791-1873	17 лет	82 года
16.Липранди, Павел Петрович	генерал от инфантерии	9 сентября 1861 - 27 августа 1864	1796-1864	3 года	68 лет

17.Мандерштерн, Карл Егорович	генерал от инфантерии	28 апреля 1852 - апрель 1862	1785-1862	10 лет	77 лет
18.князь Масальский, Николай Фёдорович	генерал от артиллерии	29 января 1879 - 9 ноября 1880	1812-1880	1 год	68 лет
19.Мерхилевич, Сигизмунд Венедиктович	генерал от артиллерии	12 декабря 1862-8 февраля 1872	1800-1872	10 лет	72 года
20.Непокойчицкий, Артур Адамович	генерал от инфантерии	21 августа 1864 - 11 ноября 1881	1813-1881	17 лет	68 лет
21.барон Оффенберг, Иван Петрович	генерал от кавалерии	21 декабря 1851 - 24 февраля 1870	1792-1870	19 лет	78 лет
22.граф Пален, Пётр Петрович	генерал от кавалерии	21 февраля 1834 - 19 апреля 1864	1778-1864	30 лет	86 лет
23.Паткуль, Александр Владимирович	генерал от инфантерии	30 апреля 1869 - 17 августа 1877	1817-1877	8 лет	60 лет
24.барон Рамзай, Эдуард Андреевич	генерал от инфантерии	11 июля 1866 - 30 апреля 1877	1799-1877	11 лет	78 лет
25.Роговский, Михаил Мартынович	генерал от инфантерии	21 января 1863 - 13 февраля 1881	1804-1881	18 лет	77 года
26.Сегеркранц, Роберт Фёдорович	генерал от артиллерии	26 июня 1876 - 22 сентября 1879	1808-1879	3 года	71 год
27.Сутгоф, Александр Николаевич	генерал от инфантерии	19 февраля 1863 - 24 мая 1874	1800-1874	11 лет	74 года

28.Сухозанет, Иван Онуфриевич	генерал от артиллерии	24 июля 1833 - 8 февраля 1861	1788-1861	28 лет	73 года
29.Фельдман, Александр Иванович	инженер-генерал	25 октября 1859 - 31 августа 1861	1789-1861	2 года	72 года Скончался, из списков исключён 10 сентября.
30.Фролов, Пётр Николаевич	генерал от инфантерии	28 ноября 1857 - апрель 1863	1790-1863	6 лет	73 года
31.Чевкин, Константин Владимирович	генерал от инфантерии	30 августа 1855 - 3 ноября 1875	1802-1875	20 лет	73 года
32.Шварц, Владимир Максимович	генерал от артиллерии	26 сентября 1865-27 сентября 1872	1807-1872	7 лет	65 лет
33.Шуберт, Фёдор Фёдорович	генерал от инфантерии	31 октября 1843 — 3 ноября 1865	1789-1865	22 года	76 лет
34.Яковлев, Григорий Кузьмич	генерал от артиллерии	25 декабря 1856 - 11 апреля 1872	1801-1872	16 лет	71 год
Александр III					
1.Граф В.Ф. Адлерберг	Генерал от инфантерии	1791-1884	1832-1884	52 года	93 года
2.Граф А.В. Адлерберг	Генерал от инфантерии	1818-1888	1866-1888		
				22 года	70 лет
3.А.К. Баумгартен	Генерал от инфантерии	1815-1883	1869-1883	14 лет	68 лет
4.С.Д. Белокопытов	Генерал-лейтенант	1822-1889	2.04.-1.12.18	8 мес.	67 лет

			89		
5.А.С. Аллер	Генерал от инфантерии	1824-1895	1888-1895	7 лет	71 год
6.Барон Р.Г. Бистром	Генерал от инфантерии	1810-1886	1879-1886	7 лет	76 лет
7.М.И. Богданович	Генерал-лейтенант	1805-1882	1880-1882	2 года	77 лет
8.Барон А.Ф. Ган	Генерал от инфантерии	16 апреля 1878 - 7 марта 1895	1809-1895	17 лет	86 лет
9.И.С. Ганецки	Генерал от инфантерии	17 апреля 1879 - 8 апреля 1887	1810-1887	8 лет	77 лет
10.Б.Г. Глинка-Маврин	Генерал от инфантерии	16 апреля 1872 - 13 марта 1895	1810-1895	23 года	85 лет
11.М.Г. Джемарджидзев	Генерал-лейтенант	20 сентября 1886 - 24 августа 1889	1822-1889	3 года	67 лет
12.Князь В.А. Долгоруков	Генерал от кавалерии	26 августа 1856 - 20 июня 1891	1810-1891	35 лет	81 год
13.П.В. Казакевич	адмирал	26 ноября 1883 - 11 декабря 1887	1816-1887	4 года	71 год
14.Н.В. Корсаков	Генерал от инфантерии	1 апреля 1879 - 3 ноября 1890	1821-1890	11 лет	69 лет
15.Лутковский, Иван Сергеевич	генерал от артиллерии	12 декабря 1862 - 27 декабря 1888	1805-1888	26 лет	83 года
16.барон Меллер-Закомельский, Николай	генерал от инфантерии	16 апреля 1878 - 8 сентября	1813-1887	9 лет	74 года

Иванович		1887			
17.Минквиц, Александр Фёдорович	генерал от инфантерии	17 апреля 1879 - 9 января 1882	1816-1882	3 года	66 лет
18.Мордвинов, Дмитрий Сергеевич	генерал от артиллерии	23 мая 1881- 20 января 1894	1820-1894	13 лет	74 года
19.Назимов, Владимир Николаевич	генерал от инфантерии	30 августа 1857 - 18 апреля 1887	1806-1887	30 лет	81 год
20.Никитин, Александр Павлович	генерал от инфантерии	11 марта 1886 - 21 ноября 1891	1824-1891	5 лет	67 лет
21.Нотбек, Владимир Васильевич	генерал от инфантерии	1 января 1889 - 21 сентября 1894	1825-1894	5 лет	69 лет
22.Паукер, Герман Егорович	генерал-лейтенант	1 декабря 1882 - 29 марта 1889	1822-1889	7 лет	67 лет
23.Ралль, Василий Фёдорович	генерал от инфантерии	17 апреля 1879 - 5 ноября 1883	1818-1883	4 года	65 лет
24.Рыдзевский, Николай Антонович	генерал-лейтенант	16 апреля 1872 - 10 марта 1878	1805-1878	6 лет	73 года
25.Своев, Владимир Никитич	генерал от инфантерии	1 января 1882 - 7 февраля 1886	1815-1886	4 года	71 год
26.граф Сиверс, Евгений Егорович	генерал от инфантерии	17 июля 1883 - 13 мая 1893	1818-1893	10 лет	75 лет
27.Сорокин, Алексей Фёдорович	инженер-генерал	17 апреля 1859 - 22 февраля	1795-1869	10 лет	74 года

		1869			
28.Суходольский, Дмитрий Петрович	генерал от кавалерии	16 апреля 1878 - 30 октября 1885	1812-1885	7 лет	73 года
29.Фомин, Павел Степанович	генерал-лейтенант	3 января 1883 - 13 декабря 1885	1818-1885	2 года	67 лет
30.Циммерман, Аполлон Эрнестович	генерал от инфантерии	30 августа 1878 - 6 июня 1884	1825-1884	6 лет	59 лет
Николай II					
1.Я.К. Алзахов	Генерал от инфантерии	1826-1896	1894-1896	2 года	70 лет
2.Барон А.А. Бильдельринг	Генерал от кавалерии	1846-1912	1905-1912	7 лет	66 лет
3.Н.В. Богаевский	Инженер-генерал	1843-1912	1908-1912	4 года	69 лет
4.К.К. Бодиско	Генерал от кавалерии	1831-1902	1901-1902	1 год	71 год
5.Ф.К. Величко	Генерал от инфантерии	1833-1898	1894-1898	4 года	65 лет
6.А.К. Водар	Генерал от инфантерии	1836-1915	1903-1915	12 лет	79 лет
7.П.Н. Волков	Генерал от кавалерии	1817-1899	1879-1899	20 лет	82 года
8.М.А. Газенкампф	Генерал от инфантерии	9 сентября 1903 - 4 апреля 1913	1843-1913	10 лет	70 лет
9.Е.Г. Гарф	Генерал-лейтенант	20 февраля 1911 - 26 марта 1911	1854-1911	1 мес	57 лет
10.Я.А. Гребенщиков	Генерал от инфантерии	5 марта 1904 - 10 марта 1907	1837-1907	3 года	70 лет

11.А.В. Гурчин	Генерал от инфантерии	19 сентября 1900 - 15 сентября 1902	1833-1902	2 года	69 лет
12.Л.М. Дембовский	Генерал от инфантерии	30 декабря 1906 - 22 декабря 1907	1838-1907	1 год	69 лет
13.Н.А. Демьяненков	Генерал от инфантерии	8 декабря 1898 - 31 мая 1907	1830-1907	9 лет	77 лет
14.М.А. Домонтович	Генерал от инфантерии	31 декабря 1896 - 8 октября 1902	1830-1902	6 лет	72 года
15.П.Г. Дукмасов	Генерал от инфантерии	3 июля 1900 - 15 февраля 1911	1838-1911	11 лет	73 года
16.Н.Г. Залесов	Генерал от инфантерии	28 ноября 1892 - 22 января 1896	1828-1896	4 года	68 лет
17.Н.Я. Зверев	Генерал от инфантерии	5 марта 1897 - 22 мая 1907	1830-1897	10 лет	67 лет
18.барон Л.Л. Зедделер	Генерал от инфантерии	13 августа 1895 - 5 апреля 1899	1831-1899	4 года	68 лет
19.Н.Н. Кармалин	Генерал от инфантерии	23 января 1882 - 23 июля 1900	1824-1900	8 лет	76 лет
20.Н.Ф. Козлянинов	Генерал от инфантерии	26 апреля 1872 - 9 марта 1892	1818-1892	20 лет	74 года
21.Г.А. Колпаковский	Генерал от инфантерии	24 октября 1889 - 23 апреля 1896	1819-1896	7 лет	77 лет

22.К.В. Комаров	Генерал от инфантерии	8 апреля 1902 - 18 декабря 1912	1832-1912	10 лет	80 лет
23.С.П. Копьев	Генерал от инфантерии	3 мая 1889 - 11 февраля 1893	1821-1893	4 года	72 года
24.П.З. Костырко	Генерал от артиллерии	12 декабря 1904 - 25 декабря 1913	1843-1913	9 лет	70 лет
25.Крживоблоцкий, Яков Степанович	генерал от инфантерии	7 декабря 1898 - 21 апреля 1900	29.07.1829 г. - 21.04.1900	2 года	71 год
26.Кршивицкий (Крживицкий) Константин Фаддеевич	Генерал от инфантерии	1910	1840-1910	1 год	70 лет
27.Леер, Генрих Антонович	генерал от инфантерии	6 мая 1896 - 16 апреля 1904	1829-1904	8 лет	75 лет
28.Лермонтов, Александр Михайлович	генерал от кавалерии	2 ноября 1902 - 3 января 1906	1838-1906	4 года	68 лет
29.Малама, Яков Дмитриевич	генерал от кавалерии	30 декабря 1906 - 24 декабря 1912	1841-1912	6 лет	71 год
30.Мевес, Михаил Троянович	генерал от инфантерии	1 января 1903 - 12 марта 1905	1835-1905	2 года	70 лет
31.Орловский, Николай Осипович	инженер-генерал	11 апреля 1892 - 29 мая 1895	1822-1895	3 года	73 года
32.Павлов, Иван Петрович	генерал от инфантерии	4 января 1905-24 сентября 1909	1830-1909	4 года	79 лет
33.Павлов, Платон Петрович	генерал от инфантерии	19 октября 1894 - 3 декабря	1834-1904	10 лет	70 лет

		1904			
34.Поволоцкий, Иван Максимович	генерал от инфантерии	30 декабря 1906 - 17 сентября 1914	1842-1914	8 лет	72 года
35.Резвой, Орест Павлович	генерал от артиллерии	20 августа 1871 - 29 января 1904	1811-1904	33 года	93 года
36.Рейнталь, Владимир Яковлевич	генерал от артиллерии	13 октября 1909 - 15 января 1913	1838-1913	4 года	75 лет
37.Рерберг, Пётр Фёдорович	инженер-генерал	29 мая 1893 - 22 мая 1912	1835-1912	19 лет	77 лет
38.Ридигер, Александр Николаевич	генерал от инфантерии	21 июня 1905 - июнь 1910	1838-1910	5 лет	72 года
39.Розенбах, Николай Оттонович	генерал от инфантерии	28 октября 1889 - 5 мая 1901	1836-1901	12 лет	65 лет
40.Семека, Владимир Саввич	генерал от инфантерии	1 сентября 1879 - 10 апреля 1897	1816-1897	18 лет	81 год
41.Солтанов, Павел Алексеевич	генерал от артиллерии	11 сентября 1904 (с 4 января 1899 года занимал должность заведующего эмеритальной кассой военно-сухопутного ведомства с правом присутствия в Военном совете на правах члена совета) - 7 декабря 1915	1839-1915	11 лет	76 лет
42.граф Татищев, Иван Дмитриевич	генерал от инфантерии	21 января 1898 - 24 сентября 1913	1830-1913	15 лет	83 года

43.Тевяшёв, Николай Николаевич	генерал от кавалерии	14 марта 1903 - 28 ноября 1905	1842-1905	2 года	63 года
44.Тутолмин, Иван Фёдорович	генерал от кавалерии	7 марта 1900 - 7 августа 1908	1837-1908	8 лет	71 чел
45.Цытович, Эраст Степанович	генерал от инфантерии	20 марта 1896 - 27 января 1898	1830-1898	2 года	68 лет
46.Чемерзин, Алексей Яковлевич	генерал от инфантерии	11 мая 1895-24 августа 1902	1825-1902	7 лет	77 лет
47.Черняев, Михаил Григорьевич	генерал-лейтенант	1) 21 февраля 1884 - 7 апреля 1886 2) 8 мая 1890 - 4 августа 1898	1828-1898	2+8	70 лет
48.Якимович, Александр Алексеевич	генерал от инфантерии	4 января 1884 -17 марта 1903	1829-1903	19 лет	74 года

Приложение 12. Денежное довольствие генералов-членов Военного совета.

№/№	Ф.И.О.	Денежное довольствие	Аренда	Примечания
1885 г.				
1.	-	-	-	-
2.	Генерал от кавалерии, ген.-адъютант князь В.А. Долгоруков	содержание 60000 руб. (с. 25)		по гв. кавалерии в л.-г. Конном полку, член ГС, московский ген.-губернатор
3.	Генерал от артиллерии, генерал-адъютант И.С. Лутовский	Жалование – 1681 р. 20 коп.; столовых – 1681 р. 20 коп.; добавочных – 278 р. 10 коп./всего – 3640 р. 50 коп. (с. 27; 1883)		

4.	Генерал от инфантерии, ген.-адъютант Б.Г. Глинка-Маврин	жалование – 1695 р.; столовых – 3500 р./всего – 5195 р.	+ аренда 2000 р. (с 1865 г. на 12 лет, продлить еще на 6 лет с 1877 г.) (с.83)	
5.	Генерал от инфантерии, ген.-адъютант граф А.В. Адлерберг	В вечном и потомственном владении 6177 дес. 266 сажен земли – 1861 г. (с.39)		По гв. пехоте, член ГС; шеф 44 пехотного полка. Под главным его началом состоят: кабинет Его И.В., императорская академия художеств, московское художественное общество; все археологические розыскания в России; числится в Роте Дворцовых гренадер и л.-г. Преображенском полку.
6.	Генерал от инф., ген.-адъютант Р.Г.Бистром	жалование – 1695 р.; добавочных – 3000 р.; столовых – 2000 р./всего – 6695 р.	аренда – 3000 р. (2500 р. в год на 12 лет; с 1879 г. еще 500 р. в год на 6 лет) (1883, с.42)	по гв. пехоте, числ. В л.-г. Семеновском
7.	Генерал от инфантерии В.Н. Назимов	жалование – 1695 р.; добавочных – 421 р. 30 коп., добавочных – 1200 р.; столовых – 2802 р./всего – 6118 р. 30 коп. (с. 51)		По армейской пехоте
8.	Генерал от артиллерии О.П. Резвой	жалование – 3000 р.; столовых – 3000 р.; сверх всего пенсион за преподавание Е.И.В. в.к. Константин Николаевич – 460 р. 60 коп.; за 25 лет учебной службы – 921 р. 20 коп./всего – 7381 р. 80 коп. (с.57)		Св. Георгий 4 ст. Председатель главного военно-кодификационного совета и главного военно-учебного комитета.
9.	Генерал от инфантерии, ген.-адъютант В.С. Семека	Содержание – 10000 р. (с.77)	Майорат в Царстве польском с ежегодным доходом в 3000 руб.; с 1864 аренда на 12 лет – 3000 руб.	Генерального штаба
10.	Генерал от инфантерии, генерал-адъютант, Н.Ф.	жалование – 1695 р.; столовых – 3500	аренда 2000 р. (с 1858 г. на 12 лет,	генерального штаба

	Козлянинов	р./всего – 5195 р.	продлить еще на 6 лет с 1870 г.)	
11.	Генерал от инфантерии, ген.-адъютант И.С. Ганецкий	жалование – 1695 р.; столовых – 2802 р./всего – 4497 р.	аренда 2000 р. (с.83)	по гв. пехоте, в л.-г. Финляндском
12.	Генерал от инфантерии В.Н. Своев	жалование – 1695 р.; столовых – 3000 р.; добавочных – 2400 р./всего – 7095 р.	1880 г. аренда 3000 руб. на 12 лет.	По гв. пехоте, в л.-гв. Гренадерском полку
13.	Генерал от инфантерии, ген.-адъютант барон Н.И. Меллер-Закомельский	жалование – 1695 р.; столовых – 3000 р.; добавочных – 2400 р./всего – 7095 р.	Аренда 2000 р. на 12 лет. Майорат в Царстве Польском с ежегодным доходом в 3000 руб. (с.86)	По гв. пехоте, л.-г. Литовский полк
14.	Генерал от инфантерии А.Ф. Ган	жалование – 1695 р.; столовых – 3000 р.; добавочных – 2400 р./всего – 7095 р. (с.88).		по гв. пехоте, в л.-г. Финляндском
15.	Генерал от кавалерии, ген.-адъютант П.Н. Волков	жалование – 1695 р.; столовых - 2000 р./всего – 3695 р. (с.92)		По гв. кавалерии, л.-г. Уланский полк.
16.	Адмирал, ген.-адъютант П.В. Козакевич			
17.	Генерал от кавалерии Д.П. Суходольский	жалование – 1695 р.; столовых – 2000 р.; добавочных – 1500 р./всего – 5195 р.		По гв. кавалерии.
18.	Генерал от инфантерии граф Е.Е. Сиверс	жалование – 2400 р.; столовых – 2400 р.; /всего – 4800 р.	Аренда 2000 р. (с.157).	По военно-судебному ведомству.
19.	Генерал от артиллерии, ген.-адъютант Д.С. Мордвинов	жалование – 3000 р.; столовых – 3000 р.; /всего – 6000 р.	Аренда 3000 р. (с.162).	
20.	Генерал от инфантерии Н.В. Корсаков	жалование – 2100 р.; добавочных – 1148 р. 85 коп.; столовых – 2100 р.; /всего – 5348 р. 85 коп. (с.176)	Аренда 2000 р.	Непременный член главного военно-учебного комитета и попечитель е.и.в. в.к. Николая Михайловича
21.	Генерал от инфантерии Н.Н. Кармалин	жалование – 1356 р.; столовых – 4000 р.; добавочных – 1289 р./всего – 6645 р. (с. 184)	-	Числится по Кубанскому казачьему войску
22.	Генерал-лейтенант П.С.	жалование – 1356 р.; столовых – 2400 р.; до-	-	Числится по Войску

	Фомин	бавочных – 2244 р./всего – 6000 р. (с. 211)		Донскому
23.	Генерал-лейтенант А.П. Богуславский	жалование – 3000 р.; столовых – 2400 р.; /всего – 5400 р. (с. 235)	-	Генерального штаба
24.	Генерал-лейтенант Г.Е. Паукер	жалование – 1356 р.; столовых – 2400 р.; добавочных – 744 р.; пенсия за учебную службу – 2107 р. 10 коп.; содержание по званию почетного члена совета мунуф. и торговли – 3000 р./всего – 9607 р. 10 коп.(с. 244)	-	Военный инженер; профессор Николаевской инженерной академии.
25.	Генерал-лейтенант А.П. Якимович	жалование – 3000 р.; столовых – 3000 р.; /всего – 6000 р.	С 1881 г аренда 2000 р. на 12 лет (с.303)	-
26.	Генерал-лейтенант М.Г. Черняев	По званию командующего войсками: жалование – 2034 р.; столовых – 3500 р. По званию генерал-губернатора – 18000 р./23534 р. (с.426)		Генеральный штаб; Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа.
1898 г.				
1.	-	-	-	-
2.	Генерал от артиллерии О.П. Резвой	-	-	-
3.	генерал адъютант, генерал от инфантерии В.С. Семека	Жалование – 1695 р.; столовых – 3500 р.; добавочных – 4805 р./10000 р.	Аренда – 2000 р.	-
4.	Генерал-адъютант, генерал от кавалерии П.Н. Волков	Жалование – 1695 р.; столовых – 2000 р./3695 р.	Аренда – 2000 р.	Числится в л.-г. Уланском Ея В. п.
5.	Г. от инф. Н.Н. Кармалин	Жалование – 1695 р.; столовых – 4000 р.; добавочных – 1289 р./6984 р.	-	Числится по Кубанскому казачьему войску
6.	Г. от инф. П.П. Павлов	Жалование – 1695 р.; столовых – 3000 р.; добавочных – 2400 р./7095 р.	Аренда – 2000 р.	
7.	Г. от инф. В.Д. Данде-	Жалование – 1695 р.; столовых – 3000 р.; до-	Аренда – 1500 р.	По гв. пехоте, чис-

	виль	бавочных – 2400 р./7095 р. (с. 60)		лится в списках ГШ
8.	Инженерн-генерал П.Ф. Рерберг	?		
9.	Г. от инф. М.Н. Анненков	Жалование – 3000 р.; столовых – 3000 р.; пенс. на сл. – 5000 р./11000 р. (с.65)	-	
10.	Г. от инф. А.А. Якимович	Жалование – 3000 р.; столовых – 3000 р.; добавочных – 1000 р./7000 р. (с.66)	Аренды – 2000 р.	По гвардейской пехоте, комендант СПб. крепости
11.	Г. от инф. А.В. Эллис	Жалование – 3000 р.; столовых – 3000 р./4095 р. (с.67)	Аренды – 2000 р.	
12.	Г. от инф. М.П. Данилов	Жалование – 1695 р.; столовых – 3000 р.; добавочных – 2400 р.; особо добавочн. – 1500 р./8595 р. (с.68)	-	Помощник командующего войсками Московского ВО. Числится в списках л.-г. Егерского п.
13.	Г. от инф. граф И.Д. Татищев	От министерства внутренних дел – 11875 р. (с. 69).		Помощник командующего войсками Кавказского военного округа
14.	Г. от инф. Н.Я. Зверев	Жалование – 1695 р.; столовых – 3000 р.; добавочных – 2400 р.; на представ. – 1500 р./8595 р. (с.73)		Помощник командующего войсками Варшавского военного округа
15.	Ген.-адъютант, Г. от инф. Н.О. Розенбах	Содержание - 12902 р. 84 коп.	Аренда – 2500 р.	Член ГС и распорядительной комиссии по перевооружению войск (сох. мундир л.-г. Павловского полка).
16.	Инженер-генерал К.Д. Хлебников	Жалование – 1695 р.; столовых – 3000 р.; добавочных – 2400 р./7095 р. (с.98).	Аренда – 1500 р.	-
17.	Г. от инф. Ф.К. Величко	Жалование – 1695 р.; столовых – 3000 р.; добавочных – 2400 р.; пенс. на сл. – 1200 р./8295 р.	Аренда - 2500 р.	-
18.	Г. от инф. Г.А. Леер	Жалование – 2100 р.; столовых – 2100 р.; пенс. за уч. сл. – 2400	Аренда – 2000 р.	-

		р./6600 р.		
19.	Г. от инф. А.Д. Подымов	Жалование – 1695 р.; столовых – 3000 р.; добавочных – 2400 р.; по орд Св. Георгия – 480 р.; за ран. – 571 р. 80 коп./8246 р. 80 коп.	Аренда – 1500 р.	-
20.	Генерал-лейтенант М.Г. Черняев	Содержание – 10000 руб. (с.144).	-	По ГШ.
21.	Генерал-лейтенант М.А. Домантович	Жалование – 3000 р.; пенс. за уч. ст. – 1681 р./4681 р. (с.156)	Аренда – 2000 р.	-

Приложение 13. Размер жалованья генералов-членов Военного Совета.

№/№	**Ф.И.О.**	**Денежное содержание в руб.**	**Аренда/майорат в руб.**
Список постоянных членов Военного Совета на 1885 г.[1]			
1.	Генерал от инфантерии, генерал-адъютант П.С. Ванновский	18000	4000
2.	Генерал от кавалерии, генерал-адъютант князь В.А. Долгоруков	60000	-
3.	Генерал от артиллерии, генерал-адъютант И.С. Лутовский	3640,50	-
4.	Генерал от инфантерии, генерал-адъютант Б.Г. Глинка-Маврин	5195	2000
5.	Генерал от инфантерии, генерал-адъютант граф А.В. Адлерберг	12000	-
6.	Генерал от инф., генерал-адъютант Р.Г.Бистром	6695	3000
7.	Генерал от инфантерии В.Н.Назимов	6118	-
8.	Генерал от артиллерии О.П.Резвой	7381,80	-
9.	Генерал от инфантерии, генерал-адъютант В.С. Семека	10000	3000
10.	Генерал от инфантерии, генерал-адъютант, Н.Ф.Козлянинов	5195	2000
11.	Генерал от инфантерии, генерал-адъютант И.С. Ганецкий	4497	2000
12.	Генерал от инфантерии В.Н. Своев	7095	3000
13.	Ген. от инф., г.-адъютант барон Н.И. Меллер-Закомельский	7095	3000

[1] Список высшим чинам государственного, губернского и епархиального управлений. СПб., 1885. С. 71-72.

14.	Генерал от инфантерии А.Ф. Ган	7095	-
15.	Генерал от кавалерии, генерал-адъютант П.Н. Волков	3695	-
16.	Адмирал, генерал-адъютант П.В. Козакевич	?	-
17.	Генерал от кавалерии Д.П. Суходольский	5195	-
18.	Генерал от инфантерии граф Е.Е.Сиверс	4800	2000
19.	Генерал от артиллерии, генерал-адъютант Д.С. Мордвинов	6000	3000
20.	Генерал от инфантерии Н.В. Корсаков	5348,85	2000
21.	Генерал от инфантерии Н.Н. Кармалин	6645	-
22.	Генерал-лейтенант П.С. Фомин	6000	-
23.	Генерал-лейтенант А.П. Богуславский	5400	-
24.	Генерал-лейтенант Г.Е. Паукер	9607,10	-
25.	Генерал-лейтенант А.П. Якимович	6000	2000
26.	Генерал-лейтенант М.Г. Черняев	23534	-
Список постоянных членов Военного Совета на 1896 г.[1]			
1.	Генерал от инфантерии, генерал-адъютант П.С. Ванновский	18000	8000
2.	Генерал от артиллерии О.П. Резвой	7381,80	-
3.	Генерал адъютант, генерал от инфантерии В.С. Семека	10000	2000
4.	Генерал-адъютант, генерал от кавалерии П.Н. Волков	3695	2000
5.	Генерал от инфантерии Н.Н. Кармалин	6984	-
6.	Генерал от инфантерии П.П. Павлов	7095	2000
7.	Генерал от инфантерии В.Д. Дандевиль	7095	1500
8.	Инженер-генерал П.Ф. Рерберг	?	-
9.	Генерал от инфантерии М.Н. Анненков	11000	-
10.	Генерал от инфантерии А.А. Якимович	7000	2000
11.	Генерал от инфантерии А.В. Эллис	4095	2000
12.	Генерал от инфантерии М.П. Данилов	8595	-
13.	Генерал от инфантерии граф И.Д. Татищев	11875	-
14.	Генерал от инфантерии Н.Я. Зверев	8595	

[1] Список высшим чинам государственного, губернского и епархиального управлений. Исправлен по 8 Марта 1897 года. СПб., 1897. С. 95-96.

15.	Генерал адъютант, генерал от инфантерии Н.О. Розенбах	12902	2500
16.	Инженер-генерал К.Д. Хлебников	7095	1500
17.	Генерал от инфантерии Ф.К. Величко	8295	2500
18.	Генерал от инфантерии Г.А. Леер	6600	2000
19.	Генерал от инфантерии А.Д. Подымов	8246	1500
20.	Генерал-лейтенант М.Г. Черняев	10000	-
21.	Генерал-лейтенант М.А. Домантович	4681	2000

Приложение 14. Офицеры, командовавшие гвардейскими частями (подразделениями) и соединениями императорской гвардии, являвшиеся членами Военного совета в эпоху Николая II.

	Ф.И.О./в каком полку начинал службу	**Членство в ВС**	**Командование гвардейскими частями и отдельными подразделениями**	**Командование гвардейской бригадой/дивизией**	**Штабные должности в войсках Гвардии или Гвардейском корпусе**	**Дополнительные сведения**
1.	Якубовский И.И. /л.-г. Финляндский п.	1900-1911	л.-г. Волынский полк – 1886-1891 гг.	-	-	Ген. от инф.; НАГШ; до назначения в ВС помощник начальника военно-учебных заведений; война 1877-1878.
2.	Случевский К.К./л.-г. Саперный батальон		л.-г. Саперный батальон с 1883-1889 гг.	-	-	Ген.-л.; НИнж.У и НИнж.А; до ВС командир 1 саперной бригады; война 1877-1878.
3.	Тевяшёв Н.Н. /выпущен 16.06.1869 в л.-г. Кирасирский Его В. полк, где прослужил 16 лет.		л.-г. Конно-Гренадерский полк – 1882-1886 гг.	Нач. 1-й бр. 2-й кавалерийской див. – 1884-1886 гг.	-	Генерал от кавалерии; чиновник особых поручений IV класса при Военном министре (до 01.05.1890). 1904-1905 гг. – Туркестанский ген.-губернатор.
4.	Фон Розенбах Н.О./л.-г. Преображенский полк 1854-1856 (затем л.-г. Стрелковый бат.).	1889-1901	л.-г. Павловский полк – 1870-1877 гг.	-	-	Ген. от инф.; из дворян Эстляндской губ.; Туркестанский ген.-губ. и ком. войсками Туркестанского ВО; войны 1863-64; 1877-78 (Георгий IV ст.)
5.	Лермонтов А.М./ПК; л.-г. Кирасирский Его И.В. полк	1902-1906	л.-г. Кирасирский Ея В. полк - 1881-1883 гг.	Ком. 2-й бр. 1-й гв. кав. див. – 1883-1896 гг..	-	Генерал от кавалерии.

6.	Барон Зеддлер Л.Л./ПК; л.-г. Преображенский полк -	1895-1899	л.-г. Гренадерский полк – 1872-76 гг.	Ком. 1-й бригады 2-й гв. пехотной дивизии.	-	Ген. от инф.; 1894-1895 гг. временно ком. СПбВО и войсками Гвардии; участник франко-прусской войны 1870-71; война 1877-78.
7.	Гребенщиков Я.А.	1904-1907	Кексгольмского гренадерского имп. Австрийского п-ка[1] – 1887-1891 гг.	Ком. 1-й бр. 3-й гв. пех. див. – 1885-1891. Ком. 2-й бр. 3-й гв. пех. див. – 1891-1895.	-	Ген. от инф.; Полоцкий к.к. и Дворянский полк; НАГШ (2 р.); нач. 32 пех. див. – 95-96; нач. 4 пех. див. – 96-99. Комендант Ковенской крепости – 1899-1904.
8.	Глазов В.Г.	1909-1918.	Ком. 1 гв. стрелкового батальона – 1891-1893. Ком. л.-г. Московского полка - 1893-1895 гг.	-	НШ Гвардейского корпуса – 1895-1899.	Ген. от инф.; Константиновский межевой институт; АВУ; НАГШ. Мин. нар. просвещения – 1904-1905. Пом. ком. войсками МВО – 1905-1909. Война 1877-1878.
9.	Водар А.К./л.-г. Финляндский полк.	1903-1915	Ком. л.-г. Литовского полка - 1878-1886 гг.	-	-	Ген. от инф.; НАГШ; 1886 г. назначен начальником 2-го КВУ.
10.	Брилевич А.В./ Л.-г. Московский полк.	1911-1918.	Ком. л.-г. Гренадерского полка - 9.11.1898 – 4.04.1901 гг.	-	НШ 2-й гв. пех. дивизии. НШ войск Гв. и СПбВО.	Ген. от инф.; НАГШ; с *4 апреля 1901 - начальник Офицерской стрелковой школы.*
11.	Тутомлин И.Ф. /л.-г. Уланский Ея В. полк	1901-1908	Командир л.-г. Уланского Ея В. полка – 1872-1877 гг.	-	-	Ген. от кав.; воспитатель Е. И. Выс. в.к. Петра Николаевича; в 1896 г. пом. ген.-инспектора кав. Числится в списках Терского казачьего войска (почетный казак Луковской станицы). Войны 1863-64; 1877-78 Георгий IV - 8.10.1877 г.
12.	Шипов Н.Н./л.-г. Кавалергардский полк	1902-1911	Командир л.-г. Кавалергардского полка – 1881-1884 гг.	Ком. 1-й гв. кав. дивизией с 1894 г.	-	Генерал от кавалерии.
13.	Бобриков Н.И./ л.-г. Уланский Его В. полк	1898-1904.	-	-	НШ войск Гвардии – 1884-1897.	Ген. от инф.; Финляндский ген. губернатор
14.	Эллис А.В./л.-г. Семеновский п.	1889-1906	Командир л.-г. Гатчинского полка –	2-й бригады 1-й гвардей-	-	Генерал от инфантерии.

[1] Полк зачислен в состав Отдельного гвардейского корпуса в 1831 г.; 6.12.1894 г. полк причислен к лейб-гвардии, получил права «старой гвардии».

			1868-1876 гг.	ской пехотной дивизии		
15.	Скугаревский А.П.	1906-1912	-	-	НШ 1 ГПД – 1881-1888. НШ ГК – 1889-1895.	Генерал от инфантерии.
16.	Кармалин Н.Н./л.-г. Московский полк	1882-1900	-	-	НШ 2 ГПД	Генерал от инфантерии; обер-квартирмейстер 2-го гв. пех. корпуса.
17.	Дохтуров Д.П./ л.-г. Кавалергардский полк	1901-1905.	-	Ком. 2-й гв. кав. дивизией.	-	Генерал от кавалерии
18.	Гезенкампф М.А./л.-г. Московский полк.	1903-1913	-	-	-	Ген. от инф.; НАГШ; пом. Главнокомандующего войсками Гв. и СПб. ВО.
19.	Винберг В.Ф./л.-г. Уланский полк.	1901-1911	-	Нач. 2 ГКД – 1886-1890.	НШ 2 ГПД – 1863-1865.	Ген. от кав.; НАГШ; начальник НКВУ – 1874-1878.
20.	**барон** фон-Ашберг Н.П./л.-г. Егерский полк	1912-1917	В 1895-1900 гг. – командир л.-г. 2-го стрелкового батальона.	-	-	Ген. от инф. С 1908 г. пом. ком. штаба войск Гвардии и СПб. ВО. Война 1877-1878.
21.	Волков П.Н./ л.-г. Уланский полк.	1879-1899	Ком. л.-г. Уланского полка – 1857-1862 гг.[1]	-	-	Генерал от кавалерии.
22.	Дембовский Л. М.	1906-07	командир л.-г. Санкт-Петербургского полка – 1887-1890 гг.	-	-	Ген. от инф. НАГШ. Нач. 1-го ПВУ (1890-1897). В 1904 – ком. 5-го Сибирского арм. корп. В 1905 - ком. сводного корп. в Маньчжурии. Война 1904-1905.
23.	Яновский В.И./Кирасирский Ея И. Выс. в. к. Елены Павловны полку.	1898-1906	-	-	Квартирмистр 3-й гв. пех. див. НШ 3-й гв. пех. див. – 1864-1866 гг.	Ген. от инф.; НАГШ (1852-1854 гг.). Скончался 9.09.1907 г.

Приложение 15. Особенности карьеры генералов-членов Военного Совета.

[1] С 1894 г. л.-гв. Уланский Ее Императорского Величества п.

	Г. от инф.	Г. от кав.	Г. от арт.	Г.-л.	Инженер-г.	Адмирал	Всего	%
Александр III – всего членов ВС	**21**	**2**	**3**	**6**	**1**	**1**	**34**	
Пажеский корпус	5	-	-	-	-	-	5	15%
Выпущен в гвардию	15	2	2	2	-	-	21	62%
Командир гв. полка	7	-	-	-	-	-	7	20%
Командир гв. дивизии	1	-	-	-	-	-	1	
Окончивших НАГШ	6	-	-	2	-	-	8	23%
Командующий войсками ВО	5	-	-	-	-	-	5	15%
Генерал-губернатор	2	-	-	-	-	-	2	
Министр	1				1		2	
Николай II – всего членов ВС	**66**	**14**	**10**	**15**	**6**	**-**	**110**	
Пажеский корпус	4	4	-	1	-	-	9	
Выпущен в гвардию	34	13	5	3	3		58	53%
Командир гвардейского полка/батальона	10	5	-	1	-	-	16	15%
Командир гвардейской бригады	3	2	-	-	-	-	5	
Командир гвардейской дивизии	-	3	-	-	-	-	3	
Окончивших НАГШ	50	11		5			66	60%
Командующий войсками округа	4	1	-	-	-	-	5	
Губернатор/Г.-губернатор/наказной атаман	3	2	-	-	-	-	5	
Министр	2	2	-	1	-	-	4	

Приложение 16. Список действительных членов Александровского комитета о раненных на 1903 г.

воинское звание (свитское звание), Ф.И.О., дата рождения	Возраст в 1903 г.	Отметки о военном образовании и пребывании в императорской гвардии	Участие в военных компаниях, боевые награды	Особые отметки
1.Генерал-фельдмаршал, генерал-	71	Ком. гвардейской Конно-артиллерийской бригадой	1854-1855, 1863-1864,	

фельдцейхмейстер в.к. Михаил Николаевич; род. 13.10.1832 г.	год	1852-1855; начальник 2 легкой гвардейской кавалерийской дивизии 1856-1857; начальник артиллерии отдельного гвардейского корпуса 1857-1860.	1877-1878. Георгий 4 (1854); Георгий 2 и золотое оружие украшенное бриллиантами и изумрудами (1864); Георгий 1 (1877).	
2.генерал от инфантерии В.Ф. Ромишевский; род. 1818 г.	85 лет	НАГШ	1845, 1851-53, 1863-64. А2 м. (1851)	Женат: 7 детей. Жалование: 2100 р.; столовых: 4200 руб.; аренды: 2000 руб. (на 6 лет).
3.генерал от артиллерии П.А. Башилов; род. 1.10.1819.	84 года	МАУ	1849, 1854-55, 1863-64, 1877-78. Св. Владимир 2 ст. с мечами – 1877 г.	Жалование: 2100 р.; столовых: 4200 руб.; аренды: 1500 руб. (на 6 лет)
4.генерал от кавалерии (генерал-адъютант) князь З.Г. Чавчавадзе; род. 1825	78 лет	Образование: на службе.	1844, 1848-1849; 1851-1859, 1861, 1863-1864; 1877 (ранен) -1878. Георгий 4 (1854); золотое оружие (1858); С2 м, В4 м.б. (1859); золотое оружие украшенное бриллиантами и Георгий 3	Женат: 6 детей. Жалование: 2100 р.; столовых: 3000 руб.; добавочных 2400 руб. Пенс. из мин.кап. – 865 руб. 56 коп. аренда – 2000 (на 6 лет.)

			(1877); А1 м. (1878).	
5.генерал от кавалерии граф А.В. Олсуфьев; род. 12.08.1831.	72 года	ПК, офицер л.-гв. Гусарского Е.В.полка, командир л.-гв. Гродненского Гусарского полка (06.01.1865-17.03.1872). Командир Варшавской гвардейской кавалерийской бригады (17.03.1872-02.10.1873). Свиты Е.И.В. ген.-м. (1868).	1649, 1853-1856, 1859, 1877-1878. А3 м, В4 м.б. (1859). Орден Александра Невского.	сын обер-гофмейстера В.Д. Олсуфьева (1796-1858). Содержания не получает.
6.адмирал И.П. Понофидин (Понафидин); род. 1817 (ум. 1907)	86 лет	адмирал с 1894 г.	-	-
7.генерал от инфантерии А.В. Комаров; род. 24.08.1830.	73 года	Павловский кадетский корпус. Офицер л.-гв. Егерского полка (с 1849). НАГШ.	1849, 1857, 1858, 1859, 1866, 1884, 1885. А3 м.б. (1858), С2 м. (1859), А2 м. (1861), золотое оружие с бриллиантами (1885). Знак присвоенный офицерам Французской военной академии (1883).	Женат: 7 детей. Жалование: 3500 р.; столовых: 3500 руб.; аренда – 2500 (на 6 лет.)
8.Инженер-генерал А.Я. Черемзин; род. 28.06.1830	73 года	НИУ, НИА.	1858-1859. Владимир 4 м., б. – 1858.	В разводе: 4 детей. Директор Чесменской военной богадельни им. Николая I. Жалование:

				2100 р.; столовых: 5700 руб.; аренда – 1800 (на 6 лет.)
9.генерал от инфантерии С.А. Авинов; род. 1831.	72 года	ПК, офицер л.-гв. Преображенского полка	1849, 1859-1864; 1866; 1877-1878; А3 м.б. (1859), А2 м. (1865), золотое оружие (1877), С1 м. (1878); св. Георгий 4-й ст. (23.12.1878); золотое оружие украшенное алмазами, А1 м. (1879).	Вдов. Жалование: 2100 р.; столовых: 4200 руб.
10.Инженер-генерал Г.А. Конаржевский; род. 22.03.1833.	70 лет	1 кадетский корпус, НИА. Офицер л.-гв. Саперного батальона (с 12.03.1857).	1855. С2 м. (1859)	начальник инженеров СПбВО (с 29.02.1876). Жалование: 2100 р.; столовых: 3400 руб.; добавочных – 2400 руб. Аренда – 1500 руб. (на 6 лет.)
11.генерал от инфантерии В.Н. Максимович; род. 1.01.1832.	71 год	1 московский кадетский корпус. Офицер л.-гв. Измайловского полка, НАГШ.	1849, 1855, 1863, 1864. Боевых наград нет.	Вдов: 6 детей. Жалование: 2100 р.; столовых: 5700 руб.; особых добавочных – 1500 руб. Аренда – 2000 руб. (на 6 лет.)
12.Инженер-генерал В.Г. Бурман; род. 4.11.1832.	71 год	НИУ, НИА (1 р.). Офицер л.-гв. Саперного батальона (с 15.06.1854). Комендант Новогеоргиев-	1854. Орден св. Владимира 2 ст.	Лютеранин (президент Варшавской Евангелическо-

		ской крепости (1893-1899).	(1892); св. Александра Невского (1902).	Аугсбургской консистории). Женат: 8 детей. Жалование – 2100 руб.; добавочные – 5700 руб.: аренда – 1500 руб.
13.генерал от артиллерии Л.Е. Адамович; род. 15.04.1832.	71 год	МАУ, МАА. Офицер л.-гв. 2 артиллерийской бригады. Командующий артиллерией Гвардейского и Гренадерского корпусов.	1855, 1856, 1877-1878. св. Владимир 3 ст. с мечами (1877); мечи к св. Станиславу 1 ст. (1879).	Женат: 2 детей. Жалование: 2100 р.; столовых: 5700 руб.
14.генерал от артиллерии Ф.Л. Кульстрем; род. 13.09.1825.	78 лет	Финляндский кадетский корпус	1849, 1855, 1866, 1877-1878. Золотое оружие (1877) св. Георгий 4 ст., Ст. 1 м. (1878); А1 м. (1879).	Женат: 1 дочь. Вероисповедание: евангелическо-лютеранское. Жалование: 2100 р.; столовых: 4200 руб.; пенсия по ордену св. Георгия – 150 руб.; из Георгиевского капитала – 480 руб. Аренда – 1500 (на 6 лет.)
15.генерал от кавалерии Г.А. Бороздин; род. 26.11.1835.	68 лет	Офицер гвардии (корнет гвардии - 20.03.1856).	1854-1856, 1863, 1877. С1 м. (1877), золотое оружие и В3 м (1878).	Женат: 1 дочь. Жалование: 2100 р.; столовых: 5700 руб.
16.генерал от инфантерии В.Д. Скалон; род. 28.03.1835.	68 лет	НИУ; НАГШ. Командир л.-гв. Саперного батальона (1873-1883). Свиты ЕИВ ген.-м. (1877).	1855-1859; 1877 (ранен) -1878. С3 м.б.	Женат: 3 детей. Жалование: 2100 р.; столовых: 5700 руб. Пенсия по

			(1858). Георгий 4, золотое оружие (1878).	орд. св. Георгия 4 – 480 руб. Аренда – 1500 руб.
17.генерал от артиллерии А.В. Аносов; род. 8.03.1822.	81 год	МАУ	1853-1856; 1863, 1864, 1877-1878. С1 м, А1 м., золотое оружие (1877), В2 м (1879).	Вдов. Жалование: 2100 р.; столовых: 4200 руб.; аренда – 1800 (на 6 лет.)
18.генерал от инфантерии П.Т. Перлик; 22.02.1836.	67 лет	КВУ, НАГШ.	Кавказская война (1860-1862); 1877-1878. С3 м.б. (1862); А3 м.б. (1863); С2 м. (1865); В3 м. (1880)	Женат: 2 детей. Жалование: 2100 р.; столовых: 5700 руб.; аренда – 1800 (на 6 лет.)
19.генерал от инфантерии В.А. Латур-де-Бернгард; род. 8.03.1836.	67 лет	Московский кад. корпус, МАА (1 р.). Офицер л.-гв. Измайловского полка	1877-1878. Св. Георгий 4 ст., золотое оружие, Владимир 3 м. (1878).	Женат: 4 детей. Жалование: 2100 р.; столовых: 5700 руб.; добавочных – 1500 руб.
20.генерал от артиллерии Э.В. Гильхен; род. 25.09.1831.	72 года	МАУ, МАА.	1877-78. Золотое оружие (1877); св. Владимир 4 ст. с мечами и бантом (1878).	Католического вероисповедания. Жалование: 2100 р.; столовых: 4200 руб.; аренды: 1500 руб. (на 6 лет; продлена на 2 года)
21.генерал от артиллерии М.А. Сиверс; род. 25.10.1834	69 лет	МАУ, МАА. Офицер л.-гв. 2-ой артиллерийской бригады. Свита ЕИВ г.-м. (1879).	1853-1856, 1877-1878. В3 м, С1 м. (1878).	Женат: 5 детей. Евангелическо-лютеранское вероисповедание. Женат. Жалование:

				1800 р.; столовых: 4000 руб.; особых добав. 1200 руб. Аренда 1500 руб.
22.генерал от инфантерии А.Г. Ковторадзе; род. в 15.07.1821.	82 года	Образование на службе. Флигель-адъютант (1861); Свиты Е.И.В. ген.-м. (1877).	1841, 1850, 1852-1853 (ранен), 1854, 1855 (контужен), 1858, 1864, 1877-1878. Св. Георгий 4 (1855); С2 м. (1865); В3 (1878); Георгий 3 ст. (1879)	Женат: 7 детей. Женат. Жалование: 2100 р.; столовых: 4200 руб. Пенсион по ордену св. Георгия: 200 руб.; за ранение 225 руб. Аренда 1800 руб.
23.генерал от инфантерии О.-Ф. К. Гриппенберг; род. 1.01.1838.	65 лет	Командир л.-гв. 2 стрелковый бат. (1877); командир л.-гв. Московского полка (1877-1883); начальник гвардейской стрелковой бригады (1889-1897), командир 1 гвардейской пехотной дивизии (1897-1898). Флигель-адъютант (1877). Свиты ЕИВ ген.-м. (1878). Командующий войсками Виленского ВО (10.11.1902)	1854, 1855, 1863, 1864, 1866, 1867, 1868 (ранен), 1877-1878. Св. Георгий 4 ст. и А3 м.б. (1867). С2 м. (1868). Георгий 3, В3 м., С1 м. (1878)	Лютеранское вероисповедание. Женат: 3 детей.
24.генерал от кавалерии М.В. фон-дер-Лауниц; род. 23.04.1843.	60 лет	ПК. л.-гв. Гусарский полк, НАГШ.	1864, 1877-1878. Золотое оружие (1878)	Женат: 2 детей. Жалование: 2100 р.; столовых: 4200 руб.
25.генерал от инфантерии Г.И. Бобриков; род. 4.08.1840.	63 года	1 кад. корпус., л.-гв. Уланский Ея В. полк. НАГШ. Свиты Е.И.В. ген.-м. (1879). Начальник 1 гвардейской пехотной дивизии (1898-1901).	1877-1878. Золотое оружие (1877); Георгий 4 (1878)	Женат: 4 детей. Жалование: 2100 р.; столовых: 4200 руб.; добавочных – 500. Аренда – 1500 руб. (на 6 лет.)

26.генерал от инфантерии В.В. Плаксин; род. 21.10.1832.	71 год	1 кадетский корпус. Офицер гвардии (подпоручик 10.07.1860).	1877-1878.	Женат. Жалование: 2100 р.; столовых: 4200 руб.; аренда – 1500 (на 6 лет.).
27.генерал от артиллерии С.С. Канищев; род. 5.05.1836.	67 лет	1 московский кад. корпус. Офицер л.-гв. Конной артиллерии (командир 4 батареи – 1870-1873). Начальник артиллерии гвардейского корпуса (1893-1901).	1877-1878. золотое оружие и В3 м. (1878).	Женат. Жалование: 2100 р.; столовых: 4200 руб.; аренда – 1500 (на 6 лет.).
28.Вице-адмирал Ф.А. Геркен; род. 1835.	68 лет	1904 – адмирал.	Оборона Севастополя.	
29.вице-адмирал Ф.А. Гирс	?			
30.Генерал-лейтенант А.К. Герцо-Виноградский; род. 18.04.1840.	63 года	КВУ и МАА (2 р.). Начальник артиллерии Варшавского ВО (с 4.11.1894 г.)		Жалование: 1800 р.; столовых: 4200 руб.; аренды: 1200 руб. (на 6 лет)
31.Генерал-лейтенант Д.А. Гофман; род. 1.06.1828.	75 лет	1 кадетский корпус.	1848-1850, 1854, 1855, 1877-1878. Золотое оружие – 1877; В3 м., Георгий 4 (1878).	Холост. Жалование: 1800 р.; столовых: 4200 руб.; за защиту Севастополя – 282 руб. 72 коп.; пенсион по ордену Георгия – 480 руб.
32.Генерал-лейтенант М.К. Мазинг; род. 6.11.1836.	67 лет	Офицер л.-гв. 2-й артиллерийской бригады (командир 4 батареи); МАУ, МАА (2 р.).	1866 (контужен), 1877-1878. Св.Георгий 4 (1866); А3 м.б. (1867); В4 м.б., золотое оружие, В3 м. (1878).	Женат: 6 детей. Лютеранское вероисповедание. Жалование: 1800 р.; столовых: 4200 руб.; пенсион по ордену Георгия – 150 руб.
33.Генерал-лейтенант князь Д.Е. Эристов;	60 лет	Школа гвардейских подпрапорщиков и кавале-	1875, 1877 (ранен) –	Женат, 4 детей. жалование:

род. 1.07.1843.		рийских юнкеров. Корнет гвардии 13.08.1864.	1878, 1879, 1880, 1881. А2 м. (1877); В4 м.б.; золотое оружие; В3 м.Св. (1878) Георгий 4-й ст. и бриллиантовый портсигар с вензелем Высочайшего имени (25.03.1881 - за Геок-Тепе)	1800 р.; столовых: 4200 руб.
34.Генерал-лейтенант К.А. Столица; род. 15.05.1839.	64 года	Константиновский кадетский корпус, МАА. Флигель-адъютант (1880).	1863, 1877 (ранение) - 1878. Св. Владимир 4 ст. с мечами и бантом (1878).	жалование: 1800 р.; столовых: 4200 руб.; аренды: 1800 руб. (на 6 лет)
Генерал-лейтенант А.Э. Будде; род. 9.12.1833.	70 лет	1 московский кад.корп.	1853, 1855, 1856, 1877-1878. Св. Станислав 3 ст. с мечами (1859); Св. Станислав 2 ст. с мечами (1867); Анна 2 ст. с мечами (1877); Св. Георгий 4 ст. (1878); св. Владимир 4 с мечами и бантом (1879) и св.	Женат, евангелическое вероиповедание

			Владимир 3 ст. с мечами (1881).	

Приложение 17. Гвардейские части и подразделения основных европейских держав в 70-е гг. XIX – нач. XX в. в.

	Англия	**Германия**	**Австро-Венгрия**	**Франция**
Особые примечания	-	К началу XX в. германская гвардия была по-прежнему объединена в «Garde Korps».	-	После капитуляции под Мецом в 1870 г. французская гвардия перестала существовать. Исследователь Ю. Ненахов отмечал: «Бой под Мецом стал последним для французской императорской гвардии: при реорганизации армии в 1871 году она была

				упразднена».[1]
Кавалерия	*3 кирасирских полка:* 1 и 2 полки Life Guard; Полк Royal Horse Guards (полк королевской конной гвардии (носил прозвище «Голубые»)). *7 драгунских полков:* 1.The Kins's Regiment of Dragoon Guards; 2.The Queen's Regiment of Dragoon Guards; 3. Prince of Wales's Regiment of Dragoon Guards; 4.Royal Irish Regiment of Dragoon Guards; 5.Princess Charlotte of Wales's Regiment of Dragoon Guards; 6.Carabiniers; 7. Princess Royal's Regiment of Dragoon Guards (к началу XX в. указанные полки именовались «гвардейскими», но при этом правами гвардии не пользовались).	Тяжелая конница: «Gardes du corps», кирасирский, 1 саксонский рейтарский и 3 уланских №№ 1, 2 и 3 полка. Легкая конница: 2 драгунских, №№ 1 и 2, и 1 гусарский. Все полки 4-эскадронные (по 180 н. ч. и 5 офицеров в эскадроне).	1 эскадрон кавалерии (л.-гв. Конный эскадрон). Данное подразделение использовалось только для дворцовой службы.	Гвардейская кавалерия продолжала нумерацию существовавших армейских частей.
Инфантерия	*3 пехотных полка:* 1.Гвардейский Гренадерский полк в составе 3 батальонов; 2.полк шотландской гвардии (Scots Guard) в составе 2-х батальонов. 3.полк Колдстримской гвардии (Coldstream Guards) в составе 2-х ба-	11 гвардейских пехотных полков, а именно: 5-ти пехотных, 5-ти гренадерских, с № 1 по № 5, и 1-го фузилерного; 2-х батальонов (1 егерского и 1 стрелкового). Все полки 3-батальонные. Батальоны имеют по 4 роты. Два пулеметных отделения — №№ 1 и 2.	2 пехотные роты.	Гвардейская пехота пополнила убыль других полков. Личный состав так же был

[1]Ненахов Ю.Ю. Железом и кровью (войны Германии в XIX веке). – М.: Харвест, М.: АСТ, 2002. - 656 с. (Военно-историческая библиотека). С.478.

	тальонов. Все полки дислоцировались в Лондоне.			направлен на пополнение кадров 101, 102, 103 и 104 полков.
Артиллерия	-	*Артиллерия.* Полевая: 2 арт. бригады в составе 4 арт. полков с № 1 по 4-й; из них 3 имеют по 6 батарей, а один 8. Все батареи по 6 орудий. Пешая артиллерия: 1 полк в 16 батарей из крепостных и осадных орудий.		Гвардейская артиллерия продолжала нумерацию существовавших армейских частей.
Прочие части и подразделения	-	*Пионеры-саперы:* 1 батальон 4-ротного состава. *Обозные батальоны:* 1 батальон 3-ротного состава. При гвардейском корпусе так же были *созданы 1-й и 2-й батальоны Воздухоплавательных войск*: 1-й батальон дислоцировался в Берлине и включал в себя 2 роты, воздухоплавательную школу и обозное отделение; 1-я рота и штаб 2-го батальона дислоцировались в Берлине, 2-я – в Ганновере, 3-я королевско-саксонская рота – в Дрездене[1]. Кроме этого при Гвардейском корпусе находился 1-й батальон Авиационных войск (Fliegertruppen) (штаб, 1 и 2 роты в Дёбе-		-

[1]Воздушный флот. История и организация военного воздухоплавания. // Под редакцией Н.М. Глаголева. – Петроград: 2-е издание т-ва И.Д. Сытина, 1915. С.63.

		рице; артиллерийская авиационная станция – в Ютерборге; 3 королевско-саксонская рота – в Цейтгайне).[1]		
Всего:	13 полков	?	1 эскадрон кавалерии; 2 пехотные роты	?

Приложение 18. Особенности эволюции частей и подразделений Гвардейского корпуса в 1807-1878 г. г.

Год	Гв. пехота	Гв. кавалерия
1807	*Гв. дивизия:* л.-гв. Преображенский п., л.-гв. Семеновский п., л.-гв. Измайловский п., л.-гв. Егерский бат., л.-гв. Финляндский бат.	*1-я Кавалерийская дивизия:* л.-гв. Кавалергардский п., л.-гв. Конный п., л.-гв. Гусарский п., л.-гв. Казачий п.
1811	*Гв. дивизия разделена на 3 бригады.* *1-я бригада:* л.-гв. Преображенский п., л.-гв. Семеновский п. *2-я бригада:* л.-гв. Измайловский п., л.-гв. Литовский п. *3-я бригада:* л.-гв. Егерский п., л.-гв. Финляндский п. *Отдельно:* Гвардейский экипаж.	С 1810 г. л.-гв. Кавалергардский п., л.-гв. Конный п. причислены к 1-й Кирасирской дивизии, а *1-ю Гв. Кавалерийскую дивизию* составили: л.-гв. Драгунский п., л.-гв. Уланский п., л.-гв. Гусарский п., л.-гв. Казачий п.
1813	*Гв. дивизия разделена на две дивизии (1-ю и 2-ю гвардейские).* *1-я див. 1-я бриг.*: л.-гв. Преображенский п., л.-гв. Семеновский п. *1-я див. 2-я бриг.:* л.-гв. Измайловский п., л.-гв. Егерский п., Гвардейский экипаж.	*Кирасирская дивизия:* л.-гв. Кавалергардский п., л.-гв. Конный п., л.-гв. Кирасирский п., л.-гв. Кирасирский Ее В. п.[2] Гвардейская Кавалерийская дивизия разделена на 2 бригады. *1-я бриг.*: л.-гв. Драгунский п.,

[1] Там же. - С.68.
[2] Вместе с 1-й Уланской дивизией вошли в состав 1-го Резервного кавалерийского корпуса.

	2-я див. 3-я бриг.: л.-гв. Литовский п., л.-гв. Гренадерский п. *2-я див. 4-я бриг.:* л.-гв. Павловский п., л.-гв. Финляндский п., Гв. саперный бат.	л.-гв. Уланский п. *2-я бриг.:* л.-гв. Гусарский п., л.-гв. Конно-Егерский п., л.-гв. Казачий п. с Черноморской и Уральской сотнями.
1817	Добавлена 5-я бриг. из вновь сформированного л.-гв Литовского и л.-гв. Волынского полков. Л.-гв. Литовский п. 2 див. переименован в л.-гв. Московский п.	В Царстве польском сформированы л.-гв. Подольский Кирасирский п. и л.-гв. Уланский Его Выс. п.
1825	*1-я див. 1-я бриг.*: л.-гв. Преображенский п., л.-гв. Московский п. *1-я див. 2-я бриг.:* л.-гв. Семеновский п., л.-гв. Гренадерский п., Гв. саперный бат. *2-я див. 3-я бриг.*: л.-гв. Павловский п., л.-гв. Измайловский п. *2-я див. 4-я бриг.:* л.-гв. Егерский п., л.-гв. Финляндский п., Гвардейский экипаж. *Отдельная 5-я бриг.:* л.-гв Литовский п., л.-гв. Волынский п.	В 1819 г. сформирован л.-гв. Конно-Пионерный эскадрон (в 1862 г. упразднен). В 1824 г. на правах молодой гвардии сформирован л.-гв. Гродненский Гусарский п.
1831	*К гвардейской пехоте причислены два гренадерских полка и она увеличена до 3-х дивизий.* *1-я див. 1-я бриг.*: л.-гв. Преображенский п., л.-гв. Семеновский п. *1-я див. 2-я бриг.:*, л.-гв. Измайловский п., л.-гв. Егерский п., Гв. саперный бат. *2-я див. 3-я бриг.*: л.-гв. Московский п., л.-гв. Гренадерский п. *2-я див. 4-я бриг.:* л.-гв. Павловский п., л.-гв. Финляндский п., Гвардейский экипаж. *3-я див. 5-я бриг.:* л.-гв Литовский	*Гвардейская кавалерия переформирована в 3 дивизии.* *Гв. Кирасирская див.:* л.-гв. Кавалергардский п., л.-гв. Конный п., л.-гв. Кирасирский Его В. п., л.-гв. Кирасирский Е. И. Выс. Насл. Цесаревича п. *1-я Легкая Гв. Кав. див.:* л.-гв. Конно-Гренадерский п. (переименованный л.-гв. Драгунский п.), л.-гв. Уланский п., л.-гв. Гусарский п., л.-гв. Казачий п. *2-я Легкая Гв. Кав. див.:* л.-гв. Драгунский п. (л.-гв. Конно-Егерский п.), л.-гв. Уланский

	п., Гренадерский Императора Австрийского Франца I п. *3-я див. 6-я бриг.:* Гренадерский Короля Прусского Вильгельма III, л.-гв. Волынский п.	Его Выс. Михаила Павловича п., л.-гв. Гродненский Гусарский п., л.-гв. Казачий Атаманский Наследника Цесаревича п.
1878	*Структура пехоты остается неизменной. Гвардейский экипаж и л.-гв. Саперный батальон становятся самостоятельными гв. образованиями и из состава дивизий выведены.*	*1-я див. 1 бриг.*: л.-гв. Кавалергардский п., л.-гв. Конный п. *1-я див. 2 бриг.*: л.-гв. Кирасирский Его В. п., л.-гв. Кирасирский Ее В. п. *2-я див. 1 бриг.*: л.-гв. Конно-Гренадерский п., л.-гв. Уланский п. *2-я див. 2 бриг.*: л.-гв. Драгунский п., л.-гв. Гусарский Его В. п., л.-гв. Сводный Казачий. *3 бриг.*: л.-гв. Уланский Его В. п., л.-гв. Гродненский Гусарский п., л.-гв. Уральский Казачий эскадрон.

Источник: Императорская Российская Гвардия 1700-1878. Хронологические таблицы. / Составитель Г.-Л. барон Вячеслав Штейнгель. СПб., 1878.

Приложение 19. Ведомость о численности войск гвардии 1881 г.: обер-офицеры.

Название частей	**Обер-офицеры**			
	по штату	**по списку**	**недостает**	**сверхкомплект**
Гв. корпус. гв. жандармская команда	- 4	- 6	- -	- 2
Л.-гв. Кавалергардский п.	34	52	-	18
Л.-гв. Конный полк	34	47	-	13

Л.-гв. Кирасирский Его В. п.	34	46	-	12
Л.-гв. Кирасирский Ея В. п.	34	38	-	4
Л.-гв. Конно-Гренадерский	34	47	-	13
Л.-гв. Уланский Ея В. п.	34	49	-	15
Л.-гв. Драгунский п.	34	49	-	15
Л.-гв. Гусарский Его В. п.	34	46	-	12
Сводно-Казачий полк	34	35	-	1
Л.-гв. Уральский казачий эск.	7	8	-	1
Запасной эскадрон л.-гв. Уланского Его В. п.	6	7	-	1
Л.-гв. Гродненский Гусарский п.	6	6	-	-
ИТОГО:	**329**	**436**	**-**	**107**
Л.-гв. Преображенский п.	56	75	-	19
Л.-гв. Семеновский п.	56	67	-	11
Л.-гв. Измайловский п.	56	63	-	7
Л.-гв. Егерский п.	56	72	-	16
Л.-гв. Московский п.	56	70	-	14
Л.-гв. Гренадерский п.	56	66	-	10
Л.-гв. Павловский п.	56	74	-	18
Л.-гв. Финляндский п.	56	72	-	16
1-й Стрелковый Его В. батальон	15	24	-	9
2-й Стрелковый батальон	15	28	-	13
4-й Стрелковый Имп. Фамилии батальон	15	29	-	14
ИТОГО:	**493**	**640**	**-**	**147**
Л.-гв. 1-я артиллерийская бр.	35	46	-	11
Л.-гв. 2-я артиллерийская бр.	35	40	-	5
Гв. Конно-артиллерийская бр.	23	41	-	18
Л.-гв. 6-я Донская казачья Его В.	4	9	-	5

батарея				
ИТОГО:	97	136	-	39
ИТОГО ГВАРДЕЙСКИЙ КОРПУС	919	**1212**	-	293

Источник: ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 113. Л. 2-3.

Приложение 20. Ведомость о численности войск гвардии 1881 г.: нижние чины.

Нижних чинов							
Строевых				**Нестроевых**			
по штату	**по списку**	**недостает**	**сверхкомплект**	**по штату**	**по списку**	**недостает**	**сверхкомплект**
-	-	-	-	-	-	-	-
42	42	-	-	9	9	-	-
929	884	45	-	160	155	5	-
929	919	10	-	213	215	-	2
886	852	34	-	160	155	5	-
886	856	30	-	159	150	9	-
886	903	-	17	160	155	5	-
886	900	-	14	159	153	6	-
886	894	-	8	160	156	4	-
891	888	3	-	160	160	-	-
725	677	48	-	67	59	8	-
181	171	10	-	27	26	1	-
203	236	-	33	45	49	-	4
203	250	-	47	45	40	5	-
8533	**8472**	**180**	**119**	**1524**	**1482**	**48**	**6**
1937	1930	7	-	219	245	-	26
1889	1731	158	-	144	109	35	-
1889	1719	170	-	144	137	7	-
1889	1764	125	-	144	127	17	-

1889	1939	-	50	175	160	15	-
1889	1844	45	-	130	128	2	-
1889	1953	-	64	142	130	12	-
1889	2028	-	139	202	192	10	-
503	469	34	-	59	63	-	4
503	471	32	-	59	53	6	-
503	467	36	-	59	59	-	-
16669	**16315**	**607**	**253**	**1477**	**1403**	**104**	**30**
1140	1017	123	-	132	121	11	-
1086	1052	34	-	132	108	24	-
770	755	15	-	104	111	-	7
136	137	-	1	23	8	15	-
3132	**2961**	**172**	**1**	**391**	**348**	**50**	**7**
28334	**27748**	**959**	**373**	**3392**	**3233**	**202**	**43**

Источник: ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 113. Л. 2-3.

Приложение 21. Особенности (основные этапы) служебной карьеры в. к. Николая Николаевича-старшего.

1)26.11.1852 г. ст. ст. в. к. был пожалован званием генерал-майора «с назначением Генерал-Инспектором по Инженерной части и Командиром 1-ой бригады бывшей 1-ой легкой Гвардейской Кавалерийской дивизии»;

2)17.08.1857 г. ст. ст. назначен начальником 1-ой ГКД «нового состава»;

3)12.04.1859 г. ст. ст. великий князь назначен командующим Гвардейским кавалерийским Корпусом;

4)22.06.1860 г. ст. ст. был утвержден командиром Гвардейского резервного Кавалерийского Корпуса[1];

5)«По Высочайшему повелению командовал Отдельным гвардейским корпусом с 1861 19.04 по 31.07.1861 г. командуя вместе с тем и гвардейским резервным кавалерийским корпусом».[2]

[1] ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 11. Л. 5-6, 10, 11.
[2] Там же. Л. 12-13.

6)30.08.1862 г. ст. ст. был назначен командиром Отдельного ГК, с зачислением в л.-гв. Конный полк. На указанной должности он зарекомендовал себя «выдающимся» командиром гвардии на что указывает «особый» Высочайший рескрипт императора (от 7.08.1864 г. ст. ст.)[1].

7)наконец, 10.09.1864 г. ст. ст. «по упразднении звания» Отдельного ГК, в. к. был назначен командующим войсками Гвардии и СПб. ВО. Великий князь был уволен с занимаемой должности согласно прошения, Высочайшим приказом 17.08.1880 г. ст. ст. Как уже отмечалось на непродолжительный отрезок времени ГК возглавил цесаревич в. к. Александр Александрович.

Приложение 22. Извлечения из «Книги жалоб и предложений офицерского собрания лейб-гвардии Уланского полка» 1906-1913 г. г.

1)запись от 8.01.1906 г.: «Поданные битки к ужину оказались из вонючего мяса» (четыре подписи);

2)запись от марта 1907 г.: «Прошу распорядительный комитет обратить внимание на качество закусок» (командир полка свиты его величества генерал-майор Орлов);

3)запись от 15.03.1907 г.: «Опять подавали битки из вонючего (подчеркнуто в тексте документа – прим. моё) мяса» (за подписью семи офицеров);

4)запись от 5.04.1907 г.: «За обедом была подана совсем сырая телятина. Нельзя было найти ни одного прожаренного куска» (корнет Дворжецкий);

5)запись от 14.10.1907 г.: «На восемь человек подали семь порций ветчины, и то несвежей» (четыре подписи);

6)запись от 15.11.1907 г.: «Довожу до сведения распорядительного комитета, что я отравился – чем не интересуюсь; но есть основания думать, что чайной колбасой» (поручик Бобошко);

7)запись от 25.11.1907 г.: «В filet mignon, поданном мне, была веревка вершка в четыре; молоко было грязное с осадком» (барон Каульбарс);

[1] Там же. Л. 14-15.

8)запись от 7.10.1908 г.: «Мною были заказаны к ужину битки, в которых оказались кости, какие-то комки и все что угодно кроме мяса. Когда я отправил эту пищу обратно, мне принесли другую порцию из несвежего мяса»;
9)запись от 23.03.1911 г.: «Пятый день испытываю свое терпение!!! Не могу получить кофе, все дают помои» (шт.-ротмистр кн. Кропоткин)…[1]
Примечания: Следует отметить, что качество еды порождало творческий процесс. В журнале можно встретить не только саркастические замечания, но и ядовитые четверостишья (запись от 22.10.1913 г.):

Все сошло сегодня гладко:
И ваш завтрак, и обед,
Отчего же в кулебяке
Тараканов счету нет?[2]

Примечание: И таких записей, как творчески обработанных, так и просто озлобленных, накопилось в журнале с 1905 по 1914 г. около 70 (в отдельных случаях офицеры просто выражали согласие со своими негодующими сослуживцами).

Приложение 23. Приказ управляющего Военным Министерством генерал-адъютанта В.С. Ванновского о преобразовании Собственного Е.В. конвоя от 2.12.1881 г. («Во исполнение Высочайшего повеления императора Александра III…»: извлечения).

«Государь Император Высочайше повелеть соизволил:
1)В составе [...] конвоя сформировать еще один Терский казачий эскадрон по существующему штату, полагая во всех эскадронах [...] по 6 офицеров: 1 ротмистра, 1 штабс-ротмистра, 1 поручика и 3-х корнетов.

[1] Книги жалоб и предложений офицерского собрания лейб-гвардии Уланского полка. / документ опубликовал И.П. Белавкин. // Клио. 1999. №2 (8). С. 256-259.
[2] Там же. С.261.

2)Кубанским казачьим эскадронам сохранить существующие номера, а Терским присвоить №№ 1-й и 2-й.

3)Один Кубанский и один Терский эскадроны иметь постоянно на службе и по одному эскадрону на льготе [...]

6)В порядке комплектования и службы казачьих эскадронов руководствоваться существующими о них постановлениями, допустив в них.. изменения: а) служащие эскадроны заменять льготными через 3 года, б) очередные эскадроны высылать с таким расчетом, чтобы они прибывали в С.-Петербург к 15 октября [...]

8)Л.-гв. Кавказский эскадрон [...] конвоя расформировать»[1].

Приложение 24. Ныне действующее Положение Роты Дворцовых Гренадер (от 13 Марта 1882 года) с предлагаемыми изменениями.

Действующее ныне положение, Высочайше утвержденное 13 Марта 1882 года	**Предлагаемые изменения**
Учреждение Роты: 1.При Высочайшем Дворе учреждена, для отличия и награды заслуженных воинов, Рота Дворцовых Гренадер 2.Рота эта принадлежит к общему составу войск Гвардейской пехоты	-
3.Рота эта состоит во всех отношениях, под начальством Министра Императорского Двора	Рота эта состоит под начальством Министра Императорского Двора
4.Дела по внутреннему управлению ротою, и собственно по строевой части, переходят в ведение Штаба гвардейского Корпуса, командир которого заведывает вполне Ротою, на точном основании соответствующих статей настоящего Положения.	Дела по внутреннему управлению ротою, и собственно по строевой части, находятся в ведение Штаба гвардейского Корпуса, командир которого заведывает вполне Ротою, на точном основании соответствующих статей настоящего Положения.
5.Никто в Роту не определяется без высочайшего повеления.	Офицеры, а равно и нижние чины определяются в роту не иначе, как с Высочайшего повеления, за исключением письмоводителя Роты, состоящего по должности в VIII классе, определяемаго и увольняемаго властию Командира Гвардейского Корпуса, по представлению Командира Роты.
6.Рота имеет знамя, которое хранится в Императорском Зимнем Дворце в Военной га-	-

[1] Приказ по военному ведомству. С.-Петербург. Декабря 2-го дня 1881 года. // См. Петин С. Указ. изд. – С.

лерее, под портретом императора Александра I. Рота имеет установленной формы печать и пользуется в отношении пересылки служебной корреспонденции, правилами, присвоенными всем вообще казенным учреждениям. 7.Состав и содержание чинов Роты определяются, приложенными к настоящему Положению штатами.	
8.На обязанностях Роты лежит: а).содержание постов у памятников императоров: Александра I и Николая I и у часовни, сооруженной на месте события 1-го Марта 1881 г. б).дежурство по наряду в Императорских Дворцах: Зимнем и Кремлевском, на особо указанных местах, для надзора и присмотра. и в).наряд почетных караулов при выходах, торжествах, праздниках, во Дворцах и вне оных, в присутствии Их императорских Величеств и занятие, при таких случаях, постов на местах особо для сего, по высочайшему повелению министра императорского Двора указанных.	На обязанностях Роты лежит: а).содержание постов у памятников императоров: Александра I и Николая I и у часовни, сооруженной на месте события 1-го Марта 1881 г. б).дежурство по наряду в Императорских Дворцах: Зимнем и Кремлевском, в Петропавловском Соборе и на особо указанных местах, для надзора и присмотра. и в).наряд почетных караулов при выходах, торжествах, праздниках, во Дворцах и вне оных, в присутствии Их императорских Величеств и занятие, при таких случаях, постов на местах особо для сего, по высочайшему повелению министра императорского Двора указанных.
9.Вся Рота, за исключением чинов занятых службою, ходит 19-го Ноября, 18-го Февраля и 1-го Марта, в сюртуках на панихиды по блаженныя памяти Государях Императорах: Александре I, Николае I и Александре II. 10.при отдании чести знамени Роты, войска бьют всегда поход и в комнатах Дворца. При отдании же, кому следует, чести, барабанщики Роты бьют преображенский поход.	-
11.Нижние чины Роты, стоя на постах, отдают честь одной Императорской Фамилии, - Фельдмаршалам и Министрам: Двора и Военному, а также Командиру Гвардейского Корпуса. Прочим Генералам берут только на плечо.	Нижние чины Роты, стоя на постах, отдают честь одной Императорской Фамилии, - Фельдмаршалам и Министрам: Двора и Военному, а также Командиру Гвардейского Корпуса. Прочим Генералам, Штаб и Обер-офицерам берут только на плечо.
12.Нижним чинам Роты все вообще часовые отдают честь.	Нижние чины Роты отдают честь установленным порядком, становясь во фронт и прикладывая руку к головному убору: Государю Императору, Государыне Императрице, всем Членам императорской Фамилии, а равно и всем Генералам; прочим же офицерским чинам отдают честь, прикладывая только руку к головному убору. Нижним чинам Роты отдают честь все нижние чины, а равно и часовые, стоящие на

	постах.
13.Всем вообще чинам Роты предоставляется иметь при себе, в отведенных им помещениях, жен и детей и принимать на жительство ближних родственников, с разрешения министра Императорского Двора; но безусловно запрещается принимать на жительство посторонних лиц, за исключением состоящих при чинах Роты прислуги, имеющей установленные виды. Вдовам умерших чинов Роты, а равно проживавшим при них детям их, дозволяется оставаться в отведенном покойному помещении в течении не более шести недель, считая со дня смерти мужа или отца. 14.Заболевающие чины Роты отправляются для пользования в придворный или Николаевский военный госпиталь. 15.Погребение чинов Роты производится по Уставу. Сопровождающим тело умершего, - быть в парадной форме. Расходы на похороны производятся на счет Кабинета Его Величества.	-
16.Серебряные медали, пожалованные Его Величеством, Королем Прусским 1-го июля 1842 г., нижним чинам Роты Дворцовых гренадер, в случае смерти кого-либо из них, передаются, с соизволения Его Величества, Императора Германского, и с разрешения Министра Императорского Двора, другим нижним чинам, состоящим на службе в Роте, неимеющим ни медалей, ни знаков отличия Королевско-Прусских.	Серебряные медали, пожалованные Его Величеством, Королем Прусским 1-го июля 1842 г., нижним чинам Роты Дворцовых гренадер, в случае смерти кого-либо из них, передаются, с разрешения Министра Императорского Двора, по представленному Его Величеством, Императором Германским, Королем Прусским праву, другим нижним чинам, состоящим на службе в Роте, неимеющим ни медалей, ни знаков отличия Королевско-Прусских.
О правах поступления в роту и о прохождении службы в оной	
17.Право поступления в роту только имеют те нижние чины Гвардии, Армии и Флота, которые в походах против неприятеля оказали мужество и, следовательно, имеют знаки отличия военного ордена или медали, и во все продолжения своей службы отличались усердием, честностью и примерным поведением.	Ротный командир и субалтерн-офицеры назначаются из числа Штаб и Обер-офицеров, состоящих под покровительством Александровского Комитета о раненых. Из нижних чинов Гвардии, Армии и Флота имеют право на поступление в Роту только те, которые в походах против неприятеля оказали мужество и, следовательно, имеют знаки отличия военного ордена или медали, и во все продолжения своей службы отличались усердием, честностью и примерным поведением, а также состоявшие или состоящие на сверхсрочной службе фельдфебеля, вахмистры, фейерверкеры и унтер-

	офицеры, как значится ниже.
18.Право просить зачисления в кандидаты имеют: а).на унтер-офицерские вакансии: отличнейшие из фельдфебелей, вахмистров, старших фейерверкеров и унтер-офицеров, состоявшие или состоящие на сверхсрочной службе 8 и более лет. б).на вакансии гренадеров 1-й статьи: находящиеся в отставках, хотя и не бывшие на сверхсрочной службе фельдфебеля и унтер-офицеры, а так же фельдфебеля и унтер-офицеры, состоявшие или состоящие на сверхсрочной службе не менее пяти лет, причем преимущество отдается тем из них, которые оставались на сверхсрочной службе и в).на вакансии гренадеров 2-й статьи – состоящие в отставке рядовые.	-
27.Офицеры Роты имеют чин старой Гвардии, фельдфебель – чин армии подпоручика, а унтер-офицеры – чин армии прапорщика.	Офицеры Роты имеют чин Гвардии, фельдфебель чин армии поручика, а унтер-офицеры – чин армии подпоручика.
28.Все вообще гренадеры, а равно писаря, считаются в унтер-офицерском звании.	Все вообще Гренадеры, а равно писаря и барабанщики, считаются в унтер-офицерском звании.
29.Производство офицеров Роты в следующие чины зависит от благоусмотрения Его Императорского Величества.	Производство офицеров Роты в следующие чины зависит от благоусмотрения Его Императорского Величества. Производство офицеров Роты в следующие чины зависит от благоусмотрения Его Императорского Величества, по представлениям министра Императорского Двора.
32.Офицеры, фельдфебеля и унтер-офицеры Роты Дворцовых Гренадер, первые – при повышении в чинах, а последние при получении сих званий, продолжают получать, в продолжении трех месяцев, прежнее жалованье и только с 4-го месяца начинают получать жалованье, соответствующее новому чину или званью.	-
37.Все вообще чины Роты дворцовых Гренадер имеют во всякое время право просить увольнения, как из оной (службы), так и вовсе от службы.	Все вообще чины Роты дворцовых Гренадер имеют во всякое время право просить увольнения, как из оной (службы), так и вовсе от службы, для чего подают прошения Командиру роты, который представляет таковыя, через Командира гвардейского корпуса, Министру Императорского Двора на утверждение.
40.Офицерам в отставке предоставляется носить виц-мундир Роты, без эполет и погон, но при касках.	Офицерам в отставке предоставляется право носить виц-мундир Роты, без эполет и погон, но при касках.

41.Фельдфебеля и унтер-офицеры Роты, прослужившие в последнем чине с отличием не менее одного года и потом уволенные от службы, за болезнию, или по домашним обстоятельствам, награждаются при отставке следующим чином, с предоставлением им права носить в отставках виц-мундир, но без погон.	-
50.Командир Гвардейского Корпуса, в порядке дисциплинарном, имеет право: 1.Объявить командиру Роты замечания и выговоры в предписании; 2.Подвергать Обер-офицеров аресту домашнему и на гауптвахтах до 14 дней. 3.Представлять унтер-офицеров к лишению звания, через Министра Императорского Двора, на высочайшее благоусмотрение. Командир Роты пользуется правами батальонного командира; он имеет право: 1.Объявлять офицерам выговоры при собрании всех офицеров и в приказе по Роте; 2.Наряжать офицеров не в очередь на службу до 3-х раз; 3.Подвергать офицеров домашнему аресту до трех суток; 4.Воспрещать нижним чинам отлучку со двора до двух недель; 5.Назначать нижних чинно не в очередь на службу до шести нарядов.	-

Источник: РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Ед. хр. 19. Л. 27.

Приложение 25. Проект штатов Роты Дворцовых гренадер (в соответствии с новым положением о Роте Дворцовых гренадер. 13 Марта 1882 года).

- Полковников – 1
- Штабс-капитан (командир роты – приписано карандашом) – 1 (жалование 220 р.65 коп./столовых 284 руб. 85 коп. Из интендантского ведомства – 441 руб.)
- Поручик – 1 (ж – 203,66 р./284,34 р. Из инт. – 366 р.)
- Подпоручик – 1 (ж – 195,18 р./284,82 р. Из инт. – 339 р.)
- Фельдфебель, армии поручик – 1 (ж – 328 р., добавоч. – 258,60 р.)

- Унтер-офицер, армии подпоручик – 10 (ж – 240 р., добавочн. – 258,60 р.)
- Гренадеров 1-й статьи – 56 (ж – 140 р., доб. – 65,6 р., всем – 11485,36 р.)
- Гренадеров 2-й статьи – 66 (ж – 120 р., доб. – тоже, всего – 12213,96 р.)
- Барабанщиков – 3 (ж -140 р., доб. – 65,6 р., всем – 615,18 р.)

2 Канцелярия:

- Командир роты – см. выше
- Письмоводитель – 1 (ж – 428 р., стол. – 142 р., добав. – 150 р.)
- Писарей – 2 (ж – 140 р., добав. – 65,6 р., всем – 410,12 р.)

[В конце указанного штата карандашом было приписано] «На мелочные хозяйствования и канцелярские необходимости – 600 руб.».[1]

Источник: РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Ед. хр. 19. Л. 82 (Соображения по пересмотру положения Роты дворцовых гренадер; проект штатов и положения; списки чинов роты).

Приложение 26. Рапорт и отчет командира 1-й гвардейской дивизии Дрентельна (Александр Романович Дрентельн (1820-1888 г. г.) - *прим. наше: Ч.Г.)* **Главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа в. к. Владимиру Александровичу о состоянии дивизии за 1869 год.**

29 мая 1870 г.

РАПОРТ

О состоянии частей 1 Гвардейской Пехотной Дивизии в течение прошлого 1869 года, Вашему Императорскому Высочеству Всеподданейше доношу:

1.Полки дивизии и Л.-гв. Стрелковый Его В. батальон в течении прошлого года находились в постоянном своем расположении в принадлежащих этим частям казармах. В расквартировании частей никаких перемен не произошло. Казармы содержаться, вообще, в исправности, ремонтируются и отапливаются хорошо, но некоторые дома требуют капитальной перестройки, которая и предположена Инженерным ведомством[…]

[1] РГИА Ф.472 Оп.66 е.х.19: Соображения по пересмотру положения Роты дворцовых гренадер; проект штатов и положения; списки чинов роты. Л.82.

В особенности в дурном состоянии находятся казармы л.-гв. Стрелкового Его В. б-на в Царском Селе: при ничтожности отпускаемых на ремонт денег, хозяйственное управление батальона не в силах поддерживать казармы, год от года приходящие в разрушение.

В строевом отношении все части гвардии находятся в весьма хорошем состоянии. По мере обновления личного состава нижних чинов уровень строевого образования, не только не понижается, но можно утвердительно сказать, что состояние строевой части год от года становится лучше[…]

Строевое обучение производилось в порядке, определенном указаниями Вашего Императорского Высочества, причем особенное внимание обращалось на правильное одиночное образование нижних чинов[…]

Занятия гимнастикой идут весьма успешно, замечено только, что иногда не соблюдается в них должной постепенности, что, не принося действительной пользы, может иметь вредное влияние на здоровье нижних чинов[…]

Вследствие этого, мною обращено внимание на соблюдение должной последовательности в обучении гимнастике и предписано заниматься более подготовительными движениями и потом уже переходить к обучению на машинах.

Менее всего успеха представляет фехтование. Все усилия двинуть вперед эту часть солдатского образования приводят к убеждению в несостоятельности этих усилий, так что пришлось ограничиться только ознакомлением солдат с приемом нанесения удара и приучить их метко попадать в цель, куда удар направлен[…]

Стрельба в истекшем году была успешна не в одних только стрелковых частях, уже давно усвоивших себе искусство стрельбы в замечательной степени.

Результаты достигнутые в некоторой части линейных рот, заставляют надеяться, что и в остальных линейных ротах эта важнейшая часть солдатского образования находится на пути к улучшению[…]

Обучение грамоте в ротах идет, вообще, весьма плохо от совокупности разных причин, из коих каждая сама по себе уже имеет несомненное значение[…]

Л.3.

В полках Преображенском и Измайловском в течение зимы был приглашен известный своим особым методом обучения Г. Столпянский. Нельзя не сказать, что успех от его занятий с порученными ему молодыми солдатами не соответствовали ожиданиям.

Корпус офицеров во всех частях дивизии весьма хорош; большинство получило хорошее общее и специальное военное образование; между старшими офицерами много таких, которые совершенно готовы быть отдельными самостоятельными начальниками. Молодые офицеры последних выпусков, из Пажеского корпуса и военных училищ, выходят лучше подготовленными к военной службе, чем это было прежде и служат весьма успешно[…]

Свойство службы частей вверенной мне дивизии не представляет возможности проводить с офицерами особых специальных занятий для их образова-

ния, но зато условия квартирования в столице представляют желающим из них, все средства к приобретению сведений по всем отраслям образования и многие из офицеров этим пользуются.

Библиотеки существуют во всех полках и с давнего времени, так что представляют обильный материал для всякого рода чтения. Нельзя однако не сказать, что любознательность читателей менее всего обращается на книги военного содержания. Читают, по преимуществу, современные издания и романы.

Во все время командования моего дивизиею Офицерские суды не были созываемы, главным образом потому, что в этом не было необходимости. Но советы посредников действовали постоянно и имели весьма полезное влияние на тех офицеров, которые по легкомыслию и неустановившемуся еще характеру, требуют поддержки и известного надзора. Офицеры входящие в состав полковых советов посредников, относятся весьма строго к вопросам, задевающим честь полка или мундира, и менее строго, чтобы не сказать больше, к случаям неисполнения частных обязательств. Недостаток строгости общественного между офицерами мнения к делам подобного рода имеет по

Л.4

следствием то, что не мало молодых людей, вступив на скользкий путь делания долгов, не в состоянии остановиться и кончают свою карьеру самым прискорбным образом.

Нравственность нижних чинов весьма удовлетворительна. Живя постоянно в таком городе как Петербург нижние чины дивизии в некоторой степени отражают на себе характер и склонности окружающего общества той среды, из которой они вышли. Для удовлетворения этих склонностей, при недостаточности средств на то, они не редко прибегают к незаконным путям и через то впадают в проступки. Пьянство и отчасти кража составляют два главнейших вида проступков… Большинство нижних чинов, состоят из людей молодых, физически крепких, холостых или разлученных со своими семьями, не может обойтись без развлечений в свободное от службы время…. Он ищет развлечений вне ея (Моё – казарма), в ущерб своей нравственности и часто во вред своему здоровью[…]

Воинская дисциплина, можно утвердительно сказать. Сохраняется свято и строго поддерживается.

Л.5.

К видам собственно воинских преступлений можно отнести самовольные отлучки и побеги, а также растрату казенных вещей, почти исключительно предметов обмундирования, но и эти преступления, как указывает судебная практика, совершаются под впечатлением вина; лучшим доказательством того служит то, что большинство отлучившихся и бежавших или являются добровольно или забираются полицией в различных вертепах разврата[…]

Бежавших было 18 четырьмя меньше против предшествовавшего года, из них поймали 14, добровольно явившихся два.

Из 18 бежавших 2/3, т.е. 12 чел. составляют наемщики.

Деятельность военно-судебных учреждений в 1869 г. представляет следующие данные:
1. В Военно-Окружных судах возбуждены дела о чинах 1 Гвардейской пехотной Дивизии:
Оставалось нерешенными от 1868 г. …… 10.
Возбуждено в течении 1869 г. …… 27.
В течении года решено …… 23.
Осталось к 1870 г. нерешенными ……... 15.
2., В полковых судах дивизии:
Оставалось нерешенными от 1868 г. ……. 10.
Поступило в течении 1869 г. …….. 98.
В течении года решено …… 108.
К 1870 г. нерешенных дел не осталось вовсе.
Из этой ведомости видно, что хотя число случаев предания Окружному суду увеличилось сравнительно с предыдущим годом на 7, зато полковым судам предано вообще гораздо меньше, чем в предшествовавшем году и разница в пользу 1869 г. представляет значительную цифру 73[…]
Относительно полковых судов следует сказать, что учреждение это с полным успехом выдержало испытание и вряд ли имеет в настоящее время противников. Весь механизм делопроизводства прост и не представляет затруднений. Гласность представляет значительные гарантии для подсудимых, а выбор членов и наблюдение командира вполне обеспечивают пользу службы и соблюдение дисциплины.
Применение нового военно-судебного устава на практике нисколько не затруднило успешность производства дел в полковых судах, что видно из того, что сроки предписанные военно-судебным уставом во всех решенных делах не были нарушены. Большинство дел решалось в одно заседание; несколько сложных дел потребовало двух заседаний и только по некоторым делам заседания были отсрочены на другие числа, за неявкою необходимых свидетелей, или по случаю вызова новых[…]
Средняя продолжительность ведения дела составляет десять дней; были дела решенные в 2 дня.
Средняя продолжительность содержания подсудимых будет несколько больше 10 дней, так как обвиняемый арестовывается тот час по совершению проступка, а до проведения по полковому суду проходит несколько дней[…]
Л.8.
Состояние здоровья в истекшем году представляет результаты несколько менее неблагоприятные, чем в предшествовавшем, т.е. в 1868 году. Хотя число заболевших представляет почти ту же цифру, но благодаря Бога, как умерших, так и выписанных в неспособные в 1869 году, было значительно менее.
Нельзя не признать, что убыль от болезней в последнее время стала очень велика, несмотря на то, что Гвардия поглощает теперь лучшие силы народонаселения, призванные на укомплектование русской армии. Можно
Л.9.

утвердительно сказать, что лучше тех здоровых отборных людей, которых мы теперь получаем, никогда и в прежнее время в гвардию не поступало. Казармы содержатся в настоящее время лучше, чем прежде, одеждою снабжены люди гораздо удовлетворительнее; пища никак не хуже прежней; одним словом все условия солдатского быта стали лучше, а болезненность и смертность, не только не уменьшились, а, вообще говоря, увеличились[…]

Значительная часть поступающих в госпитали прибывают с простудою, которая смотря по различным условиям времени и от других обстоятельств, влияющих на характер болезненности вообще, более или менее осложняется и часто обращается в тиф. Значительно число находящихся в госпиталях больных составляют одержимые сифилисом; цифра этих больных составляет не редко 40% общего числа больных. После этой болезни имеют большое влияние на увеличение цифры людей, выписываемых в неспособные. К сожалению никакие меры неприменимы к предупреждению возможности заражения сифилисом и военное начальство может ожидать пользы только от развития врачебно-полицейского надзора. Для уменьшения же процента заболевающих простудою, считаю необходимым введение в войсках шерстяных фуфаек: издержки на тот предмет окупятся пользою, которую принесет теплая одежда, сбережением здоровья, сокращением издержек на лечение больных и уменьшением количества выписываемых в неспособные[…]

Преображенский полк имеет свой госпиталь, а прочие части дивизии приемные покои. Все эти заведения находятся в большом порядке и благоустройстве и больные находят в них необходимое успокоение[…]

Вооружение находится теперь в переходном состоянии и о нем трудно сказать что-нибудь, вполне определительное. В течении года все полки Дивизии исполняли наряд по изготовлению комплектных боевых патронов по штату военного времени, каковые и сданы в склад артиллерийского ведомства.

Стрелковый батальон вооружен ружьями нового образца по системе Бердана[…]

Л.11.

Нижние чины на инспекторских смотрах оказались весьма довольными, и претензий на начальство предъявлено не было. Из числа переведенных из Армии и резервных батальонов некоторые объявили претензии на неполучение вещей и денег: большая часть этих жалоб уже получила законное удовлетворение.

Члены полковых хозяйственных управлений занимаются своим делом весьма усердно и добросовестно. Труды их с каждым годом осложняются, с одной стороны от возрастающих требований Государственных Контрольных учреждений, а с другой стороны от уменьшения числа знающих писарей. В Л.-гв. Преображенском полку, где по составу корпуса офицеров, члены Хозяйственного Комитета меняются чаще, чем определено положением, дела по хозяйству, а особенно по отчетности значительно запутываются, что в свою очередь усложняет деятельность Дивизионного Штаба, и без того не в меру обремененного делами. Я полагаю, что вернейшим средством для исправле-

ния этого недостатка было бы учреждение в полках постоянных делопроизводителей из чиновников военного ведомства, на которых следовало бы возложить всю переписку по хозяйственной части и всю бухгалтерию.
Это значительно бы облегчило труд и полкового хозяйственного управления и Дивизионного Штаба и избавило бы полки от ошибок, которые, в конце концов, могут ложиться на нижних чинов к ущербу их интересов.
В заключение считаю себя обязанным доложить Вашему Императорскому Высочеству, что все части дивизии находятся в должном порядке и благоустройстве как это подобает старейшим полкам Гвардии Его Императорского величества.

Подписали: Начальник Дивизии Генерал-Адъютант Дрентельн и Начальник Штаба Полковник Любовицкий.

Приложение 27. Аттестационные списки на офицеров 1 гвардейской пехотной дивизии и Л.-гв. Преображенского полка. 1870-1871 г. г. От 21-го Мая 1870 г. С пометкой «Копия».

Чины и фамилии	Аттестация
Штаб дивизии: Начальник Штаба Полковник Любовицкий	Образованный, способный и дельный офицер. Весьма распорядителен, усерден и исполнителен. Имеет много такта.
Л.-гв. Преображенского полка Флигель-Адъютант Полковник Фуллон	Способный и чрезвычайно ловкий строевой офицер. Не достаточно требователен по службе.
Л.2 Полковник Граф О'Рурк	Старательный и очень исполнительный офицер. Не бойких способностей и очень суетлив. Отличается особою правдивостью.
Флигель-Адъютант Его Высочество Полковник Принц Ольденбургский	Служит примером добросовестного и честного служения
Полковник князь Оболенский	Дельный и знающий службу офицер. Очень заботлив о подчиненных и в тоже время требователен. Пользуется большим уважением.
Полковник Шлиттер	Способный и усердный офицер. Носит на груди доказательство храбрости и боевых отличий. Излишняя самоуверенность вовлекает его часто в большие ошибки. Не имеет вовсе такта.
Л.-гв. Семеновского полка Полковник Меньшиков	Старый заслуженный офицер. Имеет хорошее нравственное влияние на офицеров. Способностей не бойких.
Флигель-Адъютант Полковник Эллис	Чрезвычайно способный и полезный для службы офицер. Отлично знает свое дело; исполнителен, строг и заботлив о подчиненных. Имеет все задатки, чтобы быть отличным командиром полка … и гвардейского.

Полковник Вилламов	Способностей довольно хороших, но не имеет в себе ничего военного и к тому же слабого здоровья.
Полковник Дубельт	Внимателен к своему делу и старателен. Способностей не бойких, но батальоном командует хорошо.
Полковник Васильев	Офицер очень способный, добросовестный и знающий службу в особенности хозяйственную часть. Пользуется общим уважением и заслуживает общего внимания.
Л.-гв. Измайловского полка Полковник Лисаневич	Хороший строевой офицер, любящий военное дело. Не довольно внимателен к подробностям в исполнении служебных обязанностей и мало требователен.
Полковник Чебышев	Очень усерден и исполнителен; очень заботлив о всем ему порученном, но очень ограничен и без всякой самостоятельности.
Полковник Васильковский	Высокой нравственности и безукоризненной честности человек и отличный во всех отношениях офицер. Пользуется общим уважением, отлично знает дело в особенности хозяйственную часть. Усерден, исполнителен и очень скромен. Способен исполнить всякие поручение и обещает быть отличным командиром полка.
Л.3 Полковник Ветлицкий	Усерден и исполнителен. Не довольно строг с подчиненными. Способностей ограниченных.
Полковник Тиньков	Замечательных способностей и отлично знающий всякое дело офицер. Батальоном командует с большим уменьем и тактом. Способен исполнить всякие служебные поручения и имеет все чтобы быть самостоятельным Командиром отдельной части.
Л.-гв. Гатчинский полк Полковник Тунцельман	Способный офицер, хорошо знающий и строевое и хозяйственное дело. 17-го Апреля назначен командиром 90-го Онежского пехотного полка.
Л.4. Полковник Карасев	Хорошей нравственности, исправен и исполнителен по службе. Не бойких способностей и без всякой энергии.
Полковник Головин	Добросовестный, исполнительный и усердный офицер. Хороших, честных правил. Весьма кроткого нрава, но часть свою держит в порядке и для службы весьма полезен.
Полковник Квицинский	Весьма ловкий и расторопный офицер. Усерден и исполнителен. Батальоном командует с большим успехом.
Полковник Васильковский	Усерден и очень исполнителен. Способностей весьма ограниченных и без всякой энергии. При непредставительной фигуре… ездит верхом.
Полковник Лихарев	По службе исправен и не без способностей. Вследствие отсутствия правдивости и недостатка чувства собственного достоинства не пользуется уважением и начальников, ни товарищей, ни подчиненных.
Л.-гв. Стрелкового Его Величества батальона Полковник Барон Артсгофен	Примерный во всех отношениях Штаб-Офицер. Отличных способностей и строевых правил.

Полковник Новосилинский	К службе усерден. Способностей ограниченных, но любит стрелковое дело и сам – отличный стрелок. 17-го Апреля назначен командиром 3-го Стрелкового батальона.

Подписал: Генерал-Адъютант Дрентельн.

Источник: ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 70. Л. 1-4.

Приложение 28. Штрафной журнал гг. офицерам Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка за 1853 г.

Месяцы и числа	**Чины, имена, отечества**	**Какие учинили поступки**	**Какое последовало наказание**	**По чьему приказанию**
- 1 – Марта 3	Поручик Вадим Денисов сын Давыдов	За то что рапортуясь больным подал рапорт о выздоровлении своем 28 числом Февраля месяца, но рапорт этот отправил с своим человеком, который доставил оный не своевременно но и не туда куда надлежало, и притом он Давыдов не явился по выздоровлении -1об- от болезни к Г. Командиру полка уехал в С.-Петербург, где и был Его Превосходительством встречен.	Арестован на пять дней с содержанием на Петергофской Главной Гаупвахте.	По приказанию Г. Командира полка.
Мая 3	Поручик Николай Федоров сын Гаевский	За то, что был наряжен на 2 число дежурным по 1 Дивизиону, не явился этого дня утром к Г. Командиру полка.	Арестован на трое суток с содержанием на Петергофской Главной Гауптвахте.	По приказанию Г. Командира полка.
Мая 28	Поручик Александр Алексеев сын Киткин	За то, что стоя в карауле на С.-Петербургском выезде 28 Мая 1853 года в час ночи при проезде Его Импер. Выс. Наследника Цесаревича не вышел с караулом в ружье, а оставался в караульном доме, где посланный Его Императорск. Высочеством -2- Адъютант нашел его хотя и совсем одетаго, но спящим и за то что о неисправности этой не донес Дежурному по караулам и Г.Командиру полка.	Наряжен без очереди в караул на три раза, дежурным по дивизиону – на три раза и за приказанием во время Лагерьного сбора тоже на три раза.	По приказанию Г.Командира полка.
Мая 29	Прикомандированный к полку Фли-	За сделанныя на бывшем того числа ученьи в высочайшем Присутствии ошибки во фронте а	Арестован на одни сутки с содержанием	По приказанию Его Имп. Выс.

	гель Адъютант Лейб Гвардии Конно Пионерного Дивизиона Полковник Князь Багратион.	именно: когда была произведена перемена фронта правым флангом вперед, то он неправильно ввел командуемый им 2 Дивизион к новой линии фронта.	на Петергофской Главной Гаупвахте.	Насл. Цесаревича; а 30 Мая в 8 часов утром по Высочайшему повелению из под ареста уволен.
-2об- Мая 29	-2об- Капитан Василий Григорьевич Арсеньев	-2об- За то, что на бывшем того числа ученьи в Высочайшем присутствии когда был вызван из колоны справа, 6 эскадрон вперед на линию и произведена по этому эскадрону Деплояда, то вверенный ему 2 эскадрон следую на новую линию, был им остановлен не своевременно, от чего левый фланг его эскадрона помешал движению 3 эскадрона входившаго в это время на линию.	-2об- Арестован на двое суток с содержанием на Петергофской Главной Гауптвахте.	-2об- По приказанию Г.Командира полка; а 30 мая в 8 часов утра по Высочайшему повелению из под ареста уволен.
29	Капитан Василий Дмитриевич Артемьев	За то, что при спешивании на бывшем того числа ученьи в Высочайшем присутствии, когда стрелки были отозваны, то -3- 6 взвода люди не были построены в Дивизионную колону, а стояли отдельно левее 5 взвода и при том у Рядоваго командуемаго им эскадрона на конном ученьи оборвался у ружейнаго чехла ремень.	Арестован на двое суток с содержанием на Петергофской Главной Гауптвахте.	По приказанию Г.Командира полка, а 30 Мая в 8 часов утра по высочайшему повелению из под ареста уволен.
Июня 2	Прапорщик Николай Степанов Ильяшенко	За то, что опоздал своевременно прибыть на ученье произведенное полку того числа в присутствии Бригадного Командира.	Арестован на одни сутки с содержанием на Петергофской Главной гауптвахте.	По приказанию Г.Командира полка.
15	Штабс-капитан Евгений Федорович Барыков 1-й	За то, что 14 числа сего месяца при построении на Церковном параде во взводную колонну, - встал не на свое место.	Арестован с содержанием на Петергофской Г.Г.; до выступления полка на маневры.	По приказанию Г.Командира полка и того же числа после пробития вечерней зори по прика-

				занию Его Имп. Выс. Командира бригады из под ареста уволен.
Июня 15	Поручик Николай Федорович Барыков-2	-3об- За то что 14 числа сего месяца быв назначен в Церковном параде Ассистентом к Штандартам при относе оных не знал своего дела	Арестован с содержанием на Петергофской Г.Г., до выступления полка на маневры.	По приказанию Г.Командира полка и того же числа после пробития вечерней зори по приказанию Его Имп. Выс. Командира бригады из под ареста уволен.
Июля 22	Поручик Ярослав Викторович Корево	За то что быв наряжен 21 сего июля за получением порольнаго приказания из Штаба Его Императорского Высочества Главнокомандующего Корпусами, не привез онаго как бы следовало в Дивизионный штаб.	Арестован на трое суток с содержанием на Красносельской Гауптвахте.	По приказанию Г.Командующего дивизиею.
28	Прапорщик Георгий Данилович Корибут-Кубитович	За то, что не явился 25 числа сего месяца по наряду за -4- парольным приказанием в Штаб Его Имп.Выс. Главнокомандующего Корпусами.	Наряжен без очереди на 2 раза за приказанием и на 2 раза в караул во время маневров и на два раза на пикет.	По приказанию Г.Командующего Дивизиею.
Сентября 1	Прапорщик Георгий Данилович Корибут-Кубитович	За то, что быв дежурным того числа по 3 Дивизиону не находился на своем месте.	Арестован на одну неделю с содержанием на Гауптвахте.	По приказанию Г.Командира полка.
Сентябрь 11	Полковник Николай Ермолаевич барон фон Врангель 3	За то, что с прапорщика Лерха 2, который быв назначен в караул не прибыл на репетицию развода, которую он делал 10 сентября; а приехал только к разводу и сам объявил что вступать не умеет, не только не сделал как Старший по отъезде Г. Командира полка в С.-	Объявлен строгий выговор	Г.Командиром полка

		Петербург взыскания, но даже об этом безпорядке и не довел до сведения Его Превосходительства.		
11	Прапорщик Мориц Густафович Лерх 2	За то, что быв назначен в караул не прибыл на репетицию -4об- развода, которую делал полковник Барон Фон Врангель 3-й 10 числа Сентября, а приехал только к разводу и сам объявил, что вступать не умеет.	Арестован на две недели с содержанием на Главной Петергофской Гауптвахте и с исправлением всех должностей в свою очередь.	По приказанию Г.Командира полка.

Подписал: Командующий полком полковник Барон Врангель 3.

Источник: ГАРФ Ф. 646. Оп. 1. Д. 80. Штрафной журнал гг. офицерам Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка за 1853 г. (6 окт. 1853 г.).

Приложение 29. Письмо неустановленного лица (без подписи) Глазову В.Г. о притеснениях ротного командира кап. Л.-гв. Московского полка Бобровского. 1894 г. *(соблюдается орфография и пунктуация источника).*[1]

Его Высокоблагородию командующему 2-м батальоном л.-гв. Московского полка.

Нижних чинов 8-й роты л.-гв. Московского полка на своего командира роты капитана Бобровского жалоба.

Ротный командир капитан Бобровский начал особенно в последнее время чрезвычайно жестоко … обращаться с нами, называть каждого из нас арестантами, адиотами и другими не цензурными словами которых слов и названий себя каждый из нас никогда до службы не слыхал и не заслуживал, так что положительно не вмочь стало нам с ним нести службу. Отдано приказание иметь только по одному сундуку, в котором складываются вместе грязное и чистое белье, сапоги, счеты и разные принадлежности, отчего завелась нечистота и нижние чины начали заболевать чесоткой и различными ве-

[1] Используется оригинальный текст и пунктуация источника.

редами. Не велел носить красных рубах, а у некоторых нижних чинов имеются только красные, заводить других не начто, а он требует завести. Никогда не выдает теплых казенных фуфаек, а приказывает держать их в цейхаузе, выдает только во время посещения роты каким нибудь из начальствующих лиц, а потом опять отбирает. Не увольняет нас попраздникам со двора, а с большим трудом велит отпускать не больше 3-х человек. Утомляет нас через силу занятиями, никогда не приказывает оканчивать в указанное законом время, через что мы не имеем возможности ни когда захватить на кухне кипятку для чаю. Во время проверки солдат строевому занятию, а в особенности молодых, позволяет себе бить по рукам,… толкать и рвать за уши, всегда грозит каждому из нас и дает обещания отдать под суд и перевести в разряд штрафованных, а унтер-офицеров и ефрейторов разжаловать и буду говорит служить с арестантами.

Не далеко как 4-го марта он выстроил роту и начал угрожать что всем перегну и переломаю ребра, и что он никого за свою жестокость не боится, ни командира полка, ни бригадного, ни начальника дивизии, одного только боится Государя; ну как после этого нам остается с ним служить. Мы на каждом Инспекторском опросе желали заявит жалобу на своего ротного командира, но каждый раз он перед тем оставляет свою не-законную жестокость, начинает быть к нам справедливым как подабает быть каждому ротному командиру и мы думая что вот на дальнейшее время будет так; но коль скоро минует опрос притензий он принимается за прежнюю свою жестокость, которую можно только применить к животным, а не людям, да он как сам нам не раз говорил, что мы в его глазах никто иначе как животные. Всепокорнейшее просим ходатайствовать Вашего Высокоблагородия о передаче этой жалобы Командиру полка о перемене к нам ротного командира с которым нам через его незаконные жестокия с нами обращения и притеснения нести долг службы очень затруднительно.

В том собственноручно подписываемся: и. д. фельдфебеля старший унтер-офицер Иван Васильев. (всего 79 чел.; с 44 по 79 неграмотные).

Источник: РГИА. Ф. 922 Оп. 1. Ед. хр. 58. Фонд Глазов. Л. 4.

Приложение 30. Наказные атаманы Войска Донского в период правления Александра II - Николая II.

	Ф.И.О., годы жизни, воинское звание	Пребывание в должности наказного атамана	Отношение к императорской гвардии, дополнительные сведения
1.	Хомутов-1 (1795-1864)	1848-1862	Сын генерал-лейтенанта, сенатора. Окончил

	Михаил Григорьевич, генерал от кавалерии		Пажеский корпус, начал службу в л.-гв. Гусарском Его В. полку. Участник заграничных походов. Орден св. в-ка Георгия IV ст. (1835 г.).
2.	Граббе Павел Христофорович (1789-1875), генерал от кавалерии	1862-1866	К гвардии отношения не имел. Орден св. в-ка Георгий III ст. № 437 (1831 г.). Член Государственного Совета.
3.	Потапов Александр Львович (1818-1886), генерал-лейтенант	1865-1868	Сын генерала, окончил Пажеский корпус, начал службу в л.-гв. Гусарском Его в. полку; начальник штаба Отдельного корпуса жандармов; начальник III Отделения СЕИВК.
4.	Чертков Михаил Иванович (1829-1905), генерал-лейтенант	1868-1874	Сын шталмейстера. Окончил Пажеский корпус. Начал службу в качестве корнета л.-гв. Конного полка. Командир л.-гв. Преображенского полка, начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии. Ординарец при командующем Гвардейским и Гренадерским корпусом, в.к. Александре Николаевиче. Член Государственного Совета; орден св. в-ка Георгий IV ст. (1859 г.)
5.	Краснокутский Николай Александрович (1818-1891), генерал от кавалерии	1874-1881	Окончил Пажеский корпус, начал службу в л.-гв. Гусарском Е.В. полку. В 1856-1853 гг. – командир л.-гв. Гродненского Гусарского полка (в последующем состоял в списках полках). Так же состоял в списках л.-гв. Атаманского полка.
6.	Князь Святополк-Мирский Николай Иванович, генерал от кавалерии	1881-1898	Окончил Пажеский корпус. Адъютант наместника на Кавказе генерал-фельдмаршала св. князя А.И. Барятинского. В 1867-1873 гг. командир л.-гв. Семеновского полка. В 1873-76 командир 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии. Орден св. в-ка Георгия III ст.
7.	Максимович Константин Константинович (Клавдиевич) (1849-1917), генерал-лейтенант; 1908 г. – г.-адъютант, 6.12.06 г. - г. от кавалерии. Жена: Мария Николаевна уроженка Смоленской губ. Числится в 1 эск. л.-г. Конно-Грен. с 30.11.1892 г. (5). Ф.3544. Оп.1. Д.10.	1899-1905	Полтавская губ. Окончил Пажеский корпус (1 р.) и в 1867 г. выпущен корнетом в л.-гв. Конный полк. В 1874 г. окончил НАГШ. 1879 г. флигель-адъютант. Участник русско-турецкой войны 1877-78 гг. С 1886-1892 гг. командующий (с 1889 командир) л.-гв. Конно-Гренадерским полком. 1892-1893 гг. командир 1 бригады 2 гвардейской кавалерийской дивизии. 1893-1899 военный губернатор Уральской области и наказной атаман Уральского казачьего войска. 19.02.-15.08.1905 г. Варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского ВО.
8.	Князь Одоевский-Маслов Николай Николаевич (1849-1919), генерал-лейтенант	1905-1907	Окончил Пажеский корпус, начал службу в л.-гв. Конном полку. В 1896-1901 гг. командир л.-гв. Конного полка. В 1901-1903 гг. командир 2-й бригады 2-й гв. кав. дивизии.

			В 1904-1905 гг. начальник 1-й гв. кав. дивизий.
9.	Самсонов Александр Васильевич, генерал-лейтенант	1907-1909	К гвардии отношения не имел.
10.	Барон Таубе Федор Федорович (1857-1911), генерал-майор	1909-1911	Участник русско-турецкой войны. Переведен в 1878 г. в запасной батальон, а затем в л.-гв. Измайловский полк, где он числился до 1881 г. находясь при этом в распоряжении начальника охраны Зимнего Дворца. Окончил Николаевскую академию ГШ. С 1906 по 1909 гг. командир Отдельного корпуса жандармов.
11.	Мищенко Павел Иванович, генерал от артиллерии	1911-1912	К гвардии отношения не имел.
12.	Покатило Василий Иванович, генерал-майор	1912-1913	К гвардии отношения не имел.

Приложение 31. Начальники штаба Войска Донского.

	Ф.И.О., годы жизни, воинское звание	**Пребывание в должности начальника штаба Войска Донского**	**Отношение к императорской гвардии, дополнительные сведения**
1.	Андриянов Виссарион Иванович (1803-1859)	1851-1859	Л.-г. Казачий полк, зачислен в л.-гв. Атаманский полк.
2.	Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (12.09.1820-15.04.1893)	1860-1863	Образование получил в Благородном пансионе и юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, по окончании которого 20.01.1841 г. поступил на службу в лейб-кирасирский Наследника Цесаревича полк.
3.	Фомин Павел Степанович	1863-1870	Происходил из дворян Войска Донского. Получив воспитание во 2-м кадетском корпусе. К гвардии отношения не имеет.
4.	Леонов Георгий Алексеевич	1870-1883	Родился в 1831 г. в семье дворян войска Донского. После окончания школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в 1849 г. поступил на военную службу корнетом в л.-г. Императорский Казачий полк. Прослужив в гвардии до 1860 г., по собственному желанию переведен в войско Донское, где был сначала командиром полка, а потом, получив

			чин генерал-майора, начальником штаба.
5.	Мартынов Андрей Дмитриевич (1838-1913)	1883-1895	Г.-л. генерал от кавалерии, командир л.-гв. Атаманского полка.
6.	фон-Раабен Рудольф Самойлович (1843-?)	1895-1898	Католического вероисповедания. Из дворян. Окончил 2-й кадетский корпус и 2-е военное Константиновское училище (1863). Выпущен Поручиком (ст. 12.06.1863) с прикомандированием к л-гв. Гатчинскому полку. Окончил НАГШ (в 1871; по 1-му разряду).
7.	Швембергер Иосиф Федорович (21.07.1844 -)	1898-1899	К гвардии отношения не имеет. Образование в В.-Топографическое училище, НАГШ (2 р.).
8.	Пневский Вячеслав Иванович (18.12.1848 - ?).	1899-1901	К гвардейским частям отношение не имел. В 1865 окончил 1-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию. С 25.08.1865 по 17.07.1867 обучался в 1-м Павловском военном училище. 30.09.1874 г. окончил НАГШ (по 1-му разряду, Дополнительный курс).
9.	Плеве Павел Адамович	1901-1905	Служил в л.-гв. Уланском Его Величества полке. Окончил НАГШ.
10.	Дубасов Николай Васильевич (**21.11.1850 г. -?)**	20.04.1905-12.05.1906	Тверская гражданская гимназия, 1-е ПВУ, МАУ. С 1874 по 1883 гг. офицер 3-й арт. бригады. НАГШ (1883, 1-й разряд). Обер-офицер для поручений при штабе войск Гв. и СПб. ВО (9.04.-11.08.1888), штаб-офицер для поручений при штабе войск Гв. и СПб. ВО (11.08.1888-21.02.1898). Отбывал цензовое командование батальоном в л.-гв. Павловском полку (1.10.1894-12.10.1895), нач. штаба 2-й ГКД (21.02.1898-26.03.1900), директор Ярославского кадетского корпуса (26.03.-16.06.1900), директор 2-го Московского кадетского корпуса (16.06.1900-14.12.1901), нач. ПВУ (14.12.1901-20.04.1905), нач. войскового штаба Войска Донского (20.04.1905-12.05.1906), генерал-квартирмейстер ГШ (12.05.1906-21.02.1909), военный губернатор Уральской области, наказной атаман Уральского казачьего войска (1.01.1910-после 1.06.1911).
11.	Смагин Алексей Алексеевич	1906-1916	Служил в л-гв. 1-ой артиллерийской бригаде. Окончил НАГШ.

Источники: Списки высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. – СПб., 1891, 1897, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1906, 1907, 1908.

Приложение 32. Особенности «эволюции» гвардейских казачьих частей в период правления императоров Александра II – Николая II.

	Император (период правления)		
	Александр II (1855-1881 гг.)	**Александр III (1881-1894 гг.)**	**Николай II (1894-1917 гг.)**
Кавалерия	1.Л.-гв. Казачий Его Величества полк (создан 24.01.1798 г.; впервые наименован 10.04.1806 г.; до 1863 г. л.-гв. Казачий полк); 2.Л.-гв. Атаманский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк (4.01.1829 г. причислен к Гвардейскому корпусу); 3.*В 1878-1884 гг. л.-гв. Казачий и л.-гв. Атаманский полки были объединены;* 4.Л.-гв. Уральская казачья сотня (на правах Молодой гвардии с 1830 г.); 5. 1874 г. - л.-гв. 1-й Сводно-Казачий полк; 1877 г. - л.-гв. 2-й Сводно-Казачий полк (в 1884 г. оба полка упразднены).	1.Л.-гв. Казачий Его Императорского Величества полк 2.Л.-гв. Атаманский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк 3.Л.-гв. Уральская казачья Его Величества сотня (права Старой гвардии с 1883).	1.Л.-гв. Казачий Его Императорского Величества полк 2.Л.-гв. Атаманский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк 3.Л.-гв. Уральская казачья сотня (до 1906 г.) 4.С 1906 г. л.-гв. Сводно-Казачий полк.[1]
Артиллерия	17.08.1875 г. присвоено название 6-й лейб-гвардии Донская казачья Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича батарея17.04.1878 г. - даны права Старой Гвардии.	2.03.1881 г. - лейб-гвардии 6-я Донская казачья Его Величества батарея Гвардейской конно-артиллерийской	4.Л.-гв. 6-я Донская казачья Его Величества батарея л.-гв. Конной артиллерии

[1] Все полки по 6 эскадронов. Всего в полку: 36 офицеров, 5 чиновников, 920 строевых (из них 61 пеших) и 55 нестроевых нижних чинов. Справочная книжка офицеров С.З.

		бригады 25.04.1895 г. - при формировании дивизионов в бригаде вошла в состав 1-го дивизиона	
Прочие части	Собственный Е.И.В. Конвой[1]	Собственный Е.И.В. Конвой	5.Собственный Е.И.В. Конвой (4 сотни).

Приложение 33. Расписание занятий в эскадронах Лейб-Гвардии Атаманского Его Имп. Выс. Полка с 13-го по 19-е Июня 1888-го года.

Дни недели	**Когда и какие именно занятия**			
Понедельник	Часы/ -	День сошествия Святаго Духа		
Вторник	9-11	Полковое пешее по конному ученье на месте стрельбища по 12 рядов, под руководством командира полка	-	-
Среда	-	Подготовка к смотровой стрельбе		
Четверг	С 9.	Смотр стрельбы Начальником дивизии на Пубости с 9 часов утра		
Пятница	С 9.	Полковое конное ученье на военном поле, по 12 рядов, под руководством Командира полка	3-5	Сторожевая и разведывательная служба на Пубости в пешем строю, по 12 рядов, под руководством эскадронных командиров
Суббота	8-11	Сторожевая и разведывательная служба на Пубости в пешем строю по 12 рядов, под руководство эскадронных командиров.	С 2.	Баня

[1] В данном случае эволюция отдельных подразделений Конвоя (эскадронов и команд) не рассматривается. Подробная история Собственного Е.И.В. конвоя изложена в работе Галушкина Н.В. Собственный Его Императорского Величества Конвой. – М., 2006.

Источник: ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 79. Приказ командира полка генерал-майора Грекова по Лейб-Гвардии Атаманскому полку и расписание занятий в эскадронах Лейб-Гвардии Атаманского полка. Начато 11 июня 1888 г. Окончено 19 июня 1888 г. Л. 2 (таблица приводится в оригинальном виде).

Приложение 34. Соотношение между классом чина и старшинством орденов (с 1884 г.).

Класс	**Армейские военные чины**	**Ордена**
I.	Генерал-фельдмаршал	Св. Андрея Первозванного Св. Владимир I ст.
II.	Генерал от инфантерии, кавалерии, артиллерии, инженер-генерал	Св. Александра Невского с бриллиантами Св. Александра Невского Белого орла
III.	Генерал-лейтенант	Св. Владимир II ст. Св. Анна I ст. Св. Станислав I ст.
IV.	Генерал-майор	Св. Владимир III ст.
V.	-	-
VI.	Полковник	-
VII.	Подполковник, войсковой старшина (с 1884 г.)	Св. Владимир IV ст.
VIII.	Капитан, ротмистр, есаул	Св. Анна II ст.
IX.	Штабс-капитан, штабс-ротмистр, подъесаул	Св. Станислав II ст.
X.	Поручик, подпоручик	Св. Анна III ст.
XI.	-	-

XII.	Подпоручик, корнет, хорунжий	Св. Станислав III ст.
XIII.	Прапорщик (только в военное время)	Св. Анна IV ст. с надписью «за храбрость»
XIV.	-	-

Приложение 35. Офицеры л.-гв. Сводного Казачьего полка, участники русско-японской 1904-1905 гг. войны.

№	Ф.И.О. офицера	Звание	Награды за участие в русско-японской войне 1904-1905 гг.
1.	Толстой Павел Сергеевич	Сотник	А4 «за хр.» (1904 г.); А3 м.б.; Ст.3 м.б.; Ст.2 м.
2.	Мартынов Николай Николаевич	Сотник	А4 «за хр.» (1905 г.); А3 м.б.; Ст.3 м.б.; Ст.2 м.; Вл.4 м.б.
3.	Фаддеев Григорий Михайлович	Есаул	А3 м.б.; А2 м.; Ст.3 м.б.; Ст.2 м.; Вл.4 м.б.
4.	Бунтов Георгий Степанович	Сотник	А4 «за хр.»; Ст.3 м.б.; Вл.4 м.б.
5.	Иванов Федор Никифорович	хорунжий	1904 - А4 «за хр.»; А3 м.б.; Ст.3 м.б.; 1905 г. - Ст.2 м.; А2 м.
6.	Акулин Иван Григорьевич	хорунжий	Вл.4 м.б.
7.	Евтин Иван Степанович	войсковой старшина	Вл.4 м.б.
8.	Малыгин Алексей Андреевич	подъесаул	Вл.4 м.б.
9.	Белов Александр Степанович	подъесаул	Вл.4 м.б.
10.	Волков Леонид Иванович	хорунжий	Ст. 2 м., А4 «за хр.», Ст.3 м. б., А3 м.б.
11.	Перфильев Михаил Аполлонович	войсковой старшина	А2 м., Ст.2 м., Вл.4 м.б., «золотое оружие» с надписью «за храбрость»
12.	Савицкий Борис Григорьевич	сотник	Ст. 2 м., А2 м., Ст.3 м. б., А3 м.б.
13.	Сычев Ефим Григорьевич	хорунжий	А.2 м., Ст. 2 м., А4 «за хр.», Ст.3 м. б., А3 м.б.
14.	Войлошников Павел Степанович	хорунжий	Вл.4 м.б.
15.	Степанов Владимир Викторович	хорунжий	А3 м.б., Ст.3 м.б.
16.	Давыдов Владимир Владимирович	хорунжий	А4 «за хр.», Ст.3 м.б.

Источник: РГВИА. Ф. 3612. Оп. 1. Д. 8. Л. 5-14.

Приложение 36. Конфессиональная принадлежность офицеров гв. казачьих частей.

Л.-гв. Сводно-казачий полк[1]							
1907 г.							
	офицерских чинов						Классных и медицинских чиновников и священников
	генералов	полковников	войсковых старшин (подполковников)	есаулов	подъесаулов, сотников, хорунжих	всего	
Православных	3	3	2	2	24	34 (100%)	4
Католиков	-	-	-	-	-	-	1
1914 г.							
Православных	11	2	1	4	27	45 (100%)	7
Л.-гв. Казачий Его Величества полк[2]							
1908 г.							
Православных	6	6	1	5	33	51 (96%)	5
Магометан	-	2	-	-	-	2	-
1914 г.							
Православных	7	5	1	4	30	47	5
Лютеран	-	-	-	-	1	1	-
Магометан	-	2	-	-	-	2	-
Л.-гв. Атаманский Е.И.Выс. Государя наследника цесаревича полк[3]							
1891 г.							
Православных	1	3	-	7	37	48 (100%)	?
1901 г.							
Православных	5	2	-	7	27	41	?
Магометанское	-	-	-	1	-	1	?

Приложение 37. Особенности военной карьеры командиров гв. казачьих полков.

Ф.И.О.	Воинское звание	Занимаемая должность
1.	**2.**	**3.**
Л.-гв. Казачий полк		
Варламов Семен Ни-	Ген.-м. – 1893 г.	1.Прикомандирован к войску гвардии и СПбВО. Числится по Донскому казачьему войску. (с 1895

[1] РГВИА. Ф.3612. Оп.1.Д.8.Л.14; Д.37.Л.20 (об.)
[2] РГВИА. Ф.3610. Оп.2. Д.300. Л.22.; Д.309. Л.26 (об.)
[3] РГВИА. Ф.3611. Оп.1. Д.796; Оп.1. Д.832.

колаевич		г.). 2.Умер 1905 г.
Новосильцев Антон Васильевич	Ген.-м. – 1895 г. Ген.-л. – 1904 г. «за отличие». Ген. от кавалерии – 1910 г.	1.Начальник сводной кав. дивизии (18.02.1904-22.11.1908). 2.Командир 4-го армейского корпуса (22.11.1908-02.02.1914).
Дембский Константин Варфоломеевич	Ген.-м. – 1897 г. Ген.-л. – 1905 г. «за отличие». Ген. от кавалерии – 1910 г. с увольнением от службы с мундиром и пенсией. В 1912 г. восстановлен на службе.	1.Командир 2-й бригады 1-й гв. кав. дивизии (21.04.1902-07.02.1905). 2.Начальником 8-й кав. дивизии (1905-1910). 3.Почетный опекун *Московского присутствия Опекунского совета учреждений Императрицы Марии* (22.08.1912-1914 (в должности)).
Бернов Эммануил Иванович	Ген.-м. – 1902 г.	1.Начальник Приморской казачьей бригады (1905 г.) 2.Начальник 2-й отдельной кав. бригады (1905 г.) 3.Командир Уральско-Забайкальской сводной каз. дивизией, видимо русско-японская. 4.Война 1904-1905 гг. (св. Вл. с 3 меч., золотое оружие). 5.Прикомандирован к штабу СПб. ВО (9.06.1906 г.). 6.Умер 27.01.1907 г.[1]
Родионов Алексей Викторович	Ген.-м. – 1902 г. Зачислен в Свиту Е.И.В. – 1905 г. Ген.-л. – 1911 г. «за отличие».	1.Командир 3-й бригады 1-й гв. кавалерийской дивизии (10.02.1907-14.09.1911). 2.Начальник 2-й казачьей сводной дивизии (14.09.1911-31.12.1913). 3.31.12.1913 г. уволен от службы по возрастному цензу чином Генерала от кавалерии, но 06.03.1914 вновь принят прежним чином Ген-лейтенанта с назначением почетным опекуном *СПб. присутствия Опекунского Совета учреждений Императрицы Марии*.
Пономарев Георгий Логгинович	Ген.-м. – 1907 г. «за отличие».	1.Командир 3-й бригады 1-й гв. кав. дивизии (31.12.1913-1915).
Орлов 1-й Иван Давидович	Ген.-м. – 1913 г. «за отличие». Зачислен в Свиту Е.И.В. – 23.01.1914 г.	1.Командир л.-гв. Казачьего полка (31.12.1913-24.01.1915). 2.Командир 3-й бригады 1-й гв. кав. дивизии (24.01.1915).
Л.-гв. Атаманский полк		
1.	**2.**	**3.**
Родионов Виктор Алексее-	Свиты Е.И.В. ген.-м. – 1868 г. Ген.-л. – 1881 г.	1).Командир льготных гвардейских дивизионов Донских казачьих полков (2.12.1869 – 1875). 2).Командир 2 бригады отдельной Донской каза-

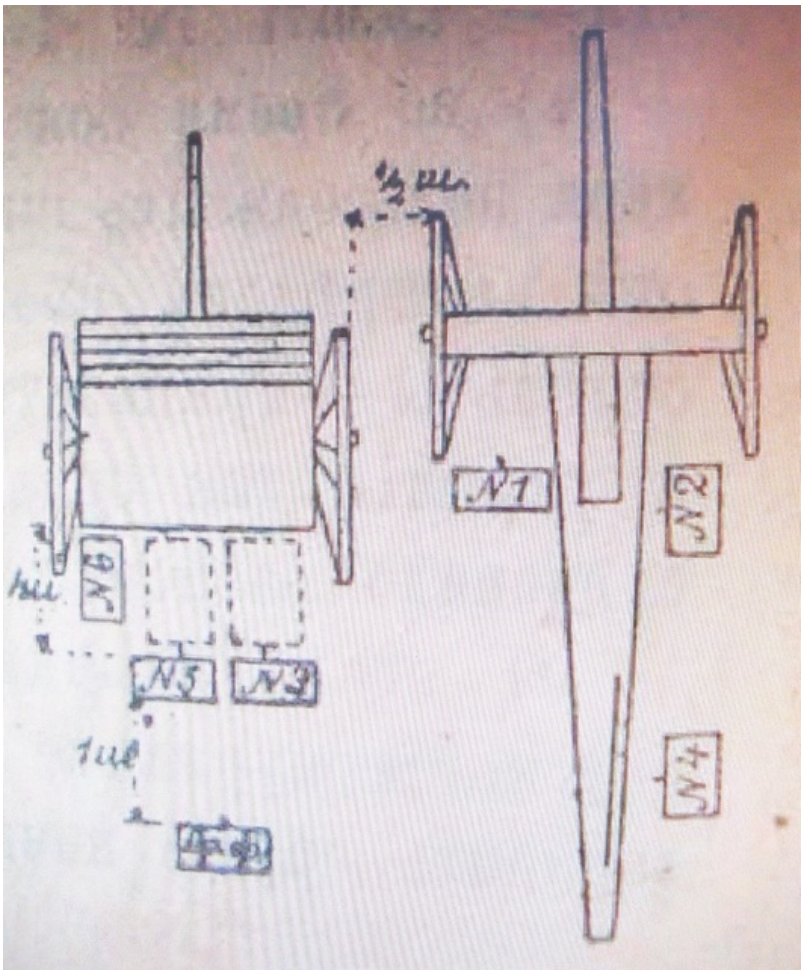
[1] Сборник биографий кавалергардов. Составлен под редакцией С.А.Панчулидзева. 1826-1908. – СПб.: экспедиция заготовления государственных бумаг, 1908. С.299-300.

вич		чьей дивизии (1875-1877). 3).Командир 2 Донской казачьей дивизии (1877-1881). 4). С 1881 г. состоял по Донскому войску и запасным полкам.
Мартынов Андрей Дмитриевич	Свиты Е.И.В. ген.-м. - 26.02.1878 г. Ген.-л. – 30.08.1888 г.	1).С 1882 года он Командир льготных дивизионов гвардейских казачьих полков (1882-1883). 2).Начальник Войскового Штаба Донского казачьего войска (1883-1894). 3).С 23.11.1894 г. в распоряжении военного министра. 4).С 25.01.1906 назначен состоять по Донскому казачьему войску без занятия должности. 5). Скончался 17 мая 1913 года в Санкт-Петербурге.
Корочен-цов Алексей Петрович	Ген.-м. – 1883 г. Ген.-л. – 1893 г.	1).Командир 2-й казачьей сводной дивизии – 1886-1893 г. 2).Начальник артиллерии Войска Донского с 10.03.1893 г.
Греков Митрофан Ильич	Св. в-к Георгий 4 ст. – 1878 г. Ген.-м. - 30.08.1887 г. Ген.-л. – 1904 г.	1). Командир 3 бригады 1 гвардейской кавалерийской дивизии – 5.04.1893-9.12.1893 г. 2). Командир 1-й Донской кавалерийской дивизии – 1893-1898 гг. 3). Командир 1-й бригады Сибирского казачьего войска – 1900-1901 гг. 4).Командир 1-й бригады Забайкальской казачьей дивизии – 7.02.1904-11.01.1905 гг.
Поздеев Ипполит Аполлонович	Ген.-м. – 1893 г. Ген.-л. – 1901 г.	1).Командир 2-й бригады 15 кавалерийской дивизии – 1897-1900 гг. 2).Командующий 1-й Донской казачьей дивизией – 1900-1907 гг.
Ширма Константин Антонович	Ген.-м. – 1898 г. Ген.-л. – 1906 г.	1).Командир 1-й бригады 2 гв. кавалерийской дивизии – 11.04.1902 г. – 28.12.1903 г. 2).Командир 1-й бригады 1-й гв. кавалерийской дивизии – 1903-1904 гг. 3).Командир 3-й бригады 1-й гв. кавалерийской дивизии -18.02.1904-24.05.1905 гг. 4).Начальник 2-й гв. кавалерийской дивизии – 24.05.1905-19.04.1906 гг. 5).Состоит в распоряжении Генерал-инспектора кавалерии.
Барон фон Неттельгорст Петр Робертович	Ген.-м. - 13.04.1902 г. Ген.-л. - 03.09.1907 г. Ген. от кавалерии - 01.05.1910 г.	Командир: 1).1-й бригады 2-й гв. кав. дивизии (04.04.-19.06.1905). 2).3-й бригады 1-й гв. кав. дивизии (19.06.1905-10.02.1907). 3).2-й бригады 2-й гв. кав. дивизии (10.02.-03.09.1907). 4).Начальник 14-й кавалерийской дивизии (03.09.1907 - 01.05.1910); 5).1910 г. - уволен от службы.
Евреинов	Ген.-м. - 13.04.1908 г.	1).Командующий 3-й Донской казачьей дивизией

Сергей Владимирович	«за отличие». Зачислен в Свиту Е.И.В. - 1912 г.	(19.07.-08.09.1914). 2).23.08.1914 был удален от командования дивизией за невыполнение боевой задачи. 3).Покончил с собой, застрелившись в номере гостиницы Виктория в г. Люблине.
Л.-гв. Сводный Казачий Е.И.В. полк		
1.	**2.**	**3.**
Жигалин Леонид Иванович	Ген.-м. – 31.05.1907 г. «за отличие». Ген.-л. - 31.12.1913 г. «за отличие».	1).Командир 3-й бригады 1-й гв. кавалерийской дивизии (22.09.1911-1913). 2).Начальник 2-й сводной казачьей дивизии (31.12.1913-04.08.1914). «За нераспорядительность в бою у Городка отрешен от должности».
Граф Грабе Михаил Николаевич	Свиты Е.И.В. ген.-м. - 08.11.1912 г. «за отличие». Ген-л. – 1916 г. Орден св. в-ка Георгия IV ст. - 30.01.1915 г.	1).Командир 3-й бригады 1-й гв. кавалерийской дивизии (14.01.1915-24.01.1915). 2).Командующий 4-й Донской казачьей дивизией (1915-1916) 3).*Войсковой наказной атаман Войска Донского* с 08.05.1916 г. *Как и дед.*
Собственный Е.И.В. конвой		
1.	**2.**	**3.**
Шереметьев Владимир Алексеевич	Свиты Е.И.В. ген.-м. – 1891 г.	1).Умер 17.02.1893 г. на 46 году.
Мейендорф Александр Егорович	Свиты Е.И.В. ген.-м. – 1896 г. Ген.-л. – 1906 г. Генерал-адъютант – 1906 г.	1).Умер 18.02.1907 г. на 59 году.
князь Трубецкой Георгий Иванович	Свиты Е.И.В. ген.-м. - 31.05.1907 г. «за отличие». Ген.-л. - 31.05.1913 г. «за отличие».	1).Помощник командующего Императорской Главной Квартирой (01.01.-18.10.1914 гг.).
Граф Александр Николаевич Граббе-Никитин	Свиты Е.И.В. ген.-м. - 02.01.1914 г. «за отличие».	1).Оставался в должности командира Конвоя вплоть до свержения монархии.

Приложение 38. Схема нахождение чинов у орудия.[1]

[1] Строевой устав легкой артиллерии. Орудийное учение. Высочайше утвержден 19 декабря 1911 года. - Петроград, 1915. С.8.



Приложение 39. Тактико-технические характеристики основных орудийных систем состоящих на вооружении российской артиллерии в период правления императора Николая II.

Основные орудийные системы начала XX в.								
Тип орудийной системы, калибр	**Вес системы в исходном положении (кг)**	**Вес системы в боевом положении (кг)**	**Вес снаряда (кг)**	**Вес ВВ (кг)**	**Начальная скорость снаряда м/сек**	**Наибол. дальность стр. граната/шрапнель (кг)**	**Предельная скорость стр. (выс./мин)**	**Вертик. Обстрел (град)**
3-дм (76-мм) полевая легкая пушка обр. 1902 г.	2017	1092	6,5	0,78	588	8,5/8,3	10	-6…+16
3-дм (76-мм) горная	1236	624	6,5	0,78	381	7,0/6,7	10	-

пушка обр. 1909 г.								10…+35
48-лин. (122-мм) полевая легкая гаубица обр. 1909 г. (Круппа)	2217	1337	23,3	4,7	335	7,7/7,7	2	-1…+43
48-лин. (122-мм) полевая легкая гаубица обр. 1910 г. (Шнейдера)	2375	1331	23	4,8	335	7,7/7,7	2	-3…+44
42-лин. (107-мм) полевая тяжелая пушка обр. 1910 г.	2486	2172	16,4	2,0	580	12,7/10,7	5	-5…+37
6-дм (152-мм) полевая тяжелая гаубица обр. 1910 г.	2520	2160	40,9	8,8	381	7,7/7,7	2	-1…+42

Приложение 40. Шефы батарей Гвардейской Конно-артиллерийской бригады.

Название батарей	Шефы отдельных батарей бригады
1-я Его Величества батарея	1)в. к. Георгий Михайлович – 30.08.1869-25.11.1870 2)Александр II – 25.11.1870-1.03.1881 3)Александр III – 2.03.1881-21.10.1894 4)Николай II – 2.11.1894-4.03.1917
2-я Его Императорского Высочества генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича батарея	1)в. к. Михаил Николаевич – 30.08.1855-5.12.1909
3-я Его Императорского Высочества великого князя Георгия Михайловича	1)ген.-адъютант барон Корф-I Николай Иванович – 17.11.1855-10.10.1869 2)в. к. Георгий Михайлович – 25.11.1870-4.03.1917
4-я Его Императорского Высочества наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича батарея	1)в. к. Михаил Николаевич – 7.04.1867-26.03.1891 2)в. к., наследник цесаревич Алексей Николаевич - 25.01.1906-4.03.1917
5-я батарея Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича	1)в. к. Михаил Александрович - 23.11.1878-4.03.1917
Л.-гв. 6-я Донская казачья батарея	1)наследник цесаревич/император Александр Александрович - 14.08.1872-21.10.1894 2)император Николай II - 2.11.1894-4.03.1917

Приложение 41. Надписи на киверах батарей гв. артиллерийских бригад.

№№ батареи	л.-гв. 1-я Артиллерийская Е.И.В. бригада	л.-гв. 2-я Артиллерийская Е.И.В. бригада	л.-гв. 3-я Артиллерийская Е.И.В. бригада	л.-гв. Стрелковый Арт. дивизион

1-я	За Ташкисен 19 Декабря 1877 года.	За Филипполе 3, 4 и 5 Января 1878 года.	За Телиш 12 Октября 1877 года.	-
2-я	За Шандорник, с 20 Ноября по 20 Декабря 1877 года.	За Араб-Конак, с 20 Ноября по 20 Декабря 1877 года.	За Телиш 12 Октября 1877 года.	За отличие против китайцев в 1900 году.
3-я	За Ташкисен 19 Декабря 1877 года.	За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов.	За Филипполь 4 и 5 Января 1878 года.	-
4-я	За 3, 4 и 5 Января 1878 года под Филипполем.	За Телиш 12 Октября 1877 года.	За Плевну, с 20 Октября по 20 Ноября 1877 года.	-
5-я	За Шандорник, Араб-Конак с 16 Ноября по 20 Декабря 1877 года.	За Телиш 12 Октября 1877 года.	За Телиш 12 Октября 1877 года.	-
6-я	За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов.	За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов.	За Филипполь 4 и 5 Января 1878 года.	-

Приложение 42. Артиллерия при пехоте Отдельного Гвардейского корпуса состоящая: 1857-1858 г. г.[1]

Наименование отдельных структур, частей и подразделений	**Место дислокации**
Штаб начальника гвардейской артиллерии	СПб.
Л.-гв. 1-я артиллерийская бригада - Батарейная Е.И.Выс. в.к. Михаила Павловича батарея; - Батарейная №3-го батарея; - Облегченная №1-го батарея.	СПб.
Л.-гв. 2-я артиллерийская бригада - Батарейная №3-го Е.Выс. в.к. Михаила Николаевича батарея; - Батарейная №4-го батарея; - Облегченная №3-го батарея	На Охотенском Пороховом заводе
3-я Гвардейская и Гренадерская артиллерийская бригада - л.-гв. Батарейная №5-го батарея; - Батарейная №6-го батарея; - Облегченная №5-го батарея.	м. Стрельна
- Образцовая Конная батарея - Образцовая Пешая батарея	Царское Село

Приложение 43. Эволюция гвардейской артиллерии в период правления императоров Александра II – Николая II[2].

Наимено-	**Дата учреждения,**	**Дополнительная информация**

[1] Общее расписание войск Отдельного Гвардейского Корпуса и причисленных к нему частей с обозначением их расположения на зиму 1857-1858 г. г. СПб., 1858. С. 5-10.

[2] Императорская гвардия. Издание 2-е. По 1-е Мая 1910 года. Справочная книжка Императорской Главной квартиры. / Под редакцией В.К. Шенка. СПб., 1910. С. 179-213.

вание	эволюция названия	
л.-гв. 1-я артиллерийская бригада	Сформирована 9.11.1796 г. как л.-гв. Артиллерийский батальон; 14.02.1811 г. батальон переформирован в л.-гв. Артиллерийскую бригаду; с 16.10.1869 – л.-гв. 1-я Артиллерийская бригада.	1-й дивизион (образован в 1895 г.): 1, 2, 3 бат. 2-й дивизион (образован в 1895 г.): 4, 5, 6 бат./48 орудий
л.-гв. 2-я артиллерийская бригада	Образована 3.02.1816 г. путем разделения л.-гв. Артиллерийской бригады на 1 и 2 гвардейские арт. бригады; с 16.10.1869 – л.-гв. 2-я Артиллерийская бригада.	1-й дивизион (образован в 1895 г.): 1, 2, 3 бат. 2-й дивизион (образован в 1895 г.): 4, 5, 6 бат./48 орудий
л.-гв. 3-я артиллерийская бригада	Вскоре по восшествии на Престол Император Николай II оказал особую милость Гв. Артиллерии. 6.12.1894 г. гренадерские батареи 3-й Гв. и Гренад. Арт. бригады переведены в Гвардию.[1]	1-й дивизион (образован в 1895 г.): 1, 2, 3 бат. 2-й дивизион (образован в 1895 г.): 4, 5, 6 бат. 3-й дивизион (образован 1.03.1895 г.)**:** 7, 8, 9 бат. 15.08.1910 г. - расформирован. Батареи переданы в состав Гвардейского мортирного артиллерийского дивизиона
л.-гв. Стрелковый артиллерийский дивизион	1.01.1898 г. учрежден в составе 1-й и 2-й батарей гв. стрелковый арт. дивизион; 6.03.1913 г. переименован в л.-гв. Стрелковый арт. дивизион.	-
л.-гв. 1-й Мортирный артиллерийский дивизион	Сформирован 15.08.1910 г. Гв. Мортирный арт. дивизион на основе 7, 8, 9 батарей л.-гв. 3-й арт. бригады; 6.03.1913 г. переименован в л.-г. Мортирный арт. дивизион.	-
л.-гв. Конная артиллерия	25.03.1805 г. как л.-гв. Конная артиллерия; 1816 – Гв. конная артиллерия (состояла из 3-х батарей[2]); 1870 – Гв. конно-арт. бригада; 6.03.1913 – л.-гв. Конная артиллерия.	**1895 – 1-й дивизион в составе:** 1796 – 1-я Е.В. бат.; 1812 – 4-я Е.И.Выс. наследника цесаревича и в.к. Алексея Николаевича бат.; 1830 – л.-гв. 6-я Донская казачья Е.В. бат. **1895 – 2-й дивизион в составе:** 1811 – 2-я Е.И.Выс. ген.-фельдцейхместера в.к. Михаила Николаевича бат.; 1814 – 3-я Е.И.Выс. в.к. Георгия Михайловича бат.; 1875 – 5-я Е.И.Выс. в.к. Михаила Александровича бат.
Гвардейская запасная пешая бат.	Образована 10.02.1830 г.	В августе 1910 г. батарея расформирована.
Гвардейские артиллерийские парки	1877 – л.-гв. 1-й Парковый арт. дивизион; 1877 – л.-гв. 2-й Парковый арт. дивизион; 1877 – л.-гв. 3-й Парковый арт. дивизион.	В 1914 г. при мобилизации развернуты в Гвардейские Парковые артиллерийские бригады

Приложение 44. Старшинство артиллерийских частей по времени пожалования прав старой гвардии[3].

Название воинской части	Старшинство по времени по-

[1] Потоцкий П. Указ. изд. - С.359.

[2] В Именном указе Александра I, данном Управляющему военным министерством «О состоянии лейб-гвардии Конной Артиллерии в трех батареях» от 19.08.1814 г. №25.643. повелевалось: «Лейб-Гвардии Конной Артиллерии повелеваю состоять отныне в трех батареях: в том числе из двух с легкими и из одной с батарейными орудиями. Для приведения же Гвардейской конной Артиллерии в сие положение, употребить на то сформированные здесь 6 орудий и батарею, в Вильне сформировавшуюся» (Полное Собрание Законов Российской Империи, с 1649 г. – Т.XXXII. 1812-1815 г. – Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С.876).

[3] Императорская гвардия. Издание 2-е. По 1-е Мая 1910 года. Справочная книжка Императорской Главной квартиры.//Под редакцией В.К. Шенка. – СПб., 1910. С.215.

	жалования
1-я батарея л.-гв. 1 Артиллерийской бригады	22.08.1700 г.
3-я батарея л.-гв. 1 Артиллерийской бригады	9.11.1796 г.
1-я батарея л.-гв. 2 Артиллерийской бригады	9.11.1796 г.
1-я батарея л.-гв. Конно-артиллерийской бригады	9.11.1796 г.
3-я батарея л.-гв. 2 Артиллерийской бригады	18.07.1803 г.
2-я батарея л.-гв. Конно-артиллерийской бригады	22.09.1811 г.
4-я батарея л.-гв. Конно-артиллерийской бригады	21.10.1812 г.
2-я батарея л.-гв. 2 Артиллерийской бригады	21.10.1813 г.
2-я батарея л.-гв. 1 Артиллерийской бригады	3.02.1816 г.
3-я батарея л.-гв. Конно-артиллерийской бригады	15.08.1817 г.
1-я батарея л.-гв. 3 Артиллерийской бригады	24.10.1817 г.
6-е батареи л.-гв. 1 и 2 Артиллерийских бригад	10.08.1870 г.
5-е батареи л.-гв. 1 и 2 Артиллерийских бригад	13.02.1873 г.
2-я батарея л.-гв. 3 Артиллерийской бригады	13.02.1873 г.
4-е батареи л.-гв. 1 и 2 Артиллерийских бригад	5.08.1873 г.
5-я батарея л.-гв. Конно-артиллерийской бригады	17.08.1873 г.
6-я Донская Е.И.В. батарея л.-гв. Конно-артиллерийской бригады	17.08.1878 г.
3-я батарея л.-гв. 3 Артиллерийской бригады	17.09.1880 г.
4-я, 5-я, 6-я батареи л.-гв. 3 Артиллерийской бригады	6.12.1894 г.
7-я, 8-я, 9-я батареи л.-гв. 3 Артиллерийской бригады	1.10.1895 г.
1-я, 2-я батареи Гвард. Артиллерийского Стрелкового дивизиона	1.10.1897 г.

Приложение 45. Командиры гвардейских артиллерийских частей в период правления Николая II (всего 37 чел.).

1-я бригада	**2-я бригада**	**3-я бригада**	**Л.-гв. конная артиллерия**	**л.-гв. Стрелковый артиллерийский дивизион**	**л.-гв. 1-й Мортирный артиллерийский дивизион**
Ген.-м. (6 чел.)	Ген.-м. (9 чел.)	Ген.-м. (8 чел.)	Ген.-м. (7 чел.)	Г.-м. – полковник (6 чел.)	Полковник (1)
А.Т.Баумгартен Т.М.Беляев Н.Н.Ляпунов М.Г. герцог Мекленбург-	Т.М.Беляев А.В.Уткевич А.И.Коленкин А.Н.Нищенков С.В.Иваненцов	Г.Г.Михайлов В.С.Усов В.И.Гиппиус Граф М.А.Баранцов И.Ф.Мингин М.Д.Шрейде	М.Ф.Ореус П.К.Ланге Д.Д.Кузьмин-Караваев В.к.Сергей Михайлович Князь В.Н.Масальский	1898-1901 – А.Н.Нищенков; 1901-1904 - А.Р.Леусселиус; 1904-1907 - г.-м. В.А. Зедергольм; 1907-1909 – А.Е.Горбалевич;	1910-1914 – П.В.Экстен.

Стрелицкий А.Д.Головачев Н.П.Демидов	В.А.Ляхович И.К.Баггоут А.Я.Фон-Гилленшмидт А.М.Сиверс	р В.В.Доливо-Добровольский-Евдокимов (?) А.В. Бурман – 1913-1916 Папа-Федоров М.Н. - 1916-1917 гг.	Н.А.Орановский Я.Ф.Фон-Гилленшмидт	1909-1912 – А.В.Бурман; 1912-1917 г.-м. В.П.Селиверстов.	

Приложение 46. Начальники Офицерской артиллерийской школы 1882-1914 г. г.

Ф.И.О.	**Время пребывания во главе ОАШ**	**Обучение в военно-учебном заведении (военное образование)**	**Период пребывания в частях императорской гвардии**	**Воинские звания и последующая военная карьера; участие в боевых действиях; особые награды**
Данилов Алексей Николаевич[1]; женат 2 детей. *Жалование – 1524 р.* *Столовых – 1824 р.* *Добавочных – 1200 р.*	6.05.1882-12.08.1892; числился в л.-гв. 2 артиллерийской бригаде	Константиновский кадетский корпус, окончил в 1855 г.	В 1865 г. в чине поручика зачислен в л.-гв. 2 артиллерийскую бригаду, где прослужил до 1882 г.	1)1884 г. – генерал-майор; 2)1892 г. - начальник артиллерии 1-го армейского корпуса; 3)1894 г. – генерал-лейтенант; 4)30.03.1900-1912 гг. - **Царскосельский комендант** (жалование – 1800 р.[2]); 5)1905 г. – орден Св.Александра Невского; 6)1911 г. – генерал от артиллерии. 7)Иностранные ордена: Австрийский железной короны 3 ст. – 1874; Персидский Льва и Солнца 4 ст. – 1878; Прусский Красного орла 1 кл. – 1898;

[1]Список генералам по старшинству. – СПб., 1889. С.640.
[2]Список генералам по старшинству. – СПб., 1906. С.130.

Всего: 4548 р.				Румынский Кор. бол. кр. – 1899 г. (СГ, 1906. С.130)
Валевачев Степан Прокофьевич[1]; женат – 5 детей. *Жалование – 1524 р.* *Столовых – 1824 р.* *Добавочных – 1200 р.* *Всего: 4548 р.*	12.08.1892-13.05.1899; числится в списках 1 бат. 3 арт. бригады	Окончил МАУ в 1860 г.; МАА (2 р.) в в 1862 г.	В гвардии не служил.	1)1893 г. - генерал-майор; 2)1899 г. - начальник МАУ; 3)1900 г. – начальник МАА и МАУ; 4)1901 г. - генерал-лейтенант 5)1903-1905 член Артиллерийского комитета ГАУ; 6)компании 1863-1864 и 1877-1878 гг.
Синицын Александр Николаевич[2]; женат - 4 детей. *Жалование – 2004 р.* *Столовых – 2700 р.* *Всего: 4704 р.*	09.09.1899-31.12.1913; числится по гвардейской пешей артиллерии	Окончил: 1-ю СПб военную гимназию в 1866 г. 1-е ПВУ; МАУ в 1869 г.; МАА в 1874 г.	В 1875 г. переведен в гвардию. Служил в 3-й гвардейской гренадерской артиллерийской бригаде (командовал 1-ой батареей - 30.10.1889-24.02.1891 г.).	1)1900 г. - генерал-майор; 2)1906 г. - генерал-лейтенант; 3)31.12.1913 г. произведен в чин генерала от артиллерии с увольнением от службы по возрастному цензу; 4)компания 1877-78 гг.; 5)1878 г. - св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом; 6)1916 г. - орден Белого Орла.
Гаитенов Валериан Михайло-	31.12.1913-5.10.1914; числится	Окончил КАУ в 1872 г.	В гвардии не служил.	1)1905 г. – генерал-майор; 2)1908 г. - начальник артиллерии 11-го армейского корпуса;

[1]Список генералам по старшинству. – СПб., 1906. С.809
[2] СГС. – СПб., 1896. С.614.

вич	по полевой легкой артиллерии.			3)1908 г. – генерал-лейтенант; 4)06.02.-24.07.1910 г. - начальник артиллерии Гренадерского корпуса; 5)24.07.1910-31.12.1913 г. - инспектор артиллерии Гренадерского корпуса; 6)1879 г. – Св. Анна 3 ст. с мечами и бантом; 1880 г. – Св. Станислав 2 ст. с мечами и Св. Владимир 4 ст. с мечами и бантом; 1901 г. – золотое оружие; 1904 г. – мечи к ордену Св. Анны 2 ст.; орден Св. Владимира 3 ст. с мечами – 1905 г.; 6)кампании: 1876 г., 1877-1878 гг., 1879-1880 гг., поход в Китай 1900-1901 гг.; 1904-1905 гг.

Приложение 47. Карьерный рост генералов-артиллеристов, командиров отдельных частей гв. артиллерии.

1 БРИГАДА	
1.А.Т.Баумгартен	1). г.-м. – 1888 г. в 1895 г. и. д. начальника артиллерии Кавказской армии корпуса; 2).в 1898 г. - начальник артиллерии Кавказского военного округа; 3).в 1899 г. - сверхштатный членом артиллерийского комитета. На этом посту скоропостижно скончался 25.01.1901 (ст. стиль).
2.Т.М.Беляев	1).Начальник артиллерии 2-го Кавказского арм. корпуса (01.01.1899-08.07.1901). 2).Ген.-лейтенант (ст. 06.12.1899). 3).Начальник 11-й пех. дивизии (08.07.1901-03.04.1903). 4).Комендант Кронштадтской крепости (03.04.1903-06.02.1907). 5).Генерал от артиллерии (пр. 06.02.1907) с увольнением от службы. 6).09.09.1908 назначен почетным опекуном С.-Петербургского присутствия Опекунского Совета учреждений Императрицы Марии с переименованием в действительного тайного советника. 7).08.02.1911 вновь переименован в Генерала от артиллерии с перечислением на военную службу.
3.Н.Н.Ляпунов	
4.М.Г. герцог Мекленбург-Стрелицкий	1).1908 г. генерал-лейтенанта. 2). начальник 1-го армейского корпуса; затем состоял в распоряжении военного министра России.
5.А.Д.Головачев	1).И.д. инспектора артиллерии 22-го арм. корпуса (25.07.1910-22.04.1917). 2).Ген.-лейтенант (пр. 30.07.1911; ст. 31.05.1913; за отличие) с утверждением в должности.
6.Н.П.Демидов	1).И.д. председателя хоз.-строит. комиссии для постройки Центральной научно-технической лаборатории Военного Ведомства (с 13.11.1914). 2).Ген-лейтенант (пр. 06.12.1916; ст. 06.12.1916; за отличие).
2 БРИГАДА	
Т.М.Беляев	1).Начальник артиллерии 2-го Кавказского арм. корпуса (01.01.1899-08.07.1901). 2).Ген.-лейтенант (ст. 06.12.1899). 3).Начальник 11-й пех. дивизии (08.07.1901-03.04.1903). 4).Комендант Кронштадтской крепости (03.04.1903-06.02.1907).

	5).Генерал от артиллерии (пр. 06.02.1907) с увольнением от службы. 6).09.09.1908 назначен почетным опекуном С.-Петербургского присутствия Опекунского Совета учреждений Императрицы Марии с переименованием в действительного тайного советника. 7).08.02.1911 вновь переименован в Генерала от артиллерии с перечислением на военную службу.
А.В.Уткевич	1).и.д. начальника артиллерии Гвардейского корпуса (9.02.-6.12.1901), 2).начальник артиллерии Гвардейского корпуса (6.12.1901-7.08.1903), 3).генерал для поручений при генерал-фельдцейхмейтере (7.08.1903-27.11.1910). 4).уволен от службы с мундиром, пенсией и производством в генералы от инфантерии (27.11.1910).
А.И.Коленкин	1).помощник командира ОКПС (Отдельного корпуса пограничной стражи?) (20.06.1901-после 1.01.1909) 2).генерал-лейтенант - 1907
А.Н.Нищенков	1).с 1911 командир 1-го Сибирского армейского корпуса (26.04.1911-11.05.1912), 2).с 1912 комендант Владивостокской крепости и командир 4-го Сибирского армейского корпуса (11.05.1912-7.08.1913), 3).с 1913 член Александровского комитета о раненых. 4).с 10 авг. 1914 командующий войсками Иркутского, командующий войсками Приамурского военного округа (10.11.1914-после 10.07.1916), 5).атаман Уссурийского казачьего войска (10.11.1914-после 10.07.1916),
С.В.Ивашенцов	1)начальник артиллерии 11 армейского корпуса – с 14.11.1907 г. (ст.ст.) 2)ген.-лейтенант – 1907 г. (СГ, 1908, с.368)
В.А.Ляхович	1).Именным Высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 7.11.1909 (14.11.1909 СГ, 1910 с.565). Всемилостивейше повелено быть помощником Начальника Главного Артиллерийского управления с оставлением по гвардии пешей артиллерии. 2).начальник отдела ГАУ с 11.11.1910 г. (СГ, 1914, с.345). 3).ген.-лейтенант – 1910 г. (СГ, 1914, с.345).
И.К.Багговут	1).Начальник артиллерии Войска Донского (27.05.1910-18.10.1913). 2).Ген.-лейтенант (пр. 1913; ст. 13.06.1913; за отличие). 3).Инспектор артиллерии 1-го арм. корпуса (18.10.1913-19.07.1914). 4).Участник мировой войны. Начальник 74-й пех. дивизии (с 19.07.1914). 5).С 19.12.1914 генерал для поручений при командующем 3-й армией. 7).С 27.06.1915 инспектор артиллерии 42-го отд. арм. корпуса (в Финляндии). 8).В 1917 и.д. командира корпуса. 9).С 26.05.1917 в отставке с производством в чин ген. от артиллерии.
А.Я.Фон-Гилленшмидт	?
А.М.Сиверс	1).Участник мировой войны. В 01.1915 в той же должности. Награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. (ВП 31.01.1915). 2).И.д. инспектора артиллерии 20-го арм. корпуса (07.04.1915-16.04.1916). 3).Ген.-лейтенант (пр. 23.12.1915; ст. 07.10.1915) с утверждением в должности. 4).Инспектор артиллерии 10-й армии (с 16.04.1916). Позже служил в РККА.
3 БРИГАДА	
Г.Г.Михайлов	-
В.С.Усов	1).и.д. начальника артиллерии Донского войска (5.12.1899-1.01.1900), 2).начальник артиллерии Донского войска (1.01.1900-?), 3).член Александровского комитета о раненых (8.04.1904), 4).в отставке с производством в генералы от артиллерии (1906).
В.И.Гиппиус	
Граф М.А.Баранцов	1).Ген-майор (пр. 1903; ст. 12.02.1906; за отличие). 2).В отставке (08.06.1906-14.04.1909). 3).Начальник артиллерии Варшавского ВО (с 14.04.1909). 4).Ген.-лейтенант (пр. 1910; ст. 12.02.1910; за отличие). 5).Незадолго до начала войны 31.05.1914 переведен в распоряжение генерал-инспектора артиллерии. 6).07.01.1915 направлен в действующую армию инспектором артиллерии 30-го арм. корпуса. 7).С 03.11.1915 командир 11-го арм. корпуса. Генерал от артиллерии (ст. 10.04.1916).
И.Ф.Мингин	1).И.д. инспектора арт. 13-го арм. корпуса (с 13.10.1907). 2).И.д. начальника арт. 5-го арм. корпуса (с 21.11.1907). 3).Ген.-лейтенант (пр. 1907; ст. 06.12.1907; за отличие). 4).Начальник артиллерии 5-го

	арм. корпуса (06.12.1907-25.07.1910). 5).Инспектор артиллерии 23-го арм. корпуса (25.07.1910-20.09.1912). 6).Начальник 2-й пех. дивизии (с 20.09.1912). 7).Участник похода в Вост. Пруссию в 08.1914. 8).17.08.1914 взят в плен с остатками дивизии при окружении центральных корпусов 2-й армии в Комуссинском лесу. В эмиграции в Финляндии. Умер в Выборге (Финляндия).
М.Д.Шрейдер	1).Ген.-лейтенант (пр. 14.04.1913, ст. 31.05.1913; за отличие). 2).Инспектор артиллерии 20-го арм. корпуса (12.11.1910-07.04.1915). 3).Участник мировой войны, похода в Вост. Пруссию в 08.-09.1914. Награжден орденом Св. Владимира 2-й ст. с мечами (ВП 26.02.1915). 4).В ходе боев 02.1915 20-й арм. корпус был окружен в Августовских лесах. Отчислен от должности за нахождением в плену (07.04.1915). Умер в плену в лагере Оснабрюк.
В.В.Доливо-Добровольский-Евдокимов	1).И.д. инспектора артиллерии 3-го арм. корпуса (18.12.1913-16.04.1916). 2).Ген.-лейтенант (пр. 12.12.1914; ст. 06.08.1914; за отличия в делах...) с утверждением в должности. 3).Инспектор артиллерии 12-й армии (16.04.1916-19.04.1917). 4).24.05.1917 произведен в Генералы от артиллерии с увольнением от службы по болезни.
А.В. Бурман – 1913-1916	1).В 03.1916 в том же чине и должности. Награжден Георгиевским оружием (ВП 02.03.1916). 2).И.д. инспектора артиллерии гренадерского корпуса (с 12.05.1916). 3).Инспектор артиллерии 1-го гв. корпуса (08.1916-07.08.1917). Умер в Киеве в 1918 (?).
Л.-гв. Конно-артиллерийская бригада	
М.Ф.Ореус	1).Начальник артиллерии Гренадерского корпуса (03.01.1896-13.01.1903). 2).Ген-лейтенант (пр. и ст. 14.05.1896; за отличие). 3).Командир 16-го арм. корпуса (13.01.1903-19.06.1904) и Гренадерского корпуса (19.06.1904-15.03.1906). 4).Состоял по Военному министерству (15.03.- 23.03.1906). 5).С 23.03.1906 член Александровског комитета о раненых (на 1917 - в должности). 6).Генерал от артиллерии (пр. и ст. 06.12.1906; за отличие). 7).Числился в списках л-гв. Уланского полка, 16-й конно-арт. батареи и гв. конно-арт. бригады. 8).Попечитель Чесменского военного инвалидного дома Императора Николая I (с 07.07.1915). Умер от голода в Петрограде.
П.К.Ланге	1).генерал-майор с 1893, 2).генерал-лейтенант с 1901, 3).генерал от артиллерии с 1908. 4).с 1899 начальник артиллерии 7-го арм. корпуса, 5).с 1906 командир 13-го арм. корпуса. 6).с 21 мая 1908 в отставке. 7).ум. после 1910. (СГ, 1903, с.445)
Д.Д.Кузьмин-Караваев	1).Ген-майор (пр. 1900; ст. 09.04.1900; за отличие). 2).Начальник артиллерии Войска Донского (12.06.1904-25.02.1905). 3).И.д. товарища ген-фельдцейхмейстера (25.02.1905-02.04.1906). 4).Ген-лейтенант (пр. 1906; ст. 02.04.1906; за отличие). 5).Товарищ ген-фельдцейхмейстера (02.04.1906-13.02.1909). Начальник ГАУ (с 13.02.1909). 6).Ген. от артиллерии (пр. 1912; ст. 06.12.1912; за отличие).
в.к.Сергей Михайлович	1)инспектор всей артиллерии (7.09.1904-2.07.1905), генерал-инспектор артиллерии (2.07.1905-после 15.04.1914), 2)полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном главнокомандующем (5.01.1916-после 10.07.1916) 3)Ген.-л. - 1908 4)Ген. от арт. - 1914
Князь В.Н.Масальский	1).Ген-майор (пр. 1905; ст. 06.12.1905; за отличие). 2).Командир гв. конно-арт. бригады (с 06.12.1905). 3).Назначен в Свиту Его В-ва (1906). 4).Ген.-лейтенант (ст. 06.12.1909). 5).Начальник арт. Гренад. корпуса (1909-10). 6).Начальник арт. 1-го арм. корпуса 24.07.1910-1913. 18.10.1913 вышел в отставку с

	производством в чин Ген. от артиллерии.
Н.А.Орановский	1).Зачислен в Свиту Его В-ва (1913). 2).С 25.03.1914 назначен начальником 1-й отд. кав. бригады. 3).Отстранен от должности распоряжением командующего 1-й армией ген. Ренненкампфа после боя при Гумбинене 07.08.1914 (приказ от 10.08.1914), с допущением к временному командованию 1-й бригадой 2-й кав. дивизии. 4).С 11.10.1914 командир 1-й бригады 2-й кав. дивизии. Инспектор арт. 37-го арм. корпуса (с 24.10.1915). 5).Инспектор арт. 13-го арм. корпуса (с 14.03.1916). 6).Ген-лейтенант (ст. 10.04.1916). 7).С 19.04.1917 инспектор артиллерии 5-й армии.
Я.Ф.Фон-Гилленшмидт	1).Ген-майор (пр. 1912; ст. 21.05.1912; за отличие). 2).Командир 1-й бригады Кавказской кав. дивизии (21.05.1912-08.06.1912). 3).Командир л.-гв. Кирасирского Его В-ва полка (08.06.1912-25.03.1914). 4).Зачислен в свиту ЕИВ (1913). 5).Командир л.-гв. Конной артиллерии (с 25.03.1914), во главе которой вступил в мировую войну. 6).С 29.09.1914 командовал 3-й Дон. каз. дивизией. 7).Командующий 2-й гв. кав. дивизией (с 11.10.1914). 8).Командир 4-го кав. корпуса (с 13.05.1915; на 10.07.1916 в должности). 9).Ген-лейтенант (пр. 07.05.1916; ст. 08.10.1915).
л.-гв. Стрелковый артиллерийский дивизион	
А.Н.Нищенков	1).И.д. начальника артиллерии 16-го армейского корпуса (23.10.1904-25.03.1906). 2).И.д. начальника артиллерии гренадерского (25.03.-06.12.1906). 3).Ген.-лейтенант (пр. 1906; ст. 06.12.1906; за отличие). 4).Начальник артиллерии Гренадерского корпуса (06.12.1906-29.12.1908). 5).Начальник 2-й гренадерской дивизии (29.12.1908-26.04.1911). 6).Командир 1-го Сибирского армейского корпуса (26.04.1911-11.05.1912). 7).Комендант Владивостокской крепости и командир расквартированного здесь 4-го Сибирского армейского корпуса (11.05.1912-07.08.1913). 8).Ген. от артиллерии (пр. 1912; ст. 06.12.1912; за отличие). С 07.08.1913 член Александровского комитета о раненых.
А.Р.Леусселиус	-
В.А.Зедергольм	1).Ген.-майор (пр. 1907; ст. 02.09.1907; за отличие). 2).Командир 8-й арт. бригады (с 02.09.1907). 3).Уволен в отставку с производством в чин 4).Ген.-лейтенанта (30.07.1914).
Александр Евстафьевич Горбалевич	1).Командир 37-й арт. бригады (23.11.1909-25.07.1910). 2).Командир 7-й арт. бригады (с 25.07.1910). 3).Участник мировой войны. 4).Инспектор артиллерии 5-го арм. корпуса (21.02.1915-29.04.1917). 3).Ген-лейтенант (ст. 06.12.1915).
А.В. Бурман	1).Командир 9-й арт. бригады (22.06.1912-18.12.1913). 2).Командир л.-гв. 3-й арт. бригады (с 18.12.1913). 3).И.д. инспектора артиллерии гренадерского корпуса (с 12.05.1916). 4).Инспектор артиллерии 1-го гв. корпуса (08.1916-07.08.1917). Умер в Киеве (?).
В.П. Селиверстов	Ген-майор (пр. 1915; ст. 15.09.1914). 1).Командир л.-гв. Стр. арт. бригады (05.04.1916-17.03.1917). 2).И.д. инспектора артиллерии 17-го арм. корпуса (с 17.03.1917).

Приложение 48. Командиры дивизионов л.-гв. 1 артиллерийской бригады.

Дивизион	Организация	Командиры (в звании полковника)
1-й дивизион; штаб дивизиона - СПб. (02.1913 г.)	1.03.1895 г. - учрежден 1-й дивизион л.-гв. 1-й арт. бригады в составе 1-й, 2-й и 3-й батарей. 6.08.1917 г. - 1-й дивизион	1)23.12.1898-22.02.1901 – Берников Николай Владимирович (затем 2 дивизиона той же бригады). 2)22.02.1901-1904 - герцог Мекленбург-Стрелицкий Карл-Михаил-Вильгельм-

	л.-гв. Петровской Бомбардирской бригады. 05.1918 г. - дивизион расформирован.	Александр-Август Георгиевич (ком. 1 бриг.) 3)30.11.1904-1907 – Масалитинов Василий Иванович. 4)5.09.1907-1911 - фон-Цур-Милен Александр Андреевич. 5)11.12.1911-1913 - Пономаревский-Свидерский Евгений Владимирович.
2-й дивизион	1.03.1895 г. - учрежден 2-й дивизион л.-гв. 1-й арт. бригады в составе 4-й, 5-й и 6-й батарей. 6.08.1917 г. - 2-й дивизион л.-гв. Петровской Бомбардирской бригады. 04.1918 г. - дивизион расформирован.	1)30.12.1899-22.02.1901 - Афанасьев Владимир Дмитриевич (ком. 1 див. 2 бр.). 2)22.02.1901–20.06.1904 - Берников Николай Владимирович. 3)с 20.06.1904–1907 - Головачев Алексей Дмитриевич. 4)22.11.1907-30.05.1910 - Демидов Николай Петрович (командир 1 бриг.) 5)30.05.1910–1913 - Илькевич Николай Андреевич. 6) с 1913 г. - Папа-Федоров Михаил Николаевич (командир 3 бриг.).

Приложение 49. Командиры дивизионов л.-гв. 2 артиллерийской бригады.

Дивизион	Организация	Командиры (в звании полковника)
1-й дивизион **(дислокация – СПб)**	1.03.1895 г. - учрежден 1-й дивизион в составе 1-й, 2-й и 3-й батарей. (?).05.1918 г. - дивизион расформирован.	1)13.10.1898-9.02.1901 - Коленкин Александр Иванович. 2)22.02.1901-1904 - Афанасьев Владимир Дмитриевич. 3)20.06.1904-11.04.1907 - Шифнер Мейнгард Антонович. 4)18.04.1907-13.06.1907 - граф Доливо-Добровольский-Евдокимов Виктор Викторович (ПК) (командир 3 бриг.). 5)13.06.1907-1911 - Фуфаевский Сергей Леонидович. 6) 6.10.1911-1914 - Беляев Михаил Тимофеевич. 7)с 1.04.1914 - Руднев Сергей Васильевич.
2-й дивизион **(дислокация – СПб)**	1.03.1895 г. - учрежден 2-й дивизион в составе 4-й, 5-й и 6-й батарей. (?).04.1918 г. - дивизион расфор-	1)23.10.1895-13.10.1898 - Коленкин Александр Иванович. 2)13.10.1898-11.11.1902 – Булгаков Павел Иванович. 3)14.11.1902-4.03.1904 – Потоцкий Павел Платонович. 4)24.10.1904 – 1908 - Грум-Гржимайло Михаил Ефимович.

	мирован.	5)26.11.1908-22.10.1911 - Сиверс Александр Михайлович (командир 2 бриг.). 6)22.10.1911-16.06.1914 – фон-Ден Александр Александрович.

Приложение 50. Командиры дивизионов л.-гв. 3 артиллерийской бригады.

Дивизион	Организация	Командиры (в звании полковника)
1-й дивизион	Штаб дивизиона - Варшава (1.02.1913 г., 1.04.1914 г.). 1.03.1895 г. - учрежден 1-й дивизион в составе 1-й, 2-й и 3-й батарей.	1)1896-1900 - Мейбаум Георгий Константинович. 2)1900-1901 - Полозов Алексей Владимирович. 3) 27.01.1901-20.06.1904 - Волошинский Николай Александрович. 4) 20.06.1904 – 1908 - Шрейдер Михаил Дмитриевич (командир 3 бриг.). 5)30.05.1908-4.06.1910 - Смысловский Евгений Константинович. 6)13.06.1910 – 1913 - Войно-Оранский Сергей Аркадьевич.
2-й дивизион	1.03.1895 г. - учрежден 2-й дивизион лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады в составе 4-й, 5-й и 6-й батарей.	1)1896-1898 - Волковицкий Владимир Ильдефонсович. 2)1898-1900 – Борнио Василий Григорьевич. 3)24.10.1904–1907 - Волковицкий Илья Ильдефонсович. 4)13.06.1907-1908 - граф Доливо-Добровольский-Евдокимов Виктор Викторович (командир 3 бриг.) 5)26.11.1908–1913 - Фогель Александр Александрович. 6)с1.02.1913 г. – Скерский Леонард-Вильгельм Генрихович.
3-й дивизион	1.03.1895 г. - сформирован 3-й дивизион в составе 7-й, 8-й и 9-й батарей 15.08.1910 г. - расформирован. Батареи переданы в состав Гвардейского мортирного артиллерийского	1)1896 – 1900 г. - Беляцкий Владимир Данилович 2)27.02.1901-4.09.1903 - Мингин Осип Феликсович (командир 3 бриг.). 3)22.11.1903-4.06.1904 – Колокольцов Константин Васильевич. 4)20.06.1904 - 1907 – Грипенберг Евгений Эдуардович. 5)1.04.-21.11.1907 - Салтыков Владимир Владимирович (ПК).

	дивизиона	6)22.11.1907-4.06.1910 гг. – Гартунг Лев Федорович.

Приложение 51. Командиры дивизионов л.-гв. Конно-артиллерийской бригады.

Дивизион	Организация	Командиры (в звании полковника)
1-й дивизион	25.04.1895 г. – учрежден 1 дивизион в составе 1-й, 4-й и 6-й Донской казачьей Его Величества батарей. 1.07.1918 г. – дивизион расформирован (приказ Комиссариата по военным делам Петроградской Трудовой коммуны № 156 от19.06.1918).	1)13.10.1898-9.02.1899 – граф Баранцов Михаил Александрович (командир 3 бриг.). 2)30.12.1899-1904 - Глазенап Григорий Александрович. 3)20.06.1904-1907 - Гаспарин Юстиниан Леопольдович. 4)22.11.1907-13.05.1910 – Ивашинцов Андрей Васильевич. 5)21.05.1910-23.01.1914 – Пилкин Константин Константинович.
2-й дивизион	25.04.1895 г. – учрежден 2 дивизион в составе 2-й, 3-й и 5-й батарей. 10.06.1918 г. - дивизион расформирован (приказ Комиссариата по военным делам Петроградской Трудовой коммуны № 156 от19.06.1918).	1)25.06.1897-29.12.1899 – Кузьмин-Караваев Дмитрий Дмитриевич (командир конно-арт. бриг.) 2)3.03.1900-1903 - Ивашенцов Сергей Васильевич (командир 2 бриг.) 3)13.11.1903-10.04.1904 – флигель-адъютант великий князь Сергей Михайлович (командир конно-арт. бригады). 4)28.04.1904-1907 - Багговут Иван Карлович (командир 2 бриг.). 5)3.07.1907-1908 – фон Гилленшмидт Александр Федорович. 6)26.11.1908-29.11.1912 – Ивашинцов Николай Васильевич. 7)с 1.12.1912 – Виноградский Александр Николаевич.

Приложение 52. Командиры батарей л.-гв. Конно-артиллерийской бригады в 80-е г. г. XIX в. – 1914 г.

1-я батарея	2-я батарея	3-я батарея	4-я батарея	5-я батарея	6-я Донская казачья батарея
1)Г.Г.Доппельмейер-2 - 1874-1885 гг. (?), его отец видимо 14 губернатор Виленской губер-	1) А.Я. фон Таль - 1875-1885 гг. (прапорщик гвардии); 2)А.М. Хитрово 1-й -	1)М.Ф. Орелус - 1878-1883 гг. (бат.); 2)Н.Н. Мартынов 2-й - 1883-1895	1)флигель-адъютант Е.К. Андреевский -1885-1886 гг. 2)В.С. Усов - 1889-1890 гг.	1) флигель-адъютант К.П. Фандер-Флит – 1878-1890 гг. (переведен 1876 капитаном в	1)А.П.Кочаренцев-1-й - 1870-1873 гг. 2)С.Н. Варламов – 1883-1893

нии; 2)П.К. Ланге - 1885-1893 гг. (капитан бат. с 1876 г.) 3).Д.Д.Кузьмин-Караваев-2 - 1893-1895 гг. (1875 – бат.) 4)Ф.А.Лидерс-Веймарн-2 2-й - 1895-1897 гг. (1880 – бат.) 5)князь В.Н. Масальский – 1898-1901 гг. (1880 – бат. ПК) 6)С.П. Мезенцов – 1901-1902 гг. (1885 – бат., ПК) 7)Я.Ф. фон Гилленшмидт-2 – 1902-1904 гг. (с 1890 – бат., ПК) 8)Г.А.Давыдов-2 – 1904-1905 гг. (с 1891 – бат.) 9)Н.Н. Ивашинцев - 1905-1908 гг. 10)князь А. Н. Эристов - 1908-1914 (бат. –	1885-1895 гг.; 3)граф М.А. Баранцов - 1895-1898 гг. (ПК; ?); 4)флигель-адъютант в.к. Сергей Михайлович – 1898-1903 гг. 5)А.В.Ивашинцов-2 – 1903-1907 гг. (бат.) 6)А.Н.Виноградский-2 - 1907-1912 гг. (с 1893 г. бат., ПК) 7)А.О. Гриппенберг - 1912-1914 гг. (1898, бат. ПК)	гг. (с 1863 бат.); 3)С.В. Ивашинцов 1-й - 1895-1900 гг. (с 1877 г. бат.); 4)И.М. Гаспарини - 1900-1904 гг.; 5) Э.Э. фон Геринг-5 - 1904-1906 гг. (1896 – бат.); 6)Г.А. Давыдов 2-й - 1906-1908 гг. (1891 – бат.); 7)Н.И. Завадовский - 1908-1914 гг. (бат.)	(вступ. В бат. шт.-к.) М.Н. Мосолов 1-й – 1890 г. 3)А.А. Атабеков – 1891-1895 гг. (вступ.шт.-кап.в бат.) 4)К.С.Старынкевич-1 – 1895-1899 гг. (с 1880 – бат.) 5)В.Ф. Винберг – 1898-1901 гг. (бат. - с 1881) 6)Н.А. Орановский - 1901-1905 гг. (с 1886 г. ПК) 7)Э.Э. Ден 2-й – 1905-1906 гг. (1892, ПК, бат.) 8)К.К. Пилкин - 1906-1910 гг. (бат. 1892) 9)М.А. Бер - 1910-1912 гг. (1895, бат., ПК) 10)граф К.П. Кутайсов - 1913-1914 гг. (бат.)	батарею) 2)А.М. Воронович – 1890-1895 гг. (?) 3)С.С. Мальцов – 1895-1897 гг. (1867 – бат.) 4)князь В.Н. Масальский 1897-1898 гг. (с 1880, ПК – бат.) 5)П.Е. Гук - 1898-1899 гг. (с 1881 г. – бат.) 6)И.К.Багговут-4 - 1900-1904 гг. 7)С.В. Гладкий – 1904-1908 гг. (бат.) 8)С.Э. Муромцев – 1908-1910 гг. (бат.) 9) в. к. Андрей Владимирович – 1910-1911 гг. 10) барон В.И. Велио – 1911-1915 гг.	гг. 3) Н.И.Упорников-1 – 1893-1895 гг. 4)А.С. Михеев – 1895-1899 гг. 5)И.О. Замчалов – 1899-1901 гг. 6)Г.Л.Пономарев-2 - 1901-1906 гг. 7) П.Г. Чеботарев – 1906-1910 гг. (1893 - бат.) 8) Н.М. Самсонов – 1910-1911 гг. (1894 – бат.) 9)в. к. Андрей Владимирович - 1911-1914 гг. 10)А.В.Упорников-2 – 1914-1916 гг. (1909 – шт.-к. бриг.)

1895)					

Приложение 53. Уровень военного образования в л.-гв. 1-я артиллерийская Е.И.В. бригаде.

	всего	**ПК**	**МАУ**	**ПВУ**	**АВУ**	**кад. кор.**	**НИУ**	**Страсбургский университет**
1896 г.								
полковник	8	-	5	-	-	1	1	1
капитан	6	-	5	1	-	-	-	-
шт.-капитан	12	2	9	-	1	-	-	-
поручик	5	-	5	-	-	-	-	-
подпоручик	23	6	17	-	-	-	-	-
всего:	**54**	**8**	**41**	**1**	**1**	**1**	**1**	**1**
в процентах:	**100 %**	**14 %**	**76 %**	**2%**	**2%**	**2%**	**2%**	**2%**

Приложение 54. Уровень военного образования в л.-гв. 2-я артиллерийская Е.И.В. бригаде.

	всего	**МАУ**	**КАУ**	**ПК**	**КВУ**	**ПВУ**	**АВУ**	**ОАШ**
РГВИА. Ф.3671.Оп.1.Д.11, 1.01.1910								
полковник	9	7	-	2	-	-	1	6
капитаны	14	8	1	3	1	-	-	2
шт. капитаны	16	6	7	3	-	-	-	-
поручики	13	6	5	2	-	-	-	-
подпоручики	8	4	1	3	-	-	-	-
всего	**60**	**31**	**14**	**13**	**1**	**-**	**1**	**8**
в проц.	**100 %**	**52%**	**23%**	**22%**	**2%**	**-**	**2%**	**13%**
РГВИА. Ф.3671.Оп.1.Д.19, 1913 г.								
ген.-майор	1	-	-	1	-	-	-	1

полковник	13	8	1	4	-	-	-	5
капитаны	6	3	2	1	-	-	-	1
шт. капитаны	16	6	6	4	-	-	-	-
поручики	13	10	3	-	-	-	-	-
подпоручики	8	3	4	1	-	-	-	-
+подп. прикомандированные	8	2	6	-	-	-	-	-
всего	**57/65**	**30/32**	**16/22**	**11**	**-**	**-**	**-**	**7**
в проц. (%)	**-**	**53/49**	**28/34**	**19/17**	**-**	**-**	**-**	**12/11**

Приложение 55. Уровень высшего военного образования в частях гв. артиллерии.

Наименование воинской части	**Год/общее кол-во офицеров**	**ВУЗ**	**полковник**	**капитан/есаул**	**шт.-капитан/подъесаул**	**поручик/сотник**	**подпоручик/хорунжий**	**% от общего числа офицеров**
Гв. Конно-артиллерийская бригада	1896 г.[1]/56 чел.	МАА	1	-	1	-	1	3 (5%)
		НАГШ	1	-	-	2	-	3 (5%)
л.-гв. 1 артиллерийская Е.И.В. бригада	1896 г.[2]/54 чел.	МАА	3	1	5	2	5	16 (30%)
		НАГШ	-	1	3[3]	1	1	6 (11%)
		ВЮА	-	-	1	-	-	1 (2%)
л.-гв. 2 артиллерийская Е.И.В. брига-	1910 г. / 60 чел.	МАА	2	2	1	2	-	7 (12%)
		НАГ	1[1]	1[2]	6[3]	2	1	11

[1] Источник: Потоцкий П. Указ. изд. С.397-399.
[2] Источник: Потоцкий П. Указ. изд. С.390-393.
[3] Из них двое окончило НАГШ по 2-му разряду: штабс-капитан Лев Федорович Гартунг (дослужился до звания ген.-майора и командира 2-й артиллерийской бригады; 17.08.1914 г. после окружения 2-й армии в Восточной Пруссии попал в плен); штабс-капитан Николай Андреевич Илькевич (по одной версии: окончил 2 курса НАГШ в 1894 г. по 1 разряду, по другой – окончил НАГШ по 2 разряду; в предвоенный период дослужился до звания ген.-майора, командира 3-й гренадерской артиллерийской бригады; в 1917 г., после февральской революции, был назначен командиром 1-го ГК).

да		Ш						(18%)
	1913 г.[4]/65 чел.	МАА	4	-	1	-	-	5 (8%)
		НАГШ	2[5]	1	4[6]	2	-	9 (14%)
		ВЮА	-	-	-	-	1	1 (2%)
л.-гв. 3 артиллерийская Е.И.В. бригада	1900 г.[7]/82 чел.	МАА	-	4	3	3	4	14 (17%)
		НАГШ	-	3	3	4	-	10 (12%)
		ВЮА	-	1	-	1	-	2 (2%)

Приложение 56. Состав Гв. стрелковой бригады (с указанием особенностей эволюции отдельных стрелковых батальонов) на 1.07.1903 г.

название воинского подразделения	старшинство/носит указанное название	преобразован в полк или расформирован	участие в боевых действия	шефы полка
1.л.-гв. 1-й Стрелковый Его Величества батальон/полк	27.03.1856/ с 20.08.1871	в 1910 г.	1877-1878 г.	Александр III – 1881-1894, Николай II – 1894-1917
2.л.-гв. 2-й Стрелковый батальон	27.03.1856/ с 20.08.1871	в 1910 г. – в л.-гв. 2-й стрелковый Царскосельский полк	1877-1878 г.	в. к. Сергей Александрович – 1857-1905; в. к. Дмитрий Павлович – 1905-1917
3.л.-гв. 3-й Стрелковый Финский батальон	7.03.1818/ с 20.08.1871; с 17.04.1878 – права старой гвардии	21.11.1905 - РАСФОРМИРОВАН	1830-1831, 1877-1878	Александр III – 1881-1894; Николай II – 1894-1905

[1] Полковник Иван Васильевич Петрушевский окончил НАГШ по 2 разряду. Уроженец СПб. губернии. Был сыном генерал-лейтенанта, обучался по «накатанной схеме» в ПК. Окончил ОАШ (источник: РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1. Д. 19. Л. 4).

[2] Валериан Валерианович Андриевский окончил НАГШ по 2 разряду. Уроженец Ломжинской губернии, МАУ (источник: РГВИА. Ф. 3671.Оп. 1. Д. 11. Л. 11).

[3] Из них три офицера, штабс-капитаны Виктор Людвигович Драке-II (обучался в ПК), Константин Николаевич Мандражи (обучался в ПК) и Владимир Владимирович Буняковский (обучался в ПК) закончили НАГШ по 2 разряду (РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1. Д. 19. Л. 9, Л. 11).

[4] Источник: РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1. Д. 19

[5] Оба окончили НАГШ по 2-му разряду.

[6] Из них двое окончило НАГШ по 2-му разряду.

[7] Источник: РГВИА. Ф. 3672. Оп. 1. Д. 5.

4.л.-гв. 4-й Стрелковый Императорской Фамилии батальон	25.10.1854/с 20.08.1871	в 1910 г. - л.-гв. 4-й стрелковый Царскосельский полк	1877-1878	Александр III – 1881-1894; Николай II – 1894-1917
5.л.-гв. Стрелковый полк	29.06.1799	а)3.01.1897 г. – л.-гв. Резервный пехотный полк; б)26.07.1902 г. – л.-гв. Стрелковый полк; в)16.05.1910 г. – л.-гв. 3-й стрелковый Его В. полк	1877-1878	Николай II - 1873-1917

Источник: Императорская Гвардия. Издание 2-е. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. По 1-е Мая 1910 года. / Под редакцией В.К. Шенка. СПб., 1910. С.100-108.

Приложение 57. Особые обязанности отдельных офицеров л.-гв. 2-го Стрелкового батальона (февраль 1899 г.).

Воинское звание; Ф.И.О.	Занимаемая должность или выполняемое поручение в период нахождения в рядах батальона
1.подполковник Солини Казимир Иванович	Полицмейстер Кремлевских дворцов и дворцовых зданий в г. Москва.
2.капитан Ганскау Владимир Федорович.	Старший адъютант при управлении Гвардейской стрелковой бригады. В постоянной командировке.
3.штабс-капитан Федоров Антонин Николаевич	В постоянной командировке в ПВУ, на основании разрешения военного министра с 17.01.1894 г.
4.штабс-капитан Борейша Владимир Александрович	В постоянной командировке в ПВУ, с 19.08.1894 г. согласно предписания Главного Управления военно-учебных заведений за № 11286. Младший офицер при ПВУ.
5.штабс-капитан Добро-	С 1904 г. смотритель Императорского Зимне-

вольский Иван Адамович	го Дворца.
6.штабс-капитан Григоров Александр Михайлович	В постоянной командировке в Кавказском военном округе с 4.06.1897 (отношение НАГШ от 4.06.1897 г. № 1343)
7.поручик Ахвердов Гавриил Васильевич	С 1906 г. заведующий хозяйством Императорской охоты (с 1907 в постоянной командировке при министерстве Императорского Двора (Высочайший приказ 22.04.1906 г.)).
8.поручик Рыдзевский Николай Александрович	В постоянной командировке при Штабе войск Гвардии и СПб. военного округа с 18.01.1897 г.
9.поручик Остроменцкий Степан Вячеславович	В постоянной командировке при Главном Штабе с 27.11.1898 (предписание Главного Штаба от 17.11.1898 № 59957).
10.Поручик Седергольм Дмитрий Карлович	В командировке при гвардейском Экономическом обществе (приказ при гвардейском корпусе № 9/07).

Приложение 58. Особенности карьерной динамики командиров л.-гв. стрелковой бригады/дивизии.

Фамилия, инициалы; источник[1]	**Первый офицерский чин**	**Звание генерал-майора**	**Свитское звание**	**Скорость продвижения по службе (до звания генерал-майора)**	**Получение в командования первого гвардейского полка/батальона**
1.Эллис А.В.; 1883, с.312	Прапорщик, выпущен в л.-гв. Семеновский полк (12.08.1846 г.)	20.05.1868	-	22 года	13.02.1868 (ком. л.-гв. Гатчинского п.)
2.Оболенский Н.Н.; 1889, с.394.	Прапорщик, выпущен в л.-гв. Преображенский п. (15.08.1853 г.)	1.01.1878 (старшинство в чине с 12.11.1877)	6.08.1866 – флигель-адъютант; 6.08.1878 – Свиты	25 лет	5.01.1874 г. (ком. л.-гв. 2-го стрелкового бат.)

[1] В качестве источника используются Списки генералам по старшинству: указ год издания списка и страница ссылки.

			Е.И.В. г.-м.		
3.Гриппенберг О.-Ф.К; 1891, с.383.	Прапорщик (2.11.1855 г.); с 21.06.1864 поручик гвардии.	21.11.1877	1877 - флигель-адъютант; 1878 - Свиты Е.И.В. г.-м.	22 года	19.03.-25.10.1877 г. (ком. л.-гв. 2-го стрелкового бат.).[1]
4.Евреинов А.А.; 1899, с.468	Подпоручик (13.01.1862 г.); поручик гвардии с 19.04.1864.	30.08.1889	-	27 лет	7.09.1887-30.01.1893 г. (ком. л.-гв. 4-го Стрелкового Императорской фамилии бат.)[2]
5.Леш Л.В.; 1914, с.277.	Подпоручик (7.08.1882 г.)	7.09.1905	-	23 года	4.06.1904-5.05.1905 (ком. 1-го Восточносибирского стрелкового п.)[3]
6.Ресин А.А.; 1914. С.303	Прапорщик гвардии (1876 г.); подпоручиком армейской пехоты с прикомандированием к в л.-гв. Финляндскому п.; поручик гвардии (17.04.1883 г.)	6.07.1904	-	28 лет	1905-1909 (ком. л.-гв. Кексгольмского п.)
7.Дельсаль П.А.; 1914, с.471.	Прапорщик л.-гв. Преображенского п. (8.08.1881 г.); подпоручик – 1884.	1906	1906 - флигель-адъютант; Свиты Е.И.В. г.-м. – 1911.	25 лет	1905-1910 (ком. л.-гв. 2-го стрелкового бат.); 26.08.1910-19.01.1913 (ком. л.-гв. 2-го Царско-Сельского стрелкового п.)

Приложение 59. Особенности «последующего карьерного роста» офицеров-командиров гв. стрелковой бригады.

Фамилия, инициалы, годы жизни	Последнее воинское звание, принадлежность к Свите Е.И.В.	Занимаемые должности
1.А.В. Эллис (1825-1907)	Г. от инфантерии - 30.08.1892	- ком. 7-го армейского корпуса (1.01.1888; с сохранением мундира л.-гв. Егерского полка). - член Военного Совета (9.04.1889-3.01.1906). - с 23.01.1896 - в должности коменданта СПб.

[1] До этого командовал 5-м Туркестанским линейным батальоном (с 3.04.1867 по 15.09.1868) и 17-м стрелковым батальоном (с 1870 по 1877). С 25.10.1877 по 1.01.1883 командовал л.-гв. Московским полком.
[2] С 30.01.1893 по 21.05.1898 командовал л.-гв. Измайловским полком.
[3] Затем командовал 2-ой бригадой 23-й пехотной дивизии (с 27.06.1906 по 30.04.1907).

		крепости.
2.Н.Н. Оболенский (1833-1898 (скоропостижно скончался))	Г.-л. - 1888. Г.-адъютант - 1896.	- нач. 1-й гв. пехотной дивизии (11.09.1889). - ком. Гвардейского корпуса (29.03.1897).
3.О.-Ф.К. Гриппенберг (1838 - 1915)[1]	Г.-адъютант, г. от инфантерии.	- «[…] в августе 1897 г. во время маневров с ним случился удар, хотя, слава Богу, легкий».[2] - нач. 1 гв. пехотная дивизии (7.04.1897-12.05.1898). - член Александровского комитета о раненных (12.05.1898-3.01.1906). - ком. 6 армейского корпуса (3.05.1900 - 7.12.1901). - пом. ком. войсками Виленского ВО (7.12.1901-10.11.1902), - ком. войсками Виленского ВО (10.11.1902-11.09.1904). - ком. 2-й Маньчжурской армией (11.09.1904-12.03.1905). - генерал-инспектор пехоты (15.06.1905-23.03.1906). - член Государственного Совета (25.04.1905-после 1.01.1913)
4.А.А. Евреинов (1843-1905)	Г.-л. - 1898.	- в распоряжении главнокомандующего войсками гвардии и СПб. ВО (11.12.1902-15.04.1904). - ком. 18-го армейского корпуса (15.04.1904-1905).
5.Л.В. Леш (1862-1934)	Г. от инфантерии, 1914.	- нач. 2 гв. пехотной дивизии (1910 - 1912). - командующий 1-го Туркестанского армейского корпуса (30.07.1912). - нач. Закаспийской области, командующий 2-го Туркестанского армейского корпуса (15.01.1913). - в августе 1914 фактически возглавил 12-й АК (в составе 12-й, 19-й и 65-й пехотных дивизий) 8-й армии ген. А.А. Брусилова
6.А.А. Ресин (1857-1933)	Г.-л. - 17.10.1910.	- начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии (1913-1914 гг.)
7.П.А. Дельсаль (1861-1930)	Г.-л. - 1914.	- начальник гвардейской стрелковой бригады (13.04.1913-17.02.1915) - начальник гвардейской стрелковой дивизии (17.02.1915-16.04.1917)

[1] Так же числился в списках л.-гв. 2 стрелкового батальона (полка) с 6.05.1903 г. (см. РГВИА. Ф.2588. Оп.2. Д.241. Л.2).
[2] Епанчин Н.А. Указ. изд. – С.248.

Приложение 60. Командующие (Главнокомандующие) войсками Гвардии и Петербургского военного округа, командующие Гвардейским корпусом.

Командующие войсками Гвардии и Петербургского военного округа	**Период командования**	**Командующие Гвардейского корпуса**	**Период командования**
1.г.-адъютант, инженер-ген. (г.-фельдмаршал) великий князь Николай Николаевич-старший	10.08.1864-30.08.1867 – командующий; 30.08.1867-17.04.1880 - Главнокомандующий	1.Плаутин Николай Федорович	1856-1862
2.г. от инфантерии, наследник-цесаревич великий князь Александр Александрович (с 01.03.1881 император Александр III)	17.04.-25.05.1880 – врио; 17.08.1880-2.03.1881 - командующий	2.г.-адъютант, инженер-ген. великий князь Николай Николаевич-старший	1861(врио)/ 1862-1864
3.г.-адъютант, г. от инфантерии великий князь Владимир Александрович	2.03.1881-14.08.1884 – командующий; 14.08.1884-26.10.1905 - Главнокомандующий	3.г. от инфантерии наследник-цесаревич Александр Александрович (с 1881 г. император Александр III)	1874-1880
4.г.-адъютант, г. от кавалерии великий князь Николай Николаевич-младший	26.10.1905-20.07.1914	4.граф Шувалов Павел Андреевич*	14.03.1881 – командир гв. корпуса
5.г. от инфантерии барон фон Ашберг Николай Павлович (и. о. главного начальника Петроградского ВО)	30.08.-18.11.1914	5.г.-адъютант, г. от инфантерии великий князь Владимир Александрович	1880-1881
-	-	**4.граф Шувалов Павел Андреевич*	1881-1885
-	-	6.принц Ольденбургский Александр Петрович	1885-1889
-	-	7.Манзей Константин Николаевич	1889-1896

-	-	8.князь Оболенский Николай Николаевич	1896-1898
-	-	9.великий князь Павел Александрович	1898-1902
-	-	10.князь Васильчиков Сергей Илларионович	1902-1906
-	-	11.Данилов Владимир Николаевич	1906-1912
-	-	12.Безобразов Владимир Михайлович	1912-1915
ВСЕГО: 5 офицеров		**ВСЕГО: 13 офицеров**	

Приложение 61. Особенности военной карьеры командиров Гвардейского корпуса германской императорской армии.

Ф.И.О.	**Последнее воинское звание**	**В какой части начинал службу**	**Командование гвардейскими полками и соединениями**	**Участие в боевых действиях**
1)принц Фридрих Август Эбергард Вюртембергский	2.09.1873 г. произведен в генерал-полковники кавалерии в ранге генерал-фельдмаршала.	В 1831 г. перешел на службу в прусский Garde du Corps (гвардейский кирасирский полк) с произведением в майоры.	С 1840 г. командир гв. кирасирского п.; с 1844 г. командира 1-й гв. кавалерийской бригады; с 1858 г. командир Гвардейского корпуса.	1)австро-прусская война; 2)франко-прусская война
2)Александр фон Папе	В 1888 г. произведен в генерал-полковники в ранге генерал-фельдмаршала.	7.04.1830 г. поступил юнкером во 2-й гвардейский пеший п.	С 13.05.1860 г. командир батальона гв. резервного пехотного полка. с 19.10.1881 г. назначен командиром Гвардейского корпуса.	-
3)Оскар фон Меершейд-Хюллессем	В 1888 г. произведен в генералы пехоты.	В 1843 г. поступил юнкером в 21-й пехотный п.	14.04.1888 г. назначен командиром Гвардейского корпуса – до этого полками и соединения гвардии не командовал	1)в 1848 г. участвовал в подавлении восстания поляков в Познани; 2)в 1864 г. принял участие в войне против Дании;

				3)австро-прусская война; 4)франко-прусская война
4)Макс фон Бок унд Полах	Генерал-фельдмаршал	В 1859 г. поступил в 55-й (6-й Вестфальский) пех. графа Бюлова фон Денневица п.	В 1884 г. переведен в ГШ; в 1897 г. назначен командиром Гвардейского корпуса – до этого полками и соединения гвардии не командовал	1)в 1864 г. принял участие в войне против Дании; 2)австро-прусская война; 3)франко-прусская война
5)Густав фон Кессель; сын генерал-майора	Генерал-полковник, генерал-адъютант.	1.05.1864 г. поступил в 1-й гв. пеший полк; с 1883 г. адъютант кронпринца Фридриха – с 1888 г. флигель-адъютант Вильгельма II.	С 1890 г. командир Замковой гвардии (роты дворцовых гренадер); с 27.01.1897 г. командир 1 -й гв. пех. бригадой в Потсдаме; с 25.03.1899 г. командир 2-й гв. пех. дивизией; с 27.01.1900 г. - 1-й гв. пех. дивизией; 27.01.1902 г. занял пост командира Гв. корпуса.	1)австро-прусская война – был тяжело ранен в ногу; 2)франко-прусская война – ранен в плечо.
6)барон Карл фон Платтенберг	К началу 1-ой мировой войны генерал пехоты.	8.12.1870 г. поступил 2-м лейтенантом в егерские части.	С 5.06.1898 г. командование 1-м гв. пешим п. в Потсдаме; 1.03.1913 г. занял пост командира Гв. корпуса.	В боевых действия до 1-ой мировой войны участия не принимал. Начал войну в занимаемой должности в составе 2-ой армии.

Приложение 62. Командующие (Главнокомандующих) СПб. ВО и войсками Гвардии 1864-1914 г. г.

Титул, Ф.И.О. (годы жизни, примечание)	**Посл. воин. зван. (свитское зван.)**	**Образование**	**Командование отдельными частями и соединениями, занимаемые должности**	**Семейное положение**	**Участие в б/д**	**«Боевые» награды**

1.в.к. Николай Николаевич-старший (27.07.1831-13.04.1891)[1]	Генерал-фельдмаршал (16.04.1878 г.)	1-й кадетский корпус.	Генерал-инспектор по инженерной части (1852), командир 1-ой бригады 1-й гв. легкой кавалерийской дивизии (1856-1857); начальник 2-й кав. дивизии нового состава (1857-1859); ком. Гв. Резервным кавалерийским корпусом (1859 (1860)-1862); командующий Отдельным Гв. корпусом (1862-1864); Генерал-инспектор кавалерии (1864); Главнокомандующий действующей армией на Балканах (с 1.11.1876-16.04.1878); член ГС (1855).	Жена: в.к. Александра Петровна, у. п.[2] Ольденбургская. Дети: 2 сына (Николай и Петр).[3]	1853-1856; 1877-1878	Г4 (1854), Г2 (1877), Г1 (1877: «За взятие Плевны»), ЗО (1878)
2.в.к. Александр Александрович (26.02.1845-20.10.1894[4]; в 1881 г. жалование: 7495 руб.)	Генерал от инфантерии, генерал от кавалерии (генерал-адъютант).	Домашнее, под наблюдение Августейших родителей.	12.04.1865 – объявлен наследником Престола; член ГС (1866); ком. 2-й гв. пехотной див. (1868); ком. гв. кав. бригадой (1868); ком. (начальник) 1-й гв. пех. див. (1870-1874); ком. Гв. корпуса (1874-1880); ком. Рущукского отряда Дунайской армии (1877-1878). 1.03.1881 – император. Член ГС.	Жена: имп. Мария Федоровна, у. п. Дагмара Датская.[5] 6 детей.	1877-1878	В1 м, Г2 (1877), ЗО (1878)
3.в. к. Владимир Александрович (10.04.1847-4.02.1909[6]; жалование 14000 руб.)	Ген. от инфантерии (1880) (ген.-адъютант (1872))	Домашнее, под наблюдение Августейших родителей (вместе с братом в.к. Александром Александровичем)	Ком. л.-гв. Преображенского п. (1.06.-13.07.1869); командующий: гв. стрелковой бриг. (1872-1874), 1-й гв. пех. дивизией (1874-1880), гвардейским корпусом (1880-1881). Член ГС; Главнокомандующий войсками гвардии и СПб.ВО.	Жена: Мария Павловна, у. п. Мекленбург-Шверинская. 5 детей.[7]	1877-1878	В2 м, ЗО, Г3 (1877)

[1] ГАРФ. Ф.646. Оп.1. Д.11: послужной список.
[2] Сокращения: у. – урожденная; п. – принцесса.
[3] Сожительствовал с балериной Екатериной Гавриловной Числовой (Николаевой). Дети: Ольга, Владимир, Екатерина, Николай, Галина Николаевы.
[4] Полный послужной список наследника цесаревича Александра Александровича 1881. // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. – М., 2002. С.543-596.
[5] Николай, Александр, Георгий, Михаил, Ксения, Ольга.
[6] РГИА. Ф.1162. Оп.6. Д.468: послужной список.
[7] Александр, Кирилл, Борис, Андрей; Елена.

4.в. к. Николай Николаевич-младший (6.11.1856 - 5.01.1929)[1]	Ген. от кавалерии (1900) (ген.-адъютант (1894))	Домашнее, под наблюдение Августейших родителей; Николаевское инж. уч-ще; НАГШ (1 р.)	Командир л.-гв. Гусарского Е.В. п. (1884-1890); ком. 2 бриг. 2 гв. кав. дивизии (10.11-11.12.1890); командующий 2 гв. кав. дивизией (1890-1895 (с 1893 – начальник)); Генерал-инспектор кавалерии (1895-1905); председатель СГО (1905-1908); Главнокомандующий СПб. ВО и войск Гвардии (1908-1914). С 20.07.1914 – Верховный главнокомандующий.	1-й брак: п. Лейхтенбергская; 2-й брак (1907 г.): в. к. Анастасия Николаевна, у. княг. Черногорская.[2]	1877-1878	Г4, ЗО (1877)

Источник: см. сноски в таблице.

Приложение 63. Программа и расписания учебных занятий в. кн. Владимира Александровича. Начато 1863-1865.

Дни	**7-8**	**8-9**	**9-10**	**10-11**	**11 ¼ - 12**	**12-1**	**1-2**	**2-3**	**5 ½-7 ½**	**9-10**
Понедельник	-	История	Франц. яз.	Гимнаст.	-	Русск. сл.	Англ.	-	-	Музыка
Вторник	-	Франц. яз.	Мат.	Фехт. или верх. езда	-	Англ.	Геогр.	-	-	Нем. чт.
Среда	-	Лат. яз.	Зак. Бож.	-	-	Нем.	Русск. сл.	-	-	Франц. чт.
Четверг	-	Математ.	Истор.	Фехт. или верх. езда	-	Нем.	Англ.	-	-	Франц. чт.
Пятница	-	Франц. яз.	Истор.	Гимнаст.	Музык.	Георгр.	Русск. сл.	-	-	Нем. чт.
Суббота	-	Немец. яз.	Мат.	-	Зак. Бож.	Лат. яз.	музыка	-	-	-

Источник: ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.

Приложение 64. Продолжение приложения 63.

Дни	**8-9**	**9-10**	**10-11**	**11-12**	**12-1**	**1-2**	**9-10**
Понедельник	Лат. яз.	Русск. сл.	-	-	Англ. яз.	Франц. яз.	Нем. чт.
Вторник	Физика	История	-	-	География	Нем. яз.	Франц. чт.
Среда	Лат. яз.	Русск. сл.	-	Музыка	Франц. яз.	Математика	Франц. чт.
Четверг	Франц. яз.	Физика	-	-	Нем. яз.	Англ. яз.	-
Пятница	Физика	История	-	-	Закон. Бож.	Математика	Музыка
Суббота	Математ.	География	-	-	Лат. яз.	Русск. сл.	-

Источник: ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 57. Л. 2.

[1] РГВИА. Ф.970. Оп.3. №.2206. Л.75-99: послужной список.
[2] Долгое время сожительствовал с С.И. Брерининой.

Приложение 65. Расписание Учебных Занятий Великого Князя Владимира Александровича с мая 1865 года.

Дни	8-9	9-10	10-11	11-12	12-1	1-2	9-10
Понедельник	Латин. яз.	Русск. слов.	Верх. езд.	-	Англ. яз.	Франц. яз.	Нем. чт.
Вторник	Физика	Русск. истор.	Фехтов.	-	Тактика	Немец. яз.	Франц. чт.
Среда	Латин.я.	Русск. Слов.	Верх. езд.	Музыка	Франц. яз.	Математ.	Франц. чт.
Четверг	Физика	Закон Бож.	Фехтов.	-	Немец. яз.	Англ. яз.	
Пятница	Физика	Русск. Ист.	Верх. езд.	-	Франц. яз.	Математ.	Музыка
Суббота	Математ.	Тактика	Фехтов.	-	Лат. яз.	Русск. Яз.	

Источник: ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 57. Л. 3-4.

Приложение 66. Продолжение приложения 65.

Дни	8-9	9-10	10-11	11-12	12-1	1-2	9-10
Понедельник	Лат. яз.	Русск. сл.	Гимнастика	-	Англ. яз.	Франц. яз.	Нем. чт.
Вторник	Математ.	История	Фехтование	-	География	Нем. яз.	Франц. чт.
Среда	Лат. яз.	Русск. сл.	-	Музыка	Закон. Бож.	Франц. яз.	Нем. чт.
Четверг	История	Нем. яз.	Фехтование	Рисование	Нем. яз.	Англ. яз.	Франц. чт.
Пятница	Математ.	История	Гимнастика	-	Франц. яз.	Музыка	Франц. чт.
Суббота	Математ.	География	фехтование	Закон. Бож.	Лат.яз.	Русск.сл.	-

Источник: ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 57. Л. 3-4.

Приложение 67. Программа пройденного Великим Князьям Александру и Владимиру Александровичам из всеобщей истории во второй половине 1863-64 учебного года.

(Л.5)1.Царствование Лудовика XIV-го
А., Министры Лудовика, внутреннее управление, двор, войско, влияние на Европу.
В., Нидерландские войны.
С., Правление Карла II и Иакова II в Англии, революция, вступление Вильгельма III Оранского на престол Англии (зачеркнуто).
Д., Война за наследство испанской монархии.
2., История Пруссии во XVIII столетии, Фридрих I, Фридрих Вильгельм I, юность Фридриха В.; его вступление на престол; война за австрийское наследство.
3., Семилетняя война.
4., Фридрих В. и Иосиф II.
5., Североамериканская война.
6. а., История французской революции; влияние Монтескье, Вольтера и Руссо на развитие новых понятий в XVIII веке.
В.1, Нововведения Государей и Министров.

B.2, Правление Лудовика XVI; привилегии сословий; финансовые затруднения и попытки устроить их.
C., Собрание Государственных сословий; национальное собрание, штурм Бастилии, преобразование в управлении государством, уравнение прав сословий.
Д., Законодательное собрание и падение королевской власти во Франции; республиканская Франция под управлением национального конвента; террор; борьба с первою коалицией.
E., Франция под управлением Директории; походы Наполеона Бонапарта в Италию, Египет и Сирию.
F., Учреждение консульства во Франции, Амьенский мир. Правление первого Консула.
Учреждение империи во Франции; борьба Наполеона с 3-ею коалицией; рейнский союз.
8., Борьба Наполеона с Россией и Пруссией; Тильзитский мир; континентальная система; война России со Швецией и покорение Финляндии.
9., Борьба Наполеона с испанскою нацией; вторая австрийская война; второй брак Наполеона; присоединение к Голландии Ганзейских городов и папских владений к французской империи; разрыв с Россией.
10., Борьба Наполеона с Россией в 1812 г.
11., Война 1813 и 1814 годов.
12., Венский конгресс; возвращение Наполеона с острова Эльбы и его окончательное низложение. Последние постановления Венского конгресса.
(Л.6.)13., Правление Лудовика XVIII и Карла X во Франции. Июльская революция. Революция 1848 года. /Последний вопрос не пройден Александру Александровичу/.

Подпись: В. Эвальд.

Источник: ГАРФ. Ф. 652 (в. к. Владимир Александрович). Оп. 1. Д. 57. Л. 5-6.

Приложение 68. Придворный штат Великого Князя и Великой Княгини.

Лица «штата»	Число лиц	Примечания
Гофмейстер	1	-
Гофмейстерина	1	-
Фрейлина	1	-
Управляющий Конторою	1	Он же и Секретарь Заведующий библиотекою
Домашняя прислуга:		
Дворецкий	1	Он же заведующий буфетной частью
Ему помощников	2	-
Повар	1	При нем помощников и кухонной прислуги сколько понадобиться
Швейцар	1	-
Ему помощник	1	-
Собственная прислуга Великого Князя:		

Камердинер		1	-
Ему помощник		1	-
Лакеев		2	-
Собственная прислуга Великой Княгини:			
Камердинер		1	-
Лакеев		2	-
Камер-Юнкер		2	-
Швея		1	-
Женщина для черной работы		1	-
Прислугу для детской предоставляется назначить судя по обстоятельствам. Истопников, ламповщиков, полотеров и прочих предоставляется иметь сколько понадобиться.			
Конюшенная часть:			
Берейтор		1	-
Помощник берейтора		1	-
Кучеров для великого Князя		2	-
Кучеров для великой Княгини и детей		3	-
Конюхов		9	-
Ездовых		2	-
Лошадей Великому Князю:			
Верховых		8	-
Рейткнехтских		2	-
Упряжных:	одиночек	3	-
	парных	6	-
Всего:		25	-
Великой Княгини:			
парных		6	-
Для детей		4	-
Всего:		20	-
Всех:		**45**	**-**
Наемные экипажи для фрейлин, дежурного адъютанта (летом) и экипаж для рассылок.			
Примечания 1. Во главе всей домашней прислуги должен быть Дворецкий, он же заведует и буфетной частью. У него на руках серебро, посуда, вина, чай, кофе, сахар и проч. Во главе конюшенной части берейтор. Он надзирает как за верховыми лошадьми, так и за кучерами, упряжными лошадьми и экипажами.			
Примечания 2. Управляющий Конторою, его Помощник, Доктор и Берейтор не состоят ни в каких классах.			
Примечания 3. Вся прислуга должна быть наемная, и если в это число поступят некоторые служители из Придворного ведомства, то они, должны быть на равных с прочей наемной прислугой.			
Подлинник подписал: Генерал-Адъютант Граф Перовский. 6 Апреля 1864 г.			

Источник: РГИА Ф. 515. Оп. 1. Д. 79. 1864 г. Л. 8-9 (Дело по Высочайшему повелению о придворных штатах Государей Великих Князей Александра и Владимира Александровича. Начато 6 Апреля 1864 г. Кончено 8 Мая 1864 г.).

Приложение 69. Награды великого князя Владимира Александровича.

Форма награждения	Годы награждения	Общее количество наград
1.«Искренняя признательность», «совершенная признательность», «благодарность».	1881-1904 гг.	76
2.Рескрипты	1881-1904 гг.	25
3.Особые награды и пожалования	Бриллиантами осыпанные портреты императоров Николая I, Александра II, Александра III, Николая II для ношения на груди.	4
4.Ордена (российские)	Св. Андрея Первозванного, Св. Р.-А. Александра Невского, Белого орла, Св. Р.-А. Анны I ст. – 1847; Св. Р.-А. Владимира IV ст. – 1868; Св. Р.-А. Владимира I ст. – 1883; золотую медаль для ношения в петлице.	6 орденов, 1 медаль
5.«Боевые» ордена (российские)	Св. Р.-А. Владимира II ст. с мечами, Св. Георгия III ст. - 1877	2
6.Золотое оружие	«золотое оружие» украшенное бриллиантами (в данном случае не совсем ясен характер пожалованного оружия, так как источники разнятся: в одном варианте речь идет о «золотой шпаге с надписью «За 14 и 30 Ноября 1877 г.»»), в другом о «золотой сабле» с той же надписью) – 1877	1
7.Свитские звания	Флигель-адъютант – 1865; Свиты Е.И.В. г.-м. – 1868; г.-адъютант – 1872.	-

Источник: РГИА. Ф.528. Оп.1. Д.4. (1872-1909: Послужной список Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича. Составлен по 4-е Февраля 1909 г.). Л.51-64.

Приложение 70. Участие великого князя Владимира Александровича в качестве командира 12-го корпуса в кампании 1877-1878 г. г.

№	Название «дела»	Дата события	Примечания
1	Рекогносцировка к Рущуку; был в деле при	9.07.1877	-

	деревне Кадыкиой		
2	Командовал отражением турецких атак на деревни Кадыкиой и Красную	С 9 по 23.08.1877	-
3	Отразил усиленную рекогносцировку неприятеля у деревни Иован-Чифлик и на Тевстеникских высотах	3.10.1877	-
4	Принимал участие в усиленной рекогносцировке неприятельского расположения в составе войск Рущукского отряда и участвовал в делах у деревень: Басарбеева, Иован-Чифлик, Комева, Нисова, Соленик, Церовна, Костакце, Хан-Июль-Чесме	12.10.1877	-
5	Принимал участие в бою у Перюса и Хан-Июль-Чесме	1.11.1877	За дело награжден орденом Св. Георгия III ст.
6	Участвовал в сражении у Трестеника и Мечки	14.11.1877	-
7	Участвовал в отражении атаки Сулейман-Паши у Трестеника и Мечки (под командованием цесаревича)	30.11.1877	За дело пожалована золотая сабля украшенная бриллиантами
8	Участвовал в общем наступлении войск Северного отряда в преследовании Турецкой армии от реки Кара-Лом к крепости Шумла	10.01.1878	-
9	Участвовал в рекогносцировке крепости Рущука с перестрелкою	19.01.1878	-

Источник: РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 4. Л. 70 (1872-1909: Послужной список Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича. Составлен по 4-е Февраля 1909 г.).

Приложение 71. Заграничные турне великого князя Владимира Александровича с 1881 по 1902 г.

№/№	Место поездки, время	Год
1	«за границу», 6.09. - 6.10.	1881
2	«за границу», 3.04.-13.04.	1883
3	«за границу», 6.07.-5.11.	1884

4 (?)	Сопровождал императора в путешествие в Скерневицы[1], 8.08.-26.08.	1885
5-7	«за границу», 14.01.-12.02.; 15.04.-20.05.; 4.10.-11.11. (первоначально отправился в Скернявицы, затем – «за границу»)	1886
8(?)-9	Отправился в Скерневецы, 20.10.-28.10; в Берлин по случаю рождения императора Вильгельма, 1.03.-6.03.	1887
10-11	«за границу», 12.04.-16.04; «за границу», 5.10.-20.11.	1888
12	«за границу», 21.09.-20.11.	1889
13	отправился в Скернявицы, затем – «за границу», 2.10.-29.10.	1890
14-15	«с супругой и детьми - за границу», 14.08.-16.09; «с супругой и детьми - за границу», 21.09.-17.11.	1891
16-17	«за границу», 10.04.-19.04; «за границу» (Саксен-Веймар, Штутгарт, Франция), 12.09.-20.11.	1892
18-19	«в Италию», 4.04.-28.04; «за границу» 9.08.-5.11.	1893
20-21	«в Кобург», 2.04.-13.04; «за границу» 27.08.-29.10.	1894
22-24	«в Вену», 11.02.-18.02; «за границу» 21.06.-28.06; «в Берлин, на охоту к Вильгельму II», 31.10.-4.11.	1895
25	«за границу», 7.09.-4.11.	1896
26-27	«в Берлин», 5.03.-13.03; «за границу», 19.05.-2.06.	1897
28	«за границу», 26.09.-4.12.	1898
-	дважды выезжал «из пределов округа» на 14 и на 24 дня соответственно	1899
29-30	«за границу», 2.05.-27.05; «за границу», 30.09.-?; дважды выезжал «из пределов округа»	1900
31-33	«в Пруссию», 2.01.-7.01; «в Голландию», 20.01.-27.01; «в Скернявицы, а затем за границу» 16.10.-3.12.	1901
34-35	«в Мадрид», 27.04.-24.05; «за границу», 5.06.-14.06.	1902

Источник: РГИА. Ф. 528. Оп. 1.Д. 4. С.70-74 (Послужной список Е. И. Высочества Государя Великого Князя Владимира Александровича).

Приложение 72. Дневниковые записи Николая II за 1904 г. о «дежурных офицерах»-сотрапезниках.

Дата «трапезы» (частота упоминания в «Дневнике» за 1904 г.)	**«Дежурный офицер» (информация о нем)**	**Примечания[2]**
2.01; 4.02 (обед); 14.02; 23.02; 3.03; 9.03 (обед); 20.03; 28.03; 15.04; 23.04 (обед); 21.05 (обед); 25.05 (обед); 23.06 (обед); 4.07; 20.07; 18.08; 24.09; 6.10; 3.11 (**всего упоминается 19 раз**)	Флигель-адъютант, полковник Орлов Владимир Николаевич (31.12.1868)[3]: сын генерала от кавалерии князя Н.А. Орлова и княжны Е.Н. Трубецкой; ПК; корнет л.-гв. Конного полка; в списках л.-гв. Конный; и. д. помощника начальника (начальник с 26.08.1906) Канцелярии Императорской Главной квартиры; женат, сын (с.105).	завтрак

[1] В 1-ой половине XIX в. резиденция в. к. Константина Павловича, наместника Царства Польского (первоначально город располагался на территории Лодзинского воеводства). Во 2-ой половине XIX в. город и окрестности являлись охотничьим угодьем русских императоров.

[2] В данном случае в качестве индикатора мы использовали параметр «трапез» с императором в качестве дежурного офицера Свиты Е.И.В.

[3] Здесь и далее по тексту указана дата рождения.

5.01; 7.01; 25.01; 11.02; 16.02; 2.03 (обед); 11.03. 18.03; 27.03; 10.04; 19.05; 30.05 (завтрак, обед, «[…]провел весь вечер с Оболенским» (с.212)); 13.06; 24.07 (обед) (**всего упоминается 14 раз**)	Свиты Е.И.В. (1904) г.-м. Оболенский Николай Дмитриевич («Котя») (24.11.1859); ПК; начал службу в л.-гв. Конном п. (1880); и. д. завед. Контрол. Министерства Императорского Двора (1902); холост (с.93).	завтрак
16.01; 13.02; 12.03; 24.04; 26.05; 18.10; 8.11 **(всего упоминается 7 раз)**	Флигель-адъютант (1902), полковник «Соловой» (Петрово-Соловово) (3.09.1861) Борис Михайлович: Спб. Имп. ун-т; эоч[1] КВУ; корнет л.-гв. Гусарского Е.И.В. п.; ком. 3-го драгунского Сумского Е. Кор. Выс. Насл. Пр. Датского п., холост (с.93).	завтрак
17.01 (7 ½ обед); 12.02; 23.03; 9.04. **(всего упоминается 4 раз)**	Флигель-адъютант (1903) поручик князь Долгорукий Сергей Александрович (15.05.1872 -): Спб. И. ун-т, эоч НКУ, поручик л.-гв. Конного п.	завтрак
20.01.; 9.02; 27.02 (обед); 8.03; 28.04 (обед); 24.06; 3.08 **(всего упоминается 7 раз)**	Флигель-адъютант (1898), ротмистр Шереметьев Дмитрий Сергеевич (28.05.1860): НКУ, офицер л.-гв. Кавалергардского п. (с.113)	завтрак
21.01; 4.03; 19.03 (завтракал и обедал); 6.04 (завтракал и обедал); 23.05 (обед); 15.06 **(всего упоминается 6 раз)**	Флигель-адъютант (1901) полковник князь Енглычев Павел Николаевич (19.08.1864): ПК, НАГШ, ком. л.-гв. Гусарского Е.В. п. (с 8.06.1902) (с.97)	завтрак
10.02; 26.02 (обед); 15.03 **(всего упоминается 3 раза)**	Флигель-адъютант (1902), штабс-капитан Граф Тотлебен Николай Эдуардович (11.02.1874): лютеранин, Н. инж. уч., л.-гв. Саперного бат., холост. (с.115)	завтрак
15.02; 28.02; 25.03; 11.12 **(всего упоминается 4 раза)**	Флигель-адъютант (1902) полковник князь Трубецкой Георгий («Юрий») Иванович (5.11.1866): ПК, командир эскадрона Е.В. л.-гв. Конного п.; ж., 2 д. (с.108).	завтрак
22.02; 21.04; 13.05 **(всего упоминается 3 раза)**	Флигель-адъютант (1896) капитан Нарышкин («Кира», друг детства Николая II) Кирилл Анатольевич (28.04.1868): И. уч. правовед., эоч КВУ, капитан л.-гв. Преображенского п. (с.111)	завтрак
25.02; 18.04; 23.09 **(всего упоминается 3 раза)**	Флигель-адъютант (1902) капитан Дрентельн Александр Александрович (19.01.1868): СПб. И. ун-т, эоч КВУ, капитан л.-гв. Преображенского п., ж, дочь. (с.112)	завтрак
7.03; 24.03. (**всего упоминается 2 раза)**	Флигель-адъютант (1903) капитан 2-го ранга Чагин Иван Иванович (12.11.1860): морское училище (морской кад.корп.), командир крейсера II-го ранга «Алмаз», холост.	завтрак
22.03; 7.04; 11.06; 4.08; 28.11 **(всего упоминается 5 раза)**	Флигель-адъютант (1898), капитан 1-го ранга граф Гейден Александр Федорович (22.04.1859): Гв. Экипаж, нач. канцелярии Импер. Гл. квартиры	завтрак

[1] Эоч – экзамен на офицерский чин.

	(22.05.1900) (с.104).	
20.02. **(всего упоминается 1 раз)**	Флигель-адъютант (1897), полковник Шувалов Андрей Петрович (11.11.1865): Импер. Лицей, эоч КВУ, командир 2-го дагестанского конного полка (9.01.1899), холост.	завтрак
6.03. **(всего упоминается 1 раз)**	Флигель-адъютант (1903), штабс-ротмистр князь Эристов (3.10.1875): Тифлисский кад. корп., ПК, шт.-ротмистр л.-гв. Уланского Его В. п., холост (с.116)	завтрак
17.10 **(всего упоминается 1 раз)**	Флигель-адъютант, капитан 1-го ранга Руднев Всеволод Федорович[1]: Морское уч-ще; командир 14-го экипажа; женат, 2 детей (с.100)	завтрак

Источник: Дневники императора Николая II. М., 1991. С.189-244; Список генерал-адъютантам, генерал-майорам Свиты Его Величества и флигель-адъютантам по старшинству. Составлен по 1-е Января 1905 г. СПб., 1905.

Приложение 73. Г.-фельдмаршалы российской императорской армии в период правления Александра III – Николая II.

ФИО, титул	**Примечания**	**Воинское звание**	**Шефство российских полков**	**Источник: СГС (указан год)**
Его Императорское Высочество Эрц-Герцог Австрийский Альберт	-	фельдмаршал Австрийской службы – 4.04.1863; генерал-инспектор Императорско-королевской армии – 24.03.1869.	Шеф 14-го драгунского Литовского п. и 86-го пехотного Вильманстрандского имени своего п.; почетный член НАГШ (с.1)	1883 1889 1891
Его Императорско-Королевское Высочество наследный принц Германский и Прусский	-	фельдмаршал прусской службы – 18.10.1870	Шеф 33-го драгунского Изюмского имени своего п. и 2-й шеф Санкт-Петербургского Гренадерского Кор. Фридриха-Вильгельма III п., числится в 5-м Пехотном Калужском Е.И.К.В. Имп. Герм.	1883

[1] Командир крейсера 1-го ранга «Варяг» - 1902-1904 гг.

			и Кор. Прусск. п. (2).	
Его Королевское Высочество Принц Фридрих-Карл Прусский	-	фельдмаршал прусской службы - 16.10.1870	Шеф 36-го драгунского Ахтырского имени своего п., числится в 6-м пехотном Либавском полку	1883
Его Королевское Высочество принц (Фридрих) Август (Эбергард) Ви(ю)ртембергский.	Командовал Гвардейским корпусом с 1858 по 1878 г.(Военная элита Германии, с.7)	Генерал-Оберст от кавалерии Прусской службы – 21.08.1873	Шеф 26-го Драгунского Бугского имени своего полка	1883
Барон Мантейфель Эдвин Карл Рохус фон (1809-1885), генерал-губернатор Эльзас-Лотарингии	19.09.1873 г. – генерал-фельдмаршал Германской империи		шеф 10-го Драгунского Екатеринославского полка	1883
Граф Мольтке Хелмут-Карл-Бернгард (1800-1891)	Русский ген.-фельдмаршал 1872	фельдмаршал прусской службы – 16.06.1871	шеф 69-го пехотного Рязанского полка, почетный член НАГШ	1883
Его королевское Высочество наследный принц Датский Фридрих* (51-й король Дании Фредерик VIII (1843-1912))	-	генерал датской службы – 28.10.1866.	шеф 3-го Драгунского Сумского имени своего полка	1891, 1896, 1899, 1903, 1906
Его Императорское Высочество Эрц-Герцог Австрийский Леопольд	-	генерал-инспектор инженер; генерал-от-кавалерии австрийской службы (4.01.1867)	Шеф 25-го Драгунского Казанского имени своего полка	1896
Его Королевское Высочество Великий Герцог Саксен-Веймарский	-	генерал-от-кавалерии прусской службы 12.06.1855.	Шеф 30-го драгунского Ингерманландского имени своего п. – 16.05.1884	1896 1899
Его Императорское Высочество великий князь Михаил	16.04.1878	-	-	1899, 1903, 1906, 1908

Николаевич				
Гурко Владимир Иосифович	6.12.1894	-	Член ГС и почетный член НАГШ	1896 1899
Граф Милютин Дмитрий Алексеевич	16.08.1898	-	Шеф 121 пехотного Пензенского имени своего полка; член ГС; почетный президент НАГШ и ВЮР; почетный член МАУ и НИнжА; доктор истории.	1899 1903 1906 1908 1910
Е.И. Кор. Выс. Эрц-Герцог Австрийский Франц-Фердинанд	-	генерал-от-кавалерии Австрийской службы (по идее не ген.-фельдмаршал)	Шеф 26-го драгунского Бугского имени своего полка (1)	1903 1906
Его Кор. Выс. Король Черногорский Николай I – 15.08.1910.	15.08.1910 – генерал-фельдмаршал Российской армии	-	шеф 15-го стрелкового имени своего полка (1)	1914
Его Величество Король Карл Румынский	17.09.1912 – генерал-фельдмаршал Российской армии	-	шеф 18-го Вологодского имени своего полка (1)	1914

**Из династии Глюксбург. 1865 года мая 22-го Его Королевское Высочество наследный принц Датский назначен шефом и полк назван 1-ым гусарским Сумским Его Королевского Высочества наследного принца Датского (шеф полка с 22.05.1865 по 11.05.1912).*

Приложение 74. Помощники Главнокомандующего войсками Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, начальники штаба войск Гвардии и СПБ. ВО.

Помощники Главнокомандующего войсками Гвардии и Санкт-Петербургского ВО				
1)генерал от артиллерии Костанда Апостол Спиридонович (1817—	1.03.1880-30.08.1888 гг.	- происходил из старинного греческого рода, в 1863 причисленного к	помощника главнокомандующего войсками гв. и СПБ	1854-1856 1863-64

1898)		русскому дворянству; Воспитанник Ришельевского лицея в Одессе, по окончании которого в 1836 поступил фейерверкером лёгкой батареи гв. конной артиллерии.	ВО (1879—1888) командующего войсками Московского ВО (1888-1896) 1896 – член ГС	Золотое оружие, А2 и В4 м. б.
2)генерал от инфантерии Ребиндер Александр Алексеевич	14.10.1888-26.10.1905 гг.	Частное обучение. л.-гв. Кирасирский Его И.В. полк. Командир полка с 1883 по 1886.	помощника Его Императорского Высочества главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа	
3)Газенкампф Михаил Александрович Из дворян Санкт-Петербургской губернии.	С 26.10.1905 – 26.08.1908 г.	- Отбывал цензовое командование батальоном в л.-гв. Павловском полку (18.09.1872-24.09.1873). С 13.04.1873 - старший адъютант штаба войск Гвардии и Санкт-Петербургского ВО. - профессор НАГШ - командующий л.-гв. Московским п. (9.06.-31.08.1891) - Астраханский губернатор и наказной атаман Астраханского казачьего войска; 2 кад.к., НАГШ (1 р.).	Образование получил во 2-м кад. корп. (1862) и НАГШ (1870), с малой серебряной медалью по 1-му разряду). На службе с 13.06.1861. Выпущен 13.06. 1862 поручиком в Калужский пехотный Его Величества Короля Прусского полк (в 4-й резервный батальон), с прикомандированием к лейб-гвардии Московскому полку, в который переведен с чином прапорщика гвардии 10.05.1863	1863-64 1877-78
4)барон фон Ашеберг Николай Павлович (28.05.1846 - ?)	26.08.1908-23.08.1912 гг.	Образование получил в Александровском кадет. корпусе. КВУ. Выпущен Подпоручиком (ст. 23.05.1864) в 3-й грен. Перновский полк. Поручик (пр. 1866; ст. 26.12.1866; за отличие). Переведен в л-гв. Гатчинский (позже л-гв. Егерский) полк чином Подпоручика (ст. 01.01.1868).	Ген-майор (пр. 1895; ст. 14.08.1895; за отличие). Командир л.-гв. 2-го стр. батальона (14.08.1895-16.03.1900). С 1908 г. произведён в ген. от инф. и назначен помощником командующего штата войск гв. и СПб. ВО.	Помощник Глщего войсками гвардии и Петербургского ВО (26.08.1908-23.08.1912).
5)генерал от артиллерии Фан дер Флит Константин	9.04.1913-19.07.1914	I Московский кадетский корпус с производством 12 июня 1863 в чин хо-	1МКК. Хорунжий л.-гв. конноартиллерийской бригады – 1863.	1866, 1868, 1873,

Петрович (19.09.1844 -)	гг.	рунжего и зачислением в л.-гв. конно-артиллерийскую бригаду.	Адъютант военного губернатора Туркестанской обл. – 1867-1873. Числится по л.-гв. Конной артиллерии, 5 батарея. Помощник ком. войсками Одесского ВО – 1908-1913. Ген.-л. – 1900.	1877-78, 1904-1905.
Нач. штаба войск Гвардии и СПБ. ВО.				
1)фон Розенбах Николай Оттонович (Фромгольд Николай) (1836-1901), генерал от инфантерии с 1895, генерал-адъютант с 1880.	1878 – нач. штаба Гвардейского корпуса. 11.01.1881-21.02.1884 гг. – нач. штаба войск гвардии и СПб. ВО.	Из дворянского рода Эстляндской губернии, возведенного в дворянское достоинство Шведского королевства. Школа гв. прапорщиков и кавалер юнкеров. С 1854 г. прапорщик л.-гв. Преображенского полка. 1863. 1863 – капитан л. гв. Стрелкового ЕИВ батальона. Сохранен мундир л.-гв. Павловского полка. Числится в ГШ.	1970-1877 ком. Л.-гв. Павловского полка, с 1877 2 бригада 2 ГПД. 1875 Свиты ЕИВ ген.-майор. Ранен при штурме Горного Дубняка. Февраль 1884 – октябрь 1889 туркестанский ген.-губернатор и ком. Войсками Туркестанского ВО. В качестве губернатора получал 23534 р. (1889). С ноября 1891 член Гос. Совета.	
2)Бобриков Николай Иванович (15.01.1839-4.06.1904); генерал от инфантерии с 1897; генерал-адъютант с 1898 г.	26.02.1884-17.08.1898 гг.	Сын доктора медицины, члена Военно-медицинского ученого комитета, действительного статского советника; 1 кадетский корпус, в 1858 выпущен подпоручиком в 1-й гренадерский стрелковый полк, в ноябре 1860 прикомандирован к л.-гв. Уланскому Его ИВ полку, в апреле переведен в полк корнетом. С 1862 по 1864 НАГШ (1-й разряд), причислен к ГШ. С октября 1876 состоит при командующем войсками гвардии. Участник 1877-78, при Николае Николаевиче-старшем. 1878 Свиты ЕИВ ген.-м.	1897 генерал от инфантерии, с марта 1898 член Военного Совета с оставлением в прежней должности. С августа 1898 г. Финляндский ген.-губ., командующий войсками Финл. ВО. С мая 1900 член Гос. Совета. Был убит 3 июня 1904 г. сыном бывшего финляндского сенатора Е. Шауманом. 1889 г. - Жалование – 1356 р., столовых – 2400 р., добавочн. – 2500 р. Особо добавочн – 1500 р./7756 р. (с.304)	

3)Васмунд Георгий Робертович (1840-1904)	1898-1904 гг.	Прапорщик л.-гв. 4-го стрелкового Имп. Фам. Бат-на. МАУ. 1862-63 гг. с 1874 адъютант в. к. Владимира Александровича. 1877-78. Георгий 4. 1890-93 гг. командир л.-гв. Измайловского полка. 1893-98 – 1-я бригада, 2-я бригада 1-й ГПД.	Числится 1 л.-гв. Стрелковом бат.	
4)Брилевич Александр Васильевич (23.02.1853 -)	26.10.1905-22.12.1906 гг.	Числится в списках л.-гв. Гренадерского полка. Петровско-Полтавская военная гимназия - 1868. КВУ – подпоручик 1870, НАГШ (1 р.). 1877-78. Анна 3, меч, бант. 1898 – состоял для особых поручение при главкоме войсками гвардии и СПб. ВО. 1882-1886 – шт. офицер для особых поручений при шт. гвардии и СПб. ВО. 1886-90 ст. адъютант того же штаба. 1890-1898 нач. штаба 2-й ГПД. 24.08.1898 – ген.-майор. 1898-1901 - командир л.-гв. Гренадерского полка. 1901-1904 – нач. офиц. Стрел. Шк. 1904-1905 – командующ. 13 пех. див. (стр. 420 – 1906 г.)	Женат, 4 ребенка. Жалование – 1500 р., столовых – 2700 р., добавочн. – 2200 р./5400 р.	Командирский крест Франц. Орден почетного легиона – 1903 г.
5)Раух Георгий Оттонович (19.08.1860)	22.12.1906-9.09.1908 гг.	ПК, в Кавалергардский Ея в.полк (см. Панчулидзев). НАГШ (1 р.) состоял для особых поручение при главкоме войсками гвардии и СПб. ВО – 1891-1894. Ст. офицер для особых поручений при шт. ген. инсп. кавалерии 1900-1901. Ком. Л.-гв. Кирас. Его И.В. полка 1903-1905. Свиты Его И.В. ген. майор – 1905. (стр. 1280 – 1906 г.)	Холост.	
6)барон фон ден Бринкен Александр-Павел Фридрихович (28.08.1859 -	1908-1912 гг.	Образование получил в Полоцкой военной гимназии. ПВУ (1880). Выпущен Подпоручиком (ст. 08.08.1879). Переведен	Ген-майор (пр. 1904; ст. 02.05.1904; за отличие). Участник русско-японской войны 1904-05.	Начальник штаба войск Гв. и Петербург-

25.03.1917). Лютеранин.		Прапорщиком (ст. 08.08.1879) в л-гв. Гренадерский полк. Подпоручик (ст. 08.04.1884). Поручик (ст. 01.01.1885). Окончил Николаевскую академию генштаба (1886; по 1-му разряду).	Женат, 2 детей.	ского ВО (12.09.1908-26.08.1912).
7)Гулевич Арсений Анатольевич (14.02.1866 - 12.04.1947)	1912-1914 гг.	3 МКК (1883). 3 АВУ (1885). Выпущен подпоручиком (ст. 07.08.1885) в л-гв. Финляндский полк. Поручик (ст. 07.08.1889). Окончил Николаевскую академию генштаба (1892; по 1-му разряду). Заслуженный профессор НАГШ. Числится в списках л.-гв. Преображенского полка.	Командир л-гв. Преображенского п. (09.10.1908-26.08.1912). Зачислен в Свиту Его В-ва (27.06.1909).	Начальник штаба войск Гв. и Петербургского ВО (с 26.08.1912).

Приложение 75. Параметры «участие в боевых действиях», «награждение боевыми орденами» и «скорость карьерного роста» командиров 1-й гвардейской кавалерийской дивизии.

ФИО	Участие в боевых действиях	Награждение орденами и особыми наградами	Скорость карьерного роста
граф А.И. Мусин-Пушкин (2)	1848-49 1853-56	Св. Станислав 1 ст. - 1870, Св. Анна 1 ст. - 1872, Св. Владимира 2 ст. - 1878, Белого орла – 1882 (боевых орденов нет)	19
Н.П. Эттер (2)	1853-1856 1877-78	Св. Станислава 1 ст. «с мечами» - 1878, Золотая сабля с надписью «за храбрость» - 1878.	23
князь И.Ф. Шаховской (3)	1849 1850-53 (Кавказ) 1853-1856	Св. Анна 4 ст. с надписью «за храбрость» – 1849.	22
А.П. Струков (1)	1877-87	1877 год: - Золотое оружие, - *Св. Георгия 4 ст.*, - мечи к Св. Владимира 3 ст. - назначение в Свиту 1878 год: золотое бриллиантами украшенное оружие.	19
Н.Н. Шипов (1)	1878	боевых орденов нет	18
в. к. Павел	-	-	19

Александрович			
г.-л. И.С. Зыков	-	-	15
Н.Н. Одоевский-Маслов	-	-	29
Н.Ф. фон Крузенштерн (1)	1877-1878	Св. Станислава 3 ст. с «мечами и бантом» - 1878	30
Н.Н. Казнаков (1)	1877-78	1878 год: - Св. Станислава 3 ст. с «мечами и бантом», - Св. Анны 4 ст. с «мечами и бантом»; 1879 год: - Св. Анны 3 ст. с «мечами и бантом»	31

Приложение 76. Параметры «участие в боевых действиях», «награждение боевыми орденами» и «скорость карьерного роста» командиров 2-й гвардейской кавалерийской дивизии.

ФИО	Участие в боевых действиях	Награждение орденами и особыми наградами	Скорость карьерного роста
В.Ф. Винберг (2)	1863-65, 1877-78	1863 год: - Св. Владимир 4 ст. с «мечами и бантом»; - Св. Анны 2 ст. с «мечами».	21
в.к. Николай Николаевич Младший (1)	1877-78	1877 год: - Св. Георгия 4 ст., - золотое оружие - «Pour le Merite»	
В.М. Остроградский (1)	1877-1878	1878 год: - Св. Владимир 4 ст. с «мечами и бантом»; - Св. Анны 2 ст. с «мечами». 1879 год: - золотое оружие	22
в.к. Дмитрий Константинович	-	-	
Г.А. Скалон (1)	1877-78	1877 год: - Св. Станислава 2 ст. с «мечами» - Св. Владимира 4 ст. с «мечами и бантом». - Св. Анны 2 ст. с «мечами» - 1878; - «золотое оружие» - 1879	28
А.А. Брусилов (1)	1877-78	1878 год: - Св. Станислава 3 ст. с «мечами и бантом»; - Св. Анны 3 ст. с «мечами и бантом» - Св. Станислава 2 ст. с «мечами».	28
В.М. Безобразов	1877-78	1878 год:	23

(1)		- Св. Анны 4 ст. с «мечами и бантом»; - Св. Станислава 3 ст. с «мечами и бантом».	
Г.О. Раух	-	-	24

Приложение 77. Фактор брачных отношений и наличия детей у офицеров 1 и 2 гвардейских кавалерийских дивизий.

№	Ф.И.О.	Наличие жены	Общее количество детей	Ф.И.О.	Наличие жены	Общее количество детей
1	граф А.И. Мусин-Пушкин	фрейлина **О.А. Пашкова**	4*	В.Ф. Винберг	О.И.Вельц	3 – СГ, 1896. С.86
2	князь И.Ф. Шаховской	женат	5	в.к. Николай Николаевич Младший	Анастасия Николаевна, урожденная принцесса Черногорская	-
3	Н.П. Эттер	женат	?	В.М. Остроградский	А.Н.Жомини	4
4	А.П. Струков	холост	-	в.к. Дмитрий Константинович****	-	-
5	Н.Н. Шипов	С.П.Ланская	5**	Г.А. Скалон	М.И.Корф	2
6	в.к. Павел Александрович	Состоял в браке дважды	От 1-го брака - 2; от 2 брака – 3***	А.А. Брусилов	А.Н. фон Гагемейстер	1*****
7	И.С. Зыков	женат	2	В.М. Безобразов	Н.В. Стенбок-Фермор.	7
8	князь Н.Н. Одоевский-Маслов	женат	-	Г.О. Раух	женат	2 (СГ, 1908. С.741

						)
9	Н.Ф. фон Крузенштерн	холост	-			
10	Н.Н. Казнаков	женат	-			

**старший сын служил в л.-гв. Кавалергардском полку*

***его сын Николай, командовал л.-гв. Кавалергардским полком, входил в ближайшее окружение Николая II*

**** 1 брак: греческая принцесса Александра Георгиевна (1870-1891), старшая дочь короля Эллинов Георга I. Умерла 12.09.1891 вследствие преждевременных родов. Дети воспитывались в бездетной семье великого князя Сергея Александровича. 2 брак: Ольга Викторовна Пистолькорс, урождённая Карнович, жена бывшего подчинённого великого князя п-ка Эриха фон Пистолькорс.*

*****великий князь получил репутацию откровенного женоненавистника.*

******его сын Алексей (1887-1919), офицер л.-гв. Конно-гренадерского полка.*

Приложение 78. Размер жалования отдельных офицеров-начальников гвардейских кавалерийских дивизий.

ФИО	командование дивизией	жалование	столовые	добавочные	особо добавочные	всего	аренда	источник*
1-я дивизия								
Н.П. Эттер	1884-1886	1356 р.	2400 р.	1500 р.	-	**5256 р.**	-	1889. С.299.
Князь И.Ф.Шаховской	1881-1883, 1886-1892	1356 р.	2400 р.	1500 р.	2500 р.	**7756 р.**	1500 р.	1883. С.302.
Павел Александрович	1896-1898	1017 р.	2400 р.	2700 р.	-	**4917 р.**	-	1896. С.817
И.С.Зыков	1899-	1800	4200 р.			**6000**	-	СГ, 1903.

	1903	р.				**р.**		С.359
2-я дивизия								
В.Ф.Винберг	1886-1890	1356 р.	2400 р.	1500 р.	1500 р.	**6756 р.**	1500 р.	1889. С.255
В.М.Остроградский	1895-1896 1896-1901	1356 р.	2400 р.	1500 р.	1500 р.	**6756 р.**	-	1896. С.447.
Г.А.Скалон	1901-1905	1800 р.	4200 р.	500 р. (и квар-тир-ные)	1500 р.	**8000 р.**	-	1903. С.454.

**в качестве источника использовались «Списки генералам по старшинству» (указ год издания и страница)*

Приложение 79. Особенности «последующего карьерного роста» командиров 1-ой и 2-ой гв. кавалерийских дивизий.

ФИО	**Посл. воинское звание (включая Свита Е.И.В.) до 1914 г.**	**Последняя занимаемая должность до 1914 г.**
1-я ГКД		
Граф А.И. Мусин-Пушкин	Генерал-от-кавалерии (1890)	- С 1881 командующий 5-го армейского корпуса. - В 1887 помощником командующего войсками Варшавского военного округа. - командир Гвардейского корпуса - В 1890 командующим Одесским военным округом
Н.П. Эттер	-	-
Князь И.Ф. Шаховской	- генерал-адъютант (1879) - генерал-от-кавалерии	- начальник штаба Варшавского военного округа (1875) - командир 11-го армейского корпуса (на 1892) - командующий войсками Киевского военного округа – до 1894 г.

	(1892).	
А.П. Струков	- генерал-от-кавалерии (1898), - генерал-адъютант (1903)	-25.06.1883 ком. 4-й кав. див. - 24.02.1893 назначен инспектором ремонтирования кавалерии и бригад кавалерийского запаса
Н.Н. Шипов	- генерал-от-кавалерии (1906), - генерал-адъютант (1906)	- в 1885-1893 гг. военный губернатор и наказной атаманом Уральского казачьего войска. - впоследствии был помощником Финляндского генерал-губернатора. - с 1 января 1911 - член Государственного Совета по назначению.
В.к. Павел Александрович	-	- командующий Гвардейским корпусом (25 декабря 1898-14 октября 1902).
И.С. Зыков	генерал-от-кавалерии (6.12.1907)	- 29 ноября 1903 – ком. 2-го кав. корп. - 23 декабря 1906 - возглавил 16-й армейский корп. - 21 мая 1908 отчислен от должности командира корпуса с назначением состоять в распоряжении военного министра. - 31 июля 1908 уволен от службы с мундиром и пенсией.
Князь Н.Н. Одоевский-Маслов	- генерал-адъютант (1913) - генерал-от-кавалерии (1914; «за отличие»)	- начальник 10-й (1903-1904) - войсковой наказной атаман Войска Донского (1905-1907). - с 19.04.1907 зав. придворной частью в Москве и начальник Московского дворцового управления, одновременно с 10.08.1909 почетный опекун, затем председатель Московского присутствия Опекунского совета учреждений Императрицы Марии (с 1914).
Н.Ф. фон Крузенштерн	- генерал-от-инфантерии – (1913)	- 23 декабря 1910 – начальник 18 армейского корпуса в составе 23-й и 37-й пехотных дивизий.
Н.Н. Казнаков	- генерал-лейтенант (1910)	-
2-я ГКД		
В.Ф. Винберг	- генерал-от-кавалерии (1895)	- командовал 10-м армейским корпусом (1890-1901) - 15 сентября 1901 был назначен членом Военного совета и пробыл в этой должности до 1 января 1909, когда вышел в отставку.

		(СГ, 1910. с.8) - в том же месяце вернулся на службу с назначением почетным опекуном в Петербургское присутствие Опекунского Совета учреждений Императрицы Марии.
В.к. Николай Николаевич-младший		
В.М. Остроградский	Генерал-от-кавалерии (1906)	- с июля 1905 по 1917 г. занимал пост генерал-инспектора кавалерии.
В. к. Дмитрий Константинович	-	-
Г.А. Скалон	- генерал-адъютант (1903) - генерал-от-кавалерии (1906; «за отличие»)	- с 15.05.1905 - помощник командующего войсками Варшавского военного округа. - с 15.08.1905 до 1914 - Варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского ВО (сменив в должности генерала К.К. Максимовича).
А.А. Брусилов	- генерал-от-кавалерии (1912). - генерал-адъютант (1915).	С 5.01.1909 – ком. 14-го арм. корп. С 5.12.1912 - помощник ком. войсками Варшавского ВО. С 15.08.1913 – ком. 12-го арм. корп.
В.М. Безобразов	- генерал-от-кавалерии (1913) - генерал-адъютант (15.12.1914)	- с 29.01.1912 – ком. Гвардейского корпуса (в составе 1-й и 2-й гвардейских пехотных дивизий, гвардейской стрелковой бригады). (СГ, 1914. С.147)
Г.О. Раух	- генерал-лейтенант (1908)	-

Приложение 80. Командиры гвардейских пехотных дивизий в 1881-1914 г. г.

1-я гв. пехотная[1]	2-я гв. пехотная	3-я гв. пехотная

[1] Следует отметить, что еще одним командиром (командующим) дивизией в 1904 г. являлся генерал-адъютант, г.-л. С.С. Озеров. Указанный генерал был исключен из списков в связи с «инцидентом» в л.-гв.

Фамилия, период командования дивизией	**Фамилия, период командования дивизией**	**Фамилия, период командования дивизией**
1)г.-м. Свиты Е.И.В. (с 1880 г.-адъютант, с 30.08.1881 г.-л.) принц А.П. Ольденбургский - 1880-1884 2)М.П. Данилов – 1884-1889 3)Н.Н. Малахов – 1888-1889 4)г.-адъютант, г.-м. Свиты (с 1896 г.-л.) князь Н.Н. Оболенский – 1889-1897 5)О.-Ф.К. Гриппенберг – 1897-1898 6)Г.Р. Васмунд – 1898 7)Г.И. Бобриков – 1898-1901 8)граф А.А. Стенбок-Фермор – 1901-1904 9)барон А.Е. Зальца – 1904-1905 10) г.-м. Свиты Е. И. В. П.А. Лечицкий – 1906-1908 11)И.И. Мрозовский – 1908-1912 12)В.А. Олохов – 1912-1914	1)г.-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков – 1878-1881 2)А.А. Тимофеев – 1881-1885 3)А.К. Рихтер – 1885-1891 4)С.В. Рыкачёв – 1891-1895 5)Ю.В. Любовицкий – 1895-1897 6)Р.Т. фон Мевес – 1897-1899 7)Е.М. Бибиков – 1899-1900 8)Н.Ф. Мешетич – 1900-1904 9)В.И. Троцкий – 1904-1905 10)В.Н. Данилов – 1905-1906 11)И.А. Романенко – 1907-1908 12)Н.П. Михневич – 1908-1910 13)Л.В. Леш – 1910-1912 14)В.Е. Флуг – 1912-1913 15)А.А. Ресин – 1912-1914	1)В.Д. Дандевиль - 1877-1887 2)Н.Ф. Бардовский – 1887-1890 3)П.А. Разгильдяев – 1890-1894 4)граф Д.Е. Комаровский – 1894-1898 (видимо сын Е.Комаровского (у Шереметьева С.77) 5)К.А. Вейс – 1898-1901 6)барон А.Н. Меллер-Закомельский – 1901-1904 7)П.Д. Ольховский – 1904-1908 8)Я.Ф. Шкинский – 1908-1910 9)О.-Л.О. Сирелиус – 1910-1914
ВСЕГО: 12 чел.	**ВСЕГО: 15 чел.**	**ВСЕГО: 9 чел.**

Приложение 81. Особенности этнического происхождения командиров ГПД, исповедующих протестантизм и католицизм.

Преображенском полку и уволен со службы «без права ношения мундира». Информация в отношении указанного фигуранта нашего исследования дается далее по тексту.

Фамилия, инициалы	Вероисповедание	Вероятное происхождение
принц А.П. Ольденбургский	лютеранин	Владетельный Дом Гольштейн-Готторпский, младшая линия.
О.-Ф.К. Гриппенберг	лютеранин	Шведский дворянский род
А.К. Рихтер[1]	лютеранин	Происходил из остзейских немцев (Лифляндия). Основатель рода – уроженец Силезии Христофор Рихтера. Возведен в дворянство в 1569 г.
К.А. Вейс (Weiss)[2]	лютеранин	Немецкое происхождение, из дворян Эстляндской губ.
О.Л.О. Сирелиус	лютеранин	Четких указаний на происхождение фамилии не выявлено. По косвенным признакам можно предположить, что фамилия имеет шведское происхождение. О.Л.О Сирелиус являлся сыном г.-м. Отто Арвида Фердинанда Сирелиуса (1818-1892). Генерал имел земельную собственность в Финляндии.
Р.Т. фон-Мевес	католик	Фон-Мевесы ведут свое происхождение из Померании, дворянское достоинство получено в XVII в. Русская линия происходит от некого Якова, одного из строителей флота Петра I. Род фон-Мевесов внесен в II-ю и III-ю части родословных книг Бессарабской, Витебской, Владимирской, Волынской и Московской губерний.
Ю.В. Любовицкий	католик	Польское происхождение, дворянское

[1] Фамилия, входящая в перечень дворянских родов, внесённых в Лифляндский Рыцарский матрикул. Период «Инфлянтского» (Лифляндского) воеводства королевства Польши (1561-1629 гг.)

[2] Фамилия, относящаяся к 3-му классу фамилий, внесённых в Рыцарский матрикул Эстляндии. Дворянские роды периода Российской империи (1710-1918 гг.).

		достоинство XVII в.

Приложение 82. Связь командиров ГПД с императорской гвардией на начальном этапе службы (после окончания военно-учебных заведений)

	1 ГПД	**2 ГПД**	**3 ГПД**	**Всего**
ГВ. ПЕХОТА				
Л.-гв. Преображенский п.	1	-	1	2
Л.-гв. Семеновский п.	-	1	-	1
Л.-гв. Измайловский п.	-	1	-	1
Л.-гв. Егерский п.	2	1	-	3
Л.-гв. Павловский п.	-	2	2	4
Л.-гв. Финляндский п.	-	2	-	2
Л.-гв. Волынский п.	-	-	2	2
Л.-гв. Московский п.	-	-	1	1
Л.-гв. 4-й стрелковый Императорской Фамилии п.	2	1	-	3
Всего:	5	8	6	19
ГВ. КАВАЛЕРИЯ				
Л.-гв. Конный п.	-	1	-	1
Л.-гв. Уланский Ея И.В. п.	1	-	-	1
Л.-гв. Гусарский Е.В. п.	1	-	1	2
Всего:	2	1	1	4
ГВ. АРТИЛЛЕРИЯ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЧАСТИ				
Л.-гв. Конно-артиллерийская бр.	-	1	-	1
3-я гв. и гренадерская бр.	1	-	-	1

Л.-гв. Саперный бат.	-	1	-	1
АРМЕЙСКИЕ ЧАСТИ	4	3	2	10
Всего:	**12**	**15**	**9**	**36**
Всего, выпущенных в гвардию:	**8 (67%)**	**12 (80%)**	**7 (78%)**	**27 (75%)**

Источник: СГС. СПб.:1883, 1886, 1891, 1896, 1899, 1905, 1906, 1914.

Приложение 83. Особенности военной карьеры командиров 1, 2 и 3 гвардейских пехотных дивизий: параметр командования гв. полком/гв. стрелковым батальоном и гв. соединением (бригадой).

Фамилия, инициалы	**Командование гв. полком, период**	**Командование гв. бригадой, период**
1 ГПД		
1.принц А.П. Ольденбургский	л.-гв. Преображенский п. - 1870-1876 гг.	1-я бригада 1-ой гв. пехотной дивизии - 1876-1880 гг.
2.князь Н.Н. Оболенский	л.-гв. 2-й стрелковый бат. – 1874-1876 гг.	1)1-я бригада 1-й гв. пехотной дивизии – 2)гв. стрелковая бригада -
3.О.-Ф.К. Гриппенберг	1)в ком. л.-гв. 2 стрел. бат. – 19.03.-25.10.1877 2)л.-гв. Московский п. - 1877-1883 гг.	1)1-я бригада 1-й гв. пехотной дивизии - 1888-1889 гг. 2)гв. стрелковая бригада -1889-1897 гг.
4.Г.Р. Васмунд	1)л.-гв. 1-й стрелковый Е.В. бат. – 1877-1890 гг. 2)л.-гв. Измайловский п. – 1890-1893 гг.	1)1-я бригада 1-ой гв. пехотной дивизии - в 1893 г. 2)2-я бригада 1-й гв. пехотной дивизии -
5.В.А. Олохов	л.-гв. Литовский п. – 1903-1908 гг.	2-я бригада 3-й гв. пехотной дивизии - 1908-1909 гг.
2 ГПД		
1.граф И.И. Воронцов-Дашков	л.-гв. Гусарский Е.В. п. – 1867-1874 гг.	2-я бригада 2-й гв. кавалерийской дивизии – 2.10.1873-21.10.1874 г.
2.С.В. Рыкачёв	л.-гв. Волынский п. - 1881-1886 гг.	-

3.Ю.В. Любовицкий	л.-гв. Гренадерский п. – 1876-1877 гг.	1-я бригада 2-й гвардейской пехотной дивизии – 1881-1888 г.
4.Р.Т. фон Мевес	1)л.-гв. 2-й стрелковый бат. - 1878-1884 гг. 2)л.-гв. Павловский п. – 1884-1894 гг.	2-я бригада 2-й гв. пехотной дивизии - 30.03.1893-
5.Е.М. Бибиков	1)л.-гв. резервный п. – 8.10.1889 – 7.05.1891 гг. 2)л.-гв. Финляндский п. – 1891-1895 гг.	2-я бригада 2-й гв. пехотной дивизии -
6.Н.Ф. Мешетич	1)л.-гв. 2-й стрелковый бат. – 1891-1895 гг. 2)л.-гв. Финляндский п. - 1895-1899 гг.	начальник Штаба Гвардейского корпуса - 1899
7.В.И. Троцкий	л.-гв. Павловский п. – 1900-1903 гг.	2-я бригада 2-й гв. пехотной дивизии - 10.05.1903
8.Л.В. Леш	-	Гв. стрелковая бригада – 1908-1910 гг.
9.А.А. Ресин	1)л.-гв. Кексгольмский Императора Австрийского п. - 1905-1909 гг.	1)2-я бригада 3-й гв. пехотной дивизии - 1909-1910 гг. 2)Гвардейская стрелковая бригада - 1910-1913 гг.
3 ГПД		
1.К.А. Вейс	л.-гв. Литовский п. - 1886-1895 гг.	1-я бригада 3-й гв. пехотной дивизии - 4.02.1891
2.О.-Л.О. Сирелиус	л.-гв. Егерский п. - 1903-1906 гг.	1-я бригада 1-й гв. пехотной дивизии - 1906-1908 гг.[1]

Источник: СГС. СПб.:1883, 1886, 1891, 1896, 1899, 1905, 1906, 1914.

Приложение 84. Участие командиров 1-й гвардейской пехотной дивизии в боевых действиях (с указанием боевых наград).

Фамилия, инициалы	**Компания**	**Число**	**Награждение боевыми орденами, оружием[1]**	**Награждение орденом св.**

[1] Указанный офицер был едва не уволен со службы в связи с «инцидентом» в л.-гв. Преображенском полку (см. Редигер А.Ф. Указ. изд. – Т.2. – С.61).

		комп.		**Георгия**
1.принц А.П. Ольденбургский	1877-78 гг.	1	В 2 м., ЗО «за храбрость» – 1878.	Г4 – 1878.
2.М.П. Данилов	1849 1853-56 1863-64, 1877-78	4	В4 м, б – 1855; В2 м. – 1864; В2 м - 1879. Бриллиантовый перстень с вензелем Высочайшего имени – 1867, золотая украшенная бриллиантами табакерка с вензелем Высочайшего имени - 1886	Г4 (за бой 28.11.1877 г. под Плевной).
3.Н.Н. Малахов	1849, 1877-1878	2	ЗО за отличие в бою под Церковной – 1878; С1 м – 1878; А1 м – 1878.	-
4.князь Н.Н. Оболенский	1853-56 1863-64 1877-78	3	В3 м., ЗО – 1878.	Г4 – 1879.
5.О.-Ф.К. Гриппенберг	1853-56 1863-64 1866-69 1877-78 1904-05	5	А3 м б – 1867; С3 м б – 1868; ЗО, С2 м. кор. – 1869; В3 м, С1 м – 1878. В 1868 г. был ранен.	Г4 – 1868; Г3 (№567) – 7.04.1878.
6.Г.Р. Васмунд	1863 1877-78	2	С3 м б – 1863; В4 м; ЗО – 1878; А2 м – 1879.	Г4 – 1877.
7.Г.И. Бобриков	1877-1878	1	ЗО «за храбрость» - 1878.	Г4 - 23.12.1878.
8.граф А.А. Стенбок-Фермор	1855, 1877-1878	2	Боевых наград не имеет.	-
9.бар. А.Е. Зальца	1863-64 1877-78	2	С3 м б; А4 «за храбрость» - 1863; ЗО «за храбрость» - 1877; С2 м	Г4 -1878.

[1] Список сокращений: БО – орден Белого Орла; В – орден Св. Владимира (цифра обозначает степень ордена); А – орден Св. Анны; С – орден св. Станислава; Г – орден св. Георгия; ЗО – «золотое оружие» («золотая сабля»); м – «с мечами», б – «с бантом», кор. – «с Императорской короной».

			б – 1878; В4 м б – 1878.	
10.П.А. Лечицкий	1900-1901 1904-1905	2	С2 м – 1901; В4 м б – 1903; ЗО, флиг.-ад. – 1904; В3 м, г.-м. за «боевые отли-чия» - 1905; Свиты Е.В. – 1905.	Г4 – 1904.
11.И.И. Мрозовский	1877-1878 1900-1901 1904-1905	3	В3 м, ЗО – 1901; г.-м. за «боевые отли-чия» – 1903; А1 м – 1905.	Г4 – 1907.
12.В.А. Олохов	1877-1878	1	С3 м б – 1878; А3 м б – 1879.	-

Источник: СГС. СПб.:1883, 1886, 1891, 1896, 1899, 1905, 1906, 1914.

Приложение 85. Участие командиров 2-й гвардейской пехотной дивизии в боевых действиях (с указанием боевых наград).

Фамилия, инициалы	**Компания**	**Число комп.**	**Награждение боевыми орденами, оружием**	**Награждение орденом св. Георгия**	**Полученные ранения**
1.граф И.И. Воронцов-Дашков[1]	1859-62 – б/д на Кавказе; 1865-66 1877-78[2]	3	ЗО «за храбрость» - 1862; В4 м б – 1865; В3 м – 1867; БО м - 1878	Г4 – 1867; Г3 – 1915.	-
2.А.А. Тимофеев	1863-64 1877-78	2	В4 м б – 1863; ЗО «за храбрость» - 1864.	Г4 – 6.09.1877.	-
3.А.К. Рихтер	1853-55 1866	3	- за уч. в Севастопольской обороне прибавл. к службе 9 лет, 3 мес. и 3	Г3 – 1877.	-

[1] Граф И.И. Воронцов-Дашков единственным из рассматриваемой группы офицеров был награжден орденом Святого Андрея Первозванного и бриллиантовыми знаками к нему (1896, 1894 гг.)
[2] Командовал кавалерией Рущукского отряда.

	1877-78		дня; - за уч. в делах в 1855 нагр. чином пор. и бантом к А3 м; А2 м – 1866; С1 м. - 1878.		
4.С.В. Рыкачёв	1853-1856 1863-64 1877-78	3	- контужен; - В3 м	Г4 – 1877.	-
5.Ю.В. Любовицкий	1855 1871 1877-1878	3	г.-м. – 1877 («за боев. отличия»); ЗО, В3 м, С1 м – 1878.	Г4 – 1871; Г3 – 1879	1877 – ранен 2 пулями под Г. Дубняком.
6.Р.Т. фон Мевес	1863-64 1877-78	2	С3 м.б. – 1864; В4 м б – 1878; А2 м и ЗО «за храбрость» - 1879.	-	1863 – контужен; 1877 - ранен и контужен
7.Е.М. Бибиков	1863-64 1877-78	2	С3 м б; А3 м б – 1864; В4 м б – 1878.	Г4 – 1878.	-
8.Н.Ф. Мешетич	1877-1878	1	С2 м – 1878; В4 м б, А2 м – 1879.	-	-
9.В.И. Троцкий	1877-1878	1	В4 м б, С2 м, А2 м – 1878.	-	-
10.В.Н. Данилов	1877-1878 1904-1905	2	г.-л. – «за боевые отличия»; ЗО – 1906; А1 м – 1906.	Г4 – 1906; Г3 – 1907.	1878 – ранен; 1905 – ранен
11.И.А. Романенко	1877-1878	1	Боевых наград нет.	-	-
12.Н.П. Михневич	1877-1878	1	С3 м б – 1878.	-	-
13.Л.В. Леш	1900-1901 1904-05	2	С2 м – 1901; А2 м – 1904; В4 м б, В3 м – 1905.	Г4 - 1904	В сражении под Лаояном контужен.
14.В.Е. Флуг	1900-1901 1904-1905	2	В4 м б – 1900; ЗО – 1901; г.-м. «за боевые отличия» – 1903; В3 м – 1904; С1 м; А1 м – 1905.	-	-
15.А.А. Ресин	1877-1878	1	С3 м б, А3 м б – 1878.	-	-

Источник: СГС. СПб.:1883, 1886, 1891, 1896, 1899, 1905, 1906, 1914.

Приложение 86. Участие командиров 3-й гвардейской пехотной дивизии в б/д и награждение их «боевыми наградами».

Фамилия, инициалы	**Компания**	**Число комп.**	**Награждение боевыми орденами, оружием**	**Награждение орденом св. Георгия**
1.В.Д. Дандевиль	1849 1853 1859 1877-1878	4	Подполковник («за боевые отличия») – 1853; г.-л. («за боевые отличия») – 1877; А4 «за хр.» - 1849; В4 м б – 1860; В3 м - 1864	Г4 - 1878, Г3 – 1878.
2.Н.Ф. Бардовский	1863-64 1873-74	2	В4 м б – 1863; С1 м – 1873; ЗО – 1874.	-
3.П.А. Разгильдяев	1853-56 1863-64 1877-78	3	ЗО «за храбрость» - 1877; С1 м – 1878.	Г4 - 6.07.1877.
4.Д.Е. Комаровский	1855 1863 1869-70 1877-78.	4	В4 м б – 1870; ЗО – 1879.	-
5.К.А. Вейс	1863-64 1877-78	2	С3 м.б. – 1864; В4 м б; ЗО «за храбрость» - 1877; В3 м б – 1878.	Г4 - 30.03.1879.
6. барон А.Н. Меллер-Закомельский	1863-64 1873 1875 1877-78	4	С3 м б А3 м б – 1863; ЗО (за взятие Ферганы) – 1874; С2 м – 1875; А2 м – 1877; В4 м б – 1879.	Г4 – 1876.
7.П.Д. Ольховский	1877-78	1	Боевых наград не имеет	-
8. Я.Ф. Шкинский	1877-78, 1904-1905	2	С3 м б – 1878.	-
9.О.-Л.О. Сирелиус	Не принимал	-	Боевых наград не имеет	-

Источник: СГС. СПб.:1883, 1886, 1891, 1896, 1899, 1905, 1906, 1914.

Приложение 87. Особенности семейного положения офицеров-командиров гвардейских пехотных дивизий.

№	**Ф.И.О.**	**Наличие жены**	**Общее количество детей**

1 ГПД			
1	г.-адъютант, г.-л. принц А.П. Ольденбургский - 1880-1884	женат	1 ребенок
2	г.-л. М.П. Данилов – 1884-1889	холост	-
3	г.-л. Н.Н. Малахов – 1888-1889	женат	4 детей
4	г.-адъютант, г.-л. князь Н.Н. Оболенский – 1889-1897	Женат на Марии Владимировне Храповицкой	2 сына, 1 дочь
5	г.-л. О.-Ф.К. Гриппенберг – 1897-1898	женат	3 детей
6	г.-л. Г.Р. Васмунд – 1898	Женат на дочери инженер-генерал-лейтенанта Темляковского Антонине Аркадьевне	2 детей (сын: Владимир (1872), дочь: Евгения (1874))[1]
7	г.-л. Г.И. Бобриков – 1898-1901	женат	4 детей
8	г.-л. граф А.А. Стенбок-Фермор – 1901-1904	женат на княжна Маргарите Сергеевне Долгоруковой	3 детей
9	г.-л. барон А.Г. Зальца – 1904-1905	женат	3 детей
10	г.-м. Свиты Е. И. В. П.А. Лечицкий – 1906-1908	холост	-
11	г.-л. И.И. Мрозовский – 1908-1912	холост	-
12	В.А. Олохов – 1912-1914	женат	6 детей
2 ГПД			
13	г.-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков – 1878-1881	женат	8 детей
14	г.-л. А.А. Тимофеев – 1881-1885	женат	?
15	г.-л. А.К. Рихтер – 1885-1891	женат	5 детей
16	г.-л. С.В. Рыкачёв – 1891-1895	женат	1 сын
17	г.-л. Ю.В. Любовицкий – 1895-1897	женат	3 детей
18	г.-л. Р.Т. фон Мевес – 1897-1899	женат	4 детей
19	г.-л. Е.М. Бибиков – 1899-1900	женат	2 детей

[1] РГВИА. Ф.2587. Оп. II. Д.150 (… л.–гв. 1-й стрелковый батальон). Л.215

20	г.-л. Н.Ф. Мешетич – 1900-1904	женат	3 детей
21	г.-л. В.И. Троцкий – 1904-1905	женат	3 детей
22	г.-л. В.Н. Данилов – 1905-1906	женат	?
23	г.-л. И.А. Романенко – 1907-1908	женат	4 детей
24	г.-л. Н.П. Михневич – 1908-1910	женат	1 дочь
25	г.-л. Л.В. Леш – 1910-1912	женат	3 сына
26	г.-л. В.Е. Флуг – 1912-1913	женат	3 детей
27	г.-л. А.А. Ресин – 1912-1914	холост	-
3 ГПД			
28	г.-л. В.Д. Дандевиль - 1877-1887	женат	3 детей
29	г.-л. Н.Ф. Бардовский – 1887-1890	женат	-
30	г.-л. П.А. Разгильдяев – 1890-1894	женат	4 детей
31	г.-л. граф Д.Е. Комаровский – 1894-1898	женат на Эмилии Николаевне Марты-новой	1 дочь, 1 сын
32	г.-л. К.А. Вейс – 1898-1901	женат	3 детей
33	г.-л. барон А.Н. Меллер-Закомельский – 1901-1904	женат	2 детей
34	г.-л. П.Д. Ольховский – 1904-1908	женат	3 детей
35	г.-л. Я.Ф. Шкинский – 1908-1910	женат	2 дочери
36	9)О.-Л.О. Сирелиус – 1910-1914	женат	?
	ВСЕГО: 36 офицеров	**32 женатых (89%);** **4 холостых (11%)**	**28 имеют детей (78%, без учета 2-х офицеров)**

Источник: СГС. СПб.:1883, 1886, 1891, 1896, 1899, 1905, 1906, 1914.

Приложение 88. Размер жалования отдельных офицеров-начальников гвардейских пехотных дивизий.

Фамилия, инициалы	командование дивизией	жалование	столовые	добавочные[1]	особо добавочные	всего	аренда	источник*
1-я гв. пехотная дивизия								
1.Малахов Н.Н.	1888-1889	1356 р.	2400 р.	1500 р.	-	5236 р.	1500 р.[2]	1889. С.232.
2.Оболенский Н.Н.	1889-1897	1356 р.	2400 р.	1500 р.	1500 р.	6756 р.	1500 р.	1896. С.203.
3.Бобриков Г.И.	1898-1901	1356 р.	2400 р.	1500 р.	1500 р.	6756 р.[3]	1500 р.	1899, С.186.
4.Лечицкий П.А.	1906-1908	2004 р.	2700 р.	768 р. (за 10 лет службы в крае)	-	5622р.[4]	-	1906. С.1180.
2-я гв. пехотная дивизия								
1.Тимофеев А.А.	1881-1885	1356 р.	2400 р.	1500 р.	1500 р.	6756 р.	-	1883. С.284.
2.Рихтер А.К.	1885-1891	1356 р.	2400 р.	1500 р.	1500 р.	6756 р.	1500 р.	1889 С.261
3.Рыкачев С.В.	1891-1895	1356 р.	2400 р.	1500 р.	1500 р.	6756 р.	-	1891.С. 292.
4.Любовицкий Ю.В.	1895-1897	1356 р.	2400 р.	1500 р.	1500 р.	7316 р.[5]	1800 р.[6]	1896, С.201
5.Фон-Мевес Р.Т.[7]	1897-1899	1356 р.	2400 р.	1500 р.	1500 р.	6756 р.	-	1899, С.311
6.Мешетич Н.Ф.	1900-1904	1800 р.	4200 р.	-	-	6000 р.	-	1903. С.418.
7.Романенко И.А.	1907-1908	1800 р.	4200 р.	-	-	6906 р.[8]	-	1906. С.372
3-я гв. пехотная дивизия								

[1] Добавочное содержание для командира дивизии составляло 1500 руб.; командира бригады или полка (пехотного, артиллерийского, донского казачьего) 1200 руб. (Свод военных постановлений. 1870 г. Ч.IV. кн. III. ст. по прод.)
[2] Из государственной казны сроком на 6 лет с 1.01.1888 г.
[3] Из государственной казны сроком на 6 лет с 1895 г.
[4] Пенсия по ордену Св. Георгия – 150 р.
[5] Пенсия по ордену Св. Георгия – 560 р. (св. Георгий III ст.)
[6] Из государственной казны сроком на 6 лет с 1896 г.
[7] Р.Т. фон Мевес так же получал пособие в размере 1200 руб. на основании Предписания Штаба Округа от 4.05.1872 г. №4165: РГВИА. Ф. 2581. Оп. 2 Д. (ед. хр.) 70. Л. 4.
[8] Квартирные – 906 р.

1.Бардовский Н.Ф.	1887-1890	1356 р.	2400 р.	1500 р.	-	5256 р.	1500 р.	1889. С.256
2.Комаровский Д.Е.	1894-1898	1356 р.	2400 р.	1500 р.	1200 р.	6456 р.	1500 р.	1896. С.263
3.Вейс К.А.	1898-1901	1356 р.	2400 р.	1500 р.	1200 р.	6456 р.	-	1899. С.387
4.Барон Мелер-Закомельский А.Н.	1901-1904	1800 р.	4200 р.	-	-	6630 р.[1]	-	1903.С. 337.

*в качестве источника использовались «Списки генералам по старшинству» (указ год издания и страница).

Приложение 89. Письма Панчулидзева С.А. жене Панчулидзевой Надежде Борисовне 1892-1908 г. г.

-15-
СПб. 5/I-902
Наконец получил твое от 29/XII. Твое здоровье весьма и весьма меня безпокоит. Надеюсь, что ты, хотя бы в общих чертах, поговорила с С.Ф., чтобы он мог мне передать. – Ты теперь же получила мои письма до № 17 включительно, сама видишь почему я не приехал к Н[овом] Году и почему до сих пор не еду. Я мог бы уехать 2-го и до 15-17 Янв. (возвращения Ермолова), но только 11-12 получу деньги, а без них нельзя ехать. След[овательно] я могу пробыть в деревне 1 день и то не полный, а стоить это будет 100 руб. Мне трудно написать тебе обстоятельно п[отому] ч[то] не знаю всех обстоятельств в деревне, вижу только, что ряд невзгод, обрушившихся на нас, ты, наконец, потеряла голову. Надеюсь от С.Ф. и детей узнать обстоятельно и тогда напишу тоже обстоятельно, а пока вот мои советы:
1)Из 4/т. рублей мне нужно отдать Павлу – 2/т, Скоропадскому 150 р. (занял на свои расходы) итого останется 1850 р. из коих 500 руб. в Саратовское Отд[еление] Госуд[арственного] Банка.
Напиши: Тебе ли переслать эти 500 р. или прямо в Банк?
2)Сколько тебе переслать еще денег?
3)Садовника рассчитай и отпусти. Возьми на его место Ванюшку Якушина, он все время солдатства был садовником у ком. полка и вероятно чему-нибудь научился. Получает он у Митрофанова: зимою 10 р. в месяц, летом не более 18 р., в обоих случаях на своем кошту. Уверен, что рублей за 10-ть в месяц круглый год на нашем содержании, он с удовольствием пойдет.

[1] Пенсия за раны – 480 р.; пенсия по ордену Св. Георгия – 150 р.

4)Дуньку рассчитай и прогони. Не могу понять, почему ты не взяла из Петровска, как хотела, кухарку. Таких как Дунька – сколько угодно там.
5)Напиши подробный список, сколько у нас долгов, сколько Банковского долга на Екатериновке. Все бумаги у тебя. Я посоветуюсь с Федоровым, но не имея данных не о чем и говорить. Прошу список и данные составить не с маха в один прием, как ты пишешь письма, а дня в 3-4, об-думав и не торопясь.
6)Во всяком случае, так или иначе, но Бендеру будет уплачено. Об этом прошу не беспокоиться, не волноваться и не портить здоровье, которое для детей и для меня столь необходимо. Бог не без милости.
8)С закладной у нас передышка до Мая, след дело не горит. Горит же дело о моем назначении и о выходе III тома Истории и Сборников. Надеюсь все это устроится Январем, следовательно будет время хлопотать по закладной. К тому же Брюмер вернется сюда только в начале Марта.
-16-
9)Что там произошло с кормами – не могу понять. Я уже писал тебе, прося уведомить: куда девались Чечуйские корма? Стравлены ли все наши собственные корма? Я ничего тут не понимаю и т.к. не в одну же неделю и те и другие были стравлены, то как же они могли исчезнуть вдруг? Говорю вдруг, п[отому] ч[то] только в конце декабря ты мельком написала, что кормов не хватит, но сколько не хватит и каких, не писала…
Следовало продать коров, оставить 6 дойных и 3-4 телиц и телок, а не тратить деньги на прокормление рогатого скота, ничего кроме убытка не дающего. Следовало так же еще несколько сократить число лошадей.
10)Опыт твой ведения хозяйства – плох, думаю, что он даже хуже моего, который тоже плох. У тебя, как выходит, перед носом растащили корма.
14)Я выписал тебе Новое Время.
16)Ответь, что мне сделать с сыновьями? – Я в этом теряю голову. Возьму все дела на себя, но если бы ты могла привести в порядок сыновей! Нет жить нам не вместе решительно нельзя! По временам мне кажется, что у меня голова лопается.
17)В[еликий] Кн[язь] Вл[адимир] Ал[ександрович] лежит в постели (инфл[юэнция]), а мне его надо было видеть из-за наших изданий.
18)Народн[ое] изд[ание] Экспедиции in status que, но думаю что в Январе-Феврале дело решится: так или иначе. Целую тебя и Таню от всей души. Пиши почаще. Это единственное удовольствие для меня. Пусть Таня тоже пишет. Целую еще тебя всю. Твой Сергей.

Источник: РГИА. Ф.1652. Оп.1. Д.79. Л.15-16. СПб. 5/I-902

Приложение 90. Параметр «последующей военной карьеры» командиров 1-й гвардейской пехотной дивизии.

Фамилия, инициалы, годы жизни	**Последнее воинское звание**	**Скорость карьерного роста**	**Последующая карьера**
1.г.-адъютант, г.-л. принц А.П. Ольденбургский (1844-1932)	Ген. от инф. – 1895.	27 лет	- 1896 г. – сенатор, член Государственного Совета - 1897 г. - председатель Противочумной комиссии. - создатель абхазского курорта Гагры. - создатель и попечитель Института экспериментальной медицины (1890 г.) - во время 1-ой мировой войны (с 3.09.1914 г.) - верховный начальник санитарной и эвакуационной части
2.М.П. Данилов (1825 -1906)	Ген. от инф. - 1892	24 года	- 19.01.1889 – командиром 1 АК. - 26.05.1896 - помощником командующего войсками МВО. - 03.06.1903 - член ВС. - председателем Московского отдела Российского общества Красного Креста.
3.Н.Н. Малахов (1827 - 1908).[1]	ген. от инф. - 1895	25 лет	- 1889 г. - командир Гренадерского корпуса. - 1903-1905 г. - пом. Командующего войсками Московского ВО. - 1905-1906 г. - командующий войсками Московского ВО. - с 1906 г. - в распоряжении военного министра.
4.князь Н.Н. Оболенский (1833-1898)	г.-л. - 1895		- 29.03.1897-1908 - командующий ГК (скоропостижно скончался).
5.г.-л. О.-Ф.К. Гриппенберг (1838 - 1915)	ген. от инф. - 1900	22 года	- 1898 г. - член Александровского комитета о раненых. - 1900 г. - командир 6 АК. - 1901-1902 г. - помощник командующего войсками Виленского ВО.

[1] Креатура в. к. Сергея Александровича.

			- 1902-1904 г. - командующий войсками Виленского ВО. - в 1904 г. - командующий 2-й Маньчжурской армией. - 15.06.1904 г. назначен генерал-инспектором пехоты. - член СГО.
6.Г.Р. Васмунд (1840-1904).[1]	Г.-л. - 1903	28 лет	- 1898-1904 г. - НШ войск Гвардии и СПб. ВО.[2]
7.Г.И. Бобриков (1840-1924)	ген. от инф. - 1904	19 лет	- с 25.02.1881 г. - член Военно-учёного комитета - в 1885 г. – назначен генералом для особых поручений при главнокомандующем войсками Гвардии и Петербургского ВО - 24.02.1902 г. - член Александровского комитета о раненых и заведующий Московской Измайловской военной богадельней.
8.граф А.А. Стенбок-Фермор (1835-1916)	Г.-л. - 1885	19 лет	- с 1887 - шталмейстер императорского двора. - Увольнен в запас армейской кавалерии.
9.барон А.Е. Зальца (1843-1916)	ген. от инф. - 1908	33 года	- 1905-1906 г. – командующий 22-м АК. - 1906-1908 г. – командующий 1-м АК. - 8.06.1908 г. - назначен помощником командующего войсками Киевского ВО. - с 7.02.1911 г. - командующий войсками Казанского ВО.
10.П.А. Лечицкий (1856 - 1921)	ген. от инф. - 1913	25 лет	- 26.08.1908 г. командующий 18 АК. - 1910 г. - командующий войсками Приамурского ВО.
11.И.И. Мрозовский (1857 - 1934)	ген. от арт. - 1913	26 лет	- 21.05.1912 г. - командир Гренадерского корпуса (Москва).
12.В.А. Олохов (1857-1920)	Г.-л. - 1909	27 лет	-

Источник: СГС. СПб.:1883, 1886, 1891, 1896, 1899, 1905, 1906, 1914.

[1] По одной из версий: лучший друг и креатура в. к. Владимира Александровича.
[2] РГВИА. Ф.2587. Оп.2. Д.150 (1875 г.). с.215. Числился в списках л.-гв. 1-го стрелкового Е.В. батальона/полка.

Приложение 91. Последующий карьерный рост командиров 2-й гвардейской пехотной дивизии.

Фамилия, инициалы, годы жизни	Последнее воинское звание	Скорость карьерного роста	Последующая карьера
1.г.-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков (1837-1916). *Позиционируется отдельными историками, как близкий друг Александра III.*	30.08.1890 г. - произведен в генералы от кавалерии	8 лет	- главноуправляющий государственным коннозаводством – 1.06.1881 - министр Императорского Двора и уделов, канцлер Российских Царских и Императорских орденов – 17.08.1881 - председатель Комитета для рассмотрения представлений к наградам - 1893 - член Комитета по устройству и образованию войск - 27.10.-1.12.1894 - членом ГС – 6.05.1897
2.А.А. Тимофеев (1827-1889)		24 года	- числится в 129-м пехотный Бессарабский Е.И.В.В.Е. Михаила Александровича п.
3.А.К. Рихтер (1834-1897)	Ген.от инф. - 1895	20 лет	- 17.02.1891 – ком. 16 АК.
4.С.В. Рыкачёв (1829-1899)[1]	Г.-л. - 1887	27 лет	- 21.02.1895 - член АКР.
5.Ю.В. Любовицкий (15.10.1836 – 16.02.1908)	Ген от инф. - 1899	23 года	- 1897-1904 - командир 9 АК. - 1905 – член ГС.
6.Р.Т. фон Мевес (1839-1901)	Г.-л. - 1894	27 лет	- 1899 - командир 20 АК.[2]
7.Е.М. Бибиков	Г.-л. –	31 год	-

[1] С 22.09.1886 по 4.03.1890 - начальник Павловского военного училища.
[2] РГВИА. Ф.2581. Оп.2. Д.712. Числился в списках л.-гв. Павловского п.

	1900.		
8.Н.Ф. Мешетич (1850-1910)	Г.-л. - 1900.	23 года	- 7.06.1904-26.10.1905 - НШ войск Гв. и СПб. ВО. - с 24.12.1908 состоял почетным опекуном Опекунского совета учреждений императрицы Марии по С.-Петербургскому присутствию.
9.В.И. Троцкий (18.07.1847 - ?)		33 года	- 25.11.1905-23.03.1914 - С.-Петербургский комендант.[1]
10.В.Н. Данилов (1852-1914)	Ген. от инф. - 1911.	31 год	- в 1906-1912 г. - командир ГК. - членом Александровского комитета о раненных. - 1 января 1913 г. комендант Петербургской крепости.
11.И.А. Романенко (20.09.1854 г. - ?)	Ген. от инф. – 1910.	25 лет	-
12.Н.П. Михневич (1849-1927)	ген. от инф. – 1910.	29 лет	- с 20.10.1893 - ординарный профессор НАГШ. . - с 14.04.1904 начальник НАГШ. - 07.03.1911 - начальник Главного Штаба.
13.Л.В. Леш (1862-1934)	Г.-л. - 1910	23 года	- 30.07.1912 – Командующий 1-го Туркестанского арм. корп. - 15.01.1913 - Начальник Закаспийской области, - 1913 – командующий 2-го Туркестанского АК
14.В.Е. Флуг (1860-1955)	Г.-л.- 1908	23 года	- с 12.01.1913 - помощник Туркестанского генерал-губернатора и ком. войсками Туркестанского ВО.
15.А.А. Ресин (1857-1933)	Г.-л. - 1910.	28 лет	- командир 42 АК (1915 г.)

Источник: СГС. СПб.:1883, 1886, 1891, 1896, 1899, 1905, 1906, 1914.

[1] РГВИА. Ф.2581. Оп.2. Д.727. Л.103. Числился в списках л.-гв. Павловского п.

Приложение 92. Последующий карьерный рост командиров 3-й гвардейской пехотной дивизии.

Фамилия, инициалы	Последнее воинское звание	Скорость карьерного роста	Последующая карьера
1)В.Д. Дандевиль (1826 – 1907)	Ген. от инф. – 1891 г.	19 лет	- командир 5-го АК (18.07.1887-9.04.1889); - ком. 10-го АК (9.04.1889-24.11.1890); - с 1890 член ВС. - С 1906 в отставке.
2)Н.Ф. Бардовский (1832-1890)	г.-л. – 1881 г.	20 лет	- скончался 27.08.1890 на манёврах под Луцком.
3)П.А. Разгильдяев (1833-1900)		26 лет	- 1898 - генерал от инфантерии. - 9.08.1894 - ком. 13-й АК
4)граф Д.Е. Комаровский (1837-1901)		25 лет	- генерал от инфантерии - ком. 15-го АК *(скончался в 1901 году 9 марта, в возрасте 64 года, от воспаления лёгких)*
5)К.А. Вейс – 1898-1901 (1839-1917)	г.-л. – 1896 г.	30 лет	- с 19.03.1901 ком. 15-м АК.
6)барон А.Н. Меллер-Закомельский (1844 - 1928)	ген. от инф. - 1910	27 лет	- ком. 7-го АК (10.02.1904-5.07.1906), руководил подавлением беспорядков на Сибирской железной дороге (1906) - ком. 5-го АК (06.1906-07.1909), - врем. прибалтийский г.-губернатор (10.1906-04.1909), - член ГС (07.1909)
7)П.Д. Ольховский (1852-1936)	ген. от инф. -	27 лет	- с 26.08.1912 г. являлся помощником главнокомандующего войсками Гв. и СПб. ВО в. к. Николая Николаевича-младшего.

	1910		
8)Я.Ф. Шкинский (1858-1938)	ген. от инф. - 1912	23 года	- ком. 1-го Сибирского АК (7.06.1910-11.04.1911) - пом. ком. войсками Виленского ВО (11.04.1911-22.04.1914) - командир 21-го АК (22.04.1914-после 1.06.1914)
9)О.-Л.О. Сирелиус (1859 - до 1930)	г.-л. - 1908	23 года	-

Источник: СГС. СПб.:1883, 1886, 1891, 1896, 1899, 1905, 1906, 1914.

Приложение 93. Особенности «последующего карьерного роста» генералов-командиров гвардейских пехотных дивизий (сводная таблица).

	1 ГПД (12 оф.)	**2 ГПД (15 оф.)**	**3 ГПД (9 оф.)**	**всего**
Сенатор	1**	-	-	1
Член ГС	1**	1***+1 (всего 2 офицера)	1****	4 (11%)
Член ВС	-	-	1	1
Член АКР	-	2	-	2
Командующий войсками ВО	3	1	-	4 (11%)
Пом. ком. войсками ВО	1	1	-	2
Начальник Главного Штаба	-	1	-	1
Г.-инспектор пехоты	1	-	-	1
НШ войск Гв. и СПб. ВО	1	1	-	2
СПб. комендант	-	1	-	1
Командование ГК	1	-	-	1
Командование Гренадер-	1	-	-	1

ским корпусом				
Комендант СПб. крепости	-	1	-	1
Командование АК	3*	3	4	10 (28%)
Придворная служба	1	1***	-	2

**командовали АК в процессе карьерного роста*

***пост сенатора и члена ГС занимал один и тот же человек принц А.П. Ольденбургский*

****один и тот же человек граф И.И. Воронцов-Дашков*

*****в процессе карьерного роста командовал АК (барон А.Н. Меллер-Закомельский).*

Приложение 94. Командиры бригад 1-ой и 2-ой гвардейских кавалерийских дивизий и Отдельной «Варшавской» кавалерийской бригады.

Ф.И.О. (отрезок командования бригадой)	**Во каком возрасте получил бригаду**	**ВУЗ**	**Командование гвардейским полком (отрезок командования)**	**Семейное положение**	**Конфессиональная принадлежность**	**Последующая карьера**
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
1-я гв. «тяжелая» кавалерийская дивизия, 1-я бригада						
1).а)г.-м. Свиты Е.В. барон В.Б. Фредерикс - 19.06.1881-16.03.1891 б)в б/д участия не принимал в)в 33 года	1848-1927 гг. Родился в семье г. от инфантерии (Г4) в СПб. Баронский титул предки получили в 1773 г.	Домашнее образование, поступил унтер-оф. в л.-гв. Конный п.	л.-гв. Конный п. – 1875-1881 гг.	Жена: Ядвига Алоизовна Богушевская, 2 дочери, одна за Воейковым	Еван г.-лют.	- С 4(16).12. 1893 по 1897 г. пом. министра импер. двора и уделов на правах товарища министра. - С 14.06.1898 г. управляющий министерством Императорского Двора и Уделов. - Канцлер Российской империи и Царских орденов, командующий Импер. Главн. квартирой.

2).а)г.-м. Николай Аркадьевич Тимирязев (14.10.1891-11.01.1892); б)1877-78 в)в 56 лет	1835 г.р.-1906; сын действительного статского советника	Домашнее воспитание, вступил юнкером в л.-гв. Конно-гренадерский п.	л.-гв. КГ – 1884-1892	?	Прав.	- нач. 4 КД - с 1892; - почетный опекун – с 1897; - заведующий Николаевским сиротским институтом – 1898-1906.
3).а)г.-м. Георгий Антонович Скалон (02.08.1897-02.04.1899); б)1877-78 в)в 50 лет	1847-1914 гг.	Ник. уч. гв. юнк.	л.-гв. Уланский Его В. п. – 1894-1897	М.И. Корф, внучка г. от артиллерии; сын, дочь	лютер	- ком. 4 КД – 1900-1901; - ком. 2 ГКД - 1901; - 1905 г. – Варшавский г.-губернатор и ком. войсками Варш. ВО
4).а)г.-м. Свиты Е.И.В. Александр Николаевич Николаев - 11.04.1902-28.12.1903 б)в б/д участия не принимал Жалование – 1500 р. Столовые – 2700 р. ВСЕГО: 4200 р. (1903/704) в)в 52 года	1850 г.р.	НКВУ: выпущен в КГ	КГ – 1896-1900 гг. 2 бр. 1 гв. КД – 1900-02.	холост	Прав.	- ком. 2 бр. 1 ГКД – 1900-1902 г. - в 1908 г. числился по гв. кавалерии
5)г.-м. Владимир Михайлович Безобразов (06.04.1904-	1857-1932 гг.	ПК	л.-гв. КГ п. – 1900-1904 гг.	Жена: графиня Стен-	Прав.	- нач. ОКШ – 1906-1909 - ком. 2 ГКД – 1909-1912

06.11.1906): 1877-78 б)в б/д участия не принимал в)в 47 лет				бок-Фер-мор; 3 с., 6 д.		- ком. Гв. корпуса
6)г.-м. герцог Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий - 06.11.1906-12.11.1907 (Георг-Александр-Михаил-Фридрих-Вильгельм-Франц-Карл Георгиевич) б)в б/д участия не принимал в)в 47 лет	1859-1909	Страс-бург-ский и Лейп-цигский ун-ты	Л.-гв. Драгун-ский п. - 1902-1906	Морга-натиче-ский брак на Наталье Вон-лярской (графи-ня Карл-лова); 3 д., 1 с.	Прав.	В распоряжении Глав-нокомандующего вой-сками гв. и СПб. ВО на 1908 г.
7).а)г.-м. Свиты Е.И.В. Борис Михайлович Петрово-Соловово - 30.11.1907-22.04.1910 б)в б/д участия не принимал в)в 46 лет	1861-1925 гг.; Отец пол-ковник КГ п-ка	Эоч 2КВУ;	Л.-гв. Гусар-ский Его В.п. – 1905-07	?	Прав.	Рязанский губернский предводитель дворян-ства с 1913 г.
8)см. 7 - г.-м. Свиты Е.И.В. Б.М. Петрово-Соловово - 30.04.1910-29.10.1911	-	-	-	-	-	-

9)см. 7 - г.-м. Свиты Е.И.В. Б.М. Петрово-Соловово - 29.12.1911-24.01.1914	-	-	-	-	-	-
10).а)г.-м. Свиты Е.И.В. Д.М. Княжевич - 14.08.1913-24.12.1913 б)в б/д участия не принимал в)в 39 лет	1874-1918 г.р.	ПК, НАГШ	НШ 1 гв. КД с 14.08.1913 г. Л.-гв. Уланский Ее В. п. с 1913	?	Прав.	-
11).а).г.-м. Свиты Е.И.В. князь Василий Александрович Долгоруков – б)в б/д участи не принимал 04.02.1914-23.07.1914 в)в 46 лет	1868 г.р.	ПК, выпущен в Конный п.	Л.-гв. Конно-гренадерский п. – 1912-14 гг.	-	Прав.	- во время 1-ой МВ находится в Ставке; - гофмаршала Двора Е.И.В.[1]
1-я гв. «тяжелая» кавалерийская дивизия, 2-я бригада						
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
1).а)Свиты Е.И.В. (1876 г.) г.-м. граф Менгден Георгий Федорович (31.01.1876-28.01.1883) б)в б/д участия не принимал	1836 г.р.	НКВУ	12 гусарский Ахтырский п.; 1 бр. 2 гв. КД – 1886-91	Женат, 5 д.	Прав.	- нач. 14 КД – с 27.07.1891

[1] 14.08.1917 г. добровольно последовал за Императором в качестве сопровождающего к месту ссылки императорской семьи. 10.07.1918 г. - расстрелян под Екатеринбургом, брошен незахороненным.

в)в 40 лет						
2).а)г.-м. Александр Михайлович Лермонтов (14.07.1883-19.07.1886); б)1877-78 в)в 45 лет	1838-1906; Сын адмирала Н.М. Лермонтова	ПК	л.-гв. Кирасирского Ея И.В. п. (1881-1883 г.)	Женат, 3 д.	Прав.	- нач. 12 КД с 19.07.1886
3).а)г.-м. Александр Максимович Ребиндер (10.08.1886-23.11.1887); б)1863, 1877-78 в)в 48 лет	1838-1909; сын г.-м. А.М. Ребиндера	Частное учебное завед.; в службу вступил в драгунский принца Эмиля Гессенского п.	л.-гв. Кирасирского Его В. п. (1883-1886)	Холост на 1891 г.	Прав.	- нач. 10 КД – 1887-1897; - нач. 13 АК – 1897-1905; - член АКР.
4).а)г.-м. Константин Александрович Блок (20.11.1890-16.05.1892); б)Хивинский поход 1873 в)в 57 лет	1833-1897[1]	ПК, выпущен в л.-гв. Кирасирский Его В.	л.-гв. Конный п. (1884-1890)	Холост, детей не имел	Прав.	16 мая 1892 года, Блок был уволен от должности командира бригады с назначением почетным опекуном Санкт-Петербургского присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии (с оставлением в списках л.-гв. Конного п.)
5).а)г.-м. Александр Яковлевич Таль (21.05.1892-15.12.1894);	1840-1911	МАУ, МАА, НАГШ	л.-гв. Кирасирский Его В. п. (1887-1892)	Женат, дети*	еван г.-лют.	- ком. 13 КД; - ком. 11 АК; - член АКР.

[1] Отец тайный советник управляющий Собственной Его Императорского Величества конторой; мать: Наталья Петровна Геринг дочь генерал-цейхмейстера флота

б)1863, 1877-78 в)в 52 года						
6).а)г.-м. Иван Васильевич Волькенау (27. нау (27.01.1895-24.11.1898); б)1877-78 в)в 47 лет	**27.9.1848 – 12.6.1908; сын подполковника**	НИнж. У, вып. в л.-гв. Гродненский Гусарский; НАГШ	- (40-й драгунский Малороссийский п. – 1889-91)	Женат[1], 5 детей.	Прав.	- ком. 3 КД - 1898-1905; - ком. 3 АК – 1905-06; - почетный опекун СПб.
7).а)г.-м. Свиты Е.И.В. А.Н. Николаев - 17.05.1900-11.04.1902 б)в б/д участия не принимал в)в 50 лет	1850-1916; отец генерал-м.	НКВУ	Л.-гв. КГ – 1896-1900	холост	православный	- 1 бр. 1 ГКД (1902-1903) – после чего в Свите Е.И.В.
8).а)г.-м. Константин Варфоломеевич Дембский (21. ский (21.04.1902-07.02.1905); б)1877-78 в)в 55 лет	1847-1917	НУГЮ: в л.-гв. Уланский Его В.	Л.-гв. Казачий п. (1899-1902)	Холост на 1905 г.	Прав.	- нач. 8 КД - 1905-1910; - с 1912 г. почетный опекуном Московского присутствия Опекунского совета учреждений Императрицы Марии (на 1917 в должности).
9).а)Свиты Е.И.В. г.-м. (с 1904 г.) Христофор Платонович Дерфендельн (14.03.1905-	1851-1909; сын генерала	НКВУ: в л.-гв. Уланский Ея И.В. п.	л.-гв. Кирасирский Ея В. п. (1901-1905)	холост	Прав.	- с 1907 г. в Свите Е.И.В.; - с 1908 г. числится по гв. кавалерии.

[1] Женат (25.1.1881, Вильно) на Ольге (10.4.1858 – 27.3.1899), дочери Э.И. Тотлебена.

23.02.1907); б)1877-78 в)в 54 года						
10).а)г.-м. Свиты Е.И.В. (с 1906) барон фон Николай Александрович Будберг (24.02 берг (24.02.1907-19.03.1912); б)1877-78[1]	1856-1921 гг.	ПК: в л.-гв. Конно-Гренадерский п.	л-гв. Конно-Гренадерский п. (07.01.1904-24.02.1907).	Холост	Прав.	- уволен от службы по болезни

[1] Николай Александрович Будберг родился 4 февраля 1856 года в Санкт-Петербурге, православного вероисповедания, сын барона, генерал-адьютанта Александра-Теодора Будберга (1797-1876) и Анны Романовны, урожденной Фурман (1832-1907), дочери министра финансов Царства Польского. Фамилия Будберг принадлежит к старинному роду, происходящему от Теодора Будберга, жившего в 1136 г. в Вестфалии, откуда представители рода в XIII веке переселились в Ливонию, Курляндию и Швецию. Предок Николая Будберга Гобеле упоминается в 1338-1375 годах как владелец имения Эльбердюнх, а затем имения Беннинггаузен и судья в городе Унна. Его потомки владели имениями в Курляндии и Эстляндии. Лифляндская и Эстляндская линии рода получили баронский титул с 21 февраля 1693 года, а курляндская линия – с 3 апреля 1862 года. Сыновья Александра-Теодора Александр, Николай и Анатолий учились в школе Карла Мая. Николай поступил в школу в 1867 году и окончил ее в 1873 году. В дальнейшем он получил военное образование в Пажеском его Императорского Величества корпусе и окончил курс по первому разряду. Согласно послужному списку на апрель 1912 года, на службу он поступил 29 августа 1874 года. Зачислен старшим корнетом в 11-й Уланский Чугуевский ее Императорского Высочества государыни Цесаревны Великой княгини Марии Федоровны полк 10 июня 1877 года и выступил вместе с полком в составе войск 11-го Армейского корпуса по случаю войны против турок. За отличия, оказанные в разновременных делах с турками, награжден орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантами в декабре 1879 года.

За 15 лет Николай Александрович дослужился от поручика до чина полковника в апреле 1895 года, получив должность помощника командира полка сначала по хозяйственной, а потом по строевой части. В марте 1901 года он назначается командиром 17-го Драгунского Волынского полка, а затем временно командующим 1-й Бригадой 6-й Кавалерийской дивизии. В январе 1904 года его произвели в генерал-майоры с назначением командиром Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка. В марте 1906 года зачислен в свиту его Императорского Величества с оставлением в должности командира полка. С 1907 по 1911 годы Николай Александрович был командиром Гвардейской кавалерийской дивизии. С 1912 по 1916 год он - генерал-майор Свиты Его Императорского Величества. В числе многочисленных наград Николая Александровича Будберга, полученных за время прохождения военной службы: ордена Святого Владимира 3 и 4 степени, Святой Анны 2 и 3 степени, Святого Станислава 1, 2 и 3 степени, персидский орден «Льва и Солнца» 1 степени и Балкарский орден Святого Александра 2 степени. На момент составления Послужного списка на 10 апреля 1917 г. Николай Александрович был холост и не имел недвижимого имущества. По некоторым данным Николай Александрович Будберг умер в Петрограде от голода 8 ноября 1921 года.

Источники:

1. РГВИА. Ф.970. Оп.3. Д.2219.
2.Список генерал-адъютантам, генерал-майорам Свиты Его Величества и
3.Список флигель-адъютантам по старшинству на 1 января 1913 г.
4.СГС. – СПб., 1914.
5.СГС. – Петроград, 1916.
6.Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. ЗАО «Издательство «Русский путь». М., 2002.

в)в 51 год						
11).а)г.-м. Свиты Е.И.В. фон Константин Маврикиевич Вольф - 08.06.1912-21.06.1914 б)в б/д участия не принимал в)в 56 лет	1856-1921	Дрезденское политехнич. уч-ще; эоч КВУ, ОКШ	л.-гв. Кирасирский Его В. п. (29.03.1908-8.06.1912)	женат	Католик, но перерешел в православие	- в Свите Е.И.В.
12).а)г.-м. Свиты Е.И.В. князь Николай Александрович Енглычев - 1914 б)в б/д участия не принимал в)в 52 года	1862-1926	НКВУ, в л.-гв. Уланский Ея В.	Л.-гв. Гродненский Гусарский п. – 18.08.1912-13.01.1915	Женат, 3 д.	Прав.	-
1-я гв. «тяжелая» кавалерийская дивизия, 3-я «казачья» бригада						
1).а)г.-м. Свиты Е.И.В. Жеребков Александр Герасимович – 26.02.1886-7.03.1891 б)1863; 1877-78 в)в 49 лет	1837 г.р.	1 кад. корп.	ком.: л.-гв. Сводно-Казачьего п. – 1881-1884; л.-гв. Казачьего п. – 1884-1886	Вдов, 5 д.	Прав.	- окружной нач. Таганрогского округа области войска донского
2)Хрещатицкий Ростислав Александрович – 17.04.1891-	1841 г.р.	ПК	-	Женат, 2 д.	Прав.	- нач. 2 казачьей сводной дивизии (КД).

10.03.1893 1877-78 В 50 лет						
3).а)г.-м. Греков Митрофан Ильич - 05.04.1893-09.12.1893 б)1863, 1877-78 в).в 51 год	1842 г.р.	НКВУ	Л.-гв. Атаманский п. – 1886-1893	Женат, 3 д.	Прав.	- 1 донская КД.
3)г.-м. А.Я. Таль (?)						-
4).а)г.-м. Василий Николаевич Турчанинов – 22.01.1894-1899 б)в б/д участия не принимал в)в 49 лет	1845 г.р.	Моск. ун-тет: военное – на службе	Л.-гв. Сводный Донской п. – 1877-1887	Женат, 1 сын	Прав.	- прикомандирован к войскам Гвардии и СПб. ВО
5).а)г.-м. Антон Васильевич Новосильцев - 04.03.1899-18.02.1904 б)в б/д не участвовал в)в 49 лет	1850-1923 гг.	Домашнее образ., эоч, выпущен в л.-гв. Конный п.	Л.-гв. Казачий п. - 1895-1899	Женат, 4 детей	Прав.	- нач. сводной кав. дивизии - с 14.02.1904 г. (КД); - 4 АК – 1908-1914 гг.
6).а)г.-м. барон фон Петр Робертович Нет-	1850 г.р.	НКВУ	Л.-гв. Атаманский п. –	Женат, 1 сын	Прав.	- ком. 2 бр. 2 гв. КД – 10.02.-3.09.1907

тельгорст - 19.06.1905-10.02.1907 б)1877-78 в)в 55 лет			1902-?			- ком. 14 КД – с 1907 г.
7).а)г.-м. Свиты Е.И.В. Алексей Викторович Родионов - 10.02.1907-14.09.1911 б)1877-78 в)в 54 года	1853 г.р.	ПК; вып. в л.-гв. Казачий п.	Ком. л.-гв. Казачьего п. - 1904-07	женат	Прав.	- нач. 2 казачьей сводной дивизии – 1911-13; - почетный опекун опекунского совета учреждений имп. Марии по СПб. присутствию.
8).а)г.-м. Леонид Иванович Жигалин - 22.09.1911-31.12.1913 б)1877-78 в)в 52 года	1859 г.р.	Оренбургское казачье юнк. уч-ще	Ком. л.-гв. Уральск. Каз. ЕВ сотни – 1900-?; Ком. л.-гв. Сводно-Казачьего п. – 1906-11	Женат, 4 д.	Прав.	- нач. 2 казачьей сводной дивизии – 31.12.1913 г.
9).а)г.-м. Георгий Логгинович Пономарев - 31.12.1913-1915 б)1877-1878 в)в 56 лет	1857 г.р.	Класс Донского казачьего юнкерского уч-ща; НАГШ (2 р.)	Ком. 6-й л.-гв. Донск. Е.В. бат. – 1.04.1901-?; Л.-гв. Казачий п. - 1907-1913	Женат, 1 р.	Прав.	- св. Георгий IV ст. – 1878 г.
2-я гв. кавалерийская дивизия, 1-я бригада						

1).а)г.-м. Е.И.В. князь Романовский герцог Лейхтербергский Евгений Максимильянович (1880-1883 г.) б)1872 г. (поход на Хиву); 1877-1878 **в)в 33 года**	1847-1901	Домашнее, в л.-гв. Уланском п.	С рождения зачислен в списки л.-гв. Преображенского и л.-гв. Уланского п.п.	Женат дважды.[1]	Прав.	- нач. 37-й ПД - 1888-1893.
2)г.-м. Свиты Е.И.В. граф Менгден Георгий Федорович (16.03.1886-27.07.1891) б)в б/д участия не принимал **в)в 50 лет**	1836-1902 гг.	НКВУ	-	Женат, 5 детей (3 с., 2 д.)	православный	- нач. 14 КД (1891-95)
3).а)г.-м. Остроградский Всеволод Матвеевич (7.01.-9.11.1892 г. (447/96)): б)1877-78 в)в 49 лет	1843-1932 гг.	НКВУ	л.-гв. Гродненский Гусарский п. (1884-1892)	Женат, 4 детей	православный	- 5 КД - 1892-95; - 2 ГКД - 1892 г.; - помощник ген.-инспектора кавалерии с 14.03.1901 г.; - ген.-инспектор кавалерии - 1905-1917 (?).
4).а)г.-м. Максимович Константин Клавдиевич – 28.11.1892-24.12.1893 г.	1849-?	ПК В л.-гв. Конный п.; НАГШ	Л.-гв. Конно-Гренадерский п. - 1889-1892	женат	Прав.	- ген.-адъютант – 1904 г. - военный губернатор Уральской обл., наказной атаман и командующий войсками Уральского казачьего войска –

[1] От первого брака (Дарья Константиновна Опочнина, получила титул графини Богарнэ) дочь Дарья. Вторым браком женат на сестре генерала Скобелева.

б)1877-1878 в)в 43 года		(1 р.)				1893-1899. - войсковой наказной атаман Донского казачьего войска. 23.02.1899-19.02.1905 - назначен Варшавский генерал-губернатором и командующим войсками Варшавского ВО – 19.02.1905-15.08.1905 гг. (СГС. – СПб., 1908. – С.83)
5).а)г.-м. Зыков Иван Сергеевич - 16.03.1893-27.01.1895 б).в б/д участия не принимал **в)в 47 лет**	1846-1908 (?)	ШГПиКЮ *в НАГШ не учился!*	л.-гв. Драгунский п. (1889-1893); 1 бр. 2 гв. КД; 2 бр. 2 гв. КД	Женат, 1 сын	православный	- нач. 1 КД - 1897-1903 гг.; - ком. 2 КК – 1903-1906 гг.; - ком. 16 АК – 1906-1908 гг.
6).а)г.-м. Свиты Е.И.В. Артур Отто-Мориц Александрович фон-Гринвальд - 11.08.1896-12.06.1897 б)1871, 1873, 1877-78 в)в 49 лет	1847 г.р.	Дерптский ун-тет; военное – на службе.	л.-гв. Кавалергардский п. (3.02.1892-11.08.1896)	женат	лютер.	- шталмейстер Двора Е.И.В. и управляющей придворной конюшенной частью – 12.06.1897 г.
7).а)Свиты Е.И.В. (с 1910 г.) г.-м. Петр Петрович Баранов 6.03.1897-1.02.1898 б)1863, 1877-78	1843 г.р. Эстляндский дворянин, отец г.-л. Петр Егорович, мать баронесса Николаи	ПК (1861; 1 р.) *в НАГШ не учился!*	Л.-гв. Уланского Ее В.п. (1891-1897)	Женат, сын, дочь	?	- упр. двором в. к. Михаила Ник. (1.02.1898-10.02.1902); - гофмейстер двора в.к. Михаила Ник. (10.02.1902-3.01.1910).

в)предп. в 50 лет						
8).а)г.-м. Евгений Оттович Шмит (1898-1900); б)1877-78 гг. в)в 54 лет	1844 г.р.	2КВУ	л.-гв. Кирасирский Его В. п. (1892-1898)	Женат, 3 детей	прав.	- ком. 12 АК - с 12.01.1905
9).а)Свиты Е.И.В. г.-м. в. к. Дмитрий Константинович[1] (28.12.1903-4.04.1905) б)в б/д участия не принимал в)в 43 года	1860 г.р.-1919	В доме родителей: с 30.12.1880 в л.-гв. Конном п.	Л.-гв. Конно-Гренадерский п. – 1892-?	холост	Прав.	-
10).а)г.-м. Девель Даниил Федорович (19.06.1905-23.05.1907): б)1877-78 гг. Жалование – 1500 р. Столовых – 2700 р. ВСЕГО: 4200 р. в)в 46 лет	1852-1933 гг.[2]	НКВУ	-	Женат, 1 дочь	Прав.	- нач. 6 КД с 1907-1913 (?)

[1] Страдал сильной близорукостью.
[2] Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

11).а)г.-м. барон Петр Робертович фон Неттельгорст (4.04.1905-19.06.1905); б)1877-78 в)в 55 лет	1850 г.р.	НКВУ	Л.-гв. Атаманский п. (1902-1905)	Женат, 1 сын	Прав.	- 3 бр. 1 гв. КД; - 2 бр. 2 гв. КД; - 14 КД (1907-1910); - ген. от кав. с увольнением 1910 г.
12).а)Свиты Е.И.В. г.-м. барон Лев Федорович Жирар де Сукантон (24.05.1907-7.02.1912) б)в б/д участия не принимал в)в 52 года	1855 г.р.	НКВУ: в л.-гв. Конный п.	Л.-гв. Кирасирского Ея В. п. (?) (1905-1907)	Женат, 2 детей	Лютер.	- 1 бр. 2 гв. КД - с 1912 г. числился по гв. кавалерии
13).а)Свиты Е.И.В. г.-м. князь Сергей Константинович Белосельский-Белозерский (24.12.1913-15.04.1914) б)в б/д участия не принимал в)в 46 лет	1867-1951; отец г.-л., г.-адъютант[1]	ПК, начал службу в Конной гвардии; адъютант в. к. Владимира Александровича (1896-1905)	Л.-гв. Уланского Ея В. п.	Был женат на Сьюзен Такер; 2 сына	Прав.	- в 1914 г. 3-я Донская казачья див.
14)г.-м. Дмитрий Александрович Лопухин (1914-20.11.1914);	1865 г.р.	МИмп. У; эоч АВУ, НКВУ, НАГШ	Л.-гв. Конно-гренадерский п. с	Был женат на княжне Е.М.	Прав.	-

[1] Службу начал в л.-гв. Конном полку. Являлся адъютантом Александра III. Мать родная сестра М.Д. Скобелева.

1904-05 (ранен) **В 49 лет**			4.02.1914 г.	Султан-Гирей.[1]		
2-я гв. кавалерийская дивизия, 2-я бригада						
1).а)г.-м. Дохтуров Дмитрий Петрович (18.04.1880-20.11.1884 г.); б).кавказская, 1876-77; 1877-78 в)в 42 года	1838-1905	ПК – выпущен корнетом в КГ; НАГШ с 1857 (1 р.)	-	Женат, дочь (Панчулидзев)	Прав.	- ком. 2 ГКД – 1884-86 гг.; - ком. - 12 ПД – 1886-1892 гг.; - ком. - 13 ПД – 1892-1894 гг.; - ком. АК – 1894-1900 гг., - пом. Ком. Одесского ВО; - член ВС; - во время войны 1904-1905 гг. - в распоряжение ком. 2-й Маньчжурской А (предполагалось назначить на должность ком. 3-й Маньчжурской А, но скоропостижно скончался).
2)г.-м. Мейендорф Феофил Егорович – 1860-64 (?); 1877-78, 1904-1905 (Г4; Ал. Невск.) **В 45 лет**	1838-1919 гг.; отец: г. от кав.	ПК; выпущен в л.-гв. Конный п.	ком. л.-гв. Гусарского Е.В. п. – 1874-77	2.Женат на графине Е.П. Шуваловой, 13 детей: 8 дочь, 5 с.	Прав.	- ком. 2 КД - 1884-1892; - ком. 1 АК – 1896 (вывел на войну 1904-05)
3)г.-м. в. к. Николай Николаевич-младший - 10.11.1890-11.12.1890.	1856-1928 гг.	НИнж. У; НАГШ		Женат (?)	Прав.	Имел звание флигель-адъютанта с 1876, а с 1894 – генерал-адъютанта. Генерал-м. с 1885 г.

[1] Их единственный сын Георгий был корнетом 6-го эскадрона л.-гв. Конно-Гренадерского полка и погиб в бою у Каушена.

В 34 года						
4).а)г.-м. Червоный Сергей Прокофьевич (13.04.1891-8.12.1894) б)1863 г. в)в 55 лет	1836-1907 гг.	На службе. (прапорщиком в л.-гв. Драгунском полку).	- ком. л.-гв. Уланского п. – 1881-1891	3.Женат, 5 д.	Прав.	- временно ком. 1 бр. 2 ГКД – 1885 г.; - Петергофский комендант – 8.12.1894 г.
5)генерал-майор Зыков Иван Сергеевич – 27.01.-18.12.1895 г. б)в б/д участия не принимал в)в 49 лет	1846-1908 гг.	ШГПиКЮ	- ком. л.-гв. Драгунского п. – 1889-1893	Женат, 2 д.	Прав.	- ком. - 1-я КД – 1897-1899; - ком. - 1-я ГКД – 1899-1903; - ком. - 2-й КК – 1903-1906; - ком. - 16-й АК – 1906-1908.
6).а)г.-м. князь Сергей Илларионович Васильчиков (11.08.1896-17.12 1898) б)1877-78 в)в 47 лет	1849-1926 гг.	ПК, в л.-гв. Конный п.	л.-гв. Гусарский Его. В. п. (1890-1896 гг.)	Женат, 3 детей	Правосл.	- ком. 12-й КД - 7.12.1898-13.01.1899; – нач. 1-й КД - 13.01.1899-23.12.1901; - ком. Гв. корпуса - 2.11.1902-21.06.1906 (отчислен от должности в связи с волнениями в л.-гв. Преображенском п.).
7)г.-м. Сергей Ильич Бибиков (2.03.1899-7.05.1901); 1877-78 **В 48 лет**	1851-1903 гг.	ПК	Комендант Имп. Гл. кварт. – 1896-98	Женат, 1 д.	Правосл.	- комендант Императорской Главной квартиры - 1896-1899 гг.; - нач. 10-й КД – 1901-1903 гг.
8).а)г.-м. князь Н.Н. Одоевский-Маслов (25.05.	1849-1919 гг.	ПК	Л.-гв. Конный п. (1896-1901)	женат	Правосл.	- нач. 10-й КД (1903-1904); - нач. 1-й гв. КД (1904-

лов (25.05.1901-25.05.1903) б)в б/д участия не принимал в)в 52 года						1905); - войсковой наказной атаман Войска Донского (1905-1907); - с 19.04.1907 зав. придворной частью в Москве и начальник Моск. Дворц. Управления.
9).а)г.-м. Свиты Е.И.В. Яков Богданович Преженцов - на 1.07.1903 б)в б/д участия не принимал в)в 49 лет	1854 г.р.	ПК, НАГШ; в гв. к.-арт. бр.	Л.-гв. Кирасирский Его В. п. – 1898-03	женат, 2 д.	Прав.	- НШ Ген.-инсп. кавалерии – с 20.07.1905 г.
10).а)г.-м. Николай Александрович Яфимович (13.10.1904-?1906); б)1877-78 в)в 54 года	1850-1905 г.; Отец: действительный статский советник	ПК	л.-гв. Драгунский п. (1897-1902)	женат	Прав.	- умер 1906 г.?
11).а)г.-м. фон Н.Ф. Крузенштерн (16.02.1906-10.02.1907); б)1877-78 в)в 52 года	1854-1940 гг. Отец: вице-адм. Фридр. Фон Крузенштерн	1 ПВУ, НАГШ, ОКШ; нач. службу в л.-гв. Измайловском п.	Л.-гв. Уланский Его В. п. (1904-1906)	холост	?	- ком. 1 гв. КД – 1907-1910; - ком. 18-й АК – 1910-1916.
12).а)г.-м. барон Петр Робертович фон Неттель-	1850 г.р.	НКВУ	Л.-гв. Атаманский п. (1902-	женат, 1 сын	Прав.	- ком. 3 бр. 1 гв. КД; - ком. 2 бр. 2 гв. КД; - ком. 14 КД (1907-

горст (10.02.1907-03.09.1907) б)в б/д участия не принимал в)в 57 лет			1905)			1910); - ген. от кав. с увольнением 1910 г.
13).а).г.-м. Свиты Е.И.В. Александр Афиногенович Орлов (4.09.1907-1908) б)в б/д участия не принимал **в)в 42 года**	1865 г.р.	НКВУ, в л.-гв. Гусарский Е.В. п.	Л.-гв. Уланского Ея В. п. – 1905-1907 гг.	вдов, 2 д.	Прав.	- близкий друг Николая II; - скончался в 1908 г. от скоротечной горловой чахотки.
14).а)г.-м. Свиты Е.И.В. князь Ф.Ф. Юсупов граф Сумароков-Эльстон - 28.10.1908-13.12.1911 б)в б/д участия не принимал г)в 52 года	1856 г.р. Сын генерала графа Ф.Н. Сумар.-Эльст., атамана Кубанского каз. войска (начал службу в л.-гв. конной артиллерии)	ПК не окончил; эоч при Чугуевском пех. юнк. училище[1]	1876-1904 – адъютант в. к. Сергея Александровича; 1904-1908 – л.-гв. КГ	Женат, 2 сына	Прав.	- главный начальник Московского ВО (5.05.-19.06.1915 г.); - главноначальствующий над г. Москвой (5.05.-3.08.1915).
15)г.-м. Свиты Е.И.В. Н.Н. Комстадиус -	1866-1915; отец полковник	Александровский	Л.-гв. Кирасирский Его	Женат: 3 д., 2 с.	Православ.	Во время войны нач. охраны НП

[1] Выпущен в 1876 в 10-й уланский Одесский полк. В 1879 г. прикомандирован к л.-гв. Кавалергардскому полку.

13.12.1911-14.11.1912 **В 45 лет**		лицей; 2КВУ	В. п. – 1905-1908 гг.			
16)г.-м. Свиты граф Г.Г. Менгден - 14.11.1912-11.10.1914 **В 51 год**	1861-1917; сын г.-л.	ПК	Заведующий Двором в. к. Сергея Алекс. – 1898-1908; л.-гв. КГ - 1908-1912 гг.	Женат, детей не имел	Правосл.	-
«Варшавская» отдельная бригада						
1).а)г.-м. Свиты Е.И.В. Николай Павлович Эттер[1] (1878-1881); б)1853-56, 1877-78 в)в 45 лет	1833-1891	Финляндский кад., ПК: вып. корнетом в л.-гв. Конный п.	Л.-гв. Уланский п. - 1873-78	женат[2]	Римско-католи личе чес-ко-го	- ком. 7 КД – 1881-1884; - ком. 1 ГКД – 1884-1891(?)
2).а)г.-м. Свиты Е.И.В. А.П. Струков (30.08.1881-26.06.1883); б)1877-78 в)в 41 год	1840-1891; сын г.-майора	ПК: выпущен в л.-гв. Конный п.	Адъютант в.к. Николая Ник. Старш.; л.-гв. Уланский п. - 1878-1881	холост	Прав.	- ком. 4 КД - 1883-1886; - ком. 1 ГКД – 1892-93; - 1893-1907 - инспектор ремонтирования кавалерии и бригад кавалерийского запаса.
3).а)г.-м. Свиты Е.И.В. принц Саксен-Альтенбург-	1843-1902	В 1865 г. вступил в службу	Ординарец в.к. Михаила Николае-	2-ды женат; от 1-го брака –	?	- св. Георгий IV ст. за франко-прусскую войну;

[1] http://www.chest-imeu.com/temy/sudby/sudby-ulanskii-e-velichestva-polk/komandiry/yeter-n-p/page-2.html

[2] Женат по второму браку на дочери коллежского советника Засецкого, девице Софье Андреевне, имеет детей, дочерей: Юлию, родившуюся 29-го июля 1879 года, и Софию, родившуюся 23-го апреля 1881 года; жена и дети вероисповедания православного.

ский Альберт (1883-1885); б)1870-71; 1877-78 (ранен под Телишем) в)в 40 лет		в л.-гв. Конный п.	вича; переведенный в конце 1869 года в лейб-гвардии Гусарский полк; л.-гв. Гродненский Гусарский п. – 1875-1883(?)	2 детей		- в 1885 г. перешел на германскую службу – генерал от кавалерии
4).а)г.-м. Иванов Николай Федорович (10.01.1885-22.10.1889) б)в б/д участия не принимал в)в 50 лет	1839 г.р.	Домашмашнее; военное – на службе	л.-гв. Драгунский п. (1882-1885)	Женат, 3 д.	Прав.	- нач. гв. бр. кавалерии запаса – с 22.10.1889
5).а)г.-м. барон Александр Федорович Оффенберг (27.11.1889-22.04.1892) б)1855, 1863, 1864, 1877-78 в)в 54 года	1835 г.р.	ПК	л.-гв. Драгунского п. – 1885-1889)	холост	Прав.	- ком. 2 КД – 22.04.1892
6).а)г.-м. Хрулев Николай Степанович (4.05.1892-24.11.1894) б)1877-78	1841 г.р.	ПК	л.-гв. Кирасирского Ея В. п. – 1886-1892	Женат, 1 сын	Прав.	- ком. 8 КД – 1894-97; - нач. сводной КД – с 28.11.1897.

в)в 51 год						
7)г.-м. Таль Александр Яковлевич - 15.12.1894-?* б)в б/д участия не принимал **В 54 года**	1840-1911	МАУ, МАА, НАГШ	л.-гв. Кирасирский Его В. п. (1887-1892)	Женат, дети*	еван г.-лют.	- ком. 13 КД; - ком. 11 АК, - член АКР
8)г.-м. барон Александр Николаевич Бистром (на 10.02.1899-26.01.1904): 1877-78 б)в б/д участия не принимал **В 50 лет** Жалование – 1500 р. Столовых – 3300 р. ВСЕГО – 4800 р.	1849 г.р.	ПК	Л.-гв. Уланского Его В. п. – 1897-1899 гг.	женат	Прав.	- ком. 3 КД – 8.03.1905
9)г.-м. барон Петр Робертович фон Нетельгорст - 19.06.1905-10.02.1907 б)в б/д участия не принимал В 55 лет	1850 г.р.	НКВУ	Л.-гв. Атаманский п. (1902-1905)	Женат, 1 сын	Прав.	- ком. - 3 бр. 1 гв. КД; - ком. - 2 бр. 2 гв. КД; - ком. 14 КД (1907-1910); - ген. от кав. с увольнением 1910 г.

10)г.-м. Свиты Е.И.В. Эспер Александрович Фельдман (22.12.1910-18.02.1912) б)в б/д участия не принимал **В 56 лет**	1854-1913	НКВУ: выпущен в л.-гв. Кирасирский Ея В. п.	Л.-гв. Уланский Его в. – 1906-10 гг.	Женат, сын	Прав.	-
11)г.-м. Свиты Е.И.В. Владимир Христофорович Рооп (03.03.1912-15.11.1913) б)в б/д участия не принимал **В 47 лет**	1865 г.р.; сын члена ГС, генерала от инф.	ПК: в л.-гв. Конный п., НАГШ	Л.-гв. Конно-Гренадерский п. (1907-1912)	Женат, 3 детей	Прав.	- ком. 6 КД – 15.11.1913 г.
12)г.-м. Свиты Е.И.В. барон Карл-Густав-Эмиль Карлович Маннергейм (24.12.1913-24.06.1915) б)в б/д участия не принимал **В 46 лет**	1867 г.р.	НКВУ: КГ	Л.-гв. Уланский Его В. п. (1911-1913)	Женат, дети	Лютер.	-

Приложение 95. Командиры бригад 1-ой, 2-ой и 3-й гвардейских пехотных дивизий.

Ф.И.О. (отрезок командования бригадой)	**Во каком возрас-**	**ВУЗ**	**Командование гвардейским полком**	**Семейное положение**	**Конфессиональная**	**Последующая карьера**

	те полу-чил бри-гаду		**(отрезок коман-дования)**		**при надл ежн ость**	
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
1-я гв. пехотная дивизия, 1-я бригада						
1).а)г.-м. Свиты Е.И.В. Челищев Алексей Александрович (17.08.1880-16.09.1887) б)1855-1863; 1877-78 (контужен) **в)в 44 года**	1836 - 1894	ШГПиКЮ: в л.-гв. Семеновский п.	Л.-гв. 4-й Стр. И.Ф. бат. – 1868-1876; Л.-гв. Егерский п. -1876-1880	Женат, 1 дочь	Прав.	- св. Георгия IV ст. – 1879; - ком. 1 ПД – 1887; - ком. 3 Грен. Д. – 1894.
2).а)г.-м. Свиты Е.И.В. князь Оболенский Николай Николаевич (16.09.1887-20.01.1888 г.) б)1854; 1877-78 **в)в 54 года**	1833 - 1898	ШГПиКЮ: в 1853 г. л.-гв. Преображенский п.	- л.-гв. 2 стр. бат. - 1874-76; л.-гв. Преображенского п. – 1876-1887 г.; гв. Стрелковая бригада - 1888-1889 г.[1]	Женат, 4 д.	Прав.	- св. Георгий IV ст. – 1877; - Командир Гв. корпуса - 1897-1898 (скоропостижно скончался).
3)г.-м. Свиты Е.И.В. Гриппенберг Оскар-Фердинанд Казимирович (20.01.1888-11.09.1889) 1854-55, 1863-64; 1866, 67, 68 (ранен); 1877-78.	1838 - 1915	Частное уч. зав.; военное – на службе.	Л.-гв. 2 стр. бр. - 1877; л.-гв. Московский п. – 1877-83	Женат, 3 д.	Лютер.	- ордена - св. Георгия IV и III ст.; - нач. гв. стр. бригады – 1889-1897; **- нач. 1 ГПД – 1897-99**; - ком. 6 АК – 1900-01; **- ком. войсками Виленского ВО – 1902-04;** - ком. 2-й Маньчжур-

[1] СГС. – СПб., 1896. С.203.

В 50 лет						ской арм. – 1904-05; - член АКР – 1898-1906; - ген.-инспектор пехоты – 1905-1906; - член ГС с 25.04.1905.
4)г.-м. Долуханов Хозрев Мизарбекович (с 17.02.1891-?) 1856, 1863 Жалование – 1017 р. Столовые – 1824 р. Добавочных – 2400 р. ВСЕГО: 5241 р. **В 54 года**	4.06. 1837 г.р.	2 к. к.	Л.-гв. Егерский п. – 1887-1891 г.; Ком. 2 бр. 1 гв. КД – 1890-1891 гг.	Женат, 2 д.	Арм. - триг.	В 1896 уже нет в списках
5).а)г.-м. Васмунд Георгий Робертович (30.01.1893-29.09.1894) б)1863 г.; 1877-78 в)в 53 года	1840 - 1904 гг.	КВУ: в л.-гв. 4 имп. Ф. бат.; МАА	л.-гв. 1-й стрелк. бат. – 1877-1887; Л.-гв. Измайловский п. – 1887-1893	Женат, 2 д.	Прав.	- св. Георгия IV ст. – 1877; - ком. 1 ГПД - 1898 – НШ СПб.ВО и войск гвардии
а)г.-м. Мальцов Иван Сергеевич (24.11.1894-1899) б)в б/д уч. не принимал в)в 47 лет	1847 - 1920	Образование на службе	л.-гв. Егерского п. – 1891-1894	Женат (вдов), 2 д.	Прав.	- нач. 37 ПД – с 15.11.1901-1903; - в 1905 – уволен по болезни
7).а)г.-м. Пенский Владимир Васильевич (02.09.1899-17.02.1900)	1844 г.р.	НКВУ	л.-гв. Семеновский п. - 1890-	Женат, 3 д.	Прав.	- нач. 1 ПД – 1900-1904

б)1863; 1877-78 в)в 55 лет			1899			
8)21.05.1898-1900 гг. – г.-м. Чекмарев Андрей Иванович (с 23.04. по 18.12.1900) 1863, 1877-78 **В 56 лет**	13.12.1844 г.р.	2КВУ ***Акад. Не кончал***	Л.-гв. 1-й стр. Е.В. бат. – 1893-95; с 28.11.1895 г. по 1900 г. – командир л.-гв. Егерского п.	женат	Прав.	- нач. 43 ПД с 1900 по ?
9).а)г.-м. Сирелиус Отто-Леонид Оттович (18.02.1906-10.07.1908) б)в б/д уч. не принимал в)в 47 лет	1859 г.р.	ПВУ: в л.-гв. Преображенский п., НАГШ (1 р.)	л.-гв. Егерский п. – 1903-1906	женат	Лют.	- нач. 23 ПД - 1908-1910 - нач. 3 ГПД с 11.06.1910 на 1914
10)г.-м. Зайончковский Андрей Медардович (10.07.1908-30.05.1912) 1904-05 **В 46 лет**	1862 - 1926	НИУ; НАГШ (1 р.)	л.-гв. Егерский п. – 1906-1908	Женат, 2 д.	Прав.	1914 – 37 ПД
11)г.-м. барон фон ден Бринкен Леопольд Фридрихович (30.05.1912-03.04.1915) **В 54 года**	1858 г.р.	ПВУ: в л.-гв. Гренадерский п. НАГШ (1 р.)	Л.-гв. СПб. п. (29.03.1907-30.05.1912)	Женат, 2 д.	Лют.	-
1-я гв. пехотная дивизия, 2-я бригада						

1).а)г.-м. Бабкин, Николай Данилович (в 1881-?) б)в б/д уч. не принимал **в)в 62 года**	11.11.1819 г. - 17.04.1887 г.	К.к.(?)	Л.-гв. Резервный пехотный полк с Кадровым батальоном		Прав.	- ком. л.-гв. Гарнизонного батальона (на 1.08.1872); - командир кадрового батальона л.-гв. Резервного полка (1876-1884).
2)генерал-майор Свиты Е.И.В. Маклаков Георгий Константинович - до 1.01.1885 - после 1.01.1886 1853-56 (контужен); 1877-78 **В 51 год**	23.04.1834 г. - 12.10.1896 г.	1 Моск. к.к. (1853 г.) ***Акад. Не кончал***	л.-гв. Измайловский п. (29.12.1877-12.02.1890	Женат, 4 д.	Прав.	- нач. 24 ПД (12.02.1890-после 1.09.1890).
3)19.02.1890-17.02.1891 г. - г.-м. Долуханов Хозрев Мизарбекович 1856, 1863 Жалование – 1017 р. Столовых – 1824 р. Добавочных – 2400 р. ВСЕГО: 5241 р. **В 53 года**	4.06.1837 г.р.	2 к.к.; Военно-юридическая академия (1 р.)	Л.-гв. Егерский п. – 1887-1891 г.	Женат, 2 д.	Арм. - триг.	В 1896 уже нет в списках
4).а)17.02.1891-14.05.1893 – г.-м. Васмунд Георгий Робертович	1840 г.р.-1904	КВУ: в л.-гв. 4 имп. Фам. бат.; МАА	1840 г.р.-1904	Женат, 2 д.	Прав.	- св. Георгий IV ст. – 1877 - ком. 1 ГПД - 1898 – НШ СПб.ВО и войск гвардии

б)1863, 1877-78 в)в 51 год						
5)14-21.05.1898 г. - г.-м. Евреинов Александр Александрович **1877-78** **В 55 лет**	24.01.1843 г. - 27.07.1905 г.	МАУ ***Акад. Не кончал***	ком. Л.-гв. 4-го стрелк Имп.Ф. бат. (7.09.1887-30.01.1893), - командир л.-гв. Измайловского п. (30.01.1893-21.05.1898)	Женат, сын	Прав.	- нач. гв. стрелк. бр. (21.05.1898-15.11.1901), - нач. **1 ГПД** (15.11.1901-11.12.1902), - в распоряжении главнокомандующего войсками гв. и СПб. ВО (11.12.1902-15.04.1904), - командир 18 АК (15.04.1904-после 1.05.1904).
6)21.05.1898-1900 гг. – г.-м. Чекмарев Андрей Иванович 1863, 1877-78 **В 54 года**	13.12.1844 г.р.	2КВУ ***Акад. Не кончал***	Л.-гв. 1-й стр. Е.В. бат. – 1893-95; с 28.11.1895 г. по 1900 г. – командир л.-гв. Егерского п.	женат	Прав.	- нач. 43 ПД с 1900 по ?
7).а)27.08.1900-1901: – г.-м. Павловский Николай Акимович б)1877-78 **в)в 55 лет**	1845 г.р.	МАУ ***Акад. Не кончал***	л.-гв. Измайловский п. – 1898-1900	женат, 6 д.	Прав.	- ком. 1 Гренадерской дивизии – 1903-1905 гг. (в 1905 произведен в ген. от инфантерии и отправлен в отставку)
8)23.01.1904-в 1906 (в 1908 уже нет): г.-м. Рудановский Константин Андрианович 1877-78	1849 г.р.	2КВУ ***Акад. Не кончал***	л.-гв. Финляндского п. - 1899-1904	холост	Правосл.	?

В 55 лет						
9)10.08.1908-19.07.1914: – г.-м. Герцык Александр Антонович 1877-78 **В 51 год**	1857 - 1916 ; род. в се-мье г.-м.	2КВУ ***Акад. Не кончал***	Л.-гв. Павлов-ский п. - 1906-08	?	Пра-восл.	- в 1908-1914 председа-тель «комиссии по вы-работке образца автома-тической винтовки»; - командующий 80-й пех. дивизией (19.07.1914-16.01.1915); **- ком. 1 ГПД** - 16.01.1915-03.07.1915
2-я гв. пехотная дивизия, 1-я бригада						
1).а)г.-м. Свиты Е.И.В. Любовицкий Юлиан Викторович - 1881-1888 б)1855, 1871, 1877 (ранен)-78 в)в 45 лет	1836 г.р.	2 к.к., МАА, НАГШ (1 р.)	Л.-гв. Грена-дерский п. – 1877-1888 гг.	Женат, 3 д.	Ка-тол.	- ком. 2 ГПД – 10.03.1895 г. - св. Георгий IV (1871) и III (1879) ст.
2)8.10.1889-12.11.1893: г.-м. Квицинский Иосиф-Игнатй Онуфриевич **1853-56, 1863-64** **В 58 лет**	1831 г.р.	1 к.к.	**ком. л.-гв. Московского п. – 1883-1889**	Женат, 1 сын	Ка-тол.	- нач. 36 ПД – 1893-94; - нач. 2 гренадерской див. – с 2.08.1894 г.
3).а)г.-м. Свиты Е.И.В. Максимович Константин Клавди-евич - 28.11.1892-24.02.1893 б)1877-78 **в)в 43 года**	1849 г.р.	ПК, НАГШ (1 р.)	Л.-гв. Конно-Грена-дерский п. – 1886-1892	женат	Прав .	- Военный губернатор Уральской обл., коман-дующий войсками обла-сти и наказной атаман Уральского каз. войска с 24.02.1894 г.

4).а)г.-м. Свиты Е.И.В. Шмит Константин Кондратович (числится в списках л.-гв. Павловского п.) - 1899 г. б)в б/д участия не принимал в)в 64 года	1835 - 1894 гг.	ШГПиКЮ: в л.-гв. Семеновский п.	Л.-гв. Павловский п. - 19.03.1877- 18.05.1884 гг.	Женат, 1 с.	Прав.	- ком. 2 бр. 2 ГПД – 1884-1888 - ком. 7 ПД – с 29.09.1890 г.
5).а)2.11.1895-1899(еще оставался - ?): генерал-майор Логинов Петр Петрович б)1863-64; 1877-78 Жалование – 1017 р. Столовых – 1824 р. Добавочных – 1200 р. ВСЕГО: 5241 р. в)в 53 года	1842 г.р.	Павловский к.к.	ком. л.-гв. Гренадерского п. – 1888-1898	Женат, 4 д.	Прав.	- (в 1903 г. его уже нет)
6).а)14.03.1901-? (на 01.07.1903) – г.-м. Тыртов Константин Петрович б)1863-64, 1877-78; Жалование – 1500 р. Столовых – 1560 р. ВСЕГО – 3560 р. **в)в 56 лет**	1845 - 1906 гг.	2 к.к. ***Акад. Не кончал***	ком. л.-гв. 4-го Имп.Ф. стр. бат. – 1898-1901	женат, 2 д.	Прав.	- нач. 56 ПД – с 1.06.1904 г.

7).а)г.-м. Пыхачёв Николай Аполлонович - 02.06.1904-23.01.1905 б)1877-78 гг. в)в 53 года	1851 г.р.	АВУ: в л.-гв. Финл. п.	Л.-гв. Московский п. – 1899-1904	женат	Прав.	- нач. 23 ПД с 1906-1908 - ком. Отд. корпуса погр. стражи. с 1908 г.
8).а)18.02.1905-13.11.1907: генерал-майор барон Фитингоф Евгений Эмильевич б)в б/д уч. не принимал **в)в 51 год**	1854 - 1939 гг.	ПВУ	л.-гв. 4 стрелковый И.Ф. бат. – 1901-1905	?	Прав.	- нач. 8 ПД – 1911 г.
9)11.02.1908-24.09.1913: генерал-майор Свиты Е.И.В. Порецкий Александр Николаевич В б/д уч. не прин. **В 53 года**	1855 г.р.	Морск. Уч. 3 флотск. Экип.: в л.-гв. Преображенский п. *Академию не кончал*	Л.-гв. Измайловский п. – 1904-1908	Женат, 4 д.	Прав.	- нач. 26 ПД
10).а)24.09.1913-24.12.1913: генерал-майор Свиты Е.И.В. Чебыкин Александр Нестерович б)в б/д уч. не прин. в)в 56 лет	1857 г.	2КВУ: в л.-гв. Финляндский п.	Л.-гв. 3 стр. п. – 1907-13	Женат, 8 детей	Прав.	-
11)24.12.1913-04.11.1914: генерал-майор Свиты Е.И.В. Кисилевский Нико-	1866 - 1939	МАУ, НАГШ (1 р.)	Л.-гв. Измайловский п. - 1908-	Женат, 7 д.	Прав.	-

лай Михайлович **В 47 лет**			1913			
2-я гв. пехотная дивизия, 2-я бригада						
1)? - 30.08.1881: генерал-майор Свиты Е.И.В. фон Эттер Севастьян Павлович		К.к. (?)	Л.-гв. Семеновский п. - 17.04.1874-23.10.1877 гг. -	?		?
2)18.05.1884 - 14.11.1888: генерал-майор Свиты Е.И.В. Шмит Константин Кондратович 1853-56, 1863-64, 1877-78 **В 49 лет**	1835 г.р.	ШГПи-КЮ	Л.-гв. Павловский п. – 1877-84	Женат, 1 с.	Прав.	- ком. 7 ПД – с 29.09.1890 г.
3)4.10.1888-8.03.1893: генерал-майор Теннер Иеремий Карлович 1853, 1863-64, 1877-78 Жалование – 1017 р. Столовых – 1824 р. Добавочных – 1200 р. Особо добавочных – 1200 р. ВСЕГО: 5241 р. **В 52 года**	8.04. 1836 - 1903 гг.	ПК *Академию не кончал*	ком. л.-гв. Финляндского п. – 1878-1891	женат	еван г.-лют.	- член Главного военного суда – 1892 г.; - почетный опекун СПб. присутствия опекунского совета – 1898-1903
4)30.03.1893-10.01.1894: генерал-	3.03. 1839	Константи-	- с 1878 л.-гв. 2-	Женат,	Прав	**- ком. 2 гв. ПД – 1897-**

майор фон Мевес Ричард Троянович 1863-1864 гг. (контужен), в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. (ранен и контужен) **В 54 года**	г. - 1901 г.	новский к.к.: в л.-гв. Павловский п.	го стр. бат. - л.-гв. Павловский п. – 1884-1894	4 детей	.	**1899;** - ком. 20 АК – 1899-1901.
5).а)31.01.1894 - ?(в 1899 г. был): генерал-майор Бибиков, Евгений Михайлович б)1863, 1877-78 в)в 54 года	1840 г. - 27.09.1900 г.	ПК (1860, 1 р.: прапорщиком в л.-гв. 4-й стрел-стрелковый бат. Императорской фамилии)	ком. л.-гв. Финляндского п. – 1891-1895	Женат, 2 д.	Прав.	- нач. 2 ГПД; - св. Георгий IV ст.
6).а)16.02.1900-? – г.-м. фон-Лизарх-Кенигк Александр-Владимир Александрович; б)1877-78 в)в 54 года	1846 г.р.	НИУ	ком. л.-гв. резервный пех. п. – 1897-1900	женат, дети	лют.	- ком. 6 ПД - 04.03.1903-08.04.1904
7).а)г.-м. Троцкий Владимир Иоанникиевич - 10.05.1903-21.06.1904 б)1877-78 в)в 56 лет	1847 г.р.	ПК: в л.-гв. Павловский п.	Л.-гв. Павловского п. (16.02.1900-10.05.1903)	Женат, 3 детей	Прав.	- СПб. комендант (25.11.1905-23.03.1914), - член Военного совета (8.04.1916-после 10.07.1916)
8)16.07.1904-?: генерал-майор Елита-	23.08.18	ПК: в л.-гв.	ком. л.-гв. Из-	Женат,	Прав	- ком. 45 ПД – 1907-08

фон-Вольский, Константин Адольфович **В 54 года**	50 г.р.	Финляндский п.	майловского п. - 1900-1904	дочь	.	гг.
9).а)17.11.1907-1913: генерал-майор Свиты Е.И.В. Бакулин Владимир Дмитриевич б)в б/д участия не принимал в)в 50 лет	27.07.1857 г. - 13.04.1913 г.	АВУ: в л.-гв. Преображенский п.	Л.-гв. Стрелковы п. – 1904-1907	Женат, 3 детей	Прав.	- нач. л.-гв. Стрелковой бригады с 1913 г.
10).а)г.-м. Свиты Е.И.В. Дельсаль Петр Алексеевич (19.01.1913-13.04.1913 гг.) б)в б/д участия не принимал в)в 52 года	11.06.1861 г.р.	ПК (1881, в л.-гв. Преображенский п.)	Л.-гв. 2-го стр. бат. (5.10.1905-26.08.1910), л.-гв. 2-го стр. Царскосельск. п. (26.08.1910-19.01.1913)	Женат, 1 сын.	Прав.	- нач. гв. стрелковой бригады (13.04.1913-17.02.1915)
11).а)г.-м. Козлов Владимир Аполлонович (13.04.1913-19.07.1914 гг.) б)1877-78 **в)в 57 лет**	21.03.1856 г. - 14.01.1931 г.	ПВУ 1876 Офицер л.-гв. Семеновского п.	Л.-гв. Финляндский п. - 1907-1913	Женат, дочь	Прав.	-
3-я гв. пехотная дивизия («варшавская»), 1-я бригада						
1).а)04.08.1883-25.01.1884 – г.-м. Панютин Всеволод Фёдорович б)1853-56, 1863-64,	1833 - 1895 Сын г. от инфанте-	ПК (1852, прапорщиком в лейб-гвардии Преображен-	Л.-гв. Кексгольмский гренадерского п. – 1878-1880	Женат, дочь	Прав.	- нач. - 6 ПД – 1890; - нач. 11 ПД – 1890-95

1877-78 (контужен) **в)в 50 лет**	рии	ский п.)				
2).а)г.-м. Курлов Аркадий Никанорович (1885-1887 гг.) б)походы против горцев; 1877-78 **в)в 52 года**	Сын г.-м. флота 1829 - 1888	Частное уч. зав.; на службе	Л.-гв. СПб. гренадерский п. – 1877-1880 гг.	?	Прав.	- св. Георгий IV ст. – 1877 г. -нач. 4 ПД – 1887 г.
3)г.-м. Гребенщиков Яков Александрович (11.08.1885-4.02.1891 г.**)** 1855 **В 52 лет**	1837 - 1907	Полоцкий к.к., Дворянский п., НАГШ (1868, 2 р.)	**л.-гв. Кексгольмский п. – 1887-91 г.**	Женат, 6 (10) детей	Прав.	- ком. 32 ПД (1895-1896); - ком. 4 ПД (1896-26.07.1899); - комендант Ковенской крепости (26.07.1899-5.03.1904); - член ВС (5.03.1904-10.03.1907); - председатель Главного крепостного комитета (7.10.1904-10.01.1907); - член комиссии по рассмотрению дел о сдаче крепости Порт-Артур (1906).
4)04.02.1891-08.02.1895 – г.-м. Вейс Константин Александрович 1863, 1877-78 **В 52 лет**	1839 - 1917	ШГП иКЮ	л.-гв Литовский п. – 1886-1895	Женат, 3 д.	лютер.	- нач. 11 ПД – с 8.02.1895 Г4 – 1879 г.
5).а)г.-м. Резвый, Дмитрий Модестович - 05.04.1895-28.10.1899	1.02.1843 г. - 29.11.1912 г.	НИУ	л.-гв. Кексгольмский п. – 1891-1895 гг.	Женат, 3 д.	Прав.	- 21 ПД (1899-1904); - с 1904 командир 19 АК; - с 1905 член АКР.

б)в Среднеазиатских походах в 1873 и 1876 гг.; 1877-1878 гг. **в)в 52 лет**						
6)22.03.1901-1903 - генерал-майор Аргутинский-Долгоруков, Давид Луарсабович 1863, 1877-78 **В 58 лет**	1843 г.р.	НИУ	л.-гв. Кекс-гольм-ский п. (1895-1900)	женат, 3 д.	арм.-григ.	- 2 бр. 3 ГПД (1900-1901)
7).а)на 01.07.1903-1904 г.-м. Нарбут Василий Александрович б)1877-78 в)в 57 лет	28.12.1846 г.	ПВУ: 1865	Л.-гв. Кекс-гольм-ский п. - 1.02.1900 -1903	Женат, 4 детей	Прав.	- св. Георгий IV ст. – 1878; - ком. 29 ПД - 1904 - янв. 1908;
8)10.01.1905-10.10.1909 – г.-м. Геллунд Виктор Александрович 1877-78 (ран.) **В 52 года**	1853 г.р.	Финл. к.к.: в л.-гв. Литов-ский п.	Л.-гв. 3-й стр. Фин. бат. – 1899-1903; л.-гв. Кекс-гольм-ский п. - 1903-1905		Лю-тер.	Сенатор и член хоз. департ. Импер. Финл. Сената – с 10.10.1909 г.
9)07.11.1909-08.1914 – г.-м. Любарский Константин Андреевич 1877-78	1854 г.	СПб. пех. юнк. уч-ще	Л.-гв. Москов-ский п. – 1907-1909		Прав.	-

В 55 лет						
3-я гв. пехотная дивизия («варшавская»), 2-я бригада						
1)24.11.1880-1885 – г.-м. г.-м. Курлов Аркадий Никанорович Походы против горцев; 1877-78 **В 51 лет**	Сын г.-м. флота 1829 - 1888	Частное уч. зав.; на службе[1]	Л.-гв. СПб. гренадерский п. – 1877-1880 гг.	?	Прав.	Г4 – 1877 г. - ком. 4 ПД – 1887 г.
2)19.04.1887-24.12.1890 – г.-м. Конаржевский Даниил Альбертович Участвовал в Крымской войне 1853-1856 гг., в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. (ранен). **В 56 лет**	1831 - 1898 (?)	1 к.к.: *академию не кончал*	Санкт-Петербургского грен, полка (1880-1887)	Женат, 5 д.	Катол. (СГ 1896 /277)	- ком. 14 ПД с 24.12.1890
3)4.02.1891-15.09.1895 - г.-м. Гребенщиков Яков Александрович 1855 **В 54 лет**	1837 - 1907	Полоцкий к.к., Дворянский п., НАГШ (1868, 2 р.)	Кексгольмского гренадерского п. – 1887-1891	Женат, 6 (10) детей	Прав.	- ком. 32 ПД (1895-1896); - ком. 4 ПД (1896-26.07.1899); - комендант Ковенской крепости (26.07.1899-5.03.1904), Член ВС (5.03.1904-10.03.1907), председатель Главного крепостного комитета (7.10.1904-10.01.1907), член комиссии по рассмотрению дел о сдаче крепости Порт-Артур (1906).
4)г.-м. (с 06.12.1899 генерал-	Из остзе	НУГв. Ю	л.-гв. Санкт-	Женат, 3 детей	Прав	- ком. 39 ПД (8.06.-

[1] Юнкером в 1845 г. в 12-й флот. экипаж Балтийского флота и 23.03.1847 произведён в мичманы; переведен в л.-гв. Волынский п.

лейтенант) Фуллон Иван Александрович - 12.10.1895-08.06.1899 Участвовал в Польском походе 1863 г., 1877-78 **В 51 лет**	йских дворян. 23.07.1844 г. - 1920 г.	(НКВУ в СГ): в 1862 в л.-гв. Преображенский п.)	Петербургского кор. Ф.-В. III п. (с 5.05.1890-1899)	(на 1.07.1908 г.).	.	5.08.1899); - ком. 4 ПД (5.08.1899-9.03.1900); - зачислен в ОКЖ[1] (9.03.1900); -помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части (9.03.1900-12.02.1904); - СПб градоначальник (12.02.1904-11.01.1905), уволен от должности после «кровавого воскресенья» (11.01.1905); - ком. 11 АК (1.06.1905-7.08.1911).
5)3.08.1900-22.03.1901 - генерал-майор Аргутинский-Долгоруков, Давид Луарсабович 1863, 1877-78 **В 57 лет**	1843 г.р.	НИУ	л.-гв. Кексгольмский п. (1895-1900)	женат, 3 д.	арм.-григ.	- ком. 1 бр. 3-й ГПД (1901-1903)
6).а)22.03.1901-07.12.1904 – г.-м. Бутаков Александр Михайлович б)1877-78 Жалование – 1500 р. Столовых – 2700 р. Добавочных – 2200 р. ВСЕГО: 5400 Р.	1851 - 1936	Морск. Учил., НАГШ (1 р.)	ком. л.-гв. СПб. п. – 1899-1901	Холост (на указ отр. времени)	православный	- ком. 7 ПД – 1904-1913 (?) - в 1913 в отставку ген. от инф.

[1] Отдельный корпус жандармов (?)

в)в 50 лет						
7)10.01.1904-? – г.-м. Доможиров Петр Петрович 1877-78 Жалование – 1500 р. Столовых – 2700 р. Добавочных – 2200 р. ВСЕГО: 5400 Р. **В 49 лет**	1855 - 1921 (остался в России)	1 воен. гимн.; ПВУ; НАГШ (2 р.)	л.-гв. Волынского п. – 1900-1905 гг.	Женат (на 1908 г. детей нет)	Прав.	- ком. 9 ПД – 22.04.1907 г. (в 1910 г. в СГ его уже нет (?))
8).а)г.-м. Воронин Степан Александрович - 10.05.1907-25.08.1907 б)в б/д участия не принимал в)в 59 лет	2.08. 1848 г. - после 3.01. 1917 г.	Александровский лицей; эоч: в 1879 г. в л.-гв. Преображенский п.; НАГШ – 1888 (1 р.).	отбывал цензовое командование батальоном в лейб-гвардии Преображенском полку (2.06.-15.08.1900)	Женат, 1 дочь (на 1911, на 1914).	Прав.	- начальник отделения генерал-квартирмейстера ГШ (15.08.1900-30.10.1904); - генерал-квартирмейстер Варшавского ВО (30.10.1904-10.05.1907); - отбывал цензовое командование бригадой в 3 ГПД (10.05.-25.08.1907); - окружной ген.-квартирмейстер Варшавского ВО (25.08.1907-4.12.1908); - ком. 47 резервная ПБ (4.12.1908-11.07.1910), - ком. 23-я ПД (11.07.1910-после 1914)
9)31.08.1908-13.02.1909 – г.-м. Олохов Владимир Аполлонович 1877-78	1857 - 1920; сын ген.-м.	МАУ: в 3 гв. и грен. Арт. бр.; НАГШ (1 р.)	Л.-гв. Литовский п. (1903-08)	Женат, 6 детей (на 1904-после 1909)	Прав.	- ком. 22 ПД (1909-1912 г.); - ком. 1 КПД с 1912 по 1914 г. (вывел на войну) - ком. 23 АК с 28.12.1914. (с 1918 в РККА)

В 51 лет						
10).а)04.03.1909-03.05.1910 – г.-м. Ресин Александр Алексеевич б)1877-78 в)в 52 года	1857-1933	ПВУ; НАГШ (1884 (1 р.))	л.-гв. Кекс-гольмский п. (24.02.1905-4.03.1909)	холост	Прав.	- начальник гвардейской стрелковой бригады (3.05.1910-19.01.1913); - ком. 2 ГПД (19.01.1913-4.11.1914)
11).а)03.05.1910-19.07.1914 – г.-м. Чернавин Всеволод Владимирович б)1877-1878 в)В 51 лет	29.01.1859 г. - 1938 г.	ПВУ 1877	л.-гв. 4-й стр. полк (1906-1910)	Женат, 4 детей.	Прав.	- ком. 58-й ПД - 1914; - ком. 3-й ГПД - 1914; - ком. 2 гв. корпуса (25.08.1917).

Приложение 96. Семейное положение командиров бригад ГКД и ГПД.

		женат		холост	примечания
		семьи с детьми	инфетильные семьи		
1-я гв. КД	1 бр.	5	?	1	по 4-м нет информации
	2 бр.	5	-	6	-
	3 бр. («казачья»)	9	-	-	-
31 чел.		19(?)	?	7(?)	-
2-я гв. КД	1 бр. (14)	11	2	1	-
	2 бр. (16)	11*	4	1	-
отдельная гв. бр. («варшавская») (12)		9	1	2	-
42 чел.		31 (74 %)	7 (17 %)	4	-
1-я гв. ПД	1 бр. (11)	9	2	-	
	2 бр. (9)	6	1	1	По одному нет информации
	20 чел.	15 (75%)	3 (15%)		
2-я гв. ПД	1 бр. (11)	8	2	-	По одному нет информации
	2 бр. (11)	9	1	-	По одному нет информации

	22 чел.	17 (77%)	3 (14%)		
	44 чел.				
3-я гв. ПД	1 бр. (9)	7	-	-	По двум нет информации
	2 бр. (11)	7	1	2	По одному нет информации
	20 чел.	14 (70%)	1 (5%)		
ВСЕГО	62 чел.	74%	11%	-	

Источник: СГС. СПб.:1883, 1886, 1891, 1896, 1899, 1905, 1906, 1914.

Приложение 97. Сведения о числе состоящих ныне на службе в войсках Гвардии и Петербургском военном округе генералов, штаб- и обер-офицеров по данным к 1-му июля 1911 г.

	сословная идентификация			
	дворяне	**купцы**	**мещане**	**крестьяне**
Пехота:				
Русские	1732	134	384	343
Евреи	1	-	4	-
Поляки	94	-	13	11
Немцы	6	-	-	-
Литовцы	8	-	5	2
Татар	-	-	-	1
Армян	7	-	1	-
Грузины	1	-	1	-
Прочие	69	5	29	37
ВСЕГО (2888 чел.):	1918 (66%)	139	437	394
Кавалерия:				
Русские	373	3	2	1
Евреи	2	-	-	-
Поляки	5	-	-	-
Литовцы	-	-	-	-

Татар	4	-	-	-
Армян	-	-	-	-
Грузины	1	-	-	-
Прочие	27	1	-	-
ВСЕГО (419 чел.):	412 (98%)	4	2	1
Артиллерия				
Русские	735	22	22	23
Евреи	-	-	1	-
Поляки	14	-	-	-
Немцы	13	-	2	2
Литовцы	2	-	-	-
Армян	3	-	-	-
Грузины	3	-	-	-
Прочие	24	1	-	4
ВСЕГО (871 чел.):	794 (91%)	23	25	29
Общее количество	3124	166	464	424

Источник: Сведения о числе состоящих ныне на службе в войсках Гвардии и Петербургском военном округе генералов, штаб- и обер-офицеров по данным к 1-му июля 1911 г. Представляется на основании предписания Главного штаба от 28.07.1911 г. за №1645.

Приложение 98. Социальное происхождение жён отдельных представителей высшего российского генералитета.

1) генерал-лейтенант Д.А. Долгов был женат вторым браком на германской подданной П.-А.-И. С. Бовер-де-Сент Клер, придерживающейся католического вероисповедания.[1]

2) генерал-лейтенант Э-Л. Ф. Свидзинский - на М.Б. Бурневич, дочери поме-

[1] РГВИА. Ф.409. Оп.1. П/С 144-681. Л.253.

щика Ковенской губернии.[1]

3) генерал от инфантерии Н.А. Кашталинский - женат вторым браком на М.И. Бек, вдове гражданского инженера.[2]

4) генерал от инфантерии Э.В. Экк - на А.В. Коссинской, дочери генерал-лейтенанта.[3]

5) генерал-лейтенант Ф.М. Вебель - женат вторым браком на разведённой дворянке, урождённой Е. А. Семашко.[4]

6) полковник Т.А. Тер-Осипианц - на дочери бывшего члена Елисаветпольского окружного суда отставного коллежского асессора - О. А. Калантаровой.[5]

7) генерал-майор В.А. Николаев - на Н.М. Кованько, дочери статского советника.[6]

8) генерал-майор Г.И. Тимоченко-Рубан женат на О.А. Корелль, разведённой жене шведского подданного, принявшей православие.[7]

9)генерал-лейтенант Е-Ю. Н. Э. барон фон дер Рооп женат на А.Д. Шимкевич, вдове подполковника.[8]

10)генерал-лейтенант А.И. Мгебров - на Л.Ф. Кирьяновой, дочери поручика.[9]

11)генерал-лейтенант А.С. Вартанов - на Н. М. Сааковой, дочери полковника.

Генерал от кавалерии П.А. Плеве - на В.А. Сухомлиновой, дочери статского советника…[10]

Приложение 99. Формуляр для заполнения для генералов и «старших начальников»

Вопросы	**Ответы**

[1] РГВИА. Ф.409. Оп.2. Д.7702. Л.29.
[2] РГВИА. Ф.409. Оп.1. Ед. хр.18503. Л.467.
[3] Там же. Л.496.
[4] Там же. Л.324.
[5] РГВИА. Ф.409. Оп.2. П/С 129311-365. Л.300.
[6] Там же. Л.143.
[7] Там же. Л.306.
[8] Там же. Л.222.
[9] Там же. Л.115.
[10] РГВИА. Ф.409. П/С 89-784. Л.6.

1. Какими иностранными языками владеет, и в какой мере.	
2. Чей сын. Какой национальности жена.	
3. Имеет ли средства, кроме содержания по службе.	
4. Имеет ли какие-либо вне служебные занятия и какие.	

Источник: РГВИА. Ф. 400. Оп. 10. Ед. хр. 717. Л. 6.

Приложение 100. Список вещей, входящих в домашнюю обстановку полных генералов.

Наименование вещей	Число вещей
Стульев плетёных	8
Стульев мягких кожаных	4
Кресел мягких кожаных	3
Коврик персидский	1
Кушетка	1
Плевательниц из красного дерева	2
Плевательниц ореховых	2
Этажерка	1
Этажерка-шкаф	1
Шкаф с ящиками	1
Письменный стол	1
Шкаф для гардероба	1
Диван	1
Кресел обитых кретоном	2
Стульев для передней	4
Стол с мрамором	1
Зеркало	1
Умывальник	1
Лестница	1
Вазы чугунные	2
Стол ломберный	1
Стол круглый	1
Лампа столовая	1
Портьеры с карнизом	6
Вешалка	1
Атаманка	1
Шкафчики	1
Тумбочка	1
Комод	1
Столик	1
Зеркало туалетное	1
Столик из красного дерева	1
Градусник	1
Ширма	1

Источник: РГВИА. Ф. 372. Оп. 3. Ед. хр. 82. Л. 95-96.

Приложение 101. Список генералов-крупных землевладельцев конца XIX – нач. XX в. в.

Ф.И.О.	Воинское звание, семейное положение.	Учебное заведение, место службы, участие в б/д.	Размер земельного владения в 1900 г. (десяти н земли)	Место в списке крупнейших землевладельцев
1)граф Павел Петрович Шувалов (1847-1902)	Свиты Е.И.В. генерал-майор	СПб.ИУ, Гейдельбергский ун-тет. Служил в л.-гв. Гусарском Его В. п. Командовал л.-гв. Егерским п. Адъютант в.к. Владимира Александровича.	537000	4
2)Пашков Василий Александрович[1] (1831-1901)	Полковник	ПК (имя внесено на мраморную доску). Офицер л.-гв. Кавалергардского п.	425997	6
3)граф Сергей Дмитриевич Шереметьев (1844-)	Полковник	ПК. Офицер л.-гв. Кавалергардского п. 5.10.1868 г. назначен адъютантом к наследнику цесаревичу. Компания 1877-1878 гг. 4.05.1884 г. назначен егермейстером, 1904 – обер-егермейстером.	390390[2]	8
4)князь Белосельский-Белозерский Константин Эсперович (1843-1920)	Генерал-лейтенант, генерал-адъютант	Начал службу в л.-гв. Конном п. Ординарец нач. штаба Гв. Корпуса (с 1877 по 1881 г.)	372748	12

[1] Сын генерала Александра Васильевича Пашкова. После нескольких семейных разделов за отцом Пашкова числилось 2150 душ в Московской, Нижегородской и Оренбургской губ. На Урале в одном из имений был медеплавильный завод (биографии КГ. С.172).

[2] Сын кавалергарда графа Дмитрия Николаевича Шереметьева. «В 11-и губерниях владеет родовыми 235704 дес., благоприобретенными (в 5 губерниях) 8656 дес. и тремя домами в Петербурге и двумя в Москве» (КГ. С.243).

5)князь Юсупов граф Сумароков-Эльстон Феликс Феликсович (1856-1928)	Генерал-лейтенант, генерал-адъютант	Учился в ПК, но не окончил. Э.о.ч. при Чугуевском юнк. уч-ще. Служил в л.-гв. Кавалергардском п. 1904-1908 – командир л.-гв. Кавалергардского п. 1908-1911 – ком. 2-й бриг. 2-й гв. кав. дивизии. Главный начальник Московского ВО (май-июль 1915 г.)	246400	17
6)князь Александр Владимирович Барятинский (1870-1910)	Свиты Е.И.В. генерал-майор	ПК. Корнет л.-гв. Кавалергардского п. 1883-1884 – командир л.-гв. Конного п.[1]	186587	22
7)граф А.А. Стенбок-Фермор (1835-1916).	Генерал-лейтенант.	Служил в л.-гв. Гусарском полку. Шталмейстер императорского двора. Компании 1853-1856 г., 1877-1878 г.	164530	25
8)граф Мусин-Пушкин Александр Иванович-I (1827-1903)	Генерал от кавалерии, генерал-адъютант	ПК, выпущен корнетом л.-гв. Кавалергардского п. Командир л.-гв. Кавалергардского полка - 1866-73 гг. Командир 1-й и 2-й гв. кав. дивизий. Командующий войсками Одесского ВО - 1890-1903 гг. В 1896 г. назначен шефом 4 эскадрона кавалергардов. Компании 1849 г., 1853-1856 г. (КГ, С.157-158)	131761	28
9)Дурново Петр Павлович (1835-1918)	Генерал от инфанте-	ПК, НАГШ. Вступил в службу в л.-гв. Кавалергардский п. Харь-	123600	32

[1] Сын кавалергарда князя Владимира Ивановича Барятинского. (см. Список биографий кавалергардов… - С.253-254).

	рии, генерал-адъютант	ковский и Московский ген.-губернатор, управляющий Департамента уделов, член ГС.		
10)Бобянский Александр Фомич, (1853- ; поляк, католик).	Генерал-лейтенант	Константиновское в. у. и Военно-Юридическая академия. Военный судья Петербуржского военно-окружного суда.[1]	110165	36

[1] СГС. СПб., 1899. С.1002.